

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176.25

Recd. Jan. 1895.

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

3 Dec. — 29 Dec. 1894.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 11.

НОЯБРЬ, 1894.

6

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1894.

Стр.

I. — ВЕСЕННИИ ИЛЛЮЗИИ. — Иовель. — XXVI-XXIX. — Окончание. — В. Дмитриевой . . .	5
II. — РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ въ Северо-Американскихъ Соед. Штатахъ. — XI-XIV. — Окончание. — П. А. Тверского	41
III. — ИСПОДНИТЬ ТѢНЬ въ исторіи яковинцевъ. — III. — В. Н. Герье	117
IV. — ЗАЛОЖНИКЪ. — The Bondman, by Hall Cairne. — XXII-XXV. — А. Б-г	159
V. — РОССИЯ В АНГЛІИ въ началѣ XIX-го столѣтія. — IV. — Ф. Ф. Мартенеа	186
VI. — СТИХОТВОРЕНІЯ. — Монтепо. — Сайма въ бурю. — Вл. С. Соловьева	224
VII. — ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ. — 1854-1894 г. — I-VIII. — В. Черевкова	227
VIII. — ПОСЛѢДНІЯ ВРЕМЕНА МОСКОВСКОЙ РОССИИ. — II. Слѣдствіе Медвѣдѣвъ и латинская часть. Патриархъ Іоакимъ. Св. Димитрій Ростовскій. — А. Н. Пилипа	275
IX. — СТИХОТВОРЕНІЯ. — I-II. — Л. Медвѣдева	324
X. — ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ. — I-II. — Л. З. Словинскаго	326
XI. — ПРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ, КАКЪ САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ НАУКА. — I-V. — Вл. С. Соловьева	345
XII. — ХРОНИКА. — По поводу квартирнаго налѣга. — П. С-кій	366
XIII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Болѣзнь Государя Императора. — Пересмотръ положеній 19 февраля 1861 г. — Нѣтъмлія губернскаго совѣщанія, въ сравненіи съ прежними губернскими комитетами. — Составъ сельскихъ и волостныхъ сходствъ. — Избраніе или назначеніе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія. — Новый уставъ лечебныхъ заведеній. — Земство и губернскаго селенно-хозяйственные комитеты. — Земскій начальникъ и предводитель дворянства pro domo sua	376
XIV. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Отставка графа Каурива и ея значеніе. — Новый германскій канцлеръ. — Бельгійская избирательная реформа и ея результаты. — Письмо въ редакцію изъ Бѣлграда о сербскихъ дѣлахъ	400
XV. — ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Собраніе сочиненій В. В. Стасова, три тома, и рисунки къ нему. — Н. Майковъ, Историко-литературные очерки. — В. И. Семеновъ, Забитый путь изъ Европы въ Сибирь. — Стихотворенія А. Н. Плещеева, 2-е изд. — Г. — А. П. Федорова, Данте Алигieri: Обновленная жизнь; Божественная Комедія — Адъ, Чистилище и Рай. — А. С. — Новая книга и брошюры	415
XVI. — НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. R. Kipling, The Jungle Book. — II. St. Brooke, Tompuzon, his art and relation to modern life. — З. В.	434
XVII. — ЗАМѢТКА. — Вліяніе грамотности на производительность труда въ Америкѣ. — По официальнымъ документамъ. — Ек. Н. Явужъ	451
XVIII. — ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Высочайшіе манифесты 20 и 21 октября о кончинѣ Государя Императора Александра III, о вступленіи на престолъ Государя Императора Николая Александровича, и о св. миропомазаніи Е. И. В. Государыни Великой Княгини Александры Феодоровны. — Положеніе о женскомъ медицинскомъ институтѣ въ г. Петербургѣ. — Пожертвованіе П. М. Сибирякова. — Вопросъ о платѣ за леченіе и за ученіе. — Раскольническій бракъ и двоеженство	461
XIX. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Финляндія въ XIX столѣтіи, ч. 3. Топекуса. — Къ вопросу о будущемъ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, В. Палузова. — Сборникъ правопреданій и обществ. знаній, т. III. — Краткое изложеніе политической экономіи, А. Карелина. — Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, Д. Морела. — Собраніе повѣстей и разсказовъ Ф. Студли. — Сочиненія А. Лугового, три тома.	
XX. — ОБЪЯВЛЕНІЯ — I-XVI стр.	

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

№ LVIII. — ТОМЪ XXXIV. — 1/12 НОЯБРЯ, 1894.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕМИДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1894

$674 \frac{56}{2} = 137.84$
~~Slav 30.2~~

1894, Dec. 3 — Dec. 29.
P Slav 176.25 Sever found.

(2258)

ВЕСЕННІЯ ИЛЛЮЗІИ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XXVI *).

Въ мастерской Селищева темно и мрачно. Занавѣсы спущены, двери заперты, картина задвинута въ уголъ и окутана покрываломъ, точно привидѣніе бѣлыя въ сумракѣ. И на душѣ Селищева темно и пусто... Онъ не работаетъ; онъ лежитъ, забившись въ самый темный уголъ, и думаетъ, думаетъ...

Выйдя вчера отъ Зміевскихъ въ опьяненіи восторга—на улицѣ, подъ проливнымъ дождемъ, онъ скоро опомнился и самъ ужаснулся тому, что сдѣлалъ сейчасъ. „Боже мой, да что же это?—проговорилъ онъ вслухъ, останавливаясь и схватывая себя за голову. — Вѣдь теперь уже все кончено, возврата нѣтъ... А люблю ли я ее?..“

И такъ же, какъ тогда, на берегу Невы, у подножія безмолвныхъ сфинисовъ, онъ съ болью и стыдомъ въ душѣ долженъ былъ сказать себѣ: „нѣтъ и нѣтъ“... Но тогда ему еще можно было вернуться, уйти; тогда онъ въ-время сказалъ себѣ: „назадъ!“—а теперь?.. Что же дѣлать теперь? Продолжать играть комедію? Явиться туда женихомъ, лгать, разыгрывать изъ себя влюбленного, когда на душѣ нѣтъ ничего, кромѣ старческаго холода? Жениться и каждую минуту видѣть, какъ около тебя вянетъ и страдаетъ юное существо, которому взаимнѣ любви и молодости

*) См. выше: октябрь, стр. 618.

ты можешь только дать ядъ своей больной души? Нѣтъ, нѣтъ... Но что же дѣлать?

И ему вдругъ вспомнилась полуосвѣщенная комната, зеленые листья пальмъ, блѣдное взволнованное личико, доверчиво склонившееся къ нему, прекрасные, полные любви глаза, обѣщавшіе такъ много-много... Бѣдная дѣвочка,—она готова была отдать ему всю свою жизнь, а онъ такъ жестоко разбивалъ ей сердце. Селищевъ порывисто вернулся назадъ и почти побѣжалъ,—ему пришло безумное желаніе вернуться, броситься передъ Ганей на колѣни и сказать ей все. Но простить ли она его? Какъ она взглянетъ на него, что скажетъ?

Нѣтъ, онъ не силахъ сдѣлать это прямо и честно. Онъ не вынесетъ ея взгляда и сойдетъ съ ума. Вѣдь это значить убивать собственными руками... Селищевъ съ холодомъ въ сердцѣ представлялъ себѣ лицо Гани, ея глаза, полные ужаса и, можетъ быть, презрѣнія къ нему... нѣтъ, лучше бѣжать, бѣжать скорѣе домой, забиться въ уголъ, какъ издыхающее животное, чтобы тебя никто не видѣлъ, никто не мѣшалъ твоей мучительной агоніи.

Селищевъ снова бросился на Невскій, взялъ перваго попавшагося извозчика и велѣлъ какъ можно скорѣе ѣхать домой. Экипажъ запрыгалъ по скользкимъ камнямъ; электрическій свѣтъ потоками разливался кругомъ, до боли раздражая нервы. Селищевъ торопилъ извозчика, желая быстрой ѣздой успокоить свое мучительно нившее сердце; но ни тряска, ни непрерывныя мельканія огней и тѣней не могли отвлечь его мысли отъ того, что осталось тамъ, позади. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе росло въ немъ нетерпѣніе,—ему хотѣлось какъ можно скорѣе пріѣхать домой и сейчасъ же написать Ганѣ письмо, чтобы такимъ образомъ отрѣзать себѣ всѣ пути назадъ, чтобы все оборвать и покончить сразу.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Не раздѣваясь, даже не присаживаясь, онъ торопливо написалъ нѣсколько строкъ, вложилъ въ конвертъ и послалъ слугу бросить письмо сейчасъ же въ ящикъ. Послѣ этого ему какъ будто стало легче. Онъ, не зажигая огня, легъ на кушетку и впалъ въ оцѣпенѣніе. Онъ не спалъ, но и не бодрствовалъ; безсвязныя, оборванные мысли блуждали въ мозгу; иногда набѣгала легкая дремота, и тогда чудились какіе-то звуки, слова, лица, когда-то знакомыя, милыя, а теперь давно забытыя, схороненныя во мракѣ прошлаго. Эти блѣдныя тѣни подходили къ нему, глядѣли на него съ упрекомъ, что-то шептали—и снова исчезали, словно легкія тучки на небѣ. Боже мой, сколько бы-

ваетъ пережито, выстрадано, — и все проходить, все забывается, и самъ, стоя на заросшей могилѣ, на которой когда-то отчаянно рыдалъ, удивляешься тому, что было, удивляешься, какъ могъ пережить такое горе, такія страданія, которые казались непременными? А теперь? Теперь въ душѣ холодъ, иногда тихая печаль или сожалѣніе о себѣ — и ничего, ничего больше...

Селищевъ холодно и сонно прислушивался къ голосамъ прошлаго, вглядывался въ мелькавшія передъ нимъ тѣни, когда-то живыя, яркія, вносившія въ его жизнь цѣлую бурю тревогъ, слезъ, проклятій, а теперь тусклыя и затертые новыми впечатлѣніями. Но вдругъ онъ вздрогнулъ и приподнялся на кушеткѣ; изъ блѣдной вереницы тѣней отдѣлилась одна и близко подошла къ нему и заглянула ему въ лицо своими мертвыми глазами. Часто являлась она Селищеву и тревожила его душу въ самыя свѣтлыя минуты его жизни. Одну ее онъ никогда не могъ забыть, а между тѣмъ она не была ни красавицей, ни свѣтскою дамой, ни причудливою артисткой. Она была простая бѣдная дѣвушка, — за то только она одна истинно его любила и даже отдала свою жизнь за любовь.

Ему было тогда 25 лѣтъ. Онъ не былъ еще творцомъ Бѣды, значить, не былъ еще знаменитостью и жилъ въ грязной мансардѣ по 17-й линіи. Онъ тогда только-что задумалъ писать на медаль свою первую большую картину изъ средневѣковой жизни: „Колдунья“, и искалъ натурщицу. Къ нему ходило много натурщицъ предлагать свои услуги, но ни одна ему не нравилась; наконецъ, онъ остановился на одной. Звали ее Катей; она тоже не нравилась Селищеву, но онъ былъ пораженъ ея худобой, ея неприкрытой бѣдностью, и изъ жалости взялъ ее. Въ первый же сеансъ онъ обласкалъ ее, напоилъ чаемъ, угостилъ папиросами, но она долго дичилась, смотрѣла звѣреомъ и на его вопросы отвѣчала грубо и отрывисто. Во второе свиданіе она немножко разогрѣлась, просвѣтлѣла и разговорилась. Селищевъ узналъ ея грустную исторію. Она была сирота и старшая въ семьѣ; отецъ ея, чиновникъ, умеръ, не выслуживъ пенсіи, и оставилъ семью въ страшной нищетѣ; за нимъ вскорѣ послѣдовала и мать; Катя осталась одна, съ маленькими братьями и сестрой на рукахъ. Ей пришлось много вынести, прежде чѣмъ кое-какъ устроиться. Теперь братья всѣ были пристроены по разнымъ мастерскимъ; сестру помогли отдать въ театральное училище, потому что она была бойкая и хорошенькая. Сама Катя не была хорошенькая; у нея были хотя правильныя, но черезъ-чуръ рѣзкія черты лица; темныя глаза глядѣли для женщины слишкомъ смѣло и рѣшительно.

Эта-то опредѣленность выраженія и особенно чистота и законченность линий, точно высѣченныхъ рѣзцомъ, дѣлали ее хорошею „натурой“ и весьма цѣнились начинающими художниками. Катя начинала входить въ моду и, вѣроятно, сдѣлала бы свою карьеру, еслибы была похожа на своихъ подругъ по профессіи. Но судьба ее сложилась иначе.

Катя стала ходить къ Селищеву каждый день. Иногда ему не работалось, но она все-таки оставалась, садилась гдѣ-нибудь въ уголку, закуривала папирску и такъ просиживала часъ или два совершенно молча. Селищевъ что-нибудь читалъ или шагаль изъ угла въ уголъ, а она курила и смотрѣла на него своими большими мрачными глазами. Сначала Селищевъ не обращалъ на нее вниманія, потомъ сталъ изрѣдка разговаривать. Оказалось, что Катя очень много читала, много думала, но взглядъ на все былъ у нея отчаянно мрачный, съ отгѣнкомъ человѣконенавистничества. Въ міръ она видѣла только одно зло, не вѣрила въ правду, въ братскую любовь, въ существованіе хорошихъ, добрыхъ людей. Слушая ее злые, мрачныя рѣчи, Селищевъ чувствовалъ, что его морозъ подираетъ по кожѣ. Ея манера говорить также его корбила; голосъ у нея былъ глухой, монотонный, выраженія рѣзкія, грубыя; губы во время разговора у нея нервно подергивались. По временамъ она становилась ему противна ужасно, до физической боли, и у него являлось желаніе ее прогнать. А иногда онъ думалъ о ней, и сердце его сжималось отъ жалости.

Въ томъ кружкѣ, гдѣ жилъ тогда Селищевъ, отношенія между мужчинами и женщинами были крайне просты и до цинизма откровенны. Натурщицы были податливы, а молодые художники относились къ нимъ легко. Покормить, угостить пивомъ, папирсами, подарить какое-нибудь колечко на память—и затѣмъ расходятся, какъ будто и не встрѣчались никогда. Вотъ о такихъ-то отношеніяхъ и разговаривали часто Селищевъ и Катя. Она ужасно возмущалась этимъ и увѣряла, что сама еще никого не любила, да и не хочетъ любить, а если и полюбитъ, то на другой же день отравится. Селищевъ подсмѣивался надъ нею, но ея скептическія рѣчи начали его задѣвать. Онъ сталъ разузнавать о Катѣ у товарищей и узналъ, что дѣйствительно Катя слыветъ между художниками за „недотрогу“, и до сихъ поръ никто не зналъ, была ли у нея когда-нибудь связь, или нѣтъ. Даже подруги не могли сказать о ней ничего дурного, и ея незапятнанная репутація была у нихъ бѣльмомъ на глазу. Это еще больше заинтересовало Селищева, и ему вдругъ захотѣлось во что бы то ни стало сдѣлать Катю своей любовницей. Однажды онъ высказалъ

это вслухъ, при товарищахъ, но молодежь подняла его на смѣхъ и утѣрала, что Катя выпарапаетъ ему глаза при первой попыткѣ ее поцѣловать. „Посмотримъ!“—сказалъ раздраженно Селищевъ и самъ не замѣтилъ, какъ втянулся въ опасную игру.

Онъ сталъ съ Катей мягче и ласковѣе, часто оставлялъ ее послѣ сеанса посидѣть, расспрашивалъ ее, и бесѣды ихъ нерѣдко затягивались часовъ до двухъ, до трехъ ночи. Иногда онъ предлагалъ проводить ее домой, но Катя упорно отказывалась и убижала одна.

— Неужели вы не боитесь?—спрашивалъ ее Селищевъ.

Катя отрицательно качала головой.

— И меня не боитесь?—шутя продолжалъ Селищевъ.

— Я никого не боюсь,—рѣшительно и твердо отвѣчала Катя.

Картина была кончена, принята, но совершенно незамѣчена публикой. Селищевъ заскучалъ и цѣлые дни просиживалъ дома, нигуда не показываясь. Въ одну изъ такихъ мрачныхъ минутъ къ нему зашла Катя. Селищевъ сначала дулся и молчалъ, потомъ разговорился, сталъ бранить академію, профессоровъ, публику, самого себя, жаловался на неудачи, на тоску, на свое безсиліе... Катя слушала, не сводя съ него глазъ, потомъ вдругъ порывисто подошла къ нему и погладила его по головѣ. Селищевъ вздрогнулъ, взглянулъ ей въ лицо и, схвативъ ее за руки, сталъ крѣпко цѣловать.

Когда она ушла отъ него, Селищеву стало противно и стыдно. Онъ упрекалъ себя. „Ну зачѣмъ, зачѣмъ я это сдѣлалъ? Вѣдь не люблю же я ее“... „Но вѣдь и всѣ такъ дѣлаютъ, шепталъ ему другой голосъ. Вѣдь не ты одинъ. Да и она—развѣ она-то любить тебя? Такъ, просто порывъ... не любила никого, взгрустнулось,—вотъ и все“. Такъ онъ успокаивалъ себя, но на душѣ у него было тяжело и смутно, точно онъ совершилъ преступленіе. И ему все мерещились черные глаза ея, блѣдныя дрожащія губы и послѣднія слова, сказанныя ею при прощаньи: „конецъ мой пришелъ... какъ полюблю, такъ и смерть“...

Катя по прежнему приходила каждый день, убирала Селищеву комнату, растирала краски, мыла кисти или смирно сидѣла у окна и молча смотрѣла на него, когда онъ работалъ. Селищевъ злился на нее, но она была неизмѣнно нѣжна, ласкова и совсѣмъ перестала браниться. По временамъ ея присутствіе было до того невыносимо Селищеву, что онъ становился съ нею грубъ и безцеремоненъ. Она выносила это молча, покорно,—только развѣ взглянетъ на него грустнымъ-грустнымъ взглядомъ. На мгно-

веніе Селищеву сдѣлается стыдно, но потомъ онъ становился еще грубѣе и злѣе.

Такъ прошло около мѣсяца. Связь Селищева и Кати была уже всѣмъ извѣстна. Товарищи подсмѣивались надъ ними; натурщицы не давали Катѣ прохода своими насмѣшками и шуточками. Ея паденіе какъ будто удовлетворило ихъ,—теперь она была такая же, какъ и онѣ, и несчастныя дѣвушки мстили ей за то, что она столько времени была лучше ихъ. Катя относилась къ ихъ насмѣшкамъ равнодушно, но Селищева это начало раздражать, и онъ срывалъ свою злость на Катѣ.

— Неужели тебѣ не все равно, что о насъ говорятъ?—спрашивалъ онъ Катю.

— А пусть ихъ говорятъ!—отвѣчала Катя рѣшительно.—Вѣдь намъ отъ этого хуже не будетъ.

Но Селищевъ не такъ думалъ. Ему началъ надобѣдать этотъ „подпольный романъ“, какъ онъ называлъ свою связь съ Катей. И вотъ однажды, возвратившись домой злой и раздраженный, онъ не выдержалъ. Катя ждала его съ самоваромъ и предложила ему чаю, но онъ наотрѣвъ отказался и, рассказывая по комнатѣ, спросилъ ее: „скоро ли все это кончится?“

— Что?—съ удивленіемъ и испугомъ спросила Катя.

— Да вотъ это... эти телячьи нѣжности!—продолжалъ Селищевъ.—Ну, къ чему ты здѣсь постоянно торчишь? Ужъ не говоря о томъ, что я, благодаря тебѣ, сдѣлался всеобщимъ посмѣшищемъ,—мнѣ просто хочется иногда побыть одному. Такъ нѣтъ же, прихожу домой, хочу отдохнуть, и ты, ты вѣчно передъ глазами. Это, наконецъ, невыносимо; я съума сойду!

— Такъ ты бы давно сказалъ,—кратко сказала Катя, вставая.—Я уйду...

Селищеву на минуту стало ее жаль. Но, взглянувъ на нее, онъ снова почувствовалъ приливъ злобы и отвращенія.

— Да, да, уходи пожалуйста!—торопливо заговорилъ онъ.—Уходи... и я даже прошу тебя... больше не приходи ко мнѣ. Ты мнѣ больше не нужна, понимаешь? Мнѣ это надобно... Вѣдь не серьезно же это было, я думаю? И не вѣчно же нѣжничать? Поиграли, и будетъ; ты не маленькая, надѣюсь, можешь это понять. А если тебѣ нужны деньги будутъ, можешь придти и сказать, но только безъ нѣжностей, безъ нѣжностей пожалуйста!

Все это онъ выговорилъ залпомъ, точно боясь упустить минуту, боясь быть непонятымъ. Но Катя все поняла. Она поблѣднѣла какъ полотно; въ глазахъ ея выразился смертельный ужасъ, и, ни слова не говоря, она вышла изъ комнаты.

Селищевъ сейчасъ же одумался и раскаялся въ своихъ жестокихъ словахъ. Онъ бросился-было за ней, отворилъ дверь, и вернулся. „Нѣтъ, пусть будетъ, что будетъ. Вѣдь надо же было когда-нибудь кончить это. Такъ лучше теперь, чѣмъ послѣ“.

И онъ, почти успокоенный, точно сваливъ съ себя громадную тяжесть, легъ на кровать и попробовалъ заснуть. Но ему не спалось; самоваръ тихонько гудѣлъ; на столѣ стояла недопитая чашка чаю, забытыя Катины перчатки лежали на стулѣ. Неопредѣленная тревога овладѣла Селищевымъ; ему все чудилось, что въ комнатѣ кто-то есть, что вотъ-вотъ отворится дверь и войдетъ Катя. Онъ отвѣтъ быть одинъ; ему стало жутко въ опустѣвшей комнатѣ, гдѣ все еще такъ живо напоминало Катю. Онъ всталъ, прикрылъ самоваръ, спряталъ перчатки и ушелъ. Долго бродилъ онъ по улицамъ и вернулся домой поздно. Въ комнатѣ было по-прежнему тихо и пусто. Но теперь это уже не тяготило его. Онъ почувствовалъ себя свободнымъ, несвязаннымъ; на душѣ у него стало легко и спокойно. Слава Богу, все кончено... онъ опять одинъ, опять можетъ дѣлать все, что хочетъ,—а завтра за работу! И съ этой мыслью Селищевъ заснулъ.

Онъ спалъ долго и крѣпко. Но на разсвѣтѣ его точно разбудилъ кто-то. Селищевъ вскочилъ и оглядѣлся,—никого не было, а между тѣмъ ему показалось, онъ ясно слышалъ, что кто-то входилъ въ комнату и шепнулъ ему на ухо: „вставай!“ И ему вдругъ вспомнилась Катя и его жестокой съ нею поступокъ. Но онъ отогналъ отъ себя это назойливое и непріятное воспоминаніе. „Ну что такое я сдѣлалъ?—говорилъ онъ себѣ.—Честно и прямо порвалъ съ женщиной, которую не любилъ? Не лгать же и притворяться!“ А на душѣ все-таки скребло. Онъ попробовалъ работать и нѣсколько разсѣялся. Въ 12 часовъ у дверей позвонили. Селищевъ вдрогнулъ и чего-то испугался. Ему подумалось, что пришла Катя, и онъ долго, самъ не зная отчего, не рѣшался отворить дверь. Но это была не Катя,—сердитый посыльный сунулъ ему письмо и торопливо ушелъ. Селищевъ дрожащими руками распечаталъ конвертъ и прочелъ: „Приходите скорѣе—Катя отравилась“... „Такъ вотъ оно что!—проговорилъ Селищевъ, бессмысленно глядя на письмо.—Такъ вотъ что“... И, машинально одѣвшись, онъ пошелъ изъ дому.

До сихъ поръ ему ни разу не приходилось быть у Кати, хотя она часто его къ себѣ звала. Но онъ не разъ ее провожалъ и зналъ, гдѣ она жила. Войдя въ ворота стараго, гнилого дома, онъ увидѣлъ на дворѣ вучку народа; тутъ же стояло двое городскихъ. Когда онъ приблизился—въ толпѣ кто-то довольно

громко сказалъ: „это ейный!“ А другой рѣзкій женскій голосъ прибавилъ: „много изъ-за ихняго брата нашей сестры пропадетъ!“

Эти громко сказанныя замѣчанія привели Селищева въ себя. Онъ оглядѣлся, и чувство досады на себя, отвращенія къ окружающему охватило его. Эти любопытные взгляды, эта грязь и бѣдность кругомъ были такъ грубы и такъ непріятно ударили его по нервамъ. Онъ хотѣлъ-было уйти, но къ нему подошелъ полицейскій и вѣжливо пригласилъ его войти. И сознаніе собственной воли снова исчезло въ Селищевѣ,—онъ покорно пошелъ за полицейскимъ.

Душный, спертый воздухъ, пропитанный смѣшаннымъ запахомъ горѣлаго цикорія, мовраго бѣлья и жаренаго луку, ударили ему въ носъ, когда они вошли. Къ этому запаху примѣшивался еще какой-то особый, знакомый и отвратительный запахъ фосфорныхъ спичекъ. Этого запаха до сихъ поръ Селищевъ не могъ слышать равнодушно. Въ темной маленькой комнатѣ было людно и тѣсно. На полу валялись какіе-то узлы; за столомъ сидѣли люди и что-то писали, спрашивали. Чей-то громкій голосъ спросилъ: „когда?“ Кто-то всхлипывалъ и сморкался. Селищева тоже подвели къ столу, и онъ увидѣлъ передъ собою пристава и двухъ околоточныхъ—постарше и помоложе. „Фу, какая гадость, какая пошлость!—подумалъ съ омерзѣніемъ Селищевъ. Неужели нельзя было какъ-нибудь иначе?“... Въ эту минуту къ нему обратился приставъ и сталъ разспрашивать, кто онъ такой, давно ли былъ знакомъ съ покойницей и т. д.; при чемъ околоточный постарше почему-то глядѣлъ на него очень строго, а молодой, напротивъ, двусмысленно улыбался и даже какъ будто подмигивалъ Селищеву—знаемъ мы, молъ, васъ! Наконецъ, эта унижительная и гадкая процедура кончилась, и Селищевъ, весь дрожа отъ негодованія, отошелъ отъ стола. Къ нему подошла молоденькая плачущая дѣвушка—сестра Кати—и повела въ другую комнату. Тамъ Селищевъ увидѣлъ Катю. Она лежала на койкѣ, подогнувъ подъ себя одну руку, а другою судорожно вдѣвнившись въ подушку. Ея лицо уже потемнѣло и застыло; черные глаза были широко открыты и смотрѣли на Селищева съ тѣмъ же выраженіемъ ужаса, какъ и вчера, когда она отъ него уходила.

Селищевъ не выдержалъ... Онъ позабылъ о полицейскомъ допросѣ, позабылъ о любопытныхъ взглядахъ и обо всей этой неприглядной, неизящной обстановкѣ. Онъ упалъ на койки передъ Катей, схватилъ ея оцѣпенѣвшую руку и, рыдая, шепталъ:

„прости меня, прости“... И тутъ ему казалось, что онъ страстно любилъ Катю, что онъ все потерялъ въ ней и никогда ее не забудетъ, никогда не утѣшится...

Катю хоронили черезъ два дня. Селищевъ устроилъ ей приличные похороны; было много цвѣтовъ, и весь гробъ былъ усыпанъ розами. Это немножко походило на иронію... но ироніи никто не замѣтилъ. Напротивъ, всѣ Катинны подружки, бывшія у нея на похоронахъ, завидовали ей, а товарищи Селищева всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что онъ поступилъ „благородно“.

Селищевъ долго тосковалъ и терзался. Призракъ погибшей дѣвушки часто тревожилъ его по ночамъ; вспоминались ему—последнее свиданіе съ ней, ея взглядъ, ея слова: „какъ люблю—такъ смерть!“ Вотъ кто меня любилъ!—говорилъ Селищевъ себѣ. Но мало-по-малу воспоминаніе о Катѣ стало блѣднѣть и расплываться въ вихрь новыхъ впечатлѣній. Сначала Бѣда... потомъ колоссальный успѣхъ... богатство, слава... новая любовь,—и бѣдная, простая натурщица была забыта. Только изрѣдка, въ особенно мучительныя минуты душевнаго разлада и горькихъ разочарованій, ея трагическій образъ являлся передъ нимъ и съ уворомъ глядѣлъ ему въ глаза напоминая ему о загубленной имъ жизни. Боже, сколько жизней губить и давить человѣкъ на своемъ пути,—губить глупо, бессмысленно, почти не замѣчая этого, точно вознѣвку подъ ногами! Затѣмъ?..

Былъ давно уже день, когда Селищевъ вышелъ изъ своего забытья. Ему стало холодно. Онъ позвалъ служителя, велѣлъ затопить каминъ, потомъ вышелъ въ мастерскую и отдернулъ завѣсы. На него глянулъ плачущій день; Нева была задернута туманомъ. И на душѣ у него былъ туманъ и холодъ. А между тѣмъ все здѣсь такъ живо напоминало недавнія мечты, надежды и ее. Вотъ и его начатая картина... Селищевъ порывисто сдернулъ съ нея покрывало—весна юная, лучезарная, прекрасная улыбалась ему съ полотна. Но не для него пришла эта весна, не для него будетъ она цвѣсти и улыбаться. Въ послѣдній разъ мелькнула она передъ нимъ съ своимъ блескомъ и вѣчной красой, мелькнула и исчезла навсегда. Теперь ждетъ его одинокая старость и медленное умираніе,—ничего больше, ни одного луча.

Селищевъ понялъ это и, рыдая, упалъ передъ картиной. „Прощай, молодость... Это моя послѣдняя весна, послѣдняя картина и послѣдняя любовь! Кончено все... кончена жизнь“...

XXVII.

Хотынцевъ все писалъ и писалъ, и все такъ же мелькали передъ нимъ чистыя страницы, а за спиной слышался ироническій смѣхъ и бряцаніе цѣпей. Этотъ смѣхъ былъ ему теперь ненавистенъ и невыносимъ; Хотынцева мучило созданіе собственнаго воображенія, и онъ жалобно упрашивалъ Маринина уйти, исчезнуть и дать ему спокойно умереть. Но злобный призракъ не уходилъ и продолжалъ доказывать своей жертвѣ, что жить не стоило, что міръ не будетъ счастливѣе оттого, что послѣ смерти какого-то Хотынцева останется нѣсколько томовъ печатной бумаги, и что лучше было бы жить какъ всѣ, не взваливая себѣ на плечи непосильной тяги.

А между тѣмъ, въ то время какъ Хотынцевъ велъ нескончаемый споръ съ призраками своего умирающаго воображенія—мимо него шла обычная жизнь съ ея громкими голосами и кропотливою суетней. Такъ же люди ѣли, пили, разговаривали; въ обычное время приходилъ почтальонъ и приносилъ письма и газеты; дѣти возились и шумѣли; посѣтителы звонили у дверей. Какъ только вѣсть о тяжелой болѣзни Хотынцева разнеслась по городу, квартира его съ утра до ночи осаждалась посѣтителями. Приходили знакомые литераторы-сотрудники, студенты, барышни,—всѣ эти невѣдомые читатели, о существованіи которыхъ писатель и не подозрѣваетъ, но которые его знаютъ, читаютъ, любятъ, и если не всегда откликаются на его страстный призывъ, пока онъ живъ, то всегда являются гурьбой провожать его въ могилу. Прибѣжалъ даже Пыхтѣевъ, но его не приняли, и онъ ушелъ обиженный, а еще болѣе раздосадованный тѣмъ, что исчезъ предлогъ описать въ яркихъ краскахъ посѣщеніе умирающаго, обстановку, жену, „убитую горемъ“, заплаканныя личики дѣтей и т. д. Онъ уже заранѣе придумалъ всѣ эти жалкія слова и рассчитывалъ содрать съ издателя приличный гонораръ—и вдругъ такая неудача! Впрочемъ онъ скоро утѣшился тѣмъ, что по крайней мѣрѣ ему удастся описать похороны Хотынцева, и въ умѣ его сейчасъ же стали складываться шаблонныя фразы будущей газетной замѣтки.

Для Серафимы Александровны всѣ эти визиты и разпросы были страшно тяжелы и утомительны. Къ вечеру она такъ уставала, что ноги у нея подвѣшивались и въ глазахъ темнѣло. А впереди еще предстояла бессонная ночь, а завтра опять звонки, опять надо идти въ мясную, стирать, кормить дѣтей—и ждать,

мучительно ждать страшной минуты... Не будь Розы Абрамовны — Хотынцева не знала бы, что дѣлать. Но Роза Абрамовна, точно благодѣтельная фея, поспѣвала вездѣ. Обѣдъ во-время поспѣвалъ, дѣти были накормлены и смирно играли въ уголку, въ квартирѣ царилъ порядокъ.

Наступили сумерки. Роза Абрамовна отворила окно и смотрѣла внизъ, на дворъ, откуда слышались звонкіе голоса, шаги и смѣхъ. Серафима Александровна, съ осунувшимся лицомъ и страшно большими глазами, сидѣла, кормила ребенка и безпрестанно вздрагивала, прислушиваясь къ малѣйшему пороку въ кабинетѣ.

— Вонъ Талыгинъ съ Орѣшниковымъ идутъ,—сказала Роза Абрамовна и пошла отворять дверь.

Молодые люди вошли съ такимъ видомъ, который ясно показывалъ, что что-то такое случилось. У Орѣшникова лицо было смущенное и растерянное, а Талыгинъ поглядывалъ на него проницательно.

— Что это съ вами, Орѣшниковъ?—спросила Роза Абрамовна.

— Несчастье, господа!—убитымъ голосомъ произнесъ Викторъ Сергѣичъ.—Газету не разрѣшили...

Роза Абрамовна махнула рукой, а Талыгинъ проворчалъ насмѣшливо.

— И очень радъ! Все равно, никакого толку изъ вашей газеты не вышло бы.

— Отстаньте вы отъ меня!—ожесточенно прошепталъ Орѣшниковъ.—Все равно, за вами я никогда не пойду и грубую силу отрицаю.

— Ну и отрицайте себѣ, чортъ съ вами!

— Да-съ, отрицаю, отрицаю, отрицаю! Не кулакъ побѣдитъ, а культурная сила, не Святогоръ-богатырь подыметъ тагу земли, а Микѹла Селянниковичъ!

— Ладно! И сидите съ своей культурной силой подъ прессомъ, пока всѣ соки не повыжмутъ...

Въ разгарѣ спора они не замѣтили, какъ въ комнату тихо вошла Ганя, и изъ-за нея робко выглядывало сморщенное личико Татьяны Аристарховны.

— Можно мнѣ къ вамъ, голубушка?—сказала она, подходя къ Серафимѣ Александровнѣ.—Простите, можетъ быть, мы мѣшаемъ, но я не вытерпѣла, пришла узнать...—И она расплакалась. Орѣшниковъ увидѣлъ ее и бросился къ ней.

— Татьяна Аристарховна, газета-то наша!.. лопнула!

— Да, да... все рушится, все гибнетъ,—лепетала старушка,

рыдая.—Умирать, умирать надо, голубчикъ,—тяжело жить, умирать пора...

Талыгинъ взглянулъ на Ганю,—она отвѣчала ему такимъ же быстрымъ и свѣтлымъ взглядомъ. И ихъ глаза сказали другъ другу, что они не хотятъ умирать и что жить не только нужно, но и должно.

Татьяна Аристарховна давно уже ушла, но Ганя, Талыгинъ и Орѣшниковъ остались. Въ 12 часовъ приходилъ Колокольцевъ и, осмотрѣвъ больного, шепнулъ Розѣ Абрамовнѣ, что конца надо ждать каждую минуту. Время тянулось убійственно медленно и тоскливо. Всѣ сидѣли молча, безъ всякаго дѣла, ни о чемъ не говорилось, и даже вѣчный споръ между Орѣшниковымъ и Талыгинымъ притихъ.

А Николай Николаевичъ все писалъ и все спорилъ съ Марининымъ, не сознавая, что жизнь его съ каждой секундой уходитъ и уходитъ. Ночь блѣднѣла и умирала въ томительной тоскѣ, но ея тихіе вздохи гасли безъ отвѣта. Огромное небо было безмолвно и безстрастно, и холодная зеленая заря такъ же безстрастно сіяла на западѣ.

Вдругъ Хотынцевъ очнулся, и странныя тѣни, рѣвшія надъ нимъ, всѣ разомъ отлетѣли. Онъ повернулся на постели и въ зеленомъ сумракѣ разсвѣта увидѣлъ передъ собою блѣдное лицо жены и ея широко открытые измученные глаза, устремленные на него. Съ минуту они молча глядѣли другъ на друга.

— Сима,—сказалъ больной твердымъ и яснымъ голосомъ.

Серафима Александровна наклонилась надъ его горячимъ, влажнымъ лбомъ.

— Вотъ, Сима, я опять лежалъ и думалъ. Тяжело умирать, когда на душѣ много дурного, когда тебя мучаютъ и гнетутъ мрачныя воспоминанія. Какъ много зла дѣлаетъ человѣкъ въ своей жизни!

— Полно, Коля, какое зло ты кому сдѣлалъ!

— Много, много! При жизни все это забывается, но передъ концомъ все выплываетъ и тяготитъ. Человѣку надо всегда помнить, что онъ рано или поздно будетъ умирать...

— Коля, но ты вѣдь еще не умираешь...—съ тоской прошептала Хотынцева.

— Нѣтъ, не утѣшай меня. Я умру. И я теперь не боюсь смерти,—я спокоенъ. Я только жалѣю, что дѣлалъ много дурного, много несправедливостей.

— Это неправда.

— Нѣтъ, правда. Меня мучаетъ, что я испортилъ тебѣ жизнь. Но что дѣлать! въ жизни человѣка это самое роковое—заставлять страдать тѣхъ, которыхъ любишь и которые тебя любятъ. И чѣмъ больше любить, тѣмъ больше страдаютъ... Но ты, Симочка, сильна, не правда ли? Ты все перенесешь, ты не погибнешь и дѣти наши не погибнуть съ тобою. Я вѣрю, что ты ихъ сдѣлаешь сильными, честными.... да, я бы не могъ этого сдѣлать, а ты сдѣлаешь. И я спокоенъ...

Серафима Александровна молчала, но чувствовала, что какая-то холодная рука взяла ее за сердце и больно-больно сжимала его. Хотынцевъ продолжалъ.

— Вотъ мнѣ сейчасъ вспомнился Сильвановъ. Помнишь, какъ мы съ нимъ разстались. Мнѣ всегда казалось, что онъ лжетъ, что въ немъ нѣтъ ни одной черты правдивой. А вѣдь онъ любилъ меня,—и я не вѣрилъ. Когда онъ пришелъ ко мнѣ въ послѣдній разъ объясняться и весь блѣдный говорилъ, что покончить съ собою,—я и тогда не вѣрилъ. А на другой день онъ застрѣлился. Ахъ, какъ страшно это было, какъ мнѣ хотѣлось бы вернуть его и теперь, передъ концомъ, пожать ему руку и просить, чтобы онъ простилъ меня. Да, я былъ жестокъ и несправедливъ и къ нему, и ко многимъ другимъ. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы ничего этого не было!..

Желѣзная рука все крѣпче и крѣпче сжимала сердце Хотынцевой.

— Да, сколько людей было... а гдѣ они теперь? Друзья, враги... нѣтъ никого. Одинъ!..

— Нѣтъ, Коля, не говори этого. Ты не одинъ. И вчера, и сегодня, и утромъ, и вечеромъ къ намъ приходили знакомые и незнакомые спрашивать о твоёмъ здоровьѣ.

— Приходили? Знакомые и незнакомые? Я опять не правъ... Но какъ хорошо это, какъ я счастливъ теперь! Незнакомые?.. Спасибо имъ. Нѣтъ, я не правъ, и онъ не правъ. Люди хороши, потому что они все-таки люди. Часто злишься на нихъ и проклинаешь ихъ, и все-таки тебя влечетъ къ нимъ, потому что они тебѣ братья. Братья... какъ это хорошо!

Онъ сияющими глазами глядѣлъ на жену. Минуты летѣли.

— А теперь есть кто-нибудь у насъ?

— Да,—Талыгинъ, Орѣшниковъ, Агаѣя Михайловна.

— Милые, добрые!.. Позови ихъ, я хочу ихъ видѣть. Я бы теперь всѣхъ, всѣхъ хотѣлъ видѣть...

Серафима Александровна вышла. Орѣшниковъ торопливо поднялся ей на встрѣчу.

— Ну что?—съ тревогой спросилъ онъ.—Измучились вы,—не смѣнить ли васъ?

— Нѣтъ... онъ васъ зоветъ къ себѣ,—всѣхъ зоветъ. Я не знаю... онъ очень много говоритъ и...—съ усиленіемъ добавила она:—и мнѣ кажется, что у него холодѣютъ руки.

Орѣшниковъ поблѣднѣлъ, и ноги у него подвосились.

— Это ужасно, ужасно... Я не знаю... я не могу туда...—прошепталъ онъ, опускаясь на стулъ.

— Да будетъ вамъ, пойдемте,—сказалъ Талыгинъ, хотя у него самого внутри похолодѣло.—Ну, идемте же...

Они пошли въ кабинетъ и, молча, стали у постели. Николай Николаевичъ обвелъ ихъ всѣхъ своими странно-сіявшими глазами.

— Ну вотъ...—началъ онъ торопливо, но замѣтно слабѣющимъ голосомъ.—Вотъ вы... всѣ здѣсь... Какъ это хорошо!.. Друзья, братья... хорошо... Сядьте же поближе, чтобы я васъ всѣхъ видѣлъ. Ну, что наша газета?—обратился онъ къ Орѣшникову.

Талыгинъ дернулъ Орѣшникова за рукавъ.—Ни... ничего,—пробормоталъ Орѣшниковъ, заикаясь.

— Ну хорошо... дай Богъ... И мнѣ сейчасъ хорошо... Милые вы, добрые...

Онъ вдругъ затихъ,—его потемнѣвшее лицо все глубже опускалось въ подушку, а глаза становились все свѣтлѣе и свѣтлѣе.

Когда веселое утро заглянуло въ отворенное окно и золотые зайчики разбѣжались по всѣмъ угламъ,—Николая Николаевича уже не было на свѣтѣ. Онъ лежалъ спокойный и счастливый, а Серафима Александровна все еще держала въ своихъ рукахъ его холодную мертвую руку и не отрываясь смотрѣла ему въ лицо. Съ Орѣшниковымъ сдѣлалось дурно; Ганя, вся блѣдная, но безъ слезъ, примачивала водой его голову. А въ дѣтской уже проснулись дѣти, и Талыгинъ съ Розой Абрамовной наперерывъ рассказывали имъ самыя занимательныя сказки, совсѣмъ не похожія на скучную и печальную жизнь, которая кончается для всѣхъ и всегда одинаково.

Въ это же самое утро Потесинъ всталъ по обыкновенію своему въ десять часовъ, выпилъ кофе, прогулялся по Невскому и къ двѣнадцати часамъ отправился въ редакцію своего журнала. Онъ былъ прекрасно настроенъ; день былъ солнечный, съ быстро бѣгущими по небу облаками и весенней свѣжестью въ воздухѣ; дѣвочки

продавали на улицѣ букеты полевыхъ цвѣтовъ; свѣжо и изящно одѣтыя дамы, съ ридикюлями и безъ ридикюлей, казались помолодѣвшими и похорошѣвшими, и даже петербургскіе чиновники, съ бабенбардами и безъ бабенбардъ, съ портфелями и безъ портфелей, смотрѣли сегодня какъ-то необычайно благодушно и партикулярно, безъ обычной сухой и холодной официальнойности. Весеннее солнце всѣхъ освѣжило и размолодило, и подъ вліяніемъ этого общаго весенняго настроенія Потесинъ особенно остро ощущалъ въ себѣ „радость бытія“. Привычная петербургская пестрота и сутолока захватила и увлекла его; онъ шелъ и наслаждался. Встрѣтилась ему хорошенькая musicienne—онъ улыбнулся ей и помогъ сѣсть на конку; попалась дѣвочка съ букетомъ подсвѣжниковъ—онъ купилъ у нея букетъ; въ окнѣ Соловьевскаго магазина красовался великолѣпный ананасъ—онъ подошелъ къ окну, постоялъ и полюбовался ананасомъ. Все это вмѣстѣ—и musicienne, и подсвѣжники, и ананасъ—привело его въ еще болѣе пріятное настроеніе, которое становилось съ каждой минутой пріятнѣе отъ сознанія, что и завтра, и послѣ-завтра, и всегда будетъ то же самое,—та же пестрота и сутолока, тѣ же лица, и вкусный завтракъ, и прогулка, и обѣдъ, и пріятный отдыхъ. „Славно жить на свѣтѣ!“—думалъ онъ, улыбаясь и напѣвая.—„Славно жить на свѣтѣ!“—повторилъ онъ, заглядывая въ лицо встрѣтившейся дамѣ.—„Да, славно жить на свѣтѣ!“—сказалъ онъ уже вслухъ, подходя къ подъѣзду редакціи и берась за ручку двери.

Осанистый швейцаръ, читавшій газету, улыбнулся ему и съ почтительной фамильярностью сообщилъ, что „всѣ наши уже въ сборѣ“.

Дѣйствительно, редакція была полна народомъ. Какія-то дамы осаждали секретаря редакціи и чуть не насильно втискивали ему въ руки огромные свертки; секретарь, весь красный и потный отъ волненія, отказывался, увѣряя ихъ, что у нихъ уже много... что, наконецъ, у нихъ все „свое“, а постороннихъ переводчиковъ принимаютъ въ рѣдкихъ случаяхъ... Но дамы не унимались.

— Но у меня романъ! У меня оригинальный романъ!—стояла одна изъ дамъ.

Голосъ ея показался Потесину знакомымъ. Онъ взглянулъ на нее пристальнѣе и узналъ въ ней одну изъ Минервъ, посѣщавшихъ журъ-фиксы Аристарховны. Эта встрѣча была ему не особенно пріятна, потому что напомнила ему недавній отказъ отъ дома у Змѣвской, и онъ хотѣлъ-было проскользнуть незамѣченнымъ, но Минерва уже увидѣла его.

— Александръ Герасимовичъ! Александръ Герасимовичъ! ради

Бога! Вотъ я принесла романъ, и представьте, даже читать не хотять! Я прошу только прочесть, только прочесть!

— Но зачѣмъ же вы къ намъ?—насмѣшливо сказалъ Потесинъ.—Насколько мнѣ извѣстно, ваше направленіе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ нашимъ; я бы совѣтовалъ вамъ отнести вашъ романъ въ „Вѣстникъ“,—это будетъ болѣе подходящее дѣло.

— Но увѣряю васъ, что мой романъ безъ всякаго направленія... Вы только прочтите...—стонала Минерва.—Увы, бѣдняжка уже носила свой романъ въ „Вѣстникъ“, но тамъ его не приняли, и она цѣлый мѣсяцъ трудилась, чтобы передѣлать его изъ либеральнаго въ не-либеральный.

Потесину она стала жалка и противна. Если онъ ненавидѣлъ людей стойкихъ и вѣрныхъ своимъ убѣжденіямъ, потому что самъ былъ ренегатомъ, то такихъ жалкихъ, забытыхъ, изъ-за куса хлѣба служившихъ „и нашимъ и вашимъ“, онъ просто презиралъ. И ему захотѣлось оборвать бѣдную Минерву.

— На макулатуру, на макулатуру продайте, сударыня!—грубо сказалъ онъ и ушелъ въ другую комнату, оставивъ Минерву со сверткомъ въ рукахъ и открытымъ ртомъ. Она растерянно оглянулась, прижала свертокъ къ груди и вышла изъ редакціи убитая, приниженная, кусая губы, чтобы не расплакаться. Это была ея послѣдняя надежда...

Въ комнатѣ, куда вошелъ Потесинъ, за большимъ столомъ, заваленнымъ бумагами и газетами, сидѣлъ редакторъ, полный, желтолицый господинъ съ усталымъ видомъ и добрыми сонными глазами. Онъ курилъ сигару и просматривалъ „Journal de St.-Petersbourg“, въ то время какъ передъ нимъ стоялъ низенькій взерошенный старичокъ и желчно доказывалъ, что земство наше никуда не годится, что реформа необходима и что русскому чело-вѣку дай только свободу—онъ сейчасъ удила закусить, потому что по природѣ своей онъ анархистъ и ему непременно нуженъ земскій начальникъ. Безъ земскаго начальника Россія погибла!..

Толстякъ, повидимому, соглашался съ нимъ, но на желтомъ лицѣ его ясно было написано, что все это ему смертельно надоѣло, что онъ усталъ и что въ сущности рѣшительно все равно—земскій начальникъ, такъ земскій начальникъ, реформа, такъ реформа, а ему не до того, потому что у него сегодня открылся геморрой.

Въ другомъ углу шелъ оживленный разговоръ о Бисмаркѣ и катедеръ-соціализмѣ; кто-то громилъ Мареса и Лассала; кто-то громогласно заявлялъ, что „всѣмъ имъ давно слѣдуетъ прижать хвостъ“ и что все зло происходитъ отъ нѣмца. Вообще въ ре-

дакціи царило воинственное настроеніе, и только два совсѣмъ еще молодыхъ человѣка, отдѣлившись отъ другихъ, вели безобидную бесѣду объ извѣстной опереточной актрисѣ и о томъ, что содержаніе ея очень дорого стоитъ графу X.

Въ этой привычной атмосферѣ Потесину стало опять весело, и онъ шумно со всѣми поздоровался.

— Александръ Герасимовичъ!—дружелюбно сказалъ редакторъ, видимо обрадованный тѣмъ, что надобившій ему разговоръ о земскихъ начальникахъ прерванъ.—Давно слышу, какъ вы тамъ съ кѣмъ-то расправлялись. Кого это вы?

— Да чортъ,—барыня тамъ одна романъ въ три пуда при- тащила и просить принять! Я знаю ее: бездарность круглая, но главное чтò противно — либеральничаютъ тамъ по угламъ, а потому къ намъ въ редакцію лѣзутъ. Терпѣть не могу этихъ литературныхъ паразитовъ...

Въ Потесину подошло еще нѣсколько человѣкъ,—слышался смѣхъ. Его очень любили и цѣнили въ редакціи, потому что онъ, какъ Тиртей, одушевлялъ и поддерживалъ боевой духъ журнала.

— Ну, что же,—добродушно сказалъ редакторъ.—Богъ съ ней,—дали бы ей авансъ, а романъ въ печку. Можетъ быть, ей есть нечего.

— Помилуйте, вѣдь у насъ не богоугодное заведеніе! Этакъ всякая либеральная просвирня будетъ разсчитывать на нашу филантропію. Не къ лицу намъ, батенька, эти нѣжности. Негоденъ ты, бездаренъ, корки хлѣба не можешь себѣ заработать—ну и долой съ дороги...

И Потесинъ сдѣлалъ энергическій жестъ, какъ бы сметаая съ лица земли всѣхъ негодныхъ и безсильныхъ.

Въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату почти вбѣжалъ новый сотрудникъ, повидимому сильно чѣмъ-то взволнованный.

— Господа, слышали новость?—крикнулъ онъ, ни съ кѣмъ не здороваясь.—Хотынцевъ умеръ!..

Это извѣстіе произвело сенсацию. Всѣ окружили пришедшаго; носыпались вопросы: „когда, какъ, что?“

— Сегодня утромъ,—продолжалъ пришедшій.—Я узналъ отъ разсыльнаго „Вѣстника“. Въ вечернихъ газетахъ, вѣроятно, будетъ подробно.

— Однако не везетъ либераламъ,—сказалъ кто-то.—Каждый годъ кого-нибудь хоронять.

— Слышите, Потесинъ?—крикнулъ другой, смѣясь.—Можетъ быть, онъ умеръ отъ вашей ядовитой стрѣлы, которую вы такъ мѣтко пустили!

— Да,—прибавилъ третій.—И вотъ увидите,—непремѣнно у его гроба произведутъ демонстрацію, чтобы пустить въ насъ лишній комъ грязи. Теперь у насъ это въ модѣ—драться мертвецами. Помните, З. умеръ,—какъ либералы ругались на его могилѣ! Просто скандально вышло.

— Я очень буду радъ, если они всѣ передохнутъ!—вмѣшался желчный старичокъ.—Съ ними кончится зло, которое они сдѣлали Россіи. И Хотынцевъ больше другихъ, потому что онъ былъ самый ядовитый изъ всѣхъ.

— Ну полноте!—перебилъ его редакторъ.—Зачѣмъ это говорить,—de mortuis aut bene, aut nihil. А по правдѣ сказать, Хотынцева очень жаль, потому что у него былъ большой, хотя заблуждавшійся талантъ.

— Какъ? Талантъ? У Хотынцева?—зашипѣлъ старичокъ и даже на мѣстѣ подпрыгнулъ.—Эта грубая, кровожадная болтовня съ тенденціозной начинкой? Я не согласенъ!

— Ну да, у него были крайности, какъ у всѣхъ этихъ „направленцевъ“, но согласитесь, что онъ былъ самый крупный изъ всѣхъ. Возьмите его послѣднюю вещь—сильно написано!

— Не согласенъ, не согласенъ-съ!—запрыгалъ старичокъ.—Фальшивая, бездарная вещь и кромѣ того вредная! Отъ нея пахнетъ петролеемъ, которымъ коммунары сожгли Версаль...

— Ну, это вы уже слишкомъ. Прекрасная вещь, могучая,—страшная, правда, такъ что васъ морозъ по кожѣ подираетъ при чтеніи, но это еще больше за нее говорить. Бездарность такъ не напишешь.

— Преувеличено! Налгано! Я бы его повѣсилъ за эту вещь. Одна ложь и злость, ложь и злость—ничего больше.

Редакторъ поморщился и махнулъ рукой; лицо его опять приняло усталое выраженіе. „Господи!—прошепталъ кто-то.—Говорить о злости, а самъ весь отъ нея высохъ. Этакая ядовитая гадина“... Но старичокъ не унимался и, схвативъ кого-то за пуговицу, принялся опять выкрикивать что-то о Россіи, о земскихъ начальникахъ и о реформахъ, которыя въ концѣ концовъ всѣ сводились къ розгѣ и кутузкѣ. Въ редакціи поднялся страшный споръ и шумъ...

Одинъ Потесинъ не принималъ никакого участія въ этомъ гвалтѣ. Извѣстіе о смерти Хотынцева, котораго онъ вчера еще такъ ненавидѣлъ, странно его поразило, и онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, почему именно поразило. Его веселое, праздничное настроеніе исчезло; онъ весь какъ-то опустился, сгорбился и

даже осунулся. Потихоньку, ни съ кѣмъ не прощаясь, онъ вы-
брался изъ редакціи и пошелъ домой.

„Такъ вотъ какъ,—умеръ...—думалъ онъ, идя по улицѣ.—
Ну, что жъ... ну умеръ... что же тутъ страннаго и отчего это
меня такъ взволновало? Вѣдь онъ давно былъ боленъ... да и какое
мнѣ, наконецъ, дѣло до всего этого?“

Онъ прибодрился и попробовалъ отогнать отъ себя назойли-
вую мысль о смерти Хотынцева. Но она, эта назойливая мысль,
гвоздемъ сидѣла у него въ головѣ, сверлила его мозгъ и засло-
нила передъ нимъ весь свѣтъ, всю радость жизни, которыми онъ
еще такъ недавно былъ переполненъ. Она заставляла его вспо-
минать многое такое, о чемъ онъ хотѣлъ бы навсегда забыть.
Есть вещи, о которыхъ человѣкъ даже про себя боится и избѣ-
гаетъ думать, и вотъ именно такія вещи, — стыдныя, отврати-
тельныя,—мучили теперь Потесина. Вспоминалось ему то время,
когда онъ самъ былъ еще въ лагерѣ „направленцевъ“ и точилъ
свое перо противъ тѣхъ, кому теперь служить. Вспоминался ему
умный, честный и добрый старичокъ-редакторъ, который покрови-
тельствовавши его таланту, поощрялъ и лелѣялъ его и противъ
котораго онъ писалъ потомъ грязные пасквили. Вспомнился ему,
наконецъ, и самъ Хотынцевъ,—молодой, пылкій, отважный, съ
своимъ высокимъ лбомъ и смѣлымъ взглядомъ... И вдругъ Поте-
синъ представилъ себѣ Хотынцева мертвымъ, въ гробу. Какой
онъ долженъ быть теперь? Блѣдный, исхудалый, безмолвный...
Можетъ быть, даже и похоронить его не на что, — подумалось
вдругъ Потесину, но онъ самъ сейчасъ же разволнился на себя
за эту мысль. Ну, какое, какое ему дѣло до Хотынцева?!

Но блѣдное лицо съ закрытыми глазами опять представилось
Потесину, и онъ сморщился точно отъ жестокой боли. Да, блѣд-
ная, намучилась въ послѣднее время. Можетъ быть, даже и умеръ
оттого, что плохо жилось. А эти зубоскалы подняли давеча шипъ
и свистъ. Ну, хорошо, ну, онъ врагъ былъ, но вѣдь передъ
могилой врага надо вести себя прилично. Смерть—это такая вещь,
передъ которой должно смолкнуть и преклониться все земное,
мелкое и пошлое. Да. Рано или поздно всѣ должны умереть,—
и эти зубоскалы умрутъ, и онъ, Потесинъ, умереть. При этой
мысли отвратительный холодъ проползъ по тѣлу Потесина, и онъ,
съ чувствомъ нравственной тошноты, окинулъ взглядомъ и улицу,
залитую солнцемъ, и роскошныя магазины, и нарядную толпу,
и все то, что давеча его такъ радовало и веселило. „Да, я
умру, и всѣ мы умремъ... но каково-то будетъ намъ умирать?
Что бы тамъ ни говорили о „той сторонѣ“, но этотъ моментъ

страшенъ самъ по себѣ, независимо оттого, есть „та сторона“ или нѣтъ ея. Страшно умирать... А говорить, что каковъ человѣкъ, такова и смерть его. Свифтъ сказалъ, что въ любви и въ смерти только человѣкъ не притворяется. А какъ Хотынцевъ умиралъ? Боялся ли онъ смерти? О чемъ думалъ? Вспоминалъ ли о немъ и о его послѣдней злобой выходеъ противъ него?“

Потесинъ весь вспыхнулъ и даже остановился среди улицы. Ему стало стыдно, страшно стыдно за свою статью, и онъ въ первый разъ подумалъ, что въ ней онъ побилъ не враговъ своихъ, а самого себя. „И мечъ, выпнутый изъ ноженъ, обратится противъ обнажившаго его“, припомнилось ему. „Скверно, гадко все это. И оттого, можетъ быть, теперь такъ скверно, что я написалъ эту гадость. Вѣдь каждый день проносятъ мимо тебя покойника, и ничего,—не обращаешь вниманія. Ну, знаешь, что придетъ и твой чередъ когда-нибудь, — ну, и все. *Hodie tibi, cras mihi...* и только. А вотъ Хотынцевъ умеръ—и чортъ знаетъ что у тебя въ душѣ поднялось“...

Онъ опять вспомнилъ разговоръ въ редакціи и желчнаго старичка,—его поворобило. Нѣтъ, вотъ что именно досадно и противно—такое подлое отношеніе къ мертвому человѣку. Ну, умеръ —и кончено; нѣтъ, непременно надо лягнуть. „Пусть всѣ они передохнутъ“, сказалъ этотъ старикашка. А самъ-то онъ что такое? Кому онъ нуженъ и зачѣмъ? Старый, озлобленный неудачникъ, — хуже!.. Говорятъ, даже предатель... да и всѣ они въ сущности что такое? Ни убѣждений, ни чести, ни любви къ чему-нибудь — ничего. Всѣ они кричатъ: „Россія, Россія!“... а какая тамъ Россія? Не Россія вовсе, а субсидія, подачка имъ нужна—больше ничего. Всѣ хороши, всѣ они за того, чья взяла. Повернись завтра колесо —и они первые убѣгутъ изъ разбитаго лагеря и примкнутъ къ торжествующимъ. Вотъ что они такое.

„А я?—спросилъ себя Потесинъ. — Да и я также... Вспомнить только, что я писалъ—Боже! И вѣдь все это напечатано, читалось, читается и будетъ читаться...“

Потесинъ опять остановился, пораженный мыслью, надъ которою раньше онъ никогда серьезно не задумывался. Въ первый разъ онъ понялъ ясно, какую громадную отвѣтственность беретъ на себя тотъ, который пишетъ для общества и потомства. „Писать!“ Какая это страшная и великая вещь — писать... Вѣдь тутъ всю свою душу, всѣ свои помыслы, всего себя отдаешь толпѣ и вѣзамъ. Всѣ умираютъ—ну, и конецъ, и забвеніе полное. А писатель не умираетъ. Какъ бы мелокъ и ничтоженъ онъ ни былъ — его отыщутъ, заглянуть въ его душу, оставлен-

ную имъ на страницахъ своего произведенія, и произнесутъ свой судъ. Негодование и презрѣніе даже за гробомъ — нѣтъ, это страшно; это страшнѣе забвенія...

— Александръ Герасимовичъ! — окликнулъ его чей-то веселый голосъ.

Потесинъ поднялъ свои мутные, растерянные глаза. Передъ нимъ стояли Васильковъ и Пыхтѣевъ, — оба пьяненькіе, несмотря на ранній часъ, оба безпечальные и довольные настоящей минутой. Васильковъ уже началъ пропивать и проѣдать „Арлекина“, и потому находился въ самомъ блаженномъ настроеніи духа, а плотно присосавшійся къ нему Пыхтѣевъ былъ доволенъ тѣмъ, что вкусно позавтракалъ на чужой счетъ сегодня и будетъ завтракать и завтра, и послѣ-завтра.

— Что это съ вами? Вы точно нездоровы? — спросили они Потесина.

— Хотынцевъ умеръ... — проговорилъ Потесинъ машинально.

— Умеръ? Вотъ тебѣ и разъ! — сказалъ Васильковъ.

— Умеръ? — воскликнулъ Пыхтѣевъ. — Ну, такъ я побѣгу скорѣе въ редакцію...

— Царство ему небесное, — продолжалъ Васильковъ. — Умеръ — вотъ такъ штука. А давно ли мы его видѣли съ вами у Аристарховны?

— *Hodie tibi, cras mihi...* — вымолвилъ Потесинъ вполголоса.

— Да... Ну, а впрочемъ... пойдѣте пока, выпьемте чего-нибудь съ горя...

Потесинъ отказался, и они расстались. „Вотъ этимъ не страшнѣе никакой судъ, и ничье презрѣніе ихъ не смутитъ“, — подумалъ Потесинъ, провожая взглядомъ грузную фигуру Василькова, скрывавшуюся въ дверяхъ какого-то перваго попавшагося ресторана.

XXVIII.

На другой день, въ шесть часовъ вечера, маленькая квартирка у Таврическаго сада стала наполняться народомъ, собравшимся на панихиду по Хотынцеву. Публики было такъ много, что часть ея помѣстилась на площадѣ лѣстницы; мелькали свѣтлыя пуговицы и форменныя фуражки студентовъ, длинныя косы и стриженные кудри курсистокъ, изящныя шляпки дамъ и серьезныя, сосредоточенныя лица литераторовъ. Смерть широко и гостепріимно отворила двери для друзей и недруговъ покойнаго, и теперь тамъ, куда еще вчера не смѣлъ войти ни одинъ посторонній, —

тамъ хозяйничали чужіе люди, любопытствовавшіе посмотрѣть, какъ жилъ человѣкъ, который такъ много работалъ для нихъ, и въ какой обстановкѣ онъ создавалъ тѣ образы, которые возбуждали въ однихъ—восторгъ и слезы, въ другихъ—негодование и злобу.

Простой гробъ, обитый чернымъ бархатомъ, стоялъ въ бывшей дѣтской, и всѣ тѣснились поближе къ нему, чтобы взглянуть въ лицо покойному. Онъ лежалъ на высокой бѣлой подушкѣ, на которую чья-то дружеская рука бросила букеты гіацинтовъ и ландыши; казалось, что онъ не умеръ, а просто спитъ. Никакого слѣда болѣзни и страданій не осталось на его лицѣ; обычное при жизни выраженіе горечи, ироніи и безпокойства исчезло съ него—оно было спокійно и задумчиво. Какая-то дѣвушка, совсѣмъ еще молоденькая, приблизившись къ гробу, вдругъ горько и неудержимо расплакалась; навѣрное она никогда и не видала писателя раньше, конечно никогда больше и не увидитъ его, но въ ея молодую головку запало, можетъ быть, какое-нибудь свое хорошее воспоминаніе—бессонная ночь при скудномъ свѣтѣ лампы, развернутая книга, молодые порывы, слезы... и вотъ теперь все это припомнилось, нахлынуло, и дѣвушка разрыдалась надъ мертвою головою того, кто когда-то „невѣдомою силой“ заставилъ ее пережить эти незабываемыя минуты... Ее увели отъ гроба,—молодежь еще тѣснѣе окружила покойнаго, давая другъ другу дорогу и о чемъ-то перешептываясь. Нѣкоторые обрывали цвѣты, цѣловали ихъ и прятали въ карманъ; кто-то негромко произнесъ: „становись передъ нимъ на колѣни, украшай его вѣдри вѣнкомъ“...

Толпа вздрогнула, заволновалась; слышались чьи-то рыданія; кто-то упалъ передъ гробомъ на колѣни...

Въ самомъ темномъ, удаленномъ уголку, стараясь быть незамѣченнымъ, робко жался Потесинъ. Онъ тоже пришелъ на панихиду—его привлекла сюда какая-то сила, которая побѣдила въ немъ самолюбіе и суетное тщеславіе; теперь въ немъ совсѣмъ нельзя было узнать самодовольнаго, жизнерадостнаго Потесина, такъ смѣло и дерзко смотрѣвшаго въ глаза своимъ врагамъ. Онъ былъ страшно взволнованъ и блѣденъ; въ гортѣ у него что-то стояло, такъ что онъ дышалъ съ трудомъ; въ головѣ сидѣла все та же неумолимая фраза „Hodie tibi“... Всѣ мелкія, жизненные чувствованія и побужденія замерли, затихли подъ наплывомъ новыхъ могучихъ и сильныхъ чувствъ, поднявшихся въ его душѣ у гроба врага. Онъ слышалъ, какъ заплакала дѣвушка, слышалъ Некрасовскую цитату, видѣлъ все это движеніе—и чуть было не заплакалъ самъ... „А меня какъ будутъ хоронить?—пронеслось

у него въ головѣ.—Что будетъ у моей могилы? Конечно, тоже, можетъ быть, и цвѣты, и вѣнки, и рѣчи... Пыхтѣевъ свои воспоминанія обо мнѣ напишетъ и расскажетъ, въ какихъ ресторанахъ мы съ нимъ вмѣстѣ пьянствовали, и какую воду я любилъ пить... Но вотъ эти юныя искреннія слезы-то, прольются ли такія слезы надъ моей головой? Зарыдаетъ ли вотъ такъ же надо мной кто-нибудь совершенно незнакомый мнѣ, чужой, пришедшій поклониться моему трупу Богъ его знаетъ откуда? И не дороже ли такія слезы всякихъ субсидій, купленныхъ цѣною предательства и измѣны?..“

Вдругъ онъ вздрогнулъ и еще больше съѣжился и поблѣднѣлъ. Около него послышался шопотъ: кто-то назвалъ его фамилію. Онъ оглянулся. Стояли два молодыхъ человѣка; одинъ, повыше, толкалъ другого, низенькаго, и указывалъ ему на Потесина.

— Развѣ это онъ?—спросилъ низенькій и, какъ показалось Потесину, взглянулъ на него съ презрѣніемъ.

— Да.—И высокій довольно громко, повидимому съ умысломъ, произнесъ:

Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ...

Низенькій его остановилъ:—Зачѣмъ, оставь... не надо здѣсь...

Кровь бросилась въ голову Потесину. Ему вдругъ вспомнился визитъ къ нему Талыгина и это страшное слово „подлецъ“, брошенное тогда ему въ лицо и оставшееся безъ возмездія. Но теперь онъ не почувствовалъ злобы въ своей душѣ,—одинъ только стыдъ за свое прошлое и холодный ужасъ передъ будущимъ овладѣли имъ, и онъ тихонько, понуривъ голову, прокрался по стѣнкѣ и вышелъ на лѣстницу.

— Александръ Герасимовичъ? Вы здѣсь какими судьбами?—окликнули его.

Это былъ Пыхтѣевъ. Онъ уже давно забрался сюда и успѣлъ заглянуть во всѣ уголки, всюду совалъ свой носъ, ко всѣмъ пристаивалъ съ разспросами и все записывалъ въ свою записную книжку. Закругленные шаблонные періоды такъ и выскакивали изъ-подъ его пера: „Сегодня мы были на панихидѣ у нашего извѣстнаго писателя... Весь гробъ былъ засыпанъ цвѣтами,—последней данью уваженія и почтенія къ покойному... Въ числѣ публики мы замѣтили нашихъ извѣстныхъ литераторовъ—X, Y, Z... На всѣхъ лицахъ была написана глубокая скорбь о безвременной утратѣ“ и т. д.

Потесинъ взглянулъ на него, и эта пошлая фізіономія съ

высматривающими, безъ рѣсницъ глазами такъ мало гармонировала съ тѣмъ особеннымъ настроеніемъ, которое наполняло его душу, что ему до тошноты стало противно.

— Какими я судьбами? Вѣроятно, такими же, какъ и вы, — грубо отвѣтилъ онъ и хотѣлъ пройти. Но Пыхтѣвъ уже вцѣпился въ него, чтобы подѣлиться своими впечатлѣніями.

— А бѣдность-то какая, замѣтили? Тѣснота, духота, повернуться негдѣ... Вотъ какъ живутъ и умираютъ наши писатели! Говорятъ, даже похоронить не на что, — литературный фондъ сто рублей далъ. Тоже, нечего сказать, расщедрился, ха-ха-ха! Я по этому поводу хочу, знаете, замѣточку такую ядовитую пустить...

— Да вамъ-то что? — съ раздраженіемъ оборвалъ его Потесинъ. — Чего вы хлопчете и скачете? Ну, сто рублей, — вамъ-то какое дѣло? А вотъ вы помрете, вамъ и ста рублей не дадутъ, потому что не стоите...

— Вы не въ духѣ сегодня, Александръ Герасимовичъ, — захихикалъ Пыхтѣвъ: — это удивительно!.. Я бы на вашемъ мѣстѣ чувствовалъ себя теперь не такъ... знаете, кто-то сказалъ, что „трупъ врага пахнетъ пріятно“...

И, подпустивъ эту шпильку, онъ торопливо убѣжалъ, злобно хихикая надъ своей острою. „И убирайся къ чорту, гадина такая!“ — пустилъ ему вслѣдъ Потесинъ.

У воротъ его ожидала другая непріятная встрѣча съ однимъ сотрудникомъ по журналу, который такъ же робко и озираясь пробирался на панихиду. При видѣ Потесина, яраго литературнаго врага Хотынцева, онъ и сконфузился, и приободрился: сконфузился потому, что его встрѣтили на панихидѣ по писателѣ враждебнаго лагеря, а приободрился потому, что ужъ ежели Потесинъ былъ здѣсь, то ему-то, значить, и вовсе не стыдно. Но на Потесина эта встрѣча произвела совсѣмъ другое впечатлѣніе, — вся пошлость и мелочи жизни снова неумолимо взяли его въ свою власть, и ему стало досадно и стыдно, что его встрѣтили здѣсь. Онъ чувствовалъ, что разстроены, что глаза у него вспухли, точно отъ слезъ, что въ горлѣ какъ-то стискивается, и всѣмъ это замѣтно, и всѣ глядятъ на него съ злораднымъ любопытствомъ. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и съ натянутой улыбкой раскланялся съ сотрудникомъ.

— А... здравствуйте! — отвѣчалъ тотъ, неловко кланяясь и тоже натянуто улыбаясь. — Ну, что, кончилось? Нѣтъ? Что же вы не остаетесь?

— Да такъ, не хочется... Я вѣдь собственно только изъ любопытства...

— Да, да, конечно... интересно взглянуть... Я тоже изъ любопытства. Небось, молодятина набралась... вѣнки тамъ всякіе... девизы... свобода, равенство, братство? Какъ водится, — вся декорация либерализма...

Потесинъ махнулъ рукой, и оба, чувствуя, что лгутъ другъ другу и, съ тѣми же фальшиво-равнодушными улыбками, разстались.

„Все это ложь и ложь, — думалъ Потесинъ. — И зачѣмъ лгать, кого обманывать? Самихъ себя? Вѣдь я ему не вѣрю, и онъ мнѣ не повѣрилъ... Завтра въ редакціи будетъ рассказывать съ разными каррикатурными комментаріями, что Потесинъ, молъ, плакалъ у гроба Хотынцева и чортъ знаетъ еще чтѣ. И я буду тоже притворяться и подшучивать надъ тѣмъ, чтѣ вовсе не смѣшно. Какъ это пошло и скучно... Скучно жить! Скучно лгать... А жизнь есть ложь и только въ смерти — страшная и великая правда“...

Бромѣшная тоска тучей навалилась на Потесина...

Съ той самой минуты, какъ Серафима Александровна выпустила изъ своихъ рукъ ошеченѣвшую руку мужа и до той, когда гробъ вынесли изъ квартиры — для нея какъ бы совсѣмъ не было времени. Вокругъ нея ходили, разговаривали, плакали, суетились, но она оставалась безучастной ко всему и желала только одного, чтобы „все это“ какъ можно скорѣе кончилось и опять началась прежняя привычная жизнь. Но когда дѣйствительно „все“ кончилось и Серафима Александровна вернулась съ кладбища домой, когда изъ всѣхъ угловъ опустѣвшей квартиры на нее глянула холодная, безглазая тѣма — тутъ только она ясно сознала, что прежняя жизнь невозможна, что все старое ушло безвозвратно, схоронено навсегда на Волковомъ кладбищѣ и что надо начинать жить по новому. Но какъ же жить? — спросила себя Серафима Александровна и не нашла отвѣта въ своемъ застывшемъ сердцѣ. Будь она одна, она знала бы, чтѣ дѣлать... но тамъ оставались дѣти; онъ сказалъ передъ смертью: „будь съ ними, — и я за нихъ спокоенъ“... Надо придумать, чтѣ дѣлать и какъ жить...

Серафима Александровна прошлась изъ комнаты въ комнату. Въ дѣтской, гдѣ стоялъ гробъ, пахло завядшими цвѣтами и ладаномъ; на полу еще валялись растоптанные гіацинты и ландыши и виднѣлись капли воска съ оплывшихъ свѣчей. Въ каби-

нѣтъ все оставалось по прежнему, — пахло лекарствами, на столахъ стояли груды пузырьковъ, недоконченный романъ лежалъ на столѣ, и легкій вѣтерокъ, влетавшій въ открытое окно, шелестилъ листами рукописи. Казалось, чья-то невидимая рука перевортывала ихъ... точно духъ покойнаго еще виталъ въ своемъ прежнемъ жилищѣ. Серафима Александровна взяла рукопись и прочла послѣднія строки. „Кто виноватъ больше предъ человѣчествомъ, — тѣ ли, которые ради личного блага сознательно отвертываются отъ зрѣлища чужихъ страданій и въ своемъ равнодушномъ эгоизмѣ говорятъ себѣ: „зло такъ велико, что мы ничѣмъ помочь не можемъ“, или тѣ, которые, сознавая свои обязанности, вѣчно мучаются и страдаютъ, но ничего не дѣлаютъ и не борются со зломъ? Я думаю, что послѣдніе... и если первые возбуждаютъ негодованіе, то для вторыхъ остается только одно презрѣніе. Это тѣ малодушныя существа, о которыхъ Дантъ сказалъ, что они „ни славы, ни хулы себѣ не заслужили въ мірѣ, — нѣтъ для нихъ милосердія, нѣтъ для нихъ суда... и небо, и адъ ихъ презираютъ“. Будемъ же, ненавида зло, бороться съ нимъ; будемъ гибнуть, но не сдадимся, — на могилахъ борцовъ вырастаютъ другіе, сильнѣйшіе“...

Дрожь пробѣжала по тѣлу Хотынцевой... ей почудилось, что она слышитъ голосъ мужа, и мысль ея перенеслась на кладбище, гдѣ, заваленная вѣнками, осталась могильная насыпь среди другихъ такихъ же. Тамъ лежатъ погибшіе борцы... но гдѣ же новые? Отчего не слышно ихъ сильныхъ голосовъ вмѣсто тѣхъ, навсегда замолкшихъ? Развѣ остались одни презрѣнные и малодушные, для которыхъ „нѣтъ ни суда, нѣтъ ни милосердія“?

Вѣтерокъ ворвался въ окно и зашуршалъ бумагами. И въ этомъ шелестѣ Серафимъ Александровнѣ снова послышался таинственный голосъ: „иди, иди... ты не одна“... „Но для этого надо вѣрить, — думала Серафима Александровна въ отвѣтъ таинственному голосу. — А я не вѣрю и не могу вѣрить; въ мірѣ нѣтъ ни добра, ни зла, — все мечта и иллюзія, которая кончается смертью. „Ты будешь вѣрить... — сказалъ голосъ настойчиво. — Иди же!“

Станный споръ этотъ былъ прерванъ Талыгинимъ, который, проводивъ Ганю и Розу Абрамовну къ Зміевской, отправился разыскивать Хотынцеву, потерявшуюся въ толпѣ на кладбищѣ. Онъ вывелъ ее изъ страннаго забытья, въ которомъ она находилась, сѣдя въ комнатѣ покойнаго, съ рукописью въ рукахъ, одѣлъ ее, нанялъ извозчика и довезъ до Татьяны Аристарховны. Тамъ они нашли всѣхъ въ сборѣ; дѣти, перевезенныя къ Татьянѣ

Аристарховнѣ сейчасъ же послѣ смерти Николая Николаевича, были здоровы, — маленькій отлично переносилъ искусственное кормленіе и началъ уже улыбаться, только Коля все тосковалъ и постоянно спрашивалъ, гдѣ мама? И не умерла ли она тоже вмѣстѣ съ папой?

Серафиму Александровну всѣ окружили, а Коля прижался къ ней и заплакалъ. Ни эти тихія дѣтскія слезы, ни добрыя, участливыя лица друзей не расшевелили Хотынцеву, и она тѣмъ же равнодушнымъ, загадочнымъ взглядомъ смотрѣла вокругъ себя. Татьяна Аристарховна, которая особенно хлопотала около нея, пришла въ недоумѣніе и даже обидѣлась.

— Что это за женщина, что за женщина! — говорила она Ганѣ и Талыгину, бѣгая по своей комнатѣ и размахивая дымъ папирсы рукою. — Хоть бы она плакала! а то молчитъ и улыбается. Странная какая-то, равнодушная, холодная...

— Она вовсе не равнодушная, тетя, — возражала ей Ганя. — Она очень глубоко чувствуетъ, но ей черезъ-чуръ много пришлось вынести, и она закаменѣла.

— Великолѣпная женщина! — съ жаромъ подтвердилъ Талыгинъ. — Дайте только ей отдохнуть и примириться съ жизнью, она окажется лучше и сильнѣе всѣхъ насъ. Вы ее не понимаете...

— Ну, конечно, я не понимаю! — обиженно сказала старушка. — Конечно, я отжившая, отсталая, гдѣ ужъ мнѣ! Въ наше время люди увлекались, умѣли плавать и смѣяться, а теперь только анализируютъ да критикуютъ. Оттого всѣ и стали такіе деревянные и равнодушные...

Старушка разгорячилась и не замѣчала, что Ганя съ Талыгинимъ переглядываются и улыбаются. Дѣйствительно, очень ужъ было смѣшно поставить рядомъ такіе два противоположные характера, какъ Хотынцева и Татьяна Аристарховна...

Черезъ два дня Ганя уѣзжала изъ Петербурга, но не одна, — съ нею ѣхала и Серафима Александровна съ дѣтьми. Маленькое общество провожало ихъ. Татьяна Аристарховна, какъ водится, разливалась въ три-ручья; Орѣшниковъ, который съ самой смерти Хотынцева и краха своей воображаемой газеты находился въ удрученномъ состояніи, угрюмо молчалъ, и только Талыгинъ съ Розой Абрамовной суетились и хлопотали вокругъ отъѣзжавшихъ. Передъ послѣднимъ звонкомъ всѣ собрались на платформѣ прощаться.

— Ну, тетя, прощайте! — первая сказала Ганя, цѣлуя Татьяну Аристарховну. — Приѣзжайте къ намъ на хуторъ отдыхать...

— Нѣтъ, ужъ не знаю...—плакала Татьяна Аристарховна.— Я вотъ, должно быть, какъ вы уйдете, такъ слягу и не встану. Чувствую, что не встану! Орѣшко, милый, одни мы съ вами теперь останемся—не везетъ намъ ни въ чемъ, въ отставку намъ надо...

— Да чтѣ вы, тетя, полноте! Еще поживемъ, вотъ увидите! Викторъ Сергѣевичъ, да вы-то что пригорюнились такъ? Стыдно... Мало развѣ еще дѣла на свѣтѣ—не одна ваша газета.

Орѣшниковъ махнулъ рукой и ничего не отвѣчалъ, но по его лицу видно было, что ему теперь все равно, „все ерунда!“

— Ничего,—съ усмѣшкой вымолвила Серафима Александровна.—Викторъ Сергѣевичъ оправится и опять найдетъ какую-нибудь иллюзію. Да и мы всѣ...

Она не договорила и, молча простившись со всѣми, ушла въ вагонъ. Раздался послѣдній звонокъ...

XXIX.

Прошелъ годъ.

Опять была весна,—не блѣдная петербургская, „дохлая“ весна, а яркая, зеленая, украинская весна, съ синими ночами, съ поющими душистыми вишневыми садочками, съ блескомъ и нѣгой горячаго тихаго неба. Степной хуторъ отставнаго полковника Зміевскаго весь утопалъ въ бѣлыхъ волнахъ цвѣтущихъ каштановыхъ, абрикосовыхъ, вишневыхъ деревьевъ, а отъ соловьевъ—такъ ни днемъ, ни ночью никому не было покоя.

Было раннее утро, но на балкончикѣ въ саду уже былъ накрытъ столъ и кипѣлъ самоваръ. Самъ полковникъ, еще бравый старикъ, въ неизмѣнномъ канаусовомъ халатѣ съ желтыми полосками и въ красной ермолеѣ, съ вѣчной сигарой въ зубахъ, стоялъ на крыльцѣ и собственноручно кормилъ птицъ. У ногъ его копошилась цѣлая куча пестрыхъ, желтыхъ, красныхъ куръ и пѣтуховъ всевозможныхъ породъ, начиная съ мохноногихъ кохинхинокъ и кончая огромными неуклюжими индюками и брамапутрами, которыя, по мнѣнію ключницы Христи, и на куръ-то христіанскихъ не были похожи, а скорѣе на „чортятъ изъ самаго пѣкла“. И все это пищало, махало крыльями, дралось, лѣзло другъ на друга и вырывало кормъ изъ рукъ. Полковникъ былъ очень озабоченъ поведеніемъ огромнаго чернаго пѣтуха, который велъ себя въ высшей степени неприлично, никому не давалъ клевать и нещадно долбилъ куръ по головамъ своимъ крѣпкимъ мозолистымъ клювомъ.

— Экий нахаль! Экий разбойник!—волновался полковникъ, изловчаясь хватить пѣтуха по головѣ и не попадая.—Ну что за бестія! И какъ тебѣ не стыдно обижать слабыхъ, гадина ты такая? Такъ и хапаетъ, такъ и хапаетъ, подлецъ,—настоящій Бисмаркъ,—все ему мало!

Въ эту минуту, откуда ни возьмись, на чернаго Бисмарка налетѣлъ другой пѣтухъ и, треснувъ его по башкѣ, моментально очистилъ мѣсто и гордо закукарекалъ. Нахаль скрылся.

— Вотъ это я понимаю!—воскликнулъ восхищенный полковникъ.—Вотъ это я понимаю! Молодецъ Васька, такъ его и надо! Молодецъ!

— Съ кѣмъ это вы тамъ воюете, полковникъ?—послышался съ балкона веселый женскій голосъ.

— Да съ курами, матушка, Серафима Александровна! Подите-ка, поглядите, чтó у насъ тутъ дѣлается.

На крылечко вышла Серафима Александровна. За годъ она мало измѣнилась, только загорѣла и пополнила, но главная пере-мѣна была въ выраженіи лица. Взглядъ сталъ мягче и яснѣе; въ черезъ-чуръ рѣзкихъ прежде складкахъ губъ явилась новая черта спокойной и добродушной насмѣшливости. Видно было, что если не полное удовлетвореніе, то во всякомъ случаѣ примиреніе съ жизнью внесло покой и миръ въ эту измученную ранними невзгодами душу. За нею, держась за платье, выступалъ на коротенькихъ толстыхъ ножкахъ крошечный карапузъ, волоча за собою огромную палку, которая въ его воображеніи представлялась великолѣпной лошадейю. Это былъ тотъ самый карапузъ, который въ Петербургѣ еще лежалъ въ колыбели, а теперь уже велъ самостоятельную жизнь, вслѣдствіе чего часто ходилъ съ синяками.

— Вотъ посмотрите, матушка, Серафима Александровна,—вотъ этотъ черномазый—настоящій Бисмаркъ, я вамъ скажу! Такъ и поровить у каждого изъ горла кусокъ выхватить. Вотъ вѣдь вамъ, извольте посмотрѣть,—птица, а наклонности разныя проявляетъ. У каждой свой характеръ. А вотъ этотъ красненькій—рыцарь чистый! Самъ никогда не съѣстъ, все другимъ отдаетъ...

Въ эту минуту Бисмаркъ пѣтушьяго рода опять выскользнулъ откуда-то и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, выхватилъ изъ рукъ полковника кусокъ хлѣба, предназначавшійся рыцарю, какъ награда за доблесть, и во всю прыть пустился съ нимъ удирать. Полковникъ пришелъ въ ярость.

— Смотрите, каналья какая, а?—закричалъ онъ съ негодованіемъ.—Какова наглость? Ну, такъ я же тебѣ сейчасъ...

И полковникъ пустился за пѣтухомъ, позабывъ и свой чинъ,

и свой преклонный возрастъ. Но на полѣ-дорогѣ онъ наступилъ ногою на полу халата, чуть не упалъ и, запыхавшись, пошелъ на балкончикъ. Серафима Александровна смѣялась, куры кудахтали, карапузъ хлопалъ въ ладоши и кричалъ: „дѣда, дѣда!..“

— Фу!—въ изнеможеніи опускаясь на кресло, сказалъ полковникъ.—Зарѣзать его, негодяя! Сегодня же зарѣзать...

— Да успокойтесь, полковникъ! Пейте чай, горяченькій, со сливочками!

— А Коля гдѣ же?

— Ушелъ съ Панасомъ рыбу ловить. Экій вы непосѣда, полковникъ! Ну, смотрите, какъ вы уморились, чуть дышите. Вотъ придетъ Ганя, а на васъ нажалуюсь. Пусть она васъ распечетъ хорошенько.

При имени дочери полковникъ вдругъ принялся усиленно раскуривать сигару и нахмурился.

— Да... Ганя, Ганя!—сказалъ онъ ворчливо.—Хороша тоже ваша Ганя, не любитъ она насъ совсѣмъ.

— Ну, что вы, полковникъ! Какъ вамъ не стыдно такъ говорить?

— Да помилуйте, матушка, конечно, не любитъ, коли бросать хочетъ. Не сидится ей дома,—то въ Питеръ, то въ Харьковъ, а теперь еще за границу эту выдумала. Шутка сказать, заграница! Тоже имѣетъ свою пріятность, заѣхать чортъ знаетъ куда, чуть не на тотъ свѣтъ!

— Просто вы брюзжите, полковникъ. Человѣкъ она молодой, поучиться ей хочется, жизнь узнать, людей посмотреть, вотъ и не сидится ей на мѣстѣ. Придетъ время—успокоится и къ намъ же сюда отдыхать придетъ.

— Да! Придетъ она, когда я въ могилѣ буду лежать...—капризничалъ полковникъ.

— Въ какой могилѣ? Что вы? Да вы еще насъ всѣхъ переживете,—смотрите, какой вы молодецъ. Стыдно, полковникъ, стыдно!

— Да, вамъ хорошо говорить, а мнѣ вѣдь седьмой десятокъ... Какъ останешься здѣсь одинъ...

— Одинъ? Ну, полковникъ, обижаете вы меня... А я-то? А мы-то?

Полковникъ просіялъ, и, схвативъ черезъ столъ руку Серафимы Александровны, поцѣловалъ ее.

— Простите, матушка, Серафима Александровна... старый я болванъ, больше ничего. Вѣдь вы мой ангелъ-хранитель, а я на васъ ворчу; разсердитесь вы на меня, да и уѣдете тоже.

— Ну, нѣтъ!—смѣясь, возразила Хотынцева.—Вы меня не выживете, мнѣ и здѣсь хорошо. Да и Саша вонъ не хочетъ уѣзжать,—Саша, уѣдешь отъ дѣдушки, а?

Услышавъ это, Саша бросилъ огромную ватрушку, которую убиралъ съ большимъ аппетитомъ, и, бросившись къ полковнику, вѣдшился въ его колѣни.—Не хочу уѣзжать... мой дѣда, мой!—заревѣлъ онъ.

Въ эту минуту изъ-за балкона выбѣжали два мальчугана съ удочками на плечахъ, оба черные, какъ цыганята, оба взволнованные и безъ шапокъ. Это были—Коля и его пріятель, Панасъ или „Панасъ Хведорычъ“, какъ называлъ его Коля, а тотъ въ свою очередь называлъ Колю не иначе какъ „Миколаемъ Миколаевичемъ“.

— Ъдутъ! Ъдутъ! Ганя ѣдетъ и съ ней еще кто-то!—кричалъ Коля, размахивая руками.

— Якійсь чудной панъ съ рѣшетомъ на голове!—прибавилъ Панасъ.

Всѣ поспѣшили на крыльцо. Карапузъ тоже припустился—было за ними, но на порогѣ перекувырнулся и собрался уже заревѣть, но оглядѣвшись и видя, что вокругъ нѣтъ никого, кто бы могъ сочувствовать его несчастью, моментально успокоился и помчался далѣе.

Къ крыльцу, дребезжа, подѣзжала бричка и въ ней сидѣла Ганя, тоже загорѣлая и какъ будто выросшая, но съ такою же бѣлокурою косой и пушистыми, какъ персики, щеками. Рядомъ съ нею помѣщался какой-то низенькій господинъ въ бѣлой парусинной крылаткѣ и въ огромнѣйшей панамѣ, подъ которою онъ совершенно скрывался.

Бричка остановилась. Ганя первая выскочила изъ нея и бросилась цѣловать отца; дѣти, пища, цѣплялись за ея платье. За нею мѣшковато вылѣзла и панاما.

— Ну, здравствуйте!—весело говорила Ганя, со всѣми цѣлуясь.—Всѣ живы и здоровы? Карапузъ здоровъ? Серафима Александровна, а отгадайте, кого я вамъ привезла? Ни за что не отгадаете!

Баринъ въ панамѣ приблизился.

— Кто же это?—сказала Хотынцева, всматриваясь въ него.—Господи Боже, да неужели Орѣшниковъ?!

— Онъ самый!—отвѣчалъ Орѣшниковъ, освобождаясь отъ панамы и обнаруживая свою огромную курчавую голову.

— Вообразите!—говорила Ганя:—иду я по Николаевской площади, глядь, какой-то странный господинъ... Я думала—артистъ,

— въ Харьковъ труппа прїѣхала, — вдругъ слышу: „Агаѣя Михайловна!“ Всматриваюсь — улыбка до ушей, видъ самый сіяющій... Орѣшниковъ! Что? Какъ? Зачѣмъ? Ну, я его сейчасъ къ себѣ, потомъ на вокзалъ, и вотъ мы здѣсь.

— Прекрасно, прекрасно... Ну-ка, дайте на себя взглянуть! Прегній, прегній Орѣшниковъ... Ни унынія, ни печали... А помните, тогда, въ Питерѣ-то, передъ нашимъ отъѣздомъ, — умирать собирались?

— Э, ну! — отмахнулся Орѣшниковъ. — Не поминайте лучше.

— Прошло?

— Прошло.

— И новая „идея“?

— Конечно. Да еще какая! — восторженно воскликнулъ Орѣшниковъ.

— Что же теперь такое? Сахарный заводъ на артельныхъ началахъ?

— Лучше-съ! Интеллигентную колонію устраиваемъ и сыроварню...

— И идетъ?

— Еще бы! У насъ уже семь человѣкъ колонистовъ. Во-первыхъ, женщина-врачъ, прелестнѣйшая женщина! Затѣмъ двѣ барышни изъ Верещагинской школы, одна бывшая актриса, одинъ технологъ, одинъ офицеръ и, наконецъ, я... И какіе все люди! Какая вѣра въ себя, какая идейность...

— Все это хорошо, ну, а деньги-то есть?

— Денегъ, конечно, ни у кого нѣтъ, — развѣ бываютъ у порядочныхъ людей деньги! Но вѣдь это пустяки, главное — идея и люди. А потомъ вѣдь землю очень легко приобрести и безъ денегъ. Вы знаете, какъ это дѣлается? Очень просто! Земля заложена въ банкѣ. Вы входите въ соглашеніе съ владѣльцемъ и приобретаете ее съ переводомъ долга. Вамъ остается только вносить проценты и...

— Пойдите, пойдите! — смѣясь, отбивалась отъ него Серафима Александровна. — А проценты чѣмъ платить? А обзаведеніе? Коровы, лошади, плуги, хозяйство?

— Пустяки! Это ужъ тамъ какъ-нибудь... Главное, люди и идея! А люди чудные! Женщина-врачъ, да это такая прелесть...

— Э, ну, васъ, сумасшедшіе вы люди, больше ничего! И вы все такой же неисправимый мечтатель и фантазеръ...

— А вы все такой же скептикъ, все отрицаете, надъ всѣмъ смѣетесь?

— Неправда, не надо всѣмъ. Однако пойдемте же чай-то пить.

— Да куда же я такою чучелой? Дайте хоть умыться.

Орѣшниковъ повели умываться, а Панасъ, все время съ любопытствомъ издали наблюдавшій чуднаго пана, взялъ его панаму и сталъ разсматривать.

— Ось, дивись, Мыколай Мыколаичъ, — говорилъ онъ Колѣ. — Оттакъ брыль! Яко бы ёго нашему Василю на баштанъ, такъ, бачъ, вси горобци подошли бъ отъ страха... Ой, велики жъ панскія головы, — мабуть, въ нихъ ума много, що треба имъ такую крышу.

Черезъ полчаса Орѣшниковъ, умытый и причесанный, сидѣлъ на балконѣ, пилъ чай и рассказывалъ петербургскія новости.

— Да что, — все у насъ по старому, все суетимся, ссоримся, миримся и все чего-то ждемъ. „А только возъ и нынѣ тамъ“... Журналовъ и газетъ расплодилось многое множество, и все это...

— И все-таки пишетъ же кто-нибудь?

— Еще бы, есть такіе! Да вотъ Пыхтѣевъ, этотъ за гривенникъ въ костюмѣ Адама на площади протанцуетъ! Съ тѣхъ поръ, какъ „Арлекинъ“ лопнулъ и Васильковъ умеръ отъ удара — бѣднагѣ совсѣмъ плохо живется. Встрѣтилъ я его на днахъ — худой, оборванный, жалкій, а все-таки шипитъ. Крынкинъ-то, Крынкинъ-то какъ исписался!

— А въ самомъ дѣлѣ, чтѣ Крынкинъ?

— Ну, этотъ свое положеніе упрочилъ! Въ гору идетъ, журналъ свой хочетъ издавать. Хотѣлъ-было „Арлекина“ купить, да раздумалъ, на старости лѣтъ суевѣренъ сталъ. Какъ же, — одинъ издатель застрѣлился, другой отъ удара скончался, а Крынкину еще пожить хочется. „Какого же направленія будетъ вашъ журналъ?“ — спросилъ я его. „Легкаго-съ, батенька, легкаго!“ Видите, какъ откровенно: „легкаго направленія“! Почему бы ужъ прямо не „легкаго поведенія“?

— Ну, а сестрица моя, скачетъ по прежнему? — спросилъ полковникъ.

— Нѣтъ, постарѣла, сильно постарѣла! Все изъ Питера собирается уѣхать, да нѣтъ, не уѣдетъ! По прежнему, журъ-фиксы, разговоры, Минервы, — только Потесина и видѣтъ не хочетъ...

— Кстати, расскажите, чтѣ Потесинъ?

— Потесинъ? Да ничего, „живъ, живъ Курилка!“ Только нѣтъ, что-то съ нимъ произошло, какой-то переломъ совершился. Пишетъ, но яду этого прежняго, злости и смѣлости нѣтъ. Вяло, бѣдно, вымученно... а нѣтъ-нѣтъ, да и зазвучитъ какая-то горькая, болѣзненная нотка. Я его не встрѣчалъ, а говорить, пить

сильно началъ. Знаете, что мнѣ кажется; я думаю, Потесинъ возьметъ какъ-нибудь да такъ насолить своимъ теперешнимъ собратьямъ, что небу будетъ жарко! Есть люди, какимъ-то злымъ рокомъ осужденные на вѣчное предательство... Ахъ да!—вдругъ воскликнулъ онъ, обращаясь къ Ганѣ.—Я и забылъ вамъ разсказать нѣчто, немножко васъ касающееся... Конечно, вы помните Селищева?

— А что такое? — слегка краснѣя, но спокойно спросила Ганя.

— Двѣ картины онъ выставилъ этой весной,—„Весна пришла“ и „Смерть“. Чудныя картины, восторгъ,—давка такая передъ ними была, ужасъ, особенно передъ „Смертью“. Но я, признаться, больше на „Весну“ смотрѣлъ, и знаете, почему? Потому что узналъ тамъ одно знакомое лицо... Да-съ, Агаѣя Михайловна, такой весной онъ васъ тамъ изобразилъ—прелесть!..

— А „Смерть“, это что такое?—перебила его Ганя, которой, очевидно, неприятенъ былъ разговоръ о „Веснѣ“.

— Это?—Орѣшниковъ нѣсколько смутился и, бросивъ быстрый взглядъ на Серафиму Александровну, вымолвилъ скороговоркой и вполголоса.—Это, видите ли, ужасный сюжетъ, потрясающій... смерть художника передъ неоконченной картиной... На эту картину жутко смотрѣтъ; я самъ слышалъ, нѣкоторые плакали около нея. Чтобы такъ написать, надо самому прочувствовать... и Селищевъ прочувствовалъ,—это ясно. Онъ свою смерть написалъ.

— Вы его видѣли?

— Да... встрѣтилъ передъ отъѣздомъ у Татьяны Аристарховны. Совсѣмъ старикъ,—посѣдѣлъ, опустился, и ко всему полное равнодушіе, даже къ собственнымъ картинамъ и ихъ огромному успѣху. Разговорились мы съ нимъ,—ну, онъ высказывалъ, что это его послѣднія картины, что онъ умеръ, однимъ словомъ, видно, что человекъ конченный. „Облетѣли цвѣты, догорѣли огни!..“ Только когда о васъ рѣчь зашла, немножко оживился, спрашивалъ, гдѣ вы, что дѣлаете, не замужемъ ли. Очевидно, вы произвели на него большое впечатлѣніе, Агаѣя Михайловна, и даже больше,—вы вдохновили его, такъ что отчасти мы вамъ обязаны за эту прелестную картину „Весна пришла“! Позвольте же васъ поблагодарить!—шутливо добавилъ Орѣшниковъ, раскланиваясь передъ вспыхнувшей Ганей.

Ганя молчала, и смутныя, блѣдныя воспоминанія тихо вставали въ ея душѣ, не вызывая въ ней ни горечи, ни тоски. Какъ это давно было... да и было ли? Всего только одинъ годъ прошелъ, а сколько переменъ, сколько новыхъ впечатлѣній, и дорога

передъ ней другая, и сама она уже не та юная дѣвочка, довѣрчиво и радостно смотрящая на Божій міръ.

— О чемъ это вы задумались, Агаея Михайловна?—спросилъ ее Орѣшниковъ.

— Да такъ... вы мнѣ напомнили кое-что... разные дѣтскія фантазіи и мечты.

— И всгрустнулось?

— О, нѣтъ! Сны хороши, но жизнь лучше,—оживляясь, сказала Ганя.

— Да, если есть для чего жить. А многіе ли могутъ сказать это о себѣ?

— Я не о такихъ говорю, Викторъ Сергѣевичъ. Это больные, несчастные или совсѣмъ темные люди, которымъ некогда подумать о чемъ-нибудь, кромѣ куска хлѣба. А мы... а всѣ тѣ, которые сознали свои обязанности, развѣ смѣютъ они сказать о себѣ, что имъ нечѣмъ и не для чего жить? Это ужъ я и не знаю, какъ назвать! — съ разгорѣвшимися глазами докончила Ганя.

— О чемъ это вы толкуете, господа? — сказала Серафима Александровна, которая пила чаемъ ребятнишекъ и не слышала ихъ разговора.—Узнаю Орѣшникова! Гдѣ онъ появится—тамъ и споръ. Недостаетъ только Талыгина.

При имени Талыгина всѣ на минуту примолкли, а Ганино лицо просвѣтлѣло.

— Да, бѣдняга Талыгинъ! — сказалъ, наконецъ, Орѣшниковъ. — И диссертацию свою не кончилъ, — доканаль-таки его „бабизмъ“. Несчастный Илья-Муромецъ!

— Чѣмъ же онъ несчастный?—возразила Ганя.—Счастливымъ, потому что знаетъ, для чего живетъ...

— Знать-то онъ знаетъ, да не по той дорогѣ идетъ... Ему все подай сразу! Ахъ, Илья-Муромецъ! Ужъ и разругалъ бы я его, еслибы онъ здѣсь сейчасъ явился! Въ дребезги бы разругалъ! Помните, Серафима Александровна, какъ мы съ нимъ, бывало, спорили?

— А онъ о васъ тоже частенько вспоминаетъ!

— Вы съ нимъ переписываетесь?

— Еще бы, очень часто. Вы не думайте, что онъ измѣнился или хандрить,—ничуть не бывало! Все такой же. Вотъ просижу, говорить, въ пустынь, сколько требуется, а тамъ опять выйду на распутіе!.. Только книгъ просить побольше присылать.

— Ахъ, фантазеръ! Ахъ, мечтатель! Ну ужъ и разругаю я его, когда увижу опять „на распутіи“...

— Ахъ вы!—перебила его Серафима Александровна, смѣясь.
— А вы-то не мечтатель? Ну, молодежи еще прощительно, бродить оно, какъ молодое пиво, а вамъ пора бы ужъ остепениться.

— Да что же я такое дѣлаю?

— Помилуйте, колонію какую-то безъ гроша денегъ хотите устроить! Стыдно, Викторъ Сергѣевичъ!

— Такъ ихъ, такъ ихъ, матушка, Серафима Александровна, хорошенько ихъ проберите, умница!—вступился полковникъ.— Да мою-то, мою-то не забудьте, — ну, зачѣмъ ей заграница эта понадобилась? Рыщутъ, толкуются, спорять, а чего хотять—и сами не знаютъ! Именно, бродятъ, какъ молодое пиво.

— Ничего, ничего, полковникъ, выбродимъ когда-нибудь!—воскликнулъ Орѣшниковъ и, вскочивъ, обѣжалъ кругомъ балкона.
— Ахъ, Серафима Александровна, вѣдь надо же жить-то, голу-бушка вы моя! вѣдь вы сами живете же для чего-нибудь!

— Разумѣется.

— Ну вотъ и скажите вы мнѣ, для чего?

— Для чего я живу?—повторила Серафима Александровна и вдругъ притянула къ себѣ дѣтей, крѣпко обняла ихъ и о чемъ-то глубоко задумалась.

Всѣ притихли. Полковникъ усиленно раскуривалъ сигару и въ клубахъ дыма старался скрыть смущеніе, а Ганя переглянулась съ Орѣшниковымъ, и оба тоже задумались. Они поняли, о комъ вспомнила Серафима Александровна... Свѣтлый образъ покойнаго тихо вставалъ передъ ними въ блескѣ весенняго дня и знакомый голосъ, казалось, шепталъ имъ: „живите, друзья! На могилахъ старыхъ бойцовъ вырастаютъ другіе, сильнѣйшіе“...

В. ДМИТРИЕВА.

РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ

Окончаніе

XI *).

Стачки и бойкоты.

Конечный успѣхъ или неуспѣхъ извѣстнаго дѣла, извѣстнаго предпріятія, какъ извѣстно, имѣеть громадное значеніе относительно образующихся о нихъ выводовъ общественнаго мнѣнія. „Побѣдителя не судятъ“, сказала нѣкогда Екатерина, когда ей донесли о побѣдѣ Суворова, одержанной вопреки приказаніямъ. Стачки и бойкоты подобны многимъ другимъ фактамъ общественной жизни такого же характера, — нѣрѣдко имъ аплодируетъ публика въ случаѣ успѣха, и считаетъ чуть ли не преступленіемъ въ случаѣ неуспѣха. И помимо этого общественнаго приговора, ихъ успѣхъ или неуспѣхъ всегда самымъ серьезнымъ образомъ вліяетъ на прогрессъ въ дѣлѣ организованнаго труда вообще. Въ Америкѣ успѣшная стачка, въ особенности серьезная, поднимаетъ духъ ремесленныхъ союзовъ въ извѣстной мѣстности, вселяетъ въ нихъ увѣренность; неуспѣшная — иногда совсѣмъ уничтожаетъ начавшій ее союзъ. Поэтому неудивительно, что ремесленные союзы только очень рѣдко открыто сознаются въ пораженіи; они очень часто утверждаютъ,

---

*) См. выше: октябрь, стр. 570.

что одержали побѣду тогда, когда публика приходитъ въ противоположному заключенію. Нужно, конечно, принять въ соображеніе неизбежную разницу точекъ зрѣнія на вещи. Ремесленный союзъ, объявившій стачку и потерявшій ее въ глазахъ общественнаго мнѣнія, хотя и не достигнетъ главныхъ своихъ требованій, но въ то же время можетъ справедливо признавать стачку успѣшной, если добился какихъ-либо уступокъ, хотя бы и незначительныхъ — „съ лхой собаки хоть шерсти клокъ“. Поэтому къ статистическимъ даннымъ по вопросу объ успѣхѣ или неуспѣхѣ стачекъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, относиться съ крайней осторожностью. Данные, сообщаемыя самими ремесленными союзами въ этомъ направленіи, всегда болѣе или менѣе оптимистичны и не вполне согласуются съ данными штатныхъ бюро работы. Точно также они обыкновенно несогласны и въ суммахъ убытковъ, понесенныхъ рабочими и хозяевами вслѣдствіе стачекъ: рабочіе обыкновенно урѣзываютъ свои и преувеличиваютъ хозяйскія — и наоборотъ. Точъ-въ-точъ два полководца — послѣ нерѣшительнаго сраженія, когда цифры убитыхъ и раненыхъ получаютъ, кромѣ прямого, и косвенное значеніе. Выше, въ главѣ о братствѣ плотниковъ и столяровъ, я привелъ таблицу стачекъ этого союза за извѣстный періодъ времени, взятую изъ данныхъ, сообщенныхъ мнѣ самимъ союзомъ. Я, къ сожалѣнію, не могъ провѣрить ее, такъ какъ, во-первыхъ, до сихъ поръ только около половины штатовъ учредили бюро труда, а во-вторыхъ, не всѣ существующія бюро даютъ данныя о стачкахъ; но, принимая въ соображеніе все вышесказанное, полагаю, что данныя этой таблицы, вѣрныя относительно всѣхъ остальныхъ графъ, вѣроятно слишкомъ оптимистичны въ графѣ о потерянныхъ стачкахъ. Я, тѣмъ не менѣе, счелъ нужнымъ привести эти данныя, объясняя теперь ихъ значеніе, такъ какъ бюро работы, занимаясь исключительно своими штатами, не даютъ ничего общаго для всѣхъ сѣверо-американскихъ штатовъ относительно отдѣльныхъ ремесленныхъ союзовъ, а только то, что касается ихъ дѣятельности въ предѣлахъ ихъ собственной юрисдикціи. Все то, что я буду говорить о стачкахъ въ этой главѣ, или извѣстно мнѣ самому лично достоверно, или же почерпнуто мною изъ докладовъ штатныхъ бюро, данныя которыхъ въ этомъ отношеніи я имѣю всякое основаніе считать безусловно вѣрными и безпристрастными.

Штаты Нью-Йоркъ, Пенсильванія, Массачузетсъ, Охайо и Иллинойсъ, по цензу 1880 года, заключали въ себѣ 49% всѣхъ мануфактурныхъ заведеній союза, по числу ихъ, и 58% по ихъ стоимости. Въ то же время, за первое пятилѣтіе прошлаго де-

ситѣлѣтія, они дали 75% всѣхъ добровольныхъ со стороны рабочихъ и 90% всѣхъ вынужденныхъ стачекъ. Въ этихъ же штатахъ особенно сильны и дѣятельны ремесленные союзы, и потому штаты эти особенно интересны. Штатъ Нью-Йоркъ, понятно, стоитъ во главѣ; а его бюро труда, подѣ управленіемъ комиссара Чарльза Пека, представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ одно изъ самыхъ передовыхъ учреждений этого рода во всемъ союзѣ, и его доклады даютъ массу превосходно обработанныхъ данныхъ. Я и начну съ доклада этого бюро за 1890 годъ, составляющаго два огромные тома въ слишкомъ 1.200 страницъ большого формата и очень убористой печати. Къ сожалѣнію, для того, чтобы имѣть возможность дать дѣйствительное понятіе о дѣлѣ, нельзя избѣжать цифръ, и я напередъ прошу извиненія у читателя за ихъ обиліе.

Изъ числа 6.199 стачекъ, изслѣдованныхъ агентами бюро въ теченіе 1890 года, 5 были окончены арбитражіей, 297—соглашеніемъ нанимателей непосредственно съ рабочими, 5.433—съ рабочими организаціями, и 464 были безусловно проиграны рабочими. Какъ послѣдствіе этихъ стачекъ, въ 3.746 случаяхъ не послѣдовало измѣненія заработной платы; въ 1.941—послѣдовало ея увеличеніе, и въ 441—уменьшеніе. Ремесла, занимающіяся строительнымъ дѣломъ, выиграли больше всѣхъ... Относительно числа рабочихъ часовъ, въ 4.155 случаяхъ не послѣдовало измѣненія, въ 2.087 послѣдовало ихъ укороченіе, и въ 16—удлинненіе. Причины стачекъ подраздѣлены на 85 разрядовъ и чрезвычайно разнообразны. Самое большое число по какому-либо отдѣльному разряду—около 2.700—произошло изъ-за числа рабочихъ часовъ; затѣмъ изъ-за числа рабочихъ часовъ въ связи съ заработной платой, и затѣмъ изъ-за принциповъ юніонизма. Къ этому же отдѣлу слѣдуетъ отнести „симпатическія“ стачки, то-есть такія, которыя объявляются извѣстной рабочей организаціей не потому, чтобы она сама имѣла какое-либо столкновеніе съ нанимателемъ, а изъ желанія помочь другой, затронутой почему-либо, но слабой и не могущей, сама по себѣ, справиться съ врагами. Такія стачки, само собою разумѣется, служатъ лучшимъ доказательствомъ какъ крѣпости идей юніонизма, такъ и значительной способности американскаго рабочаго даже къ серьезному самопожертвованію въ пользу ближняго. Всего ихъ было 732; въ нихъ участвовало 8.534 лица, потерпѣвшихъ убытки въ видѣ потерянной во время стачекъ заработной платы на громадную сумму \$ 250.393.94; 644 изъ нихъ были безусловно выиграны рабочими, 8 кончились компромиссами, а 80 были проиграны. Самая значительная и

упорная изъ этихъ стачекъ была устроена портняжнымъ союзомъ и окончилась рѣшительной побѣдой. Сумма общихъ убытковъ всѣхъ рабочихъ вслѣдствіе стачекъ, въ формѣ потерянной заработной платы, къ сожалѣнію, не показана, за невозможностью собрать точныя свѣденія; только по 2.521 случаю, для 57.442 участниковъ она показана въ суммѣ \$ 1.389.164.32, да національныя организаціи издержали на ихъ поддержаніе \$ 131.518.65. Зато 42.097 участниковъ выиграли въ видѣ увеличенной заработной платы въ теченіе года \$ 3.122.883.10.

Разсматривая внимательно тѣ сложныя данныя, выводы изъ которыхъ приведены выше, нельзя не придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: стачки изъ-за укороченія рабочихъ часовъ и изъ-за увеличенія заработной платы почти всегда оканчиваются быстро и побѣдой рабочихъ; напротивъ, стачки изъ-за принципа юніонизма являются самыми упорными, самыми продолжительными и чаще оканчиваются пораженіемъ рабочихъ. Очевидно, что обѣ стороны вполне понимаютъ ихъ важность и значеніе, борются изъ-за нихъ съ большей энергіей и настойчивостью и готовы изъ-за нихъ на всякія жертвованія. Замѣчательно также, что убытки отъ стачекъ въ формѣ поврежденій машинъ и зданій, столь обычные еще десять лѣтъ тому назадъ, и во многихъ случаяхъ достигавшіе огромныхъ суммъ, совсѣмъ исчезли изъ таблицъ въ 1890 году. Только въ 42 случаяхъ изъ 6.438 показанъ хозяевами убытокъ въ \$ 11.422.93 „отъ порчи матеріала, оставленнаго благодаря стачкѣ въ необработанномъ окончательномъ видѣ“. Въ то же время было возбуждено противъ состоявшихъ въ стачкѣ, въ общей сложности, около 95.000 рабочихъ, всего 257 уголовныхъ преслѣдованій преимущественно за неприличное поведение въ публичномъ мѣстѣ (*disorderly conduct in a public place*), называемое легкимъ штрафомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта сдержанность, это умѣнье владѣть собою, замѣнившія въ такой короткій срокъ буйство и духъ разрушенія имущества не-пріятеля, больше всего и лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ благотвѣльномъ вліяніи, которое оказываютъ ремесленные союзы на своихъ членовъ, и о томъ громадномъ прогрессѣ къ лучшему, который происходитъ въ рабочихъ массахъ.

Въ докладѣ имѣется цѣлая глава о стачкахъ организованныхъ, но не состоявшихъ вслѣдствіе своевременной уступки хозяевъ. Такого рода предполагавшіяся только стачки, само собой разумѣется, самыя выгодныя для рабочихъ, такъ какъ они посредствомъ одной угрозы устроить стачку добиваются своихъ требованій; а такая угроза не стоитъ ничего и требуетъ только

убѣжденія обѣихъ сторонъ, что союзъ прочно организованъ и исполнить свою угрозу. Рабочіе выигрываютъ такимъ образомъ только тогда, когда, во-первыхъ, они основательно готовы къ стачкѣ, имѣютъ и прочную организацію, и необходимыя для дѣйствительной борьбы средства, а во-вторыхъ, когда они удачно выберутъ время: если у хозяина много срочной работы и другихъ рабочихъ взять неоткуда, онъ обыкновенно сдается безъ всякихъ переговоровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что громадное большинство тераемыхъ рабочими стачекъ происходитъ исключительно отъ несовершенства организаціи, легкомыслія вожаковъ, и, главное, отъ неудачнаго выбора времени для стачки.

Докладъ приводитъ 3.711 случаевъ такихъ несостоявшихся стачекъ; изъ нихъ только 19 окончились неудачей для рабочихъ, которыхъ просто разсчитали и замѣнили другими за такую продерзость; 5 окончились компромиссами, а всѣ остальные удались безусловно. Главной причиной, свыше 90% всѣхъ случаевъ, было укороченіе рабочаго дня, чѣмъ, частію, и объясняется легкость побѣды.

Докладъ Пека за 1891 годъ, выпущенный какъ разъ къ началу президентской кампаніи 1892 года, былъ посвященъ мануфактурному дѣлу штата и далъ такую массу доказательствъ въ пользу преуспѣванія страны подъ режимомъ республиканской партіи, что состоявшіе въ силѣ въ штатѣ демократы обозлились не на шутку, обвинили Пека въ умышленномъ извращеніи фактовъ и статистическихъ данныхъ, устранили его отъ должности и предали суду. На судѣ Пекъ блистательно доказалъ безусловную вѣрность своихъ данныхъ и выводовъ, и былъ безусловно оправданъ; онъ отказался отъ званія комиссара труда и предъявилъ искъ за убытки къ штату Нью-Йорку. Между тѣмъ бюро труда лишилось опытнаго, энергичнаго начальника, и отчетъ за 1892 годъ до сихъ поръ еще не вышелъ.

Штатъ Иллинойсъ, къ сожалѣнію, за послѣдніе годы занялся преимущественно изслѣдованіемъ своихъ мануфактурныхъ заведеній; послѣдній докладъ бюро по вопросу о стачкахъ былъ выпущенъ въ 1888 году и обнимаетъ собою періодъ времени за шесть лѣтъ, отъ 1881 до 1886 года включительно. Докладъ этотъ существенно различествуетъ въ методѣ своихъ статистическихъ изслѣдованій отъ многихъ другихъ бюро, въ томъ числѣ и отъ федеральнаго, въ томъ смыслѣ, что принимаетъ за единицу для своихъ таблицъ промышленныя и мануфактурныя заведенія, а не самую стачку. Иногда одна стачка охватываетъ одно заведеніе, а иногда всѣ однородныя заведенія не только въ одномъ

городѣ, а во всемъ штатѣ, въ районѣ нѣсколькихъ штатовъ и даже въ цѣломъ союзѣ; хотя заведеній можетъ быть охвачено нѣсколько, можетъ быть цѣлыя сотни,—стачеа въ сущности одна, то-есть произошла она по постановленію какого-нибудь одного ремесленного союза и имѣетъ только одно основаніе. Подобный методъ неизбѣжно вводить въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго числа самостоятельныхъ стачекъ, и потому необходимо имѣть его въ виду, рассматривая статистику стачекъ въ штатѣ Иллинойсѣ.

За вышеприведенный періодъ времени въ шесть лѣтъ, въ штатѣ Иллинойсѣ стачки произошли въ 2.768 заведеніяхъ разнаго рода,—изъ нихъ 2.324 по почину ремесленныхъ организацій и 444 самостоятельныхъ. Въ нихъ участвовали 175.837 рабочихъ, изъ которыхъ 16.590 потеряли, благодаря этимъ стачкамъ, свои мѣста. Средняя продолжительность стачки оказалась въ 19,1 дня. Въ 1.499 случаяхъ стачки достигли своихъ цѣлей, въ 286—только отчасти, и въ 983 окончились поражениемъ рабочихъ. Онѣ стоили рабочимъ въ формѣ потерянной заработной платы \$ 6.636.208; рабочимъ организаціямъ—\$ 238.452; нанимателямъ—\$ 251.829. Изъ числа стачекъ, начавшихся по почину ремесленныхъ организацій, увѣнчались успѣхомъ 55,76⁰/о, тогда какъ изъ самостоятельныхъ—только 45,74⁰/о. Изъ особыхъ таблицъ, рассматривающихъ стачки по ремесламъ, оказывается, что высокій процентъ поражений, 71,48⁰/о (208 изъ 291) пришелся на долю рудокоповъ, и что они потеряли больше всѣхъ другихъ и денегъ, и времени, тогда какъ бочары выиграли 89,8⁰/о (251 изъ 280); зато въ лѣсномъ дѣлѣ изъ 151 стачекъ удалась отчасти только одна, и рабочіе, въ числѣ 12.000 человекъ, потеряли \$ 270.096, не выигравъ абсолютно ничего взаменъ.

Всего знаменательнѣе сравненіе причинъ стачекъ по годамъ. Тогда какъ 97⁰/о всѣхъ стачекъ въ 1881 году были слѣдствіемъ требованія рабочихъ о возвышеніи заработной платы, процентъ этотъ понижается съ каждымъ годомъ, и въ 1886 году падаетъ до 20⁰/о, тогда какъ процентъ стачекъ, вслѣдствіе требованія укороченія рабочаго дня, поднимается съ 2⁰/о въ 1881 году—до 62⁰/о въ 1886. Въ 1881 году не было ни одной стачки изъ-за требованія признанія принциповъ юніонизма, а въ 1886 году число стачекъ изъ-за этой причины дошло до 15⁰/о. Изъ числа стачекъ изъ-за повышенія заработной платы вполне удалась 67,3⁰/о; изъ-за укороченія рабочаго дня—29⁰/о, а изъ-за принциповъ юніонизма—только 17,5⁰/о.

Какъ результатъ вполне успѣшныхъ стачекъ изъ-за требо-

ванія возвышенія заработной платы, 17.922 рабочихъ потеряли сначала \$ 286.472, или, въ среднемъ, по \$ 16 на человѣка; зато они же выиграли среднюю прибавку по 26 центовъ въ день на человѣка, и потому наверстали свои убытки въ среднемъ въ 61 день послѣ того, какъ опять принялись за работу; и послѣ этого срока эта прибавка оказалась главнымъ барышемъ въ ихъ пользу на всѣ времена. Въ тѣхъ стачкахъ по тому же поводу, въ которыхъ онѣ только частію удались, 3.303 рабочихъ потеряли \$ 125.674, т.-е. въ среднемъ по \$ 38⁰⁰ на человѣка, и выиграли прибавку въ среднемъ только 19 центовъ въ день на человѣка, такъ что этому разряду потребовалось въ среднемъ 200 дней для того, чтобы наверстать потерянное.

Статистика вынужденныхъ стачекъ (lockouts) также очень поучительна. За весь періодъ ихъ было 127, изъ нихъ только одна въ 1881 г. и 43, высшее число, въ 1886 году. 41,73% ихъ были вызваны распоряженіемъ ассоціаціи заводчиковъ, и изъ нихъ 53,83% увѣнчались успѣхомъ, а 47,17% окончились полнымъ пораженіемъ. 58,27% были устроены отдѣльными нанимателями самостоятельно отъ какихъ-либо организацій, и 55,41% изъ нихъ удались вполне, 40,54% удались отчасти, и только 4,05% окончились пораженіемъ. Продолжались онѣ въ среднемъ 27,7 дней, вознудили 21.397 рабочихъ, которые понесли убытокъ \$ 533.497, тогда какъ хозяева потеряли \$ 347.065. Одинъ 1886 г. вознудилъ 18.228 рабочихъ, такъ что несомнѣнно, что мѣра эта, почти неизвѣстная въ 1881 году, употребляется хозяевами съ теченіемъ времени все больше и больше. Причины вынужденныхъ стачекъ тѣ же, что и стачекъ добровольныхъ, такъ какъ всѣ онѣ были только предупрежденіемъ со стороны хозяевъ стачекъ, предполагавшихъ самими рабочими. Изъ 51, устроенныхъ съ цѣлью вынудить рабочихъ къ соглашенію на низшую заработную плату, удались только 28, тогда какъ изъ 33, устроенныхъ противъ принциповъ юніонизма, удались всѣ безъ исключенія.

Въ штатѣ Пенсильваніи за послѣдніе года произошелъ замѣчательный переворотъ по вопросу о стачкахъ. Тогда какъ еще только въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ этотъ штатъ стоялъ третьимъ во всемъ союзѣ по числу стачекъ (Нью-Йоркъ 9.247; Иллинойсъ — 2.768; Пенсильванія — 2.442) въ теченіе всего 1892 года, докладъ за который уже вышелъ въ свѣтъ, въ немъ было всего-на-все 26 стачекъ; 11 изъ нихъ произошли въ городѣ Филадельфіи и 4—въ Питсбургѣ. Только 3 изъ нихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ и 4—частнымъ, а 19 окончились пораженіемъ рабочихъ. Эти 26 стачекъ были устроены 4.208 рабо-

чими и стоили имъ \$ 373.246; 10 изъ нихъ были начаты безъ участія рабочихъ организацій.

Въ вышеприведенныя цифры не входитъ происходившая въ 1892 г. стачка на сталелитейныхъ заводахъ Карнеги и К^о, въ мѣстечкѣ Homestead, вблизи города Питсбурга. Стачка эта сопровождалась кровопролитіемъ, окончилась полнымъ пораженіемъ рабочихъ и имѣла огромное вліяніе на общественное мнѣніе С.-А. Соединенныхъ-Штатовъ; многіе весьма серьезные изслѣдователи приписываютъ главнымъ образомъ этой стачкѣ небывалое пораженіе республиканской партіи въ президентскую кампанію 1892 года. Несомнѣнно то, что стачка эта выдвинула впередъ рабочій вопросъ и ремесленные союзы больше, чѣмъ всѣ остальные во всемъ союзѣ, взятые вмѣстѣ. Устроившая ее амальгамизированная ассоціація желѣзныхъ и стальныхъ рабочихъ, одна изъ самыхъ прочныхъ, концентрированныхъ, богатыхъ и успѣшныхъ ремесленныхъ организацій Соединенныхъ-Штатовъ, плохо рассчитала время, свои средства и средства противниковъ, и главное, не имѣла достаточной причины. До стачки 1892 года эта ассоціація добилась отъ нанимателей большихъ уступокъ, чѣмъ громадное большинство другихъ ремесленныхъ союзовъ, и пользовалась завиднымъ благосостояніемъ; постоянные успѣхи, какъ обыкновенно, вскружили голову ея вожаковъ, и, устроивая стачку на заводахъ Карнеги, они дѣлали промахъ за промахомъ, а въ концѣ концовъ должны были жестоко поплатиться за свое неуѣдкое, близорукое заблужденіе. Въ нашей статьѣ: „Президентская кампанія 1892 г.“, помѣщенной въ августовской и сентябрьской книжкахъ „Вѣстника Европы“ за 1893 годъ, было дано сравнительно подробное описаніе этой стачки; теперь прибавлю только, что компанія Карнеги (Carnegie Steel Company) имѣетъ капиталъ въ 25 милліоновъ долларовъ, оперируетъ на двѣнадцати заводахъ, и даетъ работу 13.000 человекъ, изъ которыхъ около 3.800 работаютъ въ Homestead. На заводахъ этой компаніи какъ заработная плата, такъ и число рабочихъ часовъ и всѣ другіе пункты возможныхъ столкновеній между хозяевами и рабочими всегда опредѣлялись полюбовнымъ соглашеніемъ между администраціей заводовъ и представителями амальгамизированной ассоціаціи на три года впередъ, начиная съ 1-го іюля, и никогда прежде не было никакихъ недоразумѣній; вслѣдствіе существенныхъ различій въ мѣстныхъ условіяхъ, каждый заводъ имѣлъ свои собственныя правила и цѣны на работу, опредѣлявшіяся особыми въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соглашеніями; въ 1892 году такія соглашенія были достигнуты со всѣми заводами, ис-

ключая одного отдѣленія на заводѣ въ Homestead, въ которомъ работало всего 380 человекъ. Компания утверждала, что, вслѣдствіе введенія новыхъ, весьма цѣнныхъ машинъ, рабочіе въ этомъ отдѣленіи стали получать несоразмѣрно высокую плату, и требовала ея соответственнаго уменьшенія, не касаясь, впрочемъ, заработной платы всѣхъ тѣхъ, которые получали меньше шести долларовъ въ день; въ то же время она предлагала повышеніе этой платы по нѣкоторымъ другимъ отдѣленіямъ, такъ что хотя плата и понижалась въ одномъ отдѣленіи, въ общемъ ее несомнѣнно предполагалось повысить и сдѣлать болѣе равномерной и соответственной новымъ условіямъ. Показанія обѣихъ сторонъ относительно дѣйствительныхъ цифръ и деталей главнаго пункта несоглашенія нѣсколько различаются, и, само собою разумеется, освѣщаются ими различно; но даже подробности сравнительно пристрастнаго, партизанскаго доклада особой конгрессионной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ демократа Отса (Oates), не оставляютъ никакого сомнѣнія, что вышеприведенное объясненіе и было именно единственной причиной стачки. Хотя, такимъ образомъ, только одно отдѣленіе, какъ разъ только 10% одного завода, спорили о своей платѣ, забастовалъ не только весь заводъ въ Homestead'ѣ, но и три другихъ, сосѣднихъ съ ними, „изъ симпатіи“; рабочіе не только отказались работать сами, но и поклялись, что не допустить компанію ввести новыхъ, постороннихъ людей, заняли заводъ и даже отказались позволить депутатамъ шерифа, присланнымъ по просьбѣ компаніи для охраненія ея имущества, оставаться въ немъ. Компания пригласила вооруженный отрядъ агентства Пинкертонъ—между этимъ отрядомъ и рабочими произошло правильное сраженіе, съ нѣсколькими десятками убитыхъ и раненыхъ, и только тогда губернаторъ прислалъ три бригады милиціи штата, при посредствѣ которой компаніи удалось опять получить доступъ на заводъ. Между тѣмъ вольные, не принадлежавшіе къ ремесленнымъ организаціямъ, рабочіе, привлеченные необыкновенно высокой заработной платой, стали стекаться въ Homestead со всѣхъ концовъ союза, и компаніи скоро удалось пустить заводъ въ ходъ. На остальныхъ стачка продолжалась всего нѣсколько дней, такъ какъ компанія знала свою силу и твердо отказалась уважить требованія рабочихъ; мало того, такъ какъ они забастовали уже послѣ того, какъ пришли къ соглашенію, она отказалась долѣе признавать союзъ, и объявила, что приметъ ихъ назадъ не иначе, какъ отдѣльными лицами, и не будетъ долѣе признавать ихъ организацію и соѣдиняться съ нею. Въ теченіе іюля, августа и сентября страсти

разыгрались до небывалыхъ предѣловъ—начались съ обѣхъ сторонъ судебныя преслѣдованія по уголовнымъ обвиненіямъ—рабочихъ обвиняли въ стремленіяхъ поджечь и взорвать заводъ динамитомъ, въ попыткахъ къ отравленію вольныхъ, новыхъ рабочихъ, и т. д.; администрацію заводовъ—въ заговорѣ, въ стремленіяхъ къ противозаконнымъ мѣрамъ и т. д.; но къ октябрю страсти поулеглись, и компанія имѣла полный комплектъ рабочихъ на всѣхъ заводахъ, а рабочіе должны были признать себя разбитыми на голову. Стачка стоила имъ около полутора милліона долларовъ; кромѣ того, свыше трехъ тысячъ человѣкъ потеряли свои мѣста и должны были выселиться въ другія мѣста. Трудно опредѣлить убытки компаніи—а штату Пенсильваніи одинъ созывъ милиціи стоилъ около милліона долларовъ. Амальгамизированная ассоціація желѣзныхъ и стальныхъ рабочихъ издержала послѣдній грошъ всѣхъ своихъ фондовъ, должна была обратиться къ помощи американской федераціи труда и къ частной благотворительности—и въ концѣ концовъ потеряла на долгое время свой престижъ, а заводы Карнеги, самыя значительныя во всей странѣ, обратились изъ „союзныхъ“ въ „несоюзныя“ и, конечно, на долгое время останутся такими; наниматели, обыкновенно, основательно пользуются плодами своихъ побѣдъ надъ организованнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ неразсчетливость и самонадѣянность вожаковъ не только обошлась рабочимъ очень дорого въ прямомъ смыслѣ слова, но и вообще повредила дѣлу организованнаго труда въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онѣ практикуются въ современной Америкѣ. Тѣмъ не менѣе, въ болѣе обширномъ смыслѣ, стачка эта все-таки принесла громадную пользу рабочему вообще. Такія потрясенія, да еще сопряженныя съ кровопролитіемъ, съ созывомъ всей милиціи штата, съ цѣлыми десятками отвратительныхъ уголовныхъ процессовъ, въ которыхъ всегда считавшіеся порядочными и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ люди страстно обвиняются въ самыхъ низкихъ, въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ,—не проходятъ даромъ. Они невольно заставляютъ массы вдумываться въ ихъ собственное положеніе, въ ихъ собственную обстановку и условія жизни—они толкаютъ человѣческую мысль впередъ и мгновенно разбиваютъ въ куски многое, чтѣ считалось въ теченіе многихъ столѣтій истиной. Сѣверо-американскій народъ имѣлъ случай убѣдиться самымъ осязательнымъ образомъ, какъ непрочно, какъ несовершенно такое экономическое устройство, которое дѣлаетъ возможными такія страшныя пертурбаціи вслѣдствіе, повидимому, самыхъ

незначительныхъ причинъ. Что-нибудь, очевидно, не ладно; что-нибудь, очевидно, требуетъ немедленной передѣлки. Капиталъ и трудъ, наниматели и рабочіе, стоятъ въ положеніи двухъ враждебныхъ сторонъ, всегда вооруженныхъ и готовыхъ къ нападенію, какъ только къ тому представится случай; это не союзнники на одномъ общемъ поприщѣ, не два средства къ достиженію одной и той же цѣли, чѣмъ они должны бы быть по самому существу вещей, а враги, и враги при случаѣ безпощадные и неспособные къ пониманію другъ друга. Сраженія, которыя они по временамъ даютъ другъ другу, начинаютъ стоить не меньше битвъ настоящихъ войнъ, а ихъ послѣдствія отзываются по всей странѣ дольше и чувствительнѣе; стачка на заводахъ Карнеги откликнулась во всѣхъ концахъ союза—она не можетъ пройти безслѣдно и, несомнѣнно, еще отзовется чѣмъ-нибудь въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Самую замѣчательную и обстоятельную работу по вопросу о стачкахъ составляетъ третій годовой докладъ федеральнаго комиссара работы, Корроля Райта (Coroll Wright) за 1887 годъ. Это огромный томъ въ 1.200 страницъ большого формата, и на первыхъ же страницахъ, въ „анализѣ таблицъ“ изложены прежде всего методы работы. Коммиссаръ утверждаетъ, что каждый фактъ, составляющій частицу этихъ объемистыхъ и равностороннихъ таблицъ, былъ изслѣдованъ агентами бюро на мѣстѣ, при посредствѣ представителей и участниковъ съ обѣихъ сторонъ, и что, слѣдовательно, таблицы эти безусловно вѣрны и ихъ выводы не могутъ подлежать никакому сомнѣнію. Давая число промышленныхъ заведеній всякаго рода, въ которыхъ происходили стачки, докладчикъ въ то же время самымъ старательнымъ образомъ добылъ свѣденія и о томъ, сколько именно отдѣльныхъ, самостоятельныхъ стачекъ произошло въ теченіе всего изслѣдованнаго имъ періода, шести лѣтъ, 1881—1886. Будучи организовано въ 1885 году и начиная свои изслѣдованія только съ 1881 года, бюро руководствовалось тѣмъ, что десятый цензъ 1880 года собралъ свѣденія о всѣхъ происшедшихъ въ теченіе предшествовавшаго десятилѣтія стачкахъ; до 1880 года число ихъ было очень незначительно, и ихъ дѣйствительное начало, когда онѣ начали оказывать вліяніе на общественныя дѣла, слѣдуетъ въ сущности считать съ 1877 года. За вышеприведенный шестилѣтній періодъ въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ произошло всего 3.902 отдѣльныя стачки по инициативѣ рабочихъ, въ 22.304 отдѣльныхъ промышленныхъ заведеніяхъ всякаго рода, съ 1.323.203 рабочихъ, изъ нихъ 88,42% мужчинъ и

11,58⁰/₀ женщинъ, и 2.214 стачекъ по инициативѣ нанимателей, съ 160.823 рабочихъ, и изъ нихъ 69,02⁰/₀ мужчинъ и 30,98⁰/₀ женщинъ. Изъ числа добровольныхъ стачекъ 82,24⁰/₀ были по распоряженію ремесленныхъ союзовъ, а изъ числа недобровольныхъ—79,18⁰/₀—по распоряженію ассоціацій хозяевъ. Изъ числа промышленныхъ заведеній, подвергшихся стачкамъ по инициативѣ рабочихъ, закрывались временно 60,13⁰/₀ въ среднемъ на 23 дня; по инициативѣ хозяевъ—63,23⁰/₀ въ среднемъ на 28,4 дня. Изъ числа первыхъ безусловно успѣли 46,52⁰/₀; успѣли частію 13,46⁰/₀, потерпѣли поражение 39,95⁰/₀ и оставались неоконченными къ 1-му января 1887 года 0,06⁰/₀; изъ числа вторыхъ соответственно 25,47⁰/₀, 8,58⁰/₀, 60,48⁰/₀ и 5,47⁰/₀. Очевидно, что рабочіе начинали стачки съ большимъ расчетомъ и съ большей надеждой на успѣхъ, чѣмъ хозяева, процентъ поражений которыхъ 50⁰/₀ выше процента поражений рабочихъ. Переходя отъ числа стачекъ къ числу рабочихъ, докладъ говоритъ, что 518.583 изъ общаго числа 1.323.203 безусловно успѣли, 143.976 успѣли частію, а 660.396 потерпѣли поражение, то-есть, что, хотя стачки и были безусловно успѣшны въ 46,52⁰/₀ случаевъ, но число рабочихъ въ нихъ было только 39,19⁰/₀; частію удачны были стачки въ 13,47⁰/₀ случаевъ, число же рабочихъ—только 10,88⁰/₀, а за 39,95⁰/₀ случаевъ безуспѣшныхъ стачекъ пришлось расплатиться 49,91⁰/₀ всего числа рабочихъ, участвовавшихъ во всѣхъ стачкахъ; эти цифры неизбежно приводятъ къ заключенію, что чѣмъ меньше число рабочихъ въ отдѣльномъ случаѣ стачки, тѣмъ больше ихъ шансъ на успѣхъ—на цѣлые 10 % въ общемъ.

Убытки рабочихъ во всѣхъ 24.518 отдѣльныхъ случаяхъ добровольныхъ и недобровольныхъ стачекъ простирались до \$ 59.972.440, то-есть около \$ 2.446 въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и около \$ 40⁰⁰ на каждого отдѣльнаго рабочаго. Въ стачкахъ успѣшныхъ рабочіе выиграли около 27 центовъ въ общемъ въ день, и вернули свои убытки въ 76 дней; въ стачкахъ частію успѣшныхъ они выиграли 12 центовъ въ день и вернули убытки въ 361 день. Въ этомъ направленіи докладъ даетъ тщательно составленныя таблицы, которыя помогаютъ вычислить какъ убытки, такъ и время, необходимое для ихъ наверстанія въ случаѣ выигрыша. Самыми значительными стачками въ теченіе всего этого періода была происходившая въ 1883 году стачка телеграфистовъ, числомъ до 8 тысячъ, охватившая весь союзъ, стоявшая телеграфному міру многихъ милліоновъ и окончившаяся полнымъ пораженіемъ рабочихъ, а также происходившія въ теченіе 1885 и 1886 годовъ

стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ по всей системѣ Гульда, известной подъ именемъ юго-западной системы. Въ этой стачкѣ рабочіе сначала одержали побѣду, благодаря справедливости своихъ требованій, внимательству губернаторовъ штатовъ Канзаса и Миссури и сильной поддержкѣ общественнаго мнѣнія; но потомъ, потребовавъ слишкомъ многого въ неблагопріятную минуту, не только были побиты, но и потеряли всѣ плоды первой побѣды.

Къ докладу приложенъ поименный перечень, въ историческомъ порядкѣ, всѣхъ стачекъ случившихся въ Соединенныхъ Штатахъ до 1880 года, о которыхъ сохранились какія-либо извѣстія. Первой исторической стачкой обыкновенно считается стачка матросовъ въ ноябрѣ 1803 года въ городѣ Нью-Йоркѣ; въ судебные архивы даютъ намеки на стачку пекарей еще въ 1741 году въ Филадельфій, и на стачку башмачниковъ въ 1796 году въ томъ же городѣ, повторившуюся въ 1798 и 1799 г.г. Первые стачки были безуспѣшны и нерѣдко кончались уголовнымъ преслѣдованіемъ за „заговоръ“ — „conspiracy“. До 1878 года число стачекъ не превышало обыкновенно 20—30 въ годъ; такъ въ 1877 ихъ было 47, въ 1878—40, въ 1879—51, а уже въ 1880—813.

Я уже имѣлъ случай замѣтить въ одной изъ предыдущихъ главъ, что организованный трудъ, кромѣ своего главнаго непріятеля—нанимателей, имѣетъ и другого, нерѣдко не менѣе опаснаго: это—трудъ вольный, неорганизованный. Стачки шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ происходили только противъ нанимателей; теперешнія—почти всегда и противъ нанимателей, и противъ неорганизованнаго труда. Прежде рабочіе просто забастовывали и, если не выигрывали стачки сразу, мирились съ своимъ поражениемъ и отправлялись искать другой работы, другихъ мѣстъ; теперь они не только забастовываютъ, но и стремятся не позволить нанимателю замѣнить ихъ новымъ, пришлымъ контингентомъ. Еще только пятнадцать лѣтъ тому назадъ и рѣчи не могло быть о томъ, чтобы рабочіе могли имѣть какія-либо права на фабрику или заводъ, на желѣзную дорогу или каменноугольную копъ—это была частная собственность, съ которой хозяинъ могъ дѣлать что ему угодно, и никому и въ голову не приходило оспаривать его право вводить новыхъ рабочихъ, если онъ могъ ихъ найти и не могъ поладить со старыми. Теперь здѣсь совсѣмъ другое дѣло. Теперь рабочіе прямо утверждаютъ, что они имѣютъ извѣстныя права на такую собственность, что хозяинъ—хозяиномъ, а они должны имѣть голосъ въ дѣлѣ. Они утверждаютъ, что такая

собственность безъ труда—ничто, не собственность, а нѣчто отвлеченное, фивтвное, не имѣющее никакой дѣйствительной цѣнности, а приобретающее таковую только при соединеніи съ трудомъ, и потому этотъ послѣдній естественно долженъ имѣть на нее извѣстныя, неотъемлемыя права. Еще многознаменательнѣе тотъ фактъ, что не только сами рабочіе, а съ ними и профессиональная часть населенія, да и многіе хозяева начинаютъ думать то же самое, и что законодатели многихъ штатовъ, особенно подъ вліяніемъ такихъ стачекъ, какъ стачка на заводахъ Карнеги, серьезно обсуждаютъ билли съ предложеніями въ томъ же смыслѣ. Націонализація ли собственности такого характера, другая ли какая-либо форма, еще не опредѣлившаяся, общественнаго ея владѣнія—предрѣшить это трудно; но несомнѣнно, что въ Америкѣ радикальный переворотъ въ этомъ направленіи гораздо ближе къ осуществленію, чѣмъ о томъ вообще принято думать. Еще только при Эдуардѣ V въ Англіи за отдѣльный отказъ работать за установленную властями плату свободнаго человѣка клеймили, сажали въ тюрьму, а при упорствѣ и вѣшали безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ; теперь въ Америкѣ не только легализированы всякія стачки, но и появились тяжелыя сомнѣнія въ умахъ большинства, не правы ли рабочіе, борясь всѣми силами противъ привозныхъ элементовъ, то-есть, въ сущности, не имѣютъ ли они извѣстное право на кормящую ихъ собственность другихъ людей? А отъ такихъ сомнѣній до цѣлаго ряда неожиданныхъ, но логическихъ заключеній остается всего одинъ только шагъ.

При настоящемъ положеніи индустріальной системы сѣверо-американскихъ Соединенныхъ - Штатовъ стачки представляются намъ неизбѣжною ея принадлежностью, несмотря на то, что онѣ часто объявляются безъ достаточныхъ основаній, нерѣдко при условіяхъ, уничтожающихъ всякую надежду на успѣхъ, причиняя широко распространенную серьезную нужду и отзываясь иногда не только на непосредственно заинтересованныхъ въ стачкѣ лицахъ, но и на ни въ чемъ неповинныхъ обывателяхъ, какъ, на примѣръ, всегда случается при стачкахъ желѣзно-дорожныхъ. Онѣ представляются тѣмъ предохранительнымъ клапаномъ, посредствомъ котораго выдыхается вражда и устраняется опасная обостренность въ человѣческихъ отношеніяхъ. Всеобщее универсальное довольство кажется намъ прелестнымъ, волшебнo восхитительнымъ, но несбыточнымъ сномъ утопистовъ; но нельзя думать, чтобы рабочіе, выносящіе на своихъ плечахъ иногда невыносимое бремя современной цивилизаціи, не стремились къ улучшенію своей участи. Невозможно опредѣлить безчисленныхъ преимуществъ

щество высшего ума, подкрепленного капиталомъ, но бороться съ нимъ въ одиночку совершенно бесполезно. Еслибы организація труда и ея главное орудіе — стачка — не выступили въ Америкѣ на сцену, — рабочіе вмѣсто восьми и девяти часовъ въ день и до сихъ поръ работали бы четырнадцать и пятнадцать, какъ въ прошломъ столѣтіи. Стачки оказались здѣсь единственнымъ дѣйствительнымъ орудіемъ, которымъ организованный трудъ можетъ съ успѣхомъ бороться съ такими нанимателями, которые во времена застоя только и думаютъ объ уменьшеніи заработной платы. Они всегда утверждаютъ, что ихъ барыши не настолько велики, чтобы дать имъ возможность платить тѣ же деньги, что и прежде. Они здѣсь пользуются всякимъ обстоятельствомъ, чтобы уменьшить плату, и никогда не предлагаютъ увеличить ее, если дѣла улучшаются и барыши соответственно увеличиваются. Они всегда утверждаютъ, что современная цивилизація и изобрѣтеніе замѣтно улучшили положеніе рабочаго вообще, но упускаютъ изъ виду, что это улучшеніе далеко не соответствуетъ общему поднятію благосостоянія.

Подробное изученіе рабочаго вопроса въ Америкѣ привело насъ къ слѣдующимъ, повидимому парадоксальнымъ, выводамъ: ремесла, работающія наименьшее число часовъ въ день, неизбѣжно получаютъ и наивысшую плату; они же наилучше организованы и у нихъ же, какъ только они этого достигаютъ, случается наименьшее число стачекъ. Эти выводы многозначительны, и изъ нихъ, само собой, вытекаетъ то положеніе, что основательно организованный трудъ добивается наилучшихъ результатовъ, и, добившись относительнаго благосостоянія, перестаетъ прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ. Въ подтвержденіе этого послѣдняго, по моему, самаго важнаго положенія я укажу на чрезвычайно поучительную исторію шляпной индустріи въ штатѣ Коннектикутъ. Около 95% всѣхъ шляпочныхъ заводовъ союза сосредоточены въ штатѣ Коннектикутъ, Массачузетсѣ, Нью-Йоркѣ, Нью-Джерсеѣ и Пенсильваніи; городъ Данбюри въ штатѣ Коннектикутъ и его окрестности считаются центромъ этого дѣла. Въ теченіе всѣхъ семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ наниматели и рабочіе жили какъ кошка съ собакой; стачки, бойкоты, черные списки, всѣ самыя разорительныя мѣры въ борьбѣ капитала съ трудомъ, всѣ самыя насильственныя средства были въ постоянномъ ходу, и городъ Данбюри не выходилъ изъ самаго напряженнаго состоянія. Обѣ стороны были озлоблены и пользовались малѣйшей возможностью нагадить другъ

другу. Лѣтомъ 1885 года наниматели, послѣ цѣлаго ряда особенно острыхъ столкновений, на время оказались въ выигрышѣ — но могли удерживать пріобрѣтенныя выгоды только при самомъ внимательномъ наблюдении за общимъ ходомъ дѣла. Рабочіе, между тѣмъ, справедливо приписывая свои пораженія отсутствію единства, сосредоточили всѣ свои усилія на введеніе болѣе совершенной, болѣе прочной организаціи, и осенью того же года, убѣжденные въ своей крѣпости, обратились къ нанимателямъ съ требованіемъ, чтобы и они организовались и назначили представителей на общую конференцію. Главной причиной раздора и столкновений всегда служили неодинаковыя условія на разныхъ заводахъ — и потому рабочіе въ своемъ требованіи категорично заявили, что они не будутъ поднимать отдѣльныхъ вопросовъ съ отдѣльными заводчиками, а намѣреваются добиться общихъ условий, обязательныхъ для всѣхъ заводовъ и для всѣхъ рабочихъ. Насколько мнѣ извѣстно, это единственный случай въ Америкѣ, когда и капиталъ долженъ былъ организоваться по требованію и по инициативѣ рабочихъ; наниматели приняли вызовъ, организовались, и на послѣдовавшей общей конференціи въ декабрѣ 1885 г. состоялось первое полюбовное соглашеніе между обѣими сторонами. Духъ единства, который проявили рабочіе, и котораго не могли не оцѣнить по достоинству наниматели, оказался достаточнымъ, чтобы достичь весьма многого, о чемъ прежде нельзя было и мечтать, даже при посредствѣ самыхъ упорныхъ стачекъ; а добившись того, что имъ было нужно, рабочіе свято поддерживали соглашеніе во всѣхъ деталяхъ, и въ городѣ Данбюри съ декабря 1885 года и по настоящій моментъ не произошло ни одного столкновенья, исключая незначительной вспышки отдѣлочницъ-женщинъ въ 1890 году, — но и эта вспышка, вызванная расколомъ въ средѣ женскаго союза, была устранена безъ особенныхъ хлопотъ не нанимателями, а самими рабочими. Общая конференція нерѣдко собирается и въ опредѣленное, и въ неопредѣленное время, по требованію той или другой стороны, и до сихъ поръ всегда успѣвала достичь соглашенія; ею выработанъ цѣлый сводъ правилъ, цѣнь на работу, условий принятія учениковъ, числа рабочихъ часовъ, и т. д. Рабочіе пользуются замѣчательнымъ, относительно, благосостояніемъ, шляпочная индустрія вступила на опредѣленные, точныя основанія, и, не будучи подвержена случайностямъ и убыткамъ столкновений, процвѣтаетъ больше, чѣмъ когда-либо прежде. Всѣ наниматели принадлежатъ къ ассоціаціи заводчиковъ; всѣ рабочіе — къ соотвѣтственнымъ ихъ специальности союзамъ; въ случаѣ недоразумѣній, работа

не прекращается, а недоразумѣнія эти разбираются конференціей и, въ случаѣ несоглашенія, рѣшаются обязательной арбитраціей. И заводчики, и рабочіе, одинаково часто прибѣгаютъ къ конференціи и всегда подчиняются ея рѣшеніямъ.

Въ этомъ случаѣ стачки вызвали организацію, а эта послѣдняя принесла съ собою миръ, благосостояніе и, главное, сдѣлала и стачки, и всякія другія насильственные мѣры излишними.

1886 годъ былъ кульминаціоннымъ пунктомъ численности и интенсивности стачекъ въ сѣверо-американскомъ союзѣ. Въ этомъ году число ихъ вдругъ возросло въ нѣсколько разъ, охватило почти всѣ ремесла и всѣ штаты, исключая юга; всѣ точно взысклись—и хозяева, и рабочіе; духъ сопротивленія другъ другу и столкновений царилъ въ странѣ. Гэй-маркетскій бунтъ съ его кровавыми безобразными послѣдствіями положилъ конецъ этой эпидеміи стачекъ—спорившіе и сражавшіеся какъ бы сразу образумились, и уже 1887-й годъ далъ несравненно меньшее число стачекъ, и съ тѣхъ поръ число это постоянно уменьшается. Американскій народъ понялъ, что излишнее возбужденіе неминуемо ведетъ къ вспышкамъ и пертурбаціямъ, отъ которыхъ въ концѣ концовъ всѣ проигрываютъ, и духъ компромисса и соглашенія мало-по-малу опять вошелъ въ свои права. Арбитрація выдвигается впередъ все больше и больше, и тѣ причины, которыя въ 1886 году несомнѣнно вызвали бы разорительную, упорную стачку, теперь вызываютъ конференціи и, въ большинствѣ случаевъ, соглашеніе. Организованный трудъ чувствуетъ свою силу и сдѣлался по этому самому гораздо консервативнѣе—это можетъ показаться парадоксомъ, но тѣмъ не менѣе серьезное изученіе рабочаго движенія въ Америкѣ должно привести именно къ такому выводу.

Другимъ могучимъ оружіемъ противъ хозяевъ въ рукахъ ремесленныхъ союзовъ является „бойкотъ“, т.-е. запрещеніе потребленія продуктовъ извѣстной фабрики, извѣстнаго рудника и т. д. Когда это средство въ борьбѣ труда съ капиталомъ было только-что изобрѣтено и пущено въ ходъ, оно обладало ужасной силой—солидные, богатые учрежденія разорялись въ конецъ, поразительно быстро. Произошелъ переполохъ, и многіе штаты, больше пятнадцати, вынуждены были воспрепятствовать его законодательнымъ путемъ; ниже, въ главѣ о законодательствѣ по рабочему вопросу, я рассмотрю и законы о бойкотѣ—теперь же скажу только, что хотя явные бойкоты теперь и очень мудро устроить,

тѣмъ не менѣ тайные практикуются нерѣдко, хотя и въ другихъ формахъ и далеко не съ тѣмъ же успѣхомъ. Введеніе „союзныхъ мѣтокъ“ (union label) въ сущности было не чѣмъ инымъ, какъ обходомъ законовъ о бойкотѣ, и представляетъ собою только одну изъ тайныхъ, восвѣнныхъ его формъ. Бойкоты въ настоящее время практикуются только, такъ сказать, контрабандными способами, и потому доклады бюро труда о нихъ совсѣмъ не говорятъ — исключеніе составляетъ докладъ бюро труда штата Миссури за 1891 годъ, посвящающій имъ отдѣльную главу и дающій довольно подробное описаніе четырехъ особенно выдававшихся случаевъ. Всѣ они кончились побѣдой ремесленныхъ союзовъ, а одинъ изъ нихъ, Анхейзеръ - Бушъ, пивоваренной компаніи въ г. Санъ-Луисъ, одной изъ самыхъ обширныхъ, если не самой обширной во всей Сѣверной Америкѣ, былъ подхваченъ американской федераціей труда, послѣ того какъ компанія эта продала свое дѣло англійскому синдикату, — и велся съ такой энергіей, что новые хозяева должны были въ концѣ концовъ просить пощады и признать юніонизмъ.

Бойкотъ является особенно сильнымъ оружіемъ въ рукахъ рабочихъ при желѣзно-дорожныхъ стачкахъ. Въ Америкѣ, при переходѣ съ одной дороги на другую, товаръ не перегружается: товарные вагоны идутъ сквозь до мѣста назначенія, иногда по цѣлой дюжинѣ отдѣльныхъ желѣзно-дорожныхъ системъ. То же происходитъ и въ пассажирскомъ дѣлѣ со стальными вагонами — они ходятъ по всему союзу, и пассажиръ ѣдетъ не пересаживаясь изъ Нью-Йорка въ Санъ-Франциско и изъ Чикаго въ Нью-Орлеанъ. Если на какой-либо дорогѣ начинается стачка, напр. братства локомотивныхъ машинистовъ или кочегаровъ, — рабочіе всѣхъ другихъ, связанныхъ съ этой дорогой тарифными договорами линій отказываются передвигать ея вагоны, и они скопляются на передаточныхъ пунктахъ до тѣхъ поръ, пока столкновение не улаживается такъ или иначе. Читатель самъ можетъ себя представить, что происходитъ въ такихъ случаяхъ съ живымъ скотомъ или съ скоро портящимся продуктомъ въ родѣ овощей или свѣжей рыбы. Законы, сопряженные съ „Interstate commission bill“, объявляютъ отдѣльныя желѣзно-дорожныя линіи принимать грузъ одна отъ другой по опубликованной и утвержденной таксѣ, въ какихъ бы дѣловыхъ отношеніяхъ онѣ ни состояли; имѣющая на своихъ рукахъ стачку дорога сдаетъ сосѣдней свои грузы подъ росписку и этимъ слагаетъ съ себя дальнѣйшую отвѣтственность за ихъ цѣлость, — а та не имѣетъ возможности двинуть ихъ и должна терпѣть убытки; рабочіе именно на это и рассчиты-

ваютъ, справедливо полагая, что вслѣдствіе этого всѣ сосѣднія линіи будутъ употреблять всевозможное вліяніе для того, чтобы уговорить борющуюся линію придти къ соглашенію. Такое ненормальное положеніе дѣла, при которомъ страдать приходится совершенно ни въ чемъ неповиннымъ линіямъ, находящимся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ своими собственными рабочими, обыкновенно вызываетъ немедленное вмѣшательство судовъ, издающихъ именныя приказы рабочимъ двинуть бойкотированные вагоны. Эти приказы нерѣдко достигаютъ цѣли, но иногда вызываютъ новую стачку и дальнѣйшее осложненіе положенія дѣлъ. Въ центральныхъ штатахъ, Нью-Йоркъ, Огайо, Индіанѣ, Иллинойсѣ, гдѣ организациіи желѣзно-дорожныхъ рабочихъ особенно сильны и желѣзныхъ дорогъ особенно много, дѣло не разъ доходило, казалось, до безвыходныхъ компликацій: вся страна съ трепетомъ дожидала—что-то принесутъ телеграммы слѣдующаго утра; но до сихъ поръ здравый смыслъ, уваженіе къ закону и способность къ улаживанію компромиссовъ всегда приходили своевременно на помощь и не случалось ничего изъ ряду вонъ выходящаго. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что и по этому поводу возможны и вѣроятны радикальныя потрясенія, которыя могутъ привести къ неожиданнымъ, въ высшей степени серьезнымъ результатамъ, такъ же, какъ и стачка на заводахъ Карнеги, могущимъ произвести радикальный переворотъ въ общественныхъ понятіяхъ о современномъ политико-экономическомъ устройствѣ человѣческаго общества.

Желѣзно-дорожныя и въ особенности улично-желѣзно-дорожныя въ большихъ городахъ стачки вліяютъ больше всѣхъ другихъ на общественное мнѣніе и пользуются обыкновенно больше всѣхъ другихъ общественными симпатіями. Желѣзно-дорожныя корпораціи вообще не отличаются популярностью въ Америкѣ, и американская публика относится къ дѣтелямъ на желѣзно-дорожномъ поприщѣ съ особенной требовательностью. Нельзя сказать, чтобъ они этого не заслуживали. Вся страна знаетъ, что ни на какомъ другомъ поприщѣ ловкость и беззапѣтливость дѣловыхъ методовъ не достигли тѣхъ предѣловъ, какъ именно на поприщѣ желѣзно-дорожномъ — наиболѣе выдающимися, наиболѣе успешными дѣльцами являются именно тѣ, которые особенно безпринципны, особенно жестокосерды и особенно увертливы. Имена Вандербильта, Сэджа, Диллона, Гюптингтона и въ особенности Джэя Бука и Джэя Гульда, разорившихъ десятки и сотни тысячъ людей, не скоро забудутся и навсегда останутся синонимами безпредѣльнаго эгоизма и безграницной нравственной за-

черствѣлости. По стопамъ этихъ великихъ дѣльцовъ идетъ и вся средняя и мелкая желѣзно-дорожная сошка, и американскій народъ относится къ дѣловому желѣзно-дорожному міру всегда съ недовѣріемъ и нерѣдко съ отвращеніемъ и ненавистью. Онъ всегда готовъ симпатизировать и поддерживать желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, какъ бы неправы они ни были сами. Только глубоко укорененное въ немъ, всегда преобладающее надъ всѣмъ остальнымъ, уваженіе къ закону и сдерживаетъ его во многихъ случаяхъ. Даже явная несправедливость, очевидно невозможныя требованія относительно желѣзно-дорожной компаніи не возмущаютъ американскую публику, не „шокируютъ“ ее; то, что оказалось бы совершенно немислимымъ относительно какого бы то ни было другого учрежденія—является дозволителнымъ и естественнымъ относительно желѣзно-дорожной компаніи. Рабочіе знаютъ это и пользуются этимъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Законъ является единственнымъ спасителемъ этихъ компаній — онѣ не могутъ и никогда не разсчитываютъ на помощь общественнаго мнѣнія, этой могучей въ Америкѣ силы, иногда рѣшающей дѣло и противъ рабочихъ, когда они слишкомъ много зарвутся. Такъ, напримѣръ, приключается въ какомъ-нибудь городѣ стачка рабочихъ какой-нибудь улично-желѣзнодорожной компаніи, конной, кабельной или электрической. Хартіи такихъ компаній всегда ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы не менѣе извѣстнаго числа вагоновъ пробѣгали по линіи каждый день. Благодаря стачкѣ, компанія не въ состояніи выполнить этого условія и обращается къ полиціи за защитой; бывали случаи, что предсѣдатель, члены совѣта и клерки брались за возжи и вывозили вагоны, чтобы исполнить требованіе хартіи, имѣя по нѣсколько полицейскихъ въ каждомъ вагонѣ—уличная толпа мгновенно осиливала полицію, останавливала такіе вагоны, снимала ихъ съ рельсовъ, сдирала иногда самые рельсы, загромождала линію баррикадами. На другой день тысячи людей являлись къ судьямъ свидѣтельствовать, что компанія нарушила законъ — и только послѣ продолжительныхъ судебныхъ препирательствъ, обжалованій и аппеляцій, компаніямъ удавалось доказывать, что самъ городъ былъ виноватъ въ этомъ, такъ какъ его полиція была недостаточна для охраны собственности компаніи. Пронисшествія въ такомъ родѣ случаются нерѣдко, особенно когда дѣла страны въ хорошемъ положеніи и рабочихъ достать трудно. Вообще стезя американскихъ корпорацій, въ особенности такого характера, какъ желѣзно-дорожныя, телеграфныя, каменноугольныя, не особенно легка, и дѣлается болѣе тяжелой съ каждымъ годомъ. И въ

этомъ случаѣ совершается въ общественномъ мнѣніи страны замѣчательный переворотъ, грозящій перейти и въ дѣйствительную жизнь при первомъ удобномъ случаѣ.

ХП.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РАЗЛИЧНЫХЪ ШТАТОВЪ ПО РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ.

Еще только двадцать-пять лѣтъ тому назадъ ни одно законодательство не рѣшалось касаться рабочаго вопроса. Штатъ Массачусетсъ, всегда бывшій безусловно передовымъ штатомъ союза по всѣмъ существеннымъ законодательнымъ вопросамъ, былъ и въ этомъ случаѣ первой почувствовавшей признаки времени общиной Америки, и еще въ 1869 году организовалъ первое въ союзѣ бюро работы, а въ 1874 году провелъ законъ о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ. Происходившія по поводу принятія этого закона пренія чрезвычайно характерны. И значительная часть прессы города Бостона, столицы штата, и значительное меньшинство законодателей аргументировали противъ какого-либо вмѣшательства законодательной власти въ этомъ отношеніи, признавая такое вмѣшательство противоконституціоннымъ и деспотическимъ. Замѣчательно, что самыми яркими противниками были не заводчики и капиталисты, какъ бы слѣдовало ожидать, а теоретики права, люди, ратовавшіе противъ такого вмѣшательства не вслѣдствіе какихъ-либо эгоистическихъ побужденій, а вслѣдствіе дѣйствительнаго убѣжденія въ незаконности всякой попытки ограничить свободу контракта между гражданами. Тѣмъ не менѣе, законъ прошелъ и съ тѣхъ поръ уже не разъ измѣнялся и дополнялся; мало того, законодательство сочло нужнымъ вступить и во многія другія отрасли рабочаго вопроса, и въ настоящее время никому и въ голову не приходитъ отрицать право законодателя регулировать отношенія между капиталомъ и трудомъ не только относительно рабочаго дня, но и по всѣмъ другимъ существеннымъ пунктамъ возможныхъ столкновеній между ними. Законодатели штата Массачусетсъ — люди чрезвычайно осторожные и консервативные, никогда въ теченіе всей своей исторіи не занимавшіеся легкомысленными законодательными экспериментами. Много лѣтъ происходила агитація въ пользу укороченія рабочаго дня законодательнымъ путемъ; но пока его сторонники ограничивались сентиментальными аргументами, они не имѣли никакого успѣха; только когда бездоказательный сан-

тиментализмъ уступилъ мѣсто серьезнымъ дѣловымъ доводамъ, и громадныя мануфактурныя интересы штата не могли противопоставить сторонникамъ укороченія никакихъ существенныхъ возраженій, прошелъ законъ 1874 года; его благотѣльные послѣдствія для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ стали очевидны для всѣхъ, законодательство смѣло приступило и къ дальнѣйшему регулированію этого самаго сложнаго современнаго вопроса.

Въ настоящій моментъ, согласно особому постановленію конгресса, всѣ рабочіе для сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, т. е. для федеральной власти, работаютъ только восемь часовъ въ день, получая за это время полную дневную плату. Нѣкоторые штаты, какъ напр. Нью-Йоркъ, Калифорнія, Айдаго, приняли ту же норму для всѣхъ штатныхъ работъ. Другіе опредѣляютъ восемь часовъ какъ легальный рабочий день во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ опредѣленнаго условія и возникаетъ споръ о продолжительности рабочаго дня; нѣкоторые штаты прямо воспретили женщинамъ и дѣтямъ работать больше восьми часовъ въ день, а нѣкоторые и до сихъ поръ оставили вопросъ о рабочемъ днѣ открытымъ для взаимнаго соглашенія между нанимателемъ и рабочимъ. Въ общемъ, тринадцать штатовъ высказались, въ той или другой формѣ, за восьми-часовой рабочий день; нѣкоторые—за девять, нѣкоторые—за десять.

Вопросъ объ укороченіи рабочаго дня несомнѣнно составляетъ въ настоящее время самый существенный, самый жгучій предметъ столкновеній между капиталомъ и трудомъ. Движеніе въ его пользу началось уже давно, но только въ 1886 году восьми-часовой день сдѣлался всеобщимъ лозунгомъ, и въ этомъ году число стачекъ вдругъ увеличилось въ нѣсколько разъ именно благодаря этому вопросу. До мая мѣсяца этого года движеніе разрасталось чрезвычайно быстро, пользовалось общественной симпатіей и вообще успѣвало; но гэй-маркетскій бунтъ въ г. Чикаго положилъ внезапный предѣлъ этимъ успѣхамъ. Динамитная бомба, брошенная въ средину отряда полицейскихъ, убила и ранила нѣсколько десятковъ человѣкъ — и вслѣдъ за этимъ несчастнымъ происшествіемъ, съ которымъ ремесленные союзы не имѣли ничего общаго, послѣдовала сильная реакція противъ рабочаго движенія вообще и восьми-часового дня въ частности. Общественное мнѣніе союза было напугано этой бомбой и призраками грядущихъ ужасовъ, не отдѣлило ихъ отъ добросовѣстныхъ стремленій дѣйствительныхъ рабочихъ, отвернулось отъ нихъ и вмѣсто открытой симпатіи стало оказывать тайное,

глухое, но въ то же время весьма чувствительное противодѣйствіе. По всѣмъ существеннымъ вопросамъ общественной жизни Америка всегда очень консервативна—достаточно такого факта, какъ вышеупомянутая динамитная бомба для того, чтобы заставить ее остановиться на извѣстномъ пути на долгое, сравнительно, время.

Вслѣдъ за восьми-часовымъ рабочимъ днемъ по своей важности слѣдовало до сихъ поръ законодательство различныхъ штатовъ, стремящихся положить предѣлы излишествамъ капитала въ формѣ трестовъ и комбинацій, и увлеченіямъ труда—въ формѣ ремесленныхъ союзовъ. Борьба капитала съ трудомъ въ послѣднее время специализировалась, такъ сказать. Въмѣсто отдѣльныхъ личностей-капиталистовъ съ одной стороны и отдѣльныхъ личностей-рабочихъ съ другой—стоятъ комбинаціи капитала, нередко охватывающія всю извѣстную отрасль промышленности съ одной стороны, и комбинаціи рабочихъ, обыкновенно охватывающія всѣхъ ремесленниковъ по извѣстному ремеслу—съ другой. Результатомъ является законодательство не противъ отдѣльныхъ личностей, а противъ комбинацій. Еще очень, сравнительно, недавно всякая стачка рабочихъ по какому бы то ни было поводу и въ какой бы то ни было формѣ, хотя бы въ самой открытой, считалась заговоромъ и наказывалась соответственно. Conspiracy Laws—законы о заговорахъ—были перенесены во многихъ случаяхъ цѣликомъ изъ англійскаго уголовного кодекса, были безпощадно строги и примѣнялись чрезвычайно широко. Основательный ихъ пересмотръ начался лѣтъ тридцать тому назадъ, и многіе штаты, какъ напр. Нью-Йоркъ, Иллинойсъ, Огайо, отменяя ихъ, сочли нужнымъ ввести особые статуты, прямо объявляющіе иногда спокойную, не нарушающую общественнаго порядка стачку легальною. Нѣкоторые штаты и до сихъ поръ сохранили остатки этихъ средневѣковыхъ законовъ, и ихъ современные статуты по этому предмету представляютъ собою въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно сложную путаницу. Когда рабочіе стали прибѣгать къ бойкотамъ, а наниматели—къ чернымъ спискамъ, blacklisting, обыкновенно доводившимъ ихъ жертвъ до необходимости покидать штатъ за невозможностью достать работу,—многіе штаты опять взялись за свои conspiracy laws, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Нью-Йоркъ, Висконсинъ, Иллинойсъ, самымъ положительнымъ образомъ высказались и противъ бойкотовъ, и противъ blacklisting, и вообще противъ всякихъ комбинацій, стремящихся лишить противную сторону средствъ къ существованію; другіе, высказавшись поло-

жительно противъ бойкотовъ, отнеслись индифферентно къ black-listing; наконецъ, третьи, преимущественно на югѣ, совсѣмъ не упомянувъ объ этомъ послѣднемъ, отнеслись къ бойкотамъ съ большой строгостью. Вообще законодательство въ этомъ направленіи въ настоящее время довольно темно и лаконично; оно находится въ переходномъ, экспериментальномъ состояніи, но уже выяснило общую тенденцію къ пресѣченію всякихъ излишествъ, и каждый годъ приноситъ въ немъ существенныя дополненія и измѣненія; борьба капитала съ трудомъ, какъ посредствомъ этихъ, такъ и подобныхъ имъ средствъ, уже получила серьезную задержку и, по всей вѣроятности, не будетъ болѣе развиваться въ этомъ направленіи.

1885 и 1886 годы, какъ уже выше было не разъ замѣчено, были годами особеннаго развитія серьезныхъ столкновений между нанимателями и рабочими; но эти же года положили начало и самому дѣйствительному средству къ ихъ мирному устраниенію въ будущемъ—арбитраціи. По мѣрѣ того, какъ общественное мнѣніе все болѣе и болѣе примиряется съ признаніемъ за рабочими извѣстныхъ правъ, а само мнѣніе и наклонность къ крутому деспотизму со стороны нанимателей исчезаютъ,—все болѣе и болѣе укореняется мысль о необходимости примѣненія, въ случаяхъ столкновенья между ними, любимаго американскаго способа—компромисса. На компромиссѣ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ держится все современное американское государственное и общественное устройство; компромиссъ же, по моему мнѣнію, будетъ и окончательнымъ средствомъ къ прекращенію столкновенья между капиталомъ и трудомъ, если такое средство существуетъ и если такое прекращеніе вообще возможно при современномъ политико-экономическомъ и социальномъ устройствѣ человѣческихъ общинъ. Въ борьбѣ капитала съ трудомъ компромиссъ этотъ принимаетъ форму арбитраціи—обязательной, если это необходимо,—добровольной, если это возможно.

Къ арбитраціи нерѣдко прибѣгали и прибѣгаютъ, частнымъ образомъ, то капиталъ, то трудъ, то оба вмѣстѣ; такъ, вышеупомянутая стачка желѣзно-дорожныхъ рабочихъ на системѣ Гульда была прекращена именно вмѣшательствомъ губернаторовъ штатовъ Миссури и Канзаса, какъ добровольныхъ арбитраговъ и посредниковъ. Но первымъ опытомъ къ положительному законодательству въ этомъ направленіи, насколько мнѣ извѣстно, былъ опытъ штата Огайо въ 1885 году; за нимъ, въ 1886 году, послѣдовалъ штатъ Массачусетсъ, а въ 1887 и Нью-Йоркъ, а затѣмъ, по настоящее время, и 13 другихъ штатовъ и террито-

рій, наконецъ, и федеральное правительство С.-А. С.-Штатовъ, конгрессъ котораго провелъ законъ о порядкѣ и условіяхъ арбитраціи столкновений между желѣзно-дорожными рабочими линій, расположенныхъ въ двухъ или болѣе штатахъ, и ихъ компаніями. Учрежденія эти организованы различно, изъ различныхъ представителей и участннковъ и съ различными процедурами, правилами и условіями, и всѣ они имѣютъ одну конечную цѣль—обязательное или добровольное улаживаніе всевозможныхъ столкновений между капиталомъ и трудомъ. Я разсмотрю нѣкоторыя изъ нихъ въ подробности.

Штатъ Огайо, а съ нимъ и три или четыре другихъ—оставились на системѣ мѣстныхъ трибуналовъ, состоящихъ изъ трехъ лицъ, выбираемыхъ на одинъ годъ, одно нанимателями, другое рабочими, а третье назначаемое этими двумя по соглашенію, и утвержденныхъ въ должности мѣстнымъ судомъ. Такой трибуналъ имѣетъ всѣ права суда, можетъ вызывать и допрашивать свидѣтелей подъ присягой, требовать книгъ, счетовъ и отчетовъ отъ нанимателей, и рѣшенія его окончательны. Расходы несутся штатомъ и трибуналъ собирается по мѣрѣ надобности. Штатъ Нью-Йоркъ, а за нимъ и три или четыре другихъ, кромѣ этихъ мѣстныхъ трибуналовъ, назначаемыхъ такимъ же образомъ, только не на опредѣленный срокъ, а для каждаго столкновения особенно, установилъ и штатный совѣтъ арбитраціи (State Board of Mediation and Arbitration), состоящій изъ трехъ членовъ, назначаемыхъ губернаторомъ съ согласія сената на три года, получающихъ три тысячи долларовъ въ годъ жалованья; два члена, по одному отъ каждой изъ господствующихъ политическихъ партій, должны быть знакомы на практикѣ съ рабочимъ вопросомъ вообще, и третій—непремѣнно рабочий, представитель рабочихъ организацій штата. Этотъ штатный совѣтъ служить апелляціонной инстанціей относительно мѣстныхъ трибуналовъ, но, по желанію сторонъ, можетъ дѣйствовать и самостоятельно, и въ такомъ случаѣ его рѣшенія окончательны и обязательны для обѣихъ сторонъ. Совѣтъ имѣетъ право и даже обязанъ и безъ приглашенія принять участіе въ стачкѣ или предполагаемомъ даже столкновеніи, съ цѣлью выясненія дѣла и попытки умиротворить борющихся и привести ихъ къ соглашенію. Во всякомъ дѣлѣ они обязаны выѣзжать на мѣсто столкновенія: всѣ расходы несутся штатомъ. Совѣтъ имѣетъ всѣ права суда, и всѣ исполнительныя власти обязаны оказывать ему всякое содѣйствіе и помощь.

Штатъ Массачусетсъ установилъ штатный совѣтъ арбитраціи,

два члена котораго назначаются губернаторомъ съ согласія сената на одинъ годъ, одинъ изъ числа нанимателей, другой изъ числа рабочихъ; эти два выбираютъ третьяго, съ тѣмъ однако, что если въ теченіе 30 дней они не придутъ къ соглашенію, то губернаторъ назначаетъ и этого третьяго. Совѣтъ не получаетъ опредѣленнаго жалованья, а поденную плату, по пяти долларовъ въ день на члена за все время дѣйствительной работы; имѣетъ всѣ права суда, и рѣшенія его обязательны для обѣихъ сторонъ на полгода со дня объявленія рѣшенія. Всѣ расходы несутся штатомъ.

Кромѣ этихъ специальныхъ учреждений, во всѣхъ тѣхъ штатахъ и территоріяхъ, гдѣ учреждены бюро работы, къ числу обязанностей начальника бюро принадлежитъ и арбитрація между капиталомъ и трудомъ. При первомъ извѣстіи о столкновеніи, онъ обязанъ ѣхать на мѣсто и употреблять всѣ мѣры къ соглашенію спорящихъ; при этомъ онъ имѣетъ право вызывать и допрашивать свидѣтелей, ревизовать книги и счета и т. д.

Всѣ эти мѣропріятія требуютъ согласія обѣихъ сторонъ на арбитрацію и письменнаго ими изложенія пунктовъ спора. Кажется бы, что когда разыгрываются страсти, и стороны каждая увѣрена въ побѣдѣ, трудно было бы ожидать такого согласія; но сила общественнаго мнѣнія въ Америкѣ такъ значительна, что нерѣдко ему удается согласить обѣ стороны на арбитрацію. Если одна сторона согласна, а другая нѣтъ—ясно, на чьей сторонѣ право и въ чью сторону склоняется общественная симпатія. Поэтому арбитрація съ каждымъ годомъ приобретаетъ все большее и большее значеніе. Къ сожалѣнію, я не могу привести статистическихъ данныхъ, хотя многіе доклады говорятъ объ арбитраціи; все это покуда извѣстно только въ общихъ чертахъ, но пресса такъ часто извѣщаетъ объ успѣхахъ арбитраціи то здѣсь, то тамъ, столько серьезныхъ столкновеній всякаго рода за послѣднее время были прекращены благодаря именно арбитраціи въ той или другой формѣ, что не остается мѣста сомнѣнію въ томъ, что по крайней мѣрѣ начало выхода изъ вооруженнаго мира найдено.

Законы относительно штатной инспекціи фабрикъ тѣсно связаны со многими другими, преимущественно же съ законами по вопросу объ отвѣтственности нанимателей за смерть и увѣчье рабочихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ. Предупредительное законодательство, обязывающее хозяевъ принимать извѣстныя мѣры къ огражденію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, разрастаются

съ каждымъ годомъ; законъ все больше и больше заботится о рабочемъ и требуетъ отъ хозяина многого, что еще очень недавно считалось излишней роскошью. Почти всѣ штаты учредили особыя должности фабричныхъ инспекторовъ, только немногіе все еще уполномочиваютъ полицейскихъ чиновъ дѣйствовать въ ихъ качествѣ. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ, при главномъ штатномъ инспекторѣ, состоятъ 16 помощниковъ, изъ нихъ 8 женщинъ. Инспекторы эти имѣютъ, обыкновенно, довольно широкія полномочія. Штаты Новой Англіи, Нью-Йоркъ, Нью-Джерсей уже обладаютъ довольно обстоятельными кодексами относительно устройства фабричныхъ зданій, предусматривающими мѣры противъ пожаровъ, санитарныя условія, вентиляцію, охраненіе машинъ и элеваторовъ; но въ другихъ штатахъ всѣ эти узаконенія все еще очень общи и неопредѣленны, и многое предоставлено личному усмотрѣнію ихъ фабричныхъ инспекторовъ. Конечно, этого не нужно понимать въ томъ смыслѣ, что какой-либо изъ нихъ имѣетъ право приказывать сдѣлать то-то и то-то, ввести такіе-то и такіе-то мѣры,—нѣтъ, онъ только можетъ заявить о ихъ необходимости заводчику, и если тотъ съ нимъ не согласенъ, привлечь его къ отвѣтственности—судъ рѣшить, кто правъ и кто виноватъ. Въ Америкѣ, какъ извѣстно, машины всякаго рода чрезвычайно распространены, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ, конечно, больше опасности для жизни рабочихъ. Многія очень опасны по самому своему устройству и силѣ; лѣсопильные и деревообрабатывающіе заводы, особенно распространенные по всему союзу, даютъ и наибольшее число несчастныхъ случаевъ, а нѣкоторыя машины, считающіяся наиболѣе опасными, вызвали уже массу изобрѣтеній и приспособленій для охраненія управляющихъ ими рабочихъ. Послѣдній докладъ бюро труда штата Миннесоты прямо перечисляетъ особенно опасныя машины, даетъ обстоятельное описаніе изобрѣтеній для уменьшенія ихъ опасности и требуетъ немедленнаго законодательнаго вмѣшательства въ этомъ направленіи, помимо вопроса о вознагражденіи за убитыя и увѣчья. Хотя, какъ я уже замѣтилъ выше, требованіе фабричнаго инспектора не обязательно для хозяина, а только судъ имѣетъ право рѣшить дѣло окончательно,—тѣмъ не менѣе случаи неисполненія заводчикомъ указаній инспектора чрезвычайно рѣдки, такъ какъ почти во всѣхъ штатахъ законы объ отвѣтственности за несчастные случаи очень неопредѣленны и неизмѣнно признаютъ хозяина отвѣтственнымъ, если онъ не приметъ надлежащихъ мѣръ. Ни одно законодательство даже не пытается опредѣлить, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ выраже-

ніемъ „надлежащія мѣры“; онѣ опредѣляются судомъ во всякомъ отдѣльномъ случаѣ, сообразно съ обстоятельствами дѣла, и если несчастный случай былъ результатомъ несогласія заводчика съ требованіями инспектора, дѣлаемыми всегда письменно и всегда во всеобщее свѣденіе, онъ несомнѣнно будетъ признанъ судомъ отвѣтственнымъ. А такая отвѣтственность въ Америкѣ далеко не шутка, и иногда прямо ведетъ за собою полное разореніе хозяина.

Рабочіе уже съ давнихъ поръ агитируютъ въ пользу законовъ, возлагающихъ абсолютную отвѣтственность за всякій несчастный случай на хозяина; они утверждаютъ, что получаемая ими заработная плата оплачиваетъ только ихъ трудъ, а отнюдь не риски, сопряженные съ работой; но ни одно штатное законодательство не высказалось еще до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ. Главнымъ аргументомъ противниковъ служить то положеніе, что, въ случаѣ такого законодательства, рабочіе, и безъ того часто крайне неосторожные, совсѣмъ перестанутъ опасаться, и въ случаѣ высовой оцѣнки увѣчій могутъ даже практиковаться умышленныя поврежденія. Аргументъ этотъ имѣетъ особенную вѣскость въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, которое, при американскихъ условіяхъ, признается единогласно самымъ опаснымъ занятіемъ для рабочаго человѣка. Хозяева вообще, а желѣзно-дорожныя компаніи въ особенности, утверждаютъ, что, соглашаясь работать за извѣстную плату, рабочій этимъ самымъ беретъ на себя и отвѣтственность за несчастный случай, и что они, хозяева, платя тахімъ того, что имъ позволяетъ дѣло, не могутъ никоимъ образомъ платить еще и за непредвидѣнные, часто неизбежные риски. Американское законодательство до сихъ поръ держалось и держится золотой середины, компромисса: оно требуетъ неусыпной заботливости и отъ хозяина, и отъ самого рабочаго. На практикѣ въ дѣйствительной жизни почти всякій сомнительный, спорный случай, который не удалось закончить полюбовнымъ соглашеніемъ, ведетъ къ судебному процессу, и въ этихъ процессахъ бремя доказательствъ всегда лежитъ на нанимателѣ. Онъ долженъ бываетъ доказать, что несчастный случай былъ результатомъ собственной неосторожности рабочаго—и доказать самымъ нагляднымъ образомъ, такъ чтобы въ умахъ присяжныхъ не могло остаться и тѣни сомнѣнія. Читатель можетъ сообразить и самъ, какъ трудно, почти невозможно достигнуть такой цѣли, тѣмъ болѣе, что свидѣтели такихъ несчастныхъ случаевъ обыкновенно бываютъ рабочіе же, неизбежно склонные смотрѣть на такое происшествіе довольно односторонне. Благодаря всему

этому, неопредѣленность и недосказанность американскаго законодательства въ этомъ отношеніи всегда толкуется въ пользу рабочаго и въ громадномъ большинствѣ случаевъ даетъ ему существенныя преимущества. Рѣшенія судовъ первой инстанціи въ такихъ случаяхъ почти безъ исключеній бываютъ въ пользу рабочихъ, и только суды высшей инстанціи обыкновенно возста-навливаютъ законъ и исправляютъ увлеченія присяжныхъ.

Въ теченіе моего двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ Америкѣ я все время возился съ значительными мануфактурными предпріятіями, и четыре года былъ главноуправляющимъ многомильной желѣзно-дорожной системы. На моихъ заводахъ было не мало несчастныхъ случаевъ, большихъ и маленькихъ, но я ни разу не побывалъ изъ-за нихъ въ судѣ; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ неосторожность рабочаго была очевидна, а я и безъ просьбы съ чьей бы то ни было стороны всегда принималъ на себя всѣ расходы на леченіе и платилъ пострадавшимъ за потерянное время. Изъ моей желѣзно-дорожной практики у меня особенно сохранились въ памяти два случая, и такъ какъ оба они чрезвычайны характерны, то я и считаю не лишнимъ изложить ихъ въ подробности. Въ „инструкціи кондукторамъ и тормазнымъ“ однимъ изъ первыхъ правилъ было безусловное, подъ страхомъ немедленнаго расчета, запрещеніе тормазнымъ сцѣплять товарные вагоны съ внутренней стороны кривой. Буферы у нѣкоторыхъ сцѣпныхъ системъ товарныхъ вагоновъ очень коротки, кривыя бываютъ довольно крутыя, особенно на дворахъ товарныхъ станцій, и читатель совсѣмъ не-спеціалистъ можетъ легко понять необходимость такого правила, такъ какъ при сцѣпкѣ углы вагоновъ съ внутренней стороны кривой могутъ сойтись настолько близко, что задавать не особенно расторопнаго тормазного. Начальнику движенія и кондукторамъ товарныхъ поѣздовъ было вѣнчено въ особую обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы тормазные, особенно новички, знали въ точности всѣ эти правила. На дорогу поступилъ тормазнымъ молодой человекъ, женатый, съ двумя маленькими дѣтьми, не особенно бойкій и безъ всякихъ средствъ; какъ-то случилось, что я самъ былъ дважды свидѣлемъ его экзамена поѣзднымъ кондукторомъ. Однажды утромъ, придя особенно рано на товарную станцію, я засталъ его сцѣпляющимъ товарный поѣздъ именно съ внутренней стороны крутой кривой, вообще считавшейся очень опасной. Я тутъ же, на мѣстѣ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ, приказалъ расчитать его; но черезъ полчаса явилась въ контору его жена съ дѣтьми, съ плачемъ и рыданіями, и умолила меня отиѣнить при-

казаніе. Насколько помню, это былъ единственный случай во всей моей желѣзно-дорожной практикѣ, что я смиловался—дисциплину мы вообще поддерживали желѣзную, да въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, когда на вашей ответственности находятся сотни и тысячи человѣческихъ жизней, иначе и нельзя, такъ какъ милосердіе такого рода того-и-гляди окажется преступленіемъ. Мой тормазной на слѣдующее же утро опять сдѣлалъ тотъ же поѣздъ и опять съ внутренней стороны—машинистъ почему-то неожиданно для него далъ задній ходъ, онъ не успѣлъ повернуться, его лѣвая рука попала между углами вагоновъ и оказалась въ одинъ моментъ раздавленной, такъ что ее пришлось отнять у плеча. Результатомъ получился судебный искъ противъ компаніи въ пять тысячъ долларовъ, изъ которыхъ присяжные присудили ему полторы; дѣло было представлено съ нашей стороны безукоризненно, не было и не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія относительно фактовъ—тѣмъ не менѣе малый оказался безъ руки, калѣкой, и присяжные пришли къ заключенію, что дѣти не виноваты и что желѣзно-дорожная компанія, конечно, болѣе въ состояніи поднять ихъ, чѣмъ безрукій отецъ. Въ другомъ случаѣ секціонный мастеръ (такъ въ Америкѣ называютъ начальниковъ десяти-мильных, обыкновенно, дистанцій), покончивъ дневную работу, возвращался съ своими рабочими домой на ручной дрезинѣ. Какъ разъ ко времени скорого почтового поѣзда они въѣхали въ глубокую длинную выемку на крутой кривой; двое рабочихъ напомнили мастеру о поѣздѣ и соскочили съ дрезины, но онъ, взглянувъ на часы, махнулъ нетерпѣливо рукой, произнесъ обычное американское: „all right“, и продолжалъ свой путь. За шумомъ дрезины и вѣтра поѣзда совсѣмъ не было слышно, и онъ налетѣлъ на нихъ со скоростью пятидесяти миль въ часъ, убилъ самого мастера на-повалъ и только какимъ-то чудомъ избѣжалъ крушенія. Вдова убитаго предъявила искъ къ компаніи, и хотя всѣ вышеприведенные факты были доказаны на судѣ и не оставили и тѣни сомнѣнія о безусловной виновности самого убитаго, присяжные присудили ей тысячу долларовъ и возложили всѣ судебныя издержки на компанію.

Законы о фабричной инспекціи дѣлаются съ каждымъ годомъ все опредѣленнѣе и точнѣе; уже нѣсколько лѣтъ (начиная съ 1887 года) фабричные инспекторы разныхъ штатовъ съѣзжаются ежегодно на общія конвенціи и разбираютъ на нихъ желательность принятія тѣхъ или другихъ законодательныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи. Безопасность рудниковъ и каменноугольныхъ копей, а также желѣзно-дорожныхъ приспособленій всегда является на

первомъ планѣ, и въ этомъ направленіи сдѣлано больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ. Рудники и каменноугольныя копи инспектируются обязательно не рѣже двухъ разъ въ годъ, и бывали случаи, что инспекторъ подвергался отвѣтственности наравнѣ съ хозяиномъ за небрежность и упущенія. Вопросы о безопасности отопленія и освѣщенія пассажирскихъ вагоновъ и сдѣленія товарныхъ — неудовлетворительность этихъ трехъ приспособленій оказывается главнымъ факторомъ увѣчий и смертности — поднимаются ежегодно то тамъ, то здѣсь, и штатъ Нью-Йоркъ уже ввелъ обязательность водяного отопленія и автоматическихъ сдѣленій, нововведеній очень дорогихъ, но тѣмъ не менѣе наиболѣе гарантирующихъ жизнь пассажировъ и служащихъ.

Американское законодательство вообще очень заботливо относительно женщинъ и дѣтей, а въ особенности во всемъ, что касается ихъ работы. Статуты разныхъ штатовъ въ этомъ направленіи очень разнообразны. Такъ, штатъ Коннектикутъ требуетъ, чтобы работающіе дѣти ниже четырнадцатилѣтняго возраста обязательно посѣщали школу въ теченіе извѣстнаго періода. Неграмотнаго ребенка моложе четырнадцати лѣтъ (дѣло касается эмигрантовъ) совсѣмъ запрещено нанимать на какую-либо работу. Въ штатѣ Иллинойсѣ дѣтямъ обоего пола моложе четырнадцати лѣтъ совсѣмъ воспрещено работать въ какихъ-либо рудникахъ или копяхъ; отъ нихъ же требуется обязательное посѣщеніе школъ въ теченіе извѣстнаго періода, и наниматели сами обязаны слѣдить за исполненіемъ этого требованія и подлежать отвѣтственности за несоблюденіе его; въ штатѣ Мэнъ этотъ возрастъ поднимается до пятнадцати лѣтъ, и никому моложе шестнадцати лѣтъ не позволено работать при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ больше десяти часовъ въ день; въ штатѣ Индіанѣ этотъ возрастъ поднимается до восемнадцати лѣтъ. Штатъ Массачузетсъ вовсе воспрещаетъ работу дѣтей моложе десятилѣтняго возраста, дозволяетъ ее дѣтямъ моложе четырнадцати лѣтъ только во время школьныхъ вакацій и обязываетъ нанимателей имѣть постоянно готовыми къ инспекціи свѣдѣтельства о каждомъ рабочемъ моложе шестнадцатилѣтняго возраста относительно его возраста и школьныхъ занятій; наконецъ, ни женщинамъ вообще, ни мужчинамъ моложе восемнадцати лѣтъ отъ роду не дозволено работать при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ дольше десяти часовъ въ день. Въ штатѣ Мичиганѣ дѣти моложе четырнадцати лѣтъ могутъ работать только

во время школьныхъ вакацій. Въ штатѣ Нью-Джерсей безусловно запрещена всякая работа мальчикамъ моложе 12 лѣтъ и дѣвочкамъ моложе 14 лѣтъ. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ всѣ законы относительно изыятія отъ публичной продажи какого-либо имущества отмѣняются, если дѣло идетъ о взысканіи заработной платы женщиной; мало того, должникъ можетъ быть посаженъ въ тюрьму на 15 дней за неплатежъ такой заработной платы — это единственный примѣръ во всемъ законодательствѣ Соединенныхъ Штатовъ, когда за долгъ можно поплатиться тюремнымъ заключеніемъ.

Вопросъ о дѣтскомъ трудѣ вообще быстро выдвигается впередъ; въ 1889 году всѣ бюро труда штатовъ занялись спеціальнымъ его изслѣдованіемъ, согласно постановленію предшествовавшей конвенціи, и дали нѣсколько чрезвычайно обстоятельныхъ о немъ докладовъ, единогласно требовавшихъ абсолютнаго воспрещенія законодательнымъ путемъ всякаго труда дѣтьми моложе четырнадцати лѣтъ.

За самое послѣднее время, то тамъ, то сямъ, въ законодательствахъ то одного, то другого штата стали появляться несомнѣнные признаки того, что рабочій вопросъ начинаетъ достигать существенныхъ результатовъ въ разныхъ направленіяхъ. Многіе штаты сдѣлали уголовнымъ преступленіемъ со стороны нанимателей всякую попытку вліять на голоса рабочихъ во время выборовъ; нѣкоторые признали особыми статутами напередъ недѣйствительными всякія подписки со стороны рабочихъ относительно невзысканія съ нанимателей убытковъ въ случаѣ несчастій и увѣчья, а штатъ Нью-Йоркъ только-что провелъ законъ, дѣлающій уголовнымъ преступленіемъ со стороны нанимателя требованіе отъ рабочаго не принадлежать къ ремесленному союзу. Этотъ послѣдній законъ особенно знаменателенъ, такъ какъ онъ, хотя и косвеннымъ образомъ, навсегда узаконяетъ организованный трудъ вообще.

За послѣднее же время было обращено особенное вниманіе на учрежденіе и правильную организацію бесплатныхъ справочныхъ бюро на счетъ правительства штатовъ и территорій. Починъ этому крайне благому дѣлу былъ положенъ штатомъ Огайо въ 1890 году. Одинъ изъ представителей рабочей делегаціи газетной лиги, ѣздившій въ 1889 году на парижскую всемірную выставку для изученія рабочаго вопроса въ Европѣ, нѣкто Льюисъ (W. T. Lewis), обратилъ особенное вниманіе на тогда еще недавно основанное бесплатное справочное бюро въ городѣ Парижѣ. По возвращеніи домой, онъ сдѣлалъ обстоятельный докладъ

по этому предмету конвенціи муниципальнаго конгресса труда въ г. Цинциннати, организація, объединяющей всѣ ремесленные союзы этого города. Эта конвенція начертала билль о введеніи такихъ бюро въ штатѣ Огайо и представила его слѣдующему законодательному собранію, которое единогласно приняло этотъ билль. Тогда же были устроены бесплатныя справочныя бюро во всѣхъ значительныхъ городахъ штата, причемъ законодательство возложило расходъ по ихъ содержанію на эти города, и уже въ теченіе 1892 года свыше пятнадцати тысячъ рабочихъ получили мѣста и работу благодаря этимъ бюро. Организація ихъ чрезвычайно проста: городъ отводитъ помѣщеніе и нанимаетъ особаго клерка, который принимаетъ заявленія рабочихъ и нанимателей и по мѣрѣ надобности сноситъ со всѣми остальными бюро въ штатѣ, и такимъ образомъ получаютъ постоянно вполнѣ надежныя свѣденія о всѣхъ ищущихъ и работы, и рабочихъ во всемъ штатѣ. Успѣхъ этихъ бюро въ штатѣ Огайо былъ необычаенъ; они заслужили всеобщее довѣріе въ самое короткое время, и въ 1891—1894 годахъ многіе штаты и отдѣльные города ввели ихъ у себя. И въ нашемъ городѣ вотъ уже съ полгода какъ существуетъ такое бюро, пользующееся большою популярностью и соответственнымъ успѣхомъ.

Американское законодательство обратило также немалое вниманіе и на то, какимъ образомъ рабочій получаетъ свою плату и насколько онъ обезпеченъ въ ея полученіи. Нѣтъ ни одного штата, который бы не высказался положительно въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. Большинство требуетъ еженедѣльнаго расчета наличными деньгами, причемъ заработная плата является первымъ запрещеніемъ на все имущество нанимателя; въ случаѣ его банкротства, рабочіе всякаго рода первые получаютъ сполна причитающуюся имъ плату, а затѣмъ уже слѣдуютъ всѣ остальные кредиторы. Во многихъ штатахъ плата приказами на магазины, росписками или иными какими-либо способами безусловно запрещена; въ нѣкоторыхъ обязательна плата каждыя двѣ недѣли; есть даже такія законодательства, какъ, напримѣръ, въ штатахъ Флоридѣ и Калифорніи, которыя признаютъ собственника имущества отвѣтственнымъ за плату рабочимъ помимо подрядчика: то-есть, если извѣстная работа сдана на подрядъ, и подрядчикъ, получивъ за нее съ собственника деньги, сбѣжалъ или обанкротился, не рассчитавшись вполнѣ съ рабочими, хозяинъ все-таки обязанъ заплатить деньги рабочимъ—другими словами, онъ отвѣственъ передъ ними за своихъ подрядчиковъ. Законъ съ каждымъ годомъ старается все больше и больше обезпечить рабочаго; мало

того, строго блюдетъ за тѣмъ, чтобъ его не обсчитали и не надули; при взысканіяхъ рабочими своей заработной платы необходимое судопроизводство значительно упрощается и самое взысканіе производится немедленно, безъ лишнихъ формальностей, необходимыхъ при обыкновенномъ ходѣ дѣла. Нельзя при этомъ не замѣтить, что сѣверъ и западъ далеко ушли въ отношеніи этого вопроса отъ юга, гдѣ законодательство по рабочему вопросу вообще находится въ большинствѣ случаевъ еще въ зародышѣ, и только въ самое послѣднее время начало развиваться, тогда какъ въ штатахъ Новой-Англіи, напримѣръ, оно уже достигло значительнаго совершенства.

ХІІІ.

ФУНКЦІИ И РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ БЮРО ТРУДА.

Передо мною, въ формѣ слишкомъ ста томовъ разнаго объема, доклады различныхъ бюро труда въ Америкѣ. Безспорно, первое мѣсто между ними занимаютъ доклады федеральнаго департамента труда въ г. Вашингтонѣ. Работы эти очень замѣчательны по своей обстоятельности и обширности, и въ Америкѣ, по крайней мѣрѣ, признаются за неоспоримый авторитетъ. Первый годовой докладъ, за 1885 годъ, даетъ исторію индустріальныхъ застроевъ въ Великобританіи, Франціи, Германіи, Бельгіи и Соединенныхъ-Штатахъ и, какъ результатъ этой исторіи и разновременныхъ докладовъ конгрессу его различными комитетами, перечисляетъ многія средства къ избѣжанію и смягченію этихъ застроевъ; большое значеніе между ними придается введенію системы раздѣла барышей между нанимателями и рабочими и организациіи этихъ послѣднихъ. Второй годовой докладъ занимается серьезнымъ изслѣдованіемъ труда преступниковъ (*convict labour*) и даетъ подробное описаніе системъ, практикуемыхъ въ различныхъ штатахъ, а также историческое изслѣдованіе законодательствъ древнихъ, средневѣковыхъ и современныхъ европейскихъ государствъ по этому предмету. О третьемъ я уже имѣлъ случай подробно говорить въ главѣ о стачкахъ. Четвертый изслѣдуетъ трудъ женщинъ въ большихъ городахъ и даетъ результаты личныхъ показаній 17.427 женщинъ-работницъ, занимающихся 343 отдѣльными ремеслами. Въ этомъ же 1888 году изданъ специальный докладъ о замужствѣ и разводѣ, огромное изслѣдованіе въ 1.100 страницъ, дающее не только подробное описаніе законодатель-

ства и статистику по этому предмету въ Соединенныхъ-Штатахъ, но и историческій обзоръ европейскихъ законодательствъ и статистику развода во многихъ государствахъ. Пятый даетъ обстоятельную картину желѣзно-дорожнаго труда въ Америкѣ. Шестой явился результатомъ особаго акта конгресса, предписавшаго департаменту труда сдѣлать подробное изслѣдованіе (1.400 страницъ) желѣзнаго и стального дѣлъ, и сравнить заработную плату и издержки на содержаніе американскихъ желѣзныхъ и стальныхъ рабочихъ съ таковыми же въ различныхъ государствахъ Европы. Седьмой (2.050 страницъ) рассматриваетъ въ томъ же смыслѣ хлопчатобумажное, шерстяное, шелковое и стеклянное производства. Кромѣ того, въ теченіе этого времени департаментъ издалъ два спеціальныхъ доклада—одинъ, составляющій подробное изложеніе всѣхъ бывшихъ и дѣйствующихъ законовъ по рабочему вопросу въ Соединенныхъ-Штатахъ, и другой, перечисляющій и вкратцѣ излагающій работы всѣхъ штатныхъ и территоріальныхъ бюро труда въ союзѣ. Наконецъ, уже въ 1893 году вышелъ спеціальнѣйшій докладъ о готенбургской системѣ торговли спиртными напитками.

Изъ докладовъ штатныхъ бюро труда наиболѣе замѣчательны доклады бюро штата Массачусетса, которыхъ скопилось уже 23 тома, затронувшихъ и частію обстоятельно разсмотрѣнныхъ и всякое отдѣльное производство, и почти всѣ и существенныя, и второстепенныя рабочіе вопросы. Кромѣ того, не мало есть очень интересныхъ изслѣдованій по вопросамъ, имѣющимъ только весьма отдаленное, такъ сказать, общее отношеніе къ рабочему; такъ, напр., въ десятомъ и двѣнадцатомъ докладахъ даны превосходныя изслѣдованія по вопросу о пьянствѣ, торговлѣ спиртными напитками, легальной и нелегальной, и связи пьянства съ преступленіемъ вообще; въ одиннадцатомъ—изслѣдованіе о преступности вообще и о разводахъ. Въ тринадцатомъ докладѣ, за 1882 годъ, данъ отвѣтъ на волновавшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ-рядъ общественное мнѣніе штата вопросъ: почему рабочіе фабричнаго города Фолль-Ривера (Fall River) постоянно волнуются и воюютъ съ своими хозяевами, тогда какъ рабочіе сѣдѣвшихъ съ нимъ фабричныхъ же и, повидимому, находящихся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ городовъ, Лоуэлла и Лоуренса (Lawell и Lawtence), еще ни разу не сталкивались какии бы то ни было образомъ съ своими нанимателями. Докладъ самымъ обстоятельнымъ образомъ описываетъ самихъ рабочихъ, фабрики, города, условія жизни рабочихъ, отношенія ихъ къ хозяевамъ, фабричныя порядки и отношенія управляющихъ и за-

правителей въ рабочихъ; также пьянство, тѣ усовершенствованія и заботу о рабочихъ, которыя проявляются устройствомъ читаленъ, клубовъ и. т. д. Отвѣтъ на вопросъ получается самъ собою: тогда какъ въ первомъ городѣ хозяева и рабочіе находятся въ положеніи двухъ воюющихъ армій, помышляющихъ только о томъ, какъ бы побольше ушибить другъ друга, въ двухъ другихъ между ними царствуетъ самое полное единодушіе; тогда какъ въ первомъ рабочіе почти безъ исключенія живутъ въ нанятыхъ tenement house'ахъ, и не имѣютъ рѣшительно никакихъ удобствъ цивилизованной жизни—въ двухъ другихъ большинство ихъ владѣетъ своими собственными жилищами и, вмѣсто кабаковъ, посѣщаетъ читальни и клубы. Тогда какъ въ первомъ городѣ стачки, бойкоты, blacklisting и всѣ остальные атрибуты войны не переводятся и поѣдаютъ какъ заработную плату рабочихъ, такъ и барыши предпринимателей—во вторыхъ двухъ дѣло идетъ безъ всякихъ пертурбацій и каждый грошъ идетъ на увеличеніе общаго благосостоянія. Такіе примѣры чрезвычайно поучительны, и докладъ этотъ имѣетъ громадное значеніе по своей обстоятельности, безпристрастности и неизбѣжнымъ выводамъ.

Въ четырнадцатомъ докладѣ изслѣдованъ также обстоятельно и безпристрастно вопросъ объ отвѣтственности нанимателя за увѣчья. Приведены законы Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Франціи, Италіи и Пруссіи, и всѣ стороны, всѣ преимущества и недостатки cadaго, также какъ и законовъ штата Массачузетса, разобраны до мельчайшихъ деталей. Въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ заключается, по моему мнѣнію, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, серьезныхъ и знаменательныхъ изслѣдованій всей американской рабочей литературы, а именно—сравненіе заработной платы и расходовъ на жизнь рабочихъ штата Массачузетса и Англіи,—сравненіе и за періодъ въ 23 года (1860—1883) и за 1883 годъ въ отдѣльности. Спеціальныя агенты бюро были посланы въ Англію и затѣмъ изслѣдовали этотъ вопросъ дома; двадцать четыре главныхъ отдѣльныхъ производства были приняты за элементы сравненія, при чемъ и заработная плата, и число рабочихъ часовъ въ день, и всѣ остальные факторы для достиженія общаго дѣйствительнаго критерія, были изслѣдованы въ точности. Рекапитуляція всѣхъ этихъ таблицъ приводитъ къ тому результату, что въ этихъ двадцати четырехъ производствахъ американскіе рабочіе получили высшую на 62% заработную плату, чѣмъ англійскіе въ теченіе 1883 года; а такое же изслѣдованіе 90 производствъ за періодъ 1860—1883 даетъ въ пользу Америки еще высшій процентъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ слу-

человѣкъ. Относительно расходовъ на жизнь для Массачусетса взять двадцати-трехъ-лѣтній періодъ, а для Великобританіи—дѣвяти-лѣтній; результаты изслѣдованія сравнены съ экономическими законами доктора Энгеля, и выведены точные и ясные отвѣты, опять-таки въ пользу штата Массачусетса.

Двадцатый докладъ даетъ изслѣдованіе объ отношеніи заработной платы къ стоимости продукта, а двадцать первый—о барышахъ предпринимателей. Эти два доклада, вмѣстѣ взятые, даютъ превосходное представленіе о томъ, какой процентъ стоимости извѣстнаго продукта идетъ на трудъ, и какой на капиталъ, ихъ взаимное отношеніе и желательность большей равномерности между ними, а также средства, посредствомъ которыхъ такая равномерность можетъ быть легче всего достигнута. Данные подраздѣлены на 64 отдѣла, сообразно главнымъ отдѣльнымъ производствамъ, обнимаютъ собою свыше десяти тысячъ отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ и представляютъ около 70% всей мануфактурной дѣятельности штата; къ сожалѣнію, общихъ выводовъ нѣтъ, но они отдѣльны для всякаго отдѣльнаго случая и отдѣла, а потому я и не могу привести ихъ за ихъ обширностью.

Доклады бюро штата Огайо (16 томовъ) носятъ нѣсколько иной характеръ. Они гораздо меньше (почти на половину) объемомъ и, за исключеніемъ двухъ или трехъ, не даютъ обширныхъ изслѣдованій по одному предмету, а раздѣлены на множество небольшихъ главъ по разнымъ вопросамъ. Девятый и десятый томы заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, превосходную исторію ремесленныхъ союзовъ въ Европѣ и Америкѣ, составленную различными иностранными и американскими специалистами; даже исторія и значеніе русскихъ цеховъ очень полно и обстоятельно изложены бывшимъ американскимъ генеральнымъ консуломъ въ Петербургѣ — Стантономъ.

Доклады бюро штата Пенсильваніи (20 томовъ) и обширны, и интересны, и обстоятельны. Пенсильванія—второй штатъ въ союзѣ по числу жителей—вмѣщаетъ въ себѣ городъ Филадельфію съ миллиономъ слишкомъ жителей и можетъ быть справедливо названъ центромъ каменноугольной и желѣзной дѣятельности Сѣверной-Америки. Городъ Питтсбургъ, съ окружающимъ его каменноугольнымъ и желѣзнымъ районами составляетъ совсѣмъ особый міръ, единственный во всемъ свѣтѣ по своимъ оригинальнымъ особенностямъ. Кромѣ того, Пенсильванія же составляетъ безспорную колыбель и современный центръ нефтяной промышленности, не только въ Америкѣ, но и, можетъ быть, во всемъ свѣтѣ. Поэтому естественно, что главное вниманіе бюро работы

штата обращено именно на эти три отрасли промышленности: уголь, желѣзо, керосинъ—и на все съ ними тѣсно связанное. Четвертымъ по важности продуктомъ является стекло—въ одной Пенсильваніи больше стеклянныхъ заводовъ, чѣмъ во всемъ остальномъ союзѣ вмѣстѣ взятомъ. Фабричная и въ особенности рудниковая инспекція поставлена въ Пенсильваніи особенно обстоятельно и прочно; контроль штата распространенъ шире и серьезнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и доклады этихъ инспекторовъ, ежегодно составляющіе значительную часть общихъ докладовъ бюро труда, очень поучительны. Почти все рабочіе главныхъ отраслей промышленности въ Пенсильваніи принадлежатъ къ ремесленнымъ организаціямъ, и ихъ центральныя администраціи заключаютъ контракты съ нанимателями относительно всехъ главныхъ вопросовъ — рабочаго дня, заработной платы и т. д.—на годъ или больше впередъ. Въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Питтсбургъ былъ самымъ горячимъ очагомъ рабочихъ движеній и столкновеній труда съ капиталомъ; восстаніе рабочихъ въ 1877 году противъ желѣзно-дорожныхъ корпорацій, окончившееся значительнымъ кровопролитіемъ и разрушеніемъ на миллионы цѣннаго имущества, и до сихъ поръ памятно всему Союзу. Особенно упорны и продолжительны были стачки каменноугольныхъ рудокоповъ и стекольныхъ рабочихъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, пока не организовались правильныя сношенія союзовъ съ ассоціаціями хозяевъ; съ тѣхъ поръ въ Пенсильваніи царствовалъ относительный покой до стачки въ Homestead, подробно описанной въ одной изъ предъидущихъ главъ. Стачка эта, къ счастью, не повліяла на дружественныя отношенія труда въ капиталу въ остальныхъ отрасляхъ промышленности. Нигдѣ въ Союзѣ арбитраціонныя трибуналы не дѣйствуютъ съ такимъ успѣхомъ, какъ въ Пенсильваніи, особенно послѣ успѣха арбитраціи въ столкновеніи каменноугольныхъ рудокоповъ съ желѣзно-дорожными собственниками копей въ 1885 году, арбитраціи, установившей прочныя базисы для соглашенія въ будущемъ.

Двѣнадцатый докладъ бюро, за 1884 годъ, даетъ такое же обстоятельное сравненіе заработной платы и стоимости жизни въ Пенсильваніи и Европѣ, какъ и вышеописанные доклады бюро труда штата Массачусетса. Каменноугольное, желѣзо-прокатное и сталелитейное дѣла сравнены съ тѣми же производствами въ Англіи, а стеклянное съ французскимъ, бельгійскимъ и нѣмецкимъ. Стоимость жизни вычислена особенно обстоятельно, при чемъ за базисъ для сравненій и вычисленій приняты таблицы Франклина относительно пищи, необходимой для того, чтобы поднять взрослого

человѣка на 10.000 футовъ, и футо-тонны энергій въ унцѣ вѣса различныхъ пищевыхъ продуктовъ. Выводы только въ несущественныхъ деталяхъ различествуютъ отъ выводовъ, полученныхъ и въ бюро штата Массачусетса.

Шестнадцатый докладъ даетъ коротенькое, относительно, но очень интересное сравненіе дѣятельности ремесленныхъ союзовъ въ Пенсильваніи, въ Англіи и Бельгіи—результатъ личныхъ изслѣдованій начальника бюро, проведеннаго цѣлое лѣто за границей именно съ этой цѣлью. Въ этомъ сравненіи особенное вниманіе обращено на результаты благотворительной дѣятельности союзовъ, въ формѣ страхованія членовъ отъ увѣчья и смерти,—результаты, несомнѣнно указывающіе на безусловное превосходство американскихъ организацій въ этомъ отношеніи.

Въ девятнадцатомъ докладѣ (за 1891 годъ) имѣется превосходное историческое изслѣдованіе законодательства штата по вопросу объ отвѣтственности нанимателей за увѣчья и смерть рабочихъ, съ ссылками на извѣстные, повліявшіе на него, судебные процессы и въ другихъ штатахъ; затѣмъ сравненіе его съ законодательствами цѣлой дюжины другихъ штатовъ, Великобританіи, Германіи и Швейцаріи.

Бюро труда штата Нью-Йоркъ, организованное въ 1882 году, выпустило всего восемь докладовъ, но сумѣло уже стать въ передовые ряды и обратить на себя всеобщее вниманіе. Я уже не разъ имѣлъ случай упоминать о превосходныхъ работахъ этого бюро, особенно за то время, когда во главѣ его стоялъ комиссаръ Пебъ, чрезвычайно талантливый статистикъ и опытный наблюдатель. Его докладъ за 1891 годъ произвелъ огромную сенсацію во всей странѣ и служить теперь настольной книгой всякаго политика-эконома Америки.

Размѣры журнальной статьи не позволяютъ мнѣ подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ изъ этихъ замѣчательныхъ работъ. Но вопросовъ, въ нихъ затронутыхъ и разобранныхъ, такъ много, они такъ важны и такъ трудно рѣшить, что особенно интересно, что я боюсь остановиться на какихъ-либо подробностяхъ, такъ какъ это завело бы меня слишкомъ далеко и невозможно было бы остановиться въ-время.

Изъ остальныхъ бюро труда шесть организованы въ 1887 г., три—въ 1889 г., три—въ 1890 и три—въ 1891 г.; ихъ первые и вторые доклады очень коротки и составляютъ первыя попытки на этомъ трудномъ поприщѣ. Какъ первые доклады старѣйшихъ бюро, такъ и эти послѣдніе носятъ одинъ и тотъ же характеръ, а именно доказываютъ несовершенства и неудобства первой орга-

низации. Законодательство естественно стремится къ экономіи и, повинаясь требованіямъ времени и организаціи бюро труда, всегда сначала урѣзываетъ возможность серьезной дѣятельности ограниченіемъ средствъ. Учреждается бюро, назначается комиссаръ съ опредѣленнымъ, сначала обыкновенно очень незначительнымъ жалованьемъ, дается ему двѣ, три сотни, можетъ быть, пятьсотъ долларовъ на расходы, и рекомендуется обращаться за необходимой помощью къ другимъ чиновникамъ штата и графства, обыкновенно къ ассессорамъ палатовъ, чинамъ, обязаннымъ лично оцѣнить и осмотрѣть всякое имущество въ опредѣленномъ районѣ. Эта система неизбѣжно оказывается неудовлетворительной и не достигающей цѣли. Во-первыхъ, ассессоры оказываются нерѣдко людьми не особенно грамотными и интеллигентными, которые хотя и компетентны оцѣнить добросовѣстно извѣстное имущество, но совершенно незнакомы съ статистикой и ея требованіями. Во-вторыхъ, они всегда чины графства, совершенно независимые отъ того бы то ни было и выбираемые общинами съ извѣстной опредѣленной цѣлью, нерѣдко работающіе съ доллара оцѣнки, т.-е. не поденно, а поштучно, такъ сказать. Ни законодательство, ни губернаторъ, ни комиссаръ не могутъ ничего имъ приказать; ихъ можно только просить, и они въ правѣ безусловно отказать въ этой просьбѣ, что, конечно, весьма многіе изъ нихъ и дѣлаютъ. Въ результатъ получаются неполныя, несовершенныя, а иногда и заведомо невѣрные свѣденія; тогда комиссары обращаются по почтѣ къ частнымъ лицамъ, къ ассоціаціямъ и союзамъ. Опять-таки нѣкоторые отвѣчаютъ, нѣкоторые—нѣтъ, нѣкоторые не понимаютъ вопросовъ и значенія присланныхъ имъ бланковъ, перевираютъ данныя, смѣшиваютъ понятія—опять получается путаница невообразимая. Такимъ образомъ, первые года существованія бюро неизмѣнно не даютъ никакихъ существенныхъ результатовъ; печатая, согласно постановленіямъ законодательства, свои первые доклады, комиссары неизмѣнно жалуются на несовершенство методовъ и недостаточность средствъ и сами сомнѣваются въ вѣрности добытыхъ ими выводовъ. Въ штатѣ Родъ-Айлендъ бюро труда провѣдало такимъ образомъ свое существованіе три года, было признано бесполезной тратой денегъ и закрыто, и только послѣ восьмилѣтняго промежутка опять открыто съ большими средствами и при лучшихъ условіяхъ въ 1887 году. Съ теченіемъ времени и для самихъ законодателей дѣлается очевиднымъ, что недостаточность средствъ и несовершенство методовъ дѣлаютъ самое дѣло болѣе чѣмъ бесполезнымъ; начинаются новыя ассигновки, назначаются помощники и клерки,

и дѣло мало-по-малу устанавливается прочно и обстоятельно. Въ бюро труда штатовъ Массачузетса, Нью-Йорка, Огайо, Пенсильаніи образовались уже опытные, многочисленные, сравнительно, силы; изслѣдованія производятся на мѣстахъ самостоятельно, особыми агентами бюро и получаютъ вѣсъ, значеніе и авторитетность; тонъ докладовъ мѣняется—у нихъ появляется увѣренность въ получаемыхъ выводахъ и возможность защищать ихъ въ случаѣ надобности. Такъ комиссаръ труда штата Нью-Йоркъ, Пеэкъ, докладъ котораго за 1891 годъ такъ не понравился интенсивнымъ демократамъ, заподозрившимъ его точность и добросовѣстность, потребовалъ суда и блистательно доказалъ во всеобщее свѣденіе не только безупречность данныхъ, но и неизбѣжность всѣхъ своихъ выводовъ.

Когда-то, въ семидесятыхъ годахъ, во дни надеждъ и радужныхъ упованій русскаго земства, мнѣ пришлось быть въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій губернскимъ земскимъ гласнымъ въ двухъ сѣверныхъ губерніяхъ. Какъ сейчасъ помню тѣ пренія, которыми сопровождалось открытіе статистическихъ бюро, чуть ли не первыхъ въ то время земскихъ статистическихъ бюро въ Россіи. Какъ сейчасъ помню то стремленіе экономизировать и купить на грошъ пятаковъ, которое свозило въ этихъ преніяхъ. Какъ сейчасъ помню совѣты вновь назначеннымъ завѣдующимъ обратиться къ содѣйствію и помощи волостныхъ правленій, учреждений, въ общемъ стоявшихъ гораздо ниже ассессоровъ налоговъ въ графствахъ Соединенныхъ-Штатовъ. Какъ сейчасъ помню первые годовые доклады статистиковъ и ихъ жалобы на недостаточность средствъ, на невозможность серьезной работы, которая одна и могла имѣть значеніе и приносить дѣйствительную пользу. А ихъ поле дѣятельности было несравненно шире, несравненно труднѣе поля дѣятельности статистическаго бюро Америки, такъ какъ имъ пришлось возиться съ статистикой, а не съ однимъ ея незначительнымъ отдѣломъ; имъ пришлось изслѣдовать губерніи съ слишкомъ двухмилліоннымъ населеніемъ,—губерніи, въ которыхъ были такіе медвѣжьи углы, куда, напримѣръ, лѣтомъ, пока не замерзнутъ болота, и пробраться было невозможно иначе какъ пѣшкомъ; денегъ же имъ отпустили меньше, чѣмъ отпускаетъ на свое бюро работы, напр., штатъ Айдаго, съ населеніемъ меньше чѣмъ въ сто тысячъ обоюго пола, или штатъ Сѣверная-Дакота, съ населеніемъ въ сто-семьдесятъ тысячъ, штатъ, имѣющій кромѣ того желѣзныя дороги въ каждомъ мало-мальски значительномъ поселеніи. Только изучая доклады этихъ бюро и проникнувшись ихъ сѣтованіемъ на свою судьбу и ре-

результатами этихъ сѣтованій въ старѣйшихъ общинахъ Союза, какъ Массачусетсъ и Пенсильванія, почувствовалъ я всѣ тѣ тернія, которыя были на пути первыхъ земскихъ статистическихъ бюро Россіи, понялъ всѣ тѣ невозможныя препятствія, которыми была окружена со всѣхъ сторонъ ихъ дѣятельность, и оцѣнилъ ту энергію, которая была необходима для того, чтобы добиться и того немногаго, что получалось какъ результатъ этой дѣятельности. Не будьте строги къ тѣмъ зарождающимся зачаткамъ самоуправления, которымъ вы имѣете счастье обладать, читатель; не требуйте отъ нихъ невозможнаго и не прибавляйте къ чапѣ ихъ горечи, чтобы когда-нибудь впослѣдствіи, какъ я теперь, не пришлось вамъ удивляться ихъ работѣ, вмѣсто того, чтобы осуждать ее.

Помимо этой статистической, изслѣдовательной дѣятельности, американскія бюро работы отправляютъ и нѣкоторыя другія функціи. Фабричная инстанція, на примѣръ, или всецѣло, или до известной степени находится въ ихъ завѣдываніи. Также подлежатъ ихъ контролю и рудники; бюро штата Тенесси даже носитъ названіе бюро работы и рудниковъ. Забота объ охранѣ здоровья и жизни рабочихъ въ рудникахъ въ нѣкоторыхъ штатахъ привлекаетъ болѣе вниманіе, чѣмъ то же дѣло на фабрикахъ. Штатъ Пенсильванія далъ рудокопнымъ инспекторамъ обширныя полномочія, и суды его чрезвычайно строго относятся даже къ оплошностямъ хозяевъ въ этомъ отношеніи. Я уже говорилъ выше объ арбитражной дѣятельности комиссаровъ работы — теперь прибавлю только, что уже было не мало случаевъ, когда ихъ вмѣшательство и переговоры съ вожаками ремесленныхъ союзовъ не только устраняли, но и предотвращали стачки, и общественное мнѣніе за послѣднее время все болѣе и болѣе склоняется въ пользу обязательной арбитраціи всякихъ столкновеній. Обязательность арбитраціи — вопросъ чрезвычайно щекотливый и затрогивающій такую массу разнородныхъ интересовъ, что окончательное его рѣшеніе, по всей вѣроятности, еще очень далеко. Весьма многіе серьезные законовѣды высказались противъ конституціонности такого учрежденія, и нѣтъ сомнѣнія, что если законодательство какого-либо штата проведетъ его и встрѣтится случай, когда одна изъ сторонъ останется недовольною, вопросъ будетъ перенесенъ въ верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ для окончательнаго рѣшенія — вердикты этого трибунала никогда еще не оспаривались американскимъ народомъ.

Я уже упоминалъ въ первой главѣ настоящей статьи о ежегодныхъ конвенціяхъ американскихъ бюро труда. Протоколы этихъ конвенцій очень интересны, и выясняютъ всю ту разницу взглядовъ

и методовъ, которыми руководствуются различные бюро. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ бюро эти довольно рѣзко раздѣлились на двѣ неравныя партіи: одна, которая проповѣдуетъ, что она существуетъ исключительно въ пользу рабочаго народа и не имѣетъ права заниматься ничѣмъ инымъ, кромѣ изслѣдованія рабочаго вопроса, возвышенія уровня рабочихъ вообще и способствованія имъ во всѣхъ отношеніяхъ; другая говоритъ, что задачи бюро гораздо шире, и что они не только имѣютъ право, но и обязаны принимать въ соображеніе не однихъ рабочихъ, а также и промышленность и торговлю страны вообще. Особенно горячія пренія по этому предмету были возбуждены на послѣдней конвенціи докладомъ комиссара труда штата Миссури, даваго въ немъ обстоятельное описаніе экспортной дѣятельности всѣхъ графствъ своего штата въ земледѣльческомъ, лѣсномъ, каменноугольномъ и многихъ другихъ отношеніяхъ. Представители двухъ или трехъ штатовъ страстно напали на него за подобное пониманіе своихъ обязанностей, утверждая, что онъ измѣнилъ дѣлу рабочихъ въ пользу богатыхъ классовъ, въ пользу коммерческихъ интересовъ штата, и, вмѣсто того, чтобы заниматься изслѣдованіемъ рабочаго вопроса, присоединился къ сонму спекуляторовъ поземельнымъ и всякаго другого рода имуществомъ. Онъ отвѣчалъ, что въ штатѣ Миссури самый многочисленный рабочій союзъ безспорно составляетъ фермерскій „аллиансъ“, и что его изслѣдованіе было результатомъ именно спеціальной просьбы этой организаціи. Тѣмъ не менѣе, въ средѣ конвенціи произошелъ серьезный расколъ, оставшійся незалеченнымъ; только будущее покажетъ, которая сторона одолѣетъ, и будетъ ли суждена дѣятельность рабочихъ бюро вообще.

Самымъ важнымъ докладомъ конвенціи, безспорно, явился докладъ комиссара труда штата Миннесоты, Пауэрсъ. Докладъ этотъ имѣетъ самое существенное значеніе. Враги ремесленныхъ союзовъ всегда и вездѣ проповѣдуютъ, что союзы эти являются исключительно средствами къ существованію нѣсколькимъ демагогамъ, которые обираютъ рабочихъ съ эгоистическими цѣлями; что рабочіе только непроизводительно тратятъ деньги на ихъ поддержаніе, и что ихъ взносы составляютъ для нихъ чистый убытокъ, помимо всѣхъ тѣхъ тягостей, которыя на нихъ время отъ времени налагаются деспотизмомъ союзовъ. Докладъ Пауэрсъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ эти обвиненія, и опровергаетъ не теоретическими разсужденіями, которыя могли бы подлежать оспариванію, а неоспоримыми фактами и цифрами. Докладъ охватываетъ собою всѣ главныя частныя взаимно-страховныя общества Америки и благотворительную часть дѣятельности

главныхъ ремесленныхъ союзовъ, и сравниваетъ результаты для застрахованныхъ лицъ. Не входя въ детали всѣхъ этихъ сравненій, болѣе или менѣе однообразныхъ и приходящихъ къ одному и тому же результату, я остановлюсь на сравненіи трехъ частныхъ обществъ: Metropolitan, Prudential и John Hancock, однихъ изъ самыхъ вліятельныхъ, старыхъ и большихъ по оборотамъ во всемъ сѣверо-американскомъ Союзѣ, вмѣстѣ съ интернаціональнымъ союзомъ сигарочниковъ. Сравненіе это даетъ слѣдующіе выводы: оставляя въ сторонѣ всѣ чисто ремесленные стороны дѣятельности союза сигарочниковъ и рассматривая его какъ организацію, существующую исключительно для благотворительныхъ цѣлей, мы видимъ, что тогда какъ три вышеприведенныя общества страхуютъ только жизнь, сигарочники страхуютъ своихъ членовъ по пяти разрядамъ: на случай смерти, болѣзни, стачки, безработицы и необходимости перемѣны мѣста для полученія работы. Кромѣ того, они, благодаря своей организаціи, содержатъ въ сущности въ каждомъ городѣ даровое справочное бюро для своихъ членовъ. Человекъ двадцати-одного года отъ роду, вступившій членомъ въ союзъ сигарочниковъ и застраховавшійся въ одномъ изъ вышеприведенныхъ обществъ, при одной и той же платѣ въ двадцать пять центовъ въ недѣлю, черезъ пятнадцать лѣтъ имѣлъ бы право, въ случаѣ смерти, на совершенно одну и ту же сумму въ 550 долларовъ и отъ союза, и отъ общества. Но принадлежность къ союзу сигарочниковъ, кромѣ того, за тѣ же самыя деньги обезпечиваетъ ему пять долларовъ въ недѣлю въ случаѣ болѣзни, стачки и безработицы, и гарантируетъ ему расходъ на переѣздъ изъ одного города, гдѣ работы въ данный моментъ нѣтъ, въ другой, гдѣ она есть.

Такія громадныя преимущества въ пользу союза являются результатомъ разницы въ расходахъ на управленіе и веденіе обѣихъ организацій. Расходъ на управленіе благотворительнымъ дѣломъ союза составляетъ всего отъ одной восьмой до одной четверти расхода на то же самое частнаго общества. Другими словами, сигарочникамъ это дѣло стоитъ въ нѣсколько разъ дешевле, чѣмъ застраховавшимся въ частномъ обществѣ, и кромѣ того они ведутъ свое ремесленное дѣло даромъ. Ясно, что дѣло единенія и взаимной поддержки, то именно, противъ котораго особенно ратуютъ враги ремесленныхъ союзовъ, не стоитъ рабочимъ ровно ничего, и тѣ взносы, которые они дѣлаютъ, приносятъ имъ гораздо большую прибыль, чѣмъ еслибъ дѣломъ страхования завѣдывали на коммерческихъ основаніяхъ такъ-называемые дѣловые люди. Точное вычисленіе дѣйствительной при-

были, полученной ситарочниками отъ этой стороны дѣятельности ихъ союза, доказываетъ, что прибыль эта покрываетъ собою сполна всѣ убытки, понесенные ими отъ стачекъ. Убытки эти значительны, и, конечно, желательно ихъ совершенное устраненіе—тѣмъ не менѣе, нельзя отказать въ многозначительности и тому факту, что всѣ эти убытки со стороны рабочихъ покрыты тѣми сбереженіями, которыми они обязаны одному только страхованію въ своемъ союзѣ.

Въ приложеніи къ протоколамъ конвенціи даны краткія, но характерныя біографіи двадцати комиссаровъ труда въ такомъ же числѣ штатовъ, изъ которыхъ оказывается, что восемь изъ нихъ были изъ простыхъ рабочихъ,—одинъ даже проработалъ двадцать пять лѣтъ по своему ремеслу,—и до сихъ поръ принадлежатъ къ различнымъ ремесленнымъ союзамъ. Между остальными находится 1 священникъ, 1 фермеръ, нѣсколько журналистовъ и адвокатовъ, 1 архитекторъ, 1 фабрикантъ и т. д.

XIV.

Мои личныя наблюденія.

Давъ краткое описаніе положенія рабочаго вопроса вообще, я въ заключеніе попытаюсь обобщить и мои личныя впечатлѣнія относительно американскаго рабочаго. Въ будущемъ іюнѣ будетъ ровно тринадцать лѣтъ, какъ я живу въ союзѣ, и въ теченіе всего этого періода, за исключеніемъ первыхъ шести-восьми мѣсяцевъ, которые я самъ проработалъ чернорабочимъ-поденщикомъ, и двухъ короткихъ промежутковъ въ два-три мѣсяца каждый, сопровождавшихъ мои переселенія изъ Флориды въ Сѣверную-Каролину и изъ Сѣверной-Каролины въ Калифорнію, я все время былъ нанимателемъ американскаго рабочаго; по временамъ у меня работало до трехъ сотъ ремесленниковъ всякаго рода и до трехъ тысячъ чернорабочихъ. За все это время я не помню рѣшительно ни одного случая остраго столкновенія какого бы то ни было рода, ни съ массами, ни съ отдѣльными рабочими. Въ теченіе четырехъ лѣтъ я былъ желѣзно-дорожнымъ главноуправляющимъ, и въ это время мнѣ частенько приходилось разсчитывать рабочихъ, изрѣдка за некомпетентность, чаще за ослушаніе правилъ; старые желѣзно-дорожные рабочіе, особенно машинисты, кочегары и побѣдная прислуга, съ теченіемъ времени теряютъ всякое сознаніе опасности и нерѣдко пренебрегаютъ правилами только по-

тому, что значеніе этихъ правилъ для нихъ лично перестаетъ существовать, и они начинаютъ относиться къ нимъ какъ къ ненужному хламу, излишнему формализму, *red tape*, какъ здѣсь называются всѣческія формальности. Такіе расчеты, нерѣдко внезапные, вызванные необходимостью поддержанія желѣзной дисциплины, никогда не вызвали ропота или неудовольствія со стороны сослуживцевъ рассчитаннаго рабочаго. Я долженъ констатировать тотъ фактъ, что чувство справедливости, *fairness*, вообще чрезвычайно развито въ американскомъ народѣ, исключая, можетъ быть, высшія финансовыя и политическія сферы. Онъ отлично умѣетъ понять, —когда расчетъ является по несомнѣнной винѣ самого рабочаго, а когда вслѣдствіе личныхъ мотивовъ нанимателя, то-есть, когда этотъ послѣдній несправедливъ. Американскій рабочій нерѣдко зарывается, увлекается, но въ основаніяхъ къ недоразумѣніямъ и обыкновенно находилъ основательную причину, такъ или иначе поданную нанимателемъ. Исключая столкновеній по поводу укороченія рабочаго дня и возвышенія заработной платы, нерѣдко имѣющихъ мѣсто и тамъ, гдѣ помимо ихъ царствуетъ полное согласіе между нанимателемъ и рабочими, всѣ остальные неизмѣнно являются результатомъ или несправедливаго отношенія къ отдѣльнымъ рабочимъ, иногда личной неприязни, или желанія очистить мѣсто для пріятеля, или открытаго пренебреженія и къ нимъ, и къ ихъ организаціямъ. Этого послѣдняго американскій рабочій рѣшительно не выноситъ. Съ нимъ совершенно невозможно говорить какъ съ чѣмъ-то низшимъ. На всякую грубость онъ непременно самъ отвѣтитъ грубостью; также совершенно невозможно сдѣлать ему упрекъ въ лѣности, въ отлыниваніи отъ работы. Предполагается, что каждый работаетъ настолько, насколько у него хватаетъ силы и умѣнья; если рабочій вамъ кажется тихъ, работа у него неспорится—не говорите ему этого, а когда придетъ суббота, рассчитайте его; иначе вы непременно наткнетесь на неприятности. Сдѣлать открытое замѣчаніе рабочему, особенно въ большой мастерской, при другихъ, можно только въ томъ случаѣ, если онъ что-нибудь неладно дѣлаетъ, не понялъ того, что нужно, или перепуталъ что-нибудь; дѣлая такое замѣчаніе, нужно быть увѣренному въ дѣлѣ самому, нужно его знать въ точности и умѣть указать, въ чемъ именно заключается его ошибка. Если ремесленникъ, напримѣръ столяръ или машинистъ, которому вы платите жалованье мастера, сдѣлаетъ ошибку, испортитъ матеріалъ и потеряетъ время, и вы ему это докажете,—онъ непременно предложитъ вамъ заплатить сполна за эту ошибку и нерѣдко настоитъ на этомъ при расчетѣ. Въ моей практикѣ было не мало

такихъ случаевъ. Рабочій гоноръ этого рода чрезвычайно силенъ. Точно также въ громадномъ большинствѣ случаевъ можно положиться и на показанія рабочихъ въ случаѣ какого-нибудь несчастія—поломки машины, несчастнаго случая, причинившаго увѣчье или даже смерть, крушенія поѣзда и такъ далѣе. Многo разъ приходилось лично дѣлать изслѣдованія по поводу этихъ послѣднихъ, нерѣдко бывали на моихъ заводахъ разные несчастные случаи—и ни разу не пришлось замѣтить даже стремленія уменьшить оплошность или утаить несоблюденіе инструкціи со стороны виновныхъ. Даже на судѣ, какъ, напр., въ тѣхъ двухъ случаяхъ розысканія судебнымъ порядкомъ съ моей компаніи, о которыхъ я подробно говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, не было и попытки затмить или извратить факты. Мною особенно памятенъ слѣдующій случай. Старикъ столяръ, очень искусный мастеръ, скрѣпилъ ремень своей машины и полѣзъ на лѣстницу надѣть его на шкивъ; по инструкціи онъ долженъ былъ дать знать машинисту, чтобы тотъ уменьшилъ ходъ—онъ этого не сдѣлалъ, поскользнулся, его платье зашло между ремнемъ и шкивомъ,—шкивъ былъ футовъ четыре въ діаметрѣ, паровая машина въ 150 силъ, главный валъ дѣлалъ около 300 оборотовъ въ минуту,—несчастнаго повернуло нѣсколько разъ въ пространствѣ и затѣмъ бросило внизъ футовъ пятнадцать, искалѣченнаго на вѣки. Когда онъ пришелъ въ сознаніе, онъ прежде всего заявилъ во всеуслышаніе, что виноватъ самъ, и что ни на кого не имѣетъ и не можетъ имѣть никакой претензіи. Меня, русскаго барина, помѣщика, десять лѣтъ прохозяйничавшаго въ деревенской усадьбѣ, такая добросовѣстность сначала просто приводила въ умиленіе; теперь я уже привыкъ къ ней и не ожидаю ничего другого. Точно также почти неизвѣстно здѣсь и пьянство между ремесленниками. Понедѣльникъ—такой же день, какъ и всѣ остальные; заводчикъ всегда можетъ разсчитывать, что всѣ его рабочіе окажутся на работѣ при первомъ свистѣ. Между всѣми моими рабочими—а ихъ у меня перебывала не одна тысяча за эти тринадцать лѣтъ—я отчетливо помню только трехъ дѣйствительныхъ пьяницъ: одного чертежника, употреблявшаго опій, другого столяра и третьяго машиниста. Чертежникъ былъ безнадѣженъ, и я держалъ его изъ жалости; столяръ былъ чрезвычайно искусный рѣзчикъ и пилъ только изрѣдка, два, три дня въ мѣсяцъ, или даже рѣже, а машинистъ былъ связанъ какими-то странными узами съ однимъ изъ моихъ дѣловыхъ партнеровъ, и я терпѣлъ его по необходимости.

Чернорабочіе—на югѣ я бралъ исключительно негровъ—рѣдко радѣляются на два разряда: одни—осѣдлые, семейные,

добивающіеся благосостоянія, которые ничѣмъ не отличаются отъ американскаго рабочаго вообще; другіе — „трампы“, бродяги, ко-чующіе съ одного мѣста на другое и прогуливающіе весь заработокъ при первомъ удобномъ случаѣ. Рабочими на моихъ лѣсо-пилкахъ и фабрикахъ, погонщиками муловъ, вообще людьми, имѣв-шими постоянныя занятія, были негры исключительно перваго раз-ряда, — и я не могу не заявить самымъ рѣшительнымъ образомъ, что, по безпристрастномъ, внимательномъ взглядѣ на все мое прошлое, я не могу замѣтить какой-либо разницы между ними и бѣлыми. Многіе изъ нихъ работали у меня безъ перерыва лѣтъ по пяти, по шести — двое или трое цѣлыхъ восемь — и, право, болѣе добросовѣстныхъ, болѣе усердныхъ рабочихъ желать невоз-можно. Нѣкоторымъ изъ нихъ я довѣрялъ безусловно. О безсе-мейныхъ, бездомныхъ бродягахъ, работавшихъ на постройкѣ же-лѣзной дороги, я не могу сказать того же. За ними нужно было неусыпно присматривать; у всѣхъ надсмотрщиковъ всегда были заряженные револьверы, къ которымъ иногда приходилось при-бѣгать; каждый расчетный день происходило поголовное пьян-ство, продолжавшееся три-четыре дня, а то и цѣлую недѣлю, — сло-вомъ, они ничѣмъ не отличались отъ безнадежныхъ пролетаріевъ другихъ странъ. Я лично всегда относился къ неграмъ болѣе или менѣе снисходительно, гораздо добродушнѣе, чѣмъ къ бѣлымъ ра-бочимъ, потому что не могъ не чувствовать значительной аналогіи между ними и нашимъ мужикомъ. Фактически негры вышли изъ рабства еще болѣе ужаснаго, чѣмъ блаженной памяти рус-ское крѣпостное право, четырьмя годами позже 19-го февраля 1861 года, не получивъ на обзаведеніе ни земли, ни гроша денегъ, ни какой-либо собственности, будучи поголовно безграмотными и суевѣрно-невѣжественными въ самой превосходной степени, — и въ то же время внезапно получили всѣ права полныхъ гражданъ величайшей республики современнаго міра. Было отъ чего поте-рять голову, особенно если принять въ соображеніе, что вся ихъ масса жила на югѣ среди абсолютно враждебнаго, интеллигент-наго, смѣлаго и упрямаго бѣлаго южнаго населенія, вдали отъ своихъ освободителей и естественныхъ защитниковъ — сѣверянъ. Южный баринъ не умѣлъ работать самъ — и, при всемъ своемъ высокомѣріи и презрѣніи къ негру, вынужденъ былъ нанимать его и платить ему свои послѣднія деньги; а какъ только негръ начиналъ пріобрѣтать собственность и чувствовать возможность благосостоянія и экономической независимости въ будущемъ, такъ онъ неизмѣнно терялъ свое холопство и начиналъ дѣлаться че-ловѣкомъ.

Борьба за болѣе короткій рабочий день, начавшаяся на сѣверѣ уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ и разыгравшаяся съ особенной силой съ 1886 года, дошла до юга въ очень легкой формѣ только въ 1889 году, когда на мою долю выпала честь быть первымъ фабрикантомъ юга, даровавшимъ своимъ рабочимъ болѣе короткій день, за ту же заработную плату. Какъ я уже имѣлъ случай изложить въ одной изъ предыдущихъ главъ, братство плотниковъ и столяровъ было выбрано американской федераціей труда той организаціей, которая должна была систематически начать эту достопамятную борьбу; я какъ разъ былъ подрядчикомъ-строителемъ и владельцемъ дерево-обрабатывающей фабрики въ Сѣверной-Каролинѣ, когда отдаленныя волны этой борьбы впервые коснулись южныхъ штатовъ. Строительное дѣло въ Америкѣ вообще, а внутренняя отдѣлка зданій въ особенности, все болѣе и болѣе переходитъ отъ простаго ремесла къ дѣйствительному искусству, требующему отъ исполнителей и болѣе интеллигентности, и болѣе общаго развитія, и болѣе вкуса и умѣнья. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ нью-йорскій Astor House, когда-то первый отель новаго свѣта, считался рѣдкимъ образцомъ строительнаго искусства—теперь онъ не чтѣ иное какъ безвкусная, устарѣвшая коробка, мозолящая глаза всякому прохожему своей неуклюжестью и неумѣстностью посреди окружившихъ ее со всѣхъ сторонъ современныхъ зданій. И архитектура, и чертежное дѣло, и исполненіе сдѣлали исполинскіе шаги впередъ и движутся все быстрѣе и быстрѣе; искусный мастеръ тридцать лѣтъ тому назадъ теперь не годился бы во второразрядные подмастерья. Машины дѣлаютъ всю механическую, лошадиную, такъ сказать, работу; отъ каждаго мастера требуется теперь множество такихъ вещей, о которыхъ и понятія не имѣли его отцы и дѣды. Каждый плотникъ, каждый столяръ долженъ умѣть понимать чертежъ, читать его безошибочно; матеріалъ ему подадутъ готовый, распиленный, выстроганный и обработанный, и онъ долженъ воспроизвести изъ него чертежи въ натурѣ. Онъ долженъ все время работать и руками, и головой—а нѣтъ ничего утомительнѣе для человѣческаго организма, какъ именно такое соединеніе. Я знаю это по опыту. Тяжело непривычному „интеллигенту“ возить десять часовъ тяжелую, неуклюжую тачку съ опилками изъ-подъ пилы, или накатывать бревна, или складывать тесъ,—но когда мускулы втянутся, нервы успокоятся, а голова бездѣйствуетъ, можно легко втянуться во все и дойти до того, что и послѣ десяти часовъ усиленной работы чувствуешь себя сравнительно бодрымъ,—но нельзя никогда достигнуть того же, работая и мускулами, и головой одновременно:

утомленіе получится такого сорта, отъ котораго не отдѣлаешься иначе какъ восьмичасовымъ сномъ. Несравненно легче проработать десять часовъ одними мускулами, чѣмъ восемь—мускулами и головой. А отъ современныхъ ремесленниковъ требуется именно такое соединеніе. Кромѣ того, добросовѣстный рабочій, начавши получать ту же заработную плату за восемь часовъ, которую всегда прежде получалъ за десять, неизбѣжно старается и торопится больше; его работа, и вообще интенсивная, дѣлается еще интенсивнѣе вслѣдствіе этого обстоятельства. Я отлично помню, какъ работали мои рабочіе послѣ того, какъ получили отъ меня болѣе короткій день. Я не могъ не замѣчать, какъ кипѣла работа и какъ старательно они стремились къ тому, чтобы по возможности, насколько у нихъ хватало силъ, наверстать мнѣ потерянное время.

Американскіе ремесленники вообще болѣе или менѣе интеллигентный народъ. Конечно, только очень немногіе между ними получаютъ солидное образованіе, но почти каждый читаетъ болѣе или менѣе и знакомъ, хотя и поверхностно, со всѣми живыми вопросами дня. Я лично зналъ и знаю весьма многихъ, которые могутъ говорить о чемъ угодно, и говорить толково и ясно; ихъ невозможно озадачить, ихъ нельзя сбить съ толку, и вы нерѣдко примете такого ремесленника за адвоката, за священника, вообще за профессиональнаго интеллигента, а отнюдь не за простого рабочаго. Они не только встрѣчаются десятками въ федеральной палатѣ представителей, но и въ сенатѣ Соединенныхъ-Штатовъ; нѣтъ почти ни одного кабинета безъ представительства въ немъ ремесленныхъ классовъ. Иной работалъ десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ за своимъ ремесломъ, а тамъ вдругъ пошелъ въ гору и оказался однимъ изъ самыхъ выдающихся людей своего города или мѣстности. Имена Пуодерли, Гомперса, Вилькинсона, Сарджента—извѣстны по всему союзу и пользуются такимъ же уваженіемъ, какъ и имена Кливелэнда, Гаррисона и Блэна.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по приѣздѣ въ Америку я всегда искренно удивлялся, почему это американскіе рабочіе, при той безусловной свободѣ, которою они пользуются, при той легкости организаціи и пропаганды, которая здѣсь практикуется, не усваиваютъ тѣхъ соціальныхъ и даже анархическихъ доктринъ, которыя за послѣднее десятилѣтіе такъ обуяли многія государства старой Европы и, въ особенности, даже серьезно сдавленную бисмарковскимъ милитаризмомъ Германію. Чисто политическія движенія первой половины настоящаго столѣтія, какъ бы завер-

лившіяся 1849-мъ годомъ, уступили мѣсто движеніямъ политико-экономическимъ, соціально-демократическимъ; европейская эмиграція, послѣдствіе этихъ движеній, и до сихъ поръ имѣющая въ Америкѣ надежное убѣжище, измѣнила свой характеръ соотвѣтственно, и сотни и тысячи испанскихъ, французскихъ и, въ особенности, нѣмецкихъ приверженцевъ и носителей новыхъ политико-экономическихъ ученій и до сихъ поръ ежегодно являются сюда и, само собой разумѣется, дѣлаются немедленно по высадкѣ ревностными апостолами этихъ ученій на американской почвѣ. Несмотря на все это, тогда какъ соціально-демократы на послѣднихъ выборахъ въ Германіи насчитали около двухъ миллионныхъ голосовъ, въ Америкѣ та же партія на національныхъ выборахъ никогда еще не могла набрать болѣе пятидесяти тысячъ голосовъ по всему Союзу, съ населеніемъ въ полтора раза болѣе населенія Германіи и съ неограниченнымъ никакими цензами правомъ голоса. Мнѣ пришлось прожить здѣсь почти десять лѣтъ, прежде чѣмъ я вполнѣ понялъ и объяснилъ себѣ это, повидимому, странное явленіе. Во всѣхъ большихъ городахъ существуютъ соціально-демократическія газеты, имѣются, такъ сказать, кадры партій, учителя и проповѣдники, — а партія нѣтъ, и численно она не только не растетъ, а несомнѣнно уменьшается. Случаются иногда внѣшнія проявленія ея существованія, въ родѣ гѣй-маркетскаго бунта въ Чикаго, выстрѣла въ предсѣдателя сталелитейной компаніи Карнеги въ Питтсбургѣ, Фрика, публичныхъ воззваній къ динамиту, въ родѣ воззванія Эммы Гольдбахъ во время стачки портныхъ въ Нью-Йоркѣ, но всегда и вездѣ оказывается, что, во-первыхъ, участниками такихъ вспышекъ являются исключительно „зеленые“ европейцы-эмигранты, а во-вторыхъ, что онѣ не имѣли серьезной подкладки и совсѣмъ не пользовались симпатіями американскихъ рабочихъ. Эти послѣдніе всегда рѣшительно отказываются принимать въ нихъ какое-либо участіе, высказываются противъ нихъ открыто на ежегодныхъ конвенціяхъ своихъ союзовъ и вообще отказываются имѣть съ соціальной партіей что-либо общее. Очевидно, что доктрины эти не соотвѣтствуютъ духу американскаго народа, не годятся ему, не признаются имъ практичными, и объясненіе этого факта, по моему мнѣнію, лежитъ всецѣло въ любви этого народа къ свободѣ и нежеланіи подчиниться деспотизму въ какой бы то ни было формѣ.

Внимательное изученіе исторіи С.-А. С.-Штатовъ, въ особенности же исторіи его федеральной законодательной власти, конгресса, дѣлаетъ несомнѣннымъ тотъ фактъ, что всякое насиліе,

даже законное насилие легальнаго большинства, никогда не достигаетъ цѣли. Американскій народъ требуетъ соглашенія, требуетъ согласія всѣхъ на извѣстныя мѣры — насилие никогда не обходится безнаказаннымъ и всегда вызываетъ безконечные протесты, обыкновенно въ концѣ концовъ приводящіе къ цѣли. Даже въ вопросахъ религіозныхъ, въ которыхъ по самому существу дѣла требуется сильная вѣра, опредѣленность извѣстныхъ теологическихъ ученій, не допускающая возраженій, ежегодно вызываетъ отщепенство и расколъ; въ Америкѣ, конечно, больше религіозныхъ сектъ, чѣмъ во всемъ остальномъ мірѣ, вмѣстѣ взятомъ, и оригинальныя протестантскія ученія, въ родѣ пресвитеріанизма, англо-епископализма, методизма и т. д., постоянно распадаются на большее и большее число отдѣльных сектъ. Нѣмцы, безспорно, отцы социаль-демократизма; съ свойственными имъ педантизмомъ и методичностью, они уже успѣли создать нѣчто въ родѣ евангелія, но въ этомъ ученіи и новымъ adeptамъ ничего не остается кромѣ признанія этихъ установленныхъ уже заповѣдей и слѣдованія имъ. Американецъ на это неспособенъ; если даже въ дѣлѣ вѣры и религіозныхъ ученій онъ предпочитаетъ оставаться самостоятельнымъ и оставляетъ за собой право несогласія съ ихъ доктринами, то конечно онъ не можетъ подчиниться безусловно никому въ дѣлѣ чисто экономическомъ, какимъ является социаль-демократизмъ; а ученіе это именно тѣмъ и отличается, что его можно или принять цѣликомъ, все какъ есть, или же совсѣмъ не принять — не можетъ быть середины, компромиссовъ и поправокъ, — безъ нихъ же американецъ жить не можетъ. Онъ не въ состояніи понять и обнять отвлеченнаго принципа; изреченіе: *fiat justitia, pereat mundus* — для него не существуетъ. Онъ думаетъ, что правосудіе можетъ быть соблюдено и безъ ущерба міру, посредствомъ компромисса. Всякая строго опредѣленная программа, въ составленіи которой онъ самъ не участвовалъ какимъ-нибудь образомъ, для него не пригодна. Онъ ее не приметъ, какъ онъ не приметъ социаль-демократіи. Въ этомъ, по моему мнѣнію, и состоитъ главная причина ея положительнаго неуспѣха въ Америкѣ. Затѣмъ, американецъ вообще очень эгоистиченъ въ томъ смыслѣ, что не понимаетъ потребности самопожертвованія, потребности личнаго подчиненія въ какой-либо формѣ. Изъ него трудно сдѣлать мученика за идею, за абстрактную теорію. Онъ никогда не забудетъ себя лично и своихъ чадъ и домочадцевъ. Сравнительное благосостояніе ремесленныхъ и рабочихъ классовъ и относительная легкость выдвинуться впередъ и завоевать себѣ лучшее положеніе — у него всегда въ виду, и

своихъ шансовъ на это онъ не проявляетъ на нравственное утѣшеніе убѣжденнаго социаль-демократа — оно ему непонятно и не по плечу. Сравнительная исторія ремесленныхъ союзовъ и общества „рыцарей труда“ всего лучше иллюстрируетъ истину всего вышесказаннаго. Если читатель сравнить программы и задачи этихъ двухъ американскихъ учрежденій, онъ пойметъ мою мысль. Тогда какъ ремесленные союзы преслѣдуютъ точныя, ясно опредѣленные цѣли, имѣющія прямое отношеніе къ ихъ специальнымъ нуждамъ и потребностямъ, и не задаются широкими, отвлеченными программами, „рыцари труда“, напротивъ, проповѣдуютъ нѣчто совсѣмъ другого характера. Пока, до конца восьмидесятыхъ годовъ, экономическія цѣли преобладали, рыцари труда усиливались равномѣрно съ ремесленными союзами; когда же эпидемія стачекъ прошла, рабочія организациі обратились къ мирнымъ путямъ и программа рыцарей труда особенно выдвинулась впередъ, тогда произошелъ радикальный переворотъ: ремесленные союзы продолжали развиваться и расти, а рыцари труда стали приходить въ упадокъ и численность ихъ уменьшаться. Опредѣленные задачи ремесленныхъ союзовъ и очевидные благіе результаты ихъ дѣятельности стали отгнѣснять болѣе обширныя, болѣе отвлеченныя цѣли рыцарей труда.

Другимъ серьезнымъ доказательствомъ вѣрности моего положенія я считаю положительный неуспѣхъ въ Америкѣ всѣхъ попытокъ къ привлеченію рабочихъ къ участию въ барышахъ промышленныхъ и всякихъ другихъ предпріятій. Дѣлежъ барышей между предпринимателями и рабочими, это, повидимому, и справедливое, и гуманное рѣшеніе рабочаго вопроса, совсѣмъ не прививается въ Америкѣ. Съ 1867 по 1887 годъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, было въ Америкѣ всего 11 попытокъ ввести такой дѣлежъ, и всѣ онѣ безъ исключенія окончились неудачей. Насколько мнѣ извѣстно, въ настоящій моментъ нѣтъ ни одного заведенія, гдѣ бы практиковался дѣлежъ барышей; но существуетъ 32 фабрики и завода, гдѣ рабочимъ предоставлено извѣстное участіе въ экономіяхъ при производствѣ (gain sharing). Подъ этимъ названіемъ подразумѣвается слѣдующее: опытомъ нѣсколькихъ лѣтъ выводятся таблицы, указывающія необходимое количество извѣстныхъ матеріаловъ, напр. топлива, масла, газа и т. д., для производства извѣстнаго количества продукта фабрики. Если, благодаря стараніямъ рабочихъ, они уэкономили извѣстное количество, такая экономія дѣлится между ними и предпринимателемъ по извѣстному, предварительному соглашенію. Рабочій получаетъ отъ хозяина опредѣленное жалованье, и такая экономія составляетъ

къ нему прибавку, размѣръ которой зависитъ отъ стараній самого рабочаго. Само собой разумѣется, что такія прибавки въ общемъ очень незначительны и не могутъ имѣть никакого существеннаго значенія въ общемъ вопросѣ о заработной платѣ. Самымъ удачнымъ экспериментомъ этого рода слѣдуетъ признать Йэлъ и Тоунъ мануфактурную компанію (Yale & Towne Mfg. Co) въ штатѣ Коннектикутъ, гдѣ, благодаря этимъ экономіямъ, рабочіе получаютъ отъ 2,1 до 12,3% прибавки къ своему обычному жалованью.

Изучая теоретически рабочій вопросъ еще въ Россіи, я, слѣдуя многимъ европейскимъ авторитетамъ, всегда думалъ, что дѣлежъ барышей, то-есть принятіе рабочаго до извѣстной степени въ участники предпріятія, неизбежно окажется будущей переходной ступенью въ измѣненіяхъ понятія о собственности. Внимательно прослѣдивъ всѣ попытки къ такому дѣлежу въ Америкѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ бесѣдуя объ этомъ предметѣ съ моими собственными рабочими, я сильно сомнѣваюсь въ справедливости такого мнѣнія, по крайней мѣрѣ относительно Америки. Здѣшній рабочій положительно несогласенъ участвовать въ рискѣ предпріятія какимъ бы то ни было образомъ. Во всѣхъ тѣхъ попыткахъ, которыя были сдѣланы здѣсь, неизбѣжнымъ камнемъ преткновенія всегда оказывался первый же случай какаго-либо убытка. Рабочій соглашался на экспериментъ, все шло хорошо, пока были барыши, и онъ получалъ больше того жалованья, къ которому привыкъ и которое считалъ справедливымъ; но какъ только являлись убытки, такъ онъ неизвѣнно отказывался въ нихъ участвовать. Главной причиной, какъ мнѣ всегда казалось, была индивидуальность, обособленность американца вообще. Онъ всегда готовъ участвовать въ общественномъ дѣлѣ, но опредѣленнымъ образомъ, не рискуя своимъ благосостояніемъ; своимъ избыткомъ онъ готовъ дѣлиться, но тѣмъ, что ему самому необходимо, онъ не поступится, не отдастъ послѣдней рубашки нищему. Самопожертвованіе фанатика мысли ему непонятно; онъ неспособенъ на полное, безотчетное увлеченіе тѣмъ-либо. Холодная разсудительность англо-саксонской расы, ея индивидуальный и общественный эгоизмъ, крѣпко привились къ американцу; мнѣ даже кажется, что нѣтъ натуръ болѣе противоположныхъ, болѣе разнящихся въ самыхъ существенныхъ чертахъ человеческого облика, какъ натуры американская и славянская вообще и русская въ особенности. Имъ трудно, если не невозможно, сойтись и слиться, а еще труднѣе понять другъ друга и вмѣстѣ въ себѣ всѣ національныя особенности.

Само собой разумѣется, что стачки, ихъ развитіе, исторія и вліяніе на прогрессъ рабочаго вопроса, всегда меня особенно интересовали, и я обыкновенно внимательно слѣдилъ за ними. Какъ уже я имѣлъ случай замѣтить въ одной изъ предъидущихъ главъ, кульминаціоннымъ ихъ годомъ оказался 1886-й и гэй-маркетскій бунтъ въ Чикаго, съ одной стороны, и стачка на юго-западной желѣзно-дорожной сѣти Джэя Гульда, съ другой, были самыми существенными, самыми выдающимися поворотными пунктами. Я не останавлиюсь на первомъ изъ нихъ, такъ какъ онъ былъ совершенно единиченъ и, по моему крайнему убѣжденію, служилъ результатомъ европейскихъ условій и порядковъ, хотя и произошелъ на американской почвѣ; но считаю второй, во-первыхъ, настолько типичнымъ и вмѣщающимъ въ себѣ столько общихъ чертъ и коренныхъ американскихъ особенностей, а во-вторыхъ, настолько повліявшимъ на рабочій вопросъ въ Америкѣ вообще, что дозволю себѣ привести краткую его исторію.

Я самъ лично не разъ былъ во всемъ районѣ этой стачки, слѣдилъ за всѣми ея перипетіями и, кромѣ того, имѣю въ моемъ распоряженіи полный докладъ слѣдственной конгрессіональной комиссіи, назначенной конгрессомъ во время стачки и издавшей въ двухъ большихъ томахъ не только свои заключенія, но и всѣ документы и стенографическіе отчеты допросовъ. Комиссія эта посѣтила въ теченіе лѣта 1886 г. весь районъ, произвела слѣдствія во всѣхъ значительныхъ пунктахъ и допросила свыше 700 свидѣтелей; она состояла изъ семи членовъ палаты представителей, выбранныхъ съ особеннымъ тщаніемъ, какъ людей вполне знакомыхъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ союзѣ, — и ея докладъ, по моему мнѣнію, является однимъ изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ документовъ по рабочему вопросу въ Америкѣ. Въ мартѣ 1885 года рабочіе юго-западной линіи Гульда (Southwestern Gould System), состоявшей тогда изъ 6.000 милъ желѣзно-дорожныхъ путей и охватывавшей штаты Канзасъ, Миссури, Арканзасъ, Тексасъ и Индѣйскую Территорію, устроили стачку противъ компаніи вслѣдствіе двухъ, одно за другимъ послѣдовавшихъ, пониженій заработной платы. Въ стачкѣ приняли участіе мастеровые въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, плотники, рабочіе на полотнѣ дороги, на всѣхъ соединительныхъ станціяхъ и т. д. Но всѣ тѣ, которые принадлежали къ организаціи рыцарей труда — машинисты, вочегары, телеграфисты, кондукторы, поѣздная прислуга, словомъ, всѣ тѣ, которые принадлежали къ отдѣльнымъ ремесленнымъ союзамъ, — въ стачкѣ участія не принимали. Въ нѣсколько дней движеніе на этой линіи было относительно

остановлено. Забастовавшіе обратились къ губернаторамъ штатовъ Канзаса и Миссури; тѣ немедленно откликнулись; образовалась особая арбитраціонная коммиссія изъ 11 человекъ, разсмотрѣвшая претензіи рабочихъ, признавшая ихъ правильными и издавшая по ихъ поводу особую прокламацію, гдѣ излагалось рѣшеніе коммиссіи по всѣмъ спорнымъ пунктамъ. Желѣзно-дорожное управленіе безусловно подчинилось этому рѣшенію; всѣ рабочіе немедленно вернулись на свои мѣста, и движеніе было возобновлено; стачка продолжалась всего нѣсколько дней и окончилась полной побѣдой рабочихъ по всѣмъ пунктамъ. Этотъ быстрый успѣхъ всего лучше доказалъ рабочимъ могущество организаціи, и въ теченіе 1885 года дѣятельная пропаганда рыцарей труда шла по всей линіи: въ каждомъ городкѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, были основаны мѣстные ассамблеи, организованы три дистрикта, охватившіе всю линію отъ городовъ Канзасъ-Сити, Омахи и Сантъ-Луиса на сѣверѣ до Гальвестона на Мексиканскомъ заливѣ и Эль-Пассо на западной границѣ съ Мексикою. Къ веснѣ 1886 года организація эта, особенно въ городахъ съ желѣзно-дорожными мастерскими, гдѣ рабочіе были осѣдлы и могли собираться безъ затрудненій, достигла не только того, что охватила всѣхъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, но и большинство городского населенія; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ она захватила въ свои руки и городское управленіе, начиная съ мэровъ и кончая полицейскими. Въ сентябрѣ 1885 года рыцари труда устроили стачку на Wabash R. R., желѣзно-дорожной линіи въ штатахъ Иллинойсѣ, Индіанѣ, Огайо и Пенсильваніи, въ то время находившейся въ вѣденіи пріемщика федеральнаго суда и служившей для юго-западной линіи Гульда прямымъ сообщеніемъ со всѣми пунктами востока; она соединялась съ нею въ городѣ Сантъ-Луисѣ и имѣла обязательные для обѣихъ линій контракты прямого сообщенія. Рабочіе юго-западной сѣти, чтобы поддержать своихъ собратьевъ на Wabash R. R., немедленно установили безусловный „бойкотъ“ противъ этой послѣдней, и хотя этотъ „бойкотъ“ сразу уничтожалъ на половину доходность всей юго-западной линіи, ея управленіе немедленно ему подчинилось, чтобы только не спорить съ своими рабочими и не вызвать стачки и у себя. Федеральный судъ, имѣвшій на своей сторонѣ всѣ власти, живо справился со стачкой на Wabash R. R., и ея бойкотъ не особенно повліялъ на юго-западную линію; тѣмъ не менѣе фактъ этотъ ясно указалъ, во-первыхъ, силу рабочихъ, а во-вторыхъ, нежеланіе желѣзно-дорожнаго управленія ссориться съ ними, такъ какъ, соглашаясь на требованія рабочихъ, оно не

знаю, какъ долго продолжится бойкотъ и насколько оно пострадаетъ отъ него. Мало того, когда сообщеніе съ Wabash R. R. было остановлено и чуть не половина рабочихъ юго-западной сѣти въ Санъ-Луисѣ оказалась вслѣдствіе этого безъ работы, исполнительный комитетъ мѣстной ассамблеи „рыцарей труда“ безусловно не согласился на расчетъ этихъ рабочихъ, оставшихся безъ дѣла вслѣдствіе удовлетворенія ихъ же требованія, и железнодорожное управленіе опять-таки сдалось и платило этимъ рабочимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, хотя имъ и нечего было дѣлать, до тѣхъ поръ, пока бойкотъ не былъ снятъ распоряженіемъ суда.

Въ декабрѣ того же года часть юго-западной линіи, пересѣкавшей штатъ Тексасъ и заключающей въ себѣ около полутора тысячъ миль пути, была передана за долги въ распоряженіе приемщиковъ федеральнаго суда, и, такимъ образомъ, управленіе его совершенно отдѣлено отъ управленія всей сѣтью. Рыцари труда, работавшіе на этой части, обратились къ приемщикамъ съ требованіемъ признать обязательной прокламацію губернаторской комиссіи. Тѣ отвѣчали, что, согласно закону, всѣ заключенные до ихъ назначенія прежнимъ управленіемъ контракты, какъ съ рабочими, такъ и со всѣми остальными лицами, не обязательны для нихъ, и не могутъ быть восстановлены безъ разрѣшенія суда, почему они и не въ состояніи дать никакого положительнаго отвѣта на это требованіе; но въ то же время заявили, что они не предполагаютъ дѣлать какія-либо измѣненія въ существующихъ въ этомъ направленіи порядкахъ. Какъ разъ въ это время председателемъ исполнительнаго комитета дистриктной ассамблеи № 101, обнимавшей всю юго-западную линію, былъ выбранъ нѣкто Мартинъ Айронсъ, машинистъ въ одной изъ железнодорожныхъ мастерскихъ въ штатѣ Миссури,—человѣкъ, какъ оказалось впослѣдствіи, крайне упрямый и самолюбивый. (Въ докладѣ конгрессиональной комиссіи, чрезвычайно осторожномъ и безпристрастномъ вообще, онъ названъ „опаснымъ, если не безусловно зловреднымъ человѣкомъ“ — „a dangerous, if not pernicious man“). Тѣ побѣды, которыя были одержаны организаціей въ теченіе прошлаго года, казались ему недостаточными во всѣхъ послѣдовавшихъ за ними соглашеніяхъ; управленіе дороги всегда говорило о своихъ служащихъ, игнорируя рыцарей труда, какъ организацію, заключавшую въ своихъ рядахъ не только служащихъ, но и постороннихъ дорогѣ лицъ—и Айронсъ пришелъ къ тому заключенію, что настало время потребовать отъ дороги признанія организаціи и ея выборныхъ чиновъ. Какъ разъ въ это

время, въ концѣ февраля, въ г. Нью-Йоркѣ произошла чрезвычайно острая, но короткая стачка всѣхъ служащихъ на уличныхъ желѣзныхъ дорогахъ этого города, — стачка, вызвавшая замѣчательный взрывъ симпатій и сочувствія къ этимъ служащимъ по всему союзу и окончившаяся полной ихъ побѣдой по всѣмъ пунктамъ; стачка эта послужила сильнымъ стимуломъ для многихъ рабочихъ организацій и, несомнѣнно, подѣйствовала сильнымъ образомъ и на „рыцарей труда“ юго-запада. Въ концѣ февраля 1886 г. происходила годичная конвенція дистриктивной ассамблеи 101, на которой Айронсъ предсѣдательствовалъ, и которой былъ доложенъ результатъ сношеній депутаціи рабочихъ съ пріемщиками суда; результаты эти показались конвенціи вполне неудовлетворительными, и тогда же секретнымъ циркуляромъ по телеграфу всѣ мѣстныя ассамблеи были спрошены по неопредѣленному вопросу о томъ, поддержать ли онѣ администрацію дистриктивной ассамблеи въ ея требованіяхъ относительно признанія организаціи? Отвѣты получились въ большинствѣ случаевъ удовлетворительные; мѣстныя ассамблеи не знали, въ чемъ дѣло, во многихъ случаяхъ, и отвѣчали принципиально. Пока конвенція разсуждала, одинъ изъ ея делегатовъ, машинистъ въ желѣзнодорожной мастерской въ Тексасѣ, былъ расчитанъ управляющимъ за самовольную отлучку. Это показалось конвенціи, и въ особенности Айронсу, умышленнымъ нападеніемъ на организацію въ лицѣ ея выборныхъ представителей, и, не разобравши дѣла основательно, конвенція единогласно вотировала устроить стачку, пока расчитанный не будетъ принять обратно; 1-го марта всѣ рыцари труда въ Тексасѣ оставили работу, и одновременно по всей линіи въ то же время былъ объявленъ бойкотъ относительно этой линіи для всѣхъ смежныхъ дорогъ, между прочимъ и юго-западной. Эта послѣдняя согласилась на требованія бойкота, опасаясь распространенія стачекъ и у себя, но такая уступчивость не помогла дѣлу, и 6-го марта стачка была объявлена и по всей юго-западной сѣти. Конгрессионное слѣдствіе, особенно обстоятельно изслѣдовавшее положительно всѣ даже малѣйшіе намеки на причину стачки, констатировало тотъ фактъ, что у рабочихъ юго-западной линіи собственно не было къ ней никакихъ основаній, что хотя и были отдѣльные, частные случаи поводовъ въ неудовольствію, всѣ они или не доходили до высшаго управленія дороги, или были слѣдствіемъ неизбежныхъ въ такомъ огромномъ дѣлѣ недоразумѣній между отдѣльными личностями. Рабочіе, исключая очень немногихъ, почти исключительно выборныхъ чиновъ организаціи, неизмѣнно показывали,

что стачка была приказана исполнительнымъ комитетомъ, и они бросили работу не потому, что имѣли причину къ тому, а потому, что это было имъ приказано орденomъ. Ту же причину узнали они и по вопросамъ дивизионныхъ управляющихъ и вообще высшихъ чиновъ дорожнаго управленія. Уже только 10-го числа, четыре дня спустя по забастовкѣ, исполнительный комитетъ выпустилъ прокламацію, объясняя стачку: 1) разсчетомъ вышеупомянутаго машиниста-делегата; 2) недостаточностью заработной платы рабочихъ на полотнѣ дороги; 3) обязательностью вычета на госпиталь; 4) нарушеніемъ прокламаціи губернаторовъ марта 1885 г. въ извѣстныхъ случаяхъ. Съ теченіемъ времени число этихъ причинъ все увеличивалось; но безпристрастное разсмотрѣніе дѣла не можетъ оставить никакого сомнѣнія въ томъ, что главной и даже единственной причиной было именно желаніе добиться оффиціального признанія организаціи рыцарей труда и права исполнительнаго комитета переговариваться съ управленіемъ въ оффиціальной формѣ. Тогда какъ стачка 1885 г. была несомнѣнно результатомъ систематическаго пониженія заработной платы, вовсе не оправдываемаго финансовымъ положеніемъ сѣти, стачка 1886 г. была послѣдствіемъ стремленія завоевать оффиціальное признаніе организаціи рыцарей труда управленіемъ дороги и заставить это послѣднее переговариваться и торговаться не съ своими служащими, а съ выборными чинами организаціи, кто бы они ни были. Мало того, прямой предлогъ для стачки, расчетъ машиниста, какъ бы основателенъ онъ ни былъ въ глазахъ рабочихъ, не могъ имѣть никакого значенія для юго-западной линіи собственно, такъ какъ она не имѣла абсолютно никакой юрисдикціи относительно той ея части, которая лежала въ Тексасѣ и находилась въ распоряженіи федеральнаго суда. Въ теченіе первой же недѣли стачки все это выяснилось довольно обстоятельно, и дѣлалось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что дѣйствительныя причины стачки были чисто принципиальныя, хотя вожаки движенія и скрывали это чрезвычайно тщательно,—и что всѣ жалобы, появившіяся на свѣтъ уже по объявленіи стачки, были придуманы послѣ,—и что, во всякомъ случаѣ, управленію юго-западной линіи не было предъявлено абсолютно никакихъ требованій до того момента, когда рабочіе забастовали, такъ что еслибы и были дѣйствительныя поводы къ жалобамъ, то у него не было никакой возможности ихъ исправить и удовлетворить жалобниковъ такъ или иначе; словомъ, что рабочіе устроили стачку, даже не попытавшись устранить предлоги къ жалобамъ, еслибы таковыя и существовали, миролюбивымъ соглашеніемъ. Объявивъ

стачку, рабочіе немедленно обратились къ губернаторамъ штатовъ Канзасъ и Миссури, требуя арбитраціонной комиссіи; желѣзно-дорожное управленіе совсѣмъ устранилось отъ участія въ ней, но комиссія, также какъ и въ 1885 г., опять немедленно собралась, внимательно разсмотрѣла всѣ требованія и жалобы рабочихъ и единогласно постановила, что на этотъ разъ у нихъ не было положительно ни малѣйшаго основанія къ стачкѣ, рекомендовала желѣзно-дорожному управленію опять признать въ силѣ существовавшія до стачки правила и требовала отъ стачкующихся немедленнаго прекращенія стачки. Желѣзно-дорожное управленіе опять-таки немедленно и безусловно согласилось исполнить требованіе этой прокламаціи, хотя и не участвовало въ образованіи комиссіи, но рабочіе положительно отказали въ повиновеніи и продолжали стачку.

Изъ четырнадцати слишкомъ тысячъ рабочихъ юго-западной линіи забастовали всего около 3.700; остальные или не принадлежали ни къ какой организаціи, или принадлежали къ ремесленнымъ союзамъ локомотивныхъ машинистовъ, вочегаровъ, желѣзно-дорожной прислуги и т. д., и отъ участія въ стачкѣ отказались безусловно, во-первыхъ, не имѣя причинъ къ жалобамъ, а во-вторыхъ, не признавая основанія къ стачкѣ рыцарей труда достаточными. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еслибы стачкующіеся только оставили работу, хотя бы и одновременно, желѣзно-дорожное управленіе довольно скоро замѣнило бы ихъ новыми рабочими и безъ особенныхъ затрудненій продолжало бы свое дѣло. Въ странѣ въ то время былъ значительный избытокъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ всякаго рода, и на объявленіе компаній рабочіе эти стали стекаться со всѣхъ концовъ Союза. Стачкующіеся знали и предвидѣли это, и поэтому съ перваго же дня стачки приняли надлежащія мѣры. Во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ находились желѣзно-дорожныя мастерскія и составлявшія собою границу дивизій дороги, они, какъ уже было замѣчено выше, контролировали городское управленіе, и вотъ въ первый же день они потребовали назначенія специальной охраны желѣзно-дорожнаго имущества, указывая на то обстоятельство, что въ случаѣ какихъ-либо несчастій или пропажи желѣзно-дорожное управленіе неминуемо будетъ обвинять ихъ во всемъ; въ должности этихъ-то специальныхъ полицейскихъ и были вездѣ назначены надежные ихъ приверженцы, обыкновенно выборные чины мѣстныхъ ассамблей рыцарей труда. Немедленно по полученіи официальныхъ назначеній, они поставили многочисленную, обыкновенно вооруженную стражу къ желѣзно-дорожному имуществу и, въ

сущности, вступали въ полное имъ распоряженіе, такъ что оставшіеся на своихъ постахъ представители желѣзно-дорожнаго управленія оказывались абсолютно безпомощными. 6-го марта, то-есть въ первый же день стачки, этимъ представителямъ было объявлено, что всякое товарное движеніе по дорогѣ прекращается, и что только почтовые поѣзда будутъ пропускаться и снабжаться необходимымъ подвижнымъ составомъ. Во многихъ мастерскихъ всѣ товарные локомотивы были „убиты“ (техническое американское выраженіе, означающее, что извѣстные, необходимыя для движенія части локомотива сняты, и онъ неспособенъ къ работѣ). Въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль по всей линіи, около 6.000 миль, съ четырьмя милліонами прилежащаго населенія, не было совсѣмъ товарнаго движенія, и жителямъ во многихъ случаяхъ приходилось оставаться безъ весьма существенныхъ потребностей жизни; кромѣ того, испортилась масса разнаго товара, не выдерживающаго долгой перевозки. Всѣ попытки желѣзно-дорожныхъ властей возстановить движеніе оказывались бесполезными — толпа обыкновенно окружала поѣздъ, „убивала“ локомотивъ, расцѣпляла вагоны, прогоняла машиниста, кочегара и прислугу, и вообще дѣлала какое бы то ни было товарное сообщеніе невозможнымъ. Прибывавшихъ постепенно новыхъ рабочихъ страшили, уговаривали, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ били; они не могли найти себѣ въ цѣломъ городѣ ни квартиры, ни стола, такъ какъ содержатели гостинницъ, отелей и лавокъ были также застрашены — имъ грозили бойкотомъ и разореніемъ. Вообще во многихъ городахъ, особенно въ тѣхъ, которые составляли желѣзно-дорожные центры, и въ которыхъ желѣзно-дорожные рабочіе составляли большинство, царствовалъ настоящій терроръ. Въ Тексасѣ, гдѣ, можетъ быть, дѣйствительно существовало основаніе къ стачкѣ, дѣло было гораздо лучше, такъ какъ приемыщики немедленно обратились въ федеральный судъ за охраной; судомъ были назначены федеральные маршалы во всѣ особенно безпоясые пункты, и эти маршалы живо справились съ забастовавшими; въ Америкѣ съ судомъ плохія шутки, и его постановленія и распоряженія обыкновенно свято исполняются народомъ, и ставнущіеся въ Тексасѣ были живо успокоены. На юго-западной линіи не посчастливилось — ея движеніе было со временемъ абсолютно прервано съ 6-го до 28-го и даже до 30-го марта.

Мало-по-малу, однако, дѣйствительные факты и отношенія ставнущихся къ дорогѣ стали выясняться, и общественное мнѣніе, сначала, какъ и всегда, находившееся безусловно на сторонѣ стач-

нувшихъ, стало перемѣняться, а когда состояніе террора и злоупотребленіе закономъ для уничтоженія и порчи желѣзно-дорожнаго имущества были безусловно доказаны безпристрастными наблюдателями и приключилось нѣсколько поджоговъ мостовъ и понитокъ къ крушенію поѣздовъ,—оно вдругъ круто приняло сторону желѣзно-дорожнаго управленія и само взялось за дѣло. Во многихъ городахъ были образованы лиги порядка и закона, состоялись общественные митинги, осудившіе стачнувшихъ и предложившіе желѣзно-дорожному управленію свою помощь; назначенные спеціальные полицейскіе изъ числа стачнувшихъ были смѣнены, и граждане устроили дѣйствительную охрану желѣзно-дорожнаго имущества. Въ два, три мѣста, особенно безпокойныя, гдѣ стачнувшіеся въ одномъ стрѣляли по поѣзду, въ другомъ напали на гражданъ, была вызвана полиція; къ концу марта сдѣлалось возможнымъ отправить нѣсколько товарныхъ поѣздовъ; новые рабочіе, ободренные дѣйствительной охраной, не убѣгали болѣе, а взялись за дѣло, и вскорѣ движеніе было совершенно восстановлено. Центральная администрація рыцарей труда, съ Поудерли во главѣ, не одобравшая стачку съ самаго начала, тѣмъ не менѣе усиленно хлопотала добиться какого-нибудь компромисса отъ президента юго-западной линіи, теперь уже покойнаго Джея Гульда, но и онъ, и главноуправляющій въ Санъ-Луисѣ, упорно отказывались вступать въ какіе-либо переговоры съ организаціей рыцарей труда, хотя и были согласны все время на переговоры съ своими служащими, а стачнувшихъ и не находившихся на дѣйствительной службѣ компаніи они наотрѣзъ отказались признавать. На этомъ и разошлось дѣло; когда же Поудерли, желая во что бы то ни стало восстановить миръ и придти къ соглашенію, телеграфировалъ Айронсу, прося окончить стачку, мѣстные страсти были до того распалены, что тотъ не призналъ авторитета центральной администраціи и отказался дать необходимый приказъ. Несовершенство организаціи рыцарей труда и, главное, разрозненность интересовъ членовъ проявились въ этомъ случаѣ чрезвычайно рельефно. Тогда какъ желѣзно-дорожному рабочему было необходимо продолжать стачку на животъ или на смерть, мѣстному купцу или фабриканту или городскому плотнику, членамъ одной и той же ассамблеи, стачка была настоящій зарѣзъ и грозила нерѣдко разореніемъ и голодомъ.

Къ 1-му апрѣля юго-западная линія успѣла почти совершенно восстановить свое движеніе съ новымъ составомъ рабочихъ подъ охраной милиціи или гражданъ—и стачнувшіеся очевидно проиграли дѣло. Тогда они рѣшились на послѣдній шагъ

и вызвали стачку на всѣхъ входящихъ въ городъ Санъ-Луисъ съ востока дорогахъ, дающихъ грузы и пассажировъ юго-западной линіи. Двѣнадцать желѣзныхъ дорогъ съ востока и юга сходятся въ городѣ Восточномъ-Санъ-Луисѣ, какъ разъ напротивъ Санъ-Луиса, на восточномъ берегу рѣки Миссисипи, и соединяются тутъ какъ съ юго-западной линіи, такъ и со всѣми другими на западъ отъ Санъ-Луиса дорогами. Въ концѣ марта рабочіе всѣхъ соединительныхъ станцій города Восточнаго-Санъ-Луиса оставили работу и заняли эти станціи. Эти съ самаго начала объявили, что не имѣютъ никакихъ жалобъ, а стаянулись изъ симпатіи къ побитымъ товарищамъ на юго-западной линіи. Губернаторъ штата Иллинойсъ пріѣхалъ лично; чтобы примирить стаянувшихся съ дорогами, и не только не успѣлъ въ томъ, но и самъ былъ свидѣтелемъ насилія рабочихъ. Въ этомъ городѣ, исключительно желѣзно-дорожномъ, и мѣръ, и вся полиція были „рыцарями труда“, и не только не помогали дорогамъ, но и очевидно склонялись въ пользу стаянувшихся — зато шерифъ графства съ своими помощниками энергично взялся за усмиреніе, и когда одна изъ дорогъ попыталась отправить товарный поѣздъ, окружилъ его стражею, вооруженною винчестерами и револьверами; неизвѣстно, кто напалъ первый и съ чьей стороны были слѣданы первые выстрѣлы, но съ десятокъ мужчинъ и одна женщина были убиты и ранены въ послѣдовавшей стычкѣ; въ тотъ же день въ пяти или шести мѣстахъ одновременно вспыхнули на желѣзно-дорожныхъ дворахъ пожары, и только благодаря своевременному прибытію милиціи удалось остановить совершенное уничтоженіе и дороги, и города. Это было послѣдней вспышкой; принятые властями мѣры оказались достаточными для охраненія дорогъ и движеніе было мало-по-малу восстановлено. Ни юго-западная линія и ни одна изъ остальныхъ дорогъ такъ и не признала организаціи рыцарей труда — мало того, положительно отказались взять обратно большинство участвовавшихъ въ стачкѣ рабочихъ, а нѣсколько тысячъ должны были оставить страну и искать работы въ другихъ мѣстахъ. Убытки рабочихъ въ потерянной заработной платѣ достигли полумилліона; центральная администрація „рыцарей труда“ издержала до полумилліона; юго-западная дорога показала свой убытокъ въ \$ 2.800.000, а остановка движенія и общій застой, послѣдовавшій во всей окрестности, обошлись жителямъ въ нѣсколько милліоновъ — словомъ, стачка эта, по всей вѣроятности, стоила не менѣе десяти милліоновъ долларовъ, и не только не принесла рабочимъ ни малѣй-

шей пользы, но и разорила окончательно тысячи ихъ, отодвинувъ прогрессъ рабочаго вопроса вообще на нѣсколько лѣтъ.

Выше говоря о братствѣ желѣзно-дорожной прислуги, я упомянулъ слегка о мѣстныхъ федераціяхъ различныхъ союзовъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ на извѣстной линіи, на извѣстной сѣти. Федераціи эти въ то время—всего полгода тому назадъ—были въ зародышѣ и еще не играли особенной роли, хотя внимательный изслѣдователь и не могъ не видѣть ихъ несомнѣннаго будущаго значенія. Онѣ достигли этого значенія гораздо быстрее, чѣмъ этого могъ бы ожидать самый оптимистическій поклонникъ организованнаго труда, а въ іюлѣ текущаго года одна изъ такихъ федерацій—американскій желѣзнодорожный союзъ (American Railway Union), только въ настоящемъ январѣ обнявшій собою рабочіе союзы новой тихоокеанской трансконтинентальной линіи (Great Northern R. R.) недавно оконченной и открытой на всемъ протяженіи отъ Чикаго до портовъ Пюджетъ-Соунда въ штатѣ Вашингтонѣ—положила основаніе самой грандіозной стачкѣ, когда-либо существовавшей на земномъ шарѣ, внезапно остановила всякое движеніе на протяженіи свыше ста тысячъ миль желѣзныхъ дорогъ и заняла собою вниманіе всѣхъ Соединенныхъ-Штатовъ исключительно передъ всѣмъ другимъ. Кратковременная исторія этой федераціи—прошло всего шесть мѣсяцевъ со дня ея основанія—всего лучше иллюстрируетъ значеніе современнаго организованнаго труда, изумительную быстроту его развитія и ту громадную роль, которую онъ неизбежно будетъ играть въ ближайшемъ будущемъ, а потому я и считаю необходимымъ остановиться на дѣятельности этой федераціи.

„Американскій желѣзно-дорожный союзъ“ впервые заявилъ американскому народу о своемъ существованіи всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; въ прошломъ апрѣлѣ банковый крахъ прошлаго лѣта и послѣдовавшіе за нимъ торговый и промышленный кризисы и безработица отозвались всего чувствительнѣе именно на трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогахъ, урѣзавъ ихъ доходность чуть ли не на цѣлую половину. Двѣ изъ нихъ, Northern pacific R. R. и Atchison, Topeka & Santa Fè, уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ не только исправно платившія проценты по своимъ облигаціямъ, но и дававшія умѣренный доходъ акціонерамъ, вдругъ оказались несостоятельными и были отданы въ руки назначенныхъ судами приемщиковъ. Southern Pacific R. R.,

благодаря богатству ея настоящихъ владѣльцевъ, примизнѣ ея главной линіи, выгоднымъ почтовымъ контрактамъ и монополіи транзитной торговли города Санъ-Франциско, еще держится; а вновь открытая Great Northern выстроена и управляется Робертомъ Гилломъ, человекомъ замѣчательной энергіи, обширной опытности и яснаго, пронидательнаго ума; его считаютъ самымъ передовымъ и самымъ дѣльнымъ желѣзнодорожникомъ современныхъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и онъ пользуется обширной личной популярностью по всему союзу; эта дорога долго боролась съ неблагоприятными обстоятельствами и въ прошломъ мартѣ нашла необходимымъ урѣзвать содержаніе всѣхъ своихъ служащихъ для того, чтобы имѣть возможность продолжать движеніе и избѣжать банкротства. Главнымъ мотивомъ къ этой урѣзкѣ послужило уменьшеніе судомъ содержанія всѣхъ служащихъ ея ближайшаго и непосредственнаго конкурента—Northern Pacific R. R. Урѣзка эта отъ 10 до 20%, смотря по содержанию, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, была, казалось, принята отдѣльными союзами, братствами локомотивныхъ инженеровъ, котеларей, желѣзно-дорожной поѣздной прислуги и т. д.; но федерація ихъ всѣхъ, носившая названіе американскаго желѣзно-дорожнаго союза, предводимая нѣкимъ Дебсомъ (E. V. Debs) въ секретномъ засѣданіи конвенціи представителей всей линіи отвергла эту урѣзку и постановила прибѣгнуть ко всеобщей стачкѣ, если управленіе дороги будетъ на ней настаивать. Постановленіе это, неожиданное ни для управленія дороги, ни для вожаковъ отдѣльныхъ братствъ, было сначала принято съ недоумѣніемъ и съ сомнѣніемъ въ его значеніи и прочности — предполагалось, что вліяніе федераціи не будетъ въ состояніи преодолѣть консервативныхъ элементовъ старшихъ и, казалось, болѣе прочныхъ отдѣльныхъ союзовъ. Тѣмъ не менѣе, когда, въ одно прекрасное утро, урѣзка сдѣлалась совершившимся фактомъ, по телеграфическимъ приказамъ Дебса, движеніе было мгновенно остановлено на всѣхъ 4.500 миляхъ линіи—остановлено самымъ систематичнымъ образомъ и безъ какихъ бы то ни было исключеній. Организаторскія способности Дебса и его вліяніе на рабочихъ были доказаны самымъ блистательнымъ образомъ; изумленная страна не могла не признать значенія новой федераціи. Стачка продолжалась цѣлыхъ три недѣли; всѣ попытки дороги возстановить движеніе остались безуспѣшными, и только благодаря внимательству коммерческихъ палатъ городовъ Сентъ-Поля и Миннеаполиса (торговля которыхъ была парализована стачкой), предложившихъ свое посредничество,—спорившіе сошлись на

общую конференцію и достигли соглашенія, причемъ союзъ добился всего имъ требуемаго и, въ сущности, побѣдилъ управление дороги на всѣхъ пунктахъ.

Несмотря на популярность Гилла и его агентовъ, несмотря на то, что населеніе мѣстностей, по которымъ пролегаетъ его линія, не питаетъ острой враждебности ни къ нему, ни къ его дорогѣ,—враждебности такъ обычной и широко распространенной въ Америкѣ ко всѣмъ желѣзно-дорожнымъ корпораціямъ, и, главнымъ образомъ, несмотря на то, что его дорога не получила положительно никакихъ вспомошествованій или земельныхъ грантовъ ни отъ штатныхъ, ни отъ федеральнаго правительства,—общественныя симпатіи были всецѣло на сторонѣ рабочихъ, и американскій желѣзно-дорожный союзъ сразу завоевалъ себѣ почетное положеніе. Необходимо замѣтить, что стачка эта велась чрезвычайно сдержанно—радикальные элементы безусловно подчинялись руководству Дебса, и насилія какого бы то ни было рода почти не было. Случились двѣ-три незначительныхъ вспышки, но безъ кровопролитія; несмотря на защиту и покровительство федеральнаго правительства, вступившагося по поводу задержки почты, дорога не была въ состояніи найти людей, чтобы замѣнить стачнувшихся, и въ концѣ концовъ вынуждена была уступить. Непосредственнымъ результатомъ этой побѣды явилось моментальное распространеніе вліяній американскаго желѣзно-дорожнаго союза. Безъ всякихъ общихъ конвенцій, безъ всякихъ соглашеній съ существовавшими желѣзно-дорожными рабочими союзами и братствами, онъ началъ вербовать членовъ по всей Америкѣ—и уже черезъ мѣсяцъ по окончаніи стачки считалъ ихъ сотнями тысячъ. Рабочая организація съ мѣстной конституціей, еще въ мартѣ мѣсяца никому рѣшительно неизвѣстная, къ концу мая охватила собой девять десятыхъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ всякаго рода всего востока, центра и въ особенности запада; только югъ, гдѣ организованный трудъ и по сию пору находится въ зачаточномъ состояніи, остался внѣ ея вліянія.

Развитіе организованнаго труда въ Америкѣ до сихъ поръ шло довольно медленно, осторожно, нерѣдко ощупью; само собою разумѣется, что баснословная, ненормальная быстрота развитія американскаго желѣзно-дорожнаго союза сдѣлалась возможной только вслѣдствіе тѣхъ необыкновенныхъ условий, въ которыхъ находились сѣверо-американскіе Соединенные-Штаты въ теченіе послѣдняго года,—условій, вызвавшихъ безпокойное броженіе умовъ по всей странѣ и породившихъ особенную восприимчивость и чувствительность въ рабочихъ средахъ. Когда такое ненормальное, странное

явленіе, какъ консенсъ и движеніе десятковъ тысячъ безработныхъ на Вашингтонъ сдѣлалось не только возможнымъ, но и вызвало несомнѣнныя симпатіи значительной части буржуазныхъ классовъ, когда страна, въ первый разъ въ теченіе ея существованія, считаетъ этихъ безработныхъ сотнями тысячъ, когда губернаторами въ нѣсколькихъ штатахъ (Канзасъ, Колорадо, Орегонъ) выбраны не только „популисты“, но люди открыто и радикально недовольные всѣмъ современнымъ государственнымъ и штатнымъ устройствомъ—не можетъ быть мѣста сомнѣнію, что страна не только находится въ ненормальномъ положеніи, но и во всякое время возможны самыя неожиданныя кризисы. Я нисколько не буду удивленъ, если именно дѣятельность американскаго желѣзнодорожнаго союза и послужитъ основаніемъ къ одному изъ такихъ кризисовъ, можетъ быть, очень острому и чреватому самыми серьезными послѣдствіями. Какъ сказочный богатырь, онъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и въ настоящій моментъ несомнѣнно является первымъ по численности членовъ ремесленнымъ союзомъ Америки. Всегда и вездѣ рѣшительный успѣхъ укрѣпляетъ и усиливаетъ побѣдителя, а въ Америкѣ, въ особенности въ такомъ жгучемъ и животрепещущемъ вопросѣ, какъ рабочий,—и подавно. Никогда прежде въ исторіи американскихъ желѣзнодорожныхъ стачекъ не удавалось остановить движенія на большой линіи такъ быстро и такъ совершенно: цѣлыя три недѣли ни одно колесо подвижнаго состава не повернулось на цѣлыхъ 4.500 миляхъ дороги, и управленіе не могло найти ни одного человѣка на всемъ этомъ разстояніи, который рѣшился бы взяться за локомотивный рычагъ или за кондукторскіе щипцы; въ то же время рабочіе сумѣли удержаться отъ всякихъ насилій, и потому судамъ невозможно было вмѣшаться въ дѣло, а рабочіе выиграли побѣду и мирно, и по всѣмъ пунктамъ. Побѣда эта смахнула, какъ паутину, всѣ тѣ формальности, всѣ тѣ предварительныя тонкости, которыя, согласно тридцатилѣтнему опыту, считались необходимыми для прочности какой-либо организаціи труда; элементами успѣха оказались не формализмъ, не традиціонныя условности, а нѣчто совершенно другое. Не разрывая своей связи съ старыми союзами, раздѣлявшими ихъ по специальностямъ ихъ работы, желѣзнодорожные рабочіе всей страны присоединялись сотнями тысячъ и къ новой организаціи, своей неожиданной побѣдой заслужившей ихъ удивленіе и уваженіе и обѣщавшей, въ случаѣ нужды, болѣе дѣйствительную и, главное, быструю помощь. Для того, чтобы сохранить и усилить свой престижъ и свое значеніе, молодому гиганту организованнаго труда уже не-

достаточна была бы борьба съ отдѣльной линіей, съ отдѣльной сѣтью — ему нужно было что-нибудь болѣе крупное; стачка на заводѣ Пульмана дала предлогъ, и американскій желѣзнодорожный союзъ схватился сразу съ цѣлыми двумя третями всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Чтобы выяснитъ все значеніе этой небывалой по своимъ размѣрамъ стачки, я дамъ краткое понятіе о томъ мѣстѣ, которое занимаетъ Пульманъ и его заводъ въ американскомъ желѣзнодорожномъ мірѣ.

Въ началѣ шестидесятихъ годовъ, когда желѣзнодорожная сѣть союза начала быстро развиваться и появились длинныя линіи въ тысячу и болѣе миль, и даже начата была постройка первой трансконтинентальной дороги, — дѣлаемые однимъ путешественникомъ концы все удлинялись и удлинялись; быстрота движенія была не особенно значительна, и на переѣздъ требовалось иногда два, три дня. Слабые и больные люди съ трудомъ переносили утомленіе такихъ переѣздовъ, и появилась серьезная потребность въ спальныхъ вагонахъ. Вагнеръ и Маннъ были первыми изобрѣтателями и фабрикантами такихъ вагоновъ въ Америкѣ, но ни тотъ, ни другой не сумѣли понять дѣйствительной потребности, и ихъ вагоны, состоящіе изъ отдѣльных купѣ, съ коридоромъ сбоку, на европейскій манеръ, не пользовались популярностью и прививались очень туго. Въ 1863 году Джорджъ Пульманъ, тогда молодой колорадскій рудокопъ, пріѣхалъ въ Чикаго съ нѣсколькими тысячами долларовъ и построилъ первый свой спальный вагонъ, послужившій прототипомъ всѣхъ современныхъ спальныхъ вагоновъ Америки. Такой вагонъ снабженъ двадцатью складными кроватями, по десяти на каждой сторонѣ, въ два яруса; утромъ, когда пассажиры встанутъ, кровати эти убираются и вагонъ обращается въ общій салонъ. Американцы — народъ чрезвычайно сообщительный: въ теченіе перваго же часа дороги весь вагонъ непременно перезнакомится между собою, безъ всякихъ предварительныхъ церемоній и условностей — имъ нужно быть всѣмъ вмѣстѣ, они не могутъ сидѣть цѣлый день въ одиночку въ маленькихъ клѣтушкахъ-купѣ, точно на привязи или подъ замкомъ. Вагоны Пульмана, очень удобные и сами по себѣ, отвѣчали вполнѣ именно этой потребности, этой національной особенности — и немедленно сдѣлались насущной необходимостью. Пульманъ, конечно, патентовалъ свое изобрѣтеніе и немедленно занялся фабрикаціей этихъ вагоновъ на большую ногу. Желѣзнодорожное дѣло все развивалось, удобства спаль-

нихъ вагоновъ дѣлались все болѣе и болѣе необходимыми, число ихъ росло съ каждымъ годомъ; обремененныя долгами желѣзныя дороги избѣгали затратъ на покупку дорогихъ Пульмановъ и, съ теченіемъ времени, за исключеніемъ двухъ-трехъ большихъ линій на востокѣ, всѣ остальные заключили контракты съ Пульманомъ, по которымъ онъ доставляетъ имъ спальные вагоны, содержитъ ихъ, включая прислугу, и получаетъ въ свою пользу все возвышеніе платы, а дорога взискиваетъ свой регулярный тарифъ и платитъ ему $\frac{3}{4}$ цента за милю за пользованіе вагономъ. Въ настоящее время все сквозное пассажирское движеніе въ Америкѣ производится именно спальными вагонами Пульмана; пассажиры садятся, напримѣръ, въ Бостонѣ и ѣдутъ въ томъ же вагонѣ въ Санъ-Франциско или въ Портлендъ, Орегонъ, хотя и ѣдутъ дорогой нѣсколько отдѣльныхъ линій. Всѣ значительные пункты Соединенныхъ-Штатовъ, во всѣхъ направленіяхъ, связаны такими сквозными спальными вагонами; ихъ отцѣпляютъ и прицѣпляютъ на всѣхъ соединительныхъ станціяхъ различныхъ линій, и пассажиръ избѣгаетъ пересадокъ и всѣхъ сопряженныхъ съ ними хлопотъ и возни.

Сначала Пульманъ строилъ свои вагоны въ частныхъ мастерскихъ; гдѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ задумалъ устроить свой собственный заводъ, купилъ огромное пространство земли въ нѣсколькихъ миляхъ на югъ отъ Чикаго и основалъ новый городъ, названный имъ Пульманомъ и центромъ котораго и былъ новый вагонный заводъ. Для рабочихъ были выстроены сотни удобныхъ коттеджей, заведены были церкви, школы, бібліотеки, театры; всѣ удобства современной цивилизаціи были соединены вмѣстѣ, и новый городъ всегда считался образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ даже въ весьма опередившей Европу въ этомъ направленіи Америкѣ. Съ теченіемъ времени заводъ разросся до огромныхъ размѣровъ; въ городѣ Пульманъ насчитывается до 20.000 жителей, и на заводѣ работало свыше 3.000 человекъ. Жалованье рабочихъ на заводѣ Пульмана всегда считалось въ общемъ очень хорошимъ, гораздо выше средняго; я слышалъ изъ очень достойныхъ источниковъ, что въ среднемъ оно достигало до \$ 18.60 на человека въ недѣлю; въ печати никогда не попадалось ни строчки относительно какихъ бы то ни было недоразумѣній между Пульманомъ и его рабочими, и все учрежденіе вообще всегда считалось образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Застой прошлаго года повліялъ на дѣла завода особенно тяжело; публика экономизируетъ, спросъ на спальные вагоны уменьшился на половину, и все дѣло быстро пошло внизъ; вмѣсто миллион-

ныхъ доходовъ оно стало грозить чувствительными убытками. Около новаго года Пульманъ урѣзалъ жалованье рабочимъ на 10⁰/о; затѣмъ, черезъ мѣсяцъ или около того, еще на 20⁰/о. Въ то же время онъ не уменьшилъ ни ренты рабочихъ, ни ихъ платы за воду, освѣщеніе, отопленіе и т. д. Онъ и по настоящій моментъ состоитъ единственнымъ владѣльцемъ всего города; подѣ предложенью желанія контролировать торговлю спиртными напитками, онъ наотрѣзъ отказывается продать хотя бы дюймъ земли гдѣ бы то ни было въ городѣ. Рабочіе согласились на первую урѣзку, но немедленно устроили всеобщую стачку, какъ только была объявлена вторая. Стачка эта продолжалась пять мѣсяцевъ; заводъ стоялъ безъ дѣла; рабочіе настаивали на арбитражѣ, соглашаясь впередъ на всякое рѣшеніе; но Пульманъ безусловно отказался арбитражировать это столкновеніе, объясняя свой отказъ тѣмъ, что никто въ мірѣ не можетъ диктовать ему, что именно онъ въ состояніи платить рабочимъ, что вопросъ этотъ обуславливается положеніемъ дѣла, и что только самъ онъ и можетъ быть компетентнымъ судьей въ немъ. Я долженъ оговориться, что вышеприведенное объясненіе причинъ стачки принимается въ настоящее время общественнымъ мнѣніемъ и прессой Америки за достовѣрное, дѣйствительное объясненіе; но такъ какъ Пульманъ до сихъ поръ не давалъ никакихъ публичныхъ объясненій съ своей стороны и только его рабочіе, въ сущности, изложили свою сторону дѣла, то, по всей вѣроятности, объясненіе это нѣсколько односторонне; тѣмъ не менѣе, до тѣхъ поръ, пока оно не опровергнуто судомъ или конгрессионной комиссіей, оно являлось единственнымъ и должно было приниматься въ то время. Въ конгрессъ уже внесено было предложеніе нѣслѣдовать все дѣло на мѣстѣ посредствомъ смѣшанной комиссіи отъ сената и палаты; пройдетъ не менѣе года, пока докладъ этой комиссіи будетъ опубликованъ, и тогда только возможно будетъ составить точное и безусловно вѣрное представленіе обо всемъ столкновеніи.

Рабочіе Пульмана боролись нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякаго результата—движеніе спальныхъ вагоновъ все сокращалось, снѣжной работы на заводѣ не было, и Пульманъ нѣсколько не безпокоился. Между тѣмъ средства рабочихъ истощились, и имъ оставалось или покориться, или бросить насыщенные мѣста и искать работы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Какъ разъ въ это время американскій желѣзно-дорожный союзъ одержалъ свою побѣду надъ „великой сѣверной дорогой“—рабочіе завода Пульмана цѣлкомъ присоединились къ нему и начались переговоры между

ихъ вожаками и президентомъ Дебсомъ. Онъ всячески нитался повліять на Пульмана; но этотъ послѣдній безусловно отказался вступить съ нимъ въ какіе-либо переговоры, отзываясь тѣмъ, что ни американскій желѣзно-дорожный союзъ, ни Дебсъ не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого отношенія къ его заводу. Между тѣмъ союзъ быстро разростался—и къ концу іюня Дебсъ сталъ возможнымъ произвести усиленное давленіе на всѣ дороги, употреблявшія вагоны Пульмана, и, подѣ угрозой всеобщей стачки, потребовать отъ нихъ прекращенія пользованія ими. Дороги отвѣчали, что у нихъ заключены съ Пульманомъ законные контракты, съ большими неустойками, и что онѣ ни подѣ ка-кимъ видомъ не могутъ нарушить ихъ; что разѣ Пульманъ, согласно этимъ контрактамъ, будетъ продолжать снабжать ихъ своими вагонами—онѣ будутъ возить ихъ. Ни публика вообще, ни желѣзныя дороги и понятія не имѣли о дѣйствительномъ разпространеніи и численности американскаго желѣзно-дорожнаго союза; послѣднія полагались на свои соглашенія съ старшими, специальными союзами и братствами своихъ служащихъ и сначала чуть ли не открыто смѣялись надѣ требованіями Дебса. Но въ одно прекрасное утро онъ вдругъ вызвалъ членовъ своего союза на всѣхъ дорогахъ, концентрирующихся въ Чикаго, и въ нѣсколько часовъ всякое движеніе на нихъ было остановлено. Такія значительныя, такія многомильныя линіи, какъ Atchison, Topeka & Santa Fe, въ 10.000 миль, Chicago & Northwestern и Chicago, Millwaukee & Saint Paul въ 8.000 миль каждая, Baltimore & Ohio съ 6.000, Rock Island въ 5.000, Chicago, Burlington & Quineз съ 4.500 и цѣлый десятокъ другихъ, были мгновенно парализованы. Въ 24 часа свыше $\frac{2}{3}$ всей желѣзно-дорожной сѣти С.-А. Соединенныхъ-Штатовъ оказались совершенно связанными. Забастовали всѣ роды служащихъ: машинисты, кочегары, кондукторы, тормазные, телеграфисты, стрѣлочники. Управленія дорогъ, конечно, немедленно обратились къ управленіямъ специальныхъ союзовъ, съ которыми у нихъ были соглашенія и контракты; высшіе органы этихъ союзовъ единогласно высказались противъ стачки и издали приказы въ этомъ смыслѣ — но ихъ никто не слушался; духъ возстанія охватилъ рабочихъ; мѣстныя ложи специальныхъ союзовъ расформировывались по полученіи приказовъ не принимать участія въ стачкѣ, переставали быть членами и поголовно присоединились къ американскому желѣзно-дорожному союзу. Уже черезъ три дня по объявленіи стачки сдѣлалось очевиднымъ для всѣхъ и каждого, что исполнительные органы старшихъ союзовъ совершенно утратили всякій

контроль надъ своими членами, и что эти послѣдніе дѣйствуютъ какъ отдѣльныя личности, предпочитающія руководство американскаго желѣзно-дорожнаго союза своимъ спеціальнымъ братствамъ, съ которыми они были связаны цѣлые десятии лѣтъ.

Мнѣ кажется, что нельзя преувеличить значеніе этого многознаменательнаго факта. До сихъ поръ ремесленные союзы всегда, безъ какихъ бы то ни было исключеній, исполняли свои договоры съ нанимателями, и эта устойчивость, это честное исполненіе принятыхъ на себя обязанностей всегда служили могучими аргументами въ ихъ пользу. Наниматели начинали привыкать къ мысли, что имъ выгоднѣе стоять на твердыхъ началахъ съ своими рабочими, что соглашенія съ союзами обезпечиваютъ ихъ отъ неожиданностей, отъ стачекъ и другихъ пертурбацій, которыя всегда чрезвычайно убыточны и обыкновенно надолго разстраиваютъ правильное теченіе дѣлъ. Настоящая стачка доказала, что въ будущемъ на такія соглашенія нельзя будетъ полагаться, что въ рѣшительную минуту рабочіе могутъ покинуть свой союзъ и пристать поголовно къ какой-нибудь новой организаціи, въ сущности къ противной партіи. Соглашенія, существовавшія на нѣкоторыхъ линіяхъ десятки лѣтъ, освященные временемъ и опытомъ и всегда признававшіяся рабочими не только справедливыми, но и выгодными для нихъ самихъ, были моментально сметены въ сторону, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже безъ малѣйшаго предупрежденія. Само собой разумѣется, что вѣра въ прочность такихъ соглашеній будетъ поколеблена въ самомъ корнѣ.

Другимъ серьезнымъ аргументомъ противъ признанія въ будущемъ правъ ремесленныхъ союзовъ нанимателями и противъ соглашеній съ ними явится неопредѣленность возможныхъ съ ихъ стороны требованій. Допустимъ, что наниматель вступилъ въ извѣстное соглашеніе съ своими рабочими, и что обѣ стороны точно и добросовѣстно исполняютъ всѣ условія этого соглашенія. Гдѣ нибудь за три тысячи миль, въ другомъ штатѣ (собственно—государствѣ), управляемомъ своими собственными законами и живущемъ въ совершенно различныхъ условіяхъ, происходитъ недоумѣніе—между другимъ совершенно самостоятельнымъ нанимателемъ и его рабочими. Чтобы заставить этого второго нанимателя придти къ соглашенію, рабочіе перваго устраиваютъ стачку и разоряютъ не только его, но и самихъ себя, и цѣлую территорію, хотя онъ абсолютно безсиленъ сдѣлать что-либо, чтобы помочь горю. Нелогичность Дебса и америк. жел.-дорожн. союза очевидна, а въ Америкѣ на сантиментахъ и симпатіяхъ

далеко не уѣдешь, нужно кромѣ того здравый смыслъ и логика, чтобы добиться чего нибудь существеннаго и прочнаго.

Желѣзно-дорожныя управленія пользуются этимъ послѣднимъ аргументомъ съ особенной ловкостью и упорствомъ; они утверждаютъ, что ни подъ какимъ видомъ не сдадутся, такъ что уступка въ данномъ случаѣ несомнѣнно поведетъ за собой цѣлую массу другихъ, можетъ быть, еще болѣе несообразныхъ требованій. Въ день объявленія стачки въ Чикаго, главноуправляющіе всѣхъ сходящихся въ этомъ городѣ линій организовали ассоціацію самозащиты, выбрали исполнительное бюро и рѣшили защищаться сообща до послѣдней крайности. Дебсъ уже сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ промаховъ: онъ, во-первыхъ, остановилъ движеніе на нѣсколькихъ восточныхъ линіяхъ, которыя или совсѣмъ не употребляютъ спальныхъ вагоновъ, или употребляютъ свои собственные, и не имѣютъ абсолютно никакого отношенія къ Пульману; во-вторыхъ, въ опубликованной имъ программѣ возможнаго соглашенія онъ требуетъ расформирования ассоціаціи главноуправляющихъ, имъ же самимъ вызванной, но не упоминаетъ о расформированіи предводимаго имъ союза; въ-третьихъ, вмѣсто согласія на арбитрацію настоящихъ недоразумѣній, предъявляетъ безусловныя требованія, вообще является какъ бы диктаторомъ, чѣмъ-то такимъ, чего американскій народъ совсѣмъ не выносить. Все это, до извѣстной степени, охлаждало пылъ симпатизирующихъ стакнувшихся массъ; хотя самъ Пульманъ лично вообще крайне непопуляренъ, тѣмъ не менѣе здравый смыслъ понемногу вступилъ въ свои права, и америк. жел.-дорожн. союзу, съ его гигантской задачей, необходимо было быть крайне осторожнымъ, чтобы не возстановить противъ себя большинства американскаго народа. Покуда, впрочемъ, онъ пользуется общими симпатіями массъ. „Рыцари труда“, черезъ своего вновь избраннаго, смѣнившаго консервативнаго Поудерли, крайне радикальнаго президента Соверейна, много лѣтъ бывшаго комиссаромъ труда штата Эйюэ, высказались открыто въ пользу стакнувшихся и предложили имъ и свою моральную поддержку, и денежную помощь; союзъ американской федераціи труда въ Чикаго, обнимающій собою всѣ ремесла и насчитывающій свыше 30.000 членовъ въ этомъ городѣ, предложилъ устроить всеобщую стачку; даже парходная прислуга на Великихъ-Озерахъ отказывалась принимать какой-либо грузъ отъ бойкотированныхъ Дебсомъ желѣзныхъ дорогъ и грозила открыто присоединиться къ стакнувшимся; наконецъ, популисты, какъ политическая партія,

на нѣсколькихъ конвенціяхъ открыто одобрили стачку и общали Дебсу свою поддержку.

Такъ какъ многія изъ парализованныхъ стачкою дорогъ находятся въ рукахъ назначенныхъ федеральными судами приѣмщиковъ, судамъ этимъ сразу пришлось вмѣшаться въ дѣло. Главнымъ факторомъ является почта. Задержка почты составляетъ по закону весьма серьезное преступленіе. Стакнувшіеся съ самаго начала заявили, что они не отказываются передвигать почту—желѣзно-дорожныя управленія отвѣчаютъ, что они могутъ поддерживать почтовое сообщеніе только на составленныхъ обыкновеннымъ образомъ почтовыхъ поѣздахъ, неотъемлемую принадлежность которыхъ всегда составляли Пульмановскіе спальные вагоны. Контракты желѣзныхъ дорогъ съ почтовымъ управленіемъ вездѣ ясно и точно выясняютъ ихъ обязанность возить почту на обыкновенныхъ, а не на специальныхъ поѣздахъ; плата за перевозку сравнительно низка и не даетъ возможности дорогамъ прибѣгать къ специальнымъ поѣздамъ для перевозки исключительно почты. Этотъ фактъ признанъ и генералъ-атторнеемъ союза, т.-е. министромъ юстиціи, и генералъ-почтмейстеромъ, т.-е. министромъ почтъ, признанъ и всѣми федеральными судами. Разъ служащіе стагнулись и отказываются передвигать обыкновенные поѣзда, правительство не можетъ заставить желѣзно-дорожныя управленія учредить специальные почтовые, хотя бы стагнувшіеся служащіе и согласны были передвигать ихъ. На тѣхъ дорогахъ, которыя находятся въ рукахъ назначенныхъ судами приѣмщиковъ, эти послѣдніе обратились за инструкціями — и всюду судьи постановляли, что хотя служащіе и имѣютъ полное право во всякое время покинуть свои посты, они должны предварительно заявить о выходѣ въ отставку; разъ они находятся на службѣ, они должны исполнять свои обычные обязанности, и не имѣютъ права ставить условій и требовать отдѣлки того или другого вагона. Такое толкованіе закона о междущатной торговлѣ (interstate commerce bill), неоспариваемое никѣмъ, чрезвычайно усложнило положеніе стагнувшихся. Чтобы избѣжать отвѣтственности по закону, имъ необходимо выйти въ отставку; а такой выходъ сразу совершенно измѣняетъ всю картину и дѣлаетъ ихъ уже не стагнувшими рабочими, а обыкновенными гражданами безъ всякихъ правъ или основаній предъявлять кому-либо какія-либо требованія. Управленія дорогъ утверждаютъ, что разъ стагнувшіеся оставляютъ свои мѣста и не будутъ вмѣшаться, они найдутъ новыхъ людей и возобновятъ движеніе; что ихъ новые рабочіе боятся занять свои мѣста, потому что опасаются

становившихся, и что разъ они могутъ быть увѣрены въ безопасности и покровительствѣ закона, всѣ затрудненія будутъ немедленно устранены. Въ виду такого столкновенія закона, на послѣднемъ совѣщаніи президента Кливелэнда съ его кабинетомъ было единогласно постановлено предоставить въ распоряженіе судовъ всѣ военныя силы союза, и федеральнымъ маршаламъ западныхъ штатовъ предписано обращаться къ военному начальству за помощью въ случаѣ необходимости.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ на востокѣ и въ центрѣ уже началась реакція. Многіе заводы и фабрики должны были остановиться за недостаткомъ или сырого матеріала, или топлива; такъ, мясное и свиное дѣла въ Чикаго остановлены совершенно, а съ ними и заработки около тридцати тысячъ рабочихъ всякаго рода. Особенно страдаютъ садоводы, огородники, мелочники, и т. д. — ихъ продукты пропадаютъ совершенно, а большіе города обречены на невольную діету. Денежные ресурсы рабочихъ обыкновенно невелики — на помощь рассчитывать трудно, такъ какъ весь америк. желѣзно-дорожн. союзъ вовлеченъ въ эту стачку, и заработки его членовъ вездѣ прекратились. Консервативные элементы старыхъ организацій опомнились и всячески старались возстановить свое вліяніе; нѣкоторыя дороги востока и центра уже успѣли частію возстановить свое движеніе, и дальнѣйшіе успѣхи Дебса были приостановлены. Хотя всеобщее броженіе умовъ, мѣшавшее умиротворенію и сдѣлавшее эту гигантскую стачку возможною, и содѣйствовало ей во многихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе фактъ присутствія въ предѣлахъ страны до полу милліона безработныхъ, изъ которыхъ многіе съ величайшимъ удовольствіемъ займутъ мѣста стачившихся, какъ только установится увѣренность въ безопасности, дѣйствуетъ чрезвычайно охлаждающимъ образомъ даже на самыхъ пылкихъ сторонниковъ стачки. Западъ и тихо-океанское побережье страдали больше всего; у насъ дорогъ мало, компетентныхъ рабочихъ и того меньше — стачившихся очень трудно замѣнить, и послѣдствія стачки, въ особенности если она окажется продолжительной, будутъ неисчислимы.

Стачка эта стояла всей странѣ громадныхъ денегъ, многіе милліоны, даже десятки милліоновъ каждый день, и, само собой разумѣется, можетъ вызвать еще большій застой, еще большее общее недоувѣріе къ прочности дѣла. Остановка всякаго желѣзно-дорожнаго сообщенія въ такой подвижной странѣ, какъ Америка, которая издавна привыкла къ нему, какъ къ единственному средству передвиженія, и не имѣетъ возможности замѣнить его ка-

кимъ-либо субститутонъ, даже самымъ несовершеннымъ—въ видѣ лошадей, заставляетъ публику быстрѣе обыкновеннаго работать головой и, оставляя въ сторонѣ безотрадное настоящее, думать о будущемъ, о томъ, какъ предупредить повтореніе такихъ дорожныхъ случайностей. Я не сомнѣваюсь, что стачка эта сильнѣе всего другого, сильнѣе цѣлыхъ годовъ разсужденій и споровъ заставитъ американскій народъ обсудить способы отчужденія въ пользу государства всѣхъ желѣзныхъ дорогъ страны. Наступило время, когда желѣзныя дороги сдѣлались такою же необходимостью въ жизни народа, какъ почты; а отъ признанія этого факта до государственнаго овладѣнія путями сообщенія остается только одинъ шагъ; будемъ надѣяться, что этотъ шагъ недалекъ.

П. Тверской.

г. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ИППОЛИТЪ ТЭНЪ

ВЪ

ИСТОРИИ ЯКОБИНЦЕВЪ

III *).

„Насколько необходимъ психологическій анализъ *пуритана*, чтобы понять англійскую революцію 1649 г., настолько существенна психологія якобинца для объясненія революціи 1789 года“, — писалъ Тэнъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ предисловіи къ своему сочиненію „Объ умѣ“.

Тэнъ не забылъ своего замѣчанія, когда много лѣтъ спустя принялся за исторію французской революціи, и руководился имъ какъ основнымъ положеніемъ. Какъ бы ни расходились взгляды критиковъ въ оцѣнѣ этого труда, въ одномъ не можетъ быть никакого разногласія, — что Тэнъ внесъ въ изученіе исторіи французской революціи психологію, какъ новое *научное орудіе*. Не случайно, какъ у другихъ писателей, являются у него здѣсь психологическія наблюденія — по принципу и систематически прибѣгаетъ онъ къ психологіи для объясненія событій и людей. Прежде чѣмъ описывать намъ историческую роль якобинцевъ, передавать намъ ихъ рѣчи и убѣжденія или оцѣнивать ихъ политическую программу, Тэнъ вводитъ насъ въ ихъ внутренній міръ, раскрываетъ передъ нами источникъ ихъ рѣчей и дѣйствій, объясняетъ, какъ сложился ихъ духовный складъ.

*) См. выше: окт., 526 стр.

Въ трехъ главныхъ направленіяхъ проявляется предъ нами психологическая работа Тэна въ исторіи якобинцевъ: въ характеристивъ отдѣльныхъ лицъ — Робеспьера, Дантона, Марата; — въ ~~коллективной~~ психологіи, т.-е. въ описаніи настроенія цѣлыхъ группъ и массъ и его вліянія на событія; наконецъ, въ изображеніи и объясненіи якобинца, какъ общаго типа. Эта послѣдняя задача представляетъ собою самую оригинальную и выдающуюся сторону исторической психологіи Тэна. Другіе историки изображали якобинцевъ какъ патріотовъ, или какъ соціальныхъ реформаторовъ, ~~или какъ политическихъ фанатиковъ~~. Тэнъ рассматриваетъ ихъ прежде всего какъ натуралистовъ, и видитъ въ нихъ особую психическую *разновидность*. У другихъ историковъ они являются какъ передовая или какъ крайняя партія, которая только степенью своего патріотизма или фанатизма отличается отъ прочихъ приверженцевъ революціи; у Тэна якобинцы рельефно выдѣляются изъ всей массы французскаго народа, такъ какъ отличаются отъ него своимъ психическимъ *строеніемъ*.

При такой постановкѣ вопроса Тэнъ обогатилъ исторію французской революціи новою проблемою, которую онъ самъ и разрѣшилъ извѣстнымъ способомъ. Онъ поставилъ вопросъ о *происхожденіи* этого новаго психическаго *типа* въ исторіи *якобинца*... У другихъ историковъ не было рѣчи о такомъ вопросѣ, и если онъ когда-либо возникалъ, то разрѣшался внѣшнимъ образомъ — онъ совпадалъ съ объясненіемъ возникновенія якобинскаго клуба въ Парижѣ и его развѣтвленія по провинціямъ. Тэнъ, усматривающій въ якобинцѣ особый психическій типъ, ищетъ причины его возникновенія въ общихъ психическихъ свойствахъ человѣка и особыхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ онъ очутился, благодаря обстановкѣ, созданной революціей 1789 года. Эта попытка заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія всякаго историка, психолога или соціолога; ей посвящена особая глава сочиненія Тэна и одна изъ самыхъ замѣчательныхъ всего сочиненія — „Психологія якобинца“.

Какъ выше было замѣчено, Тэнъ исходитъ при объясненіи психологическаго типа, представляемаго якобинцемъ, изъ общихъ свойствъ человѣческой природы. Онъ находитъ корни этого типа въ двухъ душевныхъ свойствахъ, весьма распространенныхъ среди людей — въ чрезмѣрномъ самолюбіи и доктринерствѣ (*le raisonnement dogmatique*). Такимъ образомъ, корни якобинскаго духа существуютъ вездѣ; вездѣ они кроются въ подпочвенномъ слоѣ общества, оставаясь несокрушимыми. Но вездѣ они сдерживаются общественнымъ строемъ, хотя и стремятся прорваться сквозь

веткое общественное зданіе, которое давить на нихъ всею своею тяжестью; „когда около двадцати лѣтъ юноша вступаетъ въ жизнь, его разумъ, какъ и его гордость, одновременно возмущаются. Во-первыхъ, каково бы ни было то общество, къ которому онъ принадлежитъ по своему рожденію, оно оскорбляетъ своимъ строемъ отвлеченный разумъ, ибо оно построено не законодателемъ-философомъ по простому плану, но цѣлымъ рядомъ чередовавшихся поколѣній, которыя его приноравливали къ своимъ разнообразнымъ и измѣнчивымъ нуждамъ. Во-вторыхъ, какъ бы ни были совершенны учрежденія, законы и нравы этого общества, они возникли безъ его участія; онъ не давалъ на нихъ своего согласія; онъ принужденъ имъ подчиниться и идти, подобно запряженной лошади, въ оглобляхъ, подъ сбруей, которую на него надѣли. Наконецъ, какова бы ни была организація этого общества, молодому человѣку почти всегда предстоитъ играть въ немъ весьма второстепенную роль. При самыхъ либеральныхъ порядкахъ и тамъ, гдѣ верхнія ступени общественной лѣстницы всѣмъ доступны, на пять или шесть человѣкъ повелѣвающихъ приходится 100.000 повинующихся; хорошо говорить, что у всякаго рекрута въ ранцѣ маршалскій жезлъ: 999 разъ на 1.000, рекрутъ, порывшись въ ранцѣ, скоро приходитъ къ убѣжденію, что его тамъ нѣтъ“. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ рекрутъ склоненъ протестовать противъ регламента кадровъ, его охватывающихъ, если онъ жадно усваиваетъ себѣ теорію, предоставляющую ему возможность командовать другими. Какая же это теорія? Это обще-извѣстная, выведенная изъ „Общественнаго договора“, теорія непосредственнаго народовластія, въ силу котораго авторитетъ и власть должны принадлежать всякому, кто говоритъ отъ имени народа. Это и есть та теорія, которая была исходнымъ догматомъ якобинства. Нѣтъ доктрины, по словамъ Тэна, которая была бы проще и лучше приноровлена къ юношеской неопытности... И Тэнъ приходитъ такимъ образомъ къ выводу, что большинство молодыхъ людей, особенно тѣ, которымъ приходится прокладывать себѣ дорогу при выходѣ изъ школы — ~~всѣ они болѣе или менѣе якобинцы, а якобинство въ этой вѣчаточной формѣ есть психическая болѣзнь, обусловливаемая ростомъ — une maladie de croissance!~~

Однако при обыкновенныхъ обстоятельствахъ эта теорія не опасна. Въ обществахъ хорошо устроенныхъ „болѣзнь не злокачественна и легко излѣчается“. Тэнъ съ обычной своей мѣткостью и не безъ юмора описываетъ, какъ молодые теоретики, немного повзрѣвши, входятъ въ осуждаемое ими общественное

зданіе черезъ ту или другую его дверь, протискиваются до своего мѣста и наслаждаются своимъ положеніемъ или покоряются судьбѣ.

Совершенно, однако, иныя условія представляла революціонная Франція. Все мастерство Тэна проявляется въ изображеніи перелома, произведеннаго въ умахъ современниковъ внезапнымъ крушеніемъ *старая порядка*. Вѣтхія стѣны зданія, пропитанныя червями, потрескались всѣ за-разъ и приставленные къ нему сторожа, добродушные, неспособные, очумѣлые (*effarés*), никому не мѣшали овладѣть имъ. Въ общей суматохѣ все общество распалось и превратилось въ кричавшую и бѣсновавшуюся толпу; каждый толкалъ и получалъ толчки, всѣ пришли въ восторгъ и поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что получили возможность дѣйствовать на просторѣ локтями, всѣ требовали, чтобы возводимыя вновь ограды были сдѣланы по возможности непрочно, а новые сторожа были слабы, безоружны и равнодушны. Все такъ и устроилось, и естественнымъ образомъ люди, находившіеся на первыхъ мѣстахъ, были оттиснуты назадъ; многіе изъ нихъ задавлены въ сутолокѣ и непрерывной сумятицѣ, которую выдавали за установившійся порядокъ; „красные каблучки и башмаки съ пряжкой (*escarpins*) затаптывались смазными сапогами и деревянными лаптами“. При такихъ условіяхъ догматическій духъ и неуемное самолюбіе могли развиваться на полномъ просторѣ; не было болѣе ни стараго строя, который ихъ сдерживалъ, ни физической силы, ихъ обуздывавшей. Наоборотъ, какъ своими теоретическими разсужденіями, такъ и своими практическими постановленіями, новая конституція поощряла доктринерство и самолюбіе. Ибо, съ одной стороны, юридически она была основана на чистомъ разумѣ и начиналась *анфиладой* отвлеченныхъ догматовъ, изъ которыхъ, повидимому, строго выводила свои положительныя предначертанія. Съ другой стороны, на дѣлѣ, она предоставляла всѣ органы власти общему избранію и возлагала на клубы контроль надъ властями; это значило назначить премію тѣмъ самонадѣяннѣмъ честолюбцамъ, которые лѣзли впередъ, потому что считали себя способными, и позорили своихъ правителей, чтобы ихъ замѣстить. Всякій общественный порядокъ представляетъ собою среду, вліяющую извѣстнымъ образомъ на „человѣческую растительность“, и способствуетъ развитію однихъ разновидностей ея и гибели другихъ. *Этотъ* строй былъ наиболѣе благопріятенъ для произростанія клубныхъ ораторовъ-говоруновъ на перекресткѣ, уличныхъ бунтарей-предсѣдателей мѣстныхъ комитетовъ—однимъ словомъ, революціонеровъ и тирановъ. Въ

этой „политической теплицѣ“ химерическія затѣи и тщеславная надменность (*outrecuidance*) приняли чудовищные размѣры, и по простествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ горячія головы дошли до состоянія горячечнаго бреда (*les cerveaux ardents deviendront des cerveaux brûlés*); чтобы *документально* показать потрясающее влияние на умы, которое имѣла „катастрофа“ *старого* порядка, Тэнъ искусно пользуется свидѣтельствами современниковъ. Съ помощью, напр., знаменитаго Малле дю-Панъ онъ эффектно изображаетъ передъ нами поразительный и небывалый въ исторіи моментъ, когда рушились во Франціи всѣ, какъ обще-государственные, такъ и провинціальныя, общинныя и корпоративныя учрежденія, когда все разомъ пришлось создавать съизнова, и когда всякій могъ считать себя призваннымъ законодательствовать философомъ: — „когда съ помощью восьми или десяти готовыхъ фразъ, взятыхъ изъ десятикопѣечныхъ катехизисовъ, тысячами обращавшихся по деревнямъ и слободамъ, всякій деревенскій писарь, надсмотрщикъ у заставы, контролеръ входныхъ театральныхъ билетовъ или вахтмистръ, были въ правѣ сочинять проекты конституціи, производить судъ надъ Малуэ и Мирабо, надъ министрами, королемъ, собраніемъ, церковью, иностранными кабинетами, надъ Франціей и Европой. По всѣмъ этимъ высокимъ матеріямъ, которыя казались ему запретнымъ плодомъ, импровизованный законодатель и судья теперь дѣлаетъ предложенія, читаетъ адреса, говоритъ рѣчи, вызываетъ рукоплесканія, любуясь притомъ собой и своей способностью такъ прекрасно разсуждать и употреблять такія великія слова. Для него теперь стало обычнымъ дѣломъ, славой и выгодой — произносить рѣчи о вопросахъ, которыхъ онъ не понимаетъ“. Въ полномъ блескѣ проявляется историческій талантъ Тэна и полная противоположность его аналитическаго, научнаго метода — господствовавшему во время революціи приѣмамъ отвлеченнаго разсужденія, когда онъ анализируетъ разницу между способомъ мышленія такого самозваннаго законодателя и человѣкомъ опытнымъ въ политической жизни.

Такова попытка Тэна объяснить *произрожденіе* якобинства; *сѣменами* этого типа оказались нѣкоторыя общія свойства человѣческой природы, а эти сѣмена нашли себѣ особенно благоприятную почву въ исторической средѣ, созданной событіями 1789 года. Что ядро якобинства составляли люди съ крайнимъ самолюбіемъ и самоувѣренностью, страстно желавшіе властвовать надъ обществомъ, — это не можетъ подлежать сомнѣнію; убѣдительнымъ доказательствомъ справедливости Тэновскаго взгляда могутъ служить письма и признанія одного изъ выдающихся

и типическихъ якобинцевъ, 23-лѣтнаго Сентъ-Жюста. Помимо этого мы считаемъ особенно поучительнымъ для выясненія психическаго склада *зауряднаго* якобинца тяжеловѣснаго и объемистаго разсужденія Байёля (Bailleul), написанныя для опроверженія остроумной и талантливой книги г-жи де-Сталь о французской революціи. Эти разсужденія относятся къ 1804 году, т.-е. къ эпохѣ, когда якобинство съ своими идеалами и принципами далеко отошло въ область воспоминаній,—и потому такъ интересны, что въ нихъ наглядно отражается самоувѣренность человека, который не былъ въ состояніи ничего позабыть и ничему не научился. Байёль защищаетъ якобинство не съ увлеченіемъ идеалиста, считающаго благородствомъ и измѣною какою-либо критику идеала, которому онъ служилъ, а съ упорствомъ педанта, неспособнаго видѣть ошибки своей программы и своей партіи.

Что якобинцы преимущественно набирались изъ *неудачниковъ* или, по крайней мѣрѣ, изъ людей, общественное положеніе которыхъ не соответствовало притязаніямъ,—въ этомъ точно также легко убѣдиться съ помощью біографическихъ словарей и статистическихъ данныхъ, приведенныхъ Тэнномъ. Что же касается до психическаго переворота, произведеннаго *внезапной* катастрофой *старою порядкомъ* и необходимостью перестроить общественное зданіе за-ново и съ самаго основанія — событія небывалаго въ исторіи и предоставившаго полнѣйшій просторъ всѣмъ честолюбцамъ и мономанамъ самолюбія въ родѣ Марата,—то это поразительное зрѣлище нашло въ Тэннѣ живописца, сумѣвшаго передать его яркими и неизгладимыми красками. Можно лишь прибавить къ этому, что психическія черты, составлявшія основу якобинскаго типа, находили себѣ пищу не въ одной катастрофѣ 1789 года, а еще задолго до нея искусственно нарождались общественными условіями „старою порядкомъ“. Ничто такъ не развивало и не раздражало самолюбія, какъ всеобщій культъ таланта и гениальности, водворившійся въ французскомъ обществѣ одновременно съ сохраненіемъ феодальныхъ общественныхъ традицій. Любопытный образецъ основаннаго на неудовлетворенномъ самолюбіи якобинскаго настроенія до революціи 1789 года представляютъ собою брошюры Рёдерера, который потомъ сдѣлался, благодаря революціи, синдикомъ Парижа, а потомъ, съ титуломъ графа, однимъ изъ усердныхъ сподвижниковъ и слугъ Наполеона. Брошюра Рёдерера потому особенно интересна, что онъ, какъ прокуроръ мецкаго парламента, принадлежалъ не къ „обиженнымъ“, а къ тогдашнимъ „привилегированнымъ“; но, находя предъ собою преграду основанныхъ на *титулѣ* привилегій, онъ испытывалъ

въ себѣ и искусно сумѣлъ выразить всю жгучесть самолюбія, оскорбленнаго *неравенствомъ*!

Указанными выше заключеніями Тѣна не исчерпывается у него вопросъ о *происхожденіи* якобинскаго типа. Самолюбіе и родственныя ему психическія ощущенія составляютъ лишь *одинъ* изъ корней якобинства; другой его психологическій корень Тѣнь, какъ выше было упомянуто, усматриваетъ въ особомъ способѣ мыслить и разсуждать — въ разсудочномъ доктринерствѣ, „le raisonnement dogmatique“. Въ томъ, что Тѣнь *подмтилъ* и выставилъ на видъ эту черту, заключается самый важный и оригинальный вкладъ, который онъ, какъ историкъ, внесъ въ объясненіе французской революціи; въ томъ, какъ Тѣнь выяснилъ и развилъ свою мысль, обнаруживается специалистъ-психологъ, привыкшій дѣлать наблюденія надъ процессами и способами мышленія и надъ возникновеніемъ и сдѣленіемъ идей. Въ сдѣланной Тѣномъ характеристикѣ „разсудочнаго доктринерства“ проявляется весь антагонизмъ между духомъ, господствовавшимъ въ революціи, — тѣмъ духомъ, который Огюстъ Контъ называлъ l'esprit métaphysique, а Тѣнь, болѣе правильно, l'esprit classique — и научнымъ духомъ (l'esprit scientifique), который идетъ въ политикѣ и социологіи не дедуктивнымъ путемъ, но исходитъ, какъ и въ естественныхъ наукахъ, отъ наблюденій надъ условіями и потребностями дѣйствительности. Эта противоположность между направленіями умовъ въ XVIII вѣкѣ и въ XIX-мъ наглядно изображена Тѣномъ въ противопоставленіи догматическому якобинцу современнаго ему практическаго политика.

Если, говорить Тѣнь, практическій человѣкъ встрѣчается съ отвлеченнымъ принципомъ, напр. съ принципомъ народовластія, онъ принимаетъ его, какъ и всякій другой принципъ, съ оговорками. Онъ старается вообразить себѣ, какъ въ данномъ случаѣ повліяетъ *на самогъ дѣла* этотъ принципъ; съ этою цѣлью онъ представить себѣ такую-то деревню, такой-то городъ, извѣстный ему лично или по собраннымъ справкамъ, подъ дѣйствіемъ предполагаемаго новаго закона или порядка, и по этой аналогіи онъ будетъ судить о дѣйстви новаго закона въ цѣлой странѣ и въ общемъ результатѣ. Но и при этихъ условіяхъ руководящійся опытомъ политикъ будетъ дѣйствовать осторожно; онъ всегда готовъ исправить, или отсрочить свою законодательную работу; онъ прилагаетъ къ дѣлу свои законы по частямъ, постепенно и вѣруетъ въ ихъ пригодность лишь по мѣрѣ достигнутаго успѣха. Совершенно наоборотъ относился къ дѣлу якобинецъ. Его принципъ былъ для него аксіомою политической геометріи, которая

въ самой себѣ заключаетъ свою достовѣрность; подобно аксіомамъ обыкновенной геометріи, очевидность якобинскихъ аксіомъ бросается въ глаза съ перваго раза. Человѣкъ, какъ общее представленіе права человѣка, общественный договоръ, свобода, равенство, разумъ, природа, народъ, тираны—таковы элементарныя понятія, которыми работаетъ умъ якобинца. До дѣйствительныхъ людей ему нѣтъ дѣла; онъ ихъ не видитъ; ему и не нужно ихъ видѣть,—съ закрытыми глазами онъ накладываетъ свою форму на людскую массу; онъ никогда и не старается вообразить себѣ напередъ эту пеструю, переливающуюся и сложную толпу крестьянъ, ремесленниковъ, буржуа, патеровъ, дворянъ,—за плугомъ, въ мастерской, въ конторѣ, въ церковномъ домѣ или во дворцѣ, съ ихъ укоренившимися убѣжденіями, ихъ постоянными наклонностями и съ ихъ дѣйствительными желаніями. Ничего подобнаго не можетъ войти въ голову якобинца; всѣ доступы туда наглухо забиты отвлеченнымъ принципомъ, который тамъ утвердился. Если путемъ слуха или зрѣнія наглядный опытъ и протиснулъ насильно въ его голову какую-нибудь неудобную истину, она тамъ не можетъ оставаться; какъ бы она ни трепетала полнотою жизни, онъ ее оттуда изгонитъ; а если нужно, то онъ ее изувѣчитъ и задушитъ, какъ *клевету* на его безспорный и несомнѣнный принципъ. Очевидно,—заключаетъ Тэнъ,—такой умъ не нормаленъ; изъ двухъ способностей—*отвлеченно разсуждать и наблюдать*,—которыя должны одинаково и одновременно дѣйствовать въ человѣкѣ,—одна атрофирована, другая гипертрофирована; недостаетъ противоясія *фактовъ*, чтобы уравновѣсить тяжесть *формулъ*“.

На разные лады Тэнъ разъясняетъ и подкрѣпляетъ эту мысль. Со всѣмъ жаромъ реалиста, который любитъ живую дѣйствительность, Тэнъ возстаетъ противъ насильственнаго ея извращенія въ угоду отвлеченному принципу. „Если,—говоритъ онъ,—идетъ рѣчь о томъ, чтобы издать прочные законы, т.-е. приноровить социальный механизмъ къ характерамъ, условіямъ и обстоятельствамъ, то такой умъ, какимъ обладали якобинцы, окажется самымъ несостоятельнымъ и вреднымъ, ибо по своему строенію онъ близорукъ; а кромѣ того, установленный якобинцемъ между его глазами и его конкретными предметами кодексъ аксіомъ заслоняетъ ему горизонтъ; за предѣлами своего кружка и клуба онъ ничего не различаетъ, и въ этой туманной мглѣ онъ свободно размѣщаетъ пустыхъ идоловъ своей утопіи“.

Видѣтъ съ тѣмъ, однако, эта самая отвлеченность ума, эта

неспособность видѣть дѣйствительность составляютъ для якобинца источникъ великой силы.

Когда дѣло въ томъ, чтобы взять приступомъ власть или по произволу подчинить общество диктатурѣ, то недостатокъ гибкости въ умѣ якобинца служить ему въ прокъ вмѣсто того, чтобы приносить ему вредъ. Его не останавливаетъ и не затрудняетъ, какъ много государственнаго человѣка, обязанность наводить справки, принимать въ расчетъ прецеденты, изучать статистику, высчитывать впередъ въ двадцати направленіяхъ возможныя въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ столкновенія между задуманнымъ имъ планомъ и интересами, привычками и страстями различныхъ классовъ. Все это для него излишне и несовременно: якобинцу непосредственно извѣстно, какое правительство законно и какіе законы хороши; приходится ли строить или разрушать, его прямолинейный способъ—самый быстрый и дѣйствительный. Ибо если нужны долгія разсужденія, чтобы распознать, что пригодно 26 милліонамъ живыхъ французовъ, то достаточно одного взгляда для того, чтобы узнать, чего хотятъ люди, придуманные его отвлеченною теоріею. На самомъ дѣлѣ теорія пересоздала всѣхъ людей на одинъ фасонъ и оставила имъ лишь элементарную волю; воображаемый философскою теоріею автоматъ желаетъ свободы, равенства, народовластія, охраны правъ человѣка, соблюденія „общественнаго договора“. Этого достаточно; въ силу этого воля народа извѣстна якобинцу и извѣстна ему напередъ; слѣдовательно, онъ можетъ дѣйствовать, не спрашивая гражданъ, онъ не обязанъ ждать результата подачи ихъ голосовъ. Во всякомъ случаѣ ихъ согласіе не подлежитъ сомнѣнію; а еслибы противъ ожиданія такое согласіе не последовало, то это было бы съ ихъ стороны лишь невѣжествомъ, ошибкою или злонамѣренностью, и въ такомъ случаѣ ихъ мнѣніе не заслуживало бы никакого вниманія; а потому изъ предосторожности и для того, чтобы предохранить ихъ отъ ошибочнаго рѣшенія, лучше предписать имъ правильное рѣшеніе.

Во всемъ этомъ якобинецъ можетъ быть совершенно искренъ; ибо люди, права которыхъ онъ себѣ присвоиваетъ, не французы съ плотью и костями, которыхъ встрѣчаешь на улицѣ и въ полѣ, но люди вообще, какъ они должны быть по выходѣ изъ рукъ природы или изъ школы разума. Якобинецъ не чувствуетъ никакихъ стѣсненій совѣсти по отношенію къ первымъ, ибо они отупѣли отъ предразсудковъ, и ихъ мнѣнія—чистый вздоръ. Что же касается до вторыхъ, то, наоборотъ, якобинецъ, полный уваженія къ пустымъ формуламъ своей теоріи и къ призракамъ

своего разсуждающаго мозга, всегда преклоняется передъ отвѣтомъ, который онъ имъ влагасть въ уста; въ его глазахъ они болѣе реальны, чѣмъ живые люди, и ихъ голосъ—единственный авторитетъ, принимаемый имъ въ расчетъ. Въ крайнемъ случаѣ, онъ имѣетъ противъ себя лишь минутное неудовольствіе ослѣпленнаго поколѣнія. Зато онъ имѣетъ на своей сторонѣ сочувствіе человечества, взятаго отвлеченно, одобреніе потомства, спасеннаго его дѣйствіями, всѣхъ людей вообще, снова ставшихъ, благодаря ему, тѣмъ, чѣмъ они всегда должны были бы быть. Вслѣдствіе этого онъ далеко отъ мысли считать себя узурпаторомъ и тираномъ. Якобинецъ смотритъ на себя какъ на *осободителя*, какъ на естественнаго повѣреннаго настоящаго народа, какъ на уполномоченнаго исполнителя общей воли; поэтому онъ спокойно грядетъ среди триумфальнаго шествія, которое ему устроилъ воображаемый имъ народъ, и миллионы метафизическихъ волей, которыя онъ сфабриковалъ по образцу своей собственной, поддерживаютъ его своимъ единодушнымъ согласіемъ“.

Это изображеніе идеи власти, выведенной изъ „общественнаго договора“, представляетъ собою блестящую страницу не только въ исторіи якобинства, но и въ исторіи политическаго мышленія. Идея государственной власти, основанной на „общественномъ договорѣ“, какъ его выставилъ Руссо, не разъ подвергалась теоретической критикѣ—у Тэна мы впервые встрѣчаемъ *психологическій* разборъ ея, изображеніе ея *способа* вліянія на духовный складъ человѣка, ея охваченнаго, анализъ всей цѣпи разсужденій и логическихъ послѣдствій, порождаемыхъ ею въ умѣ ея вѣрныхъ приверженцевъ.

Тэнъ этимъ не ограничивается. Онъ показываетъ не только, какъ эта идея дѣйствуетъ на своихъ приверженцевъ, но почему она имъ такъ дорога. И до Тэна историки политическихъ теорій неоднократно указывали на тѣсную связь теоретическихъ убѣжденій извѣстныхъ людей и партій съ ихъ нравственнымъ складомъ и темпераментомъ. Это дѣлаетъ теперь и Тэнъ. Онъ объясняетъ, почему доктринерское разсужденіе (*le raisonnement dogmatique*) имѣетъ такую силу надъ якобинцами; онъ связываетъ въ одно два корня, изъ которыхъ онъ выводитъ произростаніе ихъ типа—теоретическій способъ мышленія ихъ и ихъ нравственныя свойства.

Необыкновенныя условія, въ которыя поставилъ якобинцевъ разгромъ всего зданія стараго порядка, какъ говоритъ Тэнъ, не только вскружили имъ голову, но и извратили ихъ *чувства*. Ихъ принципъ имъ дорогъ не только вслѣдствіе ихъ доктринерства, но и потому, что льститъ ихъ самолюбію „Если,—говоритъ Тэнъ,

—какая-нибудь доктрина соблазняетъ людей, то не столько своими софизмами, сколько обѣщаніями, которыя въ ней заключаются; она сильнѣе господствуетъ надъ чувствами, чѣмъ надъ разумомъ, ибо хотя сердце иногда вводится въ обманъ умомъ,—гораздо чаще умъ вводится въ обманъ сердцемъ. Намъ нравится известная система не потому, что мы считаемъ ее правильной, но мы считаемъ ее правильной потому, что она намъ нравится; политическій и религіозный фанатизмъ, по какому богословскому или философскому руслу онъ ни протекалъ, всегда имѣетъ главнымъ своимъ источникомъ какую-нибудь жгучую потребность, затаенную страсть, скопленіе глубокихъ и мощныхъ желаній, которымъ теорія открываетъ выходъ“. Какимъ же дѣйствующимъ въ душѣ якобинца пружинамъ соотвѣтствуетъ его политическая теорія? Тэнъ находитъ ихъ, сопоставляя якобинца съ пуританиномъ, съ которымъ его соединяетъ такая сильная историческая аналогія. На самомъ дѣлѣ, однако, аналогія между ними только видѣнная и скрываетъ подъ собою полный контрастъ. У пуританина главный душевный стимулъ не политическаго, а нравственнаго свойства — это его встревоженная совѣсть; нося въ своей душѣ понятіе абсолютной справедливости, воплощающейся въ божественныхъ заповѣдяхъ, пуританинъ становится ригористомъ для себя и для другихъ, и чтобы подчинить всѣхъ этому божественному закону, онъ готовъ сдѣлаться деспотомъ. Однако его первый, внутренній подвигъ состоитъ въ подчиненіи самого себя этому божественному, нравственному закону. „У якобинца, наоборотъ, первое побужденіе—политическаго, а не нравственнаго свойства; не обязанности свои онъ преувеличиваетъ, а свои права, и его доктрина не подстрекаетъ его совѣсть, а только льститъ его гордости. Эта гордость не удовлетворяется уничтоженіемъ привилегій и всего, что ее оскорбляло въ старомъ порядкѣ; она не удовлетворена и громадными пріобрѣтеніями революціи въ области гражданскихъ и политическихъ правъ, гарантіями личной и имущественной безопасности, правомъ выбирать депутатовъ и магистратовъ и пр. Якобинецъ смотритъ свысока на свою личную независимость и безопасность, на свое право черезъ каждые два года подавать свой голосъ,—право, предоставляющее ему косвенное и ограниченное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ; то, что ему нужно—это политическая власть, т.-е. *полное и безусловное господство надъ Франціей и надъ французами*.

„Якобинцу не приходитъ на умъ ни малѣйшее сомнѣніе относительно того, въ состояніи ли онъ и его кружокъ взять на себя бразды правленія; способенъ ли онъ, съ своимъ посред-

ственнымъ образованіемъ и умомъ, съ своими фразами школьной латыни, съ своей почерпнутой изъ какой-нибудь популярной библіотеки ученостью, съ своими свѣденіями, нахватанными въ кофейняхъ и въ газетахъ, съ своей опытностью, вынесенной изъ городского совѣта или клуба, — способенъ ли онъ рѣшать, не задумываясь, тѣ обширные и сложные вопросы, къ которымъ замѣчательные люди и специалисты приступаютъ съ нерѣшительностью. Властолюбіе и надменность якобинцевъ находятъ себѣ полное удовлетвореніе, благодаря обстоятельствамъ времени. Вся эта масса якобинцевъ, призванныхъ къ власти, всѣ эти адвокаты, страпчіе, врачи, фельдшера, газетчики, священники, художники и литераторы третьей или четвертой величины уподобились пастуху въ сказкѣ, нашедшему въ своемъ шалашѣ грамоту, призывающую его на престолъ. Какой контрастъ между неприглядностью прежняго состоянія и величіемъ, которымъ облакаетъ якобинца новая теорія! Какъ долженъ полюбить онъ эту теорію, которая поднимаетъ его такъ высоко въ его собственныхъ глазахъ! Онъ усердно читаетъ и перечитываетъ „Декларацію правъ“, конституцію и всѣ официальные документы, предоставляющіе ему его великія полномочія, онъ наполняетъ ими свое воображеніе и тотчасъ принимаетъ тонъ, соотвѣтствующій его новому достоинству“. Тѣмъ приводитъ образчики языка, который употребляли одинаково всѣ якобинцы, отъ главныхъ вождей до послѣдняго фигуранта. При открытіи клуба въ Троа школьный учитель давалъ совѣтъ матерямъ „научать дѣтей, какъ только они начнутъ лепетать, что они родились свободными и равными въ правахъ первымъ властелинамъ вселенной“.

Мы здѣсь дошли до оригинальной особенности психологіи Тэна. Самый замѣчательный отдѣлъ его книги „Объ умѣ“ составляетъ его попытка объяснить отношеніе между нормальнымъ и патологическимъ способомъ дѣйствія человеческого ума. Граница между этими двумя областями едва замѣтна. Нормальное состояніе ума основано на извѣстномъ психическомъ равновѣсіи, которое легко можетъ быть нарушено, — на способности контролировать процессы мысли извѣстнымъ чутьемъ дѣйствительности, которое легко можетъ быть утрачено. Передъ сознаніемъ человѣка постепенно и невольно возникаютъ различныя представленія и образы забытыхъ ощущеній; они причудливо складываются и всегда готовы превратиться въ иллюзіи, если не встрѣчаютъ себѣ препятствія и противовѣса со стороны другихъ ощущеній и образовъ, которые служатъ имъ провѣркой, — и этимъ поддерживается нормальное состояніе психической жизни. Но лишь только этотъ противовѣсъ осла-

бываетъ, въ умѣ упрочивается иллюзія, доходить до галлюцинаціи и начинается состояніе бреда. На такіе моменты психологія Тэна бросаетъ свой самый рѣзкій свѣтъ: „Безуміе,—читаемъ мы въ книгѣ Тэна, написанной за двадцать лѣтъ до описанія имъ сентябрьскихъ убійствъ,—всегда сторожитъ насъ на межѣ нормальнаго состоянія, ибо та комбинація элементовъ, которую мы называемъ здоровьемъ—не чтѣ иное, какъ счастливый случай, который наступаетъ и повторяется только благодаря постоянной побѣдѣ надъ противными силами. Но эти послѣднія всегда на-лицо; простая случайность можетъ дать имъ перевѣсъ, имъ немногого недостаетъ для побѣды. Въ моральномъ, какъ и въ физическомъ отношеніи, та форма, которую мы называемъ нормальной, какъ бы часто она ни встрѣчалась, на самомъ дѣлѣ все-таки проявляется въ жизни лишь среди безконечнаго числа всевозможныхъ искаженій... Можно сравнить темную для насъ работу природы, слѣдствіемъ которой является (нормальное) сознаніе, съ шествіемъ того раба, который послѣ побоища въ циркѣ проходилъ по аренѣ съ яйцомъ въ рукѣ среди утомленныхъ львовъ и насыщенныхъ тигровъ;—если онъ достигалъ благополучно цѣли, его отпускали на волю. Подобнымъ образомъ подвигается впередъ жизнь духа среди сутолоки уродливыхъ стремленій и дивныхъ безумствъ“.

Такое нарушеніе умственного равновѣсія случилось и съ якобинцами, вслѣдствіе внезапнаго возвышенія ихъ къ безусловной власти. Но въ психическомъ строѣ якобинцевъ коренились условія для помѣшательства еще болѣе рокового по своимъ послѣдствіямъ. Какъ чутье дѣйствительности, такъ и понятіе справедливости, чтобы сохранить силу надъ человѣкомъ, нуждаются въ психическомъ равновѣсіи,—и оно также было нарушено у якобинцевъ.

Якобинцы выводятъ свое право на деспотическую власть изъ общественнаго договора, въ силу котораго всѣ участники договора состоятъ равноправными членами *суверена*. Но якобинецъ не удовлетворяется приходящейся на него долею верховной власти; свою царственную власть онъ готовъ дѣлить только съ своими единомышленниками. Всѣ прочіе, не вполне примыкающіе къ его партіи, лишаются своей доли верховной власти, которая переходитъ къ якобинцамъ. Такимъ образомъ догматъ, провозглашающій народовластіе, на дѣлѣ приводитъ къ диктатурѣ меньшинства, къ безграничной, непогрѣшимой власти пяти—шести тысячъ парижскихъ якобинцевъ надъ Франціей.

Мало того, всякій, кто отвергаетъ якобинскую теорію, представляется негодяемъ, общественнымъ злодѣемъ, врагомъ народа.

Оттого диктатура влечетъ за собою проскрипцію—съ другой стороны. Диктатура якобинцевъ не есть только господство меньшинства надъ большинствомъ, но господство честнаго и чистаго меньшинства надъ порочною и негодною толпою. Въ силу якобинской теоріи французскій народъ распадается на два разряда: съ одной стороны, аристократы, фанатики, эгоисты, порочные люди, короче—всѣ плохіе граждане; съ другой стороны—патріоты, философы, люди добродѣтельные, т.-е. всѣ члены якобинской секты. Отсюда новый мотивъ для надменности якобинца. Такъ какъ онъ воплощаетъ въ себѣ добродѣтель, то всякій противникъ его—преступникъ. На добродѣтели лежитъ обязанность противождать пороку, и отсюда ясна цѣль якобинскаго правительсва. Она должна заключаться въ томъ, „чтобы подчинять дурныхъ добрымъ или, что гораздо короче, истребить дурныхъ“; въ виду этого слѣдуетъ примѣнять въ самыхъ широкихъ размѣрахъ конфискацію, заключеніе, ссылку, разстрѣліаніе, утопленіе и гильотину. Противъ измѣнниковъ все дозволено и похвально. Якобинецъ, канонизировавъ свои убійства, убиваетъ изъ „любви къ ближнему“. Такъ,—заключаетъ Тэнъ,—завершается этотъ психологическій типъ тѣмъ самымъ способомъ, какииъ средневѣковой богословъ становился инквизиторомъ. Чрезвычайные контрасты сливаются въ образованіи якобинскаго типа: это—безумецъ, обладающій логикой; чудовище, признающее въ себѣ совѣсть; подъ гнетомъ его теоріи и гордости въ немъ развилась двойная уродливость — ума и сердца; онъ утратилъ здравый смыслъ и онъ извратилъ свой нравственный смыслъ. Не спуская глазъ съ своихъ отвлеченныхъ формулъ, онъ пересталъ видѣть дѣйствительныхъ людей; въ силу постояннаго самовосхищенія, онъ сталъ признавать въ своихъ противникахъ и даже соперникахъ лишь преступниковъ, достойныхъ казни. На этомъ склонѣ ничто не можетъ его удержать; называя вещи на-выворотъ, онъ извратилъ въ себѣ драгоценныя понятія, которыя возвращаютъ насъ на почву истины и справедливости. Никакой свѣтъ не проникаетъ болѣе въ глаза тѣхъ, кто принялъ свое ослѣпленіе за прозорливость; никакое угрызеніе совѣсти не смущаетъ души того, кто возвелъ свое варварство въ патріотизмъ и свои преступления въ долгъ*.

Таково психологическое объясненіе у Тэна произростанія якобинскаго типа со всѣми элементами его роста—властолюбіемъ и самомнѣніемъ, наклонностью къ разсудочному доктринерству, излюбленной господствовавшей теоріи о народовластіи и во имя ея—власти надъ народомъ, захватомъ диктатуры и—подъ ея влія-

ніемъ—патологическимъ искривленіемъ типа, бредомъ величія и жажды крови или развитіемъ идеи убійства (*l'idée homicide*). Гамма элементовъ полная или почти полная; нужно принять въ расчетъ еще элементъ страха, которымъ Мишле односторонне объяснялъ весь терроръ (*la peur faisait la terreur*), и вліяніе котораго самъ Тэнъ такъ мастерски выставилъ въ исторической картинѣ, указанной въ концѣ предшествовавшей главы, и, какъ мы увидимъ, въ своихъ характеристикахъ якобинскихъ комиссаровъ. Если тѣмъ не менѣе, однако, этотъ психологическій анализъ якобинства мѣстами производитъ впечатлѣніе *анатомическаго* препарата, какъ у Бальзака, то это потому, что работа психолога ведена была совершенно отвлеченно, безъ отношенія къ ходу и вліянію историческихъ событій. Между тѣмъ якобинскій типъ не только складывался подъ давленіемъ этихъ событій, но и обнаруживался въ нихъ. Личные психологическіе элементы, указанные Тэномъ въ его анализѣ, представляли лишь такъ сказать внѣшнія рамки якобинства; содержаніе въ эти рамки было вставлено историческою дѣятельностью якобинцевъ, которые руководились въ ней не только потребностью минуты, но осуществляли программу, такъ сказать, навязанную имъ по неволѣ историческимъ прошлымъ государства и народа, къ которому они принадлежали.

На ряду съ психологическими корнями якобинства, съ ихъ доктринернымъ резонерствомъ, съ ихъ личными страстями и пороками, выродившимися подъ вліяніемъ обстоятельствъ въ патологическое уродство, нужно принять еще въ расчетъ *историческіе* корни партіи, такъ быстро назрѣвшей въ зачаткахъ революціи. Дальнѣйшее и болѣе подробное разъясненіе этой мысли мы должны, однако, отсрочить до той поры, когда намъ придется говорить объ оцѣнкѣ исторической дѣятельности якобинства со стороны Тэна. Здѣсь же укажемъ еще на одну важную заслугу этого историка—по вопросу о возникновеніи якобинства.

Его изслѣдованіе о томъ, въ какихъ слояхъ общества преимущественно набиралось якобинство, и какое вліяніе имѣла степень образованія на предрасположеніе отдѣльных лицъ къ якобинскимъ идеаламъ,—этотъ трудъ Тэна представляетъ собою оригинальную попытку создать новую науку соціальной психологіи, характеризовать психическій складъ отдѣльных народныхъ слоевъ, указать мѣстныя условія, благоприятствовавшія произростанію якобинства въ народномъ типѣ, и составить, такъ сказать, очеркъ соціальной географіи, картину распространенія якобинской *фауны* во Франціи. Въ этомъ изслѣдованіи въ замѣчательной степени

проявились въ своемъ взаимодействіи двѣ выдающіяся способности Тэна, столь рѣдко встрѣчающіяся въ одномъ ученомъ — тонкій психологическій анализъ и мѣткій глазъ статистика, дѣлающій свои обобщенія на основаніи кропотливыхъ, систематически веденныхъ изысканій.

Помимо разсмотрѣннаго нами анализа якобинскаго *типа*, психологическая работа Тэна проявляется, какъ было упомянуто, въ характеристикѣ отдѣльнаго лица якобинской партіи. На первомъ планѣ стоятъ здѣсь психологическіе очерки Робеспьера, Дантона и Марата, которымъ посвящена особая глава. Мы, однако, не остановимся на этихъ блестящихъ портретахъ, потому что изображенные въ нихъ лица болѣе или менѣе хорошо извѣстны читателямъ, а критическая оцѣнка изображеній названныхъ лицъ у Тэна невозможна безъ подробнаго разбора ихъ исторической дѣятельности, что потребовало бы здѣсь слишкомъ много мѣста. Мы предпочитаемъ обратить вниманіе читателей на характеристику ~~тѣхъ второстепенныхъ вождей и дѣятелей якобинскихъ~~, которые имѣли возможность по своему положенію осуществлять въ обширныхъ размѣрахъ ~~якобинскую~~ программу и на полномъ просторѣ осуществлять собою якобинскій идеалъ. Это такъ называемые *коммиссары* конвента или члены этого всемогущаго собранія, отправленные въ *провинцію* съ различными порученіями и безусловными полномочіями. При такихъ обстоятельствахъ ихъ индивидуальность свободно развивалась на общемъ якобинскомъ фонѣ, предоставляя исторіку богатѣйшій матеріалъ для его психологическихъ наблюденій; основанныя на этихъ наблюденіяхъ характеристики Тэна могутъ служить подтвержденіемъ и провѣркою его пониманія и изображенія общаго якобинскаго типа.

Къ тому же не только психологическая, но и фактическая сторона этого изслѣдованія является совершенно новымъ и важнымъ вкладомъ со стороны Тэна въ исторію революціи. Роль этихъ лицъ представлена прежней исторіографіей въ самыхъ общихъ очеркахъ — и то далеко не всѣхъ. У Тэна предъ нами впервые является картина систематическаго террора, разносимаго коммиссарами по Франціи. Но не на дѣятельности этихъ коммиссаровъ хотимъ мы здѣсь останавливаться, а на самихъ личностяхъ. Въ этомъ отношеніи Тэнъ выставляетъ предъ нами цѣлую галерею историческихъ портретовъ одного общаго типа. Это цѣлое собраніе психическихъ курьезовъ и уродствъ, подоб-

ное тому, которое съ такимъ любительскимъ рвеніемъ составилъ Бальзакъ, — съ тою разницею, что романистъ давалъ волю своему воображенію и создавалъ лица, а историкъ съ точностью архивиста и слѣдственнаго судьи собиралъ подлинный матеріалъ для своихъ психологическихъ очерковъ. Предъ читателемъ возникаетъ психическая проблема первостепенной важности. Въ вѣкъ просвѣщенія и въ странѣ утонченной и извѣженной культуры появляются типы нравственнаго извращенія, подобіе которымъ можно найти только въ самые мрачные моменты паденія языческой римской имперіи; виновниками же этой дикой оргіи являются люди, которые были не хуже другихъ до своего припадка иступленія — и *послѣ* него опять стали *обыкновенными* людьми. Объ одномъ изъ самыхъ свирѣпыхъ комиссаровъ — Меньо (Maignot) — очевидецъ, близко знавшій его, говорилъ, что все, что творилъ Меньо въ теченіе 5—6 лѣтъ революціонной эпохи, было какъ будто слѣдствіемъ бѣлой горячки, послѣ которой къ больному возвратилось здоровье, и онъ вернулся къ прежнему теченію жизни, какъ будто ничего не случилось. И самъ Меньо о себѣ говорилъ: „я не былъ созданъ для такихъ бурь“. Тэнъ обобщаетъ это наблюденіе и примѣняетъ его ко всѣмъ сподвижникамъ этого комиссара. Главнымъ условіемъ ихъ психическаго потрясенія были необычныя обстоятельства, въ которыя они были поставлены. Коммиссары конвента были безусловными, безконтрольными диктаторами въ своей провинціи и въ то же время ~~рабами своихъ товарищей въ комитетѣ обществннаго спасенія.~~ Ежеминутно они могли ожидать, что ихъ вызовутъ въ Парижъ для кроваваго отвѣта; сплошь и рядомъ являлись къ нимъ довѣренныя лица парижскихъ диктаторовъ, иногда совсѣмъ молодые люди, для контроля надъ ними или для смѣны ихъ. Диктаторы проливали кровь, дрожа за свою собственную. „Чего же вы хотите, — чтобы я самъ пошелъ на гильотину? — спросилъ Карье, когда его просили пощадить добровольно сдавшихся вандейцевъ: — я не могу спасти этихъ людей“. Какъ и его товарищи въ конвентѣ, комиссаръ казнить изъ страха передъ казнью; но его положеніе хуже, ибо онъ дѣлаетъ свои распоряженія не на бумагѣ, а все, что онъ приказываетъ, приводится въ исполненіе тутъ же, на его глазахъ. Если самъ онъ родомъ изъ управляемой имъ провинціи, то онъ лично знаетъ людей, которыхъ губить; они для него не пустыя имена, не цифры, а живые образы, неотвязчивыя воспоминанія. Конфискованная имъ серебряная посуда проходитъ черезъ его руки; передъ его домомъ тнутся ряды людей, отправляемыхъ имъ въ тюрьмы; нерѣдко самая гильотина

работаетъ передъ его окнами; онъ живетъ въ домѣ жертвъ имъ казненныхъ, спать въ ихъ постели, пить вино изъ ихъ погреба. При такомъ непосредственномъ, такъ сказать, физическомъ соприкосновеніи съ жертвами, „всемогущество палата создаетъ вокругъ него какую-то зачумленную атмосферу, противъ которой не можетъ устоять никакое здоровье. Возвращенный въ условія, отравлявшія его природу въ дикихъ странахъ и въ варварскія эпохи, человѣкъ снова подвергается нравственнымъ недугамъ, отъ которыхъ онъ, какъ можно было думать, навсегда избавился; язвы дальняго востока и среднихъ вѣковъ, забытая и по-видимому исчезнувшая проказа, чумныя болѣзни, доступъ которымъ въ цивилизованныя страны казался навсегда закрытымъ, возвращаются и прорываются въ душѣ его гнойными нарывами и струпами!“

Всѣ грубые и гадкіе инстинкты, которые сдерживаетъ въ дикихъ натурахъ зависимость отъ окружающаго ихъ цивилизованнаго общества, вырываются на просторъ подъ покровомъ безусловной власти и полной безнаказанности. Взгляните у Тэна на этого Дюкене—это какое-то подобіе „дога, постоянно лающего и кусающагося и всего болѣе свирѣпаго *послѣ* того, какъ онъ насытился“. Это сравненіе съ догомъ—какъ бы контуръ образа, наполненный у Тэна многочисленными фактами, придающими самому образу живую и ужасающую реальность. Не станемъ останавливаться на этихъ фактахъ и не будемъ также приводить грубыхъ и циническихъ выходовъ Дюмона съ просительницами, пришедшими умолять его о пощадѣ ихъ мужей. Публичныя оскорбленія, которыя онъ имъ наносилъ, издѣваясь надъ ними съ ордою своихъ пособниковъ, представляются неправдоподобными для страны, которая въ правѣ была гордиться рыцарскимъ обращеніемъ съ женщиной. Этотъ Дюмонъ, съ „фигурой бѣлаго негра“, сталъ изъ деревенскаго страпчато „царемъ Пикардін“ и „калифомъ на часъ“; но онъ хорошо сумѣлъ воспользоваться своимъ калифствомъ, въ воспоминаніе о которомъ у него остались великолѣпно меблированный дворецъ и имѣніе въ четыреста тысячъ ливровъ. До невѣроятныхъ размѣровъ дошло также и проявленіе другихъ грубыхъ инстинктовъ, — пьянства, обжорства и распутства,—отъ самыхъ грубыхъ формъ, напоминающихъ лагерь Валленштейновскихъ наемниковъ, до самыхъ эпикурейскихъ... А что творили въ пьяномъ видѣ эти комиссары! Въ Тарби Монетье, явившись въ революціонный трибуналъ весьма разгоряченный обильнымъ пиршествомъ, сталъ самъ допрашивать подсудимаго, бывшаго офицера, присудилъ его къ гильотинѣ и приказалъ каз-

нить тотчасъ же, ночью, при свѣтѣ факеловъ... На слѣдующее же утро, встрѣтившись съ предсѣдателемъ суда, Монетъ говоритъ ему: „хорошаго же страха нагнали мы вчера вечеромъ на бѣднаго Ласалля!“ — „Какъ хорошаго страха?—изумляется тотъ:—вѣдь Ласалль казнень!“—Диктаторъ забылъ, что онъ приказалъ произвести казнь. У одного отъ опьяненія развивается кровожадность, у другого являются нечистоплотныя замашки. Разсказавъ то, что продолжалъ въ театрѣ Дартигуать — одинъ изъ худшихъ тирановъ юга, постоянно пьяный, Тэнь имѣлъ право сказать: „на этотъ разъ обнаружился звѣрь въ своемъ естественномъ видѣ; весь покровъ, который соткали для него вѣка, и въ который облекла его цивилизація, послѣднее человѣческое одѣяніе, спали съ него: глазамъ предстало первобытное животное, свирѣпый и чувственный горилла, повидимому, укрощенный, но неизмѣнно торчащій внутри человѣка и выскочившій наружу въ болѣе гадкомъ видѣ, чѣмъ онъ былъ въ первые дни своего бытія,—подъ вліяніемъ диктатуры, сопровождаемой пьянствомъ“.

Разгульная и распутная жизнь требуетъ большихъ расходовъ: диктатура доставляетъ нужныя для этого средства и много больше для удовлетворенія алчности и для наживы; баснословны грабительства, которыми наполнены составленные Тэномъ формулярные списки всеяльныхъ комиссаровъ. Но все это представляетъ довольно обыкновенное явленіе, все это встрѣчается вездѣ, гдѣ люди могли безнаказанно злоупотреблять своей властью и удовлетворять своимъ страстямъ. Характерною особенностью якобинцевъ является съ точки зрѣнія Тэна то, что ихъ диктатура не только разнуздывала въ человѣкѣ *животное*, но доводила его до помѣшательства, пробуждала въ немъ, какъ выражается Тэнь, безумца (*le fou*). У большинства этихъ „амбулаторныхъ сатраповъ“ психическое равновѣсіе нарушено слишкомъ громаднымъ прыжкомъ отъ прежняго ничтожества къ безграничной власти, которой они облечены. Недавно еще они были у себя на родинѣ безвѣстными адвокатами или медиками, агитаторами мѣстнаго клуба; вчера еще они терялись въ массахъ конвента, молча подавая свой голосъ, а теперь произвольно распоряжаются цѣлымъ департаментомъ; въ ихъ рукахъ имущество, свобода и жизнь полмилліона людей. Поэтому, подобно вѣсамъ, на которые упала несоразмѣрная тяжесть, ихъ рассудокъ накренился. Ихъ притязанія не знаютъ границы. Многіе, не довольствуясь гражданскою властью, хотятъ командовать арміей, обращаются съ офицерами и генералами какъ съ лакеями. „Я знать не хочу ни генераловъ, ни статскихъ,—говорилъ офицерамъ нѣкто Гастонъ, бывшій мировой судья;—что касается до ми-

нистра, то онъ—пѣшка (по-французски: chien dans un jeu de quilles); одинъ я долженъ здѣсь командовать, и вы будете мнѣ повиноваться". А товарищъ его объявляетъ, что генералы ни на что не нужны, что всѣ ихъ тактическіе и стратегическіе расчеты, всѣ эти палатки, лагери и редуты—безполезны. Натискъ съ холоднымъ оружіемъ—вотъ отнынѣ единственная стратегія, подобающая французамъ. „Поэтому они только и знаютъ, что смѣщать генераловъ, разстроивать кадры, идти впередъ наугадъ, съ закрытыми глазами, расточать безполезно жизнь солдатъ, подвергать отрядъ пораженію, иногда подводить самихъ себя подъ смерть—и они бы все погубили, еслибы послѣдствія ихъ неспособности и кинливости не искупались героизмомъ офицеровъ и энтузіазмомъ солдатъ“.

Какая разниа между этимъ изображеніемъ и хвастливой эпопеей якобинства у Тьера, гдѣ комиссарамъ приписывалось спасеніе Франціи отъ нашествія непріятеля и организація первыхъ побѣдъ республиканскаго войска! Если самомнѣніе комиссаровъ доходило до такого безумія въ виду вооруженныхъ непріятельскихъ армій, то въ области внутренняго управленія ихъ произволъ не зналъ никакихъ предѣловъ; судъ, торговлю, промышленность, земледѣліе—они все ставили верхъ дномъ. Въ своихъ депешахъ они хвастались разрушеніемъ и опустошеніемъ, которое производили—какъ будто въ этомъ заключалась ихъ миссія. Установивъ, что безграничность полномочій и безнаказанность пошатнули разсудокъ комиссаровъ и вызвали бредъ величія, Тѣнъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ умственное ихъ разстройство принимаетъ разныя формы, смотря по ихъ характеру и темпераменту. У однихъ пароксизмъ разрушенія и кровожадности протекаетъ быстрее; они приходятъ въ упоеніе отъ своей власти и поддаются лести, какъ, напр., Изабо, который послѣ проскрипціи начинаетъ играть въ Бордо роль снисходительнаго и популярнаго диктатора. Онъ съ удовольствіемъ смотритъ въ театрѣ пьесу, въ которой „пастушки свиваютъ изъ цвѣтовъ гирлянду, изображающую слова: „Изабо, свобода, равенство“; онъ милостивой улыбкой поощряетъ художника, который представляетъ ему гравюру съ надписью „Событіе, случившееся при Изабо, представителѣ народномъ“: На улицѣ предъ нимъ снимаютъ шляпы, ему рукоплещутъ и кричатъ: „да здравствуетъ Изабо, спаситель Бордо, нашъ другъ, нашъ отецъ!“ У товарища его Тальена, бывшаго сентябрьскаго убійцы, пароксизмъ кровожадности смѣняется безсмысленнымъ припадкомъ обжорства. „Сынъ повара изъ великосвѣтскаго дома,—говоритъ Тѣнъ съ своей саркастической улыбкой,—Тальенъ, безъ сомнѣнія, сохранилъ фа-

милыя традиціи; вся его провинція для него—лишь громадный буфетъ, и онъ, подобно метръ-д'отелю въ „Жиль-Блазъ“ съѣдаетъ все, что можетъ съѣсть, а остальное обращаетъ въ деньги“.

Совсѣмъ инныя послѣдствія влечетъ за собой ненормальное состояніе ума у людей съ болѣе тяжелымъ и мрачнымъ темпераментомъ; оно сопровождается пораженіемъ всего нервнаго аппарата и постояннымъ, болѣзненнымъ раздраженіемъ. Тѣнь представляетъ нѣсколькихъ представителей этого патологическаго типа. Ихъ изображеніе—рядъ скорбныхъ листовъ изъ трактата душевной патологии. Возьмите, напр., Лебона: сынъ мелкаго судебнаго пристава, онъ былъ учителемъ въ школѣ ораторіанцевъ, присягнувъ новому церковному уставу и получилъ за это мѣсто деревенскаго патера; но приходъ не хочетъ его знать; его родная мать въ ужасѣ отъ того, что она считаетъ отступленіемъ сына отъ вѣры, сходитъ съ ума и попадаетъ въ домъ умалишенныхъ. Два года спустя, 28-лѣтній Лебонъ возвращается на родину членомъ конвента и всемогущимъ проконсуломъ. Первымъ его дѣломъ—собрать своихъ прежнихъ прихожанъ и задать имъ вопросъ: „кто бы изъ васъ подумалъ, что я возвращусь въ санъ народнаго представителя съ безграничными полномочіями?“

На этой высотѣ у него закружилась голова, и онъ помѣшался на томъ, что его недостаточно уважаютъ и чтутъ. Когда, при его входѣ въ ложу, дамы, сидѣвшія въ первомъ ряду, не встали съ своихъ мѣстъ, онъ приходитъ въ бѣшенство, начинаетъ бѣгать и яростно вопить противъ „франтихъ, которыя не хотятъ побезпокоиться ради представителя 25 миллионовъ людей; въ прежнее время для какого-нибудь принца всѣ бы уступили свое мѣсто, но вѣдь народный депутатъ поважнѣе самого короля“. Этотъ образъ короля укореняется въ его мысляхъ, и онъ входитъ въ его роль, вездѣ чуетъ заговоры и козни и одержимъ какимъ-то трепетомъ ярости. Въ Арраси онъ на улицѣ слышитъ, что проходящая мимо него дѣвушка говоритъ съ матерью по-фламандски. Это ему кажется подозрительнымъ. „Куда ты идешь?“—спрашиваетъ онъ. Дѣвушка, его не знавшая, отвѣчаетъ: „Какое тебѣ дѣло?“ Лебонъ приказываетъ посадить въ тюрьму дѣвушку и все ея семейство. На бульварѣ онъ встрѣчаетъ другую дѣвушку, съ книгой въ рукахъ, въ сопровожденіи матери. Онъ требуетъ книгу, мать подаетъ ее; это былъ популярный въ то время романъ—„Кларисса“, героиней котораго была добродѣтельная дѣвица. Протягивая руку, чтобы получить назадъ книгу, дочь сказала Лебону: „Въ ней уже, конечно, ничего нѣтъ подозрительнаго!“ На это изступленный Лебонъ ударомъ кулака сбиваетъ съ ногъ дѣвушку, приказываетъ

обыскать мать и дочь и самъ отводить ихъ въ полицію. Онъ прѣзжаетъ въ Камбръ; узнавъ, что тамъ, по составленіи протокола, отпустили домой женщину, продавшую бутылку вина дорожке установленной конвентомъ таксы, онъ какъ бѣшенный бросается въ городской магистратъ и требуетъ, чтобы всѣ присутствующіе прошли въ залу засѣданія. Дежурный чиновникъ открываетъ ведущую туда дверь, но Лебонъ, который не знаетъ ни лицъ, ни мѣста, кричитъ съ пѣною у рта: „держи, держи негодяя, онъ убѣжитъ!..“ Онъ вытаскиваетъ саблю, хватается чиновника за шиворотъ, вцѣпляется въ него зубами и ногтями съ крикомъ: „я держу, держу его!“ Наконецъ, съ ругательствами спрашиваетъ арестованнаго: „ты маркизъ?“ — „Нѣтъ, — отвѣчаетъ тотъ, — я санкюлотъ“. — Вы слышите, народъ? — кричитъ Лебонъ: — онъ называетъ себя санкюлотомъ! и вотъ какъ онъ принимаетъ доносъ на нарушеніе таксы! Я его смѣщаю; въ тюрьму негодяя!“

Въ другихъ выходкахъ Лебона, которыя мы обойдемъ молчаніемъ, гильотина играла болѣе непосредственную роль. Вообще никогда еще, со времени Калигулы и Домиціана, бредъ величія не требовалъ себѣ такихъ кровавыхъ жертвъ. Въ Ліонѣ бывшій комедіантъ Колло д'Эрбуа приказалъ однажды утромъ революціонному трибуналу арестовать, допросить и судить какого-то юношу до истеченія дня. Вечеромъ, когда Колло сидѣлъ за столомъ, при звукахъ оркестра, среди настоящей оргіи съ палачами и вакханками, входитъ судья и докладываетъ ему на ухо, что послѣ самаго строгаго разслѣдованія дѣла судъ убѣдился въ невинности юноши и полагаетъ его отпустить на свободу. Колло, не глядя на судью, поднимаетъ голосъ и говоритъ: „Я приказалъ вамъ наказать этого человѣка; я хочу, чтобы онъ погибъ до истеченія дня. Если щадить невинныхъ, слишкомъ много виновныхъ избѣгутъ кари. Ступайте!“ Музыка и разгулъ не прерывались, и часъ спустя молодой человѣкъ былъ разстрѣлянъ.

Тѣмъ приводитъ цѣлый рядъ именъ комиссаровъ, дѣйствовавшихъ такимъ же образомъ и ополчавшихся противъ слишкомъ снисходительныхъ судей, ими же самими назначенныхъ. Лебонъ, Бернардъ, Дартигуать и Фуше отдавали вторично подъ судъ по тому же самому дѣлу обвиненныхъ, которые были торжественно оправданы ихъ же трибуналами. Пріеръ Бо и Лебонъ сажали въ тюрьму судей и присяжныхъ, если они не приговаривали подсудимаго къ казни. „Противорѣчить непогрѣшному депутату! — восклицаетъ Тэнъ: — уже это одно было для него оскорбленіемъ. Депутатъ ради собственного достоинства долженъ наказывать непослушныхъ, хватать оправданныхъ и жестокостями питать свою

востовость". Можно сказать, что это роковое время внесло въ анналы патологии новый недугъ—манію убійства и крови, которая дѣйствовала на подобіе заразы. Лекинъ, Ленъель и Лебонъ сѣли палача съ собою за столъ. Монетъ самъ отправлялся въ тюрьму за обвиняемыми, сопровождалъ ихъ въ судъ, осыпалъ ихъ бранью, если они старались защищать себя, и въ официальномъ костюмѣ присутствовалъ при ихъ казни. Фуше смотрѣлъ въ лорнетъ изъ своего окна на избіеніе двухъ сотъ ліонцевъ. Фреронъ лично распоряжался въ Тулонѣ первымъ большимъ побойщемъ на Марсовомъ полѣ. Лебонъ, съ балкона, предъ которымъ совершалась казнь, приостановилъ эзекуцію, когда жертва уже была привѣшана къ доскѣ, развернулъ газету и въ продолженіе десяти минутъ читалъ и комментировалъ побѣдныя депеши, а потомъ, обратившись къ жертвѣ, сказалъ: „ну, отправляйся теперь, негодяй, и сообщи тебѣ подобнымъ новость о нашихъ побѣдахъ". Жавогъ, къ которому молодая женщина обратилась съ просьбой пощадить мужа, отвѣтилъ ей: „хорошо, милая, завтра онъ будетъ у тебя",—и на другой день приказалъ разстрѣлять его и похоронить въ саду при его домѣ.

Но манія кровожадности достигаетъ самыхъ ужасающихъ размѣровъ въ лицѣ Каррье, у котораго и помѣшательство принимаетъ наиболѣе явныя формы. Оно очевидно сопровождается галлюцинаціями. На трибунѣ онъ вошелъ однажды въ такой азартъ, что началъ саблей сбивать свѣчи, какъ будто имѣлъ предъ собою голубовъ „аристократовъ". Онъ не иначе могъ говорить, какъ съ бѣшенными жестами и яростными ругательствами—и не только съ жертвами или просителями, но и съ своими чиновниками и помощниками, въ какомъ бы высокомъ званіи они ни состояли. Администраторы департамента бережно открывали къ нему дверь, чтобы сначала убѣдиться, не находится ли онъ въ припадкѣ бѣшенства и можетъ ли онъ ихъ выслушать. Предсѣдателью военной коммиссіи, который заявилъ, что до совершенія казни нужно произвести судъ, онъ крикнулъ: „Такъ ты, старый мошенникъ, старай... хочешь судить? Такъ суди же, но если въ два часа вся тюрьма не будетъ пуста, я тебя разстрѣляю со всѣми товарищами". При этомъ его взгляды и его жесты были такъ дикі и онъ навелъ такой ужасъ на предсѣдателя, что тотъ черезъ нѣсколько дней умеръ отъ нервнаго потрясенія. Какъ помѣшанный и истушеный, Каррье размахиваетъ саблей, бьетъ и дерется. Онъ грозитъ снести голову своей саблей первому, кто заговоритъ о припасахъ; онъ гоняется съ саблей въ рукахъ по улицѣ за просителями, притискиваетъ генерала Мулена къ окну и колотитъ

его. Жажда крови становится у него тѣмъ слѣпымъ, патологическимъ инстинктомъ, который заставляетъ возбѣсившуюся собаку кусать все, что ей попадаетъ на пути. Ему мало тѣхъ сотенъ несчастныхъ вандейскихъ бѣглецовъ, безоружныхъ крестьянъ, женщинъ, дѣтей, которыхъ онъ можетъ толпами топить въ Луарѣ или толпами разстрѣливать. Онъ съ воплемъ молилъ, чтобы ему доставляли и указывали все новыя и новыя жертвы. Въ революціонномъ клубѣ города Нанта онъ кричитъ: „Всѣ богачи, всѣ купцы—грабители и враги революціи; доносите мнѣ на нихъ, и голова ихъ у меня въ мигъ скатится съ плечъ подъ ударомъ національной бритвы; доносите мнѣ на фанатиковъ, которые по воскресеньямъ закрываютъ свою лавку,—я ихъ гильотинирую“. Или: „Я вижу здѣсь оборванцевъ въ лохмотьяхъ; вы здѣсь въ Ансени такъ же глупы, какъ въ Нантѣ. Развѣ вы не знаете, что имущество и богатство этихъ толстыхъ купцовъ принадлежитъ вамъ, и развѣ у васъ тутъ нѣтъ рѣки?.. Голубчики мои санкюлоты, ...пора вамъ въ свою очередь насладиться жизнью; дѣлайте мнѣ доносы; мнѣ достаточно свидѣтельства двухъ добрыхъ санкюлотовъ, чтобы срѣзывать головы жирныхъ купцамъ“...

„Но этотъ якобинецъ, съ помутившимся умомъ, хуже бѣшеной собаки, ибо онъ наслаждается мученіями своихъ жертвъ, онъ упивается зрѣлищемъ агоніи. Онъ справляетъ свои гадкія оргіи на баркахъ, гдѣ сотни жертвъ ожидаютъ страшной минуты, когда, связанные по-парно, они будутъ ввергнуты въ пучину широкой Луары. Онъ открыто признается въ удовольствіи, которое ему доставляетъ видъ предсмертныхъ мученій. „Я никогда такъ не хотѣлъ,—говоритъ онъ,—какъ глядя на гримасы, которыя дѣлали эти патеры, умирая“. Это негръ,—говоритъ Тэнъ,—который держится за бока отъ хохота при видѣ судорогъ посаженнаго на колъ человѣка“. Въ наслажденіяхъ предсмертными муками патеровъ могъ имѣть свою долю вліянія дикій фанатизмъ. Но Каррье не менѣе наслаждается видомъ смерти дѣвушекъ и дѣтей. Несмотря на протесты революціоннаго трибунала, онъ приказываетъ казнить безъ суда 24 человѣка, въ числѣ которыхъ было нѣсколько женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ; несмотря на протестъ того же суда, онъ лично приказываетъ казнить 24 ремесленниковъ и крестьянъ, въ числѣ которыхъ мальчикъ 14-ти лѣтъ и два мальчика 13-ти лѣтъ. Каррье самъ ѣдетъ „на извозчикѣ“ въ мѣсту гильотины и слѣдитъ за казнью. Кто пожелалъ бы обвинять Тэна въ пристрастіи и въ преувеличеніи при изображеніи якобинства, тотъ пусть прочтетъ описаніе казни мальчика, который былъ слишкомъ малъ ростомъ для гильотины, такъ что шея у него не приходилась подѣ

ножъ, а приплась голова, и онъ, уже привязанный къ доскѣ, спрашиваетъ палача: „будетъ ли ему очень больно?“ Палачъ не перенесъ зрѣлища и умеръ черезъ нѣсколько дней, а яковинецъ, который все видѣлъ и все слышалъ, поставилъ на его мѣсто другого палача и продолжалъ свое кровавое дѣло, пока эшафотъ не провалился подъ его ногами и не сбылось его мрачное предсказаніе, которое, какъ мучительный призракъ, носилось передъ нимъ: „я увѣренъ, что мы всѣ будемъ гильотинированы одинъ за другимъ“.

Эта галерея яковинскихъ портретовъ, составляющая только часть историческаго музея, собраннаго Тэномъ, служить иллюстраціей и оправданіемъ его анализу и опредѣленію общаго яковинскаго *типа*. Тэнъ здѣсь стоитъ на почвѣ всѣмъ извѣстныхъ и неопровержимыхъ фактовъ, и самые факты, производящіе на читателя гнетущее впечатлѣніе своею чудовищностью, вмѣстѣ съ тѣмъ становятся ему понятными, благодаря психической мотивировкѣ ихъ у Тэна. Такъ психологія приходитъ здѣсь на помощь исторіи; историкъ перестаетъ быть простымъ повѣствователемъ, который не въ силахъ объяснить явленія, имъ описываемыя; проникая въ душу человѣка, анализируя коренящіеся въ ней инстинкты и страсти, объясняя, какъ они разрастаются—ихъ чудовищную гипертрофію—подъ вліяніемъ среды и обстоятельствъ, историкъ-психологъ проливаетъ свѣтъ на свой рассказъ: онъ составляетъ взаимодействие лицъ и событій, выставляя на видъ послѣдствія неумѣренныхъ страстей и дивныхъ инстинктовъ и обратное вліяніе дѣйствій на ихъ виновниковъ, онъ выясняетъ процессъ постоянного круговращенія въ исторіи причинъ и слѣдствій. Но если психологія явилась въ этомъ случаѣ существеннымъ подспорьемъ исторіи, то послѣдняя съ своей стороны стала у Тэна помощницей психологіи. Никогда еще, со времени безсмертныхъ характеристикъ Тацита, исторія не служила такимъ поучительнымъ поприщемъ для психологическихъ и патологическихъ наблюденій надъ извращеніемъ человѣческой натуры подъ вліяніемъ безграничной и безответственной власти, какъ въ книгѣ Тэна о яковинцахъ; никогда исторія не представляла психологіи такого громаднаго лазарета для изслѣдованій рокового вліянія фанатизма и политическихъ догматовъ, поработившихъ разсудокъ и разжигавшихъ страсти.

Изъ-за историка-психолога не забудемъ однако и художника. Искусство Тэна проявилось въ томъ, что, знакомя насъ съ личностью всесильныхъ комиссаровъ конвента, историкъ показываетъ намъ въ отдаленной перспективѣ весь *терроръ*, во всемъ

его объемъ и ужасъ. Художество, кромѣ того, обнаружилось и въ самихъ изображеніяхъ комиссаровъ. Какъ у Бальзака, зрѣлище этихъ типовъ „великой порочности“, этихъ „мономановъ всякаго рода“, этихъ „подвижниковъ распутства и алчности“, становилось выносимымъ только благодаря искусству историка, которое „избавляетъ зрителя отъ ужаса, поддерживая въ немъ интересъ“, искусству, съ которымъ Тэнъ изображаетъ, какъ зловѣщій догматъ или „господствующая страсть“ овладѣваютъ субъектомъ, переходятъ въ манію и дѣлаютъ его рабомъ. Своимъ мастерствомъ Тэнъ достигаетъ даже большаго: онъ не только внушаетъ читателю интересъ къ психологической проблемѣ, разрѣшающейся у него на глазахъ, но состраданіе къ лицамъ, которыя становятся жертвами совершающагося въ нихъ патологическаго процесса и развившейся въ нихъ чудовищной маніи.

Какъ ни велико, однако, значеніе психологическаго анализа Тэна въ примѣненіи къ отдѣльнымъ яacobинцамъ, оно, можетъ быть, уступаетъ тому, которое имѣетъ его *коллективная психологія*; ибо здѣсь предъ нами открывается совершенно *новая* область исторіографіи, гдѣ еще болѣе проявляется оригинальность Тэна. До послѣдняго времени исторіографія мало слѣдила за вліяніемъ народныхъ массъ на ходъ историческихъ событій, какъ вслѣдствіе трудности задачи и скудости историческаго матеріала, такъ и потому, что вниманіе историковъ поглощалось болѣе явной и легко изучаемой дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ. Французская революція 1789—1794 года—первое крупное событіе, въ которомъ проявилось съ очевидностью и съ неопровержимой силой вліяніе массы въ исторіи—не только непосредственное участіе въ событіяхъ уличной толпы, но и болѣе глубокое вліяніе чувствъ, понятій и общаго настроенія цѣлаго народа. За Тэномъ ~~нужно признавать~~ нужно признавать заслугу, что онъ первый систематически сталъ изучать психологію массъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ исторіи революціи; онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, какъ событія отражались на психическомъ мірѣ толпы и отдѣльныхъ слоевъ народа, и какъ, съ другой стороны, настроеніе массъ вліяло на событія. А такъ какъ, благодаря современнымъ условіямъ культурной жизни, вліяніе массъ будетъ все болѣе и болѣе ощутительнымъ въ исторіи, то Тэнъ съ своими попытками коллективной психологіи является какъ бы представителемъ и образцомъ исторіографіи будущаго, и его психологическіе очерки должны, въ виду этого, возбуждать двойной интересъ.

Однимъ изъ замѣчательныхъ образчиковъ психологическаго анализа представленій и чувствъ цѣлой массы людей, являющихся дѣателями въ исторіи, представляетъ собою изображеніе Тѣномъ настроенія парижанъ въ дни, предшествовавшіе крушенію монархіи и слѣдовавшіе за этимъ событіемъ. Это цѣлая масса электрическаго свѣта, направляемаго Тѣномъ на разные части громадной и мрачной картины, которую представляла столица Франціи въ августѣ 1792 года, передъ установленіемъ полного владычества якобинцевъ. Освѣщая своимъ психологическимъ изображеніемъ то тотъ, то другой эпизодъ этой эпохи, рисуя намъ настроеніе то того, то другого члена парижскаго населенія, Тѣнь объясняетъ читателю, какъ устанавливалось это владычество. Однимъ изъ интересныхъ эпизодовъ этого процесса является рассказъ Тѣна, какимъ психическимъ средствомъ якобинцы увлекли за собою толпу, послужившую имъ орудіемъ для взятія Тюльери и ниспроверженія монархіи 10-го августа. Этимъ средствомъ является въ повѣствованіи Тѣна молва, искусно распускавшаяся якобинцами, политическій романъ, по его выраженію, сочиненный ими и рассчитанный на то, чтобы запугать воображеніе парижской толпы и вызвать ея гнѣвъ.

„Это романъ,—говоритъ Тѣнь,—приноровленный къ объему, складу ума и степени возбужденія толпы,—романъ мрачный и простой, какой требуется для людей стоящихъ на умственномъ уровнѣ дѣтей, или скорѣе мелодрама ярмарочнаго балагана, съ добрыми—съ одной стороны, съ злыми—съ другой, и съ людоедомъ, тиранномъ или подлымъ измѣнникомъ, какъ центральной фигурой, который въ концѣ неизбежно изобличается и подвергается наказанію по заслугамъ; все это вложено въ напыщенныхъ тирадахъ и кончается громкимъ финаломъ, который распѣвается хоромъ. Въ мало развитой, но перевозбужденный мозгъ простого рабочаго политика можетъ проникнуть лишь съ помощью образовъ, грубо намалеванныхъ, такими изобилуетъ „Марсельеза“ и „Карманьола“. Сквозь увеличительное и искажающее стекло сфабрикованной для него легенды самая добродушная физіономія ему представляется съ діабolicкимъ выраженіемъ. Ему изобразили Людовика XVI-го какимъ-то чудовищемъ, которое употребляетъ свою власть и свои сокровища на то, чтобы помѣшать возрожденію французовъ: это новый Карлъ IX, который хочетъ внести во Францію разореніе и смерть. Подобные же романы возникаютъ въ разгоряченномъ воображеніи самихъ вождей. Дикій инстинктъ создаетъ себѣ противниковъ по своему образцу и, приписывая имъ адскіе замыслы, поль-

зуются противъ нихъ же своими выдумками. Въ комитетѣ якобинскихъ вождей всѣ увѣрены въ томъ, что дворъ начнетъ нападеніе, и что имѣются не только разныя указанія на существованіе заговора, но очевидныя доказательства этого. — „Тюльерійскій дворецъ для насъ троянскій конь, — кричитъ Панись; — мы погибли, если намъ не удастся раскотрошить его. Бомба, приготовленная для Парижа, взорвется въ ночь съ 9-го на 10-е августа. 15.000 аристократовъ наготовѣ, чтобы перерѣзать патріотовъ!“ Послѣ появленія манифеста герцога Брауншвейгскаго, вмѣстѣ со страхомъ разростается и легенда: всѣ жители Парижа будутъ отведены на равнину Сень-Дени и десятый изъ нихъ разстрѣляны; предварительно же изъ толпы отберутъ самыхъ извѣстныхъ патріотовъ, которые будутъ преданы колесованію, а вмѣстѣ съ нимъ сорокъ или пятьдесятъ пуассардокъ! Затѣмъ 11-го августа распространяется слухъ, что 800 человекъ бывшей королевской гвардіи готовы ринуться на Парижъ; въ тотъ же день толпа въ продолженіе семи часовъ обыскиваетъ домъ Бомарше, при чемъ пробиваетъ стѣны, осматриваетъ выгребныя ямы и разрываетъ землю въ саду до самаго материка. То же происходитъ и въ сосѣднемъ домѣ; въ особенности женщины „взбѣшены тѣмъ, что ничего не найдено; онѣ хотятъ начать розыски съизнова и клянутся, что откоплютъ потаенный складъ оружія. Очевидно, — заключаетъ Тэнъ свое описаніе, — кошмаръ слишкомъ тяжелъ для этихъ бѣдныхъ мозговъ безъ балласта; ихъ силы подкашиваются подъ тяжестью вѣнца, который они самозванно на себя наложили, а эзальтированное, развившееся до безумія самолюбіе и неотвязчивый страхъ создали въ ихъ душѣ зловѣщую смѣсь, которая, какъ въ монархіяхъ, такъ и въ демократіяхъ, порождаетъ Нероновъ“. Послѣ взятія толпою Тюльери, басня пускаетъ еще болѣе глубокіе корни: въ этихъ „опрокинутыхъ вверхъ дномъ умахъ“ очевидная и наглядная истина извратилась наизнанку: не они начали нападеніе, а изъ дворца было приказано бить въ набатъ; дворецъ держалъ въ осадѣ націю, а не нація осаждала дворецъ; побѣжденные — убійцы народа, захваченные на мѣстѣ преступленія, и вотъ 14-го августа марсельскіе добровольцы приходятъ требовать военнаго суда надъ ними, чтобы „отомстить за кровь братьевъ“. Но этого еще мало: недостаточно покарать преступленія, совершенныя 10-го августа, надо распространить месть народа на всѣхъ заговорщиковъ, и на этого Лафайета, который въ это время, можетъ быть, и не былъ въ Парижѣ, но который могъ бы тамъ быть, на всѣхъ этихъ министровъ-генераловъ, судей и другихъ королевскихъ аген-

товъ, виновныхъ въ томъ, что они поддерживали законный порядокъ, пока онъ существовалъ, и не признавали якобинскаго правительства, которое еще не существовало. Въмѣстѣ съ побѣдой и съ овлобленіемъ растутъ и страхъ. Применившись къ якобинцамъ, чернь сознаетъ, хотя и неясно, свою малочисленность, свою узурпацію и опасность своего положенія, которая возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ Парижу прусской арміи. Толпа испытываетъ ощущеніе, какъ будто она стоитъ лагеремъ на минѣ, которую должно взорвать. Такъ какъ ея противники—негодяи, то они способны на всякую северную продѣлку, на заговоръ или рѣзню. Устроенное Сержаномъ въ концѣ августа парадное шествіе конныхъ добровольцевъ съ знаменами, съ длиннымъ рядомъ исписанныхъ злодѣйствъ, совершенныхъ дворомъ, окончательно поражаетъ воображеніе парижской черни и создаетъ то настроеніе, которое сдѣлало возможнымъ сентябрьскія событія“.

Описаніе сентябрьскихъ убійствъ—одно изъ самыхъ поразительныхъ проявленій психологическаго метода и художественнаго таланта Тэна. Фактическая сторона этого событія давно уже была документально и во всѣхъ своихъ ужасающихъ подробностяхъ разработана Гранье-де-Кассаньякомъ, а много позднѣе Мортимеромъ Тернѣ въ III томѣ его исторіи террора. Тэну въ этомъ отношеніи оставалось лишь прибавить изъ громаднаго запаса своего архивнаго матеріала нѣсколько подробностей и пересмотрѣть обвинительный актъ противъ Дантона, Марата и членовъ парижской коммуны, чтобы точнѣе установить ихъ виновность въ убійствахъ. Но Тэнъ не ограничился этимъ; онъ перенесъ изображеніе сентябрьскихъ убійствъ изъ области внѣшнихъ фактовъ въ внутренній психическій міръ дѣйствующихъ лицъ. Событіе освѣтилось новымъ свѣтомъ и получило для читателя новый интересъ. Читатели не только становятся зрителями парижскихъ шувѣрствъ, какъ у предшественниковъ Тэна, но они *видятъ*, какъ зарождается и развивается въ душѣ убійцы замыселъ убійства, какъ и въ какихъ умахъ укореняется намѣреніе избить враговъ систематически и въ обширныхъ размѣрахъ. Историкъ знакомитъ читателя съ психическимъ настроеніемъ исполнителей этого чудовищнаго злодѣянія, затѣмъ съ настроеніемъ парижской массы, которое способствовало его совершенію, затѣмъ ведетъ читателя въ коммуну, гдѣ оно предумышленно организуется, и наконецъ характеризуетъ главныхъ руководителей парижскихъ якобинцевъ, Марата, Дантона и Робеспьера. Всѣ эти части IX главы изобилуютъ глубокими психическими замѣчаніями, но особеннаго вниманія по своей новизнѣ и методологическимъ приѣмамъ

заслуживаетъ отдѣлъ объ исполнителяхъ, о „чернорабочихъ“ сентябрьскаго побоища.

При пересказѣ этого событія историками до сихъ поръ ставился на главномъ планѣ вопросъ о виновникахъ его и о степени ихъ вины, и рѣшеніе этого вопроса не могло не обуславливаться политической тенденціей автора, почему въ повѣствованіи преобладало то обличеніе, то желаніе смягчить вину убійцъ и даже оправдать убійства. Ставъ на психологическую точку зрѣнія, Тэнъ вывелъ вопросъ изъ этой дилеммы, и тотъ, кто склоненъ обвинять Тэна въ пристрастіи противъ революціи, пусть прочтетъ эту его главу; онъ убѣдится, что главный интересъ Тэна — здѣсь, по крайней мѣрѣ, — не политическая полемика, а научное изслѣдованіе. Что убійство гнусно, что избіеніе толпою безоружныхъ жертвъ, случайно и отчасти по недоразумѣнію скученныхъ въ тюрьмѣ, дѣло еще болѣе гнусное, что вслѣдствіе преднамѣренности, продолжительности и полной бессмысленности, съ которой совершалось убійство, оно становится окончательно омерзительнымъ, — это само собою разумѣется; но весь интересъ для Тэна въ томъ, чтобы разобратъ въ убійцахъ и объяснить психическое состояніе, въ которомъ они совершали свое гнусное дѣло. На первомъ планѣ работаютъ *марсельцы*. Это отрядъ добровольцевъ изъ Марсели, направившійся на Парижъ, чтобы оттуда прослѣдовать на границу въ ряды дѣйствующей арміи. Они поклялись защищать „свободу“ отъ иноземныхъ тирановъ, но вмѣсто того остались въ Парижѣ для истребленія „внутреннихъ враговъ“. Они въ особенности содѣйствовали переходу власти въ руки якобинцевъ; они принесли съ собою марсельезу и вмѣстѣ съ этой пѣсней внесли въ революцію тотъ ускоренный тѣмпъ, который привелъ ее къ террору. Ихъ отрядъ находился во главѣ толпы, штурмовавшей королевскій дворецъ 10-го авг. 1892 г., и три недѣли спустя они сдѣлались главными пособниками коммуны при совершеніи сентябрьскаго убійства.

Кто же были эти марсельцы, на какой почвѣ и при какихъ условіяхъ сложилось ихъ революціонное настроеніе, возникъ ихъ психологическій складъ? Изображеніе „марсельцевъ“ — одинъ изъ замѣчательныхъ образчиковъ психологическаго анализа, основаннаго на изученіи среды, породившей извѣстный типъ.

„Палашее небо, знойный климатъ, пустынные берега и скалы и разрушительныя рѣки, горные потоки, то иссохшіе, то выступающіе изъ береговъ“, ослѣпляющая пыль, нервы, раздражаемые постояннымъ вѣяніемъ мистрала или періодическими порывами сирокко; порода чувственная, впечатлительная и суровая, безъ

умственного и нравственного балласта, въ которой смѣшеніе галла съ латиномъ уничтожило чувствительное добродушіе калта и глубокую серьезность римлянина — „люди цѣльные, крѣпкіе, сухопарые, безпостоянные“ и вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысленные, импровизаторы, болтуны, игрушка собственнаго паюса, легко уносимые въ пустое пространство яростной декламаціей и поверхностнымъ энтузіазмомъ, скученные въ торговомъ и приморскомъ городѣ съ 120.000 жителей, гдѣ рискъ торговли и мореплаванія поддерживаетъ духъ новшествъ и приключеній, гдѣ солидность характера ежедневно подрывается вѣдливостію быстрой наживы, расточаемой въ грубыхъ удовольствіяхъ, — люди, которымъ теперь политика, подобно спекуляціи, представляется лотереей, сулящей крупныя барыши смѣльчакамъ; кромѣ того, ихъ городъ порто-франко, сборище международнаго кочевого сброда, бродягъ, не знающихъ ни закона, ни опредѣленнаго промысла (*chenarants et sacsipants*), которые, подобно морской травѣ, оторвавшейся отъ корня и гниющей, несутся отъ берега къ берегу по всей окружности Средиземнаго моря; настоящая сточная яма, куда слились подонки двадцати испорченныхъ и полу-варварскихъ цивилизацій¹⁾, пѣна уголовщины, выброшенная тюрьмами Генуи, Піемонта, Сициліи, всей остальной Италіи, Испаніи, Архипелага и Африканскаго побережья¹⁾.

„Вотъ люди, созданные для рѣзни беззащитныхъ жертвъ — коршуны, издали налетѣвшіе, почуявъ добычу. Къ нимъ прикнули многочисленные пособники изъ парижскаго населенія“... Тэнъ подробно перечисляетъ ихъ по ихъ званію и занятіямъ; между ними есть „хищныя звѣри, убійцы по инстинкту или простые воры“; иные утверждаютъ, что они пошли только по принужденію. Третьи — простые автоматы, которыхъ толкаютъ впередъ другіе; такой-то разсылный, очень честный человѣкъ, но увлеченный примѣромъ, потомъ напоенный до пьяна, наконецъ, обезумѣвшій, убиваетъ 20 патеровъ своей рукой — и умираетъ черезъ мѣсяць, все продолжая пить, потерявъ сонъ, съ пѣною у рта и дрожа всѣмъ тѣломъ. У иныхъ, пришедшихъ съ добрыми намѣреніями, закружилась голова отъ соприкосновенія съ кровавымъ водоворотомъ, и „внезапно осѣненные революціонной благодатью, они обращаются къ новому культу убійства“; нѣкто Граненъ, отправленный своею секціей, чтобы спасти двухъ заключенныхъ, садится рядомъ съ Мальяромъ, судить вмѣстѣ съ нимъ въ теченіе

¹⁾ Слова въ кавычкахъ о климатѣ заимствованы Тэномъ у Мирабо-отца, уроженца южной Франціи; послѣднія слова — изъ брошюры одного участника марсельскихъ битвъ.

63 часовъ и требуетъ себя отъ него выдачи свидѣтельства для удостовѣренія своего подвига. Но большинство стоитъ на уровнѣ того повара, который послѣ взятія Бастильи, случайно тутъ находясь, отрубалъ голову плѣнному коменданту, думая, что онъ совершаетъ патріотическій подвигъ, и считалъ себя достойнымъ „медали за истребленіе чудовища“. Это не злодѣи, но добрые обыватели и сосѣди, которые, увидѣвъ, что въ ихъ участкѣ производится общественная работа, прибѣгаютъ изъ своихъ домовъ, чтобы и своимъ плечомъ подпереть общественное бремя.

Въ началѣ никто изъ убійцъ не наполняетъ себя кармановъ. Они добросовѣстно приносятъ въ комитетъ захваченныя ими деньги и дорогія вещи; они присваиваютъ себя только башмаки и надѣваютъ ихъ на свои босыя ноги, да и то просятъ на это разрѣшенія. Но они не думаютъ работать даромъ,—вѣдь они живутъ работой; это тоже работа тяжелая, и они требуютъ двойной платы и кромѣ того пищи и вина вдоволь, чтобы поддержать силы и духъ. „Нація все заплатитъ,—вѣдь они работаютъ для нея“... Требуя своего вознагражденія, они хвалятся, что долго и корошо работали; казначею, который хочетъ записать ихъ имена, они называютъ себя безъ колебанія. Они требуютъ только того, что имъ приходится. Тѣ изъ нихъ, которые сопровождаютъ домой одного изъ отпущенныхъ на волю этимъ судомъ убійцъ, отказываются отъ платы за свою услугу: „Мы сдѣлали это не изъ-за денегъ; вашъ другъ обѣщалъ намъ рюмку водки, мы выпьемъ ее и возвратимся къ своему дѣлу“... Какъ восхищались этимъ безкорыстіемъ иные историки революціи! они видѣли въ немъ чуть не искупленіе за всѣ ужасы сентябрьскихъ убійствъ. У Тэна эти слова звучатъ совершенно естественно, въ нихъ нѣтъ никакого великодушія, никакого героизма; они прямо вытекаютъ изъ извѣстнаго изображеннаго имъ „состоянія мозга“. Тэнъ въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, подмѣчаетъ лишь черты, въ которыхъ среди ужасной обстановки побоища проявляется психологическій типъ парижскаго рабочаго—его склонность къ экспансивной симпатіи и къ быстрому переходу отъ озлобленія и жестокости къ чувствительности. Нѣкоторые изъ убійцъ проявляютъ по отношенію къ пощаженнымъ изумительную деликатность. Съ особеннымъ интересомъ указываетъ Тэнъ на остатки „врожденной вѣжливости“, напр., у того рабочаго, который, пожелавъ обнять одного изъ отпущенныхъ на свободу, проситъ у него на это позволенія, или у тѣхъ „вѣдьмъ“, которыя привѣтствовали рукоплесканіемъ каждый новый потокъ крови и вдругъ принялись усердно хлопотать,

чтобы бѣлые шоловые чулки отпущенной жертвы не были обрызганы кровью, стоявшей вездѣ лужами.

Хотя большинство убійцъ состоитъ такимъ образомъ изъ людей заурядныхъ, носящихъ на себѣ обыкновенныя черты своего племени и своего общественнаго уровня—изъ такихъ, которые при обычномъ порядкѣ вещей смирно проводили бы время въ своей мастерской или въ ближайшемъ кабацкѣ, — чудовищное дѣло, въ которомъ они погрязли, совершенно ихъ извращаетъ. Психологическій анализъ переходитъ въ область патологій! „Не безнаказанно, — говоритъ Тэнь, — человѣкъ, особенно простолюдинъ, усмиранный вѣковою цивилизаціей, становится безусловнымъ властителемъ надъ жизнью другихъ людей и въ то же время палачомъ. Убійство, какъ его совершали сентябрьскіе убійцы — холоднымъ оружіемъ и надъ безоружными—вводило въ ихъ физическій и психическій механизмъ два чрезвычайныхъ и несоразмѣрныхъ ощущенія, его надломившихъ: чувство своего всемогущества, безконтрольно, безпрепятственно и безъ всякой для себя опасности проявлявшагося надъ жизнью человѣка съ чувствительной плотью; съ другой стороны, ощущеніе, вызываемое видомъ кровавой и разнообразной смерти, съ постояннымъ возобновленіемъ судорогъ и криковъ. Когда-то въ римскихъ циркахъ люди были не въ состояніи отказываться отъ такого зрѣлища; тотъ, кто однажды его видѣлъ, приходилъ снова поглядѣть на него каждый день. Такой циркъ представлялъ собою въ Парижѣ дворъ каждой тюрьмы, съ той разницей въ худшему, что зрители сами стали дѣйствующими лицами. Къ нравственному опьяненію присоединилось физическое дѣйствіе вина—въ изобиліи, при всякой паузѣ, оно льется рѣкой; надъ трупами происходятъ оргіи — и вотъ изъ извращенной природы человѣка выступаетъ Дантовскій демонъ; зѣвскій и въ то же время утонченный, онъ не просто истребляетъ, но становится изобрѣтательнымъ на страданія палачомъ, который хвастается и радуется злу, имъ совершаемому“...

„Они веселы; около каждаго новаго трупа они пляшутъ и распѣваютъ карманьолу; они разставляютъ скамьи для зрителей, pour les messieurs, и другія скамьи—для дамъ“. Они сначала убиваютъ быстро, но потомъ раздаются жалобы, что „аристократы умираютъ слишкомъ скоро и что только впереди стоящимъ изъ толпы достается удовольствіе ихъ бить“, и тогда убійцы перестаютъ рубить и колоть саблями, а прогоняютъ жертвы съвозъ строй, ударяя ихъ саблями плетнемъ. Когда убійцамъ приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ съ извѣстнымъ именемъ, они продолжаютъ его мученіе до получаса. вмѣстѣ съ злыми инстинктами

пробуждаются и всплываютъ изъ низменностей челоѣческаго сердца всѣ нечистые инстинкты, жертвами которыхъ становятся несчастныя женщины, особенно тѣ, которыя привлекаютъ на себя вниманіе своей красотой или ходившей о нихъ молвой. Нѣкоторыя историкѣ, особенно, напр., Мишле, подробно останавливались на омерзительныхъ сценахъ истязанія женщинъ: напр., на описаніи судьбы злополучной принцессы Ламбалль или цвѣточницы Пале-Рояля. Тѣмъ посвящаетъ „сенсационнымъ“ сценамъ едва нѣсколько словъ. Онъ пришелъ не для того, чтобы описывать казни и мученія жертвъ, но чтобы дѣлать наблюденія надъ зрителями и палачами. „Они убиваютъ и пьютъ; потомъ опять убиваютъ и опять пьютъ. Является усталость и начинается оупѣніе. Испаренія отъ побоища такъ сильны, что предсѣдатель одного изъ комитетовъ падаетъ въ обморокъ, и запахъ кабака смѣшивается съ запахомъ бойни. Тяжелое и мрачное оцѣпенѣніе постепенно охватываетъ отуманенные мозги, и послѣдніе лучи разсудка въ нихъ гаснутъ одинъ за другимъ, подобно горящимъ кругомъ смраднымъ плошкамъ, разставленнымъ на похолодѣвшей груди убитыхъ. Сквозь оупѣвшую фizioномію палача и каннибала выглядываетъ теперь *безумецъ* (fou). Это революціонный безумецъ, въ которомъ всѣ идеи потерпѣли крушеніе, за исключеніемъ двухъ самыхъ элементарныхъ—неподвижныхъ и машинально въ немъ дѣйствующихъ—идей убійства и идеи общественнаго спасенія“.

Покончивъ съ побоищемъ, которое имѣло политическій характеръ или, по крайней мѣрѣ, предлогъ, и оставшись одни среди труповъ жертвъ, убійцы стали просить новаго *дѣла*; изъ толпы же послышался отвѣтъ, что если нѣтъ дѣла, то надо его *отыскать*... И они скоро нашли себѣ дѣло. Изъ тюремъ, гдѣ содержались патеры, пѣнные швейцарцы и господа съ тонкой кожей, они отправились въ мѣста заключенія обыкновенныхъ преступниковъ—въ пріюты для бродягъ, старыхъ нищихъ и штрафованныхъ проститутковъ, въ исправительное заведеніе для малолѣтнихъ. За что кормить эту сволочь,—нужно избавить отечество отъ лишняго расхода. И за избіеніе преступниковъ принялись такіе же преступники, находившіеся на волѣ; здѣсь уже все было расхищено, даже имущество тюремщиковъ и на ряду съ кровожадностью искали себѣ удовольствленія самыя грязныя страсти. Не было пощады ни полу, ни возрасту. Въ одномъ мѣстѣ содержались дѣти изъ простонародья, 43 мальчика, отъ 12 до 17 лѣтъ, помѣщенные туда для исправленія родителями или хозяевами. „Шайка убійцъ не признала своихъ дѣтенышей и всѣхъ пере-

была. На этотъ разъ, — заключаетъ Тѣнь, — мы опускаемся ниже человѣка, въ низменные слои животнаго царства, ниже волка, ибо даже волки не даютъ волчать“.

Эти слова имѣютъ въ устахъ Тѣни болѣе глубокое значеніе, чѣмъ простое сравненіе. Они сказаны историкомъ, который никогда не теряетъ изъ вида своихъ антропологическихъ выводовъ, своей теоріи о происхожденіи человѣческой породы. А эта теорія была сформулирована имъ словами: „человѣкъ — плотядное существо; онъ таковъ по своей природѣ и по физическому строенію, и никогда ни въ его природѣ, ни въ его строеніи, не исчезнетъ этотъ первоначальный складъ. У человѣка клыки (*il a des canines*), какъ у собаки и у лисицы, и подобно собакамъ и лисицамъ первобытный человѣкъ вонзалъ свои клыки въ мясо другихъ существъ. Потомки его терзали другъ друга, съ каменными орудіями въ рукахъ, изъ-за куска сырой рыбы. Въ настоящее время онъ все еще тотъ же; нравы его смягчились, но природа его не преобразилась. Война царствуетъ, какъ прежде, только она ограничена относительно мѣста и времени“...

Никогда, можетъ быть, исторія не представляла столько данныхъ для антропологической теоріи, выводящей человѣка непосредственно изъ царства животныхъ, какъ въ революціонную эпоху. Тѣнь искусно воспользовался поразительными контрастами и противорѣчіями, которые заключаетъ въ себѣ ея исторія. Революція, исходившая изъ представленія о человѣкѣ какъ о разумномъ существѣ, одушевлявшаяся идеей величайшаго духовнаго блага, — свободно тотчасъ же раскрыла дверь самымъ дикимъ проявленіямъ человѣческаго вѣрства. За „деклараціей правъ человѣка“ послѣдовали сентябрьскія убійства. Историки-классики исключительно настаивали на первомъ изъ этихъ моментовъ и подводили всю революцію подъ идею объявленія правъ человѣка. Держась „натуралистическаго“ метода и исходя изъ наблюденія надъ фактами, Тѣнь нашелъ въ нихъ подтвержденіе своей антропологической теоріи о происхожденіи человѣка и своему убѣжденію, что политическія теоріи раціонализма и деклараціи правъ человѣка — рядъ разсудочныхъ, обманчивыхъ силлогизмовъ.

Такой историческій пессимизмъ не составляетъ, впрочемъ, послѣдняго слова сочиненія Тѣни. Изображеніемъ толпы, подавляемой якобинцамъ и служившей имъ орудіемъ, не исчерпывается работа Тѣни въ области коллективной психологіи. Въ великолѣпномъ контрастѣ съ психическимъ изображеніемъ ополченія, кото-

рое якобинцы повели на приступъ для захвата власти, стоять у Тѣна изображеніе гарнизона, поставленнаго на стражъ общественнаго порядка. Якобинцы составляли меньшинство даже въ Парижѣ, а сравнительно съ населеніемъ Франціи представляли небольшую кучку людей. Какъ объяснить ихъ торжество, ихъ продолжительное владычество? Въ этомъ вопросѣ психологія снова является на помощь исторіи, освѣщая своимъ анализомъ настроеніе тѣхъ слоевъ населенія, которые своей уступчивостью или апатіей сдѣлали возможною побѣду якобинцевъ. Исслѣдованія этого рода размѣщены по всей книгѣ Тѣна и окончательно выясняютъ роль, которую психическое настроеніе играло въ исторіи французской революціи. Пояснимъ это нѣсколькими примѣрами.

Лѣтомъ 1792 г., передъ катастрофой, постигшей монархію, приверженцы конституціонной монархіи представляли большинство въ законодательномъ собраніи. Предложеніе Лафайета наказать виновниковъ бунта 20-го іюня было принято 339 голосами противъ 224. Но это большинство, которое въ правѣ располагать всею силою государственнаго механизма, мѣсяцъ спустя становится безсильнымъ зрителемъ готовящагося переворота. — Почему? — Потому что со стороны приверженцевъ конституціи, кто бы они ни были, — король, депутаты, министры, генералы, администраторы, именитые граждане, національные гвардейцы, — воля выдыхается въ словахъ, а причина заключается въ томъ, что они, люди *цивилизованные*, привыкшіе издавна къ приѣмамъ правильно-организованнаго общества, заинтересованные изъ поколѣнія въ поколѣніе въ сохраненіи закона, смущающіеся при мысли о послѣдствіяхъ, волнующіе разнообразными идеями, неспособны понять, что въ состояніи, въ которое впала тогда Франція, только одна идея имѣла смыслъ, а именно, что „человѣкъ, въ виду открытой войны, долженъ отвѣтить нападеніемъ на нападеніе и противъ дикихъ разрушителей человѣческаго общества выйти на улицу съ заряженнымъ ружьемъ“. Когда Лафайетъ назначилъ приверженцамъ порядка собраться на Елисейскихъ-Поляхъ, туда пришло человѣкъ 100; тамъ было рѣшено собраться еще разъ на другой день, и если туда придетъ человѣкъ 300, то пойти на якобинцевъ и закрыть ихъ клубъ; на другой день пришло только 30. По той же причинѣ якобинское меньшинство вытѣсняетъ мирное большинство изъ секцій, т.-е. изъ собраній парижскихъ жителей по кварталамъ. 11-го іюля эти собранія объявляютъ себя непрерывными. Какія же были послѣдствія этого? А тѣ, что эти собранія перестали посѣщаться занятыми и порядочными людьми, которые не могли оставаться тамъ цѣлый день. У нихъ слишкомъ

много дѣла въ ихъ канцеляріи, въ ихъ лавкѣ или мастерской, чтобы терять такимъ образомъ время. Затѣмъ у нихъ слишкомъ много смысла, скромности и честности, чтобы брать на себя расправу съ городской ратушей, которой они подчинены, или вообразать, что они представляютъ собою въ секціяхъ верховный народъ. Кроме того, у нихъ отвращеніе къ пустымъ препирательствамъ; наконецъ, въ это время парижскія улицы, особенно по вечерамъ, не безопасны; политиканство подъ открытымъ небомъ плодитъ ссоры, и на нихъ могутъ посыпаться палочные удары. А, наоборотъ, нѣтъ ничего привлекательнѣе этихъ непрерывныхъ засѣданій, для людей безъ дѣла, для засѣдателей кофеенъ, ораторовъ кабачковъ, вѣваекъ и болтуновъ, живущихъ въ нумерахъ, для дезертировъ и паразитовъ общественной арміи, для всѣхъ тѣхъ, кто, вышедши изъ ея кадровъ, хотѣлъ бы ихъ разнести, и, не имѣя поприща для частной дѣятельности, они ищутъ себѣ общественной карьеры. Для нихъ, для досужихъ добровольцевъ, для свихнувшихся умовъ, для небольшого стада истинныхъ фанатиковъ, непрерывныя засѣданія, даже ночью, не слишкомъ длинны. Они на нихъ являются актерами или клоунами, и шумъ имъ не противенъ, потому что они сами его производятъ. Они чередуются на этихъ засѣданіяхъ, чтобы всегда быть въ числѣ, а если нужно, замѣняютъ недостатокъ численности грубостью и насиліемъ“.

Такъ приближается роковой моментъ 10-го августа. „Въ клубахъ и предмѣстьяхъ готовятся сдѣлать нападеніе на Тюльери. Но дворецъ неприступенъ; его охраняютъ около 1.000 швейцарцевъ и 200 дворянъ, готовыхъ защищать его до послѣдней капли крови; 3.000 человекъ національной гвардіи изъ центральныхъ кварталовъ ободряли своими возгласами короля стать во главѣ ихъ; молодой Наполеонъ, бывшій очевидцемъ и спасшій потомъ конвентъ въ томъ же дворцѣ, при такихъ же условіяхъ, утверждалъ, что дѣло короля въ 1792 г. было лучше обставлено. И почему же Тюльери было брошено на жертву толпѣ, и вмѣстѣ съ нимъ пала сама монархія? Потому что какъ у управляемыхъ, такъ и у правителей, въ то время совершенно утратилось *понятіе о юсударствѣ*—вслѣдствіе того, что одни возвели гуманность на степень обязанности, а другіе анархію—на степень права. Въ концѣ XVIII-го вѣка въ высшемъ классѣ и даже въ среднемъ классѣ относились съ ужасомъ къ крови; мягкость нравовъ и идиллическія мечтанія подорвали всякую воинственную энергію. Начальствующие вездѣ забывали, что охрана общества и цивилизаціи несравненно дороже,

чѣмъ жизнь горсти злодѣевъ и безумцевъ, что первоначальная цѣль правительства, какъ и полиціи—сохраненіе порядка съ помощью силы, что жандармъ не филантропъ, что если онъ подвергается нападенію на своемъ посту, то долженъ употребить въ дѣло свою саблю, и что онъ измѣняетъ командѣ, если владеть въ ножны мечъ изъ страха причинить вредъ нападающимъ”...

„Въ эту критическую минуту судьба монархіи и самой Франціи вѣрена послѣдному изъ длиннаго ряда королей, подъ знаменемъ которыхъ создавалось государство. Выпустить ли онъ изъ рукъ завѣтное знамя, или же понесетъ его впередъ на побѣду или, по крайней мѣрѣ, на геройскую смерть?“ Извѣстно, сколько было высказано сожалѣній по поводу малодушія Людовика XVI и съ какими презрѣніемъ отнеслись къ его поведенію политическіе противники его. Тѣмъ объясняетъ поведеніе короля и возстановляетъ предъ нами психологическій процессъ, который совершался въ душѣ его. Тѣ самыя лица и власти, которыя были призваны защищать его и его законное право, во главѣ ихъ парижскій синдикъ Редереръ, уговариваютъ его уступить, увлекаютъ его почти силою изъ дворца его предковъ. „Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, послѣднихъ и самыхъ торжественныхъ минутъ монархіи, король колеблется. Вѣроятно, его здравый смыслъ предвидитъ, что покинуть дворецъ равносильно отреченію; но его флегматическій умъ не тотчасъ различаетъ всѣ послѣдствія этого поступка; затѣмъ его оптимизмъ никогда не давалъ себѣ полного отчета о томъ, до чего можетъ дойти тупоуміе массы и злоба человѣческая; онъ не можетъ вообразить себѣ, что клевета извратитъ его нежеланіе проливать кровь именно въ желаніе кровопролитія. Затѣмъ онъ находится подъ властью своего прошедшаго, своей привычки всегда уступать, своего твердаго рѣшенія, открыто заявленнаго—никогда не допускать междуусобной войны, общаго, сдержаннаго королемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ въ силу его упорной гуманности и особенно его религіозной кротости. Онъ систематично заглушилъ въ себѣ животный инстинктъ самосохраненія, искру злобы, которую зажигаетъ въ каждомъ изъ насъ несправедливое и грубое нападеніе; христіанинъ заслонилъ собою короля; онъ болѣе не сознаетъ, что его долгъ быть вѣрнымъ, что, предавая себя, онъ предаетъ государство, и что своею покорностью овцы онъ ведетъ вмѣстѣ съ собою на бойню всѣхъ порядочныхъ людей”...

Подобнымъ образомъ Тѣмъ знакомитъ читателя съ настроеніемъ и образомъ дѣйствій той еще большей массы населенія, которая, находясь внѣ Парижа, не могла принимать непосредственнаго участія

въ происходившихъ тамъ событіяхъ. Громадное большинство того населенія стояло на сторонѣ порядка, умѣренности и цивилизаціи; оно поэтому сочувствовало жирондистамъ и держало ихъ сторону даже послѣ изгнанія ихъ изъ конвента, но не находило въ себѣ энергіи и самоотверженія, чтобы подняться за нихъ противъ парижскихъ узурпаторовъ. У Тэна превосходно изображена эта политическая апатія народной массы, проявившаяся по отношенію къ жирондистамъ, когда они послѣ 31 мая, принуждены были бѣжать изъ Парижа. Они сначала направились въ Нормандію, но, не найдя тамъ поддержки, на которую рассчитывали, выступили оттуда, переодѣвшись солдатами, съ батальономъ бретонскихъ добровольцевъ. По дорогѣ бѣглецы имѣли случай познакомиться съ истиннымъ настроеніемъ того народа, которому они приписывали ясное сознаніе своихъ правъ и политическую инициативу. „Мнимые *граждане* и республиканцы, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло—въ сущности не что иное, какъ *бывшіе* подданные Людовика XVI и *будущіе* подданные Наполеона, т.-е. администраторы и управляемые съ дисциплиной въ сердцѣ и инстинктѣмъ субординаціи, нуждающіеся въ правительствѣ, какъ бараны въ пастухѣ и въ сторожевой собакѣ“, готовые повиноваться имъ, даже еслибы пастухъ оказался мясникомъ, а собака волкомъ, лишь бы они сохранили обычный внѣшній видъ. Въ батальонѣ добровольцевъ начинаютъ поговаривать, что такъ какъ конституція принята и конвентъ признанъ, то не слѣдуетъ защищать депутатовъ, объявленныхъ конвентомъ внѣ закона; послѣ этого депутаты отдѣляются отъ батальона, и ихъ маленькая партія идетъ особнякомъ. Такъ какъ ихъ 19 человекъ, энергическихъ и хорошо вооруженныхъ, то власти мѣстечекъ, черезъ которыя имъ приходится слѣдовать, не противятся силою ихъ проходу; пришлось бы драться, а рѣшиться на это превосходить служебное рвеніе чиновника; кромѣ того, населеніе равнодушно или даже симпатизируетъ бѣглецамъ. Но ихъ стараются задержать, иногда даже окружить или напасть на нихъ врасплохъ; ибо противъ нихъ изданъ приказъ о задержаніи, переданный по іерархической лѣстницѣ (*filière*), и всякій мѣстный начальникъ считаетъ себя обязаннымъ исполнить свой долгъ жандарма...”

Такимъ образомъ, французскій народъ, привыкшій въ теченіе ~~вѣковъ~~ безмолвно повиноваться всѣмъ распоряженіямъ, приходившимъ изъ столицы, съ ~~невѣроятною~~ легкостью перешелъ изъ-подъ власти вѣковой династіи подъ власть ~~нечаянныхъ и невѣдомыхъ~~ ему узурпаторовъ. Такое равнодушіе массы, разрозненной, чуждой политики и занятой своими дѣлами, находитъ себѣ объясненіе

и полное оправданіе въ поведеніи признаннаго народомъ правительства, т.-е. того большинства конвента, которое, не раздѣляя страстей якобинцевъ и не сочувствуя ихъ программѣ, по безхарактерности и трусости все болѣе и болѣе подпадаетъ зависимости отъ нихъ и своей покорностью налагаетъ на нихъ узурпацію и терроризмъ печать легальности.

Эти 600 депутатовъ, изъ числа 745, „безъ сомнѣнія рѣшительные республиканцы, враги традиціи, апостолы разума, питомцы дедуктивной политики; никто не могъ бы попасть въ депутаты иначе, какъ при условіи такихъ убѣжденій. Всякій кандидатъ былъ поставленъ на выборахъ въ необходимость заявить, что онъ придерживается якобинскаго толка, или по крайней мѣрѣ прочесть символъ революціонной вѣры. Вслѣдствіе этого, въ первомъ же своемъ засѣданіи конвентъ постановляетъ единодушно, съ энтузіазмомъ и безъ голосованія отмѣну королевской власти, а три мѣсяца спустя признаетъ Людовика XVI виновнымъ въ заговорѣ противъ свободы народа и въ покушеніи противъ общей безопасности государства“. Но подъ увлеченіемъ политическими теоріями продолжаютъ жить социальныя привычки. „Въ силу одного того,—говоритъ Тэнъ,—что человѣкъ родился и долго жилъ среди стародавняго общества, онъ принялъ на себя его отпечатокъ, и житейская практика этого общества осадилась въ немъ въ формѣ закоренѣлыхъ чувствъ. Если это общество организовано и цивилизовано, то каждый изъ его членовъ невольно пріобрѣлъ уваженіе къ собственности и къ человѣческой жизни, и у большинства это уваженіе укоренилось очень глубоко. Простая теорія, даже обще-распространенная, еще не въ состояніи разрушить его; она имѣетъ успѣхъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда попадаетъ на натуру грубую или злобную; для того, чтобы получить перевѣсъ въ человѣкѣ, ей нужны изрѣдка встрѣчающіеся люди, унаслѣдовавшіе старинныя, разрушительныя инстинкты, люди отсталые, въ которыхъ дремлютъ страсти другого вѣка; только при такихъ условіяхъ теорія можетъ обнаружить всю свою зловѣчность, ибо она пробуждаетъ тогда свирѣпыя и грабительскія инстинкты варвара, рейтера, инквизитора и паши. Наоборотъ, у громаднаго большинства, что бы тамъ ни было, честность и гуманность всегда остаются мощными побужденіями. Вышедшіе почти всѣ изъ средней буржуазіи, наши законодатели, каково бы ни было временное воспаленіе (effervescence) ихъ мозга, въ большинствѣ остаются въ сущности тѣмъ, чѣмъ были до тѣхъ поръ—адвокатами, прокурорами, торговцами, духовными лицами или медиками *старою порядкомъ*,—и тѣмъ же они останутся и впо-

слѣдствіи, сдѣлавшись послушными администраторами и ревностными чиновниками имперіи, а именно цивилизованными людьми обыкновеннаго пошиба, представителями буржуазіи XVIII и XIX вѣка, достаточно честными въ частной жизни, чтобы желать остаться таковыми и въ общественной жизни. Вотъ почему они относятся съ отвращеніемъ къ анархіи, къ Марату, къ убійцамъ и ворамъ сентябрьской рѣзни".

Таковы—психологическій методъ Тэна, его примѣненіе къ исторіи якобинцевъ и извлеченные имъ отсюда результаты. Эти результаты выходятъ за предѣлы ближайшей исторической задачи, поставленной себѣ Тэномъ, и способствуютъ разрѣшенію общихъ психологическихъ и культурно-историческихъ проблемъ. Психологическія наблюденія въ исторіи якобинства послужили Тэну къ выясненію основнаго положенія, что современная культура даже у передовыхъ народовъ—этотъ плодъ многовѣковой умственной и нравственной энергіи—лишь тонкій поверхностный слой, который легко можетъ быть поврежденъ или даже снесенъ, и что тогда подъ нимъ обнаруживается первобытный дикарь съ своими животными инстинктами. Такому внезапному исчезновенію съ трудомъ нажитаго культурнаго капитала особенно легко содѣйствуютъ сильныя общественныя потрясенія и перевороты. Въ XVII вѣкѣ Локкъ, слѣдуя отвлеченному раціоналистическому методу, доказывалъ, что революція восстанавливаетъ естественное состояніе, т.-е. возвращаетъ человѣку свободу и автономію, которою онъ пользовался до вступленія въ общественный договоръ. Противникъ раціоналистическаго мышленія, Тэнъ доказываетъ, что исчезновеніе общественнаго и государственнаго порядка ведетъ къ восстановленію естественнаго, т.-е. первобытнаго человѣческаго состоянія съ его неукротенными культурой дикими инстинктами и необузданными страстями. Вотъ почему психологъ Тэнъ такъ дорожитъ сохраненіемъ общественнаго порядка и съ такимъ жаромъ напоминаетъ (*plaide*) всѣмъ стоящимъ на стражѣ этого порядка—ихъ обязанности. Психологическое здоровье индивидуальнаго человѣка, нормальное дѣйствіе его психическихъ функций обуславливается извѣстнымъ равновѣсіемъ ихъ, которое легко можетъ быть нарушено; всякое такое нарушеніе имѣетъ своимъ послѣдствіемъ патологическое извращеніе психическаго строя, омраченіе умственныхъ представленій, преобладаніе дурныхъ и злыхъ инстинктовъ надъ благотворными. Но это равновѣсіе, обуславливающее собою психическое здоровье, можетъ быть

нарушено у отдѣльныхъ людей и у цѣлыхъ массъ не одними только фізіологическими или психологическими процессами, но и процессами *соціологическими*, крутымъ измѣненіемъ или постепеннымъ извращеніемъ общественной и государственной среды, въ которой привыкъ жить человѣкъ, и которая сдерживаетъ его страсти.

Поэтому вопросъ о нормальной организаціи общественной среды пріобрѣтаетъ для психолога первостепенную важность; психологъ по необходимости становится соціологомъ, а потому и мы, познакомившись съ психологіей Тэна, должны перейти къ его *соціологіи*.

В. Герье.

ЗАЛОЖНИКЪ

— „The Bondman“, by Hall Caine *).

XXII *).

Рѣшивъ ѣхать въ Исландію, въ сестрѣ, братья Фэрбрезеръ прежде всего занялись продажей той части отцовскаго имѣнья, стоимость которой они хотѣли вручить ей съ надлежащими оправданіями. Яковъ, который былъ хитрѣе другихъ, пожертвовалъ своей фермой; торги состоялись, и ферма была куплена за безцѣнокъ съ аукціона какимъ-то незначительнымъ, никому неизвѣстнымъ лицомъ. Въ сущности же, эта ферма и не выходила изъ рукъ своего владѣльца, который съумѣлъ ловко обдѣлать свои дѣлишки съ Маркомъ Скиллинкорномъ,—адвокатомъ, патрономъ ростовщиковъ, извѣстнымъ своею ловкостью въ Рамсеѣ и его окрестностяхъ. Покупщики были всѣ подставные; а тотъ, за кѣмъ осталась земля, тайкомъ перепродалъ ее опять Якову, который усердно скрывалъ отъ братьевъ свои махинаціи, чтобы казаться въ ихъ глазахъ безкорыстнымъ и преданнымъ общему дѣлу. Едва удостоѣрились они, что торги состоялись, какъ всѣ по очереди понавѣдались къ нему „по секрету“ за деньгами, выставивъ на видъ самую крайнюю необходимость. Старшій,—Эперъ,—просилъ, на примѣръ, взаимы тридцать-пять фунтовъ.

— Всего только тридцать-пять, и не даромъ, а по шести процентовъ!—убѣдительно говорилъ онъ:—я обязуюсь платить аккуратно.

*) См. выше: октябрь, стр. 696.

— Радъ бы душою,—отвѣчалъ Яковъ:—да этотъ негодяй Маркъ поднадулъ меня!

Затѣмъ явился Терстанъ, умолавшій дать взаймы „только“ тридцать фунтовъ на покупку пары чудесныхъ воловъ... такихъ, что на рѣдкость!

— Только, пожалуйста, не проболтайся: я знаю, Россъ ужъ давно на нихъ зубы точить,—говорилъ онъ.

— Очень жаль, что ты опоздалъ, голубчикъ! Я бы съ удовольствіемъ готовъ тебѣ служить, но Россъ уже былъ у меня, и я далъ ему взаймы эти самые тридцать фунтовъ.

Немного погодя, пришелъ и Россъ.

— Помоги мнѣ, пожалуйста, расплатиться съ Терстаномъ: за-должалъ я ему — и всего-то двадцать-два фунта! — а онъ грозить за это пустить съ молотка весь мой скарбъ!.. Только, пожалуйста, пусть это будетъ строго между нами, чтобы до него не дошло!

— Право, мнѣ очень пріятно, что я могу успокоить тебя: онъ самъ заходилъ ко мнѣ, и я уже уплатилъ ему твой долгъ,—отвѣчалъ Яковъ, и просители уже больше не смѣли къ нему соваться; только ходили надувшись и задорно поглядывая другъ на друга, какъ индѣйскіе пѣтухи, но не дерзали возмутиться открыто, не смѣли довѣриться другъ другу.

Между тѣмъ имъ нужны были деньги, чтобы было съ чѣмъ ѣхать въ Исландію, и они, всѣ пятеро, обратились къ ростовщику Скилликорну. Ему же поручилъ Яковъ заботиться и о томъ, чтобы выгодно помѣстить его капиталъ на проценты. Поэтому, когда братья пришли къ нему за деньгами, онъ наставлялъ имъ цѣлую исторію о какомъ-то своемъ добрѣйшемъ пріятелѣ, который беретъ только четыре процента, но... особа, которая, въ свою очередь, довѣряетъ ему свой капиталъ для оборотовъ, будто бы требуетъ съ него цѣлыхъ десять; итого, выходило уже не четыре, а четырнадцать!.. — Впрочемъ пріятель мой и не навязываетъ вамъ своихъ денегъ,—прибавилъ въ заключеніе Скилликорнъ:—у него есть на примѣтѣ трое господъ, которые согласны на всѣ условія, лишь бы имъ дали эти деньги.

Братья, конечно, поспѣшили на все согласиться.

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда Якова и Росса. Они еще наканунѣ объѣхали всѣхъ своихъ братьевъ и расстались съ ними весьма дружелюбно. Затѣмъ, когда они были ужъ на палубѣ ирландскаго брига, который долженъ былъ отплыть черезъ четверть часа въ Исландію, они вдругъ позеленѣли отъ неожидан-

ности и злости: на палубѣ вмѣстѣ съ ними очутились и всѣ остальные братья.

— Это еще чтѣ значить?—сердито прикрикнувъ на нихъ Яковъ.

— А то, что мы не можемъ положиться на васъ и предпочитаемъ ѣхать вмѣстѣ и одновременно съ вами!—разсудительно отвѣтилъ Терстанъ.

Братьямъ оказалось нетрудно добраться до супруги президента новой исландской республики, и въ то самое время, какъ Гриба заливалась слезами,—до того тяжело было ей вспомнить, какъ только-что мимо ея окна проходили арестанты съ конвойными,—въ двери ея дома постучались шестеро мужчинъ, повидаемому иностранцевъ.

Они говорили на какомъ-то непонятномъ нарѣчьи, но все-таки ихъ поняли настолько, что догадались позвать горничную госпожи, англичанку, которая съ удивленіемъ выслушала ихъ сбивчивый рассказъ о томъ, что они родные братья ея госпожи, президентши, и желаютъ ее видѣть.

Когда ихъ ввели въ комнаты, они вошли вереницей одинъ за другимъ и въ томъ порядкѣ подошли къ сестрѣ, которая приняла ихъ, стоя у стола, чтобы не слишкомъ была замѣтна дрожь негодованія, отъ которой у нея ослабѣли руки и ноги. Опираясь рукою на столъ, Гриба стояла передъ ними, выпрямившись во весь свой стройный ростъ. Она молчала, выжидая, чтѣ скажутъ братья, но ея глаза, сверкавшіе какъ угольки, говорили яснѣе словъ.

Яковъ и Россъ первые подошли къ ней и опустили на колѣни, воскликнувъ благоговѣнно:

— Слава Всевышнему! Наконецъ, мы нашли тебя!

— Слава Всевышнему!.. Слава Всевышнему!..—повторили за ними и остальные.

— О, Гриба! Грѣшно тебѣ было бросить насъ, бѣжать тайкомъ Богъ вѣсть куда! Такъ-то отплатила ты намъ за нашу любовь и ласку, за наши заботы о тебѣ?

— Постой!—перебила его сестра.—О любви и заботахъ вашихъ вы можете не распространяться: мнѣ онѣ слишкомъ хорошо извѣстны... Но зачѣмъ вы явились сюда? Съ какой цѣлью?

— Напрасно ты такъ думаешь,—напуская на себя грусть, продолжалъ Яковъ:—мы вѣдь нарочно пріѣхали сюда, чтобы вручить тебѣ твою долю наслѣдства.—Вотъ, смотри!—и онъ показалъ сестрѣ деньги и документы.

— Это твои деньги, твои, — продолжалъ онъ, — и удержали мы ихъ при себѣ только изъ боязни, что онѣ попадутъ въ ненадежныя руки: тогда около тебя вертѣлся этотъ рыжій Язонъ. Мы не довѣряли ему и, какъ видно, не даромъ. Онъ таки добился до каторги.

— Да, да! мы встрѣтили его подъ конвоемъ... — подхватили остальные.

— Туда ему и дорога! — махнулъ рукою Яковъ. — Слава Богу, что ты замужемъ за хорошимъ человѣкомъ.

— Какъ вы узнали, что я здѣсь? — спросила Гриба.

— А по письму, голубушка, по письму, — послѣднимъ отвѣтить Эшеръ.

Яковъ искоса взглянулъ на него и, стараясь скрыть свое смущенье, пояснилъ:

— Ну, да, голубушка, ну да — по письму. Какъ ты уѣхала, мы долго искали тебя, а потомъ, когда уже очень взгрустнулось, захотѣли вспомнить о тебѣ поживѣе, и... перебирая твои вещи... набрали на это письмо... на письмо Михаила... Славный онъ малый, добрякъ! Дай ему Богъ здоровья!

— Дай ему Богъ здоровья! — повторили братья.

— Вотъ мы и разсудили тогда: пора, молъ, теперь ее видѣлить; мужъ ея человѣкъ надежный! Продали мы землю... правда, дешево, ну, да тебѣ отъ этого не будетъ убытка: вотъ она вся, твоя седьмая доля, вся сполна, до послѣдняго гроша!

— Ну, хорошо. Давайте деньги! — проговорила Гриба.

— Вотъ, вотъ, изволь, голубушка! — заторопился Яковъ, обрадованный ея благосклоннымъ вниманіемъ; и лица братьевъ замѣтно просвѣтлѣли.

— Бери, бери: онѣ твои! Лишь бы только ты не нуждалась, а чего намъ это стоило... намъ ничего не жалъ!

— Пожалуйста, возьмите, что вы затратили, — предложила сестра; но братъ возразилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Это тебя не касается! — и сдѣлавъ рукою торжественно-отрицательное движеніе.

— Ну, такъ возьмите же хоть за путевыя издержки: вѣдь проѣздъ вамъ чего-нибудь да стоилъ?

У братьевъ загорѣлся въ глазахъ алчный огонекъ; но по примѣру старшаго, въ которому она обратилась прежде всего, они принялись корчить изъ себя благородныхъ людей, оскорбленныхъ ея предложеніемъ.

Получивъ отъ каждаго, поочередно, одинаковый отпоръ, молодая женщина сказала:

— Хорошо, пусть будетъ по вашему!—и заперла деньги въ ящикъ комода. Затѣмъ, обернувшись къ нимъ, рѣзко проговорила:

— Ну, а теперь можете уходить!

— Какъ? Уходить?—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Да, уходить, по добру по здорову, пока не вернулся мужъ.

— Но, Гриба, вѣдь мы хотимъ его видѣть!

— Нѣтъ, для васъ будетъ лучше не попадаться ему на глаза, а не то ему можетъ придти на память все то, что не особенно для васъ желательно, чтобы онъ вспомнилъ.

— Да что же онъ можетъ вспомнить, какъ не свое дѣтство у насъ въ домѣ, когда онъ былъ намъ братомъ, когда нашъ отецъ обращался съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ?

— И какъ вы сами обращались со своимъ роднымъ отцомъ! — подсказала молодая женщина. — Не будь васъ, не бѣжалъ бы онъ изъ-подъ родного крова, не лежалъ бы теперь на днѣ моря!

— Ну, полно, полно, голубушка! Успокойся!.. Будто мужъ твой можетъ неласково встрѣтить братьевъ своей жены?

— Онъ помнить и то, какъ вы обращались съ нею, — возразила Гриба.

— Какъ? Неужели ты не вступишься за насъ? Неужели ты не чувствуешь и тѣни благодарности.

— За что это? Ужъ не за то ли, что вы меня притѣсняли и обижали, — отказывали даже въ томъ, что мнѣ принадлежало по закону?.. Уходите же, говорятъ вамъ, уходите!

— Ты, кажется, насъ выгоняешь?—вскричали братья.

— А еслибъ и выгнала, это было бы вамъ только подѣломъ; развѣ вы не выгнали вонъ, изъ его же дома, беззащитнаго, безпомощнаго старика-отца?.. Ахъ, вы, презрѣнные, фальшивые люди! Неужели вы думаете, что провели меня, — что я не вижу насквозь ваше притворство, вашу подлость?! Я была бѣдна, беззащитна — вы линали меня необходимаго, вы притѣсняли меня. Теперь я богата, и вы какъ бы добровольно возвращаете мнѣ наслѣдство, становитесь предо мной на колѣни! Вы всю жизнь ненавидѣли моего мужа, обижали его, а теперь, когда онъ знатенъ и богатъ и близость съ нимъ можетъ быть для васъ полезна, вы готовы цѣловать прахъ подъ ногами его!.. Вонъ, вонъ отсюда! И чтобы я никогда, слышите ли, никогда васъ больше не видала!

Пристыженные, неуклюже толкаясь въ дверяхъ, вышли вонъ изъ дома всѣ шестеро братьевъ, съ Яковомъ во главѣ.

— Ну, что взялъ? — набросились они на него. — Никуда не годится твоя хваленая ловкость! Ужъ лучше бы и вовсе къ ней

не соваться, чѣмъ безъ толку отдать всѣ деньги!—грозно ворчали они.

— Молчите вы, дурни!—авторитетно прикрикнулъ на нихъ Яковъ.—Ну, чего разорались: „Безъ толку! безъ толку!“ А самый-то толкъ еще впереди.

— Еще чего выдумалъ?—насмѣшливо и недоувѣрчиво возразили остальные.—Будетъ тебѣ насъ морочить!

Но Яковъ твердо стоялъ на своемъ.

— А вотъ увидите. Не удалось съ нею, удастся съ нимъ! Тутъ ужъ не промахнемся!—и Яковъ показавъ имъ кончикъ письма, припрятаннаго у него въ карманѣ.—Вотъ въ чемъ наше богатство!

— Что это?

— Письмо къ рыжему Язону, вещественное доказательство сестрицына миленькаго поведенія! Не было ей, дескать, выбора—хорошъ былъ тогда и Язонъ; а послѣ подвернулся человѣкъ побогаче да познатнѣе, — и Язонъ сталъ нехорошъ, по шапкѣ Язона!

Братья загоготали отъ восторга. Выдумка Якова снова повысила въ ихъ глазахъ его престижъ, какъ умнаго малаго и ловкаго дѣльца.

Дня два проболтались они еще въ городѣ и только на третій увидали, что къ пристани подходитъ большой, красивый бригъ съ флагомъ древнихъ викинговъ (бѣлымъ соколомъ на синемъ полѣ), на который съ городской башни отвѣчали такимъ же точно.

— Ага! Наконецъ-то!..—воскликнули братья Фэрбрезеръ.

И въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ бригъ приближался, на улицахъ Рейкявика проявлялось оживленіе; народъ спѣшилъ къ пристани, и на его привѣтъ ласковымъ наклоненіемъ головы и ясной улыбкой отвѣчалъ молодой, свѣтлорусый, осанистый господинъ богатырскаго роста, стоявшій на носу шлюпки, которая летѣла какъ стрѣла, спущенная съ брига на берегъ.

Легко спрыгнувъ на землю, при взрывѣ восторженныхъ криковъ народа, президентъ сѣлъ на лошадь, приготовленную для него, и скорой рысью поѣхалъ по направленію къ губернаторскому дому.

Братья сразу узнали его: это былъ Михаилъ „Кудрявичъ“.

XXII.

Довольно долго не могъ Михаилъ напасть на слѣдъ крушенія; наконецъ, онъ узналъ отъ бѣдныхъ рыбаковъ на южномъ берегу Исландіи, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ кучка людей, спасшихся во время шторма, прошла во внутрь страны. Нивакихъ болѣе опредѣленныхъ указаній молодой губернаторъ не могъ добиться, но теперь у него явилась хоть слабая надежда на то, что его пріемный отецъ еще живъ, и онъ рѣшилъ, тотчасъ же по возвращеніи своемъ въ столицу, разослать во всѣ стороны развѣдчиковъ, чтобы скорѣе напасть на слѣдъ старика, и затѣмъ самому, вмѣстѣ съ Грибой, спѣшить къ нему на встрѣчу.

— О, Гриба! Дорогая, любимая! Чтѣ за счастье думать о ней, всегда и повсюду! Чтѣ за отрада рисовать себѣ картину ея радости, ея ласкъ при встрѣчѣ съ нимъ, съ ея другомъ, братомъ и... мужемъ! Есть ли на свѣтѣ другой такой счастливецъ, которому жена принесла бы съ собою такую пылкую, нѣжную любовь, такую несравненную, дѣвственную красоту, такія совершенства души и тѣла? Она для него все: и воздухъ, и жизнь; все связано съ представленіемъ о ней,—чистой, прекрасной, любящей и самоотверженной!

Такъ думалъ Михаилъ въ холодную, мрачную сѣверную ночь, когда все затихало на палубѣ брига, на морѣ и на низкомъ полярномъ горизонтѣ. И ничто не могло омрачить его свѣтлыхъ думъ. Онъ удивлялся, какъ могъ столько лѣтъ прожить безъ нея; вспоминалъ, съ какой тревогой ожидалъ ее, какой восторгъ охватилъ его, когда онъ впервые увидѣлъ ее, послѣ долгой разлуки. Да, это она, его Гриба, но еще лучше, еще прелестнѣе прежняго! По крайней мѣрѣ, такой она показала ему и не перестала... никогда не перестанетъ казаться!

Михаилъ не ѣхалъ, а лѣтелъ домой, вздохнувъ облегченно только тогда, какъ жена повисла у него на шеѣ, прижалась къ нему и, со слезами радости, покрыла его лицо поцѣлуями.

Чтобы успокоить ее и дать другое направленіе ея мыслямъ, Михаилъ, тихо лаская ее, какъ ребенка, сталъ говорить о своихъ поискахъ, о надеждѣ скоро увидѣть отца.

— У меня еще много, много дѣла. Я займусь, а ты пока приготовься: мы вмѣстѣ поѣдемъ къ нему на встрѣчу.

Но Гриба смотрѣла какъ-то невесело, тревожно.

— О, милый! Какіе ужасы пережили мы тутъ, безъ тебя!— наконецъ, вырвалось у нея.

— Знаю, все знаю!—успокоительно говорилъ Михаилъ и приказалъ позвать къ себѣ арестанта Язона.

— Прошу извинить,—отвѣчалъ слуга-исландецъ,—но... его ужъ здѣсь нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Онъ бѣжалъ?

— Вчера утромъ онъ отправленъ подъ конвоемъ на сѣрные копи.

Президентъ сѣлъ къ столу и написалъ нѣсколько словъ председателю суда, съ просьбой зайти къ нему.

Пока посланный относилъ записку, Михаилъ сѣлъ за работу, и за дѣломъ не замѣтилъ, какъ летѣло время. Какъ и всегда, по его желанію, Гриба пѣла ему, одну за другой, его любимыя пѣсни, и сознаніе, что она его любитъ, что онъ дождался долгого, свѣтлаго счастья, нахлынуло на него.

„Боже мой! Какъ я счастливъ! Какъ она меня любитъ!..—думалъ онъ, прислушиваясь къ серебрястымъ звукамъ ея милаго голоса.—Чѣмъ я заслужилъ такое счастье?“

И безотчетный, но глубокій, суевѣрный страхъ сдавилъ ему сердце, и никакими силами не удалось Михаилу освободиться отъ него.

Наконецъ, явился председатель, человѣкъ пожилой и серьезный, принявшій какъ должное почтительный поклонъ своего президента.

— Вы безъ меня, кажется, судили и приговорили къ ка-торѣ одного преступника...

— По имени Язона, сына Стефена Орри и Рахили, дочери бывшаго губернатора, Юргена Юргенсона,—досказалъ судья.

— Скажите, пожалуйста, можно назначить его дѣло къ пересмотру, или нѣтъ?

— Теперь ужъ поздно; но не бойтесь, онъ больше не опасенъ, онъ подъ хорошимъ надзоромъ.

— Но я и не боюсь его, я только хочу знать: имѣю ли я право его помиловать?

Знатокъ законовъ былъ пораженъ; но силою воли надъ собой онъ подавилъ удивленіе и спокойно отвѣтилъ:

— Да, имѣете... Но позвольте спросить: извѣстно ли вамъ, что выяснилось на судѣ?

— Кажется, извѣстно.

— Извѣстно ли, что подсудимый считаетъ себя вашимъ едино-кровнымъ братомъ?

— Но онъ и въ самомъ дѣлѣ мой родной братъ.

— Онъ считаетъ, что вы заступили его мѣсто при отцѣ?

— Да, я дѣйствительно отнялъ у него любовь отца.

— Онъ говоритъ, что ревновалъ его къ вамъ, и, въ безуміи своемъ, поклялся васъ убить?

— Весьма естественно, что онъ могъ ревновать и ненавидѣть меня; а клятвы его я не боюсь!

Восторженно взглянулъ на своего президента блюститель закона и проговорилъ:

— Извольте!.. Пойду и принесу бумаги.

Едва затворилась за нимъ дверь, какъ Гриба бросилась къ мужу:

— Куда онъ? Зачѣмъ пошелъ?—тревожно допрашивала она.

— За бумагами для приказа о помилованіи преступника.

— Какъ? Ты хочешь помиловать его?.. „Его“!—воскликнула Гриба:—О, ради Бога, не надо, не надо! Ради себя самого, не выпускай его на свободу! Прошу тебя... умоляю!

— Полно, глупенькая, успокойся! Увѣряю тебя, что я его не боюсь, и, наконецъ, ты вѣдь сама не изъ трусливыхъ. Кто, какъ не моя нѣжная голубка, смѣло предала его въ руки правосудія? Кто, какъ не она, вступится за своего мужа? О, я знаю, какъ она его любитъ, его одного, безраздѣльно, знаю, что любовь къ мужу для нея—все на свѣтѣ!.. Не бойся же за меня, моя радость, и не мѣшай моему рѣшенію!

— О, дорогой, любимый, единственный! Выслушай меня хоть минутку: мнѣ надо тебѣ сказать...

— Послѣ, послѣ, голубка! Иди къ себѣ и больше не приставай; ты не знаешь этого несчастнаго, да и не можешь знать о немъ всего, чтѣ я знаю. Ты смѣла, но когда дѣло коснется меня, —ты дрожишь, ты робѣешь и боишься всего на свѣтѣ... Ступай же, сокровище мое, ступай и обо мнѣ не заботься!

Въ эту минуту прислуга доложила, что кушать подано, и Михаилъ, какъ шаловливый юноша, обвинивъ рукою станъ жены, завертѣлъ ее и, со смѣхомъ, въ припрыжку побѣжалъ съ нею въ столовую.

Послѣ обѣда, въ то время, какъ звуки арфы сливались съ ея чистымъ голосомъ, а Михаилъ весь превратился въ слухъ, вернулся предсѣдатель съ готовымъ приказомъ о помилованіи Язона.

Гриба опять встревожилась и опять стала умолять мужа не возвращать ему свободу.

— Да что это, какъ мы сегодня настойчивы и серьезны?—волнуясь спросилъ Михаилъ.

— Ну, если не ради себя, то ради меня, изъ любви ко мнѣ, прошу тебя, оставь его!—умоляла молодая женщина.

— Да что съ тобой, Гриба? Развѣ ты знаешь его, что такъ принимаешь это къ сердцу?

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Конечно, нѣтъ!..—запинаясь, проговорила она, поддаваясь искушенію солгать „изъ любви къ мужу“, какъ она тотчасъ же мысленно оправдала себя въ своихъ собственныхъ глазахъ.

— „Нѣтъ, нѣтъ!.. Конечно, нѣтъ!“—шутя повторилъ ея слова Михаилъ и рѣшительнымъ, твердымъ взмахомъ пера подписалъ помилованіе Язона.

— Пусть эта бумага побудетъ пока у васъ,—обратился онъ къ предсѣдателю,—а мнѣ надо сказать женѣ пару словъ. Гриба, пойдемъ!

И они вышли въ сосѣдную комнату.

— Слушай, моя дорогая! Ты, можетъ быть, слышала, что Язонъ мнѣ родной братъ?

— Да, — тихо отвѣтила Гриба.

— И помнишь также, что за дѣлъ была у отца, когда онъ отправлялъ меня сюда? Онъ поручилъ мнѣ разыскать брата моего, Язона, и его мать, потому что былъ жестоко виноватъ передъ ними. Я писалъ тебѣ объ этомъ, но не писалъ того, какъ мучила меня совѣсть, что я не выполнилъ обѣщанія, даннаго отцу. Часто-часто приходило мнѣ въ голову, что Язонъ—единственный родной, оставшійся у меня въ живыхъ. И теперь, когда его судьба въ моихъ рукахъ, когда я знаю, до чего довела несчастнаго его зависть и ненависть ко мнѣ, мнѣ жаль его всей душой, и я твердо рѣшился употребить всѣ средства къ тому, чтобы не допустить его пострадать за меня. Ты понимаешь, родная, голубка моя, что я не могъ и не долженъ былъ поступить иначе, какъ помиловать его?

— О, Михаилъ!—тихонько, какъ виноватая, возразила Гриба. —Ты пристыдилъ меня: я недостойна тебя! Я слишкомъ малодушна и себялюбива, въ сравненіи съ тобою... Прости меня, дорогой: я... я солгала тебѣ!..—и она зарыдала, спрятавъ лицо свое на груди мужа.

— Ты? Солгала мнѣ?

— Да, я сказала тебѣ, что не знаю Язона, но это неправда! Онъ потерпѣлъ крушеніе у нашихъ береговъ въ ту ночь, когда ты уѣхалъ въ Исландію, и послѣ того провелъ почти пять лѣтъ на островѣ Мэнѣ.

— Зачѣмъ ему было тамъ жить? Къ чему онъ пріѣхалъ туда?

— Онъ далъ матери клятву найти и убить отца своего или его сына, а Стефенъ Орри жилъ уже много лѣтъ у насъ на островѣ...

Въ ту ночь была буря, и Язонъ, съ опасностью жизни, спасъ изъ волнъ Стефена, не зная, кто онъ такой. На разсвѣтѣ, изъ словъ умирающаго, онъ догадался, вѣмъ былъ для него бѣднякъ, спасенный имъ и умершій у него на рукахъ.

— Ты знала о его клятвѣ?

— Да.

— И узнала о ней... отъ него же?

— Да, но онъ взылъ съ меня слово никому о ней не говорить, — даже мужу.

— Странно!.. Съ какой бы стати ему быть откровеннымъ съ посторонней?.. И еще страннѣе, что ты отказалась отъ знакомства съ нимъ.

— Я не хотѣла говорить при предсѣдателѣ...

— Но почему же?

— Чтобъ онъ не подумалъ чего дурного, и чтобы это не повредило моему мужу.

— Какой же мнѣ могъ быть вредъ отъ того, что ты его знаешь? — удивленно спросилъ Михайлъ.

Гриба смутилась и отвѣчала не сразу. Нѣжно прижавшись къ мужу, поглаживая его руку, она тихо спросила:

— Къ чему ты это говоришь, милый?

— Онъ былъ для тебя... чужой?

— Никто, никто въ мірѣ не былъ для меня близокъ, кромѣ тебя одного! — съ горячей лаской отвѣтила Гриба.

— Онъ, значить, для тебя чужой? — настаивалъ мужъ.

— Да, — еще разъ подтвердила жена.

Въ дверь постучали. Вошла горничная и доложила, что шестеро англичанъ желаютъ видѣть, но на этотъ разъ уже не Грибу, а ея мужа.

— Не ходи къ нимъ, не ходи! — воскликнула Гриба и отчаянно уцѣпилась за мужа.

— Почему? Ты знаешь, кто они?

— Это братья! Они пришли отомстить мнѣ, наговорить тебѣ на меня, я увѣрена въ этомъ!.. Не ходи къ нимъ, и я сама расскажу тебѣ, въ чемъ дѣло; ты посмѣешься надъ моимъ страхомъ...

— Пусти меня! — нахмуясь, сказалъ Михайлъ, и вышелъ вонъ изъ комнаты.

Уходя, онъ чувствовалъ себя какъ во снѣ, когда угрожаетъ и душитъ неясный кошмаръ; возвращаясь, онъ зналъ, что этотъ кошмаръ обратился въ дѣйствительность. На лицѣ его отража-

лась такая мука, которая въ одинъ часъ состарила, пришибла его. Онъ шелъ нетвердо, согнувшись; руки его дрожали.

Съ громкимъ крикомъ Гриба бросилась къ нему:

— О, Боже! Чтѣ съ тобой? Чтѣ они сказали?

Въ первую минуту Михаилъ не могъ ничего отвѣтить, ни сообразить; но затѣмъ инстинктивно попытался спрятать за спину какую-то бумагу, которая дрожала у него въ рукѣ.

— Что тамъ такое? Покажи!—волновалась молодая женщина.

— Ничего, ничего!.. Право, ничего!

— Ну, такъ скажи же: чтѣ они сказали?

— Они сказали... что ты любила Язона...

— Это ложь!

— ...И что ты была его невѣстой...

Гриба готова была крикнуть: „И это ложь!“... но эти слова сдавили ей горло. Она молчала.

— О, Боже!—только и могъ проговорить Михаилъ, и въ ту же минуту бросилъ въ огонь бумагу, которую не выпускалъ изъ рукъ.

Съ рѣшимостью отчаянія, Гриба, обжигая руки о раскаленную дверцу печки, притянула къ себѣ и вырвала изъ полныя злополучный листокъ бумаги, отъ котораго остались только болѣшше полуистлѣвшіе клочки; но одинъ, единственный, крохотный уголокъ его уцѣлѣлъ настолько, что она узнала свое письмо къ Язону, забытое (вмѣстѣ съ письмомъ Михаила) дома, въ заветной шкатулкѣ.

Сердце молодой женщины застыло отъ ужаса; она не смѣла взглянуть на мужа; она ничего не соображала, не чувствовала.

Долго длилось тяжелое молчанье. Когда Гриба рѣшилась, наконецъ, робко поднять глаза на мужа, онъ все еще сидѣлъ, безпомощно, какъ слабый больной, опустившись на стулъ, положивъ голову на протянутыя на столъ руки. Такъ тяжело, такъ несообразно съ его богатырскимъ сложеніемъ и горделивой осанкой была вся его поза, что Гриба опустила передъ нимъ на колѣни и нѣжнымъ, искреннимъ голосомъ заговорила:

— Михаилъ, дорогой, сокровище мое! Прости мнѣ, выслушай. Дай, я во всемъ тебѣ признаюсь!.. Ну, да, это правда: я дѣйствительно была невѣстой Язона, я уважала его, но не любила, какъ люблю и какъ всегда любила тебя. Ты не знаешь, какъ тяжело жилось мнѣ у братьевъ, какъ ужасно было чувствовать, что ты забылъ меня! Подумай, какъ я была одинока и беззащитна, и ты поймешь, что я могла согласиться быть женою Язона. Когда же пришло отъ тебя письмо, я ему сказала объ

этомъ и просила его вернуть мнѣ мое слово. Онъ согласился, и я поспѣшила къ тебѣ... Я не лгу: все это такъ же вѣрно, какъ то, что по смерти намъ придется держать отвѣтъ передъ Богомъ!

Михаилъ поднялъ голову и проговорилъ:

— Отчего же ты прежде ничего мнѣ не говорила, и сказала только теперь, когда принуждена была это сдѣлать?

— Ты, значить, не вѣришь, что я сказала правду?—спросила она, обиженная тѣмъ, что послѣ такого тяжкаго признанья мужъ все еще боится довѣриться ея словамъ.

— Одинъ Богъ знаетъ, чему я могу или не могу вѣрить,—грустно отвѣчалъ онъ.

— Или ты скорѣе готовъ повѣрить братьямъ моимъ, которые обманули тебя?

— Но вѣдь и жена моя тоже обманула меня, прости ей Господи!

— Но въ чемъ же, въ чемъ мой обманъ? Я сказала тебѣ чистую правду.

— Въ томъ, что ты вышла за меня, продолжая любить его.

— Какъ ты могъ имъ повѣрить?!

— Еслибы ты не получила письма отъ меня,—продолжалъ упавшимъ голосомъ Михаилъ,—ты была бы теперь его женою, и съ этой точки зрѣнія я смотрю на всю исторію его покушенія и ареста. Что побудило тебя выдать несчастнаго? Любовь къ мнѣ, забота о моей безопасности? Нѣтъ, страхъ за то, какъ бы онъ не выдалъ тебя, желанье удалить его, чтобы скрыть твое прошлое! Ты знала, что онъ изъ ревности преслѣдуетъ тебя; но знала также и о его влѣтѣхъ, и воспользовалась ею, чтобы обвинить его. Мало того: когда я хотѣлъ помиловать брата, ты умоляла меня не отпускать его на свободу, но опять-таки не ради меня, а ради себя самой, ради того, чтобы до меня не дошла твоя тайна!..

— Это неправда! Это неправда!—воскликнула Гриба.—Пошли за нимъ, и онъ самъ тебѣ скажетъ, что это неправда. Ты можешь на него положиться: онъ честный, прямой человѣкъ! Пусть онъ придетъ, пусть онъ насъ рассудитъ!

— Нѣтъ, онъ не придетъ, я не пошлю за нимъ.

Послышался стукъ за дверью: вошелъ предсѣдатель и почти-тельно спросилъ:

— Прикажете отослать приказъ, или повременить?

— Подайте его сюда!.. Впрочемъ нѣтъ, все равно, онъ, бѣдный, не виноватъ... — запинаясь, то рѣшительно, то смущенно

заговорилъ президентъ, и вдругъ, возвращая судъѣ бумагу, рѣзко отдалъ приказаніе: — Освободить его тотчасъ же!

Предсѣдатель въ недоумѣніи посмотрѣлъ на обоихъ супруговъ, наклонилъ голову въ знакъ повиновенія и молча вышелъ изъ комнаты.

XXIII.

Увидя, что выдумка Якова не имѣла ожидаемыхъ благопріятныхъ для нихъ послѣдствій, братья напали на него съ укорами въ необдуманности и эгоизмѣ.

— Хорошо, нечего сказать! — говорили они. — Самъ попался въ просакъ: ни намъ, ни тебѣ не будетъ проку въ твоей глупой выходкѣ!

Но Яковъ невозмутимо принималъ ихъ недовольство на его затѣю: онъ спокойно продолжалъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, твердо увѣренный въ успѣхъ. Его увѣренность успокоила и ободрила братьевъ; они безпрекословно пошли за нимъ, хотя онъ и объявилъ, что пойдетъ одинъ къ президенту.

Всю ночь и все утро Михаилъ, усталый, растерянный, занимался дѣлами, но они плохо у него подвигались. Съ лихорадочной поспѣшностью писалъ онъ бумагу за бумагой, перечитывалъ ихъ и рвалъ одну за другою. Слуга то входилъ, то уходилъ, не успѣвая исполнять самыя разнорѣчивыя порученія своего барина. Неопредѣленный, тусклый взглядъ, неровныя, лихорадочныя движенія, голосъ — слабый, какъ у трудно-больного, и сбивчивость приказаній, не могли ускользнуть отъ вниманія быстроглазого юноши-исландца, который поспѣшилъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ своей хорошенькой пріятельницей — горничной президентши. Удивленіе его еще не успѣло улечься, какъ явились опять тѣ самые люди, которые называли себя братьями президентши.

Войдя въ рабочій кабинетъ президента, посѣтители повели свою рѣчь издалека.

— Мы осмѣлились снова обезпокоить васъ, — началъ Яковъ, выступивъ впередъ, — потому что намъ никакъ невозможно: мы тутъ сидимъ, а тамъ дѣло стоитъ безъ присмотру; и въ полѣ, и въ огородѣ, вездѣ застой... Бросили мы все, чтобъ добраться сюда, а безъ хозяйскаго глаза...

— Чтѣ же вамъ надо? — спросилъ Михаилъ.

— Вѣдь вотъ... пріѣхали мы сюда, ради нея; а во что намъ это обошлось? Правду сказать, никогда-то и прежде не платила она благодарностью за добро, которое ей дѣлали...

— Ни слова объ этомъ! — повелительно произнесъ президентъ. — Говорите скорѣй, что вамъ надо?

— Да, вотъ какое спасибо мы себѣ заслужили! — подхватилъ старшій братъ. — Вотъ и поступай себѣ, послѣ этого, по совѣсти! Если ты бѣдный человѣкъ, такъ не полагается тебѣ ни думать, ни чувствовать!..

— Бѣдный ты или богатый, все равно: говори, что тебѣ надо?

— Мы только пришли сказать тебѣ: будь покоенъ, мы сдумѣемъ молчать! — снова началъ Яковъ.

— Да, да: мы сдумѣемъ молчать! — повторили и остальные.

— Ну, какая намъ прибыль ослабить свою сестру, да еще жену президента? Мало ли что было прежде! Что было, то прошло; и, наконецъ, кому какое дѣло, съ еѣмъ дружила дѣвушка до свадьбы?..

— Молчать! — грозно прикрикнулъ на оратора Михаилъ. — Послѣдній разъ говорю: что вамъ надо? Отвѣчайте и убирайтесь!

— Гм! Кажется, и онъ желаетъ насъ выпшвырнуть вонъ? — замѣтилъ вслухъ одинъ изъ братьевъ.

— А какъ вамъ кажется: пріятно ли будетъ президенту, если узнаютъ, что онъ женатъ на дурной женщинѣ?.. Конечно, непріятно, — отвѣчалъ самъ себѣ Яковъ. — Ну, такъ позвольте намъ обратно вчерашнее письмо!

— Я его уничтожилъ...

— Какъ? Уничтожилъ?! — въ ужасъ воскликнулъ братъ Грибы.

— Будьте покойны; я вамъ за это ручаюсь! Я самъ сжегъ его своими руками. Оно сгорѣло до тла.

— Вотъ тебѣ и разъ! Да я не расстался бы съ нимъ и за пятьсотъ фунтовъ!

Глаза Михаила загорѣлись гнѣвомъ. Онъ гордо выпрямился и тономъ, не терпящимъ возраженій, проговорилъ:

— Довольно! Говорите прямо: вы требуете пятьсотъ фунтовъ за это письмо?.. Вѣдь такъ?

— Такъ, — согласился Яковъ.

— А если я не согласенъ на ваше требованіе, вы угрожаете мнѣ, что разгласите о немъ?

— Мы этого не говорили...

— Но вамъ надо пятьсотъ фунтовъ за письмо моей жены?

— Да, за письмо.

— Ну, такъ вотъ вамъ мой отвѣтъ: не только пятьсотъ фунтовъ — ни гроша не получите вы за него, что бы вы ни говорили, ни дѣлали! А затѣмъ убирайтесь, и чтобы нога ваша не переступала порога моего дома, а не то не миновать вамъ тюрьмы!..

На этотъ разъ Яковъ и тотъ приунылъ; но все-таки братья еще остались въ Исландіи, хоть и не вѣрили словамъ Терстана, который вызвался взять на себя заботу о дальнѣйшей судьбѣ своихъ братьевъ.

Между тѣмъ президентъ, оставшись одинъ, обдумалъ свое положеніе и рѣшился на трудный и важный шагъ. Съ этой цѣлью онъ призвалъ къ себѣ предсѣдателя и отдалъ приказъ созвать чрезвычайное засѣданіе верховной палаты.

— Это не совсѣмъ удобно въ настоящую минуту, когда засѣданіе только-что закрылось и члены палаты уже собираются раздѣляться,—робко замѣтилъ предсѣдатель.

— Вотъ именно потому-то я и хочу поспѣшить,—возразилъ президентъ.

— Прошу извиненія, но... нельзя ли узнать: въ чемъ состоитъ эта неотложная необходимость?—робко спросилъ судья.— Чтѣ я долженъ сказать въ случаѣ разспросовъ?

— Скажите только, что я, президентъ, имѣю неотложное дѣло къ членамъ верховной палаты,—отвѣчалъ Михаилъ, и предсѣдатель, сильно встревоженный приключеніями минувшей ночи, встревожился еще болѣе при видѣ твердаго взгляда блѣднаго, утомленнаго президента.

Безпрестанная бѣготня посланныхъ, а также и болтовня слуги, Оскара, тревожили также и Грибу, возбудили въ ней предчувствіе чего-то недобраго. Какъ и всякая женщина, для которой рушилась дружба съ ея любимымъ и естественнымъ другомъ и защитникомъ, мужемъ, она была готова дѣлить свои радости и тревоги съ кѣмъ бы то ни было, лишь бы кто былъ готовъ ее слушать. Чтѣ же мудренаго, что бѣдная, обиженная, оскорбленная жена президента дѣлилась своими тревогами со своей горничной, которая, благодаря Оскару, поминутно прибѣгала къ ней съ новыми вѣстями!

Услыхавъ, что Михаилъ опять потребовалъ къ себѣ судью, Гриба не выдержала. Наскоро осушивъ свои слезы и призвавъ къ себѣ на помощь всю свою гордость, она прошла въ рабочую комнату мужа.

При взглядѣ на нее Михаилъ увидѣлъ, что она тревожна и испугана, и что въ глазахъ ея свѣтитсѣ просьба ласково взглянуть на нее, ободрить.

— Михаилъ! Чтѣ ты затѣялъ? Говори! Не могу я долѣе выносить неизвѣстности!

Мужъ ничего не сказалъ ей въ отвѣтъ; онъ молча, съ перомъ въ рукѣ, сидѣлъ за своей рабочей конторкой.

— Да говори же! Говори скорѣе! Я не могу, я не хочу дольше выносить твое молчаніе!—и Гриба топнула ногою.

Михаилъ не шевельнулся, но, и не поднимая головы, онъ зналъ, что, несмотря на свой раздражительный, смѣлый тонъ, Гриба готова разразиться слезами; что за густыми рѣсницами сверкающихъ негодованіемъ глазъ скрываются крупныя слезинки. И, зная это, Михаилъ не разсердился на жену, не крикнуть, не остановить ея гнѣвнаго порыва, но молча сдѣлалъ видъ, что продолжаетъ писать. Только теперь, впервые послѣ ихъ рокового объясненія, Гриба прямо и сознательно взглянула на мужа. Ее больно поразила переменна, происшедшая съ нимъ за это время. Горячая любовь и нѣжность преданной женщины нахлынула на нее неудержимой волною и подавили въ ней гордость и обидчивость. Съ громкимъ, искреннимъ воплемъ бросилась она передъ мужемъ на колѣни:

— О, Михаилъ, прости, прости! Я и сама не знаю, что говорю.

Но, не получая отвѣта, Гриба снова поддалась своей врожденной гордости и снова, возмущаясь самой мыслью, что мужъ ея могъ допустить, что она обманываетъ его, воскликнула горячо:

— И, наконецъ, зачѣмъ бы мнѣ было выходить за тебя, еслибъ я любила другого?!

— Затѣмъ, что гордость тебя одолѣла! Малюткой ты уже гордилась тѣмъ, что ѣдешь въ Лондонъ съ герцогиней, а вернулась оттуда еще горделивѣе. Мнѣ бы слѣдовало быть предубижденной: я долженъ былъ ожидать, что твое прежнее легкомысліе когда-нибудь да скажется снова; но я ошибся, думая, что оно миновало; слѣдовательно, я самъ во всемъ виноватъ!

Еслибы онъ сказалъ это въ порывѣ гнѣва, еслибъ она подмѣтила въ глазахъ его хоть намекъ на слезы,—Гриба знала бы, что онъ все еще ее любитъ; но онъ говорилъ такъ мѣрно, такъ холодно, такъ, повидимому, спокойно!.. И она поняла, что любовь его умерла, погибла въ немъ навсегда.

— А, такъ ты думаешь, что я бросила Язона потому, что моему тщеславію льстила мысль быть женой президента и богатаго человѣка? Но вѣдь это неправда! И ты знаешь, ты самъ знаешь, что это неправда!

— Нѣтъ, Гриба, я далеко не богатъ,—возразилъ онъ:—хоть я и богатъ въ сравненіи съ тѣмъ юношей-бѣднякомъ, какимъ я уѣзжалъ сюда, хоть я и могъ показаться въ твоихъ глазахъ знатнымъ и болѣе властнымъ, чѣмъ въ дѣйствительности...

— Это ложь! Это ложь! Я и тогда любила бы мужа своего,

еслибъ онъ былъ бѣденъ; еслибъ у него не было, гдѣ приклонить голову! Ты долженъ лучше знать меня и не оскорблять... Да, наконецъ, какъ ты смѣешь!—и Гриба, въ порывѣ отчаяннаго гнѣва и обиды, сверкая глазами, какъ безумная, бросилась на мужа и толкнула его въ грудь.

Этотъ ударъ сдѣлалъ больше въ ея пользу, нежели всѣ ея мольбы и убѣжденія, на которыя сердце Михаила оставалось безотвѣтно: онъ разбилъ его жестокия сомнѣнія. Но не успѣлъ онъ опомниться, заговорить, какъ несчастная женщина была уже передъ нимъ на коѣняхъ и, рыдая, умоляла простить ее; и убѣренія въ любви, въ вѣрной, преданной супружеской любви, не взирая на горе и нищету, беспорядочно сыпались въ перемежку съ ея мольбами.

Слушая страстный лепетъ жены, Михаилъ чувствовалъ, что задыхается, но все-таки, собравши все свое мужество, спросилъ:

— Ты въ этомъ увѣрена, Гриба?

— О, дай мнѣ только довазать тебѣ на дѣлѣ!—воскликнула она.

— Хорошо! Скоро твое желаніе исполнится: мы завтра уѣзжаемъ отсюда. Съ завтрашняго дня положеніе наше совершенно измѣнится; поэтому распорядись сообразно съ этимъ и приготовься.

Въ одинъ мигъ возбужденіе Грибы остыло.

— Какъ? Что это значитъ?—смущенно спросила она.

— Это значитъ, что хоть ты и выходила за президента, но теперь тебѣ придется жить съ простымъ смертнымъ.

— О, Боже, Боже! Ты хочешь опозорить себя? Или готовишь мнѣ испытаніе?

— Да, и если ты перенесешь его, то я всю жизнь свою буду доволенъ и счастливъ!

— И ты больше не будешь имѣть никакого значенія въ Исландіи? Твоя карьера погибнетъ?.. И я, я—причина твоей гибели, твоего униженія! Да, да! Не возражай: я сойду съ твоего пути, я не буду тебѣ помѣхой... Я оставляю тебя!..

— Нѣтъ, такъ нельзя, — твердо и спокойно проговорилъ Михаилъ. — Мы съ тобой мужъ и жена передъ Богомъ, и ты, какъ жена, обязана мнѣ повиновеніемъ.

— А я тебѣ говорю: я уйду, уйду отъ тебя! Я такъ ничтожна, въ сравненіи съ тобою, и не хочу стоять тебѣ поперекъ дороги!.. Не мѣшай мнѣ уйти, отпусти меня!—И снова горячимъ, беспорядочнымъ потокомъ полились ея самообвиненія и защита.—Вѣдь долженъ же ты убѣдиться, долженъ самъ видѣть, что это все ужасная, роковая ошибка!—заклчила она.

— Нѣтъ, Гриба: это не ошибка, что ты обманывала меня и гнала мнѣ!

— А, вотъ ты что говоришь! Ну, такъ, можетъ быть, и не ты одинъ ошибался: значить, и я ошиблась, оттолкнувъ честнаго, преданнаго, вѣрившаго въ меня челоуѣка! Онъ бы никогда не заподозрилъ меня... Боже! стальной надъ нимъ и прости мнѣ мою тяжкую вину!

Но тутъ холодное чувство, леденившее сердце Михаила, смѣнилось неудержимой горячностью, и онъ страстно и злобно воскликнулъ:

— Дай Богъ, чтобъ онъ никогда, никогда въ жизни не попадался мнѣ на глаза!..

XXIV.

Вокругъ зданія сената и у крыльца толпилась сплошная, шумливая масса народа. Слухъ о предстоящемъ экстренномъ засѣданіи быстро разнесся по городу и его окрестностямъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣжавшійся народъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за появленіемъ членовъ верхней палаты, которые молчаливо и съ важной торжественностью проходили по-двое или по-трое въ проходѣ между двумя сплошными стѣнами зрителей и, медленно войдя на крыльцо, такъ же медленно исчезали въ глубинѣ открытыхъ дверей.

Въ сенатѣ всѣ члены дѣлились на двѣ опредѣленныя партіи: церковную и гражданскую, или партію „равноправныхъ“. Главой „церковниковъ“ былъ епископъ Джонъ, который въ то же время былъ представителемъ высшей власти въ верхней палатѣ; во главѣ же защитниковъ „равенства“ стоялъ тотъ самый прокуроръ, который обвинялъ Язона.

Вотъ, наконецъ, глухой ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ: на крыльцо поднялся президентъ, блѣдный, согбенный, какъ бы подъ тяжестью стыда, что на него обращены пристальные взоры толпы, и тихо, какъ старикъ, несмотря на свои густыя свѣтлыя кудри, въ которыхъ еще не было и намека на сѣдину, прошелъ въ зданіе сената.

Послѣ краткаго, но напряженнаго молчанія, которое всегда водворяется въ собраніяхъ передъ началомъ засѣданія, первымъ поднялся президентъ исландской республики.

— Милостивые государи и сограждане!—началъ онъ ров-

нымъ и спокойнымъ голосомъ.—Вы собрались сегодня сюда по моей просьбѣ, чтобы выслушать сообщеніе нѣкоторой важности для республики и для меня. Всего полгода тому назадъ, верхняя палата постановила и привела въ исполненіе образованіе и утвержденіе новаго независимаго государства, исландской *республики*. Вамъ благоугодно было почтить меня своимъ довѣріемъ, избравъ меня, самаго юнаго изъ вашей среды, президентомъ. Хотя я и сознавалъ въ себѣ недостатокъ опытности въ сравненіи съ вами, но въ то же время подчинился вашему выбору, сознавая, что я, какъ человѣкъ новаго поколѣнія, скорѣе могу помочь организаціи новаго, болѣе современнаго государственнаго строя. Мною руководило при этомъ желаніе принести посильную пользу новому, свободному народу, которому я съ радостью готовъ былъ посвятить свою жизнь. Каковы бы ни были при этомъ мои личныя цѣли и стремленія, вы, надѣюсь, можете засвидѣтельствовать, что взятыя мною на себя отвѣтственные обязанности я старался выполнить какъ честный человѣкъ...

Въ залѣ пробѣжалъ шопотъ одобренія; и снова все замерло, жадно прислушиваясь къ словамъ президента.

— Но, милостивые государи и сограждане, теперь я пришелъ къ убѣжденію, что не могу больше нести такой важной отвѣтственности, какую возлагаетъ тяжкое бремя государственнаго управленія, и потому прошу сложить съ меня званіе президента!

Невѣроятный шумъ, говоръ и возгласы удивленія поднялись въ залѣ; но едва начиналъ говорить опять президентъ, водворялось такое глубокое молчаніе, что его сдавленный голосъ звучалъ какъ громкій крикъ въ мертвенной тишинѣ собранія.

— Какъ ни удивительно, какъ ни внезапно для васъ мое рѣшеніе,—продолжалъ онъ:—не думайте, что мнѣ легко было отказаться отъ почета, которымъ вы меня удостоили,—отъ чести нести бремя правленія. Если я рѣшился обратиться къ вамъ съ такой просьбою, къ этому побудило меня лишь сознаніе, что нѣтъ во мнѣ больше прежней увѣренности въ себѣ, въ своихъ силахъ, которыхъ я до сихъ поръ не жалѣлъ для блага народа. Если во мнѣ была хоть крупица себялюбія или гордости, Провидѣнію угодно было подавить ее во мнѣ, и теперь я смиренно прошу васъ отпустить меня, хоть это и разрушитъ навсегда мои честолюбивые замыслы, мои надежды на дальнѣйшій успѣхъ. Я удаляюсь съ арены государственной дѣятельности и удалюсь навсегда, какъ это мнѣ ни грустно! Жизненный путь мой оконченъ, несмотря на мои еще сравнительно молодые годы. Итакъ, милостивые государи и сограждане, не безъ грусти, не безъ ду-

шевной боли, я прошу васъ сложить съ меня званіе президента республики!

На этотъ разъ отвѣтомъ ему было полнѣйшее молчаніе—до того поражено было все собраніе. Затѣмъ, одинъ за другимъ, поднялись представители отдѣльныхъ партій, чтобы возразить ему отъ лица всѣхъ своихъ.

Первымъ говорилъ глава „равноправныхъ“, коренастый чело­вѣкъ небольшого роста, съ густыми, торчащими какъ щетка, волосами на большой круглой головѣ. Онъ былъ главнымъ противникомъ президента и теперь далъ полную волю языку, облекая, однако, свои сарказмы въ форму лишь настолько пристойную, чтобы нельзя было прямо къ ней придратъся. Онъ во всемъ былъ согласенъ съ президентомъ; онъ признавалъ всѣ его заслуги и не опровергалъ его словъ, что онъ принялъ на себя званіе президента не ради почестей, но ради того, чтобы принести посильную пользу народу. Но что же онъ затѣваетъ? Или онъ въ силахъ теперь принести только вредъ?..

Его слова подхватилъ одинъ изъ его сторонниковъ, и еще рѣзче, еще обиднѣе и злѣе полились потоки насмѣшекъ и полувопросовъ. Или президентъ просто сдѣлалъ шагъ, чтобы устранить себя отъ дѣлъ, пока еще не поздно, пока не наступила какая-либо, ему одному извѣстная бѣда? Или это съ его стороны лишь тонкій расчетъ,—рѣшительный шагъ къ еще болѣе значительной и неограниченной власти? Ужъ не въ протекторы ли, или въ государи изволить мѣтить господинъ президентъ?

Съ торжествующей улыбкой сѣлъ на мѣсто ораторъ, а вслѣдъ за нимъ поднялся его сосѣдъ, худощавый и безбородый, по­видимому очень живой чело­вѣкъ. Онъ прямо началъ съ того, что напомнилъ присутствующимъ притчу о чело­вѣкѣ, который сдѣлалъ пиръ, и къ которому не пришелъ ни одинъ изъ пригла­шенныхъ.

— Помните,—говорилъ онъ:—какъ каждый въ чемъ-нибудь да находилъ извиненіе своему отъезду? Одинъ изъ званныхъ от­говорился тѣмъ, что онъ недавно женился, и потому не можетъ придти. Нашъ президентъ также недавно женился...

Михаилъ не далъ ему докончить. Онъ вспыхнулъ какъ за­рево и вскочилъ на ноги, заговоривъ не въ свою очередь, вопреки всѣмъ порядкамъ и строгимъ правиламъ сенатскихъ судо­говореній.

— Идя сюда, я зналъ, что злорѣчіе молвы можетъ меня коснуться!—воскликнулъ онъ.—Но я этого не позволю! Я зналъ также и то, что встрѣчу здѣсь не мало враждебно-настроенныхъ

лицъ, которыя ни передъ чѣмъ не остановятся, лишь бы запятнать меня. Но моя репутація, какъ человѣка незапятнаннаго, способности мои — доказаны неоспоримо, и я не боюсь никакихъ злобныхъ инсинуаций, потому что совѣсть моя чиста и моя репутація, хоть я и оставляю свой постъ, — репутація прямого и честного человѣка!..

Съ этими словами президентъ, стоя передъ собраніемъ, надѣлъ шапку, а публика, восхищенная его горделивой осанкой, его чистосердечнымъ, горячимъ тономъ, всей его богатырской, красивой фигурой, невольно внушавшей уваженіе, и его сверкающимъ, энергичнымъ взглядомъ, разразилась громомъ рукоплесканій.

Но вотъ, среди общаго восторженнаго шума, снова воцарилось молчаніе: ораторомъ выступилъ епископъ, который началъ свою рѣчь мягкимъ, но глубокимъ голосомъ.

— Друзья мои! Мы живемъ въ тяжелое время непрестанной вражды и борьбы за идею, какъ прежде боролись за существованіе, за одни только физическія права. Теперь люди стали развитѣе, нравственнѣе, но и въ нихъ встрѣчается непостижимое стремленіе обидѣть ближняго, лишить его того или другого земного блага или преимущества. Вы правы, друзья мои, въ своемъ сочувствіи вашему покровителю и президенту. Я счастливъ, что могу всенародно сказать: вотъ искренній, честный человѣкъ! Вотъ вѣрный другъ народа! Былъ ли онъ когда измѣнникомъ народу, рабомъ гордости и любостыжанія? Никогда! Предавалъ ли когда брата своего? Вредилъ ли кому хотя бы безсознательно, по молодости лѣтъ своихъ? Никогда въ жизни! Какое же право имѣемъ мы допрашивать, мучить его оскорбительными предположеніями?.. Когда мы избрали его своимъ главою, мы еще не знали вполнѣ всѣхъ его достоинствъ; теперь же, когда онъ доказалъ на дѣлѣ, что отъ его ума и энергіи зависитъ благосостояніе нашего народа, неужели мы навсегда разстанемся съ нимъ, — съ человѣкомъ, честию и преданіемъ котораго нѣтъ во всей Исландіи?..

Громкій гулъ восторга пронесся по всему собранію и долго-долго не смолкали крики публики. Затѣмъ епископъ продолжалъ при полнѣйшей тишинѣ между слушателями:

— Не говорится ли въ св. писаніи, что возвышающій себя униженъ будетъ, а унижающій — возвысится? Такъ и нашъ молодой глава и покровитель, президентъ нашего государства, никогда не возвышавшій себя, смиреніемъ своимъ возвысится предъ Господомъ, и да будетъ Онъ ему защитникомъ во всѣхъ бѣдахъ и напастяхъ!

Какъ одинъ человекъ, все собраніе проговорило:—Аминь!.. и блѣдный, но отрадно-взволнованный Михаилъ поднялся съ мѣста, чтобы отвѣтить словомъ благодарности на это единодушное сочувствіе. Онъ стоялъ передъ присутствующими, молча поднимая на нихъ свой энергичный и ясный, но теперь отуманенный слезами взоръ, и хотѣлъ уже начать говорить, какъ вдругъ, при общемъ молчаніи за дверью ясно раздались тяжелые шаги. Дверь отворилась: это была датская стража съ пашками наголо.

Прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ опомниться, офицеръ обратился къ собранію со словами:

— Именемъ короля Даніи!

— Измѣна! Измѣна!—закричали разомъ десятки голосовъ.

— А, такъ вотъ что скрывалось за таинственнымъ кривляніемъ, ради котораго насъ загнали сюда!—воскликнулъ одинъ изъ партіи „равноправныхъ“.—Измѣна!.. Да! и вотъ измѣнникъ!—злобно заключилъ онъ, указывая на блѣднаго, какъ смерть, президента.

При первомъ же крикѣ негодованія, который вырвался у несчастнаго, онъ понялъ, что слова напрасны: толпа, которая за минуту передъ тѣмъ восторженно привѣтствовала его и умилялась вмѣстѣ съ нимъ, теперь бросаѣа на него безумные взгляды, полныя ненависти, и безпорядочно ревѣла, какъ дикій раненый звѣрь.

Въ ту же ночь на берегъ въ Рейкјавикѣ высадили Іоргенъ Іоргенсонъ и такимъ образомъ положилъ конецъ „второй исландской республикѣ“.

Въ ту же ночь, когда братья Фэрбрезеръ, съ Терстаномъ во главѣ, направлялись къ губернаторскому дому за вознагражденіемъ, обѣщаннымъ за ихъ предательство, мимо нихъ проходила кучка пьяныхъ датчанъ, и нѣкоторые изъ нихъ узнали своихъ собутыльниковъ: они вмѣстѣ пили въ трактирѣ.

— Эге! Да вотъ и его братья!—вскричалъ заплетающимся языкомъ одинъ изъ пьяныхъ.

— Вотъ его братья!—громко загоготала и вся ватага.

Терстанъ попробовалъ-было протестовать, но его не слушали; Яковъ попробовалъ взять лаской—его прибили, и дѣло кончилось тѣмъ, что послѣ рукопашной побѣдители-датчане до самаго берега гнали передъ собой братьевъ, которымъ родство съ „измѣнникомъ Даніи“ лишь повредило.

Братья Фэрбрезеръ бѣжали на шкуну береговой охраны, которая дѣлала сѣверный рейсъ близъ береговъ Исландіи. Ее за-

терло льдами при устьѣ Сейдифіорда, и четыре мѣсяца спустя, не получая ни откуда помощи, всѣ находившіеся на шкунѣ погибли отъ холода и голода ужасной, мучительной смертью.

Какъ ни коротокъ былъ судъ надъ Язономъ, его брата и президента судили еще короче: по приказанію Іоргенсона, „бывшаго президента, измѣнника и супостата“ препроводили въ безсрочныя каторжныя работы, на тѣ самыя сѣчныя копи, которыми онъ замѣнилъ для арестантовъ тюремное заключеніе.

XXV.

Люди, посланные на развѣдки, чтобы напасть на слѣдъ Адама Фэрбрезера, вернулись ни съ чѣмъ: нигдѣ не могли они узнать ничего опредѣленнаго.

Тѣмъ временемъ старикъ Адамъ, потерпѣвъ крушеніе и благополучно достигнувъ берега, вмѣстѣ съ командой брига, направившейся наудачу въ глубь страны, подвергался, наравнѣ со всѣми, неудобствамъ и лишеніямъ, которыя были необходимо связаны съ холодной, морозной и снѣжной погодой и съ дорогой, гдѣ лишь изрѣдка попадались убогія деревушки.

Въ одной изъ нихъ бѣднымъ, полуголоднымъ и истомленнымъ путникамъ посчастливилось купить нѣсколько доморощенныхъ исландскихъ пони, и это не мало ободрило ихъ.

На пути своемъ въ Рейкиавикъ они повстрѣчали женщину, которая бросилась къ нимъ, прося, какъ милости, чтобы они дозволили ей идти вмѣстѣ съ ними. Она дрожала, испуганно озираясь по сторонамъ и прижимая къ груди ребенка, и только просила, чтобы они не отталкивали ее, безпомощную, безпріютную, одинокую!

Капитанъ брига, умирая въ самомъ началѣ пути, поручилъ главенство надъ спутниками Адаму, котораго успѣлъ узнать и оцѣнить; поэтому, слѣдуя приказанію старика, товарищи его посадили бѣдную женщину съ ребенкомъ на свою самодѣльную телѣжку и продолжали свой путь. И часу не прошло, какъ ихъ нагналъ какой-то всадникъ (по его словамъ, фермеръ) и потребовалъ обратно ребенка, котораго эта женщина, будто бы, украла у него; но женщина искренно и горячо возражала ему, говоря, что онъ самъ прогналъ ее, хоть она ему и жена, что женился онъ только ради того, чтобы имѣть наслѣдника, и что онъ, дождавшись отъ нея сына, безжалостно выгналъ ее изъ дому. Ея искренность и любовь къ малютѣ такъ растрогали Адама и

его спутниковъ, что рѣшено было оставить бѣглянку у себя, хотя бы за это и дѣйствительно угрожала (какъ увѣрялъ ее мужъ) кара закона.

Во время долгаго и тяжелаго путешествія, о которомъ было бы слишкомъ долго рассказывать подробно, больше всего страдалъ старикъ Адамъ о томъ, что настоялъ на пребываніи съ ними женщины и ребенка. Маленькому каравану приходилось проходить по безлюднымъ, совершенно пустыннымъ пространствамъ, гдѣ еще сильнѣе ощущался холодъ и недостатокъ защиты отъ снѣга и бури. Малютка сначала довольно бодро переносилъ лишения, и его милый лепетъ и свѣтлая улыбка радовали и утѣшали бездомнаго, одинокаго старика. Его товарищи-матросы такъ же сильно привязались къ ребенку и непрерывно нѣжно ухаживали за нимъ. Но, къ сожалѣнію, недолга была ихъ радость: крошка постепенно таяла, становился все тише и блѣднѣе и, наконецъ, къ великому горю и отчаянію матери, умеръ у нея на рукахъ. Старикъ Адамъ горевалъ до слезъ надъ умиравшимъ ребенкомъ, упрекая себя за то, что согласился оставить его у себя и такимъ образомъ неволью ускорилъ его смерть. А между тѣмъ бѣдная мать, рыдая надъ могилой своего сокровища, обезумѣвъ отъ горя, громко кричала, что онъ, Адамъ, виноватъ въ томъ, что холодъ убилъ ее малютку. Старикъ не обидѣлся на ее слова, вполне понимая ее чувства и потому не ставя ей въ упоръ недостатка благодарности за его добрыя попеченія. Послѣ похоронъ малютки, мать его оставила пріютившихъ ее людей и исчезла неизвѣстно куда.

На слѣдующій день караванъ повстрѣчался съ отрядомъ верховыхъ, въ числѣ которыхъ находился ее мужъ, равно какъ и судья того округа. Послѣдній приказалъ Адаму, какъ вождю каравана, отдать ребенка. Услыхавъ, что ребенокъ умеръ, а мать его пропала безслѣдно, мужъ ее бросился съ ножомъ на старика, но судья удержалъ его и потребовалъ бумаги Адама, говоря, что арестуетъ его.

Спутники старика возмутились, хотѣли броситься въ свою очередь на судью и его товарища, но Адамъ остановилъ ихъ, спокойно увѣщевая и доказывая, что никто его не разлучитъ съ ними, такъ какъ судья и не выказывалъ намѣренія увести его съ собою. Онъ только отмѣтилъ на его документахъ, что Адамъ подлежитъ аресту и заключенію въ тюрьмѣ, прибавивъ, что въ первомъ же городѣ, гдѣ найдется судебное присутствіе, онъ долженъ самъ явиться съ этими документами къ мѣстному судѣ. Затѣмъ, повернувъ обратно, судья, его спутникъ и съ ними десять

человѣкъ подчиненныхъ усакали, оставивъ товарищей Адама въ восторгѣ отъ того, какъ легко было отъ нихъ отдѣлаться. Громкій смѣхъ и шутки такъ и посыпались со всѣхъ сторонъ отъ восторга, что Адамъ избѣжалъ ареста. Но старикъ тихо покачалъ головой и отвѣчалъ, что, наоборотъ, онъ непременно исполнить приказаніе судьи, потому что его трогаетъ простота и довѣрчивость исландскаго народа, и что онъ никогда не рѣшился бы обмануть такое довѣріе.

Это было утромъ, а съ наступленіемъ ночи, слѣдуя указаніямъ проводника, котораго оставилъ имъ судья, путники добрались до ближайшей тюрьмы. Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное.

Не выказывая ни малѣйшаго удивленія при видѣ человѣка, который самъ добровольно явился отдать себя подъ арестъ, судья потребовалъ его бумаги, но ихъ не оказалось, къ великому удивленію Адама и къ немалой забавѣ блюстителя закона. Если поведеніе перваго судьи было просто и довѣрчиво, то этотъ оказался еще проще и добродушнѣе его. Заливаясь хохотомъ, онъ объявилъ, что безъ надлежащихъ бумагъ онъ ни за что не приметъ его, и что онъ свободенъ теперь какъ птица! Такимъ же смѣхомъ привѣтствовали его товарищи, счастливые, что имъ не надо разставаться. Рѣшивъ теперь идти прямо въ Рейкіавикъ, маленькій караванъ живо собрался въ дальнѣйшій путь, но каково же было удивленіе и досада, когда замѣтили, что проводника и слѣдъ простыль. Дѣлать нечего, по совѣту Адама, спутники его согласились идти на удачу, къ берегу моря, и оттуда свернуть по направленію, гдѣ, имъ казалось, долженъ былъ лежать Рейкіавикъ.

Съ этой цѣлью они пошли вдоль по берегу, но долго не могли добраться до какого бы то ни было жилья. Наконецъ, черезъ нѣсколько сутокъ, они завидѣли вдали дымокъ, курившійся за возвышеніемъ. Караванъ прибавилъ шагу, но вскорѣ долженъ былъ разочароваться: это курились сѣрные источники, на которыхъ работали ссыльно-каторжные. Жилыхъ построекъ видѣлось только двѣ; третья еще только строилась.

Въ то время, какъ путники разглядывали мѣстность, на работу мимо нихъ прошли четверо до-гола обритыхъ арестантовъ, и въ одномъ изъ нихъ Адамъ узналъ Язона.

Блѣдный и худой, прежній силачъ и богатырь шелъ медленно, вяло, какъ больной; въ его согбенной фигурѣ не было и тѣни прежней силы и живости. Онъ, на-ряду съ другими, былъ закованъ въ кандалы; шею его обхватывалъ желѣзный обручъ, отъ

котораго надъ головой шла дуга, озанчивавшаяся надъ лбомъ болокольникомъ, который съ каждымъ шагомъ тихо позванивалъ. Какъ ни ужасно измѣнился Язонъ, Адамъ все-таки узналъ его и позвалъ по имени; но Язонъ не слышалъ ничего и, какъ человекъ, у котораго горе отшибло слухъ и зрѣніе, безучастно прошелъ мимо, низко поникнувъ головой, безцѣльно опусти глаза въ землю.

— Язонъ! Язонъ!—кричалъ старикъ и побѣждалъ вслѣдъ за нимъ, но сторожа, сопровождавшіе арестантовъ, отстранили его въ то время, какъ несчастный шелъ дальше, не оглядываясь, ничѣмъ не проявивъ того, что онъ узналъ или услышалъ своего стараго друга.

Но этой встрѣчей еще не кончились испытанія старика Адама; онъ теперь еще больше сталъ стремиться въ Рейкјавикъ, къ своему названному сыну и другу, Михаилу.

Не доходя столицы, въ долину Тингвеллира, наши путники набрели на отрядъ датскихъ солдатъ, которые располагались постомъ у городскихъ окраинъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояла исландская стража. Эта странность, однако, недолго оставалась неразгаданной, потому что по направленію къ долину изъ города появился еще отрядъ датскихъ солдатъ, сопровождавшихъ связаннаго арестанта, при видѣ котораго старику Адаму показалось, что онъ видитъ тяжелый, невѣроятный сонъ. Но по мѣрѣ приближенія конвоя, по мѣрѣ того, какъ арестантъ оживлялся и въ его взглядахъ засвѣтилась радость свиданія, Адамъ очнулся и бросился къ нему на встрѣчу:

— Дитя мое! Дитя!

— Отецъ!.. Отецъ!—воскликнулъ въ тотъ же мигъ Михаилъ.

Но конвойные тѣснѣе окружили его и съ громкимъ крикомъ погнали впередъ.

А. Б—г—

РОССІЯ И АНГЛІЯ

ВЪ

НАЧАЛѢ XIX-го СТОЛѢТІЯ.

Окончаніе.

IV *).

Обратимся теперь къ изложенію текущихъ дипломатическихъ переговоровъ между с.-петербургскимъ и с.-джемскимъ дворами послѣ отставки гр. Н. П. Панина.

Въ виду восстановленія дружескихъ сношеній съ Россією, англійское правительство сообщало въ С.-Петербургъ отъ времени до времени кое-какія свѣденія о ходѣ мирныхъ переговоровъ между Англією и Францією. Камнемъ преткновенія для благополучнаго окончанія этихъ переговоровъ былъ вопросъ о судьбѣ острова Мальты, котораго Наполеонъ ни въ какомъ случаѣ не желалъ оставлять въ рукахъ англичанъ. Выше уже было замѣчено, что императоръ Александръ I категорически отклонилъ англійское предложеніе занять этотъ островъ русскими войсками. Лорду Сентъ-Эленсу было объявлено, что, по мнѣнію государя императора, было бы справедливѣе всего возвратить этотъ островъ мальтійскому ордену. До окончательнаго рѣшенія этого вопроса государь полагалъ удобнымъ признать островъ Мальту вѣчно нейтральнымъ и предоставить королю неаполитанскому занимать островъ гарнизономъ своихъ войскъ. Въ виду же настоятельныхъ

---

*) См. выше, октябрь, стр. 658.

просьбъ с.-джемскаго кабинета, государь, наконецъ, рѣшился взять этотъ островъ подъ свое верховное покровительство, желая такимъ образомъ: 1) „соблюсти должное почтеніе къ памяти родителя своего и 2) споспѣшествовать какъ наискорѣе выбору великаго магистра и возстановленію ордена въ своихъ правахъ, дабы потомъ уничтожить свое протекторство“. Но поставить на островъ русскій гарнизонъ государь все-таки не согласился въ виду отдаленности острова отъ Россіи.

Гр. Воронцовъ ничего существеннаго не возражалъ противъ отказа государя поставить на островъ Мальту гарнизонъ изъ русскихъ войскъ, но онъ былъ крайне недоволенъ признаками явнаго сближенія между Россією и Францією. Онъ исполнѣ оправдывалъ негодованіе англійскаго правительства по поводу явнаго потворства Россіи Франціи въ стремленіи послѣдней державы заключить отдѣльный миръ съ оттоманскою имперією. Посолъ долженъ былъ оправдывать политику своего правительства, отъ имени котораго гр. Морковъ подписалъ особенное секретное соглашеніе, обезпечивавшее посредничество Россіи для заключенія такого отдѣльнаго мира, помимо Англіи, между Францією и Турцією.

Гр. Воронцовъ, братъ котораго, гр. Александръ Романовичъ, былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ въ началѣ 1802 года, считалъ себя въ правѣ не исполнить этого предписанія. Въ инструкціяхъ, полученныхъ имъ изъ С.-Петербурга, посолъ не переставалъ усматривать дѣйствіе „злого духа гр. Панина“. Когда лордъ Говесбери жаловался ему на интриги русскаго посланника при Портѣ противъ Англіи, гр. Воронцовъ объяснялъ этотъ фактъ только двуличною политикою гр. Панина, вышедшаго уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ отставку. Онъ настолько былъ возмущенъ тѣмъ фактомъ, что русскіе дипломаты въ Константинополѣ сдѣлались „агентами Наполеона“ и систематически противодействуютъ Англіи, что поставилъ графу Кочубею категорическій вопросъ: „возможно ли еще человѣку, проникнутому сознаніемъ достоинства своего отечества, служить ему безъ позора?“

Однако наступили обстоятельства, заставившія и гр. Воронцова возгорѣться гнѣвомъ противъ англійскаго правительства. Такимъ обстоятельствомъ явился, прежде всего, амьенскій мирный трактатъ, подписанный въ мартѣ 1802 года. Императоръ Александръ I выразилъ свою радость по поводу окончанія войны между Англією и Францією. Но гр. С. Р. Воронцовъ былъ очень недоволенъ мирнымъ трактатомъ, подписаннымъ въ Амьенѣ.

Во-первыхъ, его возмутила уступчивость англійскихъ министровъ въ отношеніи Наполеона, и онъ откровенно сказалъ про нихъ, что „нѣтъ подлости, коей они бы не сдѣлали для угожденія Франціи“. Во-вторыхъ, его сильно огорчило, что Англія совершенно забыла Россію, заключая этотъ трактатъ съ Франціею. Прежде того англійское правительство отправляло одного курьера за другимъ въ С.-Петербургъ, съ просьбою вмѣшаться въ дѣло объ островѣ Мальтѣ и взять его подъ свое покровительство, но съ той минуты, какъ получено было согласіе на протекторатъ со стороны Россіи, англійскіе министры перестали сообщать послу что-либо о ходѣ переговоровъ относительно Мальты. Вдругъ сообщается уже подписанный трактатъ, въ которомъ Россію совершенно забыли! Правда, въ ст. X-ой трактата приводится также Россія, какъ одна изъ шести державъ, дающихъ гарантію на возвращеніе острова мальтійскому ордену. Но если шесть державъ поручаются за что-нибудь, то, по мнѣнію посла, никто не поручается. Россію же нельзя было ставить совершенно на одинаковую съ Австріею и Испаніею доску, какъ державу-поручительницу.

Гр. Воронцовъ настолько былъ огорченъ такимъ поведеніемъ англійскаго правительства, что поставилъ себѣ вопросъ: стоитъ ли ему, столь искренно желающему союза и дружбы Россіи съ Англіею, еще оставаться на своемъ посту? „Ваше превосходительство,—писалъ графъ Воронцовъ графу Моркову въ Парижъ 17-го (29-го) марта 1802 года,—поймете, насколько я долженъ быть счастливъ покинуть ту страну, гдѣ я не въ состояніи предупредить неминуемое и близкое зло“. И дѣйствительно, весною 1802 г., гр. Воронцовъ взялъ продолжительный отпускъ и возвратился въ Россію; баронъ Николай, бывшій въ то время первымъ секретаремъ посольства, былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Любопытно, что англійское правительство, съ согласія Наполеона, обратилось къ императору Александру I съ настоятельною просьбою взять на себя гарантію въ исполненіи ст. X амьенскаго трактата относительно острова Мальты. Эта просьба не была уважена. Лорду Сентъ-Эленсу было объявлено, что онъ самъ лучше всѣхъ долженъ помнить, съ какою готовностью государь согласился-было принять на себя протекторатъ надъ островомъ при извѣстныхъ условіяхъ. Оказывается, „что Англія, заключая мирный трактатъ, совершенно забыла объ этомъ протекторатѣ и равнымъ образомъ объ условіяхъ, поставленныхъ императорскимъ правительствомъ. При такихъ обстоятельствахъ Россія находитъ невозможнымъ дать свою гарантію на статью X-ую амьенскаго трактата.

По мнѣнію государя, Англія отдѣлила амьенскимъ трактатомъ свои интересы отъ интересовъ всего европейскаго континента. Такъ, она совершенно равнодушно относится къ насиліямъ, совершаемымъ Наполеономъ надъ Швейцаріею — этою „интересною страню“. Она забываетъ, что „каждый свободный народъ имѣетъ право на образъ правленія, наиболѣе соотвѣтствующій его положенію, почвѣ и правамъ населенія“.

Весьма скоро англійское правительство вынуждено было убѣдиться въ основательности дѣлаемыхъ ему с.-петербургскимъ кабинетомъ упрековъ. Амьенскій трактатъ оказался скороспѣлымъ произведеніемъ дипломатіи, которое не имѣло никакой жизнеспособности. Этотъ международный актъ нисколько не разрѣшилъ спорныхъ пунктовъ, раздѣлявшихъ Англію и Францію, и не создалъ нейтральной почвы для компромисса непримиримыхъ интересовъ обѣихъ державъ. Поэтому уже весьма скоро послѣ подписанія амьенскаго трактата начались между лондонскимъ и парижскимъ правительствами серьезныя недоразумѣнія относительно образа исполненія его постановленій. Камнемъ преткновенія для мирнаго сожитія обѣихъ державъ остался островъ Мальта, который не былъ очищенъ отъ англійскихъ войскъ на томъ основаніи, что Наполеонъ нисколько не отказался отъ своихъ властолюбивыхъ замысловъ насчетъ Египта, оттоманской имперіи и, въ особенности, Италіи. Чѣмъ болѣе приближался новый разрывъ съ Франціею, тѣмъ болѣе Англія стала цѣнить дружбу и союзъ Россіи.

Вотъ почему новому англійскому послу, адмиралу Варрену, замѣнявшему лорда Сентъ-Эленса, было поручено всѣми силами поддерживать доброе расположеніе Россіи къ видамъ англійской политики. Въ концѣ 1802 года англійскій посолъ, вмѣстѣ съ англійскимъ посланникомъ, возобновили предложеніе о гарантіи со стороны Россіи вѣчнаго нейтралитета и неприкосновенности острова Мальты. Императоръ имѣлъ законное основаніе отклонить такое предложеніе, но, изъ желанія предупредить новую войну между Англіею и Франціею, онъ все-таки согласился дать свою гарантію, если только статья X-я амьенскаго трактата будетъ измѣнена. Чувство собственнаго достоинства не позволяло государю просто приступить къ этой статьѣ, и онъ предложилъ обѣимъ державамъ составить особенный дополнительный актъ въ отпѣну статьи X, и къ этому акту Россія приступить. Этотъ проектъ не получилъ осуществленія, благодаря случившемуся въ началѣ 1803 года разрыву между Англіею и Франціею.

Въ то же самое время с.-джемскій кабинетъ предложилъ

императорскому правительству заключить съ нимъ оборонительный союзный трактатъ и гарантировать обоюдныя свои владѣнія противъ Франціи. Это предложеніе было отклонено, потому что, по словамъ государственнаго канцлера, гр. А. С. Воронцова, „интересы Россіи и Англіи столько имѣютъ между собою общаго, что и безъ постановленія на бумагѣ они другъ другу союзниками считать себя могутъ“. Всякая опасность соединить обѣ державы тѣснѣйшимъ союзомъ. Но пока нѣтъ основаній для заключенія такого союза. Русско-англійскій союзъ только вызоветъ контръ-союзы, „такъ какъ на караулъ однихъ противъ другихъ поставитъ“.

Впрочемъ, не заключая союза, государь, однако, твердо намѣренъ держаться другого своего рѣшенія. „Мы не чужды, — сказано въ высочайшемъ рескриптѣ къ гр. С. Р. Воронцову отъ 15-го ноября 1802 года, „къ принятію мѣръ охраненія Европы отъ новаго какого-либо перековерканія (sic!)“, и Франція найдеть отпоръ своему властолюбію. Но Россія желаетъ, прежде всего, сохраненія европейскаго мира: она не боится и не желаетъ войны, ибо, будучи поставлена „въ одномъ изъ концовъ нашего политическаго міра“, ей нечего опасаться какого-либо нападенія, которое, во всякомъ случаѣ, могло бы совершиться только съ одной стороны. Поэтому „наиболѣе мудрая система требуетъ отъ Россіи оставаться спокойною и заниматься своимъ внутреннимъ благосостояніемъ“.

Къ сожалѣнію, неограниченное властолюбіе перваго французскаго консула не только вызываетъ сильнѣйшія опасенія насчетъ сохраненія мира для западной Европы, но есть основаніе думать, что Наполеонъ имѣетъ также планы насчетъ оттоманской имперіи, къ раздѣленію которой онъ стремится. Но этого Россія допустить не можетъ. Поэтому всѣ старанія русской дипломатіи должны быть направлены къ достиженію ближайшей цѣли: къ сохраненію европейскаго мира.

Но эти старанія оказались тщетными. Послѣ знаменитой сцены, устроенной Наполеономъ англійскому послу Витворту въ салонѣ г-жи Бонапартъ, когда онъ закричалъ послу: „Мальта или война, и горе тѣмъ, которые нарушаютъ трактаты!“ — не осталось никакого сомнѣнія насчетъ неминувости разрыва между Англіею и Франціею¹⁾. Въ началѣ мая англійскій посолъ выѣхалъ изъ Парижа, и разрывъ былъ совершившимся фактомъ.

¹⁾ См. отчетъ гр. Моркова объ этой сценѣ въ „Сборникѣ Русскаго Истор. Общества“, т. LXXVII, стр. 63 и слѣд.

Императоръ Александръ I очень сожалѣлъ объ этомъ разрывѣ и даже послѣ прекращенія непосредственныхъ дипломатическихъ сношеній между Англіею и Франціею старался всѣми средствами предупредить открытую войну. Онъ отклонилъ предложеніе Наполеона взять на себя роль арбитра, потому что не желалъ своимъ третейскимъ рѣшеніемъ задѣть достоинство той или другой спорящей стороны. Но онъ согласился взять островъ Мальту „en dépit“ и поставить туда русскій гарнизонъ, который останется тамъ не больше десяти лѣтъ или до тѣхъ поръ, пока обѣ великія державы не согласятся между собою насчетъ окончательной судьбы этого острова.

Однако, вполнѣ сознавая ненасытное властолюбіе Наполеона и вытекающую отсюда опасность для всѣхъ европейскихъ государствъ, императорское правительство въ то же самое время не закрывало своихъ глазъ предъ ошибками с.-джемскаго кабинета. Оно находило, что „юридически“ Англія поступила неправильнымъ образомъ: она обязалась въ трехмѣсячный срокъ очистить островъ Мальту и этого не сдѣлала. Но „чѣмъ болѣе,—писалъ государственный канцлеръ своему брату въ Лондонъ 12-го марта 1803 года,—вступать въ ближайшее разсмотрѣніе подвиговъ настоящаго нынѣ въ Англіи министерства, тѣмъ болѣе найдется несообразности и, какъ бы сказать, сколько они (англійскіе министры) мечутся безъ мѣры, не наблюдая никакъ, чтобы отъѣзды ихъ и мѣры шли шагъ за шагомъ и одинъ другимъ были бы соотвѣтственны. Сами все упустили въ прелиминарахъ, и наконецъ въ самомъ міенскомъ трактатѣ“. Послу поручается, „при объясненіяхъ съ лордомъ Гоксбери, употребить всѣ старанія, чтобъ удостовѣрить правительство англійское, что мы не откажемся отъ общихъ мѣръ съ Англіею, когда прямо убѣждены будемъ, что моментъ опасности для спокойствія Европы приближается“. „Вы сами легко разсудить можете,—продолжаетъ государственный канцлеръ,—что Россія спокойною зрительницею не будетъ по собственнымъ и кореннымъ своимъ интересамъ, когда предпринято бѣ было разрушеніе Порты оттоманской, или бы другое какое значащее перековеркиваніе (sic!) настоящаго состоянія другихъ державъ Европы“.

Когда война возникла, императоръ Александръ I все еще не отказывался отъ мысли посредничествомъ возстановить миръ ми, по меньшей мѣрѣ, поставить войну въ наиболѣе тѣсныя рамки. Графу Моркову было поручено объявить Наполеону, что государь надѣется, что онъ въ продолженіе вновь возникшей войны будетъ соблюдать нейтралитетъ королевства сицилій-

скаго, ганноверскаго курфиршества и ганзейскихъ городовъ. Въ особенности боялся англійскій король за свои ганноверскіе владѣнія.

„Ганноверскій министръ, Мюнстеръ,—писалъ послу въ Лондонъ государственный канцлеръ 6-го іюня 1803 года, — то и дѣло, что душисть насъ нотами о помощи имъ. Аглинскій посолъ домогательства ганноверскаго министра подкрѣпляетъ письмами ко мнѣ, все это не безъ скуки. Но что можно сдѣлать, когда сами, имѣя армію близъ 30.000, ни мало о защитѣ своей не помышляютъ“. Но когда ганноверская армія немедленно сдалась французамъ, государь выразилъ свое сожалѣніе англійскому королю, ибо „сей добродѣтельный государь заслуживалъ бы изъземлемъ быть отъ печалей столь для него чувствительныхъ“.

Только государственный канцлеръ гр. А. С. Воронцовъ былъ возмущенъ, въ виду такой неспособности самихъ ганноверцевъ защищать себя, постоянными просьбами ганноверскаго и англійскаго министровъ о помощи со стороны Россіи. Вѣдь „не намъ однимъ въ огонь винуться и освободить Ганноверъ,—писалъ онъ своему брату 16-го (28-го) іюня. Впрочемъ, онъ извиняетъ, въ извѣстной степени, „докуки“ со стороны адмирала Варрена.

„Сей посолъ,—пишетъ государственный канцлеръ,—человѣкъ самый праводушный и усердный въ службѣ своего отечества, и со всѣхъ сторонъ мы имѣемъ причину быть имъ довольны, но въ сихъ напрасныхъ настояніяхъ и подвигахъ, онъ, я думаю, вовлеченъ ганноверскимъ министромъ, Мюнстеромъ, который, можно сказать, надобѣлъ своими докуками, думаетъ, что мы за ихъ курфиршество должны крузады дѣлать, когда сами ни малѣйшаго не сдѣлали виду для своего охраненія“.

Любопытно, что гр. А. С. Воронцовъ, признавая „юридически“ Англію виновною предъ Франціею, въ то же время старался извинять ея политику въ отношеніи острова Мальты. По его словамъ, „Англія, уклоняясь доселѣ отъ опорожненія Мальты, не могла, конечно, имѣть въ предметѣ приобрѣтеніе въ собственность острова сего, не представляющаго никакихъ казнь ея прибытковъ“. Англія только желала имѣть на Средиземномъ морѣ портъ, „изъ коего бы надзирать могла за предпріятіями перваго консула на Египетъ или европейскія области оттоманской имперіи“... „Если,—прибавляетъ онъ,—таково было размышленіе министерства аглинскаго, то согласіе государя императора охранить Мальту російскимъ гарнизономъ отъемлетъ всякое по предмету сему опасеніе, ибо увѣриться можно, что доколѣ островъ

сей будетъ въ рукахъ Россіи, не попуститъ государь императоръ, чтобы нейтралитетъ онаго кѣмъ либо нарушенъ былъ" ¹⁾).

Спрашивается: какъ же относился гр. С. Р. Воронцовъ къ новѣйшему фазису русско-англійскихъ отношеній? Одобрялъ ли онъ образъ дѣйствій Англіи въ вопросѣ объ отказѣ очистить островъ Мальту?

Посоль совсѣмъ не одобрялъ образа дѣйствій англійскаго правительства, будучи вообще весьма нелестнаго мнѣнія насчетъ тогдашнихъ англійскихъ министровъ. Лорды Аддингтонъ и Говсбери, по его словамъ, только потому сдѣлались министрами, что король ненавидѣлъ величайшаго англійскаго государственнаго челоуѣка, Питта, къ которому гр. Воронцовъ питалъ глубочайшее почтеніе. Вотъ какимъ образомъ гр. Воронцовъ рассказываетъ исторію заключенія амьенскаго мирнаго трактата. Когда лордъ Аддингтонъ сдѣлался первымъ министромъ, онъ немедленно *utbi et ubi* объявилъ, что заключить миръ съ Франціею. Наполеонъ, узнавъ объ этихъ заявленіяхъ, немедленно сдѣлался еще болѣе дерзкимъ въ своихъ претензіяхъ. Онъ согласился на очищеніе Египта отъ французскихъ войскъ, когда Египетъ былъ уже для него потерянъ. Между тѣмъ за всѣ возвращаемыя Франціи владѣнія Англія только потребовала очищенія Египта.

Тогда самъ гр. Семенъ Романовичъ вмѣшался въ дѣло. Онъ сталъ доказывать англійскимъ министрамъ, къ способностямъ которыхъ онъ постоянно относится съ большимъ презрѣніемъ, что они не должны дѣлать французамъ еще большихъ уступокъ. Въ особенности обратилъ онъ ихъ вниманіе на опасное положеніе, въ которомъ будетъ находиться англійскій флотъ въ Средиземномъ морѣ послѣ уступки англичанами острова Минорки, который они должны бы были оставить за собою изъ-за превосходнаго порта Магонъ. Но если они непремѣнно желаютъ отказаться отъ Минорки, они абсолютно обязаны „оставить за собою право удержатъ портъ и крѣпость Мальты, заявляя, что они сохраняютъ ихъ за собою, какъ военный портъ, для безопасности и независимости Средиземнаго моря и Леванта противъ будущихъ и возможныхъ посягательствъ со стороны Франціи“.

На это графу Воронцову англійскіе министры постоянно отпечали, что нѣтъ надобности удерживать островъ Минорку, потому что во всякое время опять можно его занять. „Что же касается до Мальты, то, по мнѣнію англійскихъ министровъ, совершенно излишне было бы оставлять ее за собою, и что приняты

¹⁾ См. также „Сборникъ Русскаго Историч. Общ.“ LXXVII, стр. 89, 112 и слѣд.

будутъ такія мѣры, что Франція никогда не въ состояніи будетъ ее захватить"... „Пустота этихъ отвѣтовъ,—замѣчаетъ посолъ,—не стоитъ того, чтобъ на нихъ останавливаться".

Весьма скоро, однако, англійскіе министры должны были убѣдиться, что русскій посолъ лучше понимаетъ интересы Англіи и ея флота на Средиземномъ морѣ, нежели они сами. Въ обѣихъ палатахъ англійскаго парламента поднялась сильнѣйшая оппозиція противъ очищенія острова Мальты; замѣчательнѣйшіе ораторы потребовали выразить министерству недовѣріе за снятіе англійскихъ войскъ съ острова. Тогда,—разсказываетъ дальше гр. Воронцовъ,—англійское правительство „заставило вице-адмирала лорда Нельсона положительнымъ образомъ объявить въ палатѣ лордовъ, что владѣніе островомъ Мальтою ненужно. Лордъ Нельсонъ, настолько же великій морякъ, насколько плохой политикъ,—имѣлъ слабость взять на себя такое удостовѣреніе". Вотъ при какихъ обстоятельствахъ англійское правительство согласилось на невыгодный для Англіи амьенскій трактатъ, который оно намѣрено было исполнять добросовѣстнымъ образомъ. Но самъ Наполеонъ принудилъ англійское правительство проникнуться сознаниемъ своей слабости и своихъ ошибокъ. Когда Наполеонъ сталъ своевольнымъ образомъ распоряжаться въ Швейцаріи, англійское правительство вынуждено было общественнымъ мнѣніемъ протестовать противъ такого вмѣшательства въ дѣла Швейцаріи. Этотъ протестъ вызвалъ дерзкій отвѣтъ со стороны Наполеона; отношенія все болѣе и болѣе обострились и разрывъ былъ неизбеженъ.

„Вотъ съ этого времени,—разсказываетъ гр. Воронцовъ,—здѣсь начали задумываться насчетъ важности Мальты, но не было духа объявить Франціи, что не очистить острова". Только когда узнали о донесеніяхъ Себастіани изъ Константинополя, вполнѣ подтверждавшихъ прежніе замыслы Наполеона насчетъ Египта, колебанія англійскаго правительства исчезли: оно рѣшилось не оставлять Мальту. Тогда Наполеонъ оскорбительнымъ образомъ закричалъ на англійскаго посла и сказалъ ему: „Я предпочитаю видѣть Faubourg de St. Antoine во власти англичанъ, нежели этотъ островъ! Я этого не допущу! Я готовъ поставить все на карту!"

Гр. Воронцовъ выражаетъ свое удивленіе по поводу молчанія, которое англійскіе министры стараются хранить насчетъ острова Мальты. Когда 8-го марта лордъ Говесбери сообщилъ послу о рѣшеніи короля представить парламенту посланіе о разрывѣ съ Франціею, англійскій министръ уклонился отвѣтить на вопросъ посла: что же будетъ съ островомъ Мальтою? „Я напелъ лорда

Гоксбери, — рассказывает гр. Воронцовъ въ донесеніи, отъ 11-го (23-го) марта 1803 г., — опять въ большемъ затрудненіи, и изъ тѣхъ немногихъ и неясныхъ фразъ, которыя онъ мнѣ сказалъ, я могъ замѣтить, что они желаютъ удержать за собою Мальту, но не знаютъ, какимъ образомъ это можно устроить. Тогда я принялъ на себя подать ему мысль, заключающуюся въ слѣдующемъ: какъ только они замѣтятъ со стороны перваго консула нѣкую уступчивость насчетъ неочищенія англичанами этого острова, слѣдуетъ ему предложить принять за образецъ трактатъ о барьерахъ въ Нидерландахъ, которые, принадлежа австрійскому дому, все-таки имѣли въ пограничныхъ городахъ со стороны Франціи голландскія войска“.

„Такимъ же образомъ островъ Мальта и его обыватели могутъ принадлежать королю сицилійскому, какъ законному государю, но англичане будутъ занимать главный городъ, крѣпость Лавалетту и портъ мальтійскій“. Лорду Гоксбери, кажется, очень понравилась эта остроумная комбинація русскаго посла, но онъ отказался высказаться окончательно.

Когда же разрывъ совершился и французскій посолъ 4-го мая выѣхалъ изъ Англіи, англійскіе министры немедленно перемѣнили свой тонъ и находили всевозможные аргументы въ пользу неотложной необходимости оставить за собою островъ Мальту. Они вѣжливымъ, но рѣшительнымъ образомъ отклонили русское предложеніе о занятіи острова русскими войсками. Несмотря на то, что у лорда Гоксбери, по словамъ гр. Воронцова, нѣтъ ни таланта, ни точности въ выраженіяхъ, ни ясности ума, онъ все-таки весьма толково объяснилъ послу, что благо Италіи, независимость Средиземнаго моря и Леванта требуютъ отъ Англіи удержать Мальту въ своей власти не только во время войны, но и послѣ войны.

„Вѣдь Мальта, — доказывалъ послу лордъ Гоксбери, — не находится на французской территоріи, какъ Гибралтаръ на испанской, стало быть самолюбіе и даже тщеславіе, свойственныя французамъ, не оскорбляются. Почему же Франція не желаетъ, чтобъ Англія владѣла островомъ, и почему послѣдняя настойчиво желаетъ его удержать за собою? Потому что еслибъ нынѣшнее или будущія французскія правительства когда-либо снова вздумали осуществлять свои стяжательные замыслы насчетъ Египта и Сиріи и оттуда приготавливать дѣйствительныя средства для нападенія на англійскія владѣнія въ Индіи, то нужно имъ будетъ проходить мимо Мальты, откуда англійская эскадра легко можетъ разбить такія предпріятія. Этотъ островъ, во власти англичанъ, защититъ

Египетъ, Сирію, Морею, Архипелагъ, южную Италію и все Средиземное море отъ французскихъ замысловъ".

Если сопоставить образъ дѣйствій англійскаго правительства насчетъ острова Мальты съ заявленіями гр. Воронцова въ отношеніи способностей и ума тогдашнихъ министровъ, то трудно согласиться со взглядомъ посла. Англійское правительство могло быть только благодарно императорскому послу за настойчивость его добраго совѣта не очищать Мальты отъ англійскихъ войскъ. Но до поры до времени простое благоразуміе требовало не открывать своихъ картъ и не признаваться въ своихъ секретныхъ намѣреніяхъ. Когда же война возникла, прошла надобность долѣе скрывать свои намѣренія. Съ этого момента откровенность англійскихъ министровъ полная, и только-что приведенное заявленіе лорда Гоксбери дѣлаетъ большую честь дальновзоркости англійскаго государственнаго мужа начала нынѣшняго столѣтія.

Рѣшеніе англійскаго правительства оставить за собою островъ Мальту заслужило одобреніе со стороны императора Александра I, именемъ котораго государственный канцлеръ писалъ своему брату-послу слѣдующее: „въ жребіи острова сего имперія его (государя) не имѣетъ большаго интереса, паче же по доброжелательству своему къ королю великобританскому, интересы коего, кромѣ склонности своей, предпочтеть всегда его величество въ разсужденіи взаимной связи между Россією и Англією натурою учрежденной“.

Однако государь отказался довести такое рѣшеніе англійскаго правительства до свѣденія Наполеона, потому что онъ принялъ на себя посредничество между Англією и Францією. Дѣйствительно, не взирая на начатыя военныя дѣйствія и на явный планъ Наполеона совершить высадку своихъ войскъ на англійской территоріи, императоръ Александръ I принялъ на себя посредничество, по предложенію Наполеона. Графу Семену Романовичу былъ сообщенъ проектъ прелиминарныхъ статей мира, который онъ долженъ былъ предложить с.-джемскому кабинету.

Этотъ проектъ произвелъ на англійское правительство самое тяжелое впечатлѣніе: оно усматривало въ немъ доказательство полной перемѣны прежнихъ чувствъ доброжелательства въ отношеніи Англіи и короля. Письменный отвѣтъ англійскаго правительства на сдѣланное ему предложеніе былъ, по словамъ гр. Воронцова, настолько „неприличенъ“ и полонъ недовѣрія къ Россіи, что онъ отказался его принять для передачи въ С.-Петербургъ.

Императоръ Александръ Павловичъ очень сожалѣлъ о неудачномъ исходѣ своего посредничества: теперь ему осталось только

желать, чтобъ война поскорѣ кончилась. „Несмотря на могущественность Россіи,—писалъ государственный канцлеръ 26-го октября (7-го ноября),—самое положеніе ея, будучи такъ связано въ углу, дѣлаетъ невозможнымъ намъ однимъ что-либо предпринять“. Только напрасно въ Лондонѣ думаютъ, что „доброжелательство здѣшняго двора къ Англіи ослабѣло“. Напротивъ, опасность, угрожающая всей Европѣ отъ Франціи, еще болѣе укрѣпляетъ дружбу Россіи къ Англіи.

Война между Англіею и Франціею велась, съ самаго начала, съ большимъ ожесточеніемъ. Наполеонъ приказалъ, немедленно послѣ объявленія войны, арестовать всѣхъ англичанъ и англичанокъ, застигнутыхъ на французской территоріи. Гр. Воронцовъ приводитъ въ видѣ примѣра леди Эльджинъ, которая была арестована, по распоряженію парижской полиціи, и которой не удалось возвратиться въ Англію къ больному мужу и дѣтямъ. Другого англичанина, прибывшаго во Францію, чтобъ ходить за братомъ, сошедшимъ съ ума, арестовали въ Парижѣ и не позволили ему ни поѣхать къ больному брату, жившему въ одномъ изъ французскихъ департаментовъ, ни возвратиться въ Англію.

Съ другой стороны, Англія не считала нужнымъ церемониться на моряхъ ни съ судами подъ непріятельскимъ флагомъ, ни съ нейтральными судами. Императоръ Александръ I, пожертвовавшій, съ легкимъ сердцемъ, началами вооруженнаго нейтралитета въ морской конвенціи 1801 года, горькимъ опытомъ долженъ былъ убѣдиться въ непредѣльности насилій англійскихъ корсаровъ и военныхъ судовъ надъ собственностью и флагомъ нейтральныхъ и даже дружескихъ народовъ. Императорское правительство, съ самаго начала военныхъ дѣйствій, должно было энергическимъ образомъ протестовать противъ этихъ насилій, жертвами которыхъ также дѣлались русскія суда. Такъ, въ Средиземномъ морѣ русскій корабль былъ задержанъ англійскимъ корсаромъ на томъ основаніи, что матросы были въ греческомъ костюмѣ. Англійскій капитанъ оправдывалъ свой образъ дѣйствій ссылкой на конвенцію 1801 года.

Императорское правительство протестовало противъ такого нарушенія нейтральнаго флага и государственный канцлеръ доказывалъ, что въ конвенціи 1801 года ничего не говорится о костюмѣ матросовъ. Послу въ Лондонѣ было поручено объявить англійскому правительству, что Россія не намѣрена допускать такого рода насилій англійскихъ корсаровъ.

Съ цѣлью положить предѣлъ безчинствамъ англійскихъ корсаровъ, императорское правительство поручило гр. С. Р. Ворон-

цову объявить с.-джемскому кабинету, что Черное море должно считаться закрытымъ моремъ и потому недоступнымъ для англійскихъ военныхъ судовъ и корсаровъ. Каждый англійскій каперъ, застигнутый въ предѣлахъ этого моря, будетъ считаться морскимъ разбойникомъ. Такое начало русское правительство основывало на томъ фактѣ, что берега Чернаго моря принадлежать Россіи и Турціи, которыя не участвуютъ въ войнѣ.

Неизвѣстно, какъ отнеслось англійское правительство къ такому требованію Россіи. Но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что оно категорически отклонило уважить другое требованіе, заключавшееся въ снятіи Англіею блокады устьевъ Эльбы, въ виду важности торговыхъ оборотовъ Россіи съ Гамбургомъ. Англія, сказалъ лордъ Говсбери русскому послу, должна пользоваться всѣми средствами для борьбы противъ Наполеона. „Грѣшно предъ Богомъ,—сказалъ благородный лордъ,—стыдно было бы предъ людьми и потомствомъ, ежели Англія, держа отъ Провидѣнія довольныя силы и чтобъ въ отраженіи предначертаній Франціи для всесвѣтнаго обладанія, не употребляла оныхъ къ низверженію сего колосса, готоваго рушить подъ собою страждущую и угнетенную Европу!“

Императорское правительство совершенно было согласно съ Англіею насчетъ настоятельной необходимости принять мѣры противъ нескончаемыхъ захватовъ со стороны Наполеона. Въ особенности съ февраля 1804 года, когда князь Адамъ Чарторыйскій сталъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, сознаніе этой необходимости выражается весьма рельефнымъ образомъ. Убіиство герцога д'Ангіенскаго настолько возмутило императора Александра I, что онъ повелѣлъ наложить при дворѣ трауръ по этому несчастному принцу. Кромѣ того, графу Моркову было поручено заявить Наполеону о чувствѣ негодованія, которое казнь герцога д'Ангіенскаго вызвала въ государѣ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ уже съ начала 1804 года начались серьезные переговоры между Россіею и Англіею относительно общихъ военныхъ дѣйствій противъ Франціи.

Однако, чѣмъ болѣе русское правительство проникалось сознаніемъ общности интересовъ между Россіею и Англіею противъ Франціи, тѣмъ менѣе оно могло понять образъ дѣйствій англійскихъ агентовъ въ Константинополѣ и въ другихъ частяхъ оттоманской имперіи. Въ интересахъ англійской и русской политики было предупредить вліяніе Франціи на турецкое правительство и парализовать всякое новое посягательство Наполеона на турецкія владѣнія. Между тѣмъ англійскіе агенты въ Турціи

систематическимъ образомъ противоѣдѣствовали всѣмъ видамъ русской политики.

Англійскій посланникъ при Портѣ предложилъ султану разрѣшить англійскимъ войскамъ занять Александрію и Египетъ— для охраненія этой страны противъ Наполеона. Кромѣ того, англійскіе консулы и агенты въ Греціи систематически противоѣдѣствовали русскимъ агентамъ, всѣ старанія которыхъ были направлены къ тому, чтобъ предупредить вспышки и возстанія со стороны греческаго населенія, воздѣйствуя на турецкія власти въ смыслѣ улучшенія его судьбы. Между тѣмъ англійскіе агенты постоянно становились на сторону турецкихъ властей противъ законнѣйшихъ интересовъ христіанскаго населенія.

Особенно ретивыми органами англійскаго правительства оказались: англійскій генеральный консулъ въ Морей—Моріеръ и англійскій агентъ Форести. Они явнымъ образомъ потворствовали турецкимъ властямъ во всѣхъ притѣсненіяхъ христіанъ.

По мнѣнію русскаго правительства, эти агенты навѣрно дѣйствовали въ нарушеніе данныхъ имъ с.-джемскимъ кабинетомъ инструкцій, потому что послѣдній не можетъ желать, чтобъ его агенты „подъ рукою старались бы вредить Россіи“. Лондонскій дворъ не можетъ забывать, что Россія обязана постоянно соблюдать свое положеніе въ отношенія грековъ и вообще всѣхъ православныхъ подданныхъ турецкаго пади-шаха. „Его императорское величество,—сказано въ депешѣ кн. Чарторыжскаго къ гр. Воронцову, отъ 26-го февраля 1804 г.,—не можетъ иначе заяться спасеніемъ Турціи, какъ общаю греческимъ и славянскимъ подданнымъ Порты улучшеніе ихъ быта. Гуманность и политика предписываютъ то же самое, потому что, дѣйствуя иначе, мы потеряемъ все вліяніе на эти народы и лишимся ихъ довѣрія навсегда“...

„Если,—писалъ кн. Чарторыжскій немного позже (19-го августа) 1804 года къ гр. Воронцову,—Россія и Англія намѣрены гарантировать на будущее время существованіе оттоманской имперіи, то неотложно необходимо, чтобъ они настаивали на прекращеніи причинъ, непосредственнымъ образомъ содѣйствующихъ ея разрушенію... Въ виду этой цѣли кажется необходимымъ придумывать средства, могущія поставить въ лучшее положеніе христіанское населеніе Турціи и привязывать его къ своему государю, освободивъ его отъ неслыханныхъ жестокостей, которымъ оно подвергается со стороны пашей-бунтовщиковъ“.

По мнѣнію императорскаго правительства, было бы цѣлесооб-

разно заключить съ Турціею союзный трактатъ, въ которомъ должны быть сторонами Россія и Англія.

Гр. Семенъ Романовичъ исполнилъ данное ему приказаніе, и англійское правительство особою нотою обязалось предписать своимъ агентамъ въ Турціи, и въ особенности въ Греціи, дѣйствовать сообща съ агентами русскаго правительства. Но гр. Воронцовъ въ душѣ совсѣмъ не сочувствовалъ видамъ русской политики: онъ былъ противникъ освобожденія Греціи. По поводу прибытія въ Лондонъ грека Пангало, выпущеннаго въ Россіи изъ тюрьмы и отправленнаго русскимъ правительствомъ черезъ Лондонъ въ Грецію, посоль заявиль, что онъ обажеть этому греку возможное содѣйствіе. Пангало долженъ былъ въ Греціи противодѣйствовать французскимъ проискамъ. На эту миссію онъ получилъ отъ русскаго правительства 150 червонцевъ; англійское же правительство, по просьбѣ гр. Воронцова, выдало ему отъ себя 300 ф. стер., разрѣшило и даровой проѣздъ на англійскомъ фрегатѣ въ Грецію.

Однако гр. Семенъ Романовичъ не могъ себѣ вообразить пользу, которую Россія могла бы извлечь изъ освобожденія Греціи. Во-первыхъ, по какому праву Россія могла бы возбудить турецкихъ подданныхъ въ возстанію противъ законнаго правительства? „Вѣдь еслибъ Россія это сдѣлала, то она вступила бы на тотъ же путь, по которому идетъ корсиканскій злодѣй. Во-вторыхъ, освобожденная Греція можетъ быть только опасна для Россіи, которая уже безъ того слишкомъ велика и потому трудно управляема“. Если даже на греческій престолъ будетъ посаженъ русскій великій князь, то все-таки отъ Россіи будетъ требоваться много жертвъ. Наконецъ, Греція, какъ русская провинція, или подъ управленіемъ великаго князя, отвлечетъ изъ Россіи много обитателей, которые туда переселятся въ виду лучшаго тамъ климата.

Не совсѣмъ понятно, какими соображеніями вызваны были эти комбинаціи гр. Воронцова насчетъ освобожденной Греціи. Въ отправленныхъ къ нему инструкціяхъ ничего не говорится объ освобожденіи Греціи и объ учрежденіи тамъ престола съ русскимъ великимъ княземъ. Гр. Воронцовъ очевидно увлекался воспоминаніями о грандіозномъ планѣ императрицы Екатерины II. Вообще говоря, натура гр. Воронцова легко поддавалась увлеченіямъ. Такъ, онъ приходитъ въ восторгъ отъ жертвъ, приносимыхъ англійскимъ народомъ въ виду возможности высадки арміи Наполеона въ Англію. Онъ рассказываетъ, что въ одной Англіи около полмилліона человѣкъ добровольнымъ образомъ вступили

въ ряды милиціи, ополченія и добровольцевъ. Въ Ирландіи образовалась армія въ 82.000 человекъ, кромѣ обыкновенной арміи въ 40.000 человекъ. Англійскій флотъ увеличился до громадныхъ размѣровъ.

„Таково дѣйствіе, — заключаетъ гр. Сементъ Романовичъ, — хорошаго правленія, при которомъ законъ равенъ для всѣхъ, правосудіе неподкупно, жизнь, честь и собственность каждаго въ полной неприкосновенности. Таковъ одинъ изъ результатовъ этой особенно счастливой конституціи, которая въ полномъ своемъ совершенствѣ можетъ существовать только на большомъ островѣ и составляетъ счастье какъ государя, такъ и его подданныхъ. Это всѣ сознаютъ, и нѣтъ жертвъ, которыхъ не были бы готовы принести для ея сохраненія въ томъ видѣ, какъ она ими унаслѣдована отъ предковъ“ ¹⁾).

Насколько гр. Воронцовъ былъ вообще доволенъ англійскими государственными порядками, настолько же онъ былъ недоволенъ порядками своего отечества, съ которыми ему приходилось считаться, несмотря на свое многолѣтнее пребываніе за границею. Онъ осуждалъ эти порядки, съ рѣдкимъ мужествомъ, въ письмахъ на имя самого государя и еще менѣе церемонился высказывать правду русскимъ государственнымъ дѣятелямъ.

Въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ исключительнаго вниманія полемика гр. С. Р. Воронцова противъ гр. Румянцева, бывшаго въ 1804 году министромъ коммерціи. Гр. Румянцевъ осмѣлился обратиться къ послу непосредственно съ письмомъ, въ которомъ рекомендуетъ ему купца Попова, отправляющагося по дѣламъ торговымъ въ Лондонъ. Гр. Воронцовъ былъ, прежде всего, возмущенъ такимъ непосредственнымъ къ нему обращеніемъ министра коммерціи, и въ донесеніи на имя министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 15 (27) іюля 1804 года, онъ протестуетъ, въ весьма сильныхъ выраженіяхъ, противъ такихъ безпорядковъ. „Совершенно противно, — пишетъ посолъ, — обычаямъ всѣхъ странъ свѣта, чтобъ начальники однихъ департаментовъ вторгались въ сферу компетенціи другихъ и позволяли себѣ официальнымъ образомъ писать служащимъ, которые не имѣютъ и не должны имѣть никакой отъ нихъ зависимости. По какому же праву гр. Румянцевъ позволяетъ себѣ официальнымъ образомъ писать мнѣ, какъ будто я его долженъ слушаться? Если, — продолжаетъ посолъ, — всѣ 7 или 8 начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, помимо начальника вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, будутъ относиться къ по-

¹⁾ (Донесеніе гр. Воронцова отъ 8 (20) декабря 1804 года).

сламъ и посланникамъ, каково же будетъ наше положеніе? То, что этотъ (sic!) графъ Румянцевъ дѣлаетъ, никто никогда не пытался дѣлать, и никогда ни гр. Бестужевъ, ни гр. Мих. Воронцовъ, ни гр. Никита Панинъ, ни гр. Остерманъ, ни кн. Безбородко, ни ихъ преемники этого не потерпѣли бы, и ни одинъ изъ моихъ товарищей по службѣ не исполнили бы приказаній, полученныхъ въ официальныхъ письмахъ отъ министровъ, не имѣющихъ никакого права обращаться къ нимъ безъ вѣдома ихъ начальниковъ по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ“.

Гр. Воронцовъ уже разъ предупредилъ, чрезъ своего брата гр. Александра Романовича, гр. Румянцева, что онъ будетъ возвращать ему обратно письма его безъ отвѣтовъ.

Кромѣ того, гр. Воронцовъ возмущенъ легкомысліемъ, съ которымъ даются въ С.-Петербургѣ рекомендаціи. Такъ, гр. Румянцевъ требуетъ отъ него оказать купцу Попову покровительство въ спорѣ его съ „англійскимъ торговымъ домомъ“ Оомъ въ Лондонѣ. Между тѣмъ торговый домъ Оомъ имѣетъ въ Ревелѣ главное свое правленіе, а въ Лондонѣ только контору. Поповъ обанкрутился, и главный его кредиторъ—Оомъ. И такъ какъ по законамъ всѣхъ странъ свѣта дѣла по банкротствамъ опредѣляются законами мѣста открытія конкурса, то, по словамъ посла, ни онъ, ни русскій консулъ, ничего не могутъ сдѣлать въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ этотъ самый Поповъ, желая бѣжать отъ своихъ кредиторовъ изъ Лондона, просилъ посла назначить его секретаремъ посольства и дать ему паспортъ для выѣзда! Вообще гр. Воронцовъ, въ сильныхъ выраженіяхъ, жалуется на безчестность русскихъ купцовъ, которые безсовѣстнымъ образомъ надуваютъ англичанъ. Такъ, недавно прибылъ въ Лондонъ нѣкій Юдинъ, который надулъ торговый домъ Оома. Прибывъ съ рекомендаціею, высочайше подписанною, Юдинъ потребовалъ отъ посла, чтобы онъ написалъ англійскому банку объ учетѣ всѣхъ его векселей.

Свое любопытное донесеніе гр. Воронцовъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „Я отказался желать, чтобы министръ торговли зналъ бы сочиненіе Адама Смита, потому что увидѣлъ бесполезность такого требованія. Однако, по меньшей мѣрѣ можно надѣяться, что люди, стоящіе во главѣ управленія столь обширной торговли, какъ русской, немного знаютъ основныя понятія этой столь важной отрасли администраціи. И такъ какъ не желаютъ читать труда англичанина, наиболѣе классическаго въ этой области и котораго содержаніе настолько же ясно, точно, основательно и наполнено неопровержимыми аксіомами относительно

торговли, какъ Эвклидъ въ области геометріи, то пусть по меньшей мѣрѣ прочтутъ „Основы коммерціи“, изданныя Форбоннэ, 60 лѣтъ тому назадъ“.

Весьма вѣроятно, что донесенія, подобно только-что приведенному, не особенно понравились новому начальнику графа Семена Романовича, князю Чарторыжскому, который пришелъ къ убѣжденію, что гр. Воронцовъ не въ состояніи будетъ заключить требуемаго обстоятельствами союзнаго съ Англіею трактата. Эти переговоры никакъ не двигались впередъ и не приближали къ цѣли. Казалось, что и англійское правительство также было недовольно своимъ представителемъ при с.-петербургскомъ дворѣ, адмираломъ Варреномъ. На его мѣсто былъ назначенъ англійскимъ посломъ лордъ Левиссонъ Гоуэръ, который представилъ свои вѣрительныя грамоты въ октябрѣ 1804 года.

Императорское правительство, черезъ посредство своего посла при с.-джемскомъ дворѣ, также не могло добиться удовлетворительнаго результата. Англійское правительство не соглашалось ни насчетъ уплаты субсидій союзнымъ континентальнымъ державамъ, ни насчетъ плана общихъ дѣйствій. Оно первоначально выразило готовность платить субсидіи, если обѣ германскія державы, т.-е. Австрія и Пруссія, вступятъ въ союзъ. С.-петербургскій дворъ призналъ это условіе неисполнимымъ, какъ и другое—о восстановленіи послѣ войны прежняго положенія вещей въ полномъ объемѣ.

„Оба сія предложенія,—писалъ князь Чарторыжскій 30-го апрѣля 1804 года графу Воронцову,—учиненныя аглинскимъ посломъ, весьма затруднительно принять за основаніе для условій о субсидіяхъ: 1) потому что хотя предвидится возможность убѣдить вѣнскій дворъ къ взаимному содѣйствію съ нами, но чтобы приступить къ тому въ то же время берлинскій дворъ не прежде надѣяться должно, какъ по долговременнымъ внушеніямъ и постепенно убѣдясъ стеченіемъ обстоятельствъ. А потому, если ждать согласія Пруссіи, то ничего о субсидіяхъ заключить нельзя, и вѣнскій дворъ отказался бы, безъ субсидій, приступить къ союзу“.

Во-вторыхъ, ближайшею цѣлью войны должно быть не восстановление прежняго status quo ante bellum, но установленіе точно опредѣленныхъ предѣловъ для ненасытнаго властолюбія Франціи и Наполеона.

Въ виду малой успѣшности этихъ переговоровъ чрезъ посредство гр. Воронцова, императоръ Александръ I рѣшился отправить своего друга юности Н. Н. Новосильцова въ Лондонъ, съ чрезвычайнымъ порученіемъ. Это рѣшеніе было принято въ августѣ

1804 года, послѣ того, какъ въ С.-Петербургѣ уже знали о паденіи министерства Аддингтона и о вступленіи Питта во главѣ англійскаго правительства. Лордъ Гарроби занялъ должность статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ. Графъ Воронцовъ, возобновившій въ началѣ 1804 года свою просьбу объ отставкѣ, остался въ Лондонѣ до прибытія вновь назначеннаго русскаго посла, дѣйств. тайн. сов. Колычева. Н. Н. Новосильцову графъ Семенъ Романовичъ долженъ былъ оказывать всевозможное содѣйствіе.

Миссія Н. Н. Новосильцова замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, и потому нельзя не остановиться на ней съ большою подробностью. Прежде всего заслуживаетъ серьезнаго вниманія подробная секретная инструкція, данная Новосильцову, отъ 11-го сентября 1804 года. Государь, — сказано въ инструкціи, — питаетъ довѣріе къ своему послу въ Лондонѣ. Но онъ желаетъ имѣть при с.-джемскомъ дворѣ человѣка, пользующагося его неограниченнымъ довѣріемъ и исполнѣ знающаго его начала и взгляды на политическое положеніе Европы. Такой человѣкъ — Новосильцовъ. Цѣль его миссіи: устроить такой союзъ между Россією и Англією, который былъ бы „на самомъ дѣлѣ полезенъ и благодѣтеленъ“. Какими же средствами можетъ быть эта цѣль достигнута въ неминуемой войнѣ противъ Франціи? „Оружіе, наиболѣе могущественное, которымъ до сихъ поръ пользовались французы и которымъ они еще угрожаютъ всѣмъ государствамъ, это общее мнѣніе, ими умѣло распространяемое, что они поборники свободы и благоденствія народа. Было бы обидно для человѣчества, еслибъ такое благородное дѣло было признано цѣлью правительства, ни въ какомъ отношеніи не заслуживающаго быть его поборникомъ. Благо человѣчества, настоящая польза законныхъ властей и успѣхъ общаго дѣла, предпринимаемаго обѣими державами, требуютъ, чтобъ онѣ вырвали изъ рукъ французовъ это столь опасное оружіе и, захвативъ его, воспользовались бы имъ противъ нихъ же самихъ“.

Такова первая задача, насчетъ которой государь желалъ бы согласиться съ Англією. Онъ отказывается отъ мысли „обратить назадъ человѣчество“, — что было бы при томъ невозможно въ виду вѣяній новаго времени. Напротивъ, обѣ державы должны категорически отказаться отъ намѣренія возстановить въ странахъ, отвоеванныхъ отъ Наполеона, „старыя злоупотребленія и порядокъ вещей“, отъ которыхъ уже отвыкли народы, успѣвшіе насладиться свободою и болѣею обезпеченностью своихъ правъ. Обезпечить

за этими народами эту свободу—вотъ ближайшая задача союзныхъ правительствъ.

Разъ ставъ на такую широкую точку зрѣнія, императоръ Александръ I долженъ былъ въ примѣненіи ея къ отдѣльнымъ государствамъ придти къ весьма либеральнымъ заключеніямъ. Такъ, по его мнѣнію, *Сардинія* должна быть восстановлена въ прежнихъ своихъ границахъ, но обѣ союзныя державы имѣютъ право требовать отъ сардинскаго короля, чтобъ онъ даровалъ своему народу „либеральную и мудрую конституцію“. Этого отъ него требуетъ „его собственный интересъ“. Въ *Швейцаріи*, послѣ освобожденія изъ-подъ власти французовъ, необходимо „устроить правительственный порядокъ, основанный на особенностяхъ страны и на волѣ народонаселенія“. „Швейцарія,—писалъ государь,—должна быть достаточно сильна для того, чтобъ заставить уважать ея нейтралитетъ“.

Въ *Голландіи* также нужно принять въ соображеніе „характеръ и желанія народа“ для рѣшенія вопроса о формѣ правленія. Можетъ быть на голландскій престолъ можно посадить какого-нибудь германскаго принца.

Особенное значеніе имѣетъ сама *Франція*. Французскому народу должно быть объявлено, что война ведется не противъ него, но „исключительно противъ его правительства, столько же деспотическаго для него, сколько и для всей Европы“. Онъ самъ долженъ выбрать свое правительство.

„Считая рѣшеннымъ,—говорится въ инструкціи,—что для блага Европы и Франціи необходимо установить во Франціи монархическую форму правленія, отъ самой націи нужно ждать въ этомъ отношеніи почина. Можно стараться вселять эту мысль, но никакъ не слѣдуетъ слишкомъ рано ее обнаруживать“. Если французы желаютъ имѣть бурбонскаго государя—отъ нихъ зависитъ сдѣлать выборъ между бурбонскими принцами.

Двѣ союзныя державы не должны никому навязывать той или другой формы правленія. Онѣ только должны настаивать на общности основныхъ принциповъ государственныхъ порядковъ. „Вездѣ эти принципы должны быть основаны на священныхъ правахъ человѣчества; вездѣ тотъ же духъ мудрости и благоволенія долженъ управлять учрежденіями“. Если обѣ союзныя державы будутъ руководствоваться этими основными началами, то онѣ вызовутъ общій энтузіазмъ, и всѣ народы станутъ на ихъ сторону.

Но Россія и Англія должны поставить для своихъ общихъ дѣйствій еще болѣе возвышенную цѣль. „Не можетъ быть рѣчи объ осуществленіи идеала вѣчнаго мира. Однако, можно будетъ

въ значительной степени приблизиться къ вытекающимъ изъ него послѣдствіямъ, если въ окончательномъ мирномъ трактатѣ можно будетъ опредѣлить въ ясныхъ и точныхъ началахъ законы междуна-роднаго права. Почему нельзя было бы опредѣлить такимъ образомъ положительное международное право, обезпечить пре-имущества нейтралитета, установить обязательство никогда не начинать войны иначе, какъ по истощеніи всѣхъ средствъ, пред-ставляемыхъ посредничествомъ третьей державы и выяснивъ та-кимъ образомъ взаимныя претензіи и средства для ихъ улаженія? Вотъ на какихъ началахъ можно будетъ устроить всеобщее умиро-твореніе и создать лигу, въ основаніе которой долженъ быть положенъ, такъ сказать, новый кодексъ международного права, который, будучи одобренъ большинствомъ европейскихъ госу-дарствъ, естественнымъ образомъ сдѣлается неизмѣннымъ зако-номъ для кабинетовъ, въ особенности потому, что желающіе его нарушить рискуютъ вызвать противъ себя силы новой лиги". Къ этой лигѣ навѣрно приступить, мало-по-малу, всѣ державы, утом-ленные отъ послѣднихъ войнъ.

„Но особенною гарантіею этого новаго порядка вещей будетъ тѣсная дружба между кабинетами с.-петербургскимъ и лондон-скимъ. Эти двѣ державы, единственныя въ Европѣ, которыя на многіе годы не могутъ имѣть никакой зависти въ отношеніи другъ друга и никакихъ противоположныхъ интересовъ“.

Высказавъ эти возвышенныя мысли насчетъ упорядоченія сношеній между народами, императоръ Александръ I считалъ нужнымъ выставить также тѣ основныя начала, которыя должны быть положены въ основаніе новой перекройки главнѣйшихъ европейскихъ государствъ. При новомъ устройствѣ европейскихъ государствъ необходимо имѣть въ виду въ особенности „границы, установленныя самою природою и обозначенныя или цѣпью горъ, или морями, или, наконецъ, рынками, которые должны быть обез-печены за каждымъ для произведеній его почвы или промышлен-ности“. Необходимо также, чтобъ „каждое государство было бы составлено изъ однородныхъ народовъ, подходящихъ другъ къ другу и симпатизирующихъ правительству, ими управляющему“.

Всѣ главнѣйшія потрясенія, испытанныя Европою за послѣд-ніе вѣка, объясняются въ значительной степени постоянными нарушеніями этихъ основныхъ положеній, на которыхъ зиждется „естественное равновѣсіе“ между государствами.

Примѣняя эти положенія къ отдѣльнымъ державамъ, сентябрь-ская инструкція 1804 года приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Францію надо „окружить цѣпью“, создавъ противовѣсъ въ пользу

Австріи и Пруссіи. Относительно Германіи сомнительна возможность создать изъ нея единое государство. Потому лучше всего выдѣлить изъ Германіи Австрію и Пруссію, „силы которыхъ слишкомъ нескладны и только уничтожаютъ въ ней всякое равновѣсіе, всякій духъ товарищества и всякій патріотизмъ“. Тогда германскія государства могутъ быть соединены болѣе крѣпкою союзною связью.

Въ отношеніи оттоманской имперіи Россія и Англія должны быть между собою совершенно согласны. Обѣ державы должны желать ея сохраненія. Но если она распадется — что весьма возможно, благодаря внутреннимъ безпорядкамъ—или если она вступить въ союзъ съ Франціею, въ такомъ случаѣ обѣ союзныя державы должны будутъ согласиться между собою насчетъ судьбы различныхъ частей этого государства. Наконецъ, за всѣ понесенныя ими въ войнѣ съ Наполеономъ жертвы, Англія и Россія имѣютъ право на вознагражденіе. Остался еще незатронутымъ одинъ пунктъ—и самый щекотливый въ сношеніяхъ съ Англіею—а именно: о морскомъ правѣ.

„Между важными вопросами,—сказано въ инструкціи Новосильцову,—о которыхъ вамъ придется трактовать съ англійскимъ правительствомъ, наиболее труднымъ будетъ дать ему понятъ благопристойность и необходимость того, чтобы въ то время, когда съ согласія Англіи и Россіи возстановляются въ Европѣ порядки и справедливость, Англія также согласилась бы на нѣкоторые измѣненія своего морского кодекса. Это единственный пунктъ, въ отношеніи котораго англійскій кабинетъ не безупреченъ, и которымъ онъ вызываетъ своихъ враговъ вредить ему удобнымъ образомъ, выводя изъ терпѣнія нейтральныя державы, нарушеніемъ ихъ интересовъ. Нѣкоторая уступчивость въ этомъ отношеніи, которая не причинила бы никакого дѣйствительнаго вреда торговлѣ и морскому превосходству англичанъ, устранила бы всякое недовѣріе и боязнь со стороны нейтральныхъ государствъ и привязала бы ихъ искреннимъ образомъ къ Великобританіи“.

Наконецъ, осталось рѣшить весьма трудный личный вопросъ объ отношеніяхъ Новосильцова къ графу Семену Романовичу.

Какимъ образомъ Новосильцовъ долженъ былъ вести переговоры съ с.-джемскимъ кабинетомъ о самыхъ важныхъ политическихъ вопросахъ помимо присутствующаго гр. Воронцова?

Императоръ Александръ I высоко цѣнилъ несомнѣнныя государственныя заслуги, честность и независимость характера гр. Семе́на Романовича и, слѣдовательно, нисколько не вѣрилъ клевет-

никамъ графа, обвинявшимъ его даже въ продажности ¹⁾. Но въ то же время государь зналъ его неограниченную любовь и преданность Англіи и потому имѣлъ основаніе опасаться нѣкоторой податливости со стороны графа въ пользу взглядовъ англійскаго правительства. Вотъ почему государь, командуя Новосильцова въ Лондонъ, вмѣнялъ ему въ обязанность выказывать графу Воронцову всякое почтеніе и даже позволить ему начать переговоры съ англійскимъ кабинетомъ. Но Новосильцовъ долженъ былъ вести эти переговоры до благополучнаго ихъ конца, то-есть до заключенія союзнаго трактата.

Такова любопытнѣйшая инструкция, данная Н. Н. Новосильцову. Необходимо еще прибавить, что къ этой инструкціи были присоединены дополнителныя статьи, въ которыхъ, между прочимъ, доказывалось, что если Австрія и Пруссія будутъ исключены изъ состава Германіи, то въ составъ вновь образованнаго германскаго союза можно будетъ включить Голландію и Швейцарію. Тогда германскій союзъ значительно окрѣпнеть.

Н. Н. Новосильцовъ прибылъ въ Лондонъ 4-го (16-го) ноября 1804 года.

„Гр. Воронцовъ,—доноситъ онъ 22-го ноября (4-го декабря) государю,—сперва принялъ меня довольно холодно, но не прошло сутокъ, какъ прежнее расположеніе его ко мнѣ возвратилось, потомъ часъ отъ часу лучше и, наконецъ, онъ сдѣлался точно такимъ орудіемъ, каковымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ его имѣть нужно. Все будетъ дѣлаться (официально) чрезъ него и окопчено имъ“. Хотя Новосильцовъ, по причинѣ распушенія парламента, не могъ видѣть „никого изъ тѣхъ знаменитыхъ своимъ законоискусствомъ мужей, коихъ разсужденія могутъ быть полезны“, но онъ все-таки убѣжденъ, что порученное ему дѣло будетъ устроено самымъ лучшимъ образомъ.

„Между тѣмъ донесу вашему величеству, — пишетъ онъ въ своемъ донесеніи,—что я à vue de рауз думаю, что весьма легко будетъ согласить министерство англійское на всѣ начала, которыми вы, всемилостивѣйшій государь, намѣрены руководствоваться въ семъ новомъ союзѣ. Теперь я обращаю стараніе мое на то, чтобы ввести въ министерство лордовъ Гренвилля и Спенсера, на что употреблю графа Воронцова, Sir Joseph Банкса, лорда С. Геленса и нѣкоторыхъ другихъ особъ; первый долженъ трудиться надъ ними, а послѣдніе надъ самимъ королемъ. О Фоксѣ

¹⁾ См. депешу французскаго поѣзженнаго въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ, Лессенса, къ Таллерану отъ 16-го (28-го) сентября 1804 г. въ „Сборникъ Русскаго Истор. Общества“, т. LXXVII, стр. 749.

не можетъ быть рѣчи, потому что пока не переимѣнятся обстоятельства, т.-е. пока король не сойдетъ совершенно съ ума или не умретъ, то по тѣхъ поръ ему въ министерствѣ не быть“.

По мнѣнію Новосильцова, переимѣна тогдашняго англійскаго министерства не желательна: онъ доволенъ англійскими министрами. Переимѣна министровъ можетъ вызвать переимѣну политической системы. „Для избѣжанія сего неудобства,—пишетъ Новосильцовъ,—и доставленія системѣ вашего величества нужной прочности, я намѣренъ сдѣлать такъ, чтобъ принцъ Валлійскій, Фоксъ, лордъ Моира, Шериданъ и Эрскинъ прильпились къ оной и сердцемъ и душою, и чтобы надзоромъ своимъ за министерствомъ обезпечили цѣлость и непривосновенность всѣхъ правилъ, на коихъ она основана. Задача сія довольно трудна, но я могу ваше величество увѣрить, что я отнюдь не отчаиваюсь во всемъ томъ успѣть“.

Это первое подробное донесеніе Новосильцова на высочайшее имя достаточно рельефнымъ образомъ характеризуетъ личность и приемы чрезвычайнаго посла. Пробывъ всего 18 дней въ Лондонѣ, не зная никого изъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей (за исключеніемъ одного лорда С.-Эленса), имѣя весьма неясныя понятія объ англійскихъ государственныхъ порядкахъ, Новосильцовъ, однако, не затрудняется обѣщать своему государю, съ одной стороны, ввести въ англійское министерство пріятныхъ ему людей, и съ другой, установить чрезъ принца Валлійскаго, Фокса, лорда Моира, Шеридана и Эрскина постоянный надзоръ за Питтомъ и его товарищами! Правда, „задача сія довольно трудна“,—говоритъ Новосильцовъ, но онъ ее разрѣшить навѣрно.

Трудно имѣть больше самоувѣренности въ своихъ талантахъ, познаніяхъ и въ окончательномъ успѣхѣ предпринятаго дѣла. Трудно болѣе наивнымъ образомъ выражать свой собственный восторгъ о своихъ успѣхахъ и дѣлахъ, чѣмъ это дѣлаетъ Н. Н. Новосильцовъ въ своихъ донесеніяхъ на высочайшее имя и еще болѣе въ своихъ письмахъ къ своему другу князю Чарторыжскому.

Особенно непонятною становится увѣренность, съ которою онъ утверждаетъ, что гр. Воронцовъ сдѣлается его „орудіемъ“, которое онъ „употребитъ“ по усмотрѣнію и, между прочимъ, для назначенія новыхъ англійскихъ министровъ. Новосильцовъ знаетъ давно гр. Семена Романовича, цѣльность и независимость характера котораго были общезвѣстны. Онъ знаетъ, что гр. Воронцовъ былъ въ душѣ оскорбленъ порученіемъ, возложеннымъ

на Новосильцова. Онъ зналъ, что графъ писалъ Татищеву, что ему больше ничего не пишутъ изъ С.-Петербурга, и что онъ не понимаетъ, для чего его удерживаютъ въ Лондонѣ (Письмо кн. Чарторыжскаго къ Новосильцову отъ 26-го октября 1804 года).

Въ виду такого настроенія Новосильцова, не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ исполнить свою миссію „самымъ чуднымъ образомъ“, — какъ онъ самъ выражается въ письмѣ къ кн. Чарторыжскому, отъ 8-го (20-го) января 1805 года. Такъ, ему удалось немедленно успокоить лондонскій кабинетъ насчетъ турецкихъ дѣлъ. Когда онъ прибылъ въ Лондонъ, онъ увидѣлъ, что не только Питтъ и лордъ Гарроби, но равнымъ образомъ самъ гр. Семенъ Романовичъ убѣждены въ намѣреніи Россіи искать себѣ вознагражденія въ Турціи за издержки войны противъ Наполеона. Новосильцовъ былъ взбѣшенъ такимъ господствующимъ въ англійскомъ правительствѣ мнѣніемъ и съ негодованіемъ восклицаетъ въ письмѣ къ кн. Чарторыжскому: „Къ какому чорту имъ это нужно?“

Но не прошло и девяти дней, какъ совершается полная перемена декорацій. Новосильцовъ болѣе чѣмъ успокоилъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ. „Государь, сказалъ я лорду Гарроби, — пишетъ Новосильцовъ князю Чарторыжскому, отъ 25-го ноября (7-го декабря) 1804 года, — ничего такъ не желаетъ, какъ сохранить Турцію такъ, какъ она есть, потому что это наилучшій сосѣдъ, котораго Россія можетъ имѣть съ той стороны. Но изъ этого же слѣдуетъ, что чѣмъ больше онъ этого желаетъ, тѣмъ меньше онъ допустить, чтобъ какая-либо другая держава завладѣла ею, ибо въ такомъ случаѣ совершенно измѣнится положеніе вещей“.

Англійскій министръ совершенно успокоился, но, — прибавляетъ въ своемъ письмѣ Новосильцовъ, — „что меня поразило, это то, что черезъ нѣсколько дней, когда я у него обѣдалъ, онъ самъ возвратился къ этому вопросу и самъ отъ себя очень милымъ образомъ далъ мнѣ понять, что если турки не захотятъ или не въ состояніи будутъ обороняться, въ такомъ случаѣ русскіе и англичане могли бы занять нѣкоторыя турецкія области, съ цѣлью защитить Турцію вопреки ея желанію!“

Новосильцовъ былъ изумленъ такимъ предложеніемъ англійскаго министра, „и онъ увѣренъ“, что во всемъ успѣетъ, еслибъ онъ только былъ „менѣе стѣсняемъ, надзираемъ и менѣе находилъ бы противодѣйствія“. Отъ кого? Само собою разумѣется, отъ графа Воронцова, котораго Новосильцовъ прямо обвиняетъ въ систематическомъ ему противодѣйствіи.

Новосильцовъ считалъ также необходимымъ сблизиться съ принцемъ Валлійскимъ и совершенно не понималъ, „къ какому чорту обращаются съ принцемъ Валлійскимъ такъ, какъ это дѣлаетъ гр. Воронцовъ? Развѣ онъ не будетъ въ одинъ прекрасный день англійскимъ королемъ? Развѣ это не можетъ быть даже весьма скоро? Впрочемъ, самъ принцъ Валлійскій, часто бывавшій у г-жи Жеребцовой, имѣвшей въ Лондонѣ самый блестящій салонъ, сказалъ, что „онъ ничего такъ не желаетъ, какъ познакомиться со мною“—пишетъ Новосильцовъ 25-го ноября 1804 г.

Мы видимъ, что по всѣмъ политическимъ вопросамъ Новосильцовъ добился полного согласія и уступчивости со стороны Питта и другихъ англійскихъ министровъ. Но интересно знать, какъ ему удалось убѣдить Англію въ необходимости уважать права нейтральныхъ державъ и заставить англичанъ принять общій международный кодексъ.

Самъ Новосильцовъ не обладалъ никакими особенными познаніями въ международномъ правѣ. Поэтому онъ старался отыскать въ самомъ Лондонѣ человѣка, который могъ бы сообщать ему всѣ нужныя свѣденія для составленія такого кодекса международного права, въ основаніе котораго должны лечь „положительные и точные законы“, опредѣляющіе права нейтральныхъ народовъ и ихъ торговли. Новосильцовъ нашелъ такого человѣка—это былъ знаменитый призовый судья сэръ Вилліамъ Скоттъ (впослѣдствіи лордъ Стоуэлъ), извѣстный въ исторіи международныхъ отношеній, какъ самый ярый противникъ правъ нейтральной торговли и самый изворотливый и способный защитникъ наиболѣе вопіющихъ насилій Англіи на морѣ во время наполеоновскихъ войнъ. Къ этому безспорно свѣдущему лицу обращался русскій чрезвычайный посолъ съ просьбою сообщить ему всѣ свѣденія относительно англійскаго „морского кодекса“ (sic!), основныхъ его принциповъ, формъ судопроизводства и обычаевъ. Но Новосильцовъ поступилъ осторожно: онъ не сообщилъ сэру В. Скотту, для чего въ самомъ дѣлѣ нужны всѣ эти свѣденія представителю державы, учредившей ненавистный англичанамъ вооруженный нейтралитетъ. Онъ сказалъ англійскому юристу, что ему нужны эти свѣденія для сравненія принциповъ англійскаго кодекса съ проектомъ русскаго коммерческаго кодекса.

„Когда же у меня будутъ всѣ эти свѣденія,—пишетъ самодовольный Новосильцовъ,—тогда откроется самымъ естественнымъ образомъ и такъ, что никто не замѣтитъ, дверь для обсужденія, которая съ удобствомъ послужитъ для выясненія всѣхъ нужныхъ извѣщеній“.

На основаніи полученныхъ отъ сэра Вилліама Скотта свѣдѣній Новосильцовъ считалъ возможнымъ донести государю, 24-го декабря 1804 г. (5-го января 1805 г.), относительно „мореходнаго кодекса“, слѣдующее: „Могу васъ, всемилостивѣйшій государь, увѣрить, что когда правила вашего величества будутъ приняты здѣшнимъ кабинетомъ за основаніе дѣйствій его, то при помощи того способа, который я придумалъ (т.-е. чрезъ сэра В. Скотта!) и о коемъ вашему величеству въ свое время донесу, всѣ нужныя перемѣны, служащія къ охраненію народной правоты (такъ въ подлинникѣ), могутъ мало-по-малу съ удобностію введены быть въ сей кодексъ, какъ естественныя послѣдствія принятыхъ правилъ“. Новосильцовъ заставилъ Питта совершенно согласиться съ этими „правилами“ русскаго государя, составленными по указанію англійскаго юриста, получившаго въ Англіи авторитетъ оракула въ защитѣ *еслз* претензій Англіи на морѣ.

Такого блестящаго результата достигъ Новосильцовъ только „чрезъ непосредственное сношеніе съ министрами, а особливо съ господиномъ Питтомъ сношеніе“.

„Сколько трудно было до сего достигнуть, — продолжаетъ свое донесеніе Новосильцовъ, — не оскорбивъ честолюбія гр. Воронцова и не вооруживъ его противу себя; сколько много стоило мнѣ безпокойствъ, чтобъ удалить его подозрѣнія и успокоить его воображеніе насчетъ всѣхъ моихъ сношеній, а особливо съ принцемъ Валлійскимъ и съ лордомъ Муира, а теперь съ Фоксомъ; какіе способы и какіе извороты я долженъ былъ употреблять, о томъ вѣдать въ подробности и обременять оными ваше величество было бы неприлично. Довольно ежели я скажу, что труднѣе, безпокойнѣе для духа и непріятнѣе я ничего еще не встрѣчалъ“.

Къ сожалѣнію, изъ переписки Новосильцова не видно, какой же новый международный кодексъ былъ для него проектированъ сэромъ В. Скоттомъ и въ какомъ видѣ онъ самъ считалъ возможнымъ „заставить“ англійское правительство его принять. Можно думать, что Англія осталась при своихъ понятіяхъ о правахъ нейтральной торговли и предоставила русскому чрезвычайному послу оставаться при своемъ убѣжденіи, что правила „служащія для охраненія народной правоты“, будутъ ею когда-нибудь признаны.

Теперь спрашивается: въ какому же результату привели переговоры Новосильцова насчетъ политическаго положенія Европы?

Необходимо сказать, что въ С.-Петербургѣ друзья Новосильцова ожидали великихъ благъ отъ его миссіи. Князь Чарторыйскій постоянно напоминалъ Новосильцову, что государь съ не-

терпѣніемъ ожидаетъ отъ него добрыхъ извѣстій, очень безпокоясь насчетъ общаго положенія вещей въ Европѣ.

„Вообще,—писалъ князь Чарторыйскій 7-го ноября 1804 г.,—государь съ нѣкотораго времени не въ духѣ; онъ на все смотритъ мрачно“. Для такого настроенія имѣется нѣсколько причинъ. „Прежде всего, ваше отсутствіе: въ васъ часто нуждаются, и затѣмъ настоящія отношенія между Англіею и Испанію. Вы знаете, какое дѣйствіе производитъ на государя все, чтѣ напоминаетъ selfishness англичанъ... Сверхъ того печалитъ государя духъ, господствующій въ высшихъ сферахъ здѣшней публики. Вѣсто того, чтобъ наслаждаться спокойствіемъ, благосостояніемъ, личною свободою, данною имъ правительствомъ, онъ всѣмъ недоволенъ и придирается ко всѣмъ мелочамъ, чтобъ его критиковать... Эта несправедливость производитъ на государя дѣйствіе обезкураживающее и наводитъ на него очень непріятную меланхолю, за которую на него пенять нельзя“.

Черезъ три недѣли, 27-го ноября, князь Чарторыйскій еще въ болѣе мрачныхъ краскахъ описалъ расположеніе духа государя.

„Государь грустенъ, мраченъ и недоволенъ тѣмъ, чтѣ дѣлается, и тѣмъ, что онъ такъ далеко зашелъ, и отъ всего сердца желаетъ выпутаться изъ всего этого. Здѣшнія сплетни много тому содѣйствовали. Вашъ начальникъ (Державинъ) есть то, чтѣ называется на хорошемъ французскомъ языкѣ: прощальга (un gueux) въ полномъ смыслѣ слова. Послѣ вашего отъѣзда онъ во все вмѣшивается и пріобрѣлъ вліяніе“... Другая партія, съ Толстымъ и Гурьевымъ во главѣ, все критикуетъ и осуждаетъ. Всѣ эти провскі доходятъ до государя и сильно его печалятъ.

„Все это,—продолжаетъ князь,—нужно надѣяться, уляжется, но намъ нужно получить отъ васъ хорошія извѣстія. Эта надежда единственная вещь, о которой государь всегда вспоминаетъ съ одинаковымъ интересомъ. Онъ постоянно повторяетъ: „Посмотримъ, что Новосильцовъ намъ скажетъ; надо ждать отъ него извѣстій“ (въ подл.). Словомъ сказать, отъ васъ зависитъ подъемъ нашего духа. Если англичане не чужды, а не скажу, чувствъ великодушія и восторга, но только обладаютъ здравымъ смысломъ, то должны силою обстоятельствъ согласиться на все и принять нашу точку зрѣнія, ибо иначе ничего не выйдетъ, и государь сдѣлаетъ только то, къ чему онъ принужденъ будетъ необходимостью и противъ желанія“.

Если принять въ соображеніе надежды, возлагавшіяся въ С.-Петербургѣ на дипломатическую миссію Новосильцова, если видѣть въ виду огромную важность, которая ей приписывалась

со стороны государя и ближайшихъ его совѣтниковъ, то отчасти понятно будетъ собственное увлеченіе Новосильцова, какъ своею политическою ролью, такъ и своимъ успѣхомъ на незнакомомъ ему дипломатическомъ поприщѣ. Весьма скоро послѣ своего пріѣзда въ Лондонъ, Новосильцовъ сталъ доказывать въ своихъ письмахъ въ С.-Петербургъ, что война Россіи съ Франціею совершенно неизбежна, что Россія сама должна ее начать, когда ей покажется удобнѣе всего, и что она не должна забывать, какъ великъ гнѣвъ Наполеона противъ русскаго правительства.

Переговоривъ же съ Питтомъ и будучи нѣсколько разъ принятъ принцемъ Валлійскимъ, Новосильцовъ съ восторгомъ доносилъ, въ концѣ декабря 1804 года въ С.-Петербургъ, что союзъ Россіи съ Англіею готовъ и союзная конвенція составлена.

Англійскій кабинетъ, увѣдомляеть онъ, готовъ подписать союзъ на основаніяхъ, предложенныхъ ему Новосильцовымъ. Все устроилось, прибавляетъ онъ, „безъ огорченія графа Воронцова“.

„Вамъ угодно было,—писалъ Новосильцовъ государю 24-го декабря 1804 года (ст. ст.),—чтобы г-нъ Питтъ мнѣ во всемъ содѣйствовалъ и внушалъ бы отъ себя графу Воронцову все то, что безъ сего могло бы встрѣтить со стороны его затрудненія“. Новосильцовъ сообщилъ, прежде всего, всѣ предположенія государя насчетъ оттоманской имперіи, іонической республики и Германіи Питту, который, „найдя оныя перемѣны весьма полезными, началъ первый говорить о томъ графу Воронцову, выдавъ оную за собственную свою идею, которая пришла ему впослѣдствіи моего съ нимъ разговора“.

Только чрезъ англійскаго премьера узналъ гр. Воронцовъ объ идеяхъ своего государя насчетъ будущаго устройства Европы, такъ какъ секретная сентябрьская инструкція, данная Новосильцову, не была ему сообщена. Теперь, прибавляетъ Новосильцовъ, гр. Воронцовъ также знаетъ политическую систему государя и полагаетъ, что „многія предположенія вашей системы были заимствованы отъ него“.

„Вашему величеству угодно было, чтобы система ваша получила нужную прочность“. Новосильцовъ также это устроилъ: „Министерство усилилось тѣмъ, что Аддингтонъ и партія его присоединились теперь къ Питту“. Только Фокса и лорда Гренвилля никакъ нельзя было ввести въ министерство. „Система ваша получить нужную прочность и не встрѣтитъ никакого сопротивленія въ оппозиціи, потому что принцъ Валлійскій общалъ мнѣ при лордѣ Моира, когда все приходитъ будетъ къ окончанію, дать свое честное слово, или какъ онъ говоритъ: „*sa parole de*

cavalier", что онъ, съ своей стороны, будетъ всѣми мѣрами содѣйствовать во всемъ, что къ утвержденію оной служить можетъ, и что онъ по вступленіи на Великобританскій престолъ будетъ свято и ненарушимо оную сохранять". Наконецъ, Фоксъ и другіе „leading men" оппозиціи не допустить отступленія отъ системы его величества.

„Тогда,—продолжаетъ свое донесеніе чрезвычайный русскій посолъ,—система вашего величества сдѣлается здѣсь *національною системою*, и пока ваше величество не отступитъ отъ правилъ своихъ, здѣшнее министерство, какъ бы оно составлено ни было, не осмѣлится ни въ какомъ случаѣ *противиться вамъ ни въ чемъ*" (sic!).

Послѣдствіемъ этихъ переговоровъ былъ составленный Новосильцовымъ проектъ союзной конвенціи, который будетъ отправленъ Питтомъ въ С.-Петербургъ къ лорду Гоуэру съ порученіемъ подписать его.

„Отдавъ такимъ образомъ вашему императорскому величеству полный отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ,—съ большимъ апломбомъ заканчиваетъ Новосильцовъ свое донесеніе,—я почитаю за нужное вамъ, всемилостивѣйшій государь, донести, что успѣхъ мой и удобность, которую я нахожу здѣсь привести всѣ благотворительныя намѣренія вашего величества въ дѣйствіе, превзошли мое ожиданіе. Г-нъ Питтъ дѣйствительно не тотъ человекъ, какимъ иногда неловкость здѣшняго кабинета, взаимныя недоразумѣнія обоихъ дворовъ, подоврѣнія, которыя отъ этого происходили и оставались неразрѣшенными, и неосновательныя донесенія (гр. Воронцова?), нерѣдко изъ собственной головы взятая (sic!), его представляли. Онъ человекъ весьма возвышенныхъ чувствованій, твердый и всегда готовый на все, что большіе и благонамѣренныя виды въ себѣ заключаютъ. Сіе расположеніе тѣмъ сильнѣе въ немъ дѣйствуетъ, что онъ внутренно убѣжденъ, что общее спокойствіе и тишина въ Европѣ, огражденныя порядкомъ вещей, основаннымъ на твердыхъ и справедливыхъ правилахъ, есть выгодѣйшее состояніе, какъ для торговли, промышленности, такъ и вообще для благоденствія Англіи — однимъ словомъ, лучшая для Англіи политика".

Этими же самыми чувствами проникнута вся англійская нація, и вотъ почему союзъ съ Россіею представляется столь прочнымъ.

„Ни въ какое царствованіе Россія не могла бы постановить столь твердой ноги въ здѣшней землѣ и имѣть чего-либо подобнаго тѣмъ щастливымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ она теперь находится для достиженія высшей степени величія своего и до-

стоинства между европейскими державами. Равнымъ образомъ едва-ли есть хотя одинъ примѣръ во всей исторіи такого единственнаго стеченія обстоятельствъ, которое предстоить вамъ, всемилостивѣйшій государь, для утвержденія славы своей на самомъ прочномъ и неизблемомъ основаніи—на *признательности всего рода человеческого*, которая должна быть наградою и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ достиженія цѣли вашей*.

Всякій вѣрноподданный можетъ только радоваться великой роли, выпавшей на долю государя.

Затѣмъ царедворецъ продолжаетъ: „Такой случай едва-ли можетъ встрѣтиться одинъ разъ въ нѣсколько вѣковъ. Чувствительному сердцу вашего императорскаго величества, конечно, весьма свойственно желать, чтобы благотворительныя намѣренія вашего величества исполнились безъ пролитія крови и безъ тѣхъ бѣдствій, коими всегда сопровождается война. Но ежели вы, всемилостивѣйшій государь, возьмете въ разсужденіе, съ одной стороны, что опытами многихъ вѣковъ и основательными наблюденіями дознано, что вообще средства заключаются большею частью въ дѣйствіяхъ, свойствахъ того предмета, который обращаетъ на себя вниманіе противоположныхъ, а съ другой, что истребленіе Бонапарте, какъ то видно было изъ примѣровъ, есть такого рода, что ничто, кромѣ видимой опасности и надежды избѣжать оной, не можетъ обуздать оного, или по малой мѣрѣ привести въ нѣкоторыя границы, то отъ прозорливости вашего величества, конечно, не укроется, что сіе самое желаніе ваше тогда только можетъ совершиться, когда Бонапарте увидитъ, что вы, всемилостивѣйшій государь, не только-что дѣйствительно расположены, но и совершенно готовы силою оружія многочисленнаго войска доставить Европѣ то справедливое удовлетвореніе, которое она до сего времени тщетно ожидала отъ его доброй воли“.

Въ видѣ подтвержденія мыслей своихъ насчетъ успѣха своего въ Лондонѣ, Новосильцовъ приложилъ къ только-что приведенному подробному донесенію на высочайшее имя особенную записку на французскомъ языкѣ, въ которой онъ даетъ отчетъ о своихъ разговорахъ съ англійскими государственными людьми, а въ особенности съ Питтомъ, насчетъ союза между Россією и Англією. Нельзя не остановиться на этой чрезвычайно интересной запискѣ.

По мнѣнію Новосильцова, цѣли англо-русскаго союза тройкія: 1) поставить Францію „въ старыя ея границы“; 2) „поставить естественныя границы тѣмъ, которые принадлежатъ Бонапарту“, и 3) упрочить основанный съ этою цѣлью порядокъ вещей“.

Англійскій премьеръ вполне одобрилъ эти цѣли. Средство же для ихъ достиженія—соединеніе всѣхъ силъ противъ общаго врага. Питтъ обѣщалъ отъ имени англійскаго правительства платить союзникамъ субсидійныхъ денегъ на сумму не меньше пяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и, можетъ быть, даже немногимъ больше. Но это все, что Англія въ состояніи дать. Больше она дать не можетъ и еслибъ она даже согласилась еще дать больше, то это было бы трудно исполнить, ибо „торговля“, сказалъ Питтъ, „которую мы имѣемъ съ странами, получающими субсидіи, не могла бы принять большую сумму, и мы были бы въ чрезвычайномъ затрудненіи перевести ее“ (sic!).

Весьма любопытны были объясненія Новосильцова съ Питтомъ насчетъ *Турціи*. Первый упрекнулъ послѣдняго въ томъ, что онъ недооценилъ Россію въ тайныхъ замыслахъ насчетъ оттоманской имперіи, которую Россія хочетъ якобы защищать, чтобъ лучше ее захватить. Новосильцовъ сказалъ, что государь только тогда рѣшится „захватить Константинополь, когда всѣ средства для спасенія этой части Турціи отъ какого-либо другого завладѣнія оказались бы тщетными“.

„Но еслибы,—спросилъ Новосильцовъ англійскаго премьера,—Россія даже имѣла такое намѣреніе? Развѣ Англія, нашъ лучший другъ, можетъ по этому поводу быть тревогу? Развѣ она что-нибудь потеряетъ отъ такого замысла? Развѣ англійская торговля съ Турціею не будетъ лучше обезпечена такимъ захватомъ, нежели она обезпечена по сіе время?“

По словамъ Новосильцова, Питтъ не только немедленно убѣдился приведенною аргументаціею русскаго чрезвычайнаго посла насчетъ видовъ русскаго политикѣ въ восточномъ вопросѣ, но даже просилъ у него прощенія за дерзкія сомнѣнія, которыя онъ до сихъ поръ имѣлъ..

„Питтъ,—пишетъ Новосильцовъ,—немедленно согласился, что его отечество ничего не потеряетъ отъ такой перемѣны, но что было бы весьма неpolitично и весьма вредно для главной цѣли, имѣющейся въ виду, думать объ осуществленіи такого плана: вѣдь такое нарушеніе международнаго права будетъ возмутительно“.

Трудно болѣе деликатно, но и болѣе категорически отклонить всякую мысль о выгодѣ для Англіи видѣть русскіхъ, вмѣсто турокъ, на берегахъ Босфора, чѣмъ это сдѣлалъ въ вышеприведенныхъ словахъ знаменитый англійскій государственный человѣкъ. Но Новосильцовъ, очевидно не понявъ Питта, съ восторгомъ ему отвѣтилъ: „Ну вотъ, вѣдь это все, чего я отъ васъ хотѣлъ. Вотъ

именно рѣчь, съ которою слѣдовало обратиться къ его императорскому величеству“.

Развѣ Россія, — продолжалъ Новосильцовъ доказывать Питту, — можетъ еще желать какого-нибудь приращенія? Очевидно нѣтъ, ибо она и безъ того велика и могущественна. Питтъ, по словамъ Новосильцова, былъ совершенно побѣжденъ: онъ сказалъ, что виноватъ, и „просилъ прощенья, согласившись, что я совершенно правъ“.

Въ виду такой любезной уступчивости и смиренія со стороны англійскаго премьера по отношенію къ восточному вопросу, казалось, что нечего было Новосильцову еще распространяться насчетъ видовъ русской политики въ отношеніи Турціи. Нѣтъ, онъ продолжалъ доказывать Питту, что приписываемая государю вѣроломная по отношенію къ Турціи политика совершенно немислима, потому что она совершенно противорѣчила бы благородному характеру Александра I. Новосильцовъ, какъ онъ самъ говоритъ, „нарисовалъ портретъ“ государя. „Если этотъ портретъ былъ прекрасенъ, — прибавляетъ онъ скромнымъ образомъ, — то это не моя вина; я ничего не имѣю на моей совѣсти; онъ былъ правдивъ“.

Послѣ того, какъ всѣ недоразумѣнія насчетъ Турціи были устранены, нужно было перейти къ обсужденію другихъ вопросовъ общей политической программы.

Англійскій премьеръ находилъ участіе Пруссіи въ общемъ союзѣ противъ Франціи совершенно необходимымъ. Съ цѣлью заставить берлинскій кабинетъ вступить въ союзъ, нужно ему обезпечить значительное приращеніе послѣ войны. По мнѣнію Питта, можно обѣщать Пруссіи всѣ земли, лежащія на сѣверѣ Франціи между рѣками Маасомъ, Мозелемъ и Рейномъ, включая сюда и Люксембургъ. Даже можно бы продолжить прусскія владѣнія до самаго Сѣвернаго моря съ цѣлью отдѣлить Голландію отъ Франціи. Новосильцовъ энергически возставалъ противъ такого расширенія прусскихъ владѣній, и Питтъ, само собою разумѣется, отказался отъ своей мысли.

Относительно Германіи Питтъ не могъ согласиться на исключеніе Пруссіи и Австріи изъ состава этого государства. По крайней мѣрѣ, по его мнѣнію, надо предоставить будущему рѣшить этотъ трудный вопросъ.

Наконецъ, относительно новаго „международнаго кодекса“, насколько онъ будетъ касаться предупрежденія международныхъ войнъ при помощи посредничества третьихъ державъ, Питтъ, само собою разумѣется, выразилъ полное свое сочувствіе этой

мысли. Но онъ только сомнѣвался, чтобъ какая-либо могущественная держава согласилась подчиниться рѣшенію третьей посредничающей державы. Платоническое свое сочувствіе выражалъ также англійскій премьеръ въ идеѣ объ опредѣленіи, предписаній международного права точнымъ и положительнымъ образомъ въ видѣ новаго кодекса международного права. Но онъ благоразумнымъ образомъ ничего не сказалъ ни о сохраненіи этого кодекса, ни о способахъ его составленія.

Судя по этимъ донесеніямъ Новосильцова, должно думать, что между нимъ и Питтомъ состоялось полное соглашеніе по всѣмъ важнымъ политическимъ вопросамъ. И дѣйствительно, Новосильцовъ составилъ проектъ союзной конвенціи, который, съ замѣчаніями на него Питта, былъ отправленъ въ С.-Петербургъ. Слѣдуетъ даже думать, на основаніи донесеній и писемъ Новосильцова, что англійскій премьеръ былъ проникнутъ полнымъ довѣріемъ къ уму и дипломатическимъ способностямъ чрезвычайнаго уполномоченнаго с.-петербургскаго кабинета. Вотъ почему, когда, вслѣдствіе миролюбиваго письма Наполеона къ англійскому королю, возникла мысль объ отправленіи отъ имени с.-джемскаго кабинета, уполномоченныхъ въ Парижъ, для переговоровъ съ Наполеономъ, Питту пришла мысль не назначать англійскихъ дипломатовъ, которыхъ Наполеонъ всѣхъ ненавидѣлъ, но — Новосильцова!

„Никто, по мнѣнію Питта, — пишетъ Новосильцовъ 8-го (20-го) января 1805 года князю Чарторыжскому, — не былъ болѣе подходящимъ для этой роли, чѣмъ я. Въ такомъ случаѣ здѣсь мнѣ дали бы всѣ нужныя полномочія“.

Дать Новосильцову болѣе доказательство безпредѣльнаго къ нему довѣрія со стороны великобританскаго правительства было, очевидно, совершенно невозможно. Радость и восторгъ его весьма нагляднымъ образомъ обнаруживаются въ другомъ письмѣ его къ князю Чарторыжскому, отъ того же 8-го (20-го) января 1805 г.

„Я долженъ вамъ признаться, — пишетъ Новосильцовъ, — что мой успѣхъ значительно превысилъ мои надежды, если вспомнить о различныхъ ловушкахъ, устроенныхъ противъ меня сатаною, съ цѣлью поссорить меня съ графомъ (Воронцовымъ) и вызвать недовѣріе въ англійскихъ министрахъ. Я васъ увѣряю, что я склоненъ приписать чуду, что я такимъ великолѣпнымъ образомъ во всемъ успѣлъ!“

Отдавъ полную справедливость своимъ собственнымъ талантамъ, Новосильцовъ продолжаетъ: нужно заставить Пруссію отказаться отъ своего нейтралитета. „Нельзя ли, — спрашиваетъ онъ

остроумно, — сперва сдѣлать визитъ его прусскому величеству, а потомъ пойти во Францію?.. То, что мы отсюда предлагаемъ, должно быть кратко и рѣшительно и, въ то же время, отличатся полною искренностью, справедливостью и лояльностью, словомъ, должно нравиться всѣмъ... Что вы скажете о предложеніи государю отправить меня къ его корсиканскому величеству? Я почти не сомнѣваюсь, что еслибъ Бонапарте не согласился на сдѣланныя ему предложенія, то я буду имѣть полную возможность сорвать съ него маску и показать всѣмъ желающимъ видѣть, что онъ только чудовище“.

Предупредивъ такимъ образомъ малѣйшее сомнѣніе въ его увѣренности, что онъ даже Наполеона побѣдитъ на полѣ дипломатіи, Новосильцовъ требуетъ отъ Чарторыжскаго, чтобы ему въ этомъ не мѣшали изъ С.-Петербурга. Вѣдь „довѣріе здѣшняго правительства (Англіи) къ намъ безпредѣльно“, и самъ Питтъ неоднократно говорилъ, что все, что будетъ предложено отъ имени государя, будетъ въ Лондонѣ принято. „Только, ради Бога, — умоляетъ Новосильцовъ Чарторыжскаго, — заставьте молчать вашихъ крикуновъ, мѣтресъ, торговцевъ винами французскими и итальянскими и „les учителя“ (Лагарпъ)... все во Франціи дѣлается извѣстнымъ и такимъ образомъ ужасно портится дѣло, которое мы здѣсь улаживаемъ“.

Сообщенныя въ С.-Петербургъ, съ рѣдкимъ апломбомъ, извѣстія о полномъ согласіи с.-джемскаго кабинета на всѣ русскія предложенія не могли не произвести, въ особенности на друзей Новосильцова, огромное впечатлѣніе. Князь Чарторыжскій успѣшилъ выразить ему, по высочайшему повелѣнію, монаршую признательность. „Трудно было, — писалъ князь Новосильцову 4-го февраля 1805 года, — или, лучше сказать, невозможно было лучше исполнить данное вамъ порученіе“. Государь также одобрилъ идею Новосильцова привлечь принца Валлійскаго и его партію, чтобы поставить ихъ на стражѣ „нашихъ плановъ“. „Я полагаю“, — пишетъ князь Чарторыжскій, — „что это единственный примѣръ, что иностранная держава вмѣшивается до такой степени во внутреннія дѣла Англіи, что заставляетъ идти въ одной и той же цѣли и министерство, и оппозицію, и дѣлаетъ свои собственные виды предметомъ національных стремленій“.

Государь также находилъ замѣчательно удачнымъ способъ разрѣшенія вопроса объ изданіи кодекса международного права. Что же касается войны противъ Франціи, то императоръ Александръ I не раздѣлялъ въ этомъ отношеніи взглядовъ Новосильцова, доказывавшаго неизбежность этой войны: онъ все-таки лелѣлъ на-

жду ее предупредить. Но нужно къ ней приготовиться, и въ виду этой задачи Англія должна обѣщать надлежащія денежныя субсидіи. Если Россія поставитъ въ поле армію въ 115.000 человекъ и флотъ, то Англія обязана уплачивать ежегодно не менѣе 1.600.000 фунтовъ стерлинговъ.

Желательно также выяснитъ планы Англіи насчетъ острова Мальты. Намѣрена ли она абсолютно удержать за собою Мальту? Изъ словъ лорда Гоуэра можно заключить, что англійское правительство уступить въ этомъ пунктѣ. Государь остался при убѣжденіи, что лучше всего послѣ заключенія мира возвратитъ островъ мальтійскому ордену.

Однако князь Чарторыйскій, въ частномъ письмѣ къ Новосильцову, отъ 5-го февраля 1805 года, долженъ признаться, что несмотря на замѣчательное искусство, съ которымъ Новосильцовъ велъ переговоры, и несмотря на блестящій успѣхъ его порученія, все-таки „государь нисколько не оправился. Его душа имѣетъ, такъ сказать, измѣняющійся цвѣтъ и еще не можетъ принять опредѣленную окраску; она имѣетъ всѣ цвѣта радуги, и неопредѣленный сѣрый цвѣтъ преобладаетъ. Въ немъ нельзя найти увѣренности и откровенности, вытекающихъ изъ твердо принятаго рѣшенія. Напротивъ, я часто замѣчаю безпокойство и скрытность, какъ слѣдствія нерѣшительности... Мысль о войнѣ его тяготитъ и тревожитъ... Когда я вдумываюсь въ характеръ и въ натуру государя, то, признаюсь, у меня бываютъ минуты весьма серьезныхъ опасеній, вида, какъ онъ далеко зашелъ впередъ, и если онъ уступитъ, то обезчеститъ себя. Но въ состояніи ли онъ будетъ выйти съ славой и безъ срама изъ всѣхъ этихъ затрудненій. Нельзя скрывать, что мы постоянно преступаемъ нашу кѣрку, и дѣла двигаются впередъ посредствомъ послѣдовательнаго напряженія всѣхъ силъ“.

Эти меланхолическія мысли заставили князя Чарторыйскаго, графа Строгонова и другихъ членовъ „молодой партіи“ желать, чтобъ Новосильцовъ поскорѣ вернулся обратно въ С.-Петербургъ. Дѣйствительно, въ февралѣ 1805 г. онъ выѣхалъ изъ Лондона, а гр. С. Р. Воронцовъ опять остался тамъ единственнымъ представителемъ императорскаго правительства. Нельзя не сознаться, что положеніе, въ которое поставила графа миссія Новосильцова, было въ высшей степени затруднительное и даже обидное для такого заслуженнаго государственнаго дѣятеля. Отъ него скрывали самые важные факты, и за его спиною переговаривались о серьезнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ. Графу Воронцову не была сообщена чрезвычайно важная сентябрьская инструкция, данная

Новосильцову, и это было сдѣлано подъ тѣмъ предлогомъ, „чтобы не поставить его въ трудное положеніе въ отношеніи правительства, котораго довѣріе онъ долженъ былъ сохранить“ ¹⁾).

Отъ графа Воронцова систематически скрывали такой чрезвычайной важности фактъ, какъ союзные акты, заключенные въ октябрѣ и декабрѣ 1804 года между Россією и Австрією ²⁾). Внѣзь Чарторыйскій запретахъ Новосильцову, съ высочайшаго одобренія, даже сообщить графу Воронцову требованія русскаго правительства относительно количества субсидныхъ денегъ, которыя Англія должна была обязаться платить Россіи и другимъ союзникамъ.

Однако было бы несправедливо думать, что Питтъ и другіе англійскіе министры, видя обращеніе Новосильцова съ графомъ Воронцовымъ, также стали сторониться отъ него или его не замѣчать. Нѣтъ, если прочесть немногія донесенія гр. Воронцова за конецъ 1804 года, то нельзя не видѣть, что Питтъ относился къ гр. Воронцову несравненно болѣе серьезнымъ образомъ. Отъ ему откровенно высказывалъ свои сокровенныя и, нужно прибавить, грандіозныя мысли насчетъ политическаго положенія Европы.

По мнѣнію знаменитаго англійскаго министра, Европа переживала, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, такой же кризисъ, какъ въ концѣ XVII вѣка, во времена Людовика XIV. Тогда явился спасителемъ Европы Вильгельмъ Оранскій, который „наэлектризовалъ всѣ державы“ и остановилъ Людовика XIV, увлекаемаго жаждою завоеваній. На европейскомъ континентѣ долженъ явиться другой Вильгельмъ Оранскій, и обращая свои взоры на всѣхъ монарховъ континентальной Европы, Питтъ остановился только на одномъ—императорѣ Александрѣ I, который одинъ могъ быть такимъ Вильгельмомъ Оранскимъ для Европы. Государь долженъ „наэлектризовать“, прежде всего, Австрію и Пруссію для войны противъ Наполеона. За этими державами пойдутъ другіе народы.

Далѣе, Питтъ доказывалъ графу Воронцову необходимость окружить Францію, возвращенную въ старыя границы, большими и могущественными государствами. Увеличивъ владѣнія Австріи и Савойи въ Италіи, слѣдуетъ образовать изъ итальянскихъ государствъ федерацію, на подобіе швейцарскаго союза. Наконецъ, имѣя въ виду, что Наполеонъ I своими распоряженіями „уничтожилъ международное право“, и что нарушена связь, соединявшая европейскіе народы „въ одну большую семью“, жившую по изъ-

¹⁾ Письмо кн. Чарторыйскаго къ Новосильцову, отъ 4-го февраля 1806 года.

²⁾ См. „Собраніе трактатовъ“, т. II, №№ 54 и 55.

вѣстнымъ началамъ гуманности и права, неотложно необходимо возстановить въ Европѣ дѣйствіе международнаго права, безъ котораго немислимо благополучіе и спокойствіе народовъ. Дѣйствіе же международнаго права должно быть обезпечено „союзомъ“ государствъ, который долженъ находиться подъ особеннымъ покровительствомъ Россіи и Англіи, подобно тому какъ вестфальскій мирный трактатъ обезпечивался гарантіею двухъ государствъ — Франціи и Швеціи.

Россія и Англія должны быть соединены „актомъ „вѣчнаго союза“, цѣль котораго „обезпечить спокойствіе всего міра“¹⁾.

Такимъ образомъ англійскій премьеръ не затруднялся развѣивать предъ гр. Воронцовымъ свои широкіе планы насчетъ переустройства континентальной Европы послѣ освобожденія ея изъ-подъ власти „его корсиканскаго величества“. Но Питтъ не могъ упустить изъ виду, что не гр. Воронцовъ, а Новосильцовъ былъ уполномоченъ заключить союзный трактатъ. Поэтому онъ долженъ былъ принять за основаніе переговоры о союзѣ заявленія чрезвычайнаго уполномоченнаго русскаго правительства и ему предоставить починъ въ составленіи проекта союзнаго договора.

Мы выше видѣли, что Новосильцовъ дѣйствительно составилъ такой проектъ, который Питтъ, съ своими инструкціями, отправилъ къ англійскому послу въ С.-Петербургъ. Послѣ прибытія Новосильцова въ С.-Петербургъ переговоры могли немедленно возобновиться. Съ русской стороны были назначены уполномоченными князь Чарторыжскій и Новосильцовъ. Съ англійской стороны — посолъ лордъ Гоуэръ.

Соглашеніе по главному договору состоялось весьма скоро, и 30-го марта (11-го апрѣля) 1805 года союзная конвенція была подписана въ С.-Петербургѣ.

Θ. МАРТЕНЪ.

¹⁾ Денеша гр. Воронцова, отъ 30-го декабря 1804 г. (11-го января 1805 года).

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.—МОНРЕПО.

1.

Сѣрое небо и сѣрое море,
Средь золотыхъ и пурпурныхъ листовъ—
Словно тяжелое старое горе
Смолило въ послѣднемъ, предсмертномъ уборѣ
Свѣтлыхъ, прозрачныхъ и радужныхъ сновъ.

2.

Эти мшистыя громады
Сердце таятъ какъ магнитъ...
Что отъ смертнаго вамъ надо?
Что за тайна здѣсь лежитъ?

Молвить древнее сказанье,
Что сѣдые колдуны
Правымъ рокомъ въ наказанье
За ужасныя дѣянья
Въ камни тѣ превращены...

Спать въ нѣмомъ оцѣпенѣннѣ;
Лишь одинъ—однажды въ вѣкъ—
Въ свой чередъ изъ усыпленья
Встанетъ камень-человѣкъ.

Борода торчитъ сѣдая,
Какъ у вола взоръ горитъ,
И, дыханье забирая,
Грудь могучая дрожитъ.

Заклинанье раздается,
Мгла кругомъ потрясена,
И со стономъ въ берегъ бьется
Моря Финскаго волна.

Буря воетъ, гудъ и грохотъ,
Встало море какъ стѣна,
И до неба слышенъ хохотъ
И проклятья колдуна.

Сила адскаго дыханья
Всю пучину подняла.
Гибнуть грѣшныя созданья,
Гибнуть грѣшныя дѣла...

И, свершивъ предназначенье,
Вѣщій камень снова спитъ,
Но надъ нимъ—залогъ прощенья—
Тихо звѣздочка горитъ.

Эти мшистыя громады
Сердце таятъ какъ магнитъ...
Что отъ смертнаго вамъ надо?
Что за тайна здѣсь лежитъ?

Выборгъ, 26 сентября.

II.—САЙМА.

1.

ВЪ ВУРЮ.

Озеро плещеть волной безпокойною,
 Словно какъ моря растуцій прибой.
 Рвется куда-то стихія нестройная,
 Спорить о чемъ-то съ враждебной судьбой.

Знать не по сёрдцу озовы гранитныя,
 Только въ безмёрномъ отраденъ покой,
 Грезится все про вѣка первобытныя,
 Хочется снова царить надъ землей.

Бейся, волнуйся, невольница дикая!
 Вѣчный поворъ добровольнымъ рабамъ.
 Сбудется сонъ твой, стихія великая,
 Будеть просторъ всѣмъ свободнымъ волнамъ.

2.

НА ДРУГОЕ УТРО.

Что этой ночью съ тобой совершилося?
 Ангелъ надеждъ говорилъ ли съ тобой?
 Или вчерашней грозой истомилося
 И отдыхаешь предъ новой борьбой?

Тихо лепечуть струи озаренныя,
 Съ неба нисходитъ покой голубой,
 Только вдали дерева обнаженныя
 Глухо о чемъ-то шумятъ межъ собой...

ВЛАДИМИРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

8—5 октября, Сайма.

ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ

1854—1894.

I.

На крайней оконечности восточной Азии, между 31-мъ и 50-мъ градусами сѣверной широты, длинной лентой растянулся архипелагъ острововъ, число которыхъ доходитъ до 3.500; своею совокупностью они образуютъ цѣлую густо населенную имперію, извѣстную подъ именемъ Японіи.

Заброшенная среди океана, далекая отъ западной Европы и Америки, Японія до половины текущаго столѣтія представлялась европейскимъ народамъ какимъ-то сказочнымъ царствомъ, сфинксомъ, полнымъ таинственныхъ загадокъ. Все въ ней было такъ странно, такъ не походило на западный строй жизни, отъ всего вѣяло такой стариной—и это рыцарство, и могущественные феодальные князья, и отчужденность отъ остальнаго міра, возведенная въ систему, въ законъ, и глубокая ненависть къ иноземцамъ; но страннѣе всего было двоевластіе, царившее здѣсь: рассказывали, что Японіей правятъ два императора—духовный, столица котораго была въ Кіото, и свѣтскій, жившій въ Іеддо. О взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ властителей царила полная путаница не только въ умахъ простыхъ смертныхъ, начинавшихъ тогда интересоваться Японіей, но даже въ высшихъ пра-

вительственныхъ сферахъ Европы и Америки. Въ одномъ только всѣ были твердо увѣрены,—въ томъ, что въ Японіи дѣйствительно царствуютъ два императора.

Съ такимъ взглядомъ на положеніе дѣлъ въ странѣ явились въ японскія воды, въ 1854 году, русская и американская военныя эскадры, посланныя заключить съ японскимъ правительствомъ трактаты дружбы и торговли и такимъ образомъ — открыть, наконецъ, Японію остальному міру ¹⁾. Начальники этихъ эскадръ вступили въ переговоры съ свѣтскимъ императоромъ, какъ они полагали, не подозрѣвая, что это былъ простой вассалъ короны, главный начальникъ военныхъ силъ въ странѣ, а вовсе не государь, и что единственнымъ верховнымъ владыкой Японіи всегда оставался одинъ „микадо“, тотъ, кого они считали лишь духовнымъ властителемъ, кого они совсѣмъ игнорировали,

¹⁾ Любопытно въ настоящее время вспомнить извѣстные и теперь нѣсколько забытые очерки покойнаго И. А. Гончарова, принимавшаго участіе въ этой экспедиціи; его „Фрегатъ Паллада“ даетъ вѣрное изображеніе, какъ въ то время мы относились къ Японіи и какъ мало знали ту страну, съ которою собирались вступить въ болѣе близкія отношенія. „Августа 9-го (1863 г.),—пишетъ И. А.,—при той же ясной, но, къ сожалѣнію, черезъ-чуръ жаркой погодѣ, завидѣли мы тридцатое государство (Японію). Это были еще самые южные острова, крайніе предѣлы, или островки и скалы японскаго архипелага, носившіе европейскія и свои имена. Тутъ были Юлія, Клара; тамъ—Икуносима, Номосима, Ивосима; потомъ пошли *саки*: Тагасаки, Коссаки, Нагасаки. *Сима* значить островъ; *саки*—мысъ, или наоборотъ, не помню. Вотъ достигается, наконецъ, цѣль десятидневнаго плаванія (изъ Кронштадта), трудомъ. Вотъ этотъ запертой ларецъ, съ потеряннымъ ключемъ, страна, въ которую заглядывали до сихъ поръ, съ тщетными усиліями саломить, и золотомъ, и оружіемъ, и хитрой политикой, на знакомство. Вотъ многочисленная чужка человѣческаго семейства, которая ловко убѣгаетъ отъ ферулы цивилизаціи, осмѣливаясь жить своими умомъ, своими уставами, которая упрямо отвергаетъ дружбу, религію и торговлю чужеземцевъ, смѣется надъ нашими попытками просвѣтить ее, а внутренніе, произвольные законы своего муравейника противопоставляетъ и естественному, и народному, и всякимъ европейскимъ правамъ, и всякой неправдѣ. Долго ли такъ будетъ?—говорили мы, лаская рукой 60-ти фунтовныя бомбовыя орудія. Хотѣли бы японцы допустить изучить свою страну, узнать ея естественныя богатства: вѣдь въ географіи и статистикѣ земного шара почти только одинъ пробѣлъ и остается—Японія. Страна, занимательная своею неизвѣстностью земля растянулась отъ 32 до 400 слишкомъ градусовъ с. широты, сѣдовательно, съ одной стороны живѣе Мадеры; въ ней господствуютъ вѣны и морозы, растутъ пальма и сосна, персикъ и клыква. Тамъ есть горы, равныя нашимъ высочайшимъ горамъ, горячіе пняи, и въ горахъ—мы знаемъ уже—родится лучшая мѣдь въ свѣтѣ“ („Фрегатъ Паллада“, т. II, Спб. 1863 г., 2-е изд., стр. 2—3). Такъ думалъ нашъ И. А., а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ въ 1864 г., не подозрѣвая, что 14 лѣтъ спустя, въ 1868 г., Японія вполнѣ подпадетъ подъ „феруду цивилизаціи“, и при этомъ не перестанетъ „жить своимъ умомъ“. Вообще, главы о Японіи у И. А. Гончарова представляютъ большой интересъ въ наше время.—Ред.

но кто одинъ только имѣлъ право дать законную санкцію всѣмъ трактатамъ, касавшимся отношеній его имперіи къ другимъ державамъ. Только счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, внутреннимъ кризисомъ, который переживала страна въ данный историческій моментъ, можно объяснить, почему такое недоразумѣніе не оказало существеннаго вліянія на исходъ переговоровъ, не отсрочило открытія Японіи.

Съ тѣхъ поръ минуло почти сорокъ лѣтъ. Сказка о двухъ японскихъ императорахъ давнымъ давно отошла въ область историческихъ курьезовъ; система правленія, которая давала поводъ къ этой сказкѣ, тоже давно рухнула. Японія за это время пережила цѣлый рядъ внутреннихъ переворотовъ и о ней успѣла вырасти огромная литература на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, освѣтившая всѣ уголки страны, изучившая условія жизни въ ней, ея промышленность, торговлю, нравы и бытъ людей, ея населяющихъ, религію, искусство, поэзію, исторію,—всѣ стороны и физической, и духовной жизни этой далекой націи,—съ такой глубокой основательностью, какой могутъ позавидовать многія изъ странъ Стараго-Свѣта. Одна только русская литература сильно отстала по части сочиненій, трактующихъ о Японіи. Особенно это относится къ исторіи Японіи вообще и новѣйшей въ частности. Даже въ тѣхъ немногихъ сочиненіяхъ, имѣющихся на русскомъ языкѣ, въ которыхъ прямо или косвенно затрогивалась исторія Японіи, не только не нашли себѣ мѣста событія послѣдняго времени, но и вообще переворотъ 1868 года и эпоха великихъ реформъ, послѣдовавшихъ за нимъ, нигдѣ не представлены въ надлежащемъ свѣтѣ. Между тѣмъ, для насъ, болѣе близкое знакомство съ тѣмъ, что творится въ настоящее время въ Японіи, представляется дѣломъ очень большой политической важности. На дальнемъ Востокѣ готовятся теперь весьма серьезныя событія, находящіяся въ прямой генетической связи съ новымъ развитіемъ международныхъ отношеній, вызвавшихъ на арену міровой исторіи государства крайняго Востока—Китай, Японію и Корею. А такъ какъ считается съ этими событіями придется, конечно, и намъ, то точное знаніе политическихъ силъ и вліяній, существующихъ въ только-что названныхъ странахъ, является для насъ очень важнымъ вопросомъ. И всякое сочиненіе, задавшееся цѣлью способствовать уясненію этого вопроса, какими бы чисто-литературными недостатками оно ни обладало, имѣло бы, поэтому, свое законное право на извѣстное вниманіе со стороны русскаго общества.

Настоящій очеркъ явился результатомъ почти восьмилѣтняго

изученія исторіи Японіи,—изученія, начатаго еще въ первый прїѣздъ мой въ эту страну—въ 1885 году. Въ основу его легло почти все, что было написано по этой части наиболѣе выдающагося русскими, американскими, англійскими, французскими и нѣмецкими учеными; далѣе—изученіе туземныхъ хроникъ, переведенныхъ на англійскій языкъ, произведеній нѣкоторыхъ извѣстныхъ туземныхъ писателей, появившихся на томъ же всесвѣтномъ языкѣ, обширный матеріалъ, даваемый англійскими газетами Іокогамы, въ которыхъ, между прочимъ, отведено довольно значительное мѣсто рубрикѣ: „Среди японскихъ газетъ и журналовъ“¹⁾, и, наконецъ, личные встрѣчи съ нѣкоторыми дѣятелями мѣстнаго officialнаго міра.

Первоначально я полагалъ ограничиться въ настоящемъ очеркѣ изложеніемъ событій только самаго послѣдняго времени, именно тѣхъ, которыя совершились въ Японіи со времени прихода въ ея воды эскадръ адмирала Путятина и коммодора Перри; но для поясненія многихъ явленій и фактовъ современной дѣйствительности пришлось бы постоянно отвлекаться въ сторону, входить въ болѣе или менѣе пространныя разсужденія и почти неизбежныя по временамъ повторенія; сверхъ того, потерялся бы въ значительной мѣрѣ тотъ „odeur locale“, который столь оригинально своеобразенъ въ исторіи такой страны, какъ Японія. Аббатъ Гюгъ, въ своемъ классическомъ сочиненіи: „L'Empire Chinois“, говоритъ, между прочимъ, что всякая страна имѣетъ свой особенный, ей одной свойственный запахъ: Китай, напр., пахнетъ не такъ, какъ Тибетъ или Монголія, а эти послѣднія земли, въ свою очередь, отличаются по запаху отъ любой страны западной

¹⁾ Вотъ названія главнѣйшихъ туземныхъ газетъ, являющихся отраженіемъ различныхъ теченій, существующихъ въ современномъ японскомъ обществѣ: officialнымъ правительственнымъ органомъ служить „Квампо“; „Токіо Шинпо“ и „Коккай“ считаются официозными газетами; „Нихонъ Ниппо“ и „Чуэй Ниппо“—обѣ принадлежать къ консервативному лагерю и обѣ настроены враждебно противъ иностранцевъ; „Маннчи Шимбунъ“, „Томи-Ури-Шимбунъ“ и „Юбинъ-Хочи-Шимбунъ“ представляютъ либеральное и дружественное иностранцамъ направленіе; органы радикальной партіи служатъ: „Джійю Шихибунъ“ и „Минкень Шимбунъ“; „Ничиничи-Шимбунъ“ считается представительницей японскаго оппортунизма; газетами независимыми являются: „Джи-джи-Шимбунъ“, „Чойя Шимбунъ“, „Кокуминъ Шимбунъ“ и „Кейзэй Шинпо“. Среди ежемѣсячныхъ политическихъ и литературныхъ журналовъ наибольшимъ значеніемъ пользуется „Кокуминъ-но-Тимо“.

Привожу здѣсь же имена наиболѣе вліятельныхъ современныхъ японскихъ журналистовъ: съ нѣкоторыми изъ нихъ намъ придется встрѣтиться на страницахъ этихъ очерковъ. Первенствующее мѣсто между ними занимаетъ Фукузава Юкичи. Серьезнымъ значеніемъ пользуются также Сехи Наохико, Шимада Сабуро (младшій), Таката Санае, Токутими Ичиро и Куга Минору.

Европы. Всякій, кому привелось много путешествовать, въ особенности на дальнемъ Востоѣ, подтвердить справедливость этого замѣчанія стараго аббата: Японія, Китай, Корея, Филиппинскіе острова, Сіамъ, Кокхингина, Малаккскій полуостровъ, Ява, Цейлонъ, имѣютъ всё свой специфическій запахъ, пропитывающій не только одежду, жилище, тѣло туземцевъ, предметы производства ихъ, но и самую почву, ясно ощущаемый даже въ совершенно пустынныхъ мѣстностяхъ, среди горъ и лѣсовъ этихъ странъ. Такой же своеобразный запахъ имѣетъ и исторія государствъ крайняго Востока, а среди нихъ особенно рѣзко выдѣляется исторія Японіи, вся пропитанная культомъ микадо, съ его единственной въ своемъ родѣ династіей, царствующей, какъ гласитъ преданіе, уже около двухъ тысячъ лѣтъ, съ ея наслѣдственнымъ „шогунатомъ“, учрежденіемъ, не имѣвшимъ ничего аналогичнаго въ исторіи другихъ государствъ и ниспроверженнымъ всего казихъ-нибудь 25 лѣтъ тому назадъ. Вся исторія Японіи самымъ тѣснымъ образомъ сплелась съ исторіей ея императоровъ и шогуновъ, и даже послѣдній фазисъ ея—потокъ идей и событій, хлынувшій на страну за революціей 1868 года, не можетъ быть ясно понятъ безъ знакомства съ взаимными отношеніями императорской и шогунальной властей; а это немислимо безъ уясненія исторіи возникновенія шогуната, который, въ свою очередь, только тогда станетъ понятенъ, когда мы узнаемъ причины начала господства военнаго сословія въ этой странѣ. Все это вмѣстѣ взятое приводитъ къ необходимости предпослать изложенію новѣйшихъ событій въ Японіи очеркъ исторіи Японіи вообще—очеркъ, впрочемъ, настолько краткій и сжатый, насколько только позволяетъ сущность предмета.

II.

Исслѣдованія цѣлаго ряда выдающихся иностранныхъ ученыхъ нашего времени, занимавшихся изученіемъ Японіи, ея языка, литературы и исторіи, каковы: Kaempferman, Satow, Adton, Chamberlain, Baelz, Мечниковъ и др., съ достаточной ясностью показали, что началомъ японской достовѣрной исторіи надо считать не седьмой вѣкъ до Р. Хр., какъ думаютъ японцы, а лишь вторую половину VI-го столѣтія нашей эры, когда въ Японію хлынула изъ Китая черезъ Корею та великая культурная волна, которая принесла съ собой сюда буддизмъ, китайскія учрежденія и письменность. Правда, есть основаніе думать, что китайская цивилизація стала завоевывать себѣ почву въ Японіи уже съ

III-го вѣка по Р. Хр.; но распространеніе ея здѣсь шло очень медленно, настолько медленно, что китайскіе миссіонеры, явившіеся въ эту страну въ началѣ VI-го в., нашли ее совершенно неподготовленной къ воспріятію новой религіи, именно вслѣдствіе полнаго незнакомства туземцевъ съ письменностью и языкомъ прибывшихъ проповѣдниковъ. Только по усвоеніи японцами китайской письменности, на что понадобился не одинъ десятокъ лѣтъ, стали возможны и успѣхъ буддизма въ странѣ, и ознакомленіе Японіи съ китайской цивилизаціей вообще.

Такимъ образомъ, говорить въ настоящее время серьезно объ эпохѣ первыхъ императоровъ Японіи, придавать имъ значеніе несомнѣнно существовавшихъ историческихъ дѣятелей — ни въ какомъ случаѣ нельзя. Но такъ какъ японскіе историки, политическіе дѣятели и государственные люди донинѣ постоянно ссылаются на этотъ ранній періодъ исторіи своей страны, то мы считаемъ необходимымъ дать здѣсь самый бѣглый очеркъ и этого періода, руководствуясь главнымъ образомъ тѣмъ, какъ трактуетъ о немъ одно изъ древнѣйшихъ туземныхъ сочиненій, считающееся своего рода библіей, именно „Ко-джи-ки“, т. е. „Памятники дѣяній минувшихъ лѣтъ“¹⁾.

Божественный вѣкъ и весь собственно мифологическій отдѣлъ этого сочиненія мы опускаемъ. О жизни и дѣяніяхъ перваго японскаго императора официальная туземная исторія говоритъ слѣдующее. Джинму-Тенно, прямой потомокъ боговъ, творцовъ неба и земли, родился близъ Хіуга, на островѣ Кіу-Сіу. Когда ему исполнилось 50 лѣтъ, онъ, вмѣстѣ со своими родственниками и слугами, прошелъ сѣверную часть Кіу-Сіу и отправился на судахъ черезъ внутреннее японское море. Теченіемъ занесло его на островъ Хондо²⁾, къ мѣстности близъ тепереш-

¹⁾ Переводъ „Ко-джи-ки“ на англійскій языкъ, сдѣланный Чамберленомъ (В. Н. Chamberlain), напечатанъ въ приложеніи къ X-му тому „Transactions of the Asiatic Society of Japan“.

Древнѣйшими, дошедшими до насъ, памятниками японской письменной литературы являются: „Ко-ку-ши“, т. е. „Лѣтописи Японіи“, годъ составленія которыхъ соотвѣтствуетъ 621-му году нашей эры; „Ко-джи-ки“, или „Памятники дѣяній минувшихъ лѣтъ“, написанные въ 711-мъ году, и „Ни-хонъ-ки“ — „Японскія хроники“, появившіяся въ 720-мъ году. Въ этихъ сочиненіяхъ, содержащихъ рядъ болѣе или менѣе подробныхъ и очень запутанныхъ разсказовъ о возникновеніи вселенной, боговъ и духовъ, неба и земли, излагается также и исторія японскаго государства, начиная отъ появленія на почвѣ его потомка богини Солнца — перваго земного правителя этой страны. „Ко-джи-ки“ оканчивается на 628-мъ году христіанской эры; „Ни-хон-ки“ доводитъ исторію до 701-го года. Отъ „Ко-ку-ши“ дошли только отрывки.

²⁾ Главный по величинѣ и значенію островъ Японіи, неправильно называемый

ного города Осаке. Жители встрѣтили пришельцевъ враждебно. Послѣ жестокой битвы Джинму былъ разбитъ. Собранный военный совѣтъ рѣшилъ, что причину пораженія надо искать въ непочтительности „дѣтей Солнца“ относительно ихъ матери, „богини Солнца“: они двигались съ запада на востокъ, тогда какъ слѣдовало идти по солнцу, т.-е. съ востока на западъ. Планъ дальнѣйшаго путешествія былъ затѣмъ измѣненъ, и завоеватели двинулись внутрь острова, по направленію къ провинціи Ямато. Здѣсь хвостатые и безхвостые демоны упорно защищали свою почву, но въ концѣ концовъ были побѣждены, и Джинму основалъ свою столицу въ Кашивабара, близъ теперешней Нары, въ провинціи Ямато. Въ 7-й день 4-го мѣсяца 660 г. до Р. Хр. онъ торжественно взошелъ на престолъ. Этотъ день понынѣ считается въ Японіи великимъ національнымъ праздникомъ. Отпраздновавши заключеніе мира, императоръ роздалъ награды своимъ товарищамъ по оружію и назначилъ изъ главарей своего войска начальниковъ надъ покоренными провинціями. Затѣмъ, время остальной жизни (онъ умеръ 127 лѣтъ) онъ посвятилъ умиротворенію страны. Эта часть исторіи заканчивается рассказомъ о смятеніяхъ, сопровождавшихъ царствованіе наслѣдника Джинму. Потомъ идетъ скучное повѣствованіе, обнимающее періодъ въ 500 лѣтъ, не содержащее въ себѣ ничего, кромѣ описаній резиденцій государей, мѣстъ, гдѣ они погребались, и лѣтъ, сколько они жили. Такимъ образомъ мы приходимъ къ эпохѣ императора Суджинна Тенно, царствованіе котораго, какъ предполагаютъ, непосредственно предшествовало христіанской эрѣ. Су-Джинъ, или Суннинъ, былъ человѣкъ необыкновенной мудрости и благочестія; онъ научилъ своихъ подданныхъ, какъ надо проводить каналы и устраивать ирригацію полей (отчего и считается отцомъ японскаго земледѣлія), и всячески поощрялъ судостроеніе, чтобы облегчить сношенія между различными частями имперіи и вызвать обмѣнъ между ними продуктовъ. Въ его царствованіе изъ королевства Мимана (въ Корей) прибылъ посланецъ съ дарами; а нѣсколько времени спустя, одинъ корейскій принцъ, въ сопровожденіи большой свиты, пришелъ въ Японію и поселился въ ней навсегда.

Въ древней Японіи существовало, вмѣсто дѣленія на провинціи, дѣленіе на дороги, около которыхъ лежали селенія. Это дѣленіе на дороги соответствуетъ нынѣшнему дѣленію на провин-

---

въ нашихъ географіяхъ Ниппономъ: Ниппономъ японцы зовутъ всю „Страну восходящаго солнца“.

ціи и остается въ силѣ до послѣдняго времени; но къ каждой дорогѣ причисляется теперь уже не одна, а нѣсколько близлежащихъ провинцій. При Су-Джинѣ имперія раздѣлялась на четыре дороги. Чтобы защитить земледѣльческое населеніе этой страны отъ постоянныхъ вторженій враждебныхъ племенъ, императоръ во главѣ каждой дороги поставилъ военнаго начальника или шогуна, на обязанности котораго лежала какъ военная граница государства, такъ и дальнѣйшее приведеніе въ покорность императору еще неподчиненныхъ ему отдаленныхъ областей, населенныхъ дикими инородцами.

Главный интересъ слѣдующаго царствованія, обнимающаго множество событій невѣроятныхъ, фантастическихъ, чудесныхъ, сосредоточивается на необходимости умиротворенія одного грознаго туземнаго божества. За рассказомъ объ этихъ событіяхъ идетъ повѣствованіе о междоусобной борьбѣ въ императорской фамиліи, о романическихъ приключеніяхъ императоровъ, о ввозѣ апельсиннаго дерева изъ „Вѣчной страны“ (вѣроятно, изъ Китая), и, наконецъ, мы приходимъ къ циклу рыцарскихъ легендъ, группирующихся главнымъ образомъ вокругъ одного принца, по имени Ямато-Такэ (Богатырь Ямато), сына императора Кей-Ко, царствовавшего отъ 71 по 130 г. хр. эры. Плодомъ многочисленныхъ военныхъ походовъ этого принца, являющагося главнымъ героемъ величайшей эпопеи героическаго вѣка, было завоеваніе большей части восточной половины главнаго острова. Ближайшее царствованіе снова бѣдно событіями; а слѣдующее за нимъ—неожиданно переноситъ насъ совсѣмъ въ другую обстановку: дворъ теперь въ Кіу-Сіу, на самомъ южномъ изъ четырехъ главныхъ японскихъ острововъ. Боги черезъ посредство жены царствующаго государя, императрицы Джингу-Кого, открываютъ существованіе обѣтованной земли—Кореи, которую легко овладѣть. Императоръ не вѣритъ богамъ и наказывается смертью за свое невѣріе; но императрица рѣшается послѣдовать совѣту боговъ, и послѣ ряда гаданій, молитвъ и совѣщаній со своимъ первымъ министромъ отправляется во главѣ огромнаго флота покорять Корею, что ей и удается выполнить. Слѣдующимъ подвигомъ воинственной Джингу-Кого является ея походъ въ Ямато, гдѣ она, разбивъ войска возмущившихся тамошнихъ князей, заставляетъ ихъ признать ее своей властительницей. Помощью этого похода циклы легендъ Ямато и Кіу-Сіу приводятся въ единство, и Ямато затѣмъ окончательно дѣлается центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго группируется вся дальнѣйшая политическая исторія Японіи.

Завоеваніе Кореи или, точнѣе говоря, морской десантъ въ одну изъ ея южныхъ провинцій, произошелъ около 200 года нашей эры. Начиная съ эпохи воинственной императрицы, въ Японію являются, какъ говорятъ, во множествѣ колонисты и изъ Кореи, усвоившей уже себѣ цивилизацію Китая, и изъ самаго Китая. Говорятъ, между прочимъ, что въ эту эпоху однажды цѣлые 17 округовъ южнаго Китая прибыли массою въ портъ Кіу-Сіу. Ученый кореецъ Вани, или Онинъ, приглашенный въ Японію въ царствованіе О'Джина (сына императрицы Джингу), явился ко двору микадо въ 285 году, принеся съ собою большое количество китайскихъ книгъ. Впрочемъ всѣ эти рассказы подвержены большому сомнѣнію, и вообще лѣтописи царствованія О'Джина далеко не свободны отъ различныхъ фантастическихъ подробностей. Самъ монархъ жилъ, говорятъ, 130 лѣтъ. Его наслѣдникъ Нин-току (одинъ изъ мудрѣйшихъ и великодушнѣйшихъ государей Японіи) царствовалъ 87 лѣтъ.

Къ эпохѣ О'Джина и Нин-Току нѣкоторые ученые относятъ начало письменности и введенія буддизма въ Японію; но большинство относитъ эти событія къ болѣе позднему времени, — къ VI-му вѣку.

Въ VI вѣкѣ въ Японію являются во множествѣ буддійскіе миссіонеры, и буддизмъ быстро покоряетъ себѣ новую страну. Буддизмъ ¹⁾ явился на сцену мировой исторіи, какъ чисто-атеистическое, философское ученіе, нравственный кодексъ котораго былъ, однако, гораздо выше, чѣмъ правила морали всякой другой языческой религіи, когда-либо существовавшей и до, и послѣ него. Явившись въ Индіи, странѣ опутанной множествомъ кастъ, онъ не призналъ ихъ и объявилъ, что всѣ люди одинаково грѣховны и несчастны, и всѣ одинаково способны сдѣлаться свободными отъ грѣха и несчастія путемъ внутренняго просвѣтленія, путемъ познанія тщеты всего сущаго, миолетности всѣхъ явленій, помощью истребленія въ себѣ желаній, составляющихъ корень земныхъ страданій. Онъ училъ, что душа всякаго человѣка, до его рожденія на свѣтъ, уже жила въ какомъ-либо иномъ состояніи, и что всѣ бѣдствія этой жизни суть наказанія за грѣхи, совершенные въ предшествующемъ состояніи. Человѣческая душа должна пройти черезъ безчисленные моменты миолетныхъ существованій, которыя зовутся жизнью, черезъ длинный рядъ послѣдовательныхъ рожденій, страданій и смертей, пока въ теченіе вѣковъ она

¹⁾ См. „Buddism“, by Rhys Davids; Murray's „Handbook for Japan“ 1, 2, 3 edit.; „Handbook for students of Chinese Buddhism“, by Eitel; „Things Japanese“, by . H. Chamberlain и др.

не достигнеть „нирваны“. Подъ именемъ нирваны нѣкоторые буддисты понимаютъ полное уничтоженіе души, личности, сознанія, тогда какъ другіе держатся того мнѣнія, что душа въ нирванѣ достигаетъ высшей степени просвѣтленнаго сознанія и абсолютнаго покоя.

Такимъ образомъ, по основнымъ своимъ догматамъ, буддизмъ рѣзко отличается отъ любой изъ христіанскихъ религій: не вѣра, а знаніе, просвѣтленіе разума, составляютъ условія спасенія по буддійскому ученію; желанный конецъ человѣческаго бытія—не вѣчная жизнь и активное участіе, вмѣстѣ съ сонмомъ ангеловъ, въ непрестанныхъ молитвахъ и прославленіи Творца, но поглощеніе въ нирванѣ,—блаженное „Ничто“.

Буддизмъ отрицаетъ существованіе Бога, какъ верховнаго творца вселенной: онъ говоритъ, что матерія вѣчна, и такъ какъ она обладаетъ способностью непосредственной самоорганизациі, то если даже погибнетъ вселенная, эта способность скоро возобновитъ ее и приведетъ затѣмъ къ новымъ перерожденіямъ и распаденіямъ, безъ всякаго особаго верховнаго содѣйствія. Буддизмъ, правда, признаетъ извѣстныхъ боговъ (перешедшихъ къ нему, такъ сказать, по наслѣдству отъ браманизма), но эти боги, въ его глазахъ, имѣютъ гораздо меньше значенія, чѣмъ тѣ люди, которые путемъ постояннаго самоусовершенствованія въ послѣдовательныхъ стадіяхъ существованія, достигли покоя совершенной чистоты и святости и которые такимъ образомъ являются воплощеніемъ самого Будды.

Заповѣди буддизма суть правила чистѣйшей нравственности: кромѣ запрещеній убійства, воровства, соблазна, лжи, пьянства и всякой скверны,—спеціальныя предписанія осуждаютъ здѣсь лицемеріе, гнѣвъ, гордость, подозрительность, жадность, сплетничество, жестокость по отношенію къ животнымъ. Между добродѣтелями, которыя рекомендуются вѣрующимъ, мы находимъ: почитеніе къ родителямъ, заботу о дѣтахъ, подчиненіе властямъ, благодарность за содѣянное добро, обязанность забывать оскорбленіе, невоздаваніе зломъ за зло, умѣренность въ дни благополучія, покорность въ дни испытаній, душевное равновѣсіе при всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

Таковъ былъ буддизмъ въ его первобытной чистотѣ, при его появленіи на почвѣ Индіи за 6¹/₂ вѣковъ до Р. Хр. Его успѣхъ внѣ родной страны былъ громаденъ. Онъ охватилъ Тибетъ, Бирму, Сіамъ, Китай, Манчжурію, Корею, Сибирь и черезъ 12 вѣковъ достигъ Японіи. Въ теченіе этого времени простыя доктрины Будды были развиты въ цѣлую теологическую систему, со всѣми

аттрибутами религіи: буддійская религія имѣла теперь цѣлое жреческое сословіе, монастыри, чувственный рай, такой же опредѣленный адъ и чистилище, населенные цѣлой іерархіей духовъ; имѣлись свои „житія святыхъ“, держались общіе соборы, на которыхъ устанавливались или отмѣнялись догматы.

Въ такомъ видѣ буддизмъ явился въ Японію. Страна эта была тогда дѣйственной почвой для всего, что только могло назваться религіей. Блѣдный туземный культъ — „синто“ — состоялъ главнымъ образомъ въ принесеніи жертвъ душамъ умершихъ предковъ, да въ церемоніяхъ тѣлеснаго очищенія. Если отбросить отъ него догматъ божественнаго происхожденія микадо и обязанность всякаго японца слѣпо повиноваться ему, то отъ этого культа ничего, въ сущности, и не останется, кромѣ запутаннѣйшей космогоніи. Душа древняго японца должна была быть, поэтому, готова принять все, что явилось болѣе опредѣленнымъ и положительнымъ, чѣмъ голая пустота его родного культа. И синто долженъ былъ уступить буддизму ¹⁾. Конечно, это случилось не вдругъ, и не безъ извѣстнаго сопротивленія со стороны консервативныхъ умовъ. Прошли вѣка прежде, чѣмъ религія Будды завоевала себѣ новую страну; но, разъ завоевавъ ее, буддизмъ наложилъ рѣзкую печать на весь духовный складъ японской націи: все народное образованіе сосредоточилось мало-помалу въ рукахъ буддійскихъ священниковъ и учителей; буддизмъ ввелъ въ Японію искусства, науки, медицину, создалъ драматическую поэзію и вообще оказалъ глубокое вліяніе на всѣ сферы общественной и умственной дѣятельности японской народности, которая, можно сказать, выросла и воспиталась подъ его могучимъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ.

Среди буддійскихъ миссіонеровъ первыхъ вѣковъ, дѣятельность которыхъ была особенно плодотворна для насажденія буддизма въ Японіи, самымъ выдающимся является знаменитый Кобо-Дайши (род. 774 г. † 835 г.), замѣчательный ученый своего времени, знатокъ санскрита и китайскаго языка, составитель японской азбуки, мужъ великой святости вообще. Онъ училъ, между прочимъ, что синтооскіе боги суть воплощенія Будды въ Японіи, чѣмъ устанавливалъ естественную связь между новою вѣрою и первобытнымъ культомъ страны, привязывавшимъ японца къ богамъ его предковъ. Во времена Кобо-Дайши буддизмъ уже разбился на многочисленныя секты, которыя или основывались въ самой Японіи, или привозились изъ Кореи и Китая.

¹⁾ Синтооскій культъ никогда, впрочемъ, не былъ вполне подавленъ новою вѣрою и дошелъ до нашихъ дней, хотя, конечно, и въ сильно намѣненномъ видѣ.

III.

Отъ начала японской имперіи до столѣтія, слѣдующаго за введеніемъ буддизма,—микадо были, и въ теоріи, и въ дѣйствительности, истинными вождями своего народа: они лично правили страной и начальствовали надъ ея арміями. То былъ золотой вѣкъ императорской власти, цвѣтущее время личнаго значенія и вліянія императоровъ. Введеніе буддизма черезъ Китай и Корею ввело въ Японію и нѣкоторые обычаи этихъ государствъ. Въ царствованіе императрицы Суйко, въ 603 г. нашей эры, правительственные чиновники были раздѣлены на разряды по рангамъ, на подобіе китайскихъ ранговъ. Вскорѣ послѣ Суйко взошла на престолъ императрица Ко-Когу, главнымъ совѣтникомъ которой былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ людей Японіи, Накатоми-Каматарико, родоначальникъ рода Фудзивара. При немъ, въ 649 году, были учреждены, по китайскому образцу, восемь министерствъ. При немъ же былъ изданъ сводъ законовъ, имѣвшій силу до самаго недавняго времени.

Появленіе на японскомъ престолѣ, въ теченіе цѣлаго ряда царствованій, женщинъ и мальчиковъ должно быть отнесено за счетъ буддизма: для лучшаго служенія Богу, императоры послѣ непродолжительнаго царствованія отрекались отъ власти и удалялись въ монастыри, а на престолъ вступали дѣти или молодыя женщины; всѣ помыслы послѣднихъ, въ свою очередь, подъ вліяніемъ новой религіи, могущественно завладѣвшей умами, направлялись на изученіе религіозныхъ книгъ, на сооруженіе храмовъ, громаднхъ идоловъ и колоколовъ. Всѣ эти обстоятельства способствовали превращенію императорскаго достоинства въ почетный титулъ и переходу дѣйствительной власти въ руки министровъ, а постепенно выросшія дворянскія фамиліи развернулись въ двѣ могущественныя касты военныхъ и гражданскихъ чиновъ. До VIII-го ст. въ Японіи не существовало спеціальнаго класса воиновъ: арміи являлись народнымъ ополченіемъ, которое послѣ войны расходилось къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Около конца VIII-го в. царствовавшій тогда императоръ издалъ слѣдующій указъ: всѣ тѣ изъ богатыхъ крестьянъ, которые умѣютъ хорошо ѣздить верхомъ и стрѣлять изъ лука, должны составить военное сословіе; а остальные—бѣдные и слабые—пусть продолжаютъ обрабатывать землю. Этотъ указъ имѣлъ глубокое вліяніе на всю дальнѣйшую исторію страны. Для поддержки существованія военной касты тогда же было приказано доставлять въ казну извѣст-

ную часть сбора риса, которая и стала раздаваться солдатамъ, какъ жалованье. Эта реформа, такимъ образомъ, осудила одинъ классъ населенія на жизнь вола подъяремнаго, а другому предоставила тотъ обезпеченный досугъ, при которомъ стали возможны путешествія, литературныя и научныя занятія, развитіе всякихъ рыцарскихъ чувствъ и понятій о чести,—словомъ, создала условія для образованія того типа, который извѣстенъ подъ именемъ „самурайа“ и который олицетворяетъ собою идеаль японской націи. Посмотримъ теперь, какъ образовалась высшая знать Японіи.

Въ древности микадо имѣлъ одну законную жену, дѣти которой пользовались правомъ наслѣдовать престолъ отца, по его личному выбору, и 12 женъ *de la main gauche*. Дѣти послѣднихъ, въ случаѣ бездѣтности первой, законной супруги, могли также разсчитывать быть избранными отцомъ въ престолонаслѣдники. Кромѣ того, четыре семейства императорской крови были выдѣляемы отъ прочихъ, получали особые доходы и образовали какъ бы резервъ царствующей фамиліи: въ случаѣ неимѣнія императоровъ прямого мужского потомства, наслѣдникъ престола могъ избираться изъ этихъ четырехъ фамилій; изъ нихъ же выбирались и мужья царскимъ дочерямъ. Эти четыре императорскія фамиліи (Син-Во) называются: Фу-Сими, Арисугава, Катсура и Кун-Нинъ.

Послѣ императорскаго дома и четырехъ семействъ царской крови, первое мѣсто въ странѣ, по знатности рода, всегда принадлежало придворному дворянству,—„кугѣ“. Многія изъ фамилій кугѣ происходятъ отъ младшихъ членовъ царствующаго дома; происхожденіе другихъ относятъ къ эпохѣ завоеванія страны императоромъ Джин-му: предки ихъ были товарищами перваго императора по оружію и, въ награду за свои услуги, получили земли въ центрѣ тогдашняго государства.

Вотъ наиболѣе знатные роды страны, съ именами которыхъ намъ придется здѣсь встрѣтиться: 1) Фудзивара; фамилія эта основана извѣстнымъ Накатоми-Коматарико, который происходилъ самъ отъ одного изъ божественныхъ сотоварищей Джин-му; 2) Сугавара,—почти столь же древній родъ, какъ и Фудзивары; онъ прославился ученостью, литературными талантами и благочестіемъ своихъ членовъ; 3) Тайра; родоначальникомъ этой фамиліи былъ одинъ изъ правнуковъ императора Квамму (782—805 г.); 4) Минамото; этотъ родъ былъ основанъ однимъ изъ внуковъ императора Сей-Ва (839—880 г.). Члены обѣихъ послѣднихъ фамилій извѣстны своими военными доблестями.

Хотя въ VII столѣтіи было создано множество должностей въ имперіи по образцамъ, заимствованнымъ изъ Китая, но кугѣ были достаточно многочисленны, чтобы ихъ наполнить. Фамилія Фудзивара, при этомъ, постепенно получила преобладаніе надъ всѣми другими знатными родами: важнѣйшія должности при дворѣ и въ провинціи были заняты ея членами. Мало-по-малу она забрала въ свои руки все управленіе имперіей, прикрываясь только именемъ микадо. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій жены для императоровъ выбирались почти исключительно изъ рода Фудзиваръ. Въ 888 году было учреждено званіе „квамбакку“, равносильное регентскому достоинству: регентъ вступалъ въ управленіе страной при малолѣтствѣ императора или при вступленіи на престолъ императрицы. Возложенное впервые на члена все той же фамиліи, регентское достоинство сдѣлалось въ ней наслѣдственнымъ. Съ теченіемъ времени родъ Фудзивара разросся до размѣровъ большаго клана и раздѣлился на пять вѣтвей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ регентскихъ фамилій.

При отсутствіи опредѣленныхъ законовъ престолонаслѣдія, для этого всемогущаго рода былъ открытъ широкій просторъ для игры престоломъ: Фудзиварамъ не трудно было выбрать наслѣдника по своему вкусу, когда государь умиралъ или отказывался отъ власти, и легко было снова сдѣлать тронъ вакантнымъ, заставивъ императора отречься.

До конца VIII-го столѣтія не существовало постоянной императорской резиденціи. Столица, въ древности, переносилась съ мѣста на мѣсто, странствуя по такъ называемымъ дворцовымъ провинціямъ: Ямато, Ямаширо и Сетсу. Дворъ имѣлъ, въ сущности, характеръ военнаго лагеря, готоваго всегда отправиться къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ грозила наибольшая опасность отъ дикихъ племенъ; но когда непокорныя племена были оттѣснены далеко на сѣверъ, владѣнія короны значительно расширились, мирныя государственныя дѣла и задачи усложнились, тогда вопросъ о постоянной столицѣ, какъ центральномъ пунктѣ административнаго управленія, сталъ вопросомъ первостепенной важности.

Въ 794 году дворъ окончательно утвердился въ Кіото. Къ этому времени между микадо и его народомъ возникла уже та стѣна бюрократіи, которая сдѣлала государя недоступнымъ для массы, окутала его туманомъ сверхъестественнаго бытія, связала по рукамъ и ногамъ этикетомъ и, лишивъ дѣйствительной власти, сдѣлала эту власть предметомъ всѣхъ честолюбивыхъ аппетитовъ. Открывалась эпоха великихъ междоусобныхъ войнъ. Мы говорили,

какого могущества при дворѣ достигла фамилія Фудзивара въ концѣ VIII-го столѣтія. Чтобы удержаться на высотѣ положенія, ей, однако, приходилось такъ или иначе считаться съ другими знатными родами. Отсюда—масса интригъ и всевозможныхъ преступленій, составляющихъ одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ японской исторіи.

Самымъ раннимъ соперникомъ фамиліи Фудзиваръ явился родъ Сугавара; но онъ былъ сломенъ въ этой непосильной борьбѣ. Вскорѣ, однако, выступили новые соперники всемогущей фамиліи. Дѣло вотъ въ чемъ: гражданскія должности въ государствѣ были монополизированы Фудзиварами. Главари этой фамиліи предпочитали утонченную жизнь двора суровостямъ военныхъ походовъ къ границамъ имперіи, какихъ постоянно требовали возставшія полупокоренныя племена,—и предоставили веденіе военныхъ дѣлъ двумъ другимъ знатымъ фамиліямъ, Тайра и Минамото, между которыми стали появляться люди, обладавшіе выдающимися военными талантами. Оба эти рода постепенно выросли въ цѣлые военные кланы, доставлявшіе императорскимъ арміямъ полководцевъ и военныхъ начальниковъ вообще.

Пока главы этихъ фамилій находили удовлетвореніе своему честолюбію въ военной славѣ, Фудзивары были спокойны за свое положеніе при дворѣ. Опасность соперничества и борьбы за власть явилась со стороны женщинъ этихъ двухъ фамилій. Особенности замѣщенія японскаго престола отрывали широкое поле для женскихъ честолюбій. Считая свои фамиліи столь же знатыми, какъ и Фудзивара, женская половина родовъ Тайра и Минамото стала добиваться чести попасть или въ императрицы, или, на худой конецъ, въ побочныя жены императоровъ. Вліяніе этихъ женскихъ домогательствъ, въ связи съ возросшимъ значеніемъ и силою родовъ Тайра и Минамото, было настолько сильно, что всемогущіе Фудзивары должны были уступить, и въ 1008 г. законной женой императора сдѣлалась впервые одна изъ представительницъ фамиліи Минамото. Этой фамиліи, между прочимъ, принадлежитъ честь окончательнаго усмиренія восточныхъ провинцій главнаго острова, а Тайрамъ—умиротвореніе, юга и запада имперіи.

Одинъ изъ членовъ рода Тайра, по имени Тадамори, по окончаніи своихъ славныхъ походовъ, завершившихся усмиреніемъ южныхъ и западныхъ областей государства, прибылъ въ Кіото, женился здѣсь и имѣлъ отъ этого брака сына, — Кійомори; съ этимъ именемъ связанъ рядъ мрачныхъ и кровавыхъ сказаній японской исторіи. Въ 36 лѣтъ Кійомори былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ имперіи. Обѣ воинственныя фамиліи, Тайра

и Минамото, жили теперь въ Кіото въ мирѣ и дружбѣ до 1156 года, когда онѣ сдѣлались сразу смертельными врагами. Въ этомъ году возгорѣлась борьба между двумя претендентами на престолъ, считавшими каждый свои притязанія законными. На сторону одного изъ нихъ стали Тайра, на сторону другого — Минамото. Партія Тайра восторжествовала, она захватила императорскій дворецъ, посадила своего протежѣ на престолъ и, владѣя особой мизадо, сдѣлалась владычицей страны. Это было началомъ господства въ Японіи военнаго сословія, — господства, продолжавшагося вплоть до 1868 года. Кійомори, очутившись господиномъ положенія, постарался не только достичь самыхъ высшихъ почестей и возвысить весь свой родъ, но и рѣшилъ истребить ту фамилію, которая съ паденіемъ Фудзиваровъ, унесенныхъ волной революціи, доставившей ему власть, являлась единственной возможной его соперницей при дворѣ.

Въ 1171 г. власть Кійомори достигла своего апогея: 60 членовъ его рода занимали высшія придворныя должности; дочь его сдѣлалась женой императора, а двое сыновей получили высшія военныя званія. Съ помощью наемныхъ убійцъ, Кійомори отдѣлался отъ главныхъ взрослыхъ членовъ фамиліи Минамото; но остались дѣти, которымъ удалось избѣгнуть смерти. Изъ нихъ выросли потомъ суровые мстители за поруганный, обездоленный родъ. Это были знаменитые въ исторіи страны братья Ёритомо и Ёшитсунѣ.

Расправившись со своими врагами и достигнувъ высшаго положенія въ имперіи, Кійомори сталъ позволять себѣ неслыханныя дерзости не только по отношенію къ тѣмъ, кто стоялъ ниже его, но даже къ принципамъ императорской крови. Для низложенія надменнаго временщика составилъ заговоръ, и во главѣ этого заговора сталъ оскорбленный членъ императорской фамиліи. Отъ стараго императора, котораго Кійомори заставилъ отречься отъ престола, взяты были письма къ Ёритомо, тѣмъ временемъ возмужавшаго, гдѣ императоръ просилъ его освободить страну отъ Кійомори: Ёритомо считался старшимъ въ родѣ Минамото и главнымъ врагомъ Кійомори, убившаго его отца и сдѣлавшаго его мать своей любовницей. Ёритомо выбралъ мѣстечко Камакуру своей резиденціей и началъ набирать себѣ приверженцевъ. Но пока былъ живъ Кійомори, партія Ёритомо не могла рассчитывать на большой успѣхъ: число недовольныхъ старымъ режимомъ, правда, было очень велико, но немного находилось такихъ смѣльчаковъ, которые, не боясь грознаго диктатора, рѣшались открыто примкнуть къ партіи, поднявшей знамя бунта противъ него.

Со смертію Кійомори, послѣдовавшей въ 1181 году, обстоятельства разомъ измѣнились. Минамото подняли голову; за нимъ потянулись всѣ „униженные и оскорбленные“ долгимъ самовластіемъ Кійомори, и дѣло фамиліи Тайра было проиграно. Въ нѣсколькихъ стычкахъ войска Іоритомо побѣдили войска приверженцевъ Тайровъ; одинъ изъ военачальниковъ Іоритомо взялъ столицу; молодой императоръ, женатый на дочери Кійомори, бѣжалъ изъ Кіото; повсюду были разосланы войска—сломить бюрократію, преданную интересамъ Тайровъ. Приверженцы и члены преслѣдуемой фамиліи соединились въ укрѣпленномъ замкѣ, въ Фукуварѣ, и стали собирать войска. Въ 1184 году Іошитсунѣ взялъ фукуварскій замокъ и предалъ его пламени. Сынъ Кійомори и его главные сподвижники бѣжали тогда на островъ Сікоку. Іошитсунѣ преслѣдовалъ ихъ по пятамъ, выбилъ изъ всѣхъ укрѣпленныхъ позицій и погналъ ихъ къ Симоносекскому проливу. Такъ какъ Тайра были съ земли повсюду вытѣснены, то вопросъ долженъ былъ окончательно рѣшиться морскимъ сраженіемъ. Они собрали флотъ въ 500 морскихъ судовъ, на которыхъ посадили свои войска, женъ, дѣтей, престарѣлыхъ отцовъ и матерей. Въ этой толпѣ были вдова и дочь Кійомори, послѣдняя имѣвшая со своимъ мужемъ, —малолѣтнимъ императоромъ. Съ ними же находились и священные знаки императорской власти—мечъ и шаръ. Рѣшительный бой произошелъ въ апрѣлѣ 1185 года при Дан-но-урѣ, близъ теперешняго города Симоносеки. На корабляхъ Минамото были только вооруженные воины. Уже одно это обстоятельство давало имъ перевѣсъ надъ флотомъ Тайровъ; но гонимый родъ, которому оставалось одно: или побѣдить, или умереть въ волнахъ пролива, одушевленный присутствіемъ своихъ семей, дрался съ ожесточеніемъ; къ концу дня стало, однако, ясно, что Минамото одолѣвають. Видя безнадежное положеніе дѣла, вдова Кійомори, взявъ на руки своего внука, —малолѣтняго императора, бросилась съ нимъ въ море и утонула. Сотнями гибли въ волнахъ члены фамиліи Тайра, и до нынѣ еще живетъ въ народѣ память объ этомъ побоищѣ. „Японскій мореплаватель, съ стѣсненнымъ сердцемъ, проходитъ мѣсто ужасной битвы, и ночью, въ фосфорическомъ блескѣ волнъ, видитъ отсвѣтъ душъ погибшихъ героевъ. Японскій крестьянинъ залива видитъ иногда по ночамъ, какъ тѣни непріятельскихъ армій вычерпываютъ море бездонными черпаками, осужденные очищать такимъ путемъ океанъ отъ позора, какимъ они его нѣкогда покрыли“ ¹⁾. Лишь

¹⁾ Griffis, ... „Mikado's Empire“.

немногіе изъ фамиліи Тайра и ея сторонниковъ избѣгли смерти въ данноурской битвѣ и нашли спасеніе въ ущельяхъ горъ острова Кіу-Сіу. Въ центрѣ этого острова находится нагорная равнина, простирающаяся въ длину верстъ на 30. Это мѣсто, сто лѣтъ тому назадъ, оставалось совершенно неизвѣстнымъ туземцамъ, и когда его открыли случайно, то нашли въ немъ три населенныя деревни, построенныя близъ болота; главная изъ нихъ называлась *Тайра*. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что жители этихъ деревень были именно потомки нѣкоторыхъ членовъ и сторонниковъ фамиліи Тайра, бѣжавшихъ сюда послѣ данноурской битвы. Боязнь, что ихъ накажутъ за вины предковъ такъ прочно укоренилась въ нихъ, что всѣ эти шесть столѣтій они прожили въ полномъ отчужденіи отъ всего остального міра ¹⁾.

Изъ женщинъ, пережившихъ данноурскую битву, нѣкоторые вышли замужъ за побѣдителей, другія покончили съ собой самоубійствомъ, третьи занялись ремесломъ куртизанокъ. И донынѣ, какъ говорятъ, куртизанки города Симоносеки, ведущія свой родъ отъ женщинъ Тайра, пользуются нѣкоторыми особыми правами и преимуществами.

Местъ Іоритамо не ограничилась, однако, этой блестящей побѣдой надъ враждебнымъ родомъ: многія дѣти фамиліи Тайра остались въ Кіото, и всѣ они были преданы смерти въ присутствіи спеціальнаго посланца изъ Кама-Куры, — зятя Іоритомо.

Страна въ это время находилась въ состояніи анархіи: разбои, грабежи, цѣлыя гнѣзда мародѣровъ, цѣлыя крѣпости изъ монастырей, съ запасами оружія, съ огромными богатствами, готовыхъ всегда оказать поддержку той партіи, которая была имъ выгодна. Возстановленіе законнаго порядка и усиленіе престижа правительственной власти являлись настоятельной задачей для Іоритомо, и онъ справился съ своей задачей весьма оригинально: прежде всего онъ устранилъ возможность постоянныхъ столкновеній и счетовъ своихъ съ кіотской знатью тѣмъ, что совсѣмъ покинулъ резиденцію микадо и поселился въ Кама-Курѣ: въ Кіото остались все обаяніе, весь почетъ, подобающій верховной божественной власти императора, а дѣйствительная власть сконцентрировалась въ Кама-Курѣ, въ его собственныхъ рукахъ. Когда столица Іоритомо обратилась въ огромный городъ, онъ создалъ свой государственный совѣтъ, рѣшавшій всѣ дѣла, касавшіяся восточныхъ провинцій главнаго острова, и судебный трибуналъ, вѣдавшій главнымъ образомъ дѣла о разбояхъ. Пять чле-

¹⁾ Диксонъ, „Японія“.

новъ его фамиліи были назначены императоромъ, по его просьбѣ, губернаторами провинцій. Это было большимъ нововведеніемъ, такъ какъ до того времени губернаторскія мѣста занимались исключительно гражданскими лицами изъ кіотскихъ придворныхъ. Іоритомо, впрочемъ, не имѣлъ вначалѣ намѣренія захватить въ свои руки военный контроль надъ страной. Идея такого подчиненія принадлежить одному изъ его министровъ. Чтобы имѣть постоянно подъ руками свою восточную армію, Іоритомо, по совѣту этого министра, предложилъ учредить во всей имперіи спеціальныя налоги для содержанія мѣстныхъ гарнизоновъ и на обязанность ихъ возложить поддержаніе внутреннего порядка въ странѣ. Далѣе, въ каждую провинцію, сверхъ гражданского губернатора, былъ назначенъ еще военный начальникъ съ тѣмъ, чтобы онъ участвовалъ въ управленіи провинціею на равныхъ правахъ съ губернаторомъ. Наконецъ, Іоритомо выхлопоталъ у императора, чтобы на должности этихъ военныхъ начальниковъ были назначены его собственные родственники, отличившіеся въ войнахъ, и чтобы всѣ они были поставлены подъ власть и контроль самого Іоритомо. Разъ получивъ все это, Іоритомо тѣмъ самымъ приобрѣлъ могущественную власть надъ всей Японіей.

Такимъ именно образомъ было положено начало тому военному управленію, которое царило надъ страной въ теченіе почти семи вѣковъ.

Въ 1192 году Іоритомо достигъ зенита своего могущества и значенія: микадо даровалъ ему титулъ „Сей-и-Тай-Шогунъ“, что, въ буквальномъ переводѣ, значитъ: „Покоряющій варваровъ Великій Генералъ“. Первоначальное происхожденіе этого званія надо искать въ тѣхъ подвигахъ, которые оказали предки Іоритомо и самъ онъ въ окончательномъ усмиреніи инородцевъ сѣверныхъ и восточныхъ частей главнаго острова. Титулъ этотъ существовалъ до 1868 года. Въ древности всѣ высшіе военачальники назывались шогунами. Съ этой новой приставкой шогунъ приобрѣталъ военную власть надъ всѣми остальными начальниками войскъ, являясь, такъ сказать, генералиссимусомъ имперіи. Но необходимо замѣтить теперь же, что какъ ни велика была впоследствии власть Сей-и-Тай-Шогунъ, они всегда оставались военными вассалами короны, не больше, правившими страной только во имя микадо и для блага микадо.

IV.

Юритомо умеръ въ 1199 году. Въ исторіи его родной страны онъ считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ правителей и военныхъ дѣятелей; но его слава омрачена рядомъ жестокостей не только по отношенію къ врагамъ, но и къ собственнымъ родственникамъ, политическая благонадежность которыхъ дѣлалась почему-либо подозрительной въ его глазахъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ его поступокъ съ роднымъ братомъ Юшисунѣ, оказавшимъ ему великія услуги. Блестящая воинская слава Юшисунѣ, главнаго героя истребленія рода Тайровъ, возбудила въ душѣ Юритомо зависть къ брату. Нашелся клеветникъ, который раздулъ эту зависть въ ненависть, выставивъ на видъ опасный характеръ популярности героя, имѣвшаго будто бы тайною цѣлью низверженіе Юритомо и захватъ власти въ свои руки. И вотъ, когда Юшисунѣ, послѣ своихъ блистательныхъ побѣдъ, возвращался въ Кама-Куру (это было послѣ данноурской битвы), онъ получилъ приказаніе отъ Юритомо не вступать въ его столицу, а ждать дальнѣйшихъ распоряженій въ одной деревушкѣ. Здѣсь Юшисунѣ написалъ письмо, гдѣ перечислилъ все, что онъ сдѣлалъ, всѣ трудности недавнихъ походовъ и битвъ, опасности, которымъ онъ лично подвергался, и просилъ очистить его имя отъ клеветы и подозрѣнія. Письмо было послано главному совѣтнику Юритомо, котораго Юшисунѣ просилъ стать посредникомъ между нимъ и братомъ. Продавъ напрасно отвѣта, Юшисунѣ отправился въ Кіото. Здѣсь слуги Юритомо, по приказанію послѣдняго, пытались убить героя. Онъ бѣжалъ въ провинцію Ямато, гдѣ снова было покушеніе на его жизнь. Тогда онъ удалился на сѣверъ, къ одному изъ своихъ друзей. Шпіоны брата открыли, однако, его убѣжище, и Юшисунѣ, по общераспространенной версіи, убилъ сначала собственными руками жену и дѣтей, а затѣмъ совершилъ надъ собой „хара-кири“, послѣ чего голова его была отослана въ Кам-Кауру. Но дѣйствительность этого разсказа подвержена еще большому сомнѣнію. Есть указанія на то, что Юшисунѣ бѣжалъ на островъ Іезо, жилъ долго между аинами и прославился здѣсь какъ великій и мудрый законодатель. Послѣ смерти онъ былъ обожествленъ этими дива-рами, которые чтутъ его память понынѣ. Другіе утверждаютъ опять, что Юшисунѣ не умеръ на островѣ Іезо, а бѣжалъ съ него въ Азію и сдѣлался тѣмъ великимъ завоевателемъ, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Чингисъ-Хана. Въ книгѣ,

носящей названіе Сеппу, изданной въ Китаѣ и представляющей собраніе всякой исторической смѣси, говорится положительно, что Чингисъ-Ханъ былъ, собственно, нѣкто Іошитсунѣ, прибывшій въ Китай изъ Японіи. Дѣйствительно, если написать фамилію Минамото-Іошитсунѣ китайскими знаками, то она будетъ читаться „Джен-Гикѣ“,—это во-первыхъ. Далѣе, Іошитсунѣ послѣ своей смерти получилъ названіе Тему-Джинъ, или Тенъ-Джинъ; какъ извѣстно, первоначальное имя монгольскаго завоевателя, при его появленіи на сценѣ міровой исторіи, было также Тему-Джинъ, или Темучинъ (что значить законодатель). Японскіе аины боготворятъ Іошитсунѣ опять-таки подъ именемъ „Гангванъ-Дай-Міо-Джинъ (Тему-Джинъ)“, т.-е. „великій, славный законодатель“. Это — второе доказательство вѣроятной тождественности обѣихъ историческихъ личностей. Іошитсунѣ родился въ 1159 г.; ему было 30 лѣтъ въ то время, когда онъ, по первой версіи, умеръ. Чингисъ-Ханъ родился, по общераспространенному мнѣнію, въ 1160 г., и умеръ въ 1227; если Дженъ-Гикѣ (т.-е. Минамото Іошитсунѣ) и Чингисъ-Ханъ — тождественны, то герою оставалось 38 лѣтъ до окончанія его завоевательной дѣятельности. Такимъ образомъ, и цифры годовъ рожденія Іошитсунѣ и Чингиса совпадаютъ почти годъ въ годъ.

Будущій великій завоеватель, — говорятъ монгольскія преданія, — принялъ въ своей молодости имя „Дженгисъ“ (т.-е. Величайшій) по совѣту одного шамана, а народъ свой назвалъ „монголами“ (т.-е. смѣлыми, предприимчивыми). Ему было предсказано, что онъ завоюетъ весь міръ. Дѣйствительно, онъ и его сыновья покорили Китай, Корею, Багдадскій калифатъ и расширили монгольскую имперію до Одера и Дуная¹⁾. Они пытались завоевать и Японію; но объ этомъ будетъ рѣчь дальше.

Сыновья Іоритомо оказались людьми вовсе не обладавшими тѣми качествами, какихъ требовало ихъ положеніе. Они попали въ руки могущественной фамиліи Ходжо, глава которой вскорѣ заставилъ старшаго отречься отъ титула шогуна и постричься въ монахи въ одномъ изъ храмовъ, гдѣ его и убилъ потомъ подосланный убійца. Младшій погибъ отъ руки своего родного племянника, — и власть перешла окончательно въ руки Ходжѣ, которые, не называясь шогунами, присвоили себѣ власть назначать и свергать, съ одной стороны, шогуновъ, а съ другой — императоровъ. Эта фамилія правила страной полтора столѣтія, и, несмотря на

¹⁾ Griffis „Mikado's Empire“. Ср. также: Rein, „Japan“; Metchnikoff, „L'empire Japonnais“.

то, что нѣкоторые изъ правившихъ членовъ ея извѣстны были какъ выдающіеся ученые, поэты и законодатели; несмотря на то, что при нихъ царствовали миръ и порядокъ, и нѣкоторыя отрасли искусствъ достигли небывалой до того высоты, возникли великолѣпные храмы, пагоды, колоссальныя статуи боговъ; несмотря, наконецъ, на то, что имъ принадлежитъ честь отраженія монгольскаго нашествія на страну, — тѣмъ не менѣ народная память никогда не простила имъ того жестокаго произвола, съ какимъ они обращались съ императорами. Ненависть, которую они возбудили въ народѣ, вызвала, наконецъ, взрывъ возстанія противъ нихъ, и въ 1333 году власть Ходжо была сломлена, а ихъ столица, городъ Кама-Кура, обращенъ въ груды пепла и развалинъ.

Мы говорили выше о монгольскомъ нашествіи на Японію, бывшемъ при Ходжо. Дѣло вотъ въ чемъ: по низложеніи Сун'ской династіи и покореніи всего Китая, Кублай-Ханъ отправилъ пословъ въ Японію, съ требованіемъ почетной дани. Регентъ фамилии Ходжо, правившій тогда страной (1268 г.), отвергъ это требованіе. Оно снова повторилось, и опять съ тѣмъ же результатомъ. Тогда десять тысячъ монголовъ попробовали высадиться на островъ Кіу-Сіу, но были отбиты (1274 г.).

Снова Кублай-Ханъ отправилъ пословъ, которые объявили регенту, что не вернутся въ Китай безъ дани. Въмѣсто всякаго отвѣта, регентъ велѣлъ отрубить имъ головы. Новое посольство постигла та же участь. Тогда отъ береговъ Кореи двинулся огромный флотъ изъ 3½ тысячъ джонокъ, съ десантомъ въ 100 тысячъ монголовъ и 7 тысячъ корейцевъ, снабженныхъ метательными орудіями, которые научилъ ихъ дѣлать жившій при дворѣ хана знаменитый венеціанецъ Марко Поло. Гибель Японіи казалась неизбежной; но на помощь ей пришли стихіи: одинъ изъ свирѣпыхъ японскихъ тайфуновъ (урагановъ) разразился надъ непріятельскимъ флотомъ, разметалъ и потопилъ большую часть его кораблей, такъ что на долю японскихъ солдатъ осталось только добывать жалкіе остатки могучей арміи. Говорятъ, только три человѣка достигли обратно береговъ Кореи, чтобы рассказать своему государю о полномъ истребленіи его войска. Это случилось въ 1281 году, и Китай съ тѣхъ поръ не дѣлалъ болѣе попытокъ овладѣть Японіей.

Съ паденіемъ фамилии Ходжо, въ 1333 году, отерывается самый смутный періодъ японской исторіи.

Можно было думать, что мигадо, восстановленный въ своей власти, уничтожить навсегда систему шогунальнаго управленія;

случилось, — однако, не то: императоръ попалъ въ руки новой возвысившейся знатной фамиліи, — Аши-Кага. Глава этой фамиліи, Такеучи, снова возстановилъ Кама-Куру, которая сдѣлалась военной столицей имперіи. Чтобы получить санкцію отъ верховной власти на занимаемое имъ положеніе — истиннаго главы имперіи, Такеучи объявилъ законнымъ императоромъ Ко-Гена, принца императорской крови, который и далъ ему титулъ „Сей-и-Тай-Шогунъ“.

Первый императоръ, жившій въ Кіото, не захотѣлъ добровольно уступить своей власти. Началась война между императорами юга и сѣвера, — война двухъ астръ (цѣтокъ астры — гербъ императорской фамиліи въ Японіи), продолжавшаяся 65 лѣтъ: на одну сторону стали приверженцы сѣвернаго императора, съ фамиліей Ашикаго во главѣ; на другую — южнаго, унесшаго съ собой священные знаки императорской власти и окруженнаго славнѣйшими именами страны. Началось царство анархіи. Главные зачинщики междоусобной войны давно перемерли, а кровь не переставала литься. Наконецъ, въ 1392 году посолъ отъ Ашикаговъ убѣдилъ южнаго императора отдать знаки священной власти сѣверному императору и тѣмъ прекратить междоусобную брань. Основой мира были приняты слѣдующія условія: сѣверный императоръ, получивъ знаки священной власти, узаконивающіе его притязанія, тотчасъ же отрекается отъ дѣйствительной власти въ пользу южнаго императора; затѣмъ, престолъ поочередно занимаетъ членами обѣихъ соперничающихъ царскихъ фамилій. Шестидесяти-пятилѣтняя война двухъ астръ прекратилась, должность шогунъ сдѣлалась наслѣдственной въ родѣ Ашикаговъ; но страна тѣмъ не менѣе не умиротворилась: въ теченіе двухъ вѣковъ, отъ 1392 по 1573 г., феодальныя усобицы покрываютъ японскую почву кровью и развалинами; предательство и измѣна наполняютъ лѣтописи; нравы грубѣютъ; науки въ полномъ пренебреженіи: говорятъ, что послѣ войнъ XV-го и XVI-го вв. въ имперіи нашлись только два человѣка, способные учить грамотѣ. Анархія достигаетъ своей крайней степени. Положеніе императоровъ было самое горькое: они зачастую нуждались въ самомъ необходимомъ. Одинъ изъ нихъ, напр., былъ такъ бѣденъ, что могъ существовать только даяніями какого-то великодушнаго дворянина; другой умеръ въ такой нищетѣ, что не на что было похоронить его, и тѣло лежало непогребеннымъ нѣсколько дней.

Всѣ эти бѣдствія, несправедливости и жестокости народная память неразрывно связала съ родомъ Ашикаговъ, который, вдоба-

вокъ, покрылъ еще себя вѣчнымъ позоромъ, признавъ добровольно зависимость отъ Китая взаимнѣ титула королей Японіи, пожалованнаго китайскимъ императоромъ этой семьѣ, претендовавшей, повидимому, самой въ концѣ концовъ овладѣть японскимъ престоломъ.

V.

Въ 1542 году на сценѣ японской исторіи появляется Нобунага, которому суждено было положить начало умиротворенію несчастной страны. Онъ былъ потомокъ Кійомори. Отецъ его имѣлъ большія помѣстья, и Нобунага, владѣя порядочнымъ войскомъ, набраннымъ въ собственныхъ владѣніяхъ, приобрѣлъ известное вліяніе при дворѣ шогуна, а затѣмъ, въ 1573 году, пользуясь удобнымъ моментомъ, низложилъ правившаго шогуна, чѣмъ и былъ положенъ конецъ 238-лѣтнему владычеству ашикагской династіи ¹⁾. Съ помощью двухъ знаменитыхъ своихъ сподвижниковъ, Хидейёши и Іеязу, онъ подчинилъ себѣ всю страну, которою и сталъ управлять во имя микадо. Онъ получилъ званіе „великаго министра внутреннихъ дѣлъ“, но шогуномъ не назывался, потому что должность „Сей-и-Тай-Шогуна“ была монополизирована (и обычай освятилъ эту монополію) фамиліей Минамота и ея боковой вѣтви Ашикагами, тогда какъ Нобунага былъ изъ рода Тайра. Впрочемъ Нобунага, говорятъ, и не стремился быть шогуномъ. Задавшись цѣлью водворенія порядка въ странѣ, онъ поручилъ завѣдываніе дѣлами въ столицѣ и заботы о микадо одному изъ своихъ приближенныхъ, и употребилъ всѣ усилія для облегченія народныхъ бѣдствій. Имъ были уничтожены подомная подать и натуральная повинность, состоявшая въ томъ, что одинъ изъ членовъ каждаго дома обязанъ былъ проводить мѣсяцъ на общественныхъ работахъ, а затѣмъ и внутреннія заставы. Онъ старался, кромѣ того, водворить правосудіе, подвергалъ судей строгому преслѣдованію за взяточничество и приказалъ судить съ безпощадной жестокостью преступниковъ противъ личности и собственности гражданъ. Кража и тому подобныя преступленія всѣ наказывались смертью. Благодаря этому, — говорятъ японцы, — кражи при Нобунага въ Японіи такъ же прекратились, какъ въ Монголіи во времена Чингисъ-Хана, когда

¹⁾ Запутанная и скучная исторія всѣхъ этихъ средневѣковыхъ феодальныхъ усобицъ Японіи подробно изложена, между прочимъ, въ „Исторіи Японіи“, Костылева.

кошель, уроненный на большой дорогѣ, всегда могъ быть поднять его владѣльцемъ на обратномъ пути.

Отсѣченіе головы, по законамъ Нобунага, считалось наказаніемъ сравнительно легкимъ; при немъ часто практиковалась казнь распятіемъ на крестѣ, а въ исключительныхъ случаяхъ родъ казни изобрѣтался вновь. Такъ, одинъ дворянинъ, стрѣлявшій въ Нобунагу, былъ по горло зарытъ въ землю, и въ этомъ положеніи ему отпилили голову деревянной пилой, и т. д. ¹⁾

Правленіе Нобунага ознаменовалось, между прочимъ, ожесточенной борьбой съ буддійскими монастырями. Дѣло въ томъ, что эпоха Ашикаговъ была тѣмъ временемъ, когда буддійское духовенство достигло апогея своего свѣтскаго могущества. Ихъ монастыри представляли зачастую настоящія огромныя крѣпости, окруженныя каменными стѣнами и окопанныя рвами, наполненными водой. Въ этихъ монастыряхъ хранились большіе запасы провіанта, оружія и денегъ, такъ что въ каждый данный моментъ они могли вооружить цѣлыя арміи изъ бродягъ и всевозможныхъ преступниковъ, кишмя-кишѣвшихъ тогда въ странѣ. Между соперничающими сектами происходили иногда настоящія сраженія, во время которыхъ сжигались храмы, деревни и города и погибали тысячи людей.

Въ то время самый большой буддійскій монастырь существовалъ въ Гіейзанѣ (близъ озера Бива). Здѣсь, на земляхъ его было построено больше 500 храмовъ и священническихъ домовъ, скопились тысячи монаховъ, жившихъ очень весело, было много оружія и денегъ, которыя и пускались въ ходъ, когда собственныя выгоды монастыря требовали возжечь въ томъ или другомъ мѣстѣ междоусобную войну.

Нобунага хорошо видѣлъ, что существованіе подобныхъ монастырей, кромѣ соблазна, какой они представляютъ, есть постоянная угроза внутреннему спокойствію страны, и потому онъ рѣшился разрушить ихъ и началъ съ самаго большого и богатаго. Осенью 1571 г. онъ окружилъ своими войсками гіейзанскій монастырь. Высказавъ своимъ сподвижникамъ все то, что онъ думалъ о подобныхъ монастыряхъ и монахахъ, онъ приказалъ имъ разрушить разбойничье гнѣздо. Солдаты подожгли храмы и дома, и пошла страшная рѣзня. Это былъ первый великій ударъ буддизму.

Въ 1580 году Нобунага приступилъ къ искорененію другого монастырскаго гнѣзда, которое было въ Осакѣ.

Громадный, хорошо укрѣпленный осакскій монастырь былъ

¹⁾ См. Костылевъ, I. с.

давнишнимъ убѣжищемъ враговъ Нобунага. Да и сами монахи его всей душой ненавидѣли диктатора, который изъ политическихъ видовъ,—въ противовѣсъ буддизму, всячески поощрялъ явившихся при немъ впервые въ Японію іезуитовъ, съ большимъ успѣхомъ начинавшихъ проповѣдовать христіанство туземцамъ. Воспользовавшись тѣмъ, что убійцы нѣкоторыхъ изъ его лучшихъ военачальниковъ нашли убѣжище въ этомъ монастырѣ, Нобунага рѣшилъ овладѣть послѣднимъ. Монастырь представлялъ изъ себя пять сообщающихся другъ съ другомъ крѣпостей, наполненныхъ тысячами солдатъ, монаховъ, женщинъ и дѣтей. Нобунага окружилъ его своими войсками такъ, что отрѣзалъ всякое сообщеніе гарнизона съ внѣшнимъ міромъ. Въ одну темную, бурную ночь нѣсколько тысячъ людей осажденныхъ, между которыми была масса женщинъ, стариковъ и дѣтей, попытались было пробраться тайкомъ черезъ цѣпь осажденныхъ, но попались въ плѣнъ и всѣ были перебиты. На другой день главный гарнизонъ узналъ объ участи, постигшей несчастныхъ бѣглецовъ, когда увидѣлъ большую джонку, всю наполненную отрѣзанными человѣческими ушами и носами. На второй мѣсяцъ осады Нобунага овладѣлъ тремя изъ пяти главныхъ фортовъ крѣпости. Двадцать тысячъ монастырскихъ обывателей были при этомъ перебиты или погибли въ пламени. Говорятъ, что запахъ жаренаго человѣческаго мяса наполнилъ воздухъ на многія версты кругомъ. Но тутъ вступился въ дѣло микадо: пораженный такимъ ужаснымъ кровопролитіемъ, онъ послалъ къ осажденнымъ совѣтъ сдаться. Совѣтъ былъ принятъ. Сдавшимся дарована жизнь, и они разсѣялись по другимъ монастырямъ. Нобунага овладѣлъ осакаскимъ замкомъ, который съ тѣхъ поръ всегда оставался въ рукахъ правительства.

Большія секты Японіи никогда потомъ не могли оправиться отъ удара, нанесеннаго имъ Нобунагой.

Самъ Нобунага погибъ въ Кіото: одинъ изъ его военачальниковъ, оскорбленный имъ когда-то, воспользовавшись случайнымъ отсутствіемъ войскъ въ столицѣ, окружилъ ночью домъ Нобунаги своими войсками, и послѣдній, видя неминуемую смерть, поджегъ свой домъ и погибъ въ пламени.

Смерть помѣшала Нобунагѣ довершить свою задачу—объединенія и умиротворенія націи. Къ счастью для страны, однако, послѣ него остались два близкіе ему человека,—его товарищи по оружію, посвященные въ его думы и планы, люди необыкновенно талантливые, которымъ суждено было довершить дѣло

Нобунаги и окончательно установить феодальныя учрежденія страны на прочномъ основаніи. Это были Хидейёши и Іеазу.

Хидейёши, сынъ простаго крестьянина, въ молодости служилъ конюхомъ у Нобунаги, которому понравилось его подвижное лицо, его смѣлые глаза и остроумныя выходки. Великій диктаторъ приблизилъ къ себѣ юношу и не ошибся въ своемъ выборѣ: Хидейёши выказалъ огромные военные таланты и быстро достигъ высшихъ степеней въ его арміи.

Узнавъ о смерти Нобунаги, Хидейёши поспѣшилъ со своими войсками въ Кіото, низложилъ и предалъ смерти того человѣка, по винѣ котораго погибъ Нобунага, и, подавивъ оппозицію ближайшихъ родственниковъ послѣдняго, очутился господиномъ положенія: дворъ и микадо были въ его власти. Онъ употребилъ эту власть для усиленія значенія императора и для мирнаго устройства страны. Вотъ вкратцѣ перечень его мирныхъ дѣяній.

Въ Кіото онъ выстроилъ прекрасные дворцы, провелъ новыя улицы, улучшилъ старыя, въ городѣ Фу-Шими, представляющемъ стратегическій ключъ Кіото,—воздвигнулъ крѣпкій замокъ, въ Осаѣ выстроилъ огромную крѣпость на мѣстѣ монастыря, разрушеннаго Нобунагой, и положилъ основаніе будущему коммерческому величію города, углубивъ и расширивъ рѣку и проведя сотни каналовъ, перерѣзывающихъ Осаку по всѣмъ направленіямъ; Нагасаки, которое стало дѣлаться важнымъ торговымъ пунктомъ, онъ отнялъ отъ князя Омура и сдѣлалъ этотъ городъ собственностью короны.

Слѣдуя политикѣ Нобунаги, онъ разрушилъ нѣсколько большихъ буддійскихъ монастырей въ провинціи Кій, бонзы которыхъ помогали его врагамъ и вообще волновали противъ него населеніи провинціи.

Получивъ власть надъ всею Японіей, Хидейёши принялъ сначала фамилію Тайра, а потомъ Фудзивара и захотѣлъ получить титулъ шогуна; но ему было сообщено, что титулъ шогуна дается только потомкамъ императоровъ, носящимъ фамилію Минамото, а ему, какъ принявшему въ то время фамилію Фудзивара, можетъ быть данъ только титулъ „квамбаку“ (регентъ). Хидейёши сталъ просить у императора, чтобы ему дали это званіе; просьба его была уважена: его произвели въ квамбаку. Вскорѣ, однако, Хидейёши захотѣлъ получить собственное фамильное имя. Императоръ далъ ему фамилію Тоѣ-Томи, и въ исторіи Японіи онъ болѣе извѣстенъ подъ этимъ послѣднимъ именемъ; историки зовутъ его также „Тайко“, но это не фамилія, а титулъ, который давался регентамъ, удалявшимся отъ дѣлъ. Хидейёши принялъ

титულъ „тайко“ тогда, когда, готовясь къ походу въ Корею, хотѣлъ надолго отрѣшиться отъ веденія дѣлъ въ Японіи. Обширная и разносторонняя дѣятельность внутри родной страны не могла, однако, поглотить всей неукротимой энергіи этого крестьянскаго сына: давнишней, завѣтной мечтой Хидейёши было завоеваніе Кореи и Китая.

Дань, платимая Кореей Японіи, давнымъ-давно прекратилась, и пираты, опустошавшіе побережья обоихъ государствъ, въ конецъ подорвали торговыя сношенія между ними. Смутные слухи и рассказы, привозимые нѣкоторыми китайскими бѣглецами въ Японію, говорили о полной анархіи, царствовавшей тогда въ Китаѣ.

Эти обстоятельства, въ связи съ ясно сознаваемой необходимостью дать выходъ буйнымъ силамъ, бродившимъ въ странѣ, заставили Хидейёши думать, что насталъ моментъ осуществленія мечты его юности. Въ 1592 году огромная армія въ полмилліона человѣкъ,—все, что было наиболѣе безпкойнаго въ тогдашней Японіи,—высадилась на берега Кореи. Послѣ ряда битвъ почти вся Корея была завоевана. Вотъ, между прочимъ, одинъ изъ характерныхъ эпизодовъ этой войны: послѣ какаго-то большого сраженія, на полѣ сраженія остались 10 тысячъ мертвыхъ корейскихъ тѣлъ; японцы отрѣзали у труповъ носы и уши, часть ихъ посолжили, часть положили въ рисовую воду и доставили потомъ эти человѣческіе консервы въ Кіото, гдѣ они и покоятся подъ однимъ большимъ могильнымъ холмомъ.

Когда въ Китаѣ получена была вѣсть о вторженіи японцевъ въ Корею, на театръ военныхъ дѣйствій были посланы китайскія войска.

Мы не будемъ, впрочемъ, излагать здѣсь всѣ перипетіи этой борьбы японскихъ армій съ соединенными силами Кореи и Китая: это и скучно, и имѣетъ слишкомъ мѣстный интересъ.

Скажемъ только, что въ концѣ концовъ, послѣ шестилѣтняго занятія Кореи японскими войсками, Хидейёши убѣдился, что завоевать эту страну, а, главное, удержать ее за собой, не по силамъ Японіи. Вести дальше разорительную войну не было средствъ, и Хидейёши сталъ думать только о томъ, чтобы хотъ окончить ее съ честью. Посреди этихъ заботъ онъ тяжело заболѣлъ. Чувствуя, что ему ужъ не поправиться, онъ рѣшилъ передать управленіе государственнымъ дѣлами въ надежныя руки. Единственное лицо, на которое можно было положиться въ этомъ отношеніи, былъ Іеязу изъ рода Токугава, и Хидейёши сталъ просить Іеязу взять на себя управленіе государствомъ.

Какъ дальновидный человѣкъ, Іеязу не согласился на такую постановку вопроса: онъ боялся возбудить противъ себя могущественныхъ феодальныхъ князей и ближайшихъ родственниковъ Хидейёши; поэтому онъ просилъ послѣдняго составить завѣщаніе такимъ образомъ, чтобы Іеязу, вмѣстѣ съ другими довѣренными лицами, были только опекунами сына Хидейёши,—малолѣтняго Хидейёри,—впредь до совершеннолѣтія мальчика.

Въ 1528 году Хидейёши умеръ. Узнавъ о смерти тайко, японскіе военачальники, оставшіеся съ своими арміями въ Корей, рѣшили вернуться на родину, что имъ и удалось послѣ невѣроятныхъ трудностей и лишеній. Для Японіи снова настало тревожное и смутное время. Малолѣтній Хидейёри не пользовался никакой популярностью среди тогдашней японской знати уже въ виду одного того, что Хидейёши былъ изъ крестьянскаго рода, да и самая законность происхожденія этого ребенка отъ тайко подвержена была весьма сильному сомнѣнію. Далѣе, родной племянникъ Нобунаги былъ живъ и вовсе не думалъ отказываться отъ своихъ претензій на власть, а его открытое обращеніе въ христіанство давало его партіи основаніе рассчитывать на весьма вѣскую поддержку со стороны многочисленныхъ въ то время христіанъ Японіи. Окончаніе корейскаго похода вернуло въ Японію массу буйныхъ головъ и честолюбивыхъ вождей, между которыми не одинъ мечталъ занять руководящую роль въ странѣ. Между опекунами, назначенными покойнымъ тайко управлять дѣлами государства совмѣстно съ Іеязу, возникло сильное неудовольствіе противъ послѣдняго: Іеязу въ это время распорядился всѣмъ, прочіе же члены главнаго управленія несли только расходы по управленію, поочередно содержа свои гарнизоны въ Кіото и Осака, но властью никакой не пользовались. Подозрѣвая Іеязу въ намѣреніи окончательно прибрать къ своимъ рукамъ мѣсто, оставшееся вакантнымъ послѣ смерти Нобунага и Хидейёши, они начали собирать войска. Іеязу не далъ захватить себя врасплохъ и также собралъ армію. Междоусобная брань снова вспыхнула. Послѣ нѣсколькихъ сраженій у Осака, причѣмъ осакская цитадель попеременно переходила изъ рукъ въ руки, двѣ враждебныя арміи сошлись въ рѣшительной битвѣ при Секигахарѣ (въ 1600 году). Побѣда осталась за Іеязу. Это сраженіе дало фамилии Іеязу наслѣдственный шогунатъ и рѣшило участь христіанства въ странѣ и судьбы Японіи на два съ половиной столѣтія.

Въ эпоху тайко японское судостроительное искусство достигло высокаго совершенства. Корабли, выстроенные въ этомъ

столѣтій, были въ два-три раза больше и обладали гораздо лучшими морскими качествами, чѣмъ теперешнія, самыя большія парусныя суда Японіи. Японцы бороздили моря по всѣмъ направленіямъ. Курильскіе острова на сѣверѣ, южный Китай, Филиппинскіе острова, Малайскій архипелагъ, Сіамъ и Бирма на югѣ,—вотъ тѣ пунеты, гдѣ японскіе купцы и пираты XVI-го столѣтія оставили свои глубокіе слѣды. Въ древней столицѣ Сіама, Айютии, былъ, напр., цѣлый японскій кварталъ.

Но не далеку уже былъ тотъ день, когда суровая рука новаго направленія внутренней и вѣдшей политики наложить свое veto на свободное развитіе торговой предпримчивости японскаго народа и окружить страну отъ вѣдшаго міра глухой стѣной на цѣлыя 250 лѣтъ, даровавъ ей, правда, за то блага мирнаго житія-бытія: съ 1159 года, когда въ борьбѣ за власть столкнулись фамиліи Тайра и Минамото и началось господство въ странѣ военныхъ фамилій, до начала XVII-го стол., исторія Японіи представляетъ почти непрерывный рядъ гражданскихъ войнъ. Два съ половиною вѣка, слѣдующихъ за вступленіемъ во власть Іеязу, являются эпохой глубокаго, и внутренняго, и вѣдшаго, міра.

VI.

Фамилія Іеязу-Токугава,—или Токунгава,—вела свой родъ отъ микадо Сейва черезъ Минамото Іюшійсе. И онъ на официальныхъ документахъ всегда подписывался: Минамото-но-Іеязу, т.-е. Іеязу изъ рода Минамото. По своему рожденію онъ имѣлъ право сдѣлаться Сей-и-Тай-Шогуномъ, или главою надъ всѣми феодальными князьями. И императорскій дворъ, жаждая мира и находя, что Іеязу—именно такой человекъ, который можетъ поддержать въ имперіи порядокъ, предписалъ указомъ всеобщее повиновеніе ему и сдѣлалъ его Сей-и-Тай-Шогуномъ. Величайшей заботой всей жизни Іеязу было согласное съ его видами распредѣленіе земельной собственности въ средѣ поземельнаго дворянства имперіи. Его девизомъ было: divide et impera! Если два сосѣднихъ могущественныхъ рода были ему враждебны, онъ помѣщалъ между ними одного изъ собственныхъ родственниковъ, или личныхъ приверженцевъ, и тѣмъ не давалъ этимъ родамъ соединиться въ одну сильную коалицію. Кромѣ распредѣленія своихъ враговъ, имѣвшаго цѣлью сдѣлать ихъ безвредными лично для себя, Іеязу позаботился предохранить и столицу Кіото отъ всякихъ покушеній на нее со стороны разныхъ честолюбцевъ,

которые, въ случаѣ завладѣнія особой императора, могли бы породить массу смутъ въ странѣ, какъ это и бывало въ прежнія времена. Онъ достигъ своей цѣли искуснымъ распредѣленіемъ поземельныхъ владѣтелей вокругъ Кіото: столица микадо была окружена со всѣхъ сторонъ друзьями токугавской фамиліи и изолирована отъ ея враговъ. Земли острововъ Сикока и Кіу-Сіу были также распредѣлены такъ, что наиболѣе вѣрные приверженцы Іеазу получили преобладаніе надъ другими крупными поземельными собственниками.

У Іеазу было двѣнадцать человѣкъ дѣтей. Трехъ дочерей онъ выдалъ замужъ за могущественныхъ феодальныхъ князей, бывшихъ его друзьями. Старшій сынъ умеръ, прежде чѣмъ отецъ сдѣлался шогуномъ. Второй сынъ получилъ Эчизенъ. Эчизенскіе князья поэтому, какъ ближайшіе родственники шогунальной фамиліи, были самыми ревностными ея приверженцами вплоть до паденія шогунальной власти. Третій сынъ былъ выбранъ впослѣдствіи самымъ отцомъ въ наслѣдники по званію шогуна. Трехъ другимъ своимъ сыновьямъ Іеазу пожаловалъ земли Овари, Кіи и Мито. Они основали три фамиліи, которыя назывались Го-зан-кѣ, и изъ которыхъ могъ выбираться шогунъ, въ случаѣ отсутствія наслѣдника въ прямомъ поколѣніи отъ Іеазу.

Рядомъ съ Го-зан-кѣ стояли князья Кокушіо, владѣвшіе большими провинціями, пользовавшіеся огромнымъ вліяніемъ, представлявшими въ общемъ силу, съ которой Іеазу считался, какъ равный съ равными. Ихъ было девять родовъ. Ниже этихъ независимыхъ фамилій стояли 36 родовъ, находившихся въ прямыхъ вассальныхъ отношеніяхъ къ Іеазу, жившихъ на его земляхъ и принявшихъ фамильное имя „Матсудайра“, бывшее собственно прозвищемъ той мѣстности, которая составляла первоначальныя владѣнія семейства Іеазу. На ряду съ этими 36-ю дворянскими фамиліями стояли другіе дворянскіе роды Фудай. Это были первоначально тѣ гражданскіе и военные начальники, которыхъ Іеазу надѣлялъ землями въ награду за ихъ личныя ему услуги въ эпоху утвержденія его власти.

Всѣ эти дворянскіе роды: Го-зан-кѣ, Кокушіо, 36 фамилій Матсудайра и Фудай, составили высшую поземельную знать страны,—такъ-называемыхъ „дайміо“ (феодальные князья). Слѣдующую за дайміо ступень составили „хата-мота“, которые были также вассалы шогуна и поступали въ его распоряженіе во время войны. Каждый изъ нихъ имѣлъ, въ свою очередь, отъ трехъ до трехсотъ личныхъ приверженцевъ, пользовавшихся дворянскими правами. Хатамота составили большой корпусъ (до 80.000 че-

ловѣвъ) военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, преданный вполне интересамъ рода Токугавовъ.

Еще низшую ступень военного сословія образовали такъ-называемые „хокенины“, — потомки солдатъ арміи Іеязу. Въѣсть съ Хатамота они составили наслѣдственныхъ личныхъ приверженцевъ шогуна, — цѣлый кланъ Токугавы, соединенные доходы котораго равнялись девяти милліонамъ коку риса ¹⁾ (коку = приблизительно 6½ пудамъ). Шогуна, или главный дайміо имперіи, имѣлъ, такимъ образомъ, огромные военные ресурсы, въ видѣ массы личныхъ приверженцевъ и колоссальныхъ доходовъ, и могъ держать въ страхѣ, съ одной стороны, — императорскій дворъ, съ другой поземельное дворянство имперіи. Необходимо теперь же еще разъ отмѣтить, что Іеязу и его потомки, какъ въ теоріи, такъ и въ дѣйствительности, несмотря на все ихъ могущество, были только вассалы императора, не больше. Никто изъ поземельнаго дворянства, ни одинъ дайміо, ни даже самъ шогуна, не признавались въ Кіото дворянами имперіи: это званіе принадлежало только еугѣ.

Всѣ лица, включенныя въ вышеупомянутые военные классы, въѣсть со всѣми людьми, принадлежавшими къ ихъ свитамъ, составили сословіе, носившее общее названіе „самурайевъ“ (благородныхъ), хотя самурайми назывались потомъ исключительно хатамота и хокенины, а высшая самурайская знать звалась дайміо, или князьями.

Границы помѣстья, дарованнаго каждому дайміо, не могли быть измѣнены ни путемъ брака, ни продажей, безъ спеціального разрѣшенія верховнаго дайміо, шогуна.

Всѣ самураи вообще имѣли привилегію носить двѣ сабли, были изъяты отъ налоговъ и получали наслѣдственные дачи риса отъ правительства. Самурайскія понятія о чести запрещали этому сословію заниматься какимъ бы то ни было ремесломъ, или участвовать въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ. Его единственные обязанности въ мирное время составляли: сторожевая служба въ замкахъ дайміо и участіе въ княжеской свитѣ при путешествіяхъ князя или въ какихъ-нибудь парадныхъ случаяхъ.

Нѣкоторые изъ самурайевъ занимались литературой, наукой, искусствомъ; большинство же проводило свою жизнь, полную досуга, въ гостиницахъ, чайныхъ домахъ и т. п.

Двѣ сабли, торчавшія за поясомъ у самурайевъ, были не-

¹⁾ Доходы государства въ то время равнялись приблизительно 80 милліонамъ коку риса.

одинаковой величины: одна большая, другая маленькая; первая служила для самозащиты и нападенія; вторая употреблялась въ томъ случаѣ, когда законы дворянской чести предписывали самурайю совершить надъ собой обрядъ „хара-кири“, т.-е. самоубійство путемъ распарыванія живота.

Ниже самураевъ стояли три общественные класса: земледѣльцы, ремесленники и купцы. Это былъ собственно „народъ“. Купцамъ приходилось плохо отъ самураевъ: послѣдніе пользовались ихъ безправіемъ и позволяли себѣ иногда возмутительныя насилія надъ ними. Находились, правда, и между самураями люди, которые всегда были готовы стать на сторону угнетенныхъ; иные дѣлались даже странствующими рыцарями для защиты вдовъ и сиротъ; но все-таки купцамъ и земледѣльцамъ было бы совсѣмъ плохо, еслибы они не имѣли защитниковъ въ лицѣ оригинальнаго братства, члены котораго носили имя „отокодате“. Отокодате не принадлежали къ классу самураевъ и были его злѣйшими врагами. Это была ассоціація людей, соединившихся въ общій союзъ для взаимной помощи и защиты. Рабочій безъ занятій, сынъ, прогнанный отцомъ, самурай, исключенный изъ своего сословія, всякій слабый и лишенный обычной почвы своей дѣятельности, чувствовавшій необходимость имѣть что-либо заступающее родъ или семью, могъ явиться къ главѣ братства отокодате съ просьбою о принятіи его въ среду братьевъ. Условія приѣма были просты: поступавшій клялся говорить всегда чистѣйшую правду, держать честно разъ данное слово и никогда не трусить. Глава братства, „отецъ“, пользовался неограниченной властью среди „братьевъ“ и огромнымъ вліяніемъ среди населенія: сильнымъ тогдашняго японскаго міра приходилось иногда серьезно считаться съ этими „отцами“. Кромѣ взаимной помощи, „братья“ должны были оказывать поддержку всѣмъ вообще слабымъ и угнетеннымъ. Это были борцы народа и за народъ, который любилъ ихъ, восхищался ихъ подвигами и до сихъ поръ съ наслажденіемъ читаетъ рассказы о ихъ дѣяніяхъ.

Человѣкъ, не имѣвшій поддержки въ какой-нибудь ассоціаціи того времени, не могъ жить въ этой феодальной средѣ. Отсюда эта масса всевозможныхъ обществъ и цеховъ феодальной Японіи, раздробившихъ страну на мельчайшія группы гражданъ, лишенныхъ чувства общаго патріотизма и ставившихъ интересы своей ассоціаціи выше прочихъ интересовъ отечества.

Ниже земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ стояли такъ-называемыя „хэтэ“, куда относились кожевники, живодеры, копатели могилъ и т. п. То были парія Японіи: они не могли

ни входить въ дома другихъ обывателей, ни пить, ни ѣсть съ ними, ни даже варить на одномъ и томъ же огнѣ съ другими людьми. Происхожденіе ихъ надо искать въ запрещеніи буддійской религіей убивать животныхъ и имѣть вообще соприкосновеніе съ трупами: такъ какъ ремесло „хэтѣ“ неизбѣжно связано съ такими запрещенными дѣянiями, то этотъ классъ людей и былъ поставленъ внѣ предѣловъ общества. Рядомъ съ ними стояли „хи-нины“ (не-люди), послѣдній разрядъ нищихъ.

Таково было устройство японскаго общества вплоть до революціи 1868 года.

Укрѣпивъ свою власть, Іеязу началъ съ того, что даровалъ амнистію всѣмъ, кто сражался противъ него. Политика примиренія быстро привлекла на его сторону почти всѣ вліятельныя фамиліи. Закоренѣлыхъ враговъ своихъ онъ оставилъ въ покое, предоставивъ дальнѣйшее вліянію всеисцѣляющаго времени.

Только дважды въ теченіе его правленія миръ имперіи былъ нарушенъ: первый разъ—преслѣдованіемъ христіанъ, во второй разъ — войной съ Хидейѣри, сыномъ Тайко. Вокругъ этого юноши скопилось большинство недовольныхъ режимомъ Іеязу. Открывъ заговоръ противъ своей особы и не давъ времени заговорщикамъ собраться съ силами, Іеязу 3-го іюня 1615 года атаковалъ осакскій замокъ, въ которомъ заперся Хидейѣри со своими приверженцами. Кровавая битва подъ стѣнами Осаки имѣла своимъ результатомъ триумфъ Іеязу и исчезновеніе съ лица земли Хидейѣри, который, говорятъ, погибъ въ пламени.

8-го марта 1616 года Іеязу умеръ. Его прахъ, согласно послѣдней волѣ покойнаго, былъ перенесенъ въ Ниеко, гдѣ и похороненъ съ большими почестями.

Іемитзу, внукъ Іеязу, былъ, несомнѣнно, самый способный правитель изъ всей токугавской фамиліи, послѣ ея основателя, систему котораго онъ довелъ до совершенства. Онъ, между прочимъ, провелъ слѣдующую мѣру: всѣ даймiо должны ежегодно являться въ Іеддо ¹⁾ и прожить въ столицѣ шогунѣ полгода. Сначала этихъ даймiо принимали дѣйствительно какъ почетныхъ гостей: самъ шогунъ выѣзжалъ къ нимъ на встрѣчу въ пригороды Іеддо, а они клялись ему въ вѣрности, скрѣпляя свою клятву кровью, извлекавшеюся изъ третьяго пальца правой руки. Постепенно, однако, условія этихъ княжескихъ визитовъ къ шогуну, будучи обязательными, дѣлались все стѣснительнѣе, пока

¹⁾ Іеязу выбралъ своей резиденціей мѣстечко Іеддо, разросшееся вскорѣ въ громадный городъ. Іеддо оставался столицей шогуновъ вплоть до 1868 года.

наконецъ почетный визитъ не обратился въ тягостную повинность: жены и дѣти даймю явились въ Иеддо какъ бы заложниками вѣрности ихъ мужей и отцовъ правителю, а сами главы княжескихъ семействъ должны были воздавать погуну высочайшія почести. При Іемитзу была учреждена и получила широкое развитіе система официальнаго взаимнаго шпионства, наложившая такой своеобразный отпечатокъ на всю дальнѣйшую исторію и нравы страны. Истребленіе христіанства въ Японіи и крайнее ограниченіе сношеній ея съ остальнымъ міромъ такъ же совершились въ правленіе этого погуна. Онъ умеръ въ 1649 году и погребенъ со своимъ знаменитымъ дѣдомъ въ Никко.

VII.

Исторія появленія христіанства въ Японіи, его быстрыхъ успѣховъ въ этой странѣ и его искорененія въ XVII вѣкѣ—въ высокой степени интересна и поучительна. Первые проповѣдники христіанства явились въ Японію вслѣдъ за прибытіемъ туда первыхъ европейцевъ. Одинъ португальскій авантюристъ, Мендець Пинто, жившій въ китайскомъ городѣ Нин-по, гдѣ въ тѣ времена процвѣтала португальская колонія, отправился разъ съ какимъ-то китайскимъ пиратомъ на промыселъ. Поднявшійся штормъ, свирѣпствовавшій нѣсколько дней, прибилъ ихъ къ острову, который оказался населеннымъ японцами; это былъ Танегашима. Туземные историки отмѣчаютъ первое прибытіе европейцевъ на Танегашиму годомъ, соответствующимъ 1542 году нашего лѣтосчисленія, и говорятъ, что тогда же появилось впервые въ Японіи огнестрѣльное оружіе. Пинто и его два товарища были вооружены аркебузами, которые привели японцевъ въ восторгъ. Даймю Бунго пригласилъ Пинто къ себѣ, и тамъ послѣдній научилъ туземцевъ, какъ дѣлать пушки и порохъ. Въ нѣсколько лѣтъ огнестрѣльное оружіе вошло во всеобщее употребленіе въ странѣ. Пинто и его товарищи вернулись въ Нин-по съ богатыми подарками.

Этотъ новый рынокъ привлекъ въ Японію сотни португальскихъ авантюристовъ. За купцами вскорѣ послѣдовали миссіонеры.

Знаменитый іезуитскій святой Францискъ Ксавье, во время своихъ путешествій по Индо-Китаю и островамъ Зондскаго архипелага, гдѣ онъ проповѣдовалъ слово божіе, встрѣтился однажды съ какимъ-то японскимъ бѣглецомъ, по имени Анжиро. Японецъ понравился энергичному проповѣднику, былъ имъ окрещенъ, на-

учился португальскому языку, чтенію и письму и перевелъ на японскій языкъ евангеліе отъ Маттея. Анжиро, такимъ образомъ, явился первымъ японцемъ, принявшимъ христіанство. Это произошло въ 1548 году. У Ксавье тогда же возникъ планъ—обратить Японію въ христіанство, и получивъ отъ нѣкоторыхъ португальскихъ купцовъ свѣденіе, что сатсумскій князь намѣревается будто бы отправить пословъ за христіанскими проповѣдниками, онъ рѣшилъ немедленно ѣхать въ Японію. 8-го августа 1549 г., Ксавье, въ сопровожденіи Анжиро и еще двухъ новообращенныхъ японцевъ, прибылъ въ Кагосиму,—главный городъ сатсумскаго княжества. Встрѣченный съ почетомъ, онъ дѣятельно принялся за проповѣдь. Въ теченіе 2½ лѣтъ его пребыванія въ Японіи, онъ посѣтилъ Хирадо, Ямагучи и Кіото. Рядъ чудесныхъ исцѣленій, совершенныхъ имъ, сильно поднялъ его престижъ; но онъ, не владея достаточно японскимъ языкомъ, не могъ все-таки привлечь къ себѣ того вниманія, какое ожидалъ встрѣтить, и уѣхалъ изъ Японіи разочарованнымъ. Но по слѣдамъ Ксавье явилась масса другихъ миссіонеровъ, и ихъ успѣхъ оказался поразительнымъ. Спустя пять лѣтъ послѣ того, какъ Ксавье оставилъ Кіото, въ окрестностяхъ этого города насчитывалось уже 7 церквей, а въ 1581 году въ странѣ было 200 церквей и 150.000 туземныхъ христіанъ.

Набунага, правившій тогда Японіей, открыто покровительствовалъ христіанамъ. Правда, онъ это дѣлалъ изъ политическихъ видовъ, какъ мы уже говорили выше: онъ ненавидѣлъ буддистовъ, въ особенности буддійскихъ бонзъ, мутившихъ страну, и видѣлъ въ успѣхахъ христіанства противовѣсъ чрезмѣрному могуществу многочисленныхъ буддійскихъ монастырей, составлявшихъ такую страшную силу, противъ которой всякое оружіе въ его глазахъ было позволительно.

Многіе дайміо уже исповѣдовали новую вѣру. Въ 1583 году іезуиты убѣдили новообращенныхъ христіанъ, князей Арима, Омура и Бунго, послать къ папѣ посольство изъ четырехъ молодыхъ дворянъ, которые должны были объяснить его святѣйшеству, что эти князья считаютъ себя вассалами папскаго престола. Послы имѣли аудіенцію у Филиппа II испанскаго, въ Мадридѣ, цѣловали ногу папы въ Римѣ и вернулись въ Японію только черезъ восемь лѣтъ вмѣстѣ съ семнадцатью іезуитскими миссіонерами.

Тѣмъ временемъ въ страну не прекращался притокъ всевозможныхъ католическихъ патеровъ: нищенствующіе монахи, доминиканцы и августинцы, явившіеся съ Филиппинскихъ острововъ, на ряду съ іезуитами ревностно набирали себѣ прозелитовъ. Число

туземныхъ христіанъ въ эту эпоху наивысшаго успѣха католической пропаганды въ Японіи доходило до 600.000 человекъ, по отчетамъ миссіонеровъ (японскіе историки считаютъ количество крестившихся въ 2 милліона душъ). Между обращенными было нѣсколько принцевъ императорской фамиліи, много удѣльныхъ князей и дворянъ, занимавшихъ высокіе офиціальныя посты, много знатныхъ женщинъ домовъ Хидейёши, Хидейёри, Іеязу и др. Христіанскія церкви и часовни считались тысячами.

Причину такого поразительно быстрого успѣха католическаго христіанства въ странѣ надо искать въ томъ умственномъ броженіи, какое миссіонеры нашли здѣсь тогда.

Были послѣдніе дни владычества Ашикаговъ, когда Ксавье прибылъ въ Японію. Столѣтія анархій и междоусобныхъ войнъ довели народъ до крайней степени бѣдности. Туземныя религіозныя системы давали мало утѣшенія своимъ послѣдователямъ. Культъ синто никогда и не претендовалъ на нравственное вліяніе; буддизмъ вырожденъ въ своего рода коммерческій промыселъ, гдѣ спасеніе души продавалось за то или другое количество молитвъ, прочитанныхъ священниками; да и спасеніе-то это обѣщалось только послѣ многихъ переселеній души, повторныхъ рожденій, несчастій и смертей. Католическіе же миссіонеры проповѣдовали ученіе немедленнаго вступленія въ рай послѣ смерти для всѣхъ истинно-вѣрующихъ въ Христа,—ученіе, доводившее, какъ говорятъ, ихъ слушателей до энтузіазма.

Бъ этимъ внутреннимъ причинамъ, способствовавшимъ успѣхамъ римско-католической пропаганды въ странѣ, надо прибавить и тѣ поразительныя аналогіи, какія встрѣчаются въ буддизмѣ и католической формѣ христіанства, и которыя значительно облегчаютъ переходъ отъ религіи Будды въ религію Рима. Все почти, что есть наиболѣе отличительнаго въ римской формѣ христіанства, можно найти и въ буддизмѣ: иконы, свѣчи, роскошные алтари, благовонныя куренья, мужскіе и женскіе монастыри, холостая жизнь духовенства, посты, паломничество, обѣты нищенства, стриженные головы священниковъ, индульгенціи, и проч., и проч. И всей этой готовой уже обстановкой, конечно, воспользовались католическіе миссіонеры: идола Будды, послѣ маленькихъ измѣненій, служили для изображенія Христа; двѣнадцать учениковъ Будды легко обратились въ двѣнадцать апостоловъ; Кван-Нонъ, богиня Милосердія, проложила путь Богоматери.

Но миссіонеры не ограничились чистой евангельской проповѣдью: принесли съ собой духъ инквизиціи, которая процвѣтала тогда въ Испаніи и Португаліи, они начали нападать на тузем-

ныхъ еретиковъ, на бонзъ, и возбуждать новообращенныхъ оскорблять старыхъ боговъ, разрушать идолы, сжигать или осквернять буддійскіе алтари. Пускались въ ходъ фивтивныя чудеса; не останавливались ни предъ обманомъ, ни предъ подкупомъ.

Особенно успѣшно шло крещеніе туземцевъ на Kiu-Ciu: здѣсь князья, сдѣлавшись христіанами, сами стали побуждать своихъ подданныхъ принять новую вѣру. Огонь, мечъ и другія средства насилія были пущены въ ходъ наравнѣ съ проповѣдью, какъ орудія обращенія. Вотъ нѣсколько эпизодовъ изъ того времени, о которыхъ съ гордостью рассказываютъ въ своихъ отчетахъ сами миссіонеры: дайміо Бунго разрушилъ самый великолѣпный храмъ княжества, сжегъ 3.000 монастырей и сравнялъ ихъ съ землею. Омурскій князь Сумитанда, сдѣлавшись христіаниномъ, объявилъ открытую войну противъ бонзъ и разослалъ нѣсколько военныхъ отрядовъ по всему княжеству съ наказомъ разрушать буддійскіе идолы и храмы. Въ 1577 г. князь острова Амагуза приказалъ своимъ подданнымъ сдѣлаться немедленно христіанами или оставить страну; въ короткое время въ его княжествѣ образовалось болѣе 20 церквей, и т. д., и т. д.,—въ томъ же духѣ.

Съ увеличеніемъ числа различныхъ католическихъ орденовъ въ странѣ, начались между ними раздоры, порожденные соперничествомъ изъ-за приходскихъ общинъ: каждому ордену хотѣлось имѣть побольше такихъ общинъ. Дѣло доходило между ними до крупныхъ дракъ, отлученій другъ друга отъ церкви и прочихъ неприличныхъ сценъ, являвшихся крайнимъ соблазномъ для новообращенныхъ. Этого мало: въ тѣ времена политическія и религіозныя войны составляли обычное явленіе въ Европѣ, и раздоры различныхъ европейскихъ національностей перенеслись и на почву Японіи. Испанцы и португальцы чернили характеръ еретиковъ-протестантовъ; протестанты, голландцы и англичане, возбуждали ненависть и боязнъ японцевъ въ папистамъ, и въ то же время клеветали другъ на друга.

Далѣе, всѣ иностранные кушцы, въ особенности португальцы, были тогда работоторговцы. Долгія гражданскія войны и экспедиція въ Корею такъ обездолили японскій народъ, что японскіе рабы сдѣлались необыкновенно дешевы: тысячи ихъ отправлялись въ Макао, Китай и на Филиппинскіе острова. Авантюристы изъ подонковъ европейскихъ націй, свившіе себѣ гнѣздо въ морскихъ портахъ Японіи—Хирадо и Нагасаки, требовали бдительнаго надзора и вмѣшательства туземныхъ властей въ ихъ постоянные раздоры и счеты между собою, кончавшіеся нерѣдко убійствами.

Понятно, что все это, вмѣстѣ взятое, должно было въ концѣ

концовъ произвести известное впечатлѣніе на умы людей, стоявшихъ во главѣ тогдашняго японскаго правительства. Пока Нобунага жилъ и іезуиты пользовались его благорасположеніемъ, дѣло христіанской проповѣди шло успѣшно; но уже Хидейёши издалъ, въ 1587 году, указъ, изгонявшій иностранныхъ миссіонеровъ. Осторожные іезуиты заперли свои церкви и занялись тайной проповѣдью; но испанскіе нищенствующіе монахи высказали самое открытое презрѣніе къ закону. Въ 1596 г., шесть францисканцевъ, три іезуита и семнадцать крещенныхъ японцевъ были схвачены въ Нагасаки, и три изъ нихъ распяты. Португальскіе іезуиты, жившіе въ странѣ, стали говорить народу, что декреты изгнанія направлены не противъ нихъ, а противъ испанскихъ священниковъ, такъ какъ испанцы питаютъ политическіе замыслы относительно Японіи; іезуиты же, схваченные въ Нагасаки, взяты по ошибкѣ. Они все еще надѣялись на перемѣну правительственной политики. Со смертью Хидейёши, дѣла, казалось, приняла болѣе благопріятный для миссіонеровъ оборотъ, но только на короткое время. Христіане смотрѣли на Хидейёри (принявшаго христіанство) какъ на своего друга и будущаго могущественнаго покровителя. Битва при Сивагахарѣ разсѣяла эти мечты туземныхъ христіанъ, какъ дымъ. А когда Іеязу переустроилъ феодальныя владѣнія на Кіу-Сіу, положеніе христіанъ глубоко измѣнилось. Новые дайміо начали преслѣдовать своихъ христіанскихъ подданныхъ и побуждать ихъ отречься отъ вѣры. Туземные христіане взялись за оружіе. Это было совершенно неожиданной новостью для правительства: до того времени отношеніемъ крестьянъ къ правительственнымъ распоряженіямъ являлось всегда одно только рабское подчиненіе. Идея о вооруженномъ возстаніи среди крестьянъ была до того необычна, что Іеязу заподозрилъ здѣсь иностранное вліяніе; а то обстоятельство, что иностранцы тайно и открыто ѣздили на поклонъ къ Хидейёри и щедро сузили его золотомъ, еще болѣе укрѣпило его предположенія. Рѣшивъ уничтожить этотъ духъ независимости, Іеязу встрѣчалъ каждую крестьянскую мятежную вспышку кровавыми репрессіями. Въ 1606 г., эдиктъ изъ Іеддо воспретилъ отправленіе христіанскаго богослуженія въ странѣ. Въ 1611 г., Іеязу получилъ, наконецъ, документальное доказательство того, что онъ такъ долго подозрѣвалъ, то-есть, существованіе заговора части туземныхъ христіанъ и иностранцевъ, имѣвшаго цѣлью низведеніе Японіи на степень вассальнаго государства. Главный заговорщикъ, Окубо, бывшій тогда губернаторомъ острова Садо, куда ссылались туземные христіане для работъ въ рудникахъ, долженъ былъ сдѣлаться, съ

помощью иностранцевъ, наслѣдственнымъ правителемъ Японіи. Въ документѣ были поименно названы всѣ главные заговорщики. Іезу рѣшилъ теперь принять крайнія мѣры, чтобы вырвать съ корнемъ то, что онъ считалъ причиной всѣхъ послѣднихъ смутъ и возстаній. Были изданы новые указы противъ христіанъ; въ 1614 году 22 патера (августинцы, францисканцы и доминиканцы), 117 іезуитовъ и сотни христіанскихъ священниковъ изъ туземцевъ были посажены силой на большія джонки и высланы изъ страны. Въ 1615 г. погибъ Хидейѣри, послѣдняя опора японскихъ христіанъ; дѣло ихъ было теперь проиграно. Шогунъ Хидетада издалъ указъ, грозившій смертью каждому иностранному священнику, который будетъ найденъ въ Японіи. Іемитзу ограничилъ всю иностранную торговлю только портами Нагасаки и Хирадо. Японцамъ было воспрещено оставлять страну подъ страхомъ смерти. А въ 1624 г. всѣ иностранцы, исключая голландцевъ и китайцевъ, изгнаны изъ Японіи и изданъ указъ, воспрещавшій строить корабли больше опредѣленнаго размѣра, не позволявшаго имъ плавать дальше своихъ береговъ. Начались новыя преслѣдованія туземныхъ христіанъ. Повсюду, но въ особенности въ Осака и на Кіу-Сіу, народъ заставляли топтать ногами крестъ, или мѣдное блюдо, съ вытѣсненнымъ на немъ образомъ „христіанскаго преступнаго Бога“. Не хотѣвшихъ отречься отъ Христа подвергали всевозможнымъ пыткамъ и мученіямъ. Многіе изъ христіанъ обнаружили, говорятъ, при этомъ мужество и стойкость въ вѣрѣ, достойныя первыхъ вѣковъ римскаго христіанства: матери несли своихъ дѣтей въ огонь, бросались съ ними въ пропасти, соглашались лучше видѣть ихъ мертвыми, чѣмъ оставить жить, для того, чтобы они были воспитаны въ языческой вѣрѣ.

Въ концѣ концовъ, въ 1637 году, въ Симаборѣ произошло обширное вооруженное возстаніе христіанъ. Матежники укрѣпились въ одномъ старомъ замкѣ. Шогунъ послалъ противъ нихъ испытанныя, закаленные въ бояхъ арміи. Правительственные военачальники рассчитывали на легкую побѣду надъ возставшими крестьянами, но ошиблись: понадобилась двухъ-мѣсячная осада съ моря и съ суши, чтобы овладѣть вѣрностью. Послѣ взятія этого главнаго опорнаго пункта христіанъ, весь югъ Кіу-Сіу сдѣлался ареною страшной рѣзни и истребленія: тысячи христіанъ были сброшены съ утесистаго Паппенберга ¹⁾ въ море; десятки тысячъ ихъ, связанныхъ попарно, низвергнуты въ жерло вулкана Онзена; многое множество замучены пытками до смерти

¹⁾ Островокъ близъ входа въ нагасакскую бухту.

или сосланы въ каторжныя работы. Правительство шогуна издало рядъ эдиктовъ, объявлявшихъ христіанство „преступной сектой“, принадлежность къ которой приравнивалась государственной измѣнѣ. Было объявлено, что, пока солнце свѣтитъ, ни одинъ иностранецъ не долженъ проникнуть въ Японию и ни одинъ туземецъ не можетъ оставить страну. Исключеніе сдѣлали для однихъ голландцевъ, которые получили привилегію жить, подъ постояннымъ унижительнымъ надзоромъ, на маленькомъ островѣ Десима (въ нагасакской бухтѣ) и заниматься здѣсь торговлей; размѣры послѣдней были, впрочемъ, ограничены однимъ только кораблемъ, приходившимъ разъ въ годъ изъ голландской Индіи мѣнять товары Голландіи на японскія произведенія.

Если мы, въ обсужденіи свирѣпыхъ гоненій, воздвигнутыхъ первыми шогунами токугавской династіи противъ туземныхъ христіанъ, отрѣшимся теперь отъ миссіонерской точки зрѣнія на вопросъ, то увидимъ, что эти государственные люди страны были по своему правы, когда относились враждебно къ христіанству въ той формѣ его, въ какой оно явилось предъ ними: папизмъ того времени не могъ ограничиться только нравственной стороной христіанскаго вѣроученія въ своихъ отношеніяхъ къ язычникамъ; онъ имѣлъ всегда цѣлю полное подчиненіе новообращенныхъ или непосредственно папскому престолу, или одному изъ тогдашнихъ христіаннѣйшихъ королей Испаніи и Португаліи; конечнымъ результатомъ его усиленія въ Японіи должно было быть низведеніе самостоятельнаго японскаго государства на степень вассальной страны, что и доказалъ прямой заговоръ, открытый Іеяэу Іемитзу, который такъ страшно расправился съ несчастными туземными христіанами; прежде чѣмъ приступить къ окончательному искорененію „преступной секты“, онъ послалъ въ Европу вѣрныхъ людей, которые должны были обстоятельно изучить христіанство и политическія отношенія различныхъ европейскихъ національностей на мѣстѣ и, по возвращеніи, донести ему обо всемъ, что узнаютъ. Когда посланные вернулись, онъ подвергъ ихъ подробнѣйшему допросу, продолжавшемуся семь ночей. Іемитзу заключилъ тогда, что допустить распространеніе христіанства въ странѣ—значить поставить на карту политическую самостоятельность Японіи. И онъ, въ виду такой грозной опасности, не остановился передъ самыми крайними мѣрами. Казни христіанъ, изгнаніе иностранцевъ, воспрещеніе японцамъ покидать свою родину, уменьшеніе размѣровъ плавучихъ средствъ страны и т. п. мѣры,—все это были только логическія слѣдствія разъ принятаго рѣшенія—оградить народъ Японіи отъ католическаго вліянія.

VIII.

Законы Темитзу закупорили Японію на двѣсти лѣтъ отъ всего остального міра, и только бучка въ 20 человекъ голландскихъ купцовъ получила право жить въ нагасаекской бухтѣ и заниматься здѣсь торговлей, которая хотя и была весьма ограничена, тѣмъ не менѣе въ среднемъ равнилась 660.000 ф. стерл. въ годъ ¹⁾).

Мы не будемъ останавливаться на попыткахъ различныхъ иностранныхъ правительствъ уничтожить вѣковую замкнутость Японіи, повторявшихся безуспѣшно въ теченіе XVIII-го и первыхъ четырехъ десятилѣтій текущаго вѣка. Скажемъ только, что въ этихъ попыткахъ играли роль сколько торговые интересы, столько же и желаніе западныхъ державъ обезпечить своимъ военнымъ и купеческимъ кораблямъ, плававшимъ въ Тихомъ океанѣ, безпрепятственное пользованіе въ японскихъ портахъ прѣсною водою и провизією: въ эпоху паруснаго флота этотъ вопросъ являлся зачастую вопросомъ жизни и смерти для судовыхъ командъ; а между тѣмъ абсолютное запрещеніе японскимъ правительствомъ всякихъ сношеній съ иностранцами вело къ тому, что губернаторы и другіе чиновники въ портовыхъ мѣстностяхъ всегда отвѣчали отказомъ на просьбы капитановъ иностранныхъ судовъ, попадавшихъ къ берегамъ Японіи, снабдить ихъ свѣжей водою и провизією.

Слѣдующіе факты, случившіеся въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, показываютъ уже на крупный поворотъ въ способахъ отношеній западныхъ державъ къ японскому правительству и служатъ какъ бы прологомъ къ послѣдующимъ событіямъ, повлекшимъ за собой открытіе Японіи иностранцамъ.

Въ 1844 году прибылъ въ Нагасаки на военномъ кораблѣ голландскій уполномоченный. Въ письмѣ, посланномъ имъ отсюда въ Іеддо къ шогуну, онъ совѣтовалъ японскому правительству открыть свою страну для европейской торговли, во избѣжаніе весьма нежелательныхъ и опасныхъ для Японіи случайностей. Указавъ на пораженіе китайцевъ англичанами близъ Кантона, какъ на послѣдствія того искусства, съ каковымъ европейцы ведутъ теперь войну, онъ говорилъ, что „Англія, требуя дозволенія торговыхъ сношеній, въ случаѣ отказа, всегда начинаетъ войну; что такая война съ Англіей можетъ возникнуть для Японіи совер-

¹⁾ Въ XVI и XVII стол. голландцы и португальцы вывезли изъ Японіи однихъ драгоцѣнныхъ металловъ (золота и серебра) почти на 108 милліона фунт. стерл., причѣмъ на долю португальцевъ пришлось 59 1/2 мил., а голландцевъ—почти 42 1/2 мил. фунтовъ.

шенно неожиданно; что вообще, если заставлять удалаться отъ береговъ Японіи суда, нуждающіяся въ водѣ и провізіи, то это можетъ повести къ ссорѣ съ тѣмъ государствомъ, суда котораго при этомъ пострадаютъ, а ссора эта приведетъ къ войнѣ, отъ которой обѣднѣетъ Японія; благодаря пароходамъ, самыя далекія страны теперь сдѣлались близкими для европейцевъ; заслужить общую немилость послѣднихъ неудобно, а возбуждать съ ними столкновение неумно; лучше всего отмѣнить старый законъ, воспреещающій Японіи сношенія съ Европой, и тѣмъ спасти Японію отъ угрожающихъ ей бѣдствій“.

Письмо это произвело извѣстное впечатлѣніе на японское правительство, но непосредственныхъ результатовъ не имѣло.

Въ 1846 г. два американскихъ военныхъ корабля, подъ начальствомъ commodora Биддля, пришли въ Урага, близъ нынѣшней Йокохамы, съ письмомъ президента с.-американскихъ штатовъ объ открытіи торговыхъ сношеній съ Японіей. Въ Урага были высланы противъ американцевъ войска, и корабли, простоявъ здѣсь нѣкоторое время, ушли ничего не добувшись.

Въ 1847 г. голландцы два раза привозили письма, въ которыхъ настаивали на открытіи Японіи для торговли. Шогунъ не отвѣчалъ на эти письма, но дѣятельно принялся за обученіе военному дѣлу отвыкшихъ отъ него самураевъ, убѣждалъ князей быть экономными въ расходахъ и излишекъ доходовъ употреблять на постройку укрѣпленій въ прибрежныхъ мѣстностяхъ.

Серьезный починъ въ дѣлѣ открытія Японіи остальному міру принадлежить Америкѣ и Россіи.

23-го іюня 1853 года отрядъ, состоящій изъ четырехъ американскихъ кораблей, пришелъ въ Урага. Командовалъ этимъ отрядомъ commodоръ Перри. Напрасно японцы просили Перри удалиться: commodоръ заявилъ, что онъ привезъ важное письмо президента Соединенныхъ-Штатовъ къ „императору Японіи“, которое можетъ передать только важному японскому сановнику, а съ низшими чиновниками не желаетъ даже и говорить объ этомъ письмѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ порѣшили, наконецъ, чтобы письмо было передано на берегу губернатору Урага, который долженъ былъ явиться для этого въ полной парадной формѣ. Въ своемъ письмѣ президентъ Соединенныхъ-Штатовъ, Фильморъ, просилъ „императора Японіи“ объ открытіи его страны для торговли съ американцами и заключенія съ Перри временныхъ трактатовъ на нѣсколько лѣтъ. Въ случаѣ отказа президентъ грозилъ присылкою въ Японію болѣе значительной эскадры. Вскорѣ

Перри снялся съ якоря и ушелъ въ море, сказавъ японцамъ, что за окончательнымъ отвѣтомъ онъ придетъ въ слѣдующемъ году.

Въ сентябрѣ того же года въ Іеддо было получено извѣстіе, что въ Нагасаки пришелъ русскій фрегатъ „Паллада“ и что вице-адмираломъ Путятинымъ сдѣланы предложенія насчетъ заключенія трактата о дружескихъ сосѣдскихъ сношеніяхъ Россіи съ Японіей и опредѣленія границы между обоими государствами, владѣвшими тогда совмѣстно островомъ Сахалиномъ.

6-го февраля 1854 года Перри пришелъ опять въ Японію, но уже съ семью военными судами, и сталъ близъ нынѣшней Токохамы. Черезъ нѣсколько дней онъ передвинулся къ Шинагавѣ, находящейся въ предмѣстьѣ Іеддо, и заявилъ рѣшительное намѣреніе покончить вопросъ о заключеніи трактата дружбы и торговли.

Письмо президента Соединенныхъ-Штатовъ было адресовано, какъ сказано выше, императору Японіи. Шогунъ не былъ императоромъ; но онъ не могъ явиться передъ иностранцами только въ качествѣ Сей-и-Тай-Шогуна императора: этотъ титулъ былъ достаточно внушителенъ дома, но для иностранцевъ онъ не значилъ бы болѣе простаго генерала. Въ тѣ времена, въ Европѣ и Америкѣ, существовали самыя сбивчивыя понятія о японской системѣ двоевластія: императоръ, жившій въ Кіото, считался духовнымъ государемъ страны; правитель Іеддо—шогунъ—свѣтскимъ императоромъ. Шогунъ, поставленный лицомъ къ лицу съ настоячивыми требованіями Перри и зная, что дворъ Кіото—противъ открытія Японіи иностранцамъ, увидѣлъ себя въ необходимости прибѣгнуть къ дипломатической хитрости: для переговоровъ съ Перри былъ посланъ, между прочимъ, одинъ профессоръ китайскаго училища въ Іеддо, по фамиліи Хайяши; для того, чтобы возвеличить своего властителя, Хайяши назвалъ его „Тай-Куномъ“. „Тай-Кунъ“ — чисто-китайское слово, означающее верховнаго правителя страны. Императоры Японіи никогда не жаловали этого титула своимъ шогунамъ, такъ какъ онъ былъ равносильнъ императорскому титулу; шогунъ не имѣлъ на него никакого права. Величая шогуна тайкуномъ, правительство Іеддо имѣло въ виду провести только иностранныхъ варваровъ, что ему и удалось, благодаря той баснѣ о двухъ императорахъ Японіи, которая пользовалась тогда такимъ довѣріемъ въ Европѣ и Америкѣ. Еслибы Перри или адмиралъ Путятинъ знали истинное положеніе дѣлъ, они, конечно, пошли бы со своими эскадрами въ Осака и открыли бы переговоры съ мивадо въ Кіото, вмѣсто того чтобы вести ихъ съ его главнымъ военнымъ начальникомъ; но они не имѣли

понятія о дѣйствительныхъ взаимныхъ отношеніяхъ микадо и шогуна, и никогда такъ и не узнали, что заключали трактаты не съ властителемъ страны, а съ его подданнымъ. Перри заявилъ уполномоченнымъ шогуна предварительныя требованія въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: 1) чтобы за деньги японцы снабжали американцевъ провизіею, водою и дровами; 2) чтобы дозволено было командамъ военныхъ судовъ сѣзжать на берегъ, и 3) чтобы разрѣшено было произвести промѣры около береговъ. Въ мартѣ шогуноу увѣдомилъ Перри о разрѣшеніи, данномъ правительствомъ Японіи американцамъ, заходить въ Симода и Хокодате и покупать, что необходимо.

26-го августа англійскій адмиралъ Старлингъ прибылъ въ Нагасаки и представилъ письмо, въ которомъ упоминалось, что Россія съ Англіею въ войнѣ, что столкновеніе между воюющими сторонами можетъ произойти у береговъ Японіи, что при этомъ англійскія суда могутъ нуждаться въ водѣ, провизіи и топливѣ, и просилъ не отказывать въ снабженіи ихъ этими припасами. Правительство шогуна согласилось исполнить желаніе англичанъ. Лѣтомъ этого же года трактатъ съ Соединенными-Штатами былъ подписанъ.

Въ январѣ 1855 года адмиралъ Путятинъ съ эскадрою пришелъ въ Симода, и 26-го января Россія заключила съ Японіею первый трактатъ, опредѣлявшій границы между обоими государствами и открывавшій русскимъ три порта: Симода, Хакодате и Нагасаки. Въ августѣ 1857 года прибылъ въ Симода назначенный американскимъ правительствомъ въ качествѣ дипломатическаго агента въ Японіи Харрисъ и сталъ настаивать на составленіи правилъ о торговлѣ американцевъ съ японцами. Въ началѣ 1858 года соглашеніе на этотъ счетъ было достигнуто; но шогуноу не рѣшился взять на себя окончательное заключеніе трактата. Чтобы склонить императора и его дворъ въ пользу заключенія трактатовъ съ иностранцами, шогуноу послалъ въ Кіото Хайяши и другихъ приближенныхъ ему лицъ. Посольство это, однако, не увѣнчалось успѣхомъ.

Въ іюлѣ того же 1858 года пришли въ Иокохаму русская и американская эскадры и привезли извѣстіе, что туда въ скоромъ времени придутъ французскія и англійскія военныя суда—допомогаться заключенія полныхъ трактатовъ относительно сношеній съ Японіею. Пользуясь этимъ, Харрисъ началъ рѣшительнѣе настаивать на заключеніи трактата съ Америкой, говоря, между прочимъ, что въ случаѣ отказа Японію можетъ постигнуть то же несчастіе, какое недавно постигло Китай. Всѣми дѣлами шогу-

ната, за болѣзнию шогуна, завѣдывалъ въ это время регентъ Ии-Камон-но-ками. Опасаясь вызвать столкновеніе съ иностранцами и навлечь бѣдствія войны на Японію, онъ, безъ вѣдома двора, въ іюлѣ же приложилъ свои печати къ трактату съ Америкой, послѣ чего донесъ о совершившемся фактѣ въ Кіото. Онъ зналъ, что императорскій дворъ будетъ противъ этого заключенія и отправилъ, на всякій случай, въ Кіото и Осаю преданныя ему войска. Между тѣмъ шогунъ Іесада умеръ бездѣтнымъ. Наслѣдовать ему долженъ былъ Кеики (сынъ князя Мито), усыновленный домоу Хитотсубаши. Но Ии выбралъ шогуномъ князя провинціи Кій, двѣнадцатилѣтняго мальчика, родственника покойнаго Іесада. Князья Овари, Мито и Эчизена протестовали, но Ии сурово расправился съ ними, чѣмъ вооружилъ противъ своего избранника могущественныхъ феодальныхъ князей, родственныхъ токугавскому дому. Его затаенной мечтой, говорятъ, было также низверженіе императора, возведеніе на тронъ мальчика и облеченіе себя властью полномочнаго диктатора. Въ ноябрѣ 1858 г. новый шогунъ—Іесиге былъ утвержденъ дворомъ въ его званіи, а уже до этого времени (7-го августа) онъ заключилъ съ адмираломъ Путятинымъ въ Іеддо новый трактатъ. Ему пришлось заключить также трактаты съ Франціей, Голландіей и Англіей, вопреки волѣ двора. Лѣтомъ 1859 года порты Канагава (Токохама), Нагасаки и Хакодате были окончательно открыты для иностранцевъ.

В. Черевковъ.

ПОСЛѢДНІЯ ВРЕМЕНА

МОСКОВСКОЙ РОССІИ

II.—Сильвестръ Медвѣдевъ и „латинская часть“.—Патріархъ
Іоакимъ.—Св. Димитрій Ростовскій *).

Конѣцъ XVII вѣка представляетъ странное смѣшеніе литературныхъ элементовъ, въ которомъ встрѣчаются совершенно разнородныя теченія: онѣ идутъ рядомъ, иногда сливаясь, иногда вступая въ ожесточенную борьбу, но въ сущности не сознаютъ всей той глубокой противоположности, которая ихъ раздѣляла,—только по инстинкту онѣ чувствовали одно къ другому непримиримую вражду. Исходъ борьбы оказался въ концѣ концовъ совсѣмъ не тотъ, какого та или другая сторона ожидали. Боролись два направленія: одно изъ нихъ, вводившее схоластическія новизны (давно впрочемъ устарѣвшія въ западной Европѣ), называли тогда „латинскою частью“; противъ нея возставало „греческое ученіе“, подъ которымъ разумѣлась подлинная, нетронутая московская старина; но въ результатъ въ судьбахъ русскаго просвѣщенія взяла верхъ совсѣмъ новая сторона—прямое вліяніе западно-европейской образованности и литературы, которое стало, наконецъ, основою совсѣмъ новой литературы; схоластика XVII вѣка въ извѣстной мѣрѣ удержалась потомъ только въ духовной школѣ, продолжавшей преданія кievской академіи; въ массѣ общества распространялось все болѣе сильное дѣйствіе западной *свѣтской* литературы.

Какъ мы видѣли, въ царствованіе Алексѣя Михайловича ря-

---

*) См. выше: окт., 741 стр.

домъ съ тѣмъ, какъ становилась все болѣе очевидной необходимость помощи иноземцевъ во всевозможныхъ практическихъ потребностяхъ государственнаго быта, въ Москвѣ непосредственно заявила себя западно-русская ученость съ первыми попытками свѣтскаго литературнаго элемента, въ лицѣ Симеона Полоцкаго. Правда, то знаніе, какое приносили иноземцы, не совсѣмъ совпадало съ ученостью Полоцкаго; но то и другое было близко въ томъ отношеніи, что вносило въ московскую жизнь совсѣмъ неизвѣстные прежде умственные запросы; то и другое открывало доступъ западнымъ вліяніямъ, — а для истыхъ приверженцевъ московской старины (именно въ высшей іерархіи) это западное было ненавистно въ той же мѣрѣ, въ какой всякія новизны были ненавистны для протопопа Аввакума. Уровень понятій въ массѣ московскаго общества былъ столь исключительно церковный и, относительно какого бы ни было научнаго знанія, столь невысокій, что и тотъ небольшой запасъ схоластической учености, какой приносили люди западно-русской школы, съ одной стороны возбуждалъ въ Москвѣ жестокую вражду, а съ другой получалъ великую привлекательность для тѣхъ, въ комъ пробуждалась любознательность и работа мысли. Кромѣ людей, учившихся въ западно-русскихъ школахъ или у западно-русскихъ ученыхъ въ Москвѣ, встрѣчаются уже люди, которые бывали въ самыхъ западныхъ школахъ, даже въ іезуитскихъ школахъ въ Римѣ; нѣкоторые изъ нихъ приходили въ Москву въ ожиданіи найти здѣсь мѣста въ качествѣ учителей, но здѣсь ихъ встрѣчало обыкновенно подозрѣніе относительно ихъ православія, которое иногда дѣйствительно оказывалось поврежденнымъ, и въ Москвѣ имъ не находилось мѣста. Это бывали не только выходцы западно-русскіе, но и самые подлинныя суздальцы, какъ Артемьевъ. Большею частью эти люди сами не въ состояніи были разобраться въ своихъ церковныхъ понятіяхъ, когда на западѣ ихъ окружала атмосфера католицизма, а въ Москвѣ принимались за алѣйшую ересь не только какія-либо догматическія отклоненія, но и простыя книжныя приемы латинской схоластики ¹⁾). Подъ западно-рускимъ вліяніемъ въ са-

¹⁾ Изъ многочисленныхъ примѣровъ подобныхъ столкновеній укажемъ, напримѣръ, исторію Яна Бѣлободскаго, обвиненіе котораго ставилось въ большую заслугу Лихудамъ, — хотя изъ самаго обвиненія видно, что Бѣлободскій даже не заслуживалъ обвиненія хлопотъ. См. также:

— „Григорій Славинскій. Очеркъ изъ исторіи духовнаго просвѣщенія въ концѣ XVII в.“, М. Никольскаго, въ „Правосл. Обзорѣніи“, 1862, ноябрь, стр. 169—178.

— „Русскіе выходцы изъ заграничныхъ школъ въ XVII столѣтіи. Петръ Артемьевъ“, М. Никольскаго, тамъ же, 1863, мартъ, стр. 246—270, и др.

мой Москвѣ являлись горячіе приверженцы новаго ученія, которыхъ причисляли здѣсь къ „латинской части“. Самымъ выдающимся изъ такихъ людей былъ извѣстный питомецъ Симеона Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ.

Биографія Медвѣдева до сихъ поръ не выяснена и его сочиненія не собраны въ одно цѣлое ¹⁾). Скучность историческихъ извѣстій не допускаетъ цѣльнаго представленія объ этомъ оригинальномъ человѣкѣ, который у враждебныхъ ему современниковъ получилъ славу „злого латинника“ и котораго имя помрачено прикосновенностью къ заговору Шакловитаго, за что онъ и былъ казненъ въ 1691 году. Въ глазахъ тѣхъ историковъ, которые готовы были видѣть въ Симеонѣ Полоцкомъ питомца іезуитовъ и врага православной церкви, ученикъ его Медвѣдевъ тѣмъ болѣе является тѣмъ же „злымъ латинникомъ“, какимъ считали его въ свое время московскіе приверженцы старины: онъ — зловерный еретикъ и упомянутые биографы съ полной увѣренностью примѣняютъ къ нему тѣ укорительныя или бранныя слова, какими осыпали Медвѣдева его московскіе враги.

Когда судьба Медвѣдева уже рѣшилась, одинъ современный обличитель ²⁾) изображаетъ его слѣдующими чертами:

„Въ царствующемъ градѣ Москвѣ бысть нѣкто, образомъ монашескимъ одѣянъ, именемъ Сильвестръ, прозваніемъ Медвѣдевъ,

¹⁾ Первое упоминаніе о немъ въ нѣсколькихъ строкахъ сдѣлано было въ „Опытѣ историческаго словаря о российскихъ писателяхъ“ Новикова, 1772; далѣе, въ „Словарѣ историческомъ о писателяхъ духовнаго чина“, митрополита Евгения (2-е изд., 1927), не безъ ошибокъ; биографическая замѣтка въ „Запискахъ русскихъ людей“, Сахарова, Спб. 1841, при изданіи записокъ Сильвестра Медвѣдева о стрѣльцкомъ бунтѣ 1682.

— „Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ славяно-русской библиографіи“ В. Ундольскаго, въ „Чтеніяхъ“ моск. общ. исторіи и древностей, 1846, № 3, XXVIII и 90 стр., биографическая замѣтка съ объясненіемъ научнаго значенія труда Медвѣдева, здѣсь изданнаго: „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“.

— Упоминанія о Медвѣдевѣ въ „Обзорѣ духовной литературы“ Филарета, и у историковъ церкви.

— Названія раніе сочиненія Образцова и С. Любимова.

— Сильвестра Медвѣдева „Извѣстіе истинное“, С. Бѣлокурова, въ „Чтеніяхъ“, 1885, кн. 4-я, биографическое предисловіе и текстъ сочиненія Медвѣдева, XLI и 87 стр.

— Шлякинъ, „Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651 — 1709 г.)“. Спб. 1891, тл. III — IV.

²⁾ Неизвѣстный авторъ повѣсти „О ростригѣ, бывшемъ монахѣ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, вводившемъ ересь латинскую въ великороссійскій народъ“, въ книгѣ „Остенъ“. Составителемъ самой книги былъ злѣйшій врагъ Медвѣдева, монахъ Евекій, ученикъ и преемникъ Епифанія Славеницкаго.

родомъ сынъ отъ града Курска, и первѣе бѣ писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подъячей, иже во вся своя дни творяше распри и свары, и мня себе мудра быти, неукъ сынъ; языкъ свой взостраше яко змій; въ устахъ его бѣ ядъ аспидовъ, полнъ горести и отравы: злоковаренъ бо бѣ отъ юности возраста, и многорѣчивъ, и остроглаголивъ, и любопривъ (яко пишетъ святой Епифаній купрскій о Аріи еретицѣ, яко таковъ бѣ), уста имѣя безъдверна, и изъ гортани изрыгающъ ядъ душегубительный всякаго лжесловія и коварствъ... яко юноша оный (о немже преподобный Никонъ антиохіанинъ пишетъ), въ немже хитрословаше демонъ, въ Оригенѣ еретицѣ глаголавый, съ нимже, юношею, никто спудеетъ можаше противоглаголати; вся бо тыя, многаци же и епископы самыя и клирики, препираше, дондеже святой Епифаній купрскій молитвою своею изгна изъ юноши онаго демона того, и тогда оста юноша онъ яко единъ поселянинъ, ничтоже умѣяй отъ писаній глаголати. Къ сему еще оный Силвестръ у нѣкоего іезуитскаго ученика ¹⁾ пріучися чести латинскія книги. И отъ такового книгъ онаго чтенія и отъ наслышанія устоглаголаннаго онаго учителя своего и иныхъ латинниковъ обычаемъ латинскимъ навъче весь онамо уклонися и, отступивъ отъ святыхъ восточныхъ церкви и отъ святѣйшаго Іоакима патріарха, тщашеся, по Божію попущенію, дѣйствомъ же діаволскимъ, догматы и преданія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, сущая по чину восточныхъ святыхъ церкви, развратити и въ латинство народъ православный превратити: еже и содѣлалъ бы, аще не бы всемогущая десница Вышняго предварила и злоумышленіе его разорила и самаго его сокрушила... Святѣйшій же патріархъ, видѣ его, Силвестра, яко не покаряется древнихъ святыхъ отецъ ученіемъ и словесъ ихъ не пріемлетъ и народъ наипаче смущаетъ, предаде его за оный мятежъ анаемъ и съ писанми его таковыми ²⁾).

Въ житіи патріарха Іоакима Медвѣдева прямо изображается какъ ересіархъ и какъ виновникъ „новоявленной латинской дымащейся главни Аркудіевы или Медвѣдевы“ ³⁾ и т. п.

Эти отзывы XVII вѣка не были убѣдительны для новѣйшихъ историковъ. Митр. Евгенийъ, при всѣхъ заблужденіяхъ Медвѣдева, призналъ, что онъ „одаренъ былъ остроуміемъ ума и отъ природы даромъ краснорѣчія“ и обладалъ начитанностью. Ундольскій, „не входя въ разборъ сношеній Медвѣдева съ Шакловн-

¹⁾ Подразумѣвается Симеонъ Полоцкій.

²⁾ Остенъ. Паматникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Казань, 1865, стр. 74—76.

³⁾ Житіе въ издакѣи Общ. люб. др. письменности, 1879, стр. 96.

тымъ“, былъ очень высокаго мѣннiя о томъ ученomъ библиографическомъ трудѣ: „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“, принадлежность котораго Медвѣдеву была имъ впервые указана. „Нужно ли прибавлять,—говорилъ Ундольскій въ заключеніе своего разысканiя о Медвѣдѣвѣ, котораго онъ называлъ отцомъ славяно-русской библиографіи,—что частная жизнь Медвѣдева, его замыслы и поносная смерть, нисколько не мѣшаютъ совершенству его библиографическихъ трудовъ? Отдавая имъ должную справедливость, издатель вовсе не думалъ скрывать ничего о жизни Медвѣдева. Безпристрастная исторiя разберетъ его дѣло, для насъ не *совсѣмъ ясное*, допроситъ каждаго изъ участниковъ и свидѣтелей по одному, сдѣлаетъ имъ очныя ставки, и рѣшитъ его въ пользу правыхъ. Во всякомъ случаѣ Медвѣдева всегда будутъ считать самымъ трудолюбивымъ и дѣльнымъ писателемъ своего времени“. До сихъ поръ этого допроса свидѣтелей еще не было сдѣлано; но можно сказать, что когда одни изъ новѣйшихъ историковъ хотятъ еще буквально принимать вышеприведенныя обличенiя „Остена“, другіе относятся уже съ большимъ недовѣріемъ къ этимъ отзывамъ, явно внушеннымъ непримиримою злобою, и одинъ изъ новѣйшихъ биографовъ, вслѣдъ Ундольскому, говоритъ уже о Сильвестрѣ Медвѣдѣвѣ, что это былъ „мужъ науки, неуспѣшно занимавшійся ею во время своей жизни и *ради своихъ научныхъ убѣжденій* такъ печально и несчастливо окончившій свою жизнь“¹⁾; а другіе, какъ увидимъ, еще рѣшительнѣе принимаютъ сторону Медвѣдева противъ его враговъ, какъ патріархъ Іоакимъ, братья Лихуды, монахъ Евсеимій.

Годъ рожденiя Медвѣдева (по мірскому имени Симеона) неизвѣстенъ, какъ неизвѣстно и сословіе, къ которому онъ принадлежалъ. Современныя извѣстія упоминаютъ только, что онъ былъ родомъ изъ Курска и былъ сначала „писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подъячій“; первыя точныя извѣстія начинаются съ 1665 года, когда онъ былъ на службѣ подъячимъ тайнаго приказа, который былъ собственной канцеляріей царя. „Въ подъячіе въ эту канцелярію,—говоритъ г. Бѣлокуровъ,—выбирались люди способные и, главное, испытанной честности и преданности, потому что имъ очень часто поручалось отъ царя исполненіе самыхъ близкихъ ему дѣлъ, его тайныхъ дѣлъ. Они исполняли порученiя царя по домашнимъ его дѣламъ, возили переписку царя съ Ординымъ-Нащокинымъ и другими близкими лицами и пр. Однимъ словомъ, это были лица, которымъ царь вполнѣ вѣрилъ.

¹⁾ Бѣлокуровъ, стр. XXV.

Все это, разумѣется, требовало значительной осторожности въ выборѣ молодыхъ людей на службу въ тайный приказъ и если (вѣроятно) молодой Медвѣдевъ попадаетъ въ число подъячихъ въ тайнымъ дѣламъ царя, то одно уже это обстоятельство много свидѣтельствуетъ въ пользу Медвѣдева¹⁾. Одно старое показаніе говорить, что въ одно время съ нимъ и въ томъ же чинѣ служилъ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ Ѳеодоръ Шакловитый, но это не вѣрно, потому что Шакловитый поступилъ въ приказъ только въ 1673 году, когда Медвѣдева тамъ уже не было¹⁾.

Въ томъ же 1665 году мы встрѣчаемъ Медвѣдева въ упомянутой раньше школѣ Симеона Полоцкаго въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ Медвѣдевъ долженъ былъ учиться „по латынямъ“ и „грамматичному ученію“; школа строилась на деньги тайнаго приказа и предназначалась въ особенности, если не исключительно, для дворцовыхъ подъячихъ²⁾. Медвѣдевъ пробылъ здѣсь около трехъ лѣтъ. Въ маѣ 1668 года Медвѣдеву съ товарищами велѣно было сопровождать Ордина-Нащокина въ его посольствѣ въ Курляндію, „для наученія“. Чему они тамъ научились — неизвѣстно; въ слѣдующіе два года Медвѣдевъ числится еще въ тайномъ приказѣ. Чтѣ онъ дѣлалъ затѣмъ, опять неизвѣстно. Въ началѣ 1672 года Медвѣдевъ выѣхалъ изъ Москвы въ Путивль вмѣстѣ съ Софроніемъ, игуменомъ Молченской пустыни въ этомъ городѣ. Повидимому, онъ думалъ уже о поступленіи въ монастырь: въ 1673 году онъ былъ еще міряниномъ, а въ августѣ 1675 уже монахомъ въ той же Молченской пустыни. Думаютъ, что учитель его Полоцкій внушилъ ему рѣшеніе устраниваться отъ міра; другіе, какъ г. Забѣлинъ, полагаютъ, что была при этомъ мысль о средствахъ къ болѣе широкой дѣятельности: „какъ умный и дальновидный человекъ, онъ очень хорошо понималъ, что такое удаленіе отъ міра и его молвы гораздо вѣрнѣе и скорѣе можетъ приблизить его къ тому независимому положенію въ мірѣ, какого по справедливости искала его ученость и требовали его дарованія“. Дѣйствительно, уже вскорѣ мы видимъ Медвѣдева въ Москвѣ занятымъ и церковными и мірскими вопросами того времени, въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ царскому двору, сторонникомъ того направленія, которое называли тогда „латинскою частью“, словомъ, въ тѣхъ церковныхъ, ученыхъ и мірскихъ отношеніяхъ, въ какихъ дѣйствовалъ его учитель, Полоцкій.

¹⁾ См. „Записку для“ біографіи Сильвестра Медвѣдева“, И. Е. Забѣлина, изъ „Лѣтописяхъ“ Тихонравова, V, стр. 120—126.

²⁾ Майкова, „Очерки“, стр. 17, 49—51.

Еще въ школѣ начались и утвердились близкія отношенія Медвѣдева къ этому учителю, который передалъ ему свои познанія и свое направленіе. Современники отмѣчаютъ вообще, что Медвѣдевъ, научившись у Полоцкаго, сталъ „чести латинскія книги“: это одно было уже довольно худымъ признакомъ въ глазахъ приверженцевъ старины и оказалось источникомъ дальнѣйшихъ ересей Медвѣдева. Мы видѣли, какъ недружелюбно относились московскіе люди къ Симеону Полоцкому; еще болѣе вражду возбудилъ къ себѣ Медвѣдевъ, когда онъ; менѣе осторожный, чѣмъ Полоцкій — впрочемъ при обстоятельствахъ, которыя казались ему благопріятными, въ правленіе царевны Софьи — болѣе смѣло выступилъ съ своими церковными мнѣніями... Въ письмахъ Медвѣдева ¹⁾ видна сильная привязанность его къ Полоцкому и видны также его отношенія съ кругомъ образованныхъ людей въ Москвѣ, между прочимъ изъ іерархіи и боярства. Въ 1672 г. онъ писалъ къ Полоцкому изъ Путивльской пустыни, что нашелъ тамъ „братію явившихся и являющихся мнѣ благопріятныхъ, мѣсто — красотю, уединеніемъ и изобиліемъ надъ иныя сщевныя мѣста богато; аще бы единъ изъять былъ страхъ военный, то со трудностію бы ко благоутишю покоя кому обрѣсти таковое мѣсто“; онъ благодаритъ Полоцкаго, ему отъ Бога „во изневѣжествованіе и храненіе даннаго, любезнѣйшаго, милостиваго отца и благотворителя“, и проситъ его: „ради того божественнаго Промысла, иже мене твоей святости вручи и преисскреннюю во твоємъ сердцѣ ко мнѣ отеческую твою любовь огнемъ благодати Своея возже, не опусти мя... изъ любви твоея“. Повидимому, уже въ эти годы имя Медвѣдева, какъ любимаго ученика Полоцкаго, стало извѣстно при дворѣ. Въ 1677 году, по воцареніи Федора Алексѣевича, Медвѣдевъ переехалъ въ Москву и поселился въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, и когда однажды царь посѣтилъ монастырь, онъ оказалъ Медвѣдеву особенно милостивое вниманіе. „При семъ, — писалъ Медвѣдевъ къ князю Мих. Гр. Ромодановскому, — яко моему особливому милостивому благодѣтелю, не невѣстно и сіе да сотворится, яко іудія во 13 день, великій государь благоволилъ быти въ Спасскомъ монастырѣ, и мене о моемъ постриженіи,

¹⁾ Ими въ первый разъ пользовался Ундольскій въ сборникѣ Строева, принадлежавшемъ тогда Погодину; Ундольскимъ снята была съ нихъ копія, которая находится въ собраніи его рукописей въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ (№ 798), откуда пользовались ими Майковъ и Бѣлокуровъ. Подлинный сборникъ Строева Черешель съ Погодинскими рукописями въ Публичную бібліотеку въ Петербургѣ: см. перечисленіе ихъ у Вичкова, „Описаніе рукоп. сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки“. Ч. I. Спб. 1882, стр. 359—365. Это — черновыя письма Медвѣдева.

и чeso ради не восхотѣлъ на Москвѣ жити, самъ распрашивалъ милостивно. И, выслушавъ мой отвѣтъ, благоволилъ не едино-кратнѣ приказать мнѣ жити на Москвѣ, и во знамя своея государскія ко мнѣ милости, пожаловалъ приказалъ мнѣ дать на иныхъ всѣхъ развѣ отца Симеона богатѣйшую (келію) и присутствующіе всѣ, еще ему стоящу и зрящу, явились ко мнѣ милостиви“. Не лишено вѣроятности предположеніе, что Медвѣдевъ былъ вызванъ Симеономъ Полоцкимъ въ послѣдніе годы его жизни для участія въ своихъ трудахъ: напримѣръ, Полоцкій поручилъ ему приготовленіе къ изданію своихъ сочиненій,—и Медвѣдевъ дѣйствительно является его ревностнымъ ученикомъ и продолжателемъ его направленія. Мы упоминали прежде, что Полоцкому приписывается тотъ планъ академіи, который впоследствии представленъ былъ Медвѣдевымъ царевнѣ Софьѣ въ 1685 году. Вѣроятно, благодаря вліянію Полоцкаго Медвѣдевъ въ 1678 году назначенъ былъ справщикомъ и вмѣстѣ книгохранителемъ московскаго печатнаго двора: надъ какими изданіями онъ работалъ, неизвѣстно; но весьма вѣроятно, что въ это время онъ составлялъ упомянутое „Оглавленіе книгъ“, для котораго требовалась именно большая библіотека, а такова и была библіотека печатнаго двора. Ундольскій полагалъ, что въ работѣ надъ „Оглавленіемъ“ Медвѣдевъ пользовался своими собственными книгами: „онъ имѣлъ обширную, по тогдашнему времени, библіотеку, въ особенности печатныхъ книгъ на польскомъ ¹⁾, латинскомъ и славянскихъ языкахъ. Часть ихъ теперь находится въ синодальной, нѣкоторыя въ московской семинарской, другія въ московскомъ комитетѣ для цензуры духовныхъ книгъ, а самая большая часть въ библіотекѣ московской духовной типографіи. Рукописи, которыми пользовался Медвѣдевъ, почти всѣ можно отыскать въ синодальной библіотекѣ“. Кромѣ того онъ могъ, конечно, пользоваться и книгохранилищемъ печатнаго двора. Ундольскій, называя Медвѣдева отцомъ славяно-русской библіографіи, показалъ уже этимъ свое высокое понятіе о трудѣ Медвѣдева: дѣйствительно, новѣйшій ученый, который сдѣлалъ эту же библіографію дѣломъ всей своей жизни, ставилъ очень высоко „Оглавленіе“ Медвѣдева по обширному знанію старой письменности, какое въ немъ обнаруживается, по чрезвычайной точности его указаній, по вѣрности библіографическаго приѣма, до котораго долго не доходили и новѣйшіе библіографы, какъ Строевъ, Калайдовичъ и самъ Востокъ. От-

¹⁾ Замѣтитъ, что сохранилось одно письмо его еще изъ Путевля на польскомъ языкѣ.

мѣтивъ многія важныя указанія Медвѣдева о памятникахъ старой письменности, Ундольскій говоритъ, что „будь издано Оглавленіе книгъ нѣсколькими годами раньше, тогда не возникло бы многихъ библиографическихъ недоумѣній и споровъ“, и приводитъ примѣры; онъ предполагаетъ даже, что Калайдовичъ, который зналъ „Оглавленіе“ (хотя не зналъ о его принадлежности Медвѣдеву), въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи объ Іоаннѣ экзархѣ болгарскомъ могъ найти здѣсь первое руководство для своихъ открытій ¹⁾.

По смерти Симеона Полоцкаго Медвѣдевъ сталъ главнымъ представителемъ его направленія въ Москвѣ. Повидимому, уже вскорѣ онъ назначенъ былъ на мѣсто Полоцкаго строителемъ Заиконоспасскаго монастыря, какимъ и оставался до своего заключенія подъ стражу. Онъ замѣнилъ Полоцкаго и въ качествѣ придворнаго стихотворца: въ февралѣ 1682 года онъ подноситъ царю Ѳеодору Алексѣевичу „привѣтство брачное“ по случаю его бракосочетанія, а въ апрѣлѣ того же года онъ пишетъ вирши на его кончину: „о преставленіи государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича... плачь и утѣшеніе двадцатьма виршами, по числу лѣтъ его царскаго пресвѣтлаго величества, яже поживе въ мірѣ“ ¹⁾. По примѣру Полоцкаго онъ завелъ школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ учили латинскому языку: въ августѣ 1684 года одинъ ученикъ „изъ Спасскаго монастыря, что за иконнымъ рядомъ“, говорилъ патриарху въ крестовой палатѣ „орачію“. Мечтой Медвѣдева было сдѣлать изъ своей школы академію, и съ этой цѣлью онъ представлялъ царевнѣ Софьѣ въ январѣ 1685 упомянутый раньше проектъ, быть можетъ, унаслѣдованный отъ Полоцкаго, и проектъ былъ утвержденъ, но въ мартѣ того же года прибыли въ Москву греки, братья Лихуды, и новое учебное дѣло было поручено имъ въ Богоявленскомъ монастырѣ. Братья, или, какъ тогда говорили, „самобратія“ Лихуды, учившіеся въ Венеціи и Падувѣ, ссылавшіеся въ Москву на рекомендацію восточныхъ патриарховъ, встрѣчены были здѣсь очень милостиво и стали во главѣ новой школы, вѣроятно потому, что являлись представителями „греческаго ученія“ въ противоположность „латинской части“. Такимъ образомъ Лихуды предвоски-

¹⁾ Ундольскій, стр. XIX—XX.

²⁾ „Привѣтство“ было тогда же напечатано въ Москвѣ; см. Сопикова, ¹ Опытъ рос. библиографіи, т. I, № 910. Вирши о преставленіи напечатаны въ „Древней російской Визеліонѣ“ Новикова, 2-е изд., т. XIV, стр. 96—111. Раньше мы упоминали объ эпитафій Полоцкому, составленной Медвѣдевичемъ по приказанію царя Ѳеодора Алексѣевича; она издана такъ же, у Новикова, т. XVIII, стр. 198—199.

щали планъ Медвѣдева, и это, какъ полагають, было поводомъ къ ожесточенной враждѣ, которая уже вскорѣ перешла на церковно-полемическую почву, гдѣ Медвѣдева ославили распространителемъ „Архудіевой ереси“, тогда какъ Лихуды являлись охранителями православія. Изъ Богоявленскаго монастыря школа Лихудовъ была переведена потомъ въ Заиконоспасскій и тогда, по-видимому, и школа Медвѣдева закрылась и ученики ея переведены въ новую школу.

Мы упоминали раньше о томъ, какъ недружелюбно относился тогдашній патріархъ Іоакимъ къ Симеону Полоцкому; нерасположеніе должно было перейти и на его преемника, и впоследствии оно дѣйствительно превратилось въ жестокое преслѣдованіе. Но на первое время—потому ли, что не представлялось поводовъ, или потому, что Медвѣдевъ пользовался расположеніемъ царя Ѳедора Алексѣевича—этой вражды незамѣтно, и въ 1681 году Медвѣдеву было даже дано порученіе обличить еретика Яна Бѣлободскаго, выходца изъ Польши, жившаго тогда въ Москвѣ: отвѣтъ Медвѣдева представленъ былъ патріарху, читанъ былъ въ патріаршей крестовой палатѣ и послужилъ отвѣтомъ Бѣлободскому на его челобитную; позднѣе еще разъ обличали этого еретика братья Лихуды, монахъ Евѣимій и пр. ¹⁾

Наконецъ тѣ же братья Лихуды выступили врагами Медвѣдева въ чисто богословскомъ вопросѣ, стараясь ослабить его ученый авторитетъ и въ особенности, кажется, возстановляя противъ него патріарха Іоакима, при чемъ помогали имъ и чудовскій монахъ Евѣимій. Это былъ извѣстный споръ по вопросу о пресуществленіи ²⁾.

¹⁾ Отвѣтъ Сильвестра Медвѣдева на Wyznanie Wiary Яна Бѣлободскаго, 10-го іюня 1681, изданъ въ Памятникахъ къ исторіи протестантства въ Россіи, Цѣтаева. Ч. I. Москва 1888, стр. 219—240.

²⁾ Разногласіе восточной и западной церкви заключается здѣсь въ слѣдующемъ:

„Церковь православная, вѣруя, что хлѣбъ и вино прелагаются на литургіи въ тѣло и кровь Христа Спасителя, вѣруетъ въ то же время, что преложеніе это совершается на ней дѣйствіемъ Святаго Духа, признаваемого тогда для сего священнослужущимъ. „Священникъ,—говорится въ Исповѣданіи ея,—освящая дары, такъ долженъ мыслить, что самое существо хлѣба и самое существо вина прелагается въ существо истиннаго тѣла и крови Христовой дѣйствіемъ Святаго Духа, котораго признавать въ сіе время для совершенія сего таинства, молитвою и словами: „невозноси Духа Твоего Святаго на ны и на подлежащія дары сіи, и сотвори убо хлѣбъ сей, честное тѣло Христа твоего, а еже въ чаши сей, честную кровь Христа твоего, преложиши Духомъ твоимъ Святымъ“. Послѣ сихъ словъ немедленно бываетъ пресуществленіе: хлѣбъ премѣняется въ истинное тѣло Христово, а вино въ истинную

Новѣйшій біографъ Медвѣдева придаетъ этому спору великую важность. Вопросъ можетъ показаться чисто богословскимъ, говорить онъ, но онъ имѣлъ большое значеніе въ исторіи нашего развитія. „Споръ здѣсь шелъ не о частномъ вопросѣ, а о цѣломъ методѣ мышленія и вѣрованія. Дѣло въ томъ, что церковь православная основывала свое воззрѣніе на томъ, что слова молитвы признаются во всѣхъ литургіяхъ искони, т.-е. основывалась на преданіи церковномъ. Католическая же церковь говорила, что молитва: „нынѣ и мы приносимъ“... сочинена мужами, хотя авторитетными, но все же сочинена, а словами: „примите“... и т. д. совершенно таинство самимъ Иисусомъ Христомъ. Какъ скоро вопросъ переходилъ на эту почву, то вопросъ становился о томъ, какая разница между умоваключеніемъ и преданіемъ, на чемъ должна основываться вѣра, на мышленіи или на преданіи. Если признать первое, то и вопросы о непогрѣшимости папы, о благодати будутъ имѣть свой *raison d'être*. Дѣйствительно—если мы скажемъ, что церковь есть видимое тѣло, а папа есть глава церкви, то должны будемъ признать, что такъ какъ церковь непорочна, то глава ея тоже непороченъ. Если Христосъ родился

кровь; остаются только одни видн ихъ, представляющіеся взору“. „Остенъ“. Казань, 1865, предисловіе, стр. 2.

Установивъ это ученіе православной церкви, авторъ того же изслѣдованія приводитъ въ подтвержденіе свидѣтельства отцовъ церкви и продолжаетъ:

„Вотъ на какихъ основаніяхъ утверждаетъ церковь православная вѣру свою въ то, что на литургіи хлѣбъ и вино прелагаются въ тѣло и кровь Спасителя молитвою и благословеніемъ священнослужащаго! Нужно ли замѣчать, что вѣра эта есть истинное исповѣданіе и древнѣйшее преданіе, которое желающіе спастись и отвергающіе новыя и скверныя лжеумудрствованія еретиковъ никоимъ образомъ не должны измѣнять: напротивъ, обязаны блюсти въ цѣлости и неповрежденности сіе законное преданіе?“ (по словамъ Посланія восточныхъ патріарховъ о православной вѣрѣ, Москва, 1848).

„Но церковь западная не соблюла, въ сожалѣнію, этой вѣры въ цѣлости и неповрежденности, но измѣнила ее. Съ теченіемъ времени, возникъ болѣе довѣріи къ недалеvidимымъ соображеніямъ разума, нежели къ свящ. Писанію и свящ. Преданію, въ ней начали учить и вѣрить, что хлѣбъ и вино прелагаются на литургіи въ тѣло и кровь Спасителя не молитвою и благословеніемъ священнослужащаго, но словами Господа, изреченными Имъ при установленіи святѣйшаго таинства ехаристіи. „Существенную форму таинства сего,—говорятъ учителя ея,—составляютъ слѣдующія слова: „сіе есть тѣло Мое“ и „сія есть кровь Моя“ или: „чаша крови Моея“. Вслѣдствіе сего, молитву, которою священнослужашій призываетъ, для преложенія даровъ, Святаго Духа, церковь западная исключила, наконецъ, изъ своей литургіи, особенно галльской, къ XI вѣку, въ XIV вѣкѣ приняла означенное ученіе окончательно, а въ XV, на соборѣ флорентинскомъ, выдала его за всегдашнее ученіе Церкви вселенской. Къ большому сожалѣнію, въ XVII вѣкѣ ученіе то приняло и въ отечество наше, на св. Русь православную“... (тамъ же, стр. 12—13).

безъ первороднаго грѣха, могъ ли Онъ родиться отъ матери, которой былъ причастенъ первородный грѣхъ? Потому та, которая родила его, или была свободна отъ грѣха, или каимъ-нибудь актомъ освобождалась отъ него. Такъ какъ акта, которымъ мать Божія освободилась отъ грѣха, не было, егда она была *immaculata*. Совсѣмъ другое у православныхъ, гдѣ все основывается на преданіи. По православному ученію, церковь есть совокупность всѣхъ вѣрующихъ; чтò признано всѣми вѣрующими, то обязательно, то догматъ. Ученія о безпорочности Дѣвы, о непогрѣшимости папы не существовало у насъ, потому что не было установлено вселенскими соборами; но передѣлывать того, чтò постановлено ими, не слѣдуетъ. Такимъ образомъ въ православной церкви являлось принципомъ подчиненіе личности всеобщему вѣрованію. Споръ между этими двумя воззрѣніями, хотя формальный, былъ, однако, чрезвычайно важенъ, такъ какъ имъ устанавливалось различіе между раціонализмомъ и вѣрованіемъ въ церковное преданіе¹⁾.

Должно прибавить, однако, историческую оговорку. Дѣло въ томъ, что разграниченіе мысленія и преданія въ дѣйствительности не можетъ быть опредѣлено съ абсолютною точностью. Мысленіе участвовало въ самомъ составѣ преданія, и значеніе преданія опять разъясняется мысленіемъ. Область богословскихъ вопросовъ, какъ они были выработаны первыми вѣками христіанства, между прочимъ, предполагала извѣстную степень богословскаго, а также философскаго образованія, которою московскіе книжники вовсе не обладали. Мы видѣли раньше, какъ въ XV и XVI столѣтіяхъ они пришли къ тому, что даже смѣшивали понятія догмата и обряда, чтò само по себѣ было уже грубой ошибкой противъ ученія церкви, и восточные патріархи дѣйствительно неоднократно указывали московскимъ іерархамъ на эту ошибку. Книжники XVII-го вѣка, благодаря отчасти притоку того же кіевскаго образованія, отчасти прямому вмѣшательству ученыхъ грековъ, какъ восточные іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву²⁾, какъ Арсеній Грекъ, теперь братья Лихуды—эти книжники стояли, конечно, выше своихъ предшественниковъ, но въ ихъ понятіяхъ оставалось еще слишкомъ много старой узкой исключительности; и когда они возставали противъ „аргументовъ и силлогизмовъ“ своихъ противниковъ, державшихся

¹⁾ Вѣлюковъ, стр. XV—XVI.

²⁾ Припомнимъ, напр., что первое обличеніе раскола, составленное Полоцкимъ и изданное отъ имени московскаго собора (въ „Жезлѣ правленія“), основано было главнымъ образомъ на трудѣ Павсія Лигариды.

„латинской части“, это было не то отрицаніе раціонализма, какое разумѣть въ вышеприведенныхъ словахъ біографъ Медвѣдева, но вообще боязнъ всякой науки, имѣеть ли она отношеніе къ догмату или не имѣеть. Они дѣйствительно боялись этой невѣдомой науки, о которой не могли составить себѣ яснаго понятія. Мы упоминали, какъ московскіе книжники, рассматривая катехизисъ Лаврентія Зизанія, увидѣли въ его словахъ о небесныхъ кругахъ и планетахъ ту страшную астрологію, которая строго запрещалась древними христіанскими наставленіями, показалась имъ „еллинскимъ волхвованіемъ“. Арсеній Сухановъ (во время знаменитыхъ преній съ греками въ Терговищѣ) задавалъ іерусалимскому патріарху Памсію вопросъ о разницѣ лѣтосчисленія отъ сотворенія міра до Рождества Христова ¹⁾, и когда патріархъ совѣтовалъ ему говорить объ этомъ съ его учеными людьми, Арсеній отказывался: эти „дасколы“ не внушали ему довѣрія, потому что они — „люди науки высокой, говорить съ ними не умѣть о правдѣ“, и наука ихъ іезуитская; Арсеній думалъ, что у грековъ въ этомъ предметѣ погрѣшено, „понежъ по взытіи Царя града отъ турка, латинники книги греческія всѣ выкупили, у себя переправя, печатали по-гречески и вамъ раздавали“ ²⁾. Сухановъ, очевидно, не имѣлъ никакого представленія о той наукѣ, которая должна была разрѣшать хронологическій вопросъ, и не понималъ, что „іезуитская наука“ была здѣсь не при чемъ. Когда, оспаривая „латинскую часть“, московскіе книжники осуждали „аргументы и силлогизмы“, эти орудія логическаго мышленія вообще представлялись имъ какъ нѣчто подозрительное, чего истинно-благочестивому человѣку слѣдуетъ остерегаться... Противники Медвѣдева, какъ монахъ Евѣимій и особенно патріархъ Іоакимъ, человѣкъ мало книжный, стояли именно на такой точкѣ зрѣнія. Медвѣдевъ былъ ученикъ питомца кievской школы, знакомый съ „аргументами и силлогизмами“, а по убѣжденію его враговъ Полоцкій былъ именно ученикъ іезуитовъ. Въ концѣ концовъ то отношеніе къ преданію, какое было у московскихъ книжниковъ, совсѣмъ устраняло возможность науки; вражда къ аргументамъ и силлогизмамъ упраздняла логику, — это, вѣроятно, чувствовали представители кievскаго образованія, и этого было достаточно, чтобы затруднить или даже совсѣмъ уничтожить между двумя сторонами взаимное пониманіе. Кіевскіе ученые, издавна окруженные атмосферой латинской школы, латинской литературы

¹⁾ Въ разныхъ церковныхъ источникахъ эта цифра показывалась различно — въ 5500 лѣтъ, 5508 и др.

²⁾ Проскинитарій, въ изданіи Палестинскаго Общества, стр. 337—338.

могли воспринять, и дѣйствительно восприняли, кое-что изъ частныхъ богословскихъ подробностей этой литературы; но что поэтому они не сдѣлались „латинниками“, объ этомъ свидѣтельствовала вѣковая борьба юго-западной Руси противъ католичества и униі, борьба, въ которой она была предоставлена только собственнымъ силамъ. Москва, ничѣмъ не участвовавшая въ этой борьбѣ, никогда не могла понять той заслуги, которая принадлежала здѣсь именно этой юго-западной наукѣ; не нашла въ себѣ достаточно терпимости къ нѣкоторымъ ошибкамъ, какія находила въ „литовскихъ“ книгахъ; вмѣсто мирнаго обсужденія и соглашенія сыпала только обвиненіями въ латинствѣ, угрозами и проклятіями, и наконецъ совсѣмъ не понимала того языка, какимъ говорила юго-западная школа, знакомая съ схоластической наукой, съ древней мифологіей, съ приемами реторики и піитики и т. п., — когда, напримѣръ, риторическое упоминаніе о греческихъ божествахъ (конечно, безвкусное, но совсѣмъ безвредное въ религіозномъ отношеніи) представлялось москвичамъ еллинскимъ идолослуженіемъ.

На такой почвѣ разыгрался споръ о пресуществленіи. Въ западно-русской литературѣ католическіе взгляды о времени пресуществленія появляются задолго до того, когда начался споръ по этому вопросу въ Москвѣ ¹⁾. Эти взгляды еще въ первой половинѣ XVII-го вѣка отразились въ „литовскихъ“ книгахъ, которыя обращались и въ Москвѣ, но это разнорѣчіе съ православнымъ взглядомъ не было особенно замѣчаемо, или даже его совсѣмъ не замѣчали. До послѣдняго времени остается не вполне выяснено, какъ именно возникъ споръ въ восьмидесятыхъ годахъ XVII-го вѣка. Симеонъ Полоцкій въ вопросѣ о пресуществленіи держался латинскаго взгляда, и у него было однажды, впрочемъ еще мирное пока, преніе объ этомъ съ Епифаніемъ Славеницкимъ. Медвѣдевъ несомнѣнно воспринялъ отъ него это латинское мнѣніе. Когда, какъ мы видѣли, въ 1681 году ему поручено было написать обличеніе противъ Бѣлободскаго, Медвѣдевъ опровергъ различные „люторскіе“ взгляды послѣдняго и въ числѣ ихъ было полное отрицаніе пресуществленія; но въ этомъ обличеніи Медвѣдевъ о времени пресуществленія не говоритъ. Позднѣе, но неизвѣстно когда именно, Медвѣдевъ изложилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ въ особомъ сочиненіи, въ вопросахъ ученика и отвѣтахъ учителя, подъ заглавіемъ: „Хлѣбъ животный“, и здѣсь время пресуществленія обозначено словами Христа, а не молитвой іерея.

¹⁾ Ср. объ этомъ показанія, собранныя у Шлякина, „Димитрій Ростовскій“, тл. III—IV, но, впрочемъ, не сведенныя въ цѣльное изложеніе.

Сочиненіе Медвѣдева осталось въ рукописи и, какъ говорятъ, отличается „необыкновенной мягкостью изложенія“ ¹⁾. Съ появленіемъ въ Москвѣ Лихудовъ, когда ясно высказались враждебныя отношенія между „греческимъ ученіемъ“ и „латинской частью“, орудіемъ борьбы явился вопросъ о пресуществленіи. Евѣимій и Лихуды дѣйствовали въ союзъ противъ Медвѣдева подъ покровительствомъ патріарха, который также не былъ въ нему расположенъ. Повидимому, Евѣимій выпустилъ противъ Медвѣдева обвиненіе (въ рукописи),—можетъ быть, даже не одно,—гдѣ кромѣ Медвѣдева осуждены были также южно-русскія книги, дававшія мѣсто латинскому мнѣнію о пресуществленіи, между прочимъ, православное исповѣданіе Петра Могилы. Отвѣтомъ на это послужило новое сочиненіе Медвѣдева (опять рукописное) подъ названіемъ „Манна хлѣба животнаго“: латинское мнѣніе о пресуществленіи защищалось здѣсь на основаніи южно-русскихъ сочиненій и западныхъ богословскихъ книгъ, а восточное мнѣніе порицалось за то, что придавало больше значенія молитвамъ священника, чѣмъ словамъ самого Христа, и держитъ человѣческое преданіе только ради того, чтобы не соглашаться съ Римомъ. Впослѣдствіи, на допросахъ 1690 года, Медвѣдевъ говорилъ, что книгу „Манну“ онъ писалъ по приказанію царевны Софьи и поднесъ ей эту книгу. Но почти одновременно съ „Манной“ вышло сочиненіе Лихудовъ подъ названіемъ: „Акосъ или врачеваніе, противоположаемое ядовитымъ угрызненіемъ змѣевымъ“ и т. д., 1687, написанное ими по-гречески, подправленное, какъ говорятъ, Евѣиміемъ и тогда же переведенное на славянскій языкъ ²⁾. Книга Лихудовъ должна была служить опроверженіемъ латинскихъ и уніатскихъ сочиненій противъ восточной церкви, переводимыхъ и на русскій языкъ единомышленниками уніатовъ: авторы говорятъ, что они „ради прещеній (угрозъ) на всякъ день отъ нѣкіихъ не мудрыхъ убо, но неученыхъ и льстецовъ, въ

¹⁾ Полное заглавіе его было такое: „Книга глаголемая Хлѣбъ животный, изъясняющая вѣратѣ христіанскія ради общеуѣдѣтельнаго пользы душъ и отъ соблазнительныхъ и сумнительныхъ помысловъ на общее спасеніе всему христіанству о пресвятѣйшей тайнѣ, преданній и утвержденній самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, о ехаристіи или рекше о пречистыхъ тайнахъ Тѣла и Крове Господни“ (Шляпкинъ, стр. 146).

²⁾ Время появленія „Акоса“ опредѣлялось различно и, между прочимъ, эта книга считалась опроверженіемъ на „Манну“. Вѣроятно же то, что оба сочиненія писались одновременно, но „Манна“ была выпущена не вся и потому въ концѣ ея (вышедшемъ позднѣе) есть опроверженіе нѣкоторыхъ мѣстъ „Акоса“, а въ послѣднемъ о „Маннѣ“ не упоминается (Шляпкинъ, стр. 150 и дал.; ср. Балокурова, стр. XVIII).

упорствѣ единомъ сатанинскомъ пребывающихъ, молчали“, но теперь отвѣчаютъ по повелѣнію великихъ государей царей и великія государыни царевны и по благословенію патріарха.

Появленіе этихъ двухъ книгъ окончательно опредѣлило двѣ враждебныя партіи, и наибольшую нетерпимость обнаружила именно партія греческаго ученія: ихъ противники—латинщики, научились отъ іезуитовъ, что и видно изъ ихъ „начертаній“ и „глаголаній“ (т.-е. изъ сочиненій и словъ); во всѣхъ латинскихъ и польскихъ книгахъ, говорилъ Евѣимій, „безъ ереси не есть и безъ противности нашей церкви не обрѣтается, индѣ явленно, а индѣ утаенно и коварно“, хотя въ прежнее время и самъ онъ пользовался латинскими книгами, польской библіей и т. п. Припомнимъ, что обвиненіе въ латинствѣ было самое злое, какое можно было сдѣлать для массы московскихъ людей: съ XI-го вѣка греки учили (и наконецъ научили) русскихъ, что латинство есть самая худшая ересь, что латинское равносильно поганому; теперь въ этомъ латинствѣ обвиняли почти поголовно все духовенство той юго-западной Руси, которая только-что присоединилась къ Москвѣ. Одно чтеніе латинскихъ книгъ было уже подозрительно, и только небольшой кругъ людей въ Москвѣ понималъ, что, внѣ вопросовъ богословія, латинскія (и частію польскія) книги были пока единственнымъ доступнымъ тогда средствомъ науки и образованія. Таковъ, между прочимъ, былъ кругъ людей, примыкавшихъ къ царевнѣ Софьѣ и ея любимцу князю В. В. Голицыну. Медвѣдевъ, повидимому, пользовался здѣсь благосклонностью: онъ подносилъ царевнѣ свои книги; къ нему обращались, когда требовалась почему-либо латинская ученость.

Мы не будемъ передавать подробностей этой богословской полемики, которая была выстѣ отраженіемъ борьбы общественныхъ настроеній и политическихъ партій. Принявъ это въ соображеніе, мы поймемъ, почему въ этой полемикѣ приняли живѣйшій интересъ всѣ слои московскаго общества, почему московская полемика тотчасъ же отозвалась и въ Малороссіи. „Манна“ Медвѣдева была послана въ Кіевъ и къ гетману малороссійскому Мазепѣ; въ Кіевѣ находили, что Медвѣдевъ „правду пишетъ, а греки—ложь“; кіевскіе духовные готовы подтвердить эту правду Медвѣдева и даже „умирати готовы“; ученый кирилловскій игуменъ, Иннокентій Монастырскій, пишетъ книгу въ защиту Медвѣдева и противъ Лихудовъ,—такъ какъ въ московскомъ спорѣ затронуто было и православіе юго-западной церкви. Въ самой Москвѣ богословскій споръ сталъ предметомъ всеобщихъ толковъ даже среди народа, и въ послѣдствіи, когда Медвѣдевъ былъ уже

осужденъ, патріархъ Іоакимъ въ своемъ „поучательномъ словѣ“ даетъ картину этого всеобщаго возбужденія:

„Нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, въ послѣднія времена сія, въ нынѣ концы вѣковъ достигоша, освоevoliшася нѣціи челоувѣковъ, пастырей своихъ не слушающе и закона божественнаго не храняще и страхъ Божій отринувше, не суще священніи, не внемлюще кійждо своему чину, въ немже отъ Бога или отъ царя вчинишася, начаша дерзати о таинствѣ таинствъ, священнѣй евхаристіи, разглаголствовать и испытovati, и о томъ вся вездѣ бесѣдовати и вѣщати и другъ со другомъ любопрѣтися, овъ глаголя сице, онъ же сице, не вѣдуще не токмо тайныхъ и сокровенныхъ, но ниже явленныхъ божественными писаніи нужныхъ ко спасенію ихъ. И не токмо мужіе, но и жены и дѣтищи испытнословятъ, имже не токмо о таковыхъ страшнѣйшихъ вещехъ испытovati или просто и яко прилучися разглаголствовать, но ниже отъявленно и народно въ церквехъ читаемыхъ и проповѣдуемыхъ словесъ повелѣся имъ, женамъ, бесѣдовати, но въ домѣхъ своя мужи, и токмо, вопрошати, со иными же челоувѣцы, кромѣ своихъ мужей, и о тѣхъ вещехъ, явленно, яко не вопрошати, ниже разглаголствовать, но своему дѣлу внимати.

„Въ плача достойное же время сіе, попущеніемъ Божиимъ, поупщеніемъ же душегубца врага діавола, вездѣ съ другъ другомъ, въ схожденіихъ, въ собесѣдованіихъ, на пиршествѣхъ, на торжищахъ, и гдѣ любо случится кто другъ со другомъ, въ яковомъ любо мѣстѣ, временно и безвременно, у мужей и женъ то и слово о таинствахъ, и о дѣйствѣ и совершеніи ихъ, наипаче же о таинствѣ таинствъ (идѣже и ангели приницати трепещутъ), пресвятѣйшей евхаристіи, како пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову, и въ кое время, и кѣими словесы (еже и священніи сами, на сіе уставленніи, иже суть и икономи или строители тайнъ, имже подобаеъ вся извѣстно вѣдати, не вси тонко частью вѣдятъ: обаче благодать Божія и чрезъ невѣдающа дѣйствуетъ). И отъ такового не лѣпаго и не подобающаго совершенія и испытнословія и любопрѣнія прозобоша свары и распри, вражды и ересь хлѣбопоклонная, яже первѣе прозвизче у латинъ, отступниковъ отъ восточнаго благочестія“¹⁾.

Обѣ стороны осыпали другъ друга обличеніями и церков-

¹⁾ Остенъ, стр. 114—116. Упомянутая здѣсь „хлѣбопоклонная ересь“ изведена была у насъ прежде всего на Симеона Полоцкаго.

ными ругательствами; отъ обѣихъ сторонъ ходили обличительныя „тетради“ и писались цѣлыя книги. Такъ противъ Лихудовъ направлено было безъимянное „Обличеніе на новопотаенныхъ волковъ“¹⁾, ходящихъ въ одеждахъ овчихъ, кои... по истинѣ поборателей называютъ латынниками, варварами, уніатами, псами“ и проч., наполненное цѣлымъ градомъ ругательствъ противъ иноземцевъ, которые бранятъ православныхъ еретиками, псами, звѣрьми и поносятъ ихъ всячески за то, что „Богъ въ московскомъ нашемъ государствѣ не благословилъ быть школьному ученію“; но сами эти люди (Лихуды)—„новые прелестники (обманщики), бѣшенныя собаки, темнообразныя иноземцы, съ лукавыми своими учениками, лютые звѣри, сѣверныя нетопыри, слѣпыя совы, нечистыя души, окаянныя челоуѣки, новые Канны, вторые Іуды, плотныя (плотскіе) демоны, прелестныя змѣеве, церковныя всѣмъ вѣдомые тати“ и т. д.²⁾ Лихуды выставляли авторомъ этого сочиненія Медвѣдева: это было несправедливо и впослѣдствіи самъ патріархъ Іоакимъ называлъ эту тетрадь „особиѣ отъ кого-либо написанной“;—справедливо замѣчаютъ, что Медвѣдевъ вообще отличался сдержанностью и что только на основаніи этого сочиненія приписывалась ему буйность, которой не было въ его характерѣ... Впослѣдствіи, когда его судьба уже совершилась, его продолжали преслѣдовать обличеніями: противъ него направленъ былъ „Остенъ“, который приписывался прежде патріарху Іоакиму, но составленъ былъ по всей вѣроятности монахомъ Евонимомъ; позднѣе, обличенія повторены въ „Щитѣ вѣры“, который былъ составленъ Афанасіемъ, архіепископомъ холмогорскимъ, и пр.

Изъ сочиненій, относящихся къ этой полемикѣ, намъ остается упомянуть еще послѣдній трудъ Медвѣдева: „Извѣстіе истинное православнымъ“³⁾. Сочиненіе распадается на двѣ части. Въ пер-

¹⁾ Игра словъ на имя Лихудовъ.

²⁾ Шляпкинъ, стр. 155.

³⁾ Полное заглавіе: „Извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новомъ правленіи въ московскомъ царствѣ книгъ древнихъ. И чего ради оно начаса, и како и съ конхъ книгъ правити на соборѣхъ постановиша и съ оныхъ ли правиша.—И чесо ради частое въ новосправныхъ книгахъ сотвориша премѣненіе, и тѣмъ народъ возмутися, и многообразныя разности въ вѣрѣ явишася, и мнози людѣ погибоша и погибають.—И краткое изъясненіе о нововѣзжихъ иноземцевъ, и ихъ о неправомъ о пресущесталеніи и лестномъ на смущеніе правовернымъ писаніи. Написана въ царствующемъ градѣ Москвѣ, Спасскаго монастыря, иже за иконовымъ рядомъ, строителемъ, а печатнаго двора справщикомъ монахомъ Силвестромъ Медвѣдевымъ гл҃та 7197-го мѣсяца септемврія“ (Какъ выше упомянуто, это сочиненіе издано г. Бѣлокуровымъ въ „Чтеніяхъ“ 1835).

вой, меньшей, онъ говорить объ исправленіи книгъ при Никонѣ и послѣ него. Никоновское исправленіе онъ считаетъ неудовлетворительнымъ: рѣшено было тогда, что книги слѣдуетъ править по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ, а между тѣмъ „та книга Служебникъ ¹⁾ правлена не съ древнихъ греческихъ рукописьменныхъ и славянскихъ, но снова у нѣмецъ печатной греческой безсвидѣтельствованной книги, у нея же и начала нѣсть и гдѣ печатана, невѣдомо“; черезъ много лѣтъ по указу государя, „ради достовѣрнаго книжнаго свидѣтельства и справки“, разсматривалъ эту у нѣмецъ печатную книгу на московскомъ печатномъ дворѣ аеонскій архимандритъ Діонисій и, разсмотрѣвъ ее, написалъ своей рукой на страницахъ „на обличеніе тоя неправыя книги слова бранныя, здѣ писати неприличныя; а та книга и нынѣ обрѣтается въ книгохранилищѣ на печатномъ дворѣ“ ²⁾. Медвѣдевъ находилъ ошибки и въ позднѣйшихъ исправленіяхъ, дѣланныхъ врагомъ его, инокомъ Евеніемъ, при патріархѣ Іоакимѣ, при чемъ и самъ патріархъ дѣлалъ разныя ошибки; а въ настоящее время,—говоритъ Медвѣдевъ,—нѣкоторые духовные дошли до такого безумія, что считаютъ неправыми и древнія славянскія харатейныя книги, которыя на многихъ соборахъ были признаны сходными съ древними греческими рукописями. А если спросить, отъ кого они знаютъ, что неправы эти книги,—обличая ихъ неправою мудрствованіемъ,—они отвѣчаютъ, что знаютъ это отъ новыхъ ученыхъ грековъ Лихудовъ, и Медвѣдевъ переходитъ къ второй части сочиненія, къ разсказу о Лихудахъ и къ опроверженію ихъ ученія о пресуществленіи. Медвѣдевъ объясняетъ, что Лихуды выдаютъ простую пробѣжную грамоту (выданную имъ отъ патріарховъ alexandрійскаго и іерусалимскаго и бывшаго константинопольскаго) за *порученіе* патріарховъ alexandрійскаго и антїохійскаго ѣхать въ Москву по указу государя; между тѣмъ эти патріархи вовсе не писали ни къ царю, ни къ московскому патріарху, а подписи патріарха антїохійскаго и совсѣмъ нѣтъ на ихъ пробѣжей грамотѣ: „и того ради явѣ, яко они (Лихуды), хотяще здѣ народъ православный прелстити и въ вѣрѣ нашей православнѣй смущеніе сотворити, то солгаша“. И если они лгутъ въ своихъ словахъ и писаніяхъ, то можно подозрѣвать,

¹⁾ 1655 года.

²⁾ Эта книга (венеціанское изданіе Евхологія 1602 года) сохранилась донинѣ въ московской синодальной типографской бібліотекѣ и бранныя слова аеонскаго архимандрита, дѣйствительно не совсѣмъ печатныя, приведены г. Вѣлюковымъ въ приложеніи, стр. 86—87.

что они „не суть православніи, но отъ еретиковъ люторовъ или калвиновъ или отъ римлянъ на возмущеніе нашея православныя вѣры подосланы, яко же прежде Исидоръ митрополитъ“. Такъ какъ въ ихъ проѣзжей грамотѣ написано, что они, ходя и „со-зерцая“ по разнымъ странамъ, ищутъ, гдѣ возможно, ученіемъ найти себѣ пропитаніе, то возможно и другое опасеніе: „подъ тѣмъ тѣхъ иноземцовъ злоковарствомъ о дабы хитрость нѣкая турецкая не была скрыта“. Какъ увидимъ дальше, въ способѣ дѣйствій Лихудовъ не было недостатка въ интригѣ (о чемъ стали потомъ предупреждать и восточные патріархи) и Медвѣдевъ вѣроятно искренно считалъ возможнымъ подозрѣвать въ нихъ лжецовъ и даже согладатаевъ. Точно также онъ, безъ сомнѣнія, былъ убѣжденъ въ справедливости своего мнѣнія о томъ богословскомъ вопросѣ, который былъ теперь предметомъ ожесточеннаго спора. Онъ указываетъ, что они неправильно дѣлаютъ цитаты изъ отеческихъ писаній и самъ приводитъ многочисленныя свидѣтельства изъ отцовъ церкви въ защиту своего мнѣнія. Онъ удивляется, что несмотря даже на то, что Лихуды „поносятъ въ лицо“ нашихъ духовныхъ (они осуждали церковный уставъ, печатанный при патріархѣ Іоакимѣ), называютъ ихъ неразумными и незнающими; наши духовные ихъ любятъ и готовы за нихъ положить свою душу; а эти нововыѣзжіе иноземцы—волки въ овечьемъ одѣяніи. „И зѣло есть удивительно, яко камо они хотятъ, тамо духовныхъ нашихъ по своей воли и обращаютъ, и Богъ вѣсть до чesого тѣи нарицающіися греки духовныхъ нашихъ приведутъ. Велии есть опасно, дабы они своею лукавообразною хитростію нашея православныя вѣры прежде смутя, а потомъ во ину каковую вѣру не превратили“. Такіе люди не могутъ терпѣть народной тишины, „но между онымъ новымъ проповѣданіемъ творятъ ненависти другъ друга, распри, раздоры, свары, нестроеніе, мятежи, и всяку злую вещь“. Какъ будто съ неяснымъ предчувствіемъ Медвѣдевъ жалуется, что наши духовные такъ довѣряются этимъ иноземцамъ,—„а истинну имъ о тѣхъ прелестникахъ православныхъ христіанъ весьма не любятъ и всяко тпцатся ихъ (т.-е. говорящихъ эту истину, какъ онъ, Медвѣдевъ) за тѣхъ иноземцовъ безъ всякаго правды, како либо нибуди смерти или злолукіюму заточенію предати“. Это заточеніе и смерть и привелось потомъ повести Медвѣдеву.

„Наши духовные“, которые до такой степени предались Лихудамъ, прежде всего означали самого патріарха Іоакима, и если уже раньше патріархъ не былъ расположенъ къ Медвѣдеву, то это личное осужденіе должно было окончательно возстановить

его противъ Медвѣдева, на котораго онъ смотрѣлъ глазами Лихудовъ и монаха Евѣимія. Въ вопросѣ о пресуществленіи Медвѣдевъ именно считалъ себя защитникомъ православія отъ подозрительныхъ иноземцевъ, вносившихъ смуту... Нельзя, кажется, думать, чтобы въ то время этотъ вопросъ былъ категорически ясенъ: мы упоминали, что латинскія мнѣнія издавна появлялись въ „литовскихъ“ и кievскихъ книгахъ, которыя официально принимались и въ Москвѣ; замѣчаютъ, что этотъ Евѣимій, который являлся теперь такимъ фанатическимъ врагомъ Медвѣдева, въ прежнее время самъ приписывалъ пресуществленіе словамъ Спасителя и только впоследствии исправилъ свое мнѣніе; быть можетъ даже патріархъ Іоакимъ не вполне точно понималъ подробности вопроса; по разсказу одного современника митрополитъ казанскій Адріанъ (впоследствии патріархъ) не приставалъ въ это время къ православному мнѣнію и только „лице являлъ“ патріарху Іоакиму, — Адріанъ будто бы говорилъ, что патріархъ Іоакимъ не радъ былъ, что въ такое дѣло вступилъ, и много разъ севозъ слезы жаловался на Евѣимія спращика, что его „на то подбилъ, уже де мене не на одно и прежде сего подбивалъ, и я де настрадался“ ¹⁾).

Послѣднее столкновение съ представителями „греческаго ученія“, во главѣ котораго стоялъ самъ патріархъ, повидимому стало роковымъ для Медвѣдева. Къ вопросу церковному присоединился вопросъ политическій. Послѣдователи „латинской части“ находили покровительство у царевны Софьи и у князя В. В. Голицына; патріархъ относился къ обоимъ весьма враждебно. Еще въ 1682 году, когда шелъ вопросъ о единовластіи, Іоакимъ стоялъ противъ царевны; въ житіи его упоминается, что однажды патріархъ, недовольный вмѣшательствомъ царевны Софьи въ защиту какихъ-то его враговъ, даже отлучилъ ее отъ причастія ²⁾. Въ 1685 году въ Москвѣ желали передать восточнымъ патріархамъ просьбу о разрѣшеніи царевнѣ Софьѣ носить корону и управлять дѣлами. Дѣлалось это очень осторожно. Князь Голицынъ просилъ посланца патріарховъ, архимандрита Исаію, зайти къ нему передъ отъѣздомъ, чтобы передать порученіе царевны къ патріархамъ. Исаія сообщилъ это Іоакиму: послѣдній уговаривалъ Исаію не дѣлать это и сказалъ впередъ, въ чемъ должно было состоять порученіе. Голицынъ, отпуская Исаію (ничего ему не сказавшаго о предупрежденіяхъ Іоакима), велѣлъ ему спросить объ этомъ порученіи

¹⁾ Шляпкинъ, стр. 164—168.

²⁾ „Житіе и завѣщаніе святѣйшаго патріарха московскаго Іоакима“. Спб., 1879 (изд. Общ. любителей древней письменности), стр. 64.

уже близъ границы у сѣвскаго воеводы; воевода дѣйствительно скавалъ ему то самое, о чемъ предупреждалъ Іоаннъ, и когда Исаія замѣтилъ, что объ этомъ дѣлѣ надо бы спросить у московскаго патріарха и сначала получить его благословеніе, тогда воевода отвѣчалъ: „отъ сего нашего патріарха ни благословенія, ни клятвы не ищемъ... плюнь на него!“ Подъ конецъ отношенія были прямо враждебны, какъ и всѣ понятія были различны. Патріархъ ненавидѣлъ иноземцевъ и еще въ правленіе царевны Софьи во время крымскихъ походовъ онъ просилъ и молилъ не допускать въ войско никакихъ иноземцевъ и еретиковъ, особенно начальниками, — „и мене, — говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи, — благородная государыня царевна Софія Алексѣевна въ томъ послушати тогда не изволила“; не послушалъ и князь Голицынъ ¹⁾, который, напротивъ, весьма благоволилъ къ иноземцамъ и къ европейскому образованію; его особенно обвиняли въ томъ, что онъ пустилъ въ самую Москву іезуитовъ, хотя въ то же время онъ былъ благосклоненъ и къ протестантамъ и открылъ въ Россію доступъ изгнанникамъ послѣ отмены Нантскаго эдикта. Подъ конецъ князь Голицынъ говорилъ съ своими довѣренными людьми о „патріаршей дурости“... Всѣ эти столкновенія отразились на Медвѣдевѣ прежде всего тѣмъ, что съ сентября 1688 г. онъ былъ устраненъ отъ должности справщика на печатномъ дворѣ. Онъ самъ и другіе ему сочувствующіе опасались, чтобы патріархъ не сдѣлалъ надъ нимъ чего-нибудь, не сослалъ его тайно; одинъ изъ его друзей, стрѣлецкій начальникъ Стрижевъ, — впоследствии замѣшанный въ дѣлѣ Шакловитаго, — съ паски 1689 ставилъ на караулъ къ кельѣ Медвѣдева отъ пяти до десяти человекъ стрѣльцовъ для защиты его отъ патріарха: стрѣльцамъ приказано было, что если придутъ за Медвѣдевымъ отъ патріарха, не отдавать его и говорить, что за нимъ есть государево дѣло. Противная сторона, какъ увидимъ, утверждала потомъ, будто бы Медвѣдевъ покушался даже на жизнь патріарха. Наконецъ дѣло приняло роковой для Медвѣдева оборотъ, когда открылся заговоръ Шакловитаго; къ розыску былъ привлеченъ и Медвѣдевъ. Розыскъ начался въ первыхъ числахъ августа 1689 года; до конца этого мѣсяца Медвѣдевъ еще жилъ въ Москвѣ, а потомъ, опасаясь, чтобы патріархъ не взвелъ чего-нибудь на него, тайно уѣхалъ изъ Москвы и скрывался въ одномъ монастырѣ у знакомаго игумена въ дорогобужскомъ уѣздѣ: по словамъ Медвѣдева, онъ хотѣлъ остаться здѣсь до окончанія дѣла Шакловитаго; но, по

¹⁾ Тамъ же, стр. 182.

словамъ его келейника, онъ хотѣлъ ѣхать изъ этого монастыря къ „смоленской шляхтѣ“. Въ половинѣ сентября онъ былъ розысканъ и подъ конвоемъ отправленъ въ Троицкій монастырь, гдѣ жилъ тогда Петръ и гдѣ шло уже розыскное дѣло о Шакловитомъ. Здѣсь онъ прежде всего „лишенъ былъ образа (иноческаго) и именования: изъ Сильвестра Медвѣдева сталъ Сенка Медвѣдь“ и 24-го сентября былъ подвергнутъ допросу, потомъ былъ допрашиваемъ снова, при помощи пытки... Шакловитый былъ казненъ еще 12-го сентября, когда Медвѣдева еще не было въ Москвѣ; слѣдствіе о другихъ лицахъ, замѣшанныхъ въ его дѣлѣ, танулось еще около мѣсяца. Патріархъ Іоакимъ принялъ дѣятельное участіе въ розыскѣ: онъ велѣлъ отобрать письма Медвѣдева на русскомъ и другихъ языкахъ въ его кельѣ въ Законодательскомъ монастырѣ, переслать къ нему или пересмотрѣть, и „которыя писма явятся приличныя ко обвиненію воровства и злоначительства Медвѣдева или какія отъ него къ кому такія же и отъ кого къ нему явятся писма, отобрать и прислать къ нему патріарху“. Приговоръ о Медвѣдѣ послѣдовалъ 5-го октября 1689 года: „за воровство и измѣну и за возмущеніе къ бунту Сенку Медвѣдева велѣно казнить смертію“. Но приговоръ исполненъ былъ еще не скоро: Медвѣдевъ „до пролітія крови былъ отданъ въ вѣчное хранило“, т.-е. подъ стражу въ Троицкомъ монастырѣ; онъ былъ подвергнутъ еще церковному суду за свое ученіе о пресуществленіи. Къ нему присланы были одинъ архимандритъ, игуменъ и Софроній Лихудъ для убѣжденія въ неправотѣ его мнѣній; Медвѣдевъ долженъ былъ сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и, какъ говорятъ, написалъ покаянное отреченіе, которое было прочитано въ собраніи архіереевъ и московскаго духовенства, въ крестовой палатѣ патріарха.

Сохранилось соборное постановленіе, въ которомъ Медвѣдевъ условно разрѣшается отъ церковнаго отлученія, если истинно покается: осуждена была его книга „Манна“, осуждена книга упомянутаго Инновентія Монастырскаго. „Потомъ имѣемъ Сенку Медвѣдева, яко оглашеннаго, опредѣляемъ же ему время внѣ церкви стояти... лѣтъ ¹⁾, и своя хулы обличати всякому входящему и исходящему, и молити я, да молятся о немъ, еже проститися ему хуламъ его. По семъ съ вѣрными стояти въ церкви, общенія же не пріимати лѣтъ..., да не токмо словесы, но и дѣлы истинное покаяніе покажетъ“. Ему велѣно было жить неисходно въ монастырѣ до его смерти, но никакъ не въ царствующемъ градѣ

¹⁾ Оставленъ пробѣлъ для обозначенія цифри.

Москвѣ, „идѣже крामолы и мятежи твораше и ереси всѣваше, ниже въ близостранныхъ градѣхъ и монастырѣхъ... да не како яное нѣкое зло, крामола и вредъ, на церковь или и на царство, отъ него произникнетъ и будутъ послѣдняя горша первыхъ“; въ монастырѣ ему жить подѣ крѣпкимъ началомъ у самаго искуснѣйшаго и твердѣйшаго мужа, „въ молитвахъ и постѣхъ, въ смиреніи и трудѣхъ, язовыхъ можно, пребывать; съ иными же челоувѣки сходится ему особно и разглаголовствовати ничто же велѣти, бумаги и чернилъ отнюдѣ не давати“¹⁾. Не ясно, почему Медвѣдевъ былъ потомъ еще разъ подвергнутъ пытѣмъ огнемъ и другими истязаніями²⁾ и казнень (по тогдашнему церковно-приказному выраженію, „главоотсѣченъ“) 11-го февраля 1691 года.

Трудно сказать, насколько Медвѣдевъ былъ дѣйствительно замѣшанъ въ заговорѣ Шакловитаго или же его гибель была навлечена только тѣмъ озлобленіемъ, какое имѣли противъ него его церковные враги. По самому розыскному дѣлу неясны самыя отношенія его къ Шакловитому. Послѣдній былъ довѣренное лицо у царевны Софьи и князя В. В. Голицына; Медвѣдевъ былъ извѣстенъ самой правительницѣ, какъ челоувѣкъ ученый, и къ нему естественно обращались, когда нужно было его ученое содѣйствіе. Единственный опредѣленный фактъ, гдѣ выразилось такое содѣйствіе, было то, что Медвѣдевъ сочинилъ латинскія надписи къ гравированному портрету царевны Софьи, гдѣ она была изображена въ царскомъ вѣнцѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ; Шакловитый бывалъ у него и иногда они говорили между собою тайно, высылая келейника, но такая осторожность нужна была бы и для разговора, напр., объ этихъ подписяхъ на портретѣ. Мало вѣроятя, чтобы Медвѣдевъ раздѣлялъ самыя замыслы Шакловитаго противъ Петра: если, какъ извѣстно, эти замыслы не нашли отголоска даже въ средѣ самихъ стрѣльцовъ, если они отказывались идти за нимъ и даже прямо переходили на сторону Петра,—а это были люди достаточно необузданные,—то трудно представить, чтобы такіе замыслы могъ дѣлать монахъ, занятый, какъ видно изъ всѣхъ его писаній, только книжными богословскими интересами. Онъ рѣшался возставать противъ своихъ богословскихъ враговъ, любимцевъ патріарха, осуждалъ пись-

¹⁾ Акты Историческіе, т. V, стр. 837—841; у Шляпкина выписки изъ этого соборнаго постановленія слѣданы по рукописи Академіи наукъ, стр. 209—210.

²⁾ „Сенка накі по градскому закону огнемъ и бичьми и прочими испытаніи истязанъ и объявленъ зломысливъ и съ волхвами и чародѣи содружествовать и совопрошався гадательства о себѣ превеликая и превисокая“,—изъ синодальной рукописи, у Шляпкина, стр. 210.

менно самого Іоакима въ „Извѣстія истинномъ“, и дѣлалъ это открыто ¹⁾, но здѣсь онъ высказывалъ свои искреннія богословскія убѣжденія, вѣрилъ, что охраняетъ этимъ православіе отъ сомнительныхъ иноземцевъ (патріарха онъ считалъ человекомъ мало ученымъ) и его полемика свидѣтельствовала объ его смѣлости въ защитѣ своего убѣжденія, но не имѣла никакого отношенія къ тогдашней политикѣ. Обвиненіе его въ замыслѣ противъ жизни патріарха есть, безъ сомнѣнія, одна изъ тѣхъ неглупостей, какія выдумываются въ пылу вражды въ смутныя времена. На допросахъ онъ не призналъ за собой участія въ преступныхъ замыслахъ Шакловитаго и, напротивъ, было удостовѣрено, что Медвѣдевъ отговаривалъ знакомыхъ стрѣльцовъ, которые приходили къ нему за совѣтомъ, и при этомъ даже посторонніе люди говорили въ защиту его то, чего не говорилъ онъ самъ.

Замѣтимъ при этомъ, что Медвѣдевъ, какъ извѣстно, самъ былъ историкомъ перваго стрѣлцаго бунта 1682 года ²⁾. Его исторія, фактическая какъ лѣтопись, не оставляетъ однако сомнѣнія въ его отвращеніи къ грубому насилию, а также отвращеніи къ расколу, какое отличало его учителя. Очень возможно, что то же настроеніе было у него и теперь, и насколько можно угадывать его характеръ по немногихъ личнымъ свѣденіямъ, онъ едва-ли могъ быть политическимъ заговорщикомъ. На допросахъ ³⁾ Медвѣдевъ рѣшительно отвергалъ обвиненіе въ какихъ-либо замыслахъ на „государское здоровье“ или на возмущеніе церкви, и утверждалъ, что „Федка Шакловитой о государскомъ здоровьѣ и о убивствѣ никакихъ словъ ему не говаривалъ“; о замыслахъ Шакловитаго противъ Льва Нарышкина и князя Бориса Голицына и другихъ говорилъ ему стрѣлецъ, пятисотный Ларіонъ, котораго съ товарищами подбивалъ на это Шакловитый,

¹⁾ По тогдашнему, рукопись, которая могла переходить изъ рукъ въ руки, была уже извѣстной публикаціей сочиненія: въ рукописяхъ шла въ Москвѣ вся тогдашняя полемика.

²⁾ Записки его были изданы въ первый разъ Ф. Туманскимъ въ „Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Великаго“. Спб. 1787—1788, ч. VI, но не полно и не точно; потомъ у Сахарова, „Записки русскихъ людей“. Спб. 1841. VIII и 94 стр. (самыя записки Медвѣдева стр. 1—48); но изданіе Сахарова также не исправно или, можетъ быть, сочиненіе Медвѣдева осталось недооконченнымъ. Ср. Устрякова, Ист. царствованія Петра В., I, стр. LIII; въ „Роснскихъ дѣлахъ“ о Шакловитомъ. I, столб. 680, 687.

³⁾ Роснскія дѣла о Федорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. Изданіе Археографич. комиссіи. Т. I. Спб. 1884, столб. 605—842. Обстоятельный разборъ этихъ дѣлъ у Е. Вѣлова: „Московскія смуты въ концѣ XVII вѣка“, въ Журн. мин. просв., 1887, январь, февраль.

и Медвѣдевъ сказалъ Ларіону: „есть ли де вы такъ сдѣлаете, пропадете и съ Ѳеодоромъ здѣсь и въ вѣчное душами“, и хотя бы стрѣльцы сказали эти слова его Шакловитому, онъ, Медвѣдевъ, „ему и въ лицо тожъ скажетъ“. Это же говорилъ Медвѣдевъ и товарищамъ Ларіона, и они Шакловитому „отказали и того дѣлать не стали“; послѣ Ларіонъ „многжды“ говорилъ Медвѣдеву: „еслибъ де онъ ихъ не укрѣпилъ, и имъ де было то сдѣлать“ (т.-е. они бы это сдѣлали). Самъ Шакловитый „двожды, въ разныхъ числахъ“, говорилъ Медвѣдеву о томъ, что еслибъ не было царицы Натальи Кирилловны и боярина Льва Кирилловича Нарышкина, то у царя Петра Алексѣевича было бы съ царевной Софьей „совѣтно“; на это Медвѣдевъ отвѣчалъ, что „кто кому чего желаетъ, тотъ и самъ отъ Бога то приметъ“. Другіе разговоры съ Шакловитымъ были у него только о „рацеяхъ“ — такъ называлъ Медвѣдевъ надписи на портретѣ царевны Софьи и латинскія вирши. Замыслы противъ патріарха онъ рѣшительно отвергалъ: „на святѣйшаго-де патріарха умыслу никакого у него не бывало, и ни отъ кого, чтобъ его убить или перемѣнить, не слыхалъ“. Церкви святой онъ „никакимъ смущеніемъ не смущалъ“, книгу „Манну“ написалъ по указу благовѣрной государыни царевны Софьи, и поѣтому онъ не докладывалъ о ней патріарху. Стрѣлецкій караулъ стоялъ у него для того, чтобъ святѣйшій патріархъ тайно его не сослалъ. Изъ Москвы онъ побѣждалъ изъ страха святѣйшаго патріарха: „опасался того, что святѣйшій патріархъ такъ же бы великому государю на него какихъ словъ не принесъ“... Но пѣвчій Лаврентій показалъ, что Медвѣдевъ говорилъ ему: „бѣжить-де онъ для того, вѣдая государской гнѣвъ, что написанъ съ Ѳедкою Шакловитымъ вмѣстѣ“. Другіе близкіе къ нему люди приводили слова Медвѣдева, что патріархъ гнѣвенъ на него за книгу о пресуществленіи, что Медвѣдевъ называлъ „бѣшенными“ стрѣльцовъ, начинавшихъ безпорядки, и осуждалъ ихъ; что никакихъ замысловъ Медвѣдева на государственное здоровье и противъ патріарха не слыхали и т. д.

Показанія Медвѣдева представляются вообще правдивыми: весьма вѣроятно, что онъ отговаривалъ стрѣльцовъ, потому что они дѣйствительно „отказали“ Шакловитому; что онъ имѣлъ основаніе бояться патріарха, можно видѣть изъ самыхъ дѣйствій Іоаннима; какое-либо фактическое участіе въ замыслахъ Шакловитого не обнаруживается ничѣмъ; что Шакловитый бывалъ у него, объясняется благосклонностью къ Медвѣдеву царевны Софьи и, по показанію пѣвчаго Лаврентія, къ Медвѣдеву „пріѣзживали многіе знатные люди и гостинныя сотни“, и стрѣльцы многіе прихаживали,

„а разговоры у нихъ бывали о словахъ Христовыхъ“ (въроятно, о пресуществленіи). Нельзя не обратить вниманія на то, что въ „пыточныхъ рѣчахъ“ ¹⁾ Медвѣдевъ вездѣ „сказалъ прежнія свои рѣчи“: со стрѣльцами онъ говорилъ „для того, чтобъ тому дѣлу не быть и чтобъ то дѣло разорить“, что у него самого „умыслу никакого не бывало“; о патріархѣ (какъ доносилъ на него старецъ Арсеній) онъ подтвердилъ, что патріархъ „учился мало и богословскихъ рѣчей не знаетъ“. Новѣйшіе историки приходятъ къ заключенію, что во всемъ процессѣ „о правдѣ никто и не думалъ; слѣдователи очень хорошо знали, что правда, что нѣтъ; но въ нихъ позанъ и не входило оправдывать Медвѣдева, другими словами — огорчить патріарха Іоакима, оказавшаго столь большія услуги старцу Натальи Кирилловны и ея сына“ ²⁾.

Какъ потомъ жилъ Медвѣдевъ въ „хранилѣ“, опять ничего неизвѣстно. Одному изъ историковъ Медвѣдева кажется нѣсколько сомнительнымъ разсказъ о томъ, какъ Медвѣдевъ написалъ покаянное писаніе о своихъ заблужденіяхъ, самъ читалъ его въ церкви и просилъ передать его патріарху; замѣчаетъ, что подлинное покаяніе, хранящееся въ синодальной библіотекѣ, Медвѣдевымъ не подписано, хотя есть подпись его приверженца, попа Саввы Долгаго ³⁾. Въ упомянутомъ соборномъ постановленіи приведенъ длинный рядъ проклятій на случай, „аще Сенка Медвѣдевъ приносить нынѣ покаяніе неискренно, но нѣкакъ ухищренно или по нѣкоему лукавству, или срама ради и страха человѣческаго, или иного ради нѣкаго случая, хотя искусити Духъ Господень“. Послѣ историческаго воспоминанія объ еретикѣ Аріи, о русскихъ еретикахъ прежнихъ временъ, на голову Медвѣдева призываются всевозможныя проклятія. Приводимъ ихъ, потому что само чересмѣрное количество ихъ, очевидно, должно отражать собой озлобленіе патріарха на несчастнаго „Сенку“: „Да будутъ дни его мали и зли, и молитва его да будетъ въ грѣхъ, и діаволъ

¹⁾ Ровнскія дѣла, столб. 629—632; ср. дальше статейный списокъ, столбецъ 671 и слѣд.

²⁾ Бѣловъ, „Московскія смуты“, въ Журн. мин. просв. 1887, февраль, стр. 347—348; въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ говоритъ прямо: „дѣло Медвѣдева всею тяжестью неправды лежитъ на памяти патріарха Іоакима; личная ненависть къ Медвѣдеву заглушила въ немъ всякое понятіе о справедливости“ (стр. 364). Ср., кромѣ прежнихъ, неполныхъ и одностороннихъ, свидѣній у Устрялова (Ист. царств. Петра В., т. I), разборъ процесса (еще до полнаго изданія „Ровнскихъ дѣлъ“) у Погодина, „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни царя Петра Великаго“, М. 1875, и раньше, у Н. Аристова, „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны“ Варшава, 1871.

³⁾ Шляпкинъ, стр. 208.

да станетъ изъ десныхъ его, и да изыдетъ осужденъ, въ родѣ единомъ да погибнетъ имя его, и да истребится отъ земли память его, и да истинится яко прахъ предъ лицомъ вѣтра... Да придетъ на него онѣхъ богоносныхъ отецъ, ихъ же писанія развращенно писаше и глаголаше, и всѣхъ бывшихъ... архіереевъ... богоносныхъ отцевъ... патріарховъ греческихъ... всѣхъ здѣ написанныхъ имени и ненаписанныхъ, и всего архіерейскаго и іерейскаго чина, проклятво и анаѰема, не точію сугубо и трегубо, но и многогубо. Да придутъ на нь вся проклятва, ими же Моисей проклиналъ іудей, непослушающихъ заповѣдей Господнихъ... Да будетъ ему Вавново трясеніе, Гіезіево прокаженіе, Іудино удушеніе... Симона волхва погибель... Ананія и Сапфиры внезапное издохновеніе... И да будетъ отлученъ и анаѰематствованъ... и по смерти не прощенъ; и тѣло его да не разсыплется, въ знаменіе вѣчнаго отъ Бога отлученія, и земля его да не приметъ... И да будетъ часть его, въ гееннѣ вѣчной, со Іудою хриstopредателемъ, и со Аріемъ лжекленшимся, и... мученъ будетъ день и ночь во вѣки вѣковъ" ¹⁾.

Послѣ этихъ безмѣрныхъ проклятій становится вѣроятнымъ сообщеніе „Дневника“ Гордона (подъ 12 сентября), что царь Петръ Алексѣевичъ хотѣлъ даровать жизнь всѣмъ злодѣямъ и что только по убѣжденію патріарха согласился на казнь троихъ ²⁾.

Когда обнаружился заговоръ Шакловитаго и Петръ бѣжалъ изъ Преображенскаго къ Троицѣ и за нимъ послѣдовали его приверженцы, иноземцы, многіе изъ самихъ стрѣльцовъ, отправились къ Троицѣ и патріархъ Іоакимъ. Повидимому, обѣ власти соединялись въ одномъ дѣлѣ; но когда Петръ имѣлъ въ виду только политическихъ враговъ, патріархъ кромѣ того и прежде всего хотѣлъ истребить „латинскую часть“, спасти православіе отъ зловредной ереси. Одержана была полная побѣда. Но исторія не оправдала ожиданій патріарха: правда, богословскій споръ былъ окончательно рѣшенъ; отъ самихъ восточныхъ патріарховъ получено было авторитетное изъясненіе вопроса, издано было нѣсколько особыхъ сочиненій по этому предмету, ученіе о пресуществленіи введено было въ архіерейскую присягу; настойчивыми требованіями и угрозами отлученія патріархъ добился въ этомъ вопросѣ

¹⁾ Акті Историч., V, стр. 340—341.

²⁾ Кромѣ Шакловитаго, казненнаго послѣ первыхъ же допросовъ, поодиѣ были казнены трое: Обраска Петровъ, Куземка Черминой и Медвѣдевъ.

покорности и малороссійской іерархіи (уже давно, какъ мы видѣли, склонной принимать латинское толкованіе этого богословскаго пункта),—но патріарху не удалось охранить благочестиваго московскаго преданія.

Патріархъ Іоакимъ умеръ вскорѣ послѣ казни Медвѣдева (17-го марта 1691). Онъ оставилъ завѣщаніе, въ которомъ увѣщевалъ государей „въ прародительскомъ своемъ благородномъ царскомъ достоинствѣ и самодержавствѣ“ жить „благочестиво и праведно во всякомъ изрядствѣ“, имѣть любовь къ православнои церкви, держать „неколебленно“ ея преданія, быть милосерднымъ и правосуднымъ ко всякаго чина людямъ и т. д.; и въ особенности патріархъ предостерегалъ царей отъ общенія съ иноземцами и иновѣрцами: „да никако же они государи цари попустятъ кому христіаномъ православнымъ въ своей державѣ съ еретиками и иновѣрцами, съ латини, люторы, калвины и злобными татары, ихъ же гнушается Господь и церковь Божія съ богомерзкими прелести ихъ проклинаятъ, общеніе и содружество творити, но яко враговъ Божіихъ и ругателей церковныхъ тѣхъ удалитися; да повелѣвають царскимъ своимъ указомъ, отнюдь бы иновѣрцы, пришедъ здѣ въ царство благочестивое, вѣрѣ своихъ не проповѣдовали и во укоризну о вѣрѣ не розговаривали ни съ кѣмъ, и обычаевъ своихъ иностранныхъ и по своимъ ихъ ересь на прелесть христіаномъ не вносили бы, и сіе бы запрети въ подѣ казнию на крѣпко, и молбищныхъ бы по прелестямъ ихъ соборищъ еретическихъ строити не давати мѣста“, а гдѣ есть такіа между христіанскихъ домовъ и близъ ихъ, и тѣ слѣдуетъ разорить; патріархъ напоминаетъ святаго Павла и клятвы псалмопѣвца: „сіе явственнo самъ Богъ завѣща, како со иновѣрными еретиками и злобниками водитися и общатися кому, и нѣкую дружбу подобаетъ съ ними имѣти“; цѣлость государства можетъ „содержаться въ лѣпотѣ“ и быть въ угожденіи Богу, когда люди прилежатъ къ добрымъ дѣламъ; „да не навькнутъ иностранныхъ обычаевъ непотребныхъ“, и люди, не утвержденные въ вѣрѣ и невѣдущіе писанія, „со иновѣрными о вѣрѣ да не глаголютъ и лестного ученія ихъ весьма да не слушаютъ“. Патріархъ сокрушается, что въ русскую землю допущены иноземцы: „благодатію Божіею, въ россійскомъ царствѣ людей благочестивыхъ, въ ратоборствѣ искусныхъ и знающихъ о полковыхъ строяхъ, зѣло много“; апостолъ Павелъ посрамлялъ коринѳянь, когда они судились передъ иновѣрцами, а это и у насъ дѣлается; иновѣрцы же, „еще и прежде сего... въ полкахъ россійскихъ и въ нашей памяти быша, гдѣ пользы отъ нихъ сотворишася, мало явиѣ, бо они — враги

Богу и пресвѣтѣй Богородицѣ, и намъ христіаномъ и церкви свѣтѣй, ибо вси христіане православніи наипаче за вѣру и за церковь Божию, нежели за отечество и дома своя во усердіе души своя полагаютъ на бранѣхъ въ полкахъ, никако же щадяще жизни своея, еретики же, будуще начальники, о томъ ни мало радятъ"... Патріархъ молить царей сохранить этотъ завѣтъ, и тогда милость Божія будетъ съ ними, и Господь Богъ будетъ имъ „крѣпкій покровъ отъ всѣхъ золъ, и непреоборимая стѣна—пресвятая Дѣва Богородица Марія“¹⁾. Патріархъ и еще разъ, въ концѣ своего завѣщанія, возвращается къ этому предмету. „И паки воспоминаю, еже бы иновѣрцамъ еретикамъ костеловъ римскихъ, вироко нѣмецкихъ, и татаромъ мечетей въ своемъ царствѣ и обладаніи всеконечно не давати строити нигдѣ, и новыхъ латинскихъ иностранныхъ обычаевъ и въ платіи премѣнъ по иноземски не вводить“. Онъ удивляется „царскаго снѣгита совѣтникамъ палатнымъ и правителямъ“, которые бывали на посольствѣ въ иныхъ земляхъ и царствахъ и видали, какимъ образомъ всякое государство держитъ свой нравъ и обычай, а чужого не принимаетъ, въ своихъ владѣніяхъ людямъ иныхъ вѣръ никакихъ достоинствъ не даетъ, и иноземцамъ не своей вѣры никакъ не позволяетъ строить молитвенныхъ храмовъ: въ какомъ еретическомъ царствѣ окрестномъ, какъ напримѣръ въ нѣмецкихъ, есть благочестивой нашей вѣры церковь Божія, гдѣ бы христіанамъ было прибѣжище? — Нигдѣ, а здѣсь, чего и не бывало, и то еретикамъ позволено, что они построили „мольбищные храмы своихъ еретическихъ проклятыхъ соборищъ“, „въ которыхъ благочестивыхъ людей злобно кленуть и лаютъ и вѣру укоряютъ, иконы святыхъ попираютъ и намъ христіаномъ ругаются и зовутъ идоло- и древопоклонниками, и се не есть добро, но всячески зло“²⁾.

Передъ нами послѣдніе завѣты московскаго порядка вещей, которые уже не дождались исполненія: съ этихъ поръ дѣятельность Петра раздвигалась все шире совсѣмъ въ другомъ направленіи. Еслибы патріархъ прожилъ дольше, онъ увидѣлъ бы вѣчто гораздо худшее, чѣмъ та ересь, какую истреблялъ онъ въ лицѣ Сильвестра Медвѣдева. Онъ ужаснулся бы нарушенію благочестиваго преданія и распространенію „латинскихъ“ обычаевъ, которое возростало съ каждымъ днемъ. Патріархъ и его сподвижники стояли очевидно на той же самой точкѣ зрѣнія, на какой стояли въ этомъ отношеніи ревнители „старой вѣры“: они

¹⁾ Житіе, стр. 116—131.

²⁾ Тамъ же, стр. 136—138.

одинаково упорно держались старины XV—XVI вѣка въ то время, когда жизнь народа и государства все болѣе настойчиво требовала новыхъ средствъ просвѣщенія и практическихъ искусствъ; патріархъ и ревнители старой вѣры одинаково возставали противъ кievской учености, видя въ ней церковныя новизны, но не могли понять, что это были первые шаги науки, безъ которой не могла наконецъ совершаться жизнь народа и государства и которая нѣкогда должна была стать еще больше опасной для ихъ тѣснаго преданія; они только инстинктивно чувствовали приближеніе врага и со всѣмъ ожесточеніемъ нетерпимости возстали, одни — противъ Никона и исправленія старыхъ книгъ, другіе — противъ Полоцкого и Медвѣдева, — но уже никакая сила преданія не могла остановить надвигавшагося новаго духа времени... Ссылка патріарха на инныя государства, которыя не допускаютъ чужихъ вѣръ и обычаевъ, была фактически невѣрна: во-первыхъ, бывало много случаевъ перехода обычаевъ изъ одной страны въ другую въ самой Европѣ; отсутствіе православныхъ церквей въ другихъ государствахъ объяснялось очень просто тѣмъ, что тамъ вовсе не было русскихъ, а множество иноземцевъ, жившихъ въ Москвѣ, призваны были самою русскою властью на службу, и она не имѣла ни основанія, ни права стѣснять ихъ вѣры.

По смерти патріарха постигли неудачи и его приверженцевъ: монахъ Евѣимій уже вскорѣ былъ удаленъ отъ должности справщика — его самого винили, что отъ „приписныхъ ево Еѣимьевыхъ нововводныхъ странныхъ реченій, которыя въ тѣхъ мѣсячныхъ минеахъ напечатаны, многіе люди сумнѣваютца и въ церквахъ Божіихъ чинятца мятежи и великихъ государей денежной казнѣ отъ передѣлокъ убытки многіе“. Историкъ замѣчаетъ, что одно утѣшеніе оставалось Евѣимию: вдоволь изливать свое негодованіе на мертвыхъ противниковъ, что онъ и исполнялъ съ большимъ успѣхомъ ¹⁾. Въ 1693 году постигли неудачи и греческихъ „самобратій“. Патріархъ іерусалимскій Досифей писалъ патріарху Адріану — въ сущности то же, что говорилъ о нихъ Сильвестръ Медвѣдевъ, что это самозванцы, что имъ не слѣдуетъ позволять „примати лица судіи“, чтобы они не были въ церкви раздоромъ; въ грамотѣ самимъ Лихудамъ патріархъ писалъ, что они — „прелестники“ (обманщики), бывшіе купчины, ложно называющіе себя князьями, и т. д. Въ 1694 году упомянутый раньше Петръ Артемьевъ обличалъ Лихудовъ (по крайней мѣрѣ Іоанникия) въ дружбѣ съ латинянами и даже прямо въ латин-

¹⁾ Шляпкинъ, стр. 218.

ствѣ¹⁾. Лихуды были удалены отъ дѣлъ, какъ говорятъ, благодаря уцѣлѣвшимъ друзьямъ Медвѣдева²⁾.

Отъ этого зрѣлища церковнаго фанатизма, вражды къ наукѣ, упрямаго востоя, нравственнаго одичанія и ожесточенія историкъ долженъ съ облегченіемъ перейти къ лицу, характеръ котораго носитъ инныя черты—мягкаго нрава, христіанскаго благодушія, усерднаго книжнаго труда не въ области злобнаго схоластическаго спора, а въ области мирной легенды, христіанскаго назиданія, а также науки, насколько она была доступна. Такова была въ общихъ чертахъ личность Даниила Туптало, впослѣдствіи святого Димитрія Ростовскаго³⁾.

Родомъ изъ козацко-малорусской шляхты, Даниилъ Туптало родился (1651) въ кievской области; въ дѣтствѣ его семья переселилась въ Кіевъ, подъ власть московскаго царя, и здѣсь Даниилъ послѣ домашняго ученія грамотѣ поступилъ въ кievо-братскую

¹⁾ М. Никольскій, Петръ Артемьевъ, въ „Прав. Обзор.“ 1868, № 3, стр. 265—266.

²⁾ Тамъ же, стр. 217. О братьяхъ Лихудахъ см. С. Смирнова, Исторія московской славяно-греко-латинской академіи. Москва, 1855.

— Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV. Москва, 1864.

— І. Я. Образцовъ, Братья Лихуды (эпизодъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія въ концѣ XVII столѣтія), въ Журн. мин. просв. 1867, сентябрь (въ томъ же духѣ, какъ въ статьѣ: „Кіевскіе ученье въ Великороссіи“).

— Д. Извѣковъ, Полемическая противо-протестантская дѣятельность Лихудовъ, въ „Правосл. Обзорѣ“, 1872, т. I.

— С. Любимовъ, упомянутая статья въ Журн. мин. просв. 1875, августъ, сентябрь.

— Марковичъ, О школахъ и просвѣщеніи въ патриаршіи періодъ, въ Журн. мин. просв. 1878, іюль.

— П. Морозовъ, Феофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880, гл. I.

— Никольскій, Матеріалы къ біографіи Лихудовъ. Москва, 1881, и др.

³⁾ Первая біографія его написана была, по синодальному порученію, митрополитомъ ростовскимъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ, послѣ того какъ Димитрій Ростовскій былъ причтенъ къ лику святыхъ (въ 1757, послѣ обрѣтенія его мощей нетлѣнными въ 1752). Богѣе подробныя жизнеописанія печатались при „Калейной Лѣтописи“ (1796, и тогда же отдѣльно) и при „Собраніи сочиненій“ (2-е изд. 1805—1807).

— Митр. Евгеній, Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-росс. церкви. Изд. 2-е, Спб. 1827, т. I, стр. 116—187.

— Св. Димитрій Ростовскій. М. 1849,—какъ говорятъ, работа двухъ студентовъ моск. дух. академіи, редактированная А. В. Горскимъ.

— Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.). Исслѣдованіе И. А. Шляпкина. Спб. 1891,—обширное собраніе свѣдѣній, весьма цѣнное по рукописнымъ извлеченіямъ, но мало обработанное.

школу; подробности ученія неизвѣстны, но по позднѣйшимъ сочиненіямъ можно видѣть, что это была та же обычная схоластическая школа, какую проходили южно-русскіе ученые. Ректоромъ, а также преподавателемъ былъ знаменитый риторъ Іоанникій Галатовскій. Даниилъ уже очень рано принялъ монашество (въ іюлѣ 1668 года) въ Кирилловомъ монастырѣ подлѣ Кіева: полагаютъ, что его побудило къ этому слабое здоровье, склонность къ тихой созерцательной жизни и, можетъ быть, чувство личной необезпеченности; вся дальнѣйшая жизнь Дмитрія указываетъ дѣйствительно непрерывный книжный трудъ въ кельѣ, постоянный интересъ къ наукѣ и христіанскому правоученію, уклоненіе отъ тревожной общественной дѣятельности, въ которой онъ принималъ участіе лишь по необходимости. А время было исполнено тревогъ и въ политическомъ, и въ церковномъ отношеніи. Малороссія только-что присоединилась къ Москвѣ и жила въ тѣхъ неясныхъ отношеніяхъ, когда Москва желала подвести ее подъ обычный уровень своего правленія, а Малороссія упрямо, но и съ боязнью, стремилась охранять свою особность; подобное было и въ дѣлахъ церковныхъ: малорусская церковь все еще зависѣла отъ константинопольскаго патріарха и старалась сколько возможно отдалить неминуемое подчиненіе патріарху московскому. Мы не разъ указывали ту недовѣрчивость, какую питали въ Москвѣ къ юго-западному духовенству; недовѣрчивость была взаимная. Нѣкоторые историки, какъ Соловьевъ, объясняли несочувствіе кіевской іерархіи къ Москвѣ честолюбіемъ владыкъ, привывшихъ подъ номинальной властью константинопольскаго патріарха къ большой независимости и политическому вліянію; но были болѣе глубокія побужденія: въ Кіевѣ сознавали заслугу южно-русской церкви въ тяжелой вѣковой борьбѣ противъ католицизма, поэтому чувствовали за собой право извѣстной самостоятельности, а также чувствовали свое превосходство надъ Москвой въ дѣлѣ просвѣщенія. Давнее и тѣсное сосѣдство съ Польшей сообщило и самому быту южно-русскаго духовенства особыя черты, неизвѣстныя въ Москвѣ: южно-русскіе іерархи играли важную политическую роль; школа, съ отбѣнкомъ свѣтскаго знанія, сближала духовныхъ лицъ и мірянъ, какъ сближала ихъ и продолжавшаяся борьба за независимость православія; въ жизнь проникали болѣе культурные въ извѣстныхъ отношеніяхъ польскіе обычаи, какъ въ церковныя мнѣнія проникали кое-гдѣ отголоски католической богословской схоластики. Московскіе книжники, хранившіе усердно букву преданія, замѣ-

тили въ концѣ концовъ эти уклоненія и возымѣли сомнѣнія о самомъ православіи южно-руссавъ, при чемъ показали однако и свое невѣжество въ вещахъ, составлявшихъ простой первобытный обиходъ южно-русской шлолы; южно-русскіе ученые не могли не видѣть этого невѣжества и не чувствовать собственнаго превосходства. Въ Москвѣ однако не могли обойтись безъ южно-руссавъ, и отсюда тѣ столкновенія двухъ направленій, какими исполнена въ особенности вторая половина XVII-го вѣка. Димитрій Туптало, безъ сомнѣнія, съ самаго начала воспитался въ этихъ представленіяхъ, былъ на сторонѣ защитниковъ самостоятельности южно-русской церкви и недолюбливалъ московскихъ порядковъ и вѣшателствъ. Въ мартѣ 1669, Димитрій, повидимому рано обратившій на себя вниманіе своими дарованіями, получилъ первое посвященіе въ іеродіакона отъ митрополита Іосифа Тузальскаго, который не былъ признаваемъ тогда ни Польшею, ни Москвою, но былъ тѣмъ не менѣе „православій преславный ревнитель, вѣры святыя восточныя столпъ непоколебимый“, какъ говорилъ о немъ архимандритъ печерскій Иннокентій Гизель. Въ 1675, Димитрій былъ посвященъ въ іеромонахи Лазаремъ Барановичемъ, въ Густынскомъ монастырѣ близъ Прилукъ, и назначенъ былъ проповѣдникомъ Барановича и поселился въ Черниговѣ. Къ этому времени относится первый извѣстный трудъ Димитрія (Савича, по отчеству): „Руко орошенное“, описаніе чудесъ отъ иконы Богородицы въ черниговскомъ Троице-Ильинскомъ монастырѣ, написанное по порученію Барановича. Первое изданіе вышло въ 1680, а во второмъ, 1683, прибавлены привѣтственные стихи Барановича къ Димитрію—на *польскомъ* языкѣ. Въ 1677, Димитрій отправился въ Литву на поклоненіе иконѣ Богородицы, писанной по преданію св. Петромъ, митрополитомъ московскимъ. Здѣсь онъ сдружился съ епископомъ бѣлорусскимъ (а также и архимандритомъ слудскимъ) Василевичемъ, ревнителемъ православія въ западной Руси, но опять не любившимъ Москвы. Отсюда Димитрій выѣзжалъ въ Вильну, гдѣ говорилъ проповѣди, жилъ въ Слуцкѣ, въ братскомъ монастырѣ, и въ началѣ 1679 вернулся въ Малороссію. Во время пребыванія въ Литвѣ, Димитрій долженъ былъ еще ближе познакомиться съ польскою жизнью, языкомъ, католичествомъ, и быть можетъ, увидѣвъ шаткое положеніе православія въ Литвѣ, обратилъ свои сочувствія къ Москвѣ, которая въ ту пору страшныхъ религіозныхъ войнъ и гоненій, несмотря на грубость нравовъ и отсутствіе образованія, не представляла столь ужасныхъ явленій

ветерпимости, — хотя все-таки не чувствовалъ особеннаго расположенія къ московскому духовенству ¹⁾.

Вернувшись въ Малороссію, Димитрій поселился въ Батуринѣ, гдѣ могъ познакомиться съ нравами представителей московскаго правительства. Въ 1681 онъ сталъ игуменомъ макаковскаго, а вскорѣ потомъ батуринскаго монастыря. Въ концѣ 1683, онъ покинулъ игуменство и поселился въ кіево-печерской лаврѣ. Лавра была богата; въ ней была большая библіотека; архимандритъ, Варлаамъ Ясинскій, самъ былъ ученый человѣкъ, такъ что здѣсь было очень удобное мѣсто для книжной работы. И дѣйствительно, со слѣдующаго года Димитрій началъ здѣсь свой многолѣтній монументальный трудъ, который остается до сихъ поръ любимой книгой для благочестивыхъ читателей. Это были знаменитыя Четы-Миней. Мысль о составленіи житій святыхъ для южно-русскихъ читателей возникала въ Кіевѣ уже гораздо ранѣе. Мы говорили раньше объ утратѣ древней письменности въ юго-западной Руси: когда въ эпоху религіознаго возбужденія и борьбы стала особенно чувствоваться потребность въ церковномъ чтеніи, для житій святыхъ приходилось обращаться къ латинскимъ и польскимъ книгамъ, что представляло свои вѣроисповѣдныя неудобства, — но вмѣстѣ съ тѣмъ привычка къ польскому языку была такова, что кіевскій митрополитъ Сильвестръ Косовъ составилъ на польскомъ языкѣ даже кіево-печерскій Патерикъ (впослѣдствіи дополненный и изложенный на славянскомъ языкѣ Іосифомъ Тризноу), Лазарь Барановичъ писалъ житія святыхъ на польскомъ языкѣ. Петръ Могила выписалъ съ Аеопа греческія житія Симеона Метафраста для новаго труда о житіяхъ святыхъ, но не успѣлъ довершить своего предпріятія. За подобный трудъ принимался и Иннокентій Гизель и просилъ у московскаго патріарха присылки русскихъ Миней, но онѣ были доставлены въ экземплярѣ, писанномъ скорописью, и были возвращены вслѣдствіе того, что въ Кіевѣ не умѣли читать московской скорописи. Наконецъ возникъ снова планъ подобнаго труда, въ которомъ принялъ участіе Варлаамъ Ясинскій съ другими духовными лицами и исполненіе было поручено Димитрію Савичу, который въ то же время назначенъ былъ въ лаврѣ проповѣдникомъ. Отъ этого времени дошла первая проповѣдь Димитрія (1685) на годовую память Иннокентія Гизеля, проповѣдь, составленная по всѣмъ правиламъ тогдашней кіевской реторики. Въ эти годы стали особенно рѣзко сказываться упомянутыя спор-

¹⁾ Шляпкинъ, стр. 30.

ныя отношенія малорусской церкви къ Москвѣ: эта церковь еще не была подчинена московскому патріарху, необходимость подчиненія становилась все болѣе очевидной при зависимости политической, но малорусская іерархія продолжала смотрѣть недовѣрчиво на московскую церковную власть. На югѣ помнили и старыя заслуги своей іерархіи, и предпочитали соборное управленіе церкви единоличной власти патріарха, были, наконецъ, невысокаго мнѣнія о московской учености: въ сохранившихся замѣткахъ Дмитрія видно, что всѣ эти мнѣнія раздѣлялъ и онъ вмѣстѣ съ своими южно-рускими товарищами. Тѣмъ временемъ (въ 1686) Дмитрія убѣдили принять вторичное игуменство въ батуринскомъ монастырѣ. Здѣсь онъ продолжалъ работу надъ житіями, которая стала съ тѣхъ поръ его любимымъ трудомъ; этой работой былъ заинтересованъ и новый кievскій митрополитъ, Гедeonъ, и самъ гетманъ Самойловичъ (замѣтимъ, что Батуринъ былъ его столицей). Гетманъ писалъ въ Москву къ патріарху Іоакиму и князю В. В. Голицыну съ просьбой прислать великія Четьи-Минеи, находящіяся въ Успенскомъ соборѣ, по крайней мѣрѣ первые мѣсяцы ¹⁾, ручаясь за сохранность и возвращеніе. Минеи были присланы, и работа быстро шла впередъ. Въ 1688 году патріархъ потребовалъ книги назадъ. Возвращая Минеи, Дмитрій самъ писалъ патріарху, гдѣ, благодаря его за книги, говорилъ между прочимъ, что житія,—написанныя имъ во исполненіе послушанія, врученнаго ему отъ *малороссійской* церкви,—были уже читаны многими съ пользою и просилъ разрѣшенія издать ихъ „типомъ“. Патріархъ оставилъ просьбу безъ отвѣта. Требованіе возвращенія Минеи, безъ сомнѣнія, имѣло причиной то, что патріархъ былъ тогда особенно недоволенъ малороссійскимъ духовенствомъ, которое расположено было къ ненавистной ему „латинской части“ въ Москвѣ. Именно въ это время былъ въ Москвѣ въ полномъ разгарѣ споръ о пресуществленіи; патріархъ требовалъ отъ малорусскаго духовенства признанія православнаго ученія, посылалъ ультиматумъ Лазарю Барановичу, не давалъ кievо-печерской лаврѣ привилегіи на типографію и т. д. Въ это самое время Дмитрій впервые былъ въ Москвѣ. Между прочимъ патріархъ Іоакимъ требовалъ присылки „отъ лица вашего (малорусскаго) духовнаго чина мужа смиренномудра, пріискренно восточныя церкви сына, вѣдуща извѣстно писанія святыхъ отецъ древнихъ учителей святыхъ Христовы восточныя церкви, а не силлогизмами и аргументами тожко упражняющаея, да чрезъ того вы

¹⁾ Годъ начинался съ сентября.

познаете вся наша, и мы ваша, и тако всякое разгласіе гонзнетъ" (устранится, исчезнетъ). Полагали, что именно по этому вызову Димитрій отправился въ Москву, но на самомъ дѣлѣ онъ прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ Мазепой въ августѣ 1689 года, раньше полученія патріаршей грамоты. Въ свѣтъ гетмана, состоящей изъ 300 человекъ, было нѣсколько духовныхъ лицъ, между прочимъ, кромѣ Димитрія, названный нами раньше игуменъ кievскаго Кириллова монастыря, Иннокентій Монастырскій. Причина пріѣзда Димитрія собственно неизвѣстна; она могла заключаться въ вопросѣ о Четъ-Минеехъ: Димитрій только-что закончилъ первый томъ ихъ, и онѣ привезены были новыми посланцами изъ Кіева, духовными лицами, отправленными вслѣдъ за гетманомъ. Это были первые три мѣсяца Миней: книга издана была отъ имени кievской лавры и изданіе желали посвятить царскимъ величествамъ. Объ Иннокентіи Монастырскомъ позднѣйшее свѣдѣніе говоритъ, что онъ присланъ былъ тогда изъ Кіева „ради стязанія и изъявленія правды о пресуществленіи“, но въ Москвѣ было теперь не до правды... ¹⁾ На другой день по пріѣздѣ, 11-го августа, пріѣзжіе малоруссы представлялись царю Іоанну Алексѣевичу и царевнѣ Софьѣ; цари Петра не было и Димитрій осторожно отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что Петръ „былъ индѣ въ походѣ“; малоруссы посѣтили и патріарха Іоакима. Но этотъ „походъ“ былъ именно бѣгство Петра въ Троицкую лавру и полный разрывъ съ царевной Софьей; въ Троицѣ уѣхалъ и патріархъ Іоакимъ; 1-го сентября 1689 (по московскому счету, 1690) Петръ потребовалъ выдачи Медвѣдева и Шакловитаго. Положеніе гетмана, поставленнаго кн. В. В. Голицынымъ, и малорусскихъ духовныхъ (изъ нихъ Монастырскій былъ въ особенности союзникомъ Медвѣдева въ обличеніи Лихудовъ) было очень мудреное, но Мазепа самъ отправился къ Троицѣ: его приняли ласково; онъ явился съ богатыми подарками; думный дьякъ Украинцевъ объявилъ гетману и всѣмъ старшинамъ похвалу за военные подвиги въ крымскомъ походѣ; Мазепа билъ челомъ, чтобы великій государь держалъ его всегда въ своей милости со всѣмъ малороссійскимъ народомъ; рѣчь Мазепы понравилась Петру, и гетманъ тутъ же подалъ челобитную, чернившую князя В. В. Голицына ²⁾. У Троицы малорусские духовные часто посѣщали патріарха. Какъ говорилъ съ нимъ Димитрій, неизвѣстно; въ концѣ концовъ патріархъ благосло-

¹⁾ Шляпкинъ, стр. 201 и дал.

²⁾ Костомаровъ, Мазепа, Москва, 1882, стр. 36—37.

вилъ его продолжать житія святыхъ, но московскихъ Миней не далъ; но Монастырскій, по словамъ московскаго свидѣтеля, держалъ себя рѣзко: въ то время, какъ другіе „разглагольствовали благочестно и скромно“ и присоединились въ догматахъ къ патриарху, Монастырскій, „родомъ жидовинъ“, производилъ церковный раздоръ, безчестилъ и безстыдно укорялъ патриарха (конечно, по вопросу о пресуществленіи и вѣроятно въ связи съ дѣломъ Медвѣдева), за что былъ „проклятъ и отосланъ“; по другому свидѣтельству онъ былъ тайно сосланъ изъ Москвы „прмысломъ Евѣиміевымъ“. Позднѣе, въ „Щитѣ вѣры“, Монастырскій изображается прямо какъ „орудіе великаго онаго драконта сатаны многоговизненное и многообразное“. Въ концѣ сентября кіевляне собирались въ обратный путь. Димитрій записалъ въ своемъ дневникѣ: „Господи поспѣши“,—видимо, что въ Москвѣ ему было жутко.

Несмотря на длинный рядъ опроверженій, въ средѣ южно-русскаго духовенства латинское мнѣніе о пресуществленіи продолжало держаться; оно оставалось въ кіевскихъ учебникахъ богословія; вѣроятно, держался его и Димитрій Савичъ,—по крайней мѣрѣ, въ одномъ сборникѣ его приведенъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ объ этомъ догматѣ въ духѣ латинскаго ученія; нѣсколько позднѣе составленъ былъ особый трактатъ объ этомъ предметѣ, принадлежащій, вѣроятно, другому южно-русскому богослову, другу Савича, Стефану Яворскому, гдѣ оба ученія примиряются на среднемъ терминѣ ¹⁾.

Вернувшись домой, Димитрій снова усердно принялся за работу надъ житіями. Новый патриархъ, Адріанъ, гораздо больше благоволилъ къ южно-русскимъ ученымъ; онъ прислалъ Димитрію грамоту, въ которой похвалялъ его богоугодные труды и благословлялъ потрудиться на „всецѣлый годъ“. Въ 1692, Димитрій покинулъ игуменство „для спокойнѣйшаго писанія житій святыхъ“, и для печатанія Миней переселился въ Кіевъ, но затѣмъ снова былъ назначенъ игуменомъ въ Глуховъ. Въ 1695 году окончена была вторая книга житій, заключавшая мѣсяцы декабрь, январь и февраль и отпечатанная отправлена была патриарху Адріану при письмѣ самого Димитрія. Патриархъ снова поощрялъ его къ труду. Въ 1697 году умеръ Иннокентій Монастырскій, старый другъ Димитрія Савича, и на его мѣсто Димитрій назначенъ былъ игуменомъ Кириллова монастыря; но остался здѣсь не долго и назначенъ былъ архимандритомъ елецкимъ. Подъ 1700 годомъ

¹⁾ Шляпкинъ, стр. 224—228.

въ лѣтописи Величья записанъ выходъ въ свѣтъ третьей книги житій святыхъ (мартъ, апрѣль и май), составленной „трудами богодухновеннаго мужа іеромонаха Дмитрія Савича Тупталенка“. Книгу свезли въ Москву кіево-печерскіе соборные старцы.

Между тѣмъ въ личной жизни Дмитрія произошла великая перемена и ему пришлось покинуть родину навсегда. Въ 1700 году сдѣлалась вакантною кафедра сибирскаго митрополита вслѣдствіе сумасшествія Игнатія Корсакова (который, между прочимъ, былъ жизнеописателемъ патріарха Іоакима); по царскому указу долженъ былъ собраться „освященный соборъ“ для избранія митрополита изъ двухъ названныхъ въ указѣ кандидатовъ. Вторымъ изъ нихъ былъ Дмитрій. Вызванный тогда же въ Москву, онъ, по возвращеніи въ Москву Петра, привѣтствовалъ его рѣчью и вскорѣ назначенъ былъ митрополитомъ сибирскимъ. По разнымъ обстоятельствамъ отъѣздъ Дмитрія въ Сибирь замедлился; потомъ Дмитрій заболѣлъ, и когда самъ царь посѣтилъ его, Дмитрій жаловался на здоровье, слишкомъ слабое для Сибири, говорилъ о неоконченномъ трудѣ надъ житіями; царь разрѣшилъ ему остаться въ Москвѣ и вскорѣ онъ назначенъ былъ митрополитомъ ростовскимъ, а въ Сибирь вмѣсто него посланъ старый его знакомецъ Филофей Лещинскій.

Въ 1703 году Дмитрій прибылъ въ Ростовъ. Здѣсь началась для него совсѣмъ новая дѣятельность. Онъ впервые встрѣчался непосредственно съ народнымъ бытомъ московской Россіи, и его должны были тяжело поразить грубыя черты этого быта, нравственное одичаніе и невѣжество не только народной массы, но и самихъ пастырей. Съ самаго начала окружили его тревоги административныя. Еще раньше, въ 1701 году, былъ учрежденъ или восстановленъ монастырскій приказъ, который долженъ былъ принять въ свое вѣденіе управленіе церковными и монастырскими имуществами, административный надзоръ надъ монахами, приходами, богадѣльнями, школами и т. д.; основной цѣлью монастырскаго приказа былъ переводъ церковныхъ вотчинъ въ полное вѣденіе государства. Дѣйствительно, въ прежнемъ управленіи было много самыхъ серьезныхъ недостатковъ; земельные споры монастырскихъ крестьянъ нерѣдко кончались насильственными захватами, грабежами; въ управленіи происходили всякіе безпорядки; въ свою очередь и чиновники монастырскаго приказа, по обычаю тѣхъ временъ, не отличались ни административными, ни нравственными качествами; наконецъ, отъ новыхъ тяжелыхъ податей и принудительныхъ работъ крестьяне разбѣгались, „пожили дома свои“ и „невѣдомо куда“, а съ ихъ бѣгствомъ бѣд-

нѣло духовенство и монастыри. Кромѣ денегъ новому начинавшемуся государству надобны были люди, и правительство стало принимать весьма рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы извлечь пользу изъ людей негодныхъ или лишнихъ въ церковномъ устройствѣ, хотя и находившихся въ церковномъ вѣдомствѣ: изъ монастырей велѣно было выслать дьячковъ, клирошанъ, монашескихъ родственниковъ, и впредь не пускать ихъ въ монастыри; составлены были переписи монастырей съ запрещеніемъ увеличивать число братіи, и постригать вновь велѣно было только съ вѣдома монастырскаго приказа; особенный страхъ возбудило требованіе на военную службу священно-служительскихъ сыновей, не учившихся въ епархіальной школѣ, — доходило до такихъ нелѣпостей, что когда въ 1705 ростовскій стольникъ требовалъ въ солдаты священническихъ дѣтей, ему отвѣчали, что у священниковъ дѣтей нѣтъ. Это вмѣшательство монастырскаго приказа и вообще свѣтской власти въ бытъ духовенства было очень стѣснительно для духовной администраціи; злоупотребленія и грубые нравы еще усиливали эту тягость; въ письмахъ Димитрія Ростовскаго не однажды высказываются жалобы на его трудное положеніе, даже на умаленіе церкви „отъ внѣшнихъ гонителей“.

Въ самомъ исправленіи церковнаго служенія Димитрій встрѣтилъ примѣры грубѣйшаго невѣжества и нравственнаго упадка. Священники оказывали непочтеніе самой святыни, злоупотребляли тайною исповѣди, ходили только къ богатымъ, а нищихъ презирали и т. д. Для исправленія этихъ недостатковъ мало было однихъ административныхъ распоряженій и Димитрій пишетъ посланія къ своему духовенству, говоритъ проповѣди и съ самаго пріѣзда въ Ростовъ основываетъ школу... Ему нужно было учить іереевъ даже тому, какъ должно хранить св. тайны — въ церкви, или дома, въ чистомъ сосудѣ, на честномъ мѣстѣ. Однажды случилось ему войти въ сельскую церковь. „Егда же, — рассказываетъ онъ, — спросихъ тамошняго попа: гдѣ суть животворящія Христовы тайны? Попъ той не уразумѣ словесе моего и яко недомышляяй стояше, молча. Паки рекъ: гдѣ тѣло Христово? — попъ же ни сего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ рече къ нему: гдѣ *запасъ*? Тогда онъ иземъ отъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь велию святыню“ — для обозначенія святыни былъ въ ходу только грубый техническій терминъ; священники отправляли службу кое-какъ, не прогрессившись, въ алтарѣ сквернословили и т. п. Димитрій старался исправить эти вопіющія неустройства, училъ священниковъ правильному

исполненію своего долга, требовалъ, чтобъ священники посылали своихъ дѣтей въ грамматическія училища въ Ростовъ, гдѣ „повелѣніемъ великаго государя учать безденежно, для того нарочно, чтобъ священническія дѣти не были глупы“,—чтобы потомъ, получивъ священническій санъ, умѣли поучать народъ въ церкви и т. д.

Основаніе школы въ Ростовѣ было, повидимому, однимъ изъ первыхъ дѣлъ Димитрія въ его епархіи. Указомъ великаго государя назначено было жалованье учителямъ греческаго, латинскаго и русскаго языковъ (послѣднему гораздо меньше, чѣмъ первымъ), и опредѣленъ „хлѣбъ нищимъ, которые учитися будутъ русской грамотѣ“—по деньгѣ въ день, и по двѣ тѣмъ, которые будутъ учиться греческому и латинскому языку. Число учениковъ доходило до двухъ-сотъ; большинство были священническія дѣти, но были и благородные; въ латинское ученіе, кромѣ грамматики, входила и реторика, какъ видно изъ сохранившихся записей объ упражненіяхъ учениковъ. Преподаватели латыни и реторики, судя по фамиліямъ, были малоруссы, и школьные приемы, въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, были, конечно, кievскіе. Учили кромѣ того пѣнію, съ западными приемами (наименованіемъ нотъ); въ описи имущества Димитрія упоминаются учебные предметы, быть можетъ, употреблявшіеся и въ его школѣ: два глобуса, географическія карты. Школьные порядки вообще были кievскіе, т.-е. порядки латинскихъ схоластическихъ школъ: напр., лучшій ученикъ назывался императоромъ, садился на особомъ мѣстѣ, ему оказывались почести; дурные ученики сидѣли назади у печки или у дверей; въ неклассные часы ученики были свободны; лѣтомъ давались короткіе каникулы; по праздникамъ ученики произносили рѣчи (сочинявшіеся, конечно, учителями), разыгрывали театральныя пьесы и діалоги, между прочимъ, „Комедію на Рождество Христово“, которая приписывалась самому Димитрію Ростовскому и представляетъ передѣлку польской пьесы. Обращеніе съ учениками было вообще довольно мягкое, но „звѣроподобные“ ученики получали и плеть.

Самъ Димитрій очень заботился о своей школѣ: онъ часто посѣщалъ школу, выслушивалъ учениковъ, самъ толковалъ имъ священное писаніе; школьники бывали пѣвчими при богослуженіи не только въ Ростовѣ, но и въ другихъ мѣстахъ; Димитрій самъ ихъ исповѣдовалъ и приобщалъ. Біографъ Димитрія отмѣчаетъ, что, взявъ формы схоластической школы, Димитрій въ своемъ училищѣ не ввелъ ея духа и, напротивъ, далъ ей характеръ семей-

ной простоты, заботливости и благодушія ¹⁾. Къ сожалѣнію, она удержалась не долго, и позднѣйшія духовныя школы не сохранили этого характера, который здѣсь данъ былъ именно личностію самого Димитрія. Нечего говорить, что сравнительно съ предъидущимъ школа была нововведеніемъ, для котораго раньше не было примѣра. Человѣкъ глубоко благочестивый, строгій въ своемъ церковномъ служеніи, Димитрій былъ, однако, совершенно свободенъ отъ московскаго изувѣрства: для старинныхъ московскихъ людей былъ безъ сомнѣнія крайне неодобрительнымъ, если не совершенно грѣховнымъ, тотъ фактъ, что самъ митрополитъ устраивалъ въ своей школѣ театръ, и было, вѣроятно, окончательно преступнымъ то, что когда для театра нужно было готовить костюмы, то Димитрій не усомнился употребить на это старыя ризы прежнихъ ростовскихъ архіереевъ. Въ это дѣло вступился только недругъ Димитрія, стольникъ монастырскаго приказа Воейковъ на томъ основаніи, что эти ризы были казенное имущество...

Въ Ростовѣ Димитрій прилежно занятъ былъ своими книжными работами. Въ февралѣ 1705 года онъ закончилъ свои Четь-Миней (мѣсяцъ августъ) и въ концѣ мая послѣдній томъ вышелъ изъ печати въ Кіевѣ. Этотъ обширный трудъ составилъ главную литературную славу Димитрія. Это не была ученая работа въ новѣйшемъ смыслѣ: Димитрій хотѣлъ только собрать для благочестивыхъ людей древнія легендарныя сказанія для цѣлей назиданія, и успѣлъ въ этомъ; его книга остается любимымъ чтеніемъ и до сихъ поръ, и подверглась потомъ только нѣкоторымъ сокращеніямъ ²⁾. Для своего времени это былъ трудъ единственный въ своемъ родѣ, какового, безъ сомнѣнія, не могъ бы совершить никто изъ московскихъ книжниковъ. Не представляя критическаго изслѣдованія, книга Димитрія Ростовскаго не была, однако, простымъ повтореніемъ своихъ источниковъ. То, что находилъ онъ въ Макарьевскихъ Минеяхъ, онъ дополнялъ изъ источниковъ греческихъ и латинскихъ; съ самаго начала у него былъ въ рукахъ Симеонъ Метафрастъ, сборникъ Сурія (*Vitae sanctorum*); въ 1693 году ему привезли изъ Гданска *Acta sanctorum* Болландистовъ; наконецъ, онъ собралъ русскія житія, къ которымъ умѣлъ

¹⁾ Шляпкинъ, 352—353.

²⁾ О дальнѣйшихъ редакціяхъ Четь-Миней см. у Чистовича, Исторія с.-петербургской духовной академіи. Спб. 1857, стр. 27—32. Біографъ замѣчаетъ, что Димитрій Ростовскій умѣлъ передать повсюду легенды, и припоминаетъ, что житіе св. Θεодори вдохновило Герцена въ повѣсти этого имени, изданной въ „Р. Мысли“, 1831 (Шляпкинъ, стр. 374).

относиться критически. Въ изложеніи житій находили мѣсто и объясненія различныхъ предметовъ вѣры и церковной исторіи ¹⁾).

Какъ въ Четь-Минейхъ Дмитрій Ростовскій хотѣлъ дать книгу, недостававшую въ нашей литературѣ, такъ подобная мысль руководила имъ въ составленіи его „Лѣтописи“. Она осталась неконченною, но сохранившаяся часть даетъ понятіе о свойствѣ работы. Цѣлью Дмитрія было дать связное изложеніе библейской исторіи съ прибавленіями и объясненіями различныхъ церковныхъ писателей и вмѣстѣ дать нравственное поученіе. На вопросъ, почему нужно читать библейскую исторію и прочія библейскія книги, онъ отвѣчаетъ, что это нужно по тремъ причинамъ: „познанія ради Бога; управленія ради себя самаго; наставленія ради ближняго“. На трудъ свой онъ смотритъ очень скромно: книжные люди хорошо знаютъ все это, на иностранныхъ языкахъ довольно печатныхъ книгъ и на нашемъ славянскомъ языкѣ есть рукописные хронографы; въ наполненныя житицы нечего прибавлять нѣсколько зеренъ или въ большія рѣки вливать горсть воды,—онъ писалъ книги для своего келейнаго чтенія, въ наученіе себя: „аще же та (книжица) и въ иныхъ книгочитателей руки ввидеть, и аще кому будетъ угодна, о томъ да прославится имя Господне, о немже есмь, живемъ, и движемся, и глаголемъ, *и пишемъ*“. Митрополитъ Евгеній замѣчаетъ, что еслибы эта лѣтопись была имъ окончена, она была бы „единственною для библейской исторіи въ церковной нашей словесности“. Дѣйствительно, это была первая замѣтна стараго хронографа, той скудной—и, должно сказать, порядочно грубой—компиляціи, какою довольствовались читатели стараго времени; это былъ трудъ, основанный на обширномъ изученіи и самой библіи, и отцовъ церкви, византійскихъ хронистовъ и новѣйшихъ церковныхъ писателей; на поляхъ онъ постоянно цитируетъ свои библейскіе и ученые источники: въ числѣ послѣднихъ были, напримеръ, Корнелій а Lapide, Гавріилъ Буцелинъ, Навклиръ, Меркаторъ, Клюверъ, Белларминъ и т. д. Опять нѣкто изъ московскихъ книжниковъ не былъ бы способенъ на подобную работу. Въ теченіе работы онъ писалъ о ней своимъ друзьямъ, Стефану Яворскому, чудовскому монаху Феологу, прося ихъ совѣтовъ и указаній. Въ одномъ изъ писемъ онъ указываетъ и практическіе поводы своей работы: помню,—говоритъ онъ,—что въ нашей малороссійской сторонѣ трудно сыскать славянскую библію, и изъ

¹⁾ Указанія источники житій сдѣланы въ книгѣ: „Св. Дмитрій Ростовскій“. М. 1849.

духовнаго чина рѣдко кто знаетъ порядокъ библейскихъ исторій, что когда происходило; и онъ приводитъ примѣры невѣжества, „смѣху годныя дискурсы“ о предметахъ церковной исторіи; не больше, конечно, знали и въ московской сторонѣ, и въ другихъ письмахъ онъ опять приводитъ примѣры, между которыми ему вспоминаются и „брынскіе богословы“. О составѣ лѣтописи онъ пишетъ однажды Стефану Яворскому, что работа его, пожалуй, мало кому понравится; въ ней, какъ въ сбитнѣ русскомъ, мѣшанина — и исторія, „и будто толкованійце нѣкое изъ Корнелія и изъ другихъ книгъ“, „индѣ нравоученійце, особливо въ первой и во второй тысячѣ лѣтъ, гдѣ мало находится исторій“; онъ знаетъ, что въ книгописательствѣ одно — быть историкомъ, другое — толкователемъ, третье — нравоучителемъ, но я, — говоритъ онъ съ нерѣдкой у него шуткой, — смѣшалъ все это, какъ горохъ съ кашпостой, желая имѣть книжку съ отрывками и замѣтками, чтобы пригодилась иногда и для проповѣди. Дѣйствительно, въ лѣтописи найдется не мало общаго и съ его проповѣдью.

Мы видѣли, что Димитрій рано сталъ проповѣдникомъ. Въ южно-русской церкви это была особая должность, которая не однажды на него возлагалась. Онъ не оставлялъ проповѣди и впослѣдствіи, и наибольшее число поученій относится къ послѣднимъ годамъ его жизни въ Москвѣ и Ростовѣ. Первые проповѣди Димитрія (ихъ сохранилось всего менѣе) еще носятъ на себѣ въ полной мѣрѣ печать его реторической школы: онѣ составлены именно по тѣмъ правиламъ, какія преподавалъ упомянутый нами раньше „Ключъ разумнѣя“ — съ искусственнымъ построеніемъ, реторическимъ развитіемъ темы, съ аллегоріей и символическими толкованіями, нерѣдко натянутыми, съ примѣрами изъ библейской и свѣтской исторіи и т. п. Съ теченіемъ времени эта искусственная манера начинаетъ отпадать, хотя никогда не исчезла вполне, какъ слишкомъ укоренившаяся привычка; все больше получаетъ мѣста прямое поученіе, простое толкованіе христіанской нравственности; примѣры берутся изъ дѣйствительной жизни; старый реторическій оборотъ получаетъ окраску нѣкотораго юмора, въ которомъ едва ли не сказывается именно малорусскъ. Въ проповѣдяхъ Димитрія нѣтъ такого близкаго отношенія къ политической современности какъ у Феофана Прокоповича или Стефана Яворскаго; но онъ и не уклонялся при случаѣ высказать свои взгляды по поводу совершавшихся событій. Болѣе или менѣе прямо относятся къ Петру проповѣди, обличающія „гнѣвную ярость“, пьянство и иные пороки, неуваженіе къ святынямъ; другіе несомнѣнно имѣютъ въ виду вводимые имъ обы-

чан и распоряженія, напимѣръ указъ о разрѣшеніи поста въ войскахъ. Въ проповѣди, произнесенной въ 1708 году въ Москвѣ, представленъ пиръ Ирода. На первыхъ мѣстахъ сидятъ три лица: Венусъ (Венера), Бахусъ и Арей (Марсъ); Венусъ привыкла царствовать, она владѣетъ и самими царями. Что касается до Бахуса, то, говоритъ проповѣдникъ, — „не тоюмо еллиномъ, но, якоже вижду, и нашимъ глаголющимся быти православнымъ христіаномъ, той божишко не нелюбъ, понравился... Не соблюдать постовъ, — то не грѣхъ; день и ночь пиянствовать — то людскость; пребывать въ гуляніи — то дружба, а что по смерти о душѣ скажутъ, куды ей идти, баснь то“. „Речеть Бахусъ чревоугодный богъ съ ученикомъ своимъ Мартиномъ Лютеромъ: надобно въ полкахъ не смотрѣти поста, и въ постъ ясти мясо, чтобъ полковые люди въ воинствѣ были сильны, въ бою крѣпки, не ослабѣли бъ въ брани отъ поста и воздержанія. Но Гедеоново воинство и постыся побѣдило мадіанитянъ“... Несомнѣнно къ Петру относились сожалѣнія, что между „людьми сего времени“ нѣтъ Константиновъ, нѣтъ Владиміровъ, которые любили благолѣпіе дома Господня, „а мы о храмѣхъ его попеченія ни единого прилагаемъ“. Мысли Дмитрія Ростовскаго объ этомъ послѣднемъ ясно, хотя и съ осторожностью, высказываются въ его письмахъ къ близкимъ людямъ, напимѣръ Стефану Яворскому. Онъ не однажды упоминаетъ о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ церковною жизнью. Въ 1707 году онъ жалуется, „что времена нынѣшніи не додають фантази и охоты до книгописанія. *Silent musae inter arma*“. Въ письмѣ отъ февраля 1708 года онъ пишетъ къ Яворскому о положеніи вещей: извнѣ брань, внутри страхи; „только беззаконій, только обидъ, только oppresiones вопіють на небо и возбуждаютъ гнѣвъ и отомщеніе божіе“¹⁾. Очевидно, что это относится къ крутымъ мѣрамъ Петра, которыя должны были отражаться, между прочимъ, на бытѣ духовенства. Самъ митрополитъ находился въ очень стѣсненномъ матеріальномъ положеніи: онъ бывалъ не въ состояніи помочь тѣмъ, кто могъ ожидать отъ него помощи, потому что и самъ жилъ въ большой скудости. Замѣчаютъ, что къ послѣднимъ годамъ жизни Дмитрія относится нѣкоторое сближеніе его со старой русской партіей, съ приверженцами царевича Алексѣя; это могло быть, когда въ немъ самомъ эта партія могла замѣтить нерасположеніе къ нѣкоторымъ суровымъ мѣрамъ царя, — но его все-таки никакъ нельзя было зачислить въ ряды противниковъ реформы. Южно-русское образо-

¹⁾ По рукописамъ Дмитрія Ростовскаго у Шляпкина, стр. 420—486.

ваніе должно было внушать ему сочувствіе къ стремленіямъ Петра распространять знанія, обновить государство. Осуждая крайности, весьма прозрачно указывая личные недостатки Петра въ проповѣдяхъ, сказанныхъ даже въ его присутствіи, Димитрій Ростовскій, безъ сомнѣнія, вполне искренно желалъ успѣха его трудамъ и между прочимъ сочувствовалъ сношеніямъ съ иноземцами: „хвалю добрый той нынѣшнихъ временъ обычай, что многіе люди въ инныя государства ходятъ ученія ради, изъ-за морей бо умудреніи возвращаются... Аще же память смертная есть философіею, убо тоя мудрости учиться не довлѣетъ сидя въ дому, но и въ чужихъ странахъ побывати требъ“.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія. Живя въ Ростовѣ, онъ старался собирать историческія свѣденія о своей епархіи; трудился и надъ составленіемъ лѣтописи или сборномъ хронографѣ о началѣ славянскаго народа ¹⁾. Келейную лѣтопись онъ намѣревался довести только до Рождества Христова, такъ какъ ветхозавѣтная исторія на славянскомъ языкѣ не имѣла толкованія; писать дѣянія царствъ римскихъ, греческихъ и прочихъ, по его мнѣнію, было не архіерейское дѣло,—это можетъ сдѣлать и какой-нибудь мірской человѣкъ. Самъ же онъ,—какъ онъ пишетъ къ Ѳеодору Поликарпову въ концѣ 1708 года,—если бы Богъ далъ ему немощному помощь, силу и разумъ съ прибавленіемъ жизни“, хотѣлъ послѣ лѣтописи заняться псалтырью, собирая уже готовые толкованія: „аще бо и суть у насъ на языкѣ славенскомъ рукописныи толкованныи псалтыри, но не ясны *аки въ лѣсу и пустыни* ²⁾, и вѣло желается мнѣ того дѣла, аще бы Богъ далъ, аще бы коса смертная не пресѣкла“. Такимъ образомъ онъ имѣлъ смѣлость признать, что старая письменность (въ которой не мало было толкованій псалтыри) въ сущности уже не удовлетворяла потребности въ ясныхъ толкованіяхъ писанія: должно сказать, что многія изъ подобныхъ книгъ старой письменности дѣйствительно бывали мало доступны своимъ читателямъ, которые нерѣдко бродили какъ въ лѣсу или пустынѣ въ невразумительныхъ буквальныхъ переводахъ съ греческаго. И опять такой самостоятельной работы, доступной читателю, московскими книжниками сдѣлано не было и едва ли они способны были сдѣ-

¹⁾ Этотъ трудъ его остался незавершеннымъ; митрополитъ Евгеній упоминаетъ, что, вѣроятно, вмѣсто этой книги въ собраніе сочиненій Димитрія попалъ Синописисъ Иннокентія Гизела (Словарь, I, стр. 132). Даже въ кievскомъ изданіи 1861 года „Синописисъ“ помѣщенъ, какъ третье отдѣленіе „Келейной лѣтописи“.

²⁾ Одинъ изъ малорусизмовъ, какіе вообще нерѣдки въ подлинныхъ писаніяхъ Димитрія Ростовскаго, даже до послѣднихъ лѣтъ его жизни.

дать ее въ томъ духѣ, какъ мечтаѣ объ этомъ Димитрій Ростовскій. Но этой работы онъ не успѣлъ совершить, и послѣдній годъ его жизни былъ занятъ знаменитой потомъ книгой, изданной уже долго спустя по его смерти. Это былъ „Розыскъ о раскольниковской брынской вѣрѣ“¹⁾, изданный впервые въ 1745 г. и съ тѣхъ поръ много разъ печатавшійся въ Москвѣ и въ Киевѣ. Расколъ долженъ былъ привлечь вниманіе Димитрія съ самаго начала его пастырской дѣятельности. Въ Ростовѣ онъ не однажды встрѣчался съ раскольниками и еще больше слышалъ объ нихъ. Онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ своему пріятелю Θεологу, котораго между прочимъ просилъ о доставленіи матеріаловъ для этой книги: „Нужда въ Ярославѣ раскольниковъ. Тамъ бывъ, училъ помощію Божіею съ недѣлю, но понеже словеса изъ устъ болѣе идутъ на вѣтеръ, нежели въ сердце, того ради все подлежащее лѣтописанію ми дѣло оставивъ, яхся (принялся) писать особую книжицу противъ раскольниковъ учителей... Богъ о лѣтописаніи не истязаетъ (не спроситъ), а о семъ, аще молчать... истязаетъ“. Въ самой книгѣ онъ упоминаетъ, что уже раньше патріархъ московскій издалъ двѣ изрядныя книги противъ раскольниковъ: „Жезлъ правленія“ и „Увѣръ духовный“, и не нужно лучшихъ книгъ для ихъ обличенія; но онъ не знаетъ, существуютъ ли эти книги въ ростовской епархіи, и едва ли, потому что „ненавистная рука раскольниковская истребляетъ ихъ“. Потому онъ по своей должности и написалъ эту книжку: когда волки нападаютъ на стадо, пастырю не должно быть одержиму сномъ.

Эти послѣднія выраженія указываютъ на отношеніе Димитрія къ расколу: оно—сильно враждебное. Тѣмъ не менѣе „Розыскъ“ Димитрія Ростовскаго во многомъ отличается отъ другихъ обличеній раскола, современныхъ ему и позднѣйшихъ. Писатели южно-русской школы, не знавшіе никакого раскола у себя дома, возмущались московскимъ расколомъ, въ особенности какъ свидѣтельствомъ грубаго невѣжества не только въ простонародной массѣ, отъ которой и нельзя было бы требовать церковныхъ знаній, но и въ средѣ самого духовенства, даже такого, которое занимало видныя мѣста и пользовалось большимъ почетомъ, какъ первые расколуучители, протопопъ Нероновъ или протопопъ Аввакумъ. Киевлянамъ было непонятно, какимъ образомъ подъ именемъ „старой“ вѣры составлялась эта новая, „брынская“, вѣра, которая

¹⁾ Отъ знаменитыхъ нѣкогда дремучихъ брынскихъ лѣсовъ, въ нынѣшней калужской губерніи, которые служили гнѣздомъ раскольниковымъ скитовъ, а также и разбойничьихъ шайкъ. Эта мѣстность описывается въ известномъ романѣ Лажечникова—„Брынскій лѣсъ“.

такъ часто основывалась на грубомъ непониманіи писанія, даже на простомъ незнаніи грамматики, и Димитрій, какъ раньше Полоцкій, возмущался тѣмъ, что подобные невѣжественные люди становились проповѣдниками, не трудясь чему-либо научиться. Отсюда рѣзкость его тона, которая вызывалась также и необузданностью раскольничьихъ писаній. Онъ негодовалъ на безумства, которыя уже совершались въ то время въ средѣ раскола. Еще раньше „Розыска“ Димитрій останавливался на заблужденіяхъ раскола. „Слышахъ азъ, — писалъ онъ, — яко мнози, оставляюще дома своя, имѣнія и сродники, бѣжать въ пустыню, въ лѣсы Брынскіи, ази бы ищуще Христа и правыя вѣры... будто Христосъ и яже въ него вѣра сидитъ нѣгдѣ въ лѣсѣ, за колодою... слышахъ и то, яко у раскольниковъ сокровенно уже и христы обрѣтаются, предтечѣ антихристовыхъ наплодилось“; между раскольниками уже въ то время распространялась такъ-называемая Христова любовь... Но суровость Димитрія Ростовскаго тѣмъ не менѣе отличается отъ рѣзкости другихъ тогдашнихъ писателей протовъ раскола: это не была суровость инквизитора, а негодованіе благочестиваго чловека, и онъ опровергалъ расколъ не буквою писаній, а стараясь разъяснять самую сущность дѣла; поэтому „Розыскъ“ состоитъ изъ множества догматическихъ, обрядовыхъ и простыхъ житейскихъ объясненій, для которыхъ онъ приводитъ цѣлую обширную литературу, изъ священнаго писанія, отцовъ церкви, старой русской литературы, наконецъ изъ церковныхъ историковъ латинскихъ. Свѣденія о расколѣ онъ имѣлъ и изъ собственного опыта, разсказовъ очевидцевъ и изъ писаній самихъ раскольниковъ. Окончивъ свою книгу, въ мартѣ 1709, онъ писалъ своему другу Θεологу и дѣлаетъ, между прочимъ, любопытныя замѣчанія о книгѣ „Зерцало“, написанной тогда же неизвѣстнымъ авторомъ: „Зерцало безыменнаго творца выслушахъ, велѣлъ переписать: а книжица та вѣстинну благопотребна, великое раскольниковомъ обличеніе и постыженіе. Когда бы та книжица прилучилася мнѣ *прежде написанія моея*, много быхъ отъ нея почерпнулъ. Я свою помощію Божіею окончихъ“... Это было сочиненіе извѣстнаго Посошкова: „Зерцало безыменнаго творца на раскольниковъ обличеніе“ ¹⁾. Въ другомъ письмѣ къ Θεологу онъ

¹⁾ Оно занимаетъ почти сполна второй томъ „Сочиненій“ Посошкова въ изданіи Погодина, М. 1863. Сличеніе Зеркала съ Розыскомъ Димитрія Ростовскаго сдѣлано въ книгѣ г. Царевскаго: „Посошковъ и его сочиненія“. М. 1883, стр. 114—117. Г. Царевскій, между прочимъ, сообщаетъ, что въ одномъ спискѣ Зеркала находится „метросочиненные стихи“, написанные въ похвалу этой книгѣ Димитріемъ Ростовскимъ въ 1709 году: приведенное имъ четверостишіе совпадаетъ (какъ часть) съ ол-

просить сказать ему объ авторѣ Зеркала ¹⁾, которое видимо его заинтересовало.

Его тянуло теперь къ другимъ работамъ: „наскучило о расколѣ“; онъ думалъ о толкованіи евангелія и о лѣтописцѣ, но дни его были уже сочтены. Въ послѣдніе годы его здоровье было очень слабо, онъ работалъ видимо черезъ силу; въ послѣдній день своей жизни, отпустивъ вечеромъ служителей, Димитрій вошелъ въ особенную келью для молитвы, и тамъ на другое утро былъ найденъ умершимъ на колѣняхъ въ молитвѣ (28-го окт. 1709). Отъ него не осталось никакого имущества кромѣ книгъ, и въ завѣщаніи онъ просилъ похоронить его, какъ хоронятъ нищихъ: изъ тѣхъ скудныхъ средствъ, какія онъ имѣлъ по своей щедрѣ, все, что можно было, онъ тратилъ на благотворенія.

Передъ нами прошелъ цѣлый рядъ лицъ, которыя могутъ служить типическими представителями состоянія умовъ въ книжной средѣ наканунѣ и въ самомъ началѣ реформы. Господствующій интересъ, которымъ они жили вмѣстѣ съ большимъ кругомъ общества и самаго народа, былъ церковный интересъ, какъ нѣкогда; но скрытное движеніе къ просвѣщенію проникло и сюда, и въ результатъ мы видимъ чрезвычайно характерныя видоизмѣненія и рѣзкія противоположности въ этомъ интересѣ.

Сильвестръ Медвѣдевъ былъ первый убѣжденный и увлеченный ученикъ Симеона Полоцкаго; первый настоящій ученый русскій человекъ, одинъ трудъ котораго восхищалъ новѣйшаго ученаго археографа небывалымъ богатствомъ и точностью свѣденій о старой русской письменности; онъ мечталъ объ „академіи“, которая положила бы начало распространенію любимой имъ науки; но чтеніе „латинскихъ книгъ“ уже навлекло на него подозрѣніе въ глазахъ ревнителей старины, и когда онъ рѣшился указать неправильности въ исправленіи книгъ и задѣлъ при этомъ самого патріарха, а въ латинскихъ книгахъ вычиталъ нѣкоторыя необычныя богословскія мнѣнія, онъ навлекъ на себя страшную вражду патріарха, которая, по убѣжденію новѣйшихъ историковъ, и была главною причиною его гибели.

Противъ него стоитъ патріархъ Іоакимъ, типъ стариннаго книжника, узкаго и фанатически злобнаго. Самъ онъ былъ „мало ученъ и богословскихъ рѣчей не зналъ“, какъ Медвѣдевъ повторилъ въ четырехъ похвальныхъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ изданіи Погодина (II, стр. 7—8).

¹⁾ Шляпкинъ, стр. 446.

рялъ о немъ даже на пытѣхъ; но это тѣмъ болѣе могло содѣйствовать его упорству подѣ наущеніями его внушителей, и его жестокости въ томъ, что онъ считалъ охраненіемъ церкви. Онъ былъ упорный приверженецъ старины; онъ, конечно, былъ преемникъ Никона, но самъ протопопъ Аввакумъ не имѣлъ особеннаго раздраженія противъ „Якимушки“, — между ними дѣйствительно было не мало общаго, какъ ихъ ревность къ преданію и ненависть къ „латинскому“ и „нѣмецкому“; эта ревность къ преданію у обоихъ переходила всякіе предѣлы: одинъ, ересіархъ, желалъ бы быть ветхозавѣтнымъ пророкомъ и кровожадно мечталъ „перешластать“ своихъ враговъ; другой, патріархъ, мучилъ и унижалъ Сильвестра Медвѣдева въ „хранилѣ“ и добился его казни: „личная ненависть къ Медвѣдеву заглушила въ немъ всякое понятіе о справедливости“, — такъ думаетъ новѣйшій историкъ. Къ сожалѣнію, заглушено было не одно чувство справедливости: въ спорахъ о буквѣ терялось всякое понятіе о христіанскомъ милосердіи; религія любви становилась религіей мщенія и злобы. Во всей нашей старой письменности мы не читали ничего столь *холодно* свирѣпаго, какъ тѣ страшныя проклятія, какія придумывались и призывались на голову Медвѣдева въ упомянутомъ выше соборномъ постановленіи, конечно, выражавшемъ мысли патріарха, — съ ними можетъ равняться развѣ только ядовитая свирѣпость Грознаго въ посланіяхъ къ Курбскому. На помощь малой учености патріарха явились услужливые ученые совѣтчики: одинъ былъ свой—чудовскій монахъ Евѣимій, ограниченный фанатикъ; двое другихъ были греки, ученые аферисты, къ каковымъ не однажды приходилось прибѣгать малоученой московской іерархіи старыхъ временъ.

Отрадную противоположность этому кругу представляетъ мягкій, доброжелательный, искренно благочестивый Димитрій Ростовскій. Онъ также читалъ „латинскія книги“ и въ свое время былъ, конечно, наиболѣе ученый человекъ въ средѣ тогдашней іерархіи. Онъ былъ питомецъ *малороссійской* церкви и, какъ другіе ея питомцы, дѣлилъ ея мысли и ея отношенія къ Москвѣ; но, мирный труженикъ въ кельѣ, онъ видимо питалъ отвращеніе къ тому способу, каковымъ рѣшались богословскіе вопросы въ тогдашней Москвѣ; припомнимъ, что тотъ южно-русскій богословъ, который защищалъ мнѣнія Медвѣдева и былъ „проклятъ“ Іоакимомъ, „многокозственное орудіе онаго дракона сатаны“ по „Щиту вѣры“, — былъ другъ Димитрія Ростовскаго. Димитрій предпринимаетъ обширные книжныя труды, каковыхъ до него и при немъ не въ состояніи было произвести московское книжни-

чество, и эти труды сохранили донынѣ почетное мѣсто въ русской церковной литературѣ. Онъ былъ также ревнитель по вѣрѣ — какъ въ своихъ обличеніяхъ раскола; но мы замѣтили уже, что это не была ревность инквизитора, а ревность благочестиваго и просвѣщеннаго человѣка, который ужасался мраку невѣжества, въ конецъ извращавшаго вѣру. Когда Іоакимъ, совсѣмъ по-старовѣрчески, ненавидѣлъ „проклятыхъ“ иноземцевъ, мѣшая въ одно нѣмцевъ и татаръ, западныхъ христіанъ и магометанъ, Дмитрій Ростовскій ревностно изучалъ западную латинскую литературу, велъ дружескую переписку (на латинскомъ языкѣ) съ Исаакомъ Вандербургомъ, иноземнымъ купцомъ въ Архангельскѣ, который выписывалъ для него латинскія книги изъ-за границы ¹⁾.

Въ самомъ языкѣ Дмитрій Ростовскій остался до конца питомцемъ кievской школы: въ его печатныхъ сочиненіяхъ этотъ языкъ исправленъ въ церковно-славянскомъ стилѣ; но въ его рукописяхъ постоянно сохраняется отгѣнокъ малорусской рѣчи и тогдашняго кievскаго правописанія; особенно любопытны въ этомъ отношеніи его письма къ друзьямъ, такимъ же южно-руссамъ, даже за послѣдніе годы его жизни; языкъ этихъ писемъ — оригинальная смѣсь всѣхъ тѣхъ элементовъ, въ которыхъ воспитывалась и жила его мысль: важная церковно-славянская рѣчь переплетается съ цѣлыми фразами и отдѣльными выраженіями латинскими, малорусскими, польскими, и въ самомъ содержаніи серьезная мысль чередуется съ житейскими мелочами и съ добродушнымъ юморомъ.

Это былъ канунъ реформы. Въ лучшихъ людяхъ сказалось несомнѣнное исканіе другого умственного порядка вещей, чѣмъ тотъ, въ какомъ доживала старина. На первый разъ искали выхода въ латинскомъ образованіи, въ которомъ было еще слишкомъ много устарѣлой схоластики; реформа открыла новые пути: на мѣсто церковной схоластики стало реальное и свѣтское знаніе; вмѣсто „латинскихъ книгъ“ былъ впервые открытъ доступъ въ новую европейскую литературу.

А. Пыпинъ.

---

¹⁾ Онъ пишетъ однажды Вандербургу, благодаря за присылку книгъ: „...opera pretiosissima..., in quibus quot paginas revolve, tot fructus colligo. Laudabiles sunt hae regiones, quae tales libros vel potius talium librorum auctores doctissimos et eruditissimos producant“. Едва ли не впервые явились у насъ въ библиотекѣ Дмитрія Ростовскаго сочиненія Franc. Baconis de Verulamio (Шляпкинъ, стр. 417, 452).

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Все дышетъ радостью и жизнью молодой
Въ порывѣ первой грёзы—
И косы томныхъ ивъ, нависшихъ надъ водой,
И стройныя березы.
О ласкѣ и любви все взорамъ говорить,
Горя свободы жаждой...
И близъ дороги строй причудливыхъ ракитъ,
И вѣнчикъ травки каждой...
Любуясь, погляди, какъ весело вокругъ...
Твердитъ душѣ о волѣ
Зеленою травой подернувшійся лугъ
И вспаханное поле.
Плывутъ по небесамъ прозрачныхъ облаковъ
Кудрявые барашки,
Мелькаютъ тутъ и тамъ отряды мотыльковъ
И пестрыя букашки.
На тихомъ кладбищѣ, гдѣ въ сумракѣ гробницъ
Почіютъ люди съ миромъ,
Безъ умолеу звенять и льются пѣсни птицъ
Подъ голубымъ зепромъ.
И тамъ на небесахъ, въ той свѣтлой вышинѣ,
Гдѣ ангеловъ чертоги,
Тамъ тоже все звучитъ хваленіемъ веснѣ,
Врачующей тревоги.

Весна—волшебникъ-врачъ... смягчать дана ей власть
 Суровой жизни ярость,
 Даруя юности виждительную страсть
 И освѣжая старость.

II.

Знаешь ли что, дорогая?..
 Вспомнимъ мы юность свою;
 Память собрать помогая,
 Я тебѣ пѣсню спою.

Пѣсня примчить къ намъ бывшее,
 Въ души прольетъ свой бальзамъ...
 Многое скверное, злое
 Станетъ невидно глазамъ.

И подъ знакомые звуки,
 Вспомнивъ о счастьѣ своемъ,
 Нѣшу сомнѣній и муки
 Съ плечъ хоть на время страхнемъ.

Солнце взойдетъ на лазури,
 Радость любви сторожа;
 Жизнь, какъ земля послѣ бури,
 Станетъ бодра и свѣжа.

Вспыхнетъ хоть искорка свѣта
 Въ безднѣ зияющей лжи...
 Во-время ль пѣсенка эта,
 Ты мнѣ, родная, скажи.

Л. Медвѣдевъ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

I.

Несомненно, что хозяйственные и финансовые интересы господствуют теперь въ нашей государственной и общественной жизни. Высшіе вопросы политики и морали очень мало занимают умы въ настоящее время, и вся вообще суетливая дѣятельность нашей эпохи носить на себѣ крайне прозаическій характеръ. Проза жизни имѣетъ, конечно, свои права; но самое пониманіе практическихъ задачъ извращается и приводитъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ, когда въ основу общественныхъ стремленій кладутся узкіе житейскіе расчеты того или другого вліятельнаго кружка, класса или сословія.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ можно было думать, что главный, преобладающій интересъ Россіи заключается въ увеличеніи барышей крупныхъ промышленниковъ, фабрикантовъ и заводчиковъ; въ обществѣ и въ печати неустанно раздавались призывы и возгласы о содѣйствіи отечественной промышленности и торговлѣ при помощи высокихъ охранительныхъ пошлинъ и субсидій насчетъ остальнаго населенія. Быть протекціонистомъ, т.-е. требовать наложенія особой дани на народъ въ пользу промышленниковъ,—значило быть патріотомъ; а кто доказывалъ вредъ протекціонизма для огромной массы нашего крестьянства, тотъ объявлялся чуть ли не врагомъ отечества, защитникомъ нѣмецкихъ интересовъ. Россійскій патріотизмъ попалъ на службу къ представителямъ коммерческаго капитала, и многіе публицисты, какъ напримѣръ г. Иловайскій, серьезно отождествляли выгоды промышленнаго класса съ выгодами всей Россіи. О народѣ говорилось какъ о чемъ-то отвлеченномъ, и насущныя потребности

его забывались или умышленно замалчивались среди усиленных хлопотъ и толковъ о необходимомъ будто бы торжествѣ протекціонизма. Оставленное въ пренебреженіи крестьянство напомнило, однако, о своемъ существованіи голодомъ 1891 года, бѣдствія котораго только отчасти удалось смягчить соединенными усилиями правительства и частной благотворительности. Заботы о народномъ благосостояніи, объ улучшеніи условій народнаго труда и о поднятіи народнаго земледѣлія выдвинулись опять на первый планъ, но вскорѣ приняли совершенно особое направленіе. Отъ имени всего сельскаго хозяйства говорили преимущественно помѣщики, и вполнѣ естественно, что ихъ голосъ принятъ былъ за выраженіе общихъ сельско-хозяйственныхъ нуждъ страны. Земледѣльческіе крестьянскіе интересы были незамѣтно отгѣснены землевладѣльческими, помѣщичьими, которые и раньше громко заявляли о себѣ настойчивыми жалобами и домогательствами. Крестьянство не имѣло своихъ представителей и заступниковъ въ печати, и отдѣльныя робкія напоминанія объ его бѣдствіяхъ и нуждахъ терались среди шумныхъ разсужденій и споровъ о землевладѣльческомъ кризисѣ. Народно-хозяйственный упадокъ, проявившійся въ столь острой формѣ въ 1891 году, получилъ какъ будто значеніе чего-то временнаго, случайнаго или второстепеннаго, и тяжелый урокъ оказался напраснымъ для значительной части общественнаго мнѣнія. На смѣну промышленному протекціонизму и отчасти параллельно съ нимъ выступилъ протекціонизмъ помѣщичій, столь же односторонній и одинаково направленный противъ интересовъ громаднаго большинства населенія. Стремленіе навязать государству спеціальныя цѣли, сословныя или кружковыя, выражается вполнѣ откровенно, при чемъ рѣшительный антагонизмъ между промышленниками и землевладѣльцами, съ одной стороны, и народной массою—съ другой, возводится даже на степень общаго принципа.

Представители обоихъ протекціонистскихъ теченій не задумываются надъ такими элементарными вопросами, которые прежде всего должны были бы возникнуть при предъявленіи какой-либо положительной хозяйственной программы. Возможно ли основывать процвѣтаніе даннаго общественнаго класса на бѣдности и придавленности большинства народа? Если платежныя и покупныя средства сельскаго населенія еще болѣе уменьшатся, то промышленники не найдутъ сбыта для своихъ продуктовъ, а землевладѣльцы останутся безъ надежныхъ арендаторовъ для своихъ земель; народная бѣдность неизбежно приведетъ къ упадку общей производительности страны и отразится на государственныхъ до-

ходахъ, такъ что и расчеты покровительствуемыхъ классовъ на субсидіи и льготы тоже подвергнутся ограниченію. Забитость и нищенство сельскаго люда прямо невыгодны для привилегированныхъ сословій, а для помѣщиковъ представляютъ рѣшительную опасность и угрозу. Жить въ деревнѣ и вести правильное хозяйство среди глухого недовольства окрестнаго населенія, среди печальныхъ картинъ нужды и горя, освѣщаемыхъ періодическими взрывами пьянаго отчаянія и разгула,—не только безотраднo, но и крайне затруднительно и отчасти даже невозможно. Практическіе интересы самихъ землевладѣльцевъ требовали бы прежде всего улучшенія хозяйственнаго быта сельскихъ обывателей, ибо безъ этого улучшенія немыслимо поднятіе нравственнаго и умственнаго уровня народной массы; при настоящихъ же условіяхъ деревенскаго прозябанія, всѣ обычныя жалобы на распущенность крестьянъ остаются лишь праздными и несправедливыми рѣчами. Только близорукіе эгоисты, живущіе сегодняшнимъ днемъ и не признающіе другихъ жизненныхъ цѣлей, кромѣ узко-матеріальныхъ, могутъ толковать объ обезпеченіи помѣщичьяго землевладѣнія при помощи дальнѣйшаго приниженія крестьянства. Проповѣдники этого бездушнаго сословнаго эгоизма не замѣчаютъ той пропасти, въ которую втянулось бы государство въ случаѣ торжества ихъ идей. Гдѣ большинство народа обречено пребывать во тьмѣ и служить лишь предметомъ обузданія и эксплуатаціи, тамъ будущность страны подвержена сильному сомнѣнію: десятки или сотни тысячъ благоденствующихъ помѣщиковъ и промышленниковъ не замѣнятъ собою обездоленныхъ миллионовъ, не составятъ великой націи и не создадутъ прочнаго политическаго могущества.

Если промышленники и коммерсанты открыто преслѣдуютъ интересы, враждебные народной массѣ, то это вполне естественно и понятно; никто и не ждетъ отъ торговли какихъ-либо нравственныхъ или общественно-политическихъ соображеній. Но когда антагонизмъ по отношенію къ народному большинству становится девизомъ первенствующаго класса, претендующаго на руководящую роль въ государствѣ, то это свидѣтельствуетъ уже о глубокомъ внутреннемъ разладѣ и кризисѣ общественной жизни. Исключительная забота о частныхъ и сословныхъ интересахъ, безъ вниманія къ интересамъ цѣлаго, составляетъ характерную черту временъ упадка. Симптомы такого упадка обнаруживаются на каждомъ шагѣ въ настоящее время, не только въ фактахъ дѣйствительности, но и въ литературѣ и журналистикѣ,—одно-

временно съ оживленіемъ правительственной дѣятельности въ области финансовыхъ и хозяйственныхъ задачъ.

Въ былое, недавнее еще время могло казаться, что у насъ нѣтъ условій для развитія бездомнаго, нищегого пролетаріата и что, слѣдовательно, мы избавлены отъ рабочаго вопроса въ той острой формѣ, въ какой онъ существуетъ въ западной Европѣ. Теперь же трудно поддерживать вѣру въ эти прошлыя иллюзіи. Значительная часть крестьянъ-собственниковъ постепенно превращается въ бѣдствующихъ искателей работы, и зависимость ихъ отъ денежныхъ хозяевъ принимаетъ формы, неизвѣстныя уже на западѣ. Увеличивающіяся у насъ изъ года въ годъ толпы безхозяйныхъ или безземельныхъ крестьянъ, выбитыхъ податными и прочими тягостями изъ строя деревенской жизни, попадаютъ въ такія матеріальныя условія, которыя совершенно немислимы въ другихъ культурныхъ странахъ, и законъ, и общественная власть дѣлаютъ пока мало для смягченія этой эксплуатаціи наемнаго труда промышленниками и землевладѣльцами новаго типа. Ежегодно многія тысячи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ пополняютъ собою армію безпомощныхъ пролетаріевъ, несмотря на свои номинальные земельные надѣлы. Кто считалъ у насъ эти тысячи человѣческихъ существъ, ищущихъ работы и пропитанія? Число ихъ не приведено въ извѣстность, но можно думать, что къ нимъ принадлежитъ добрая половина нашего бывшаго помѣщичьяго крестьянства. Общая цифра рабочихъ рукъ, не обеспеченныхъ у насъ землею и нуждающихся въ постоянныхъ заработкахъ, вѣроятно, превышаетъ численность рабочаго класса въ любомъ изъ западно-европейскихъ государствъ. Почти въ каждомъ земскомъ сборникѣ повторяются грустныя свѣденія о возрастающей нуждѣ и бѣдности среди сельскаго населенія, о повальной потогнѣ крестьянъ за отдаленными и сомнительными заработками, о жалкомъ и иногда фантастическомъ вознагражденіи за трудъ. Пока подготовлялось торжество промышленнаго и помѣщичьяго протекціонизма, матеріаль для рабочаго вопроса выработывался съ ужасающею послѣдовательностью и быстротою. Общинное землевладѣніе нѣсколько замедляло образованіе пролетаріата, но не могло остановить его развитіе при современномъ ходѣ государственнаго и народнаго хозяйства. А такъ какъ положеніе рабочихъ предоставлено у насъ на произволъ судьбы и хозяевъ, то въ общемъ оно несравненно хуже, чѣмъ гдѣ-либо за границей.

Возьмемъ для примѣра появившееся недавно описаніе быта рабочихъ, занимающихся сплавомъ лѣса и дровъ въ одномъ изъ

уѣздовъ вятской губерніи ¹⁾. Въ этомъ уѣздѣ „только отхожіе промыслы и заработки даютъ возможность бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ вести хозяйство и поддерживать свое незавидное существованіе. Уплата податей цѣликомъ падаетъ на эти заработки“. Доходность надѣльной земли удовлетворяетъ лишь одну треть всѣхъ потребностей крестьянской семьи; платежи же отнимаютъ пятую долю всей доходности. Невозможность своевременно уплатить непосильныя подати побуждаетъ крестьянъ продавать скотъ, а за отсутствіемъ скота, и слѣдовательно удобренія, они по неволѣ оставляютъ свои поля незасѣянными и уходятъ на заработки или въ Сибирь. Такихъ заброшенныхъ крестьянскихъ земель въ уѣздѣ было еще въ 1886 году около 20 тысячъ десятинъ, а во всей губерніи—220 тысячъ десятинъ. И это при крайней недостаточности надѣловъ, вызывающей потребность въ исканіи новыхъ свободныхъ земель! И здѣсь, какъ и повсюду, сказывается пагубная роль устарѣлой податной системы, подрывающей самыя основы крестьянскаго хозяйства и уничтожающей такимъ образомъ источники будущихъ государственныхъ доходовъ. Взысканіе податей посредствомъ принудительной продажи рабочаго скота, при помощи мѣропріятій извѣстнаго рода, практикуется еще до сихъ поръ, какъ въ древнія времена ига, и этотъ первобытный способъ собиранія налоговъ вездѣ приводитъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ. По свидѣтельству мѣстной земской управы, крестьяне, „не имѣя возможности улучшить свое хозяйство, за неимѣніемъ не только скота, но и соломы, необходимой для удобренія полей и корма скота, принуждены бросать свои надѣлы, отправляться на заработки въ отдаленныя губерніи, гдѣ, оставаясь по нѣскольку лѣтъ, разстраиваютъ свое хозяйство въ конецъ, входятъ въ долги, затыгиваютъ подати и наконецъ, когда имъ не высылаютъ паспортовъ, возвращаются домой жалкими бѣдняками“. Многія семьи живутъ въ тѣсныхъ полу-разрушенныхъ избушкахъ, иногда вмѣстѣ съ домашними животными; „при перестройкахъ избы эти укорачиваются: сгнившіе углы отрубаются и изъ тѣхъ же старыхъ полугнилыхъ бревенъ складываютъ вновь избушки, такъ что нерѣдко встрѣчаются трехъ и четырехъ-аршинныя; когда же таковыя, нѣсколько разъ обрѣзанныя и перестроенныя избушки окончательно разрушаются, устрояютъ такія же небольшія землянки, но очень плохо, такъ что онѣ обсыпаются и скоро разваливаются“. Для этихъ злосчастныхъ сельскихъ обыв-

¹⁾ В. Н. Чураковъ, объ экономическомъ положеніи боровичиковъ яранскаго уѣзда, въ „Сборникѣ правовѣденія и общественныхъ наукъ“ (Москва, 1894), т. III.

вателей является главным подспорным промыслом рубка лѣса и дровъ. „Лѣсопромышленники, — говоритъ г. Чураковъ, — снимаютъ для вырубки лѣса казенныя дачи, куда прикладываютъ все искусство россійско-буржуазнаго хищенія. Выручая затраченный капиталъ съ изрядной лихвой, они ни о чемъ болѣе не заботятся, какъ объ истребленіи лѣсовъ и истощеніи почвы; — никакихъ улучшеній, никакихъ нововведеній ими не признается. Качество здѣсь царить во всей своей силѣ“.

Что же получаютъ крестьяне за свою работу у лѣсопромышленниковъ? Обыкновенно они не только ничего не зарабатываютъ, сверхъ скуднаго своего содержанія, но остаются еще должны хозяину при уходѣ, въ чемъ выдаютъ письменное обязательство. Брестыянскія артели заключаютъ съ лѣсопромышленникомъ, или чаще съ его приказчикомъ, контрактъ, которымъ „отдаютъ себя, свой трудъ и имущество въ полное распоряженіе лѣсопромышленника“. Между прочимъ, они обязываются покупать продукты для себя и лошадей у хозяина по цѣнѣ, имъ назначенной. За неисправность въ работѣ или въ доставкѣ матеріала назначаются неустойки, болѣе или менѣе разорительныя; такъ за недоставленную кубическую сажень дровъ взыскивается съ рабочихъ отъ 12 до 15 р.; за недоставленное дерево — до 1 р. 20 к.; за дерево ненадлежащаго размѣра — до 60 коп. По заключеніи подобнаго контракта, лѣсопромышленникъ даетъ рабочимъ задатокъ по 10 р. на человѣка, которые тутъ же идутъ на уплату податей. Работа производится при крайне тяжелой и нездоровой обстановкѣ. Осенью льютъ дожди почти каждый день; „земля до того пропитывается водою, что при глинистой подпочвѣ на поверхности образуются огромныя болота; вся одежда за день промокнетъ до послѣдней ниточки, — хоть выжимай; рѣзкій вѣтеръ пронизываетъ до костей“. Для отдыха и ночлега устроиваются землянки, гдѣ дышать трудно отъ дыма и тѣсноты. Продолжительность рабочаго дня равняется 16—18 часамъ. „Возчики встаютъ въ полночь и принимаются за работу; черезъ два часа встаютъ другіе — порубщики, къ которымъ пріѣзжаютъ первые“; послѣ небольшихъ перерывовъ для завтрака и обѣда, работа продолжается до 6—7 часовъ вечера. Пища рабочихъ — самая скудная; мясо они берутъ худшаго сорта у лѣсопромышленника, нерѣдко съ „душкомъ“; хлѣбъ „похожъ скорѣе на комокъ грязи, чѣмъ на настоящій хлѣбъ: въ обыкновенномъ видѣ ѣсть его совершенно нельзя; поэтому осенью его сушатъ, а зимой замораживаютъ и потомъ прямо крошатъ во щи или въ кашу“.

„Хлѣбъ, — продолжаетъ г. Чураковъ, — вообще можно сказать, таковъ, какой англійскій рабочій самъ не ѣстъ,

а кормить имъ свиней. Болѣзни желудка и кишекъ—обыкновенныя и постоянныя послѣдствія питанія подобнаго рода хлѣбомъ“. Спать работники въ той же сырой одеждѣ, въ какой провели день; перемены бѣлья никто у себя не имѣетъ. Многіе заболѣваютъ на мѣстѣ работъ, и положеніе ихъ очень печально. „Ухода за ними не имѣется, и больной по цѣлымъ днямъ лежитъ одинъ, безъ присмотра; съ величайшимъ трудомъ достаетъ онъ себѣ воды или хлѣба; такое надрываніе больного организма ускоряетъ развитіе болѣзни и приближаетъ больного къ смерти. О предварительной медицинской помощи и толковать нечего. Случится ѣхать кому-нибудь съ бору въ городъ или домой за провизіей—увезутъ больного, а не случится, такъ онъ и пролежитъ до той поры, пока болѣзнь не выйдетъ „изморомъ“, или пока смерть не прекратитъ ему муки“. Тѣ, которые выдержали два-три года такой работы, остаются на всю жизнь слабыми, болѣзненными; понятно, что и потомство у нихъ не отличается хорошимъ здоровьемъ, и слѣдовательно „этотъ промыселъ, какъ и другіе отхожіе промыслы, ведетъ къ вырожденію“.

Рабочіе не имѣютъ даже этого утѣшенія, что жертвуютъ собою ради добыванія денегъ, ибо настоящаго реального заработка они не видятъ. По приблизительному расчету г. Чуракова, зимній заработокъ людей, занятыхъ рубкою лѣса, уходитъ цѣлкомъ безъ остатка на необходимое содержаніе рабочихъ и ихъ лошадей; а плата за рубку дровъ не покрываетъ и этихъ минимальныхъ расходовъ на пропитаніе, такъ что, напримѣръ, для артели изъ четырехъ человѣкъ остается въ результатѣ долгъ хозяину въ 84 р. 90 к. „Если прибавить къ этому штрафы за неточное выполненіе условій контракта, излишнюю работу сверхъ положеннаго и неустойки вслѣдствіе окончанія работы не къ сроку“, то намъ понятно будетъ тогда положеніе рабочихъ. На покрытіе долга артельщики даютъ росписку, что они, „крестьяне такой-то деревни и волости, обязуются такому-то лѣсопромышленнику уплатить хлѣбомъ, деньгами столько-то, или отработать такой-то долгъ на будущій годъ“. И дѣйствительно, „разъ попавъ въ эту петлю, крестьяне не въ силахъ вылѣзть изъ нея“. На чтѣ убивается—замѣчаетъ далѣе г. Чураковъ, — столько времени, труда и здоровья? На достиженіе самыхъ мизерныхъ результатовъ,— „чтобы уплатить подати своевременно“. „И вотъ за своевременный взносъ податей крестьянинъ работаетъ на кулака-лѣсопромышленника почти полгода и отъ себя платитъ ему еще 57 коп. ежедневно“. Хозяева и ихъ приказчики легко создаютъ искусственные поводы къ неисправности рабочихъ, увеличивая размѣры требуемаго лѣс-

ного матеріала на вершокъ или полтора сверхъ условленной нормы; а рабочіе подчиняются всякимъ прижимкамъ, лишь бы поспѣть обратно въ деревню къ веснѣ, къ началу полевыхъ работъ. Такимъ образомъ, положеніе „боровщиковъ“, какъ крестьянъ-собственниковъ, еще болѣе усиливаетъ безправіе и безпомощность ихъ, какъ наемныхъ рабочихъ; расчеты на лѣтнее деревенское хозяйство побуждаютъ ихъ терпѣливо переносить въ теченіе зимы самую жестокую эксплуатацію, какой никогда не вынесъ бы постоянный работникъ. Притомъ эта эксплуатація производится какъ бы на казенный счетъ, подъ фирмою и при участіи казеннаго управленія, сдающаго лѣсныя дачи лѣсопромышленникамъ; — что же дѣлается въ другихъ случаяхъ, при отсутствіи этого казеннаго элемента, предполагающаго все-таки возможность нѣкотораго контроля?

Можно сказать, послѣ этого, что нигдѣ въ Европѣ не встрѣчаются теперь такіе способы обирая и истощенія рабочихъ силъ, нигдѣ нѣтъ такого невниманія къ жизни и быту трудящагося населенія, какъ у насъ. Въ теоріи всѣ интересуются крестьянствомъ и придаютъ большое значеніе его экономической самостоятельности, обезпеченной будто бы земельнымъ надѣломъ; но на практикѣ миллионы крестьянъ не пользуются даже тою долею защиты отъ экономического гнета и произвола, какая существуетъ въ другихъ странахъ для пришлыхъ, иноземныхъ рабочихъ. Если оставить въ сторонѣ немногія фабрично-заводскія предпріятія, обставленныя болѣе сносно въ смыслѣ охраны интересовъ рабочихъ, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ положеніе работниковъ-крестьянъ въ нашихъ крупныхъ и мелкихъ промыслахъ мало чѣмъ отличается отъ участи яранскихъ полѣсовщиковъ, о которыхъ выше приведены свѣденія, сообщенныя г. Чураковымъ. Въ богатѣйшихъ промышленныхъ районахъ происходитъ то же самое, что гдѣ-нибудь въ вятской глуши; такъ, въ центрѣ Мальцевскихъ владѣній, селѣ Датьковѣ, орловской губерніи, земскій статистикъ, г. Бѣлоконскій, отмѣчаетъ тѣ же признаки пролетаріата въ бытѣ мѣстнаго крестьянскаго населенія, — скученность людей въ жилищахъ, полное почти отсутствіе скота, ничтожность земельныхъ надѣловъ, шаткость и крайнюю скудость заработка. Послѣ краха, постигшаго Мальцевскіе заводы, — пишетъ г. Бѣлоконскій, — администрація, не зная, что дѣлать съ населеніемъ, предложила заняться рубкою лѣса, или, какъ говорятъ жители „идти въ долбѣшку“. Между тѣмъ населеніе, привыкши съ малолѣтства работать у раскаленныхъ печей на стеклянныхъ заводахъ, весьма чувствительно къ холоду, а „за отсутствіемъ средствъ почти ни

у кого нѣтъ теплой одежды, въ которой при работахъ на заводѣ и не особенно нуждаются: „добѣжимъ, — говорятъ дятковцы, — какъ-нибудь до завода, а тамъ возлѣ печей не озябнешь“. Понятно, что это населеніе не могло зимою работать въ лѣсу, и вскорѣ потребовало прежней привычной работы, на которую значительно сократился спросъ. Рѣшено было давать людямъ работу по очереди, и по расчету г. Бѣлоконскаго, на каждого йдока въ селѣ приходится около 6 р. въ мѣсяцъ, а „въ день немного болѣе 20 коп., за которыя не только нужно питаться, освѣщаться и отапливаться, но и одѣваться“ ¹⁾). Очевидно, администрація заводовъ проникнута была хорошими намѣреніями, но и эти хорошія намѣренія безсильны противъ условій, выработанныхъ въ періодъ промышленнаго успѣха и процвѣтанія Мальцевскихъ предприятий.

Не слѣдуетъ закрывать глаза на дѣйствительность: повсюду вырастаетъ предъ нами тотъ же рабочій вопросъ, во всей его неприглядной мало-культурной обстановкѣ, и нашъ крестьянскій пролетаріатъ развивается неудержимо съ каждымъ годомъ, обнимая все большее и большее количество населенія въ разныхъ областяхъ Россіи. Промышленное развитіе идетъ туго и держится на искусственныхъ непрочныхъ основахъ, а народная бѣдность распространяется быстро, гигантскими шагами. Въ то время какъ у насъ хлопотали о покровительствѣ капиталистамъ и землевладѣльцамъ, объ устройствѣ промышленныхъ синдикатовъ, о внѣшнихъ финансовыхъ комбинаціяхъ и преобразованіяхъ, стали все яснѣе обрисовываться симптомы того внутренняго тяжелаго недуга, отъ котораго мы считали себя гарантированными четверть вѣка тому назадъ. Поколѣніе шестидесятыхъ годовъ привѣтствовало земельное обезпеченіе крестьянъ, какъ залогъ лучшаго будущаго, а современное поколѣніе присутствуетъ при образованіи и развитіи сельскаго пролетаріата, какъ законнаго продукта послѣдующей эпохи. Въ рукахъ позднѣйшихъ дѣятелей, подъ прикрытіемъ охранительныхъ тенденцій, извратился смыслъ крестьянской реформы, и то, что было гарантіею народнаго благосостоянія, все болѣе утрачиваетъ свою силу подъ напоромъ новыхъ разлагающихъ вліяній. Теперь надо уже считаться съ безспорно существующимъ фактомъ: мы имѣемъ и многочисленный, ничѣмъ не обезпеченный рабочій классъ, и сложный и трудный рабочій вопросъ.

Нашъ рабочій вопросъ сложнѣе и труднѣе западно-европейскаго по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ отчасти совпадаетъ

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 1894, № 269.

съ общимъ крестьянскимъ вопросомъ, такъ какъ къ разряду нуждающихся рабочихъ принадлежитъ значительная часть всего нашего сельскаго населенія, и границы рабочаго класса являются совершенно неопредѣленными и неуловимыми; безземельные батраки и фабричные рабочіе составляютъ лишь небольшую долю общаго числа крестьянъ, живущихъ отхожими промыслами, наемною работою у землевладѣльцевъ или кустарничествомъ по заказамъ промышленниковъ. Во-вторыхъ, положеніе рабочихъ всѣхъ этихъ категорій ухудшается и становится иногда безнадежнымъ вслѣдствіе слабости и шаткости нашего промышленнаго развитія; масса рабочихъ рукъ не находитъ себѣ разумнаго приложенія, и искатели работы вынуждены подчиняться самымъ тягостнымъ условіямъ, лишь бы имѣть какія-либо занятія. Нашъ промышленный рынокъ не предъявляетъ и не можетъ вовсе предъявлять спроса на то количество рабочихъ, какое выдѣляется маломужичьимъ крестьянствомъ; конкуренція между рабочими и крайняя необходимость заработка сбиваютъ цѣну труда до невѣроятнаго минимума, до превращенія платы въ отрицательную величину.

Упадокъ крестьянства приводитъ къ рабочему вопросу, и первая, главнѣйшая задача экономической политики заключается въ томъ, чтобы предупредить дальнѣйшій ростъ нашего сельскаго пролетаріата и по возможности смягчить послѣдствія сдѣланнаго зла. Это первый и самый насущный хозяйственный вопросъ нашего времени. Законодательство почти не коснулось еще цѣлой области отношеній между рабочими и капиталистами, предоставивъ регулировать эти отношенія произволу сильнѣйшихъ; и сплошь и рядомъ устарѣлые законы даютъ хищникамъ оружіе для угнетенія бѣдныхъ и темныхъ представителей труда. Устранить эти аномаліи и пробѣлы необходимо теперь болѣе чѣмъ когда-либо. Для того ли поощряется промышленность, чтобы способствовать обнищанію и вырожденію значительной части народа? Неужели поддержаніе промышленныхъ и землевладѣльческихъ интересовъ должно заключаться въ допущеніи беззащитной эксплуатаціи рабочихъ силъ ради увеличенія доходовъ отдѣльныхъ предпринимателей? Немногія мѣры, установленныя въ пользу фабричныхъ рабочихъ, еще рѣзче отбѣняютъ общую безпомощность трудящагося населенія, поставленнаго въ зависимость отъ хозяевъ и кулаковъ разнаго рода и ранга. Стоитъ только вспомнить положеніе рабочихъ въ нашихъ наиболѣе покровительствуемыхъ предпріятіяхъ — на сахарныхъ заводахъ, чтобы убѣдиться въ отсутствіи у насъ элементарной заботливости о судьбѣ рабочаго класса. Наши рабочіе не имѣютъ возможности сами охранять свои права,

какъ это дѣлають болѣе культурные западно-европейскіе пролетаріи, и потому улучшеніе условій наемнаго труда входитъ въ кругъ прямыхъ обязанностей государства, поощряющаго крупную промышленность. Равнодушіе къ участи рабочихъ, насколько оно проявляется въ законодательствѣ, имѣетъ несомнѣнную связь съ преобладаніемъ одностороннихъ фискальныхъ и бюрократическихъ традицій въ системѣ государственнаго хозяйства.

II.

Другой хозяйственный вопросъ первостепенной важности, оставленный у насъ до сихъ поръ безъ достаточнаго вниманія, касается отношеній между крестьянствомъ, нуждающимся въ землѣ, и владѣльцами, сдающими землю въ аренду. Подобно тому какъ нужда въ деньгахъ заставляетъ сельскихъ обывателей идти въ кабалу къ промышленникамъ, такъ и потребность въ землѣ создаетъ зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ и кладетъ начало новому аграрному вопросу, который въ будущемъ грозитъ не меньшими бѣдствиями, чѣмъ вопросъ рабочій.

Арендныя связи охватываютъ добрую половину нашего земледѣльческаго населенія и поглощаютъ огромныя суммы, превышающія всѣ выкупныя и мірскія платежи въ совокупности; по приблизительному, весьма умѣренному расчету, сдѣланному г. Карышевымъ, крестьяне арендуютъ въ дополненіе къ своимъ надѣламъ не менѣе 50 милліоновъ десятинъ въ губерніяхъ европейской Россіи и уплачиваютъ за землю владѣльцамъ около 315 милліоновъ рублей ежегодно. На самомъ дѣлѣ, какъ замѣчаетъ г. Карышевъ, выведенная сумма должна быть гораздо ниже дѣйствительныхъ уплатъ, ибо при натуральной формѣ платежей за нанимаемую землю стоимость послѣдней значительно возрастаетъ ¹⁾. Изъ этого видно, какіе громадныя интересы связаны съ крестьянской арендой, а между тѣмъ взаимныя отношенія между собственниками и сьемщиками земли ничѣмъ не регулируются и составляютъ до сихъ поръ область безпрепятственной эксплуатаціи, доходящей часто до грубаго хищничества.

Крестьянская аренда—явленіе новое, не существовавшее при крѣпостномъ правѣ, и до сихъ поръ она не имѣетъ еще своихъ законодательныхъ нормъ. Къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ

¹⁾ Николай Карышевъ, Крестьянскія вѣнадѣльныя аренды (Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики, т. II). Дерптъ, 1892.

примѣняются старые до-реформенные законы, не знающіе вовсе особаго класса крестьянъ-собственниковъ и приспособленные исключительно къ быту помѣщичьей и крѣпостной Россіи. У насъ нѣтъ даже такихъ скромныхъ правилъ о земельной крестьянской арендѣ, какія имѣются въ чисто-буржуазномъ кодексѣ Наполеона; у насъ нѣтъ закона о сбавкѣ арендной платы въ случаѣ неурожая или градобитія, нѣтъ правилъ о половникахъ, о наймѣ рабочаго скота, — не говоря уже о постановленіяхъ другихъ законодательствъ относительно размѣровъ арендной платы и возмѣщенія арендаторамъ издержекъ на прочныя улучшенія участковъ. Во Франціи, по даннымъ 1887 года, сдается въ аренду всего 13¹/₂ милліоновъ гектаровъ, вчетверо меньше, чѣмъ у насъ, и однако тамъ существуетъ арендное право, неизвѣстное еще нашимъ законамъ. Наши арендаторы-крестьяне не пользуются охраною закона, какъ французскіе или англійскіе, и, напримѣръ, даже въ голодный 1891 годъ землевладѣльцы могли взыскивать арендные деньги за землю, не давшую жатвы,—чего нельзя было бы дѣлать въ другихъ европейскихъ государствахъ, несмотря на гораздо меньшее значеніе въ нихъ крестьянства. Поземельное устройство крестьянъ, начатое въ шестидесятыхъ годахъ, остается понынѣ недоконченнымъ, какъ бы заброшеннымъ, вслѣдствіе этого колоссальнаго пробѣла, крайне чувствительнаго для большинства сельскихъ обывателей и для самихъ землевладѣльцевъ. Крестьянское малоземелье ищетъ выхода въ арендѣ, и возрастающій спросъ на землю приноситъ крупныя выгоды помѣщикамъ; аренда нужна и важна для обѣихъ сторонъ, и обѣ стороны въ сущности одинаково страдаютъ отъ необезпеченности арендныхъ отношеній.

Такъ какъ условія сдачи земель въ аренду зависятъ отъ усмотрѣнія владѣльцевъ, то на практикѣ могутъ вырабатываться различныя типы аренднаго хозяйства; но въ дѣйствительности преобладаетъ система торопливаго извлеченія возможно большихъ доходовъ въ настоящемъ, безъ малѣйшей заботы о будущемъ. Нѣкоторые крупные землевладѣльцы пытались внести элементъ сознательнаго выбора и разсчета въ устройство арендныхъ отношеній; одни принимали за образецъ англійское фермерство; другіе имѣли въ виду остзейскіе или иные порядки, руководствуясь, между прочимъ, желаніемъ повліять въ извѣстномъ смыслѣ на земледѣльческій бытъ крестьянъ. Идея о поощреніи одиночнаго хуторскаго хозяйства вызывала когда-то энергическіе протесты, какъ направленная противъ основъ общиннаго землевладѣнія; теперь она можетъ быть подвергнута спокойной критикѣ, какъ одинъ изъ многихъ неудавшихся плановъ насажденія культурнаго

благополучія въ русской деревнѣ. Самый упорный проповѣдникъ хуторской идеи и въ то же время рѣшительный противникъ земельной общины, покойный Д. А. Столыпинъ, проводилъ свои взгляды не только въ теоретическихъ разсужденіяхъ, но и на дѣлѣ, въ своихъ имѣніяхъ. Онъ сдавалъ поземельные участки крестьянамъ не просто для полученія ренты, а съ особою тенденціею, для наглядной пропаганды любимыхъ теорій. Дѣятельность Д. А. Столыпина представляетъ нѣкоторыя оригинальныя черты и заслуживаетъ вниманія уже потому, что она вытекала изъ искренняго, безкорыстнаго убѣжденія; тѣмъ болѣе поучительны тѣ недоразумѣнія и недомолвки, на которыхъ построены его выводы о желательной организаціи крестьянскаго хозяйства на владѣльческихъ земляхъ.

Статьи и брошюры г. Столыпина производятъ странное впечатлѣніе: въ нихъ философія Огюста Конта и позитивный научный методъ неизмѣнно переплетаются съ практическими замѣчаніями о превосходствѣ участковаго пользованія землею предъ общиннымъ. Авторъ всегда начинается съ Конта, говоритъ о преимуществахъ его научной философіи, дѣлаетъ длинныя выписки изъ его „Курса“ и затѣмъ внезапно переходитъ къ заключенію о пользѣ устройства хуторовъ, о вредѣ общины и круговой поруки. Если въ обществѣ и въ печати существуютъ на этотъ счетъ разныя мнѣнія, то разногласія зависятъ исключительно отъ „разности въ методахъ мышленія“; научный же методъ, олицетворяемый Контомъ, стоитъ будто бы за хутора и противъ общины. „Въ концѣ концовъ,—писалъ г. Столыпинъ въ докладѣ, внесенномъ въ московскую комиссію о хуторахъ,—вопросъ сводится къ приѣмамъ мышленія, къ принятію научныхъ методовъ; при существованіи преподаванія философіи, казалось, могло быть полезно учрежденіе особой кафедры философіи наукъ, для изученія научныхъ методовъ“. Эта своеобразная мысль о логической связи хуторской системы не съ какими-либо народно-хозяйственными соображеніями, а съ философскими методами и съ позитивизмомъ Огюста Конта, постоянно повторяется у г. Столыпина, иногда одними и тѣми же словами; эта же мысль побуждала его одновременно хлопотать объ учрежденіи кафедры „философіи наукъ“ и о приученіи крестьянъ къ хозяйничанью на отдѣльных хуторахъ. Онъ былъ увѣренъ, что знакомство съ Контомъ и съ его научнымъ методомъ должно доставить торжество противникамъ земельной общины; для этой цѣли онъ назначилъ даже премію за лучшее истолкованіе нѣкоторыхъ положеній „позитивной философіи“. Конечно, ни приверженцы, ни враги общиннаго вла-

дѣнія не руководствовались въ своихъ взглядахъ философскими доктринами и методами; нельзя также предполагать, что крестьяне-общинники измѣняютъ свое отношеніе къ общинѣ и станутъ селиться хуторами послѣ того, какъ распространится у насъ знаніе философіи Конта.

Самъ г. Столыпинъ оцѣниваетъ выгоды хуторской аренды почти исключительно съ точки зрѣнія интересовъ крупныхъ землевладельцевъ и обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи большую отороженность. „Хутора, — говоритъ онъ, — должно строить на дальнихъ и худшихъ земляхъ (т.-е. не приносящихъ раньше никакого дохода владѣльцу); есть крестьяне *побочае* или съ сильною семьею, — приглашайте ихъ туда, если возможно своихъ, — они окажутся полезными деревенскимъ крестьянамъ, да и владѣльческія земли улучшать. Впрочемъ, для владѣльцевъ считаю понятіа о долгѣ выше, хотя при несомнѣнной выгодѣ. Надо только сознать, что эта мѣра составляетъ общественный долгъ“... „По предпринятому мною опыту тому 17 лѣтъ и продолжаемому до настоящаго времени, — рассказываетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, — я пришелъ къ убѣжденію въ выгодности хуторовъ. При сдачѣ хуторовъ изъ половины урожая, можно рассчитывать на возвышеніе дохода на одну треть; при сдачѣ въ деньги, *въ неурожай 1891 года хутора не заплатили аренду* (за несуществовавшую жатву!), что они могли исполнить вслѣдствіе достигнутого ими извѣстнаго благосостоянія. Опытъ доказалъ, что постройка владѣльцемъ избы и нужныхъ строеній на арендныхъ участкахъ далеко (т.-е. вполне) окупается; да и земля не выпахивается и возвышается въ плодородіи, что отзывается одинаково на доходахъ и цѣлости имѣнія. Здѣсь выгоды владѣльца совпадаютъ съ выгодною государству (но, замѣтимъ, не крестьянской массы, которая, разумѣется, мало выиграетъ отъ выдѣленія небольшого числа зажиточныхъ хуторныхъ хозяевъ); для государства выгодно, чтобы земли давали высшій урожай. А общая выгода — это главное“. Помѣщики обыкновенно и нынѣ живутъ крестьянскимъ трудомъ, которымъ обрабатываются ихъ земли на арендномъ правѣ. Поэтому, „при обѣднѣннѣ крестьянъ живымъ инвентаремъ, скотомъ, все большее количество земель владѣльцевъ оказывается неразобраннѣмъ и пустуетъ, такъ что можно сказать, что обѣднѣніе деревенскихъ крестьянъ ведетъ все къ большому уменьшенію площади снимаемой земли; но въ такомъ случаѣ, если владѣльцы захотятъ устроить на дальнихъ поляхъ хутора, то уже недостаточно устройства однихъ помѣщеній, а необходимо снабдить хутора еще живымъ и мертвымъ инвентаремъ“. Въ имѣніяхъ Столыпинныхъ (Д. А. и А. А.), въ пензенской, саратовской и

таврической губерніяхъ, устроено всего 50 хуторовъ. Въ аренду сдаются участки размѣромъ около 60 десятинъ, со всѣми хозяйственными постройками и колодезѣмъ, устройство которыхъ обходится экономіи около 500 рублей; условія заключаются на 6 лѣтъ, съ платежемъ денегъ (отъ 4 до 6 р. и больше съ десятины, т.-е. всего 240—360 рублей) по третямъ года впередъ, такъ что владельецъ получаетъ съ каждаго хутора отъ 50% до 75% на затраченный капиталъ, не считая земли, которая прежде оставалась бездоходною. Есть участки цѣною и въ 470 рублей въ годъ, и понятно, что общій доходъ съ имѣній увеличился весьма значительно. Арендаторы,—какъ замѣчаетъ осматривавшій эти хутора въ бердянскомъ уѣздѣ г. Евг. Постниковъ,—конечно, не изъ бѣдныхъ крестьянъ, нѣкоторые даже изъ весьма зажиточныхъ, ибо „для того, чтобы сѣсть на аренду 60 дес., все-таки нужно имѣть нѣкоторый капиталъ, по крайней мѣрѣ въ тысячу рублей“. Въ имѣніяхъ съ лѣсными угодьями, „хуторъ становился во всемъ подобный мѣстному крестьянскому двору въ деревнѣ; такъ напр., въ селѣ Нагаевѣ, инсарскаго уѣзда, гдѣ крестьяне привыкли жить въ курныхъ избахъ, таковыя же курныя избы были поставлены на хуторскихъ участкахъ, для того, чтобы при новомъ дѣлѣ въ началѣ по возможности меньше измѣнять принятые ими обычаи“. Въ селѣ Тарханахъ, чембарскаго уѣзда, земля была сдана, изъ половины урожая, крестьянамъ одной изъ сосѣднихъ деревень, столь малоземельной, что крестьяне остались при однѣхъ усадьбахъ. „Земля эта самая худшая въ Тарханской дачѣ; тѣмъ не менѣе, при хуторскомъ пользованіи и требованіи по условію брать арендаторамъ на свое поле экономическій навозъ, земли эти настолько поправились, зерно, получаемое съ хуторовъ, оказалось столь высокаго качества, что оно идетъ на посѣвъ остальныхъ полей, сдаваемыхъ изъ половины урожая деревенскимъ крестьянамъ“. Въ деревнѣ Ночки городищенскаго уѣзда, пензенской губ., „сданная подъ хутора земля была въ полномъ смыслѣ слова бросовая земля; она не пахалась и до того залужилась, что не собирали съ нея травы, и притомъ вся она была испещрена мочевиною. Въ настоящее время крестьяне провели канавы, спустили воду, такъ что противъ прежняго этотъ участокъ совсѣмъ узнать нельзя“. Къ какому разряду крестьянъ принадлежатъ арендаторы, можно видѣть изъ приводимыхъ авторомъ свѣдѣній о хозяйственныхъ оборотахъ одного изъ хуторянъ; годовые расходы превышаютъ тысячу рублей, и у хозяина есть въ городскомъ банкѣ сумма въ шесть тысячъ рублей. Вообще, говоритъ г. Столыпинъ, я долженъ сказать, что „при нарѣзкѣ достаточнаго количества земли

всѣ эти хутора не только оправдались, но дали доходъ, превывсившій ожиданія“. Въ послѣдніе годы, „такъ какъ хутора сдавались желающимъ, то аренда возвысилась противъ прежнихъ цѣнъ“; затѣмъ, въ виду успѣшности принятой системы, рѣшено впредь составлять контракты на 12 лѣтъ. Чтобы возбудить довѣріе крестьянъ, „первымъ условіемъ въ контракты поставлено было, что крестьянинъ можетъ отказаться отъ хутора по желанію, но что экономія не имѣетъ права ему отказать до окончанія срока аренды; другою статьею контракта, при денежной арендѣ, не дозволяется хуторянину сдавать на сторону изъ своей земли, для избѣжанія злоупотребленія въ случаѣ относительно невысокой аренды“. Отъ устройства хуторовъ возвысилась арендная цѣна остальной владѣльческой земли; хуторяне тоже процвѣтаютъ или должны процвѣтать по плану г. Столыпина: они „занимаются садоводствомъ, сажаютъ около дворовъ яблони и вишни, коноплянники, обязательно вывозятъ 500 возовъ удобренія, что нѣкоторые дѣлаютъ еще въ большемъ количествѣ“. На всѣхъ хуторахъ „заведены садики съ лѣсными и фруктовыми деревьями; по опыту оказывается, что садики эти привязываютъ крестьянъ къ мѣсту“¹⁾. Все это прекрасно и достойно всякой похвалы; худшая, „бросовая“ земля, благодаря хуторамъ, даетъ владѣльцу большой и вполнѣ обеспеченный доходъ, и немногіе состоятельные крестьяне ведутъ образцовое хозяйство на отведенныхъ имъ въ аренду участкахъ, по указаніямъ и подъ контролемъ дѣльнаго помѣщика.

Очевидно, увлеченіе философіею Конта не мѣшало г. Столыпину быть расчетливымъ и дальновиднымъ хозяиномъ; онъ въ самомъ дѣлѣ попалъ на вѣрный путь для увеличенія доходности имѣній. Но какъ поставлены арендаторы и чѣмъ обеспечено ихъ благоденствіе у этого убѣжденного идеалиста, который даже прозанческій вопросъ о крестьянской арендѣ разрѣшалъ на основаніи философскихъ ученій? Въ брошюрахъ г. Столыпина приводятся образцы арендныхъ контрактовъ, въ которыхъ одинъ заключительный пунктъ обращаетъ на себя вниманіе: „ежели я, такой-то (арендаторъ), не исполню всѣ вышеписанныя, мною на себя взятая обязательства, то управляющій имѣетъ право *безъ посредства суда* отказать мнѣ въ содержаніи аренды и приказать мнѣ выѣхать изъ хутора; все мое имущество остается, до уплаты арендныхъ денегъ или до пополненія причиненныхъ экономіи убытковъ“. Такъ какъ единственнымъ судьей неисправности хуторянина

¹⁾ См. Д. А. Столыпина, Очерки философіи и науки („Организація нашего сельскаго бита“ и др.), книги 1—3. Второе изданіе. Москва, 1893.

является управитель имѣнія и ему же одному принадлежитъ опѣнка причиненныхъ экономіи убытковъ, то благосостояніе арендатора зависитъ всецѣло отъ степени добросовѣстности управляющаго, отъ его доброй воли и усмотрѣнія. Если арендаторъ по какимъ-либо несчастнымъ обстоятельствамъ не можетъ внести въ срокъ арендныхъ деньги, то онъ рискуетъ лишиться всего своего хуторскаго хозяйства; ибо по условію, „буде уплаты не послѣдуетъ въ теченіе трети“, управитель имѣетъ право „передать хуторъ съ посѣвами (такъ!) другому арендатору“. Хуторянинъ долженъ держаться установленнаго владѣльцемъ сѣвооборота; ежели онъ увеличить зерновой посѣвъ противъ условія, то „долженъ уплатить за каждую излишне вспаханную десятину двадцать-пять рублей серебромъ, безъ спора и прекословія“. Зато экономія съ своей стороны поощряетъ огородничество и садоводство на хуторахъ; за посаженные и принявшіяся деревья въ огородѣ или около дома уплачивается арендатору по тридцати копѣекъ за каждое лѣсное и по одному рублю за фруктовое дерево, „но только въ такомъ случаѣ, если деревья за два года до истеченія срока посажены“. Экономія беретъ на себя также уплату всѣхъ податей и повинностей, какъ государственныхъ, такъ и земскихъ, слѣдующихъ съ отданной въ аренду земли. Философскія идеи владѣльца несомнѣнно смягчаютъ зависимое положеніе его арендаторовъ; но не всѣмъ же помѣщикамъ быть философами. Въ имѣніяхъ А. А. Столыпина зависимость хуторянъ отгнѣняется уже болѣе рѣзко; въ арендныхъ договорахъ не упоминается ни о вознагражденіи за труды по садоводству и огородничеству, ни объ уплатѣ податей и повинностей за арендную землю изъ средствъ экономіи. Въ одномъ изъ контрактовъ сказано, что въ случаѣ неисполненія арендаторомъ „чего-либо изъ сего условія“ контора г-на Столыпина имѣетъ право отказывать ему въ арендѣ и прежде назначеннаго срока; въ другомъ условіи объяснено болѣе подробно, что и арендаторъ можетъ оставить аренду ранѣе срока, во всякое время, когда ему вздумается, съ тѣмъ только, чтобы о желаніи своемъ онъ заявилъ конторѣ заблаговременно, до посѣва хлѣбовъ; равнымъ образомъ предоставляется и экономіи право отказать ему въ арендѣ ранѣе срока, если онъ „чего не исполнить изъ сего условія“. Въ силу этихъ контрактовъ, „безобразный образъ жизни также можетъ служить причиною отказа въ арендѣ ранѣе срока“; а опредѣлять, имѣются ли въ данномъ случаѣ признаки безобразной жизни и достаточны ли они для нарушенія договора, предоставлено опять-таки личному усмотрѣнію управителя.

Допустимъ, однако, что владѣльцы и ихъ повѣренныя будутъ всегда поступать безуворизненно, и что арендаторы не будутъ имѣть повода опасаться произвольныхъ дѣйствій и распоряженій со стороны экономіи. Неудобная земля, по свидѣтельству Д. А. Столыпина, превращается усиліями хуторянъ въ хорошую и производительную; разведены садики и огороды, привязывающіе крестьянъ къ мѣсту, и весь арендный участокъ оказывается въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что его и узнать нельзя. Но срокъ аренды окончился, и всѣ права арендатора на воздѣланную имъ землю прекращаются; владѣлецъ можетъ отдать хуторъ постороннему лицу, предлагающему за него высшую цѣну, и прежній хозяинъ, возвысившій своимъ трудомъ и затратами цѣнность участка, остается ни съ чѣмъ, или, въ лучшемъ случаѣ, обязанъ не только подчиниться новымъ условіямъ и требованіямъ помѣщика, но заслужить еще личное расположеніе его управляющаго, чтобы не потерять плодовъ своихъ стараній. Арендатору приходится дороже платить за землю, въ виду сдѣланныхъ имъ же улучшеній и повышенной имъ же производительности почвы, и въ концѣ концовъ онъ не увѣренъ, что по истеченіи срока участокъ не будетъ отъ него отнятъ по волѣ владѣльца или его повѣреннаго. Законъ не даетъ такому арендатору преимущественнаго права на оставленіе аренды за собою на тѣхъ условіяхъ, какія предложены владѣльцу другими кандидатами; законъ не обезпечиваетъ арендатору права на какое-либо вознагражденіе при передачѣ улучшеннаго имъ поземельнаго участка въ другія руки; никакихъ вообще ограниченій и правилъ не установлено для крестьянской или специально хуторской аренды,—и не потому, что это считалось ненужнымъ или излишнимъ, а просто по той причинѣ, что законодательство не успѣло еще заняться надлежащимъ регулированіемъ сельско-хозяйственныхъ отношеній, возникшихъ послѣ крестьянской реформы. Въ этихъ случаяхъ можно говорить не о недостаткахъ или пробѣлахъ законодательства, а объ отсутствіи необходимыхъ законовъ, о безправіи цѣлаго ряда экономическихъ явленій и обширныхъ категорій заинтересованныхъ въ нихъ лицъ. Самый усердный и исправный хуторанинъ-арендаторъ остается беззащитнымъ противъ власти и произвола владѣльца, при наступленіи такихъ стихійныхъ бѣдствій, какъ неурожай; мы видѣли, что даже идеалистъ Д. А. Столыпинъ получалъ сполна арендные деньги съ хуторянъ въ голодный 1891 годъ, при отсутствіи жатвы и дохода у самихъ арендаторовъ,—чего не допускали бы законы, напр., въ Италіи или Франціи. Безправность арендаторовъ подтверждается особенно

краснорѣчиво по истеченіи срока контракта; хуторяне могутъ быть безцеремонно выселены съ участковъ, которыми отдали многіе годы труда. Затѣмъ же станутъ они заводить на чужой землѣ то образцовое хозяйство, которое превозноситъ г. Столыпинъ? Что можетъ побуждать зажиточныхъ крестьянъ работать для будущей пользы владѣльцевъ, безъ расчета на собственное земельное обезпеченіе и безъ надежды на сохраненіе прочныхъ связей съ арендуемымъ участкомъ?

При существующихъ условіяхъ хуторская или иная арендная система не способна вліять ни на общее улучшеніе крестьянскаго хозяйства, ни на развитіе и процвѣтаніе особаго класса крестьянъ-арендаторовъ. Нельзя строить экономическій бытъ извѣстной части населенія на доброй волѣ отдѣльных лицъ, отъ которыхъ это населеніе находится въ хозяйственной зависимости. Притомъ аренда хуторскихъ участковъ, по образцу Столыпинскихъ, доступна лишь состоятельнымъ хозяевамъ, крестьянамъ „побогаче“, каковыхъ вообще немного въ массѣ малоземельныхъ крестьянъ; съ другой стороны, для устройства хуторовъ и для надлежащаго хозяйственнаго ихъ обзаведенія, необходимы свободныя денежныя средства, которыми помѣщики въ большинствѣ случаевъ не располагаютъ. Такимъ образомъ, эти хуторскіе проекты не могутъ получить у насъ серьезное практическое значеніе, хотя они представляютъ самую выгодную и разумную форму земельной аренды для владѣльцевъ, особенно крупныхъ. Но г. Д. Столыпинъ и его единомышленники думаютъ, при помощи хуторовъ, разрѣшить общій крестьянскій вопросъ и устроить на новыхъ началахъ судьбу десятковъ миллионовъ сельскихъ обывателей;—это одно изъ тѣхъ странныхъ Маниловскихъ мечтаній, которыя чаще всего возникаютъ на почвѣ прагматическаго общественнаго безсилія и застоя...

Л. Слонимскій.

ПРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ

КАКЪ

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ НАУКА *)

I.

Собственный предмет нравственной философіи есть понятие *добра*; выяснить все, что разумъ, возбуждаемый опытомъ, мыслить въ этомъ понятіи, и отвѣтить тѣмъ самымъ на главные для насъ вопросы: *какъ должно жить, что дѣлать, къ чему стремиться*—такова задача этой философской науки.

Независимо отъ степеней сознательности, нѣкоторая зачаточная идея добра, какъ опредѣляющее начало отношеній и дѣйствій, свойственна всему живущему. Каждое изъ такъ называемыхъ „простѣйшихъ“ или „первичныхъ“ животныхъ (protozoa) опредѣленнымъ образомъ относится къ окружающей его средѣ: нѣкоторыми предметами въ ней оно привлекается, какъ хорошими, т.-е. полезными для него, а другихъ отвращается, какъ дурныхъ, т.-е. вредныхъ. Нѣтъ основанія отрицать, что съ этимъ внѣшнимъ видимымъ различіемъ связаны и въ самомъ животномъ нѣкоторыя пріятныя или непріятныя *ощущенія*, соответствующія хорошимъ или дурнымъ (для него) свойствамъ данныхъ предметовъ. Если способность къ такой зачаточной оцѣнкѣ вещей можетъ оспариваться, когда дѣло идетъ о „протистахъ“, то она несомнѣнна у

---

*) Вступительная глава изъ приготовленнаго къ печати сочиненія: „Основанія нравственной философіи“.

высшихъ животныхъ, гдѣ она соединяется съ болѣе или менѣе сложнымъ *представленіемъ* желательныхъ или нежелательныхъ предметовъ; человекъ же въ этой оцѣнкѣ переходитъ за предѣлы единичныхъ ощущеній и частныхъ представленій и возвышается до общаго разумнаго *понятія* или идеи добра и зла.

Всеобщій характеръ этой идеи отрицается многими, но лишь по недоразумѣнію. Нѣтъ, правда, такой мерзости, которая не признавалась бы гдѣ-нибудь и когда-нибудь за добро; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и не было такого людскаго племени, которое не придавало бы своему понятію добра (каково бы оно ни было) значенія постоянной и всеобщей *нормы* и идеала¹⁾. Краснокожій индѣецъ, поставлявшій себѣ въ добродѣтель скальпировать какъ можно больше человѣческихъ головъ, признавалъ это добромъ и доблестью не на сегодня только, а на всю жизнь, и не для себя одного, а для всякаго порядочнаго человѣка. Эскимось, видящій высшее благо въ наибольшемъ запасѣ гнилого жира отъ тюленей и трески, несомнѣнно придаетъ своему идеалу характеръ безусловной нормы для всѣхъ временъ и людей и даже для загробнаго міра; если онъ услышитъ о такихъ варварахъ, для которыхъ гнилой жиръ есть мерзость, то онъ или не повѣритъ ихъ существованію, или откажетъ имъ въ достоинствѣ нормальныхъ людей. Точно также и знаменитый готтентотъ, утверждавшій, что добро — это, когда онъ украдетъ много коровъ, а зло — когда у него украдутъ, — присвоивалъ такой этический принципъ, конечно, не себѣ одному, а разумѣлъ, что для *всякаго* человѣка добро состоитъ въ успѣшномъ похищеніи чужого имущества, а зло — въ потерѣ своего.

Итакъ, даже при столь несовершенномъ примѣненіи идеи добра, формальная ея всеобщность, т.-е. утвержденіе ея, какъ всегдашней нормы для всѣхъ, или какъ чего-то *общегоднаго*, несомнѣнно сохраняется, хотя содержаніе этой предполагаемой нормы (т.-е. данные отвѣты на вопросъ: что есть добро?) совершенно не соотвѣтствуютъ здѣсь идеальному требованію, представляя лишь случайный, частный и грубо-матеріальный характеръ. Конечно, даже у самыхъ низменныхъ дикарей нравственныхъ представленій не исчерпываются ободранными чере-

¹⁾ Въ этихъ *предварительныхъ* замѣчаніяхъ, только вводящихъ въ предметъ, я намеренно беру идею добра въ ея первоначальной слитности, т.-е. не только въ смыслѣ достоинства нашихъ дѣйствій, но и въ смыслѣ предметовъ, которыми вообще желательно пользоваться или обладать („все свое добро“ и т. п.). Нѣкоторые доктрины въ сущности отрицаютъ это различіе, и я не могу его предполагать раньше философскаго выясненія.

памі и уведеными коровами: тотъ же прокезець и тотъ же готтентотъ соблюдаютъ нѣкоторую стыдливость въ половыхъ отношеніяхъ, знаютъ жалость къ близкимъ существамъ, умѣютъ преклоняться передъ чужимъ превосходствомъ. Но пока эти зачаточныя проявленія истинной нравственности стоятъ на ряду съ какими-нибудь дикими и безчеловѣчными требованіями, или даже отступаютъ на задній планъ передъ ними, пока свирѣпость цѣнится выше стыдливости и хищничество выше состраданія, — должно признать, что идея добра, сохраняя универсальность своей формы, лишена соотвѣтствующаго ей дѣйствительнаго содержанія.

Но то же самое разумное сознаніе, благодаря которому человѣкъ изначала обладаетъ общею идеей добра, какъ безусловной нормы ¹⁾, въ дальнѣйшемъ своемъ ростѣ постепенно сообщаетъ этой формальной идеѣ достойное ея содержаніе, стремясь установить такіа нравственныя требованія и идеалы, которые были бы по существу всеобщими и необходимыми, выражали бы собственное развитіе универсальной идеи добра, а не представляли бы только внѣшнее ея приложеніе къ тѣмъ или другимъ чуждымъ ей матеріальнымъ мотивамъ. При извѣстной степени ясности, раздѣльности и систематичности этотъ процессъ человѣческаго сознанія, вырабатывающій истинное содержаніе нравственности, становится *нравственною философіей* или *этикой*, которая въ свою очередь въ различныхъ системахъ и теоріяхъ представляетъ различныя степени полноты и послѣдовательности.

II.

По существу своему нравственная философія находится въ тѣснѣйшей связи съ религіей, а по способу познанія — съ теоретическою философіей. Мы не можемъ заранѣе объяснить, въ чемъ состоитъ эта связь, но мы уже теперь можемъ и должны сказать, въ чемъ она *не состоитъ*. Ее не слѣдуетъ представлять какъ одностороннюю *зависимость* этики отъ религіи, или же отъ умоврительной философій, — такую зависимость, которая отнимала бы у нравственной области собственное содержаніе и

¹⁾ Дѣятельность разума, образующая идеи, такъ же изначала присуща человѣку, какъ всякая органическая функція присуща организму. Нельзя отрицать, что питательные органы и ихъ отправления *врождены* животному, но никто не понимаетъ этого въ томъ смыслѣ, что животное рождается съ готовою пищей во рту; а именно такимъ негнѣнымъ образомъ ученіе о врожденныхъ идеяхъ понимается иногда его противниками.

самостоятельное значеніе. Взглядъ, всецѣло подчиняющій нравственность и нравственную философію *теоретическимъ* принципамъ религіознаго или же философскаго характера, весьма распространенъ въ той или другой формѣ. Несостоятельность его тѣмъ болѣе для меня ясна, что я самъ, нѣкогда, если не раздѣлялъ его вполне, то былъ къ нему очень близокъ. Вотъ нѣкоторыя изъ соображеній, заставившихъ меня покинуть эту точку зрѣнія, — привожу именно только тѣ, которыя могутъ быть понятны и до изложенія самой науки.

„Только отъ истинной религіи получаетъ человѣкъ силы для исполненія добра; но вся цѣнность добра — въ его исполненіи; значить, внѣ истинной религіи этика не имѣетъ никакого значенія“. Что истинная религія даетъ силы своимъ истиннымъ приверженцамъ исполнять добро — это не подлежитъ сомнѣнію; но чтобы *только* чрезъ нее давались эти силы, и помимо ея невозможно было дѣлать никакого добра — такое исключительное утвержденіе прямо противорѣчитъ ученію самого апостола Павла, величайшаго поборника верховныхъ правъ вѣры, однако признающаго, какъ извѣстно, что и язычники по естественному закону могутъ дѣлать добро: „Ибо, — говоритъ онъ, — когда языки — тѣ, что не имѣютъ закона, — по природѣ законное творять, то они, закона неимѣющіе, сами себѣ законъ. Они показываютъ, что дѣло закона написано въ сердцахъ ихъ, въ чемъ свидѣтельствуеъ имъ совѣсть и разсужденія, промежъ себя обвиняющія или защищающія другъ друга“ ¹⁾.

Чтобы получить отсюда бы то ни было силы для исполненія добра, необходимо имѣть понятіе о добрѣ, — иначе его исполненіе будетъ только механическимъ дѣйствіемъ. И несправедливо, будто бы вся цѣнность добра — въ фактѣ его исполненія: важенъ и *образъ* исполненія. Безсознательное, автоматическое совершеніе добрыхъ поступковъ не соответствуетъ достоинству человѣка, а слѣдовательно не выражаетъ и человѣческаго добра. *Его* исполненіе необходимо обусловлено сознаніемъ, а сознаніе добра возможно и помимо истинной религіи, какъ показываетъ и повседневный и историческій опытъ, подтверждаемый приведеннымъ свидѣтельствомъ такого ревнителя вѣры, какъ ап. Павелъ ²⁾.

¹⁾ Ὅταν γὰρ ἐθνὴ τὰ μὴ νόμον ἔχοντα φύσιν τὰ τοῦ νόμου ποιῇ, οὗτοι νόμον μὴ ἔχοντες ἑαυτοῖς εἰς νόμον οἰκτιρῆς ἐνδείκνυνται τὸ ἔργον τοῦ νόμου γραπτόν ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, συμμάρτυρουσιν αὐτῶν τῆς συνειδήσεως, καὶ μετὶ ἀλλήλων τῶν λογισμῶν κατηγοροῦντων ἢ καὶ ἀπολογουμένων (Римл. II, 14—15).

²⁾ То, что апостолъ говоритъ о язычникахъ своего времени, примѣнно, безъ сомнѣнія, и къ тѣмъ людямъ, которые послѣ появленія христіанства не могли при-

Далѣе, если благочестіе требуетъ признать, что силы для исполненія добра (какъ и все прочее) даются отъ Бога, то было бы, напротивъ, большимъ нечестіемъ ограничивать Божество въ способахъ сообщенія этихъ силъ. И такъ какъ по согласному свидѣтельству опыта и священнаго писанія пути для полученія нравственныхъ силъ не исчерпываются положительною религіей, ибо и помимо нея нѣкоторые люди сознаютъ и *теорію* добро, то, значитъ, и съ религіозной точки зрѣнія остается только принять эту истину и слѣдовательно признать независимость нравственности отъ религіи и нравственной философіи отъ вѣроученія ¹⁾.

Къ тому же приводитъ и третье соображеніе. Какова бы ни была наша увѣренность въ истинѣ нашей религіи, она не даетъ намъ права закрывать глаза на тотъ фактъ, что религіи существуетъ множество и что каждая изъ нихъ приписываетъ себѣ исключительную истинность. А этотъ фактъ во всякомъ умѣ не равнодушномъ къ истинѣ производитъ потребность объективнаго оправданія нашей вѣры, т.-е. представленія такихъ оснований въ ея пользу, которыя могли бы имѣть убѣдительность не для насъ однихъ, а и для другихъ, окончательно—для всѣхъ. Но всѣ общегодные аргументы въ пользу религіозной истины сводятся къ одному основному — этическому, утверждающему нравственное превосходство нашей религіи передъ другими. Это въ сущности такъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нравственный интересъ совершенно закрывается другими мотивами. Такъ можно въ пользу своей религіи указывать на красоту ея богослуженія. Къ такому аргументу не слѣдуетъ относиться слишкомъ легко. Когда, напр., славянофильскій писатель Хомяковъ не то смѣялся, не то негодовалъ по поводу Шатобріанова „*Génie du Christianisme*“, гдѣ, между прочимъ, указывалось на эстетическое впечатлѣніе отъ колокольнаго звона, отъ озареннаго мерцающими свѣчами алтаря и т. п., — то ревнитель православія забывалъ, что еслибы красота греческаго богослуженія въ Со-

---

нать его, или потому, что о немъ не слыхали, или потому, что оно было имъ представлено въ извращенномъ видѣ. И они, когда исполняютъ добро, то дѣлаютъ это по естественному закону, „написанному въ сердцахъ ихъ“.

¹⁾ Здѣсь, понятно, отрицается зависимость въ строгомъ смыслѣ, т.-е. такое отношеніе между двумя предметами, въ силу котораго одинъ изъ нихъ всецѣло подлагается другому и безъ него вовсе существовать не можетъ. Въ *такой* общей зависимости отъ религіи этика не находится,—вотъ все, что я пока утверждаю, нисколько не предвѣщая вопроса объ ихъ дѣйствительной связи или взаимной зависимости *in concreto*.

фійскомъ соборѣ не произвела такого сильнаго эффекта на слово кievскаго князя Владиміра, то, можетъ быть, Россія не была бы теперь православной и ему самому не пришлось бы высокоумно обличать западное христіанство. Но какова бы ни была важность этой стороны въ религіи, спрашивается, однако, въ чемъ собственно можетъ состоять эстетическое достоинство извѣстнаго религіознаго культа преимущественно передъ другимъ? Не въ томъ, конечно, чтобы его формы и обстановка отличались вообще красотою, какова бы она ни была. Сама по себѣ красота формъ (т.-е. законченность чувственнаго выраженія чего бы то ни было) свойственна самымъ разнороднымъ предметамъ: красивъ балетъ, красива опера, красива батальная или эротическая картина, красивъ фейерверкъ,—однимъ словомъ—всякое артистическое произведеніе независимо отъ его сюжета и характера. Однако, когда подобные элементы красоты, хотя бы въ слабой степени, вносятся въ религіозный культъ, то это справедливо порицается, какъ искаженіе его истиннаго достоинства. Значитъ, эстетическая цѣнность богослуженія состоитъ не въ томъ, чтобы его чувственные формы были красивы, а въ томъ, чтобы ихъ красота какъ можно яснѣе выражала и полнѣе воплощала духовное содержаніе истинной религіи. Содержаніе же это частью догматическое, но главнымъ образомъ этическое: святость Божества, любовь Его къ людямъ, благодарность и преданность людей небесному Отцу и ихъ братство между собою — вотъ та идеальная сущность, которая, уже воплотившись въ лицахъ и событіяхъ священной исторіи, сквозъ эту священно-историческую среду вновь художественно воплощается въ обрядахъ, символахъ, молитвахъ и пѣснопѣніяхъ церковныхъ. Но если духовная сущность религіи на однихъ можетъ дѣйствовать лишь черезъ это свое воплощеніе въ культъ, то другіе (и съ развитіемъ сознанія — все большее число) способны воспринять ее прямо какъ ученіе; и тутъ опять-таки нравственная сторона религіозной доктрины имѣетъ рѣшительное преобладаніе надъ догматическою. Метафизическіе догматы истиннаго христіанства при всей ихъ внутренней достовѣрности, несомнѣнно превышаютъ уровень обыкновеннаго человѣческаго разсудка и потому не могутъ служить средствами убѣжденія въ истинѣ нашего исповѣданія для людей ему чуждыхъ. Чтобы постигать эти догматы вѣрою, нужно уже быть христіаниномъ, а чтобы понять ихъ смыслъ въ области высшихъ умозрѣній разума, нужно быть философомъ Платонова или Шеллингова направленія. Этотъ путь не можетъ, слѣдовательно, быть принятъ какъ общегодный и

остается для убѣжденія иновѣрца только указаніе на превосходство нравственной стороны въ нашей религіи. И дѣйствительно, на такой путь нравственно-практическаго оправданія своей вѣры вступаютъ обыкновенно въ спорахъ не только между особыми религіями, но и между раздѣлившимися вѣтвями одной и той же религіи. Такъ римскіе католики всего охотнѣе приводятъ въ свою пользу крѣпкую солидарность и энергичную дѣятельность своего духовенства, объединеннаго религіозно-нравственною силою папской монархіи, ставятъ на видъ незамѣнимое нравственное вліяніе этого духовенства на народныя массы, представляютъ роль папы какъ универсальнаго защитника справедливости, какъ верховнаго судіи и миротворца, особенно же указываютъ они на обиліе *дѣлъ милосердія* въ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ миссіяхъ. Въ свою очередь протестанты, отдѣлившіеся отъ католической церкви именно на почвѣ *нравственнаго* богословія, ставятъ себѣ въ основное преимущество моральную высоту и чистоту своего ученія, освобождающаго личную совѣсть и жизнь общины отъ рабства внѣшнимъ дѣламъ и отъ разныхъ бессмысленныхъ преданій и практическихъ злоупотребленій. Наконецъ православные апологеты и полемисты чаще всего пользуются противъ западнаго христіанства оружіемъ нравственныхъ обвиненій; католицизмъ упрекаютъ они за гордость и властолюбіе, за стремленіе присвоить своему іерархическому главѣ какъ то, что принадлежитъ Богу, такъ равно и то, что принадлежитъ кесарю, укоряютъ католическую іерархію въ жестокости, въ привязанности къ міру, въ корыстолюбіи, дѣлаютъ ее отвѣтственною за общій грѣхъ преслѣдованія еретиковъ и невѣрныхъ, постоянно возвращаются (въ согласіи съ протестантами) къ тремъ главнымъ обвинительнымъ пунктамъ: инквизиціи, индульгенціямъ и іезуитской морали, наконецъ (независимо отъ протестантовъ) вносятъ въ этотъ обвинительный актъ грѣхъ нравственнаго братоубійства, выразившійся въ самовластномъ узаконеніи (безъ вѣдома восточной церкви) мѣстныхъ западныхъ преданій ¹⁾; менѣе яркія, но столь же тяжкія этические обвиненія выставляются на-

¹⁾ Даже у Хомякова, признающаго корнемъ западныхъ заблужденій „раціонализмъ“, этотъ теоретическій грѣхъ какъ-то незамѣтно поглощается моральнымъ актомъ „братоубійства“; только этому, я полагаю, Хомяковская полемика обязана своею относительною популярностію. Обвиненіе въ раціонализмѣ (особенно противъ католицизма, подчиняющаго теоретическій разумъ мистическимъ вѣрованіямъ, а разумъ практическій — авторитету) могло быть понятно только славянофильскому кружку, болѣе твердому въ Гегелевой „феноменологіи духа“, нежели въ церковной догматикѣ и исторіи; ну, а упрекъ въ „братоубійствѣ“ при всемъ своемъ неправдоподобіи былъ по крайней мѣрѣ понятенъ всякому.

шими полемистами и противъ протестантскаго исповѣданія: его упрекаютъ въ индивидуализмъ, упраздняющемъ церковь какъ дѣйствительное нравственное цѣлое, обвиняютъ въ разрушеніи любовнаго союза не только между настоящимъ и прошедшимъ церкви исторической (черезъ отрицаніе преданій), но и между видимой и невидимой церковью (черезъ отверженіе молитвъ за усопшихъ) и т. д.

Не вторгаясь въ область богословія и не рѣшая, насколько основательны и нужны всѣ эти пререканія, я обращаю вниманіе только на тотъ фактъ, что каждая изъ спорящихъ сторонъ не отвергаетъ нравственныхъ принциповъ, выставляемыхъ противною стороною, а только старается обратить ихъ въ свою пользу. Такъ, когда католики хвалятся дѣлами милосердія, особенно отличающимися ихъ церковь, то ни протестанты, ни наши не станутъ говорить, что милосердіе дурно, а будутъ только утверждать, что католическія благотворительныя учрежденія, служа цѣлямъ властолюбивой политики, искажаются постороннею примѣсью и теряютъ болѣе или менѣе свое нравственное достоинство. Въ отвѣтъ на это католики съ своей стороны не станутъ говорить, что властолюбіе само по себѣ хорошо, и что христіанская любовь должна быть подчинена политикѣ, а станутъ, напротивъ, отвергать дѣлаемый имъ упрекъ въ властолюбіи и доказывать, что власть для нихъ не цѣль, а только необходимое средство для исполненія нравственнаго долга. Точно также когда православные (вмѣстѣ съ католиками) упрекаютъ протестантство за отсутствіе духовной філіаціи и за пренебреженіе къ отеческимъ преданіямъ, то никакой благоразумный протестантъ не скажетъ, что преданія должно презирать, а напротивъ станетъ доказывать, что протестантизмъ и есть возвращеніе къ самымъ почтеннымъ и подлиннымъ преданіямъ христіанства, очищеннымъ отъ фальшивой и вредной примѣси.

Ясно такимъ образомъ, что спорящія стороны стоятъ здѣсь на одной и той же нравственной почвѣ (благодаря чему только и возможенъ споръ), что у нихъ одни и тѣ же этические принципы и мѣрила, о которыхъ нѣтъ спора, а споръ идетъ только объ ихъ приложеніи. Эти принципы не принадлежатъ сами по себѣ ни одному изъ вѣроисповѣданій, а образуютъ тотъ общій трибуналъ, къ которому равно обращаются всѣ. Представитель каждой стороны въ сущности говоритъ своему противнику только слѣдующее: „Я вѣрю и лучше тебя примѣняю тѣ самыя нравственныя начала, которыхъ хочешь держаться и ты; поэтому ты долженъ признать мою правоту и отказаться отъ своихъ заблуж-

деній". Итакъ, этическія нормы, одинаково предполагаемыя всѣми вѣроисповѣданіями, не могутъ сами по себѣ зависѣть отъ вѣроисповѣдныхъ различій.

Но столь же независимо оказывается этика и отъ болѣе широкихъ религіозныхъ различій. Когда миссіонеръ убѣждаетъ мусульманина или язычника въ превосходствѣ христіанскаго нравственнаго ученія, то онъ, очевидно, предполагаетъ въ своемъ слушателѣ присутствіе по крайней мѣрѣ въ потенціальномъ, скрытомъ состояніи тѣхъ же самыхъ нравственныхъ нормъ, какъ и его собственныя. Значитъ эти нормы, общія христіанину съ язычникомъ и у этого послѣдняго „написанныя въ сердцѣ его“, независимы отъ положительной религіи вообще. Болѣе того, всѣ положительныя религіи, не исключая и абсолютно-истинной, поскольку онѣ въ своихъ взаимныхъ спорахъ обращаются за подтвержденіемъ своихъ правъ или притязаній къ общимъ нравственнымъ нормамъ, тѣмъ самымъ признаютъ себя въ нѣкоторомъ смыслѣ отъ нихъ зависимыми, подобно тому какъ подсудимый, хотя бы онъ самъ по себѣ былъ святой человѣкъ и праведность его была выше закона, въ качествѣ подсудимаго, пока не будетъ явно оправданъ, находится въ подчиненіи законному судилищу, а если самъ къ нему обратился, то, значитъ, и признаетъ такое подчиненіе.

III.

Имѣя собственный предметъ (нравственныя нормы), независимый отъ положительныхъ религій (и даже въ извѣстномъ смыслѣ ихъ обусловливающій), и будучи такимъ образомъ самостоятельнымъ съ этой предметной или реальной своей стороны, не окажется ли нравственная философія въ формальномъ отношеніи, — какъ наука, — подчиненною теоретической философіи, въ особенности той ея части, которая разсматриваетъ право и границы нашихъ познавательныхъ способностей? Но, создавая нравственную философію, разумъ только *развиваетъ*, на почвѣ опыта, изначала присущую ему идею добра (или, что тоже, первоначальный фактъ нравственнаго сознанія) и постольку не выходитъ изъ предѣловъ внутренней своей области, или, говоря школьнымъ языкомъ, его *употребленіе* здѣсь *имманентно* и слѣдовательно не обусловлено тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ вопроса о (трансцендентномъ) познаніи вещей самихъ въ себѣ. Говоря проще, въ нравственной философіи мы изучаемъ только наше внутреннее отношеніе къ нашимъ же собственнымъ дѣйствіямъ, т.-е. нѣчто *безспорно* до-

ступное нашему познанію, такъ какъ мы сами же это производимъ, при чемъ остается въ сторонѣ спорный вопросъ, можемъ ли мы, или нѣтъ, познавать то, что находится въ какихъ-нибудь иныхъ независимыхъ отъ насъ сферахъ бытія. Нравственность познается тѣмъ же самымъ разумомъ, который ее создаетъ, слѣдовательно здѣсь познаніе совпадаетъ со своимъ предметомъ (*адекватно* ему), не оставляя мѣста для критическихъ сомнѣній. Ходъ и результаты этого мысленнаго процесса отвѣчаютъ сами за себя, не предполагая ничего кромѣ общихъ логическихъ и психологическихъ условій всякой умственной дѣятельности. Не имѣя претензій на теоретическое познаніе какихъ бы то ни было метафизическихъ сущностей, этика остается сама по себѣ безучастной къ спору между догматической и критической философіей, изъ коихъ первая утверждаетъ дѣйствительность, а слѣдовательно и возможность такого познанія, а вторая, напротивъ, отрицаетъ его возможность, а потому и дѣйствительность.

Несмотря на эту общую формальную независимость этики отъ теоретической философій, есть, однако, два метафизическіе вопроса, извѣстное рѣшеніе которыхъ имѣетъ, *повидимому*, роковое значеніе для самаго существованія нравственности.

Первый пунктъ состоитъ въ слѣдующемъ. Исходная точка всякаго серьезнаго умозрѣнія есть сомнѣніе въ объективной достовѣрности нашего познанія, т.-е. таковы ли вещи на самомъ дѣлѣ, какими мы ихъ познаемъ? Но это сомнѣніе въ нашемъ познаніи послѣдовательно приходитъ къ сомнѣнію въ самомъ бытіи *познаваемого*, т.-е. міра и всего, что въ немъ. Этотъ міръ создается изъ нашихъ чувственныхъ воспріятій, приводимыхъ разсудкомъ въ связанное цѣлое. Но не суть ли эти воспріятія только наши ощущенія, и не есть ли эта связь вещей только наша мысль? А если такъ, если весь міръ есть только мое представленіе, то и всѣ тѣ существа, съ которыми я нахожусь въ нравственно-практическомъ отношеніи, всѣ люди, кромѣ меня, какъ нераздѣльные части этого мною представляемаго міра, данныя въ томъ же самомъ познаніи; какъ и все прочее, окажутся также лишь моими представленіями. Между тѣмъ нравственные предписанія (по крайней мѣрѣ въ значительной своей части) опредѣляютъ именно мое должное отношеніе къ другимъ людямъ, и если таковыхъ не существуетъ, то не превращаются ли сами эти нравственные предписанія въ безпредметныя и неосуществимыя требованія? Такъ оно было бы, еслибы небытіе всѣхъ существъ могло быть предметомъ достовѣрнаго познанія, вызывающаго (въ своей сферѣ) такую же несомнѣнную увѣренность, какая принадлежитъ нравственнымъ

предписаніямъ (въ ихъ сферѣ). Еслибы въ то время, какъ совѣсть съ присущей ей несомнѣнностью обязываетъ меня къ нравственнымъ дѣйствіямъ относительно извѣстныхъ предметовъ, теоретическій разумъ съ равною несомнѣнностью доказывалъ, что этихъ предметовъ вовсе не существуетъ, а слѣдовательно предписанія, къ нимъ относящіяся, бессмысленны, — еслибы такимъ образомъ практическая увѣренность подрывалась равносильною ей теоретическою, и несомнѣнность предписанія упразднялась несомнѣннымъ познаніемъ его неисполнимости, — тогда положеніе было бы дѣйствительно безвыходное. Но на самомъ дѣлѣ такого столкновенія двухъ равноправныхъ увѣренностей нѣтъ и быть не можетъ. Сомнѣніе въ самостоятельномъ бытіи вѣшнихъ существъ никакъ не есть увѣренность въ ихъ небытіи и никогда не можетъ перейти въ таковую. Допустимъ даже, какъ вполнѣ доказанное положеніе, что наши чувства и разумокъ суть недостоверные свидѣтели въ пользу бытія другихъ существъ, — изъ недостоверности свидѣтелей логически слѣдуетъ только сомнительность ихъ показаній, а никакъ не увѣренность въ истинѣ противнаго. Еслибы даже было положительно доказано, что данный свидѣтель ложно показалъ о фактѣ, котораго онъ въ дѣйствительности не былъ свидѣтелемъ, то кто же изъ этого заключить, что самый фактъ не могъ существовать? За него могутъ говорить *другіе* свидѣтели, а наконецъ, онъ могъ произойти безъ всякихъ свидѣтелей, но все-таки быть фактомъ. Чувство и разумокъ говорятъ намъ о существованіи другихъ людей, кромѣ насъ самихъ; но по изслѣдованіи, положимъ, оказывается, что это обманъ — что эти способы познанія на самомъ дѣлѣ ручаются только за бытіе предметовъ *въ нашемъ представленіи*, а не за самостоятельное ихъ существованіе, въ которомъ мы поэтому и начинаемъ сомнѣваться. Но чтобы идти далѣе, чтобы прежнюю увѣренность въ бытіи вѣшнихъ существъ замѣнить не сомнѣніемъ только, а противоположною увѣренностью въ ихъ небытіи, нужно предположить, что если что-нибудь не содержится съ достовѣрностью въ нашихъ чувствахъ и разумѣ, то, значитъ, оно и вовсе не можетъ существовать. Но это будетъ предположеніе вполнѣ произвольное, для котораго у насъ нѣтъ не только логическихъ основаній, но и никакого разумнаго повода.

Если же мы не можемъ въ своемъ критическомъ отношеніи къ бытію другихъ существъ идти дальше сомнѣнія, то мы можемъ быть спокойны за судьбу нравственныхъ предписаній; ибо теоретическое сомнѣніе, очевидно, недостаточно для того, чтобы подорвать нравственно-практическую увѣренность. Притомъ должно

помнить, что окончательною точкою зрѣнія въ философіи это критическое сомнѣніе не остается, а такъ или иначе разрѣшается: или Кантовымъ различіемъ феноменовъ отъ нуменовъ (явленій и вещей въ себѣ), при чемъ объекты нравственнаго долга, какъ явленія, лишенныя собственнаго бытія, съ лихвою получаютъ его обратно въ качествѣ нуменовъ; или являются новые свидѣтели внѣшняго бытія, болѣе достовѣрные, чѣмъ ощущенія и разсудокъ (Якобіева непосредственная *вѣра*, Шопенгауэрова *воля*, дающая о себѣ знаніе какъ основаніе нашей собственной, но по аналогіи и *чужой* реальности); или находятся новые пути иного, болѣе глубокаго умозрительнаго догматизма, восстанавливающаго объективное значеніе всего существующаго (въ философіи Шеллинга, Гегеля и т. д.).

Но какова бы ни была сила и важность критическаго сомнѣнія въ бытіи внѣшнихъ существъ, это во всякомъ случаѣ относится лишь въ *одной сторонѣ* нравственной сферы. Всякое этическое предписаніе, какъ такое, лишь наружнымъ концомъ своимъ, такъ сказать, касается объекта дѣйствія (другихъ лицъ); внутреннее же его основаніе всегда лежитъ внутри самого дѣйствующаго (субъекта), куда нѣтъ доступа ни для какой положительной или отрицательной теоріи внѣшняго міра. А та наружная сторона моральныхъ предписаній, которая связываетъ ихъ съ объектомъ, составляетъ собственно область права, а не нравственности въ тѣсномъ смыслѣ. Хотя, какъ будетъ доказано на своемъ мѣстѣ, право зависитъ отъ нравственности и не можетъ быть отдѣлено отъ нея, но это не мѣшаетъ ясному различію этихъ двухъ сферъ. Когда одинъ и тотъ же поступокъ, напр. убійство, одинаково осуждается криминалистомъ и моралистомъ, то хотя оба относятъ свое сужденіе къ одной и той же совокупности психологическихъ моментовъ, завершившихся матеріальнымъ фактомъ умерщвленія, и хотя заключенія ихъ совпадаютъ между собою, но точки отправленія, а потому и весь ходъ мысли у нихъ различны и противоположны другъ другу. Съ точки зрѣнія криминальной, основное значеніе принадлежитъ объективному факту убійства, т.-е. дѣянію, нарушающему чужое право и характеризующему совершителя какъ ненормальнаго члена общества. Для основательности и полноты этой характеристики получаютъ значеніе и внутренніе психологическіе моменты, т.-е. прежде всего наличность преступнаго наміренія, такъ называемый *animus* злодѣянія, а затѣмъ и всѣ прочія субъективныя условія дѣла, но все это исключительно лишь по отношенію къ факту убійства или въ причинной связи съ нимъ. Хотя бы

кто-нибудь всю свою жизнь дышалъ злобою и убійствомъ, но если такое настроеніе духа оставалось лишь психическимъ состояніемъ субъекта, не выразившись ни въ дѣйствительномъ убійствѣ или реальномъ покушеніи на него, ни въ нанесеніи увѣчій и т. п., то этотъ субъектъ при всей своей адской злобѣ вовсе не подлежалъ вѣденію криминалиста какъ такого. Совершенно напротивъ съ точки зрѣнія нравственной: самый незначительный порывъ злобы и гнѣва, хотя бы онъ не выразился не только въ дѣлѣ, но и въ словѣ, есть уже самъ по себѣ прямой предметъ для этического сужденія и осужденія, а фактъ убійства, наоборотъ, имѣетъ здѣсь значеніе вовсе не съ предметной своей стороны, а лишь какъ выражающій крайнюю степень напряженности того злого чувства, которое уже само по себѣ на всѣхъ своихъ степеняхъ подлежало осужденію. Для юриста лишеніе жизни есть нарушеніе права, т.-е. уронъ, противозаконно причиненный жертвѣ преступленія, но съ чисто-нравственной точки зрѣнія лишеніе жизни не есть еще *eo ipso* уронъ, а можетъ быть даже приобрѣтеніемъ для убитаго, — убійство есть *несомнѣнный* уронъ только для убійцы, — не какъ фактъ, а какъ послѣднее слово той злобы, которая сама уже есть уронъ для человѣка, по скольку она роняетъ его достоинство какъ разумнаго существа. Конечно, и съ этической стороны убійство хуже (грѣшнѣе) простой вспышки гнѣва, но лишь потому, что для перваго нужна сильнѣйшая степень той же дурной страсти, чѣмъ для второй, а никакъ не потому, что одно есть вредный фактъ, а другое — только чувство. Если кто-нибудь, съ твердымъ намѣреніемъ зарѣзать своего врага, пронзаетъ манекенъ, то морально онъ — полный убійца, *хотя* никого не убилъ и ничьихъ личныхъ правъ не нарушилъ; а съ юридической точки зрѣнія именно *потому* тутъ ничего даже соприкасающагося съ убійствомъ не произошло, а случилось развѣ только ничтожное поврежденіе чужого имущества.

Ясно отсюда заключеніе для нашего вопроса. Еслибы весь міръ былъ только моимъ сновидѣніемъ, то это было бы фатально лишь для объективной, наружу обращенной стороны этики (въ широкомъ смыслѣ), а не для ея собственной внутренней области, — это подрывало бы во мнѣ интересъ юридическій, политическій, общественный, филантропическій, но оставляло бы въ полной силѣ интересъ чисто-нравственный. Я пересталъ бы заботиться объ охраненіи чужихъ правъ, но продолжалъ бы охранять свое внутреннее достоинство. Не испытывая нѣжнаго участія къ окружающимъ меня призракамъ, я тѣмъ болѣе долженъ бы былъ воздерживаться отъ какихъ-нибудь злыхъ или постыдныхъ страстей

по отношенію къ этимъ фантомамъ. Если противно нравственному достоинству злобствовать на живого человѣка, то на пустой призракъ—тѣмъ болѣе; если поворно бояться существующаго, то несуществующаго—еще поворнѣе; если стремиться къ матеріальному обладанію дѣйствительными предметами постыдно и противно разуму, то такое стремленіе относительно призраковъ собственнаго воображенія—не менѣе постыдно и еще болѣе бессмысленно. Вѣдь и помимо грезящаго идеализма, когда въ обыкновенномъ сновидѣніи мы видимъ себя совершающими что-нибудь безнравственное, то это вызываетъ стыдъ и по пробужденіи. Конечно, если я видѣлъ сонъ, что кого-нибудь убилъ, то, проснувшись, я не столько стыжусь этого поступка, сколько (радуюсь, что это былъ только сонъ, но того злобнаго чувства, которое я испыталъ во снѣ, мнѣ совѣстно и на яву.

Соединяя эти указанія съ прежде сказаннымъ, мы приходимъ къ слѣдующему общему заключенію. Въ теоретической философіи (именно въ критикѣ познанія) можетъ относительно предметовъ нравственности возбуждаться только сомнѣніе въ ихъ дѣйствительномъ бытіи, а никакъ не увѣренность въ ихъ небытіи; это сомнѣніе (разрѣшаемое, впрочемъ, такъ или иначе въ той же философіи) не можетъ перевѣсить увѣренности, присущей свидѣтельству совѣсти; но еслибы даже возможна была увѣренность въ небытіи другихъ существъ (какъ предметовъ нравственнаго дѣйствія), то это имѣло бы значеніе лишь для объективной стороны этики, оставляя въ неприкосновенности ея внутреннюю основную область. Это достаточно обезпечиваетъ внутреннюю самостоятельность нравственной философіи въ первомъ пунктѣ—со стороны критики познанія; второй пунктъ относится къ метафизическому вопросу о свободѣ воли.

IV.

Очень распространенъ взглядъ, что судьба нравственнаго сознанія зависитъ отъ того или другаго рѣшенія вопроса о свободѣ воли. Вопросъ сводятъ къ альтернативѣ: или наши дѣйствія свободны, или они необходимы, и ватѣмъ утверждаютъ, будто второе нвѣ этихъ двухъ рѣшеній, именно детерминизмъ, или ученіе о томъ, что всѣ наши дѣйствія и состоянія происходятъ съ необходимостью, дѣлаетъ невозможною человѣческую нравственность и тѣмъ отнимаетъ всякій смыслъ у нравственной философіи. Если, говорить, человѣкъ есть только колесо въ мировой

машинѣ, то о какихъ-же нравственныхъ дѣяніяхъ можетъ быть рѣчь? Но вся сила такого аргумента заключается въ неправильномъ смѣшеніи детерминизма механическаго съ детерминизмомъ вообще—ошибка, отъ которой не свободенъ и самъ Кантъ. Детерминизмъ вообще утверждаетъ только, что все совершающееся, а слѣдовательно и всякое дѣйствіе человѣка *опредѣляется* (determinatur—откуда и названіе этого ученія) *достаточными основаніями*, безъ которыхъ оно произойти не можетъ, а при которыхъ происходитъ съ необходимостью. А такъ какъ необходимость есть общее или родовое понятіе, имѣющее различные виды, то и детерминизмъ бываетъ различный, и по тремъ главнымъ видамъ необходимости (относительно явленій и дѣйствій) мы различаемъ и три вида детерминизма: 1) *механическій*, который, еслибы онъ былъ единственнымъ, дѣйствительно исключалъ бы нравственность, какъ такую; 2) *психологическій*, допускающій нѣкоторые нравственные элементы, но плохо согласимый съ другими, и 3) *разумно-идейный*, дающій мѣсто всѣмъ нравственнымъ требованіямъ во всей ихъ силѣ и въ полномъ объемѣ.

Механическая необходимость несомнѣнно существуетъ въ явленіяхъ, но утвержденіе, что существуетъ исключительно она одна, есть лишь слѣдствіе той матеріалистической метафизики, которая хотѣла бы все, что есть, свести къ суммѣ внѣшнихъ движеній вещества. Но что же общаго между такимъ взглядомъ и тѣмъ убѣжденіемъ, что все совершающееся имѣетъ достаточныя основанія, которыми необходимо опредѣляется?—Чтобы видѣть въ человѣкѣ колесо мировой машины, нужно по крайней мѣрѣ признавать существованіе такой машины, а на это согласны далеко не всѣ философы-детерминисты: многіе изъ нихъ считаютъ вещественный міръ какъ такой лишь представленіемъ въ умѣ духовныхъ существъ, при чемъ не эти существа механически опредѣляются дѣйствительными вещами, а лишь кажущіяся вещи умственно опредѣляются по законамъ внутренняго бытія духовныхъ существъ, къ которымъ принадлежимъ и мы сами.

Оставляя пока въ сторонѣ такую метафизическую точку зрѣнія и ограничиваясь предѣлами общаго опыта, мы уже въ мірѣ животныхъ несомнѣнно находимъ внутреннюю психологическую необходимость, по существу не сводимую ни къ какому механизму. Животныя ¹⁾ опредѣляются къ дѣйствію не извнѣ только,

¹⁾ Можно, конечно, сказать то же въ извѣстномъ смыслѣ и о растеніяхъ, и даже дальше о различныхъ частяхъ неорганическаго міра, ибо чистаго механизма, или абсолютной бездушности, въ природѣ не существуетъ, но въ этихъ предварительныхъ разсужденіяхъ я стараюсь держаться того, что безспорно и общепонятно.

но и изъ самихъ себя, не толчками и ударами вещей, а мотивами побуждающими, т.-е. собственными представленіями, которыя хотя и вызываются (положимъ) внѣшними предметами, однако образуются и дѣйствуютъ въ умѣ животнаго лишь согласно его собственной природѣ. Свободы тутъ, конечно, нѣтъ, но когда Кантъ хочетъ эту психологическую необходимость отождествить съ механическою, то невѣрность мысли предательски подчеркивается у него поразительно неудачнымъ сравненіемъ. По его словамъ, способность опредѣляться къ дѣйствию собственными представленіями „въ сущности не лучше, чѣмъ свобода вертела, который, будучи разъ пущенъ, самъ производитъ свои движенія“. Не только Кантъ, которому всякій гиллозизмъ (оживотвореніе вещей) былъ такъ противенъ, но и самый поэтически настроенный натурфилософъ не припишетъ, конечно, такому предмету какъ вертелъ, способности производить самому свои движенія, и когда мы говоримъ, что онъ вертится самъ, то разумѣемъ только, что онъ продолжаетъ и *одинъ* быть въ движеніи силою прежняго толчка; слово „самъ“ значить здѣсь „безъ помощи новаго входящаго двигателя“ — то же, что франц. „tout seul“ ¹⁾ и вовсе не предполагаетъ какого-нибудь внутренняго участія въ движеніи со стороны движущагося. Но говоря про животное, что оно двигается само, мы разумѣемъ именно его собственное, внутреннее участіе въ произведеніи своихъ движеній. Оно бѣжитъ отъ врага или бросается на пищу вовсе не потому, что ему заранѣе сообщены извнѣ такіа движенія, а потому, что оно въ эту минуту испытываетъ въ себѣ страхъ передъ врагомъ и желаніе пищи. Конечно, эти психологическія состоянія не суть свободныя акты воли и въ свою очередь они не создаютъ тѣлесныхъ движеній непосредственно изъ себя, а только приводятъ въ дѣйствіе уже существующіе и приспособленные къ извѣстнымъ аппаратамъ

¹⁾ Въ польскомъ яз. за словомъ *zami* сохранился только этотъ отрицательный смыслъ—одинъ безъ другихъ (производное *zamotoju*—одинокій). Въ русскомъ и германскихъ яз. возможны оба смысла, при чемъ если данъ положительный (собственный, внутренняя причинность), то отрицательный (отсутствіе другого) предполагается, но никакъ не наоборотъ. Такъ слово „самоучка“ обозначается человекъ, бывшій собственною причиною своего образованія и учившійся одинъ безъ помощи другихъ (оба смысла здѣсь совмѣщаются, какъ и въ подобныхъ словахъ на нѣмецк., напр. *Selbsterziehung*, или англійск., напр. *selfhelp*). Но когда мы говоримъ, что вертелъ движется самъ (*selbst, by itself-alone*), то здѣсь данъ только тотъ отрицательный смыслъ, что въ настоящую минуту ничто постороннее этотъ предметъ не толкаетъ, при чемъ вовсе не разумѣется, что онъ есть собственная причина своего движенія,—напротивъ, эта причина дана всецѣло въ прежнемъ толчкѣ, отъ него не зависащемъ.

организмы; но существенная особенность, не позволяющая свести эту жизнь къ механизму, состоитъ въ томъ, что для нормальнаго взаимодействія животной организаціи съ внѣшней средой, эта послѣдняя должна быть представлена въ самомъ животномъ въ видѣ мотивовъ, опредѣляющихъ его движенія по собственному чувству пріятнаго и непріятнаго; присутствіе или отсутствіе этой способности чувствованій, неразрывно связанной съ двумя другими способностями хотѣнія и представленія, т.-е. присутствіе или отсутствіе собственной внутренней жизни, есть различіе самое существенное, какое только можно мыслить, и если только мы за животнымъ признаемъ эту одушевленность, а у механическаго автомата ее отрицаемъ, то мы уже не имѣемъ права отождествлять ихъ въ томъ смыслѣ, какъ дѣлаетъ Кантъ ¹⁾.

Психическая жизнь, какъ она является у животныхъ (и продолжается у человѣка), имѣетъ у различныхъ родовъ и особей различныя качества, по которымъ мы различаемъ, напримѣръ, животныхъ свирѣпыхъ и кроткихъ, смѣлыхъ и трусливыхъ и т. д., — и хотя эти качества самими животными не сознаются какъ добрыя или злыя, но у людей тѣ же самыя качества уже оцѣниваются какъ добрая или дурная натура. Такимъ образомъ уже здѣсь мы имѣемъ нѣкоторый нравственный элементъ, и такъ какъ изъ опыта несомнѣнно, что добрая натура можетъ развиваться, а злая ослабляться или исправляться, то вотъ уже нѣкоторый предметъ для нравственной философіи и задача для ея практическаго приложенія, хотя о свободѣ воли здѣсь нѣтъ и рѣчи. Но, конечно, рѣшительная независимость этики отъ этого метафизическаго вопроса должна быть обнаружена не въ области психической жизни, общей человѣку съ животными, а въ сферѣ собственно-человѣческой нравственности.

V.

Какъ въ мірѣ животномъ къ необходимости механической присоединяется психологическая, не упраздняющая первой, но и не сводимая на нее, такъ у человѣка къ этимъ двумъ присоединяется еще *необходимость* идейно-разумная или *нравственная*.

¹⁾ Логическое право сомнѣваться въ одушевленности *животныхъ* можетъ опираться лишь на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ я могу сомнѣваться въ одушевленности всѣхъ другихъ *модей* кромѣ меня самого (см. выше). Точное разрѣшеніе этого чисто-теоретическаго сомнѣнія невозможно въ области этики да и не нужно для насъ: это задача гнозѳологін и метафизики.

Сущность ея состоитъ въ томъ, что мотивомъ или достаточнымъ основаніемъ человѣческихъ поступковъ, кромѣ частныхъ и конкретныхъ представленій, дѣйствующихъ на способность хотѣнія посредствомъ чувствъ пріятнаго и непріятнаго, можетъ еще быть всеобщая разумная идея добра, дѣйствующая на сознательную волю въ формѣ безусловнаго долга или категорическаго императива (по терминологіи Канта). Говоря проще, человѣкъ можетъ дѣлать добро помимо и вопреки всякихъ корыстныхъ соображеній, ради самой идеи добра, изъ одного уваженія къ долгу или нравственному закону. Вотъ кульминаціонная точка нравственности, и, однакоже, она вполне совмѣстима съ детерминизмомъ и вовсе не требуетъ такъ называемой свободы воли. Утверждающимъ противное слѣдовало бы прежде всего изгнать изъ умовъ и языковъ человѣческихъ самый терминъ „нравственная необходимость“, ибо онъ есть *contradictio in adjecto*, если нравственность возможна только подъ условіемъ свободной воли. Между тѣмъ мысль, выражаемая этимъ терминомъ, не только всякому понятна, но и вытекаетъ изъ сущности дѣла. Необходимость вообще есть полная зависимость дѣйствія (въ широкомъ смыслѣ—*effectus*) отъ основанія, его опредѣляющаго, которое поэтому и называется достаточнымъ. Когда это основаніе есть физическій ударъ или толчокъ, то необходимость есть механическая, когда душевный аффектъ—то психологическая, а когда идея добра, то необходимость нравственная. Какъ существовали тщетныя попытки свести психологію на механику, такъ существуетъ столь же тщетное стремленіе свести нравственность на психологію, т.-е. доказать, что настоящими мотивами человѣческихъ дѣйствій могутъ быть только душевные аффекты, а не сознаніе долга, т.-е., что человѣкъ никогда не дѣйствуетъ изъ одной совѣсти. Доказать этого, конечно, невозможно; справедливо только, что нравственная идея бываетъ достаточнымъ основаніемъ дѣйствія лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ,—но что же изъ этого слѣдуетъ? Растенія и животныя представляютъ лишь ничтожную величину, сравнительно съ неорганическою массою земнаго шара, но изъ этого никто не заключить, что на землѣ нѣтъ флоры и фауны. Нравственная необходимость есть только высшій цѣль на психологической почвѣ человѣчества,—тѣмъ больше значенія имѣетъ она для философіи.

Все высшее или болѣе совершенное самымъ существованіемъ своимъ предполагаетъ нѣкоторое освобожденіе отъ низшаго, или, точнѣе говоря, отъ исключительнаго господства низшаго. Такъ способность опредѣляться къ дѣйствію посредствомъ представленій

или мотивовъ есть освобожденіе отъ исключительной подчиненности вещественнымъ толчкамъ и ударамъ, т.-е. необходимость психологическая есть свобода отъ необходимости механической. Въ такомъ же смыслѣ необходимость нравственная, оставаясь вполне необходимостью, есть свобода отъ низшей необходимости психологической. Но эта разумная свобода не имѣетъ ничего общаго съ такъ называемой свободой воли, которой точный смыслъ состоитъ въ томъ, что воля не опредѣляется ничѣмъ, кромѣ себя самой, или по безукоризненной формулѣ Дунса Скота „ничто кромѣ самой воли не причиняетъ акта хотѣнія въ волю“ (*nihil aliud a voluntate causat actum volendi in voluntate*). Я не говорю, что такой свободы воли нѣтъ, — я утверждаю только, что ея нѣтъ въ нравственныхъ дѣйствіяхъ. Въ этихъ дѣйствіяхъ воля есть только опредѣляемое, а опредѣляющее есть идея добра, или нравственный законъ, — всеобщій, необходимый и ни по содержанию, ни по происхожденію своему отъ воли не зависящій. Быть можетъ, однако, самый актъ принятія или непринятія нравственного закона, какъ основанія для своей воли, зависить только отъ этой воли, чѣмъ и объясняется, что одна и та же идея добра одними принимается, какъ мотивъ дѣйствій, а другими отвергается. Но, во-первыхъ, одна и та же идея имѣетъ для различныхъ лицъ различную степень ясности и полноты, чѣмъ и объясняется отчасти различіе производимаго ею эффекта, а, во-вторыхъ, это различіе вытекаетъ изъ неравной воспримчивости данныхъ натуръ къ нравственной мотивации вообще. Но въдь всякая причинность и всякая необходимость предполагаетъ специальную воспримчивость данныхъ предметовъ къ двигателямъ или мотивамъ извѣстнаго рода. Тотъ же самый ударъ кія, который приводитъ въ движеніе бильярдный шаръ, не производитъ никакого эффекта на солнечный лучъ; та же самая сочная трава, которая возбуждаетъ неодолимое влеченіе въ коровъ, не служитъ никакимъ мотивомъ хотѣнія для кошки и т. д.

Для того, чтобы идея добра въ формѣ должнаго получила силу достаточнаго основанія или мотива, нужно соединеніе двухъ факторовъ: достаточной ясности и полноты самой этой идеи въ сознаніи и достаточной нравственной воспримчивости въ натурѣ субъекта. Ясно, вопреки мнѣніямъ одностороннихъ школъ этики, что наличность одного изъ этихъ факторовъ при отсутствіи другого недостаточна для произведенія нравственного дѣйствія. Такъ — пользуясь библейскими примѣрами — при величайшей нравственной воспримчивости, но при недостаточномъ понятіи о томъ, что содержится въ идеѣ добра, праотецъ Авраамъ принялъ рѣшеніе

заколотъ своего сына; повелительная форма нравственнаго закона сознавалась имъ вполне и принималась безусловно и только не доставало понятія о томъ, что можетъ и что не можетъ быть добромъ, — ясное доказательство, что и для праведниковъ не бесполезна нравственная философія. Съ другой стороны развращенное сердце, при полномъ знаніи должнаго, заставило пророка Вилеама предписаніямъ высшей воли предпочесть царскіе дары, чтобы рѣшиться проклинать народъ Божій.

Когда нравственный мотивъ съ той или другой изъ указанныхъ сторонъ недостаточенъ, то онъ и не дѣйствуетъ; когда же онъ достаточенъ съ обѣихъ, то дѣйствуетъ съ необходимостью, какъ и всякая другая причина. Положимъ, я принимаю нравственный законъ къ исполненію безъ всякой примѣси постороннихъ мотивовъ, единственно ради него самого, изъ уваженія къ нему, но самая эта способность такъ высоко и безкорыстно уважать нравственный законъ, предпочитая его всему прочему, есть уже мое качество, а не произволъ.

Для того, чтобы идея добра могла съ полною внутреннею *необходимостью* опредѣлять (*детерминировать*) сознательный выборъ чловѣка въ ея пользу, — для того, чтобы выборъ этотъ былъ *достаточно* мотивированнымъ, нужно, чтобы содержаніе этой идеи было надлежащимъ образомъ развито, чтобы умъ представилъ волю эту идею въ ея всеоружіи, что и исполняется нравственною философіею. Такимъ образомъ этика не только совмѣстима съ детерминизмомъ, но даже обусловливаетъ собою высшее обнаруженіе необходимости. Когда чловѣкъ высокаго нравственнаго развитія съ полнымъ сознаніемъ подчиняетъ свою волю идеѣ добра, всесторонне имъ познанной и до конца продуманной, тогда уже для всякаго ясно, что въ этомъ подчиненіи нравственному закону нѣтъ никакого произвола, что оно безусловно необходимо.

И все-таки свобода воли существуетъ, — но только не въ нравственномъ самоопредѣленіи, не въ актахъ практическаго разума, гдѣ ея искалъ Кантъ, а какъ разъ на противоположномъ концѣ внутренняго міра. Я могу пока только намекомъ пояснить, въ чемъ дѣло. Какъ было замѣчено, добро не можетъ быть прямымъ предметомъ свободнаго выбора. Его собственное превосходство есть вполне достаточное основаніе для предпочтенія его противоположному началу, и произволу здѣсь нѣтъ мѣста. Когда я выбираю добро, то вовсе не потому, что мнѣ такъ хочется, а потому, что оно хорошо, что оно есть положительное и что я способенъ оцѣнить его значеніе. Но чѣмъ опредѣляется противоположный актъ, когда я отвергаю добро и выбираю зло? Тѣмъ ли

только, какъ думаетъ извѣстная школа этики, что я не знаю зла и ошибочно принимаю его за добро? Чтобы такъ было *всегда*, доказать невозможно. Если достаточное знаніе добра въ соединеніи съ достаточною къ нему воспримчивостію необходимо опредѣляютъ нашу волю въ нравственномъ смыслѣ, то остается еще вопросъ: недостаточная воспримчивость къ добру и воспримчивость къ злу, есть ли она необходимо фактъ природы только, — не можетъ ли она также зависѣть и отъ воли, которая въ этомъ случаѣ, не имѣя рacionales оснований, опредѣляющихъ ее въ этомъ дурномъ направленіи (ибо подчиняться злу вмѣсто добра противно разуму), можетъ дѣйствительно являться собственною и единственною причиною своего самоопредѣленія. Такъ какъ нѣтъ никакого объективнаго основанія любить зло, какъ такое (для разумнаго существа), то воля можетъ избирать его только произвольно, — разумѣется, подъ условіемъ яснаго сознанія, ибо въ полусознательномъ сознаніи дѣло достаточно объясняется ошибкою сужденія. Но вопросъ ставится именно такъ: при полномъ и отчетливомъ знаніи добра, можетъ ли, однако, данное разумное существо оказаться настолько къ нему невоспримчивымъ, чтобы безусловно и рѣшительно его отвергнуть и принять зло? Въ этомъ случаѣ невоспримчивость къ добру будетъ тѣмъ-то безусловно ирраціональнымъ. Только такой ирраціональный актъ удовлетворяетъ точному понятію свободы воли или произвола. Отрицать его возможность заранѣе мы не имѣемъ права. Искать положительныхъ оснований за или противъ можно только въ самыхъ темныхъ глубинахъ метафизики. Но во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ ставить вопросъ: найдется ли такое существо, которое и при полномъ знаніи добра можетъ произвольно его отвергнуть и предпочесть зло? — слѣдуетъ намъ самимъ дать себѣ ясный отчетъ обо всемъ, что содержится въ идеѣ добра и что изъ нея слѣдуетъ. Это и есть задача нравственной философіи, которая и съ этой точки зрѣнія предполагается метафизическимъ вопросомъ о свободѣ воли, а никакъ не зависить отъ него.

Владиміръ Соловьевъ.

ПО ПОВОДУ КВАРТИРНАГО НАЛОГА.

Письмо въ редакцію.

О томъ, что государственный квартирный налогъ имѣть очень большое значеніе для плательщика, какъ новая и притомъ добавочная повинность, говорить излишне,—это разумѣется само собою; но заслуживаетъ серьезнаго вниманія то впечатлѣніе, которое произвелъ налогъ, тѣ сужденія, которыя вызваны существенно и формальною его сторонами.

Останавливаясь на этомъ обстоятельствѣ, можемъ съ увѣренностью сказать, что изъ всѣхъ налоговъ послѣднихъ лѣтъ ни одинъ не возбуждалъ столько разговоровъ и толковъ, какъ квартирный налогъ.

Разговоры захолустнаго обывателя большой важности, конечно, не имѣютъ. Это онъ съ начала только—„съ первачка“—нервничаетъ и разсуждаетъ, а потомъ, когда освоится съ мыслью о налогѣ и попривыкнетъ къ нему—разсужденія прекратятся. Но причины, вызвавшія разговоры, точки, вокругъ которыхъ они вертятся, во всякомъ случаѣ имѣютъ смыслъ и, по меньшей мѣрѣ, любопытны.

Насколько умѣемъ, постараемся разобраться съ этимъ многосложнымъ матеріаломъ и извлечь изъ него только самое выдающееся.

Прежде всего взглянемъ на то, въ какую минуту засталъ обывателя квартирный налогъ.

Тяжесть взимаемыхъ разнородныхъ и разноименныхъ сборовъ вносить на своихъ плечахъ не кто иной, какъ уѣздъ, т.-е. уѣздные города и селенія. Это вполне понятно, если сообразить, что всякіе

сборы обернулись невыгодною стороною къ большинству несостоятельнаго населенія, по случаю такой разверстки ихъ. Всѣ, вѣроятно, знаютъ, что какъ бы ни были незначительны сборы, но когда не выработано правилъ для распредѣленія тѣхъ сборовъ соотвѣтственно средствамъ плательщиковъ, они становятся для однихъ обременительными, для другихъ—прямо непосильными. Извѣстно, вѣроятно, и то, что между мѣстными распредѣлителями сборовъ—городомъ, земствомъ и сельскимъ обществомъ—не существуетъ объединяющаго начала въ приемахъ обложенія, и, вслѣдствіе этого, каждый дѣйствуетъ на свой страхъ, требуетъ сколько ему нужно, не справляясь съ требованіями другихъ и не соразмѣряя съ ними своихъ требованій.

Неоспоримымъ доказательствомъ этому можетъ служить разверстка государственнаго налога и городского и земскаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ въ уѣздныхъ городахъ. Не касаясь другихъ сборовъ, останавливаемся на этомъ собственно потому, что онъ имѣетъ съ квартирнымъ налогомъ не только прямую, но и причинную связь. Насколько несправедливо распредѣляется налогъ съ недвижимыхъ имуществъ—видно изъ того, что по этому предмету существуетъ цѣлая литература, не вызвавшая, однако, никакихъ перемѣнъ, и, по этой причинѣ, крупную долю помянутыхъ налоговъ въ уѣздныхъ городахъ до сихъ поръ приходится платить неимущимъ бѣднякамъ. Большіе и доходные дома, принадлежащіе разнымъ вліятельнымъ обывателямъ, получаютъ, выражаясь скромно, самую снисходительную оцѣнку, и такіе примѣры, когда страховая оцѣнка этихъ домовъ въ 15—20 разъ превышаетъ городскую оцѣнку, совсѣмъ нерѣдкость.

Понятно, что при такихъ условіяхъ уѣзды давно и при томъ съ усиленнымъ желаніемъ ожидаютъ осуществленія заветной мечты—замѣны всѣхъ многочисленныхъ сборовъ однимъ, въ формѣ общаго для всѣхъ сословій, какъ воинская повинность, подоходнаго налога. Вѣдствія послѣднихъ дѣтъ въ видѣ холеры и другихъ не менѣе губительныхъ болѣзней, недорода хлѣбовъ, упадка спроса и цѣны на хлѣба и повышеніе цѣнъ на земли—увеличили ожиданія.

Ожиданія начинаютъ осуществляться. Сдѣланъ крупный шагъ впередъ и вводится „...первый опытъ обложенія, соразмѣреннаго, въ предѣлахъ возможнаго, съ совокупностью средствъ плательщика“ ¹⁾. Вводится квартирный налогъ, подоходность котораго не подлежитъ сомнѣнію.

¹⁾ Всеподданнѣйшій докладъ г. министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1894 годъ.

Но въ качествѣ правдиваго свидѣтеля, мы должны сказать, что обыватель взглянулъ на этотъ налогъ скептически и подходность его считаетъ недоказанной.

Причина этому, насколько мы могли доискаться, не въ основной идеѣ, противъ которой никто ничего не говоритъ, а въ ея постановкѣ, не вполне согласованной съ бытовыми условіями уѣздной жизни и потому не поддающейся этимъ условіямъ.

Въ опредѣленіи доходности самую существенную сторону составляютъ тѣ признаки, на которыхъ основана доходность. Въ квартирномъ налогѣ такимъ признакомъ считается „помѣщеніе для жилья“ (ст. 1 Полож. о кварт. нал.); но—и только. О „совокупности средствъ“ лица, занимающаго помѣщеніе, ничего не сказано, а въ этомъ-то пробѣлѣ и заключается вся важность, не въ смыслѣ увеличенія дохода казны, а въ отношеніи справедливаго распредѣленія его между плательщиками.

Основная мысль Положенія вѣрна какъ аксіома. Но основа эта нѣсколько приложима, во-первыхъ, къ столицамъ и вообще къ болѣе населеннымъ и цивилизованнымъ центрамъ, и во-вторыхъ, къ лицамъ, снимающимъ квартиру по найму, а не къ домовладѣльцамъ. Въ малолюдныхъ же уѣздныхъ городахъ установленный признакъ неудобенъ, и къ нему необходимо прибавить, для нѣкоторыхъ случаевъ, и „совокупность средствъ“. У насъ „помѣщеніе для жилья“ совсѣмъ не выражаетъ того признака, на основаніи котораго можно было бы безошибочно опредѣлить степень благосостоянія обывателя—и тѣмъ менѣе установить окладъ налога. Не касаясь квартирантовъ изъ ограниченаго числа служащихъ, составляющихъ minimum плательщиковъ налога, взглянемъ на жизнь коренного обывателя и увидимъ, что даже самый богатый изъ нихъ хотя и облачается въ шолкъ и бархатъ, но о комфортѣ, объ удобствахъ жизни, имѣетъ самыя смутныя представленія и обставился непрigладно, твердо памятуя, что этой-то неприхотливости или, точнѣе, грубости онъ и обязанъ „примноженіемъ“ своихъ средствъ. Громадные—по масштабу уѣзднаго города—дома такихъ обывателей сооружаются съ прямымъ назначеніемъ сдачи въ наймы подъ различныя присутствія, учрежденія и торговныя или промышленныя заведенія, и на самомъ дѣлѣ всѣ сданы подъ постой по высокой цѣнѣ; самъ же владѣлецъ занимаетъ очень скромное помѣщеніе. Поэтому, выходитъ такъ, что богатые горожане пользуются—не совсѣмъ легально—льготами по налогу съ недвижимыхъ имуществъ, и квартирный налогъ, но уже на законномъ основаніи, платятъ въ размѣрѣ почти одинаковомъ съ тѣми лицами, дома которыхъ заняты ими самими и не только не приносятъ никакого дохода, а, напротивъ, требуютъ расходовъ на ремонтъ, страхованіе и

уплату налоговъ. Однако, и въ добываніи средствъ на такіе расходы разница въ томъ, что послѣдній достаетъ ихъ личной работой, а первый находитъ ихъ въ получаемой съ квартирантовъ платѣ.

Къ Положенію о квартирномъ налогѣ приложена вѣдомость, показывающая раздѣленіе городовъ на пять классовъ, квартирныхъ цѣнъ — на разряды и оклады налога съ каждаго разряда.

Установленная Положеніемъ начальная оцѣнка квартиръ указываетъ на то, что къ налогу привлечено ограниченное число обывателей.

На самомъ дѣлѣ, въ нашемъ, напримѣръ, городѣ V-го класса, гдѣ налогъ начинается съ квартирной цѣны въ 60 руб., не подлежащихъ налогу оказалось 75%. Примѣръ этотъ допускаетъ вѣроятіе, что въ городахъ высшихъ классовъ, гдѣ налогъ начинается съ болѣе крупныхъ оцѣнокъ, число свободныхъ отъ налога помѣщеній увеличивается соотвѣтственно повышенію начальной оцѣнки. Но вмѣстѣ съ этимъ обнаруживается и то, что въ числѣ освобожденныхъ есть много лицъ вполне способныхъ къ платежу, но не привлеченныхъ потому только, что занятія ими помѣщенія не достигаютъ по стоимости ихъ установленной нормы, и наоборотъ — въ числѣ привлеченныхъ оказались такіе несостоятельные, для которыхъ уплата хотя бы и рублевого налога очень чувствительна.

Само собою слѣдуетъ, что чѣмъ менѣе контингентъ привлекаемыхъ къ налогу, тѣмъ затруднительнѣе становится опредѣленіе этого контингента, по установкѣ какъ начинательной оцѣнки, такъ и послѣдующихъ, при переходѣ отъ низшихъ разрядовъ къ высшимъ. Трудная и, можно сказать, щекотливая обязанность эта возложена на мѣстныхъ квартирныхъ присутствій, и дѣло, на первый разъ, представило массу хлопотъ и сложныхъ трудовъ. Тѣхъ подробностей, которыхъ требовалъ интересъ дѣла, въ мѣстныхъ учрежденіяхъ не оказалось, а въ свѣденіяхъ податной инспекціи, предсѣдательствующей въ квартирномъ присутствіи, обыватель подозрѣвалъ фискальное только направленіе, не размышляя о томъ, что подобное направленіе исключалось установленными Положеніемъ нормами.

Какъ бы тамъ ни было, — эта сторона дѣла, насколько позволяла наличность условий, уладилась удовлетворительно; но, слѣдомъ за этимъ, начало всплывать и другое. Напримѣръ, затрудненія по податѣ форменныхъ заявленій (24 ст. Полож.).

Обыватель никакъ не могъ одолѣть разницы между налогомъ квартирнымъ и налогомъ съ недвижимыхъ имуществъ, увѣрялъ, что онъ уплатилъ его сполна, безъ недоимки, и въ доказательство предъ-

являлъ квитанцію. Приходилось разъяснять такому обывателю подробности, и когда рѣчь доходила до того, что это налогъ особый, новый, и называется „квартирнымъ“, то обыватель начиналъ доказывать, что живетъ не въ квартирѣ, а въ своемъ собственномъ домѣ, и для подкрѣпленія доказательства пускался въ пространныя объясненія о способахъ приобрѣтенія дома, увѣрялъ, что въ немъ жили и родители его, и кончалъ тѣмъ, что платить за право проживанія въ своемъ домѣ—„этого еще съ роду не бывало, да и чѣмъ мы грѣшнѣе другихъ? платить, такъ ужъ всѣмъ бы сообща“, и т. д.

Необходимо замѣтить кстати, что большинство нашихъ обывателей, въ простотѣ сердечной, не подозреваютъ даже о существованіи налога съ недвижимыхъ имуществъ, называютъ его „поземельнымъ“, т.-е. налогомъ на землю, и считаютъ справедливымъ, на подобіе того, какъ и крестьянинъ платитъ за надѣльную землю. Возвращаясь къ прерванному.

Сладили, при помощи Божьей, и съ этимъ. Умиротворили, успокоили. Заявленія поданы. Начинается установленіе податныхъ оцѣнокъ и назначеніе соотвѣствующихъ имъ окладовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ новыя трудности. Въ форменныхъ заявленіяхъ „приблизительная“ оцѣнка занятыхъ помѣщеній показана настолько не приблизительно, что ее приходилось уравнивать съ платою за квартиры наемныя, т.-е. значительно повышать, и повышение это въ общемъ вышло безъ малаго двойное. Но уравниваніе обывательскихъ оцѣнокъ съ существующею наемною платою вызвало возраженія со стороны членовъ присутствія, въ виду того, что прибавка къ предѣльной оцѣнкѣ даже одной копѣйки влекла къ увеличенію налога на рубли, а между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, это касалось помѣщеній средней и высшей цѣны, принадлежащихъ людямъ состоятельнымъ.

Принимая въ соображеніе, что оклады налога установлены „сообразно съ степенью дороговизны жилыхъ помѣщеній“ (ст. 2 Пол.), позволительно заключить, что въ основу была принята одна квартирная оцѣнка; но обстановка, удобства и условія жизни, которыя несомнѣнно чего-нибудь стоятъ, должно быть, не приняты во вниманіе, по крайней мѣрѣ въ Положеніи о томъ не сказано.

Между тѣмъ, если взглянуть на то, какъ сооружаются въ уѣздныхъ городахъ дома, насколько неудобно расположено въ нихъ внутреннее помѣщеніе и вообще насколько убійственны они для здоровья, то сравнивать ихъ въ этомъ отношеніи ни съ столичными, ни съ губернскими квартирами, разумѣется, нельзя; разграничивать же начислательныя оцѣнки такими большими разстояніями, какія назначены Положеніемъ, не цѣлесообразно.

Возьмемъ для сравненія нашъ край. Въ губернской метрополіи начинательная оцѣнка—225 р., въ уѣздныхъ городахъ IV класса—120 р., и V—60 р. Можетъ ли быть такая громадная разница въ расцѣнкѣ квартиръ между сосѣдними городами? Съ столицами и сравнивать нечего. А между тѣмъ, благодаря такой расцѣнкѣ, вышло такъ, что пока квартирный налогъ доберется до столичнаго жителя и съ него спросятъ 5 руб., обыватели провинціальныхъ городовъ уплатятъ съ соотвѣствующихъ оцѣнокъ—во II классѣ 9 р. 50 к., въ III—19 р., въ IV—32 р. и V—46 р. 50 к., иначе сказать: обыватель маленькаго городка платитъ полный процентъ налога въ то время, когда столичный—только еще начинательный.

Въ этомъ отношеніи налогъ, несмотря на незначительность его, требуетъ урегулированія, соотвѣтственно удобствамъ жизни.

Во всякомъ случаѣ, столичная квартира въ 360 р. или губернская въ 225 р.—не веля же какая-нибудь съ дырявыми полами и нависшими потолками, а въ нашемъ уѣздномъ городѣ V класса шестидесяти-рублевая квартира имѣетъ всѣ признаки келейнаго устройства, или вѣрнѣе неустройства. Это—деревянные флигеля, въ 2, 3 окна на улицу, съ достатой переборкой внутри, не достигающей потолка, и съ дырявымъ одинарнымъ поломъ, требующимъ въ холодное время теплой обуви, проще сказать, валенныхъ сапогъ. Съ обыкновенными полами безъ малаго всѣ дома, и каменные, и деревянные. Послѣдніе, средней цѣны, оштукатурены внутри такъ-называемымъ коровникомъ (смѣсь глины съ коровинымъ пометомъ). Въ сырое, ненастное время коровникъ „отходить“ и дѣлаетъ жестоку головную боль, и кромѣ того въ немъ разводится множество мокрицъ.

Таково устройство большинства домовъ въ нашемъ городѣ, а между тѣмъ цѣны на квартиры все повышаются и повышаются, по той причинѣ, что лѣсъ чрезвычайно дорогъ, жилыхъ помѣщеній мало, выбирать не изъ чего, и домовладѣлецъ беретъ съ квартиранта сколько вздумаетъ.

Скажутъ, можетъ быть, что въ маленькомъ городѣ жить дешевле, нежели въ большомъ и особенно въ столицахъ. Доказать это очень трудно. Какъ жилье наше нельзя сравнивать съ столичнымъ, такъ и все остальное, по отсутствію такого благоустройства и такихъ удобствъ, какими пользуется житель столицы. Правда, рыночная цѣна на продукты первой необходимости, напр. хлѣбъ и мясо, значительно ниже столичной; но надо же знать и качество продуктовъ, въ особенности мяса. Дѣло въ томъ, что все, что есть получше, мы сбываемъ въ ближайшіе губернскіе города и отправляемъ въ столицы; себѣ же, на свою потребу, оставляемъ такой бракъ, на который столичный житель, пожалуй, и смотрѣть не станетъ. Бракъ этотъ хотя и не дорогъ—

сравнительно съ столичной цѣной,—но его надо купить вдвое, втрое больше: мука требуетъ тщательной очистки; мяса, вмѣсто 2 фунтовъ, требуется 5, 6. Такъ и все остальное. Многого у насъ совсѣмъ не найдешь; многое, именно всѣ привозные товары: мануфактурные, чай, кофе, сахаръ, словомъ, всѣ колоніальныя, бакалейныя, желѣзные, письменныя, рыба, бѣлая мука и т. д., все это неизмѣримо дороже, нежели въ губернскомъ городѣ. Значить, чтѣ же дешево?—молоко, масло, ржаная мука и мясо. Но о качествахъ этихъ продуктовъ мы уже говорили. Положимъ, нашъ обыватель неприсотливъ и тѣмъ, чтѣ есть, довольствуется, такъ сказать, въ натуральномъ видѣ, безъ промывки и очистки; но какъ жестоко платится онъ за это—показываетъ болѣзненность и смертность его. За тѣ восемь лѣтъ, что я живу здѣсь, въ городѣ и уѣздѣ прибавилось, къ прежде бывшимъ, нѣсколько пріемныхъ покоевъ и 4 больницы. Надо полагать, что не въ пользу жизненныхъ удобствъ говорить все это.

Въ виду того, о чемъ сказано выше, обыватель нашъ не можетъ, конечно, не удивляться тому, что за помѣщеніе, оцѣненное въ 220 р., онъ долженъ уплатить квартирнаго налога 6 р. 50 к., тогда какъ обыватель сосѣдняго съ нами губернскаго города не платитъ съ этой оцѣнки ничего, а между тѣмъ квартира его въ эту цѣну такая, какой у насъ не найдешь и за 400 руб.; а за помѣщеніе стоимостью свыше 400 р. у насъ приходится налога уже 16 р., вмѣсто 8 р. въ губернскомъ городѣ, т.-е. съ одной и той же суммы одинъ платитъ 4%, другой—2.

По поводу такой разницы высказывались желанія за сравненіе процента налога съ оцѣночной суммы для всѣхъ городовъ губернскихъ и уѣздныхъ, за исключеніемъ столицъ, существующихъ на особыхъ условіяхъ.

Это одно мнѣніе.

Дальше. Установленные Положеніемъ оклады налога по отношенію къ имущественному цензу дали въ нашемъ городѣ такіе результаты:

1) Съ лицъ, существующихъ вознагражденіемъ по своей профессіи и получающихъ въ годъ:

3.000 р., налогъ 11 р.	1.000 р., налогъ 3 р. 50 к.
1.800 " " 11 "	900 " " 4 " 50 "
1.500 " " 8 "	600 " " 6 " 50 "
1.200 " " 4 " 50 к.	500 " " 2 " — "

2) Съ домовладѣльцевъ-коммерсантовъ, годовая прибыль которыхъ

отъ принадлежащихъ имъ предпріятій установлена податнымъ присутствіемъ въ прошломъ году такая:

Прибыль 12.000 р., налогъ 8 р.	Прибыль 7.600 р., налогъ 4 р. 50 к.
„ 11.000 „ „ 11 „	„ 7.000 „ „ 3 „ — „
„ 10.000 „ „ 11 „	„ 7.000 „ „ 2 „ — „
„ 8.000 „ „ 4 „ 50 к.	„ 6.000 „ „ 4 „ 50 к.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, что установленные оклады квартирнаго налога очень далеки отъ соотвѣствія съ имущественнымъ положеніемъ плательщика, все по тѣмъ же причинамъ, о которыхъ сказано раньше, т.-е. что признакомъ для налога служить занятое помѣщеніе, что оцѣнка, при переходѣ отъ низшихъ къ высшимъ разрядамъ, повышается въ среднихъ окладахъ сразу на сотни, и что, вслѣдствіе этого, и окладъ налога повышается на рубли.

Оцѣнка помѣщенія на 100 руб. ниже или выше представляетъ очень большую разницу не только въ уѣздномъ, но даже и губернскомъ городѣ, и въ виду этого менѣе зажиточные обыватели высказывались въ пользу не только привлеченія къ дѣлу „совокупности средствъ“, но еще и въ пользу того, чтобы квартирный налогъ взимался съ дѣйствительной стоимости помѣщенія, въ размѣрѣ опредѣленнаго процента.

Это второе мнѣніе.

Наконецъ, третье—принадлежитъ торговому сословію, составляющему значительную часть плательщиковъ квартирнаго налога. Торговцы пошли дальше и высказались уже въ пользу разверстки квартирнаго налога тѣмъ же способомъ, какой установленъ для дополнительнаго раскладочнаго сбора съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, т.-е. посредствомъ пропорціональной разверстки опредѣленнаго оклада между тѣми, которые будутъ привлечены къ налогу.

Мнѣнія этого нельзя не признать практичнымъ для уѣздныхъ городовъ, какъ потому, что значительная часть населенія привыкла къ означенному способу разверстки, такъ и потому, что тогда налогъ взимался бы только съ лицъ состоятельныхъ и при томъ въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ имущественному ихъ положенію.

Опытъ текущаго года показалъ какую сумму квартирнаго налога могутъ дать города IV и V класса; слѣдовательно, при осуществленіи только-что упомянутаго мнѣнія, весь вопросъ заключался бы въ томъ, чтобы означенную сумму превратить въ окладъ.

Перейдемъ къ формальной сторонѣ дѣла.

Извѣстно, что тѣмъ проще и нехлопотливѣе эта сторона, тѣмъ она доступнѣе для обывателя, и тѣмъ болѣе сторонниковъ приобрета-

таетъ основная идея. Напротивъ, самая гуманная и желательная реформа не вызываетъ всеобщихъ симпатій, если формальная сторона слишкомъ ужъ сложна и трудно исполнима для обывателя.

Нельзя, повтому, не пожалѣть, что первый опытъ подоходнаго налога обставленъ именно такою сложною процедурою, пугающею нашего темнаго обывателя.

Даже при самомъ строгомъ отношеніи, нельзя не признать, что Положеніе и Инструкція о государственномъ квартирномъ налогѣ разработаны настолько тщательно и подробно, что въ ряду узаконеній послѣднихъ лѣтъ представляютъ выдающійся примѣръ полноты и ясности; но было бы несправедливостью умолчать о томъ, что исполненіе изложенныхъ въ нихъ для плательщиковъ правилъ болѣе доступно для большихъ городовъ, въ коихъ преобладаетъ просвѣщенное и грамотное населеніе; въ мелкихъ же захолустьяхъ большинство неграмотно, и, какъ утверждаетъ старая пословица: „законы писаны не для него“.

Фактъ на-лицо: изъ числа обывателей нашего города, подавшихъ въ квартирное присутствіе форменныя заявленія (ст. 24 Пол.), оказалось 38,5% совсѣмъ неграмотныхъ и 22% едва умѣющихъ подписать фамилію, да и то съ крупными погрѣшностями.

А сколько городовъ, подобныхъ нашему, насчитается въ имперіи?

Понятно, разумѣется, что взиманіе налога обставлено такими сложными формальностями съ самыми благими намѣреніями — оградить интересы плательщика; но благая цѣль эта достигается лишь въ отношеніи людей не только грамотныхъ, но еще и умѣющихъ составлять дѣловые бумаги. Что касается людей неумѣлыхъ и неграмотныхъ, то помянутая цѣль получаетъ обратное дѣйствіе и обращается противъ нихъ же: неграмотный обыватель, для составленія заявленія, долженъ обратиться къ „писателю“ прошеній, и какъ неумѣлое составленіе навлекаетъ взысканіе (ст. 25 Полож.), то къ писателю не просто, а болѣе дорогому.

При такомъ условіи можетъ случиться, что обыватель переплатитъ писателю больше оклада налога. Добавимъ, что подача заявленій должна повторяться ежегодно.

Нелишне замѣтить, что обыватель нашъ не любитъ, если его отрываютъ отъ дѣла, которымъ онъ кормится; а если при этомъ требуется писаніе бумагъ и хожденіе къ адвокатамъ и въ разныя присутствія, то онъ недоволенъ еще болѣе. Простой обыватель привыкъ платить только по требованію. Крестьянинъ не платитъ податей, пока не придетъ за ними сборщикъ; горожанинъ тоже ждетъ посла, и это не упорство, а недосугъ, нежеланіе отрываться отъ дѣла.

Еще примѣръ болѣе вѣскій. Дополнительный раскладочный сборъ

съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій требуетъ тоже подачи предварительныхъ заявленій о годовомъ оборотѣ предпріятія. Кажется, дѣло болѣе капитальное и касающееся людей коммерческихъ, въ большинствѣ случаевъ расчетливыхъ, подвижныхъ и грамотныхъ; однако девятилѣтнее существованіе налога показываетъ, что заявленій не подается, несмотря на ежегодное напоминаніе о томъ чрезъ публикаціи. Говоримъ, разумѣется, объ извѣстныхъ намъ уѣздахъ. На вопросы по этому предмету приходилось слышать всегда одинаковый отвѣтъ: „Некогда: надо дѣло бросить, лавку запереть, а чрезъ это я потеряю много больше“.

Если такъ въ крупномъ налогѣ, то въ квартирномъ—по нашему городу внятеро меньшемъ раскладочнаго—очень бы можно обойтись безъ подачи заявленій, разъ потому, что въ небольшихъ городахъ наперечетъ извѣстны и дома, подлежащіе налогу, и владѣльцы ихъ, и квартиранты, а при такомъ условіи для правильнаго руководства квартирнаго присутствія достаточно „Списка домовладѣній“ (ст. 17 Инстр.); стоитъ лишь приспособить его добавкой нѣкоторыхъ свѣдѣній и обязать городскую управу вести аккуратно регистрацію всѣмъ переимѣнамъ; во-вторыхъ, потому, что въ заявленіи означается только „приблизительная“ цѣна занятаго домовладѣльцемъ помѣщенія (п. в. ст. 24 Пол.); „податную“ же оцѣнку устанавливаетъ квартирное присутствіе (ст. 30 Пол. и 31 Инстр.). Ясно, что заявленіе, въ отношеніи оцѣнки, не имѣетъ авторитетнаго значенія и въ мелкихъ городахъ представляетъ излишнюю формальность.

Между тѣмъ за неподачу заявленія установлено взысканіе до 50 р., а за помѣщеніе въ немъ невѣрныхъ свѣдѣній о числѣ квартиръ и условіяхъ найма—взысканіе до 300 р.

Кстати о взысканіяхъ. Невѣрное показаніе объ условіяхъ найма доказать у насъ очень трудно, потому что здѣсь, да несомнѣнно и въ другихъ мелкихъ городахъ, квартиры снимаются не по контрактамъ, а на словахъ: сладились въ условіяхъ—и живите съ Богомъ на доброе здоровье. При отсутствіи же письменнаго договора, взыскать наложенный штрафъ нельзя: оштрафованный добровольно его не уплатитъ, а судъ (ст. 26 Пол.) откажетъ, за непредставленіемъ письменныхъ доказательствъ.

Въ этомъ же отдѣлѣ нельзя также не обратить вниманія и на то, что взысканія во всѣхъ городахъ назначены неопредѣленно, безъ нормъ. Неопредѣленность эта не исключаетъ возможности такихъ случаевъ, что, смотря по взгляду, какой установить на дѣло квартирное присутствіе, въ одномъ городѣ будутъ штрафовать всѣхъ рублями, въ другомъ десятками и въ третьемъ сотнями.

Дальше. Объ исчисленномъ окладѣ налога посылается извѣщеніе

(ст. 30 Пол.), противъ котораго плательщикъ можетъ подать возраженіе (ст. 32). Смѣемъ думать, что и эту формальность можно бы упростить для неграмотнаго обывателя, предоставивъ ему право словеснаго возраженія; на записку же такихъ возраженій можно имѣть въ квартирномъ присутствіи особую книгу. Иначе обыватель вторично долженъ идти къ писателю прошеній. И точно, изъ поступившихъ по нашему городу возраженій 92% составлены писателями.

Затѣмъ. Извѣщенія (ст. 30) замѣняютъ собою окладные листы. Налогъ вносится въ кассу при извѣщеніи (ст. 49)).

Если извѣщеніе замѣняетъ окладной листъ, то практичнѣе было бы и назвать его окладнымъ листомъ. Обыватель понимаетъ значеніе окладного листа и бережетъ его; извѣщеніе же считаетъ повѣсткой и свертываетъ изъ него „цыгарки“. При уtratѣ извѣщенія, плательщикъ вноситъ налогъ при особомъ объявленіи (ст. 50 Инстр.). Значить, въ третій разъ надо обращаться къ посторонней помощи.

Вотъ сколько формальностей, несомнѣнно трудныхъ для неграмотнаго обывателя. Если предположить, что города V класса дали квартирнаго налога рублей по 1.000—болѣе или менѣе,—то, не говоря о другомъ, уже самая незначительность этой суммы допускаетъ возможность упрощенія процедуры.

Наконецъ, квартирный налогъ, по самому свойству его, требуетъ не только скорого, но, можно сказать, моментальнаго дѣйствія, а между тѣмъ дѣло растянuto на четыре мѣсяца. Въ теченіе трети года неизбѣжны значительныя перемѣны не только въ крупныхъ, но даже и въ небольшихъ городахъ. Перемѣны вызываютъ цѣлый рядъ новыхъ дѣйствій, а затѣмъ переписку о розыскѣ выбывшихъ плательщиковъ и, въ случаѣ нерозыска ихъ, о сложеніи недоимокъ. Дѣло о взысканіи 1, 2 рублей можетъ вызвать продолжительное и сложное производство. Съ упрощеніемъ же процессуальной стороны, дѣло по назначенію налога и взносу его можно кончить въ три недѣли. Если обязать городскую управу, чтобы она доставила квартирному присутствію къ 20-му января свѣденія о всѣхъ перемѣнахъ по домовладѣнію и квартирванію, то присутствіе 28-го января можетъ закончить разсылку не извѣщеній, а прямо окладныхъ листовъ. Возраженія подаются до 10-го февраля, а 17-го февраля присутствіе передаетъ списокъ въ кассу, и, слѣдовательно, налогъ можетъ быть уплаченъ до 1-го марта.

Уплата налога назначена Положеніемъ на 15-е апрѣля. Но въ эти числа—или конецъ великаго поста, значить—говѣнье, или пасха, т.-е. такой праздникъ, въ теченіе котораго съ особеннымъ усердіемъ посѣщается церковь; если же пасха ранняя, то—начало полевыхъ работъ: пашня и сѣвъ яровыхъ. Неудобность такого срока для уплаты

налога обнаружилась съ перваго же раза, такъ что для текущаго года срокъ пришлось перенести на 25-е апрѣля; но, во-первыхъ, переносъ этотъ могъ совершиться только законодательнымъ порядкомъ, а во-вторыхъ, 25-е апрѣля—самый разгаръ посѣва, обыватель же нашъ—посѣвщикъ.

Думаемъ, что взглядъ плательщиковъ на постановку перваго опыта подоходнаго налога не лишонъ нѣкотораго интереса; поэтому мы и рѣшились сообщить о немъ въ этой замѣткѣ.

П. С—н і й.

На Волгѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1894 г.

Болѣзни Государя Императора.—Пересмотръ положеній 19 февраля 1861 г.—Нынешнія губернскія совѣщанія, въ сравненіи съ прежними губернскими комитетами.—Составъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ.—Избраніе или назначеніе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія.—Новый уставъ лечебныхъ заведеній.—Земство и губернскіе сельско-хозяйственные комитеты.—Земскій начальникъ и предводитель дворянства pro domo sua.

Съ конца прошедшаго мѣсяца вся Россія прислушивается съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ къ крайне тревожнымъ вѣстямъ о состояніи здоровья Государя Императора. Всюду возсылаются молитвы о Его исцѣленіи. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, бюллетени позволяютъ еще надѣяться на счастливый исходъ тяжелой болѣзни... Вокругъ Царственнаго Больного собрались всѣ члены Его семьи, къ которымъ, 10-го октября, присоединилась Высочайшая Невѣста Государя Наслѣдника Цесаревича, принцесса Алиса Гессенская... Настроеніе русскаго народа находитъ сочувственный отголосокъ и за границей; самые вліятельные органы западно-европейской печати выражаютъ горячее участіе къ Государю, признавая Его великія заслуги въ дѣлѣ охраненія обще-европейскаго мира...

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, предпринять громадный и въ высшей степени важный трудъ —пересмотръ положеній 19 февраля 1861 г., насколько они касаются правъ и обязанностей крестьянскаго населенія и внутренняго распорядка сельской жизни. Поводомъ къ этому пересмотру послужило возбужденіе, на практикѣ, множества вопросовъ, не предусмотрѣнныхъ во время изданія положеній. Перечень такихъ вопросовъ, составленный въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, разосланъ по всѣмъ губерніямъ, для предварительнаго обсу-

женія въ особыхъ совѣщаніяхъ, образуемыхъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ лицъ, близко стоящихъ къ крестьянскому дѣлу. Выборъ участниковъ совѣщанія предоставленъ губернатору; обязательно только приглашеніе губернскаго предводителя дворянства. Кромѣ уѣздныхъ предводителей, непремѣнныхъ членовъ губ. присутствій, земскихъ начальниковъ или соответствующихъ имъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, къ участію въ совѣщаніи могутъ быть призываемы и другія лица, хотя бы и постороннихъ вѣдомствъ. Труды совѣщаній должны быть направлены къ согласованію дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ съ вновь выяснившимися мѣстными потребностями сельскаго быта. Къ вопросамъ, поименованнымъ въ перечнѣ, могутъ быть присоединяемы и другіе, по усмотрѣнію совѣщаній. Срокомъ для окончанія ихъ занятій назначено первое мая будущаго 1895 года. Съ виѣшней стороны, такимъ образомъ, отличительною чертою работы, начатой министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, является чисто-бюрократическій ея характеръ. Работниками являются преимущественно должностныя лица вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ; представители другихъ отраслей администраціи могутъ быть, но могутъ и не быть призваны къ участію въ совѣщаніи. О приглашеніи лицъ, ни къ какому вѣдомству не принадлежащихъ, т.-е. не состоящихъ на государственной службѣ, нѣтъ и рѣчи, такъ что оно, повидимому, вовсе не будетъ имѣть мѣста. Невольно напрашивается на мысль сравненіе вновь образуемыхъ совѣщаній съ губернскими комитетами, учрежденными, въ 1857 и 1858 г., для предварительной разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Бюрократическаго элемента въ составѣ этихъ комитетовъ не было вовсе; губернатору предоставлено было назначать двухъ членовъ комитета, но не изъ числа чиновниковъ, а изъ числа мѣстныхъ помѣщиковъ. Всѣ остальные члены комитета избирались дворянствомъ, и предсѣдательствовалъ въ немъ не губернаторъ, а губернский предводитель. Само собою разумѣется, что въ настоящее время такой составъ совѣщанія или комитета, призываемаго къ продолженію или дополненію крестьянской реформы, былъ бы совершенно немислимъ; но вѣдь мы подчеркиваемъ его не какъ образецъ для безусловнаго подражанія, а только какъ аргументъ противъ бюрократической постановки дѣла. Въ пятидесятыхъ годахъ у насъ была только одна организованная общественная сила — дворянство, совпадавшее, притомъ, съ помѣстнымъ сословіемъ, отъ котораго правительство ожидало содѣйствія къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Другая заинтересованная сторона — крѣпостное крестьянство — представляла собою безформенную массу, еще не пробужденную къ гражданской жизни. Не таково положеніе дѣлъ теперь,

когда освобожденные крестьяне имѣютъ позади себя дѣскольکو десятилѣтій самоуправленія и участія въ земской дѣятельности. Чѣмъ были, въ началѣ эпохи великихъ реформъ, губернскіе дворянскіе комитеты, тѣмъ могли бы явиться, въ настоящее время, общеземскія совѣщанія, въ которыхъ значительное мѣсто было бы обезпечено за элементомъ крестьянскимъ. Рядомъ съ ними, конечно, могла бы собираться матеріалы и готовить заключенія и мѣстная администрація; мы говоримъ только объ исключительномъ сосредоточеніи въ ея рукахъ дѣла по преимуществу бытового, глубоко проникающаго въ жизнь крестьянства, а слѣдовательно и всего русскаго народа. Нельзя же полагать, что содѣйствіе общества, признававшееся—и оказавшееся—существенно важнымъ тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, оказалось излишнимъ теперь, послѣ того какъ Россія нѣсколько выросла изъ бюрократическихъ рамокъ. Организациі перваго фазиса работъ должно было бы соотвѣтствовать и дальнѣйшее ихъ движеніе. Для пересмотра положеній 19 февраля недостаточно было бы образовать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ такую центральную комиссію, какая существуетъ при министерствѣ юстиціи для пересмотра судебныхъ уставовъ. Въ послѣдней работѣ преобладаетъ характеръ техническій; за исключеніемъ сравнительно немногихъ вопросовъ (напр. о мѣстной юстиціи, о судѣ присяжныхъ, о судебной гласности и т. п.), она можетъ быть успѣшно исполнена специалистами-теоретиками и практиками. Въ пересмотрѣ крестьянскихъ положеній сторона техническая, наоборотъ, почти вездѣ отступаетъ на второй планъ, и наибольшую важность пріобрѣтаетъ знаніе и пониманіе крестьянскаго быта, разсматриваемаго притомъ безъ предубѣжденій и предвзятыхъ мыслей. Между должностными лицами, вѣдающими крестьянское дѣло, далеко не всѣ обладаютъ даже простымъ знакомствомъ съ условіями данной мѣстности; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, сколько земскихъ начальниковъ назначено не изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ, или хотя и изъ ихъ числа, но безъ предварительной службы и даже безъ предварительнаго пребыванія на мѣстѣ. Трудно ожидать отъ нихъ, далѣе, безпристрастнаго отношенія къ вопросамъ, которые теперь становятся на очередь; призванные „упорядочить“ и „дисциплинировать“ крестьянское населеніе, они естественно расположены выдвигать на первый планъ именно эту точку зрѣнія, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Въ высшихъ административныхъ сферахъ знаніе крестьянскаго быта распространено, безъ сомнѣнія, еще меньше. Комиссія, въ которой были бы представлены только онѣ однѣ, могла бы, въ лучшемъ случаѣ, создать нѣчто стройное по формѣ, но едва ли—нѣчто отвѣчающее реальнымъ требованіямъ жизни.

Весьма важно было бы опредѣлить съ точностью исходную точку предстоящей работы, т.-е. отношеніе ея къ положеніямъ 1861 г. Въ нашей печати высказываются на этотъ счетъ весьма различныя мнѣнія. „Недѣля“, напримѣръ, находитъ, что хотя главное вниманіе составителей положенія и было обращено на повземельное устройство крестьянъ, но и общественное устройство, ими созданное, оказалось „принципиально выдержаннымъ и удовлетворяющимъ массѣ практическихъ запросовъ“; недостатки его состояли почти исключительно „въ недомолвкахъ“, и поправки не должны идти дальше „малаго ремонта“. Совершенно иначе смотрятъ на дѣло „Московскія Вѣдомости“. Если министръ юстиціи, въ рѣчи, произнесенной при открытіи комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, могъ извлечь изъ нихъ десять основныхъ положеній, составляющихъ какъ бы аксіомы судоустройства и судопроизводства, то изъ основъ административнаго крестьянскаго устройства, созданныхъ 19 февраля 1861 г., непоколебленнымъ и безспорнымъ остается, по мнѣнію московской газеты, лишь весьма немногое. Незыблемымъ, зато, представляется въ ея глазахъ принципъ попечительства надъ крестьянами, проведенный въ жизнь законами 12 іюля 1889 г.; задачей реформы должно быть согласованіе съ этимъ принципомъ всего законодательства о крестьянахъ. Итакъ, съ одной стороны дальнѣйшее развитіе началъ, положенныхъ въ основаніе положеній 19 февраля, съ другой—дальнѣйшее отступленіе отъ нихъ: вотъ полюсы, между которыми вращается наша общественная мысль. Посмотримъ, какому изъ двухъ противоположныхъ направленій предвѣщаетъ побѣду самый текстъ вопросовъ, переданныхъ на обсужденіе губернскихъ совѣщаній.

Первая категорія вопросовъ имѣетъ предметомъ сельское и волостное управленіе. Прежде всего рѣчь идетъ о сельскихъ сходахъ. Какъ опредѣляется на практикѣ составъ сельскихъ сходовъ и не замѣчается ли здѣсь какихъ-либо отступленій отъ закона (напр. допущеніе къ участію въ сходѣ женщинъ и безземельныхъ крестьянъ)? Пользуются ли общества, и если пользуются, то широко ли и въ какихъ случаяхъ, правомъ временнаго устраненія крестьянъ отъ участія въ сходѣ (напримѣръ, по отношенію къ неисправнымъ плательщикамъ податей и къ лицамъ порочнаго поведенія или наказаннымъ по суду)? Какъ обезпечить болѣе цѣлесообразное пользованіе этимъ правомъ, и не слѣдуетъ ли установить въ самомъ законѣ извѣстныя ограниченія участія въ сходѣ, напр. въ отношеніи возраста, податной исправности, безпорочности поведенія (отсутствія судимости), или еще какія-либо иныя? Нѣтъ ли затрудненій въ созваніи сходовъ въ значительныхъ селеніяхъ и тамъ, гдѣ многіе домохозяева отлучаются на заработки? Можно ли устранить эти затрудненія созывомъ схо-

довъ по частямъ селенія и обязательной передачей голосовъ отлучающихся домохозяевъ? Можно ли достигнуть упорядоченія сельскихъ сходовъ вышеупомянутыми мѣрами, или же слѣдуетъ замѣнить сходъ всѣхъ домохозяевъ сходомъ выборныхъ? Въ послѣднемъ случаѣ должно ли представительство черезъ выборныхъ соотвѣтствовать числу дворовъ или числу наличныхъ душъ? Какія условія избираемости слѣдуетъ установить для выборныхъ? Какія правила слѣдуетъ принять для опредѣленія сроковъ и времени созыва и порядка дѣйствій сходовъ? Какъ упорядочить *селенные* сходы и какъ распределить дѣла между ними и общинами (сельскими) сходами?...

Весною нынѣшняго года въ газетахъ появились свѣденія о проектѣ упорядоченія сельскихъ сходовъ, внесенномъ, будто бы, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта ¹⁾. Лишить права участія въ сходѣ предполагалось подвергнутыхъ по суду тѣлесному наказанію, осужденныхъ за воровство, уличенныхъ въ буйствѣ, постоянномъ пьянствѣ, оказавшихъ неуваженіе къ начальству, духовенству и другимъ уважаемымъ лицамъ, а также являющихся постоянно неаккуратными плательщиками государственныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ. Осуществленіе этой мѣры предполагалось поручить уѣзднымъ сѣздамъ, по представленіямъ земскихъ начальниковъ; отъ нихъ же должно было зависѣть и возстановленіе утраченнаго права, если поводомъ къ его уtratѣ послужили проступки не особенно тяжелые (пьянство, невзносъ податей и т. п.), и подвергшійся взысканію оказывается исправившимся. Сравненіе этихъ газетныхъ сообщеній съ вопросами, перечисленными нами выше, приводитъ къ убѣжденію, что законопроектъ министерства внутреннихъ дѣлъ—если только содержаніе его было вѣрно передано въ газетахъ—взять назадъ или оставленъ безъ движенія впредъ до общаго пересмотра положеній о крестьянахъ. Въ самомъ дѣлѣ, при внесеніи законопроекта очевидно признавалось *доказаннымъ*, что крестьянскія общества не пользуются достаточно широко и энергично правомъ временнаго устраненія членовъ схода и что эту функцію ихъ, какъ и многія другія, слѣдуетъ передать стоящей надъ ними власти. Между тѣмъ, въ настоящее время рѣшено собрать свѣденія о размѣрахъ пользованія упомянутымъ правомъ; другими словами, вопросъ о достаточности его или недостаточности найденъ еще не вполне выясненнымъ и оставленъ открытымъ. Даже на тотъ случай, еслибы онъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для схода, программа *допускаетъ* „болѣе цѣлесообразное“ регулированіе власти, принадлежащей сходу, безъ пере-

¹⁾ См. „Московскія Вѣдомости“, № 144.

дачи ей земскому начальнику или уѣздному съѣзду. Не къ усмотрѣнію этихъ органовъ управленія приурочивается и вопросъ объ ограниченіяхъ права участія въ сходѣ, помимо самого схода. Предусматривая ихъ возможность, программа имѣетъ въ виду установленіе ихъ *съ самого закона* и намѣчаетъ, притомъ, лишь такіе поводы къ нимъ, которые подлежатъ точному опредѣленію (возрастъ, судимость, податная неисправность). Отсюда слѣдуетъ заключить, что земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ съездамъ предполагается представить только *констатированіе* фактовъ, влекущихъ за собою, *ipso jure*, удаленіе того или другого лица изъ состава схода, а не *созданіе* основаній къ такому удаленію, допускавшееся первоначальнымъ проектомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Неуваженіе къ начальству, къ духовенству, къ другимъ уважаемымъ (?) лицамъ“ не составляетъ проступка, наказуемаго по суду (если оно не соединяетъ въ себѣ признаковъ *оскорбленія* или явнаго *неповиновенія* власти); оно не можетъ, слѣдовательно, вести къ устраненію изъ схода, хотя бы устраняющая власть и перешла изъ рукъ схода въ руки высшихъ органовъ крестьянскаго управленія. Въ этомъ заключается безспорное преимущество программы передъ законопроектомъ, глубже врѣзывавшимся въ основную ачейку крестьянскаго самоуправленія. Нельзя не замѣтить, однако, что при теперешнемъ положеніи волостного суда, вполне зависимаго отъ земскаго начальника, достигнуть удаленія изъ схода лицъ, неугодныхъ начальству, будетъ, на практикѣ, весьма нетрудно; поводъ или предлогъ къ обвиненію въ проступкѣ, подсудномъ волостному суду, всегда найдется, а постановить оправдательный приговоръ, идущій въ разрѣзъ съ прямо выраженнымъ или хотя бы только подразумеваемымъ желаніемъ начальства, волостной судъ рѣшится только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Податная неисправность — явленіе настолько распространенное между крестьянами, что и она, сплошь и рядомъ, можетъ послужить удобнымъ средствомъ къ измѣненію состава сельскаго схода. Мы думаемъ, поэтому, что при настоящей организаціи крестьянскаго суда и управленія всего осторожнѣе было бы оставить въ силѣ дѣйствующій законъ о порядкѣ временнаго устраненія домохозяевъ изъ состава сельскаго схода или, въ крайнемъ случаѣ, дополнить его правиломъ объ обязательномъ устраненіи (по рѣшенію самого схода) тѣхъ только лицъ, которыя подверглись лишенію или ограниченію правъ по приговору *общаго* суда или противъ которыхъ, какъ противъ недоимщиковъ, принята обществомъ одна изъ мѣръ, предусмотрѣнныхъ пун. 2—6 ст. 188 общаго положенія о крестьянахъ.

Отступленіемъ отъ закона, допускаемымъ на практикѣ, программа считаетъ, повидимому, участіе въ сельскомъ сходѣ женщинъ, фак-

тически являющихся домохозяевами. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, здѣсь вовсе нѣтъ отступленія отъ закона. „По обычаю, и до 1861 г. вдова, завѣдывавшая хозяйствомъ, владѣвшая землею послѣ смерти мужа и исполнявшая всѣ повинности, участвовала на сходахъ; на это указываетъ и русская пословица: *вдова—мірской человекъ*. Еслибы редакціонныя комиссіи, многіе члены которыхъ не могли не знать о существованіи этого обычая, сочли нужнымъ лишить крестьянокъ права участвовать на сходахъ, то это было бы прямо выражено въ одной изъ статей составленнаго ими проекта Положенія. Право женщины, владѣющей надѣломъ на правахъ домохозяина, участвовать на сельскихъ сходахъ признано и правительствующимъ сенатомъ, въ рѣшеніи по дѣлу Тифоновой“. Лишить женщину этого права—значило бы не возстановить дѣйствіе закона, а измѣнить его весьма существенно, вопреки справедливости и требованіямъ жизни.

Что въ многочисленныхъ селеніяхъ созваніе сельскаго схода часто сопряжено съ большими затрудненіями (въ виду закона, по которому обязательно присутствіе на сходѣ по крайней мѣрѣ половины всѣхъ домохозяевъ) и что чрезмѣрная многочисленность схода существенно затрудняетъ правильное обсужденіе и рѣшеніе подвѣдомственныхъ ему дѣлъ—это давно уже не подлежитъ никакому сомнѣнію. Любопытныя данныя по этому предмету собраны, напримѣръ, сенаторскими ревизіями 1880—81 г. Въ новоузенскомъ уѣздѣ самарской губерніи, на берегу Волги, противъ Саратова, расположена громадная слобода Покровская, въ которой, во время ревизіи, числилось 1.513 домохозяевъ, имѣющихъ право участія на сходѣ (всѣхъ домохозяевъ было болѣе 2.000, но за 557 не признавалось право участія на сходѣ, такъ какъ ихъ дворы образовались путемъ раздѣла, произведеннаго безъ согласія общества). Понятно, что явка на сходъ половины домохозяевъ была здѣсь явленіемъ рѣдкимъ, и состоявшіеся приговоры схода часто отмѣнялись за недостаточностью его состава; самые важные вопросы подолгу оставались неразрѣшенными. Когда, наконецъ, собрались на сходъ, во время ревизіи, около 1.200 человекъ, то получилась слѣдующая картина. Мѣстомъ схода была улица, такъ какъ въ сборной избѣ, при всей ея обширности, могло помѣститься не болѣе 800 человекъ. Кромѣ членовъ схода, тутъ же толпился сторонній народъ. Вся эта толпа говорила и шумѣла такъ, что звонки сельскаго старосты, приказанія присутствовавшихъ на сходѣ исправника и непремѣннаго члена и усилія полицейскихъ служителей едва могли установить какой-либо порядокъ. Когда шумъ нѣсколько утихъ, староста предложилъ крестьянамъ разойтись на двѣ половины—желающихъ и нежелающихъ раздѣла выгона (по этому вопросу и былъ

созванъ сходѣ); но это ни къ чему не послужило. Въ толпѣ даже и примѣрно нельзя было рѣшить, на какой сторонѣ большинство. Исправникъ и непремѣнный членъ начали тогда вызывать крестьянъ по именамъ и отмѣчать ихъ мнѣнія. Въ теченіе четырехъ часовъ было опрошено около 350 человѣкъ, и послѣ того сходъ былъ закрытъ, за наступленіемъ ночи и общимъ утомленіемъ. Такимъ образомъ сходъ ничѣмъ не кончился, несмотря на всѣ принятые исправникомъ и непремѣннымъ членомъ мѣры и на совершенно исключительныя условія созыва схода. Въ виду подобныхъ фактовъ, сенаторъ, ревизовавшій губерніи самарскую и саратовскую (И. И. Шамшинъ), высказался за установленіе, въ многочисленныхъ селеніяхъ (при наличности, на примѣръ, свыше пятидесяти дворовъ), въ замѣстъ нынѣшняго сельскаго схода, схода выборныхъ, избираемыхъ всѣми домохозяевами на три года, съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждые десять дворовъ сверхъ пятидесяти приходилось по одному выборному. При ста домохозяевахъ, такимъ образомъ, членовъ схода было бы 60, при пятистахъ—100, при тысячѣ—150 и т. д. Намъ кажется, что только этимъ—или аналогичнымъ—путемъ и можно достигнуть правильнаго разрѣшенія вопроса. Установивъ нѣсколько сельскихъ сходовъ, пришлось бы все-таки соединять ихъ, для рѣшенія особенно важныхъ дѣлъ, въ одно цѣлое—и при этомъ опять возникли бы затрудненія и неудобства, указанные выше. Не устранила бы ихъ и обязательная передача голосовъ отлучающимися домохозяевами остающимся на мѣстѣ, потому что препятствіемъ къ правильной дѣятельности схода избытокъ членовъ служить еще чаще, чѣмъ недостатокъ. Какъ дополнительная мѣра, требованіе передачи голоса вполне цѣлесообразно, но обезпечить правильный составъ и правильный образъ дѣйствій сельскаго схода, въ селеніяхъ сколько-нибудь значительныхъ, она одна не можетъ. Въ моментъ уничтоженія крѣпостнаго права противъ схода выборныхъ существовало предубѣжденіе, ясно выразившееся въ слѣдующихъ словахъ кн. Черкаскаго (сказанныхъ въ одномъ изъ засѣданій редакціонныхъ комиссій): „сходки изъ однихъ выборныхъ бываютъ обыкновенно равнодушны къ нуждамъ и требованіямъ членовъ общества; при подобномъ устройствѣ сходовъ у государственныхъ крестьянъ на міру безъ бочки вина ничего не дѣлается“. Весьма вѣроятно, что кн. Черкасскій, въ свое время, былъ совершенно правъ; но это еще не значитъ, чтобы его мнѣніе до сихъ сохранило свою силу. У государственныхъ крестьянъ до-реформенной эпохи самоуправленіе существовало только по имени. На самомъ дѣлѣ все зависѣло отъ окружныхъ начальниковъ—и сходъ, сознававшій свое безсиліе, не могъ не быть равнодушенъ къ общему дѣлу. Съ другой стороны, опытъ послѣдующаго тридцатилѣтія по-

казалъ съ достаточною ясностью, что противъ вліянія „бочки вина“ не служить гарантіей и поголовное участіе домохозяевъ въ сельскомъ сходѣ... Домохозяева, составляющіе сходъ, ни передъ кѣмъ не несутъ нравственной отвѣтственности; у нихъ сравнительно легко можетъ явиться убѣжденіе, что своя рука владыка и что, распоразаясь *своимъ*, позволительно принимать въ соображеніе, между прочимъ, и „бочку вина“. Выборные, наоборотъ, отвѣтственны передъ обществомъ—и эта отвѣтственность тѣмъ реальнѣе, чѣмъ ближе избираемые соприкасаются съ избирателями, чѣмъ больше первые, въ своей повседневной жизни, сливаются въ одно цѣлое съ послѣдними. Въ деревнѣ такое сліяніе достигаетъ своего апогея. Выборный будетъ знать, что, покрививъ душой на сходѣ, онъ тотчасъ же очутится и останется лицомъ къ лицу съ людьми, довѣріе которыхъ онъ обманулъ, интересы которыхъ нарушилъ—и это сознаніе, въ большинствѣ случаевъ, будетъ удерживать его отъ слишкомъ рѣзкихъ уклоненій съ прямой дороги. Достигнуть своей цѣли учрежденіе схода выборныхъ можетъ, однако, только при полной свободѣ выборовъ и полной самостоятельности выборныхъ. Условія, которымъ долженъ удовлетворять выборный, необходимо установить въ самомъ законѣ, съ такою опредѣленностью и точностью, при которой не оставалось бы мѣста для произвола со стороны начальства—произвола еще болѣе опаснаго при существованіи схода выборныхъ, чѣмъ при нынѣшнемъ составѣ сельскаго схода. Единственными препятствіями къ выбору слѣдовало бы считать—въ силу соображеній, приведенныхъ нами выше—лишеніе или ограниченіе правъ, по приговору общаго суда, и податную неисправность, повлекшую за собою примѣненіе ст. 188 полож. о крестьянахъ. Возрастъ, дающій право на избраніе, не слѣдовало бы поднимать выше двадцати пяти лѣтъ, какъ общей у насъ, въ настоящее время, нормы избирательнаго права. Если избиратели довѣряютъ только старикамъ и людямъ зрѣлаго возраста, то только за нихъ и будетъ высказываться большинство; искусственно обезпечивать за ними перевѣсъ надъ молодежью нѣтъ никакихъ основаній. Если на сторонѣ стариковъ—преимущество опытности, то на сторонѣ молодыхъ людей—преимущество предпримчивости, подвижности, готовности нарушить прадѣдовскую рутину. Нормальнымъ составъ выборныхъ будетъ именно тогда, когда между ними найдутъ мѣсто представители различныхъ возрастовъ и соотвѣтствующихъ имъ различныхъ настроеній. Что касается до самостоятельности выборныхъ, то она можетъ быть обезпечена только освобожденіемъ ихъ отъ всякой *дисциплинарной* отвѣтственности за все сказанное и сдѣланное ими на сходѣ, изыятіемъ ихъ отъ тѣлеснаго наказанія (еслибы оно, къ несчастію, пережило новую реформу) и предоставленіемъ проступ-

зовъ, совершенныхъ ими въ качествѣ выборныхъ, вѣденію *общаго* суда.

Сельскій сходъ, какъ учрежденіе не только административное, но и хозяйственное, такъ близко сроднился съ крестьянской жизнью, такъ важенъ для ея обихода, что едва-ли необходима подробная регламентація сроковъ и времени его созыва. Совершенно достаточно установить, къ какому мѣсяцу долженъ быть готовъ приговоръ схода о раскладеѣ, на слѣдующій годъ, сельскихъ мирскихъ сборовъ, для того, чтобы не могло замедлиться ихъ взысканіе (напримѣръ—въ случаѣ обжалованія приговора). Нежелательно, точно также, и подробное опредѣленіе порядка дѣйствій схода, отъ котораго, въ виду особенностей его состава, нельзя требовать и ожидать строгаго соблюденія заранѣе предписанныхъ правилъ. Форма для приговоровъ схода едва-ли необходима; вполне достаточно письменнаго изложенія наиболѣе важныхъ его рѣшеній, понимая подъ рѣшеніемъ только окончательную, диспозитивную его часть, а отнюдь не его мотивы.

Сельское общество, какъ административная единица, часто обнимаетъ собою нѣсколько хозяйственныхъ единицъ, т.-е. нѣсколько группъ крестьянъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ особый актъ земельного устройства и владѣетъ своимъ надѣломъ отдѣльно и независимо отъ остальныхъ. Въ основаніи этого явленія лежитъ бывшая разнородность селеній, т.-е. принадлежность ихъ во времена крѣпостного права нѣсколькимъ владѣльцамъ. Мы знаемъ, напримѣръ, небольшую деревню (дворовъ въ 40), въ которой, рядомъ съ бывшими государственными крестьянами, живутъ крестьяне, принадлежавшіе четыремъ различнымъ помѣщикамъ. Понятно, что вопросовъ, возникающихъ изъ общиннаго землевладѣнія, сельскій сходъ, въ такихъ селеніяхъ, разрѣшать не можетъ—а между тѣмъ никакого другого органа для рѣшенія ихъ закономъ не установлено. На практикѣ крестьяне каждой группы образуютъ, обыкновенно, особый сходъ: но этимъ далеко не устраняются затрудненія, обусловливаемые молчаніемъ закона. Бываютъ и такіе случаи, когда каждая отдѣльная хозяйственная группа (если она достаточно многочисленна) составляетъ особое сельское общество, такъ что въ одномъ и томъ же селеніи существуетъ нѣсколько сельскихъ сходовъ; это также сопряжено съ вольно чувствительными неудобствами. Допуская, въ первомъ случаѣ, устройство для каждой группы *селеннаго* схода, въ послѣднемъ случаѣ—соединеніе сельскихъ обществъ въ одно, но съ сохраненіемъ за каждою частью селенія самостоятельнаго заведыванія нѣкоторыми (преимущественно хозяйственными) дѣлами, программа приходитъ, съ двухъ различныхъ сторонъ, къ одному и тому же, въ сущности, вопросу: какъ организовать совмѣстную дѣятельность двухъ сходовъ.

сельскаго (общаго) и селеннаго (частнаго), какъ распредѣлить между ними дѣла, подѣдомственные теперь, по закону, сельскому сходу? Намъ кажется, что руководящей нитью при этомъ должно служить именно хозяйственное значеніе и назначеніе *селеннаго* схода. Все, что касается не землевладѣнія, не частныхъ имущественныхъ правъ общины или отдѣльнаго ея члена, должно оставаться въ рукахъ *сельскаго* схода. Такъ напримѣръ, отъ него должно зависѣть разрѣшеніе на открытіе питейнаго заведенія, назначеніе опеки, разрѣшеніе приписки къ обществу (безъ права на участіе въ надѣлѣ), принятіе мѣръ къ предупрежденію и взысканію недомомокъ (кромя отобранія надѣла, такъ какъ нельзя *заставить* общину взять на себя непосредственное распоряженіе землею, отбираемою у недомомщика), и т. п. Изъ мірскихъ сборовъ вѣденію сельскаго схода должны подлежать всѣ обязательные по закону (Общ. Полож., ст. 179), а также всѣ тѣ, которые по самому своему предмету касаются одинаково всѣхъ *общинъ*, входящихъ въ составъ *общества* (напр., сборъ на устройство и содержаніе школы, предназначенной для всего селенія). Отъ селеннаго схода должно зависѣть установленіе и распредѣленіе мірскихъ сборовъ, вызываемыхъ *хозяйственными* потребностями общины.

Волостного устройства касается только одинъ изъ вопросовъ, намиѣченныхъ въ программѣ: нужно ли измѣнить составъ волостного схода, въ особенности если будутъ учреждены сходы выборныхъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что дѣйствующая волостная организація признается, въ общихъ чертахъ, удовлетворительною и не требующею капитальной передѣлки. Мы видимъ въ ней, наоборотъ, самую слабую сторону мѣстнаго административнаго строя. Подробно мотивировать эту мысль мы считаемъ излишнимъ, въ виду всего сказаннаго нами въ прежнихъ обзорѣніяхъ о всесословной волости ¹⁾. Волостные старшины и волостныя правленія давно уже обратились, *de facto*, въ органы общаго, а не специально-крестьянскаго управленія; волостной сходъ не играетъ почти никакой роли въ хозяйственной жизни крестьянства, ограничиваясь выборомъ должностныхъ лицъ и раскладкой волостныхъ мірскихъ сборовъ, значительно большая часть которыхъ опять-таки идетъ не на специально-крестьянскія надобности. При такомъ положеніи дѣла частныя измѣненія въ составѣ волостного схода не могутъ имѣть никакого значенія; существенной переимѣной къ лучшему была бы только замѣна крестьянской волости другою территоріальною единицею, общесословною и самоуправляющеюся.

¹⁾ См., между прочимъ, Внутр. Обзорѣнія въ № 7 и 11 „В. Европы“ за 1881 г., № 11 за 1883 г., № 11 за 1884 г.

Третья категорія вопросовъ относится къ должностнымъ лицамъ сальскаго и волостного управленія. Достаточенъ ли ихъ составъ, особенно въ многочисленныхъ сельскихъ обществахъ? Не слѣдуетъ ли установить должность сальскаго старшины, которому были бы подчинены сальскіе старосты? Можно ли сдѣлать обязательною должность сальскаго писаря? Если должностныя лица крестьянскаго управленія должны, по прежнему, быть избираемы, то не слѣдуетъ ли ввести утвержденіе ихъ, и кѣмъ именно? Возможно ли замѣнить избраніе всѣхъ или нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія назначеніемъ ихъ правительственною властью, и какою именно? Желательно ли расширеніе административно-карательной власти сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ?.. Изъ этихъ вопросовъ видно, прежде всего, что замѣна выбора назначеніемъ еще не рѣшена въ принципѣ, какъ это заставляли думать нѣкоторыя газетныя сообщенія. Стоя на сторонѣ выборнаго начала, мы должны признаться, однако, что не придаемъ сохраненію его въ сельскихъ обществахъ и волостяхъ, при *настоящихъ условіяхъ*, особенно важнаго значенія. Фактически здѣсь не существуетъ теперь ни свободы выбора, ни самостоятельности выборныхъ должностныхъ лицъ. Земскій начальникъ почти всегда можетъ настоять на избраніи лицъ, ему угодныхъ — и всегда можетъ удалить избранныхъ, если они ему негодны. Законъ 12-го іюля 1889 г. предоставляетъ ему не только дискреціонную административно-карательную власть надъ всѣми должностными лицами волостного и сальскаго управленія (не исключая и волостныхъ судей), но и право временнаго устраненія ихъ отъ должности — а отиѣна этого распоряженія высшею властью (т.-е. возстановленіе служебныхъ правъ должностнаго лица, устраненнаго земскимъ начальникомъ) возможна, безъ сомнѣнія, только въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Между тѣмъ фисціи всегда слѣдуетъ предпочесть открытое признаніе истины: если сальскіе старосты, волостные старшины, волостные судьи являются, *de facto*, ставленниками и подручными земскаго начальника, то пускай они признаются таковыми и *de jure*. Теперь всякое упущеніе или злоупотребленіе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія можетъ быть поставлено въ вину ихъ избирателямъ, хотя бы избраніе и было сведено, на самомъ дѣлѣ, къ простой формальности. При назначеніи должностныхъ лицъ это перестанетъ быть возможнымъ; для объясненія неправильныхъ дѣйствій, совершенныхъ должностнымъ лицомъ, придется обращаться къ настоящимъ, а не къ мнимымъ ихъ причинамъ. Другое дѣло, еслибы въ основаніе будущаго крестьянскаго управленія предполагалось положить не усмотрѣніе, а законъ: тогда, конечно, слѣдовало бы сохранить выборное начало, въ особенности при

правильномъ устройствѣ избирательнаго собранія (т.-е. при замѣнѣ) сельскаго схода, въ многочисленныхъ селеніяхъ, сходомъ выборныхъ. Все сказанное нами о *назначеніи* примѣнимо и къ *утвержденію*: неумѣстное тамъ, гдѣ условія избираемости опредѣляются исключительно закономъ и свобода выборовъ существуетъ не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, оно становится безразличнымъ, когда избиратели дѣйствуютъ подъ вліяніемъ „непреодолимой превосходящей силы“... Недостаточнымъ личный составъ крестьянскаго управленія можетъ быть признанъ только въ селеніяхъ многочисленныхъ; помощниками сельскаго старосты, подъ тѣмъ или другимъ наименованіемъ, могли бы быть здѣсь предсѣдатели селенныхъ сходовъ. Въ тѣхъ же селеніяхъ можно было бы признать обязательною должность сельскаго писаря, въ особенности при неграмотности сельскаго старосты. Что касается до административно-карательной власти волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ (простирающейся, по дѣйствующему закону, до назначенія въ общественныя работы на два дня, ареста на тотъ же срокъ и денежнаго штрафа не свыше рубля), то дальнѣйшее расширеніе ея нежелательно уже потому, что оно приблизило бы ее къ административно-карательной власти земскаго начальника (три дня ареста, шесть рублей штрафа)—а это неизбежно привело бы къ увеличенію послѣдней, т.-е. къ обостренію всѣхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ нею въ настоящее время ¹⁾.

Къ остальнымъ частямъ программы мы постараемся возвратиться въ слѣдующемъ обзорѣ.

Въ исторіи нашихъ земскихъ учрежденій наступаетъ, повидимому, новый фазисъ, быть можетъ, еще менѣе для нихъ благоприятный, чѣмъ только-что закончившійся. Земское положеніе 1890 г. существенно измѣнило составъ земскихъ собраній, ограничило ихъ самостоятельность, приблизило земскія управы къ общему типу присутственныхъ мѣстъ, но оставило неприкосновеннымъ—по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ—*кругъ дѣйствій* земства. Позволительно было думать, что земство сохранило возможность идти по прежней дорогѣ, больше встрѣчая препятствій и затрудненій, но не разставаясь ни съ одной изъ задачъ, которыя были указаны ему въ 1864 г. и утверждены за нимъ четверть вѣка спустя. Въ послѣднее время, однако, отчасти состоялся, отчасти проектированъ цѣлый рядъ мѣръ, значительно суживающихъ *компетенцію* земства. Проектъ продовольственнаго устава передаетъ продовольственное дѣло въ руки губернскихъ и уѣздныхъ присутствій такого же смѣшаннаго состава, какъ большинство учреждений

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣвіе въ № 6 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

этого рода, столь рѣдко оправдывающихъ возлагаемыя на нихъ надежды. Предсѣдателемъ уѣзднаго присутствія является, конечно, уѣздный предводитель дворянства, безъ того заваленный массою дѣлъ и только въ исключительныхъ случаяхъ желающій и могущій справиться, какъ слѣдуетъ, хотя бы съ какою-нибудь одною изъ частей. Земскіе члены присутствія (предсѣдатель и члены уѣздной управы, два члена по выбору уѣзднаго собранія—всего пять или шесть лицъ) почти всегда будутъ составлять въ немъ меньшинство, такъ какъ чиновниковъ, входящихъ въ его составъ (исправникъ, податной инспекторъ и всѣ земскіе начальники), будетъ во всякомъ случаѣ не менѣе шести, а иногда и гораздо больше, до пятнадцати. Въ губернскомъ присутствіи не полагается даже членовъ по выбору земскаго собранія, представленнаго въ немъ только предсѣдателемъ и членами губернской земской управы, т.-е. четырьмя или пятью лицами; большинство голосовъ и здѣсь всегда будетъ на сторонѣ администраціи (губернаторъ, вице-губернаторъ, губ. предводитель дворянства, управляющіе казенной палатой и государственными имуществами, два непрѣмныхъ члена губернскаго присутствія). Отмѣняется, такимъ образомъ, и юридически, и фактически пун. III ст. 2 положенія 1890 г., по которому къ предметамъ вѣдомства земскихъ учреждений отнесено завѣдываніе дѣлами по обезпеченію народнаго продовольствія, попеченіе объ устраненіи недостатка продовольственныхъ средствъ и оказаніе пособій нуждающемуся населенію. Почти такая же перемѣна произведена и въ пун. VII той же статьи, предоставляющемъ земству завѣдываніе земскими лечебными заведеніями. Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, утвержденный 10-го іюня 1893 г. и вступающій въ силу въ будущемъ 1895 г., провозглашаетъ земскія и городскія лечебныя заведенія *государственными* и подчиняетъ ихъ вѣденію губернской администраціи, подъ высшимъ надзоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Смотра по числу кроватей, лечебныя заведенія раздѣляются на шесть разрядовъ, при чемъ лечебныя заведенія первыхъ четырехъ разрядовъ именуются больницами, заведенія, въ которыхъ отъ 6 до 15 кроватей—лечебницами, заведенія, въ которыхъ не болѣе 5 кроватей—пріемными покоями. Управление больницами первыхъ трехъ разрядовъ (болѣе 300 кроватей—отъ 101 до 300—отъ 61 до 100), какъ въ медицинскомъ, такъ и въ хозяйственно-административномъ отношеніи, ввѣряется правленію, состоящему, подъ предсѣдательствомъ главнаго врача, изъ двухъ врачей, смотрителя и *одного* члена по выбору земскаго собранія (или городской думы). Въ больницахъ четвертаго разряда правленіе можетъ быть учреждено, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, только при наличности болѣе чѣмъ двухъ врачей;

во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онѣ ввѣряются управленію врача. *Ближайшее заведѣваніе* больницами предоставляется, по принадлежности, земской или городской управѣ. Больничные врачи приглашаются земской или городской управой, но опредѣляются и увольняются, по представленіямъ управы, губернаторомъ, градоначальникомъ или, въ извѣстныхъ случаяхъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ больницахъ первыхъ двухъ разрядовъ смотритель состоитъ на государственной службѣ (и, слѣдовательно, опредѣляется и увольняется въ такомъ же порядкѣ, какъ и врачи); въ остальныхъ эта должность считается вольнонаемной и замѣщается по приглашенію управы (равно какъ и должность дѣлопроизводителя, обязательная въ больницахъ, гдѣ существуетъ правленіе, факультативная — въ остальныхъ).

Спрашивается, прежде всего, что понимать подъ *управленіемъ* больницей, ввѣряемымъ правленію или врачу, и *ближайшимъ заведѣваніемъ* ею, оставляемымъ за земскою или городскою управой? Разрѣшеніе этого вопроса тѣмъ труднѣе, что *управлять* больницей правленіе или врачъ должны не только въ медицинскомъ, но и въ хозяйственно-административномъ отношеніи. Такое управленіе обнимаетъ собою и заведѣваніе; никакой опредѣленной границы между тѣмъ и другимъ провести нельзя, развѣ если признать, что *ближайшее заведѣваніе* означаетъ исполненіе мѣръ, предписываемыхъ *управленіемъ*. Такое толкованіе было бы, однако, явно-несовѣстно съ значеніемъ управы, какъ представительницы мѣстнаго населенія, дающаго средства на содержаніе больницы. Почему, далѣе, земство (и городъ) совершенно устранено отъ *управленія* больницами четвертаго разряда? Въ правленіи больницъ первыхъ трехъ разрядовъ оно имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одного представителя; больницы четвертаго разряда, если въ нихъ не учреждено правленія (а учрежденіе его возможно здѣсь только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, потому что при числѣ кроватей, не превышающемъ шестидесяти, вполне достаточно двухъ врачей), *управляются* врачами безъ всякаго участія представителей земства (или города). Одно изъ двухъ: или между *завѣдывающими* и *управляющими* будутъ происходить постоянныя пререканія и столкновенія, или нервы совершенно ступаютъ передъ послѣдними, и больница сдѣлается учрежденіемъ казеннымъ, въ улучшеніи и развитіи котораго органы самоуправленія не будутъ имѣть прежняго живого интереса. Содѣйствіе общественныхъ установленій, въ которомъ сама высшая администрація усматриваетъ весьма важное условіе успѣха, въ больничномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, прямо пропорціонально предоставленному имъ простору, обезпеченному за ними вліянію. Уменьшеніе самостоятельности

неизбѣжно влечетъ за собою пониженіе энергіи. Не управляя болѣе лечебными заведеніями, сплошь и рядомъ даже не участвуя въ ихъ управленіи (больницъ четвертаго разряда, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ больницъ первыхъ трехъ разрядовъ), земства и города перестанутъ чувствовать себя за нихъ отвѣтственными, — а между тѣмъ именно это чувство играло большую роль въ улучшеніи и распространеніи больницъ, достигнутомъ, за послѣднюю четверть вѣка, усиліями городского и земскаго самоуправленія.

Привѣтствуя „подчиненіе земской медицины правительству“, „Московскія Вѣдомости“ (№ 279) утверждаютъ, что „самымъ большимъ мѣстомъ земской медицинской организаціи было почти полное отсутствіе прочной и выработанной опытомъ регламентаціи медицинской службы и отношеній между земскими собраніями и управами съ одной стороны и служебнымъ медицинскимъ персоналомъ — съ другой“. Урегулировать положеніе земскаго медицинскаго персонала „возможно было лишь однимъ путемъ: во-первыхъ, распространеніемъ на него порядка опредѣленія къ должностямъ и правъ государственной службы, и во-вторыхъ, обезпеченіемъ ему надлежащей самостоятельности, а слѣдовательно, и отвѣтственности въ сферѣ его компетенціи. Всякое иное разрѣшеніе вопроса, не измѣняя существующаго порядка полной зависимости врачей отъ однихъ земскихъ учреждений, оставляло бы неисправленными всѣ прежніе недостатки организаціи“. Этими соображеніями московская газета оправдываетъ новый порядокъ опредѣленія и увольненія больничныхъ врачей, введенный новымъ уставомъ, такъ и роль, предоставленную имъ врачамъ въ управленіи больницами. Совершенно невѣрно, прежде всего, характеризуемо здѣсь положеніе дѣлъ, существовавшее до изданія устава. Правда, отсутствіе регламентаціи приводило иногда къ неустойчивости врачебнаго персонала, къ выѣздѣ земскихъ управъ въ сферу специально-врачебной дѣятельности; но такіе случаи встрѣчались все рѣже и рѣже, и между земствомъ и земскими врачами устанавливался, мало-по-малу, *modus vivendi*, какъ нельзя болѣе благоприятный для правильнаго хода дѣла. Сошлемся, въ подтвержденіе нашихъ словъ, на свидѣтеля вполнѣ компетентнаго и достойнаго — профессора (казанскаго университета, по кафедрѣ гігіены) Капустина, который самъ былъ земскимъ врачомъ и написалъ нѣсколько замѣчательныхъ работъ по земской медицинѣ. Констатировавъ существованіе, въ первое время, многочисленныхъ недоразумѣній и взаимныхъ неудовольствій, а также быстрой смѣны врачей, г. Капустинъ продолжаетъ: „высокія задачи земской медицины говорили, однако, сами за себя и привлекали на земскую службу талантливыхъ и свѣдущихъ молодыхъ лю-

дей, вносявшихъ въ новое дѣло большую энергію и очевидную для всѣхъ преданность высшимъ цѣлямъ. Ихъ усилія и труды не могли остаться незамѣченными лучшими представителями земства, горячо относившимися къ новому фактору обновленной русской жизни. На этой идеалистической почвѣ люди сходились легче и вѣрнѣе, чѣмъ на почвѣ сухого договора, и мало-по-малу выработывали формы отношеній, наиболѣе удобныя для обѣихъ сторонъ и наиболѣе полезныя для дѣла“. Подъ этими формами, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія статьи, г. Капустинъ разумѣетъ устройство, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, земскихъ врачебныхъ совѣтовъ, соединяющихъ въ своей средѣ земскихъ врачей, членовъ земскихъ управъ и представителей земскихъ собраній. Коллегіальность веденія дѣла „если не исключаетъ, то, по крайней мѣрѣ, значительно ограничиваетъ личныя пристрастія и счеы“. Увеличить зависимость земскихъ врачей отъ администраціи—значило бы, по мнѣнію г. Капустина, „въ корнѣ испазить весь смыслъ и духъ земской медицины, обративъ самостоятельно возникшее и развившееся живое дѣло въ мертвую формальность. Личныя качества земскаго врача играютъ слишкомъ большую роль въ успѣшномъ ходѣ дѣла, чтобы ихъ можно было подвести подъ простыя требованія диплома и формальной исполнтельности“¹⁾. Итакъ, средство къ разрѣшенію вопроса, не имѣющее ничего общаго съ ломкою установившихся отношеній, было указано самою жизнью: самостоятельность земскихъ врачей была ограждена, въ общемъ итогѣ, отнюдь не меньше, чѣмъ самостоятельность врачей, состоящихъ на государственной службѣ. Ничто не мѣшало узаконить порядокъ, создавшійся самъ собою—сдѣлать, на примѣръ, обязательнымъ избраніе врачебнаго совѣта и предоставить ему опредѣленіе и увольненіе врачей, а земскому собранію—окончательное разрѣшеніе возникающихъ по этому предмету жалобъ. При тѣхъ средствахъ надзора, которыми и прежде обладала администрація, она имѣла полную возможность настоять на введеніи въ земскихъ и городскихъ больницахъ всего предписываемаго новымъ уставомъ въ интересахъ населенія, напр. отдѣленія больныхъ женщинъ отъ больныхъ мужчинъ, страдающихъ заразительными болѣзнями—отъ всѣхъ другихъ, устройства (гдѣ это возможно) особыхъ палатъ хирургическихъ, психиатрическихъ и акушерскихъ, установленія правилъ для пріема и выписки больныхъ, регулированія способовъ дезинфекціи и т. п.

¹⁾ Статья г. Капустина, изъ которой сдѣланы эти цитаты, помѣщена въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона (т. XII, стр. 485—6), подъ словомъ: „земская Медицина“.

Теченіе, направленное къ ограниченію земской самостоятельности и инициативы, проникаетъ даже въ тѣ сферы, которыя расположены отдавать справедливость заслугамъ земскихъ учреждений. Извѣстная записка министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ по вопросу о мѣстныхъ органахъ сельско-хозяйственнаго управленія ожидаетъ отъ земскихъ учреждений „широкаго и разнообразнаго участія въ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ“ — и основывается это ожиданіе именно на томъ, что уже сдѣлано и предпринято земствомъ. Существующимъ, *de facto*, органамъ земства по сельско-хозяйственной части (земскіе экономическіе комитеты или совѣты, земскіе агрономы) имѣется въ виду дать формальную законодательную санкцію. Рядомъ съ этимъ, однако, въ тезисахъ записки встрѣчаются положенія, продиктованныя, повидимому, недоувѣріемъ къ земству. На обязанность проектируемаго губернскаго сельско-хозяйственнаго комитета предполагается возложить, между прочимъ, *наблюденіе* за дѣятельностью земскихъ учреждений по воспособленію мѣстному земледѣлію и сельско-хозяйственной промышленности, а также разсмотрѣніе земскихъ смѣтъ по ассигнованіямъ, касающимся предметовъ сельскаго хозяйства. Эти ассигнованія предполагается, сверхъ того, подчинить контролю вновь учреждаемаго губернскаго инспектора сельскаго хозяйства, который обязывается также доставлять губернатору заключенія по всѣмъ вопросамъ, касающимся сельскаго хозяйства. Необходимость замѣнить это формальное отношеніе къ земству активною поддержкой его начинаній уже указана и въ печати („Русскія Вѣдомости“, „Новое Время“), и въ мѣстныхъ губернскихъ комиссіяхъ, образованныхъ для разсмотрѣнія записки министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Орловская губернская комиссія, напримѣръ, предлагаетъ поручить губернскому инспектору предварительное разсмотрѣніе земскихъ смѣтъ исключительно „для доклада министру о такихъ земскихъ ассигнованіяхъ на предметъ воспособленія мѣстному сельскому хозяйству, которыя хотя по назначенію своему являются исключительно важными и полезными, но, по скудости земскихъ средствъ, явно недостаточными“. Изъ „наблюдателя“ надъ земствомъ губернской инспекторъ обратился бы, такимъ образомъ, въ его сотрудника, и разсмотрѣніе нѣтъ земскихъ смѣтъ получило бы совершенно другой характеръ.

Главная задача проектируемаго губернскаго сельско-хозяйственнаго комитета — выясненіе мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждъ и изысканіе способовъ и средствъ къ ихъ удовлетворенію, предполагаемый постоянный составъ комитета — губернаторъ (предсѣдатель), губернской предводитель дворянства, вице-губернаторъ, управляющіе казенною палатою и государственными имуществами, губернской

инспекторъ сельскаго хозяйства, предсѣдатель или одинъ изъ членовъ губернской земской управы, одинъ изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія, предсѣдатель мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества и четыре сельскихъ хозяина, избираемыхъ: два—губернскимъ земскимъ собраніемъ, два—дворянскимъ собраніемъ. Въ случаѣ надобности къ этому составу предполагается присоединять представителя удѣльнаго вѣдомства, управляющихъ мѣстными отдѣленіями банковъ дворянскаго и крестьянскаго, губернскаго врачебнаго инспектора, губернскаго ветеринара, предсѣдателей мѣстныхъ специальныхъ обществъ (садоводства, птицеводства и т. п.) и вообще всѣхъ лицъ, отъ которыхъ комитетъ можетъ ожидать полезнаго для себя содѣйствія. На поставленный въ запискѣ вопросъ,—можетъ ли губернский сельско-хозяйственный комитетъ, при такомъ составѣ, удовлетворительно исполнить свою задачу, слѣдуетъ, какъ намъ кажется, отвѣчать отрицательно. Представляясь не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ многочисленныхъ губернскихъ присутствій обычнаго смѣшаннаго типа, губернский сельско-хозяйственный комитетъ едва-ли будетъ въ силахъ организовать и двинуть впередъ столь живое дѣло, какъ изслѣдованіе и поднятіе мѣстнаго народнаго хозяйства. Начальники отдѣльных вѣдомствъ слишкомъ заняты своими специальными дѣлами, чтобы присоединить къ нимъ внимательное изученіе обширной области, болѣею частью мало имъ знакомой или совершенно чуждой. Губернское присутствіе, въ которомъ они составляютъ большинство, можетъ, въ лучшемъ случаѣ, постановлять опредѣленія правильныя съ формальной стороны, контролировать, виѣшнимъ образомъ, чью-либо дѣятельность; но вѣдь не съ этою цѣлью учреждается губернский сельско-хозяйственный комитетъ. Отъ него ожидается творчество или, по меньшей мѣрѣ, сознательная поддержка чужой инициативы; а для этого нужны условія, рѣдко оказывающіяся на-лицо въ средѣ высшей губернской администраціи. Хозяевамъ, затерянными между чиновниками, трудно будетъ внести въ занятія комитета практическую струю, трудно будетъ побѣдить инерцію, обусловливаемую недостаточнымъ интересомъ къ дѣлу. Можно, притомъ, быть хорошимъ хозяиномъ въ своемъ имѣніи и относиться совершенно равнодушно къ общимъ вопросамъ *народнаго* хозяйства. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ глазахъ дворянства—которому предоставляется выборъ двухъ „хозяевъ“—такое равнодушіе чаще будетъ служить рекомендаціей, чѣмъ препятствіемъ къ избранію: извѣстно, что заботливость дворянскихъ собраній не идетъ дальше интересовъ крупнаго и средняго землевладѣнія... Другое, не менѣе важное неудобство губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ—это соперничество, которое слишкомъ легко можетъ установиться между ними и земскими учрежденіями,

соперничество не въ смыслѣ конкуренціи, побуждающей каждую изъ конкурирующихъ сторонъ трудиться какъ можно больше и какъ можно плодотворнѣе, а въ смыслѣ охраны своего права и границъ своей компетенціи. Точно отмежевать область дѣйствій губернскаго сельско-хозяйственнаго комитета отъ области дѣйствій земства нѣтъ никакой возможности; задачи того и другого во многомъ сходны или даже тождественны, а слѣдовательно всегда возможны столкновенія, столь нежелательныя въ интересахъ дѣла. Всего цѣлесообразнѣе было бы, кажется, ограничиться учрежденіемъ должности губернскаго инспектора сельскаго хозяйства, который стоялъ бы по возможности близко къ губернской земской управѣ (и губернскому экономическому или сельско-хозяйственному совѣту, тамъ гдѣ онъ существуетъ) и дѣйствовалъ бы помимо земства лишь въ тѣхъ областяхъ или отрасляхъ мѣстнаго хозяйства, которыя, по недостатку средствъ или по какой бы то ни было другой причинѣ, не входять, въ данную минуту, въ сферу земской работы. Совѣщаніе инспектора и земскихъ дѣятелей съ представителями высшей губернской администраціи было бы полезно лишь по тѣмъ дѣламъ, которыя должны идти на усмотрѣніе центральной власти; оно являлось бы здѣсь средствомъ предупредить позднѣйшіе справки и запросы, замедляющіе рѣшеніе. Для обсужденія такихъ дѣлъ нѣтъ никакой надобности въ особомъ комитетѣ; представители заинтересованныхъ вѣдомствъ могли бы быть приглашаемы въ засѣданіе управы, предсѣдательствовать въ которомъ могъ бы, еслибы призналъ нужнымъ, начальникъ губерніи. Кромѣ губернскаго сельско-хозяйственнаго комитета, записка проектируетъ учрежденіе такихъ же уѣздныхъ комитетовъ не только тамъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, но и тамъ, гдѣ нѣтъ земскихъ уѣздныхъ экономическихъ или сельско-хозяйственныхъ органовъ. Составъ уѣзднаго сельско-хозяйственнаго комитета проектируется слѣдующій: предсѣдатель—уѣздный предводитель дворянства; члены—предсѣдатель или членъ уѣздной земской управы, представитель министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, предсѣдатель мѣстнаго сельско-хозяйственного общества и два хозяина, избираемыхъ одинъ—земскимъ, другой—дворянскимъ собраніемъ. Противъ учрежденія такихъ комитетовъ (въ земскихъ губерніяхъ) говорить все сказанное нами о комитетахъ губернскихъ. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ нѣтъ земскаго экономическаго органа, функціи его исполняетъ уѣздная земская управа—и мы не видимъ причины думать, что ихъ лучше бы исполнилъ уѣздный сельско-хозяйственный комитетъ. Гораздо важнѣе было бы дать губернскому инспектору сельскаго хозяйства нѣсколькихъ помощниковъ, которые стояли

бы въ такихъ же отношеніяхъ къ уѣзднымъ земскимъ управамъ, какъ самъ инспекторъ—къ губернской земской управѣ.

Статья г. Ромера о земскихъ начальникахъ, о которой мы говорили въ предыдущемъ обзорѣ, встрѣтила, какъ и слѣдовало ожидать, горячія возраженія. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 274) выступилъ противъ нея земскій начальникъ, въ „Новомъ Времени“ (№№ 6690 и 6691)—предводитель дворянства. Первый приписываетъ статью г. Ромера его болѣзненности, нервности и личному озлобленію противъ земскихъ начальниковъ (?). Этого достаточно, чтобы дать понятіе о его аргументаціи; мы приведемъ изъ нея только одинъ небольшой перлъ. Въ статьѣ г. Ромера упоминалось о циркулярѣ одного земскаго начальника, предписывавшемъ крестьянамъ, даже ѣдущимъ съ *нагруженнымъ возомъ*, при встрѣчѣ съ землевладельцемъ сворачивать въ сторону, вставать, снимать шапку и провожать глазами встрѣченную особу. Земскій начальникъ, пишущій въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, хотя и признаетъ этотъ циркуляръ „неудачнымъ“ и даже незаконнымъ (выражая предположеніе, что онъ „едва-ли прошелъ безнаказаннымъ“ для его автора), но, въ сущности, сочувствуетъ ему, такъ какъ „отъ него никто изъ крестьянъ не обѣдѣлъ, а многіе сдѣлались вѣжливыѣ“. Итакъ, хороша всякая мѣра, увеличивающая „вѣжливость“ крестьянина (хороша вѣжливость изъ-подъ палки!), лишь бы только онъ не становился отъ нея *бѣднѣе*? Но вѣдь *бѣднѣе* крестьянинъ не дѣлается и отъ побоевъ, а „вѣжливость“ и они могутъ увеличить, если нанесены именно за недостатокъ внѣшнихъ признаковъ почтительности. Не мѣшало бы помнить, что у крестьянина, кромѣ имущества, есть также чувство чести, не меньше перваго подлежащее охранѣ...

Болѣ сдержаннымъ и дѣловымъ тономъ написана статья предводителя дворянства. Онъ признаетъ, что многіе изъ числа земскихъ начальниковъ, „въ виду значительной ширины своей задачи, легкой возможности односторонняго увлеченія, отсутствія неослабнаго и близкаго надзора и руководства, дѣйствуютъ ощупью, въ раздробь, произвольно толкуя свои права и основываясь силою и рядомъ не на законъ или циркуляръ, а на авторитетъ и личномъ усмотрѣніи“. Онъ признаетъ также, что должность земскихъ начальниковъ часто приходилось замѣщать лицами, не имѣющими яснаго понятія, въ чемъ состоятъ ихъ главнѣйшія обязанности, и не знающими ни быта, ни нужды участка; не отрицаетъ онъ и того, что нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ, въ особенности изъ молодыхъ и желающихъ работать, „подпали всецѣло подъ вліяніе“ „Гражданина“ или

своихъ писарей. Изъ этихъ предпосылокъ слѣдовало бы, повидимому, вывести заключеніе о необходимости сѣзнить задачу земскихъ начальниковъ, поставить ихъ въ условія, противодѣйствующія „одностороннимъ увлеченіямъ“ и вліянію „Гражданина“, измѣнить порядокъ замѣщенія этой должности; но авторъ статьи не стѣсняется логикой, и всѣ его предложенія сводятся къ болѣе точному опредѣленію правъ и обязанностей земскаго начальника (т.-е. къ стремленію „обнять необъятное“), а также къ болѣе разборчивому выбору между кандидатами на эту должность и болѣе строгому надзору предводителей дворянства за земскими начальниками. Какъ достигнуть того и другого—этого авторъ статьи не объясняетъ, да это и не поддается объясненію. Нѣтъ основанія думать, что въ земскіе начальники назначались до сихъ поръ первыя попавшіяся лица; напротивъ того, заботливость о личномъ составѣ учрежденія всегда бываетъ особенно велика именно въ первомъ періодѣ его существованія. Если, тѣмъ не менѣе, настоящій составъ земскихъ начальниковъ мало, какъ говорятъ, удовлетворяетъ своему назначенію, то причину этому слѣдуетъ искать отнюдь не тамъ, гдѣ видитъ ее предводитель дворянства... О контролѣ уѣздныхъ предводителей, какъ о противовѣсѣ „увлеченіямъ“ земскихъ начальниковъ, нельзя говорить серьезно, какъ потому, что предводители очень часто раздѣляютъ эти увлеченія, такъ и потому, что, безъ того обремененные работой, они не имѣютъ ни силы, ни желанія присоединять къ ней кропотливый и щекотливый трудъ подробнаго знакомства съ дѣятельностью каждаго земскаго начальника.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1894 г.

Отставка графа Каприви и ея значеніе.—Новый германскій канцлеръ.—Бельгійская избирательная реформа и ея результаты.—Письмо въ редакцію изъ Вѣнграда о сербскихъ дѣлахъ.

Давно уже тянулась въ нѣмецкой печати ожесточенная полемика по поводу нѣкоторыхъ правительственныхъ „теченій“, указывавшихъ на отсутствіе единства среди ближайшихъ совѣтниковъ императора Вильгельма II. Газеты разныхъ партій говорили о существенныхъ разногласіяхъ между имперскимъ канцлеромъ, графомъ Каприви, и прусскимъ министромъ-президентомъ, графомъ Эйленбургомъ; либералы и прогрессисты стояли за перваго, консерваторы—за послѣдняго, и обѣ стороны обмѣнивались по этому случаю обычными рѣзкостями, къ которымъ публика уже привыкла. Газетные противники обвиняли другъ друга въ офиціозности и связывали высказываемыя мнѣнія съ закулисными вліяніями тѣхъ или другихъ министровъ. Главнымъ предметомъ спора былъ вопросъ о мѣрахъ борьбы противъ ссціально-демократической пропаганды; дѣло шло объ изданіи новыхъ законовъ, которые ограничивали бы свободу дѣйствій „разрушительныхъ“ партій, враждебныхъ государству и всему общественному строю. О необходимости такой борьбы не разъ заявлялъ Вильгельмъ II въ публичныхъ рѣчахъ—и еще недавно, при приѣмѣ депутаціи отъ сельскихъ хозяевъ восточной Пруссіи. Соціалъ-демократія все болѣе распространяла свое вліяніе на сельское населеніе, считавшееся оплотомъ порядка и законности, и эта перспектива постепеннаго роста новаго поземельнаго соціализма чрезвычайно пугала не только консервативныхъ аграріевъ, но и умѣренныхъ національ-либераловъ. Реакціонныя группы, органомъ которыхъ служитъ „Крестовая Газета“, возставали противъ ограничительныхъ проектовъ и дѣйствовали въ этомъ отношеніи за-одно съ прогрессистами и свободомыслящими: ихъ объединяло естественное опасеніе, что стѣснительныя мѣры коснутся всякой вообще оппозиціонной дѣятельности, а не одной только соціально-демократической. Исключительные законы имѣютъ особое свойство задѣвать мирныхъ обывателей гораздо болѣе, чѣмъ революціонеровъ; соціалистическая агитація легко превращается изъ явной въ тайную, выигрывая при этомъ въ силѣ и значеніи, а новые законы остаются для безобидныхъ гражданъ, къ которымъ всегда можно примѣнить особыя административныя полномочія, по

усмотрѣнію усердныхъ исполнителей. Это было доказано на практикѣ опытомъ закона о социалистахъ при князѣ Бисмаркѣ: социалистическое движеніе разрослось тогда въ глубинѣ народныхъ массъ, внѣ правительственнаго контроля, и достигло необычайныхъ размѣровъ въ сравнительно короткое время, тогда какъ стѣснительныя мѣропріятія давали себя сильно чувствовать людямъ и партіямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ революціоннымъ социализмомъ. Бесплодность принятыхъ мѣръ съ точки зрѣнія поставленной цѣли была официально признана правительствомъ, и законъ былъ отмѣненъ при новомъ канцлерѣ, генералѣ Каприви. Теперь восторжествовали опять старые консервативные взгляды, отчасти подъ влияніемъ французскаго закона объ анархистахъ, и на сторону этихъ взглядовъ склоняется самъ императоръ Вильгельмъ II. Имперскому канцлеру и прусскому министру-президенту предложено было выработать соотвѣтственные проекты, относительно которыхъ, однако, въ самомъ началѣ возникли серьезныя недоразумѣнія и пререканія, нашедшія живой отголосокъ въ печати и обществѣ. Графъ Каприви не желалъ повторять опыта, оказавшійся неудачнымъ при князѣ Бисмаркѣ, и имѣлъ въ виду ограничиться лишь самымъ необходимымъ—установленіемъ дополнительныхъ правилъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ уголовного кодекса; графъ Эйленбургъ готовъ былъ идти гораздо дальше и встрѣтилъ въ этомъ отношеніи неожиданную поддержку въ извѣстной части національно-либеральной партіи. Такъ какъ предполагаемый законъ долженъ былъ имѣть силу для всей Германіи, то надо было считаться съ настроеніемъ большинства въ имперскомъ сеймѣ, а это настроеніе не могло быть благопріятно задуманнымъ мѣрамъ. Канцлеру предстояло внести проектъ и защищать его въ имперскомъ сеймѣ, и потому его голосъ долженъ былъ имѣть перевѣсъ надъ мнѣніемъ прусскаго министра-президента; но съ другой стороны, на прусскомъ министерствѣ лежитъ задача—поддерживать принятые имперскимъ парламентомъ законы въ германскомъ союзномъ совѣтѣ, такъ что разногласіе между обоими правительствами — королевско-прусскимъ и имперско-германскимъ— не можетъ быть допущено въ подобныхъ случаяхъ. Всѣ ожидали отставки графа Эйленбурга отъ должности прусскаго министра-президента, и никому не приходила въ голову возможность удаленія графа Каприви. Старанія Вильгельма II устроить какой-нибудь компромиссъ не увѣнчались успѣхомъ, и кризисъ въ прусскомъ министерствѣ считался уже неизбежнымъ. Газетная полемика между приверженцами и противниками канцлера все болѣе обостралась, по мѣрѣ приближенія развязки, и эта полемика, сверхъ всякаго ожиданія, побудила императора рѣшить дѣло не въ пользу графа Каприви.

Въ газетахъ, отъ 25-го (13-го) октября появился рескриптъ, закрѣпленный подписью имперскаго канцлера, о созваніи парламента на 15-е (3-е) оября, и казалось вполне естественнымъ заключить, что положеніе графа Каприви нисколько не поколебалось. „Кельнская Газета“, напечатавъ этотъ документъ, усмотрѣла въ немъ доказательство полнаго торжества канцлера надъ прусскимъ министромъ-президентомъ и сообщила также о безусловномъ одобреніи взглядовъ Каприви императоромъ Вильгельмомъ, которое выражено было послѣднимъ въ продолжительномъ разговорѣ съ канцлеромъ, 23-го (11-го) октября. Подкрѣпляя это извѣстіе ссылкой на достовѣрный (т.е. правительственный) источникъ, газета вмѣстѣ съ тѣмъ весьма рѣзко отмѣчала непримиримую противоположность между разумными рѣшеніями графа Каприви и дѣйствіями графа Эйленбурга. Графъ Бото Эйленбургъ, по словамъ газеты, „внесъ такіа предложенія, о которыхъ онъ долженъ былъ знать заранѣе, что нельзя будетъ провести ихъ ни въ настоящемъ, ни въ какомъ-нибудь будущемъ имперскомъ сеймѣ. Графъ Эйленбургъ потомъ самъ взялъ эти свои предложенія обратно; хотя онъ въ принципѣ принялъ въ основу дальнѣйшихъ обсужденій законопроектъ графа Каприви, но при соображеніи тотчасъ обнаружилось, что и на этой основѣ трудно достигнуть соглашенія“. Изъ словъ „Кельнской Газеты“ ясно вытекалъ выводъ, что графъ Эйленбургъ не останется прусскимъ министромъ-президентомъ, такъ какъ императоръ косвенно осудилъ его дѣйствія, признавъ себя солидарнымъ съ канцлеромъ. Въ тотъ же день въ вечернемъ номерѣ берлинской „National-Zeitung“ высказано было подозрѣніе, что „ходъ дѣла представленъ въ „Кельнской Газетѣ“ такъ, какъ это желательно графу Каприви“, и что такое изложеніе не соответствуетъ истинѣ. Статья „National-Zeitung“ давала понять, что обстоятельства происшедшаго кризиса извращаются друзьями канцлера не безъ его вѣдома и участія. По словамъ названной газеты, графъ Каприви также пошелъ на уступки; онъ отказался отъ своего первоначальнаго взгляда о необходимости довольствоваться измѣненіемъ прусскаго закона о правѣ собраній и союзовъ, при невозможности сдѣлать что-нибудь въ этомъ смыслѣ въ имперскомъ сеймѣ; и если онъ рѣшился выработать извѣстный проектъ для внесенія въ имперскій парламентъ, то это даетъ поводъ говорить скорѣе объ обоюдномъ компромиссѣ, чѣмъ о безусловной побѣдѣ одной стороны надъ другою. „Послѣ того какъ въ предварительныхъ стадіяхъ настоящаго вопроса,—замѣтила въ заключеніе „National-Zeitung“,—обнаруживается такая же ошибочность дѣйствій, какъ и передъ внесеніемъ послѣдняго военнаго законопроекта и при защитѣ торговыхъ договоровъ, нельзя не упомянуть о вредѣ такого рода тактики,

въ виду неумѣстной попытки восхваленія“ генерала Каприви. Ядовитые комментаріи „National-Zeitung“ придали особенное значеніе замѣткѣ „Кельнской Газеты“, которая и безъ того должна была обратить на себя вниманіе.

Эти газетныя статьи произвели совершенно непредвидѣнный эффектъ: на слѣдующій же день, 26-го (14-го) октября, имперскій канцлеръ, которому только за два дня до того было выражено довѣріе императора, внезапно лишился этого довѣрія и вынужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ, вмѣстѣ съ своимъ противникомъ, графомъ Эйленбургомъ. Говорятъ, что Вильгельмъ II призналъ графа Каприви отвѣтственнымъ за нападки сочувствующихъ ему газетъ на графа Эйленбурга и въ частности за безтактную статейку „Кельнской Газеты“; канцлеръ не согласился печатно опровергнуть содержаніе этихъ статей, которыхъ онъ никому не поручалъ писать, и счелъ своимъ долгомъ подать въ отставку. Кризисъ разрѣшился столь же быстро, какъ и возникъ; одновременно съ принятіемъ просьбы Каприви объ отставкѣ, вызванъ былъ изъ Страсбурга намѣченный премьеръ его, намѣстникъ Эльзаса-Лотарингіи, князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ, и 27-го (15-го) октября Германія съ удивленіемъ узнала, что имѣетъ съ этого дня новаго канцлера. Перемѣна произошла по чисто личнымъ причинамъ, независимо отъ какихъ-либо политическихъ обстоятельствъ; въ этомъ случаѣ вполне проявился нервный, недоувѣрчивый и рѣшительный характеръ Вильгельма II. Въ Германіи, какъ и въ Пруссіи, министры не зависятъ отъ парламента и служатъ лишь представителями короны; они назначаются и смѣняются личною волею монарха, вслѣдствіе чего политическая жизнь страны можетъ подвергаться неожиданнымъ колебаніямъ, даже при общемъ затишьи въ области политики. Не случилось никакихъ событій, которыя пошатнули бы положеніе канцлера и возбуждали бы вопросъ о непригодности его къ дальнѣйшему исполненію своихъ обязанностей; напротивъ, популярность его значительно усилилась въ послѣдніе мѣсяцы, когда имя его служило знаменемъ борьбы противъ реакціонныхъ партій. Антагонизмъ между Каприви и Эйленбургомъ долженъ былъ естественно привести къ удаленію одного изъ нихъ; но рѣшимость удалить ихъ обоихъ не имѣла, очевидно, прямой логической связи съ спорными вопросами, положившими начало кризису. Вильгельмъ II разстался съ графомъ Эйленбургомъ потому, что сознавалъ невозможность доставить торжество его консервативнымъ идеямъ и проектамъ; а съ графомъ Каприви онъ разошелся изъ-за того, что заподозрилъ въ немъ готовность опираться на общественное мнѣніе и на печать для болѣе успѣшнаго противодѣйствія тенденціямъ, представителемъ которыхъ являлся графъ Эйленбургъ. Съ

точки зрѣнія германскаго императора, имперскій канцлеръ не можетъ вести самостоятельную политику и не долженъ искать закулисныхъ союзниковъ среди парламентскихъ группъ и въ журналистикѣ. Не мѣшаетъ вспомнить, что и князь Бисмаркъ былъ уволенъ за веденіе какихъ-то переговоровъ съ вождемъ католическаго центра, Вьндгорстомъ, безъ предварительнаго доклада о томъ императору. Слишкомъ усердныя старанія нѣкоторыхъ газетъ поддержать графа Капр и, въ связи съ постоянными и подробными сообщеніями обо всѣхъ разгласіяхъ въ составѣ правительства, свидѣтельствовали какъ будто о существованіи у канцлера негласной офиціозной прессы, и этотъ возможный фактъ повредилъ ему въ личномъ мнѣніи Вильгельма II. Каждое проявленіе такой личной воли, не оправдываемое достаточными политическими мотивами, порождаетъ замѣтное неудовольствіе въ Германіи, давая чувствовать обществу и народу, что парламентскій режимъ еще не установился прочно въ имперіи. Значительная часть нѣмецкаго общества до сихъ поръ не можетъ забыть произвольную отставку Бисмарка, и при всякомъ удобномъ случаѣ этотъ поступокъ ставится въ вину императору въ болѣе или менѣе замаскированныхъ формахъ, какъ въ печати, такъ и въ общественныхъ манифестаціяхъ. Увольненіе графа Каприви не было столь крупнымъ событіемъ и могло быть принято равнодушно при другихъ обстоятельствахъ; но теперь оно даетъ благодарный матеріалъ для непріятныхъ толковъ, особенно чувствительныхъ для Вильгельма II.

„Мы живемъ въ странѣ неожиданностей“,—говоритъ „Кельнская Газета“,—и повсюду въ Европѣ повторяются въ газетахъ разсужденія о неустойчивости политическаго строя и порядка въ германской имперіи, въ виду внезапныхъ личныхъ рѣшеній императора. Въ сущности эти толки заключаютъ въ себѣ много преувеличеннаго. Графъ Каприви состоялъ канцлеромъ съ марта 1890 года, въ продолженіе болѣе четырехъ лѣтъ; а четыре года держаться во главѣ правительства въ конституціонной странѣ—это уже довольно много для чловека, не подготовлявшагося къ парламентской дѣятельности и занявшаго высокій политическій постъ по случайному выбору монарха. Служебная карьера Каприви сама по себѣ въ высшей степени характерна и поучительна. Всю молодость и зрѣлые годы онъ провелъ въ рядахъ арміи, гдѣ оставался до 52 лѣтъ отъ роду; въ австрійской кампаніи 1866 года онъ участвовалъ въ чинѣ майора, франко-прусскую войну продѣлалъ въ чинѣ полковника, и затѣмъ уже въ почтенномъ возрастѣ, въ началѣ шестого десятка, поставленъ былъ во главѣ адмиралтейства, вѣдъ своей прежней спеціальности. Въ этой должности онъ долженъ былъ выступать въ парламентѣ, въ качествѣ оратора, при обсужденіи вопросовъ, касавшихся морского вѣдомства,

и онъ въ короткое время заслужилъ репутацію дѣльнаго государственнаго человѣка и оратора. Послѣ пятилѣтняго завѣдыванія дѣлами адмиралтейства, онъ обратно поступилъ въ армію, уже въ качествѣ корпуснаго командира. На шестидесятомъ году жизни этотъ корпусный командиръ призывается быть руководителемъ внѣшней и внутренней политики Германіи; ему приходится замѣнить перваго дипломата въ Европѣ, одного изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ людей Пруссіи, и онъ съ честью выполняетъ эту трудную и отвѣтственную задачу, успѣшно проводитъ и защищаетъ въ парламентѣ разные правительственные проекты, произноситъ обстоятельныя рѣчи по самымъ сложнымъ и важнымъ вопросамъ, обнаруживаетъ искусство и тактъ стараго парламентскаго бойца и приобретаетъ общее уваженіе честностью и прямою своего характера. Роль генерала Каприви была чрезвычайно щекотливая и тяжелая, особенно въ первое время, когда параллель съ Бисмаркомъ напрашивалась сама собою; въ послѣдствіи онъ мало-по-малу побѣдилъ недовѣріе нѣмецкой публики и пріучилъ ее относиться къ нему серьезно. Главнымъ дѣломъ и заслугой этого генерала-канцлера было искреннее примѣненіе принциповъ миролюбія и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ имперіи; прекратились громы официозной прессы, и сама эта пресса изъ поощряемой и оплачиваемой стала добровольно сочувствующею, утративъ свои прежнія качества надменной рѣшительности и воинственной рѣзкости. Бывшій корпусный командиръ, специалистъ военнаго дѣла, оказался гораздо болѣе сдержаннымъ и спокойнымъ патріотомъ, чѣмъ знаменитый дипломатъ по профессіи, и, благодаря этой перемѣнѣ общаго тона и настроенія въ международныхъ дѣлахъ, замѣтно смягчились германскія отношенія съ Франціею и поправились отношенія съ Россіею. Смягчился также и антагонизмъ промышленный, тѣсно связанный съ антагонизмомъ политическимъ; торговые переговоры съ Австро-Венгріею и другими державами доведены были до конца, и заключеніе торговыхъ трактатовъ внесло успокоеніе и прочный миръ въ весьма важную область народныхъ и государственныхъ интересовъ. За успѣшную защиту этихъ трактатовъ въ имперскомъ сеймѣ генералъ Каприви получилъ отъ Вильгельма II титулъ графа. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ своего канцлерства онъ былъ также прусскимъ министромъ-президентомъ; въ мартѣ 1892 года онъ, какъ глава прусскаго министерства, отстаивалъ въ палатѣ депутатовъ школьный законопроектъ графа Зедлица, вызывавшій тогда сильнѣйшую оппозицію въ массѣ нѣмецкаго населенія. Законопроектъ былъ взятъ обратно правительствомъ, по предложенію короля-императора, и вмѣстѣ съ отставкою министра народнаго просвѣщенія, графа Зедлица, отказался отъ долж-

ности министра-президента и графъ Каприви, сохранивъ за собою портфель прусскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ того времени установилось опять раздвоеніе власти между имперскимъ канцлеромъ и прусскимъ министромъ-президентомъ; на этотъ послѣдній постъ назначенъ былъ графъ Бото Эйленбургъ, принявшій на себя также управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Графъ Эйленбургъ былъ уже прусскимъ министромъ при князѣ Бисмаркѣ, съ 1878 до 1881 года, и долженъ былъ тогда удалиться, вслѣдствіе конфликта съ всеильнымъ канцлеромъ. Теперь этотъ опытный савонникъ-аристократъ имѣлъ противъ себя болѣе скромнаго соперника, генерала Каприви, и однако не могъ съ нимъ справиться; ему пришлось бы одному сойти со сцены, еслибъ не случайныя обстоятельства, приведшія къ паденію и графа Каприви.

„Кельнская Газета“ совершенно права, утверждая, что нынѣшняя Германія, управляемая нервною, торопливою рукою, есть страна неожиданностей; но не принадлежитъ ли вся политическая дѣятельность Каприви къ числу самыхъ странныхъ неожиданностей, какими поражаетъ постороннихъ наблюдателей могущественная нѣмецкая нація? Военный человекъ, случайно вырванный изъ круга военныхъ занятій и не считавшійся особенно выдающимся или талантливымъ даже въ своей специальности, выказываетъ столько разнообразныхъ знаній на чуждомъ ему политическомъ поприщѣ, проявляетъ такой тонкій критическій умъ, такую способность къ упорному сознательному труду, такое искусство аснаго и серьезнаго краснорѣчія, такое широкое пониманіе главнѣйшихъ задачъ современности, что невольно приходится задать себѣ вопросъ: неужели Каприви не составляетъ исключенія, а служитъ лишь образчикомъ высокой умственной культуры нѣмецкаго общества и народа? Много ли такихъ крупныхъ силъ скрываетъ въ себѣ германская армія, обрекая ихъ на сравнительное бездѣйствіе? Само собою разумѣется, что ироническіе отзывы поклонниковъ Бисмарка о ничтожествѣ Каприви не могутъ имѣть значенія; но надо признать, что особенно выдающагося ума и сильнаго таланта никто за нимъ не признавалъ. Это—образованный, умный генералъ прусскаго типа, отчасти кабинетный ученый, отчасти практикъ-администраторъ, привыкшій крайне добросовѣстно относиться ко всякой возлагаемой на него обязанности, — типъ, не имѣющій ничего общаго съ тѣмъ понятіемъ о генералѣ, которое исчерпывается представленіемъ о генеральскомъ мундирѣ. Въ прежнія времена принималось за аксіому, что генеральскій мундиръ дѣлаетъ человека способнымъ исполнять самыя разнородныя и трудныя правительственныя функціи, которыя отъ прочихъ смертныхъ требовали бы особой подготовки; кое-гдѣ этотъ взглядъ существуетъ до сихъ поръ, но въ Пруссіи и Германіи

онъ имѣть свое разумное основаніе, потому что опирается на разносторонность положительныхъ свѣденій и высокій уровень умственнаго развитія лицъ, принадлежащихъ къ высшему военному классу. Если это такъ, если генераль Каприви есть только одинъ изъ многихъ, то не было повода держать его слишкомъ долго на мѣстѣ канцлера, такъ какъ легко было замѣнить его какимъ-нибудь другимъ генераломъ, даже болѣе выдающимся, каковъ, напр., генераль Вальдерзе, оставленный почему-то въ тѣни Вильгельмомъ II въ послѣдніе годы. Кто бы ни призывался на вліятельный и отвѣтственный постъ, онъ не можетъ оказаться бездарнымъ и невѣжественнымъ, ибо люди бездарные и невѣжественные въ Пруссіи не достигаютъ высшихъ чиновъ, дающихъ право на занятіе видныхъ должностей; а необходимость объяснять свои дѣйствія публично въ парламентѣ представляетъ самый лучший способъ испытанія и провѣрки умственныхъ силъ и познаній сановниковъ, поставленныхъ во главѣ той или другой отрасли управленія. Не будь парламента въ Германіи, ошибочныя министерскія назначенія могли бы причинять великій вредъ государству и странѣ: несостоятельность и неподготовленность кандидатовъ легко остаются во тьмѣ, подъ прикрытіемъ обманчивой внѣшности, а вся работа возлагалась бы на второстепенныхъ чиновниковъ, которые снабжали бы начальника готовыми взглядами и соображеніями, такъ что господство ничтожества укоренялось бы прочно въ типичныхъ министерскихъ канцеляріяхъ. Можетъ быть, при другихъ условіяхъ и генераль Каприви не чувствовалъ бы потребности въ особенно старательномъ изученіи обсуждаемыхъ вопросовъ и предметовъ для избѣжанія возможныхъ ошибокъ, предоставивъ эти труды подчиненнымъ; но при системѣ публичности онъ не продержался бы и одной недѣли, еслибы не оказался на высотѣ своей задачи. Такимъ образомъ, тѣ случайныя рѣшенія и назначенія, которыхъ опасаются нѣмецкія газеты, въ Германіи не подвергаютъ интересовъ государства никакому серьезному риску.

Выборъ преемника графа Каприви сдѣланъ въ высшей степени удачно: третій канцлеръ имперіи, князь Хлодвигъ Карлъ-Викторъ Гогенлоэ-Шиллингсфурстъ, принцъ Ратиборъ и Корвей, бывший много лѣтъ посланникомъ въ Парижѣ, намѣстникъ Эльзаса-Лотарингіи до послѣдняго времени, соединяетъ въ себѣ большую политическую опытность, съ испытанными принципами миролюбія и либерализма, и представляетъ, по своему личному положенію, вполне достаточныя гарантіи благоразумія и спокойствія какъ внутреннимъ политическимъ партіямъ Германіи, такъ и всѣмъ иностраннымъ державамъ. Какъ одинъ изъ богатѣйшихъ и наиболѣе знатныхъ аристократовъ имперіи, онъ будетъ имѣть гораздо больше авторитета въ глазахъ консервативныхъ элементовъ нѣмецкаго общества, чѣмъ генераль Каприви,

а въ настоящее время консерваторы разныхъ оттѣнковъ, отъ придворной знати и аграріевъ до національ-либераловъ, играютъ весьма видную роль во внутренней политикѣ Германіи. Фамилія Гогенлоэ, связанная исторически и по поземельнымъ владѣніямъ съ Вюртембергомъ, Баваріей и Пруссією, принадлежитъ одинаково южно-германскимъ государствамъ и прусскому королевству; въ этомъ отношеніи новый канцлеръ является живымъ воплощеніемъ нѣмецкаго единства, успѣху котораго онъ много способствовалъ съ 1866 года, когда былъ баварскимъ министромъ-президентомъ и затѣмъ вліятельнымъ членомъ баварской палаты господъ. Старшій братъ его, герцогъ Ратиборъ, президентъ прусской палаты господъ, былъ однимъ изъ приближенныхъ короля Вильгельма I, императора германскаго. Князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ получилъ юридическое образованіе въ университетахъ Геттингена, Гейдельберга, Бонна, и въ молодости состоялъ на прусской государственной службѣ, до полученія наслѣдства Шиллингсфюрстъ въ Баваріи въ 1846 году. Любопытно, что онъ вступаетъ въ должность канцлера въ томъ самомъ возрастѣ, въ какомъ князь Бисмаркъ долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ;—ему теперь 75 лѣтъ. Новый германскій канцлеръ и прусскій министръ-президентъ олицетворяетъ собою цѣлую, весьма опредѣленную программу—примирительную политику внутри и извнѣ,—а такая политика нужна и благотворна какъ для Германіи, такъ и для остальной Европы. Въ общемъ, ни германская имперія, ни другія западно-европейскія государства ничего не потеряли отъ неожиданной и быстрой перемѣны, устроенной Вильгельмомъ II въ день 26-го (14-го) октября.

Въ Бельгіи впервые примѣнено было всеобщее избирательное право на выборахъ въ парламентъ, 14-го (2-го) октября, и результатъ оказался совершенно неожиданнымъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ происходила горячая борьба изъ-за равноправности народнаго большинства съ богатыми и зажиточными классами, обладавшими монополією политическаго представительства. Консерваторы упорно защищали свои привилегіи, стараясь по возможности сдерживать въ законныхъ предѣлахъ все болѣе возроставшій напоръ демократіи; либералы, прогрессисты и наконецъ социалисты-рабочіе настойчиво требовали расширенія избирательнаго права, угрожая хроническими волненіями и безпорядками въ случаѣ дальнѣйшаго противодѣйствія законнымъ домогательствамъ народныхъ массъ.

Благодаря высокому имущественному цензу, установленному для участія въ выборахъ, существовало въ Бельгіи всего около 190

тысячъ избирателей, при шести миллионѣхъ жителей; эта небольшая привилегированная часть населенія неизмѣнно выбирала консерваторовъ-клерикаловъ, такъ что сосѣднее съ Франціею и имѣющее съ нею много общаго высоко-культурное государство представляло единственный въ Европѣ примѣръ чисто клерикальнаго парламентскаго режима. Клерикалы взяли въ свои руки народное образованіе, которое передали въ вѣденіе католическаго духовенства; число монастырей возросло съ сороковыхъ годовъ почти на цѣлую тысячу,—съ 780 до громадной цифры 1775 (въ 1890 году); монахи и монахини составили внушительную армію, въ 30 тысячъ человѣкъ, и кавалось бы, интересы церкви и религіи нигдѣ не были такъ заботливо ограждены, какъ въ Бельгіи. Однако недовольство въ народѣ возрастало, и на смѣну умѣренныхъ прогрессистовъ, которыхъ господствующій клерикализмъ не допускалъ въ стѣны парламента, выступили болѣе энергическіе элементы, радикальные и социалистическіе, пріобрѣтавшіе все большее вліяніе на умы значительной части народа.

Наконецъ, клерикалы уступили, по крайней мѣрѣ отчасти; выработанъ новый избирательный законъ, довольно замысловатый, установившій три разряда гражданъ, съ неодинаковыми правами: всѣ обыватели, достигшіе двадцатипятилѣтняго возраста и проживающіе не менѣе года въ предѣлахъ какой-либо общины, пользуются правомъ участія въ выборахъ; отцы семействъ, не моложе 35 лѣтъ, уплачивающіе не менѣе пяти франковъ налога въ годъ, равно какъ землевладѣльцы, отъ 25 лѣтъ, обладающіе поземельною собственностью цѣною не ниже двухъ тысячъ франковъ, или имѣющіе постоянную ренту не менѣе ста франковъ въ годъ, располагаютъ двумя голосами; наконецъ, всякій, получившій университетское образованіе, имѣетъ еще одинъ прибавочный голосъ. Въ Бельгіи оказывается такимъ образомъ 850 тысячъ гражданъ съ однимъ голосомъ, немногимъ менѣе 300 тысячъ человѣкъ съ двумя голосами, и свыше 223 тысячъ съ тремя голосами, всего около 1.320.000 избирателей съ 2.111.000 голосами. Подача голосовъ обязательна для каждого, подъ страхомъ законнаго взысканія. Право участія въ избраніи членовъ верхней палаты, сената, принадлежитъ избирателямъ всѣхъ трехъ разрядовъ, достигшимъ тридцатилѣтняго возраста. Въ сенатѣ могутъ быть избираемы лица не моложе 40 лѣтъ, уплачивающія не менѣе 1.200 въ годъ налога или владѣющія поземельною собственностью цѣною въ 12 тысячъ франковъ.

Каковы бы ни были подробности новаго избирательнаго закона, во всякомъ случаѣ общее число избирателей въ Бельгіи увеличилось въ десять разъ, и приверженцы либеральныхъ партій могли быть довольны достигнутымъ расширеніемъ политическихъ правъ народа.

Между тѣмъ, къ общему удивленію, послѣдніе выборы доставили клерикаламъ болѣе внушительное большинство, чѣмъ прежде, и почти совершенно уничтожили недавно еще столь многочисленную и вліятельную партію умѣренныхъ либераловъ и прогрессистовъ, съ Фреръ-Орбаномъ и Жансономъ во главѣ. Этихъ представителей стараго либерализма остается въ новой палатѣ всего 15 человекъ, — жалкіе остатки великой и славной нѣкогда арміи. Зато съ другой стороны, въ парламентъ попала новая социалистическая группа, въ 30 человекъ. Консерваторы и клерикалы имѣютъ въ палатѣ 104 голоса, а противники ихъ — 48, такъ что большинство правой составляетъ 56 голосовъ, вмѣсто прежнихъ 34.

Клерикальное правительство въ Бельгіи укрѣпилось, повидимому, еще больше, подѣ вліяніемъ избирательной реформы, которой такъ боялись клерикалы. Изъ этого поучительнаго примѣра можно видѣть, что право народнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ неизбѣжно усиливаетъ консервативныя основы власти въ тѣхъ странахъ, гдѣ большинство населенія проникнуто традиціоннымъ консервативнымъ духомъ. Долго ли продержится въ Бельгіи такой порядокъ вещей — это другой вопросъ, который прежде всего зависитъ отъ степени распространенія образованія въ народѣ и отъ успѣха будущихъ реформъ въ области школьнаго дѣла.

По поводу нѣкоторыхъ замѣчаній, высказанныхъ нами въ сентябрьской книгѣ журнала о сербскихъ политическихъ партіяхъ, мы получили отъ одного изъ весьма почтенныхъ и весьма видныхъ дѣятелей Сербіи интересное письмо, которое охотно приводимъ здѣсь почти цѣликомъ:

...„Игнорируя новѣйшую исторію нашего внутренняго политическаго развитія, у васъ говорятъ съ ироніей о политическихъ партіяхъ въ Сербіи. Хотя названія партій не отвѣчаютъ всегда ихъ политическимъ программамъ, но тѣмъ не менѣе партіи наши явились какъ результатъ нашей парламентарной жизни.

„Переворотъ 1858 года возстановилъ династію Обреновичей и подождилъ начало либеральнымъ реформамъ въ Сербіи. Тогда былъ изданъ законъ о народной скупщинѣ, которая въ законодательствѣ имѣла только совѣщательный характеръ. Спустя десять лѣтъ послѣ катастрофы Топчидерской — во время малолѣтства князя Милана, регентство въ договорѣ съ народною скупщиною дало странѣ новую конституцію 1869 года. Передовые люди, которые за осуществленіе либеральныхъ реформъ и конституціоннаго режима въ тотъ періодъ времени боролись противъ реакціи и застоя, прозваны были *либералами*, и въ

скупщинѣ они образовали *либеральную партію*. Въ оппозиціи этой передовой партіи имѣлась высшая бюрократія („каймаковцы“), которая была въ принципѣ противна всякому участию народа въ дѣлахъ государства, и которая прозвана была партіей „каймаковскою“ или *консервативною*, въ послѣдствіи — *напредняцкою*.

„Хотя конституція 1869 г. и положила начало болѣе правильному парламентарному режиму въ Сербіи, тѣмъ не менѣе она далеко не отвѣчала ожиданіямъ молодой интеллигенціи, пропитанной новыми идеями Европы. Конституція эта имѣла два важные недостатка; она не давала скупщинѣ инициативы въ законодательствѣ, — напротивъ, въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшала правительству временно отиѣнять существующіе и издавать новые законы безъ спроса скупщины. Эти недостатки новой конституціи вызвали въ самомъ началѣ требованія, какъ въ печати, такъ и въ скупщинѣ, коренной ея ревизіи въ чисто демократическомъ духѣ. Представителей такого новаго направленія прозвали *радикалами*; въ скупщинѣ 1880 года они были такъ многочисленны, что образовали тамъ свою партію — *радикальную*.

„Радикальная партія для осуществленія своей программы вела упорную парламентарную борьбу. Борьба эта, которая въ 1883 г. развилась въ открытый вооруженный бунтъ, была обостряема рядомъ неудачъ „напредняцкаго“ правительства. Непомѣрная задолженность страны на постройку желѣзныхъ дорогъ; банкротство Бонту, которое раскрыло постыдныя сдѣлки правящихъ тогда лицъ; зайчарскій бунтъ, донкихотская война съ Болгаріей, разстройство финансовъ до банкротства — вотъ главные грѣхи, подъ которыми послѣ семилѣтняго хозяйничанья рухнулъ кабинетъ Гарашанина. Напредняки держались во власти благодаря явнымъ симпатіямъ короля Милана и циническому искусству злоупотребленія неясностями въ конституціи; такъ, они изобрѣли пресловутыхъ „двогласцевъ“, т. е. правительственныхъ кандидатовъ въ скупщину, не получившихъ на выборахъ больше двухъ голосовъ. Несмотря на это, напредняки сдѣлались невозможными, и тогда только король обратился къ радикаламъ. Новая конституція 1888 года — вовсе не „подарокъ Милана“, а дѣло компромисса между королемъ и радикальной партіей при участіи прочихъ партій. Она давала скупщинѣ инициативу въ законодательствѣ, гарантировала независимость судей и государственнаго контроля, предписывала свободу печати и сходовъ, завела окружныя земства и общинное самоуправленіе, гарантировала полную свободу выборовъ и т. д. Радикалы были во власти не болѣе пяти лѣтъ, и то съ частыми перерывами, и за это время успѣли осуществить всѣ либеральныя учрежденія, предусмотрѣнныя конституціею. Практически результатъ радикальнаго режима благотворно отозвался на улучшеніи государственныхъ финансовъ,

уменьшивъ дефицитъ съ десяти милліоновъ на одинъ милліонъ, на поднятій заграничнаго кредита и цѣнности государственныхъ бумагъ, на развитіи сельскаго хозяйства, давши инициативу земствамъ самимъ заботиться о матеріальныхъ интересахъ округовъ и общинъ, на общественной безопасности и т. д. Всего этого теперь опять не существуетъ. Съ новымъ, не-конституціоннымъ режимомъ, старый недугъ напреднякаго управленія, дефицитъ въ бюджетѣ, опять сильно повышается, и до конца года поднимется вѣроятно до семи милліоновъ. Заграничный кредитъ упалъ такъ, что никто не берется реализовать остатокъ въ 11 милліоновъ военнаго займа (заемъ на перевооруженіе арміи). Съ упраздненіемъ земства расхищены земскіе фонды, и земскія имущества остались безъ надзора. Съ отрицаніемъ законной независимости судей, судопроизводство стало въ зависимость отъ высшей администраціи, что, какъ видно изъ политическихъ процессовъ, сильно уменьшаетъ гарантію правильнаго разбирательства и рѣшенія спорныхъ дѣлъ; примѣръ того мы видимъ теперь въ процессѣ Чебинца и его соучастниковъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ, которые шесть мѣсяцевъ сидятъ въ казематахъ, и дѣло еще на судѣ не разбирается. Печать теперь стоитъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, и конфискуется все, что полиціи не понравится, или что ей покажется сомнительнымъ. На дняхъ конфисковано три нумера „Одѣка“ за перепечатаніе разговора короля Александра съ корреспондентомъ вѣнской газеты „Die Zeit“, хотя король разрѣшилъ корреспонденту передать его слова гласности. Значить, полиція г. Николаевича подвергаетъ цензурѣ и самыя слова его величества!

„Нѣтъ, несправедливо было бы утверждать, что практически все равно, кто бы въ Сербіи ни управлялъ—прогрессисты, либералы или радикалы,—или утверждать, что все равно, имѣетъ ли силу конституція 1869 г., или конституція 1888 г. По крайней мѣрѣ это не можетъ быть все равно для тѣхъ, кто самъ ведетъ борьбу съ реакціей. А настоящій „нейтральный“ режимъ въ Сербіи—чистѣйшая реакція.

„Несправедливо утверждать, что съ пребываніемъ короля Милана никакого замѣтнаго поворота въ политической жизни страны не было. Это перемѣна огромная. Во внѣшней политикѣ Сербіи опять попала въ австрійскія воды, а во внутренней отброшена назадъ за четверть столѣтія. При такомъ порядкѣ сомнительно даже, что „официальныя отношенія Россіи къ Сербіи остались прежними“. Нельзя сказать, что „для сербскаго народа вполне достаточенъ порядокъ, существовавшій до 1888 г.“. Къ чему этотъ порядокъ при напредникахъ довелъ Сербію, — я это выше упомянулъ; здѣсь прибавлю, что этимъ порядкомъ были наконецъ недовольны не одни радикалы, но также и либералы, и напредники, и самъ король. Конституція 1869 года не давала ника-

кихъ гарантій для политическихъ правъ гражданъ. Не сообщая скупщинѣ инициативы въ законодательствѣ, она однимъ изъ своихъ постановленій (§ 56) разрѣшаетъ правительству въ извѣстныхъ случаяхъ отмѣнять существующіе или предписывать новые законы. Вотъ этою-то статьею въ широкихъ размѣрахъ злоупотребляетъ нынѣшній режимъ, и такимъ образомъ самая конституція дѣлается призрачною. Законъ о королѣ Миланѣ былъ отмѣненъ простымъ королевскимъ указомъ, безъ ссылки даже на § 56 конституціи. Не вѣрно и то, что „народная скупщина возстановила Милана въ его правахъ“. Съ 9-го января скупщина никогда не созывалась и ни о чемъ не спрашивалась, — она просто не существуетъ въ силу „coup d'état“ 9-го мая.

„Очень жаль, что и у васъ повѣрили, будто „радикалы не стѣснялись прибѣгать къ сомнительнымъ средствамъ для привлеченія избирателей на свою сторону; плательщикамъ податей дѣлались льготы или тягости, смотря по тому, въ какомъ смыслѣ подавались голоса при выборахъ“. *Никогда не бывало такихъ свободныхъ выборовъ, какъ при правленіи радикаловъ.* Это признавали и политическіе противники радикаловъ, и если въ газетахъ заграничныхъ и появлялись сообщенія въ родѣ цитируемыхъ словъ, то это дѣлали лишь политическіе противники, чтобы какъ-нибудь ослабить эффектъ своего пораженія. Лучшимъ доказательствомъ, что радикальная партія при выборахъ къ „сомнительнымъ средствамъ“ не прибѣгала, служитъ тотъ фактъ, что сборъ податей во время радикальнаго правительства не только „изъ-за поблажекъ“ не былъ меньше, но былъ значительно больше, чѣмъ прежде и чѣмъ теперь. Впрочемъ, радикалы не имѣли надобности прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ, чтобы создавать себѣ на выборахъ большинство; они получали большинство и когда были въ оппозиціи, — даже при небываломъ террорѣ либеральнаго режима 1892 года, когда избирательныя урны полиція просто отнимала вооруженною силою.

„Король Александръ, въ манифестѣ своемъ отъ 9-го мая, которымъ отмѣнилъ конституцію 1888 г. и возстановилъ уставъ 1869 г., объявилъ, что будетъ приступлено къ выработкѣ новой конституціи, какъ только притихнутъ партійныя политическія страсти. Задачею „нейтральнаго“ кабинета было, значить, успокоеніе политическихъ страстей. Но на самомъ дѣлѣ кабинетъ г. Николаевича имѣлъ болѣе важную мысль: уничтоженіе радикальной партіи. И вотъ скоро исполнится девять мѣсяцевъ, какъ „нейтральный“ кабинетъ усердно взялся за такую неблагодарную задачу. Отъ радикаловъ очищена вся администрація, государственный совѣтъ, государственный контроль, судебныя мѣста, даже народныя училища, высшія заведенія и войска стали „очищать“ отъ радикаловъ. Остается

придумать способъ, какъ и будущую скупщину очистить отъ радикаловъ; г. Николаевичъ и тутъ придумалъ остроумный способъ—просто не допускать радикаловъ къ выборамъ!

„Такими способами дѣйствуютъ у насъ для успокоенія умовъ! Страсти еще болѣе разгораются. „Нейтральный“ кабинетъ поднялъ противъ себя не только радикаловъ, но и своихъ союзниковъ либераловъ и даже напредняковъ. Поэтому мы находимся наканунѣ новаго министерскаго кризиса и новыхъ необдуманныхъ экспериментовъ. А эти эксперименты обходятся дорого Сербіи и матеріально, и морально!“

Всѣ вышеприведенныя свѣденія, сообщаемыя намъ уважаемымъ сербскимъ дѣятелемъ, весьма интересны и заслуживаютъ, конечно, полного довѣрія и вниманія; но они, тѣмъ не менѣе, какъ кажется намъ, не затрогиваютъ сущности высказанныхъ нами замѣчаній о современной политической запутанности дѣлъ въ Сербіи. Указавъ на безсодержательность и безъидейность нынѣшней партійной борьбы въ сербскомъ королевствѣ, мы выразили мнѣніе, что при господствѣ той или другой партіи теперь „все зависитъ отъ личныхъ качествъ и добросовѣстности отдѣльныхъ лицъ, поставленныхъ во главѣ управленія“; что и при либеральной конституціи 1888 года также „дѣлалось много беззаконій и несправедливостей“, и что старый уставъ 1869 года могъ бы оказаться еще достаточно хорошимъ, „еслибы только онъ не нарушался произволомъ властей и безцѣльною борьбою партій“. Мы позволяемъ себѣ думать, что эти замѣчанія нисколько не опровергаются разъясненіями почтеннаго автора письма. Группировка и самыя названія сербскихъ партій произошли, разумѣется, исторически, и имѣли въ свое время разумныя и понятныя причины; но чего добиваются въ настоящее время сербскіе либералы, напредняки и радикалы, въ чемъ заключаются ихъ спеціальныя политическія цѣли и стремленія, и какія принципиальныя различія существуютъ между этими партіями, — остается все-таки неяснымъ, по крайней мѣрѣ намъ, вынужденнымъ слѣдить за сербскими событіями издалека, но, конечно, никакъ не свысока, на чтò, справедливо можетъ намъ замѣтить почтенный авторъ письма, мы не имѣли бы у себя достаточныхъ основаній...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1894.

- Собраніе сочиненій В. В. Стасова, 1847—1886. Съ приложеніемъ его портрета и снимка съ поднесеннаго ему адреса. Три тома (4°). Спб. 1894.
- Рисунки къ сочиненіямъ В. В. Стасова (Тетрадь, 8°). Спб. 1894.

Въ началѣ нынѣшняго года (2 января) обширный кругъ товарищей, друзей и почитателей В. В. Стасова праздновалъ 50-лѣтній юбилей его дѣятельности (онъ кончилъ курсъ въ училищѣ правовѣденія въ 1843 году) и вмѣстѣ 70-ую годовщину его рожденія. Кромѣ своего спеціальнаго значенія, этотъ юбилей представилъ общій литературный интересъ тѣмъ, что къ тому же сроку было почти окончено печатаніемъ собраніе сочиненій г. Стасова, представившее его многолѣтніе труды по русской археологіи и по различнымъ отраслямъ искусства.

Это изданіе было, впрочемъ, результатомъ другого, болѣе ранняго юбилея, который друзья г. Стасова праздновали въ болѣе тѣсномъ кружкѣ въ 1886 г., когда совершилось 40 лѣтъ его собственно литературной дѣятельности (его первая статья напечатана была въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1847 года). Въ предисловіи къ настоящему изданію приведенъ текстъ адреса, который поднесенъ былъ тогда г. Стасову группою художниковъ (помѣщенъ въ уменьшенномъ видѣ и весь великолѣпный рисунокъ, къ которому этотъ текстъ былъ присоединенъ): въ этомъ адресѣ выражено было намѣреніе собрать въ складчину сумму, между прочимъ для изданія сочиненій г. Стасова. Это намѣреніе осуществилось теперь съ выходомъ трехъ большихъ томовъ сочиненій г. Стасова, въ 4-ю долю листа, въ два столбца, и тетради объяснительныхъ рисунковъ. Печатаніе шло довольно долго; но если представить себѣ, что нужно было собрать за сорокъ лѣтъ крупныя и мелкія труды писателя, разбросанныя по множеству изданій, расположить ихъ въ правильномъ порядкѣ и

напечатать всю массу собраннаго матеріала, то срокъ вовсе не окажется долгимъ.

Сочиненія расположены по отдѣльнымъ томамъ слѣдующимъ образомъ. Въ первомъ томѣ помѣщены сочиненія объ искусствѣ, въ-первыхъ, по исторіи художествъ и художественныхъ произведеній, и во-вторыхъ, по критикѣ художественныхъ произведеній. Во второмъ томѣ продолжаютъ статьи по тому же предмету въ двухъ отдѣлахъ: критика художественныхъ изданій и статей, и очерки жизни и дѣятельности художниковъ. Третій томъ заключаетъ статьи о музыкѣ и театрѣ (исторія музыки, критика музыкальныхъ произведеній и сочиненій о музыкѣ, біографіи музыкантовъ), и далѣе, статьи критическія и историческія о литературѣ, статьи о Публичной Библіотекѣ и наконецъ статьи автобіографическія.

Все это вмѣстѣ представляетъ живой и разнообразный интересъ. Это—цѣлая лѣтопись фактовъ и вопросовъ нашего искусства, литературы и археологій, которые одинаково были предметомъ изученій нашего писателя, длинный рядъ популярныхъ объясненій и специальныхъ научныхъ изслѣдованій по различнымъ отраслямъ исторіи и критики искусства и археологій, и на самыхъ далекихъ одинъ отъ другого пунктахъ ихъ развитія. Мы встрѣтимъ здѣсь и объясненіе рисунковъ, найденныхъ въ керченскихъ катакомбахъ греко-скифскихъ временъ, и объясненіе Бабы-яги и народной картины „Мыши kota погребаютъ“, и трактаты о новѣйшихъ явленіяхъ европейскаго и русскаго искусства. Литературные интересы писателя простираются отъ древней египетской повѣсти, открытой нашимъ соотечественникомъ египтологомъ въ петербургскомъ Эрмитажѣ, до Жоржъ-Занда, д'Израэли и Тургенева. Предметъ особенно ревностныхъ изученій и истолкованій писателя составляло новѣйшее русское искусство: живопись, скульптура и музыка. Къ разнообразію предметовъ, объясненіе которыхъ читатель найдетъ въ этихъ трудахъ, присоединяется интересъ историческій: на пространствѣ нѣсколькихъ десятилѣтій смѣнилось нѣсколько ступеней въ самомъ развитіи нашего искусства и его пониманія, и нашъ писатель былъ ихъ чуткимъ наблюдателемъ и критикомъ.

Не будемъ говорить о характерѣ этой обширной литературной дѣятельности: онъ довольно извѣстенъ. Можно было, не однажды, не соглашаться съ мнѣніями нашего писателя; но всегда должно было отдавать справедливость—кромѣ обширныхъ знаній—въ особенности великой, и рѣдкой у насъ, ревности, съ которой писатель неизмѣнно, въ теченіе почти полъ-вѣка, преданъ былъ своимъ изученіямъ, руководимымъ основной мыслью—разыскать и объяснить особенности русскихъ элементовъ искусства. Всякая дѣятельность по-

добнаго рода, внушаемая такой ревностью, неизбѣжно сопровождается увлеченіями, преувеличеніями, даже явными пристрастіями,—но онѣ естественны и въ концѣ концовъ приносятъ свою пользу: крайности отпадаютъ въ столкновеніи различныхъ взглядовъ, но сохраняется основное указаніе, и вниманіе будущаго изслѣдованія уже привязано къ новой сторонѣ предмета. Нужно бывало не мало смѣлости, чтобы идти противъ общераспространеннаго мнѣнія, чтобы выставить рѣзко и опредѣленно новую теорію; у г. Стасова всегда бывало достаточно этой смѣлости гипотезы, которая бываетъ нерѣдко чрезвычайно цѣнной въ критикѣ и историческомъ изслѣдованіи: сыпался градъ полемики, но нашъ писатель выдерживалъ его неустрашимо, и если не всегда новая теорія торжествовала, то старая была подорвана, и изслѣдованіе во всякомъ случаѣ направлялось на новый путь. Напомнимъ для примѣра давній трудъ г. Стасова (напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“ 1868) о происхожденіи русскихъ былинъ: на первый разъ теорія г. Стасова показалась совершенно экстравагантной, почти незаслуживающей вниманія критики и вызвала самыя строгія осужденія; но проходитъ время и въ результатѣ было то, что другія теоріи, которымъ г. Стасовъ противопоставилъ свою странную гипотезу, перестали существовать, а его взглядъ начинаетъ получать мѣсто въ наукѣ—съ иными подробностями, но съ той же мыслью о связи русскаго эпоса былинъ съ восточными сказаніями. Подобнымъ образомъ поражали нѣкогда настойчивыя и упрямыя статьи нашего автора о русскомъ искусствѣ, для котораго онъ требовалъ русскаго содержанія и русскаго стиля: будущій историкъ рѣшитъ, насколько его взгляды повліяли на развитіе русскаго художества,—намъ кажется, что это вліяніе несомнѣнно и что его критика при всѣхъ преувеличеніяхъ, о которыхъ мы упоминали, сдѣлала нѣчто подобное тому, что сдѣлала критика произведеній Островскаго у Добролюбова; она разъясняла самимъ художникамъ значеніе ихъ труда, которое они чувствовали только инстинктивно, и укрѣпляла ихъ въ здоровомъ реальномъ направленіи.

Изъ сказаннаго нами вѣроятно понятенъ интересъ настоящаго собранія сочиненій Стасова: это—исторія личнаго труда и вмѣстѣ цѣлый эпизодъ изъ исторіи нашей литературы и искусства за послѣднія десятилѣтія, обширное собраніе любопытныхъ историческихъ свѣдѣній, важныхъ критическихъ замѣчаній и одушевленныхъ возбужденій въ дальнѣйшей разработкѣ реальныхъ народныхъ началъ въ литературѣ и искусствѣ.

— Н. Майковъ. Историко-литературные очерки. Спб. 1894.

Въ настоящихъ очеркахъ собраны разсѣянные въ журналахъ послѣднихъ годовъ статьи г. Майкова о новѣйшей русской литературѣ, начиная съ Крылова и кончая Фетомъ. Нечего говорить о томъ, какъ полезно было собрать въ одно цѣлое статьи и замѣтки, которыя въ старыхъ книжкахъ журналовъ становятся въ концѣ концовъ почти недоступными: теперь онѣ составили сборникъ чрезвычайно любопытный для тѣхъ, кому интересна исторія русской литературы. Всѣ собранныя здѣсь статьи (за исключеніемъ двухъ-трехъ) имѣютъ въ виду детальную разработку біографіи и исторіи творчества нашихъ писателей, отчасти съ помощью болѣе внимательнаго изученія существующихъ данныхъ, отчасти съ помощью новыхъ свѣдѣній, которыя до сихъ поръ еще не были извѣстны въ печати. Писатели, на которыхъ останавливается г. Майковъ, слѣдующіе: Крыловъ, Жуковский, Батюшковъ, Пушкинъ, Плетневъ, Погодинъ, Фетъ.

„Мы лѣнливы и не любопытны“,—говорилъ Пушкинъ, жалѣя о бѣдности нашей біографической литературы;—только въ послѣднее время наша любознательность начинаетъ развиваться въ этомъ направленіи; о старыхъ писателяхъ мы знаемъ очень мало и ихъ біографію приходится возстановлять по отрывочнымъ даннымъ, которыя все-таки оставляютъ много неяснаго. Такова даже и біографія Пушкина. Г. Майковъ сообщаетъ, напр., что извѣстный В. И. Даль черезъ семь лѣтъ по смерти Пушкина написалъ воспоминанія о своемъ знакомствѣ съ нимъ; хотя это знакомство было непродолжительное и не очень близкое, но „дѣло это онъ справедливо считалъ долгомъ всѣхъ, кто близко зналъ великаго поэта, и съ своей стороны исполнилъ его, какъ умѣлъ. Къ сожалѣнію, прочіе друзья Пушкина не сдѣлали того же, и потому, вмѣсто цѣльнаго образа, начертаннаго дружескою рукой, мы имѣемъ о Пушкинѣ только отрывочные рассказы“. Если приходится собирать такіе отрывки даже о Пушкинѣ, то писатели второстепенные оставались еще менѣе извѣстны. Между тѣмъ, если вообще біографія бываетъ важнымъ объясненіемъ произведеній писателя, въ условіяхъ нашей литературы она можетъ тѣмъ болѣе требовать вниманія историка: каждый писатель съ нѣсколькими живыми содержаніемъ становился на виду; при слабомъ развитіи общественной жизни онъ являлся выраженіемъ того или много направленія, приносившаго ему сочувствіе или вражду, и условія его личной жизни являются указателями тѣхъ условій, въ какихъ существовало самое его содержаніе. Отсюда особая важность біографій нашихъ писателей

и необходимость и интересъ тѣхъ детальныхъ изслѣдованій, какимъ посвящена книга г. Майкова.

Наибольшая доля ея занята разысканіями о Пушкинѣ: Бессарабскія воспоминанія Вельтмана и его знакомство съ Пушкинымъ; изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ; Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ; Пушкинъ о Батюшковѣ; О поѣздѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году; Пушкинъ и Даль; О стихотвореніяхъ Пушкина „Туча“ и „Аввильонъ“.

— Забытый путь изъ Европы въ Сибирь. Енисейская экспедиція 1893 года. Составилъ В. И. Семеновъ. Спб. 1894.

Авторъ этой книжки былъ участникомъ экспедиціи, о которой въ свое время газеты могли сообщать только краткія свѣденія. Здѣсь подробно разсказано путешествіе отъ Англіи Сѣвернымъ моремъ къ устьямъ Енисея и дальше по рѣкѣ къ самому Енисейску, послѣдней цѣли экспедиціи. Путешествіе началось тѣмъ, что въ концѣ іюня командиръ будущей экспедиціи съ офицерами и командой отправился изъ Петербурга на англійскомъ торговомъ пароходѣ въ Англію и затѣмъ въ Шотландію, гдѣ на судостроительномъ заводѣ построены были два парохода: „Лейтенантъ Овцынъ“ и „Лейтенантъ Малыгинъ“, и баржа „Лейтенантъ Скуратовъ“. Принявъ эти суда, наши моряки 18-го іюля отправились въ путь. Имъ предстояло пересѣчь Нѣмецкое море, обогнуть Норвегію и Нордкапъ и пройти Ледовитымъ океаномъ въ устья Енисея. Должно замѣтить, что суда не предназначались для океанскаго плаванія: имъ предстояло служить на рѣкѣ Енисей и къ этому приноровлены были ихъ размѣры и устройство, и только въ послѣдніе дни передъ отплытіемъ на самомъ заводѣ нашли нужнымъ положить на одинъ изъ пароходовъ особня скрѣпленія на тотъ случай, чтобы при возможной бурѣ въ Нѣмецкомъ морѣ или Ледовитомъ океанѣ длинный пароходъ не переломился. Впослѣдствіи, когда дѣйствительно пришлось перенести въ Нѣмецкомъ морѣ страшную бурю, эта предосторожность оказалась спасительной: при громадномъ волненіи пароходъ рисковалъ переломиться; бруссы, прибавленные для скрѣпленія сверхъ плана, были надломлены, но уцѣлѣли, а съ ними уцѣлѣлъ и пароходъ. Въ Нѣмецкомъ морѣ, какъ мы сказали, этимъ рѣчнымъ пароходамъ пришлось вынести бурю; плаваніе по берегамъ Норвегіи было болѣе или менѣе благополучно; Сѣверный океанъ былъ мало привѣтливъ, приходилось уже бороться со льдами. Здѣсь, въ Вардѣ, наша экспедиція встрѣтила англійскаго капитана Виггинса съ отрядомъ изъ трехъ судовъ: на одномъ изъ нихъ былъ

грузъ рельсовъ, предназначенныхъ для сибирской желѣзной дороги; другой былъ нагруженъ колоніальными товарами; на паровой лѣтъ ѣхалъ англійскій капиталистъ, компаньонъ Виггинса въ предпріятіи, а кромѣ того „двѣ англичанки, желавшія быть первыми европейскими дамами, посѣтившими устье Енисея, и спортсменъ-англичанинъ, намѣревавшійся безъ всякой видимой цѣли высадиться на Ямалѣ и пройти пѣшкомъ въ Обдорскъ. Смѣясь, мы говорили между собой, что это, вѣроятно, особый родъ самоубійства“. Русскія суда то сходились, то расходились съ англійскими; на сѣверѣ раздѣлился и русскій отрядъ, потому что второй пароходъ долженъ былъ обследовать часть берега на сѣверѣ Обской губы; всѣ суда сошлись потомъ почти одновременно въ устьяхъ Енисея. Исторія этого путешествія съ его различными тревоженіями, бурями въ Нѣмецкомъ морѣ, всякаго рода трудностями въ Сѣверномъ океанѣ, малой извѣстностью самого пути на сѣверѣ (показанія картъ во многихъ случаяхъ оказались невѣрными), рассказана очень живо, просто и наглядно, такъ что читатель можетъ составить себѣ весьма ясное представленіе о томъ, что пережито было экспедиціей во время ея странствованія, и о той природѣ, какая встрѣтила ее на пустынномъ сѣверѣ. Наша экспедиція, раздѣлившись, какъ упомянуто, въ Сѣверномъ морѣ, сошлась почти одновременно въ устьѣ Енисея у Гольчихи; въ то же время пришелъ и англійскій отрядъ.

Экспедиція была, наконецъ, у русскихъ, обитаемыхъ береговъ. У Гольчихи она застала гидрографическую партію на паровомъ баркасѣ, пароходъ купца Гадалова (съ баржами, долженствовавшими принять грузъ рельсовъ отъ Виггинса), чиновниковъ, высланныхъ енисейскимъ губернаторомъ для оказанія содѣйствія экспедиціи, наконецъ священника, который самъ пожелалъ встрѣтить русскія суда. „Радость встрѣчи была тѣмъ сильнѣе, что въ Гольчихѣ почти потеряли надежду на нашъ приходъ“. Это было уже въ концѣ августа.

Повидимому, экспедиція была почти у цѣли; но ей еще предстояли испытанія, едва не стоившія ей гибели. Прежде всего Гольчиха (поселеніе, гдѣ постоянныхъ жителей всего нѣсколько человекъ), расположенная „на злополучномъ мѣстѣ“, гдѣ соединялись Енисейскій заливъ къ морю и громадный протокъ самого Енисея, оказалась совершенно невозможной для якорной стоянки; мѣстные люди не обѣщали добра отъ этой стоянки, — между тѣмъ здѣсь надо было пробыть недѣли двѣ для перегрузокъ. Дѣйствительно, при всякомъ западномъ вѣтрѣ расходилось страшное волненіе; все время стоянки была „какая-то оргія штормовъ“; качка была „хуже, чѣмъ въ Нѣмецкомъ морѣ“. Виггинса еще въ іюнѣ предупреждали съ мѣста о невозможности стоянки и перегрузки у Гольчихи и указывали для этого

другой пунктъ; но у англійскаго капитана (по прежнимъ свѣденіямъ) грузы были застрахованы именно до Гольчихи.

Время стоянки въ этомъ мѣстѣ оказалось чуть не хуже всего прежняго плаванія. Кромѣ бурь, отъ которыхъ едва не погибли суда, прошедшія черезъ Сѣверный океанъ, другой губительной стихійной силой явились домашніе обычаи. По этимъ обычаямъ, на пароходѣ (частномъ), пришедшемъ изъ Енисейска для приѣма грузовъ, „капитаномъ“ былъ приказчикъ, „никогда не бывавшій на морѣ“; самая большая изъ состоявшихъ при немъ баржъ представляла „старый пароходъ, изъ котораго за ветхостію была вынута машина“, и. т. п. Когда на такіа баржи Виггинсъ долженъ былъ перегрузить 6.000 рельсовъ (каждый въ 16 пудовъ), то произошло слѣдующее: во-первыхъ, такъ какъ приспособленій для правильной перегрузки не существовало, то первобытное сбрасыванье рельсовъ въ трюмъ баржи еще болѣе разрушало ея ветхое сооруженіе, а, во-вторыхъ, при первой бурѣ баржи немедля затонули, — къ счастью ихъ успѣли протащить на мелкое мѣсто, откуда можно было кое-какъ вытаскивать ихъ грузъ руками. Эта судьба постигла цѣлую половину всего числа рельсовъ: мѣстные жители брались вытащить ихъ на безопасное мѣсто по 60—65 коп. за штуку...

Плаваніе въ нижней (сѣверной) части Енисея было исполнено опасностями; онъ здѣсь громаденъ еще къ морю; свирѣпствовала буря уже зимняя (было около половины сентября)—со снѣжной метелью; суда покрывались льдомъ; прислуга на баржахъ, изъ простыхъ мужиковъ, несмотря на всѣ предупрежденія и угрозы, по глупости не слушалась приказаній (о томъ, какъ слѣдовало править). Однажды, въ критическую минуту, когда эта глупость грозила гибелью самому пароходу, командиръ велѣлъ, наконецъ, обрубить канаты и предоста-вить баржу ея судьбѣ, а съ ней и ея „экипажъ“...

„Я слышалъ,—разсказываетъ г. Семеновъ,—какъ плеснулись о воду разомъ ослабішіе перлины (канаты), а потомъ, потомъ...

„Мнѣ кажется, до конца жизни я не забуду этого дикаго нечеловѣческаго вопля, застыившаго въ воздухѣ... Этотъ вопль предсмертной муки и отчаянія холодилъ сердце... Я зажмурилъ глаза, словно видѣлъ ихъ передъ собою съ искаженными, растерянными лицами, вмѣстѣ молящихъ и проклиняющихъ“...

Авторъ слышалъ потомъ разговоръ объ этомъ матросовъ. „Въ немъ не было и тѣни той жалости, того состраданія къ чужому несчастью, которое является характерной чертой русскаго матроса; они казались даже озлобленными“... Это довольно понятно, потому что глупость становилась опасной для нихъ самихъ.

Къ счастью, однако, люди не погибли; брошенная баржа плавала кое-какъ, пока ее не перехватилъ другой пароходъ.

Эти мореплаватели были также енисейскіе, простые мужики, не имѣвшіе понятія о томъ, что они должны были дѣлать. Они были таковы же, какъ ихъ „капитанъ“ изъ приказчиковъ: этотъ „капитанъ“ удивилъ однажды моряковъ, когда послѣ бури, раскидавшей ихъ въ разныя стороны, замѣтилъ имъ съ удивленіемъ, что на другое утро солнце взошло не съ той стороны, гдѣ ему слѣдовало взойти. Оказалось, что пароходъ его плавалъ безъ компаса. „То-есть при покупкѣ парохода они были, и даже не одинъ, но магниты изъ нихъ давно вынуты на игрушки дѣтямъ, а самыя тумбы уничтожены“...

Наступила зима; около 1 октября обыкновенно кончается навигація на Енисей; температура падала ниже нуля; но экспедиція шла на югъ, природа становилась мягче, и наконецъ 5-го октября экспедиція пришла къ Енисейску. Встрѣча экспедиціи была торжественная и радушная. „Повсюду развѣвались флаги; толпы народа тѣснились на набережной и на бульварѣ передъ соборомъ. Оттуда несло дружное „ура“, на которое отвѣчала наша команда, стоя на вантахъ и размахивая фуражками... Пережитые невзгоды и опасности, штормы, метели, морозы—все было забыто, все исчезло въ счастливомъ сознаніи, что мы первые приносимъ въ этотъ далекій городъ флагъ русскаго военнаго флота“.

Книга г. Семенова, какъ мы сказали, читается съ живѣйшимъ интересомъ. Мы не совсѣмъ понимаемъ только, почему путь къ Енисею названъ „забытымъ“: географически онъ вовсе не забывался, а на практикѣ имъ, кажется, никогда правильно не пользовались, такъ что забывать было нечего. Не совсѣмъ понятно и то, почему экспедиція такъ поздно отправилась въ путь изъ Англіи, рискуя попасть въ Енисей въ началѣ зимы (какъ и случилось). Не совсѣмъ понятно, почему суда для экспедиціи должны были быть заказаны въ Англіи. Но, къ сожалѣнію, слишкомъ понятно искусство домашнихъ енисейскихъ мореплавателей: „капитана“, не имѣющаго понятія о компасѣ, и „команды“, полагавшей, что руль есть излишняя вещь; понятно и то, что рельсы, провезенные англичаниномъ черезъ Сѣверный океанъ, должны были потонуть тотчасъ послѣ перегрузки на гнилую енисейскую баржу.

— Стихотворенія А. Н. Плещеева (1846—1891). Второе изданіе. Съ портретомъ автора, факсимиле и статью П. И. Вейнберга. Спб. 1894.

Въ предисловіи замѣчено, что настоящее изданіе есть повтореніе перваго изданія, вышедшаго въ 1887 г. и редактированнаго самимъ авторомъ; но къ прежнему изданію сдѣланы дополненія изъ стихотвореній, написанныхъ послѣ 1887 г.,—въ числѣ ихъ послѣднее, не оконченное, найдено въ бумагахъ А. Н. Плещеева послѣ его смерти.

Г. Вейнбергъ начинаетъ свою статью воспоминаніемъ о томъ, какъ въ январѣ 1886 большой кругъ почитателей Плещеева привѣтствовалъ сорокалѣтній юбилей его поэтической дѣятельности; г. Вейнбергъ приводитъ и свое стихотвореніе, которое привелось ему сказать на этомъ юбилей и повторить на похоронахъ поэта, и гдѣ онъ говорилъ: „...Поэзія твоя ни на единый мигъ тебѣ не измѣнила; ни на единый мигъ не иссякали въ ней ни вѣра въ доброе, ни теплота, ни сила, ни задумчивость первыхъ дней“... Правда, въ поэзіи Плещеева, первымъ выраженіемъ которой было извѣстное стихотвореніе, призывавшее на доблестный подвигъ для общественнаго блага, наступали потомъ, подъ гнетомъ тяжелыхъ явленій жизни, минуты иного настроенія, сомнѣній, утраты надеждъ, — но затѣмъ опять брала верхъ бодрая надежда на будущее, на то, что въ концѣ концовъ не останется безплоднымъ „добра и правды идеалъ“, которому онъ хотѣлъ служить. Опредѣляя эти два настроенія поэзіи Плещеева, гдѣ она касалась вопросовъ общественной жизни, г. Вейнбергъ замѣчаетъ: „Я сдѣлалъ однажды надъ стихотвореніями Плещеева арифметическую операцію: сосчиталъ стихи, въ которыхъ выражаются уныніе, сомнѣніе, разочарованіе и т. п., и тѣ, гдѣ высказываются свѣтлая вѣра въ будущее, „жажда силы для новыхъ битвъ“, призывъ другихъ на эти битвы, отвращеніе отъ всякой апатіи,—и эти послѣднія оказались составившими весьма крупное большинство“.

Мы припоминаемъ, что на этомъ юбилей 1886 года, когда въ выраженіяхъ сочувствія къ дѣятельности Плещеева вспоминали славную эпоху сороковыхъ годовъ, къ людямъ которой онъ принадлежалъ, онъ не хотѣлъ допустить преувеличеній и называлъ себя только „рядовымъ“ въ средѣ дѣятелей этого и ближайшаго затѣмъ времени. Но вѣрно то, что по своимъ стремленіямъ онъ дѣйствительно принадлежалъ къ лучшимъ людямъ этой среды, сохранилъ до конца ея идеалы и довелъ ихъ до новѣйшихъ поколѣній, — какъ будто утрачивающихъ иногда сознаніе „добра и правды“ въ мнимомъ служеніи „чистому искусству“, буддистскомъ или декадентскомъ.—Т.

- Данте-Алигieri. Обновленная Жизнь. Переводъ стихами съ итальянскаго. А. П. Ф(О)едорова. Спб. 1895.
 — Того же переводчика: Божественная Комедія. Адъ, 1893; Чистилище, 1894, Рай, 1894.

Въ ряду русскихъ переводчиковъ Данте Алигieri г. Федорову принадлежит первое мѣсто — по усердію. Онъ одолѣлъ не только 14.229 стиховъ *Divina Commedia*, но также и *Vita Nuova*, заключающую въ себѣ, кромѣ прозы, 3 канцоны и 28 болѣе мелкихъ стихотвореній, большинство которыхъ — сонеты, форма очень трудная для перевода. Все это исполнено г. Федоровымъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ заявляетъ („Рай“, предисловіе).

Усердіе, конечно, очень похвальное качество, — существуетъ даже „медалъ за усердіе“, — но для оцѣнки литературныхъ заслугъ одного усердія недостаточно: есть ли у г. Федорова другія права на признательность любителей изящной словесности? Начнемъ съ *Vita Nuova*.

Уже самый переводъ заглавія вызываетъ недоумѣніе. *Vita Nuova* значить: „новая жизнь“ — зачѣмъ было переводить: „обновленная“? Если г. Федоровъ полагалъ, что этимъ словомъ лучше выражается смыслъ книги, онъ могъ объяснить это въ комментаріи, — какъ есть цѣлыя разсужденія за и противъ толкованія словъ *Vita Nuova* въ смыслѣ „молодая жизнь“; но недоумѣніе, возбуждаемое заглавіемъ, разсѣивается, впрочемъ, очень скоро, ибо первыя же строки перевода обнаруживаютъ, что г. Федоровъ усвоилъ себѣ принципъ свободнаго отношенія къ тексту переводимаго автора. Вотъ подстрочный переводъ ¹⁾ начала *Vita Nuova*: „Въ той части *книги моей памяти* (*libro della mia memoria*), ранѣе которой мало что могло бы быть прочитано, есть рубрика, гласящая: *Incipit vita nuova*. Подъ этою рубрикою я нахожу записаннымъ многое (а также) и тѣ слова (*le parole*), которыя я *намыреваюсь* собрать въ этой книжкѣ, если уже и не всѣ, то по крайней мѣрѣ *изъ смыслъ* (*logo sentenza*)“. А вотъ переводъ г. Федорова: „Въ этой части *моей памятной книжки*, до которой было мало матеріала для чтенія, есть рубрика, гласящая: „здѣсь начинается обновленная жизнь“. Подъ этою рубрикою я нахожу записаннымъ многое изъ того, что я *намыревался* собрать въ этой книжкѣ, если не все отъ слова до слова, то, по крайней мѣрѣ, *все, что было прочувствовано*“.

Изъ сравненія обоихъ текстовъ видно, во-первыхъ, что Данте различаетъ *книгу* своей памяти отъ той *книжки* (*Vita Nuova*), кото-

¹⁾ Перевожу съ изданія Machirelli и Ferrucci (Резаго, 1829), котораго, по словамъ г. Федорова, онъ преимущественно придерживался.

рую собирается писать; г. Федоровъ упускаетъ изъ виду это различіе. Во-вторыхъ, о своемъ намѣреніи написать книжку Данте говорить въ настоящемъ времени; г. Федоровъ — въ прошедшемъ, искажая этимъ смыслъ текста. Въ-третьихъ, переводчикъ не придаетъ должнаго значенія слову *le parole*. Комментаторы согласны, что подъ *parole* (слова или рѣчи) слѣдуетъ разумѣть *parole rimate*, т.-е. стихотворныя произведенія, смыслъ которыхъ объясняется въ *Vita Nuova*. Если г. Федоровъ затруднялся перевести *parole* буквально, то онъ могъ бы поставить „стихотворенія“ и оговорить вольность перевода въ комментаріи. Это было бы лучше, чѣмъ перефразировать цѣлый періодъ. Но въ *Vita Nuova* вошло далеко не все, что Данте прочувствовалъ. Нѣтъ въ ней ни страстныхъ *canzone pietrose*, ни намековъ на тотъ бурный періодъ, за который упрекаетъ его Гвидо Кавальканти въ известномъ сонетѣ и о которомъ упоминаетъ г. Федоровъ въ своемъ комментаріи къ I-й пѣснѣ „Ада“.

Далѣе, можно на каждой страницѣ найти примѣры неточной передачи подлинника. По версіи г. Федорова Беатриче въ первый разъ явилась Данте „одѣтою въ красноватый цвѣтъ, величественная и скромная“. Выраженіе „одѣтая въ цвѣтъ“ можетъ быть и допустимо въ разговорной рѣчи, но здѣсь оно неловко; что же касается до эпитета „величественная“, то, при всемъ своемъ благоговѣніи передъ Беатриче, Данте не примѣняетъ этого эпитета къ дѣвочкѣ, которой пошелъ девятый годъ; онъ просто говоритъ, что Беатриче была „одѣта въ платье самаго благороднаго цвѣта, скромнаго и умѣренно краснаго“. Благороднѣйшую (*nobilissima*) добродѣтель Беатриче г. Федоровъ называетъ „великодушною и могущественною“. Въ одномъ мѣстѣ г. Федоровъ возвращаетъ мужа и жену въ положеніе жениха и невесты и т. д., и т. д.

Но переводъ г. Федорова не только неточенъ; мѣстами онъ до того небреженъ, что вводитъ въ текстъ очевидныя недѣльности. Известно, что Данте былъ большой знатокъ современной ему астрономіи. Онъ охотно прибѣгалъ къ различнымъ, иногда искусно запутаннымъ, астрономическимъ комбинаціямъ, чтобы опредѣлить время и мѣсто описываемыхъ событій, и всѣ эти опредѣленія отличаются большой точностью. Свой излюбленный приемъ примѣняетъ онъ и въ первыхъ строкахъ *Vita Nuova*. „Уже десять разъ,—говоритъ онъ,—послѣ моего рожденія небо солнца (буквально небо свѣта — *lo cielo della luce*), слѣдуя собственному своему вращенію, вернулось почти къ той же самой точкѣ, когда глазамъ моимъ впервые предстала“ и т. д. По астрономическимъ представленіямъ того времени небо, или сфера, солнца обращается вокругъ своей оси въ теченіе одного года. Слѣдовательно, въ моментъ, о которомъ говоритъ Данте, ему

былъ девятый годъ на исходѣ, что онъ и высказываетъ нѣсколькими строками ниже. Г. Федоровъ совсѣмъ опускаетъ слова: „слѣдѣя собственному своему вращенію“ (*quanto alla sua propria girazione*), слова же „*cielo della luce*“ переводитъ „небо съ его свѣтилами“, т. е. звѣздное небо; а такъ какъ оно обращается вокругъ своей оси въ теченіе сутокъ, то и выходитъ, будто Данте полюбилъ Беатриче на девятый день своей жизни! Къ этому мѣсту *Vita Nuova* у г. Федорова нѣтъ комментарія, идущаго въ дѣлу, зато къ другому подобному мѣсту есть необыкновенно курьезное объясненіе. Въ одномъ советѣ Данте говоритъ: „За предѣлы сферы, которая проходитъ наибольшій путь въ своемъ вращеніи, проникаетъ вздохъ, исходящій изъ моего сердца... и видитъ женщину, которой воздается честь“... и т. д. Эта сфера есть кристалльное небо или *primum mobile*, за предѣлами коей находится эмпирей — жилище блаженныхъ духовъ и обиталище Божества. *Primum mobile* имѣетъ самый большой діаметръ и движется быстрѣе всѣхъ другихъ сферъ. Г. Федоровъ, переводя: „За сферу, что быстрѣй вращается, стремится вздохъ“... объясняетъ въ комментарий, что „небо состоитъ изъ девяти сферъ, изъ коихъ каждая послѣдующая, будучи менѣе предъидущей по діаметру, вращается быстрѣе“. Самый малый діаметръ имѣетъ сфера луны. Куда же помѣщаетъ г. Федоровъ блаженную душу Беатриче: на Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ?

Мы остановились на этихъ примѣрахъ потому, что они доказываютъ, что небрежность перевода зависитъ просто отъ непониманія г. Федоровымъ текста и незнакомства его съ дантовской литературой. Изъ канцонны „*Donne ch'avete intelletto d'amore*“ г. Федоровъ выпустилъ 10 строкъ. „Здѣсь нами выпущено, — говоритъ онъ въ комментарий, — 10 строкъ, въ которыхъ авторъ (Данте) приписываетъ Беатриче столь божественныя свойства, что мы сочли необходимыми вычеркнуть эту поэтическую вольность, считая ее оскорбительной для религіознаго чувства истиннаго христіанина“. По той же причинѣ г. Федоровъ вычеркиваетъ 3 строчки изъ „*Рая*“. Такимъ образомъ самого Данте г. Федоровъ истиннымъ христіаниномъ не считаетъ. Это дѣло его; но съ литературной точки зрѣнія любопытно, что г. Федоровъ вычеркнулъ едва ли не самое важное мѣсто *Vita Nuova*, которымъ устанавливается связь между этимъ произведеніемъ и „Божественной Комедіей“ и дается первоначальная обрисовка тому идеальному образу Беатриче, который есть центръ и въ которомъ весь смыслъ поэтическаго творчества Данте.

Если отъ стихотворнаго перевода нельзя ожидать такой же точности, какъ отъ перевода прозаическаго, то можно и слѣдуетъ требовать, чтобы переводчикъ по меньшей мѣрѣ передалъ общій тонъ,

колоритъ, настроеніе подлинника. Для достиженія этой цѣли громадное значеніе имѣетъ удачный выборъ размѣра. По отношенію къ „Божественной Комедіи“ въ этомъ пунктѣ, кажется, нѣтъ разногласія между лучшими переводчиками Данте. Какъ тѣ, которые переводили бѣлыми стихами (напр., король саксонскій, Лонгфелло), такъ и тѣ, которые сохраняли терцину (напр., Штрекфусъ, Гильдмейстеръ, у насъ Минъ), передавали одиннадцати-сложный итальянскій стихъ пятистопнымъ ямбомъ. Этотъ спокойный, плавный размѣръ, допускающій, однако, разнообразіе въ цезурѣ, необходимое для достиженія ритмическихъ эффектовъ, какъ нельзя болѣе подходитъ къ характеру повѣствованія Данте, сдержанный, слегка приподнятый тонъ котораго иногда прерывается рѣзкими, порывистыми штрихами или страстными и пламенными изліяніями.

Но читатель изумится, когда, открывъ первую страницу „Ада“ въ переводѣ г. Федорова, онъ замѣчаетъ, что переводчикъ вводитъ его въ юдоль вѣчной скорби подъ звуки веселаго вальса!

Пройди полъ-пути своей жизни,
Въ минуту унынья, вступишь
Я въ дѣственный лѣсъ и, дороги
Ища тамъ, я долго бродилъ,...

и такъ далѣе продолжаетъ вальсировать г. Федоровъ по всѣмъ тремъ царствамъ загробнаго міра. Случается ему, впрочемъ, сбиваться съ такта, переходя съ амфибрахія на дактиль или съ дактиля въ анапестъ, напр.:

Но время придетъ и другого (амфибрахій)
Карла и сродныхъ ему (дактиль)
Вытѣснить . . . . . (Чист. XX, 71).
. . . . .
Къ мѣсту, откуда пришелъ онъ (дактиль)
Какъ магнитная стрѣлка къ тому (анапестъ)
Пункту, гдѣ полюсъ . . . . . (Рай XII, 27).
. . . . .
Не будетъ, чтобъ кто устранилъ
Божье возмездье похлебкой (Чист. XXXIII, 36).

Уже однимъ этимъ размѣромъ г. Федоровъ подписалъ приговоръ своему переводу... Въ комментаріи къ „Рай“ онъ говоритъ, что трудно найти такой размѣръ стиха въ русскомъ языкѣ, въ которомъ уложилось бы слово „Навуходоносоръ“; но это слово безъ особаго труда укладывается въ трехъ, четырехъ, пяти- и шестистопный ямбъ.

О точности перевода, о близости его къ подлиннику читатель можетъ судить по слѣдующимъ двумъ примѣрамъ.

Вотъ надпись надъ дверью „Ада“ въ ринованномъ переводѣ Мина, въ этомъ мѣстѣ очень близкомъ къ подлиннику, почти буквально:

Здѣсь мною входить въ скорбный градъ къ мученикамъ.
 Здѣсь мною входить къ мукамъ вѣковой,
 Здѣсь мною входить къ падшимъ поколѣньямъ.
 Подвинуть правдой вѣчный зодчій мой;
 Господня сила, разумъ всемогущій
 И первая любви духъ святой
 Меня создали прежде твари сущей,
 Но послѣ вѣчныхъ и мнѣ вѣка нѣтъ.
 Оставь надежду всякъ, сюда идущій!

А вотъ переводъ г. Федорова:

Здѣсь входить въ обитель страданій,
 Къ погибшимъ навѣки идуть.
 Создали такую обитель
 Лишь праведный Божескій судъ,
 Да разумъ высокій и властный,
 Благая Господня любовь.
 И вѣчна, какъ Божье созданье.
 Пройти тутъ когда-либо вновь,
 Входящій сюда, не надѣйся.

Другой примѣръ беремъ изъ „Чистилища“. Въ первомъ кругѣ Данте видитъ высѣченные въ скалѣ барельефы, изъ коихъ одинъ изображаетъ перенесеніе Давидомъ кивота завета. Передъ колесницей, везущей „благословенный сосудъ“ (*il benedetto vaso*), изображенъ скачущимъ въ приподнятой одеждѣ „смиранный псаломпѣвецъ“ (*l'umile salmista*); изъ оконъ большого дворца смотритъ на это жена его Мельхола (по-итальянски *Micol*) взоромъ женщины, „негодующей и грустной“ (*donna dispettosa e trista*). Г. Федоровъ передаетъ это мѣсто такъ:

Тамъ, платье поднявъ, предъ сосудомъ
 Священнымъ псаломщикъ плясалъ,
 И съ кровли сосѣдней Микола
 Съ презрѣньемъ и скукой извралъ.

Мы уже говорили, что г. Федоровъ не стѣсняетъ своей свободы. Дѣйствительно, къ собственнымъ именамъ онъ относится съ крайней поэтической вольностью, обращая Кампаньятико въ Компаньико, Чимабуэ—въ Чимабу, Киприду—въ Сипрису, Діонисія Ареопагита—въ Дениса Ареопажскаго и т. п. Съ русскимъ языкомъ онъ тоже очень свободенъ: вмѣсто тысяча говоритъ тыща; слова: пѣснь, жизнь, мысль, сонмъ, смыслъ—онъ считаетъ двусложными; кормчій, корабль, боязнь—трехсложными; юдоль читаетъ юдолъ, кара—кара, толпѣй—толпы; созвѣздіе Колесницы (Б. Медвѣдицы) онъ называетъ звѣзда

и т. д. Но до обращенія псалмопѣвца Давида въ „псаломщика“, а дочери Саула Мельхолы въ Миколу (точно русскаго мужика)—не достигали до сихъ поръ самыя вольнолюбивыя умы. Нельзя не согласиться съ г. Федоровымъ („Рай“, предисловіе), что онъ въ правѣ смотрѣть на свой переводъ „Божественной Комедіи“ какъ на плодъ *своего* вдохновенія, только не *отчасти*, какъ онъ говоритъ, а *вполнѣ* и исключительно.

Еще одно замѣчаніе о комментаріяхъ г. Федорова. Тамъ, гдѣ нужны объясненія, напр. къ вышецитированной „похлебкѣ“, не могущей устранить Божье возмездіе—ихъ нѣтъ; тамъ же, гдѣ комментарий есть, они или излишни, или спутанны, или невѣрны. Приведу курьезы. „Планета любви“—луна; всѣмъ извѣстно, что это—Венера. „Мантуя—городъ въ Италіи, родина Виргилія Данте (?) и Сорделло“. „Vinum non habent—слова Христа, обращенныя къ Богоматери на бракъ въ Каннѣ Галлилейской“ (!)... Г. Федоровъ, изъ благочестія вычеркивающийъ нѣсколько (весьма, впрочемъ, невинныхъ) строкъ изъ канцоны Данте, полемизирующій въ вступленіи къ „Чистилищу“ противъ католическаго ученія о загробной жизни и въ комментаріи къ „Рай“ противъ ученія объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына,—не знаетъ, что не Христосъ сказалъ: „вина не имутъ“, а Богоматерь: „эти слова,—продолжаетъ онъ,—выражаютъ чувство, прямо противоположное зависти; Христосъ скорбѣлъ не о томъ, что у людей есть что-либо, какъ это дѣлаютъ завистники, а наоборотъ,—о томъ, что у нихъ нѣтъ того, что нужно“.

Въ предисловіи къ „Рай“ бросается въ глаза восхваленіе дешевины изданія и ссылка на благоприятные отзывы критики—но безъ всякихъ указаній на такія критическія статьи...—А. С.

Въ теченіе октября поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Агановъ, Д. В.—Новая тригонометрія. Рѣшеніе треугольниковъ помощью теоремы Аганова 45° случаевъ. Для старшихъ классовъ средн. учебн. завед. Оренб. 94. Стр. 124. Ц. 85 к.

Андерсенъ.—Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Перев. съ датск. подлин. Т. III, вып. X. Спб. 94. Стр. 129—256. Всѣ 4 тома 8 руб.

Андреевскій, В. П.—Дружокъ. Двадцать рассказовъ для дѣтей. Съ 5-ю раскрасен. рис. Спб. Стр. 147.

— Вмѣсто игрушки. Рассказы изъ дѣтской жизни для дѣтей младшаго возраста. 2-е изд., съ 6-ю раскр. рис. Спб. Стр. 68.

— Колокольчики. Рассказы изъ дѣтской жизни для дѣтей младш. возр. 2-е изд. съ 6-ю раскр. рис. Спб. Стр. 72.

Балашъ, проф. Д. И.—Опытъ исторіи харьковскаго университета. По не-

изданнымъ матеріаламъ. Т. I: 1802—1815 гг. Вып. 1. Харьк. 94. Стр. 202. Ц. 1 р. 20 к.

Байронъ.—Полное собраніе сочиненій, въ переводѣ русскихъ поэтовъ, Н. В. Гербеля. 4-е изд. п. р. Д. Михаловскаго. Т. I. Спб. 94. Стр. 528.

Барсуковъ, А.—Свѣденія изъ юхотской волости о ея прежнихъ владѣльцахъ князьяхъ Мстиславскихъ. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Спб. 94. Стр. 78.

Бертенсонъ, д-ръ Г.—Новое мировоззрѣніе. Спб. 94. Стр. 54.

Боровичъ, Л. А. инж.-техн.—Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ. Изд. 2-е, съ 164 рис. Спб. 94. Стр. 392. Ц. 3 р.

Бреддонъ, м-съ.—Соблазны міра, ром. М. 94. Стр. 311. Ц. 1 р.

Бремъ, А.—Жизнь животныхъ. Популярное изданіе. Полут. II. вып. 15 и 16: Грызуны. Перев. съ 2-го нѣм. над., п. р. д-ра зоологіи. С. М. Переславцевой. Од. 94. Стр. 451—514. Ц. по 25 к.

Вейнбергъ, Л. О.—Вартольдъ Нибургъ, его жизнь и дѣятельность. Перев. съ нѣм. Въ приложеніи: Письмо Нибура къ филологу. М. 94. Стр. 116. Ц. 60 к.

Витковский, В.—За океанъ. Путевыя записки. Спб. 94. Стр. 558.

Всеголовская, О. В.—Помощь переселенцамъ. Повѣсти и рассказы. Тобол. 94. Стр. 158. Ц. 1 р.

Гротъ, Н. Я.—Основные моменты въ развитіи новой философіи. М. 94. Стр. 256. Ц. 60 к.

Данилевскій, Г. П.—Слобожане. Малороссійскіе рассказы. Изд. 2. Спб. 94. Стр. 247. Ц. 1 р.

— Не вытанцовалось. Повѣсть. Спб. 94. Стр. 134. Ц. 1.

Данри, капит.—Въ чистомъ полѣ. Военный романъ-фантазія, въ 2-хъ ч. Ч. I: Въ походъ. М. 94. Стр. 127.

Дружининъ, Н. П.—Какіе способы даетъ законъ для борьбы съ пьянствомъ? Спб. 94. Стр. 40. Ц. 10 к.

Дунина-Борковскій, В. М.—Нѣкоторые вредныя настыкомья въ Екатеринославской губерніи. Скрытые враги хлѣбныхъ посѣвовъ. Екатериносл. 94. Стр. 17.

Животовъ, Н. Н.—Петербургскіе профили. Вып. 1: На извозчичьихъ козлахъ. Спб. 94. Стр. 39.

Ильенко, поруч. А. К.—Смоленскъ, дорогое ожерелье царства русскаго. Спб. 94. Стр. 117 in-fol.

Керенскій, Влад.—Старокатолицизмъ, его исторія и внутреннее развитіе, преимущественно въ вѣроисповѣдныхъ отношеніяхъ. Кав. 94. Стр. 324.

Колосовъ, А. А.—Оцѣнка имѣній. Братское руководство. Изд. 2. Харьк. 94. Стр. 65. Ц. 60 к.

Котисъскій, Олександръ.—Дядя Евмень. Спомынки бабы Уляны Крисячки. Черниг. 94. Стр. 24.

Коренинъ, проф. М. С.—Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. 2: Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы, съ 22 рис. М. 95. Стр. 60. Ц. 30 к.

Костомаровъ, Н.—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. II: Господство Дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. Изд. 4-е. Спб. 95. Стр. 536. Ц. 2 р.

Лагранжъ, д-ръ Ф.—Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей. Перев. д-ра Е. М. Дементьева. Изд. 2-е. Спб. 94. Стр. 263. Ц. 1 р. 50 к.

- Дуговой, А.* — Сочиненія. Т. II: Грави жизни, ром. въ 5 ч. Спб. 94. Стр. 526. Ц. 2 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.* — Дѣтскія тѣни. Разказы. М. Спб. 94. Стр. 231. Ц. 80 к.
- Масловъ, В. Д.* — Русскіе символисты. Вып. 2: Стихотворенія Дарова, Бронна, Мартова, Миропольскаго, Новича и др. М. 94. Стр. 50.
- Мищенко, Я. Г.* — Демосеентъ. Жизнь Демосеена и его труды. Кіевъ, 94. Стр. 92. Ц. 35 к.
- Мопассанъ, Гюи, де.* — На водѣ. Перев. съ франц. Л. Никифорова и др., съ предислов. Л. Н. Толстого. М. 94. Стр. 106. Ц. 60 к.
- *Монтъ-Оріоль.* Ром., перев. съ франц. Л. Никифорова, съ предисл. Л. Н. Толстого. М. 94. Стр. 202. Ц. 60 к.
- Морозовъ, А. П. и П-въ, А. А.* — Послѣ ужина. Фарсъ въ 3 д. Спб. 94. Стр. 81. Ц. 50 к.
- Нестеровъ, Н. А.* — Карты фабрикъ и заводовъ европейской Россіи, съ пояснительной запиской. Составл. подъ руковод. инж. И. А. Дихачева. М. 95.
- *Пояснительная записка къ картамъ фабрикъ и заводовъ европейской Россіи.* М. 95. Стр. 85.
- Озеровъ, И. Х.* — Общества потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ зап. Европѣ, Америкѣ и Россіи, и краткое руководство къ основанію и веденію потребительныхъ обществъ. П. р. и съ предисл. проф. И. И. Янжула. Спб. 94. Стр. 186 и 41.
- Песталоцци, Г.* — Избранныя педагогическія сочиненія. Т. I: Лингардъ и Гертруда. Ч. 1 и 2. Перев. съ нѣм. В. Смирнова. Съ портретомъ Песталоцци и очеркомъ его жизни и дѣятельности. М. 93. Стр. 443. Ц. 2 р. 50 к. Т. II: Лингардъ и Гертруда. Ч. 3 и 4. М. 94. Стр. 557. Ц. 2 р. 50 к.
- Покровский, К.* — Путеводитель по небу. М. 94. Стр. 192. Ц. 2 р.
- Прутковъ, Козьма.* — Полное собраніе сочиненій, съ портретомъ, fac-simile и биграфическими свѣдѣніями. 4-е изд. Спб. 94. Стр. 253. Ц. 2 р.
- Режю, Эд.* — Земля. Описание жизни земного шара. Перев. безъ пропуска съ послѣдн. франц. изданія А. В. Мезьеръ, п. р. съ примѣч. Н. А. Рубакина. Вып. 1: Земля, какъ планета. Горы и равнины. Съ 26 рис. и 4 карт. Спб. 95. Стр. 229. Ц. 90 к.
- Ризовъ, Д.* — Разлагающа се и възраждающа се България. София. 94. Стр. 141. Ц. 1 левъ.
- Родъ, Эд.* — Вопросы жизни. Ром., перев. съ франц. О. Н. Хмѣлевой. М. 94. Стр. 179. Ц. 60 к.
- Салтыковъ, М. Е.* — Полное собраніе сочиненій. Т. III: Помпадуръ и помпадурши — Невинные разказы. 3-е изд. Спб. 1894. Стр. 575. Ц. 1 р. 75 к.
- Сеурскій, А. И.* — Въ стѣнахъ тюрьмы. Очерки арестантской жизни. Ростовъ-н.-Д. 94. Стр. 142. Ц. 60 к.
- Сениновъ, І.* — Народныя сказки и пѣсни о Новгородѣ Великомъ. Спб. 94. Стр. 35. Ц. 15 к.
- *Царь-работникъ и учитель.* Спб. 93. Стр. 30. Ц. 15 к.
- Сиротъ, И. М.* — Практическіе курсы русскаго правописанія. Концентрическій сборникъ образцовъ для систематическаго диктанта, состоящій изъ трехъ частей. Ч. I: Курсъ приготовительный. Од. 94. Стр. 103. Ц. 40 к.
- Стефановскій, Д. Н.* — О предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процесѣ. Очеркъ теоріи относимости доказательствъ. Ярослав. 94. Стр. 112. Ц. 1 р.

Огюстский, Ю. В.—Практическое руководство для должностных лиц восточного управления. Спб. 95. Стр. 158. Ц. 1 р. 50 к.

Толстая, М. Л.—Изъ дневника Амелия. Перев. съ франц., п. р. и съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Спб. 94. Стр. 107. Ц. 35 к.

Топазовъ, А.—Борьба ученыхъ съ корсетомъ. Сценическая фантазія изъ современной жизни въ 3-хъ д. М. 94. Стр. 64. Ц. 50 к.

——— Гражданинъ и личность. Мысли въ стихахъ. М. 94. Стр. 64. Ц. 50 коп.

——— Вопросы жизни, сценич. аллегорія изъ міра чувствъ и идей, въ 3-хъ д. М. 94. Стр. 64. Ц. 50 к.

Топелиусъ, З.—Финляндія въ XIX-мъ столѣтіи, изображенная въ словахъ и картинахъ финляндскими писателями и художниками. Спб. и М. 1894 г. Стр. 406 in—4°.

Трояновскій, К. Ф., д-ръ-медиц.—Здравоохраненіе личное и общественное. Краткое руководство для учебныхъ заведеній и для всеобщаго употребленія. Спб. 94. Стр. 334. Ц. 1 р. 40 к.

Фаррара, Ф. В.—Голосъ съ Синая. Вѣчное основаніе нравственнаго закона. Духовно-нравственные бесѣды. П. р. Ф. С. Бюмарскаго. Спб. 95. Стр. 471. Ц. 1 р. 50 к.

Филипписъ, Н.—Подвижныя школьныя игры, собранныя по порученію Комиссіи по физическому образованію, состоящей при Учебномъ Оудѣлѣ. Спб. 94.

Фирсовъ, П. П.—Къ вопросу объ оцѣнкѣ земель, какъ предмета земскаго обложенія. Херс. 94. Стр. 134.

Халлебергъ, д-ръ.—О вліяніи лѣсовъ на климатъ Швеціи. Перев. съ франц. Н. Дубровской, п. р. Д. Квитка. Полтава. 94. Стр. 916. Ц. 1 р.

Шахрай, Л. М.—Наша старина. Вып. VII: Еврейскія секты. Од. 94. Стр. 48. Ц. 15 к.

Шевелевъ, А.—О двойныхъ звѣздахъ. Очерки астрономіи. Вып. 1. М. 94. Стр. 52.

Шекспиръ,—въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Т. I: Шекспиръ и его значеніе въ литературѣ. Трагедіи: Отелло; король Лиръ; Макбетъ. Т. II: Гамлетъ. Ромео и Джульета. Тимонъ Аѳинскій. Къ переводу приложены историко-критическіе о нихъ этюды и 323 объяснительныхъ примѣчаній. Спб. 94. Стр. 472 и 371. Ц. по 1 р. 25 к.

Эврипидъ.—Вакханки, траг. Стихотворный переводъ, съ соблюденіемъ метровъ подлинника, въ сопровожденіи греческаго текста и три экскурса для освѣщенія трагедіи, со стороны литературной, мифологической и психической, Инноченція Анненскаго. Спб. 94. Стр. 172.

Эртель, А.—Смѣна, ром. М. 94. Стр. 269. Ц. 1 р. 50 к.

Bełza, Stanisław.—Na lagunach. Варш. и Спб. 95. Стр. 327.

Schäffle, Alb.—Deutsche Kern- und Zeitfragen. Neue Folge. Berl. 95. Стр. 500.

— Альбомъ Настольнаго Энциклопедическаго Словаря. 9 картинъ. М. 94.

— Библіотека полезныхъ свѣдѣній. Руководство для фабрикаціи чернилъ, ваксъ, свѣчей и восковой мази. Д-ръ А. А. Леонгардъ. Спб. 94. Стр. 72. Ц. 60 коп.

——— Выводѣліе изъ фруктовъ, съ 15-ю рис. В. Садовскій. Спб. 95. Стр. 83. Ц. 60 к.

— Жизнь прежде и теперь. № 11: Въ турецкой невогѣ. № 12: Праздники и зрѣлища у различныхъ народовъ. № 13: Живые мертвецы. Спб. 94. Стр. 103, 72 и 30.

— Изданіе книжнаго склада П. Прянишникова. № 5: Сказки Андерсена, Дикіе Лебеди. Стр. 16. № 6: Большахъ, П. Добротворскаго. Стр. 30. № 7: Сказка Андерсена, Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ, стр. 15. № 8: Малорусскія сказки, стр. 32. № 10—12: Мальчикъ-Геркулесъ; Сказки Андерсена; Она никуда не годилась; Покосы, Пастбища и кормъ для скота.

— Изданіе харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. № 25: Перекати поле, Грид. Основьяненка. № 26: Овраги, М. Сумцова. Харьк. 94. Стр. 23 и 47.

— Каталогъ второй библіотеки Семенникова. Спб. 94. Стр. 128.

— Къ 25-лѣтію торговаго дома В. Вессель и К°. Краткій очеркъ музыкально-издательской дѣятельности фирмы В. Вессель и К°. Спб. 94. Стр. 31.

— Международная Библіотека. № 15—21: Происхожденіе семьи, Штрайслера; Психологія мужчины и женщины, Фуллє; О возрастахъ человѣка, Шопентауэра; Государственный строй германской имперіи, по Лабанду; Новая политическая экономія, Шенберга; Механизмъ мышленія, А. Винз. Одесса, 94. По 15 к.

— Настольный Энциклопедическій Словарь, изд. А. Гранатъ и К°. Вып. 89: Публицистъ—Райскія птицы. М. 94. Стр. 4143—4190. Ц. 40 к.

— Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ москов. архивѣ министерства юстиціи. Кн. 9. М. 94. Стр. 361 и 161. Ц. 3 р.

— Отчетъ о состояніи коллегіи Павла Галагана. 1890—94 г. Кіевъ, 94. Стр. 215.

— Очеркъ устройства и двадцатипятилѣтней дѣятельности дѣтской больницы пр. Петра Ольденбургскаго. 1869—1894 г. Спб. 94. Стр. 354.

— Положеніе народнаго образованія въ Саратовской губерніи за время существованія въ ней земскихъ учреждений. Вып. 1: Вольскій уѣздъ. Сарат. 94. Стр. 371.

— Результаты однодневной переписи г. Одессы, 1-го декабря 1892 г., въ трехъ частяхъ. Ч. I: Населеніе. Ч. II: Квартиры. Ч. III: Дворовыя мѣста и подворно-хозяйственная перепись. Обработано статистич. бюро при Од. Город. Управъ п. р. Гориневича. Од. 94. Стр. 249, 388 и 67 in 4°.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1893 г. Вып. 2: Лѣто и осень. Вятка. 94. Стр. 92 и 48.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1893 г. Вып. 2. Н.-Новг. 94. Стр. 51.

— Сельско-хозяйственный обзоръ по Спб. губерніи. 1894 г. Періодъ I: Зима и весна. Спб. 94. Стр. 107 съ приложеніями.

— Силы природы и жизнь человѣка. № 9: Тяжкіе грѣхи темныхъ людей. № 10: Крестьянское хозяйство и книга. Спб. 94. Стр. 33 и 30.

— Тайный порокъ. Вып. 2. М. 95. Стр. 54. Ц. 20 к.

— Труды перваго областного съѣзда сельскихъ хозяевъ ю.-в. Россіи. Изд. п. р. Харисменова. Сарат. 94. Стр. 511. Ц. 3 р.

— Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Сборникъ статей. Изд. Москов. Комитета грамотности въ пользу воскресныхъ школъ. М. 94. Стр. 341. Ц. 1 руб.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Rudyard Kipling. The Jungle Book. London, 1894. Стр. 211.

Среди современныхъ английскихъ беллетристовъ имя Редіярда Киплинга, бытописателя Индіи—одно изъ самыхъ популярныхъ за послѣдніе годы. Его первые рассказы относятся къ концу восьми-десятихъ годовъ, когда молодой уроженецъ Бомбѣя вернулся на родину въ качествѣ военнаго корреспондента разныхъ газетъ. Воспитаніе, полученное въ Англіи, развило въ немъ критическое отношеніе къ англо-индійской жизни, среди которой онъ провелъ дѣтство; жизнь и психологія туземцевъ была ему близка и понятна съ самыхъ раннихъ лѣтъ, а обязанности военнаго корреспондента, постоянное общеніе съ лагерной жизнью познакомили его съ любопытными типами английскихъ солдатъ въ сношеніяхъ съ чуждой, непонятной имъ жизнью туземцевъ. Богатство и разносторонность его знанія Индіи сказались съ первыхъ же рассказовъ Киплинга, а оригинальность его таланта повела къ созданію новаго жанра въ современной английской беллетристикѣ.

● Индія съ своими несмѣтными богатствами и жизнью, полной чудесъ, давно уже стала занимать воображеніе поэтовъ и художниковъ; въ наше время, начиная съ знаменитаго англійскаго романиста, Чарльса Кинглей, и до нашей соотечественницы, Е. П. Блаватской, много былей и небылицъ рассказано было про страну чудесъ романистами и путешественниками. Киплингъ первый заговорилъ о реальной Индіи, о психологическихъ причинахъ, объясняющихъ весьма многое въ чисто сказочныхъ рассказахъ о подвижничествѣ индійскихъ аскетовъ, о нравственной силѣ туземцевъ, о тайнахъ ихъ существованія. Индія утрачиваетъ свое волшебное обаяніе въ рассказахъ тонкаго наблюдателя ея быта; она превращается въ совершенно реальную страну, страдающую такими же общественными язвами, какъ Европа, только порожденными иной цивилизаціей. Но, лишенная сказочнаго характера, Индія пріобрѣтаетъ въ рассказахъ Киплинга болѣе глубокий общечеловѣческій интересъ. Передъ нами не феерія съ быстро смѣняющимися декораціями волшебныхъ садовъ, мраморныхъ дворцовъ и кружевныхъ башенъ, среди которыхъ мед-

ленно двигаются торжественныя процессіи разряженныхъ жрецовъ и благоговѣйно слѣдующей за ними толпы. Киплингъ рисуетъ будничную Индію съ ея грязными, удушливыми городами и нищенскимъ населеніемъ, готовымъ обмануть и обокрасть „sahib'a" на каждомъ шагѣ; но эта неприглядная картина тунеядства и развращенности въ перемежку съ разными, болѣе скрытыми страданіями и своеобразнымъ величіемъ духа, является театромъ великой, непрерывной борьбы между двумя расами, столкнувшимися на небольшомъ пространствѣ земли. Побѣдители имѣютъ на своей сторонѣ физическое превосходство и силу цивилизаціи; побѣжденные—внутреннюю силу косности восточнаго человѣка, умѣніе переносить безропотно всякія страданія и уходить въ созерцаніе высшихъ идеаловъ, не поддаваясь вліянію извнѣ. Исторія современной Индіи полна глубокаго драматизма, благодаря борьбѣ двухъ противоположныхъ теченій: активнаго идеала Англіи съ ея стремленіемъ внести новую цивилизацію въ Индію, и пассивнаго, но упорнаго сопротивленія туземцевъ, живущихъ своей особой внутренней жизнью и презирающихъ своихъ побѣдителей. Драматизмъ этотъ и составляетъ основной фонъ всѣхъ рассказовъ Киплинга; они являются множествомъ отдѣльныхъ актовъ одной большой траги-комедіи, гдѣ великое и смѣшное, трогательное и отвратительное образуютъ необходимые элементы общаго впечатлѣнія. Чуждый условности обычныхъ панегиристовъ Индіи или громителей варварства ея населенія, Киплингъ нашелъ ключъ къ объясненію ея чудесъ и контрастовъ; онъ объясняетъ Индію, противопоставляя „бѣлыхъ" и „черныхъ", побѣдителей и побѣжденныхъ, объединенными общностью внѣшнихъ условій жизни. Въ результатѣ получается не слишкомъ лестная картина для національной гордости англичанъ; западная цивилизація не всегда оказывается на высотѣ задачъ, создаваемыхъ вѣковой культурой востока, и въ столкновеніяхъ двухъ расъ нравственная побѣда далеко не всегда на сторонѣ представителей британскаго владычества. Въ этой постановкѣ вопроса, т.-е. въ освѣщеніи современной Индіи внутренней враждой двухъ расъ, лежитъ главное значеніе творчества Киплинга. До него никто такъ ярко не освѣщаль обратную сторону англійскаго вліянія въ Индіи, и если смѣлныя разоблаченія Киплинга и возбудили въ началѣ негодованіе англійскихъ шовинистовъ, то талантливость и художественность его рассказовъ покорили читающую публику. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ составилъ себѣ громкое имя, и послѣдняя книга молодого художника, „The Jungle Book", встрѣчена была общимъ хоромъ похвалъ, какъ произведеніе автора, на высокой оцѣнкѣ котораго всѣ сходятся.

Киплингъ преслѣдуетъ намѣченную нами задачу изображеніемъ трехъ элементовъ въ жизни Индіи: быта туземцевъ, нравовъ англій-

своей колоніи и жизни англійскихъ войскъ въ Индіи. „Я пишу обо всемъ, что доступно моему пониманію, и о многомъ, что превышаетъ его,—говорить Киплингъ въ предисловіи къ сборнику рассказовъ „Life's Handicap“ (ресталище жизни) своему пріятелю, одноглазому мудрецу Гобиду.—Но главнымъ образомъ я пишу о жизни и смерти, о мужчинахъ и женщинахъ, о любви и о рокахъ“. Жизнь туземцевъ въ Индіи представляетъ широкое поле для освѣщенія вѣчной поэмы о человѣческихъ страстяхъ, и въ серіи рассказовъ Киплинга объ индусахъ различныхъ кастъ и положеній мы видимъ всѣ оттѣнки чувствъ, управляющихъ судьбой обитателей востока. Киплингъ рисуетъ съ неподражаемымъ юморомъ современнаго индостанскаго простолюдина, развращеннаго въ концѣ своимъ полу-рабскимъ положеніемъ, изолгавшагося льстеца, готоваго на всякій мелкій обманъ. Наботъ, въ рассказѣ того же имени, является типичнымъ представителемъ этого продукта европейскаго владычества; выпросивъ у „благодѣтеля-саиба“ нѣсколько денегъ, онъ такъ ловко ведетъ свои дѣла, что на глазахъ своего благодѣтеля превращается изъ уличнаго разносчика въ кулака, имѣющаго въ своемъ распоряженіи цѣлый отрядъ батраковъ—„кули“. Его постоянно мѣняющаяся, вмѣстѣ съ возрастающимъ успѣхомъ, психологія, постепенный переходъ отъ подобию страсти къ дерзости, составляютъ тонкую характеристику изворотливости и пронырливости, выработанной поработленнымъ состояніемъ. Киплингъ стремится показать въ своихъ рассказахъ, какъ богата и гибка натура восточнаго человѣка, умѣющаго глубоко и сильно чувствовать, но мастерски скрывающаго свою внутреннюю жизнь среди будничныхъ интересовъ. Зависимость отъ европейцевъ развила въ обитателяхъ Индіи только склонность къ лжи и хитрости, свойственную восточному темпераменту; лестию и обманомъ эти хитроумные толкователи мистическихъ ученій умѣютъ самымъ ловкимъ образомъ обходить своихъ просвѣщенныхъ господъ и добиваться во всемъ своихъ цѣлей. Они готовы претерпѣвать для этого какія угодно униженія—съ европейской точки зрѣнія; стоитъ, однако, европейцу задѣть какъ-нибудь своеобразное туземное пониманіе чести, и въ забитомъ торгашѣ просыпается вся гордость нѣкогда господствующей націи. Мошенникъ Наботъ превращается въ одну минуту въ Багадур-хана, героя другого рассказа: „The return of Imray“; онъ убилъ ненавистнаго европейца, „сглазившаго“ его ребенка, и спряталъ трупъ между балками крыши; его совѣсть была чиста, и только зная, что „сагибамъ“ недоступно его пониманіе нравственнаго долга, онъ скрывалъ свой поступокъ и готовъ былъ клясться въ своей неприкосновенности къ убійству. Когда же преступленіе открылось, и его собираются предать суду, т. е. послать на вѣрную смерть, онъ находитъ

героическое средство избѣжать британскаго правосудія: въ присутствіи своихъ хозяевъ и ихъ друзей онъ отстраняетъ подступающихъ къ нему полицейскихъ и, провозглашая право мести, отказывается подчиниться чуждому ему закону; онъ хладнокровно наступаетъ на голову ядовитой змѣи, выползшей изъ щели, и умираетъ смертью свободного человѣка. Въ этотъ моментъ лгунъ и притворщикъ-слуга стоитъ головой какъ бы выше своихъ просвѣщенныхъ господъ; послѣднимъ нуженъ законъ для огражденія нравственности, — въ немъ же нравственный инстинктъ торжествуетъ въ послѣднюю минуту надъ формальнымъ правосудіемъ. У туземцевъ, изображаемыхъ Киплингомъ, мелочные пороки проявляются главнымъ образомъ въ сношеніяхъ съ европейцами, между тѣмъ какъ величіе духа обнаруживается въ страстяхъ, наполняющихъ ихъ внутреннюю, скрытую отъ европейцевъ жизнь. Дана-Да, кудесникъ по профессіи, ловко пользуется модой на теософію, нео-буддизмъ и т. д., и, выдавая себя за любимца „магатмъ“, согласенъ за извѣстную сумму „наслать проклятіе“ одному изъ скептиковъ, не поддавшихся еще увѣщаніямъ теософовъ. Вся колонія (или „станція“ на жаргонѣ англо-индійскаго общества) взволнована таинственнымъ ежедневнымъ появленіемъ полуслѣпыхъ бѣлыхъ котятъ въ домѣ жертвы Дана-Да. Котята появляются въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ, и почти доведенный до сумасшествія человѣкъ близокъ уже къ обращенію въ теософію; въ это время Дана-Да заболѣваетъ и сознается передъ смертью своему пріятелю, какую сумму рупій онъ заплатилъ за доставку и укрывательство новорожденныхъ котятъ.

Продѣлки и льстивое заискиваніе туземцевъ передъ недогадливыми „сагибами“ составляютъ юмористическій элементъ рассказовъ Киплинга. Рѣчь индійскихъ простолюдиновъ, испещренная чисто восточнымъ краснорѣчіемъ, цвѣтистая и подобострастная, передана въ нѣкоторыхъ разсказахъ съ неподражаемой виртуозностью; но среди ея хитросплетеній чувствуется, что торгашествомъ и мелкимъ обманомъ не ограничивается существованіе этихъ, повидимому, лѣнивыхъ, пассивныхъ людей. Трагическая нота слышится изъ-за рассказовъ стараго торгаша въ „Dray Waga Yow Dee“. Онъ съ особымъ удовольствіемъ рассказываетъ сагибу о своихъ продѣлкахъ, артистически жетъ и обнаруживаетъ неистощимое богатство льстивыхъ выраженій въ разговорѣ съ сагибомъ; но среди прибаутокъ и дѣловыхъ спекуляцій онъ отрывочно передаетъ трагическую исторію своей жизни: онъ обходитъ всю Индію, собираясь и занимаясь конокрадствомъ, и не успокоится, пока не найдетъ своего оскорбителя, соблазнителя его жены. Онъ убѣдился въ ея невѣрности и отрубилъ ей голову въ то время, какъ она пѣла свою любимую пѣсенку: „Dray Waga Yow

Дее"; но разлюбить онъ ее не умѣлъ и долго не могъ оторваться отъ вида ея безжизненнаго тѣла. Теперь цѣль его жизни—разыскать обидчика и убить его. Конокрадство и любовь, переживающая смерть, душевныя страданія и мелкое мошенничество — этими контрастами полна жизнь націи съ высокими нравственными традиціями среди унижительной зависимости отъ чуждыхъ законовъ. Какъ мощно и рельефно выступаетъ приниженное, но не уничтоженное величіе и гордость индуса въ „He was a King“!—полумертвый отъ голода и ранъ туземецъ рассказываетъ съ энтузіазмомъ о томъ, какъ онъ былъ королемъ на какомъ-то пустынномъ островѣ; ничего кромѣ страданій это мимолетное величіе не доставило ему, и теперь онъ еле живой добрался до англійскаго лагеря; но онъ забылъ всѣ лишенія, его истощенная отъ долгаго голода и скитаній фигура гордо выпрямилась,—у него въ узелѣхъ сохранилась эмблема его минувшаго могущества—тонкій обручъ поддѣльнаго золота, его корона. Чтобы сохранить ее, онъ чуть не погибъ, но въ голодномъ нищемъ проснулся инстинктъ могущественнаго народа, и иллюзія власти сдѣлалась ему дороже непосредственнаго избавленія отъ физическихъ страданій.

На ряду съ этими проблесками гордаго, независимаго духа и способности къ сильнымъ и цѣльнымъ чувствамъ, Киплингъ подмѣчаетъ въ приниженныхъ обитателяхъ Индіи нѣжность и поэтичность, особенно полно связывающуюся въ женщинахъ ихъ расы. Онъ посвящаетъ имъ нѣсколько драматическихъ и артистическихъ очерковъ въ „Black and white“, „Plain tales from the Hills“, „Under The Deodars“ и т. д.,—и героини нѣкоторыхъ изъ его рассказовъ, какъ „Georgy Porgie“, „Without the benefit of the clergy“, напоминаютъ античную Савунталу по чистотѣ своей натуры и умѣнію беззавѣтно любить. Женщины Индіи живутъ такой особенной жизнью, что цивилизація ихъ совсѣмъ не коснулась, и, вѣрныя традиціямъ своей націи, онѣ во всей чистотѣ сохраняли завѣты времени древняго величія. Киплингъ поэтому съ особой любовью останавливается на изображеніи этихъ нѣжныхъ красавицъ, не понимающихъ зла, безропотно сносящихъ всѣ страданія и безоружныхъ противъ своихъ притѣснителей; на ихъ внутренней жизни обнаруживается полнѣе всего контрастъ между душевными данными послѣдователей Будды и тѣмъ, что сдѣлало изъ нихъ чужеземное владычество.

Когда Киплингъ переходитъ отъ рассказовъ о разныхъ типахъ туземцевъ къ изображенію нравовъ англо-индійскихъ „станцій“, тонъ его сразу мѣняется: добродушный юморъ уступаетъ мѣсто злому сарказму, драматизмъ широкихъ страстей—анализу мимолетныхъ, капризныхъ чувствъ и настроеній, доходящихъ, однако, до трагическихъ моментовъ, благодаря внѣшнимъ условіямъ жизни въ Индіи. Непри-

влекательной и тяжелой является жизнь англичанъ въ Индіи по рассказамъ Киплинга. Заброшенные въ пагубномъ климатѣ тропической страны, осужденные большей частью на бездѣлье и на общество нѣсколькихъ случайныхъ сослуживцевъ, эти представители высшей культуры даютъ примѣръ самой большой развращенности и жестокости туземцамъ, въ которыхъ они не могутъ отучиться видѣть или враговъ, или низшихъ существъ. Очень характерно изображены эти взаимныя отношенія двухъ націй въ рассказѣ: „Не was a man“, въ которомъ туземный офицеръ—принцъ крови по происхожденію—не имѣетъ права обѣдать за общимъ столомъ съ англійскими офицерами. Какъ это раздѣленіе общества на побѣдителей и подчиненныхъ отражается на психологій непомѣрно гордыхъ побѣдителей—видно изъ множества рассказовъ Киплинга. Англичанинъ оставляетъ свойственную ему на родинѣ гуманность и уваженіе передъ личностью другого, когда прѣзжаетъ въ завоеванную страну. Въ рассказахъ о военныхъ стычкахъ, о расправахъ съ мятежниками Киплингъ не льститъ своимъ соотечественникамъ, и симпатіи читателя почти безъ исключенія обращаются на страданія безотвѣтныхъ жертвъ англійскаго оружія. Но не эта военная сторона англо-индійской жизни интересуетъ больше всего Киплинга. Онъ преисполненъ сознаніемъ развращающаго вліянія, которое имѣетъ положеніе неограниченныхъ властелиновъ на нравы въ ихъ собственной средѣ. Бездѣлье и сознаніе власти роковымъ образомъ превращаютъ даже гуманныхъ и свободолюбивыхъ англичанъ въ высокомерныхъ деспотовъ, а жизнь среди тяжкихъ физическихъ условій, постоянныхъ эпидемій, отсутствія общества—даетъ широкій просторъ страстямъ. Съ подробностями, напоминающими Эдгара Поэ, онъ рассказываетъ объ ужасныхъ кошмарахъ и непонятныхъ ужасахъ, наполняющихъ жизнь врачей или чиновниковъ, служащихъ въ заброшенныхъ уголкахъ Индіи. „The Mark of the Beast“—одинъ изъ самыхъ таинственныхъ рассказовъ, приподнимающихъ завѣсу мистической Индіи, непонятной и недоступной европейцамъ; въ другихъ же, въ особенности въ неподражаемомъ „City of Dreadful Night“, изображены ужасы климата Индіи, ея эпидемій и ея губительной жары.

Въ бытописательныхъ рассказахъ изъ жизни англійскаго общества въ Индіи главную роль играютъ женщины, на изображеніи которыхъ Киплингъ изощряетъ свой сарказмъ и проникательность тонкаго психолога. Нѣжнымъ, любящимъ женщинамъ востока онъ противопоставляетъ цѣлую галерею свѣтскихъ кокетокъ, перенесшихъ на почву Индіи всѣ мелкія интриги и сплетни лондонскихъ гостиныхъ; онъ старается убить время мимолетными романами, и цѣлая книга „Story of the Gadsbys“ полна рассказами объ ухаживаніяхъ,

балахъ, побѣгахъ влюбленныхъ парочекъ и т. п. невинныхъ инцидентахъ гарнизонной жизни на „станціи“. Но необычайность условий, среди которыхъ разыгрываются эти салонныя комедіи, придаетъ имъ подчасъ серьезный характеръ, и основная тема этихъ рассказовъ Киплинга—военный девизъ: „женатый воинъ—плохой воинъ“. Скученные на небольшомъ пространствѣ, страдающіе отъ скуки и лишенные возможности избѣгать общества почему-либо непріятныхъ людей, эти добровольные изгнанники создаютъ сами себѣ душевныя драмы, отравляющія ихъ и безъ того тяжелую жизнь. Какая глубокая трагедія таится, напр., подъ картиной дружескихъ вечернихъ собраний маленькой англійской колоніи въ рассказѣ: „A way-side comedy“. Пятеро человѣкъ столкнулись такъ близко въ интимной сердечной драмѣ, что ихъ взаимная ненависть и презрѣніе, казалось бы, сдѣлали совмѣстную жизнь невозможною. Но они далеки отъ цивилизованнаго центра, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ возможности оставить службу, и, высказавъ другъ другу спокойнымъ голосомъ свои чувства, они продолжаютъ собираться по вечерамъ въ домъ полковника, жена котораго послужила невиннымъ предметомъ расходившихся страстей. Они бесѣдуютъ, ходятъ вмѣстѣ на охоту и устраиваютъ музыкальныя квартеты по вечерамъ,—въ маленькой станціи нужно держаться другъ за друга и жить по-пріятельски“, говоритъ полковникъ, который одинъ только не посвященъ въ происходящую на его глазахъ трагедію. Эта внутренняя трагедія, ничѣмъ не проявляющаяся во внѣшней жизни ея героевъ и жертвъ, но растлѣвающая ихъ душу, служитъ зеркаломъ своеобразной жизни англо-индійскаго общества; Киплингъ очень оригинально рисуетъ его, рельефно выставляя роковое вліяніе среды; мы видимъ какъ свѣжій человѣкъ, пріѣзжающій съ лучшими намѣреніями, постепенно, но неизбежно засасывается средой, втягивается въ рядъ интригъ и черезъ нѣсколько лѣтъ теряетъ всякое представленіе объ истинной порядочности.

Единственнымъ отраднымъ пунктомъ въ пессимистическихъ рассказахъ Киплинга являются его солдатскія исторіи. Онъ снискалъ съ солдатами, полюбилъ ихъ и раздѣляетъ ихъ радости и горе. Участъ англійскаго простолюдина, попадающаго въ столь чуждую ему обстановку въ Индіи, внушаетъ Киплингу глубокое сочувствіе, а природная находчивость англійскаго солдата, веселое и бодрое отношеніе къ невзгодамъ всякаго рода даетъ художнику неистощимый матеріалъ для юмористическихъ рассказовъ о приключеніяхъ англійскихъ солдатъ въ Индіи. Киплингъ имѣетъ трехъ излюбленныхъ героевъ: ирландца Мульвани, лондонца Ортериса и йоркширца Лиройда, и ихъ приключенія составляютъ главный сюжетъ сборника „Soldiers

three", входя въ значительной степени въ другіе сборники рассказовъ: „Under the Deodars“, „The Phantom Rickshaw“, „Life's Handicap“ и др. Имъ же посвящена книжка военныхъ пѣсенъ Киплинга — „Barrack Room Ballads“. Каждый изъ этихъ трехъ представителей англійской арміи вноситъ свои національныя особенности въ оцѣнку индійской жизни и свой жаргонъ въ рассказъ о своихъ приключеніяхъ. Это придаетъ особый колоритъ рассказамъ, въ которыхъ они являются дѣйствующими лицами; когда же всѣ трое принимаются одновременно рассказывать какое-нибудь полковое происшествіе, смѣсь ихъ говоровъ и различное освѣщеніе, придаваемое каждымъ изъ нихъ рассказу, составляютъ единственную въ своемъ родѣ иллюстрацію народнаго юмора.

Въ послѣднемъ изъ своихъ сборниковъ, недавно вышедшемъ „Jungle-Book“, Киплингъ задѣлъ совершенно новую сторону индійской жизни: въ рядѣ фантастическихъ рассказовъ онъ изображаетъ жизнь индійскихъ лѣсовъ. Населяющій эти лѣса the Jungle—мїръ животныхъ—изображенъ у Киплинга правильно организованной избирательной республикой, имѣющей свои законы и подчиняющейся имъ; они сплочены между собой общей ненавистью къ врагу лѣса, человеку, попирающему законы звѣринаго царства. Ихъ взаимныя отношенія полны такихъ же осложнений, какъ человѣческія; только въ изображеніи Киплинга они больше руководятся принципами справедливости, чѣмъ люди. „Человѣческій дѣтенышъ“ попадаетъ къ нимъ и воспитывается въ подчиненіи закону лѣса, и это дѣлаетъ для него невозможнымъ жизнь среди людей, когда онъ возвратился къ нимъ; ихъ справедливость ему кажется насиліемъ; онъ спасается бѣгствомъ отъ ихъ неблагодарности и поселяется въ лѣсу, среди своихъ прежнихъ товарищей, шакаловъ и тигровъ; тамъ онъ чувствуетъ себя свободнымъ и огражденнымъ отъ всякой несправедливости. Книжка выдержана вся въ шутивно-парадоксальномъ тонѣ и написана какъ сборникъ фантастическихъ сказокъ для дѣтей. Но помимо своей привлекательной сказочной формы, очень пригодной для дѣтскаго чтенія, въ „Jungle-Book“ чувствуется болѣе глубокое настроеніе, желаніе отдохнуть отъ мрачныхъ картинъ жизни людей, съ ея большими страданіями и мелкими дразгами, на жизни природы, болѣе элементарной, но и болѣе широкой въ своей всеобъятности, чѣмъ эгоистическій мїръ людей, замкнутыхъ въ преслѣдованіи своихъ интересовъ.

Главный интересъ творчества Киплинга въ томъ, что онъ—первый бытописатель англо-индійской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Тонкій наблюдатель и безпристрастный художникъ, онъ воссоздаетъ широкую картину современнаго состоянія Индіи и освѣщаетъ совер-

шенно невѣдомые ея уголки. Но, конечно, это историческое значеніе его разсказовъ обуславливается чисто художественными достоинствами его разсказовъ. Любой изъ разсказовъ Кипплинга свидѣтельствуєтъ о двухъ основныхъ качествахъ таланта молодого беллетриста: его юморѣ и драматизмѣ. Юморъ его солдатскихъ разсказовъ заслужилъ ему названіе новаго Диккенса, при чемъ мы бы прибавили отъ себя—„современнаго“. Его юморъ именно современенъ, а потому совершенно чуждъ сентиментальности и сентенціозности Диккенса, и обнаруживаетъ склонность къ сарказму и эниграммамъ. Начиная отъ Карлейля и до нынѣшняго романиста Мередита, эниграмма является излюбленной формой юмористическаго слога въ Англіи, и Кипплингъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ новому теченію. Драматизмъ его сказывается въ умѣніи изобразить цѣлую сложную трагедію чувствъ въ кульминаціонномъ пунктѣ ихъ развитія; благодаря этому методу, Кипплингъ въ нѣсколькихъ страницахъ возсоздаетъ цѣлую жизнь человека, рисуя его въ одинъ изъ тѣхъ интенсивныхъ моментовъ страсти, когда человекъ обнаруживаетъ всю сущность своей душевной жизни.

Одно изъ выдающихся качествъ Кипплинга—его стиль, сказывающійся въ его описаніяхъ индійской природы и жизни. „City of Dreadful Night“, описаніе спящаго Лагора въ тропическую августовскую ночь, можетъ служить самымъ блестящимъ примѣромъ его мастерства въ „живописи слова“. Этотъ разсказъ вполне производитъ впечатлѣніе картины, краски которой навсегда запечатлѣваются въ памяти.

II.

Stapford A. Brooke. Tennyson, his art and relation to modern life. London, 1894.

Со времени смерти лорда Теннисона литература о поэтѣ-лауреатѣ увеличилась значительнымъ числомъ воспоминаній о немъ, изданій его писемъ, панегириковъ его великому таланту, прославленію его какъ истинно національнаго генія, но въ этомъ согласномъ хорѣ хвалебныхъ гимновъ отсутствовалъ до сихъ поръ голосъ трезвой критики, которая оцѣнила бы безпристрастно положеніе Теннисона въ англійской поэзіи. Это явленіе очень характерное для своеобразнаго развитія эстетическихъ идей въ современной англійской литературѣ. Болѣе чѣмъ когда-либо Англія живетъ теперь литературными кружками, культивирующими каждый свои идеалы; самыя разнообразныя понятія о прекрасномъ и о творчествѣ уживаются рядомъ, не поле-

мизируя другъ съ другомъ, а разрабатывая свои цѣли и стремленія, и собирая вокругъ себя своихъ сторонниковъ и цѣнителей; разница только въ составѣ и количествѣ публики, которая прислушивается къ ихъ голосу. При такомъ взаимномъ отношеніи литературныхъ теченій столь различные художники, какъ Теннисонъ, Броунингъ, Мередитъ, Свинборнъ и др., могутъ въ одно и то же время считаться популярными представителями современныхъ эстетическихъ вкусовъ въ творчествѣ и имѣютъ каждый свою публику, которой близки ихъ идеалы. Оцѣнка каждого изъ современныхъ писателей исходитъ главнымъ образомъ изъ рядовъ его сторонниковъ, и чѣмъ шире кругъ почитателей поэта или романиста, чѣмъ понятнѣе онъ средней массѣ читателей, тѣмъ громче его слава, хотя бы она противорѣчила нарождающимся новымъ идеаламъ. Такимъ образомъ въ Англіи, сдѣлавшей высоко оцѣнить метафизическое творчество Розетти и интенсивность психического анализа Броунинга, идиаллическая поэзія Теннисона съ его элементарной гуманностью и условной моралью имѣетъ широкій кругъ читателей и почитателей, сохраняющихъ за нимъ славу національнаго поэта. Должно еще пройти много времени прежде чѣмъ оцѣнка недавно умершаго поэта перейдетъ окончательно отъ общепринятаго почитанія избранника нации, каковымъ считается поэтъ-лауреатъ, въ безпристрастное сужденіе литературной критики, независимой отъ увлеченій минуты.

Первымъ шагомъ къ этой чисто литературной оцѣнкѣ Теннисона является недавно вышедшая книга Стапфорда Брука. Если кто-либо изъ современныхъ критиковъ призванъ къ произнесенію независимаго сужденія о Теннисонѣ, то это несомнѣнно С. Брукъ, ближе понимающій міросозерцаніе поэта-лауреата, чѣмъ другіе критики чисто эстетическаго направленія, вмѣстѣ съ тѣмъ не разъ доказавшій свою независимость отъ общепринятыхъ сужденій въ своей очень видной дѣятельности проповѣдника и писателя. С. Брукъ — очень крупная личность современной Англіи, типическій представитель тѣхъ идейныхъ метаморфозъ, которыя такъ часто направляютъ дѣятельность искреннихъ и убѣжденныхъ общественныхъ дѣателей Англіи въ совершенно иную сторону, чѣмъ это можно было ожидать въ началѣ. Такъ, Стапфордъ Августъ Брукъ, выдающийся членъ англиканской церкви, популярный проповѣдникъ и духовникъ королевы въ теченіе восьми лѣтъ, сталъ въ семидесятыхъ годахъ скептически относиться къ ортодоксальнымъ доктринамъ англиканской церкви и въ 1880 г. окончательно отдѣлился отъ нея, заявляя, что не считаетъ себя членомъ церкви, основанной на вѣрѣ въ чудеса. Основавши особую христіанскую секту, онъ продолжаетъ до сихъ поръ проповѣдовать свое религіозное ученіе, основанное на вѣрѣ въ Бога, какъ

источникъ нравственнаго инстинкта, существующаго въ душѣ человѣка. Сдѣлавшись сектаптомъ, С. Брукъ занялъ очень вліятельное положеніе своей общественной дѣятельностью, направленной на защиту либеральныхъ принциповъ въ вопросахъ религіи, нравственности и политической свободы. Въ литературѣ онъ извѣстенъ какъ авторъ очень талантливыхъ и независимыхъ критическихъ сочиненій, какъ „Primer of English literature“, „Theology in the English poets“ и т. д. Последняя его книжка о Теннисонѣ составляетъ достойное продолженіе прежнихъ трудовъ по интересу общихъ эстетическихъ вопросовъ, которые въ ней затрогиваются, и по тонкости анализа поэтическаго творчества Теннисона.

С. Брукъ приступаетъ къ изученію поэта съ исторической точки зрѣнія, объясняющей нѣкоторыя стороны его творчества, и развиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свои теоретическія требованія отъ поэзіи, далеко не всегда удовлетворяемыя поэтомъ-лауреатомъ. Его историческое объясненіе религіозной окраски поэзіи Теннисона очень вѣрно опредѣляетъ отношеніе поэта къ національной средѣ и идейнымъ вліяніямъ, среди которыхъ выросло его поколѣніе. Литературные дебюты Теннисона относятся къ эпохѣ возрожденія религіозныхъ интересовъ въ Англіи. Послѣ періода философскаго равнодушія и горячаго протеста противъ религіи въ тридцатыхъ годахъ начался рядъ религіозныхъ движеній, обновившихъ ослабѣвавшее вліяніе церкви и стремившихся къ возобновленію чистоты традицій первыхъ вѣковъ христіанства; такъ-наз. „High-Church“ и „Broad-Church movements“ нашли высокоталантливыхъ и страстныхъ пророковъ въ лицѣ Д. Г. Ньюмана и Фредерика Мориса. Первый звалъ назадъ, къ временамъ первобытной католической церкви; второй преклонялся передъ настоящимъ, содержащимъ источникъ непосредственнаго откровенія и отраженія Божества въ человѣкѣ. Въ литературѣ это религіозное возрожденіе, отразившееся во всей своей полнотѣ въ оксфордскомъ движеніи, опредѣлило собой характеръ поэзіи второй половины вѣка. На смѣну титаническихъ отрицателей Байрона и Шелли, философски индифферентнаго Китса и переживаній ихъ идеаловъ въ блѣдной поэзіи м-ссъ Гемансъ и др., явилось новое поколѣніе поэтовъ: одни пошли за Ньюманомъ въ глубь вѣковъ и создали широкое пре-рафаэлитское движеніе съ гениальнымъ поэтомъ-художникомъ Розетти во главѣ; другіе, какъ Робертъ Броунингъ, сдѣлали вопросы религіозные и нравственные предметомъ высокой философской поэзіи. Теннисонъ же, тоже испытавшій на себѣ вліяніе новыхъ религіозныхъ идей, применилъ ближе къ вѣрѣ Мориса въ непосредственность отраженія божественнаго начала въ чувствахъ людей; поэзія его, благодаря этому, прониклась сознаниемъ проявле-

нія Бога въ вселенной, какъ воли и любви, управляющей поступками и чувствами людей; на этомъ принципѣ основана была его проповѣдь братской любви между людьми и его оптимистическая вѣра въ развитіе рода человѣческаго и способность его дойти до идеальнаго совершенства и справедливости. Религіозное вліяніе, подымавшее другихъ современныхъ Теннисону: поэтовъ до высоты метафизической поэзіи, сдѣлало такимъ образомъ изъ Теннисона съ его идиллическимъ складомъ ума „поэта буржуазной массы“, успокаивающагося на поверхностномъ рѣшеніи вопросовъ бытія и интересующагося больше всего преходящими горестями и радостями человѣка на жизненномъ пути. Объясняя историческое происхожденіе неглубокаго оптимизма Теннисона, С. Брукъ проливаетъ тѣмъ самымъ новый свѣтъ на результаты религіозныхъ движеній Англіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ: ихъ считаютъ могучимъ рычагомъ духовной жизни современной Англіи; Карлейль и его школа, эстетическое обновленіе, высокое развитіе англійскаго искусства во второй половинѣ вѣка—все это порождено энтузіазмомъ Ньюмана и его сподвижниковъ. Но, съ другой стороны, идейное содержаніе поэзіи Теннисона и существованіе обширнаго класса читателей, выразителемъ которыхъ онъ является, имѣютъ тотъ же источникъ; онъ же породилъ косность средняго англичанина въ вопросахъ освященной традиціями религіи и морали и его склонность игнорировать нарождающіеся новыя соціальныя вопросы во имя старинныхъ завѣтовъ, установленныхъ закономъ и традиціей. С. Брукъ показываетъ, что это формальное пропихиваніе религіей, какъ средствомъ примиренія съ существующимъ порядкомъ вещей, искупляется въ Теннисонѣ его полной искренностью и артистическимъ темпераментомъ: по природѣ онъ чувствителенъ только къ проявленію красоты въ природѣ и чувствахъ людей, и не менѣе Кита равнодушенъ къ философскимъ объясненіямъ бытія; религіозное настроеніе, захватившее его, должно было поэтому только придать болѣе интенсивный характеръ художественной сторонѣ его творчества, внести объединяющее начало въ его инстинктивное стремленіе къ природѣ и справедливости. Какъ поэтъ, Теннисонъ родился искреннимъ оптимистомъ и искателемъ красоты,—обстоятельства его духовнаго развитія превратили это инстинктивное чувство въ систематическое міросозерцаніе. Конечно,—читаемъ мы какъ бы между строчками у С. Брука,—артистическій темпераментъ, объясняющій искренность религіознаго оптимизма Теннисона, непримѣнимъ къ характеристикѣ массы читателей, раздѣляющей его міросозерцаніе; на ихъ примѣрѣ видна оборотная сторона реформаторскихъ теченій Ньюмана и другихъ.

Другимъ пунктомъ въ оцѣнкѣ Теннисона, съ исторической точки

зрѣнія, является у С. Брука анализъ его отношенія къ матеріалистическимъ теченіямъ въ философіи нашего времени. С. Брукъ слѣдитъ за проявленіемъ отрицательнаго отношенія къ матеріализму въ нѣсколькихъ поэмахъ Теннисона (наприм. извѣстная „Locksley Hall“, полная полемической страстности, „Despair“, „Promise of May“) и за возвратомъ къ тѣмъ же вопросамъ въ болѣе глубоко задуманныхъ философскихъ поэмахъ, какъ „In Memoriam“, „Two Voices“ и др. Въ нихъ поэтъ высоко держитъ знамя идеалистическихъ упованій въ лучшее будущее человѣчества, но всѣ онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ носятъ отпечатокъ своего времени, отраженіе сомнѣній, которыхъ не чуждъ былъ и поэтъ-идеалистъ; подъ влияніемъ этихъ сомнѣній „The End of an evolutionist“ принимаетъ окраску надежды на достиженіе идеала, а не увѣренности въ томъ, что онъ будетъ достигнуто. Вліяніемъ матеріалистическихъ идей объясняется и построеніе лучшей изъ поэмъ Теннисона, его глубоко патетическаго цикла лирическихъ стихотвореній „In Memoriam“; въ немъ общее нѣжно-меланхолическое настроеніе не сглаживается даже торжествующимъ концомъ, прославляющимъ побѣду вѣры надъ земной скорбью.

Разсматривая Теннисона внѣ историческихъ вліяній, опредѣляющихъ его религіозное настроеніе, С. Брукъ останавливается главнымъ образомъ на чисто художественныхъ качествахъ его поэзіи и на отношеніяхъ поэта къ окружающей жизни. Онъ видитъ основную черту таланта Теннисона въ его непосредственномъ и несомнѣнномъ поэтическомъ вдохновеніи, чаще всего отражающемся въ лирическихъ стихотвореніяхъ. Отдѣльныя пѣсни, вставленныя въ „The Princess“, мелодичныя строфы въ „In Memoriam“, описанія природы, сжатая и отражающія глубоко поэтичныя настроенія, простота и искренность его поэзіи любви и красоты, благоговѣйное преклоненіе передъ искусствомъ, служащимъ вѣчнымъ идеаломъ прекраснаго, и высокое пониманіе назначенія поэта,—вотъ то, что есть вѣчнаго въ поэзіи Теннисона, и что составляетъ его вкладъ въ національную поэзію. Теннисонъ по своему природному темпераменту поэтъ чистаго искусства, и тамъ, гдѣ онъ слѣдуетъ природному инстинкту, онъ достигаетъ совершенства,—съ этимъ опредѣленіемъ критика согласится всякій, кто испыталъ на себѣ чары музыкальнаго стиха Теннисона, впадающаго въ душу своей интимной гармоніей со всѣмъ, что есть истинно прекраснаго въ природѣ и въ душѣ человѣка.

Превознося поэтическій даръ Теннисона, С. Брукъ особенно настаиваетъ на томъ, какое великое значеніе имѣетъ пѣвецъ чистой красоты среди поколѣнія, возводящаго въ принципъ реализмъ со всѣми его крайностями. Горячіе протесты С. Брука противъ матеріализма, реализма и натурализма въ искусствѣ являются нѣсколько

запоздалыми; во всей Европѣ, а тѣмъ болѣе въ современной Англіи съ ея „эстетическими“ движеніями, рѣзкій реализмъ и замѣна красоты фотографированіемъ правды уже отжили и отживаютъ свой вѣкъ; полемическій жаръ С. Брука въ отстаиваніи правъ чистаго искусства является какъ бы откликомъ прежнихъ сраженій въ области эстетики. Впрочемъ, этотъ сторонникъ чистой красоты вноситъ въ сущности нравственный элементъ въ свое опредѣленіе прекраснаго; чувство красоты является у него активнымъ и отражающимся на дѣйствіяхъ людей. „Красота въ произведеніи искусства,—говоритъ онъ,—отражается въ томъ, что оно будитъ чувство любви, обращенной не на себя, а на другихъ, и возбуждаетъ стремленіе къ дальнѣйшему воспроизведенію прекраснаго съ цѣлью пробужденія тѣхъ же ощущеній въ другихъ людяхъ; другими словами, видъ красоты возбуждаетъ творческую силу. Самое же искусное воспроизведеніе уродливаго, возбуждающаго отвращеніе, ужасъ или низменныя страсти, не возвышаетъ душу, не возбуждаетъ ея дѣятельности и не принадлежитъ поэтому къ области искусства“. Это опредѣленіе вліянія прекраснаго менѣе всего новое; оно въ концѣ концовъ сводится къ Гораціевскому изреченію о томъ, что греческій культъ прекраснаго смягчилъ нравы первобытныхъ римлянъ; но съ Гораціевскихъ временъ смѣнилось много эстетическихъ теорій, и связь между культомъ красоты и активной моралью далеко не кажется столь же ясной людямъ нашего времени.

Преклоненіе передъ высокимъ талантомъ Теннисона смѣняется у С. Брука весьма критическимъ отношеніемъ къ нему, при анализѣ взглядовъ поэта на современную жизнь и ея проблемы. Теннисонъ, въ противоположность большинству лучшихъ поэтовъ нашего вѣка, не былъ демократомъ; его не влекли къ себѣ широкіе идеалы свободы, и, раздѣляя теорію Карлейля о герояхъ, онъ былъ сторонникомъ ограниченія „неразумной“ свободы народа волей авторитетныхъ правителей. Безразличный въ сущности къ политическимъ вопросамъ, къ борьбѣ массъ съ ея правителями, Теннисонъ невольно вовлеченъ былъ въ живые общественные интересы, волновавшіе и волнующіе до сихъ поръ его современниковъ. Положеніе, которое онъ занялъ, отражая общественные вопросы въ своей поэзіи, вызываетъ у его критика сильное неодобреніе. Больше всего С. Брукъ возмущается узкимъ патріотизмомъ Теннисона, доходящимъ до шовинизма въ его насмѣшкахъ надъ Франціей, панегирикахъ доблести англійскихъ солдатъ и т. п. Въ устахъ бывшаго королевскаго духовника очень оригинально звучитъ это осужденіе бравурныхъ военныхъ одъ и гимновъ Теннисона, недостойныхъ высокаго назначенія поэта. С. Брукъ требуетъ отъ поэзіи философской широты взгляда на явленія текущей жизни, и звучныя фразы поэта о томъ, „что не всѣ мы ткачи по-

лотна, и въ насъ жива еще любовь къ Англіи и чувство чести" (We are not cotton spinners all—But some love England and her honour yet), кажутся ему тѣмъ болѣе неумѣстными, что они написаны накануне крымской войны и призываютъ къ союзу съ Наполеономъ III. Теннисонъ вѣрилъ въ пользу національных войнъ, и въ poemъ „Maud“ восторженно говоритъ о войнѣ, какъ объ исходѣ для народныхъ бѣдствій, возвращаясь къ тому же мотиву въ концѣ „The Princess“, гдѣ онъ шлетъ угрозы по адресу легкомысленныхъ сосѣдей по другую сторону канала. Конечно, въ глазахъ защитника социальныхъ реформъ, каковымъ С. Брукъ былъ всю свою жизнь, этотъ военный энтузіазмъ является слѣдствіемъ непониманія современности и безучастія къ великому народному дѣлу. Теннисонъ никогда не возвышался надъ повиннистской точкой зрѣнія въ политикѣ и не понималъ космополитическихъ чувствъ, ведущихъ къ братству народовъ,—это одинъ изъ главныхъ упрековъ, которые С. Брукъ дѣлаетъ поэту-лауреату, показывая на разборѣ „Maud“ и нѣсколькихъ другихъ poemъ, какъ эта національная обособленность суживаетъ горизонтъ поэтического творчества. Въ затрогиваемыхъ же Теннисономъ вопросахъ чисто-общественныхъ критикъ съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ, что онъ остался позади социального движенія, отмѣтившаго собой всю внутреннюю исторію нашего вѣка. Въ странѣ организованной борьбы эксплуатируемыхъ массъ за свои права Теннисонъ продолжалъ воспѣвать идиллическія картины патріархальныхъ отношеній между помѣщиками и фермерами, и описывать живописную сторону традиціоннаго строя, основаннаго на строгомъ раздѣленіи классовъ. Теннисонъ былъ несомнѣнно сторонникомъ этихъ раздѣленій точно такъ же, какъ онъ былъ убѣжденнымъ защитникомъ существующихъ законовъ;—медленная эволюція, согласная съ существующими законами,—таковъ его гражданскій идеалъ, отразившійся на всей серіи его poemъ изъ быта низшихъ и среднихъ классовъ населенія Англіи. Теннисонъ полонъ искренней симпатіи и жалости къ „бѣднымъ“ и „страдающимъ“, но при этомъ въ немъ говоритъ чувство филантропа, а не энтузіаста народныхъ правъ. Онъ хочетъ вызвать въ читателѣ умиленіе передъ тяжелой долей труженика, но,—какъ справедливо замѣчаетъ С. Брукъ,—защиту интересовъ обездоленныхъ онъ влагаетъ большей частью въ уста не совѣтъ нормальныхъ людей, какъ, напр., обезумѣвшаго отъ нравственныхъ страданій героя „Maud“ или состарѣвшагося и разочарованнаго жизнью философа въ „Locksley Hall“; благодаря этому кажется, что нищета и страданія наилучшей части населенія Англіи на половину существуютъ только въ разстроенномъ воображеніи людей.

Давъ общую характеристику таланта Теннисона и особенностей

его творчества, С. Брукъ подробно останавливается на разборъ отдѣльных произведеній поэта; онъ начинаетъ свой обзоръ съ вышедшей въ 1830 г. первой книжки стиховъ Теннисона, въ которой среди массы подражательныхъ стихотвореній выдѣляется около дюжины совершенно оригинальныхъ („Timbuctoo“, „The golden Supper“ и др.), посвященныхъ метафизикѣ душевныхъ страданій въ лирическомъ стилѣ Елизаветинской поры; переходя затѣмъ къ крупнѣйшимъ произведеніямъ поэта, его „In Memoriam“, „The Princess“, „Idylls of the King“ и мн. др., онъ заканчиваетъ свою исчерпывающую критику разборомъ послѣднихъ религіозныхъ и философскихъ стихотвореній „лауреата“. Особенный интересъ представляютъ главы, подробно разсматривающія „The Princess“ и „Idylls of the King“, наиболѣе популярныя и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе критикуемыя среди приверженцевъ новыхъ эстетическихъ формулъ поэмы. Въ „The princess“ Теннисонъ единственный разъ подошелъ къ современной жизни и задѣлъ одну изъ шумныхъ злобъ дня—женскій вопросъ; сдѣлавъ онъ это съ большимъ поэтическимъ тактомъ, не придавъ poemѣ теоретическаго характера, не внося догматизма въ рѣшеніе вопроса, а воспользовавшись существованіемъ его для граціозной, поэтической сказки, на фонѣ которой проходятъ разнообразныя фигуры, представители самыхъ различныхъ взглядовъ на роль женщины въ обществѣ. Балованная принцесса Ида, основывающая женскій университетъ-монастырь, входъ въ который мужчинамъ запрещается подѣ страхомъ смерти,—очень удачный поэтический, слегка саркастическій, портретъ крайней радикалки въ женскомъ вопросѣ; ей кажется крайне легкимъ и простымъ дѣломъ отдѣлить женскую молодежь отъ жизни до тѣхъ поръ, пока уравненное въ умственномъ отношеніи съ мужчинами поколѣніе женщинъ не сможетъ занять одинаковаго съ ними положенія въ разныхъ отрасляхъ общественной жизни. Подруги Иды олицетворяютъ инстинктивный протестъ любящей женской натуры противъ исключительно книжной жизни, а вся мужская половина дѣйствующихъ лицъ,—влюбленный въ Иду принцъ и его друзья, отцы Иды и принца и т. д.—представляютъ всѣ оттѣнки существующихъ взглядовъ на женщину, начиная отъ сторонниковъ эмансипаціи и до защитниковъ средневѣковыхъ представленій о женѣ, какъ рабынѣ мужа. Юморъ, съ которымъ воспроизведены столкновенія всѣхъ этихъ понятій и переходъ къ поэзіи чувствъ, зарождающихся въ молодыхъ сердцахъ и разбивающихся теоріи, составляетъ прелесть поэмы, лирическія красоты которой С. Брукъ отчасти съ тонкимъ художественнымъ пониманіемъ.

Знаменитыя „Idylls of the King“, циклъ романтическихъ сказаній объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола, С. Брукъ имѣетъ смѣлость

объявить неудачнымъ произведеніемъ Теннисона. Основной недостатокъ его критикъ видятъ въ несоотвѣтствіи заимствованій изъ средне-вѣковой поэзіи фабулы съ аллегорическимъ содержаніемъ, которое поэтъ влагаетъ въ нее. Теннисонъ является въ „Idylls“ моралистомъ, проповѣдующимъ святость семейныхъ узъ и показывающимъ нравственное паденіе общества, въ которое прокрадывается легкомысленное отношеніе къ семейнымъ обязательствамъ. Но, какъ справедливо доказываетъ С. Брукъ, догматическая мораль не укладывается въ рамки свободной, истинной поэзіи, отражающей свободные порывы души, а не катехизисы и своды законовъ; еще менѣе укладывается проповѣдь супружеской добродѣтели въ фабулу рыцарскихъ преданій, имѣвшихъ совершенно иной кодексъ нравственности. Средне-вѣковой Ланселотъ могъ быть вѣрнымъ рыцаремъ жены Артура, Женевиэвы, и она считается дамой его сердца, не нарушая долга жены относительно мужа и вассала относительно сеньора. Но у Теннисона Артуръ—символъ разумной души, Женевиэва—любящаго сердца, Бивьенъ—чувственной любви и т. д.; въ этой искусственной символикѣ затеряется непосредственная красота поэтического вымысла и жизненности выводимыхъ на сцену героев.

Лучшимъ созданіемъ Теннисона С. Брукъ признаетъ „In Memoriam“, поэтический памятникъ погибшему другу поэта; въ немъ выразился талантъ Теннисона въ самую цвѣтущую пору его развитія и отразилось наиболѣе глубоко его идеалистическое настроеніе.—З. В.

ЗАМѢТКА.

Вліяніе грамотности на производительность труда въ Америкѣ.

По официальнымъ даннымъ.

Въ 1870 году американскій Commissioner of Education—лицо, за-вѣдующее въ Соединенныхъ-Штатахъ центральнымъ бюро по народному образованію, министр народнаго просвѣщенія—разослалъ разнаго рода предпринимателямъ, а также рабочимъ и ремесленникамъ и вообще специалистамъ по устройству ручного труда, слѣдующій рядъ вопросовъ:

„Можете ли вы отмѣтить между вашими рабочими какое-либо различіе въ смыслѣ количества исполняемой работы, или качества ея исполненія, подъ вліяніемъ разной степени образованія, независимо отъ природныхъ способностей человѣка.

„Обнаруживаетъ ли тотъ, кто умѣетъ читать и писать и кто, кромѣ элементарнаго, иного образованія и не получалъ, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, болѣе искусство и исправность въ качествѣ фабричнаго рабочаго или ремесленника, чѣмъ тотъ, кто грамоты не знаетъ? и если—да, то насколько увеличивается, благодаря этому болѣшему искусству и исправности рабочаго, производительность его труда и, слѣдовательно, заработокъ его?

„Какое повышеніе производительности рабочаго произошло бы при еще болѣе высокой степени его образованія — при знакомствѣ съ искусствами и науками, лежащими въ основѣ его занятія, напр. при хорошемъ практическомъ знаніи ариметики, бухгалтеріи, алгебры, рисованія и т. д., и насколько это знаніе увеличило бы его заработокъ?

„Увеличиваетъ ли такое и, можетъ быть, дальнѣйшее еще, приобрѣтеніе познаній способность рабочаго вносить по мѣрѣ надобности новыя приемы въ свою работу или усовершенствованія въ ея орудія и механизмы? и если—да, то насколько повышается отъ такой изобрѣтательной способности его производительная сила?

„Предпочли ли бы вы вообще, для исполненія обыкновенной даже работы, человѣка, учившагося въ школѣ—не учившемуся въ ней?

„Кого бы вы въ качествѣ предпринимателя выбрали на отвѣтственную должность надсмотрщика, напр., или инспектора работъ,—человѣка ли безграмотнаго, или элементарно образованнаго, или съ высшимъ образованіемъ, при равенствѣ прочихъ условій, какъ-то: ловкости, силы, добросовѣстности?

„Какого вы мнѣнія о вліяніи умственнаго развитія на личные и общественные нравы людей, у васъ работающих? Живутъ ли такіе рабочіе вообще въ лучшихъ условіяхъ и лучшей обстановкѣ, выказываютъ ли меньшую или болѣшую праздность и распущенность, чѣмъ не учившіеся рабочіе? Какими являются они въ смыслѣ выдержки характера, бережливости, нравственности и общественнаго вліянія по сравненію съ ихъ неграмотными товарищами?“

Результатомъ разработки собранныхъ на эти вопросы отвѣтовъ явилось въ 1879 году въ числѣ „циркуляровъ“ (circulars of information) американскаго бюро по народному образованію, изслѣдованіе д-ра Эдуарда Джарвиса на тему: „о значеніи общаго образованія въ сферѣ ручного труда“ ¹⁾. Тема эта настолько интересна, что мы рѣшаемся сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ указаннаго изслѣдованія, чтобы выяснитъ себѣ, какъ смотреть на этотъ вопросъ умудренные трудовою жизнью, практичные американцы.

Въ числѣ лицъ, отвѣчавшихъ на вышеперечисленные вопросы, мы видимъ, кромѣ служащихъ и владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, также подрядчиковъ, напр., по землянымъ и строительнымъ работамъ, и показанія ихъ болѣе или менѣе всѣ клонятся къ признанію вліянія образованія на успѣхъ работы въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ труда.

Не говоря уже объ отвѣтственныхъ должностяхъ въ фабричной іерархіи (замѣщеніе ихъ компетентными людьми является, по отзыву одного изъ экспертовъ, для предпринимателя вопросомъ успѣха или неуспѣха его предпріятія), даже для обыкновеннаго фабричнаго рабочаго развитіе и дисциплина ума, полученныя хотя бы въ элементарной школѣ, дѣлаютъ его гораздо болѣе цѣннымъ для хозяина. Чтò, напримѣръ, можетъ, повидимому, быть машинальнѣе обязанности ткачихи, стоящей у механическаго станка и слѣдящей за тѣмъ, когда оборвется нитка, которую ей слѣдуетъ присучить. Между тѣмъ опытъ

¹⁾ Circulars of Information of the Bureau of Education, № 8 1879. Washington Government Printing Office.

показалъ, что при нѣкоторомъ вниманіи исправная работница можетъ выработать въ себѣ такую тонкость слуха, что она заранѣе уже, по звуку отдѣльных частей машины, замѣчаетъ нарушеніе правильнаго хода ея и можетъ принять мѣры противъ него раньше, чѣмъ оно отзовется существенной порчей на изготовляемомъ матеріалѣ. Отсюда — уменьшеніе шансовъ на браковку ткани и сокращеніе задержекъ въ дѣйствіи машинъ, а слѣдовательно — большая производительность работы; и отсюда же громадная разница зарбботковъ, которая замѣчается иногда въ одномъ и томъ же родѣ работы. Инспекторъ одной хлопчатобумажной фабрики (приводится въ излагаемомъ изслѣдованіи), указывая посѣтителю на комнату, въ которой работали сравнительно образованныя дѣвушки, говорилъ: „вотъ эти ткацкіе станки вырабатываютъ на двадцать процентовъ больше, чѣмъ въ другой комнатѣ — тамъ дѣвушки, получившія лишь ничтожное образованіе, — а внизу, гдѣ работаютъ совсѣмъ безграмотныя работницы, тамъ производительность станковъ будетъ на 50% меньше“. Въ другой фабрикѣ, гдѣ также работали лица разныхъ способностей и образованія, при системѣ задѣльной платы разница въ производительности варіировала отъ 7 до 11 долларовъ въ недѣлю, несмотря на то, что машина, двигательная сила и матеріалъ у всѣхъ были одинаковы.

Даже въ такомъ производствѣ, какъ литье желѣза, гдѣ, повидимому, требуется одна лишь сила, по единодушному отзыву предпринимателей и самихъ рабочихъ, грамотность и образованіе всегда ведутъ къ лучшей работѣ; болѣе же близкое знакомство литейщиковъ съ свойствами матеріала, изъ котораго они работаютъ, по замѣчанію одного изъ нихъ, дало бы возможность производить ту же работу при затратѣ силъ на одну треть меньшей, чѣмъ теперь.

Знакомство съ естественными и математическими науками, по мнѣнію представительницы женскаго trades union въ Массачузетсѣ, увеличило бы производительность рабочихъ не менѣе, какъ вдвое; элементарное же образованіе, по общему отзыву всѣхъ допрошенныхъ лицъ, повышаетъ эту производительность среднимъ числомъ на 20%, хотя, по мнѣнію экспертовъ изъ рабочихъ, не всегда весь этотъ излишекъ получается въ формѣ увеличенной заработной платы самимъ производителямъ, а идетъ скорѣе на пользу предпринимателя.

Одна лишь экономія въ надзорѣ и контролѣ, котораго болѣе образованный человѣкъ требуетъ гораздо меньше, чѣмъ необразованный, составляетъ, по расчету одного крупнаго американскаго заводчика, не менѣе десяти процентовъ; большинство же сокращающихъ человѣческій трудъ механизмовъ, насколько онъ могъ замѣтить въ своей

отрасли, имѣли свое начало въ болѣе интеллигентномъ рабочемъ, вѣчно стремящемся къ изобрѣтенію новыхъ приспособленій для облегченія своихъ физическихъ усилій.

Во всякомъ случаѣ несомнѣненъ фактъ безспорнаго вліянія *общей* культурности человека на самые разнообразныя виды ручного труда, и чѣмъ выше эта культурность, тѣмъ болѣе выигрываетъ и трудъ—фабричный, заводскій или ремесленный. По выраженію извѣстнаго парламентскаго дѣятеля въ Англіи, фабриканта Мунделля, нѣтъ той степени общаго образованія, которая не пригодилась бы въ примѣненіи къ практической дѣятельности человека. И нѣтъ такой работы, въ которой бы не оказали пользы человеку его умственное развитіе и дисциплинированное вниманіе. Д-ръ Джарвисъ прослѣживаетъ въ своемъ изслѣдованіи процессы работы самаго низменнаго, повидимому, характера, какъ-то: подметанія улицъ, колки дровъ и т. п., и отмѣчаетъ разницу въ приѣмахъ между рабочимъ, привыкшимъ соображать и взвѣшивать, что является результатомъ нѣкотораго образованія, и такимъ, который рассчитываетъ лишь на механическую силу своихъ рукъ.

Въ каждой работѣ приходится принимать въ соображеніе,—говоритъ онъ,—два элемента: во-первыхъ, свойства и характеръ матеріала, надъ которымъ работаешь, и во-вторыхъ, силу, необходимую для ея производства. Интеллигентный работникъ, изучивши матеріалъ работы, обдумаетъ также лучшіе приѣмы для обращенія съ этимъ матеріаломъ. Онъ не будетъ рассчитывать единственно на мускульныя силы свои, а приметъ во вниманіе также и естественныя выгоды, представляемыя извѣстнымъ положеніемъ и распределеніемъ матеріала: онъ не будетъ, выкапывая землю, напр., безцѣльно пытаться силою сдвинуть камень, на который натывается его лопата, а попробуетъ всунуть ее ниже, или, съ другой стороны, онъ не положитъ распиливаемую доску такъ, чтобы она затрудняла легкій ходъ пилы и т. п., чѣмъ часто грѣшатъ несообразительные работники. Ловкій дровосѣкъ, прочно укрѣпивъ разсѣкаемое бревно, найдетъ точку, которая всего лучше поддается его топору и этимъ облегчитъ себѣ работу, которая для другого, менѣе сообразительнаго рабочаго, окажется гораздо тяжелѣе. Оттого-то и приходится видѣть, что даже въ грубой работѣ лучшими работниками не всегда оказываются люди просто сильные. Джарвисъ приводитъ примѣръ одного искуснаго каменщика въ Америкѣ, который при небольшомъ ростѣ и повидимому слабомъ тѣлосложеніи могъ одинъ, безъ помощи, взваливать камни такой величины, которые не могли поднять никто изъ рабочихъ его мѣстности. Его товарищи утверждали, что онъ умѣетъ

пользоваться природными выгодами наклонной плоскости и т. п., и потому легко обращается съ самыми тяжелыми каменьями.

Не-интеллигентные работники, напротивъ, не экономятъ своихъ силъ и часто непроизводительно затрачиваютъ ихъ. Въ числѣ отзывовъ предпринимателей приводятся у Джарвиса утверженіе одного крупнаго хозяина-каменщика, что въ прежнее время кладка 1.000 кирпичей въ день считалась хорошей дневной работой, а теперь принимается за минимальную норму работы, между тѣмъ какъ обыкновенной силы каменщикъ можетъ положить въ наше время отъ 1.500 до 2.000 кирпичей въ день; нѣкоторые же, онъ знаетъ, кладутъ и до 3.000, и эти послѣдніе принадлежатъ къ людямъ наиболѣе умственно дисциплинированнымъ.

Внимательность и сообразительность необходимы даже въ такомъ пустомъ, повидимому, дѣлѣ, какъ нагруженіе телѣги пескомъ или землею; внимательный и сообразительный рабочій придвинетъ телѣгу на такомъ разстояніи, чтобы для его лопаты былъ достаточный размахъ, и чтобы въ то же время песокъ не просыпался мимо; онъ изучилъ движеніе лопаты и приспособился держать ее такъ, чтобы земля съ нея сыпалась одновременно и быстро и т. д., и т. д.

Интеллигентный работникъ, обдумавши всѣ обстоятельства и детали своей работы, впередъ намѣчаетъ себѣ планъ ея; необразованный же работникъ дѣйствуетъ какъ бы ощупью, пробуя и такъ, и сакъ. Такъ, напр., — замѣчаетъ Джарвисъ, — мало развитой рабочій-плотникъ, врубая бревно въ бревно, будетъ выдалбливать гнѣздо или пазъ наобумъ и также наобумъ нарѣзывать болтъ, — и дѣло случая, если одинъ приходится въ другой. Такой пріемъ работы, прибавимъ отъ себя, нерѣдко приходится видѣть у насъ въ Россіи, хоть бы при постройкѣ деревенскихъ воротъ, напр., гдѣ простое измѣреніе требуемой длины переплета избавило бы работающаго отъ необходимости по нѣсколько разъ мѣнять его нарѣзы, бесполезно удлиняя этимъ свою работу.

Отсутствіе плана и обдуманности въ работѣ ведетъ къ безконечнымъ промахамъ, пропускамъ и ошибкамъ и къ необходимости тратить время на ихъ исправленіе. Такъ, безпечная полольщица, очищающая гряду не въ извѣстной послѣдовательности, безпрестанно должна возвращаться назадъ, чтобы захватить пропущенную ею сорную траву; подметальщикъ улицы, при невниманіи, вѣчно оставитъ кучи сора, которыя потомъ придется собирать каждую отдѣльно; при сгребаніи сѣна сообразительный работникъ будетъ знать, насколько грабли должны захватывать прежней полосы, чтобы не оставить неподобраннмъ ни одного клочка сѣна; нерашливому же при-

дется еще разъ проходить съ граблями по тому же лугу; при разбрасываніи навоза ловкій и внимательный работникъ сразу будетъ класть его на поле не кучами, а ровными бороздами, такъ что потомъ уже не придется его ворошить, и т. д., и т. д.; при этомъ получается значительная экономія человѣческаго труда.

Немалая доля,—говоритъ Джарвисъ,—всемирной рабочей силы затрачивается на исправленіе ошибокъ, на пополненіе пробѣловъ въ работѣ, на вознагражденіе ущербовъ, происходящихъ отъ несчастныхъ случаевъ, которые всѣ—не что иное, въ сущности, какъ чья-нибудь оплошность. Одинъ умный пароходовладѣлецъ съ Миссисипи, слова котораго приводятся Джарвисомъ, рѣшительно утверждалъ, что всѣ несчастные случаи могутъ быть отнесены на счетъ чьего-нибудь невниманія, недобросовѣстности или невѣжества. Иногда виновниками являются люди, имѣющіе непосредственное отношеніе къ данному дѣлу, иногда—люди, подготовлявшіе его. Такъ, взрывъ паровоза можетъ произойти или отъ небрежности инженера, или отъ неискусной работы его производителя, или, восходя еще дальше,—по винѣ того, кто дѣлалъ желѣзо, послужившее матеріаломъ для паровоза; экипажъ можетъ быть опрокинутъ или по недосмотру кучера, или по неискусству экипажного фабриканта, или по неумѣлости шоссе-наго строителя, и еслибы всѣ участники данного способа передвиженія были вполне компетентными и добросовѣстными работниками, то и несчастія не могло бы произойти.

Немалый ущербъ въ общей экономіи труда происходитъ также, по общему мнѣнію, отъ того обстоятельства, что въ руки невѣжественнаго, грубаго рабочаго не могутъ быть даны сколько-нибудь тонкія или деликатныя орудія. По словамъ Мунделля, въ Англіи, при введеніи усовершенствованныхъ орудій земледѣлія, скоро пришлось убѣдиться, что они требуютъ болѣе высокаго уровня искусства, образованія и ловкости, чѣмъ какой имѣлся въ старинномъ англійскомъ крестьянствѣ. Въ Америкѣ, во времена рабовладѣнія, замѣчалась всегда большая разница между землепашцами юга и сѣвера. Одинъ торговецъ косами и серпами сообщаетъ, что тѣ длинныя, тонкія, остроконечныя косы, которыя употреблялись болѣе интеллигентными фермерами сѣвера, не могли имѣть сбыта на югѣ, гдѣ онѣ быстро ломались бы въ рукахъ невѣжественныхъ и небрежныхъ негровъ. Для послѣднихъ, по его словамъ, нужны были короткія, толстыя, затупленныя косы, которыми бы они могли безнаказанно натывать на камни, корни, кусты, не рискуя ихъ сломать, согнуть или затупить. И дѣйствительно, такія косы и употреблялись всегда рабовладѣльческими хозяйствами, къ очевидному ущербу въ произ-

водительности косарей ¹⁾). Одинаково грубыя орудія можно было видѣть въ тѣ времена и въ рукахъ чистильщиковъ улицъ какого-нибудь южнаго американскаго города сравнительно съ болѣе тонкими лопатами и кирками, употребляемыми въ болѣе культурныхъ городахъ сѣвера: разница въ тяжести между тѣми и другими, по расчету Джарвиса, вдвое облегчала трудъ уборки улицъ въ послѣднемъ случаѣ.

Еще болѣе важнымъ является, конечно, культурный рабочій при употребленіи уже сложныхъ орудій и механизмовъ. „Напрасно думать, напримѣръ,—говоритъ Джарвисъ,—что современная машина требуетъ простаго автомата для своей манипуляціи: чѣмъ сложнее механизмъ, тѣмъ болѣе онъ требуетъ наблюдательности, соображенія и сосредоточеннаго вниманія отъ того, кто имъ завѣдуетъ“. „Интеллигентный рабочій,—подтверждаетъ Мунделль,—всегда извлечетъ большее количество работы изъ усовершенствованной машины, не говоря уже о томъ, что онъ сумѣетъ держать ее въ лучшемъ порядкѣ и лучшей рабочей исправности“. „Итакъ,—заключаетъ Джарвисъ на основаніи всѣхъ разбираемыхъ имъ отзывовъ,—образованіе является прямой экономіей силъ и необходимымъ условіемъ для созиданія цѣнностей, которыя, какъ онъ прослѣживаетъ, напр., на продуктахъ желѣза, тѣмъ выше, чѣмъ выше по своей искусности приложенный къ нимъ трудъ человѣка: кусокъ желѣза стоимостью въ 10 рублей стоитъ 21 рубль, когда изъ него сдѣланы подковы, 110 рублей онъ стоитъ въ видѣ иголокъ, 6.570 руб.—лезвія ножей, 58.960—въ видѣ запонокъ и, наконецъ, 500.000 рублей—въ часовыхъ пружинахъ ²⁾).

Такимъ образомъ, мы видимъ, со стороны американцевъ не является и сомнѣнія въ благотвѣтельномъ вліяніи на успѣхи работы, даже чисто физической, школьнаго образованія людей. Куда бы, при теперешнихъ экономическихъ формахъ, ни поступала выгода отъ болѣе интеллигентнаго отношенія работника къ своему труду, вопросъ объ

¹⁾ Если сравнить косы, употребляемыя у насъ въ Россіи, съ тѣми же орудіями въ Германіи, напр., или Швейцаріи, то получится такое же отношеніе, какъ между южными и сѣверными штатами Америки во времена рабовладѣнія: заграничныя косы, какъ приходилось наблюдать, несмотря на то, что ими приходится работать вѣрѣдько въ горной мѣстности, гораздо тоньше и, главное, длиннѣе нашихъ, что даетъ возможность, конечно, скашивать большее количество сѣна въ одну и ту же единицу времени.

²⁾ Долларъ, приведенный Джарвисомъ въ этомъ примѣрѣ, переложенъ по прѣдѣльному курсу 2 рубля на 1 дол.

этой выгодѣ во всякомъ случаѣ не подвергается спору, какъ это, къ сожалѣнію, приходится иногда слышать у насъ въ Россіи.

Правда, американская школа всячески старается дать своимъ ученикамъ не одно только формальное, книжное знаніе, но развитіе въ нихъ и такія свойства ума, которыя необходимы всякому человеку, даже въ самыхъ скромныхъ условіяхъ его дѣятельности. Укажемъ для примѣра на бостонскія школы, въ учебномъ планѣ которыхъ обозначены особые „уроки наблюденія“, длящіяся, правда, лишь 15 минутъ, но одному разу повторяющіяся ежедневно, такъ что въ общей сложности они занимаютъ не меньше двухъ часовъ въ недѣлю. Намъ извѣстенъ также обычай американскихъ школъ заставлять своихъ учениковъ слѣдить за погодой и періодически отмѣчать замѣненія въ ней, а также вообще запоминать все видѣнное по дорогѣ въ школу для изображенія своихъ наблюденій письменно или, даже очень часто, въ формѣ рисунковъ. Для наблюденія надъ природой во всякой американской школѣ, даже не снабженной садомъ, имѣются растенія въ разныхъ стадіяхъ развитія, а иногда даже и нѣкоторые представители изъ животнаго царства,—нѣчто въ родѣ маленькаго зоологическаго сада. Наконецъ, основные законы физики и химіи преподаются не иначе какъ экспериментальнымъ образомъ, при чемъ основы механики, напр., дѣти приучаются наблюдать не на однихъ лишь учебныхъ пособіяхъ, но и въ обыкновенныхъ своихъ забавахъ, какъ-то качеляхъ (двигающихся по закону маятника), качалкахъ, въ которыхъ обнаруживаются законы рычага, и т. п.

Вниманіе зрѣнія и слуха, которое, согласно показаніямъ въ изслѣдованіи Джарвиса, играетъ такую роль, на примѣръ, при работѣ ткачихъ, упражняется въ американскихъ начальныхъ школахъ особыми приѣмами, состоящими въ быстромъ проназнесеніи или записываніи на доскѣ словъ и фразъ, которыя должны моментально быть подхвачены классомъ,—и, наконецъ, то знакомство съ матеріаломъ, о которомъ упоминается не разъ въ томъ же изслѣдованіи, достигается до извѣстной степени уроками ручного труда, которые принимаютъ въ американскихъ школахъ характеръ не ремесленнаго производства, а всесторонняго изученія формъ предметовъ, съ одной стороны, и способовъ обработки дерева, желѣза, олова и т. д.—съ другой, въ связи съ природными свойствами этихъ различныхъ матеріаловъ. Не малое значеніе для промышленности имѣетъ вѣроятно и введенное во многихъ школахъ изученіе красокъ и цвѣтовъ, не говоря уже о рисованіи, стоящемъ тамъ на высокой степени развитія, какъ предметъ школьнаго обученія.

Во всякомъ случаѣ, обратно съ мнѣніемъ у насъ, иногда выска-

зывается даже публично на земскихъ собраніяхъ ¹⁾, что плотнику, напримѣръ, нуженъ топоръ, а не школа; американцы думаютъ, что школа нужна для всякаго, и потому не жалѣютъ на нее ни средствъ, ни заботъ своихъ. Изъ помѣщенной въ англійскомъ журналѣ „Nineteenth Century“ (май 1894 года) статьи объ интеллектуальномъ прогрессѣ въ Соединенныхъ-Штатахъ мы узнаемъ, что въ 1890 году тамъ тратилось на однѣ начальныя школы немногимъ менѣе 300 милліоновъ рублей на русскія деньги, которыя, въ видѣ школьнаго налога, ложились тяжестью примѣрно въ 4¹/₂ рубля на каждого американскаго жителя (тогда какъ въ Россіи намъ извѣстны случаи, когда 25 копѣекъ расхода съ души на школу уже служили препятствіемъ къ ея устройству).

И все-таки, по мнѣнію Джарвиса, стоимость школьнаго воспитанія будущаго работника исчезаетъ передъ выгодами отъ приобрѣтенной имъ во время ученія привычки думать и успѣшно пользоваться своими силами и способностями. Отнятые отъ работы немногіе годы юности, когда тѣло сравнительно слабо, затраты на учителей, на книги и т. д., все это—ничтожныя жертвы на пользу будущаго гражданина: онѣ сторицею вознаграждаются въ видѣ повышенной продуктивной силы грамотнаго и образованнаго человѣка. Въ прямую выгоду для всѣхъ поступить разница между искуснымъ и неискуснымъ рабочимъ, между интенсивнымъ и неинтенсивнымъ производителемъ.

На этомъ-то основаніи, вѣроятно, одинъ изъ допрошенныхъ экспертовъ, секретарь массачузетскаго рабочаго союза, требовалъ даже обязательности начальнаго обученія дѣтей. „Никого не слѣдовало бы пускать на арену жизни,—говорилъ онъ,—прежде чѣмъ ему не дали хотя бы приличнаго элементарнаго образованія, ибо классъ необразованныхъ работниковъ является вѣчной опасностью и ущербомъ для интересовъ труда въ любомъ человѣческомъ обществѣ и любомъ государствѣ“. Надо думать, прибавимъ мы, что и Россія не составляетъ исключенія изъ этой истины, и что у насъ также плотникъ не станетъ хуже строить дома, а ткачъ управлять станками оттого, что въ свое время поучился въ начальной школѣ и приобрѣлъ знаніе чтенія и письма. Еслибы удалось спросить нашихъ промышленниковъ и хозяевъ о преимуществахъ грамотнаго или неграмотнаго рабочаго, то и у насъ обнаружилось бы, навѣрное, не мало любопытныхъ фактовъ по этой части. Въ ожиданіи же такого собствен-

¹⁾ См. для примѣра сообщеніе изъ Горбатова (нижегор. губ.) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, 16-го ноября 1890 года (№ 817).

наго изслѣдованія, намъ казалось не безынтереснымъ познакомиться съ выводами, къ которымъ пришли въ другой странѣ, считающейся не меньше насъ представительницей самыхъ примитивныхъ иногда формъ труда, и вотъ почему мы думаемъ, что сообщеніе даже изъ нѣсколько отдаленной эпохи начала 70-хъ годовъ среди насъ не утратило своего значенія.

Е. Янжулъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1894 г.

Высочайшій манифестъ о кончинѣ Е. И. В. Государя Императора Александра III и о вступленіи на престолъ Государя Императора Николая Александровича.—Высочайшій манифестъ о св. миропомазаніи Е. И. В. Государыни Великой Княгини Александры Феодоровны.—Положеніе о женскомъ медицинскомъ институтѣ въ г. Петербургѣ.—Пожертвованіе И. М. Сибирякова.—Вопросъ о платѣ за леченіе и за ученіе.—Раскольническій бракъ и двоеженство.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, 21-го октября (2-го ноября) № 229, опубликованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

Божіею милостію **МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ**, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Богу Всемогущему угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ прервать драгоцѣнную жизнь горячо любимаго Родителя Нашего Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болѣзнь не уступила ни лѣченію, ни благодатному климату Крыма, и 20-го октября Онъ скончался въ Ливадіи, окруженный Августѣйшей Семейю Своей, на рукахъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Нашихъ.

Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государѣ, безвременно отошедшемъ въ вѣчность и оставившемъ родную землю, которую Онъ любилъ всею силою Своей русской души и на благоденствіе которой Онъ полагалъ всѣ помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворявшаго непоколебимую правду и миръ, ни разу не нарушенный во все Его Царствованіе.

Но да будетъ святая воля Всевышняго и да укрѣпимъ Насъ неизблемая вѣра въ премудрость Небеснаго Промысла, да утѣшимъ Насъ сознаніе, что скорбь Наша—скорбь всего возлюбленнаго народа Нашего, и да не забудеть онъ, что сила и крѣпость святой Руси—въ ея единеніи съ Нами и въ безпредѣльной Намъ преданности. Мы же, въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на Прародительскій Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, вспоминаемъ завѣты усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, приедемъ священный обѣтъ передъ Лицомъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлю мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ Нашихъ вѣрнопопданныхъ.

Всемогуцій Богъ, Ему же угодно было призвать Насъ къ сему великому служенію, да поможетъ Намъ. Вознося горячія молитвы къ Престолу Вседержителя объ упокоеніи чистой души незабвеннаго Родителя Нашего, повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгію Александровичу, Которому быть и титуловаться Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, доколѣ Богу угодно будетъ благословить рожденіемъ Сына предстоящій бракъ Нашъ съ Принцессою Алисою Гессенъ-Дармштадтскою.

Данъ въ Ливадіи, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ девяносто четвертое, Царствованія же Нашего въ первое. Октября 20-го дня.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Еще наканунѣ, 20-го октября, къ вечеру появилось въ городѣ пятое, за этотъ глубоко печальный день, прибавленіе къ „Правительственному Вѣстнику“, положившее предѣлъ всѣмъ надеждамъ, всѣмъ искреннѣйшимъ пожеланіямъ и усерднымъ всенароднымъ молитвамъ объ исцѣленіи Царственнаго Больного, изнемогавшаго въ тяжелой борьбѣ съ жестокимъ и неотвратимымъ недугомъ. Таково было именно содержаніе телеграммы г. министра Императорскаго Двора, полученной изъ Ливадіи и опубликованной г. министромъ внутреннихъ дѣлъ:

„Государь Императоръ Александръ III, въ два часа пятнадцать минутъ пополудни, сего 20-го октября, тихо въ Вozъ почилъ“.

Къ такой катастрофѣ насъ начали готовить извѣстія, одно прискорбнѣе другого, о ходѣ болѣзни за послѣдніе дни, и тѣмъ не менѣе, когда смерть явилась уже совершившимся фактомъ, когда пришлось въ первый разъ стать лицомъ къ лицу съ смертію, она поразила всѣхъ съ такою силою, съ какою обрушивается обыкновенно одно неожиданное... И высокое, мировое положеніе Того, съ личной судьбою Котораго была связана неразрывно, въ теченіе почти трехъ пятилѣтій, судьба обширной страны, населенной многомилліоннымъ народомъ, и самая безвременность смерти въ ту пору, когда предъ Нимъ, умудреннымъ богатымъ, хотя и тяжелымъ опытомъ жизни и знаніемъ сердца людей, только-что открывалась новая половина вѣка, даруемаго человѣческой жизни, съ новымъ просторомъ для мысли и дѣятельности—все это невольно вспоминалось въ такіа скорбныя минуты...

Покойный Государь Императоръ не успѣлъ достигнуть и пятидесятилѣтнаго возраста (родился 26 февраля 1845 г.), а потому между нами осталось много еще въ живыхъ, кто помнитъ не только юношескіе его годы, но и самое отрочество. И то, что сохранилось въ воспоминаніяхъ современниковъ о той, еще не особенно отдаленной отъ насъ эпохѣ, могло только увеличивать сердечныя симпатіи къ памяти Усопшаго Государя Императора и сожалѣніе о постигшей утратѣ, особенно если присоединить къ тому мысли о тѣхъ потрясающихъ душу моментахъ, которые досталось Ему не разъ переживать... Смерть Его старшаго Брата, Наслѣдника Цесаревича, въ 1865 г., въ полномъ расцвѣтѣ его юности, и тогда также почти нежданная, не только возложила на Него все предстоявшее почившему бремя государственныхъ трудовъ и заботъ, но, что, безъ сомнѣнія, было для Него еще тягостнѣе — лишила Его нѣжно любимаго Имъ Брата, отвѣчавшаго Ему тѣмъ же: по возрасту они стояли близко другъ къ другу — между ними не было и двухъ лѣтъ разстоянія. Покойный Наслѣд-

никъ Цесаревичъ особенно цѣнилъ въ своемъ другѣ и братѣ Его прямоу, твердость характера въ соединеніи съ благодушіемъ, опредѣленную волю и вмѣстѣ съ тѣмъ скромность. Мы слышали не разъ, въ ту эпоху, отъ лицъ, стоявшихъ близко къ покойному Цесаревичу, что Братъ его находилъ въ немъ самаго усерднаго защитника, и онъ при этомъ всегда отзывался, во всѣхъ случаяхъ отроческой жизни, о Немъ, говоря, что у Него—„кристальная душа“. Съ такой душой, чистой какъ кристалль, Онъ вступилъ, спустя пятнадцать лѣтъ, на престолъ опять при памятныхъ всѣмъ обстоятельствахъ, которыя были новымъ и еще болѣе тяжкимъ и трудно переносимымъ испытаніемъ въ Его жизни. Задача будущаго историка только-что пережитой нами эпохи—оцѣнить то вліяніе, какое могли имѣть всѣ тѣ высокія душевныя Его свойства на ходъ нашей государственной и общественной жизни, какъ бы приподнятой въ то время съ своихъ новыхъ тогда основъ злоплучнымъ событіемъ начала восьмидесятыхъ годовъ... Мы уже указали, говоря выше о Его болѣзни, что Онъ являлся миротворцемъ въ средѣ семьи европейскихъ народовъ—и не бросалъ меча ни на ту, ни на другую сторону вѣсовъ, а потому неудивительно, что выраженія къ Нему самыхъ теплыхъ симпатій раздѣлись одинаково искренно и по сю, и по ту сторону Рейна, и за Ла-маншемъ, и на противоположномъ материкѣ...

Вѣчный покой и миръ душѣ Того, Кто ставилъ цѣлью всей своей жизни—миръ!

Манифестъ 20-го октября, выражая безпредѣльность сыновней скорби Государа Императора о невознаградимой утратѣ, понесенной нынѣ Августѣйшею Семьею и народомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ, что въ единеніи народа съ Верховною Властью и въ его полной преданности ей лежитъ залогъ силы и крѣпости нашего дорогого всѣмъ намъ отечества, и возвѣщаетъ, что отнынѣ Онъ, вступая на престолъ, принимаетъ на Себя священный обѣтъ имѣть всегда единственною Своєю цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу Россіи и устройство счастья всѣхъ Его вѣрноподданныхъ. Такія слова, общающія народу въ его будущемъ миръ и все то, на чемъ зиждется истинное могущество, слава и счастье всѣхъ народовъ міра, найдутъ себѣ громкій и радостный откликъ во всѣхъ сердцахъ; каждый всею душою присоединится къ молитвѣ Царственнаго Вождя Своего народа къ Царю царствующихъ о поддержаніи Его силъ на многія и многія лѣта для осуществленія всѣхъ благихъ Его намѣреній и начинаній.

За Высочайшимъ манифестомъ 20-го октября послѣдовалъ манифестъ 21-го октября о совершеніи въ тотъ день священнаго миропомазанія надъ Высочайшею Невѣстой Государя Императора, Ея Великогерцогскимъ Высочествомъ Принцессою Алисою, которую повелѣно именовать Ея Императорскимъ Высочествомъ Благовѣрною Великою Княжною Александрою Ѳеодоровною.

„Она,—говорится въ манифестѣ,—стала Дщерію Православной Нашей Церкви, къ великому утѣшенію Нашему и всей Россіи.

„Посреди скорбнаго испытанія, которое всѣмъ Намъ послано по несповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, вѣруемъ со всѣмъ народомъ Нашимъ, что душа возлюбленнаго Родителя Нашего въ селеніяхъ небесныхъ благословила Избранную по сердцу Его и Нашему раздѣлять съ Нами вѣрующею и любящею душою непрестанныя заботы о благѣ и преуспѣяніи Нашего Отечества.

„Всѣ вѣрные подданные Наши соединятся съ Нами въ молитвѣ, да ниспошлетъ Господь благословеніе Свое на судьбы Наши и ввѣреннаго Намъ волю Его народа“.

Заколдованный вопросъ о высшемъ женскомъ медицинскомъ образованіи, которому всѣ сочувствуютъ, но которое, тѣмъ не менѣе, болѣе десяти лѣтъ все только имѣется въ виду, а не дается въ руки, — приближается, повидимому, къ благополучному рѣшенію. Въ государственномъ совѣтѣ предстоитъ, въ скоромъ времени, обсужденіе законопроекта о женскомъ медицинскомъ институтѣ. Нужно надѣяться, что средства, до сихъ поръ для него собранныя, будутъ, наконецъ, признаны достаточными; еслибы даже они и не достигали, въ настоящую минуту, заранѣе определенной цифры, вѣсть объ открытіи института вызвала бы, безъ сомнѣнія, новый приливъ пожертвованій, и успѣшная организація дѣла не встрѣтила бы, съ этой стороны, никакихъ серьезныхъ препятствій. Проектируемыя условія вступленія въ институтъ существенно отличаются отъ тѣхъ, которыя требовались для вступленія на прежніе врачебные курсы. Тогда вступающимъ достаточно было имѣть элементарныя свѣденія по латинскому языку; теперь отъ нихъ требуется аттестатъ зрѣлости, т.-е. знаніе обоихъ древнихъ языковъ, въ размѣрахъ гимназическаго курса. Это требованіе, если оно вступить въ силу одновременно съ самымъ положеніемъ о женскомъ медицинскомъ институтѣ, надолго задержитъ его развитіе и значительно уменьшитъ число слушательницъ. Женское учебное заведеніе, дающее своимъ ученицамъ аттестатъ зрѣлости, существуетъ, въ настоящее время, только одно: это—гимназія госпожи Фишеръ въ Москвѣ. Оканчиваютъ здѣсь курсъ сравнительно немногія, и далеко не всѣ между ними, конечно, воспользуются правомъ поступить, безъ дальнѣйшаго испытанія, въ медицинскій институтъ. Всѣмъ остальнымъ дѣвушкамъ и женщинамъ, желающимъ посвятить себя врачебному дѣлу, придется приобрѣсти, своими средствами, знаніе древнихъ языковъ и держать, въ мужской гимназій, экзаменъ на аттестатъ зрѣлости изъ всѣхъ предметовъ, входящихъ въ составъ мужского гимназическаго курса. Между экзаменуемыми будетъ, безъ сомнѣнія, не мало такихъ, которыя окончили курсъ не только гимназій или института, но и педагогическіе или даже высшіе женскіе курсы—и все-таки отъ нихъ потребуютъ экзамена по предметамъ, знаніе которыхъ удостовѣряется ихъ дипломомъ. Для тѣхъ, которыя только-что оставили школьную скамью, это не будетъ сопряжено съ большими затрудненіями; но предѣльный возрастъ для вступленія въ институтъ—35 лѣтъ, и слѣдовательно многимъ изъ поступающихъ придется, съ величайшими усиліями и, въ сущности, безъ всякой надобности и пользы, освѣжать въ памяти давно забытые детали, работая, вмѣстѣ съ тѣмъ,

надъ усвоеніемъ совершенно имъ незнакомыхъ древнихъ языковъ. Ничто не мѣшало бы, повидимому, установить, что свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи курса въ одномъ изъ среднихъ или высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній служить доказательствомъ знанія всѣхъ предметовъ, входящихъ въ программу этихъ заведеній, въ томъ объемѣ, въ какомъ они здѣсь преподаются, а если послѣдній меньше гимназическаго—требовать только повѣрочнаго испытанія по соотвѣтствующимъ отдѣламъ. По другимъ предметамъ и отдѣламъ предметовъ повѣрочное испытаніе могло бы быть назначаемо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда между окончаніемъ курса и вступленіемъ въ медицинскій институтъ прошелъ довольно значительный промежутокъ времени (напримѣръ, болѣе пяти лѣтъ), и притомъ самый предметъ (математика, физика) имѣетъ ближайшее отношеніе къ области наукъ, изучаемыхъ въ медицинскомъ институтѣ.

Десятилѣтній опытъ женскихъ врачебныхъ курсовъ доказалъ съ полною ясностью, что приносить громадную пользу и стоять на высотѣ практическихъ и даже научныхъ медицинскихъ задачъ женщины-врачи могутъ и безъ знанія греческаго языка, безъ всесторонняго знакомства съ латынью. Если отъ нихъ, тѣмъ не менѣе, признается необходимымъ требовать аттестата зрѣлости, наравнѣ съ молодыми людьми, поступающими въ медицинскую академію или на медицинскій факультетъ университета, то единственнымъ оправданіемъ такого требованія могло бы служить полнѣйшее уравненіе женщинъ-врачей съ врачами-мужчинами, какъ по образованію, ими получаемому, такъ и по правамъ, имъ предоставляемымъ. На самомъ дѣлѣ, однако, мы не видимъ ни того, ни другого. Задачей института выставляется медицинское образованіе преимущественно приспособленное къ акушерской дѣятельности и къ леченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Курсъ ученія въ институтѣ предполагается не пятилѣтній, какъ на медицинскихъ факультетахъ и въ медицинской академіи, а четырехлѣтній. Правда, на слушательницъ института, по окончаніи курса, предполагается возложить обязанность заниматься практикою, отъ одного года до трехъ лѣтъ, въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ и специальныхъ больницахъ или клиникахъ, женскихъ и дѣтскихъ, подъ руководствомъ опытныхъ врачей; но практическія занятія не равносильны научнымъ, и притомъ они приурочиваются къ лечебнымъ заведеніямъ *спеціальнымъ*, между тѣмъ какъ въ позднѣйшей своей дѣятельности женщинамъ-врачамъ придется, сплошь и рядомъ, бороться и съ общими болѣзнями. Съ другой стороны, женщины-врачи не пользуются правами государственной службы, хотя бы онѣ и занимали должности врачей при больницахъ или при учебныхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ; не допускаются онѣ

къ заведыванію общими больницами и лечебными заведениями въ городахъ и къ дежурству въ этихъ больницахъ. Одно изъ условий, предъявляя къ вступающимъ въ женскій медицинскій институтъ тѣ же самыя требованія, какъ и къ вступающимъ въ академію и университетъ, слѣдовало бы поставить женщинъ-врачей въ одинаковое положеніе съ врачами-мужчинами—или, существенно ограничивая права женщинъ-врачей, слѣдовало бы облегчить условія приѣма въ женскій медицинскій институтъ. Безъ всякаго вреда для дѣла можно было бы, напримѣръ, не требовать отъ вступающихъ въ институтъ знанія греческаго языка, а знаніе латинскаго языка считать обязательнымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно необходимо для чтенія авторовъ, не слишкомъ трудныхъ. Такое знаніе можетъ быть достигнуто сравнительно легко, въ сравнительно короткое время, путемъ самообразованія (для многихъ—единственнымъ доступнымъ), чего никакъ нельзя сказать о знаніи этимологическихъ и синтаксическихъ правилъ... На основаніи проекта положенія объ институтѣ, письменныя работы, исполненныя при испытаніи на аттестатъ зрѣлости, отсылаются, послѣ выдачи аттестата, въ институтъ и, въ случаѣ если число желающихъ поступить окажется выше устанавлиаемаго министромъ народнаго просвѣщенія комплекта, служатъ для опредѣленія наиболѣе достойныхъ, имѣющихъ право на предпочтительное зачисленіе въ слушательницы института. Намъ кажется, что этотъ способъ выбора не можетъ быть названъ цѣлесообразнымъ. Умѣнье переводить съ древнихъ языковъ на русскій—отнюдь не мѣрило способности къ изученію медицины; можно довести это умѣнье до совершенства—и все-таки не обладать ни однимъ изъ условій, особенно важныхъ для будущаго врача. Нѣсколько больше значенія имѣютъ письменныя работы по математикѣ и въ особенности по русскому языку—но и онѣ весьма легко могутъ дать невѣрное понятіе объ умственномъ складѣ авторовъ. Въ рѣшеніи математическихъ задачъ большую роль играетъ навыкъ, рутина; въ сочиненіяхъ, написанныхъ въ нѣсколько часовъ, на заданную тему, главнымъ элементомъ успѣха является, сплошь и рядомъ, привычка писать скоро и о чемъ угодно. Болѣе правильное представленіе о лицахъ, желающихъ вступить въ институтъ, могли бы дать устные повѣрочныя испытанія по физикѣ и космографіи—какъ единственнымъ отдѣламъ естествознанія, входящимъ въ программу экзамена на аттестатъ зрѣлости, и по русской литературѣ—какъ предмету, всего лучше позволяющему судить объ общей развитости экзаменуемыхъ. Еслибы это было признано неудобнымъ, то изъ письменныхъ работъ, принимаемыхъ въ соображеніе при выборѣ между кандидатами, слѣдовало бы совершенно исключить

работы по древнимъ языкамъ; иначе преимущество слишкомъ легко могло бы оказаться не на сторонѣ болѣе достойныхъ, а на сторонѣ болѣе достаточныхъ, пользовавшихся уроками хорошихъ учителей-специалистовъ по классической филологіи.

Источники содержанія женскаго медицинскаго института составляютъ проценты съ жертвуемыхъ капиталовъ, единовременныя пожертвованія и плата за ученіе. О какихъ-либо субсидіяхъ со стороны государственнаго казначейства нѣтъ, такимъ образомъ, и рѣчи; тѣмъ не менѣе устройство института въ хозяйственномъ отношеніи предполагается возложить на попечительный комитетъ, члены котораго *назначаются* министромъ народнаго просвѣщенія. Имъ же назначается и директоръ института и утверждается избираемая послѣднимъ инспектриса. Гораздо послѣдовательнѣе было бы организовать изъ жертвователей общество для завѣдыванія институтомъ, предоставивъ ему выборъ директора, инспектора и попечительнаго комитета. Исторія высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, до преобразования ихъ въ 1889 г., показываетъ съ полною ясностью, что такая организація всего больше способствуетъ успѣху дѣла и берегаетъ для научныхъ цѣлей значительную часть средствъ, которыя иначе приходится расходовать на администрацію. Въ настоящее время, однако, трудно ожидать отступленія, по отношенію къ медицинскому институту, отъ основныхъ началъ, проведенныхъ въ новой организаціи высшихъ женскихъ курсовъ. Нельзя не пожелать, чтобы хотя часть членовъ попечительнаго комитета избиралась жертвователями или обществомъ для вспомошествованія слушательницамъ врачебныхъ (и педагогическихъ) курсовъ, уцѣлѣвшимъ, къ счастью, и послѣ закрытія врачебныхъ курсовъ и легко могущимъ сдѣлаться средоточіемъ матеріальныхъ заботъ о женскомъ медицинскомъ образованіи... Къ просьбѣ о принятіи въ институтъ должно быть приложено, между прочимъ, ручательство попечительнаго комитета въ томъ, что просительница обладаетъ достаточными средствами для безбѣднаго существованія во все продолженіе ученія въ институтѣ, или что ей даны будутъ къ тому средства отъ комитета. Это требованіе, въ нашихъ глазахъ, прямо говоритъ въ пользу установленія тѣснѣйшей связи между попечительнымъ комитетомъ и обществомъ, главная цѣль котораго—облегчить для лицъ небогатыхъ доступъ въ высшему медицинскому образованію. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что именно среди этихъ лицъ всего больше желающихъ и способныхъ посвятить себя врачебной дѣятельности... Другое необходимое приложеніе къ просьбѣ о принятіи въ институтъ—это письменное разрѣшеніе родителей, опекуновъ и вообще лицъ, на попеченіи которыхъ находится просительница, а для замужнихъ—согласіе ихъ

мужей. Желательно было бы знать, требуется ли разрѣшеніе родителей для всѣхъ безусловно, или только для недостигшихъ совершеннолѣтія? Намъ кажется, что оно обязательно только для послѣднихъ. Женщина, по общему духу нашихъ законовъ, не состоитъ подъ вѣчной опекой, не нуждается постоянно въ чемъ-либо официальном попеченіи. Объ опекунахъ положеніе о медицинскомъ институтѣ могло бы и не упоминать, такъ какъ право вступленія въ институтъ обусловлено достиженіемъ двадцатилѣтняго возраста, а опека прекращается, по закону, уже тремя годами раньше. Что касается лицъ, на попеченіи которыхъ находится просительница, то подъ этимъ именемъ можно разумѣть только *попечителей* (въ техническомъ смыслѣ слова), функціи которыхъ прекращаются съ достиженіемъ двадцати одного года, а отнюдь не родственниковъ, съ которыми до тѣхъ поръ жила просительница, и которымъ] никакой законъ не даетъ права стѣснять ея свободу дѣйствій.

Крупныя пожертвованія частныхъ лицъ на дѣла общепользныя и благотворительныя распространены у насъ далеко не въ такой мѣрѣ, какъ въ Англіи или Соединенныхъ-Штатахъ, но все же перестаютъ быть рѣдкимъ исключеніемъ. Выдающееся мѣсто между ними, и по размѣрамъ, и по назначенію, заняло въ послѣднее время пожертвованіе потомственного почетнаго гражданина Иннокентія Михайловича Сибирякова (и раньше уже, подобно братьямъ своимъ и сестрѣ, очень много сдѣлавшаго для Сибири). Онъ внесъ въ иркутское отдѣленіе государственнаго банка, въ память отца своего, Михаила Александровича, капиталъ въ четыреста - двадцать - тысячъ рублей, для выдачи, изъ процентовъ съ этого капитала, пособій рабочимъ золотыхъ промысловъ якутской области и ихъ семьямъ. Право на полученіе пособія (единовременнаго, продолжительнаго или пожизненнаго) предоставляется: а) рабочимъ, получившимъ увѣчья на золотыхъ промыслахъ или потерявшимъ здоровье и силы на присковыхъ работахъ и вслѣдствіе этого неспособнымъ къ пропитанію собственнымъ трудомъ; б) семействамъ такихъ рабочихъ, и, кромѣ того, семействамъ рабочихъ, лишившихся жизни на золотыхъ промыслахъ какъ отъ болѣзни, такъ и вслѣдствіе особыхъ несчастныхъ случаевъ. Не теряютъ права на пособіе и тѣ изъ пострадавшихъ (или ихъ семейства), которые потерпѣли по собственной неосторожности. Пособія назначаются рабочимъ всѣхъ разрядовъ и наименованій (но не лицамъ, распоряжающимся работами и надзирающими за рабочими), безъ различія вѣронсповѣданій, сословій и правъ состоянія; не могутъ разсчитывать на пособіе только тѣ, которые получаютъ пенсію отъ золотопромышленника,

или не воспользовались въ полной мѣрѣ принадлежащимъ имъ, по закону, правомъ на вспомошествованіе со стороны золотопромышленника. Завѣдываніе пожертвованнымъ капиталомъ и назначеніе пособій возлагается на присутствіе по горнозаводскимъ дѣламъ при Иркутскомъ горномъ управленіи, а пока оно не открыто—на особый комитетъ, образуемый при этомъ управленіи. Какъ въ этотъ комитетъ, такъ и въ присутствіе по горнозаводскимъ дѣламъ приглашаются, для участія въ обсужденіи вопросовъ, касающихся назначенія пособій изъ капитала имени М. А. Сибирякова, самъ жертвователь, или его представитель, и врачъ, по выбору иркутскаго общества врачей Восточной Сибири. Въ случаѣ учрежденія въ гор. Иркутскѣ общества вспомошествованія приисковымъ рабочимъ Восточной Сибири капиталъ, по волѣ жертвователя, можетъ быть, весь или частью, переданъ въ это общество. Этимъ послѣднимъ правиломъ заранѣе разрѣшается единственное недоумѣніе, могущее возникнуть при чтеніи положенія о капиталѣ имени М. А. Сибирякова: оно объясняетъ, почему распоряженіе капиталомъ предоставлено не частному обществу, а присутственному мѣсту. Коллективная общественная дѣятельность въ Сибири развита, очевидно, еще слишкомъ слабо и встрѣчаетъ еще слишкомъ много препятствій, чтобы можно было, *въ настоящую минуту*, предоставить ей веденіе столь обширнаго и отвѣтственного дѣла; но обращеніе къ ней остается открытымъ и становится возможнымъ, какъ только она получитъ подходящій органъ въ лицѣ широко задуманнаго и правильно осуществленнаго общества для пособія приисковымъ рабочимъ. Не подлежитъ сомнѣнію, во всякомъ случаѣ, что помощь И. М. Сибирякова направлена именно туда, гдѣ въ ней была особенная надобность. Работа на золотыхъ приискахъ принадлежитъ къ числу самыхъ тяжелыхъ и, по своимъ условіямъ, наименѣе обезпечивающихъ рабочаго. „Приисковый рабочий,—по словамъ одного мѣстнаго наблюдателя, цитируемымъ въ статьѣ В. И. Семевского: „Законодательное регулированіе положенія рабочихъ на золотыхъ приискахъ“ („Русская Мысль“, № 8),—изнашивается очень скоро. Лѣтъ десять онъ работаетъ какъ забойщикъ на высшемъ окладѣ, затѣмъ онъ уже радъ, если попадетъ въ возчики, а потомъ счастливы изъ нихъ добиваются должности караульщика, рабочаго при резиденціи или на зимовьѣ; большинство же пропадаетъ Богъ знаетъ гдѣ и неизвѣстно чѣмъ кормить свое старое, измощенное тѣло“... „Когда дряхлость, продолжительная болѣзнь или увѣчья,—говоритъ другой знатокъ мѣстныхъ условій, г. Пантелѣевъ,—преграждаютъ дорогу на прииски, для бывшаго приисковаго рабочаго отърывается вполне безотрадное будущее. Своего дома и хозяйства, по большей части, нѣтъ, а сбереженій отъ прежнихъ заработковъ—

никакихъ... Кто часто ѣздилъ по большому сибирскому тракту, тотъ на каждомъ шагѣ встрѣчалъ безпріютныхъ стариковъ и калѣкъ и, вступивъ съ ними въ разговоръ, нерѣдко узнавалъ, что они когда-то ходили на пріиски"... Само собою разумѣется, что повсемѣстное и полное обезпеченіе всѣхъ пріисковыхъ рабочихъ, нуждающихся въ поддержкѣ, можетъ быть достигнуто только путемъ законодательной регламентаціи; но рядомъ съ нею всегда останется широкое поле для частной благотворительности, и капиталъ имени М. А. Сибирякова, даже при измѣнившихся къ лучшему общихъ условіяхъ, сохранитъ большое значеніе въ жизни сибирскихъ пріисковыхъ рабочихъ.

Съ большимъ удивленіемъ, но и съ большимъ удовольствіемъ прочитали мы недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 252) статью г. С. Романова: „Новый земскій налогъ“, основная мысль которой мало гармонируетъ съ обычными взглядами московской газеты. Рѣчь идетъ о томъ, слѣдуетъ ли земству устанавливать — какъ это сдѣлали недавно, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, семь уѣздовъ московской губерніи,—особую плату (отъ 5 до 20 коп.) съ больныхъ, приходящихъ за совѣтомъ и лекарьствомъ въ земскія лечебницы. Авторъ статьи очень энергично и очень основательно возстаетъ противъ этого новаго налога. „Въ защиту его,—говоритъ г. Романовъ,—приводится, сколько мнѣ извѣстно, та гипотеза, что легкій доступъ въ лечебницы и безплатная помощь породили (будто бы) массу легко и даже мнимо больныхъ, которые, являясь въ лечебницы съ незначительными болѣзнями, чрезмѣрно увеличиваютъ собой число ежедневныхъ націентовъ, напрасно отвлекаютъ врачей и тѣмъ лишаютъ ихъ возможности, за недостаткомъ времени, заняться болѣе серьезно съ трудными больными“. Эту „гипотезу“ авторъ совершенно правильно находитъ „крайне слабой“ во всѣхъ отношеніяхъ, указывая на то, что только врачъ можетъ безошибочно отличить *легкую* болѣзнь отъ тяжелой, а мнимо больныхъ или почти здоровыхъ не удержать отъ посѣщенія лечебницы и небольшая плата, такъ какъ бросать работу и идти безъ надобности къ врачу можетъ только человекъ сравнительно-достаточный. Обложеніе новымъ больничнымъ налогомъ населенія, безъ того уже участвующаго въ содержаніи больницъ (платежемъ земскаго сбора), авторъ признаетъ несправедливымъ: „это все равно что годовому доктору платить отдѣльно за каждого заболѣвающаго члена семьи“. Все это — безспорныя истины, и мы подчеркиваемъ ихъ только потому, что онѣ появляются на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ самомъ дѣлѣ, все сказанное г. Романовымъ о новомъ больничномъ налогѣ примѣнимо вполне и

къ „налогу школьному“, т.-е. къ взиманію платы за обученіе дѣтей въ начальныхъ школахъ съ плательщиковъ земскаго или городского сбора, часть котораго идетъ на содержаніе школъ. Въ городахъ такой налогъ можетъ еще быть оправдываемъ сѣмшаннымъ составомъ населенія, значительная часть котораго не несетъ (по крайней мѣрѣ прямо) городскихъ сборовъ; но это оправданіе болѣе чѣмъ сомнительно, и во всякомъ случаѣ примѣнимо только къ налогу ничтожному по размѣрамъ, посильному для большинства, легко слагаемому съ нуждающихся. Въ деревняхъ для платы за ученіе рѣшительно не должно быть мѣста, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда она взимается съ лицъ, не входящихъ въ составъ сельскаго общества, въ возмѣщеніе той части школьныхъ расходовъ, которую покрываетъ общество изъ своихъ мірскихъ сборовъ. Между тѣмъ, еще недавно „Московскія Вѣдомости“ рекомендовали возвышеніе платы за ученіе въ московскихъ городскихъ начальныхъ школахъ, а въ послѣднемъ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи лица, раздѣляющія, повидимому, образъ мыслей московской газеты, настаивали на введеніи платы за ученіе въ земскихъ школахъ московскаго уѣзда. Ихъ усилія не прошли бесслѣдно: собраніе поручило управѣ заняться разработкою этого вопроса — вопроса, возбужденіе котораго именно въ московскомъ земствѣ, такъ много сдѣлавшемъ для народнаго образованія, еще недавно было бы совершенно немислимо. Не подѣйствуетъ ли на инициаторовъ предложенія то обстоятельство, что даже „Московскія Вѣдомости“ не одобряютъ двойного обложенія на одинъ и тотъ же предметъ — сначала въ видѣ земскаго сбора, потомъ въ видѣ спеціальнаго налога? Вѣдь между платою за леченіе и платою за ученіе нѣтъ, съ этой точки зрѣнія, рѣшительно никакой разницы.

Статья г. Романова интересна для насъ еще въ одномъ отношеніи. Противники дарового приѣма приходящихъ больныхъ и даровой раздачи лекарствъ обыкновенно пускаютъ въ ходъ — кромѣ „гипотезы“, приведенной г. Романовымъ — еще одинъ аргументъ. Они говорятъ, что народъ не дорожитъ достаемыми ему безвозмездно и лучше исполняетъ докторскія предписанія, если за нихъ взимается какая-нибудь плата. Съ еще болѣею настойчивостью аналогичныя возраженія дѣлаются противъ дарового обученія, противъ безвозмездныхъ пособій во время народной нужды и т. п. Отстаивая даровое леченіе, г. Романовъ отрицаетъ, этимъ самымъ, благотворное дѣйствіе платной помощи, какъ единственной панацеи противъ всѣхъ народныхъ золъ, и подаетъ газетѣ, гдѣ онъ пишетъ, а также всѣмъ ея единомышленникамъ, полезный урокъ, который они, нужно надѣяться, при случаѣ припомнятъ...

Въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ прав. сената разсматривалось недавно дѣло, чрезвычайно интересное не только въ юридическомъ, но и въ бытовомъ отношеніи. Мѣщанинъ Парфеновъ, раскольникъ безпоповщинской секты, вступилъ въ бракъ, записанный, на точномъ основаніи закона 19-го апрѣля 1874 г., въ надлежащую книгу. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ принялъ православіе и вступилъ, при живой женѣ, во второй бракъ, по православному обряду, не расторгнувъ перваго брака и скрывъ самое его существованіе. Преданный суду за двоеженство, онъ былъ осужденъ московскою судебною палатою. Въ кассационной жалобѣ на этотъ приговоръ повѣренный Парфенова, присяжный повѣренный Розенблюмъ, утверждалъ, что раскольниковскій бракъ, совершенный посредствомъ записи въ полицейскія книги, не можетъ быть приравниваемъ къ браку, освященному церковью, а слѣдовательно и поступокъ Парфенова не можетъ быть разсматриваемъ какъ обыкновенное двоеженство; къ нему примѣнима, по аналогіи, лишь ст. 1558 улож. о наказ., ка-raющая лицъ не-христіанской вѣры за вступленіе въ новый или новые, при существованіи прежнихъ, браки, когда это противно законамъ ихъ вѣры или особымъ о смѣшанныхъ между протестантами и магометанами бракахъ постановленіямъ правительства. Въ заключеніи своемъ по этому дѣлу исполняющій обязанности оберъ-прокурора, сенаторъ А. Θ. Кони, установилъ, прежде всего, что раскольниковскій бракъ, соответствующій требованіямъ закона 19-го апрѣля 1874 г., есть именно *бракъ*, а не блудное сожителство, и притомъ *бракъ законный*. Обвиненіе Парфенова въ двоеженствѣ вовсе не равносильно уравнию *религіознаго* значенія браковъ церковнаго и раскольниковскаго. „Такое уравниеніе,—продолжалъ А. Θ. Кони,—выходить изъ области вѣденія уголовного суда и путемъ приложенія карательнаго закона достигнуто быть не можетъ. Наказывая за двоебрачіе, законъ вовсе не касается вопроса о предпочтительности одного брака предъ другимъ, о большемъ или меньшемъ религіозномъ вѣсѣ того или другого; онъ не ограждаетъ ту или другую вѣру и обязательства, налагаемыя ея таинствами, не наказываетъ и за супружескую невѣрность впаваго во многобрачіе супруга. Онъ ограждаетъ начало *единобрачія*, необходимое для устойчивости общественнаго порядка въ культурномъ государствѣ, нужное для поддержанія и для обезпеченія правильнаго развитія нарождающихся поколѣній и потребное для приданія нравственнаго элемента союзу, заключаемому обыкновенно подъ вліяніемъ физическаго влеченія, но долженствующему быть не только *maris et foeminae conjunctio*, но и *consortium omnis vitae*. Вотъ почему преслѣдованіе за многобрачіе возбуждается не по частной жалобѣ, какъ за прелюбодѣяніе; вотъ почему прави-

тельствующій сенатъ призналъ, что заключеніе даже чисто гражданскаго брака, безъ церковнаго благословенія, тамъ, гдѣ такой бракъ установленъ, не устраняетъ ответственности по ст. 1554 улож. въ случаѣ вступленія затѣмъ того же лица въ другой бракъ по обрядамъ церкви, въ странѣ, гдѣ не допускается гражданскій бракъ". Возражая противъ мнѣнія кассатора, будто раскольническій бракъ, совершенный полицейскимъ порядкомъ, не есть бракъ христіанскій и съ точки зрѣнія закона долженъ считаться даже ниже брака не-христіанъ, А. О. Кони замѣтилъ, что это мнѣніе свидѣлствуетъ

„непониманіи значенія, которое имѣетъ въ русскомъ языкѣ слово *расколъ*, и о забвеніи причинъ и условій происхожденія того важнаго историческаго и бытового явленія русской жизни, которое характеризуется этимъ словомъ". Никакого значенія для оцѣнки дѣйствій Парфенова не можетъ имѣть и переходъ его въ православіе. „Переходъ въ православіе не долженъ служить средствомъ для расторженія надобѣвшихъ или нежелательныхъ супружескихъ узъ, или способомъ осуществленія низменныхъ и эгоистическихъ вождѣлѣній. Перехода въ лоно православія, человекъ долженъ быть движимъ свободнымъ, глубокимъ и искреннимъ побужденіемъ души, чуждымъ разсчетамъ удобства и выгодъ или голосу страсти. Эта мысль неоднократно находила себѣ подтвержденіе въ отмінѣ постановленій, связывавшихъ съ принятіемъ православія или, вообще, христіанства какія-либо льготы или смягченія. Но разрѣшеніе бывшему раскольнику, по переходѣ въ православіе, вѣнчать свой прежній бракъ въ ничто или въ очень немногое—было бы именно такою льготою, несправедливостъ которой еще усугублялась бы тѣмъ просторомъ для разгула страстей, устраненіе котораго входило въ цѣль законодателя при установленіи условій узаконенія раскольничьихъ браковъ. Семья, находящаяся постоянно подъ угрозою фактическаго разрушенія и нравственнаго разложенія, вслѣдствіе возможности каждому изъ супруговъ безнаказанно вступить въ новый бракъ, лишь перейдя въ православіе, была бы лишь пародіей на семейный союзъ, проникнутый, притомъ, взаимнымъ недовѣріемъ и подоврительностью"...

Правительствующій сенатъ, согласно съ заключеніемъ исполняющаго обязанности оберъ-прокурора, оставилъ безъ послѣдствій ту часть жалобы Парфенова, которая касалась вопроса о виновности его въ двоеженствѣ. Въ правильности и справедливости этого рѣшенія не можетъ быть никакого сомнѣнія; слишкомъ странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, признавать раскольниковъ какъ бы не-христіанами, а бракъ, совершенный на точномъ основаніи закона и остающійся въ полной силѣ, не составляющимъ безусловнаго препятствія къ заключенію новаго брака. На разсмотрѣніе уголовнаго кассац. д-та

прав. сената поступаютъ изъ его отдѣленій либо дѣла особенно важныя, либо дѣла особенно спорныя. Дѣло Парфенова принадлежало, очевидно, къ первой изъ этихъ двухъ категорій (на что указываютъ и первыя слова заключенія оберъ-прокурора); менѣе чѣмъ всякое другое оно можетъ почитаться спорнымъ, допускающимъ два противоположныя рѣшенія. Открывая раскольникамъ путь къ узаконенію своихъ браковъ, законодательство не могло имѣть въ виду ничего иного, какъ утвержденіе раскольничьей семьи на тѣхъ же прочныхъ основахъ, на которыхъ семья вообще держится во всемъ христіанскомъ мірѣ, у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ...

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Финляндия въ XIX столѣтїи, изображенная въ словахъ и картинахъ финляндскихъ писателей и художниками. Спб. 94. Стр. 406 in-4°.

Просмотрѣвъ даже самый бѣглый образчикъ этого весьма обильнаго томъ in-4°, всякій согласится, что въ словахъ предисловія къ нему, написаннаго г. Тонеліусомъ, нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. „Достигнутые Финляндією культурные успѣхи,—говорится въ предисловіи,—представляютъ собою одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ побѣды, одержанной стойкою и энергичною волею человека надъ силами природы, въ то время какъ историческія судьбы этой народности краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, сколько можетъ вынести народъ, не утрачивая своей самобытности. Финляндія не можетъ быть погребена подъ снѣгами, ея народъ не можетъ быть исключенъ изъ числа націй, не оставивъ послѣ себя пустого мѣста на сѣверѣ Европы“. Дѣйствительно, Финляндія, по ея неустанной и побѣдоносной борьбѣ съ враждебными человѣку силами природы, можетъ быть сравнена развѣ только съ Голландією, отвоинившей себя землѣ у моря. Въ текстѣ тома читатель найдетъ весьма подробное и обстоятельное описаніе современнаго состоянія этой симпатичной и живописной страны, ея народа, съ его трудомъ, домашнею жизнью, нравами, увеселеніями; въ этомъ слѣдуетъ очеркъ превратностей политическаго судьбы этой страны въ различныя эпохи, обзоръ народнаго хозяйства, образованія, и, наконецъ, литературы и искусства. Все это написано перомъ лучшихъ современныхъ финляндскихъ писателей и ученыхъ, и украшено превосходно изготовленными иллюстраціями съ картинъ финляндской природы, финляндскихъ же художниковъ, видами городовъ, портретами выдающихся людей Финляндіи и множествомъ снимковъ и фотографій. Самое изданіе выношено съ такимъ изяществомъ, что можетъ стать рядомъ съ лучшими заграничными изданіями въ этомъ родѣ.

Къ вопросу о будущемъ нашемъ угодномъ надеждѣ. Критическій этюдъ В. Н. Палазуова. Од. 94. Стр. 132.

Цѣль автора состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы сдѣлать возможно близкое сравненіе первой редакціи проекта редакціонной комиссіи изложенія о наказаніяхъ, 1892 г., съ второю редакціею — 1895 г., и показать, насколько и въ чемъ именно комиссія въ послѣдней редакціи отступила—основательно или неосновательно—отъ первой, и приняла ли она въ соображеніе всѣ тѣ замѣчанія, которыя были вынесены съ стороны судовъ и практиковъ, и въ послѣдствіи собралы въ особомъ „Сводѣ“.

Сводникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаій. Т. III. Спб. 94. Ц. 2 р. 50 к.

Московское юридическое общество, начиная съ 1893 г., издаетъ свои труды, а также и работы членовъ общества, отдѣльными письмами или въ два раза въ годъ. Въ новомъ выпускѣ, въ первомъ его отдѣлѣ встрѣчаются работы Г. Джалишвела, проф. А. И. Чуврова, Д. Давидъ, гр. Камеровскаго и мн. др.; во второмъ отдѣлѣ главное мѣсто принадлежитъ обзорамъ юридической литературы.

Краткое изложеніе политической экономіи. А. А. Карелина. Спб. 1894. Стр. 507.

Книга г. Карелина, по своему содержанію и характеру, существенно отличается отъ обычныхъ учебниковъ или курсовъ политической экономіи: она удѣляетъ очень мало мѣста теоретическимъ положеніямъ, догмамъ и вопросамъ, а даетъ почти исключительно свѣденія и разсужденія, касающіяся нашей экономической жизни и представляющія поэтому наибольшій практический интересъ для русскихъ читателей. Собранный авторомъ матеріалъ распределенъ по тремъ рубрикамъ—производства, распредѣленія и обмена. Книга написана просто и толково, безъ претензій на научность.

Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Составилъ Д. Д. Моревъ. Изд. 4-ое, переработанное по новѣйшимъ свѣденіямъ. Спб., 1894. Стр. VIII и 327. Цѣна 2 рубля.

Книга г. Морева есть не только учебное руководство, но весьма полезный сборникъ свѣденій для всѣхъ интересующихся экономическими вопросами и современнымъ состояніемъ народнаго хозяйства въ Россіи и другихъ странахъ. Книга состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ разсматриваются пути сообщенія и средства сношеній, а во второмъ—промышленность и торговля Россіи, сравнительно съ другими государствами. Авторъ руководствовался новѣйшими статистическими данными и старался достигнуть не только полноты, но и достовѣрности сообщаемыхъ свѣденій; въ этомъ отношеніи внесено много прибавокъ и измѣненій къ настоящему, четвертое изданіе руководства г. Морева.

Собраніе повѣстей и разсказовъ О. С. Стулли. Спб., 1894. Стр. 538. Ц. 3 р.

Нѣкоторые изъ разсказовъ, напечатанныхъ въ этой книгѣ, появились впервые въ нашемъ журналѣ, и особенности художественныхъ приемовъ автора могли быть оценены читателями въ свое время по достоинству. Г. Стулли изображаетъ преимущественно будничную прозу интимной жизни, и его анализъ людскихъ отношеній свидѣтельству о большомъ житейскомъ опытѣ, объ умѣнїи схватывать скрытыя завуалированныя черты семейнаго благополучія или прозвѣбанія. Семья или, вѣрнѣе, подобіе семьи служитъ главнымъ предметомъ его разсказовъ, хотя содержаніе ихъ имѣетъ обыкновенно связь съ общественными теченіями въ нашемъ среднемъ образованномъ кругу, среди такъ-называемой интеллигенціи. Самая фабула въ этихъ разсказахъ болѣею частью весьма занимательна, и безъэпистолетика г. Стулли всего менѣе можетъ быть названа скучною.

Сочиненія А. Луговаго. Т. I—II. Спб., 1894. Стр. 572 и 526.

Въ первомъ томѣ помѣщены разныя стихотворенія, небольшія повѣсти, этюды и драмы, во второмъ—обширный романъ, въ пяти частяхъ, подъ заглавіемъ „Грани жизни“. Авторъ пишетъ интересно, живо, и сочиненія его всегда можно рекомендовать, какъ занимательное и легкое чтеніе.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1895 г.

(Тридцатый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересылкою . . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. связь . . .	10 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ уменьшенія годовой цѣны подписки.

— Съ перваго октября открыта подписка на послѣднюю четверть 1894 г. —

Ближнимъ газетамъ, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычныя услуги.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ сл. Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мельо и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Извнгородные и иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ указывать на себя: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго утѣренія, гдѣ (НВ) *допускается* владѣла журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителинѣ подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ извнгородные, должны вѣстать 1 руб. 50 коп., а извнгородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не подлеж. какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Высланы* изъ конторы журнала высланы Конторою только тѣмъ изъ извнгородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовина марками.

Видатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 12.

ДЕКАБРЬ, 1894.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

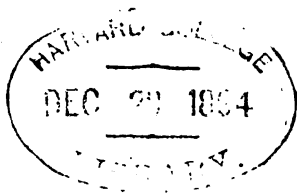
Google

КНИГА 12-я. — ДЕКАВРЬ, 1894.

Стр.

I.—ИЗЪ НОВЫЙШЕЙ ИСТОРИИ ЯПОНІИ. — 1854-1894 г. — IX-XVII. — Окончаніе. — В. Черевкова	477
II.—ИСПОЛНІТЬ ТЭНЬ въ исторіи лубяицевъ. — IV. — Окончаніе. — В. И. Герье	525
III.—СТАРЫЙ МЕДАЛЬОНЪ. — Разсказъ. — Кн. С. М. Волконскаго	561
IV.—НА ОСТРОВЪ СВ. ЕЛЕНЪ. — Изъ кругосвѣтнаго плаванія. — А. Даливо-Добровольскаго	603
V.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. У Саймы въ полдень. — II. Последняя любовь. — Вл. С. Соловьева	629
VI.—НАЧАЛО КОНЦА. — Этюдъ. — Н. Стахевичъ	631
VII.—ТАМИРЪ. — Русская община на границахъ Монголіи. — В. Птицына	669
VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — Лѣтній зной. — А. М. Жемчужникова	685
IX.—ЗАЛОЖНИКЪ. — The Bondman, by Hall Caine. — XXVI-XXXV. — Окончаніе. — А. Б-г	686
X.—НАЧАТКИ НОВАГО ДВИЖЕНІЯ. — Литература времени Петра Великаго. — А. И. Ильина	732
XI.—ЯПОНСКІЕ МОТИВЫ. — I. Дарумъ. — II. Къ портрету Дарумъ. — Стих. М. А. Хитрово	781
XII.—ТОРЖЕСТВО МИРОЛЮБІЯ. — У.	783
XIII.—ПРАВСТВЕННЫЯ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВА. — Вл. С. Соловьева	802
XIV.—ХРОНИКА. — Исполненіе государственной росписи на 1893 годъ. — О.	818
XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Бракосочетаніе Государя Императора. — Многостраничный манифестъ 14 ноября. — Положеніе дѣлъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ. — Главнѣйшія мѣры прошлаго царствованія. — Русскій народъ и русское общество въ настоящее время, на рубежѣ двухъ эпохъ.	835
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Разсужденія и выводы иностранцевъ о русской политикѣ. — Похвалы нашему миролюбію. — Преимущества свободы дѣйствій передъ системою союзовъ. — Циркулярная нота нашего министра иностранныхъ дѣлъ. — Новая идея старыхъ славянофиловъ. — Соображенія Н. И. Ламанскаго о вѣдшихъ дѣлахъ. — Старые газетные патрiоты и ихъ софизмы.	854
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Изъ эпохи великихъ реформъ. Гр. Дамашева. — А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ, его же. — Библиотечка и архивъ московскихъ государей въ XVI ст., Н. Лихачева. — Т. — Новая книга и брошюры	865
XVIII.—ЗАМѢТКА. — Некультурность и капитализмъ. — Л. С.	875
XIX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Gaston Deschamps, La Vie et les Livres. — II. L. Bernardini, La littérature scandinave. — III. G. Pellissier, Nouveaux essais de littérature contemporaine. — З. В.	883
XX.—НЕКРОЛОГЪ. — Профессора и прот. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. — Вл. С. Соловьева	893
XXI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Петербургъ въ первой половинѣ ноября. — Рѣчь проф. В. И. Ламанскаго въ славянскомъ обществѣ. — Манифестъ 25-го октября по финляндскимъ дѣламъ. — Дѣло „Владимира“ въ Одессѣ и приказъ свб. градоначальника. — Офиціозная газета. — Замѣчательное опредѣленіе сената. — А. Г. Рубинштейнъ и Ф. Н. Корольскій ф.	903
XXII.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.	910
XXIII.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. — „Вѣстникъ Европы“ въ 1894 г.	912
XXIV.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей „В. Е.“ за 1894 г.	913
XXV.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Г. Сазоновъ, Ростовщичество-художество. — Е. Подъязовова, Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. — В. Никольскій, На океанѣ. — Ж. Коломбъ, Дѣдушкина внука. — К. Покровский, Путеводитель по пѣбу. — В. Васкинъ, Русскіе композиторы: П. И. Чайковскій.	
XXVI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ — I-XVI стр.	

ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ Я П О Н И И

1854—1894.

IX *).

Заключеніе трактатовъ съ европейцами, безъ согласія микадо, вызвало величайшее негодованіе въ Кіото и во всей странѣ. Тысячи патриотовъ, въ глазахъ которыхъ регентъ былъ измѣнникомъ, оставили свои дома, объявивъ, что не возвратятся до тѣхъ поръ, пока микадо не смететъ прочь варваровъ.

11-го марта 1860 года регентъ Ии былъ умерщвленъ въ Іеддо. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ убійствъ иностранцевъ, поселившихся въ открытыхъ портахъ. Значеніе погунальнаго правительства стало быстро падать. Въ апрѣлѣ 1863 года погунъ явился на поклонъ къ микадо (230 лѣтъ прошло со времени послѣдняго посѣщенія погунами Кіото). Это должно было сдѣлать яснымъ для всѣхъ, даже для простыхъ людей, истинное отношеніе властителя Іеддо къ единственному, истинному государю страны. Затѣмъ, по приказанію изъ Кіото, первымъ министромъ погунальнаго правительства былъ сдѣланъ князь Эчизенскій: никогда раньше дворъ выѣшивался въ назначеніе чиновъ правительства Іеддо. Новый истръ, дѣйствуя подъ давленіемъ южныхъ князей, уничтожилъ

*) См. выше: ноябрь, стр. 227.

обычай, заставлявшій даймію жить въ Іеддо, и въ короткое время Іеддо опустѣло. Самурайи и князья тѣснились теперь въ Кіото. Волненіе умовъ здѣсь было страшное; но общимъ почти лозунгомъ сдѣлалось: изгнаніе иностранцевъ и закрытіе портовъ.

Между тѣмъ въ Іеддо начались въ апрѣлѣ мѣсяцѣ недоразумѣнія съ англичанами. Поводомъ къ нимъ послужило слѣдующее обстоятельство: сатсумскій даймію съ вооруженной свитой сопровождалъ въ Іеддо посла отъ микадо къ шогуну; неподалеку отъ Іокохамы эта торжественная процессія встрѣтила кавалькаду изъ нѣсколькихъ англичанъ, которые, по мнѣнію туземцевъ, недостаточно почтительно отнеслись къ особѣ высокаго японскаго сановника; — одинъ изъ свиты даймію бросился съ обнаженной саблей на дерзкихъ чужеземцевъ, убилъ одного изъ нихъ (Ричардсона) на мѣстѣ, а нѣсколькихъ болѣе или менѣе тяжело ранилъ; англійскій посланникъ потребовалъ 300.000 долларовъ вознагражденія семьѣ убитаго Ричардсона; шогунъ былъ въ отсутствіи, и его чиновники затягивали рѣшеніе дѣла до возвращенія правителя.

Въ маѣ микадо потребовалъ, чтобы шогунъ прибылъ къ нему за полученіемъ знаковъ полномочій на удаленіе иностранцевъ изъ Японіи — сабли и знамени; подъ предлогомъ болѣзни, шогунъ не поѣхалъ. Микадо издалъ тогда манифестъ о закрытіи японскихъ портовъ для иностранцевъ.

31-го іюля 1863 г., англійская эскадра, въ составѣ 10 судовъ, пришла въ Кагосиму и потребовала, чтобы сатсумскій даймію заплатилъ, наконецъ, извѣстную сумму въ пользу семействъ лицъ, убитыхъ его людьми близъ Іокохамы, и въ обезпеченіе этой уплаты захватила военное судно, принадлежавшее князю. Тогда сатсумскія войска открыли стрѣльбу по англійскимъ судамъ изъ своихъ батарей; англичане бомбардировали Кагосиму, выжгли ее и ушли. Вскорѣ послѣ этого, требуемая англичанами сумма была имъ уплачена. Еще раньше этого, дѣйствуя на основаніи приказовъ микадо и шогуна объ укрѣпленіи береговъ, домъ князя Мори, владѣвшій провинціями Нагато и Суво, къ которымъ принадлежалъ сѣверный берегъ Симоносекскаго пролива, настроилъ батарей у Симоносеки и, исполняя манифестъ микадо о недопущеніи иностранцевъ въ Японію, открылъ изъ этихъ батарей пальбу по проходившимъ мимо иностраннымъ купеческимъ судамъ. Пострадали отъ этого американскія, датскія и французскія суда, на которыхъ нѣсколько человѣкъ были убиты. Посланники неоднократно обращались по поводу этой стрѣльбы къ шогуну, но ихъ представленія не имѣли никакого результата. Тогда американскій, французскій и датскій посланники, снесаясь со своими правитель-

ствами, направили отрядъ военныхъ кораблей (американскихъ, французскихъ и датскихъ) въ Симоносеки. Соединенная эскадра, численностью въ 18 судовъ, пришла въ Симоносеки 24-го августа и открыла пальбу по тамошнимъ батареямъ. Послѣднія храбро отвѣчали. Къ вечеру отрядъ ушелъ, а на слѣдующее утро явился снова, возобновилъ пальбу, разрушилъ батареи и высадилъ десантъ.

Подчиненные князя Мори заявили, что они дѣйствовали, согласно полученнымъ ими приказамъ микадо и шогуна, и предъявили копія этихъ приказовъ. Иностранная эскадра вернулась въ Иокохаму, и посланники потребовали отъ шогунальнаго правительства контрибуцію въ три милліона долларовъ, грозя иначе занять области Суво и Нагато. Правительство шогуна согласилось выплатить требуемую сумму, и дѣло уладилось. Между тѣмъ, видя, что шогуны и не думаютъ приводить въ исполненіе приказъ микадо объ удаленіи иностранцевъ изъ Японіи, князь Мори, войска котораго охраняли нѣкоторые изъ дворцовыхъ воротъ въ Кіото, предложилъ микадо (въ сентябрѣ 1863 года), чтобы микадо самъ удалилъ иностранцевъ. Для этого, по проекту Мори, микадо долженъ былъ прежде всего оставить Кіото, гдѣ было много шогуновскихъ войскъ и существовала постоянная опасность быть свергнутымъ съ престола; затѣмъ, подъ охраною войскъ Мори, ему слѣдовало самолично явиться въ провинцію Ямато и тамъ заявить народу о своей волѣ относительно удаленія иностранцевъ. О проектѣ Мори узнали его враги и пустили слухъ, что онъ самъ хочетъ захватить въ руки микадо и дѣйствовать только его именемъ. Микадо началъ колебаться. Тогда комендантъ Кіото, непосредственный подчиненный шогуна, принялъ энергическія мѣры къ удаленію какъ самаго Мори, такъ и тѣхъ придворныхъ, которые были на его сторонѣ. Въ концѣ концовъ, всѣмъ членамъ фамиліи Мори и его свитскимъ, самурайамъ, былъ навсегда запрещенъ входъ въ столицу, что, въ сущности, ставило ихъ внѣ закона.

Много разъ потомъ Мори и его подчиненные обращались ко двору съ просьбою позволить имъ оправдаться въ клеветѣ, возведенной на нихъ; они не получили никакого отвѣта. Наконецъ, одинъ изъ самыхъ преданныхъ опальному князю друзей прибылъ съ небольшимъ отрядомъ въ Фу-Сими (одно изъ предмѣстій Кіото) и отсюда послалъ письмо къ микадо съ просьбою о помилованіи Мори. Ему было приказано ждать отвѣта. Тѣмъ временемъ, сюда подошли еще нѣсколько отрядовъ, преданныхъ дому Мори. Дворъ, находившійся подъ вліяніемъ князя Айдзу,

одного изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ шогуна, объявилъ собравшимся войскамъ Мори, что они будутъ наказаны за ихъ дерзкій, вызывающій образъ дѣйствій по отношенію къ государю. Тогда войска Мори, чувствуя правоту своего дѣла, рѣшили, на собственный страхъ и рискъ, попытаться прогнать силою клевретовъ шогуна изъ Кіото и освободить микадо отъ ихъ вліянія. 8-го августа 1864 г. они двинулись тремя отрядами, представлявшими, въ общей сложности, 13.000 человекъ, съ тѣмъ, чтобы атаковать девять воротъ императорскаго дворца и дворцовые сады, гдѣ стояли лагеремъ войска Аидзу и шогуна. Завязался бой, въ которомъ войска Мори потерпѣли полное пораженіе. Вспыхнувшій во время сраженія пожаръ уничтожилъ огромную часть Кіото: 811 улицъ, 27.400 домовъ, 18 дворцовъ, 44 княжескихъ и 630 дворянскихъ жилищъ, 60 синтосскихъ и 115 буддійскихъ храмовъ, 400 хижинъ и 40 мостовъ сдѣлались жертвою пламени. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, микадо, по просьбѣ шогуна, лишилъ князя Мори и его сына чиновъ и званій и издалъ приказъ о наказаніи провинцій Нагато и Суво, которыми владѣлъ домъ Мори. Во исполненіе этого повелѣнія шогунъ предписалъ войскамъ двадцати-одного даймію направиться въ Нагато. По мнѣнію шогунальнаго правительства, примѣрное наказаніе князя Мори должно было показать всѣмъ даймію, что глава токугавскаго дома имѣетъ достаточно могущества для наказанія своихъ враговъ. Вспыхнувшая междоусобная война блистательно доказала преимущество европейскаго вооруженія и тактики надъ феодальнымъ военнымъ устройствомъ: войска Мори были одѣты легко, вооружены англійскими и американскими ружьями, обучены европейскимъ военнымъ приѣмамъ; армія шогуна представляла въ общемъ пеструю, плохо дисциплинированную толпу, безъ достаточной военной выучки, вооруженную, какъ попало; войска Мори вездѣ торжествовали надъ нею. Въ разгарѣ этой войны, 23-го октября 1865 г., англійскій, французскій, американскій и датскій посланники прибыли въ Хіого—ходатайствовать, согласно заключеннымъ трактатамъ, объ открытіи и этого порта иностранцамъ; съ ними пришли девять военныхъ судовъ. Тогда шогунъ заявилъ микадо, что онъ можетъ напасть на эту эскадру и, пожалуй, даже остаться побѣдителемъ, но только временно: въ концѣ концовъ, военныя силы иностранцевъ возьмутъ верхъ, а потому онъ ходатайствуетъ объ удовлетвореніи требованія посланниковъ насчетъ открытія порта Хіого и объ утвержденіи микадо ранѣе заключенныхъ шогуномъ трактатовъ съ христіанскими государствами. Дворъ, обсудивъ положеніе дѣлъ, сообщилъ

шогуну, что микадо признаетъ заключенные трактаты съ иностранцами, но требуетъ ихъ пересмотра и не разрѣшаетъ открыть Хіого.

Всѣ эти неудачи разстроили здоровье шогуна Іосиге: онъ заболѣлъ и въ сентябрѣ 1866 года умеръ въ Осака. Ему наследовалъ Хитотсубаши-Есинори (Кенки),—его прежній соперникъ. Военныя дѣйствія противъ Мори были прекращены.

Въ январѣ 1867 года умеръ микадо Камей, и на престолъ вступилъ нынѣ царствующій микадо,—Мутсу-Хито. Лѣтомъ того же года посланники снова сдѣлали представленіе шогуну насчетъ открытія порта Хіого. Молодой императоръ далъ свое согласіе на открытіе порта.

Въ сентябрѣ 1867 года князь Тоза обратился къ шогуну съ письмомъ, въ которомъ убѣждалъ его передать правленіе страной въ руки императора:

„Приходъ иностранцевъ, — писалъ онъ, между прочимъ, — разрушилъ древніе законы Японіи и возбудилъ много новыхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не подѣ силу шогуну; со времени прихода иностранцевъ востокъ и западъ имперіи возстали другъ противъ друга, война не прекращается и повлечетъ за собой нападеніе иностранцевъ; причиной всѣхъ бѣдъ то, что образовались два центра администраціи: микадо и шогунъ, вслѣдствіе чего управляемые должны смотрѣть на тотъ и другой центры; верни власть въ руки государя и тѣмъ положи основаніе, на которомъ Японія сможетъ стать въ уровень съ другими странами“.

Въ это время выступаютъ на сцену политической дѣятельности нѣсколько талантливыхъ людей изъ сословія самурайевъ, пребывавшихъ до той поры въ неизвѣстности: Сайго, Окубо, Гѣто, Кидѣ, Хирозава, Комѣтсу. Поддерживаемые такими высокопоставленными лицами, какъ Шимадзу-Сабуро, дайміо Сатсумы, князя Эчизена, Хизена, Уваджима и Тоза, — они начинаютъ хлопотать о сформированіи новаго правительства, въ основу дѣятельности котораго должны быть положены начала до-шогунской эры, — когда страной лично правили императоры. Агитація, возбужденная ими, была такъ велика, что шогунъ, человѣкъ вообще слабый и нерѣшительный, уступая силѣ общественнаго мнѣнія, 7-го ноября 1867 года, подалъ императору просьбу объ увольненіи его отъ должности Сей-и-Тай-шогуна. Отставка была принята, и дворъ объявилъ по всей Японіи объ отказѣ шогуна отъ правительственной власти. Это былъ крупный шагъ къ восстановленію древняго режима, но далеко еще не самое восстановленіе: дѣло въ томъ, что въ Японіи является господиномъ положенія тотъ, кто владѣетъ осо-

бой императора; а такъ какъ ворота императорскаго дворца охраняли войска дома Аидзу, — самаго преданнаго вассала токугавскаго рода, то оставалось еще большимъ вопросомъ, гдѣ, въ концѣ концовъ, будетъ находиться дѣйствительная власть: въ родѣ ли Токугавы, или она будетъ связана съ императорскимъ дворомъ. Вліятельные самураи Сатсумы, Нагато и Суво и князья Тоза, Эчизенъ и Уваджима — рѣшили покончить съ этимъ вопросомъ поскорѣе. Понемногу они начали стягивать въ Кіото войска коалиціи, и когда, по ихъ мнѣнію, этихъ войскъ накопилось достаточно, они рѣшили дѣйствовать: 22-го декабря 1867 года войска лиги (Сатсумы, Тозы, Эчизена, Аки и Овари) внезапно овладѣли дворцовыми воротами. Въ тотъ же день придворные, окружавшіе до того времени юнаго микадо, были удалены и во дворецъ допущены только тѣ, кто раздѣлялъ взгляды лиги. Дворъ издалъ затѣмъ отъ имени императора указъ, въ которомъ объявлялось, что должность шогуна упраздняется навсегда и что съ этого дня управленіе Японіей будетъ находиться всецѣло въ рукахъ императора. Фамилія Мори была реабилитирована, главѣ ея возвращены чины и отличія и дозволено вступить съ войсками въ Кіото. Создался рядъ новыхъ должностей, образовалось нѣчто въ родѣ временнаго правительства, и мѣста здѣсь заполнены людьми, преданными главнымъ дѣятелямъ свершившагося государственнаго переворота.

Всѣ эти перемены были совершенной и самой непріятной неожиданностью для бывшаго шогуна и его сторонниковъ. Шогуны желалъ теперь обратно вернуть власть, отъ которой такъ легкомысленно отрекся. Совѣту своихъ приближенныхъ онъ заявилъ, что всѣ распоряженія императорскаго двора были сдѣланы безъ его вѣдома, что здѣсь дѣйствуютъ дурные совѣтники императора, съ его врагомъ — сатсумскимъ дайміо во главѣ, и что ему, шогуну, не было еще приказано сдать дѣла императорскому двору. Затѣмъ шогуны, по совѣту своихъ приближенныхъ, удалился изъ Кіото въ Осака, въ сопровожденіи войскъ князей Аидзу, Кувана и Итакура, съ тѣмъ, чтобы укрѣпиться тамъ и прервать сообщеніе Кіото съ южными провинціями имперіи. Изъ Осака онъ прислалъ заявленіе, въ которомъ просилъ императора удалить всѣхъ сатсумцевъ отъ двора и отъ должностей на государственной службѣ за то, будто бы, что они производятъ въ Іеддо безпорядки и стараются тамъ подорвать власть шогуна.

Тогда дворъ послалъ къ бывшему шогуну его родственниковъ, князей Овари и Эчизена, съ предложеніемъ присоединиться къ новому правительству и получить другое высокое официальное

назначеніе. Шогунъ сначала обѣщалъ сдѣлать это, но потомъ раздумалъ и, подѣ давленіемъ князя Аидзу, рѣшилъ войти въ Кіото во главѣ своихъ войскъ и вооруженной силой удалить отъ молодого микадо его „дурныхъ совѣтниковъ“. Узнавъ о движеніи бывшаго шогуна, дворъ запретилъ ему приближаться къ Кіото и приказалъ баррикадировать обѣ дороги, ведущія въ столицу. 15-го января 1868 года передовой отрядъ шогунальныхъ войскъ (которыхъ было, одни говорятъ, десять, другіе—30.000 человекъ) подошелъ къ барьеру, заграждавшему кіотскую дорогу у Фусими. На требованіе пропустить ихъ, войска южныхъ князей, охранявшихъ баррикады, отвѣчали выстрѣлами изъ пушекъ; завязался бой при Фусими,—одно изъ величайшихъ сраженій по своему значенію въ судьбахъ японской націи, продолжавшійся цѣлыхъ три дня. Войска шогуна значительно превосходили численностью южанъ, но въ концѣ концовъ побѣда осталась не на сторонѣ силы, а на сторонѣ лучшаго воинскаго образованія и выдержки. Разбитая на голову армія шогуна въ дикомъ безпорядкѣ бросилась въ Осака. Самъ шогунъ, вмѣстѣ съ княземъ Аидзу и другими дайміо, его союзниками, оставили на произволъ судьбы своихъ солдатъ и бѣжали въ Іеддо, предварительно предавши пламени Осакаскій замокъ. 21-го января императорскія войска заняли Осака; а 24-го микадо лишилъ бывшаго Сей-и-Тай-шогуна и всѣхъ его приверженцевъ чиновъ и титуловъ и объявилъ, что онъ послалъ большое войско, подѣ верховнымъ начальствомъ принца императорской крови, Арисугава-но-Мія, отобрать отъ бывшаго шогуна всѣ его владѣнія.

6-го февраля посланники иностранныхъ державъ, находившіеся въ то время въ Кубе, заявили, что будутъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ въ предстоящей междоусобной войнѣ.

Въ Іеддо князья Аидзу, Сендай и др. снова начали уговаривать Еси-Нори восстановить свой престижъ вооруженной силой: съ обширной арміей, арсеналами и флотомъ шансы бывшаго шогуна на успѣхъ были еще очень велики; но на этотъ разъ развѣнчанный правитель, послушавшись совѣтовъ двухъ своихъ министровъ — Катзу и Окубо-Ичю, рѣшительно отказался продолжать войну, которая, при данныхъ условіяхъ, являлась уже настоящимъ возстаніемъ противъ своего государя.

14-го апрѣля императорскія войска заняли Іеддо безъ боя. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ столицу шогуна самъ Арисугава и былъ торжественно встрѣченъ посланцами Еси-Нори. Принцъ заявилъ имъ отъ имени императора слѣдующія требованія: пере-

дать въ его распоряженіе всѣ укрѣпленія бывшаго шогуна, всѣ его военныя суда, оружіе и боевыя припасы.

Относительно тѣхъ, которые помогали Еси-Нори въ его возстаніи, онъ сказалъ, что ихъ постигнетъ наказаніе: что жизнь главы Токугавскаго дома будетъ пощажена, но самъ онъ подвергнется заключенію въ Мито.

Бывшій шогунъ согласился на всѣ эти условія; но приверженцы шогуната рѣшили не обращать больше вниманія на Еси-Нори и защищать привилегіи рода Токугавовъ и свои собственные интересы самостоятельно.

Часть фанатическихъ сторонниковъ Токугавовъ обратила монашескія земли Уендъ въ свою твердыню и отсюда начала наводить на городъ ужасъ своими дикими злодѣяніями. 22-го іюня императорскія войска окружили Уендъ и, овладѣвъ укрѣпленной мѣстностью мятежниковъ, перебили почти всю эту шайку.

Театръ междоусобной войны былъ перенесенъ затѣмъ въ Андзу и Вакаматсу, а отсюда на островъ Іезо. Побѣда повсюду сопровождала императорскія арміи. Къ концу октября 1868 года возстаніе на главномъ островѣ было уже вездѣ подавлено.

28-го октября, въ день рожденія микадо, годамъ его правленія дано было названіе „мейджи“ (эра блестящаго правленія) и постановлено, что эпоха царствованія императора Мутсу-Хито отнынѣ и навсегда должна быть извѣстна подъ этимъ именемъ.

14-го ноября императоръ прибылъ въ Іеддо, и принцъ Ари-сугава торжественно вернулъ ему знаки полномочій на покореніе инсургентовъ,—саблю и парчевое знамя: его задача была исполнена,—главный островъ умиротворенъ. Оставался непокореннымъ только городъ Хакодате (на островѣ Іезо), находившійся въ рукахъ мятежниковъ; но и онъ 14-го іюня 1869 года сдался императорскимъ войскамъ.

Х.

Со сдачей Хакодате, имперія получила, наконецъ, полный миръ. Шогуната не существовало болѣе; въ странѣ былъ теперь только одинъ центръ управленія и одинъ дѣйствительный властитель—микадо, императоръ.

Итакъ, движеніе въ пользу восстановленія власти императора въ полномъ ея объемѣ, поднятое, между прочимъ, во имя изгнанія иностранцевъ, окончилось не удаленіемъ ихъ, а, наоборотъ, приобщеніемъ самой Японіи къ европейской цивилизаціи. Что же

произвело такой, повидимому, совершенно неожиданный оборотъ? Это—весьма интересный вопросъ, на который только новѣйшіе европейскіе изслѣдователи японской исторіи пролили, наконецъ, свѣтъ.

Партія микадо составила изъ самыхъ разнохарактерныхъ элементовъ, какіе выносить на поверхность исторической жизни всякая крупная революція: бокъ-о-бокъ съ великодушными, талантливыми и умными людьми, въ этой партіи была цѣлая масса всевозможныхъ искателей приключеній, синтоскихъ фанатиковъ, учащейся молодежи и просто темныхъ личностей. Общей связью, соединявшей всю эту массу, было желаніе изгнать иностранцевъ. Пока шла междоусобная война,—некогда было думать объ иностранцахъ: не до нихъ тогда было; но вотъ война кончилась, и на сцену выступаетъ рядъ жгучихъ вопросовъ: самураи начинаютъ громко говорить о томъ, что теперь настало, наконецъ, время приняться за чужеземцевъ въ-серьезъ и смести ихъ разнавсегда съ японской почвы; синтоскіе жрецы настаиваютъ на преслѣдованіи туземныхъ христіанъ, неожиданно-негаданно объявившихся въ окрестностяхъ Нагасаки, требуютъ провозглашенія культа синто государственной религіей и также вопятъ объ изгнаніи варваровъ-иностранцевъ. Само правительство было далеко не прочь отдѣлаться отъ этихъ непрошенныхъ гостей, но, сознавая свою неподготовленность къ такому крупному шагу, обратило свое вниманіе прежде всего на организацію національной арміи и на развитіе военныхъ ресурсовъ имперіи. А время между тѣмъ дѣлало свое великое дѣло, убѣждая мыслящихъ японцевъ все больше и больше въ огромныхъ преимуществахъ извѣстныхъ сторонъ европейской цивилизаціи надъ туземной культурой. „Одну изъ характернѣйшихъ чертъ японцевъ,—говоритъ одинъ изъ компетентныхъ наблюдателей,—составляетъ ихъ готовность измѣнить на лучшее то, что признано ими негоднымъ или ошибочнымъ“. Это умѣнье критически относиться къ самимъ себѣ и заставило вождей движенія рѣшительно счесть то, чему они нѣкогда поклонялись. Честь почина въ этомъ направленіи принадлежитъ знаменитому тріумвирату эпохи реставраціи: Окубо, Кидд, Гдто, имѣвшимъ возможность хорошо освоиться съ западными идеями.

Еще въ самомъ разгарѣ междоусобной войны, въ мартѣ 1868 года, дворъ, подъ давленіемъ этихъ трехъ главарей движенія, пригласилъ иностранныхъ министровъ на аудіенцію къ императору въ Кіото, и въ томъ же мѣсяцѣ императорскій дворъ объявилъ по всей Японіи, что дипломатическія отношенія съ иностранными представителями не будутъ прерваны. Затѣмъ Окубо,

исправлявшій тогда должность государственнаго канцлера, подаетъ императору слѣдующую докладную записку:

„Эпоха среднихъ вѣковъ нашей исторіи ознаменовалась, между прочимъ, тѣмъ, что наши императоры начали жить за ширмами, и нога ихъ перестала ступать на землю; ничего изъ того, что происходило за этими ширмами, не доходило до ихъ священныхъ ушей. Императорская резиденція была глубоко изолирована отъ внѣшняго міра и, естественно, не походила на этотъ міръ. Немногимъ только благороднымъ особамъ позволялось приближаться къ трону.

„Такой порядокъ вещей идетъ совершенно въ разрѣзъ съ основнымъ началомъ всего нашего политическаго устройства, — съ принципомъ божественнаго происхожденія микадо, ибо этотъ порядокъ можетъ создать враждебное отношеніе къ государю со стороны его подданныхъ, которые не въ состояніи обратиться къ нему со своими справедливыми жалобами и просьбами, когда послѣдніе остаются почему-либо неудовлетворенными. Такая преступная практика, общая многимъ вѣкамъ нашей жизни, должна быть оставлена: пусть пышный этикетъ будетъ отброшенъ и простота сдѣлается нашимъ руководящимъ принципомъ.

„Киото — неудобное мѣсто для верховнаго правительства. Да будетъ угодно его величеству временно устроиться въ Осака. Передвинувъ сюда свою столицу, государь тѣмъ самымъ исклѣтитъ одинъ изъ многихъ источниковъ злоупотребленій, какія мы наслѣдовали отъ прошлыхъ вѣковъ“.

Эта записка произвела большое впечатлѣніе на дворъ. Императоръ согласился въ принципѣ съ мнѣніемъ Окубо, и переносъ столицы въ Осака былъ рѣшенъ; а покамѣстъ прежній шогунскій замокъ въ Киото обратили въ зданіе государственнаго совѣта, и это вновь возникшее высшее правительственное учрежденіе стало обсуждать теперь всѣ проектировавшіяся мѣропріятія, имѣвшія общегосударственное значеніе.

Въ мартѣ 1868 года, императоръ самъ лично посѣтилъ засѣданіе государственнаго совѣта и здѣсь, въ присутствіи чиновъ двора и даймію, держалъ свою знаменитую рѣчь, гдѣ обѣщалъ даровать странѣ совѣщательное собраніе, относительно всѣхъ мѣропріятій сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ, уничтожить грубые обычаи старыхъ временъ, водворить правосудіе и отвести подобающее мѣсто уму и учености, какъ важнѣйшимъ факторамъ для утвержденія основъ государства.

Эта рѣчь юнаго микадо была въ сущности изложеніемъ всей программы дѣятельности новаго правительства. Устами царствен-

наго юноши здѣсь говорили тѣ люди, которые, сдѣлавъ его императоромъ *de facto*, рѣшили его именемъ провести свои идеи въ японскую жизнь.

Вскорѣ дворъ, дѣйствительно, переехалъ въ Осака, а затѣмъ, подъ вліяніемъ Окубо и его товарищей, рѣшено было окончательное перенесеніе столицы въ Іеддо. Извѣстіе это вызвало въ странѣ неописанное волненіе. Чтобы освоить народъ съ фактомъ, что Іеддо сдѣлался отнынѣ императорской резиденціей, этотъ городъ былъ переименованъ въ Токио, что значитъ „восточная столица“ (Киото—значитъ „западная столица“). Пока Окубо, Кидо, Гото, Ивакура, Санджо, Итагаки и другія вожди реставраціонной эпохи хлопотали о практическомъ проведеніи въ жизнь своихъ политическихъ доктринъ,—японскіе писатели взяли на себя трудъ теоретическаго просвѣщенія интеллигентныхъ массъ своего народа насчетъ преимуществъ западной культуры надъ отжившей уже свое время старо-японской цивилизаціей. Въ столицѣ выросли газеты. Прессѣ была дарована извѣстная, довольно широкая свобода. Новое правительство дѣйствовало вообще съ большою снисходительностію и особенно великодушно относилось къ литераторамъ и ученымъ людямъ, хотя бы они и принадлежали къ сторонникамъ Токугавовъ. Была объявлена высочайшая амнистія всѣмъ вождямъ мятежнаго движенія, и вообще сдѣлано все для успокоенія страны.

Въ Японію между тѣмъ вернулись многія изъ тѣхъ лицъ, которыхъ Еси-Нори, еще въ бытность свою Сей-и-Тай-шогуномъ, послалъ въ Америку и западную Европу для обученія нѣкоторымъ иностраннымъ наукамъ и искусствамъ. Они возвратились на родину, преисполненные глубокаго восторженнаго удивленія передъ современной цивилизаціей христіанскихъ націй. Они начали тогда изданіе тѣхъ оригинальныхъ сочиненій и переводовъ съ западныхъ книгъ, которыя съ такою жадностію не только читались, а буквально поглощались всею японскою интеллигенціей. Первое мѣсто среди этихъ новыхъ писателей занялъ скорѣ одинъ школьный учитель, по имени Фукузава. Онъ выдавался по своему уму, образованію и блестящему популяризаторскому таланту. Фукузава облекъ западныя идеи въ японскую плоть и кровь, показалъ, какъ Японія, презиравшая, вслѣдствіе своего отчужденія и ложной гордости—знанія и науки, развивавшіяся на Западѣ, отстала отъ Европы и Америки, и доказывалъ, что ничто не спасетъ великую его родину отъ завоеванія и паденія, кромѣ усвоенія тѣхъ идей, которыя сдѣлали иностранцевъ тѣмъ, что они есть.

„Многіе люди реставраціонной эпохи ¹⁾, которые нѣкогда такъ громко кричали объ изгнаніи варваровъ-иностранцевъ, нашли себя, послѣ прочтенія сочиненій Фукузавы, безсознательно или даже противъ своей воли вовлеченными въ вихрь либеральнаго движенія“.

Другой талантливый писатель—Накамура (также школьный учитель) дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, какъ и Фукузава, и сочиненія его имѣли не менѣе значительное распространеніе и вліяніе. Его записка о сущности христіанства и о религіозной свободѣ произвела глубокое впечатлѣніе на дворъ и положила предѣлъ фанатическимъ проискамъ ультра-синтоистовъ.

Много было и другихъ благородныхъ умовъ, посвятившихъ себя дѣлу развитія своихъ соотечественниковъ въ видахъ усвоенія ими началъ современной европейской цивилизаціи, и труды ихъ не пропали даромъ.

Прошло два года послѣ окончанія междоусобной войны; реформаціонная работа кипѣла; но въ средѣ правительственнаго чиновничества находилось еще много людей неподходящаго образа мыслей: въ одинъ прекрасный день цѣлыя сотни такихъ чиновниковъ были уволены въ отставку, и на ихъ мѣста назначены только такія лица, убѣжденія которыхъ не расходились съ общимъ направленіемъ правительственной политики.

Далѣе съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что до тѣхъ поръ, пока существуетъ феодальная система, мирное развитіе страны никакъ не можетъ считаться обеспеченнымъ отъ разныхъ неожиданныхъ и совсѣмъ нежелательныхъ случайностей. И вотъ четыре владѣтельныхъ князя: Сатсума, Тоса, Чошіу и Хизенъ, подаютъ императору записку, въ которой они доказываютъ, что удѣлы князей представляютъ, въ сущности, собственность императора, и они, какъ таковыя, должны быть ему возвращены. За этими дайміо стояли Кидд, Окубо и Ивакура, которые твердо рѣшили смести феодализмъ съ почвы Японіи, чего бы это ни стоило. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было уничтоженіе званій: кугѣ (придворнаго дворянства) и дайміо (территоріальныхъ князей), и обозначеніе ихъ однимъ общимъ именемъ: квазку, т.-е. благородныя фамиліи. Затѣмъ, въ сентябрѣ 1871 года вышелъ императорскій указъ, повелѣвавшій всѣмъ бывшимъ дайміо сдѣлаться простыми частными людьми. Тѣ феодальные владѣтели, которымъ была не по душѣ

¹⁾ Такъ рассказываетъ одинъ изъ живыхъ свидѣтелей того времени, пасторъ Гриффисъ (The Micado's Empire, by the Rev. W. E. Griffis).

новая правительственная мѣра, слишкомъ хорошо знали характеръ людей, стоявшихъ позади трона и издавшихъ этотъ эдиктъ, чтобы подумать о сопротивленіи, и потому выполнение указа обошлось безъ всякихъ кровавыхъ замѣшательствъ.

Такъ палъ японскій феодализмъ послѣ восьми-вѣкового существованія. Подъ конецъ онъ не представлялъ, впрочемъ, большой силы: изъ всѣхъ (почти 300) дайміо послѣднихъ дней не было и десяти человекъ какого-либо личнаго значенія; истинная власть въ каждомъ удѣльномъ княжествѣ находилась въ рукахъ способныхъ людей не княжескаго, а самурайскаго званія, которые и управляли своими господами. Они, эти „выскочки“, какъ ихъ называли, и стали во главѣ реставраціоннаго движенія: они-то и низвергли шогуна и шогунатъ, а затѣмъ свели на нѣтъ и своихъ господъ—дайміо; они же образовали правительство страны и поднесъ составляютъ его, держа въ своихъ рукахъ микадо и управляя его именемъ. Въ самомъ дѣлѣ: кто были дѣйствительные вожди Японіи съ 1868 года?—Окубо, Кидо, Ивакура, Санджо, Гото, Кэцу, Сойеджима, Окума, Оки, Ито, и многіе другіе, изъ которыхъ только два-три принадлежали къ придворному дворянству, а всѣ остальные—бывшіе простые самураи различныхъ дайміо; лицъ же, принадлежавшихъ къ княжескому сословію, не было ни одного среди этой блестящей плеяды умовъ и талантовъ.

XI.

Если мы, послѣ этого краткаго историческаго очерка событий, разразившихся въ Японіи вслѣдъ за прибытіемъ въ ея воды эскадръ коммодора Перри и вице-адмирала Путятина, обратимся къ вопросу, какую роль въ этихъ событіяхъ играло появленіе иностранцевъ на японской почвѣ,—то на первый взглядъ покажется, будто этимъ иностранцамъ принадлежитъ здѣсь если не главная, то во всякомъ случаѣ—преобладающая роль. Новѣйшія изслѣдованія европейскихъ ученыхъ, долго жившихъ въ Японіи, ознакомившихся съ ея языкомъ, литературой, съ теченіями туземной мысли, показали, однако, ошибочность такого мнѣнія: иностранцы и ихъ идеи были поводомъ, но не причиной паденія шогуната, восстановленія власти императора въ ея прежнемъ объемѣ и уничтоженія феодальной системы. Все это явилось результатомъ цѣлой массы внутреннихъ причинъ, уже работавшихъ въ странѣ до прихода въ нее иностранцевъ.

Среди многочисленныхъ классовъ Японіи только три пред-

ставляли интеллигенцію страны: первый заключалъ въ себѣ придворное дворянство,—ученыхъ Кіото; второй составили буддійскіе священники, литературная дѣятельность которыхъ оказала огромное вліяніе на развитіе японской мысли и достигла своего расцвѣта въ XVI стол. Съ того времени туземная мысль ведется третьимъ интеллигентнымъ сословіемъ Японіи,—самураями.

Паденіе древняго дома, царствовавшаго въ Китаѣ, повело за собою бѣгство множества китайскихъ ученыхъ, разсѣявшихся по Корей и Японіи. Это вызвало въ послѣдней оживленіе изученія китайской классической философіи, въ особенности политико-этическихъ ученій Конфуція и Менція. Изученіе конфуціанской нравственной схемы пяти важнѣйшихъ обязанностей, гдѣ на самомъ главномъ мѣстѣ стоитъ требованіе подчиненія подданнаго своему государю, вызвало между самураями желаніе точно опредѣлить истинное отношеніе между микадо и шогуномъ, и уже въ XVII вѣкѣ ученые начали ясно понимать истинную природу двоевластія, царствовавшаго въ ихъ странѣ.

Особенно славилась своими учеными провинція Мито. Второй князь Мито (род. 1622, ум. 1700 г.) можетъ быть разсматриваемъ какъ истинный творецъ того движенія, которое достигло своего кульминаціоннаго пункта въ революцію 1868 года. Собравъ вокругъ себя ученыхъ со всѣхъ концовъ Японіи, этотъ князь началъ составленіе знаменитаго сочиненія „Дай-Нихонъ-Ши“, или „Исторія Японіи“. Сочиненіе это, состоящее изъ 243 томовъ, было окончено въ 1715 году; тенденція его—показать, что микадо—истинный и единственный источникъ власти, и выставить тотъ историческій фактъ, что шогуны, въ сущности, были военные узурпаторы власти.

Дѣло, начатое княземъ Мито, продолжалъ знаменитый японскій ученый Рай-Саніо, который въ 1827 году окончилъ свою „Исторію внѣшнихъ сношеній Японіи“ (Нихон-Гвай-Ши); въ ней приводилась и развивалась дальше та же идея, что и въ сочиненіи князя Мито.

Туземная интеллигенція, прилежно изучавшая подобныя произведенія, начала жаждала того, чтобы увидѣть микадо снова возстановленнымъ во всемъ его прежнемъ значеніи. Многіе изъ этой интеллигенціи поняли далѣе, что Японія, при Токугавахъ, во многомъ попятилась назадъ, и что особенно пострадало военное искусство; а между тѣмъ иностранцы со всѣхъ сторонъ надвигались на „Священную Страну“. Дальновидные люди начали понимать, что столкновеніе между Кіото и Еддо становится неминуемымъ, и что единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ бѣдъ и

воля—возстановленіе законной императорской власти во всемъ ея объемѣ.

Съ другой стороны, въ пользу возстановленія древняго императорскаго режима дѣйствовало другое теченіе туземной мысли: школа новыхъ синтоскихъ писателей, опираясь на тѣ же классическія историческія сочиненія, начала проповѣдь возстановленія и очищенія древняго національнаго культа „синто“; эта религія говоритъ, что Японія есть страна боговъ, и что микадо—прямой потомокъ и представитель ихъ на землѣ; отсюда—два вывода: каждый японецъ долженъ слѣпо исполнять волю своего микадо, и вѣтъ микадо нѣтъ для японца другой, равной на землѣ власти.

Шогуны восо смотрѣли на сочиненія синтоскихъ писателей; но дворъ и микадо всячески помогали имъ. Изученіе историческихъ сочиненій и произведеній синтоскихъ ученыхъ и образовали то общественное мнѣніе, которое въ концѣ концовъ ниспровергло шогуна и феодализмъ. Такимъ образомъ, задолго до прихода иностранцевъ въ Японію, сѣмена будущей революціи были уже посеяны въ умственную почву страны. Мало того, были даже отдѣльныя попытки заставить шогуна отречься отъ власти: въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія князь Мито (потомокъ вышеназваннаго ученаго князя) неоднократно убѣждалъ шогуна передать свою власть императору; видя безуспѣшность однихъ словъ, онъ рѣшилъ попытаться принудить къ этому шогуна силою оружія; но правительство Іеддо въ-время раскрыло замыслы князя и заключило его въ тюрьму, откуда онъ вышелъ, послѣ 12-лѣтняго заточенія, только въ эпоху волненій, послѣдовавшихъ за приходомъ Перри.

Примѣръ крутой расправы съ Мито не испугалъ, однако, нѣкоторыхъ южныхъ князей, начавшихъ дѣлать обширныя военныя приготовленія, какъ будто для того, чтобы отразить могущее послѣдовать нападеніе иностранцевъ, а въ сущности (какъ это доказано теперь) имѣя въ виду низвести шогуна къ его надлежащему уровню,—одного изъ обыкновенныхъ вассаловъ императора. Здѣсь играли, конечно, роль и чисто личные, старые, фамиліные счеты: предки этихъ южныхъ князей пользовались нѣкогда такимъ же значеніемъ, какъ и Токугавскій домъ, и только случайности военнаго счастья помогли Токугавамъ такъ сильно возвыситься надъ ними; они никогда не могли ни забыть, ни простить имъ этого случайнаго возвышенія.

Самымъ выдающимся между южными князьями, по личнымъ своимъ свойствамъ—уму, энергіи, дальновидности, — былъ князь

Сатсумскій. Кромѣ поддержки всѣхъ изучавшихъ древнюю литературу и исторію, онъ учредилъ оружейные и пороховые заводы, занялся серьезно улучшеніемъ военной организаціи своихъ войскъ и задумалъ послать за границу молодыхъ людей, гдѣ бы они могли приобрѣсти необходимыя военныя и другія техническія познанія, что въ концѣ концовъ ему и удалось, несмотря на то, что дѣйствовавшіе въ то время законы страны строго запрещали японцамъ оставлять свое отечество. Столичный городъ его княжества, Кагосима, вскорѣ сталъ однимъ изъ центровъ интеллектуальной дѣятельности страны.

Въ 1858 году князь умеръ; ему наследовалъ его младшій братъ Шимадзу-Сабуро. Между учениками покойнаго князя были Сайго, Окубо и Кatsu, игравшіе, какъ мы видѣли, такую важную роль въ событіяхъ реставраціонной эпохи.

Знакомство со всѣми вышеприведенными фактами даетъ возможность понять истинный смыслъ теченія событій, послѣдовавшихъ за появленіемъ иностранцевъ на японской почвѣ: иностранцы были только, такъ сказать, ферментомъ, усилившимъ броженіе, существовавшее уже до нихъ въ странѣ,—броженіе, которое имѣло своей конечной исторической цѣлью восстановление древняго императорскаго режима, паденіе шогуната и федеральной системы въ странѣ. Мы видѣли уже, какъ попутно при этомъ совершился поворотъ во взглядахъ правительства и извѣстной части туземной интеллигенціи по отношенію къ иностранцамъ, и какъ само правительство рѣшило, наконецъ, ввести свою страну въ семью цивилизованныхъ націй запада.

ХІІ.

Обратимся теперь къ дѣятельности японскихъ государственныхъ людей послѣ низверженія феодальной системы. Покончивъ съ феодализмомъ, японское правительство рѣшило отправить за границу посольство, которое должно было посѣтить 15 націй, заключившихъ трактаты съ Японіей, и хлопотать о пересмотрѣ этихъ трактатовъ съ цѣлью уничтожить въ нихъ статью, дающую иностраннѣмъ подданнымъ, проживающимъ въ Японіи, права такъ называемой экстерриторіальности, т.-е. права быть судимыми не по законамъ страны, въ которой они живутъ, а своимъ консульскимъ судомъ.

Посольство состояло изъ императорскаго полномочнаго посла Ивакуры и четырехъ министровъ: Окубо, Кидо, Ито и Ямагучи.

При нихъ находился цѣлый штатъ чиновниковъ, отправленныхъ для всесторонняго изученія, на мѣстѣ, каждой отрасли государственнаго управленія иностранныхъ націй, ихъ экономическихъ и военныхъ ресурсовъ, и проч.

Посольство посѣтило прежде всего Америку. 17-го февраля 1872 года оно было принято президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ, которому Ивакура вручилъ собственноручное письмо императора Японіи, а 23-го февраля—конгрессомъ.

„Этотъ день, — съ гордостью говоритъ одинъ американскій писатель: — можно разсматривать какъ день формальнаго появленія Японіи на аренѣ всемірной исторіи“.

Въ то время, когда это посольство путешествовало по Америкѣ и Европѣ,—отношенія Японіи къ ближайшимъ сосѣднимъ ей государствамъ, Китаю и Корей, обострились вдругъ такъ, что едва не повели за собой войны.

Дѣло было такъ. Одна японская джонка разбилась какъ-то у береговъ восточной Формозы; ея экипажъ былъ убитъ туземными дикарями и, какъ говорятъ, даже съѣденъ. Когда извѣстіе объ этомъ дошло въ Токио, Сойѣджима, вмѣстѣ съ другими министрами, возымѣли мысль занять разбойничьи берега, воздвигнуть тамъ, въ интересахъ торговли, маяки и усмирить мѣстныхъ дикарей.

Хотя Китай никогда до того времени не заявлялъ претензій на всю Формозу (въ его безспорномъ владѣніи находилась лишь западная часть ея); но японское правительство все-таки рѣшило предварительно освѣдомиться у пекинскихъ властей, какъ они посмотрятъ на вооруженное занятіе Японіей восточнаго берега этого острова: весною 1873 года Сойѣджима прибылъ въ Пекинъ, былъ принятъ въ аудіенціи императоромъ и въ Тсун-гли-Яменѣ (китайское министерство иностранныхъ дѣлъ) получилъ офиціальное уведомленіе, что китайское правительство признаетъ право Японіи на наказаніе и усмиреніе дикарей восточнаго берега Формозы. Тогда на Формозу была отправлена военная экспедиція изъ Японіи, и 1,300 японскихъ солдатъ заняли этотъ островъ. Дикари вскорѣ были усмирены. Японцы провели дороги, устроили маяки и воздвигли современныя укрѣпленія. Сначала все шло хорошо; но вдругъ, подъ влияніемъ иностраннаго вліянія въ Пекинѣ, китайское правительство перемѣнило свой взглядъ на формовскія дѣла и потребовало очищенія острова, угрожая, въ противномъ случаѣ, войною. Въ Пекинъ былъ посланъ Окубо. Результатомъ его переговоровъ было то, что китайцы уплатили Японіи 700.000

долларовъ вознагражденія ¹⁾, а японцы обязались очистить Формозу, но съ тѣмъ, чтобы китайскія регулярныя войска заняли опасные берега.

Такимъ образомъ, Японія, стоявшая совершенно одиноко, за свой собственный страхъ и рискъ очистила, въ интересахъ всѣхъ цивилизованныхъ націй, страшный берегъ отъ кровожадныхъ дикарей и сдѣлала его безопаснымъ.

Что касается отношеній къ Корей, то здѣсь дѣло оказалось гораздо сложнѣе и едва не повело за собой крупной внутренней катастрофы.

Въ прежнія времена, при Токугавахъ, всякій разъ, когда въ Японіи вступалъ во власть новый шогунъ, или воцарялся новый императоръ, Корея регулярно посылала въ Японію посольство съ выраженіемъ своего почтенія и лучшихъ пожеланій правителямъ сосѣдней страны; но послѣ 1868 года эти дружественныя отношенія начали ухудшаться. Корейское правительство косо посматривало на то, что творилось тогда въ Японіи, и наконецъ, въ 1872 году, отправило въ Японію весьма оскорбительныя письма, гдѣ насмѣхалось надъ раболѣпиемъ сосѣдки передъ иноземными варварами и объявляло себя ея врагомъ на жизнь и на смерть.

Извѣстіе объ этомъ произвело сильное волненіе въ Японіи, особенно въ бывшихъ княжествахъ Сатсума и Хизентъ: самураи этихъ княжествъ также находили, что революція 1868 года зашла слишкомъ далеко, и кричали теперь о возвратѣ къ „доброму старому времени“. Въ концѣ концовъ, проектъ войны съ Кореей сдѣлался популярнымъ не только въ странѣ, но и въ средѣ министерства. Ждали только возвращенія изъ Европы посольства Ивакуры.

Многому научились члены этого посольства отъ христіанскихъ націй: результатомъ ихъ изслѣдованій была цѣлая серія реформъ на родинѣ; по въ своемъ главномъ предпріятіи—въ вопросѣ объ уничтоженіи пресловутой статьи о правѣ экстерриторіальности—посольство потерпѣло фіаско.

Пока Японія удерживала еще у себя многія варварскія учрежденія, старыя суды, пытки и тюрьмы, христіанскія державы отказывали ей въ признаніи равенства съ ними.

О домашнихъ дѣлахъ, о волненіи страны по поводу корейскаго инцидента, о проектѣ войны съ Кореей, — Ивакура и его коллеги узнали еще въ Европѣ, незадолго передъ отъѣздомъ своимъ

¹⁾ Самой Японіи эта экспедиція стоила 5 милл. долларовъ и 700 человѣческихъ жизней.

въ Японію. „Глазами, просвѣщенными всѣмъ тѣмъ, что они увидѣли за границей“, они не могли не замѣтить, что война съ Кореей поведетъ къ финансовому разоренію Японіи. Они вернулись на родину, и когда проектъ войны былъ представленъ на разсмотрѣніе общаго совѣта министровъ, они доказали полную несостоятельность этого проекта. Тотчасъ послѣ этого сторонники войны: Гото, Сойѣджима и Это, вышли изъ кабинета.

Ивакура, въ глазахъ самурайевъ, явился измѣнникомъ національному дѣлу, а его проектъ уничтоженія самурайскихъ пенсій довелъ озлобленіе ихъ противъ этого государственнаго человѣка до крайней степени. И вотъ, 2-го января 1873 года, вечеромъ, когда Ивакура возвращался изъ императорскаго дворца, онъ подвергся нападенію, былъ раненъ, но успѣлъ все-таки скрыться отъ своихъ убійцъ, благодаря ночной темнотѣ. Вскорѣ заговорщики (9 самурайевъ) были пойманы и, несмотря на ходатайство Ивакуры, обезглавлены.

5-го января 1873 г., бывшіе министры: Гото, Сойѣджима, Это, Итакали и др., издали меморандумъ, въ которомъ заявляли о необходимости учрежденія представительнаго собранія, гдѣ желанія народа могли бы найти свое истинное выраженіе; они жаловались, что теперь ни императоръ, ни народъ, не имѣютъ дѣйствительной власти: власть—въ рукахъ случайныхъ людей, чиновничьей клики.

Ходатайство это было отклонено и официально объявлено, что Японія еще не созрѣла для такихъ учреждений.

Главнымъ гнѣздомъ неудовольствія было теперь бывшее хизейское княжество. Неудовольствіе это разразилось вооруженнымъ возстаніемъ, лозунгомъ котораго былъ крикъ: „въ Корею!“ Мятежники имѣли сначала нѣкоторый успѣхъ, и ждали, что все Кіу-Сіу присоединится къ нимъ; но правительственныя войска, явившіяся на театръ мятежа подъ начальствомъ Окубо, въ десять дней раздавили это возстаніе. Корейскій инцидентъ также кончился счастливо: въ 1875 году былъ отправленъ въ Пекинъ для переговоровъ Аринори-Мори, а Курода съ военными японскими кораблями вошелъ въ корейскія воды; оба уполномоченные дѣйствовали съ большимъ единодушіемъ и тактомъ, и 15-го февраля 1876 года между Кореей и Японіей былъ заключенъ союзъ мира, дружбы и торговли.

Корейскій трактатъ такъ усилилъ престижъ правительства, что оно рѣшило приступить къ обезоруженію самурайевъ. Обычай ношенія сабель былъ уничтоженъ слѣдующимъ высочайшимъ повелѣніемъ: „Никому не дозволяется отнынѣ носить саблю, за

исключеніемъ придворныхъ, военныхъ и морскихъ чиновъ и полицейскихъ офицеровъ". Указъ этотъ вошелъ въ силу съ 1-го января 1877 года и былъ выполненъ безъ сопротивленія.

24-го іюля того же 1876 года состоялась другая важная правительственная мѣра. Прежде, при удѣльныхъ князьяхъ, самурайи получали отъ нихъ жалованье натурою, въ видѣ того или другого количества риса; съ паденіемъ феодализма, какъ они, такъ и ихъ бывшіе князья, стали получать отъ правительства опредѣленные пенсіоны; указъ отъ 24-го іюля 1876 года уничтожалъ эти пенсіоны; были выпущены, взамѣнъ ихъ, правительственныя денежныя облигаціи, погашавшіяся въ срокъ отъ 5 до 14 лѣтъ, и обмѣнъ пенсіоновъ на эти бумаги сдѣланъ обязательнымъ.

При этомъ, самыя значительныя по размѣру пенсіоны должны были быть уничтожены сначала. Проведеніемъ этой мѣры имѣлось въ виду освободить государственное казначейство отъ ежегодной тяжести приблизительно въ 20.000.000 долларовъ.

Всѣ подобныя правительственныя распоряженія вызвали снова сильное неудовольствіе въ юго-западныхъ провинціяхъ имперіи. Тамъ было еще много людей, жалѣвшихъ о добромъ старомъ времени и громко кричавшихъ о дерзкой политикѣ „выскачекъ“, стоящихъ у трона, о „плѣненіи“ ими императора, о вліяніи иностранцевъ, и т. д., и т. д. Отъ криковъ эти люди перешли въ дѣлу: послѣдовало нѣсколько вооруженныхъ возстаній, которыя, впрочемъ, были скоро подавлены.

Въ концѣ 1876 года правительство провело еще одну благотѣльную мѣру, уменьшеніе поземельнаго налога, снимавшее съ крестьянскихъ плечъ тяжесть въ 8.000.000 долларовъ.

Съ этой реформой тѣсно связано имя Кидо,—этого „мозга и пера“ реставраціоннаго движенія. Этотъ человѣкъ воплощалъ собою душу мирнаго прогресса; онъ посвятилъ себя выработкѣ подробностей внутренняго мѣстнаго управленія, старательно изучилъ вопросы земельной таксаціи и муниципальнаго устройства, какъ на родинѣ, такъ и за границей, и пользовался репутаціей человѣка выдающагося ума и незапятнанной политической честности. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ вѣрили самурайи островъ Кіу-Сіу, и только онъ еще могъ успокоить этотъ взволнованный край; но онъ умеръ въ самый критическій моментъ.

А на Кіу-Сіу между тѣмъ готовились важныя событія.

Послѣ революціи 1868 года многіе изъ самураевъ Сатсумы были назначены на почетныя должности въ арміи, во флотѣ и въ полиціи; самому же сатсумскому князю, Шимадзо-Сабуро, и его главному совѣтнику, Сайго, предложили мѣста въ кабинетѣ;

но рядъ политическихъ мѣръ, принятыхъ новымъ правительствомъ, оказался не по душѣ этимъ вождямъ воинственной области; они удалились на родину, громко говоря о правительственномъ обманѣ: „правительство микадо,—роптали они,—начало борьбу съ шогуномъ во имя, между прочимъ, изгнанія иностранцевъ, а кончило тѣмъ, что само попало подъ вліяніе этихъ иностранцевъ“. Въ Кагосимѣ Сайго сталъ исподволь дѣлать обширныя военныя приготовленія. Положеніе начинало дѣлаться серьезнымъ. Опасность его увеличилась тѣмъ обстоятельствомъ, что близъ Кагосимы находился большой правительственный арсеналъ, полный военныхъ запасовъ, вмѣстѣ съ двумя хорошо устроенными пороховыми заводами. Военный талантъ Сайго не подлежалъ, кромѣ того, никакому сомнѣнію, и правительство рѣшило скорѣе сорвать маску съ этого опаснаго агитатора: въ январѣ 1877 года былъ посланъ въ Кагосиму, на военномъ кораблѣ, адмиралъ Кавамура съ порученіемъ забрать порохъ изъ тамошнихъ складовъ. Правительственное судно подверглось нападенію цѣлой массы вооруженныхъ шлюпокъ, а арсеналъ и пороховые склады были взяты 20-го января отрядомъ сатсумскихъ самураевъ. Правительство рѣшило немедленно принять самыя энергическія мѣры: островъ Кіу-Сіу былъ объявленъ на военномъ положеніи; Сайго лишенъ званія фельдмаршала имперіи и объявленъ мятежникомъ противъ государя; принцъ Арисугава назначенъ главнокомандующимъ арміей, отправленной противъ инсургентовъ.

Не буду останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ этого самаго сильнаго изъ всѣхъ возстаній послѣдняго времени. Достаточно сказать, что въ концѣ концовъ феодализмъ, поднявшійся еще разъ противъ новаго теченія, былъ теперь раздавленъ окончательно.

Возстаніе стоило Японіи 50.000.000 долларовъ. Мятежныя войска Сатсумы, Озуми и Хіуга насчитывали въ своихъ рядахъ 39.760 человекъ; изъ нихъ 3.553 были убиты, 4.344 ранены, и 3.123 пропали безъ вѣсти; въ числѣ убитыхъ былъ, между прочими, и Сайго. Императорскія войска потеряли приблизительно столько же. Съ лицами, прикосновенными къ мятежному движенію на Кіу-Сіу, правительство обошлось необыкновенно мягко: изъ 38.163 лицъ, преданныхъ суду,—35.218 были прощены, 295—оправданы, 20 приговорены къ денежнымъ штрафамъ, 117—лишены самурайскаго званія, 1.793 приговорены къ тюремному заключенію на срокъ отъ 30-ти дней до 10-ти лѣтъ, и 20 человекъ обезглавлены.

XIII.

Послѣ сатсумскаго возстанія, самымъ интереснымъ эпизодомъ новѣйшей внутренней исторіи Японіи является, конечно, введеніе въ странѣ представительныхъ учреждений.

Появленіе въ Японіи представительныхъ учреждений не есть ничто неожиданное: это — только заключительный актъ цѣлой полосы жизни этой страны, цѣлой серіи попытокъ, имѣвшихъ своею цѣлью осуществленіе идеи японскаго народнаго представительства, — попытокъ, повторявшихся на протяженіи ряда годовъ, начиная съ 1868 по 1881 годъ. Отреченіе шогуна отъ власти въ концѣ октября 1867 года и *сюр д'ѣтат* въ Кіото, 25-го декабря того же года, дали императорской партіи ту власть, въ которой она такъ долго стремилась, и которою она сумѣла воспользоваться такъ умно и ловко. Во главѣ этой партіи стояла небольшая группа талантливыхъ людей, состоявшая изъ нѣсколькихъ передовыхъ „кугѣ“ и вліятельныхъ самураевъ, явившихся представителями трехъ-четырехъ удѣльныхъ княжествъ; а такъ какъ успѣхъ реставраціоннаго движенія былъ вынесенъ на своихъ плечахъ всѣмъ сословіемъ самураевъ вообще, то для главарей движенія являлось существенно важнымъ обстоятельствомъ — позаботиться, въ интересахъ вновь приобрѣтеннаго положенія, о примиреніи возникшихъ раздоровъ и несогласій въ средѣ этого вліятельнаго сословія, и уже тогда въ головахъ ихъ стала носиться идея о введеніи у себя того способа обезпеченія политической гармоніи сталкивающихся интересовъ, который зовется представительнымъ образомъ правленія. Знаменитая императорская рѣчь въ мартѣ 1868 года обѣщала, что будетъ учреждено совѣщательное собраніе и всѣ мѣропріятія будутъ рѣшаться путемъ общественнаго обсужденія ихъ. Въ тѣ времена, впрочемъ, въ правящей партіи и въ сословіи самураевъ рѣчь шла еще не о парламентѣ собственно, а именно объ учрежденіи совѣщательнаго собранія, долженствующаго представлять собою интересы только дворянскаго класса. Основой устройства такого собранія, послѣ долгихъ споровъ и разсужденій, была принята удѣльная организація: каждый большой удѣлъ, или княжество, посылалъ отъ себя въ собраніе трехъ представителей; княжество средней величины — двухъ, и всякое маленькое княжество — одного. Этихъ делегатовъ номинально утверждали дайміо, а въ дѣйствительности — главари, заправлявшіе самими дайміо, — что прагматически должно было выражать собою общественное мнѣніе cadaго княжества.

Такое собраніе впервые происходило уже въ 1868 году. Въ апрѣлѣ 1869 года делегаты собрались въ Токио; на этотъ разъ собраніе назвало уже себя „палатой общинъ“.

Вниманію его были предложены, между прочимъ, вопросы о торговыхъ товариществахъ между иностранцами и японцами и о введеніи конституціоннаго образа правленія; но делегаты разошлись, не придя ни къ какимъ опредѣленнымъ заключеніямъ по этимъ вопросамъ. Дебаты показали далѣе правительственнымъ вождямъ, что на самурайевъ въ общемъ нельзя смотрѣть какъ на правительственную силу, способную содѣйствовать тому прогрессивному движенію, которое эти вожди считали столь необходимымъ націи: такъ, напр., въ вопросахъ объ уничтоженіи обычаевъ „хара-кири“ и ношенія сабель,—цифры голосовъ, поданныхъ противъ правительственнаго предложенія, и за него, были соответственно слѣдующія: 200 къ 9 и 213 къ 0.

Въ томъ же 1869 году собраніе „палаты общинъ“ было отсрочено на неопредѣленное время, и она въ такомъ видѣ никогда уже больше не призывалась къ дѣятельности.

Оригинальная „палата общинъ“ была фактически погребена; но принципъ совѣщанія съ общественнымъ мнѣніемъ правительство удержало: въ 1871 году явился такъ-называемый Са-Инъ—родъ сената, члены котораго назначались первымъ министромъ, выбиравшимъ ихъ изъ вліятельныхъ самурайевъ. Это учрежденіе не пользовалось, впрочемъ, ни малѣйшимъ вліяніемъ. Его замѣнилъ въ 1875 году Генро-Инъ, обыкновенно называемый сенатомъ, долго не имѣвшій также никакого практическаго значенія, и только впоследствии обнаружившій признаки своего вліянія на законодательство страны.

Въ апрѣлѣ 1873 года, Инуйѣ, бывшій тогда министромъ финансовъ, созвалъ провинціальныхъ губернаторовъ для того, чтобы выслушать ихъ мнѣнія по нѣкоторымъ крайне важнымъ административнымъ вопросамъ. Особенно плодотворныхъ результатовъ это собраніе не принесло; но оно послужило зерномъ института, который, начиная съ 1875 года, заступалъ мѣсто народнаго собранія; учрежденіе это получило названіе: „Советъ мѣстныхъ оффиціальныхъ лицъ“. Мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Среди смутъ и броженія того времени шли и безконечныя толки о представительномъ правленіи. Выходъ въ отставку въ концѣ 1872 года министровъ Гото, Это, Сойѣджима, Итагаки, изъ-за вопроса о войнѣ съ Кореей, далъ имъ возможность воспользоваться существовавшимъ въ обществѣ настроеніемъ, и въ январѣ 1873 года они представили правительству извѣстную за-

писку, гдѣ просили о дарованіи парламента. Мы имѣли уже случай говорить выше о судьбѣ, постигшей это ходатайство; но записка тѣмъ не менѣе получила широкое распространеніе и дала поводъ къ громадной агитаціи. У кабинета имѣлся уже въ проектѣ вышеупомянутый „Совѣтъ мѣстныхъ официальныхъ лицъ“; когда созданъ былъ Генералъ-Инъ и верховный судъ, то въ томъ же декретѣ, который устанавливалъ эти учрежденія, содержались, между прочимъ, слѣдующія слова: „Мы созываемъ также совѣтъ официальныхъ лицъ нашихъ провинцій, для того, чтобы нужды народа сдѣлались извѣстными и могло быть достигнуто общественное благополучіе; такимъ путемъ мы постепенно предоставляли народу нашему конституціонную форму правленія“.

„Совѣтъ мѣстныхъ официальныхъ лицъ“ собрался въ первый разъ въ іюлѣ 1875 года. Собраніе состояло, конечно, только изъ назначенныхъ официальныхъ лицъ; но правительство обращалось съ ними какъ съ представителями народа и, несомнѣнно, смотрѣло на способъ избранія его членовъ только какъ на временный. Императорская рѣчь открывала сессію, а Киддъ былъ назначенъ президентомъ собранія. Присутствовало 70 делегатовъ, которыми были или губернаторы, или ихъ уполномоченные. Эта первая сессія не повела за собой никакихъ особыхъ результатовъ. Собраніе не имѣло инициативы въ возбужденіи вопросовъ; въ засѣданія его не допускались ни представители печати, ни публика, и большую часть его времени поглотили разсужденія о системѣ дорогъ и мостовъ, предложенной ему правительствомъ.

Въ то же время значеніе этого „Совѣта официальныхъ лицъ“ было еще болѣе ослаблено тѣми вліятельными обывателями провинцій, которыхъ пригласили съ собой въ Токио делегаты, для того, чтобы тѣ помогали имъ въ качествѣ „свѣдущихъ людей“. Эти „свѣдущіе люди“ собрались отдѣльно и сообща составили записку, гдѣ ходатайствовали объ учрежденіи собранія, основаннаго на народномъ избраніи.

„Совѣтъ мѣстныхъ официальныхъ лицъ“ не былъ созванъ въ 1876 году, вѣроятно потому, что люди, стоявшіе тогда во главѣ правительства, не желали давать лишняго повода къ возникновенію какихъ-либо новыхъ недоразумѣній; довольно было и тѣхъ затрудненій, которыя имѣлись на-лицо: въ народѣ шло страшное броженіе; агитаторы всѣхъ оттѣнковъ, отъ крайне либеральнаго до ультра-ретрограднаго, волновали страну; на югѣ имперіи поднималось движеніе чисто-революціоннаго характера; разрывъ съ Итагаки и Сайго грозилъ самому существованію правительства, составленнаго изъ маленькой группы талантливыхъ лю-

дей, совершившихъ дѣло реставраціи. Скопившіяся надъ странюю грозовыя тучи разразились сатсумскимъ возстаніемъ.

Мы говорили уже о неудачѣ Сайго; но именно Итагаки, имѣвшій такія же причины къ неудовольствію и стоявшій въ такихъ же отношеніяхъ къ правительству, избѣгнувъ ошибки своего бывшаго товарища, — т.-е. обращенія къ силѣ оружія, — и, вмѣстѣ съ Тозой, обнародовалъ записку, гдѣ объявлялъ народу, что они не отвѣтственны за Сайго. Его общество „Риспи-ша“, которое было образовано въ 1876 году, и которое имѣло своєю цѣлью введеніе въ Японию парламентскаго режима, получило широкое распространеніе. Меморандумъ этого общества, отъ 2-го іюня 1877 года, содержавшій, между прочимъ, ходатайство о представительныхъ учрежденіяхъ, считается однимъ изъ важнѣйшихъ политическихъ документовъ со временъ реставраціи. Другое общество, съ такими же цѣлями, „Айкоку-ши“ (патріотизмъ) было учреждено тѣмъ же Итагаки въ Осака въ 1878 году; въ слѣдующемъ же году оно имѣло свои отдѣленія въ 18 провинціяхъ и, какъ говорятъ, насчитывало тогда больше 13.000 членовъ.

Среди этого разгара страстей, вторая сессія „Совѣта мѣстныхъ официальныхъ лицъ“ въ апрѣлѣ 1878 года прошла едва замѣченной общественно. Въ ряду правительственныхъ лицъ главнымъ противникомъ введенія въ страны представительныхъ учреждений былъ Окубо. Съ именемъ этого человека связанъ цѣлый рядъ блестящихъ дѣлъ перваго десятилѣтія нынѣшняго царствованія. Главной его идеей было прочное объединеніе Японіи, истребленіе въ ней съ корнемъ всѣхъ слѣдовъ феодальнаго духа и сепаратизма. Для этого онъ считалъ дѣломъ первой необходимости сильное центральное правительство и по принципу былъ врагъ публичнаго обсужденія вопросовъ государственной важности. 2-го мая 1878 года Окубо былъ убитъ на улицѣ, среди бѣлаго дня.

Большимъ шагомъ впередъ къ введенію въ Японию представительныхъ учреждений явилось правительственное распоряженіе, отъ 10-го іюля того же года, устанавливавшее порядокъ созыва провинціальныхъ парламентовъ, или мѣстныхъ собраній, составленныхъ изъ делегатовъ провинціальныхъ округовъ (по одному отъ каждаго), и собиравшихся разъ въ годъ въ каждой провинціи.

Эти учрежденія, дѣйствовавшія подъ надзоромъ министра внутреннихъ дѣлъ, были облечены властью разрѣшать вопросы, касавшіеся мѣстной земельной таксаціи, и ходатайствовать передъ центральнымъ правительствомъ о другихъ предметахъ, имѣющихъ

мѣстное значеніе. Правоспособность членовъ и избирателей была ограничена при этомъ умѣньемъ читать и писать и уплатой земельного налога въ пять долларовъ.

Новая правительственная мѣра мало, однако, удовлетворила туземную интеллигенцію.

Агитація съ 1880 года принимаетъ форму петицій и меморій: онѣ посылались правительству со всѣхъ концовъ страны и носили тысячи подписей всѣхъ классовъ населенія. Число гостиницъ въ Токио возросло съ 413 (въ 1879 году), до 1.605 (въ 1880 г.), благодаря именно приливу массы лицъ, несшихъ петиціи за національное собраніе.

Въ концѣ 1880 года пошелъ слухъ, что всѣ министры, за исключеніемъ двухъ или трехъ, настроены благопріятно въ пользу парламента. Вѣрно въ этомъ слухѣ было то, что въ теченіе года данный вопросъ подвергался обсужденію въ совѣтѣ министровъ, и что существовало раздѣленіе мнѣній. Наконецъ, 30-го сентября 1881 года появился слѣдующій императорскій манифестъ:

„Симъ мы объявляемъ, что во исполненіе рѣшенія, возмѣщеннаго нами раньше, мы дадимъ въ 23-й годъ нашего царствованія ¹⁾ парламентское управленіе нашей странѣ и возлагаемъ на нашихъ вѣрноподданныхъ, до кого это относится, сдѣлать въ надлежащее время всѣ необходимыя на сей предметъ приготовленія; что касается вопроса о границахъ императорскихъ прерогативъ и подробностей парламентскаго устройства, то это будетъ рѣшено впослѣдствіи и объявится въ должное время“.

Обстоятельства, непосредственно вызвавшія манифестъ, были слѣдующія: тогдашнему министру финансовъ, Окума, переживаемый кризисъ показался весьма соблазнительнымъ случаемъ для пріобрѣтенія популярности; и вотъ, передъ самымъ отъѣздомъ императора на сѣверъ, Окума дѣлаетъ своему государю представленіе о необходимости учрежденія національнаго парламента въ теченіе ближайшихъ шести мѣсяцевъ: онъ зналъ, что его коллеги не согласятся на такую постановку вопроса. Въ ночь возвращенія императора въ столицу (обсужденіе сдѣланнаго предложенія, понятно, было отложено до возвращенія государя изъ путешествія) состоялось продолжительное засѣданіе совѣта министровъ, и въ два часа пополудни было рѣшено издать манифестъ объ учрежденіи парламентскаго режима въ имперіи, но созывъ парламента отсрочить на девять лѣтъ.

Окума, впрочемъ, достигъ своей цѣли, и, подучивъ съ чуж-

¹⁾ Т.-е. черезъ 9 лѣтъ, въ 1890 году.

ствомъ удовлетворенія свое ожидаемое поражение въ кабинетѣ, немедленно вышелъ въ отставку, обратился къ странѣ и образовалъ политическую партію, которая въ настоящее время представляетъ одну изъ наиболѣе могущественныхъ по своему вліянію.

Когда, такимъ образомъ, политическое воспитаніе народа въ мѣстныхъ дѣлахъ получило, по мнѣнію лицъ, стоявшихъ у власти, всё необходимыя для того учрежденія, и когда нація имѣла, по крайней мѣрѣ, восемь лѣтъ на приготовительную подготовку къ представительному правленію, — Ито былъ посланъ въ Европу для изученія конституціонныхъ режимовъ западныхъ націй. Вскорѣ послѣ его возвращенія, въ 1884 году, сдѣлалось ясно, что конституція 1890 года будетъ приближаться скорѣе къ германскому, чѣмъ къ британскому образцу, что вызвало большое неудовольствіе и волненіе среди туземной интеллигенціи.

Въ ближайшей связи съ введеніемъ въ Японіи конституціоннаго режима находится рядъ еще слѣдующихъ правительственныхъ мѣропріятій, послѣдовавшихъ за объявленіемъ манифеста 1881 года: въ концѣ мая 1884 года появился указъ микадо, заново преобразовавшій дворянство; во вновь созданныхъ званіяхъ князей, маркизовъ, графовъ, виконтовъ и бароновъ оказалось много людей, нѣкогда бывшихъ только въ простомъ самурайскомъ сословіи, которые оказали выдающіяся услуги своей странѣ; почти 300 человекъ изъ аристократіи ума были, такимъ образомъ, облагоустроены на почвѣ личныхъ заслугъ; эти люди должны были составить персоналъ для верхней палаты парламента 1890 года.

Происхожденіе майскаго указа 1884 года можно объяснить себѣ слѣдующимъ образомъ: тенденція вождей правительственной партіи въ ихъ стремленіи къ парламентскому режиму состояла въ устраненіи стараго дворянства и въ приближеніи къ власти людей, рожденных въ среднемъ сословіи. Смѣшанное правительство, которое выросло на развалинахъ дуалистической системы въ 1868 году, было основано на теоріи тѣснаго единенія трона съ народомъ (т.-е., собственно, самурайскимъ сословіемъ), при чемъ единственнымъ промежуточнымъ звеномъ были „күгѣ“, или придворное дворянство. Постепенно, однако, силы ума, природныхъ способностей и образованія стали вытѣснять слабѣйшихъ людей, неспособныхъ справляться съ новыми задачами времени; эти люди, возвысившись до вліятельныхъ мѣстъ, потребовали осязательнаго признанія ихъ значенія со стороны самого престола, — въ формѣ общественнаго повышенія. Отвѣтомъ на это и былъ майскій указъ 1884 года.

Въ концѣ 1885 года, въ правительственныхъ кругахъ по-

слѣдоваль цѣлый рядъ весьма серьезныхъ перемѣнъ: члены старой придворной партіи были удалены отъ своихъ должностей, и молодые люди, воспитанные за границей: Ито, Инуйѣ, Мори, Еномото и др., вступили въ отправленіе высшихъ должностей; министерства были переформированы; а департаменты управленія реорганизованы такъ, чтобы дать возможность уволить въ отставку около 8.000 чиновниковъ, на которыхъ правительство не могло полагаться. Новая кристаллизація политическихъ силъ была сдѣлана, во-первыхъ, въ цѣляхъ достиженія возможно большаго единобразія въ органахъ исполнительной власти и для усиленія этой власти; во-вторыхъ, въ интересахъ государственной экономіи.

Въ апрѣлѣ 1888 года было образовано новое учрежденіе, названное частнымъ совѣтомъ государя, гдѣ Ито сдѣлался президентомъ, между тѣмъ какъ Курода занялъ постъ перваго министра. Частный совѣтъ занялся выработкой правилъ новой конституціи, и эта работа продолжалась до конца января 1889 года. 11-го февраля (по новому стилю) 1889 года императорскимъ манифестомъ было объявлено о введеніи конституціоннаго режима въ странѣ и днемъ открытія перваго парламента назначено 15-е (27-е) ноября 1890 года.

XIV.

Японская конституція состоитъ собственно изъ 66 статей, трактующихъ объ императорѣ, о правахъ подданныхъ, объ имперскомъ парламентѣ, о министрахъ и о частномъ совѣтѣ государя, объ отправленіи правосудія и о финансахъ, съ нѣкоторыми дополнительными правилами.

Въ первой главѣ, относящейся къ императору, основной принципъ всей прошлой исторіи націи утвержденъ слѣдующими словами: „Личность микадо священна и неприкосновенна; онъ соединяетъ въ себѣ самомъ всѣ права верховной власти и пользуется ими, согласно постановленіямъ настоящей конституціи“.

Парламентъ собирается разъ въ годъ, открывается, закрывается, отсрочивается и распускается императоромъ, которому принадлежитъ и инициатива измѣненій конституціоннаго устава.

Пренія публичны.

Министры имѣютъ право засѣдать и говорить рѣчи въ обѣихъ палатахъ, но отвѣтственны передъ императоромъ, а не передъ парламентомъ.

Засѣданія имперскихъ судовъ публичны; судьи суть лица,

обладающія извѣстными образовательными и имущественными ценностями и не смѣняемыя иначе, какъ за преступленія.

Государственные доходы и расходы требуютъ согласія имперскаго парламента, но извѣстные расходы, опредѣленные конституціей, а именно, на армію, принадлежащую императору, на жалованье всѣмъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ, на организацию различныхъ отраслей управленія, — такіе, словомъ, расходы, которые относятся къ законнымъ обязанностямъ правительства, не могутъ быть ни отклоняемы, ни уменьшаемы парламентомъ, безъ согласія правительства.

Расходы на императорскій домъ не подлежатъ обсужденію парламента, исключая тѣхъ случаевъ, когда требуется увеличеніе ихъ выше опредѣленной цифры.

Вышеприведенными пунктами удалено главное орудіе враждебнаго большинства: отказъ въ денежныхъ средствахъ министерству, находящемуся во власти.

Верхняя палата, или палата пэровъ, состоитъ частью изъ наслѣдственныхъ, частью изъ выбираемыхъ, частью изъ назначаемыхъ членовъ. Девять членовъ императорской фамиліи, 10 принцевъ крови и 21 маркизъ засѣдаютъ пожизненно, по праву рожденія. Извѣстное число графовъ, виконтовъ и бароновъ, избираемыхъ членами соотвѣтственныхъ званій, служатъ семь лѣтъ. Способные и ученые люди, назначаемые императоромъ, суть пожизненные члены. Новостью и интересной чертой является то, что въ каждомъ имперскомъ городѣ и каждой губерніи ¹⁾, 15 лицъ, платящихъ высшій размѣръ налоговъ, имѣютъ право выбирать одного члена въ палату пэровъ, который служитъ семь лѣтъ. Соединенное число назначаемыхъ и избираемыхъ пэровъ не должно превосходить числа титулованныхъ членовъ верхней палаты. Палата представителей состоитъ почти изъ 300 членовъ, которые должны имѣть не менѣе 30-ти лѣтъ отъ роду и платить не менѣе 15-ти долларовъ національныхъ налоговъ. Они избираются на 4 года и получаютъ 800 долларовъ въ годъ.

Избиратели должны имѣть не меньше 25-ти лѣтъ отъ роду и платить 15 долларовъ налоговъ.

Городъ Токио посылаетъ въ парламентъ 12 членовъ; Осака — 10 и Киото — 7; большія губерніи — отъ 10-ти до 13-ти членовъ, а меньшія отъ — 7-ми до 10-ти.

Въ 1887 году въ имперіи было 1.581.726 лицъ, платив-

¹⁾ Японская имперія дѣлится въ настоящее время на 8 фу, или имперскихъ городов: Токио, Киото и Осака, и 43 кана, или губерніи.

шихъ свыше пяти долларовъ національнаго налога, изъ которыхъ 1.488.700 имѣли право выбирать членовъ въ мѣстныя земскія собранія. Изъ нихъ, платившихъ свыше 10-ти долларовъ было 882.517; отсюда 802.275 человекъ имѣли право подавать голосъ, баллотироваться и, въ случаѣ избранія, засѣдать въ мѣстныхъ собраніяхъ. Всѣхъ такихъ собраній было 292, и засѣдали въ нихъ 2.172 человекъ.

Число же лицъ, имѣющихъ право выбирать членовъ въ имперскій парламентъ, равняется приблизительно всего 300.000.

Въ Японіи ясно разграничились теперь три политическія партіи со своими газетами, клубами, миттингами и проч. Это суть: конституціонные монархисты, либералы и конституціонные реформаторы, съ меньшими партіями, представляющими различныя фазы конституціонализма, до радикализма, социализма и коммунизма включительно.

15-го (27-го) ноября 1890 года мивадо лично открылъ сессію перваго японскаго парламента.

Агитація 1876—1881 гг. оказала извѣстное вліяніе на введеніе въ Японіи представительныхъ учреждений,—это несомнѣнно; но какую часть въ этомъ движеніи надо отнести на долю дѣйствительно-существовавшей въ массахъ ясно формулированной потребности,—на это трудно дать въ настоящее время опредѣленный отвѣтъ. Такой глубокій знатокъ японской жизни, какъ Фукузава, высказываетъ мнѣніе, что парламентскій режимъ въ его странѣ не явился слѣдствіемъ какого-либо общаго требованія извѣстной части націи, но былъ данъ добровольно, настолько, насколько онъ коснулся всей массы народа, и временная агитація по данному вопросу была продѣлана главнымъ образомъ различными группами самурайевъ, очутившихся вдругъ выброшенными на мель вслѣдствіе извѣстныхъ событій, сопровождавшихъ реставрацію.

Для подтвержденія такого мнѣнія служить, между прочимъ, тотъ несомнѣнный фактъ, что простолюдины Японіи были всегда пассивны и индифферентны и ихъ никогда не волновали чисто-политическіе вопросы. Но если мы и не имѣемъ достаточныхъ основаній отнести за счетъ самой народной японской массы инициативу широкаго политическаго движенія послѣднихъ 17—18 лѣтъ, то мы можемъ все-таки полагать, что подъ руководствомъ самурайевъ эта масса вскорѣ стала мало-по-малу принимать активное участіе въ движеніи.

Боязнь людей, стоявшихъ тогда у власти, въ виду распиренія такой опасной агитаціи, несомнѣнно, оказала вліяніе на

обнародованіе извѣстнаго манифеста 1881 года. Здѣсь сыграло свою роль также и броженіе между учащейся молодежью Японіи и самураями реставраціи, оказавшимися не у дѣлъ и желавшими получить парламентъ только какъ мѣсто, гдѣ бы ихъ способности могли быть оцѣнены правительствомъ. Генезисъ японской конституціи, такимъ образомъ, не можетъ быть разъясненъ согласно категоріямъ европейскаго опыта; на крайнемъ Востокѣ конституціонная идея развивалась совсѣмъ изъ другихъ началъ: на представительныя учрежденія здѣсь смотрѣли только какъ на средство приведенія способовъ управленія въ согласіе съ общественнымъ мнѣніемъ страны и какъ на воспитательную школу для народа, имѣющую своею цѣлью достиженіе этимъ самымъ народомъ политической зрѣлости.

„Законъ объ организаціи мѣстныхъ собраній“, изданный въ 1878 году, и конституціонный уставъ 1889 года, съ дополнительными законами, касающимися императорской фамиліи, палаты пэровъ и палаты представителей, далеко не исчерпываютъ собою всей законодательной дѣятельности нынѣшняго японскаго правительства.

Неудача, постигшая посольство Ивакуры, въ 1872 году, въ его хлопотахъ о пересмотрѣ трактатовъ, съ цѣлью вычеркнуть изъ нихъ статью, дающую иностраннымъ подданнымъ, проживающимъ въ Японіи, права такъ называемой экстерриториальности, — эта неудача зависѣла, главнымъ образомъ, отъ того, что иностранныя державы не желали довѣрить своихъ христіанскихъ подданныхъ законамъ, дѣйствовавшимъ въ то время въ странѣ: это были древніе, варварскіе законы, пересаженные въ Японію изъ Китая 12 вѣковъ тому назадъ. Японское правительство рѣшило тогда же реформировать свое законодательство, и съ этою цѣлью пригласило къ себѣ извѣстнаго французскаго юриста — Boissonade de Fontabrie. Результатомъ его дѣятельности были: „Сводъ уголовныхъ законовъ“ и „Законы уголовного судопроизводства“, обнародованные въ 1880 году и вошедшіе въ силу съ 1882 года. Они составлены на основаніи наполеоновскаго кодекса, съ нѣкоторыми измѣненіями, согласно древнему японскому уголовному кодексу. Затѣмъ, въ 1890 году были обнародованы: „Законъ объ организаціи судебныхъ палатъ“, вошедшій въ силу 1-го ноября того же года; „Сводъ гражданскихъ законовъ“, „Торговое законодательство“ и вновь пересмотрѣнный „Уставъ уголовного судопроизводства“; послѣдній вошелъ въ силу

сразу, а другіе два начали дѣйствовать только съ 1-го января 1893 года.

Преступленія по теперешнему японскому уголовному кодексу раздѣлены на три разряда: 1) Преступленія противъ государства, или особъ императорской фамиліи; преступленія противъ общественнаго мира; проступки, подрывающіе общественный кредитъ и довѣріе; нарушенія санитарныхъ и другихъ правилъ, имѣющихъ въ виду общественное благополучіе; 2) преступленія противъ личности и собственности гражданъ; 3) оскорбленія полиціи. Всѣ эти преступленія дѣлятся, кромѣ того, на тяжкія и менѣе тяжкія.

Наказанія за тяжкія преступленія слѣдующія: 1) Смерть черезъ повѣшеніе; 2) ссылка, съ тяжкими работами или безъ нихъ; 3) заключеніе въ тюрьму, съ тяжкими работами или безъ нихъ, пожизненное или на срокъ.

Наказанія за менѣе важныя преступленія: личный арестъ (съ тяжкими работами или безъ нихъ) и денежный штрафъ. Наказанія за оскорбленія полиціи: арестъ отъ одного до десяти дней, безъ тяжкихъ работъ, и денежный штрафъ отъ пяти центовъ до 1 доллара 25 центовъ.

Мѣстомъ ссылки служить островъ Іезо, гдѣ осужденные работаютъ въ рудникахъ.

Для лицъ, обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, судъ долженъ состоять не менѣе, чѣмъ изъ трехъ судей; въ другихъ случаяхъ количество судей—отъ одного до трехъ. За оскорбленіе полиціи судить мировой судья.

Лицо, потерпѣвшее отъ преступленія, приноситъ свою жалобу или въ полицейское управленіе, или прокурору.

Полицейскій чинъ можетъ арестовать самъ преступника только тогда, когда преступленіе совершено въ его присутствіи, или если жалобщики утверждаютъ, что они сами видѣли, какъ обвиняемый совершилъ преступленіе; во всѣхъ другихъ случаяхъ полиція можетъ производить аресты не иначе, какъ по письменнымъ предписаніямъ надлежащихъ властей.

Суды дѣлятся на 1) мѣстные, гдѣ засѣдаетъ и рѣшаетъ дѣла мировой судья; 2) окружныя, или губернскія, и 3) апелляціонныя судебныя палаты. Надъ всѣми судебными учрежденіями имперіи главенствуетъ верховный кассационный судъ.

Нынѣшній судебный персоналъ страны состоитъ частью изъ лицъ, получившихъ современное юридическое образованіе на юридическомъ факультетѣ правительственнаго университета (въ Токио), или въ частныхъ юридическихъ колледжахъ (которыхъ имѣется

теперь восемь): всѣ эти заведенія выпускаютъ ежегодно до 1.000 человекъ, удостоенныхъ дипломами.

Новый законъ для полученія судейскаго званія требуетъ трехлѣтней приготовительной подготовки (послѣ окончанія юридическаго образованія) и двойного конкурснаго экзамена для лицъ, выпущенныхъ изъ частныхъ колледжей, и одного такого экзамена для университетскихъ юристовъ.

Судьи назначаются пожизненно и не смѣняемы иначе, какъ за преступленіе. Жалованье, получаемое ими, простирается отъ 700 до 4.000 долларовъ въ годъ. Президентъ верховнаго суда получаетъ 5.500 долларовъ, главный прокуроръ—5.000 долл. Для молодыхъ людей нынѣшняго поколѣнія Японіи законовѣденіе представляетъ самую популярную отрасль изученія: здѣсь играетъ важную роль, конечно, то обстоятельство, что знаніе законовъ служитъ одной изъ ступеней къ полученію видныхъ административныхъ постовъ въ имперіи.

XV.

Что касается событій новѣйшей внѣшней политики Японіи, то наиболѣе важными моментами здѣсь являются слѣдующіе эпизоды.

Въ 1875 году Японія получила отъ Россіи граду Курильскихъ острововъ, взаимнѣ уступленной ею нашему правительству южной части острова Сахалина. Въ 1878 году Бонинскіе острова окончательно объявлены собственностью японской имперіи. Въ 1879 году король Ликейскихъ острововъ былъ привезенъ плѣнникомъ въ Токио и его владѣнія присоединены къ Японіи. Это вызвало цѣлую дипломатическую переписку съ Китаемъ, кончившуюся, однако, тѣмъ, что Китай долженъ былъ уступить Японіи. Жители Ликейскихъ острововъ (ихъ насчитывается въ настоящее время около 120.000 душъ) принадлежать къ японской расѣ. Ихъ первыми историческими правителями были потомки одного изъ извѣстныхъ японскихъ героев—Тамемото. Но эти правители, находясь, такъ сказать, между двухъ огней—Японіей и Китаемъ, сочли за благо признать себя данниками обоихъ государствъ, которыхъ они величали: Китай—своимъ отцомъ, а Японію—своей матерью. Пока оба сосѣднія государства не заявляли особыхъ претензій на маленькое королевство, все шло хорошо. Послѣ революціи 1868 года Ликейскіе острова были сдѣланы областью японской имперіи, и король призналъ

микадо своимъ сюзереномъ. А въ 1879 году японцы, привезя этого короля въ Токио и заставивъ его, какъ простаго даймю, удалиться въ частную жизнь, обратили его бывшія владѣнія въ простое губернаторство, подобное другимъ частямъ имперіи. Личейцы не выказали и тѣни сопротивленія всѣмъ этимъ распоряженіямъ японскаго правительства, но продолжали себѣ посылать дань въ Нин-по. Только тогда, когда новые владыки прекратили эту высылку дани, китайское правительство встрепелось, началась дѣятельная дипломатическая переписка, кончившаяся, однако, тѣмъ, что Китай долженъ былъ признать совершившійся фактъ.

Отношенія Японіи съ Кореей тоже одно время очень обострились, и оба государства снова были тогда на волосъ отъ войны.

Трактатъ, заключенный Японіей съ Кореей 20-го апрѣля 1880 года, открывалъ иностранной торговлѣ порты: Гензанъ, на сѣверо-восточномъ берегу полуострова, и Инчжунъ, близъ гор. Сеула. Но три мѣсяца спустя послѣ заключенія послѣдняго трактата, корейское посольство явилось въ Токио просить повременить съ открытіемъ Инчжуна. Японцы не согласились на эту просьбу, что вызвало въ Корей сильное броженіе умовъ: одни корейцы одобряли дружбу съ Японіей и говорили о подражаніи ей, тогда какъ другіе тянули больше къ Китаю и проповѣдовали необходимость изгнанія изъ Кореи какъ японцевъ, такъ и всѣхъ иностранцевъ вообще.

Трудность политическаго положенія осложнялась здѣсь еще враждой между двумя могущественными феодальными домами, изъ которыхъ одинъ былъ у власти, другой стоялъ въ сторонѣ отъ нея: молодой король, вступившій на престолъ въ 1873 году, опирался въ своей просвѣтительной политикѣ на свою жену и ея родственниковъ—королевскихъ министровъ; но противъ нихъ стояли Тай-вен-кунъ,—бывшій регентъ и отецъ короля, вмѣстѣ съ феодальнымъ дворянствомъ и учеными, тянувшими къ Китаю. Отношенія между его фамиліей (Ни) и фамиліей королевы (Минъ) обострялись все больше и больше. Между тѣмъ, 28-го апрѣля 1882 года, въ Инчжунѣ былъ заключенъ трактатъ Кореи съ Сѣверо-Американскими С.-Штатами, а вскорѣ затѣмъ были подписаны конвенціи съ Великобританіей и другими европейскими державами. Въ странѣ въ это время царствовала страшная засуха; консерваторы воспользовались ею, увѣряя народъ, что засуха—слѣдствіе гнѣва боговъ за трактаты съ иностранцами. Солдаты столичнаго гарнизона находились на краю мятежа: жалованье имъ не платилось, а дачи риса были урѣзаны до-нельзя,

тогда какъ у японцевъ, находившихся на корейской службѣ въ качествѣ инструкторовъ, всего было въ изобиліи.

Все это, въ концѣ концовъ, вызвало кровавое возстаніе въ Сеулѣ 11-го іюля 1882 года. Столичная чернь и солдаты бросились на житницы рису, японское посольство и королевскій дворецъ; четыре министра и большое количество второстепенныхъ корейскихъ чиновниковъ были зарѣзаны; японскій кварталъ подожженъ. Японцы прорубились сквозь толпу и кинулись въ королевскому дворцу; не найдя здѣсь помощи, они бѣжали въ Инчжунъ, а отсюда къ морскому берегу; здѣсь они, наконецъ, были спасены британскимъ военнымъ судномъ „Flying Fish“; изъ осталось въ живыхъ 26 человекъ изъ 40. Столица королевства, Сеулъ, находилась теперь во власти Тай-вен-куна. Токійское правительство тотчасъ же отправило въ корейскія воды военную эскадру, и Ханабуза (японскій посланникъ при корейскомъ дворѣ) снова вступилъ въ Сеулъ, но уже съ эскортомъ въ 500 солдатъ. Угроза войною заставила корейское правительство торжественно извиниться передъ Японіей за все случившееся, уплатить 50.000 долларовъ семействамъ убитыхъ японцевъ и 500.000 долл. японскому правительству, позволить пребываніе вооруженнаго эскорта въ Сеулѣ и дать различныя привилегіи всѣмъ японскимъ подданнымъ, проживающимъ въ Корей. Китайское правительство, съ своей стороны, послало немедленно большой флотъ къ берегамъ Кореи; Сеулъ былъ взятъ китайскимъ десантомъ, король восстановленъ въ своей власти, а Тай-вен-кунъ былъ отвезенъ, на военномъ кораблѣ, въ Китай и посаженъ въ заключеніе. Такимъ обращеніемъ съ Кореей Китай, очевидно, хотѣлъ наглядно показать всѣмъ свое верховное главенство надъ этой страной и положить конецъ предполагаемымъ замысламъ Японіи на Корею.

Принимавшія все болѣе и болѣе грозный характеръ вооруженія Китая и обширный военный флотъ его служили предметомъ постоянной тревоги для токійскаго правительства. Сто военныхъ кораблей и постоянная армія въ 200.000 человекъ считались японскимъ генеральнымъ штабомъ достаточной силой на случай войны съ Китаемъ; но финансовыя средства Японіи къ тому не были достаточны: весь годовой бюджетъ ея на 1890 годъ ¹⁾ равнялся всего восьмидесяти милліонамъ долларовъ, при чемъ каждый долларъ шелъ на неотложныя надобности. Внѣшній долгъ страны простирался до 5.830.000 долл., а внут-

¹⁾ Последній отчетный годъ, за который у меня имѣются свѣдѣнія.

ренный до 259.000.000 долл.; платежныя же силы народа были напряжены до послѣдней степени.

XVI.

Всю почти тяжесть государственнаго бюджета выносить на своихъ плечахъ японская крестьянская масса. Системы владѣнія землей и обложенія ея налогами очень разнообразились въ разныя времена. Въ теоріи, вся почва страны всегда принадлежала императору, который являлся единственнымъ законнымъ собственникомъ территоріи; всѣ же остальные собственники, начиная отъ князя и кончая крестьяниномъ, были, въ сущности, только временными арендаторами земли. Въ древности земля была раздѣлена на извѣстной величины участки, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, подраздѣлялся на девять меньшихъ участковъ, находившихся во владѣніи восьми земледѣльцевъ. Каждый такой земледѣлецъ обрабатывалъ по одному участку лично для себя, а девятый участокъ воздѣлывался всѣми восемью сосѣдями сообща, и сборъ съ него поступалъ цѣликомъ въ казну микадо. Поземельный налогъ въ такой формѣ являлся, конечно, очень легкимъ; но онъ громадно возросъ съ начала системы двоевластія, а въ цвѣтущую эпоху феодализма сдѣлался страшно тяжелымъ: въ половинѣ XVI-го столѣтія правительство взиало въ свою пользу двѣ-пятыхъ урожая; при Токугавахъ поземельный налогъ равнялся 50⁰/о всего сбора, да феодальный князь бралъ, кромѣ того, для себя лично 25⁰/о; такимъ образомъ, земледѣлецъ получалъ едва четвертую часть урожая за свой трудъ, на удовлетвореніе своихъ нуждъ и на сѣмена. Въ очень плохіе годы весь сборъ уходилъ на налогъ, и земледѣльцы, обрабатывшіеся тогда въ нищихъ, кормились изъ общественныхъ складовъ, что являлось еще особенной милостью тогдашняго правительства. Впрочемъ, система арендованія и обложенія земель очень разнилась въ различныхъ княжествахъ, часто даже въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ.

Первая попытка правительства микадо въ 1872 году, имѣвшая своей цѣлью упорядочить систему поземельныхъ налоговъ, повела ко многимъ мѣстнымъ возстаніямъ, во имя сохраненія старинныхъ земельныхъ правъ и обычаевъ, освященныхъ вѣковой давностью. Возстанія эти были, впрочемъ, легко усмирены.

Рядъ законовъ 1873, 1876, 1880 и 1889 годовъ имѣлъ цѣлью, съ одной стороны, урегулировать таксацію земель, съ дру-

гой—облегчить, по возможности, тяжесть поземельныхъ налоговъ, лежащихъ почти исключительно на крестьянскія плечи. Величина ежегоднаго государственнаго сбора съ земли была опредѣлена сначала въ 3⁰/₀ продажной стоимости ея, а величина земскаго сбора („на удовлетвореніе мѣстныхъ польвъ и нуждъ“) въ 1⁰/₀, всего 4⁰/₀; однако, нѣсколько лѣтъ спустя, принуждены были понизить размѣръ перваго налога до 2¹/₂⁰/₀, а втораго—до 1⁰/₂⁰/₀. Земледѣлецъ, правда, не платитъ больше никакихъ другихъ налоговъ; но все-таки 3⁰/₀ со стоимости земли представляютъ огромную подать. Каждая шесть лѣтъ производится обязательная новая переоцѣнка земельныхъ участковъ. Крестьянинъ теперь полный собственникъ своей земли: онъ можетъ покупать и продавать ее кому угодно, за исключеніемъ иностранцевъ.

Земельный налогъ является по прежнему главнымъ источникомъ правительственныхъ доходовъ, доставляя въ казну до 66 милл. долларовъ ежегодно. Перепись 1886 года показала, что населеніе Японіи = 39 милл. душъ обоюго пола; изъ нихъ только 3.524.000 человекъ жили въ городахъ, имѣвшихъ свыше 20 тысячъ жителей, т.-е. число чисто-городскихъ обывателей равнялось лишь 9⁰/₀ общей массы населенія. Такимъ образомъ, нынѣшняя Японія есть страна почти исключительно земледѣльческая. Въ этомъ убѣждаютъ, кромѣ того, и другія цифры: по той же переписи, число взрослыхъ лицъ, участвовавшихъ въ производствѣ, равнялось 19.010.000 душъ; изъ нихъ 701.000 занимались ремеслами; 1.309.000 — торговлей; 2.129.000 — другими профессіями, и 14.870.000—земледѣліемъ.

Такъ какъ поверхность четырехъ большихъ и трехъ съ лишнимъ тысячъ малыхъ острововъ, составляющихъ японскую имперію, = 380,000 кв. верстъ, то, принимая цифру населенія страны въ 39.000.000, выйдетъ, что среднимъ числомъ на одну квадратную версту приходится 100 человекъ; это населеніе распределено крайне неравномѣрно: островъ Іедо, напримѣръ (второй по величинѣ въ Японіи), имѣетъ только около двухъ человекъ на квадратную версту; вся сѣверная часть главнаго острова (Хондо) имѣетъ не болѣе 40 человекъ на кв. версту, тогда какъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ того же острова насчитываютъ болѣе 200 человекъ на каждой квадратной верстѣ.

Отчетъ японскаго министра внутреннихъ дѣлъ за 1888 годъ опредѣляетъ общее количество годныхъ къ обработкѣ земель въ странѣ въ 30.000.000 десятинъ; но изъ нихъ дѣйствительно воздѣланы только 12.300.000 десятинъ; остальные же 17.700.000 десятинъ не обрабатываются. Правда, большая часть послѣднихъ

земель находится на сѣверѣ; но и въ самыхъ населенныхъ округахъ юга имперіи мѣстами до $\frac{2}{3}$ удобной почвы остается еще не культивированной.

Культура риса занимаетъ въ Японіи 3 милл. десятинъ, другихъ хлѣбныхъ растений — 2 миллионъ десятинъ. Такимъ образомъ, 40-милліонное населеніе Японіи живетъ только пятью миллионами десятинъ, обрабатываемыхъ подъ хлѣбныя растения. Въ виду отсутствія большой промышленности и торговли въ странѣ, для существованія населенія при такомъ маломъ пространствѣ воздѣлываемой земли, необходима наличность одного изъ слѣдующихъ двухъ условій: или чтобы эта почва была очень плодородна, или чтобы населеніе страны было очень воздержно. Здѣсь имѣются оба эти условія: и населеніе Японіи отличается своей замѣтельной умѣренностью, и почва (культура которой доведена до совершенства) необыкновенно плодородна: во всей южной части главнаго острова, затѣмъ на Сикокѣ и Кіу-Сіу собираются двѣ жатвы въ годъ; вотъ распредѣленіе посѣва въ такихъ случаяхъ: въ концѣ мая или началѣ іюня садятъ рисъ, — его собираютъ въ концѣ осени; земля затѣмъ отдыхаетъ до начала зимы, тогда ее засѣваютъ пшеницей или ячменемъ, который созрѣваетъ къ половинѣ весны. Около $\frac{1}{3}$ земли культивируется такимъ способомъ. Нѣкоторые хозяева успѣваютъ между этими двумя жатвами собрать еще третью, — именно бобовъ.

Японія производитъ: 260 милл. пудовъ рису, 80 милл. пудовъ двухъ разновидностей ячменя, 20 милл. пуд. пшеницы и около 20 милл. пуд. бобовъ, т.-е. 380 миллионновъ пудовъ разныхъ хлѣбныхъ растений. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ десятина даетъ до 200 пудовъ чистаго зерна (въ хорошіе годы иногда до 350 пуд.); въ среднемъ, напр., урожай 1886 года далъ 150 пудовъ на десятину. Больше всего даетъ сбору та разновидность риса, которая зовется рисомъ долгимъ (отъ 200 до 300 пудовъ на десятину); но этотъ рисъ требуетъ массы ухода, удобренія и поливки. Другой видъ риса, горный, растетъ на возвышенныхъ мѣстахъ, не требуетъ такихъ дорогихъ ирригаціонныхъ работъ, но зато и даетъ гораздо меньше: рѣдко больше 60—70 пуд. на десятину. Сборъ пшеницы и ячменя не превышаетъ 60—70 пудовъ съ десятины.

Во всякомъ случаѣ, 380 милл. пудовъ хлѣба на 40 миллионновъ — величина ничтожная и, еслибы не умѣренность японскаго населенія, — весьма недостаточная.

Стоимость (продажная) одной десятины рисовой земли, въ среднемъ, 550 рубл. зол.; средняя стоимость другихъ культиви-

рованныхъ земель не превосходить 175 рубл. зол. за десятину.

Лѣса и необработанныя земли цѣнятся гораздо ниже: 3—4 р. зол. десятины.

Японія—страна мелкой земельной собственности по преимуществу: немного найдется такихъ фермеровъ, которые имѣютъ больше четырехъ десятинъ; очень многіе владѣютъ только $\frac{1}{2}$ —1 десятиной; есть не мало и такихъ, у которыхъ размѣръ земельного участка не превышаетъ $\frac{1}{8}$ десятины.

Среди состоятельнаго класса страны попадаются, впрочемъ, и болѣе крупные собственники, владѣющіе отъ 15 до 20 десятинъ земли; но наиболѣе распространенный типъ поземельной собственности въ Японіи—2 десятины. Такой собственникъ имѣетъ домъ въ 3—4 комнаты, лошадь или буйвола и нанимаетъ годового работника; онъ можетъ собрать со своего участка: рису на 180 р. зол., пшеницы на 70 р. зол.; рублей на 14—15 разныхъ другихъ продуктовъ, что въ общемъ составитъ валовой доходъ въ 265 р. зол.; изъ нихъ онъ долженъ отдѣлить: 55 р. зол. на плату рабочимъ, которыхъ онъ, кромѣ того, кормитъ; затѣмъ—огромную сумму въ 40 р. зол. государственнаго и земскаго поземельнаго налога (за 2 десятины) и 25 р. на разныя другія издержки. Ему остается около 145 р., чтобы содержать свою семью и слугъ; его жена и дочери занимаются тканьемъ или разводятъ шелковичныхъ червей, что даетъ семьѣ тоже нѣкоторый доходъ,—и онъ совершенно доволенъ своей судьбой: многіе имѣютъ гораздо меньше, чѣмъ онъ, а многіе и совсѣмъ не имѣютъ поземельной собственности, нанимаются въ батраки или арендуютъ землю у другихъ. Арендная плата здѣсь очень высока: около $\frac{2}{3}$ урожая поступаетъ въ пользу собственника; правда, что при этомъ послѣдній самъ уже уплачиваетъ всѣ налоги.

Кромѣ воздѣлыванія хлѣбныхъ злаковъ, японскіе крестьяне занимаются во многихъ мѣстностяхъ разводкой шелковичныхъ червей, чая, хлопка и сахара; но все это побочныя занятія.

Чайный кустъ растетъ особенно хорошо на главномъ островѣ, между 34° и 36° сѣв. шир.; сборъ чая въ 60 пудовъ съ десятины считается очень хорошимъ: изъ 4 фунтовъ свѣжихъ листьевъ получается 1 ф. готового чая, что составляетъ около 15 пудовъ на десятину, и чистый заработокъ плантатора при этомъ выше заработка земледѣльца.

Я не буду, впрочемъ, входить здѣсь въ дальнѣйшія детали какъ относительно чайнаго производства, такъ и другихъ побоч-

ныхъ занятій, составляющихъ извѣстное подспорье въ экономіи японскаго крестьянскаго хозяйства. Отмѣчу здѣсь только тотъ фактъ, что несмотря на чрезвычайную высоту обложенія поземельной собственности въ Японіи, туземная крестьянская масса довольна теперешнимъ режимомъ: крестьянинъ, обрабатывая свое поле, знаетъ точно напередъ ту сумму, какую онъ долженъ уплатить въ казну и увѣренъ, что больше этой суммы съ него никто и никогда не потребуетъ.

XVII.

Среди заботъ о развитіи военныхъ и морскихъ силъ государства, объ урегулированіи поземельнаго и ряда другихъ, связанныхъ съ нимъ, вопросовъ, о радикальной переформировкѣ дѣйствующаго законодательства страны и даже самыхъ основъ внутреннего политическаго устройства ея, среди всѣхъ волненій и бурь нынѣшняго царствованія, — японское правительство никогда не забывало дѣла народнаго образованія, встрѣчая здѣсь самое живое сочувствіе и дѣятельную поддержку со стороны всѣхъ классовъ общества. Насколько успѣшна была въ данномъ направленіи совмѣстная забота и общества, и правительства, объ этомъ наглядно свидѣлствуютъ, между прочимъ, всѣ международныя выставки послѣднихъ 14—15 лѣтъ, гдѣ японскій школьный отдѣлъ занималъ всегда одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду аналогичныхъ отдѣловъ другихъ странъ, и статистическія данныя, періодически публикуемыя японскимъ правительственнымъ статистическимъ бюро, достовѣрность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Вотъ чтó говорятъ, напримѣръ, цифры послѣдняго правительственнаго отчета, опубликованнаго въ мартѣ 1889 года:

Начальныхъ школъ было 28.558; въ нихъ училось 1.989.784 мальчиковъ и 814.440 дѣвочекъ; общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній было 58 съ 10.737 учащимися мальчиками и 206 дѣвочками. Нормальныхъ школъ считалось 47; въ нихъ училось 4.350 мальчиковъ и 650 дѣвочекъ. Число специальныхъ училищъ равнялось 105 съ 15.411 учащихся мужского пола и 112 женскаго. Высшихъ школъ для дѣвушекъ было 7 съ 898 ученицами. Такъ называемыхъ смѣшанныхъ школъ было 1.611 съ 58.208 мальчиками и 10.197 дѣвочками. Общее число дѣтей школьнаго возраста выражалось слѣдующими цифрами: мальчиковъ 3.472.787; дѣвочекъ 3.138.674; а всего 6.611.461. На 1000

человѣкъ населенія приходилось 170 дѣтей школьнаго возраста. Число же дѣтей, учившихся въ школахъ, было: мальчиковъ — 2.438.493; дѣвочекъ 1.159.142; а всего 3.597.735. Т.-е. изъ 170 дѣтей школьнаго возраста, приходившихся на каждую тысячу населенія, дѣйствительно посѣщало школы 90 дѣтей, то-есть свыше 53%.

Спеціальныхъ заведеній насчитывалось 80, которыя распределялись слѣдующимъ образомъ: 8 училищъ земледѣльческихъ, 9 коммерческихъ, 9 фармацевтическихъ, 3 ветеринарныхъ, 2 механическихъ, 3 школы мореходныхъ классовъ, 20 высшихъ математическихъ училищъ, 25 медицинскихъ училищъ; въ 7 школахъ преподавалось спеціальное законовѣденіе, въ 2-хъ — иностранные языки, въ 3-хъ живопись, и 4-ре занимались различными другими отраслями знанія. Во всѣхъ этихъ 89 училищахъ получали образованіе 10.809 человекъ. Если прибавить сюда рядъ военныхъ учебныхъ заведеній и токійскій университетъ съ его шестью факультетами, 150 профессорами, изъ которыхъ только 20 иностранцевъ, и 1.600 студентами, то получится достаточно ясная картина того, какъ далеко шагнула Японія въ дѣлѣ народнаго образованія за послѣднія 20 лѣтъ. Я не коснулся здѣсь еще цѣлой массы училищъ, основанныхъ различными христіанскими миссіонерскими обществами, дѣйствующими въ странѣ, и насчитывающихъ не одну тысячу туземной учащейся молодежи, — не коснулся, потому что эти учебныя заведенія, какъ возникшія по иностранному почину и подчиненныя вліянію иностраннаго духовенства, не могутъ служить для характеристики дѣятельности мѣстнаго общества и правительства на поприщѣ народнаго образованія, о чемъ собственно и идетъ здѣсь рѣчь.

Однимъ изъ самыхъ жгучихъ японскихъ вопросовъ новѣйшаго времени является вопросъ о „пересмотрѣ трактатовъ“.

Первымъ по времени трактатомъ, заключеннымъ Японіей съ иностранной державой, былъ, какъ извѣстно, договоръ, подписанный лѣтомъ 1854 года уполномоченными правившаго тогда شوгуна Іе-ѣши и коммодоромъ Перри. Первымъ по времени русско-японскимъ дипломатическимъ документомъ былъ трактатъ, заключенный адмираломъ Путятинымъ 26 января 1855 года. Но эти договоры, равно какъ и рядъ другихъ позднѣйшихъ международныхъ дипломатическихъ актовъ изъ временъ шогуната, имѣютъ въ настоящее время лишь историческое значеніе: дѣйствующіе нынѣ трактаты Японіи съ иностранными государствами ведутъ свое начало съ 1869 года, когда, по почину Австріи, сначала Сѣверо-Американскіе Соединенные-Штаты, затѣмъ Голландія,

Россія, Англія, Франція, Португалія, Пруссія, Швейцарія, Бельгія, Італія, Данія, Испанія, Швеція и Сѣверо-Германскій Союзъ заключили одинаковые по существу договоры съ новымъ, уже чисто-минациональнымъ правительствомъ.

Вотъ главные, основные, такъ сказать, пункты всѣхъ этихъ договоровъ:

1) Японія открываетъ иностранцамъ для проживанія и торговли съ туземцами шесть портовъ на своей территоріи: Іокохаму, Кобе, Осака, Нагасаки, Нінгата и Хакодате, которые и получаютъ названіе открытыхъ или договорныхъ портовъ; въ каждомъ изъ вышепоименованныхъ пунктовъ договорная черта ограничивается кругомъ, радіусъ котораго равняется приблизительно тридцати верстамъ, внутри какового пространства иностранцы могутъ путешествовать безъ паспортовъ; для посѣщенія же прочихъ мѣстъ страны требуется каждый разъ специальное разрѣшеніе, въ формѣ паспорта, получаемого отъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Токио черезъ посланниковъ соотвѣтствующихъ правительствъ ¹⁾.

2) Иностранцы, проживающіе въ Японіи, не подчиняются юрисдикціи туземныхъ судовъ, а судятся своимъ консульскимъ судомъ, т.-е. пользуются правомъ такъ называемой юридической экстерриторіальности.

3) Таможенные пошлины, налагаемыя на всѣ дозволенные ко ввозу въ Японію товары (а товаромъ безусловно запрещеннымъ въ такому ввозу является только опій), не должны превышать 5% съ объявленной стоимости послѣднихъ.

На этихъ-то трехъ пунктахъ, какъ на трехъ китахъ, и зиждется собственно весь вопросъ о пересмотрѣ трактатовъ: изъ-за нихъ японское правительство вотъ уже 20 лѣтъ ведетъ томительную дипломатическую волокиту съ западными державами; изъ-за нихъ неустанно волнуется мѣстная (туземная и европейская) печать, изъ-за нихъ разыгрывалось уже столько внутреннихъ японскихъ драмъ, и ими же объясняется рядъ послѣднихъ динамитныхъ и иныхъ покушеній на жизнь нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ мѣстнаго оффиціального міра.

Существованіе статьи, дающей иностраннымъ подданнымъ, проживающимъ въ Японіи, права юридической экстерриторіальности и тѣмъ ставящей ее на одну доску съ варварскими странами, является постоянной раной на національномъ самолюбіи

¹⁾ Хотя Токио и не принадлежитъ собственно къ числу открытыхъ портовъ, но для посѣщенія его не требуется паспорта, если только иностранецъ намѣренъ пробыть въ немъ не болѣе сутокъ.

этого народа, такъ недавно еще относившагося съ высокоумнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ иностранцамъ вообще и во всякомъ случаѣ не считающаго себя теперь ниже любого изъ цивилизованныхъ народовъ Запада.

Эта статья, въ глазахъ каждаго японскаго патріота, есть самое тяжкое оскорбленіе, какое только могло быть нанесено достоинству его отечества, какъ независимаго государства, и потому должна быть уничтожена прежде всего.

Съ другой стороны, законы, дѣйствовавшіе въ Японіи до самаго послѣдняго времени, были таковы, что ни одно изъ христіанскихъ государствъ, заключившихъ договоры съ этой державой, не могли довѣрить своихъ подданныхъ судьямъ, которые стали бы судить ихъ подданныхъ на основаніи подобныхъ законовъ. Только тогда, когда Японія принялась серьезно реформировать свое уголовное законодательство въ духѣ христіанскихъ націй и цѣлымъ рядомъ другихъ реформъ показала полную свою готовность даровать иностраннымъ державамъ гарантіи, какихъ отъ нея требовала логика даннаго положенія, — только тогда, повторяю, расчистилась почва для начатія дипломатическихъ переговоровъ объ отміну пресловутой статьи.

Но тутъ явились новыя затрудненія: взаимныя возвращенія Японіи ея судебной, такъ сказать, свободы, иностранныя державы потребовали для своихъ подданныхъ права жить и заниматься торговлей не въ однихъ только договорныхъ портахъ, а во всей Японіи.

Такое требованіе, вытекавшее само собою изъ претензій Японіи на полную равноправность въ семьѣ цивилизованныхъ народовъ, было бы вполне справедливымъ, еслибы, наряду съ этимъ, не существовало у многихъ изъ наиболѣе заинтересованныхъ западныхъ государствъ желанія удержать въ силѣ дѣйствующую нынѣ тарифную конвенцію, что равносильно, въ сущности, стѣсненію экономической свободы данной страны. Поэтому, извѣстная часть туземной интеллигенціи и многіе государственные люди Японіи — противъ такого широкаго открытія ихъ страны иностранцамъ, такъ какъ при чрезвычайно низкихъ ввозныхъ пошлинахъ и слабомъ еще развитіи въ Японіи обрабатывающей промышленности, этой странѣ, съ неограниченнымъ наплывомъ въ нее иностранцевъ, грозитъ, по ихъ мнѣнію, опасность экономического порабощенія со стороны болѣе сильныхъ въ этомъ отношеніи государствъ запада, — опасность, значительно умѣряемая въ настоящее время существованіемъ только опредѣленныхъ портовъ для такой торговли и трудностью для иностранныхъ купцовъ

вступить въ прямыя отношенія съ производительными и потребительными округами Япоііи. Во всякомъ случаѣ, однако, желаніе избавиться отъ ненавистой статьи, трактующей объ юридической экстерриторіальности иностранцевъ въ Япоііи, было настолько сильно, что японское правительство не переставало хлопотать объ отмѣнѣ этой статьи, начиная уже съ 1872 года. Въ 1882 г. собралась, наконецъ, въ Токио первая, предварительная, такъ сказать, конференція изъ дипломатическихъ представителей нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ съ цѣлью установленія основъ для переговоровъ о пересмотрѣ трактатовъ. Японскіе уполномоченные внесли, между прочимъ, съ своей стороны слѣдующія предложенія: какъ скоро будетъ обнародованъ переводъ на англійскій языкъ новаго японскаго уголовного кодекса, — иностранцы лишаются права экстерриторіальности въ мѣстностяхъ внѣ договорныхъ портовъ; затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ это право уничтожается въ самыхъ договорныхъ портахъ; далѣе, для участія въ новыхъ туземныхъ судахъ назначается 25 судей изъ иностранцевъ на пятнадцатилѣтній срокъ; эти судьи, во всѣхъ случаяхъ, касающихся иностранцевъ, образуютъ большинство; послѣ такого пятнадцатилѣтняго опыта, иноземный элементъ изъ состава японскихъ судовъ увольняется, и послѣдніе состоятъ исключительно изъ туземныхъ юристовъ; при разборѣ дѣлъ иностранцевъ съ туземцами, употребленіе англійскаго языка, какъ юридическаго, обязательно.

Эти предложенія потребовали четырехлѣтней оживленной дипломатической переписки, и только въ половинѣ 1886 года могла собраться вторая, на этотъ разъ болѣе значительная по числу участвующихъ державъ, конференція, долженствовавшая, какъ думали, быть окончательной. Сначала все шло хорошо, какъ вдругъ, въ іюль 1887 года, японскіе уполномоченные, подъ влияніемъ нѣкоторыхъ выдающихся политическихъ дѣятелей страны, рѣзко измѣнили свои требованія, переговоры оборвались, и дипломаты разошлись, не придя ни къ какимъ рѣшеніямъ. Спустя нѣкоторое время, въ дипломатическихъ канцеляріяхъ снова закипѣла работа по данному вопросу, и государства, наименѣе заинтересованныя въ немъ, рѣшили приступить къ пересмотру трактатовъ по одиночкѣ. Починъ былъ положенъ Мексикой; отдѣльный трактатъ, заключенный ею съ Япоііей, былъ ратификованъ въ началѣ 1889 года. За Мексикой послѣдовали Сѣверо-Американскіе Соединенные-Штаты, потомъ Россія, Германія и еще нѣсколько болѣе мелкихъ государствъ; новые трактаты были уже подписаны уполномоченными, оставалось только ратификовать

ихъ; но въ рѣшительный моментъ правительство Японіи еще разъ отступило.

Въ японскомъ обществѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ шло глухое броженіе противъ чрезмѣрнаго увлеченія всѣмъ иностраннымъ, противъ слѣпотаго поклоненія западнымъ идеямъ и обычаямъ и презрѣнія ко всему своему; это движеніе приняло широкіе размѣры и стало сказываться рѣзкимъ отчужденіемъ и холодною выспихъ, образованныхъ классовъ Японіи по отношенію къ иностранцамъ вообще. Теперь, при мысли о томъ, что вся страна, безданно-безпошлинно, такъ сказать, будетъ открыта этимъ иностранцамъ, — японскимъ обществомъ овладѣла вдругъ паника. Туземная пресса, являющаяся вѣрнымъ показателемъ господствующаго въ тамошней интеллигенціи настроенія, на всѣ лады завопила о томъ, что Японія будетъ наводнена теперь иностранной иммиграціей, ея національные обычаи погибнутъ, ея естественныя богатства, торговля и промышленность, все попадетъ въ руки иностранныхъ капиталистовъ, самая почва ея, путемъ аренды или покупки, перейдетъ въ руки тѣхъ же иноземныхъ богачей, народъ японскій обратится фактически въ ихъ рабовъ, и независимая Японія не будетъ существовать больше. А чтобы не дать возможности осуществиться всѣмъ этимъ ужасамъ, въ туземной печати стала проводиться та идея, что переговоры о пересмотрѣ трактатовъ не могутъ считаться дѣйствительными, ибо содержатъ въ себѣ одинъ пунктъ, прямо противорѣчащій какъ духу, такъ и смыслу только-что возвыщенной конституціи; рѣчь шла о томъ пунктѣ, по которому извѣстное число иностранныхъ судей (4 вмѣсто прежнихъ 25) должны были засѣдать въ японскихъ судахъ на равныхъ правахъ съ туземными судьями въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ по вступленіи въ силу новыхъ договоровъ.

Несмотря, однако, на все болѣе и болѣе возроставшее общественное возбужденіе, японское правительство продолжало энергично вести съ иностранными державами переговоры о пересмотрѣ трактатовъ. Негодованіе общественнаго мнѣнія обрушилось тогда на графа О'Кума, министра иностранныхъ дѣлъ, главнаго сторонника пересмотра трактатовъ въ духѣ, благопріятномъ европейцамъ; его громко стали называть измѣнникомъ національному дѣлу. Нашелся одинъ фанатикъ, который 25 октября 1889 года бросилъ въ графа О'Кума динамитную бомбу, раздробившую министру бедро. Считая свою жертву мертвой, убійца тутъ же зарѣзался. Графъ О'Кума отдѣлался потерей одной ноги; но его дѣло было на этотъ разъ проиграно: японское правительство, въ

виду крайне опаснаго характера, какой начала принимать агитация противъ широкаго открытія Японіи иностранцамъ,—прекратило переговоры о пересмотрѣ трактатовъ, и даже тѣ трактаты, которые уже были заключены съ Америкой, Германіей и Россіей, остались нератификованными.

Не буду останавливаться больше на этомъ, повторяю, самомъ жгучемъ изъ современныхъ политическихъ вопросовъ, волнующихъ Японію, такъ какъ для полнаго уясненія его необходимо болѣе близкое знакомство съ характеромъ того экономического перелома, который переживаетъ теперешняя Японія. Приведу здѣсь только нѣсколько соображеній и цифровыхъ данныхъ о современномъ состояніи иностранной торговли Японіи, для того, чтобы русскій читатель могъ нѣсколько оріентироваться относительно вопроса, какія изъ великихъ державъ являются наиболѣе заинтересованными въ томъ или другомъ рѣшеніи проблемы, известной подъ именемъ „пересмотра трактатовъ“.

Общій оборотъ вѣйшей торговли Японіи за 1890 годъ выражался суммою въ 138.332.086 долл., при чемъ сумма ввоза равнялась 81.728.580 долл.; а вывоза—56.603.506 долл.

Десять лѣтъ тому назадъ, общій оборотъ вѣйшей торговли равнялся всего 66 милл. долл.; такимъ образомъ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія получилось увеличеніе больше, чѣмъ вдвое. Цифры ввоза и вывоза варьируютъ изъ года въ годъ въ довольно широкихъ предѣлахъ; но если взять общія суммы ихъ за 10 лѣтъ, то мы увидимъ, что вывозъ на нѣсколько десятковъ миллионовъ долларовъ превысилъ ввозъ, а именно: ввезено на 437.872.562 долларовъ, а вывезено на 469.720.531 долларъ.

Наибольшую роль въ торговлѣ Японіи съ другими странами играютъ Великобританія и ея колоніи, на долю которыхъ приходилось дѣловыхъ сдѣлокъ на сумму 58 милл. долларовъ изъ общаго количества ихъ въ 138 милл. долларовъ.

Торговля Японіи съ иностранцами сосредоточивается почти исключительно въ такъ-называемыхъ договорныхъ портахъ. Черезъ эти порты проходятъ всѣ заграничные товары внутрь страны, и черезъ нихъ же большая часть туземныхъ товаровъ идетъ за границу,—большая часть, но не всѣ, такъ какъ для нѣкоторыхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, уголь, сѣра, рисъ и хлѣбныя зерна вообще,—сдѣлано исключеніе: японскимъ экспортерамъ разрѣшено вывозить ихъ на иностранныхъ судахъ не только изъ шести открытыхъ портовъ, но и изъ девяти другихъ, находящихся близъ мѣста добыванія этихъ продуктовъ.

Слѣдствіемъ такой системы является невозможность иностран-

ному купцу вступить въ прямыя отношенія съ производящими и потребляющими рынками; каждый договорный портъ окруженъ цѣлымъ кольцомъ туземныхъ маклеровъ, черезъ посредство которыхъ только и могутъ вестись торговыя дѣла съ туземцами, и которые, соединившись въ компаніи, держатъ въ своихъ рукахъ контроль надъ всей внѣшней торговлей страны.

Нѣкоторые полагаютъ, что съ широкимъ открытіемъ Японіи иностранцамъ послѣдуетъ огромное увеличеніе торговыхъ сдѣлокъ; что тамъ, внутри страны, иностранные предприниматели встрѣтятъ добродѣтельнаго, честнаго покупателя и продавца, и что, вступивъ съ нимъ въ прямыя сношенія, эти предприниматели получатъ сразу крупныя барыши, львиная часть которыхъ остается теперь въ карманахъ туземныхъ маклеровъ; но люди, болѣе знакомые съ положеніемъ дѣлъ и съ характеромъ японцевъ, утверждаютъ, что всѣ эти радужныя мечты—только мечты,—не больше; не откуда было народиться такому купцу; японская торговля, презираемая въ теченіе долгихъ вѣковъ аристократическаго феодализма, скованная по рукамъ и ногамъ всевозможными стѣсненіями, влачила жалкое существованіе, и при открытіи страны иноземцамъ эта торговля, въ лицѣ ея первыхъ представителей, явилась европейцамъ въ самомъ печальномъ видѣ. За тридцать лѣтъ сношеній съ иностранцами извѣстная часть туземныхъ купцовъ успѣла, впрочемъ, ознакомиться съ европейскими методами веденія солидныхъ торговыхъ предпріятій и многому научилась; но уровень коммерческой нравственности даже и этой части туземнаго купечества все еще весьма невысокъ; ей, напримеръ, совсѣмъ чужды понятія о необходимости свято держать разъ данное слово, строго соблюдать всѣ пункты заключенныхъ контрактовъ, не отступать отъ этихъ контрактовъ, хотя бы исполненіе ихъ грозило принести извѣстныя убытки, благодаря какому-либо непредвидѣнному обстоятельству,—чужды, словомъ, тѣ основныя понятія о коммерческой честности, безъ которыхъ немислимо развитіе обширныхъ торговыхъ операцій и возможно только развѣ мелкое маклачество. Что же касается представителей купеческаго сословія внутри страны, то, конечно, европейцы встрѣтятъ среди нихъ всѣ эти непривлекательныя черты развитыми еще въ болѣе высокой степени и очутятся снова лицомъ къ лицу съ тѣми трудностями, съ какими имъ пришлось такъ долго бороться въ договорныхъ портахъ; но, во всякомъ случаѣ, немного раньше, немного позже, а европейскіе дѣльцы сѣмѣютъ побороть и эти трудности, и если нельзя ожидать особенно большого увеличенія торговыхъ сдѣлокъ тотчасъ по открытіи всей Японіи

иностранцамъ, то въ концѣ концовъ все-таки эти иностранцы завоюютъ новый обширный рынокъ для сбыта своихъ фабрикатовъ и въ теченіе многихъ лѣтъ будутъ выручать хорошіе барыши на свои капиталы.

Что японскій купецъ—мелкій купецъ, чуждый энергичной личной инициативы, широкаго размаха его западныхъ собратьевъ, на это указываетъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что нѣтъ почти ни одного крупнаго предпріятія въ государствѣ, которое бы дѣйствовало безъ солидной матеріальной поддержки со стороны правительства. Не откуда было и народиться, повторяю, иному, болѣе дѣятельному, болѣе предпримчивому типу купца въ странѣ, только недавно страхнувшей съ себя оковы феодальнаго строя, но въ сущности еще удержавшей многія существенныя черты этого строя,—въ странѣ мелкой земельной собственности, кустарной промышленности, только-что еще зарождающагося фабричнаго труда,—въ странѣ, переживающей экономическую фазу, аналогичную той, какую пережила западная Европа, въ особенностях Англія, въ XVIII столѣтіи.

Нужно ли жалѣть объ этомъ? Нужно ли желать, чтобы Японія развязалась, какъ можно скорѣе, съ старыми патриархальными методами производства и ввела у себя повсюду машинный трудъ, который раздавитъ миллионы мелкихъ кустарей и дастъ возможность вырасти на ихъ развалинахъ капиталистическому режиму со всѣми его прелестями?

Намъ, русскимъ, болѣе всѣхъ прочихъ народовъ заинтересованнымъ въ сохраненіи Японіей ея политической и экономической самостоятельности, не можетъ быть иного отвѣта на эти вопросы, кромѣ отрицательнаго. А отсюда само собою должно вытекать и наше особенное отношеніе къ вопросу о пересмотрѣ трактатовъ съ Японіей, дающее намъ возможность занять здѣсь такое положеніе, которое навсегда обезпечило бы намъ дружбу этой прекрасной, симпатичной страны, какіе бы режимы ни царствовали въ ней.

В. Черевковъ.

И П ПОЛИТЪ ТЭНЪ

ВЪ

ИСТОРИИ ЯКОБИНЦЕВЪ

Окончаніе.

IV *).

Психологическіе очерки Тэна въ его исторіи якобинцевъ показываютъ, какое вліяніе на нормальное состояніе духа, на психическое равновѣсіе отдѣльныхъ лицъ и народныхъ массъ, приписывалъ онъ государству и обществу. Въ своихъ критическихъ этюдахъ Тэнъ указалъ, до какой степени сужденіе историковъ и романистовъ о людяхъ и событіяхъ обуславливается ихъ политическими воззрѣніями и направленіемъ. Мы имѣемъ поэтому двойной поводъ познакомиться съ воззрѣніями Тэна на государство и общество, прежде чѣмъ подойти ближе къ его изображенію якобинцевъ въ исторіи: въ соціологіи Тэна мы имѣемъ мѣрку, которую онъ прилагалъ къ оцѣнкѣ ихъ исторической роли—мѣрку объективную и субъективную, т.-е. основанную на подведеніи итоговъ ихъ политической дѣятельности и сообразную съ идеалами общественнаго благоденствія, справедливости, человѣческаго достоинства и долга, которые историкъ „носилъ въ своемъ сердцѣ“.

Приступая къ своему монументальному труду: „Возникновеніе современной Франціи“, Тэнъ началъ съ слѣдующаго характеристнаго признанія: „Въ 1849 году мнѣ былъ 21 годъ; я сталъ избирателемъ и находился въ большомъ затрудненіи, ибо мнѣ

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 117.

приходилось выбирать 15 или 20 депутатовъ, и къ тому я долженъ былъ, по французскому обыкновенію, не только выбрать людей, но и сдѣлать выборъ между теоріями. Мнѣ предлагали быть роялистомъ или республиканцемъ, демократомъ или консерваторомъ, социалистомъ или бонапартистомъ; я же не былъ ни тѣмъ, ни другимъ и даже ничѣмъ, и подчасъ завидовалъ убѣжденнымъ людямъ, которыхъ было такъ много, и которые имѣли счастье быть чѣмъ-нибудь.

„Эти убѣжденные люди строили проекты конституцій, какъ чертятъ планы для домовъ; цѣлый рядъ такихъ образцовыхъ плановъ былъ выставленъ на показъ для публики: княжескія палаты, солдатская казарма, баракъ для рабочихъ, фаланстерій коммунистовъ и даже таборъ дикарей; — всякій расхваливалъ свою модель и утверждалъ, что только въ такихъ условіяхъ можно жить человѣку съ здравымъ смысломъ“...

Было бы весьма ошибочно, по бѣглому прочтенію этихъ словъ и не замѣтивъ въ нихъ ироніи, сдѣлать заключеніе о „равнодушіи“ Тэна къ судьбамъ своего отечества и къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ. Не надменное равнодушіе юноши высказалось здѣсь, а ранняя зрѣлость глубокаго и серьезнаго ума. Въ этихъ словахъ слышится наступленіе для него новаго воззрѣнія на государство и общество — и новаго метода при разработкѣ относящихся къ нимъ вопросовъ.

Мы уже указали на то, что основное различіе между тѣмъ новымъ воззрѣніемъ на жизнь и науку, представителемъ котораго хотѣлъ быть Тэнъ и господствовавшимъ прежде во Франціи, мѣткою имъ самимъ обозначено противоположеніемъ двухъ терминовъ: *l'esprit classique* и *l'acquisit scientifique*. „Классическій духъ“, это реторическое, разсудочное отношеніе ко всему, унаслѣдованное французами отъ римлянъ и доведенное до полнаго преобладанія XVII-мъ вѣкомъ въ литературѣ, а XVIII-мъ — въ политикѣ. Ему противоположенъ „научный духъ“, который исходитъ не изъ отвлеченныхъ идей, а изъ результата наблюденій надъ дѣйствительностью. Это направленіе обнаружилось давно, и Тэнъ, который былъ убѣжденнымъ и горячимъ проводникомъ его, хотѣлъ содѣйствовать полному торжеству его во всѣхъ сферахъ. Въ своихъ критическихъ статьяхъ, въ своей исторіи англійской литературы и въ своей „философіи искусства“ онъ проводилъ научное направленіе въ область литературной и художественной критики и въ область нравственности; въ своей книгѣ „Объ умѣ“ (*Intelligence*) онъ проводилъ это направленіе въ область психологіи, а въ своихъ философскихъ трудахъ онъ выяснялъ его сущ-

ность и строилъ на немъ свое общее міровоззрѣніе. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ его взглядами на политическія и общественныя явленія.

Въ этой области, какъ и во всѣхъ другихъ, новое направленіе отличалось отъ прежняго тѣмъ, что оно не руководилось общими идеями и теоріями, а *искало законовъ* жизни. Для публициста XVIII вѣка государство и общество были твореніями сознательной и разумной воли. Если при этомъ оказывалось, что въ *данномъ* государствѣ или обществѣ обнаруживалась чья-либо неразумная воля, то все дѣло было въ томъ, чтобы ее *прось-тити* и возстановить такимъ путемъ торжество разума. Для Тэна государство и общество—естественные продукты, и все дѣло въ томъ, чтобы выяснитъ условія и законы ихъ жизни. Это не значило, чтобы у представителя „научнаго духа“ не было политическихъ и общественныхъ идеаловъ. Они были, какъ мы увидимъ, у Тэна, и во многомъ совпадали съ идеалами людей XVIII вѣка, но и въ этихъ случаяхъ они были иначе мотивированы—они выводились не изъ отвлеченнаго представленія о разумномъ человѣкѣ, а изъ жизненныхъ условій, для успѣшной культурной дѣятельности человѣка и общества.

При такихъ обстоятельствахъ вышеприведенное признаніе Тэна приобретаетъ значеніе знаменательнаго историческаго факта. Революціонная година, когда всѣ теоріи дошли до крайней степени своей, до пафоса, сдѣлалась колыбелью новаго направленія. Только-что ставши гражданиномъ, молодой Тэнъ у избирательной урны созналъ свое призваніе. Какъ у Декарта, *сомнѣніе* во всѣхъ полученныхъ по воспитанію или наслѣдству идеяхъ было для него исходнымъ пунктомъ новаго, своеобразнаго направленія. Тогда *новымъ* путемъ былъ отвлеченный разумъ; теперь этимъ новымъ путемъ должна была стать положительная наука. Не притомленіе ума, не безсодержательный скептицизмъ побудилъ его отклонить отъ себя республиканскую, цезаріанскую или социалистическую теорію, а убѣжденіе въ необходимости провѣрить ихъ научнымъ путемъ.

Но послушаемъ далѣе признаніе Тэна: стоя въ раздумьѣ у избирательной урны, онъ остановился на мысли, что проектируемое для французскаго народа зданіе слѣдовало бы строить не по личному вкусу архитекторовъ, а сообразно съ потребностями тѣхъ, кто долженъ будетъ въ немъ жить. Но какъ достигнуть этого? Спросить владѣльца, т.-е. французскій народъ, значило бы разыграть комедію или произвести бесполезный парадъ; какъ показалъ опытъ, въ подобныхъ случаяхъ вопросъ всегда напередъ заключалъ въ себѣ и самый отвѣтъ; а къ тому же, говорить Тэнъ,

другіе французы находились въ такомъ же недоумѣніи, какъ и онъ; невѣдѣніе же, повторенное 10 милліоновъ, разъ еще не составляетъ положительнаго знанія. Народъ можетъ, пожалуй, сказать, какая форма правительства ему нравится, но не можетъ указать той, въ которой онъ нуждается; это онъ можетъ узнать только на практикѣ; французскій народъ никогда не былъ доволенъ своей правительственной формой: въ 80 лѣтъ онъ 13 разъ разрушалъ свое государственное зданіе, чтобы его выстроить вновь.

Такое положеніе дѣла привело Тэна къ убѣжденію, что если его соотечественники когда-либо откроютъ ту форму, въ которой нуждаются, то не тѣми способами, которые до тѣхъ поръ практиковались; въ самомъ дѣлѣ, вся суть въ томъ, чтобы ее „открыть“, если она только существуетъ, а не пускать ее на голоса“. Итакъ, вопросъ о лучшей формѣ правленія для вѣстнаго народа—вопросъ не теоріи и не политической страсти, а научная проблема, которая подлежитъ рѣшенію научнымъ способомъ. Отсюда слѣдовало, что когда другіе брали для руководства въ своей политической жизни какую-нибудь излюбленную теорію, Тэнъ находилъ нужнымъ обратиться къ наукамъ. Этимъ путемъ онъ пришелъ потомъ къ убѣжденію, что „природа и исторія давно рѣшили для насъ этотъ вопросъ: теперь наше дѣло къ нимъ приноровиться, ибо онѣ не станутъ сообразоваться съ нами. Соціальная и политическая форма, которую можетъ принять народъ съ расчетомъ ее прочно сохранить, не предоставлена его усмотрѣнію,—она вполне опредѣлена его національнымъ характеромъ и его прошедшимъ. Поэтому, только изучая самого себя, народъ можетъ познать подобающую ему правительственную форму, и чѣмъ точнѣе онъ будетъ знать себя, тѣмъ лучше онъ будетъ понимать, что вообще ему нужно. А потому слѣдуетъ измѣнить обыкновенный пріемъ и сначала воспроизвести передъ собою образъ народа, а потомъ уже чертить для него государственный уставъ“.

Хотя послѣ 1848 года вниманіе молодого Тэна поглощали философскіе, литературные и эстетическіе вопросы, однако его мысль работала и надъ политическими вопросами; онъ старался проникнуть въ смыслъ французской исторіи и живо представлялъ себѣ народъ, который былъ творцомъ этой исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея результатомъ. Не болѣе какъ восемь лѣтъ спустя послѣ минуты раздумья у избирательной урны, появилась статья Тэна, заключавшая въ себѣ одновременную критику двухъ историче-

скихъ сочиненій, одинаково тенденціозныхъ по направленію, но весьма различныхъ по цѣли. Наполеоновскій сенаторъ Тролонъ, рассказывая „паденіе римской республики“, восхвалялъ империализмъ; графъ Монталамберъ, изображая „политическую будущность Англіи“, выставялъ въ образецъ Франціи аристократическіе порядки сосѣдней страны. Отвергая аналогію между Франціей и римской республикой въ ея изнеможеніи и указавъ на различіе исторической роли и судьбы аристократіи во Франціи и Англіи, Тэнь набросалъ мастерскую характеристику французской націи въ ея историческомъ развитіи. Этотъ краткій очеркъ французской исторіи на восьми страницахъ проливаетъ больше свѣта на вопросъ, чѣмъ иное объемистое изслѣдованіе. Тэнь старается показать, какъ первоначальныя условія, въ которыхъ находился французскій народъ, его прирожденные свойства и наконецъ внѣшняя судьба его дѣйствовали всѣ въ одномъ направленіи и способствовали развитію своеобразнаго политическаго типа современной Франціи. Всѣ эти причины содѣйствовали развитію королевской власти и самосознанію третьяго сословія; они ослабляли духъ независимости у *индивидуумовъ* и развивали его у *массъ*; они создавали давленіе центральной власти надъ гражданами и подчиняли центральное правительство вліянію публики и общественнаго мнѣнія. Однимъ словомъ, какъ говоритъ Тэнь, „сила первоначальнаго положенія и преобладаніе прирожденныхъ наклонностей развили въ насъ до чрезмѣрности *моущество* центральнаго правительства и вмѣстѣ непрочность этого самаго правительства,—духъ революціи и духъ покорности“.

Съ теченіемъ времени кругъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ все болѣе и болѣе расширялся для Тэна. Вопросъ шелъ для него не только о лучшей правительственной формѣ для Франціи, но объ общихъ началахъ человѣческаго общежитія. Къ изученію *исторіи* присоединилась *соціологія*, которая развивалась на глазахъ Тэна, и которой онъ долженъ былъ особенно сочувствовать въ силу своего натуралистическаго направленія и научнаго метода, а сущность его заключалась вездѣ въ томъ, чтобы изъ наблюдаемыхъ фактовъ выводить законы. Кромѣ того и въ силу обстоятельствъ, политическіе вопросы становились для Тэна на первый планъ. Наполеоновская катастрофа, слѣдовавшая за ней коммуна и затѣмъ необходимая реорганизація правительственной формы, при возможности существенной передѣлки всего общественнаго строя,—все это окончательно сосредоточило вниманіе Тэна на государственной и соціальной проблемѣ и побудило его отдать весь свой трудъ и всю свою

жизнь изслѣдованію „Возникновенія современной Франціи“. Этотъ громадный трудъ, доведенный почти до конца, въ теченіе 23 лѣтъ служилъ для Тѣна лабораторіей принциповъ политической и социальной науки. На этомъ устоѣ разъяснялись и крѣпли его общественные идеалы. Можно даже прослѣдить развитіе политическаго мировоззрѣнія Тѣна подъ вліяніемъ великихъ переворотовъ, которые онъ изучалъ и изображалъ. Онъ, напр., говоритъ иными языкомъ о роли и общественномъ значеніи государства, и съ большимъ сочувствіемъ къ нему,—въ V томѣ своей исторіи, когда ему приходилось изображать реорганизацію французскаго государства геніальнымъ архитекторомъ, строившимъ на очищенномъ революціей мѣстѣ, и иными—въ исторіи якобинцевъ, когда при тяжкомъ деспотизмѣ сверху господствовала полная анархія и государственная власть была источникомъ грабежей и насилій. Усвоенные себѣ Тѣномъ въ его великомъ историческомъ изысканіи принципы и идеалы имѣли существенное вліяніе на его изображеніе людей и событій, и потому разъясненіе ихъ необходимо для правильной оцѣнки его исторіи. Но значеніе высказанныхъ имъ въ ней идей выходитъ далеко за предѣлы одного какого-нибудь государства. Подъ перомъ Тѣна исторія снова сдѣлалась *magistra vitae*, наставницей человѣка, а уроки, которые Тѣнъ изъ нея извлекаетъ, составляютъ замѣчательный вкладъ въ политическую науку нашего времени, достойный вниманія всякаго образованнаго человѣка.

Въ предисловіи къ второму тому исторіи революціи, Тѣнъ высказываетъ предположеніе, что его книга многимъ не понравится, и объясняетъ это тѣмъ, что его читатели судятъ о прошедшемъ съ точки зрѣнія готовыхъ политическихъ принциповъ,—онъ же, напротивъ, *искалъ* принциповъ въ исторіи прошлаго. Тѣнъ заявляетъ далѣе, что извлекаетъ изъ этой исторіи принципъ, правда, весьма простой, но настолько для него важный, что всѣ его сужденія о событіяхъ и людяхъ революціи проистекаютъ изъ него и въ немъ находятъ себѣ оправданіе. Этотъ принципъ заключается въ замѣчаніи, что *человѣческое общество, въ особенности же современное общество—дѣло великое и сложное*. Сформулированный такимъ образомъ принципъ есть аксіома и потому представляется слишкомъ очевиднымъ и незначительнымъ; но онъ, какъ и нѣкоторые другія аксіомы, не менѣе глубокъ, чѣмъ то кажется, и весьма плодотворенъ въ своихъ послѣдствіяхъ, если въ него вдуматься и принять его въ руководство.

Основной урокъ исторіи, если привести его къ самому про-

стѣйшему выраженію, необыкновенно элементаренъ и почти-что сводится къ простой тавтологіи. Онъ гласитъ, что величайшія блага въ людской жизни, все, чѣмъ дорожить современный чело-вѣкъ—общество, цивилизація и государство, все это плодъ *исторіи*, т.-е. плодъ долгаго и медленнаго *произростанія*. Со-вершенно противоположнымъ образомъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ XVIII-й вѣкъ. Тогда представляли себѣ, что общество было готово въ самомъ началѣ исторіи, что оно, такъ сказать, древнѣ самой исторіи и непосредственно возникло изъ естественнаго—дикяго—состоянія, какъ Минерва во всеоружіи выступила изъ головы Зевеса.

Для Тэна же, наоборотъ,—цивилизация есть *цвѣтъ* исторіи, который могъ появиться лишь послѣ продолжительнаго процесса развитія. Цивилизація представляетъ собою *умственный и нрав-ственный капиталъ*, накопленный исторіей—результатъ работъ и усилій не одного вѣка, а цѣлаго ряда предшествовавшихъ вѣковъ. По мнѣнію публицистовъ прошлаго вѣка, тѣ принципы, во имя которыхъ волнуется современная демократія, были на-писаны на самомъ фронтоу исторіи; люди вступали въ истори-ческую жизнь съ совершенно яснымъ сознаніемъ ихъ, и правильнѣ было бы,—говорить Тэнъ,—признать, что вниманіе къ правамъ другихъ и справедливость (*équité et justice*) представляютъ собою тончайшій продуктъ цивилизаціи. Такому историческому взгляду соответствуетъ представленіе Тэна о значеніи цивилизованнаго общества. Онъ сравниваетъ его съ „старымъ лѣсомъ, въ которомъ почти весь приростъ вѣковой растительности сосредоточенъ въ старѣйшихъ деревьяхъ“; въ нѣсколькихъ тысячахъ стволовъ ко-рабельнаго лѣса заключается болѣе полезнаго и драгоцѣннаго матеріала, чѣмъ въ нѣсколькихъ милліонахъ кустовъ и ростковъ. Въ другомъ мѣстѣ Тэнъ сравниваетъ цивилизацію, „поддержи-ваемую съ большою затратою среди человѣческаго варварства“,—съ пламенемъ, зажженнымъ на вершинѣ горы въ темной и холод-ной мѣстности. Лучи это пламени согрѣваютъ и освѣщаютъ все вокругъ, постепенно слабѣя. По мѣрѣ того, какъ они проникаютъ въ болѣе отдаленныя или низменныя пространства, уменьшается сила ихъ свѣта и теплоты.

При такомъ взглядѣ на цивилизацію нашъ историкъ особенно дорожитъ „интеллигентными“ слоями общества, ибо въ нихъ по преимуществу сосредоточивается культурная работа поколѣній. Это—то, что Тэнъ называетъ генеральнымъ штабомъ общества—*les notables*—лучшіе люди въ каждомъ дѣлѣ и вѣдомствѣ. Они даютъ жизнь и движеніе общественному организму. „Нѣтъ ни-

чего драгоценнѣе такихъ людей; они составляютъ душу своего вѣдомства, и ихъ невозможно замѣнить всѣхъ за разъ, въ любой моментъ, людьми равнаго имъ достоинства. Въ дипломатіи, въ финансахъ, въ судебномъ вѣдомствѣ и въ администраціи, въ крупной торговлѣ и въ крупной промышленности, нельзя сфабриковать по произволу руководящее всѣмъ лицо; дѣло для этого слишкомъ обширно и сложно, техническія подробности слишкомъ многочисленны и слишкомъ трудно охватить цѣлое. Только на войнѣ срокъ ученія короче; въ другихъ случаяхъ, чтобы быть дѣльнымъ распорядителемъ людей или капиталовъ, нужно десять лѣтъ практики и кромѣ того десять лѣтъ предварительнаго воспитанія; кромѣ этого еще нужно обладать, — чтобы устоять противъ немалыхъ искушеній власти, — достоинствомъ характера, поддержаннымъ профессиональною честью и, если возможно, семейнымъ преданіемъ.

Кромѣ такихъ людей, благоденствіе и прогрессъ общества обуславливаются еще другимъ, болѣе обширнымъ слоемъ, который Тэнъ обозначаетъ словомъ: *les demi-notables*. Онъ разумѣетъ подъ этимъ людей, „занятыхъ, подобно простому народу, физическимъ трудомъ, но стоящихъ во главѣ народа“, мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, мелочныхъ торговцевъ, ремесленниковъ-хозяевъ, вообще людей снабженныхъ какимъ-нибудь экономическимъ капиталомъ, который они пускаютъ въ оборотъ — землей, деньгами или орудіями производства, — пользующихся извѣстнымъ кредитомъ и имѣющихъ свой кругъ потребителей, однимъ словомъ, не поставленныхъ въ необходимость существовать лишь изъ дня въ день и обладающихъ извѣстною независимостью и авторитетомъ — сержантовъ и капраловъ общественной арміи. Наконецъ, культура общества проявляется также въ высшемъ или аристократическомъ слое. Эта аристократія можетъ, какъ это было во Франціи въ XVIII вѣкѣ, уклониться отъ своего прямого и естественнаго назначенія; она можетъ походить на искусственный садъ, въ которомъ садовникъ разводитъ деревья ради роскоши и красоты, требующія для своего произростанія слишкомъ много земли, слишкомъ дорогой поливки и тѣмъ не менѣе нерѣдко худосочныя и слабыя деревья, на которыхъ садовникъ искусственно выгоняетъ роскошный цвѣтъ и для того не даетъ созрѣвать плодамъ. Но и этотъ цвѣтъ, — говоритъ Тэнъ, — имѣетъ значеніе въ глазахъ моралиста. „Изъ всѣхъ способовъ, съ помощью которыхъ человѣкъ отрѣшился отъ первобытной грубости, можетъ быть самый драгоценный тотъ, который научаетъ людей взаимному вниманію. Когда придержишься этого способа отношенія къ людямъ не

въ салонѣ только, но въ семьѣ, въ дѣлахъ и на улицѣ, по отношенію къ друзьямъ, родственникамъ, подчиненнымъ, прислугѣ, наконецъ къ первому встрѣчному; это вносить въ человѣческую жизнь столько же достоинства, сколько и мягкости; деликатное соблюденіе всѣхъ приличій становится привычкой, инстинктомъ, второй природой, и эта привитая природа становится изящнѣе и привлекательнѣе первоначальной. Кто не узнаетъ въ этомъ изображеніи культурнаго человѣка—портрета самого автора, съ его гуманной и изящной натурой и соответствующими приемами по отношенію къ другимъ?

Далѣе, самое положеніе отдѣльнаго человѣка въ обществѣ, его принадлежность къ тому или другому общественному слою, опредѣляются тѣми же законами, которые обуславливаютъ собою самое существованіе общества и развитіе цивилизаціи. Какъ формация общества и его культура составляютъ плодъ вѣковой работы, такъ—вообще—имущественное и общественное положеніе каждаго человѣка представляютъ собою кладъ, накопленный его родомъ (*l'épargne de sa race*)—цѣну общественныхъ услугъ, оказанныхъ длиннымъ рядомъ заслуженныхъ покойниковъ, итогъ того, что его предки, его отецъ и онъ самъ создали или сберегли цѣннаго; въ наслѣдственномъ кошелькѣ, который онъ держитъ въ рукахъ и каждый золотой котораго представляетъ собою остатокъ цѣлой жизни, дѣло какаго-нибудь изъ предковъ, его пережившее.

Такимъ образомъ, Тэнъ приходитъ къ выводу, что развитіе человѣческой цивилизаціи есть „высшая функція общества“. Но чтобы осуществить это свое назначеніе, общество имѣетъ еще другую функцію—поддерживать свое собственное экономическое существованіе. Этотъ процессъ Тэнъ, держась соціологическаго метода, сравниваетъ съ фізіологическимъ процессомъ питанія. Повидимому, нѣтъ ничего проще, а въ сущности нѣтъ ничего сложнѣе той фізіологической операціи, въ силу которой питательное вещество, восстанавливающее организмъ, безпрестанно подступаетъ въ нужный моментъ и въ должномъ мѣстѣ къ безчисленнымъ клѣточкамъ организма, столь различнымъ и отдаленнымъ другъ отъ друга. Подобнымъ образомъ нѣтъ ничего проще для поверхностнаго взгляда—а на дѣлѣ нѣтъ ничего сложнѣе—той экономической операціи, благодаря которой въ общественномъ тѣлѣ съѣстные припасы и другіе предметы первой необходимости поступаютъ какъ бы сами собою на всѣхъ пунктахъ территоріи въ распоряженіе каждаго потребителя. Этотъ процессъ въ обоихъ случаяхъ сложенъ потому, что состоитъ изъ безконечнаго ряда

болѣе мелкихъ процессовъ, то предшествующихъ другъ другу, то связанныхъ между собою, но совершенно необходимыхъ и производимыхъ органами до такой степени тонкими и чувствительными, что при малѣйшемъ давленіи они разстраиваются, и при томъ столь зависящихъ другъ отъ друга, что порча каждаго изъ нихъ отражается на другихъ и останавливаетъ или извращаетъ общій процессъ, успѣшному ходу котораго они всѣ способствуютъ.

Входя въ подробности, Тэнъ показываетъ, какъ экономическій процессъ, поддерживающій жизнь общества, основанъ въ своихъ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ на одномъ коренномъ фактѣ—на *затратѣ* пускаемаго въ оборотъ капитала, которую производитъ купецъ, закупающій товаръ, землевладѣлецъ и крестьянинъ, засѣвающій свою землю, ремесленникъ, припасающій нужный для своей работы матеріалъ, и т. п. Безъ такой затраты, „невозможно ни обрабатывать землю, ни строить, ни производить, ни перевозить, ни выставлѣть, ни продавать,—какое бы ни предстояло полезное дѣло, его невозможно исполнить, ни даже начать безъ предварительно собраннаго для этого матеріала—въ деньгахъ или въ натурѣ: во всякомъ предпріятіи жатва предполагаетъ распаху и сѣмена; я не въ состояніи выкопать ямы безъ того, чтобы не запастись для этого лопатой и нанять пару рукъ, т.-е. сдѣлать *затрату*“. Но для того, чтобы такая затрата производилась, необходимы два условія: нужно, во-первыхъ, чтобы собственникъ затрачиваемаго капитала былъ въ *состояніи* это сдѣлать, т.-е., чтобы имѣлъ *свободный излишекъ*, которымъ могъ бы располагать; а затѣмъ нужно, чтобы тотъ, кто обладаетъ такимъ излишкомъ, пожелалъ бы его затратить, т.-е., чтобы онъ не видѣлъ для себя убытка въ томъ, а напротивъ, рассчитывалъ на барышъ. „Если я разоренъ или почти разоренъ, если мои жильцы или арендаторы мнѣ не платятъ, если земля моя или мои товары стоятъ въ продажѣ только половину своей цѣны, если оставшемуся у меня состоянію грозитъ конфискація или грабежъ, то я не только вслѣдствіе уменьшенія моего состоянія располагаю меньшей способностью производить *затраты*, но я кромѣ того тревожусь о будущемъ; я запасуюсь не только тѣмъ, что мнѣ необходимо въ ближайшій срокъ, но и припасаю все нужное для моего потребленія на отдаленное время; я держу про запасъ для себя и для семьи оставшійся у меня капиталъ; у меня поэтому уже нѣтъ свободнаго капитала, я не могу ни давать въ займы на чужія предпріятія, ни самъ что-либо предпринять. Съ другой стороны, если отдача денегъ въ кредитъ или собственное пред-

пріятіе вмѣсто барыша даетъ мнѣ убытокъ, если къ обыкновенному риску присоединяется чрезвычайный рискъ вслѣдствіе безсилія или несправедливости закона; если мое предпріятіе должно сдѣлаться добычей правительства или шайки разбойниковъ, вообще всякаго, кто захочетъ его себѣ присвоить; если я принужденъ отдавать выросшій на моей землѣ хлѣбъ или мой товаръ за половину того, что они мнѣ самому стоятъ; если я не могу производить, закупать товаръ, перевозить или продавать иначе, какъ отказываясь отъ всякой прибыли и съ увѣренностью, что я не выручу сдѣланныхъ мною затратъ,—у меня не будетъ желанія ни давать въ кредитъ, ни пускаться въ предпріятія“.

Такъ съ своею обычною наглядностью и обстоятельностью Тэнь выясняетъ коренныя условія правильнаго функционированія общественнаго организма для достиженія его главной экономической задачи—питанія всѣхъ его частей. Для питанія, слѣдовательно для существованія, общества необходимъ излишекъ свободного капитала въ распоряженіи частныхъ лицъ и необходима, кромѣ того, возможность безопасной и выгодной (производительной) затраты этого капитала. Эти два условія опредѣляютъ экономическія формы общества. Но свойства экономического процесса, совершаемаго обществомъ, находятся въ зависимости еще отъ другого высшаго начала, отъ принципа психическаго или нравственнаго свойства. Нормальность и успѣшность процесса общественнаго питанія зависятъ преимущественно отъ непркосновенности одной, самой затаенной жилки общественнаго тѣла. Эта жилка—то чувство, въ силу котораго человѣкъ привязывается къ своей собственности, боится рискнуть ею, противится ея уменьшенію и старается ее увеличить. „Очевидно,—говоритъ Тэнь,—что въ человѣкѣ, какъ онъ въ дѣйствительности созданъ, это напряженное, упорное чувство, всегда трепещущее и дѣйствующее въ немъ, составляетъ родникъ внутренней силы, которая доставляетъ три четверти и почти, пожалуй, весь итогъ постоянного напряженія, внимательнаго разсчета, послѣдовательной энергіи, побуждающихъ человѣка переносить лишения, изощряться, стремиться плодотворно работать—руками, умомъ, капиталомъ,—производить, сберегать, создавать, для себя и для другихъ, средства къ жизни и благосостоянію“. Такимъ образомъ, влеченіе человѣка къ собственности и неусыпная забота о ней, порождающая трудъ человѣка, является, по мѣткому выраженію Тэна питательною жилой (*la fibre nourricière*) общества. А если такъ, то сохраненіе частной собственности уже перестаетъ быть частнымъ интересомъ; оно необходимо для жизни и питанія самого обще-

ства и возводится поэтому на степень основного *общественнаго* интереса.

Этотъ взглядъ на условія развитія цивилизаціи и благоденствія общества служитъ для Тэна основаніемъ для его воззрѣнія на значеніе и положеніе *личности* въ обществѣ. Свободная дѣятельность и полное развитіе личности обуславливаютъ собою возможность для общества исполнять свои двѣ функціи: питаться, т.-е. существовать, и вырабатывать въ себѣ цивилизацію, т.-е. развиваться. Это убѣжденіе становится центральнымъ пунктомъ политической и соціальной доктрины Тэна, и изъ нея вытекаютъ послѣдовательно отдѣльные положенія его соціологіи. Подобно тому какъ для здоровья тѣла необходимо, чтобы каждая отдѣльная клеточка его могла свободно совершать свои отправленія, не страдая отъ другихъ, такъ необходимо и для общества обезпечить за всѣми отдѣльными личностями, входящими въ его составъ, безопасность существованія и просторъ для развитія.

И это необходимо не только для самой личности отдѣльно взятой. Каждый изъ этихъ элементовъ общества входитъ въ сочетанія, т.-е. ассоціаціи, съ другими для осуществленія извѣстныхъ своихъ потребностей. Такъ возникаетъ семья; надъ нею является другая, болѣе обширная ассоціація—община или городъ, область или провинція, церковь для обезпеченія религіозной потребности и цѣлый рядъ другихъ ассоціацій и обществъ, благотворительныхъ, ученыхъ, учащихъ, художественныхъ и т. п. На ряду съ просторомъ для дѣятельности личности необходимо также обезпеченное положеніе и свободное развитіе всѣхъ этихъ ассоціацій. Самая высшая и могущественная изъ этихъ ассоціацій—государство: оно царитъ надъ всѣми другими. Отъ него по преимуществу зависитъ свободное и нормальное существованіе другихъ, и оно должно обезпечить своимъ покровительствомъ свободное проявленіе жизни личности и ея различныхъ ассоціацій. Для этой цѣли оно можетъ налагать на нихъ денежныя и другія жертвы, но оно не должно забывать, что эти жертвы имѣютъ цѣлью благоденствіе также и тѣхъ, кто ихъ приносятъ.

Этимъ взглядомъ на строеніе общества и на условія его экономическаго и духовнаго процвѣтанія опредѣляется ученіе Тэна о государствѣ. Вопреки господствовавшей въ XVIII вѣкѣ доктринѣ, сохранявшей и въ XIX-мъ многихъ приверженцевъ, въ политической теоріи Тэна главное мѣсто занимаетъ вопросъ не о формѣ правительства, но о положеніи личности въ государствѣ. Если личность есть та живая, двигательная сила, которая создаетъ и питаетъ общество, то руководящимъ принципомъ государственной

жизни должна быть свобода личности. Тэнъ добываетъ этотъ принципъ не изъ отвлеченныхъ разсужденій, какъ это дѣлали публицисты раціонализма, и потому не прибѣгаетъ, подобно Локку и его послѣдователямъ, „къ естественному состоянію“ и „общественному договору“ для защиты свободы личности въ государствахъ. Аргументація Тэна въ этомъ вопросѣ опирается частью на историческихъ данныхъ, а частью на соціологическихъ и экономическихъ.

Исторія, по мнѣнію Тэна, ясно показываетъ, что государство развивалось и совершенствовалось именно въ томъ направленіи, что предоставляло личности все большую автономію. Тэнъ очень хорошо изображаетъ своеобразныя условія, въ которыхъ находились античныя государства—Спарта и Римъ, которыя такъ долго выставлялись политическими идеалами для Европы: муниципальный характеръ ихъ религіи и суровое военное право, обрекавшее на порабощеніе жителей побѣжденнаго города, требовали безусловной дисциплины гражданъ, подобающей монастырю или батальону солдатъ, и придавали античнымъ государствамъ подобіе „военнаго лагеря вокругъ храма“. При такихъ условіяхъ личность не могла самостоятельно развиваться; для своего спасенія она должна была какъ можно плотнѣе пріютиться въ государству. Оттого же и въ Египтѣ, въ Китаѣ, въ Индіи, въ Мексикѣ, въ Перу, „во всѣхъ цивилизаціяхъ первичной формаціи, принципъ человѣческихъ обществъ еще тождественъ съ принципомъ животныхъ ассоціацій: индивидуумъ принадлежитъ общинѣ, какъ пчела улью, какъ муравей муравейнику; онъ—не что иное, какъ органъ въ организмѣ“.

Постепенно, однако, съ теченіемъ вѣковъ индивидуумъ становился независимѣе и свободнѣе. Христіанство отдѣлило область религіозной вѣры отъ земного царства, а затѣмъ расколъ среди самого христіанства принудилъ государство допустить въ своей средѣ разныя исповѣданія: „государственныя власти,—какъ мѣтко выражается Тэнъ,—перестали представлять собою жандармерію для охраны богослуженія“; съ другой стороны, война измѣнила свой характеръ: она перестала быть источникомъ обогащенія и менѣе тѣсно стала ложиться на благосостояніе частныхъ лицъ. Такимъ образомъ исчезли причины для предоставленія обществу безусловной власти надъ гражданами, и индивидууму не было надобности всецѣло отказывать свою личность государству.

Мало того, измѣнились не только внѣшнія условія жизни, но и самое духовное существо человѣка. Появились два новыхъ слова и имъ соотвѣтствовали двѣ идеи глубокаго смысла, преобразовавшія современнаго человѣка; одна изъ нихъ происхожденія христіан-

скаго, другая сложилась подъ вліяніемъ феодальнаго быта, и обѣ, вмѣстѣ взятая, ясно указываютъ, какое громадное разстояніе отдѣляетъ современнаго человѣка отъ античнаго гражданина. Эти два новыхъ понятія — *совѣсть* и *честь*. Всякій развитой человѣкъ въ наше время понимаетъ, какъ много вѣсятъ эти „неувѣсомныя“ въ общественной и государственной жизни, и поэтому нѣтъ надобности подробнѣе доказывать, до какой степени онѣ несомнѣнны съ полнымъ поглощеніемъ личности государствомъ или обществомъ; тѣмъ не менѣе, страницы, посвященныя Тѣномъ этому вопросу, заслуживаютъ вниманія, какъ образецъ психологическаго анализа, — и въ наши именно дни, когда общество или государство для многихъ снова стало кумиромъ, предъ которымъ требуется самоуничтоженіе личности, воззваніе Тѣна къ совѣсти и чести и его горячая апологія этихъ двухъ великихъ началъ получаютъ значеніе культурнаго подвига. „Таковы, — говоритъ Тѣнъ, — двѣ историческія идеи (*les idées maîtresses*) нашей европейской морали; благодаря одной изъ нихъ, личность признала за собою обязанности, которыя никто не въ состояніи съ нею снять; благодаря другой, она присвоила себѣ права, которыхъ никто не можетъ ее лишить; на этихъ двухъ корняхъ наша цивилизація выросла и продолжаетъ расти. Вездѣ, гдѣ недоставало одного изъ нихъ — въ Китаѣ, въ римской имперіи, въ исламѣ, приливъ свѣжихъ соковъ остановился, и древо цивилизаціи стало расти уродливо или пало: наша же цивилизація, благодаря имъ, живетъ и развивается“.

Съ этимъ показаніемъ фактической исторіи согласна и теорія: на самомъ дѣлѣ, какъ и почему сложилось государство? „Два интереса, — отвѣчаетъ Тѣнъ, — его сковали“; обществу нужна была защита противъ мечей, которыми потрясали другія пограничныя общества, и затѣмъ противъ ножей, которые дурныя страсти не перестаютъ точить внутри общества — противъ домашнихъ убійцъ и воровъ. И вотъ медленно, съ трудомъ, общущею, цѣлымъ рядомъ попытокъ и передѣлокъ, при *наслѣдственномъ содѣйствіи* тысячъ непреклонныхъ волей было выковано единственное оружіе, способное съ успѣхомъ защищать имущество и жизнь“. Такимъ образомъ, государственная власть *въ своей сущности* является въ воображеніи Тѣна „громаднымъ мечомъ, вынутымъ изъ ноженъ и поднятымъ надъ мелкими ножами, которые вслѣдствіе этого прячутся въ своихъ ножнахъ“. Для поддержанія этого меча нужны траты со стороны лицъ, имущество и жизнь которыхъ охраняется государственнымъ мечомъ, и этимъ опредѣляются всѣ отношенія личности къ государству. Государ-

ство имѣть право на то, что необходимо для его содержанія, и если оно даже силою станетъ брать у частныхъ лицъ все, что вытекаетъ изъ этого права, оно не будетъ присвоивать себѣ чужого, а, такъ сказать, лишь брать свое достояніе. Но оно должно брать съ условіемъ: не выходить изъ предѣловъ предоставленнаго ему полномочія; а оно выйдетъ изъ этихъ предѣловъ, если потребуетъ отъ частныхъ лицъ затратъ, которыя вызваны не защитой послѣднихъ, а другими функціями, которыя вздумало бы взять на себя государство, не имѣя на то порученія, — еслибы, напр., государство стало заниматься распространеніемъ и поддержаніемъ какого-нибудь религіознаго ученія или какой-нибудь морали, еслибы стало филантропомъ или педагогомъ. Въ этомъ случаѣ совершается со стороны государства двойная несправедливость или двойное насиліе. Ибо, съ одной стороны, оно ради этихъ цѣлей увеличиваетъ бюджетъ и принуждено требовать новыхъ жертвъ деньгами и даже жизнью, еслибы, напр., предприняло войну изъ-за какой-нибудь идеи или пропаганды, несочувственной меньшинству. А съ другой стороны, эти новыя и лишнія жертвы даютъ государству средства и возможность навязать меньшинству, противъ его желанія и интересовъ, свое оффиціальное богословіе и свою казенную философію и педагогію или торговую политику — принудительными мѣрами противъ противниковъ, въ видѣ штрафовъ, арестовъ и гильотины. Однимъ словомъ, „съ помощью рубля, который я ему не обязанъ платить, и который оно у меня извлекаетъ изъ кармана (*qu'il me vole*), государство оплачиваетъ расходы на жалованье моему тюремщику и палачу. Можно ли вообразить себѣ тираннію болѣе вопіющей?“ Поэтому, заключаетъ Тэнь, „надо слѣдить внимательно за развитіемъ государства и не допускать, чтобы оно было чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ сторожевой собаки (!). Пока у другихъ жильцовъ дома зубы и когти притуплялись, эти когти и зубы страшно разрослись у сторожевой собаки. Въ виду этого, ее слѣдуетъ щедро откармливать для защиты противъ волковъ; но съ тѣмъ, чтобы она никогда не дотрогивалась до своихъ жильцовъ; аппетитъ разрастается отъ ѣды. Вскорѣ она сама стала бы волкомъ и домашнимъ волкомъ, — самымъ прожорливымъ изъ хищниковъ. Поэтому ее нужно держать на цѣпи и не давать ей выбѣгать изъ отведеннаго ей круга“.

Пробѣгая эти строки, читатель можетъ подумать, что это простой анахронизмъ; что предъ нимъ воскресла индивидуалистическая теорія XVIII вѣка, которая въ своемъ отвлеченномъ построеніи

государства исходила изъ нуждъ индивидуума и видѣла поэтому въ государствѣ лишь средство или органъ, подчиненный индивидуальнымъ цѣлямъ. Можно подумать, что Тэнъ—прямой послѣдователь Локка, который признавалъ государство учрежденіемъ, существующимъ лишь для внѣшней охраны частныхъ лицъ, вошедшихъ въ общественный договоръ. Въ весьма ясныхъ и сухихъ выраженіяхъ формулировалъ Локкъ этотъ принципъ: такъ какъ частныя лица отказались отъ естественной свободы лишь ради лучшаго и болѣе вѣрнаго обезпеченія *своей жизни, свободы и своего достоянія* (property), то и назначеніе государства исчерпывается защитой этихъ интересовъ.

Но какъ далека отъ прозаическаго, обстоятельнаго и разсудочнаго языка англійскаго эмпирика Тэнъ съ своей блестящей, острой какъ ножъ французской логикой и съ своимъ страстнымъ воображеніемъ, превращающимъ, помимо его воли, отвлеченныя разсужденія въ поразительно реальные—иногда до каррикатуры—образы! Точно также далека Тэнъ отъ Локка и по существу своей теоріи. Онъ не только отводитъ государству болѣе важную роль, чѣмъ англійскій индивидуализмъ, но у него надъ индивидуалистическимъ эгоизмомъ преобладаетъ идея общаго интереса, надъ личнымъ инстинктомъ царитъ идея социальнаго инстинкта, и если онъ суживаетъ сферу дѣятельности государства, то это потому, что сохраненіе личности есть для него существенный *общій интересъ*.

Мы сейчасъ это увидимъ. Что касается до государства, то Тэнъ, въ дѣйствительности, несмотря на свою парадоксальную метафору сторожевой собаки, предоставляетъ ему роль, которая вводитъ его во всѣ закоулки частной жизни. Дѣло въ томъ, что Тэнъ признаетъ за государственною властью обязанности улаживать столкновенія между частными интересами, и благодаря одному этому государство сразу становится *регуляторомъ* и *контролеромъ* частной собственности и семейной жизни; оно входитъ „въ заповѣдныя кругъ, которымъ огородила себя индивидуальная воля, и, разъ туда проникнувши, оно стремится захватить его во всемъ его объемъ“. И дѣйствительно, — какъ говоритъ Тэнъ, —всякое частное дѣло, физическое или нравственное, представляетъ въ себѣ возможность правонарушенія со стороны другихъ и потому требуетъ вмѣшательства высшей, посредствующей власти. Приобрѣтать, владѣть, продавать, дарить, завѣщать, заключать договоръ, быть мужемъ или женою, отцомъ, матерью или сыномъ, господиномъ или слугою, приказчикомъ или хозяиномъ, — каждое изъ этихъ занятій или положеній заключаетъ въ себѣ права, ограни-

ченныя другими смежными или противоположными правами, и дѣло государства—провести между ними межу“.

Государственная власть, взявъ на себя обязанность устанавливать грань между *моимъ* и *твоимъ*, или, что отсюда вытекаетъ, между интересами и правами частныхъ лицъ,—тѣмъ самымъ, конечно, беретъ на себя роль, далеко выходящую изъ метафоры „сторожевой собаки“. Но Тэнь прибавляетъ къ этому еще новый принципъ, гораздо болѣе расширяющій права государственной власти. Онъ признаетъ, что государство не есть *пожизненный* союзъ частныхъ лицъ, что, подобно церкви или благотворительнымъ и ученымъ обществамъ, государство есть учрежденіе, основанное для постоянного существованія, а потому обязано простираť свои виды на далекое будущее и предпочитать *пожизненнымъ* частнымъ интересамъ общій интересъ, простирающійся въ *вѣчность*. Въ виду этого призванія, государство регулируетъ законодательнымъ порядкомъ бракъ, наслѣдство, завѣщанія, и при этомъ не руководствуется однимъ только уваженіемъ къ индивидуальной воли: оно заботится о духѣ и направленіи, въ которомъ воспитываются возрастающія поколѣнія, о мѣрахъ, необходимыхъ для того, чтобы „обезпечить націи генеральный штабъ естественныхъ вождей или армію мелкихъ собственниковъ“. Мало того, съ общаго одобренія государство чеканитъ монету, устанавливаетъ мѣры и вѣсъ, карантинны, отчуждаетъ частную собственность въ видахъ общей пользы, строитъ маяки и гавани, сооружаетъ плотины и каналы, проводитъ дороги, командируетъ ученые экспедиціи, учреждаетъ музеи и библіотеки; никто въ этихъ случаяхъ не станетъ утверждать, что государство выходитъ изъ своей роли и превышаетъ свою власть; а при извѣстныхъ условіяхъ, замѣчаетъ Тэнь,—не вызоветъ никакихъ жалобъ и то, если государство станетъ брать на себя содержаніе университетовъ, школъ, церквей и театровъ. На всѣ подобныя предметы государству понадобятся большіе расходы и налоги, и чтобы оправдать ихъ, оно можетъ сослаться на общій интересъ.

Но если это такъ, отчего же во имя общаго интереса не пойти далѣе?—отчего государству не взять на себя всякое дѣло, которое можетъ быть полезно для общества, или упущеніе котораго можетъ быть для него вреднымъ?—отчего государству не сдѣлаться предпринимателемъ всѣхъ работъ и распределителемъ всѣхъ произведеній?—отчего государству не сдѣлаться единственнымъ земледѣльцемъ, промышленникомъ или торговцемъ?—отчего ему не быть единственнымъ собственникомъ въ странѣ?—Потому именно,—отвѣчаетъ Тэнь,—что это было бы *противно общему*

интересу! Тотъ самый принципъ общаго интереса, на который опиралось государство для ограниченія автономіи личности, изъ союзника становится противникомъ государства, какъ скоро оно беретъ на себя такую всеобъемлющую роль.

Итакъ, вотъ основное положеніе политической теоріи Тэна: государство, ограниченное въ его внутренней дѣятельности во имя правъ и интереса личности, подвергается кромѣ того ограниченію во имя *общаго интереса*—или, какъ выражается Тэнъ, доводя при этомъ до крайности свою метафору,—на сторожевую собаку надѣвается теперь еще и вторая цѣпь. Какимъ же образомъ доказываетъ Тэнъ свою мысль, что государство, существующее ради общаго интереса, въ этомъ самомъ общемъ интересѣ встрѣчаетъ предѣлы своей дѣятельности и власти?

Въ чемъ же заключается общій интересъ?—въ томъ, въ чемъ совпадаютъ интересы всѣхъ и каждаго; эти интересы очень различны, но есть нѣчто, чего всѣ желаютъ и чего лишиться всѣ боятся; есть одна вещь, обладаніе которою становится при успѣхѣхъ цивилизаціи все дороже и дороже для человѣка, лишеніе которой по той же причинѣ все болѣе и болѣе должно считаться горькимъ бѣдствіемъ для человѣка—это право вполне располагать собою, своимъ тѣломъ и своимъ имуществомъ, возможность думать, вѣрить, молиться по своему убѣжденію, входить въ сношенія съ другими для общихъ дѣйствій и самому дѣйствовать во всѣхъ направленіяхъ—однимъ словомъ, *свобода*. Чтобы эта свобода была, по возможности, обширна,—въ этомъ именно и заключалась во всѣ времена одна изъ величайшихъ потребностей человѣка, и въ этомъ заключается въ наше время самая сильная его потребность. И причина тому, по мысли Тэна, двоякая: она вытекаетъ изъ природы человѣка и затѣмъ изъ его исторіи. По своей природѣ, человѣкъ есть индивидуальность, т.-е. своеобразный мірокъ, съ особымъ центромъ въ замкнутомъ кругѣ, самостоятельный организмъ, законченный въ самомъ себѣ и страдающій, какъ скоро присущія ему стремленія встрѣчаютъ препятствіе со стороны чуждой силы. Подъ вліяніемъ исторіи, человѣкъ сталъ *сложнымъ* организмомъ, на которомъ три-четыре религіи, пять-шесть цивилизацій и тридцать вѣковъ напряженной культуры оставили свой отпечатокъ, въ которомъ приобрѣтенныя свойства входили въ разныя сочетанія, а наслѣственные свойства въ различныя скрещенія, гдѣ особенности накопились и въ результатѣ получилось самое оригинальное и самое чувствительное изъ существъ; съ возрастаніемъ цивилизаціи оно все усложняется, его своеобразность все углубляется и его чувствительность становится все восприимчивѣе; а отсюда слѣдуетъ,

что чѣмъ болѣе оно цивилизуется, тѣмъ болѣе ему противны принужденіе и однообразіе. Въ настоящее время каждый изъ насъ представляетъ собою конечный и своеобразный результатъ изумительной, предшествовавшей намъ, духовной работы, отдѣльныя звенья которой на этотъ разъ, и лишь на одинъ этотъ разъ, расположились именно въ данномъ порядкѣ, — единственный въ своемъ родѣ экземпляръ растенія, которое по своему тонкому и сложному строенію, по своей прирожденной сущности, представляетъ опредѣленный типъ и можетъ дать только свойственные ему плоды.

Вотъ искренняя, основанная на глубокомъ убѣжденіи исповѣдь культурнаго человѣка, который не можетъ дышать безъ свободы, какъ живое существо высшаго порядка не можетъ жить безъ воздуха. Давно не раздавалось такого мощнаго слова въ пользу свободы личности. Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ политической литературой XVIII вѣка, бросится въ глаза, насколько дѣльнѣе и полновѣснѣе эти слова, чѣмъ возгласы противъ тиранній, предшествовавшіе эпохѣ террора и отчасти вызвавшіе его. Нуженъ былъ тяжелый урокъ временъ, нуженъ былъ яacobинскій гнѣтъ во имя народовластія и яacobинскій терроръ во имя народнаго блага, чтобы дать сложиться яасному сознанию и дать созрѣть глубокому убѣжденію, которому Тэнъ далъ такое краснорѣчивое выраженіе, а именно, что драгоцѣннѣйшее благо развитого человѣка и необходимѣйшее условіе человѣческой культуры есть свобода личности.

Въ существованіи личной свободы заинтересованы всѣ личности; это, слѣдовательно, общій интересъ, и потому государство обязано во имя общаго интереса щадить индивидуальную свободу, предоставлять ей просторъ и по возможности меньше стѣснять ее своею дѣятельностью. Но существуетъ еще другой поводъ къ тому: въ индивидуальной свободѣ всѣ люди заинтересованы не только прямо, какъ личности, но и косвенно. Если, — говорить Тэнъ, — мы будемъ имѣть въ виду не самихъ людей, а ихъ дѣла, если мы станемъ разсматривать общество какъ *мастерскую* матеріальныхъ и духовныхъ благъ, совершенство которой заключается въ томъ, чтобы производить какъ можно больше при наибольшемъ сбереженіи силъ, — то и съ этой точки зрѣнія область воздѣйствія государства должна быть по возможности сужена. Ибо дѣло въ томъ, что большинство общественныхъ функцій лучше исполняются свободными индивидуумами и естественными и добровольными ассоціаціями, чѣмъ самимъ государствомъ. Тэнъ проводитъ эту общезвѣстную мысль очень обстоятельно и наглядно, сравнивая между

собою положеніе и дѣятельность частнаго лица, которое ведетъ извѣстное дѣло за своею полною отвѣтственностью, которое затратило въ него свой капиталъ и знаетъ, что отъ его успѣха зависитъ благосостояніе и будущность его самого и близкихъ ему лицъ — съ положеніемъ чиновника, служба котораго обезпечена, а количество требуемаго отъ него труда и жалованье опредѣлено разъ навсегда. Общій выводъ, который всякій можетъ отсюда сдѣлать, подтверждается статистическими данными. „Даже въ такой честной странѣ, какъ Франція, — говоритъ Тэнъ, — высчитано, что всякое дѣло, если оно ведется государствомъ, стоитъ въ производствѣ на четверть дороже и приноситъ выгоды на одну четверть меньше, чѣмъ если оно ведется частными лицами, т. е., что въ первомъ случаѣ общество теряетъ цѣлую половину того, что могло бы приобрести“. Тэнъ могъ бы привести еще другое доказательство, добытое практическимъ опытомъ его отечества. Во французскихъ рабочихъ домахъ, гдѣ заведены разные промыслы и гдѣ заключенные заинтересованы въ успѣхѣ работы, такъ какъ пользуются барышемъ отъ нея, тѣмъ не менѣе такого рода производительность въ общей цифрѣ достигаетъ только до одной четверти результатовъ свободнаго труда, и это потому, что дѣла находятся въ казенномъ управленіи и что главныя физическія потребности работающихъ во всякомъ случаѣ обезпечены.

„Такое преимущество частной производительности передъ казенною, — продолжаетъ Тэнъ, — несомнѣнно по отношенію всякаго труда духовнаго, какъ и матеріальнаго: оно наблюдается не только въ области земледѣлія, промышленности и торговли, но также въ области науки и искусства, литературы и философіи, благотворительности и воспитанія; оно обнаруживается не только когда двигателемъ является эгоистическое чувство, какъ, напр., личный интересъ и грубое тщеславіе, но и тогда, когда дѣйствующей силой становится безкорыстное чувство, потребность открыть истину или воплотить художественную красоту, религиозный энтузіазмъ или прирожденное великодушіе, любовь широкая, охватывающая все человѣчество, и любовь суженная, которая сосредоточивается на близкихъ. Во всякой мастерской, которою завѣдуетъ свободная личность, — двигательная сила громаднa, почти безконечна, потому что это живой родникъ, вода котораго течетъ непрерывно, въ постоянной работѣ и никогда не иссякаетъ. Не переставая, мать думаетъ о своемъ ребенкѣ, ученый о своей наукѣ, художникъ о своемъ искусствѣ, изобрѣтатель о своихъ изобрѣтеніяхъ, филантропъ о своихъ учрежденіяхъ, Фарадей объ электричествѣ, Стефенсонъ о локомотивѣ, Пастеръ о своихъ микробахъ,

Лессепсъ о своихъ перешейкахъ, сестра милосердія о своихъ бѣдныхъ. Посредствомъ этого необычайнаго вниманія человѣкъ привлекаетъ изъ своихъ способностей и окружающей его среды всевозможную пользу; онъ самъ становится усовершенствованнымъ орудіемъ и онъ создаетъ для себя подобныя орудія, каждый день, въ этой могучей машинѣ, которою онъ управляетъ, и въ которой онъ представляетъ главное кольцо; онъ уменьшаетъ треніе, усиливаетъ количество оборотовъ, сберегаетъ, поддерживаетъ, справляетъ и улучшаетъ, съ знаніемъ дѣла и съ успѣхомъ, которыхъ никто не станетъ оспаривать, однимъ словомъ, *производитъ* наилучшимъ способомъ. Но этотъ живой родникъ, которымъ обуславливается преимущество фабрики, не можетъ быть отдѣленъ отъ фабриканта, ибо онъ, этотъ живой ключъ, бьетъ въ его сердцѣ, составляетъ его самое сильное и затаенное ощущеніе. Онъ существуетъ только въ немъ, этотъ родникъ; внѣ его, подъ чужими руками, онъ перестаетъ бить, работать, производить. Напрасно бы кто захотѣлъ воспользоваться этимъ родникомъ при иныхъ условіяхъ: это значило бы только засыпать его естественное русло, отвести его на произволъ случая, безъ выгоды, съ большой потерей. Въ концѣ концовъ, посредствомъ милліоновъ ведеръ, сильно вычерпнутыхъ изъ частныхъ резервуаровъ, можно, пожалуй, наполнить съ трудомъ, и то развѣ на половину, большой, искусственный, центральный бассейнъ, но низкая и стоячая вода его никогда не будетъ имѣть довольно обилія и напора, чтобы заставить двигаться громадное общественное колесо, которое замѣнить собою мелкія частныя колеса и должно будетъ одно произвести всю нужную для націи работу*.

Есть еще, впрочемъ, другая причина, почему государство должно беречь личность: не потому только свободное проявленіе личной инициативы выгодно для общаго интереса, но потому, что лишь при свободномъ развитіи личности проявляется лучшее ея свойство — ея *соціальныи инстинктъ*. Въ великолѣпной картинѣ Тэнъ изображаетъ нравственное и общественное значеніе соціального инстинкта, развивающагося въ человѣкѣ при нормальныхъ условіяхъ его существованія.

„Пока человѣкъ интересуется лишь самимъ собою, своимъ состояніемъ, своей карьерой, своимъ личнымъ успѣхомъ, — его интересъ весьма мелокъ. Все это имѣетъ лишь незначительную важность и такъ же недолговѣчно, какъ онъ самъ. Рядомъ съ лодочкой, которою онъ такъ заботливо управляетъ, стоятъ тысячи и милліоны другихъ, подобнаго же строенія и приблизительно такой же величины; ни одна изъ нихъ не представляетъ большой цѣн-

ности, а его собственная стѣитъ не дороже ихъ. Какъ онъ ни старайся ее снарядить и вести, она всегда останется такой же узкой и утлой; пусть онъ ее украшаетъ, выставить на ней флагъ, протолкнетъ ее въ первые ряды—тремя шагами онъ измѣряетъ ее съ одного конца до другого. Напрасно онъ ее поправляетъ и бережетъ; по прошествіи немногихъ лѣтъ, она будетъ пропускать воду, нѣсколько раньше или позже она пойдетъ ко дну и затонетъ, а съ нею погибнетъ весь трудъ, который на нее пошелъ. Разумно ли такъ много на нее работать и стѣить ли такой мелкій предметъ такихъ усилій?”

Къ счастью, человѣкъ можетъ интересоваться не одной своей лодкой! Указавъ различные интересы, которые человѣкъ въ состояніи ставить выше своего личнаго благополучія, и способность человѣка отдаться этимъ высшимъ интересамъ, Тэнъ продолжаетъ:

„Откуда всѣ эти самопожертвованія сестры милосердія и миссіонера, самоотреченіе ученаго, который зарывается на двадцать лѣтъ въ мелкія подробности неблагодарной задачи, героямъ изслѣдователя, который рискуетъ своей жизнью въ пустынь или среди дикарей, храбрости воина, который умираетъ, защищая свое знамя. Но такіе случаи рѣдки: у большинства людей и въ большинствѣ ихъ дѣйствій личный интересъ преобладаетъ надъ общимъ интересомъ, и въ сравненіи съ инстинктомъ эгоизма социальный инстинктъ *слабъ*. Вотъ почему опасно его *ослаблять*; индивидуумъ слишкомъ склоненъ предпочитать свою лодочку общественному кораблю; если хотять, чтобы онъ всходилъ на него и работалъ на немъ, то нужно предоставлять ему способы и побужденія для этого; по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ отнимать ихъ у него. А это зависитъ отъ государства: ибо какое мы ни возьмемъ общество—областное или городское, учащее или благотворительное, религиозное или свѣтское,—государство составляетъ или утверждаетъ его уставъ, хорошъ ли онъ или плохъ, и оно своими законами, судами и жандармами, обеспечиваетъ его исполненіе. Потому, въ этомъ дѣлѣ оно отвѣтственно, его дѣло—утвердить или дать хорошій уставъ, социальную форму, наиболее способную усилить социальный инстинктъ, поддержать безкорыстное усердіе, ободрить добровольный и неознаграждаемый трудъ“.

Конечно, форма и условія общественной жизни весьма различны. Но во всѣхъ случаяхъ роль государства сходна; вездѣ, гдѣ оно составляетъ или скрѣпляетъ какой-нибудь *уставъ*, оно вмѣшивается въ предстоящія въ будущемъ столкновенія между социальнымъ и личнымъ инстинктомъ; всѣ распоряженія государства будутъ содѣйствовать, прямо или косвенно, конечному тор-

жеству перваго или втораго. Но государство—естественный союзник *соціального* инстинкта, ибо послѣдній—необходимый ему со-трудникъ во всякомъ полезномъ и общественномъ дѣлѣ. Вотъ почему, если законодатель хочетъ дѣйствовать не на бумагѣ, онъ долженъ прежде всего и болѣе всего озаботиться о соціальномъ инстинктѣ, т.-е. охранять его и беречь, отвести ему мѣсто и дать ему дѣло, предоставить ему полный просторъ, извлечь изъ него всю пользу, на которую онъ способенъ, и отнюдь не ослаблять его и не давать ему ложнаго направленія.

Въ этомъ отношеніи малѣйшая ошибка бываетъ пагубна, и во всякомъ уставѣ, во всякомъ обществѣ, *два* заблужденія имѣютъ роковой характеръ. Первое изъ нихъ—то, изъ-за котораго погибаетъ *старый порядокъ*: оно заключается въ несправедливомъ распредѣленіи общественныхъ повинностей, правъ и преимуществъ.

Другое заблужденіе можетъ проявиться въ томъ, если уставъ отниметъ у заинтересованныхъ лицъ руководство кораблемъ, если на суднѣ, которое имъ принадлежитъ, уставъ водворитъ чужой экипажъ, предоставляя ему маневрировать и командовать имъ; тогда обитатель судна перестаетъ себя чувствовать у себя, онъ становится пассивнымъ зрителемъ; у него нѣтъ ни охоты, ни помысла приложить къ дѣлу свою руку; онъ глядитъ на него скрестивши руки, остается празднымъ и предается критикѣ.

Но гдѣ же проявляется соціальный инстинктъ человѣка?—Въ сферѣ тѣхъ, стоящихъ надъ его личной и семейной жизнью, ассоціацій, которымъ онъ принадлежитъ по своему рожденію—община, область—или въ которыя онъ добровольно входитъ, для удовлетворенія нравственныхъ и духовныхъ интересовъ, какъ своихъ личныхъ, такъ и общественныхъ. Отсюда вытекаетъ новая и существенная обязанность для государства не только щадить всѣ эти ассоціаціи—церковь, общину, благотворительныя, ученыя и др. общества—и предоставлять имъ просторъ, но и заботиться о широкомъ, плодотворномъ развитіи ихъ дѣятельности.

Въ проведеніи этой мысли Тэнъ обращается къ помощи соціологіи. Какъ извѣстно, сущность соціологіи заключается въ аналогіяхъ, которыя она открываетъ между явленіями соціальными и процессами органическими, или неорганическими, и въ законахъ, которые она отсюда выводитъ. Пользуясь мыслями своихъ предшественниковъ, обобщая и приводя ихъ къ единству, Тэнъ устанавливаетъ законъ *спеціализаціи*, обнимающій какъ механику и физиологію, такъ и соціологію.

Это законъ первостепенной важности и чрезвычайно обильный послѣдствіями. Впервые его отмѣтилъ Адамъ Смитъ въ при-

мѣненія къ машинамъ и къ рабочимъ. Маколей, въ своей критикѣ на книгу Гладстона о церкви и государствѣ, распространилъ его на всѣ человѣческія ассоціаціи. Милнъ-Эдвардъ примѣнилъ его къ *органамъ* на всемъ протяженіи животнаго царства. Гербертъ Спенсеръ, въ своихъ „Принципахъ біологіи“ и „Принципахъ соціологіи“, широко развилъ его по отношенію къ фیزیологическимъ органамъ и человѣческимъ ассоціаціямъ. Тэнъ свелъ всѣ эти наведенія къ общему единству и указалъ ихъ общій корень въ характерномъ и исконномъ свойствѣ, присущемъ всякому орудію (*instrument*).

Государство есть не чтò иное, какъ великій и сложный механизмъ въ общественной жизни людей, и, какъ таковое, подчинено тому же закону, который примѣняется ко всякаго рода ихъ орудіямъ и органамъ, независимо отъ степени ихъ простоты или сложности.

Всякое же орудіе, которымъ производится какая-либо работа, подчинено одному условію: чѣмъ болѣе оно становится годнымъ (*prorpre*) для опредѣленнаго дѣла, тѣмъ болѣе оно становится непригоднымъ для другого, и по мѣрѣ того какъ увеличивается его совершенство, суживается область его примѣненія. Таковъ законъ, опредѣляющій дѣятельность всякаго рода орудій, къ какой бы области они не принадлежали—къ механической, фیزیологической или соціальной. Съ свойственной ему наглядностью и картинностью Тэнъ проводитъ—*иллюстрируетъ*—эту мысль. На низшей ступени культуры, у дикаря каменнаго періода—лишь одно орудіе: онъ имъ убиваетъ и разбиваетъ, раскалываетъ (*fend*) и проаливаетъ (*perce*—характерно, что въ русскомъ „колотъ“ соединены оба смысла), пилитъ и разрѣзаетъ. На мѣсто этого единого орудія, въ извѣстной степени на все пригоднаго, появляются съ теченіемъ времени: копье, топоръ, молотъ, шило, пила и ножикъ, и каждое изъ нихъ несравненно пригоднѣе для извѣстнаго употребленія, чѣмъ первобытное каменное орудіе, но зато менѣе пригодно, для всякаго другого дѣла—ножомъ неудобно пилить, а пила плохо рѣжетъ. На низшей ступени органическаго міра амѣба можетъ любою клѣточкою своего тѣла совершать безразлично всѣ свои функціи: двигаться, схватывать добычу, глотать и переваривать, дышать, заставлятъ обращаться по всему тѣлу питательное вещество, выталкивать отброски и размножаться. Нѣсколько выше, у прѣсноводнаго полипа, внутренній мѣшочекъ, служащій для пищеваренія, и наружная кожа, еще могутъ въ крайности обмѣняться своими функціями; если выворотить полипа какъ перчатку, онъ будетъ жить; наружная кожа, попавъ внутрь, бу-

детъ исполнять функцію желудка, желудокъ превратится въ наружную покрывку.

На низшей ступени социальнаго быта, у андамановъ или жителей Огненной земли, общество—лишь подобіе стада; въ немъ нѣтъ расчлененій, нѣтъ даже постоянной семьи. Противопоставьте этому зачаточному социальному существованію современную Францію, съ ея государствомъ, департаментами и многочисленными общинами, съ ея вѣроисповѣданіями, приходами, семьями, земледѣльческими хозяйствами, промышленными мастерскими или торговыми заведеніями, научными, художественными, воспитательными и благотворительными учрежденіями и обществами и безчисленными другими ассоціаціями!

И ко всѣмъ имъ примѣнимъ законъ спеціализаціи. Еще Маколей замѣтилъ, что академія живописи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служила бы банкомъ, вѣроятно, выставяла бы очень плохія картины и принимала бы къ дисконту весьма сомнительные векселя. А все это потому, что всякое орудіе дѣйствія, механическій ли инструментъ, физиологическій ли органъ или человѣческій союзъ (ассоціація), всегда представляетъ собою цѣлую систему частицъ, дѣйствія которыхъ направлены согласно къ общей цѣли (convergent). Все равно, какія это частицы—кусочки ли металла или дерева, или клѣтки и ткани, или умы и души—сущность заключается въ направленіи ихъ къ общей цѣли, ибо чѣмъ болѣе согласно направлены дѣйствія частицъ (*plus les effets convergent*), тѣмъ болѣе орудіе способно достигнуть своей цѣли.

Но въ силу такого согласованія частицъ все орудіе приковано къ дѣйствию въ одномъ направленіи, что лишаетъ его возможности дѣйствовать въ другомъ направленіи—*mais par cette convergence l'instrument est tout entier orienté dans une direction, ce qui l'exclut des autres*. Отсюда социологическій законъ: если какое-нибудь социальное орудіе, организованное въ виду извѣстнаго назначенія,—напр. государства,—возьметъ на себя сверхъ того еще другую функцію, оно будетъ плохо исполнять какъ свое настоящее назначеніе, такъ и захваченное имъ—*son office usurpé*.

Съ этой точки зрѣнія Тэнъ разсматриваетъ—въ примѣненіи къ Франціи—послѣдствія, которыя обнаруживаются, когда государство, выходя изъ предѣловъ своего назначенія, поглощаетъ въ себя дѣятельность другихъ общественныхъ учреждений. „Назначеніе государства—защитить лица и собственность. Эта обязанность даетъ ему широкія права. Оно имѣетъ не только право, но

и обязанность вмѣшиваться въ дѣятельность другихъ учрежденій, чтобы устранять въ нихъ хищеніе и угнетеніе, чтобы заставлять уважать уставъ, чтобы сохранять за каждымъ членомъ его права, опредѣленные закономъ, уставомъ учрежденія, чтобы судить, на основаніи этого устава, столкновенія между администраторами и управляемыми, между директорами и акціонерами, между умершими учредителями и ихъ пріемниками. Предѣлы этой обязанности очевидны, и государство уклоняется отъ своей обязанности, если переступаетъ эти предѣлы, если, напр., оно сведетъ другія учрежденія на положеніе отдѣленій своего собственнаго вѣдомства и превратитъ завѣдующихъ ими въ чиновниковъ, подлежащихъ увольненію, всѣми дѣйствіями которыхъ оно руководить и распоряжается; таковыми стали, во время имперіи и реставраціи, мэръ и члены общинныхъ совѣтовъ, профессора университета... Всякій разъ, когда государство захватываетъ какую-нибудь новую общественную функцію (*un nouveau service*), оно находится въ искушеніи—по честолюбію или изъ предосторожности, изъ предразсудка или по увлеченію теоріей—присвоить себѣ монополію... Каждымъ новымъ шагомъ на этомъ пути государство захватываетъ естественную область дѣятельности личности. Чѣмъ болѣе оно расширяетъ свои захваты, тѣмъ болѣе суживаетъ и умаляетъ кругъ добровольной инициативы и независимыхъ дѣйствій, составляющихъ сущность жизни личности. Если оно доведетъ до конца свое вмѣшательство, оно поглотитъ въ себѣ всѣ индивидуальныя жизни; съ этого момента въ обществѣ окажутся лишь автоматы, руководимые свыше, жалкіе остатки челоуѣка, изувѣченныя души, пассивныя и, такъ сказать, безжизненныя“.

Другой рядъ злоупотребленій обнаружится предъ нами, если мы рассмотримъ, *какимъ способомъ* государство исполняетъ функціи тѣхъ общественныхъ органовъ, которые оно замѣнило собою.

Прежде всего здѣсь оказывается, что исполненіе этихъ функцій стоитъ дорого, и рано или поздно оно должно показаться государству слишкомъ дорогимъ. Оттого можетъ случиться, что государство избавить себя рано или поздно отъ взятой на себя обязанности. Такъ было въ концѣ XVIII-го вѣка, послѣ того, какъ революція упразднила или сдавила всѣ общественныя органы и независимыя учрежденія; правительство все захватило въ свои руки, но затѣмъ, вслѣдствіе плохого поступленія податей, громадности военныхъ расходовъ и собственной расточительности и неспособности, оказалось банкротомъ и перестало исполнять взятые на себя обязанности общественнаго управленія, воспитанія и благотворительности. Тогда по всей Франціи въ городахъ улицы оста-

вались неосвѣщенными и неочищаемыми; въ департаментахъ дороги стали непроѣзжими и плотины разваливались; школы пустовали; въ воспитательныхъ домахъ умирали дѣти, по недостатку молока, въ богадельняхъ—призрѣваемые, по недостатку одежды и мяса, а въ больницахъ—больные, по недостатку пищи, лекарствъ и постелей.

Но и помимо этого крайняго случая, всякое отправление государствомъ несвойственной ему функціи легко влечетъ за собою ее искаженіе; когда правительственные люди (*les gouvernants*) захватываютъ въ свои руки какое-нибудь учрежденіе, они эксплуатируютъ его въ свою пользу и къ его ущербу; они стараются доставить въ немъ преобладаніе своимъ интересамъ и своимъ теоріямъ; они вносятъ въ него свои страсти; они измѣняютъ въ немъ какой-нибудь существенный снарядъ, калѣчатъ самый механизмъ и уродуютъ его дѣйствіе; они дѣлаютъ изъ него орудіе (*engin*) для цѣлей фискальных, избирательныхъ или доктринальных—правительственный или клерикальный органъ (*instrument de règne ou de secte*). Даже и въ томъ случаѣ, если правительство воздержится отъ всѣхъ такихъ злоупотребленій власти и добросовѣстно отнесется къ взятой на себя лишней обузѣ—оно неизбежно будетъ исполнять это дѣло хуже, чѣмъ спеціальныя учрежденія, которыя оно устранило; ибо строеніе этихъ учрежденій и строеніе государства—различны. Дѣйствіе государства распространяется сразу по всей странѣ, по однообразнымъ законамъ, посредствомъ обязательныхъ и обстоятельныхъ распоряженій, съ помощью іерархіи послушныхъ чиновниковъ, которыхъ оно подчиняетъ другой инструкціи. Вотъ почему государство неспособно къ дѣламъ, которыя, чтобы быть хорошо исполненными, требуютъ другого рода пружинъ и способовъ дѣйствія,—т.-е. не внѣшняго, а внутренняго побужденія—частнаго интереса, мѣстнаго патріотизма, семейныхъ чувствъ, научной любознательности, филантропическаго инстинкта, религіозной вѣры. Способъ дѣйствія государства, чисто механическій, слишкомъ суровъ и грубъ для дѣлъ, требующихъ живого и вѣрнаго такта, гибкой руки, примѣненія къ обстоятельствамъ, постояннаго приноровленія средствъ и цѣлей, недремлющей изобрѣтательности, инициативы и независимости. „Вотъ почему государство,—разсуждаетъ Тэнь,—плохой семьянинъ, плохой промышленникъ, земледѣлецъ и торговецъ, плохой распредѣлитель работъ и жизненныхъ припасовъ, посредственный администраторъ провинціи и общины, филантропъ безъ разумѣнія, некомпетентный распорядитель въ области художествъ, науки, обученія и вѣрованій. Во всѣхъ этихъ областяхъ дѣйствіе его медлительно или

неуклюже, рутинно или рѣзко, всегда расточительно, незначительно по результатамъ и мало прибыльно, всегда преступаетъ мѣру дѣйствительной потребности или не достигаетъ до нея. И это оттого, что дѣйствіе государства исходить изъ слишкомъ большой высоты и распространяется на слишкомъ обширную область. Передаваемое по іерархической лѣстницѣ, его распоряженіе застреваетъ по ней въ формальностяхъ и впахахъ дѣловыхъ бумагъ. Достигнувъ, наконецъ, своего назначенія, оно примѣняетъ повсемѣстно ту же программу, — программу, сфабрикованную напередъ, въ кабинетѣ, въ одинъ присѣсть, безъ всякихъ вызываемыхъ жизненнымъ опытомъ колебаній и безъ необходимаго приноровленія, — программу, рассчитанную приблизительно на среднюю мѣрку и на обыкновенные случаи и потому не приходящуюся точно ни въ какомъ особомъ случаѣ — подобно платью казеннаго покроя и матеріала, которое правительство разсылаетъ изъ центра въ провинціи, въ тысячахъ штукъ, чтобы его тамъ напяливали и носили, волею и неволею, на всякій ростъ и во всякое время года“.

Вреднѣе же всего то, что захватъ государствомъ всей мѣстной дѣятельности парализуетъ мѣстныя учрежденія и союзы (*les соgrs*), и если такое положеніе дѣла долго продолжается — лишаетъ самое общество возможности воспроизводить ихъ изъ себя. Тогда „индивидуумы теряютъ способность дѣйствовать сообща съ другими, по собственному побужденію и почину, безъ принужденія извнѣ и свыше, дружно и продолжительно, въ виду опредѣленной цѣли, въ правильныхъ формахъ, подъ руководствомъ людей свободно избранныхъ, за которыми они охотно и вѣрно слѣдуютъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ погибаютъ взаимное довѣріе, уваженіе къ закону, честность (*loyauté*), добровольное подчиненіе, предусмотрительность, умѣренность, терпѣніе, постоянство, практическій смыслъ, однимъ словомъ, всѣ тѣ свойства сердца и ума, безъ которыхъ никакая человѣческая ассоціація не можетъ дѣйствовать, ни даже жить“.

Сама же центральная власть имѣетъ передъ собою тогда для своего воздѣйствія лишь общественное тѣло, оскудѣвшее, косное и лишенное всякой упругости, способное только къ перемежающимся судорогамъ и къ искусственнымъ потугамъ по принужденію, — организмъ, лишенный своихъ второстепенныхъ органовъ, до чрезмѣрности упрощенный, низшаго порядка, — народъ, представляющій собою лишь арифметическій итогъ обособленныхъ единицъ, груды человѣческихъ песчинокъ. Вотъ къ чему ведетъ превышеніе государствомъ своего естественнаго назначенія, — за-

ключаетъ Тэнь.—Есть свои законы въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ; мы можемъ ихъ не знать или не хотѣть знать, но мы не можемъ ихъ обойти. Они дѣйствуютъ то за насъ, то противъ насъ,—намъ предоставлено это на выборъ,—но всегда одинаково и не обращая вниманія на насъ; *наше* дѣло принимать ихъ въ расчетъ, ибо сочетаніе причины и слѣдствія, которое они собою представляютъ, неизбѣжно; какъ скоро появляется *первая*, за ней неизмѣнно слѣдуетъ *второе*.

Признавъ такимъ образомъ свободу личности и просторъ для индивидуальной дѣятельности, какъ въ частной жизни, такъ и въ общественныхъ ассоціаціяхъ, главнымъ устоемъ благоденствія общества и прогресса цивилизаціи, Тэнь долженъ былъ коснуться труднаго вопроса о предѣлахъ этой свободы и размежевать государство съ личностью. Вопросъ о границахъ всегда и вездѣ *спорный*,—въ политикѣ международной, какъ и во внутренней, напримѣръ въ вопросѣ объ отношеніяхъ *права къ этикѣ*. Вопросъ же объ отношеніяхъ государства къ личности одинъ изъ самыхъ сложныхъ еще и потому, что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ подвижныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ обусловливается организаціей государства, бытомъ и степенью культуры общества.

При оцѣнкѣ формулъ, которыми Тэнь думалъ рѣшить этотъ вопросъ, нужно, кромѣ того, имѣть въ виду, что онъ при своемъ размежеваніи остается на сторонѣ личности и озабоченъ обезпеченіемъ ея интересовъ. Къ области частной дѣятельности причисляются поэтому Тэномъ всѣ „предпріятія, которыя берутъ на себя частныя лица отдѣльно, или коллективно, по личному интересу или по личному влеченію“. За государствомъ остается лишь то, что частная дѣятельность ему предоставляетъ; по мѣрѣ того, какъ послѣдняя простирается впередъ въ какой-нибудь смежной области и выступаетъ за спорную линію,—государство должно отступать; оно должно принимать на себя извѣстныя обязанности лишь тамъ, гдѣ долго не проявляется частная дѣятельность, куда она завѣдомо отказывается проникать. Поэтому за государствомъ прежде всего остаются всѣ функціи, находящіяся въ зависимости отъ того громаднаго механизма, которымъ можетъ располагать одно лишь государство—арміи: а именно, защита общества противъ иноземцевъ, защита частныхъ лицъ другъ противъ друга, наборъ солдатъ, взиманіе податей, исполненіе законовъ, правосудіе и полиція. За этимъ слѣдуютъ обязанности, „исполненіе которыхъ важно для всѣхъ, хотя непосредственно никого не касается“;

Тѣмъ относитъ сюда многія отрасли администраціи, заботу о путяхъ сообщенія, управленіе общественными угодьями и т. п. Затѣмъ идетъ область, въ которой дѣятельность государства можетъ проявляться сообразно съ обстоятельствами въ формѣ добровольнаго содѣйствія и помощи частной дѣятельности: или въ видѣ субсидій на обще-полезныя учрежденія, которыя не могутъ держаться одними частными средствами, или въ видѣ привилегій, предоставляемыхъ частнымъ обществамъ, взаимно соответствующихъ обязательствъ съ ихъ стороны. Тѣмъ могъ при этомъ имѣть въ виду привилегію французскаго банка выпускать банковые билеты для общаго обращенія. Сюда же Тѣмъ относитъ предохранительныя мѣры по народному здоровію, которыя, по легкомыслію, не принимаются во-время частными лицами; а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ временную помощь частнымъ лицамъ, со стороны государства, помощь, „которая, поддерживая челоуѣка, должна дать ему возможность въ будущемъ обходиться безъ помощи“. „Вообще,—говоритъ Тѣмъ,—со стороны государства допустимо всякое вмѣшательство, если оно умѣренно и мало чувствительно въ настоящемъ, но обѣщаетъ великія послѣдствія въ будущемъ; ему принадлежитъ общее руководство, падающее свободу живыхъ индивидуумовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подготавливающее благосостояніе отдаленныхъ поколѣній. И ничего болѣе“.

Но если государство можетъ расширять свою дѣятельность ради благосостоянія будущихъ поколѣній, то оно и въ этомъ случаѣ должно имѣть въ виду, что лучшее средство для достиженія указанной цѣли есть опять-таки развитіе личности и просторъ для ея дѣятельности. Изъ всѣхъ предметовъ, имѣющихъ цѣну для общества, самые драгоцѣнныя—живыя орудія производства, т.-е. люди, производящіе все остальное. Поэтому главною заботою для государства должно быть образованіе людей, способныхъ къ труду, къ труду физическому, умственному, нравственному, къ труду самому дѣятельному, самому неусыпному, самому разумному и самому производительному; а все это возможно лишь подъ условіемъ, чтобы государство уважало и заставляло уважать личную самостоятельность. Этимъ способомъ оно будетъ развивать въ индивидуумахъ и охоту, и умѣнье, производить много и хорошо, способность и желаніе все производить какъ можно лучше и въ большемъ количествѣ; другими словами, оно будетъ создавать всѣ возможныя силы и способности, изъ которыхъ каждое въ своемъ родѣ будетъ на своемъ мѣстѣ, во всей силѣ и со всею энергіей, которыя ей присущи. „Такова,—замѣчаетъ Тѣмъ,—общая функція государства—и единственная его функція: во-первыхъ, по отно-

шенію къ мутнымъ и холоднымъ источникамъ личной дѣятельности, каковы себялюбіе и самолюбіе, работа которыхъ требуетъ надзора со стороны государства; а тѣмъ болѣе по отношенію къ горячимъ и чистымъ источникамъ, благотворная дѣятельность которыхъ не имѣетъ въ себѣ посторонней примѣси, каковы призванности семейныя и частныя; далѣе, по отношенію къ источникамъ рѣдкимъ и высшаго качества, каково влеченіе къ художественной красотѣ, потребность истины, духъ ассоціаціи, патриотизмъ и любовь къ человѣчеству; наконецъ, и тѣмъ паче, по отношенію къ двумъ источникамъ священнымъ и спасительнымъ для всѣхъ,—къ совѣсти, которая заставляетъ волю отдаться долгу, и къ чести, которая заставляетъ волю держаться крѣпко за свое право“...

„Наоборотъ,—продолжаетъ Тэнъ,—если государство пытается забрать въ свою пользу всѣ естественныя силы, если оно возводитъ преданность, которую питаютъ къ нему граждане, въ безусловное, верховное начало, если оно стремится поглотить въ себѣ всѣ прочія страсти и прочіе интересы, если оно допускаетъ только помыслы объ общемъ и о благѣ этого общаго; если оно вздумаетъ преобразить посредствомъ принужденія всѣхъ своихъ членовъ въ спартанцевъ или іезуитовъ,—тогда оно съ громадными затратами не только будетъ разрушать частныя родники и на всей своей территоріи производить неисчислимыя опустошенія, но оно высушитъ и собственный источникъ жизни“... „Если оно насъ будетъ оскорблять въ нашихъ самыхъ дорогихъ интересахъ и самыхъ сильныхъ призванностяхъ, если оно насъ будетъ преслѣдовать даже на почвѣ нашей чести и нашей совѣсти, если изъ общаго благодѣтеля оно станетъ общимъ противникомъ,—тогда, наконецъ, и наша любовь превратится въ ненависть“... „И если такой порядокъ будетъ продолжителенъ, то патриотизмъ истощится и изсякнетъ, и вслѣдъ за этимъ изсякнуть, одинъ за другимъ, всѣ цѣлебныя источники жизни, а въ концѣ концовъ вся страна будетъ представлять лишь стоячія болота съ неожиданными наводненіями... Тогда, въ результатѣ, общество окажется,—какъ это было въ римской имперіи IV вѣка—лишь плохо пасомымъ стадомъ изуродованныхъ, отупѣвшихъ существъ, не выходящихъ изъ области ежедневныхъ потребностей и животнаго инстинкта, равнодушныхъ къ общественному благу и ко всякому отдаленному интересу, падшихъ настолько, чтобы позабыть о собственныхъ изобрѣтеніяхъ, разучиться своимъ наукамъ, своимъ искусствамъ и промысламъ, и, что еще хуже, съ душою исковерканной, лживой и низкой, безъ чести и совѣсти“...

Такова политическая теорія Тэна. Легко понять, въ чемъ ея сила и ея правда. Значеніе ея не умаляется отъ тѣхъ оговорокъ, которыя должно сдѣлать относительно ея. Какъ и многія другія политическія теоріи, напимѣръ ученіе Локка, теорія Тэна сложилась явно подъ вліяніемъ борьбы противъ извѣстнаго политическаго идеала, и поэтому имѣетъ политическій характеръ. Тэнъ не имѣлъ въ виду написать учебника или руководства, отъ которыхъ требуется строгое равновѣсіе между противоположными принципами, тщательная и по возможности полная аргументація про и contra. Теорія Тэна есть протестъ противъ теоріи поглощенія личности государствомъ; въ интересахъ самого общества, онъ отстаиваетъ право личности и выставляетъ на видъ ея культурную функцію и ея соціальное значеніе; она есть движущая сила всего прогресса, она—источникъ цивилизаціи; ею держатся общество и само государство. При такой постановкѣ вопроса Тэнъ не беретъ на себя демонстрировать нравственную и духовную природу самого государства, какъ начала противоположнаго абсолютной личной свободѣ. Когда ему приходится перечислять функціи, безусловно принадлежащія государству, онъ называетъ и *правосудіе*; но онъ выводитъ эту функцію изъ *фактической* положенія дѣла, изъ принципа цѣлесообразности и полезности, а не изъ духовно-нравственной природы государства; правосудіе, по его словамъ, принадлежитъ къ вѣденію государства, потому что только оно одно обладаетъ вооруженною силой, т.-е. располагаетъ тѣмъ средствомъ, безъ котораго приговоры справедливости могутъ остаться неисполненными.

Нельзя не удивляться, что на Тэнѣ, такъ долго изучавшемъ Гегеля и съ такимъ восторгомъ имъ зачитывавшемся, представленія этого философа о государствѣ, какъ конкретной формѣ, въ которой осуществляется примиреніе субъективнаго съ объективнымъ, не оставило никакого слѣда. Это объясняется различіемъ ихъ методовъ и цѣлей. Признавая высокое значеніе метафизики въ общей системѣ своего міровоззрѣнія, Тэнъ въ вопросахъ этики и политики или въ области соціологіи хотѣлъ идти путемъ опыта и наблюденія для извлеченія изъ нихъ законовъ. А затѣмъ нужно помнить, что философія права Гегеля была отвѣтомъ на индивидуалистическую теорію XVIII вѣка о государствѣ; теорія же Тэна была противодѣйствіемъ противъ поглощенія личности государствомъ во имя абсолютизма, бюрократической рутины или социализма—во Франціи.

Другую оговорку слѣдуетъ сдѣлать по отношенію къ общей примѣнимости теоріи Тэна. Очевидно, что его требованіе, чтобы

граница между воздѣйствіемъ государства и свободной дѣятельностью личностей опредѣлялась послѣдними, можетъ быть предъ-
явлено только тамъ, гдѣ существуетъ это условіе, т.-е. гдѣ общество состоитъ изъ развитыхъ и сознающихъ себя личностей. Теорія въ этомъ случаѣ ограничивается исторіей; она можетъ быть примѣнена только тамъ, гдѣ исторія подготовила необходимыя для нея условія. Такая оговорка, впрочемъ, нисколько не находится въ противорѣчій съ мнѣніемъ самого Тэна. Онъ признаетъ за государствомъ дѣятельность *дополнительнаго* свойства. Вездѣ, гдѣ общіе интересы не удовлетворяются или въ недостаточной степени удовлетворяются личной инициативой, государство обязано само дѣйствовать. Слѣдовательно, чѣмъ менѣе развито общество, чѣмъ ближе оно къ первобытнымъ формамъ, тѣмъ шире, по теоріи же Тэна, кругъ дѣятельности государства. „Нравственность измѣняется,—говоритъ Тэнъ въ одномъ мѣстѣ,—подобно математической функціи, слѣдуя постоянному закону. Каждое общество имѣетъ свои элементы, свое строеніе, свою исторію, свои, окружающія его, условія и потому свои особенные жизненные принципы. Какъ скоро въ ульѣ матка избрана и оплодотворена, жизненный принципъ его заключается въ умерщвленіи соперничающихъ матокъ и ненужныхъ самцовъ. Въ политическомъ типѣ, который представляетъ собою Китай, жизненный принципъ государства составляютъ отцовская власть, книжное воспитаніе мандариновъ и соблюденіе обрядовъ. Принципы античной общины—всемогущество государства по отношенію къ частнымъ лицамъ, гимнастическое воспитаніе и рабство. Въ нашемъ европейскомъ обществѣ жизненное условіе его составляютъ уваженіе каждаго къ самому себѣ и къ другимъ (включая женщинъ и дѣтей); въ силу этого уваженія каждая личность можетъ развиваться сообразно съ собственной природой, изобрѣтаетъ во всякой области, производитъ во всѣхъ направленіяхъ, быть полезною самою себѣ и другимъ во всѣхъ отношеніяхъ, и вслѣдствіе этого общество становится способнымъ къ безконечному развитію“.

Теорія Тэна поэтому разсчитана не на общество низшей культуры (*civilisation de la première roussée*), а на современное ему европейское общество, на то, къ которому приложимо французское выраженіе — *moderne*). Теорія Тэна въ особенности имѣетъ въ виду современную Францію и ея строй. О всѣхъ болѣе или менѣе политическихъ теоріяхъ можно сказать, что онѣ, при всѣхъ своихъ притязаніяхъ на общее и безусловное значеніе, составляютъ продуктъ извѣстнаго вѣка и извѣстной среды; онѣ вызваны извѣстными потребностями и имѣютъ въ виду извѣстныя

практическія цѣли. Теорія Тэна возникла на почвѣ современной французской демократіи и написана для ея поученія. Она есть обдуманное и страстное выраженіе чувствъ, испытываемыхъ среди этой демократіи человѣкомъ съ высокимъ образованіемъ и тонкой натурой—отраженіе лучшихъ завѣтовъ и идеаловъ французскаго патріота и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ мучительныхъ его опасеній.

И несомнѣнно, если какая-нибудь правительственная форма требуетъ гарантій противъ поглощенія личности государствомъ, то это именно демократія и въ особенности демократія централизованная, съ сильною государственною властью среди общества, обращеннаго въ массу песчинокъ. Какъ бы ни было тяжело давленіе власти въ государствахъ съ формами первобытнаго деспотизма, оно тамъ менѣе ощутительно и менѣе вредно потому, что въ такихъ обществахъ личность еще не успѣла развиться, и духовная и культурная жизнь націи сосредоточивается по преимуществу въ дѣятельности правительства. Но демократія обыкновенно наступаетъ послѣ продолжительнаго историческаго процесса, во время котораго личность достигаетъ полнаго развитія и сознанія своей духовной автономіи. Поэтому ничего не можетъ быть несообразнѣе и опаснѣе для будущей судьбы человѣчества, какъ требованіе, исходящее въ наше время отъ партій, именующихъ себя демократическими, чтобы личность принесла себя всецѣло въ жертву обществу, чтобы она предоставила государственной власти право во имя общаго блага довести до минимума самостоятельность личности въ области культурной, гражданской и экономической.

Къ этому соображенію, основанному на одномъ изъ общихъ законовъ челоѣческаго развитія, слѣдуетъ присоединить другое, выставленное на видъ Тэномъ. Демократія не должна допускать поглощенія личности государствомъ не только вслѣдствіе высокаго развитія, достигнутаго въ ней личностью, но и вслѣдствіе самихъ свойствъ и условій государственной власти въ демократіи. Столѣтіе, протекшее со времени Руссо, могло разочаровать французъ въ безусловной вѣрности ариметическихъ формулъ „общественнаго договора“. Руссо доказывалъ, что въ государствѣ, построенномъ на общественномъ договорѣ, гражданинъ не теряетъ своей свободы, ибо получаетъ ее назадъ въ видѣ верховной власти, которая достается ему, какъ единицѣ державнаго народа. Верховная власть въ такомъ государствѣ есть сумма общихъ волей; поэтому гражданинъ можетъ смѣло предоставить ей въ полное распоряженіе свою собственность, свою жизнь и даже свою совесть. Соотвѣтствуетъ ли въ централизованной демократіи практика

теоріи? Какова въ дѣйствительности та власть, которая требуетъ, чтобы личность предъ нею обезличилась? По *теоріи*—эта власть представляетъ собою коллективную волю всего общества или народа, а въ дѣйствительности эта власть не что иное какъ большинство выборныхъ лицъ, добытое счетомъ болѣе или менѣе случайныхъ голосовъ, большинство, возбужденное политической борьбой и склонное употребить во зло свою побѣду, чтобы сокрушить меньшинство; наконецъ, это большинство *временное*, которое рано или поздно будетъ замѣнено другимъ, такъ что тѣ, которые нынче угнетали, могутъ быть увѣрены, что завтра они сами станутъ жертвами.

Насколько мало такое правительство соответствуетъ формулѣ „общественнаго договора“ о суммѣ общихъ волей, настолько же улетучивается въ аргументаціи Тэна доля власти, приходящаяся на cadaго избирателя. Изъ числа 600 или 700 депутатовъ избиратель призванъ, — какъ замѣчаетъ Тэнъ, — къ выбору только *одного* депутата; при избраніи этого одного депутата содѣйствіе избирателя ограничивается $\frac{1}{10000}$ долей. Въ сущности же эта минимальная дробь сводится въ нулю: „нерѣдко я подавалъ голосъ за того кандидата, который не оказывался избраннымъ; въ такихъ случаяхъ мою волю представлялъ въ палатѣ депутатъ, котораго я не желалъ имѣть своимъ представителемъ. А если я подавалъ голосъ за избраннаго на самомъ дѣлѣ кандидата, то это было болѣею частью за неимѣніемъ лучшаго, и потому что его соперникъ мнѣ представлялся еще хуже. Его же самого я едва видалъ только мимоходомъ; мнѣ извѣстенъ былъ развѣ только цвѣтъ его платья, звукъ его голоса, его манера класть руку на сердце. Я зналъ его только по его политической исповѣди, фразистой и неопредѣленной, по газетнымъ тирадамъ, по салоннымъ слухамъ, по толкамъ въ кофейняхъ и на улицѣ; ни его честность, ни его знаніе дѣла, ничѣмъ не были мнѣ засвидѣтельствованы; на основаніи такой шаткой рекомендаціи, — прибавляетъ Тэнъ, — я затруднился бы взять въ домъ прислугу“... Но какъ бы то ни было, на избраніе остальныхъ 600 или 700 депутатовъ „избиратель не имѣетъ уже ни малѣйшаго вліянія. А между тѣмъ именно этимъ семи стамъ чужимъ для меня лицамъ я поручаю распоряжаться съ безусловнымъ полномочіемъ не только моимъ имуществомъ и жизнью, но еще и моимъ внутреннимъ міромъ; притомъ въ этомъ общемъ полномочіи соединены въ одно и еще усилены тѣ полномочія, которыя я въ частной жизни распределяю между десятью лицами, и притомъ такими, къ коимъ я отношусь съ наибольшимъ довѣріемъ, — между юристомъ, распоряжающимся моимъ состояніемъ, учите-

лемъ, воспитывающимъ моихъ дѣтей, медикомъ, наблюдающимъ за моимъ здоровьемъ, исповѣдникомъ, управляющимъ моею совѣстью, друзьями, душеприказчиками моего завѣщанія, свидѣтелями, которымъ я на дуэли довѣряю рѣшить вопросъ о моей жизни, распорядиться моею кровью и соблюсти мою честь“.

Характеризовать, наконецъ, классъ людей специально посвящающихъ себя политикѣ, которые обыкновенно играютъ главную роль въ странахъ съ общей подачей голосовъ,—классъ, набирающийся не изъ людей наиболѣе независимыхъ, наиболѣе способныхъ и наиболѣе честныхъ, но изъ болтливыхъ интригановъ или убѣжденных шарлатановъ, „которые берутъ верхъ въ политическихъ состязаніяхъ своимъ нахальствомъ“,—Тэнъ подводитъ свою теорію о положеніи личности въ демократической республикѣ къ слѣдующему итогу:

„По своей природѣ и по своему строенію демократія есть та форма правленія, при которой отдѣльная личность ищетъ наименѣе довѣрія и уваженія къ своимъ представителямъ; поэтому въ ней такая личность должна предоставлять имъ *наименѣе* власти. Собственно говоря, вездѣ совѣсть и честь обязываютъ cada-го сохранить за собою извѣстную долю своей независимости; но нигдѣ каждый не обязанъ такъ стараться, какъ въ демократіи, о томъ, чтобы дѣлать въ этомъ отношеніи какъ можно меньше уступокъ! Если во всякомъ современномъ государственномъ строѣ удѣлъ государственнаго вѣденія долженъ блисти свои границы, то въ современной демократіи онъ долженъ быть наиболѣе суженъ“.

Изъ всей этой критики политическаго быта современной Франціи видно, что недостаточность развитія личности и ограниченность пространства для ея свободной дѣятельности въ жизни общины, области, общества и государства — Тэнъ признавалъ главнымъ пробѣломъ и роковымъ недосмотромъ государственнаго строя его отечества. А такъ какъ главными созидателями этого строя и виновниками его недостатковъ были якобинцы, то легко предвидѣть основной упрекъ, который будетъ имъ дѣлать историкъ при изображеніи ихъ исторической дѣятельности. Намъ наглядно представляется бездна, раздѣляющая политическіе замыслы якобинцевъ отъ идеаловъ ихъ историка, и мы понимаемъ, почему девизомъ его исторіи могли бы служить слова, полныя грусти и негодованія, съ которыми Алфіери, разочарованный пѣвецъ взятія Бастиліи, покинулъ якобинскую Францію:

„La mia repubblica non è la loro“!..

В. ГЕРЪ.

СТАРЫЙ МЕДАЛЬОНЪ

РАЗСКАЗЪ.

Въ лавочѣ мадамъ Омэръ было жарко, почти душно. Длинные лучи заходящаго солнца проникали сквозь грязное стекло и, пронизавъ насквозь кровавые листки стоящихъ на подоконникѣ калегусовъ, вливались въ комнату, скользя по грудѣ всякой рухляди и поломаннаго домашняго скарба. Мухи, обезумѣлыя, бились объ окно, и въ затхлой комнатѣ стояло знойное жужжанье.

Антикварная лавочка въ провинціальномъ захолустьѣ имѣетъ особенно притягательную силу: сюда еще не проникалъ хищный, но холодный взоръ комиссіонера-оцѣнщика; хозяинъ устанавливаетъ цѣны на самыхъ невѣроятныхъ началахъ, часто противорѣчащихъ всякому историческому или художественному мѣрилу, и такъ называемый „случай“, — который въ глазахъ истиннаго любителя удесятерять цѣнность самаго цѣннаго предмета, — возможенъ здѣсь чаще, чѣмъ за зеркальными стеклами столичныхъ антикваренъ. Вотъ почему, попавъ на нѣсколько недѣль въ глухой городокъ департамента Нижнихъ-Пиренеевъ, я почувствовалъ сильный приливъ знакомыхъ вождедѣній, когда на второй же день пріѣзда увидѣлъ вывѣску съ надписью: „*Curiosités*“. Прикрывъ свою художественную алчность личиною скучающаго туриста, я перешагнулъ черезъ порогъ лавочки мадамъ Омэръ.

Тучная хозяйка, съ очками на самомъ кончикѣ носа, вязала, сидя за прилавкомъ, и черезъ чулокъ и очки читала трепаную книгу; мой приходъ не прервалъ ни того, ни другого изъ ея занятій; она лишь на секунду подняла глаза и, глянувъ на меня сверхъ очковъ, снова утонула въ засаленныя страницы.

Я осмотрѣлся и скоро убѣдился, что моею алчности не на чемъ разыграться: лавочка была изъ тѣхъ, гдѣ вещи старыя, но не старинныя. Изъ всего сваленнаго здѣсьхлама мало что восходило далѣе тридцатыхъ годовъ и эпохи Людовика-Филиппа; большинство же вызывало въ памяти то ужасное время середины нынѣшняго столѣтія, когда убранство жилищъ представляло какой-то нескладный выкидышъ отъ скрещиванія „готики“ съ „имперіей“. Я собирался уходить, когда изъ небольшой витрины, среди старыхъ брошекъ, колецъ и т. п. драгоценностей, мнѣ бросился въ глаза медальонъ: тончайшей работы миниатюра изображала женскую головку съ высокой пудреной прической; многочисленными завитками увивался золотой ободокъ вокругъ портрета и заканчивался вычурной раковиной надъ головою пудреной красавицы.

Какъ противорѣчивъ иногда бываетъ духъ времени съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производятъ на насъ оставшіяся отъ того же времени произведенія искусства! Не странно ли, что такимъ тонкимъ, нѣжнымъ благоуханіемъ вѣетъ отъ всѣхъ предметовъ, въ которыхъ дошла до насъ смрадная эпоха Людовика XV?..

Я открылъ витрину, робко глянувъ на хозяйку: она мѣняла спицу, и по ея сосредоточенному спокойствію я понялъ, что въ ея глазахъ я былъ посѣтитель не изъ подозрительныхъ. Я вынулъ миниатюру, — она была поразительно хороша, и съ одной стороны какъ будто можно было различить подпись. Въ лавочкѣ начинало темнѣть, и я со своей находкой вышелъ на порогъ; только направило-было медальонъ въ свѣтъ послѣднихъ солнечныхъ лучей, какъ на него надвинулась густая тѣнь: — кто-то подошелъ ко мнѣ. Я поднялъ глаза: въ широкополой шляпѣ передо мной стояла длинная фигура моего пріятеля, стараго нотариуса, по приглашенію котораго я собственно пріѣхалъ въ этотъ городокъ.

— Ага, вотъ васъ что занимаетъ! — воскликнулъ онъ, не отвѣчая на мое привѣтствіе. — Медальонъ Кастель дю Пикъ!

— Какъ вы сказали? — Медальонъ...

— Кастель дю Пикъ.

— Никогда не слыхалъ такого художника.

— Это не художника имя, а тѣхъ, кому медальонъ принадлежалъ.

— Интересная вещьца.

— Да... А знаете ли, что еще въ десять разъ интереснѣе тѣ событія, которыя вокругъ нея сосредоточиваются? Этотъ медальонъ — цѣннѣйшій документъ семейной хроники.

— Какъ же его рѣшили выпустить изъ рукъ?

— Да для послѣдней его обладательницы было бы истиннымъ мученіемъ, еслибы она была вынуждена сохранять его.

— А наслѣдники?

— Наслѣдниковъ нѣтъ.

— Ну, ужъ я вижу, что такое: несчастная любовь и конецъ знаменитаго рода; иссякнувшій ключъ аристократической крови, а этотъ медальонъ—одинъ изъ цвѣтковъ геральдической смоковницы?..

— Странно,—задумчиво произнесъ нотариусъ,—что даже теперь, когда уже все кончено, эта грустная исторія вызываетъ усмѣшку.

Скорбь, которая проникала эти слова, была настолько не соразмѣрна съ моею въ сущности весьма невинной шуткой, что я даже не извинился: я понималъ, что вздохъ сожалѣнія по поводу смѣси смѣшного съ грустнымъ, относился не къ настоящему, а къ чему-то, что осталось гдѣ-то въ далекомъ прошломъ. Но въ далекомъ ли?..

— А вы знали ее?

— Кого?

— Обладательницу.

— Да, я зналъ... ихъ... обѣихъ.

— Какъ обѣихъ?

— Такъ, ихъ было двѣ. То-есть, обладательница, если хотите, — одна; но ихъ трудно какъ-то раздѣлить въ памяти: онѣ были такъ недѣлимы въ жизни. И удивительно при этомъ... Ахъ, вы, пожалуйста, извините мое замѣчаніе насчетъ усмѣшки,—оно совсѣмъ не мѣтило въ васъ,—но, вы понимаете, эти два существа были поставлены въ такія необыкновенныя отношенія другъ къ другу. Внѣшнія условія жизни сковали ихъ узами обязательнаго и довольно комическаго сожительства, а весь внутренній, духовный міръ каждой изъ нихъ молчаливо, но настойчиво требовалъ разрыва. И онѣ пришли... тихо, но трагически...

— Весьма загадочно звучитъ все это.

— Онѣ для многихъ и были загадкой.

— Родственницы?

— Сестры... Да что мы тутъ стоимъ въ дверяхъ, или хотите купить? Положите пока—не сбѣжить; пройдемтесь лучше.

Я вернулся въ совсѣмъ уже темную лавочку, положилъ медальонъ въ витрину, захлопнулъ крышку и вышелъ на вечерній просторъ.

Солнце уже сѣло, но заря еще пылала; стрѣльчатые тополи, раскрасная небесное зарево, дрожащею листвою трепетали въ лег-

комъ воздухѣ, а отъ развѣсистыхъ каштановъ стлался мракъ и тяжелыми тѣнями ложился на истомленную землю.

Мы потихоньку двинулись. Мой спутникъ былъ задумчивъ, но сквозь его молчаніе я угадывалъ, что онъ думаетъ все о томъ же.

— Такъ вы были знакомы?—переспросилъ я.

— Какъ же. Да еслибъ вы пріѣхали года три, четыре тому назадъ, и вы бы познакомились: это былъ единственный домъ, гдѣ сходились по вечерамъ.

— А гдѣ онѣ жили?

— Онѣ давно какъ переѣхали въ городъ и жили въ небольшомъ домикѣ на площади, а прежде, — вонъ видите, тамъ вдали...—И по направленію его костлявой руки я увидѣлъ на послѣдней полосѣ багроваго заката высокіе гребни стариннаго замка въ стилѣ Франциска I. — Это было ихъ помѣстье, замокъ Касталь дю-Пикъ; теперь онъ принадлежитъ нѣкоей мадамъ Пюжо.

— Чтѣ же, продали?

— Разорились...

— А сами онѣ?

— Чтѣ?

— Умерли, уѣхали, или...

— Разъѣхались...

— Гдѣ же онѣ сейчасъ?

— Не знаю; мы ничего о нихъ не слыхали больше съ тѣхъ поръ.

— Съ тѣхъ поръ какъ чтѣ?

— Съ тѣхъ поръ какъ... А васъ, кажется, заинтересовали мои „сестры“?

— Признаюсь.

— Знаете чтѣ?—зайдемте ко мнѣ. Я ими много занимался, даже записалъ кое-что; могу вамъ рассказать.

Я тотчасъ же согласился, и мы повернули въ сторону его дома.

Черезъ десять минутъ мы сидѣли на деревянномъ балконѣ въ палисадникѣ. Передъ нами стоялъ деревенскій ужинъ: овечій сыръ и бутылка мѣстнаго вина. Мой хозяинъ притащилъ изъ комнаты и разложилъ на столѣ связку бумагъ и, замѣнивъ широкополую шляпу бархатной ермолкой, принялся подыскивать свои документы.

Служанка засвѣтила лампу: сѣрыя бабочки заматались надъ столомъ и лънули въ матовому шару.

Документы были разобраны, и хозяинъ началъ рассказывать.

Онъ былъ очевидцемъ большинства событій, о которыхъ говорилъ, многое слышалъ отъ другихъ—очевидцевъ же, а ту невидимую связь событій, которая бываетъ скрыта отъ постороннихъ взоровъ, онъ, благодаря хорошему знанію людей и вѣрному чутью, угадывалъ и восполнялъ съ удивительною проницательностью. Онъ говорилъ живо, картинно, замѣтно воодушевляясь.

Мы просидѣли цѣлую ночь, и подъ немолчный звонъ кузнецовъ, прерываемый лишь изрѣдка далекимъ боемъ городскихъ часовъ, я слышала странную исторію.

I.

— „Видѣли ли вы когда-нибудь двухъ сестеръ, болѣе непохожихъ другъ на друга?“

Такой вопросъ неизмѣнно ставился всякому новичку, когда по понедѣльникамъ, часу въ одиннадцатомъ вечера, гости обѣихъ графинь Кастель дю-Пиезъ гурьбой высыпали на крыльцо гостепріимнаго дома и по провинціальному обычаю начинали провозжать другъ друга по домамъ.

И въ самомъ дѣлѣ,—трудно было бы подыскать болѣе полное несходство.

Сухая, длинная, съ виду черствая, со строгимъ выраженіемъ на худомъ лицѣ, обрамленномъ черной кружевной косынкой,—такова представлялась старшая. Она держалась всегда на вытяжку, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ; никто не помнитъ, чтобы, сидя за пасьянсомъ или тасуя карты своими тонкими пальцами, она хоть разъ облокотилась о высокую спинку стариннаго рѣзного кресла, съ котораго принимала гостей.

Младшая, лѣтъ на пятнадцать моложе сестры, была маленькая, пухлая особа, съ широкимъ бѣлымъ лицомъ, на которомъ съ трудомъ можно было подмѣтить какой-нибудь намекъ на выраженіе; лишь изрѣдка, какъ зыбкая тѣнь, по ея рыхлымъ чертамъ скользило какъ будто бояливое сознаніе собственной немощи предъ всеобщимъ превосходствомъ. Въ то время, какъ сестра возсѣдала на высокихъ прямыхъ креслахъ, она, робкая и застѣнчивая, предпочитала низенькія, мягкія: уходила въ нихъ и часами просиживала за вязаньемъ нитяныхъ кружевъ. Последнее было для нея почти обязательнымъ занятіемъ: она страдала чѣмъ-то въ родѣ болѣзни осязанія; въ особенности, если была сколько-нибудь взволнована, ея руки не находили мѣста, она ко всему прикасалась, трогала, и притомъ какъ-то вскользь, точно пред-

меты обжигали ее; вотъ почему она никогда не разставалась со стальнымъ крючкомъ: это была единственная работа, имѣвшая сосредоточивающее вліяніе на ея осязаніе, всегда стремившееся разбросаться, рассыпаться. Пасьянсъ—этого любимаго занятія сестры—она не могла дѣлать: видъ пестрыхъ картъ ослѣплялъ, ошеломлялъ ее; она начинала спѣшивать, какъ будто боясь, что карты сбѣгутъ или по своей волѣ перемѣнятъ мѣста, и черезъ пять минутъ теряла способность соображать, а нервныя руки переставали повиноваться. Нѣтъ, она отказалась отъ картъ, и только иногда, въ минуты полного душевнаго спокойствія, она ихъ подбирала по мастямъ.

Однако не нужно было быть особенно наблюдательнымъ, чтобы замѣтить, что та печать несходства, которую природа наложила на эти два существа, проникала дальше и глубже, чѣмъ только внѣшній обликъ и поверхностныя житейскія привычки.

Съ перваго взгляда поражали въ старшей—выработанность приемовъ, сознательность всѣхъ ея движеній, всѣхъ ея рѣчей; за малѣйшимъ словомъ чувствовался цѣлый кодексъ принциповъ, обнимавшій всѣ формы жизни, объяснявшій всѣ явленія. Иной разъ можно было даже подумать, что этотъ кодексъ былъ предусмотрительно составленъ ею еще до появленія на свѣтъ, и что, вступивъ затѣмъ въ жизнь, она съ перваго шага пошла по готовой уже системѣ. Ея мірозданіе стояло на неизблемомъ основаніи, было прямолинейно, непреклонно, безъ уступокъ.

Въ младшей поражало полное отсутствіе какой-нибудь выработки какихъ-нибудь—не только сознательно воспринятыхъ принциповъ, но хотя бы установившихся привычекъ мышленія. Прошлыя событія жизни какъ будто ничего не прибавили къ ея взгляду на вещи, не дали ей никакого балласта; въ ней не подмѣчалось ни малѣйшаго запаса какой-нибудь подготовительной работы; всякое явленіе жизни должно было заставить ее врасплохъ,—фундаментовъ не было, и ея мірозданію суждено было такъ и остаться недостроеннымъ.

Но и это не все. Помимо разницы во внѣшнемъ обликѣ, помимо разницы въ характерахъ, наблюдателю не могла не броситься въ глаза и еще одна, иного порядка, разница, которую довольно трудно опредѣлить; я бы сказалъ—разница въ общественномъ положеніи, но это покажется смѣшнымъ въ приженіи къ двумъ сестрамъ, живущимъ вмѣстѣ. А между тѣмъ это вѣрно. Еслибъ вы не знали, что онѣ сестры, и гдѣ-нибудь встрѣтили ихъ,—на гуляньѣ или на улицѣ,—вы не только подумали бы, что онѣ изъ разныхъ слоевъ общества,—васъ бы уди-

вило, что онѣ могутъ быть знакомы: до такой степени у нихъ стояло написаннымъ на лицѣ, у одной—что она не желаетъ быть знакома „со всякимъ“, а у другой—что она не смѣетъ быть знакома „съ нѣкоторыми“. Но, рѣшительно, между какой-нибудь старой вдовствующей маркизой и ея компаньонкой меньше разницы, чѣмъ было между старшей и младшей сестрой.

Конечно, въ прошломъ у каждой изъ нихъ были событія, достаточно оправдывавшія всѣ эти неравенства; но въ какой степени ихъ взаимное положеніе было слѣдствіемъ различія характеровъ и въ какой степени сами характеры выработались подъ вліяніемъ разъ установившихся отношеній,—кто можетъ сказать? Кто проникнетъ мыслью вѣчное взаимодѣйствіе явленій, кто разберется въ запутанномъ переплетеніи душевныхъ струнъ съ цѣпами жизни, и кто съ увѣренностью скажетъ:—„вотъ причина, а вотъ слѣдствіе“?

Какъ бы ни рѣшали эти вопросы великіе мыслители, наши добрые сограждане не долго останавливались на психологическихъ загадкахъ; но они любили задавать ихъ другимъ.

— Вотъ вы увидите, — опять-таки неизмѣнно повторялось каждому новичку:—послѣ обѣда я васъ поведу, и вы увидите. Я вамъ ничего не скажу, только—что одна вдова, а другая—старая дѣва, и, когда мы выйдемъ, вы мнѣ скажете—которая кто.

И какъ только гости были на приличномъ разстояніи отъ дома, такъ немедленно гурьбой обступали новичка:

— Ну, которая вдова?

— Конечно, старшая,—не запинаясь отвѣчалъ новичокъ.

Гости, съ жадностью ожидавшіе отвѣта, поспѣшно перемигивались и, поталкивая другъ друга локтемъ, еще сильнѣе насѣдали.

— Ну, хорошо, постойте; а вотъ что скажите: которая Марта, а которая Аделаида?

— Конечно, старшая—Аделаида.

— Ну, такъ и есть!—То-есть, неизмѣнно всякій ошибется!

И съ громкимъ хохотомъ и восклицаніями, размахивая руками, гости, повернувъ спину новичку, рассыпались по площади, корчась отъ давно сдерживаемаго смѣха; потомъ вдругъ повертывались къ сконфуженному товарищу и торжественно возвращались къ нему, оглашая воздухъ поздравленіями и рукоплесканіями. И это повторялось почти каждый понедѣльникъ, потому что городокъ хотя и маленькій, но стоитъ какъ-то на дорогѣ, и всегда кто-нибудь да заглядывалъ.

Такъ расходилась веселая компанія, провожая другъ друга

по домамъ. И долго еще въ пустыхъ и сонныхъ улицахъ гулко раздавались то смѣхъ, то говоръ, то опять рукоплесканія.

— Должно быть, опять къ нашимъ графинюшкамъ какая-нибудь столичная знаменитость пріѣхала: какъ провожаютъ!— говорила аптекарша, укладывая спать своего супруга...

Да, ни одинъ новичокъ еще ни разу не отгадалъ. Да и какъ же было не ошибиться, когда при входѣ въ гостиную его прямо подвели къ старшей, ей представляли? И, надо сказать, этому обряду представленія она умѣла придавать особенную торжественность: это не было простое знакомленіе, — это былъ искутъ, своего рода посвященіе, необходимое для пріобрѣтенія права бывать въ домѣ. „Удивительно, — говорили ей друзья, — какъ графиня Марта, съ обычными своими посѣтителями такая обходительная и непринужденная, въ этихъ случаяхъ какъ будто принимаетъ роль на себя“. И дѣйствительно: она на эти нѣсколько минутъ вдругъ становилась принцессой. Она вставала съ кресла, всѣ слѣдовали ея примѣру, и тогда одинъ изъ друзей подводилъ и называлъ новаго гостя; она задавала ему нѣсколько совсемъ ничего незначащихъ вопросовъ, изъявляла надежду, что они будутъ имѣть удовольствіе видаться, затѣмъ легкимъ наклоненіемъ головы давала ему отпущенъ и тутъ же, какъ бы спохватившись, неизмѣнно говорила: „Сестра, представляю вамъ такого-то“. Гость кланялся, графиня Марта садилась на свое мѣсто, и это служило сигналомъ для другихъ. Тотъ холодъ, который нѣсколько секундъ царилъ въ гостиной, мгновенно пропадалъ среди непринужденной болтовни, шутокъ и смѣха.

Ну, какъ же было не ошибиться? Ясно, что старшая была хозяйка и глава, а при французскомъ обычаѣ говорить „madame“ всѣмъ особамъ извѣстнаго возраста не могло и въ голову придти тому, кто бывалъ у нихъ въ первый разъ, что она была дѣвицей, а младшая была вдова.

А между тѣмъ это было вѣрно: графиня Аделаида Кастель-дю-Пикъ вотъ уже два года какъ была мадамъ Борнишъ. Въ этомъ, конечно, крылась основная изъ фактическихъ причинъ, обуславливавшихъ различіе обѣихъ сестеръ. Замужество положило сильную печать не столько на характеръ графини Аделаиды, сколько на то положеніе, въ какое она сама себя ставила въ отношеніи сестры.

Но для того, чтобы это хорошенько понять, надо имѣть въ виду и личность ея мужа, и трагическія обстоятельства ея кратковременнаго супружества.

Это было на третьемъ году послѣ ихъ переѣзда въ городъ.

Одинъ изъ обычныхъ гостей кастельскихъ понедеѣльниковъ спросилъ однажды графиню Марту, можетъ ли онъ привести ей въ слѣдующій разъ нѣкоего Борниша, бывшаго депутата, желающаго поселиться на покой въ недавно прибрѣтенномъ помѣстьѣ.

— Мосѣ Борнишъ? — медленно повторила сухошавая графиня, поднявъ одну карту надъ разложеннымъ пасьянсомъ и довольно долго держа ее въ этомъ положеніи, такъ что трудно было угадать, надъ чѣмъ собственно она колеблется: надъ тѣмъ ли, что отвѣтить, или надъ тѣмъ, куда пристроить карту; но послѣдняя нашла свое мѣсто, пасьянсъ пошелъ своимъ чередомъ, и графиня, какъ будто вспомнивъ что-то, сказала нѣсколько брезгливымъ тономъ:

— Я знала одного Борниша лѣтъ двадцать тому назадъ у моего отца, когда мы еще жили въ замкѣ, — онъ занимался архивами.

— Врядъ ли тотъ самый, — замѣтилъ собесѣдникъ: — этотъ очень богатъ. А впрочемъ, нынче состоянія сколачиваются такъ быстро...

— Все-таки не быстрѣе, чѣмъ распадаются! — вздохнула она, и тѣнь пробѣжала по ея лицу при воспоминаніи о всемъ, что онѣ утратили; собесѣдникъ невольно впалъ въ то неловкое молчаніе, которое овладѣваетъ нами всегда, когда въ свѣтскомъ разговорѣ мы вдругъ доходимъ до той грани, гдѣ начинается жизнь чувства и сердца, и за черту которой мы уже считаемъ неловкимъ, а чаще всего просто не умѣемъ и боимся перешагнуть.

Въ это время господа, окончившіе партію виста, раздвинули стулья и съ интересомъ окружили пасьянсъ графини Марты.

— Вы, кажется, говорили о Борнишѣ? — сказала одинъ изъ нихъ. — Онъ просилъ меня представить его вамъ.

— И васъ тоже? Онъ видимо цѣнитъ наше знакомство.

— Что такое Борнишъ? — прищуриваясь, спросилъ красивый старикъ съ военной бородкой по модѣ Наполеона III, бывший сенаторъ имперіи.

— Борнишъ? — блестящій и способный человекъ, бывший депутатъ, а теперь владѣлецъ... да, графиня, вы знаете, что онъ владѣлецъ вашего бывшаго замка?

— Развѣ мадамъ Пюжо продала Кастель дю-Пикъ?

— Нѣтъ, но мадамъ Пюжо — мать Борниша по первому мужу, и хотя она и объявила, что, „пока она жива“, замокъ будетъ записанъ на ея имя, но купилъ его собственно сынъ.

— Вотъ вамъ люди новой Франціи! — воскликнулъ бывший сенаторъ: — Monsieur Borniche — ex-député! Скажите пожалуйста,

какой избытокъ роскоши: мы гордимся ужъ не тѣмъ, что мы депутаты, а тѣмъ, что мы—*бывшіе* депутаты; мы, видите ли, ужъ такъ знатны и такъ богаты, что отказываемся отъ того, чего другіе добиваются. (Бывшій сенаторъ, самъ человѣкъ „недавней“ Франціи, терпѣть не могъ людей „новѣйшей“ Франціи.)

— Что-жъ, это своего рода цинциннатство XIX вѣка.

— Всегда оптимистиченъ нашъ добрыйшій докторъ!—замѣтилъ старый аббатъ, не то укоризненно, не то одобчительно покачивая головой.

— Ну, вѣтъ, извините,—вспылилъ бывшій сенаторъ, не обращая вниманія на замѣчаніе аббата.—римскій Цинциннатъ вернулся къ тому, что оставилъ *передъ* отъѣздомъ, а эти Цинциннаты возвращаются къ тому, что награбили *послѣ* отъѣзда.

— Вы и строги, и поспѣшны, графъ,—робко вставилъ аббатъ:—мы еще не знаемъ, какъ взглянуть дамы на этотъ вопросъ; можетъ быть, графиня Марта и графиня Аделаида пожелаютъ быть знакомы съ господиномъ Борнишемъ, и тогда...

— Мои политическія убѣжденія никогда не заставятъ меня забыть предписанія вѣжливости въ отношеніи къ тѣмъ, кого я встрѣчаю въ этомъ домѣ. Графинямъ это слишкомъ хорошо извѣстно.

Наступило молчаніе; ждали, что скажетъ графиня Марта. Дѣло въ томъ, что весь этотъ разговоръ былъ подготовленъ заранее; кромѣ аббата, всѣ были въ заговорѣ, и главный интересъ этого понедѣльника заключался въ томъ, какъ будетъ рѣшенъ вопросъ, въ теченіе многихъ дней занимавшій членовъ маленькаго общества, и будетъ ли Борнишъ принятъ бывшими владѣльцами Касталь дю Пикъ.

Но графиня была очень занята пасьянсомъ и даже немножко приговаривала. Гости съ нетерпѣніемъ замѣчали, что карты интересуютъ ее больше вопроса о Борнишѣ; по крайней мѣрѣ она отвѣчала на него совсѣмъ какъ-то вскользь, какъ бы на самую неважную подробность, тогда какъ названія картъ выговаривала громко и сосредоточенно:

— Такъ... дама на короля, потомъ такъ... да если мосье Борнишъ тотъ самый, котораго я встрѣчала въ библіотекѣ покойнаго графа Касталь дю-Пикъ, то... тройка на четверку... тогда не нужно представленій,—мы уже знакомы; а если... семерка сюда, шестерка на семерку... если это другой, то опять-таки разъ мы были принуждены встрѣтиться съ его матерью,... двойка, тройка, четверка... и съ его сестрой,... пятерка, шестерка, семерка,... то

я не вижу причины отказать ему,... восьмерка... девятка, десятка... валетъ, дама, король!

Пасьянсъ графини вышелъ. Она встала; начались прощанья.

Обычное замедленіе въ дверяхъ между гостиной и передней, обычные вопросы о томъ, какова погода, какой сегодня вечеръ и что обѣщаетъ на завтра, обычные предложенія дать зонтикъ, фонарь или даже проводника; затѣмъ рукопожатія, благодаренія, пожеланія,—и гости высыпали на крыльцо.

Въ слѣдующій понедѣльникъ состоялось представленіе. Борнишъ оказался тотъ самый. Графиня Марта рѣшилась-было не заговаривать о его прошломъ, думая, что бывшій депутатъ можетъ принять за не совсѣмъ любезный намекъ упоминаніе о его секретарствѣ въ домѣ ея отца; но онъ самъ съ первыхъ же словъ заговорилъ о томъ, что называлъ „одною изъ счастливейшихъ эпохъ своей юности“. Онъ говорилъ смѣло, развязно и, надо отдать ему справедливость, несмотря на таившееся подъ каждымъ его движеніемъ нахальство, держалъ себя съ полнымъ тактомъ. Его подвели къ графинѣ Аделандѣ, съ которой онъ не былъ знакомъ, такъ какъ въ то время, когда онъ работалъ въ архивахъ стараго графа, она, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, ужъ года четыре какъ проживала въ Нормандіи, у старой тетки. Она привстала съ кресель, и при этомъ у нея скатился на полъ клубокъ нитокъ; онъ живо подобралъ его, наряднымъ движеніемъ подаль ей; она приняла клубокъ, сконфузившись; покраснѣла и сѣла на свое мѣсто.

Такъ состоялось представленіе.

II.

Борнишъ сталъ бывать въ домѣ и скоро счумѣлъ доказать своими пріемами и обращеніемъ, что для него не пропало даромъ время, проведенное въ аристократическомъ домѣ графа Касталь дю Пикъ.

А старый графъ былъ удивительный въ своемъ родѣ человѣкъ. Даже среди самыхъ убѣжденныхъ, самыхъ безусловныхъ сторонниковъ королевской династіи графъ Аженоръ Касталь дю-Пикъ стоялъ особнякомъ. Онъ не только признавалъ,—какъ впрочемъ большинство уважающихъ себя легитимистовъ,—что теченіе событій во Франціи, и даже во всемъ мірѣ, остановилось послѣ 1793 года, и что все случившееся отъ этого года и до сего дня есть не болѣе, какъ перерывъ, передышка, которую даетъ себѣ

исторія, — но онъ вполне былъ увѣренъ, что эта передышка никогда не кончится, что разъ спустившаяся завѣса никогда больше не взвоется, что всемірная исторія дописала послѣднюю страницу своей лѣтописи, и что больше нѣтъ у нея ни чернилъ, ни бумаги.

Когда, во время реставраціи, онъ, только-что женившійся, молодой и блестящій отпрыскъ одного изъ стариннѣйшихъ родовъ Франціи, поѣхалъ въ Парижъ „представиться“, то, несмотря на самые трогательные знаки вниманія со стороны короля и всей семьи, онъ чувствовалъ какое-то неудовлетвореніе и, какъ ни старался, не могъ войти въ тонъ.

Несмотря на то, что Людовикъ XVIII никогда не цитировалъ стиха изъ Лукреція или Теренція, безъ того, чтобы глазами не искать одобренія графа Аженора, несмотря на то, что его покойная графиня была одна изъ дамъ, приглашенныхъ присутствовать при родахъ герцогини Беррійской, а при церемоніахъ крещенія даже раздвинула пологъ надъ люлькой герцога Бордоскаго, онъ чувствовалъ, что все это уже не то. При дворѣ толкалось слишкомъ много новичковъ, вокругъ бургонской лили жужжало слишкомъ много бонапартовскихъ пчелъ; нахальные наполеоновскіе орлы не давали ему покоя, и въ одно прекрасное утро онъ объявилъ графинѣ, что они уѣзжаютъ.

Его не особенно удерживали. Когда герцогиня Ангулемская спросила какъ-то разъ: „почему Кастель дю-Пикъ уѣхали?“ — графъ д'Артуа, сидѣвшій въ это время за картами, перегнулся съ кресла и черезъ всю комнату сказалъ: — Онъ напелъ, что въ Марсанскомъ павильонѣ слишкомъ смѣшанное общество.

Онъ долго скитался по Европѣ и только въ шестидесятихъ годахъ вернулся въ Кастель дю-Пикъ. Чтобы чѣмъ-нибудь наполнить досуги своей добровольной опалы, онъ сталъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ своего богатаго семейнаго архива. Въ то время онъ уже давно какъ овдовѣлъ; при немъ жила его старшая дочь, дѣвица лѣтъ подъ-тридцать; младшая же, если помните, воспитывалась въ Нормандіи. Работа графа скоро разрослась настолько, что ему понадобился помощникъ.

Тутъ и пріѣхалъ Жакъ Борнишъ, — нечесанный, немтыи, но способный; такой ловкій, что черезъ десять дней его узнать нельзя было, и такой обворожительный, что, несмотря на его плебейское происхожденіе, старый графъ привязался къ нему, насколько былъ способенъ привязаться. Молодой секретарь до того проницалъ интересомъ къ своей работѣ, до того изучилъ и по пальцамъ зналъ родословную графовъ Кастель дю-Пикъ отъ

перваго крестоваго похода до дня рожденія графини Аделаиды включительно, что старый графъ положительно иногда забывалъ, что онъ не одной съ нимъ плоти и крови. Когда черезъ десять мѣсяцевъ совмѣстной работы Борнишъ однажды утромъ совершенно неожиданно объявилъ графу, что онъ долженъ ѣхать, старикъ былъ искренно опечаленъ. Онъ всталъ и, участливо положивъ молодому человѣку руку на плечо, спросилъ:

— Почему вы *должны* ѣхать?

— Меня отецъ вызываетъ.

Этотъ отвѣтъ точно обжегъ его: онъ не зналъ, что у Борниша есть отецъ, онъ забылъ... да онъ и не думалъ даже, что у человѣка, который такъ сроднился съ его предками, можетъ быть „свой собственный“ отецъ. Онъ отдернулъ руку, со словами:

— Ну, что-жъ,—поѣжайте.

И Борнишъ уѣхалъ.

Когда въ тотъ же день вечеромъ графъ пожаловался дочери на неблагодарность Борниша, та просила его не печалиться: отнынѣ никто не будетъ помогать ему въ его работѣ, кромѣ нея. Онъ подошелъ къ ней, пристально посмотрѣлъ ей въ глаза, поцѣловалъ въ лобъ.

— Вы достойны вашихъ предковъ,—сказалъ онъ.

Событія политической жизни Франціи сильно повліяли на его и безъ того уже мрачное настроеніе. Послѣдовательное паденіе всѣхъ режимовъ, которые чередовались въ его бѣдномъ отечествѣ, принимались имъ, какъ принимается докторомъ послѣдовательное пониженіе температуры въ умирающемъ организмѣ. Его легитимизмъ понемногу сталъ переходить въ какую-то мрачную безнадежность. Но окончательный ударъ былъ нанесенъ ему смертью графа Шамбора.

Тотъ слабый лучъ надежды, который теплился надъ головой бездѣтнаго Шамбора, и который послѣ смерти послѣдняго добра половина легитимистовъ перенесла на родоначальника плодovitаго Орлеанскаго дома, для графа Аженора угасъ навсегда. Тотъ фактъ, что права Бурбоновъ безъ всякой борьбы и самой судьбой были переданы ихъ вѣковымъ соперникамъ, казался ему такимъ поспраніемъ всѣхъ основныхъ началъ міровой справедливости, что онъ усомнился въ Божествѣ. „Можетъ ли Богъ существовать, когда онъ это допустилъ? Если Богъ есть, то онъ *долженъ* быть легитимистомъ, онъ не можетъ не быть первымъ изъ легитимистовъ“. Такъ разсуждалъ старый графъ; и когда телеграммы изъ Фрошдорфа принесли роковую вѣсть, онъ увидѣлъ въ послѣднихъ словахъ умирающаго Генриха V, спрашивавшаго: „гдѣ мои

Орлеаны?" — бредъ больного, впавшаго въ младенчество. Ожидалъ ли онъ до послѣдней минуты, что у графа Шамбора все-таки, можетъ быть, еще родится сынъ, — неизвѣстно; но только, когда крыло смерти унесло послѣдняго представителя французскихъ Бурбоновъ, графъ Касталь дю-Пикъ усмотрѣлъ въ этомъ измѣну Провидѣнія; ну, а онъ могъ простить все, кромѣ измѣны.

Надъ нимъ замкнулся небесный сводъ, передъ нимъ закрылось будущее, и онъ весь ушелъ въ свое прошлое. Несмотря на свои восемьдесятъ-четыре года онъ все еще работалъ, и на закатѣ своихъ дней этотъ „le légitimiste athée“, какъ его звали, успѣлъ стяжать себѣ извѣстность среди представителей ученой Франціи.

Но для графини Марты наступило тяжелое время. Ихъ матеріальное благосостояніе поколебалось. Огромный замокъ сталъ приходить не по карману: стѣны стали лупиться, обваливаться, трескаться; старые потолки угрожали рухнуть, въ окна дуло, каминны перестали грѣть. Поддерживать было нѣ на что, и бѣдные жильцы, безсильные противъ разрушительнаго дыханія времени, уступая шагъ за шагомъ, покидали одну комнату за другой, пока ихъ не загнало въ самый дальній уголокъ замка. Дворня была распущена, и хозяйство всей тяжестью легло на руки графини Марты. Она съ мужествомъ несла свои обязанности и только въ минуты сильнаго утомленія заговаривала о томъ, не переселиться ли въ городъ; но старый графъ и слышать не хотѣлъ. Послѣднія передряги сильно его потрясли, онъ осунулся физически и нравственно, силы его замѣтно слабѣли. Графиня ясно видѣла, что въ этой затхлой, заплесневѣлой атмосферѣ ему не поправиться; а какъ было настаивать на переездѣ? Каждый разъ, какъ она заговаривала объ этомъ предметѣ, имъ овладѣвало нервное волненіе.

Онъ сталъ мнителенъ, пугливъ, суевѣренъ, и со страхомъ оближалъ свой выѣздъ изъ замка съ преданіями, жившими въ его семьѣ.

Онъ помнилъ, какъ отецъ увѣщевалъ его никогда не выселяться, какъ онъ увѣрялъ, что это выселеніе повлечетъ за собой цѣлый рядъ несчастій, что единственное условіе ихъ существованія — сохраненіе Касталь дю-Пикъ; а сохранить его будетъ не легко, потому что онъ приобрѣтенъ неправдой. Онъ зналъ, что тутъ его предки обошли прямыхъ наслѣдниковъ, что долго длились тяжбы, что переменное счастье перекидывало злополучный замокъ изъ рукъ въ руки: то старшая линія, то младшая брала перевѣсъ, и что, наконецъ, прабабка его, извѣстная въ свое время графиня Маргарита Касталь дю-Пикъ, обворожила дряблага Людовика XV и цѣною нѣсколькихъ оргій въ королевскомъ

Рагс аих сегіс добилаь того, что замокъ былъ окончательно закрѣпленъ за младшей линіей. Всѣ эти преданія вдругъ стали осаждать его слабѣющую голову; съ какой-то болѣзненной яркостью вставало предъ нимъ и преслѣдовало его это темное, запутанное прошлое, изъ котораго, — то вызываяще, то злобно улыбаясь, — смотрѣла ему въ глаза развратная прабабка. И зачѣмъ онъ все думаетъ о ней? зачѣмъ не можетъ отдѣлаться отъ этихъ наглыхъ глазъ? зачѣмъ... А, — это потому, что Марта потеряла свой медальонъ: она мститъ съ тѣхъ поръ! ну да, съ тѣхъ самыхъ поръ она его преслѣдуетъ; давно уже, — лѣтъ пятнадцать... нѣтъ, больше, — Борнишъ еще не уѣзжалъ, разумѣется, не уѣзжалъ; вѣдь онъ же ему закричалъ тогда вечеромъ, когда въ комнату полную гостей Марта вдругъ вошла безъ своего медальона, — онъ закричалъ ему: „Борнишъ, соберите людей, возьмите фонари, обыщите весь садъ, всѣ бесѣдки, гроты, фонтаны, — но найдите мнѣ медальонъ!“ И Борнишъ побѣждалъ искать... Но что же онъ такъ долго? вѣдь поздно — двѣнадцать часовъ. Зачѣмъ онъ не возвращается... Онъ, можетъ быть, укралъ его? Онъ сбѣжалъ?! Борнишъ! Борнишъ!!... И старый графъ, взѣрошенный, встаетъ съ постели и въ халатѣ босикомъ кидается изъ спальни въ сосѣднюю столовую; онъ ищетъ подъ столомъ, подъ стульями, съ изступленіемъ осматривается и вдругъ, какъ будто озаренный мыслью, со всею силой старческихъ дрожащихъ ногъ бросается къ заколоченной двери. Ударомъ кулака въ дребезги разбиты ветхія доски, дверь распахивается настежь, — и по необозримымъ заламъ запущеннаго замка, блѣгая въ лунномъ свѣтѣ и пропадаая въ темнотѣ, все дальше и дальше несется изступленный, обезумѣлый старикъ, оглашая своды криками: „Борнишъ! Гдѣ медальонъ графини Маргариты?!“ Падаютъ дряхлыя двери, соскакиваютъ ржавыя замки, и, летя изъ комнаты въ комнату, по коридорамъ, по лѣстницамъ, по галереямъ, онъ, наконецъ, ломаетъ послѣднюю дверь и вваливается въ комнату, гдѣ жилъ когда-то Борнишъ.

Все это было сдѣлано съ тою невѣроятною быстротой, на которую способны лишь одни больные; такъ что когда графиня Марта, съвозъ сонъ услышавшая возгласы отца, успѣла сообразить, въ чемъ дѣло, и, схвативъ фонарь, бросилась къ нему на помощь, онъ былъ уже далеко. Она устремилаь на его голосъ, но, несмотря на то, что всѣ двери на ея пути были уже раскрыты, она не могла догнать его въ-время, чтобы остановить, и настигла его лишь тогда, когда, ободранный, истерзанный, израненный, онъ лежалъ съ разбитой головой на кирпичномъ полу

оволо бывшей постели Борниша. Ея ноги подеосились, и съ ужаснымъ воплемъ, въ которомъ вылился весь запасъ рыданій, душившихъ ее во время этой страшной погони, она припала къ охладѣвавшему трупу отца.

III.

Прошло два мѣсяца, въ теченіе которыхъ графиня Марта выказала много выдержки, энергіи и дѣловитости. Старый графъ былъ похороненъ въ семейномъ склепѣ, архивъ былъ подаренъ музею, библіотека продана, а картины и старинная мебель перевезены въ маленькій городской домъ, куда вскорѣ переѣхала и сама хозяйка. Кастель дю-Пикъ былъ объявленъ въ продажу и сверхъ ожиданій черезъ какихъ-нибудь три недѣли нашелъ весьма выгоднаго покупателя.

Къ этому же времени графиня Марта выписала изъ Нормандіи сестру Аделаиду. Когда прошли шесть мѣсяцевъ со смерти отца, онѣ возобновили нѣсколько знакомствъ, а послѣ года объявили понедѣльники. Тогда началась для нихъ та тихая, однообразная жизнь вдвоемъ, которою онѣ прожили послѣдующіе два года и которой суждено было испытать такой сильный ударъ послѣ вторичнаго появленія Борниша на горизонтѣ ихъ сѣренькаго неба.

Какъ совершилось это появленіе—мы видѣли. Когда старшая графиня объявила, что не имѣетъ причинъ не принимать его, она оставалась вѣрна разъ принятому правилу: она не хотѣла быть слишкомъ исключительна въ выборѣ своихъ знакомыхъ подъ рискомъ понизить установившуюся популярность своихъ вечеровъ; утратить легитимистскую окраску ей, во всякомъ случаѣ, нечего было бояться; популярностью же она дорожила и готова была даже заплатить за нее нѣкоторыми уступками, лишь бы въ обществѣ было объявлено разъ навсегда, что единственный интересный салонъ въ городѣ—легитимистскій салонъ графини Кастель дю-Пикъ. Пріемъ этотъ дѣйствительно удавался графинѣ, но только на этотъ разъ результаты его неожиданно столкнулись съ самыми основными, незбылемыми принципами ея міровоззрѣнія.

Какъ все это произошло, никто положительно сказать не могъ, но только когда впервые объ этомъ заговорили, то дѣло было уже совершившимся фактомъ. Кто первый замѣтилъ, кто первый началъ разговоръ—тоже неизвѣстно; но когда однажды по выходѣ гостей на площадь кто-то таинственно провозгласилъ: „Ну, господи, Борнишъ сдѣлалъ предложеніе!“—то вдругъ оказалось, что

всѣ этого ждали, что всѣ это давно видѣли, что это должно было быть, не могло не быть и т. д., и т. д.

— Такъ какъ же вы раньше объ этомъ не говорили? — упрекали гости одинъ другого.

— Что-жъ, нельзя же обо всемъ всегда переговорить. — А въ сущности каждому было досадно и совѣстно, что онъ могъ упустить подобное событіе.

— Но какъ же можно было, — недоумѣвать новичокъ: — такая свадьба, и прошла у васъ подъ самымъ носомъ!

— Свадьба?! — возгласили всѣ разомъ, и въ этомъ хоровомъ вопросительномъ знакѣ выразилась вся невѣроятность подобнаго предположенія: гости были слишкомъ увѣрены въ своихъ графиняхъ, чтобы допустить даже тѣнь колебанія.

Но гости не знали, что переживала за послѣднее время графиня Марта; они не знали, — хотя бывали въ домѣ столько лѣтъ, — они не знали, что графиня Аделаида была существо безъ фундаментовъ; они не знали и того, что природа человѣка, даже самого слабого, бываетъ способна распереть самыя крѣпкія рамки, въ которыхъ сдавливаютъ ее обычай и привычка. Какъ ни истаскано извѣстное изреченіе Паскаля, что „le coeur a des raisons que la raison ne discute pas“, — надо думать, что оно имъ не попадалось, а то бы ихъ увѣренность значительно была поколеблена, и, по крайней мѣрѣ, они успѣли бы приготовить общество къ одному изъ самыхъ ошеломляющихъ извѣстій, какія когда-либо довелось ему услышать.

Графиня Марта давно уже замѣтила; не скажу, чтобы она замѣтила раньше самой Аделаиды, но она, конечно, раньше ее поняла. И съ этой минуты въ ея душу вселилась тревога, — тревога, которая росла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ и, наконецъ, приняла размѣры какого-то на видъ даже бессмысленнаго страха, для оправданія котораго уже оказывались безсильны всѣ ресурсы логики и принциповъ.

Сколько разъ по понедѣльникамъ, видя, какъ ея сестра въ другомъ углу гостиной, вся красная, насупившись надъ кружевнымъ вязаньемъ, слушала баритонное воркованье Борниша, — сколько разъ говорила она себѣ: „какъ только они уйдутъ, я съ ней заговорю“. Но гости уходили, и она даже намекнуть боялась: а что если ея разпросы только глаза откроютъ ея невинной и простоватой сестрѣ? И она опять уходила въ молчаніе и опять изъ-за своего пасьянса, какъ изъ-за траншеи, высматривала и наблюдала. Наконецъ, однажды она должна была признать, что произошло нѣчто важное: у сестры Аделаиды выпала работа

на колѣни, руки закрѣпились по сторонамъ, и вдругъ она встала и, не сказавъ никому ни слова, почти выбѣжала изъ комнаты.

Борнишъ тяжело, нѣхотя поднялся съ кресла и, выпрямивъ поясницу съ видомъ человѣка, который только-что кончилъ трудную работу, обдернулъ свой сюртукъ; онъ подошелъ къ графинѣ Мартѣ и, пожелавъ ей доброй ночи, попросилъ позволенія зайти на другой день вечеромъ въ восемь часовъ.

Она посмотрѣла на него такимъ взглядомъ, послѣ котораго всякій другой на его мѣстѣ никогда больше не переступилъ бы черезъ порогъ дома; но онъ выдержалъ его въ учтивой выжидательной позѣ, и она дрожащими губами отвѣтила: „хорошо“. Вообще надо сказать, что, несмотря на весь ужасъ, какой внушала ей мысль о возможномъ бракѣ сестры съ этимъ человѣкомъ, она держала себя съ нимъ такъ, какъ будто онъ былъ для нея самый безразличный изъ ея знакомыхъ.

Графиня Марта рѣшилась дѣйствовать.

Немедленно послѣ ухода гостей она поднялась къ сестрѣ, но въ первый разъ дверь оказалась запертою. Приходилось подождать до утра. И въ эту бессонную ночь она перебрала и подготовила всѣ отрицательные пункты, которые только могла выставить противъ такого брака. Но чѣмъ болѣе вѣски были возраженія въ ея глазахъ, тѣмъ менѣе надѣялась она, что они будутъ имѣть вѣдѣйствіе на Аделанду. Къ чему говорить ей объ аристократическихъ принципахъ, — ей, которая десяти лѣтъ отъ роду уже составляла отчаяніе отца своими буржуазными наклонностями? Она никогда, никогда не понимала, что такое родовитость; даже тетя въ Нормандіи не могла внушить ей аристократическихъ инстинктовъ, — а ужъ, кажется, она умѣла воспитывать людей! И что же? — Аделанда только прониклась уваженіемъ къ знатности и больше ничего, — того рода уваженіемъ, которое мы питаемъ къ чему-нибудь, что намъ не принадлежитъ, — но сама ничѣмъ, ничѣмъ не заразилась. Хоть бы что-нибудь въ ней измѣнилось: она вернулась, какъ уѣхала. „Что-жъ, — вздохнула графиня: — бѣднякъ не станетъ богачомъ отъ сожителства съ богатымъ!“ Къ утру она заснула, и сквозь сонъ слышался ей голосъ покойнаго отца, упрекавшій сестру: „Адель, вы опять обкусали ваши ногти! Ваши губы опять въ сливахъ и въ вареньѣ!.. Вотъ я отправлю васъ въ Нормандію“.

Графиня Марта всегда вставала раньше сестры, и въ этотъ разъ, окончивъ свой утренній завтракъ, она сказала дѣвушкѣ: „Когда *madame Adelaïde* будетъ готова, попросите ее ко мнѣ“. Она любила называть сестру этимъ именемъ: ей было пріятно въ своемъ каждодневномъ домашнемъ обиходѣ употреблять это

сочетаніе словъ, ежеминутно воскрѣшавшее вокругъ нея титулъ первородныхъ дочерей французскихъ королей.

Черезъ полчаса въ ея дверь постучались. Она приняла свою самую гордую осанку и сказала: „войдите“,—но вошла служанка.

— Madame Adelaïde проситъ графиню къ себѣ.

Этого она не ожидала, и какъ ни непріятно было начинать съ уступокъ, приходилось повориться. Зато въ тѣ краткія мгновенія, которыя потребовались на переходъ изъ одной комнаты въ другую, она успѣла мысленно перевернуть роли и, входя, спросила:

— Вы хотѣли меня видѣть, сестра?

— Нѣтъ, Марта, ты, кажется, хотѣла меня видѣть. Марта всегда говорила Аделаидѣ „сестра“ и „вы“; Аделаида же никогда не могла принудить себя къ тому же и попросту называла ее „Марта“ и была на „ты“.—„А не правда ли, какъ въ одномъ этомъ уже видна разница ихъ взгляда на вещи?“—обыкновенно говаривала старшій ихъ другъ докторъ, специалистъ по психологическимъ наблюденіямъ.

Графиня Марта искала, какъ начать, когда Аделаида подняла глаза и съ какой-то, какъ ей показалось, настойчивостью переспросила:

— Ты не хотѣла меня видѣть?

Это превосходило все, чего она могла ожидать: она чувствовала, что все, чтò она подготовила за ночь, опрокинуто заранѣе.

— Сестра, Аделаида!..—воскликнула она, но та вдругъ прервала ее:

— Марта, отчего ты стоишь?

Она сѣла, но тотчасъ же встала:

— Нѣтъ, я не сяду, пока мы не объяснимся; такъ не можетъ продолжаться, — намъ надо переговорить.

— О чемъ?

— Какъ о чемъ?—она рѣшительно послѣ каждого слова сестры недоумѣвала все больше и больше.—Какъ о чемъ?! Или вы думаете, что я слѣпа! или вы находите, что то, чтò въ домѣ происходитъ, меня не касается! или... или...—Она остановилась: передъ невиннымъ, вопрошающимъ взглядомъ сестры вдругъ рушилось все зданіе ея наблюденій; ей вдругъ стало совѣстно своихъ подозрѣній; ея обвиненія показались ей низостью, плодомъ грязнаго воображенія, и передъ чистотою смотрѣвшихъ на нее глазъ вдругъ разсѣялся мракъ опасеній.

Но морская непогода не стихаетъ отъ одного солнечнаго луча, а графиня Марта принесла такую бурю въ своей груди,

что теперь она съ трудомъ удерживала слезы; она опустилась на стулъ, вся дрожащая, безсильная совладать съ волненіемъ, пока сестра, бросившаяся за одеколономъ, участливо спрашивала:

— Да что съ тобой, Марта? Въ чемъ дѣло? Я тебя уверю, я ни одного слова не понимаю.

— Ничего, ничего, это пройдетъ, я такъ съверно спала...

— Да, да, — подтверждала Аделаида: — это пройдетъ, это ничего... Я тоже не спала, это ничего; вотъ тебѣ одеколонъ... Нѣтъ, постой, я достану платокъ и намочу тебѣ голову.

Она стояла передъ сестрой, тихонько выливая пахучую жидкость на батистовый платокъ, и по ея лицу все шире и шире раздвигалась улыбка.

— Марта...

— Что?

— Ты знаешь, Марта? — она подошла, правой рукой приложила ей платокъ ко лбу, а лѣвой обхватила голову сзади и, наклонившись надъ самымъ ухомъ, все съ той же счастливой и немного лукавой улыбкой произнесла: — Ты знаешь, онъ сегодня вечеромъ придетъ за отвѣтомъ.

Раздался слабый, но протяжный стонъ изнеможенія, и къ ней на руку свалилась голова сестры...

Черезъ часъ графиня Марта была на ногахъ и въ полномъ обладаніи своихъ силъ, своей логики и краснорѣчія. Времени оставалось немного, и она рѣшила, что все, что можно будетъ сдѣлать, будетъ испробовано въ теченіе этого полудня. Она начала на тему объ аристократизмѣ, о завѣтахъ предковъ, о семейной гордости, говорила долго, неистощимо.

Аделаида молча слушала, и когда сестра кончила, спокойно сказала:

— Все это имѣло бы значеніе, еслибъ ты была на моемъ мѣстѣ, но для меня это не доводы.

Кровь бросилась въ лицо графинѣ Мартѣ при этихъ невинныхъ словахъ, въ которыхъ ей почувствовался укоръ; но она слишкомъ убѣдилась въ чистотѣ помысловъ сестры, чтобы въ чемъ-нибудь позволить себѣ обвинить ее, и, съ грустью удостоверившись, что самый сильный изъ ея доводовъ провалился, она съ тѣмъ большимъ жаромъ перешла къ другимъ.

— Ну, положимъ, это не для васъ; но подумайте о его семьѣ: такая мать! и такая сестра! Вѣдь вы видѣли ихъ, вы помните, что это за впечатлѣніе: вы же сами говорили, что ужасно было бы, еслибъ кто-нибудь заставилъ васъ хотя бы разъ въ мѣсяцъ принимать такихъ людей, а тутъ вы поѣдете жить съ ними!

— И напрасно: не слѣдуетъ никогда судить людей по одному первому впечатлѣнію.

— Нѣтъ, сестра, одумайтесь: вѣдь вы даже не знаете, что говорить о нихъ.

— Ахъ, Марта, да не все ли равно, что говорить.

— Да, все равно, когда неправда; а когда правда...

— Ну, а если даже и правда,—вѣдь я за него выхожу, а не за нихъ.

— За него! За него! Да вѣдь это еще въ десять разъ...—она закрыла лицо руками:—Аделаида,—сказала она, напрасно стараясь совладать съ собой:—Аделаида, увѣрены ли вы въ томъ, что онъ васъ любитъ?

Она съ ангельской улыбкой только повела плечомъ.

— Да вамъ такъ кажется! Отчего же никогда никто прежде, когда вы были молоды... отчего теперь, такъ, вдругъ?

— Да я не знаю, Марта, отчего я въ домъ до сихъ поръ оставалась въ тѣни.

— Какъ въ тѣни! Что вы хотите сказать? вы меня упрекаете въ томъ, что...

— Нѣтъ, нѣтъ, Марта, пожалуйста только этого не думай,—это было бы неблагодарно. Я никогда, никогда тебя не упрекала: все, что ты дѣлаешь, и справедливо, и такъ и нужно; только я всегда думала, что я ничего сама по себѣ, а теперь я увидѣла, что и я могу имѣть какую-нибудь цѣну.

— И прекрасно; но зачѣмъ же это онъ, зачѣмъ такой въ-боръ?

— Потому что онъ меня любитъ.

— А вы?—Аделаида потупила глаза.—Неужели онъ вамъ нравится?

— Развѣ онъ не можетъ нравиться?

— Но вамъ, вамъ!

— Почему же нѣтъ?

— Да онъ! Боритесь!!

— Я тебя не понимаю, Марта.—И правда, что своими возгласами она разсыпала всю логическую связь своихъ доводовъ.—Я тебя не понимаю: что ты имѣешь противъ него?

Старшая графиня молча уставилась глазами въ полъ и руками теребила свой платокъ.

— Что ты имѣешь сказать противъ него?—повторила Аделаида:—вѣдь ничего, ровно ничего.

Графиня Марта подняла голову и, какъ бы хватаясь за послѣднее средство, съ заклинаніями произнесла:

— Сестра, подумайте о нашемъ отцѣ!

— Я думала, и только одно помню, что папа никогда въ своихъ письмахъ не говорилъ иначе, какъ съ восхищеніемъ, о своемъ секретарѣ.

— Онъ былъ секретаремъ, Аделаида!

— Такъ не все ли равно, кѣмъ онъ былъ; я смотрю, что онъ теперь: онъ—владѣлецъ того же замка, которымъ владѣлъ нашъ отецъ.

— Да вѣдь это за деньги, а деньги не дадутъ ему имени.

— Я могу дать ему мое имя, и тогда все будетъ какъ слѣдуетъ.

— Аделаида! вы на это не рѣшитесь!—Графиня Марта была поражена спокойною устойчивостью всѣхъ отвѣтовъ сестры.

— Почему же не рѣшусь? Имя замка обыкновенно передается невѣстой, когда нѣтъ мужскихъ потомковъ.

— Да вѣдь чужое имя не можетъ дать ему...

— Чего?

— Того, что... тѣхъ качествъ... которыхъ у него...

— Ты его не знаешь, Марта; я съ нимъ говорила чаще и дольше твоего.

Графиня Марта сложила оружіе; съ сестрой было бесполезно говорить. Но оставалось еще одно средство,—она рѣшилась на него. Она написала Борнишу, прося его придти двадцатью минутами ранѣе восьми. И, поднявшись каждая въ свою комнату, сестры стали дожидаться вечера.

Что произошло въ гостиной въ тѣ двадцать минутъ, которыя выговорила себѣ графиня Марта, осталось тайной; но когда графиня Аделаида спустилась въ коридоръ, то, подходя къ дверямъ гостиной, она услышала поспѣшный и нетерпѣливый голосъ Борниша, говорившій: „встаньте, идутъ... встаньте же...“ Она вошла и нашла сестру сидящей на обычномъ своемъ мѣстѣ; она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на обоихъ, и въ то же мгновеніе Борнишъ полу-увѣщательнымъ, полу-шутливымъ тономъ, начавъ на той же нотѣ, на какой остановился, и понемногу подымая голосъ все выше и выше, сталъ повторять свою фразу: „встаньте, встаньте же; ну, встаньте же, графиня!“—и съ комическимъ жестомъ подойдя къ ней, взявъ ее за руку, поставилъ посреди комнаты и еще разъ, уже самымъ благодушнымъ тономъ повторилъ: „Да встаньте же, графиня, и скажите графинѣ Аделаидѣ то, о чемъ я васъ просилъ!“

Онъ скрестилъ руки и смотрѣлъ на нее въ упоръ.

— Сестра, молю Борниша просить вашей руки.

— А! вотъ это такъ!

Аделаида улыбнулась ему своей широкой улыбкой, на этотъ разъ уже безъ всякаго лукавства, и женихъ поцѣловалъ протянутую ему руку.

IV.

Небывалый еще день всходилъ надъ городомъ со слѣдующей утренней зарей.

Маленькая площадь и ближайшія къ ней улицы бывали прежде свидѣтельницами всякаго рода торжествъ: Жозефъ Бонапартъ, отправляясь занимать испанскій престолъ, заѣхалъ сюда на одну ночь; маршалъ Ней со своимъ штабомъ провелъ здѣсь два дня; позднѣе одинъ изъ Орлеановъ, возвращаясь съ алжирскаго похода, останавливался въ гостинницѣ „Золотого-Льва“, и въ той же гостинницѣ Ламартинъ ночевалъ и даже, какъ гласитъ прибитая доска, написалъ одно изъ своихъ юношескихъ стихотвореній; сестра императрицы Евгеніи какъ-то заѣзжала; въ книгѣ все той же гостинницы читалась на страницѣ 35-й подпись мадамъ Гизо; во время коммуны прѣзжала съ воззваніемъ пріятельница Луизы Мишель; если не ошибаюсь, Буланже дѣлалъ смотръ мѣстному гарнизону; ну, и наконецъ уже въ самое недавнее время министръ общественныхъ работъ присутствовалъ при закладкѣ новыхъ водопроводовъ. Словомъ, много бывало здѣсь всякихъ событій — и не перечислишь. Но никогда, ни при одномъ извѣстіи не происходило въ городѣ того, чтд въ это утро. Да оно и понятно: тогда каждый стремился только поглазѣть, теперь же всякому хотѣлось узнать и рассказать.

Съ быстротою молніи пронеслась изъ устъ въ уста вѣсть о томъ, что объявлена свадьба графини Аделаиды съ Борнишемъ, и мгновенно, какъ въ раскопанномъ муравейникѣ, между домами пошла перекрестная бѣготня. На нѣсколько часовъ все было забыто; правильное теченіе будничной жизни остановилось: ни одна контора не открывалась до 11 часовъ; лавки не торговали; провозшель застой въ доставкѣ припасовъ, потому что булочникъ, выходя отъ аптекаря и встрѣтивъ мясника, выходившаго отъ нотариуса, останавливался, спрашивалъ, рассказывалъ, и только когда съ обѣихъ сторонъ любопытство было удовлетворено, булочникъ бросался къ нотариусу рассказывать, чтд думаютъ у аптекаря, а мясникъ бѣжалъ къ аптекарю передавать, чтд говорится у нотариуса. Однимъ словомъ, это было броженіе, охватившее всѣ слои и всѣ возрасты.

Около часу дня стали появляться на улицахъ мальчишки, то-ропливо несшіе, кто завернутый въ бумагу букетъ, кто огромную корзину цвѣтовъ. Толпа приставала къ нимъ на всемъ пути до площади, стараясь разобрать, чтѣ стояло на приколотой визитной карточкѣ; и вдругъ бѣжавшій впереди останавливался, оборачивался и кричалъ: „Отъ городского мэра!“; и всякій поворачивался и кричалъ то же самое; и хозяйки, въ припадкѣ насыщеннаго любопытства, захлебываясь, передавали, что „корзина отъ господина городского мэра“, потомъ еще разъ переспрашивали другъ друга, подтверждали несомнѣнность сообщеннаго извѣстія, и волнующаяся улица, до появленія слѣдующаго букета, сравнительно успокаивалась на томъ, что великолѣпная корзина— „отъ самого господина городского мэра“.

Часу въ четвертомъ раздались звонкіе удары бича; толпа за-колебалась и начала разступаться: приближалась великолѣпная восьмирессорная коляска съ ливрейнымъ кучеромъ и двумя лакеями на запяткахъ; въ ней сидѣли двѣ дамы въ яркихъ платьяхъ, съ перьями на шляпкахъ и съ пестрыми зонтиками въ рукахъ.

— Дамы Пюжо! — пронеслось по всей линіи; все замерло, никто не смѣлъ дохнуть, и только хозяйки беззвучно одѣвши губами произносили: „Дамы Пюжо!“

Мать и сестра жениха ѣхали съ официальнымъ визитомъ къ невѣстѣ.

Для тѣхъ, кто зналъ, чтѣ такое мадамъ Пюжо и ея дочь, это предстоящее родство съ графинями Кастель дю-Пикъ должно было казаться вопіющимъ противорѣчіемъ, наглымъ оскорбленіемъ міровой гармоніи вещей.

Наканунѣ вечеромъ въ городскомъ клубѣ на эту тему говорили до часу ночи.

— Вѣдь это ужасно! — сокрушался старый другъ дома, докторъ Маннэ:—вѣдь это все равно, что посадить въ одну карету кокетку и епископа! Ну, Аделаида сама захотѣла, но бѣдная графиня Марта!..

— И чего искалъ Борнишъ? — спрашивали многіе.

— Мало ли чего! Имени, знатности, положенія, — всего, чего нельзя купить.

— Все-таки я думаю, еслибы не мать, онъ бы этого не сдѣлалъ; вѣдь графинѣ Аделаидѣ скоро тридцать-восемь лѣтъ, не говоря объ наружности; но для матери...

— Конечно для матери: помилуйте, имѣть невѣсткой графиню Кастель дю-Пикъ—вѣдь это высшій козырь въ ея игрѣ.

— Тираническимъ и глупымъ людямъ всегда все удается, и безъ труда: они только возсѣдаютъ, а работаютъ за нихъ другіе.

— Ну, у нея цѣнная работница въ лицѣ дочери.

— У! эта ангельская улыбка — тайная пружина всѣхъ гадостей.

— Знаете, я думаю иногда, что у нея вмѣсто крови въ жилахъ течетъ ядъ, и она такъ ужъ испорчена, что для нея это является нормальнымъ.

— Говорятъ, она очень привязана къ брату.

— То-есть, она ему помогала въ его политической карьерѣ, но по какимъ побужденіямъ, это, конечно, неизвѣстно.

— Да неужели Борнишъ нуждается въ помощи? Такой ловкій, такой находчивый!

— Нуждается или нѣтъ, но онъ ею не брезгаетъ. Хотя разъ, представьте, — это мнѣ рассказывалъ человекъ, собственными ушами слышавшій, — разъ самъ Борнишъ даже не выдержалъ и сказалъ сестрѣ: „Неужели тебѣ не стыдно прибѣгать къ такимъ средствамъ?“ — „Что-жъ, — отвѣчала она, — по крайней мѣрѣ, если не удастся, я не буду себя ни въ чемъ упрекать, моя совѣсть будетъ чиста“. — „Да, Жакъ, — подхватила мать, — ужъ если ты теперь не будешь выбранъ, то это будетъ только твоя вина: все, что порядочная женщина можетъ себѣ позволить, то Лина сдѣлала для брата“.

— Ну, знаете, нельзя тоже ставить ей въ вину ужъ всякую гадость, которую она говоритъ; это у нея безсознательно, отъ природы, въ особенности ея колючести: она отъ времени до времени просто чувствуетъ потребность поточить языкъ, — не для того, чтобы уколоть, нѣтъ, а такъ, чтобы не тупился.

— Однимъ словомъ, это ангель, имѣвшій несчастье родиться дьяволомъ, — со свойственной ему краткостью отрѣзалъ бывшій сенаторъ имперіи. — И въ лѣтописяхъ клуба долго передавались эти слова, какъ одно изъ самыхъ мѣткихъ его выраженій.

Такъ говорили люди общества, знавшіе, въ чемъ дѣло; но и для тѣхъ, кто ничего не зналъ, эта коляска на восьми рессорахъ, въ которой сидѣла толстая и перетянутая мадамъ Пюжо, вся крашенная, съ желтыми волосами, а рядомъ съ ней тонкая, стройная дочь, въ одной изъ тѣхъ невѣроятныхъ шляпокъ, какія наши бѣдные граждане видали только на картинкахъ, — эта коляска казалась такимъ пестрымъ, неприличнымъ карнаваломъ, что жители съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ, когда она, переѣхавъ черезъ площадь, остановилась у подъѣзда скромнаго, но почтеннаго барскаго дома.

Этотъ первый родственный визитъ мадамъ Пюжо къ графинѣмъ Кастель въ ея глазахъ имѣлъ рѣшающее значеніе: ея величіе, ея богатство, ея свѣтская опытность, столичная бывалость, словомъ, всѣ тѣ качества, обладаніе которыми, по ея мнѣнію, дѣлало изъ нея послѣднее слово совершенства въ общественномъ смыслѣ, должны были съ первыхъ же минутъ раздавить, уничтожить отсталыхъ и провинціальныхъ сестеръ. Но тягаться съ родовитостью не такъ легко, какъ думала мадамъ Пюжо. Онѣ съ дочерью дѣйствительно усвоили себѣ тотъ виѣшній, дешевый лоскъ, который, какъ и все поддѣльное, такъ легко достается на парижскомъ рынкѣ; но онѣ не знали, что то, чтò онѣ сами въ себѣ такъ высоко цѣнили, тò людьми извѣстнаго круга не ставится ни во что, прямо-таки для нихъ не существуетъ; а потому онѣ были непріятно обмануты въ ожиданіяхъ, когда, войдя въ гостиную, не увидали на лицахъ сестеръ ни малѣйшаго выраженія придавленности. Лицо графини Аделаиды сіяло беззавѣтной радостью, а черты графини Марты не изобразили ничего, кромѣ нѣкоторой безразличности.

„Онѣ ничего не понимаютъ“, — подумала мать. — „Ничѣмъ ихъ не возьмешь, этихъ аристократовъ“, — подумала дочь. — Но ядовитость ихъ размышленій не отравила сладости ихъ рѣчей. Онѣ мгновенно отразили на своихъ лицахъ точную копію съ улыбки Аделаиды и поочередно заключили ее въ свои объятія.

Въ теченіе двадцати минутъ въ гостиной стояло пустозвонное щебетаніе, въ которомъ свѣтская мадамъ Пюжо успѣла показать всю разносторонность своего разговорнаго таланта. Тутъ было, конечно, прежде всего материнское сердце и радость о сынѣ, но тутъ же были послѣднія новости Парижа, лоншанскія скачки, министерскій кризисъ, ея связи въ большомъ свѣтѣ; тутъ же жалобы на провинціальную прислугу и на то, что въ городѣ не поливаютъ улицъ; послѣдній романъ Бурже, удачное направленіе въ современныхъ модахъ, превосходство Феликса надъ Вортомъ: „Ну, а для приданаго вы, конечно, не найдете никого лучше, чѣмъ Дусѣ“.

У графини Марты начинала кружиться голова, когда обѣ дамы встали.

— Вы меня извините, если я вамъ не отвѣчу визитомъ, — сказала она: — но вы знаете, какія воспоминанія связаны для меня съ замкомъ Кастель дю-Пикъ...

М-ле Пюжо подошла къ ней и, значительно пожавъ ей руку, произнесла:

— Я васъ понимаю.

Графиня посмотрѣла на нее взглядомъ, который съ головы до

ногъ облилъ ее холоднымъ безучастіемъ. Въ своей привычѣ поддѣлываться подъ чужой тонъ, для того, чтобы во что бы то ни стало всякаго обворозжить, м-лле Лина Пюжо иногда заходила слишкомъ далеко: не всѣ люди были такъ простоваты, какъ она полагала, и она часто сама становилась передъ ними въ то глупое положеніе, въ которое хотѣла поставить ихъ; но, потерпѣвъ оскѣчу здѣсь, она съ тѣмъ большимъ порывомъ нѣжности обняла Аделанду: вѣдь жить-то придется съ ней, а не со старшей, — такъ не все ли равно!..

— Не стоило такъ много стараться, — сказала мадамъ Пюжо, когда коляска тронулась: — онѣ слишкомъ провинціальны. По крайней мѣрѣ младшая безъ претензій, съ ней будетъ легко: это совершенный нуль, круглый, полный.

— Да, но это нуль не безъ логики, — замѣтила дочь, хихикая въ платокъ.

„Что за люди!“ — думала графиня Марта, когда закрылась дверь гостиной. „Въ послѣдній разъ я съ ними вижусь, — въ этому Аделаида должна быть готова“.

Она въ волненіи ходила по комнатѣ, не обращая вниманія на сестру; она перебирала въ памяти все это пустозвонство, — и хоть бы на чемъ-нибудь остановиться, на чемъ-нибудь отдохнуть! Нѣтъ, и потомъ какъ это вамъ нравится! Ее, графиню Кастель дю-Пикъ, ее, которая по матери правнучка герцога Субаза и внучатная племянница великаго Кондэ, — ее хотять ослѣпить знакомствомъ съ министромъ земледѣлія!

— Мари! Мари! откройте всѣ окна въ гостиной и столовой! Въ комнатахъ стоялъ нестерпимый запахъ „по д'эспань“, и графиня Марта поднялась въ себѣ.

Слѣдующіе затѣмъ дни были хлопотливы для жениха. Онъ былъ посредникомъ между матерью и графиней Мартой въ переговорахъ относительно церемоніала бракосочетанія, вызванныхъ непреклоннымъ рѣшеніемъ графини не встрѣчаться съ дамами Пюжо. Послѣ трехдневныхъ стараній наконецъ былъ выработанъ планъ, удовлетворявшій обѣ стороны и обезпечивавшій соблюденіе всѣхъ правилъ внѣшняго приличія: графиня Марта простится съ сестрой дома, проводить ее до кареты, но на бракосочетаніе не пойдетъ; съ своей стороны, мадамъ Пюжо также не будетъ присутствовать на обрядѣ, а встрѣтитъ новобрачныхъ на крыльцѣ своего замка, гдѣ затѣмъ состоится званый ужинъ. Такимъ образомъ самый обрядъ лишился всякой торжественности, и въ виду отсутствія ближайшихъ родственницъ рѣшено было и другихъ дамъ не звать, и вообще, кромѣ необходимыхъ свидѣтелей, никого не

приглашать ни въ мѣрію, ни въ церковь. Наконецъ было принято довольно важное отступленіе отъ установленнаго обычая: рѣшено было, что женихъ самъ заѣдетъ за невѣстой на домъ.

Приближался назначенный день, тотъ ужасный день, который долженъ былъ какъ буря ворваться въ незатѣйливую жизнь графини Аделаиды и заразы поднять ее на вершину счастья и повергнуть въ пучину горя.

Тихо и спокойно протекали послѣдніе дни ея дѣвчества. Занятая хозяйственными приготовленіями, всѣми помыслами сосредоточенная на предстоящемъ своемъ счастьи, она мало времени имѣла на разговоры съ сестрой, но она чувствовала, что между ними что-то залегло. Однажды она начала говорить графинѣ Мартѣ про своего будущаго мужа, но та послѣ первыхъ же словъ ее остановила:

— Я вамъ буду благодарна, если вы со мной никогда объ этомъ говорить не будете.

Аделаида раскрыла глаза.

— О чемъ это, Марта?

— Ни о чемъ.

Аделаида не понимала, не хотѣла ни обвинять, ни обижаться, и приписывала все нервамъ. Да, такъ мы всегда все приписываемъ нервамъ, когда не умѣемъ объяснить; ну, а сами нервы чему же приписать?...

Борнишъ какъ-то у себя дома упомянулъ о томъ, что графиня Марта какъ будто не совсѣмъ въ духѣ.

— Просто завидуетъ сестрѣ и злится, что не она, — рѣшила мадамъ Шюжо.

Наканунѣ свадьбы графиня Марта вошла въ гостиную съ шкатулкой въ рукахъ и поставила ее передъ сестрой. Аделаида знала, что это были вещи, которыя по завѣщанію матери должны перейти той изъ сестеръ, которая первая выйдетъ замужъ. Она открыла крышку и стала перебирать: тутъ были кружева, нитки жемчуга, старинный рабочій ящичекъ; она раскапывала всю эту нарядную мелочь, рылась въ шкатулкѣ все глубже и глубже, какъ будто искала чего-то и не находила.

— Марта, а гдѣ же?.. ахъ, вотъ! — но нѣтъ, это было зеркальце. — Гдѣ же?.. я не могу найти... нѣтъ, опять не то... я не могу найти медальона прабабки Маргариты!

— Нѣтъ, сестра, въ родъ Борнишей онъ не перейдетъ.

Это было сказано тономъ, не допускавшимъ противорѣчій. И кто бы могъ подумать, что то, что звучало такъ увѣренно для другихъ, было полно жгучаго сомнѣнія для нея самой!

Наступилъ и послѣдній день ихъ сожителства. Все утро въ домѣ стояла суматоха; толкалась прислуга, входили и выходили посыльные; проносились картонки, ящики, букеты; торопливый пошопъ сливался съ шуршаніемъ оберточной бумаги, и обычный при укладѣ шумъ затихъ только тогда, когда въ атласномъ подвѣсочномъ платьѣ, застегивая лѣвую перчатку, Аделаида вышла въ гостиную. Всѣ высыпали за ней. Въ эту минуту къ крыльцу подъехала карета, изъ которой въ черномъ пальто, распахнувшимся надъ крахмальной грудью, съ красной ленточкой Почетнаго Легиона въ петлицѣ, выскочилъ Борнишъ. Онъ черезъ двѣ ступеньки въ третью вбѣжалъ на крыльцо, вошелъ и остановился на порогѣ гостиной. Невѣстѣ прикололи вуаль, расправили шлейфъ, накинули бурнусъ. Она прошла черезъ вторичный рядъ поцѣлуевъ и рукопожатій—такъ сказать, обрядъ малаго прощанья (главное состоялось наверху)—и, положивъ свою руку въ протянутую руку Борниша, вышла въ переднюю, спустилась съ крыльца и вошла въ карету; она подобрала платье, чтобы дать мѣсто жениху: женихъ вскочилъ и хлопнулъ дверцей; она нагнулась впередъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на родной домъ,—щелкнулъ бичъ, и карета укатила.

Водворилась обычная въ этихъ случаяхъ тишина и пустота. Гости и прислуга долго стояли вокругъ крыльца и смотрѣли вслѣдъ исчезающей каретѣ...

Графиня Марта сидѣла въ своей комнатѣ и долгимъ неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на лежавшій передъ ней истрепанный футляръ изъ зеленого сафьяна: онъ былъ раскрытъ и показывалъ на старомъ бѣломъ бархатѣ пустое углубленіе для круглаго медальона.

Гдѣ витали мысли графини Марты? Въ какую даль вперялись ея взоры? Во слѣдъ чего бѣжала ея память? Чтѣ заставляло ея сердце такъ больно щемиться въ груди? Зачѣмъ дрожали ея губы? Кто вызвалъ росистыя капли на гордые, черствые глаза?—Онъ. Тотъ онъ, который—свѣтлый или мрачный, добрый или злой, надменный или безразличный—прошелъ черезъ ея жизнь, оставилъ полосу и живетъ на днѣ души у каждой старой дѣвы. И теперь онъ стоялъ въ ея воспоминаніяхъ со всей нетлѣнной яркостью исчезнувшихъ очарованій юности. И все возстаетъ предъ ней изъ глубокой ночи прошлаго и смотритъ на нее сквозь безлунную тьму таинственнаго часа, и шепчетъ ей сквозь шелестъ бересклета, и вѣетъ на нее дыханьемъ шиповника. Все, все: его туманные глаза и ласка его голоса, и жгучій трепеть его губъ, и вдругъ... о, ужасная дерзость оскорбительныхъ объятій! Ея вспыхнувшая

гордость, напрасная борьба, бессильныя мольбы, заглушенныя звѣрской алчностью его хищныхъ поцѣлуевъ... И потомъ — это возвращеніе къ гостямъ и какъ набатъ въ ея душѣ ударившій вопросъ отца: „Марта, гдѣ вашъ медальонъ?“... А потомъ эта пытка, когда, прильнувъ къ стеклу окна, она слѣдила за мельканіемъ фонарей въ кустахъ! И эта безконечная ночь, когда истомленными глазами она пронзала тьму, стараясь разгадать — правда ли, что медальонъ не найденъ? и если не найденъ — гдѣ онъ? а если найденъ — у кого онъ? и возможно ли, что его и искать было напрасно? возможно ли, возможно ли, что онъ остался въ его дерзкихъ, безсовѣстныхъ рукахъ?

Да о комъ, о комъ думала графиня Марта въ то время, какъ сестра со своимъ возлюбленнымъ ѣхала къ вѣнцу?

V.

Высокая гостиная замка Кастель дю-Пикъ звенѣла голосами нарядныхъ гостей.

Мадамъ Пюжо въ великолѣпномъ сиреневомъ платьѣ, хвостъ котораго атласными волнами вздымался у ея ногъ, стояла на срединѣ зеркальнаго паркета и разговаривала съ нарочно къ свадьбѣ пріѣхавшимъ министромъ земледѣлія, когда дворецкій подошелъ и вполголоса что-то доложилъ ей. Она вѣеромъ коснулась рукава министра:

— Вы позволите?—Министръ поклонился, и она пошла изъ комнаты. Двери одна за другой распахивались передъ ней и выпустили ее на высокое крыльцо.

Она была ослѣпительна: брилліантовыя звѣзды на невидимыхъ проволокахъ дрожали въ желтыхъ волосахъ; жемчуга струились по плечамъ и проваливались въ средину высоко поднятой груди; крѣпкій панцырь атласнаго корсажа лоснился и трещалъ. Подъ лучами заходящаго солнца, предъ тихой картиной въ роскошныхъ краскахъ умирающаго дня, еще оскорбительнѣе казалась искусственность ея цвѣта лица, возбуждало состраданье это жалкое художество съ цѣлью разукрасить свой собственный закатъ. Кажется, смотря другъ на друга, дамы могли бы убѣдиться, что женщина, которая красится, никого не обманываетъ, кромѣ себя; но нѣтъ, онѣ, видимо, думаютъ: „всякая, только не я“.

Мадамъ Пюжо заслонилась отъ солнца кружевнымъ вѣеромъ и стала смотрѣть. Въ вершинѣ аллеи показались кареты: по церемоніалу въ первыхъ пяти ѣхали шафера и свидѣтели, въ ше-

стой — молодые. Мадамъ Пюжо сошла нѣсколько ступенекъ, — кареты быстро приближались.

— Скажите m-lle Пюжо!

Лакей побѣжалъ; но Лина не спѣшила: она рѣшила, что подождетъ до послѣдней минуты и бросится на шею новой сестрѣ „неожиданно“. Она вообще любила нарочно придавать встрѣчамъ характеръ неожиданности: „оно выходитъ болѣе радостно, и по крайней мѣрѣ скука длится не такъ долго“. И на этотъ разъ она не вышла, а осталась съ молодымъ докторомъ, котораго положила развести съ его женой: „такъ, — для пополненія кол-лекціи“.

Мадамъ Пюжо сошла еще двѣ ступени. Кареты вѣзжали во дворъ. Вѣхала первая, круто повернула влѣво и остановилась, чтобы не подѣзжать къ крыльцу раньше молодыхъ; за ней одна послѣ другой вѣзжали остальные; четыре кареты уже стояли, вытянувшись вереницей; но когда вѣхала и въ свою очередь повернула въ сторону пятая карета, то глазамъ мадамъ Пюжо, нетерпѣливо ожидавшимъ появленія шестой, представилась длинная аллея, рѣдѣвшее облако пыли, гаснущій закатъ — и больше ничего.

Она недоумѣвала; недоумѣвали и всѣ кругомъ. Удивленные кучера оглядывались съ козелъ, изъ пяти каретъ высунулись головы въ цилиндрахъ, — всѣ смотрѣли въ пустую аллею.

Мадамъ Пюжо совсѣмъ сошла съ крыльца; дверки каретъ раскрылись, шафера повыскакали на земь и бросились къ ней.

— Они отстали?

— Да не могли отстать, — они ѣхали слѣдомъ.

Мадамъ Пюжо сдѣлала нѣсколько шаговъ и, атласными башмаками вступивъ на газонъ, тихонько пошла черезъ дворъ по направленію къ аллеѣ. Гости начали высыпать изъ дома. M-lle Пюжо, видя, что судьба разсудила иначе, чѣмъ она, тоже вышла, въ воздушномъ платьѣ лимоннаго крепа, и сошла съ крыльца, — гости за ней: вся нарядная толпа медленно двигалась по зеленой травѣ, сама не зная куда и зачѣмъ...

Вдругъ раздался крикъ: „верховой!“ Въ аллеѣ задымилось новое облако и во весь опоръ приближался всадникъ. На взмыленной лошади подѣхалъ лѣсникъ; онъ съ разбѣга чуть не врѣзался въ толпу и, осаживая коня, задыхаясь и путаясь, сталъ передавать что-то ужасное, что сразу и понять было трудно: „лошади понесли, тамъ, подъ горой... какъ-разъ передъ поворотомъ... Кучеръ ничего не могъ сдѣлать, москѣ Борнишъ высунулся изъ окна, хотѣлъ помочь... закричалъ кучеру... лошади

хуже подхватили и вдругъ... на самомъ поворотѣ... карету съ размаху ударило о скалу... Мосё Борнишъ — прямо головой... до смерти...”

Послышался крикъ: мадамъ Пюжо упала въ обморокъ; ее подхватили, и m-lle Пюжо, приказавъ, чтобы мать несли въ спальню, сама послѣдовала за ней.

Гости обступили лѣсника и въ теченіе пятнадцати минутъ своими разспросами рвали его на части. Оказывалось: „разбился до смерти, положили въ сторожку... докторъ случился, сказалъ, что не стоитъ и перевязки дѣлать... предложилъ шарабанъ, — должны слѣдомъ быть“.

Эти обрывчатые слова ловились и передавались изъ устъ въ уста; во дворѣ стоялъ зловѣщій говоръ; люди стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ, рабочіе со всей усадьбы, крестьяне съ сосѣднихъ фермъ наводнили дворъ, и скоро нарядная толпа чопорныхъ гостей пропала въ сѣрой массѣ волнующагося народа.

Но вдругъ говоръ смолкъ, волненіе утихло: „m-lle Пюжо!“ — пронеслось шопотомъ. Она сходила съ крыльца, блѣдная, съ красными глазами и въ глубокомъ траурѣ.

— Мама извиняется; но вы понимаете... послѣ того, что случилось...—Она сморкалась въ мокрый платокъ. Ей подали стулъ; гости окружили ее въ почтительномъ отдаленіи.

Спускался вечерній туманъ... Всѣ переминались съ ноги на ногу... Царило давящее молчаніе.

Совсѣмъ почти стемнѣло, когда въ той же аллеѣ, откуда прѣхалъ поѣздъ свадебныхъ каретъ, показался шарабанъ. Въ подвѣнечномъ платьѣ, съ краснымъ и мокрымъ отъ слезъ лицомъ, обнавъ руками поковвшуюся на ея колѣняхъ окровавленную голову, подъѣхала Аделаида къ крыльцу.

Нѣсколько человѣкъ бросилось поднимать бездыханнаго Борниша; его вытащили изъ шарабана и, пока его несли по ступенямъ, m-lle Пюжо истерическимъ движеніемъ протиснулась къ трупъ; судорожно прижимая свой мокрый платокъ къ подбородку, она изступленно смотрѣла брату въ мертвые глаза и глухимъ, груднымъ голосомъ повторяла: „Жакъ! Жакъ! Жакъ!..“ Его внесли въ переднюю, она прошла за нимъ, и они исчезли во внутреннія комнаты.

Аделаида все еще сидѣла въ шарабанѣ. Почему она не двгалась,—она сама, конечно, и не думала о томъ и не понимала; но еслибъ вы могли проявить и вызвать на свѣтъ тѣ невидимыя письма душевной книги, въ которыя не проникало око ея самосознанія, вы поняли бы, почему ей страшно было двинуться.

Ей было страшно сказать себѣ, что вотъ теперь все кончено. Все это было слишкомъ скоро, длилось такъ мало, а ей хотѣлось, — такъ хотѣлось, — чтобы оно продолжалось! Пускай бы въ десять разъ мучительнѣе, — но только чтобы не прекращалось! Вѣдь это было съ нимъ, вмѣстѣ, тутъ вдвоемъ, въ этомъ самомъ шарабанѣ; вѣдь еще пять минутъ тому назадъ, здѣсь же, вѣдь здѣсь, на этихъ же подушкахъ, она сидѣла — хранительница жениха, оберегательница мужа, единственная госпожа! Вѣдь въ первый разъ она, ничтожная, безгласная, безвольная, имѣла хоть и одинъ только, хоть и ужасный, страшный, но свой, — свой собственный часъ. Кто ей далъ его? Конечно, не она его взяла: — онъ былъ отпущенъ ей; но такъ скупое, такъ обидно скупое! И все-таки, подумайте, какъ событія вдругъ приподняли ее надъ обычнымъ плоскимъ уровнемъ ея существованія; судьба подобрала ее, какъ вихрь подбираетъ щепку, и ее, слабую, безцвѣтную, безстрастную, заставила прикоснуться къ великимъ тайнамъ бытія и смерти! И все это длилось какой-нибудь часъ, и все это было тому назадъ какихъ-нибудь пять минутъ, и все это еще не кончено, все это есть еще, но перестанетъ быть, какъ только она двинется...

И это она смутно ощущала, хоть и не думала о себѣ, когда въ окровавленномъ подвѣнечномъ платьѣ, опираясь на чью-то поданную руку, она, шатаясь и дрожа, поднялась по ступенямъ, вошла въ темную переднюю, тупо осмотрѣлась и тутъ же у дверей опустилась на первый попавшійся стулъ. Нѣтъ, она не думала о себѣ, — она забыла даже, кто она.

Вотъ какъ „молодая“ мадамъ Борнишъ вошла въ домъ своего мужа; вотъ какъ послѣдняя графиня Кастэль дю-Пикъ вернулась въ замокъ своихъ предковъ.

— Мадамъ Борнишъ! гдѣ мадамъ Борнишъ? вы не видѣли мадамъ Борнишъ? мадамъ Борнишъ! — голосъ m-lle Пюжо четверть часа уже какъ раздавался по всѣмъ комнатамъ. — Ахъ, вотъ вы гдѣ! Чтѣ вы дѣлаете въ передней? — и вдругъ, всплеснувъ руками, воскликнула: — въ какомъ вы видѣ, моя милая! Да вы не можете такъ обѣдать!

— Я не голодна, — слабо отвѣчала Аделаида.

— Все равно, моя милая, во всякомъ случаѣ вамъ нужно черное платье, нельзя же такъ. — И, скользя глазами по ея толстой талии, она прибавила какъ бы для себя: — я надѣюсь, что платье мамѣ вамъ не будетъ слишкомъ узко.

— Я надѣюсь, — бессознательно повторила Аделаида.

„Скромное притязаніе!“ — подумала Лина, зная, что перы ея колкостей пропадают даромъ.

Платье мадамъ Пюжо оказалось впору. Но когда Лина ввела Аделаиду въ гостиную, гдѣ собрались въ ожиданіи обѣда тѣ изъ гостей, которые остановились въ замѣѣ, она не вынесла вида чужихъ лицъ въ такую минуту и слабѣющимъ голосомъ сказала, что желала бы отдохнуть. Это не совсѣмъ согласовалось съ планами Лины, которой особенно хотѣлось именно въ эту минуту взвалить на бѣдную Аделаиду всѣ почести хозяйки дома; она, которая при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не допустила бы отнять у себя малѣйшую тѣнь первенствующей роли, она теперь, — вѣдь всего на какихъ-нибудь два дня! — съ какой-то радостью уступала свой скипетръ, давала его на поддержаніе. Но она не смѣла противиться желанію Аделаиды, въ особенности при гостяхъ, а потому участливо и какъ бы обвиняя себя въ непростительномъ недомысліи, воскликнула:

— Ахъ, конечно! еще бы не устать! Пойдемъ, не будемъ прощаться. — И, обнявъ ее за плечи, она повела ее наверхъ.

Она отворила дверь и пропустила ее въ большую, роскошно, но безвкусно убранную комнату, съ плюшевыми занавѣсками и атласной мебелью. Аделаида опустилась на стулъ, Лина подошла къ ней и съ ангельскимъ участіемъ сказала:

— Я думала, что вамъ будетъ особенно пріятно именно въ этой комнатѣ провести первую, ужасную ночь, моя бѣдная Ада.

Холодъ сковалъ Аделаиду, когда она подняла глаза: передъ ней стояла широкая постель; надъ высокимъ балдахиномъ красовался рѣзного дерева щитъ, на которомъ переплетались буквы А. и J.

— Я не буду мѣшать вамъ, — сказала Лина, обнимая новую сестру, и, вкрадчиво ласкаясь, прибавила: — но, не правда ли, вы останетесь со мной?.. хоть нѣсколько дней?

Аделаида ужъ больше ничего не слышала; она сидѣла какъ въ туманѣ и не отвѣчала. Лина вышла недовольная: она любила, чтобы ее любили.

Аделаида всю ночь просидѣла на диванѣ.

Она пробыла въ замѣѣ до похоронъ, и эти два дня были полны для нея самыхъ ужасныхъ испытаній. М-лле Пюжо развернула всю изобрѣтательность своей ядовитой природы и подличивой самой нѣжной преданности, соблюдая всѣ формы уваженія къ хозяйкѣ дома, колола ежечасно.

То входилъ дворецкій: м-лле Пюжо приказала спросить, въ какой комнатѣ мадамъ Борнишъ прикажетъ, чтобы былъ постав-

лень катафалкъ; то являлась эконома: m-lle Пюжо прислала узнать, что больше понравится мадамъ Борнишъ для балдахина — крепъ или бархатъ.

Аделаида отвѣчала, какъ могла; она думала, что это такъ и надо, что это обыкновенный порядокъ вещей; конечно, это было тяжело, но она рѣшила не отступать ни отъ одной изъ обязанностей своего вдовства; m-lle Пюжо явила, жалила, колола, но все пропадало даромъ, все разбивалось о великое спокойствіе этой дѣтской души, ничто не возмущало прозрачной глубины ея довѣрчивости: все, все падало предъ святыней страданія. Она прошла свой крестный путь, — свой сугубый путь невѣсты, супруги, вдовы, — ни разу не замѣтивъ даже, что ее хотѣли оскорбить; ни разу судьба не допустила, чтобы она унизилась до пониманія чужой низости; ни разу не осквернилась подозрѣніемъ чистота ея окровавленного сердца.

Есть еще на землѣ такія души, которыя ни разу не ступали въ тину. Онѣ пройдутъ сквозь зло и не поймутъ чужого смрада; изъ земного мрака онѣ вынесутъ свои свѣтильники неугашенными, и всѣ посягательства на ихъ чистоту останутся безплодными. Онѣ неуязвимы для людского зла, какъ неуязвимы для жала змѣи радужныя крылья небесныхъ серафимовъ.

VI.

На третій день вечеромъ, въ гостиной маленькаго домика на площади, графиня Марта по прежнему сидѣла въ высокомъ креслѣ и раскладывала пасьянсъ, а графиня Аделаида по прежнему сидѣла въ низкомъ креслѣ и вязала нитяное кружево.

На видъ все было по старому: никто бы подумать не могъ, что надъ этими двумя, такъ мирно сидѣвшими и, казалось, такъ тѣсно сжившимися существами три дня тому назадъ пронесся ураганъ. А между тѣмъ многое успѣло измѣниться, и даже въ эти первые часы переменъ уже давала себя чувствовать. Въ чемъ? Трудно было бы сказать: ей собственно не въ чемъ было и проявиться. Одна сестра была сама выдержка, другая — сама покорность; событій же настолько важныхъ, чтобы заставить одну измѣнить своему самообладанію, а другую выйти изъ бездѣйствія, въ ихъ жизни уже не было; и при такихъ условіяхъ, конечно, вѣдшаго проявленія внутренняго разлада никогда не бывало, да и не могло быть, — не представлялось повода. И тѣмъ не менѣе та тѣнь, которая пробѣжала между ними тогда, въ день

сватовства, какъ будто все сгущалась; то нѣчто, которое тогда между ними залегло, и чего графиня Аделаида не могла себѣ объяснить, расширялось все больше и больше и постепенно стало принимать размѣры нравственной пустыни. Коренныя различія ихъ внутренней природы, долго уживавшіяся подъ вѣшними формами совмѣстной жизни, понемногу начинали такъ рѣзко давить себя чувствовать, что единственнымъ средствомъ предотвратить ихъ столкновение было — спрятать ихъ за искусственной стѣной молчанія; и эта стѣна росла все выше, все плотнѣе, до самаго того дня, когда разразилась вторая и послѣдняя въ ихъ жизни катастрофа; въ этотъ день стѣна рухнула: въ ней не было уже надобности, — имъ не о чемъ было говорить.

Графиня Аделаида вернулась въ домъ сестры съ чувствомъ смутнаго страха и... страха и — стыда. Какъ вамъ объяснить это такъ, чтобы не вызвать улыбки? Мы надъ ней ужъ такъ много посмѣялись, и неужели мы и теперь будемъ издѣваться, послѣ того какъ она столько перенесла? И какъ перенесла! Но вотъ видите ли, тѣ нѣсколько дней, когда ея дѣтская, простая душа такъ мужественно воспріяла свое мученичество, были уже позади; то нравственное напряженіе, которое подняло ее на уровень самыхъ сильныхъ, закаленныхъ душъ, не могло же длиться, съ такимъ характеромъ, какъ ея; послѣ всей этой бури должно было наступить затишье, и тѣмъ болѣе неподвижное, тѣмъ менѣе она была подготовлена къ налету бури предъидущей жизнью и самой своей природой. И вотъ, несмотря на то, что со времени отъѣзда она успѣла выйти замужъ, потерять мужа, похоронить его и пройти черезъ весь ужасъ своего мученическаго вдовства, она возвращалась домой такою же скромной, бѣдной Аделаидой, какой уѣхала.

Священныя воспоминанія тѣхъ трехъ дней она скрыла на днѣ своей пугливой души и хоронила отъ посторонняго глаза съ такою ревнивой любовью, что никто изъ тѣхъ, кто зналъ, черезъ что она прошла, никогда не угадалъ бы ни объема ея горя, ни глубины ея страданія, ни той высоты, съ какою она ихъ перенесла. Да и какимъ языкомъ, какими словами она бы о нихъ повѣдала? И, наконецъ, — кому? Кому было какое дѣло? Она была съ нимъ одна въ каретѣ, когда они ѣхали изъ церкви; она была одна, когда, обнимая его голову на своихъ колѣняхъ, она везла его въ шарабанъ; когда его у нея отняли и понесли въ чужой для нея домъ, она осталась одна, и весь свой страданный путь она прошла одна, безъ чужой помощи. Нѣтъ, она никому не говорила о тѣхъ ужасныхъ событіяхъ. Посторонній могъ подумать,

что судьба взяла и вычеркнула эти нѣсколько кровавыхъ строкъ со страницъ ея жизни: то, что было раньше, и то, что наступило теперь, было такъ похоже, что мало-по-малу прошлое и настоящее сомкнулись поверхъ того событія, которое, казалось, должно было навсегда ихъ разъединить. И она, покорная и скромная, вошла въ эту готовую обстановку своего прошлаго и сейчасъ же нашла свое старое мѣсто: оно не было слишкомъ мало для нея теперь, какъ не было и прежде,—напротивъ того.

Да, представьте,—какъ это ни странно,—ея мѣсто казалось ей даже слишкомъ велико, она совѣстилась его.

Вы только подумайте, какою она вернулась—и къ кому!

Графиня Марта всю жизнь была для нея авторитетомъ, и ея замужство, которое было единственнымъ ея самостоятельнымъ шагомъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ актомъ неповиновенія сестрѣ съ тѣхъ поръ, что она себя помнила; и вотъ какъ она за него наказана. Ужъ тутъ ея личное горе и священные воспоминанія отступали на второй планъ, а выступали, такъ сказать, фактическіе результаты ея замужства: она лишилась своего имени, совершила неравный съ общественной точки зрѣнія бракъ, порвала со всѣми традиціями, унизилась до принятія подчиненной роли въ домѣ своихъ же предковъ,—и что она за все это получила? Она принесла всѣ жертвы и не воспользовалась ни однимъ изъ преимуществъ брака; она все упустила, ничего не приобрѣла,—ничего, если не считать родства съ мадамъ Пюжо. И вотъ она, какъ блудный сынъ, возвращалась домой и съ замирающимъ сердцемъ спрашивала себя: „что скажетъ Марта?“ Она смутно надѣялась, что сестра хотя немного смягчитъ степень ея виновности, и что послѣ этого она сама, можетъ быть, убѣдится, что и въ ея положеніи можно смотрѣть людямъ прямо въ глаза.

Но Марта ничего не сказала. И это молчаніе сразу закрѣпило въ ней убѣжденіе въ непоправимости ея вины: оно вдавило ей въ душу печать ея стыда; угрызения совѣсти проникли въ самую глубь ея сознанія, и она, какъ падшая, вошла въ свой домъ и подъ недостижимымъ величіемъ своей дѣвственной сестры проползла въ свой уголъ.

Понимаете теперь, почему ей было совѣстно своего положенія? Почему, когда ея знакомые начали приходиться съ визитами соболѣзнованія, она горѣла стыдомъ,—тѣмъ самымъ стыдомъ, который охватилъ ее въ ту ужасную ночь предъ постелью Борниша и передъ бѣльемъ съ мѣткой А. В.? Всѣ эти знаки вниманія со стороны ея друзей, подходившихъ къ ея рукѣ, говорившихъ особеннымъ какимъ-то голосомъ, ихъ участливые взгляды, смущен-

ное движеніе ихъ рукъ, когда они вертѣли свои обмотанные крепомъ цилиндры,—жгли ее. Развѣ не пытка—публично принимать знаки уваженія за то, чего совѣстишься въ глубинѣ души? Въ каждомъ вопросѣ она видѣла намекъ, въ каждомъ словѣ страданія ей чувствовался укоръ. И это постоянное приниженіе привело, наконецъ, къ тому, что она сама себя уничтожила предъ своей старшей сестрой: если прежде она смотрѣла на нее снизу вверхъ, то теперь она уже не смѣла вовсе на нее смотрѣть; она, оставаясь на глазахъ у всѣхъ, нравственно пряталась, исчезала.

Вотъ какою вошла графиня Аделаида во второй фазисъ своей жизни, въ то время, какъ обычные гости понедѣльника говорили:

— А какъ графиня Аделаида освоилась со своимъ положеніемъ!

Нужно сказать, что въ городѣ ее никогда не называли мадамъ Борнишъ,—ея дѣвическое имя такъ и осталось за ней; будемте и мы ужъ звать ее „графиня Аделаида“,—я свылся съ этимъ именемъ, да и вы, не правда ли?

— Да вѣдь ей легче же было, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ; вѣдь она послѣ этого не вошла въ новую какую-нибудь обстановку, къ которой бы слѣдовало привыкать.

— Конечно, нѣтъ; для нея это не перемѣна образа жизни, а продолженіе.

— Ну, да, разумѣется,—подтверждалъ старый другъ докторъ: —бракъ ее не привелъ ко вдовству, а вернулъ къ дѣвчеству.—И всѣ согласились, что одинъ только докторъ Маннѣ умѣетъ проникнуть, объяснить и однимъ словомъ исчерпать всю суть психологическаго явленія. Но вѣдь „психологія“ и была его спеціальностью!

Понедѣльники возобновились скоро. Графиня Марта не могла рѣшиться объявить трауръ по Борнишу, и послѣ трехъ, четырехъ недѣль, въ теченіе которыхъ служанка говорила вечернимъ посѣтителямъ, что „дамы не совсѣмъ здоровы“, гостепріимныя двери снова отворились. Все пошло по старому, хотя и были нѣкоторыя особенности, отличавшія понедѣльники второго періода.

Такъ, напримѣръ, гости нѣкоторое время недоумѣвали, какъ имъ называть младшую сестру, когда они о ней говорили въ третьемъ лицѣ. Замѣтивъ это, графиня Марта при первомъ же случаѣ нѣсколько настойчивѣе, можетъ быть, чѣмъ слѣдовало, заговоривъ о ней, сказала: „madame Adelaide“. Это было принято за указаніе. Для старшей сестры эти слова теперь, конечно, утратили уже всю прелесть версальской атмосферы, но, по край-

ней мѣрь, это было дезинфекціонное средство, разъ навсегда изгнавшее имя „мадамъ Борнишъ“; Аделаида же не могла, какъ ни старалась,—не могла привыкнуть: ей все казалось, что, говоря: „madame Adelaide“; намеренно подчеркивали первое слово.

Затѣмъ гости замѣтили, что графиня Марта начала допускать нѣкоторое расширеніе въ выборѣ предметовъ разговора. Такъ она однажды спросила присутствующихъ, чѣмъ по ихъ мнѣнію кончится дѣлавшій много шуму бракоразводный процессъ въ Ліонѣ. Въ другой разъ сама,—и очень это вышло естественно, такъ какъ-то къ слову, говорили, кажется, объ академіи,—она упомянула о Зола. Кто-то отважился спросить, что именно она читала, и графиня Марта, пившая чай въ это время, поставила чашку на блюдечко и сказала, что она никогда ничего не читала и не будетъ читать: „Вовсе не потому, чтобы я боялась читать извѣстныя вещи, но изъ принципа—я нахожу, что мы не должны поощрять нѣкоторыхъ авторовъ“. Всѣ обратились въ сторону графини Аделаиды, ждали ея мнѣнія, и она между двухъ глотковъ чаю, покраснѣвъ, сказала, что она „не имѣла времени...“ Нѣкоторые гости думали видѣть въ этихъ словахъ намекъ на непродолжительность ея брачной жизни; но какъ же мало они ее знали, если могли такъ думать!

И вотъ потекли опять эти однообразные дни и вечера, въ теченіе которыхъ графиня Марта все выше и длиннѣе выростала на своемъ рѣзномъ сѣдалищѣ, а графиня Аделаида все ниже и шире расплывалась въ своемъ мягкомъ креслѣ.

На этомъ мѣстѣ ихъ жизни мы собственно и познакомились съ ними, съ этого начали рассказъ, съ цѣлью объяснить, почему новичокъ Кастальскихъ понедѣльниковъ имѣлъ основаніе ошибиться, когда его спрашивали—которая вдова, а которая дѣва? Зато теперь вы поймете, почему это было такъ, почему разница между ними современемъ не могла не увеличиваться все болѣе, а главное, вы поймете, какой ужасъ долженъ былъ охватить каждую изъ нихъ, когда надъ ними разразилась новая неожиданная катастрофа, которою закончилась эта тяжелая драма молчанія, гнетущей тучей заволакивавшая ихъ тусклое сѣренькое небо.

Однажды вечеромъ,—графини Марты не было дома,—графиня Аделаида сидѣла въ гостиной, когда вошла дѣвушка и подала ей большой заказной пакетъ на имя мадамъ Борнишъ. Она съ недоумѣніемъ повертѣла его въ рукахъ: она никогда не получала писемъ, и тутъ ей больно защемило сердце, когда она увидѣла на почтовомъ конвертѣ то самое имя, въ которомъ за-

минулось все ея прошлое, и которое она схоронила на днѣ души. Штемпель былъ парижскій... у нея тамъ не было знакомыхъ... Она распечатала.

Въ конвертѣ были: небольшая записка незнакомой рукой и довольно большой конвертъ, на которомъ съ біеніемъ сердца она прочитала рукой покойнаго мужа надпись: „графинѣ Касталь дю-Пикъ. Замокъ Касталь дю-Пикъ. Департаментъ Нижнихъ-Пиренеевъ. Передать, когда меня не станетъ“.

Она схватилась за записку. Парижскій нотаріусъ „принималъ на себя смѣлость“ препроводить къ ней конвертъ, оставленный ему на храненіе ея покойнымъ мужемъ; онъ извинялся, что не исполнилъ этого ранѣе, но онъ восемь лѣтъ провелъ въ Америкѣ и, лишь по пріѣздѣ узнавъ о трагическихъ обстоятельствахъ, при которыхъ единовременно произошли бракъ и смерть г. Борниша, онъ спѣшилъ вручить ей теперь то, чтѣ покойнымъ такъ давно ей предназначалось; онъ не думалъ тогда, что та, на чье имя пакутъ адресованъ, будетъ его вдовой. Онъ просилъ „принять увѣреніе“ и т. д.

Руки графини Аделаиды тряслись, когда она принялась за конвертъ своего мужа. Она ничего не понимала: нотаріусъ говорить — восемь лѣтъ; какъ же мужъ могъ о ней думать восемь лѣтъ тому назадъ, когда въ то время она еще была въ Нормандіи? Ея руки тряслись, когда она начала распечатывать конвертъ, въ которомъ ощущивала какой-то твердый предметъ. Ея руки до того тряслись, когда она вынула письмо и когда на столъ упало что-то круглое, блестящее, что она скорѣй разложила письмо передъ собой, а сама ухватила за столъ, чтобы успокоиться. Она совсѣмъ, совсѣмъ ничего не понимала: письмо было написано двадцать-пять лѣтъ тому назадъ и помѣчено замкомъ Касталь дю-Пикъ!

Она начала читать, но такъ трудно было! строки дрожали, буквы смѣшивались, — такъ трудно, почти такъ же трудно, какъ когда она ребенкомъ старалась читать... знаете, есть такія буквы, — въ супъ кладутъ вмѣсто вермишели, — почти такъ же трудно и теперь; но она все-таки читаетъ, понемножку, но читаетъ. И Боже, этого уже довольно! И этого ужъ слишкомъ много. Чтѣ она читаетъ! Подумайте только, чтѣ она читаетъ! Теперь она понимала письмо нотаріуса, да, теперь она все, все понимала: почему сестра не хотѣла, чтобы она выходила за своего избранника, почему не отдала ей медальона прабабки, — все, все: вѣдь письмо было на имя сестры, и въ этомъ письмѣ она читала его извиненія за нанесенное оскорбленіе, его извиненія за удержанный на

память медальонъ,—она читала его обѣщанія вѣчной любви, она читала позоръ своей сестры и открывала игру своего мужа!

Ея пальцы судорожно сжимали крышку стола, но руки дрожали слишкомъ сильно, она сама вся начинала дрожать, а оторопѣлые взоры впивались въ прыгавшія предъ ней строки; она ужъ не читала, не могла читать: строки совсѣмъ путались, смѣшивались, сплывались, бумага была мокрая,—Аделаида плакала, плакала какъ малый ребенокъ. И какъ слезы начали лить,—дрожь стала стихать, руки стали успокаиваться, пальцы отошли,—и она, все плача, какъ малый ребенокъ, усталой головой склонилась къ столу и мокрой щекой припала къ мокрой бумагѣ.

Вдругъ послышался шумъ, она отдернула голову: — входила сестра. Она только успѣла схватить письмо и скомкать его на когѣняхъ. Но на столѣ осталось что-то, и когда графиня Марта подошла, опустилась въ свое кресло и вдругъ посмотрѣла на столъ, это что-то приковало ея взоры и заставило остолбенѣть: изъ золотой рамки съ середины стола наглыми глазами прабабки смотрѣли на нее—грѣхъ ея молодости, позоръ ея имени, обманъ всей ея жизни.

Какъ онъ сюда попалъ? откуда онъ всплылъ? Чтò это за письмо на столѣ лежало?.. Сестра знаетъ! Она чувствуетъ, что сестра знаетъ, что она теперь все знаетъ, но она не смѣетъ шевельнуть губами, не смѣетъ сдѣлать ни одного вопроса. Теперь она встревожилась; ея увѣренныя руки не находили себѣ мѣста, она ухватила за карты и скоро-скоро начала тасовать, и такъ торопливо дышала, такія пятна вдругъ проступили на ея лицѣ, въ то время какъ сестра взялась за свое вязанье и тихо, тихо начала водить стальнымъ крючкомъ, а слезы такъ и капали и смачивали нитяное кружево.

Въ комнатѣ темнѣло. Отворилась дверь, ворвалась полоса теплаго свѣта,—служанка вошла съ лампой; старшая сестра сдѣлала знакъ головой, служанка повернулась, свѣтъ пропалъ, дверь тихонько притворилась,—въ комнатѣ опять стемнѣло. Сестры все сидѣли—одна все тасовала карты, другая все какъ будто вязала, а между ними на столѣ, въ этомъ маленькомъ кругломъ предметѣ, лежала и блестѣла въ темнотѣ разоблаченная тайна ихъ прошлой жизни.

Спускалась ночь. Сестры все сидѣли, а между ними столъ какъ будто раздвигался, и все шире, шире залегала пустыня молчанія.

Ночь совсѣмъ спустилась. Въ окно прокралась луна, и пер-

вый лучъ скользянулъ по медальону,—сестры все сидѣли: одна машинально тасовала карты, другая водила стальнымъ крючкомъ...

Въ лавочкѣ мадамъ Омэръ было такъ же душно, какъ и наканунѣ, когда я съ моимъ пріятелемъ нотариусомъ завернулъ туда на другой день вечеромъ.

Я прямо подошелъ къ знакомой витринѣ, взялся за крышку, но не отворилъ,—медальона не было.

— Гдѣ тотъ медальонъ, который я смотрѣлъ вчера?

Хозяйка взглянула черезъ очки:

— Купленъ сегодня утромъ.

— Кѣмъ?—воскликнулъ я.

— А вотъ посмотрите въ книгѣ.

Я посмотрѣлъ, — на послѣдней строкѣ стояло: „медальонъ эпохи Людовика XV“, затѣмъ слѣдовало имя одного извѣстнаго парижскаго комиссіонера, и противъ него—235 франковъ.

Мы посмотрѣли другъ на друга и вышли изъ затхлої лавочки на вечерній просторъ...

Черезъ недѣлю я сидѣлъ въ кофейнѣ и пробѣгалъ нумеръ „Фигаро“. На первой страницѣ мнѣ бросились въ глаза слѣдующія строки:

„Великолѣпный домъ нашего извѣстнаго банкира и мецената барона Горна на Пресбургской улицѣ скоро станетъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ частныхъ музеевъ въ Европѣ.

„На дняхъ любопытнѣйшая въ своемъ родѣ коллекція любовницъ Людовика XV пополнилась еще новымъ экземпляромъ. Въ девятой витринѣ, на пятомъ мѣстѣ послѣ мадамъ Дюбарри, долго остававшемся незанятымъ, теперь помѣщается прелестная миниатюра съ чертами графини Маргариты Кастель дю-Пикъ. Этотъ медальонъ, единственный сохранившійся изъ ея портретовъ, составитъ, конечно, одинъ изъ лучшихъ нумеровъ богатой коллекции; онъ принадлежитъ кисти знаменитаго Латура и, какъ мы узнали, за него заплачено всего 4.500 франковъ.

„Поздравляемъ барона съ находкой“.

Мнѣ не было завидно: баронъ владѣлъ медальономъ, а я владѣлъ тайной этого медальона.

Кн. Сергѣй Волконскій.

НА ОСТРОВѢ СВ. ЕЛЕНЫ

ИЗЪ КРУГОСВѢТНАГО ПЛАВАНІЯ.

I.

...Обогнувъ Огненную Землю, у мыса Горна, и отштурмовавъ у береговъ Патагоніи, мы выбѣжали въ Атлантическій океанъ, на встрѣчу юго-восточному пассату. Когда, наконецъ, этотъ желанный вѣтеръ наполнилъ наши паруса,—слѣдующая альтернатива предстала предъ нами: островъ Св. Елены—или Вознесенія?

Если вы не морякъ, читатель, то позвольте посвятить васъ въ смыслъ нашего затрудненія.

Дѣло въ томъ, что парусное судно можетъ идти въ сторону, противную вѣтру, только при условіи извѣстнаго угла между „курсомъ“ (путемъ) и направленіемъ вѣтра; иначе, чтобы попасть въ желаемый портъ, нужно „лавировать“. Въ нашемъ же случаѣ лавировка была вдвойнѣ нежелательна: во-первыхъ, это огромная потеря во времени, а во-вторыхъ, типъ нашего корабля не допускалъ лавировки сколько-нибудь удачной.

Если же направленіе вѣтра не допуститъ зайти на островъ Св. Елены, придется взять сѣвернѣе, т.-е. на островъ Вознесенія. А это было бы такъ обидно! Островъ Вознесенія замѣчателенъ развѣ лишь особой породой исполинскихъ черепахъ... Вскорѣ, впрочемъ, вѣроятность зайти на островъ Св. Елены обратилась въ пріятную и несомнѣнную увѣренность...

По мѣрѣ приближенія къ экватору, солнце ходитъ все выше и выше; тропическій зной невыносимо силенъ. Темно-сафировый цвѣтъ волнъ, бѣлоснѣжная пѣна ихъ гребешковъ, чудный небесный куполъ, опрокинувшійся надъ безпредѣльной океанской далью, — все это очень красиво.

Но на красотѣ этой лежитъ печать однообразія: каждый день все тѣ же синія волны, тѣ же бѣлые паруса, то же небо съ кудравыми пассатными облаками...

Вотъ только ночи: тѣ чарующе хороши! Тропики не знаютъ нашихъ зорь. Куполъ неба темнѣетъ вдругъ, внезапно, и въ бездонной глубинѣ его загораются мириады сверкающихъ звѣздъ. Да и звѣзды эти — не тѣ, что въ нашихъ сѣренскихъ прозаическихъ краяхъ. Большія, свѣтлыя, онѣ смотрятъ въ самую душу, неся въ нее неизъяснимое чувство примиренія. Далеко отлетаютъ отъ васъ подробности пережитаго дня, и, наединѣ съ этой ночью, вы перерождаетесь на минуту. И такъ хорошо становится у васъ на душѣ, точно вы и не жили до этихъ минутъ, точно вы и родились только для того, чтобы хоть разъ побывать въ ихъ сладкомъ плѣну...

„Берегъ!“ — кричитъ зоркій сигнальщикъ съ верхушки мачты.

„Берегъ! берегъ!“ — идетъ веселый перекиликъ на палубѣ, и всѣ высыпаютъ наверхъ.

Сначала ничего не видно, но, по мѣрѣ приближенія, что-то обрисовывается въ предразсвѣтномъ туманѣ, закрывшемъ горизонтъ. Штурманъ такъ и замеръ съ биноклемъ въ рукахъ, слегка дрожащихъ отъ невольнаго возбужденія.

— Пикъ Діаны! — восклицаетъ онъ, обращаясь къ капитану. — Позвольте мѣнять курсъ!

— Лѣво! больше лѣво! — опять раздается его голосъ, и онъ становится у главнаго компаса.

— Положено лѣво! — кричитъ не своимъ голосомъ старшій рулевой.

Въ воздухѣ виситъ какое-то ликование.

Ни одного офицера не осталось внизу. Мостикъ, ютъ, даже полубакъ (передняя часть корабля) переполнены ихъ оживленными группами. Лица ихъ, еще недавно носившія печать томительной скуки, теперь полны одушевленія.

— Каково! — восклицаетъ младшій штурманъ: — пересѣчь весь океанъ и придти въ желаемую точку. Не торжество ли науки?

— И замѣтите — подъ парусами, — добавляетъ молоденькій мичманъ: — не винтомъ вертѣли.

— Ну, ужъ такъ вы и обойдетесь безъ винта!—ѣдко возражаетъ незамѣтно подошедшій механикъ, и дружный смѣхъ покрываетъ его профессиональное негодованіе.

Торжество механика, однако, обезпечивается громкимъ возгласомъ съ мостика: „Старшаго механика къ командиру!“

Къ якорному мѣсту рѣшено идти подъ парами.

Вскорѣ клиперъ нашъ, убравъ паруса и дыма трубой, направилъ свой путь къ бухтѣ Св. Іакова.

Туманный абрисъ острова, незамѣтно выростая, становился рельефнѣе въ лучахъ восходящаго солнца. Я смотрѣлъ на него, не отрываясь. Такъ вотъ онъ, этотъ роковой островъ, воспѣтый поэтами всѣхъ странъ! Какъ бы вамъ описать его?

Это какой-то застывшій взрывъ вулканическихъ силъ.

Нѣсколько сплотившихся скалъ, окруженностью въ 28 миль, круто высятся надъ поверхностью океана, разбивающаго свои волны у ихъ подножія. Скалы эти, со стороны моря, лишены растительности, что придаетъ имъ видъ хотя и пустынный, но не лишенный мрачнаго величія. Царственный узникъ, умершій тамъ, недаромъ называлъ этотъ островъ—Isola Maladetta („проклятый островъ“). Дѣйствительно, какая-то печать проклятія лежитъ на этой гигантской скалѣ, поднявшейся со дна океана. Въ особенности поражаетъ Св. Елена, когда вы усматриваете издали ея темный высокій профиль, встающій надъ волнами мрачнымъ привидѣніемъ. Великій узникъ, еслибы и пожелалъ, не могъ бы избрать себѣ болѣе достойной темницы.

Размышленія мои прерваны громкой командой вахтеннаго начальника: „Унтеръ-офицеры, къ люкамъ! всѣхъ наверхъ на якорь становиться!“ Команда эта покрывается рѣзкими свистками дудокъ: „По-шелъ всѣ наверхъ на якорь становиться!“ Всѣ, отъ мала до велика, выбѣгаютъ наверхъ.

Клиперъ входитъ въ бухту Св. Іакова.

Рейдъ открытъ и обширенъ. Нѣсколько китоловныхъ шхунъ стоятъ на якоряхъ; двѣ-три лавируютъ вдали, ожидая возвращенія своихъ капитановъ, съѣхавшихъ на берегъ. Видъ съ рейда оригиналенъ и красивъ.

Двѣ скалы, громадныя и крутыя, стѣснившись, почти наваливъ другъ на друга, образовали глубокую лощину, въ которой пріютился городокъ Джемстоунъ.

Лощина эта поката къ океану, что даетъ возможность видѣть съ рейда перспективу бѣлыхъ домиковъ, разбросанныхъ по ней и, частью, сгруппировавшихся въ городокъ.

Здѣсь видна зелень, пальмовая роща, сады, и глазъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ на этомъ тѣнистомъ уголкѣ.

Джемстоунъ—типичный крѣпостной городъ добрыхъ старыхъ временъ; со стороны океана онъ кончается крѣпостью съ традиціонными воротами и рвомъ.

У подножія скалъ крупный песокъ, и набѣгающія волны прибоемъ, разбиваясь о прибрежные камни, громко шумятъ. Скала, прилежащая къ городу и отвѣсно возвышающаяся надъ океаномъ, снабжена лѣстницей невѣроятной крутости и высоты; она ведетъ къ батарей Ладдеръ-гилль, расположенной на ея вершинѣ и командующей рейдомъ. Много другихъ батарей и фортвъ, частью заброшенныхъ, вы открываете, всматриваясь въ горы.

На взглядъ островъ кажется грознымъ и неприступнымъ.

Клиперъ уменьшилъ ходъ; весело стучать якорныя цѣпи, и отваленный якорь, заплесневѣвшій отъ долгаго перехода, готовъ ринуться въ воду.

— „Изъ правой бухты вонъ!“ — звучитъ команда старшаго офицера и эхомъ повторяется унтеръ-офицерами.

— „От-дать я-корь!“

Якорь срывается въ воду и, съ грохотомъ увлекая за собой чугунную цѣпь, падаетъ въ грунтъ.

Мы на мѣстѣ.

II.

Отстоявъ ночную вахту и освободившись на цѣлый день, я собираюсь съѣхать на берегъ. Несмотря на раннее утро, солнце беспощадно палитъ; мало спасаетъ даже самый воздушный костюмъ и неизмѣнная тропическая каска съ отверстіемъ наверху.

Мѣрные взмахи веселъ приближаютъ насъ къ берегу.

Нужно провести нѣсколько недѣль въ морѣ, чтобы понять то блаженное чувство, которое ощущаешь, вырвавшись изъ судовой кѣтки и сидя въ шлюпкѣ, летящей къ берегу.

Но вотъ и пристань. Океанское волненіе, хотя и вполнѣ ослабленное, не допускаетъ комфортабельнаго приставанія. Нужно ловить моментъ и быстро выскакать на пристань, когда волна подброситъ нашу шлюпку вверхъ. Не обходится и безъ неудачъ, и тогда опять жди этого момента.

Мы на берегу; пріятно почувствовать подъ ногами уже не качающуюся палубу, а настоящую твердую землю. Веселье, чисто дѣтское, охватываетъ васъ, и, наэлектризованные имъ, вы готовы

побѣжать, попрыгать... Все представляется въ забавномъ свѣтѣ. А тутъ еще живая карриатура ждетъ насъ на пристани.

Толпа негритяночекъ, разряженныхъ въ чопорныя европейскія платья, съ любопытствомъ озираетъ чужеземцевъ. Ну, какъ не расхохочешься, смотря на ихъ черныя блестящія лица, толстыя губы, курчавые волосы и глаза на выкатѣ. Вообразите такое существо, одѣтое по всѣмъ правиламъ англійской моды. Я видѣлъ негровъ среди ихъ родной обстановки; обнаженные, съ леопардовыми шкурами на бедрахъ, съ копьями и щитами въ рукахъ,—они производили впечатлѣніе хотя и дикой, но несомнѣнной граціи, даже и красоты, если хотите. Но здѣсь, въ цилиндрахъ и дамскихъ шляпкахъ, это—такія карриатуры, что невольно разсмѣшать самого угрюмаго мизантропа.

Толпа разнообразнаго люда тѣснится у пристани. Составъ ея самый разнохарактерный,—смѣсь возрастовъ, цвѣтовъ и состояній; тутъ и ребятишки смѣшанной расы, тутъ и степенные съ виду джентльмены, и нищія, и дамы, и старики.

Пройдя черезъ крѣпостныя ворота, мы вступили въ городокъ Джемстоунъ. Не успѣли пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ высокій господинъ, въ тропической каскѣ и съ набрюшнымъ поясомъ ярко-краснаго цвѣта, быстро подошелъ къ намъ. Я тотчасъ узналъ въ немъ мистера Джевонса, джентльмена изъ Канады, бывшаго у насъ наканунѣ на клиперѣ, по дѣламъ консульства. Случилось, что въ то время какотъ-компанія была пуста; офицеры были заняты на палубѣ, и старшій офицеръ пригласилъ меня (какъ знающаго языки) занять гостя на полчаса.

За рюмкой марсалы мы разговорились. Преоригинальное созданіе—этотъ мистеръ Джевонсъ! Сообщителенъ, развязенъ, готовъ на всякую услугу; космополитъ если не по убѣжденію, то по совершенной атрофіи всего, что можетъ касаться національности, религіи, языка и т. д. Сначала онъ привлечетъ васъ любезностью; затѣмъ шокируетъ, почти отталкиваетъ своей безцеремонной фамиллярностью. Въ концѣ же концовъ, вы возвращаете ему расположеніе, видя въ немъ не наглаго „*parvenu*“, но безпечнаго и добродушнаго малаго, типичнаго *globe trotter*'а, какъ обозвалъ эту разновидность опредѣлительный англійскій языкъ.

— Eh ben! — восклицаетъ онъ на французско-канадскомъ языкѣ:—привѣтствую васъ на территоріи королевы! Надѣюсь, вы надолго? Вашъ консулъ поручилъ мнѣ оказать вамъ содѣйствіе при осмотрѣ достопримѣчательностей. Начнемъ съ могилы Наполеона; желающіе—верхомъ, можно на ослахъ, пѣшкомъ и въ экипажахъ.

Мнѣнія раздѣляются. Впрочемъ, подавляющее большинство высказывается за лошадей: почти каждый морякъ—кавалеристъ въ душѣ.

Что касается меня, то, въ качествѣ страстнаго пѣшехода, я предпочитаю совершить это паломничество пѣшкомъ.

Къ моему удивленію, Джевонсъ изъясняетъ намѣреніе сопроводить меня.

— А вотъ и вы, мистеръ Долива!—обрушился онъ на меня, —такъ вы пѣшкомъ? All right, мы отправимся вмѣстѣ съ вами къ мистеру Лабарру: t'is a friend of mine ¹⁾... Пока вы разопѣете съ нимъ по рюмочкѣ вермута, я организирую экспедицію для вашихъ коллегъ. Затѣмъ я присоединяюсь къ вамъ, и до захода солнца мы будемъ въ Лонгвудѣ.

Перспектива знакомства съ какимъ-то Лабарромъ мнѣ мало улыбалась, но я поблагодарилъ Джевонса и покорился року.

Черезъ четверть часа я входилъ во дворикъ крошечнаго домика, откуда раздавались неистовые крики цѣлой коллекціи попугаевъ.

— Это слабость Лабарра,—сообщилъ мнѣ Джевонсъ;—впрочемъ, это еще не одна изъ его слабостей... Лабарръ — большой чудакъ, но попробуйте сойтись съ нимъ: il gagne à être connu. Предупреждаю васъ, что это ярый бонапартистъ; не вздумайте какъ-нибудь, говоря съ нимъ, отозваться дурно о Наполеонѣ. Я называлъ какъ-то его корсиканца величайшимъ изъ авантюристовъ, и, вообразите, мы чуть не разсорились навсегда... Да вотъ и онъ!

У порога показался хозяинъ. Онъ сразу не понравился мнѣ: маленький горбатый старичокъ, лицо птичье, кожа морщинистая, насквозь прожженная солнцемъ, бѣлая косматая борода, нависшія брови, сходящіяся надъ горбатымъ носомъ; парусинный пиджакъ съ значкомъ Легіона въ петлицѣ.

Джевонсъ представилъ меня и, объяснивъ, въ двухъ, трехъ словахъ, цѣль посѣщенія, быстро ушелъ.

Лабарръ, молча, пригласилъ меня войти въ комнату.

Письменный столъ, заваленный бумагами, два книжныхъ шкафа, нѣсколько плетеныхъ пальмовыхъ креселъ, круглый обѣденный столъ и походная кровать у стѣны—составляли всю обстановку.

Четыре попугая карабкались по плетеному креслу; чтобы унять ихъ крикъ, Лабарръ навинулъ на кресло простыню.

— Теперь мы можемъ говорить,—обратился онъ ко мнѣ по-

¹⁾ „Это одинъ изъ моихъ пріятелей“.

французски:—присядьте. Вы курите? Вотъ нѣсколько гаванскихъ сигаръ.

Я отказался, и между нами начался разговоръ, скучный и шаблонный, вертѣвшійся на общихъ мѣстахъ, типичный разговоръ двухъ людей, равнодушныхъ и безучастныхъ другъ къ другу.

Однако, стаканъ капскаго вина „пробилъ ледъ“, и старикъ слегка оживился.

— Давно вы здѣсь?—освѣдомился я.

— Меня привезъ сюда отецъ въ двадцатомъ году, еще ребенкомъ; у него здѣсь былъ складъ аптекарскихъ товаровъ. Съ тѣхъ поръ я дважды былъ на родинѣ: разъ, чтобы окончить свое медицинское образованіе въ Парижѣ, а второй разъ я ѣздилъ на войну, въ эпоху франко-прусской кампаніи, въ качествѣ военнаго врача. Послѣ Седана я вернулся сюда и поселился скромнымъ рантьеромъ.

— И васъ не тянетъ на родину?

— Нисколько: этотъ островъ дорогъ мнѣ по воспоминаніямъ. Здѣсь умеръ отецъ, здѣсь же похоронилъ я жену и сына... Я знаю наизусть каждый камень и исторію cadaго деревца; у меня небольшая практика, и въ чернокожей средѣ „мусье“ очень популяренъ. Кромѣ того, съ родными во Франціи я порвалъ давно и теперь такъ же одинокъ, какъ и знакомецъ вашъ, Джевонсъ.

— Это, кажется, старинный пріятель вашъ?

— Онъ пріѣхалъ не такъ давно. Не сумѣю объяснить вамъ, что, собственно, насъ сблизило: люди мы разные, и по характеру, и по убѣжденіямъ, вѣрнѣе, по отсутствію какихъ-либо убѣжденій у этого канадца. Но въ душѣ своей онъ чистъ, какъ ребенокъ, и когда приходитъ ко мнѣ, вечеромъ, выкурить трубку, то вносить какую-то струю молодости и веселья въ мой монастырь... Это, впрочемъ, мой единственный пріятель на островѣ.

— И вамъ не скучно?

— А вотъ мои настоящіе друзья,—отвѣтилъ онъ, указывая на книги:—какъ видите,—ихъ много. Днемъ я не могу читать, по причинѣ жары, но зато цѣлые вечера, а иногда и ночи я провожу въ ихъ обществѣ.

Въ эту минуту дверь отворилась, и вошелъ Джевонсъ.

— Все готово!—разразился онъ:—ваши коллеги уже двинулись въ путь; если поторопитесь, будетъ не дурно. До Лонгвуда добрыхъ два часа ходьбы... Эге! да вы не теряли времени: отъ бутылки констанцскаго осталось немного... Eh ben! все къ лучшему! по крайней мѣрѣ, подкрѣпились на дорогу. Лабарръ, вы съ нами? Не возражайте: вѣдь я знаю, что вы никогда не прочь

побывать въ знаменитомъ домикѣ и посидѣть на могилѣ Бонапарта, т.-е. тѣфу! Наполеона...

Лабарръ молча кивнулъ головой и, надѣвъ пробковую каску, вышелъ вмѣстѣ съ нами.

Выйдя изъ городской черты, мы стали подниматься въ гору, по прекрасно выѣченной дорогѣ. Ширина ея значительна и допускаетъ экипажную ѣзду.

— Такое благоустройство, — воскликнулъ Джевонсъ, — вы встрѣтите только въ британскихъ колоніяхъ. Сколько труда вложено здѣсь въ каждый квадратный метръ; съ какими невѣроятными усилиями приходилось отвоевывать этотъ путь, шагъ за шагомъ, подъ зноемъ тропическаго солнца! Вы улыбаетесь, Лабарръ? О, скептикъ! неужели васъ не восторгаетъ британскій геній?

— Я думаю о тысячахъ китайцевъ и невольниковъ ост-индской компаніи, которыхъ привезли сюда строить этотъ путь; когда они не выдерживали изнуренія, ихъ хоронили, какъ падаль, и энергія британскаго генія слишкомъ прикосновенна къ сентъ-жемскому кладбищу, чтобы я могъ любоваться ею спокойно...

Мы продолжаемъ подниматься въ гору; вокругъ насъ желтыя базальтовыя скалы, мѣстами поросшія кактусами.

— Видите эти кактусы?—отнесся ко мнѣ Лабарръ: — ихъ нарочно разсаживаютъ по скаламъ; дѣло въ томъ, что скалы эти, выѣтриваясь, склонны къ обваламъ и, при крутости ихъ, угрожаютъ городу. Это не мнимая опасность; случаи бывали. Прочтите надпись на этой каменной плитѣ, вдѣланной въ скалу.

Я прочелъ и невольно вздрогнулъ отъ ужаса. Не дальше, какъ въ 1890 году, 1.500-тонный утесъ, сорвавшись, упалъ внизъ, прямо на городъ и завалилъ улицу. Это случилось мгновенно, неожиданно, и Джемстоунъ лишился въ одну секунду части своего населенія.

Погибли цѣлыя семейства, находившіяся злополучно въ роковомъ районѣ.

— Мой домикъ недалеко отъ мѣста обвала, — рассказывалъ Лабарръ: — не забуду никогда этого страшнаго дня. Вообразите: знойный день, глубокая тишина, всё отдыхаетъ, какъ это принято у насъ, послѣ полудня... И вдругъ, страшный грохотъ, сотрясеніе почвы, и опять тишина полная, могильная. Но въ эту минуту цѣлая улица, съ домами и жителями, перестала существовать.

Я посмотрѣлъ внизъ, увидѣлъ подъ собой Джемстоунъ съ

птичьего полета и невольно перевелъ глаза на нѣсколько крутыхъ утесовъ, готовыхъ сорваться ежеминутно.

— Неужели кактусы могутъ помочь дѣлу?—спросилъ я.

— О, да!—отвѣтилъ Джевонсъ:—развѣтвленія ихъ корней связываютъ почву и противодействуютъ вывѣтриванію. Кстати, вы знаете,—это *belles de nuit*; они расцвѣтаютъ по ночамъ, и когда распускаютъ стремительно свои лепестки, то производятъ шумъ, на подобіе выстрѣла.

Солнечный зной становился невыносимъ; то-и-дѣло, я снимаю свою пробковую каску и вытираю струящийся по лицу потъ.

— Бѣдный сѣверянинъ!—воскликнулъ мой канадецъ.—Утѣштесь: скоро будетъ такъ холодно, что прозябнете.

— Развѣ мы такъ высоко поднимемся?

— Дѣло не въ высотѣ: пока вы находитесь подъ защитой горы, вамъ нестерпимо жарко, но вотъ вы приблизитесь къ какому-нибудь горному проходу, и васъ сразу обдастъ влажнымъ вѣтромъ.

— Совѣтую вамъ,—сказалъ Лабарръ,—не разстегиваться во время горныхъ экскурсій; внезапное охлажденіе тѣла, только-что разгоряченнаго зноемъ, губительно вліяетъ на здоровье.

— Не сократило ли это жизнь и Наполеону?—не могъ не спросить я.

— Возможно; да и плато Лонгвудъ, гдѣ онъ преимущественно проводилъ время, могло играть также роль въ этомъ отношеніи. Возвышенное положеніе этого плато (2.000 футъ надъ океаномъ) дѣлаетъ его достояніемъ частыхъ тумановъ и дождей. Докторъ О'Меандра думаетъ, что большая переменчивость погоды на Еленѣ должна располагать къ болѣзнямъ печени.

— *Mon lieutenant*, оглянитесь назадъ! — окликаетъ меня Джевонсъ.

И дѣйствительно, стоило оглянуться: теперь можно было видѣть не только весь городокъ, утонувшій въ горной тѣснинѣ, но и большую часть рейда. Крошечные, точно игрушечные кораблики стояли на якоряхъ; вотъ и нашъ клиперокъ, съ его стройными мачтами и щегольски выправленными реями. Въ безпредѣльной океанской синевѣ бѣлѣютъ паруса лавирующихъ шкунъ; горизонта не разглядѣть, онъ растаялъ и слился съ небомъ.

— Что за прелесть!—невольно воскликнулъ я:—сколько шири и свѣта!

— Да, видъ прекрасный,—согласился Лабарръ:—и никогда не надоѣстъ; императоръ не отрывался отъ него по цѣлымъ часамъ...

— Кстати объ императорѣ, — вмѣшался Джевонсъ: — я забываю свои обязанности гида; видите эту хорошенькую villu въ одной милѣ отъ города? Фруктовый садъ и красивая аллея, — это знаменитый Брайарсъ; здѣсь временно жилъ Наполеонъ, пока не выстроили для него лонгвудскаго дома.

— А что это за маленький павильонъ сбоку?

— Въ немъ-то именно и жилъ императоръ, чтобы не стѣснять хозяевъ дома; нижняя комната этого павильона служила ему спальней, кабинетомъ, заломъ и столовой. Здѣсь, между прочимъ, онъ диктовалъ свои мемуары.

— Отчего же онъ не поселился въ городѣ?

— Послѣ высадки онъ провелъ тамъ ночь въ домѣ мистера Партенса, — отвѣтилъ Лабарръ: — но навязчивость и назойливое любопытство толпы слишкомъ удручали его... Онъ не принялъ даже приглашенія на городской балъ, состоявшійся въ его честь.

По мѣрѣ удаленія въ горы, пейзажъ мѣняется; городъ давно скрылся, и волшебной панорамой развертываются передъ глазами долины, ущелья. Бываютъ моменты, когда ничего не видно, кромѣ безобразнаго скопленія базальтовыхъ глыбъ. Пустынныя скалы въ безчисленныхъ комбинаціяхъ карабкаются другъ на друга, и причудливъ видъ ихъ, обнаженный и печальный. Даже кактусы перестали попадаться, и подъ жгучими лучами тропическаго солнца, среди вѣчной, ничѣмъ невозмутимой тишины, становится жутко созерцать это безотрадное зрѣлище какого-то гигантскаго разрушенія.

Чувство страннаго одиночества проникаетъ въ грудь; тоска непонятная и безотчетная сжимаетъ сердце. Именно, — безотчетная, такъ какъ даже ощущеніе времени и пространства необычайно преобразуется въ воображенія. Прошлаго будто и не было; стихаютъ и думы о будущемъ, и только одно настоящее, безконечное настоящее властно царить. Точно присутствуешь при какомъ-то созданіи древняго міра; точно переживаешь это хаотическое сложеніе первобытныхъ элементовъ, и представленіе о вѣчности становится особенно понятнымъ уму. И отчего такъ непостижимо тревожно на душѣ?

Оттого-ли, что „я“, эта маленькая отдѣльная жизнь, рожденная въ вѣчности, именно здѣсь лицомъ къ лицу съ этой вѣчностью, вдругъ сознаетъ свою хрупкость, свою конечность, — конечность мелодіи, сорвавшейся съ чьихъ-то дрожащихъ струнъ и звенящей въ душномъ холодномъ пространствѣ. Еще мигъ, и

недопѣтая пѣсня замреть, вся растворившись, забытая, неоплаканная...

И куда дѣвались ея порыванія куда-то, ея тревожная сладость, томительная неудовлетворенность и никому не рассказанная грусть?...

— Скоро и Лонгвудъ!—крикнулъ Джевонсъ:—какъ видите, пейзажъ измѣнился.

Дѣйствительно, уже стала попадаться зелень, настоящая зелень; цѣлыя рощи странныхъ деревьевъ, съ маленькими узкими листьями, сгруппированными въ концамъ вѣтокъ, что лишаетъ эти деревья тѣни.

— Это каучуковыя деревья,—сообщилъ Лабарръ:—по ученому они зовутся „*copuya gummifera*“, а здѣсь принято называть ихъ: „*gum woods*“.

Меня поразило, что эти деревья всѣ наклонены въ одну и ту же сторону, но я скоро догадался, что виной тому юго-восточный пассатъ, этотъ постоянный вѣтеръ, дующій весь годъ въ томъ же направленіи и наполнявшій недавно наши паруса. Читателю, вѣроятно, извѣстно, что пассатные вѣтры, дующіе въ тропическихъ зонахъ, много способствуютъ парусному мореплаванію. Границы ихъ слегка колеблются, въ зависимости отъ времени года. Два корабля, встрѣтившись въ океанѣ и свѣривъ сигналами широту и долготу, никогда не упустятъ случая взаимно осведомиться, гдѣ каждый изъ нихъ встрѣтилъ или потерялъ пассатъ.

Еще немного пути, и мы у цѣли.

Свѣтлый ручеекъ, осыненный плакучими ивами и возлѣ него группа стройныхъ кипарисовыхъ деревьевъ. Проходимъ черезъ калитку рѣшетки; прохлада и тѣнь пріятно нѣжатъ уставшее и разгоряченное тѣло. Передъ нами простая каменная могильная плита, подъ которой, какъ выразился Пушкинъ:

„Народовъ ненависть почилъ, и лучъ безсмертія горитъ“...

Могила пуста, такъ какъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ погребенія, французская эскадра, подъ начальствомъ принца королевскаго дома, явилась на о. Елены, и прахъ Наполеона былъ перевезенъ во Францію, подъ куполъ Инвалидовъ, согласно пункту завѣщанія: „*je désire que mes cendres reposent sur le bord de la Seine, au milieu de ce peuple français que j'ai tant aimé*“ (я хочу, чтобъ мой прахъ покоился на берегу Сены, въ средѣ французскаго народа, который я такъ любилъ).

— Отчего же на плитѣ нѣтъ никакой надписи?—спросилъ я Лабарра.

— Оттого, что губернаторъ, ненавистный Гудзонъ Лоу, не разрѣшилъ иной надписи, какъ: „генералъ Бонапарте“. Этотъ господинъ не разрѣшилъ даже исполнить просьбу императора, согласно которой, по вскрытіи тѣла, сердце его должно было быть послано въ Парму, къ Маріи-Луизѣ. Впрочемъ, и то сказать: она мало заслуживала такой чести.

— А кто избралъ это мѣстоположеніе?

— Самъ императоръ; онъ любилъ часто отдыхать здѣсь послѣ горныхъ прогулокъ.

— Успѣете еще наговориться и вечеромъ,—прервалъ насъ Джевонсъ:—Лабарра не нужно заставлять разсказывать о Бонапартѣ, т.-е.—виновать!—о Наполеонѣ. Солнце скоро будетъ садиться, и если вы хотите осмотрѣть императорскій домъ, то не теряйте по-пусту времени и слѣдуйте за мной.

Вотъ и маленькій бѣлый домъ, гдѣ жилъ Наполеонъ съ 9-го декабря 1815 г. до своей смерти (15-го мая 1821 г.).

Я вообще не ожидалъ дворцовой обстановки, но скромность этой послѣдней резиденціи великаго императора поразила меня выше всякой мѣры. Особый чиновникъ, назначенный отъ французскаго правительства, завѣдуетъ этимъ домомъ.

Онъ уже предупрежденъ о нашемъ прибытіи и любезно встрѣчаетъ у порога. Все поддерживается въ томъ же видѣ свято и неприкосновенно; даже обои остались тѣ же.

Главный интересъ сосредоточенъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ собственно жилъ Наполеонъ. Маленькая передняя преобразована въ ванную. Входимъ въ небольшую узкую комнату.

— Это спальня,—объясняетъ смотритель,—а рядомъ съ ней кабинетъ.

Кабинетъ выходитъ въ низкую маленькую и претемную комнату, служившую столовой. Обстановки никакой; имѣвшаяся мебель, равно какъ и отдѣльные предметы украшеній, увезены уже давно во Францію, гдѣ хранятся, частью въ музеяхъ, частью перешли въ собственность потомковъ императора; кромѣ того, многое было расхищено со времени его смерти, въ качествѣ драгоценныхъ реликвій.

Стѣны обиты темнымъ нанеиномъ съ бордюрами изъ зеленой бумаги. Занавѣски простыя, бѣлыя. Въ кабинетѣ маленькій каминъ.

— Здѣсь висѣлъ портретъ императрицы Маріи-Луизы,—объ-

ясняетъ смотритель:—ниже миниатюра первой жены Наполеона, императрицы Жозефины. Надъ нею находилась картина: „Утро Фридриха Великаго“. Тутъ были часы, которые Наполеонъ носилъ еще въ бытность первымъ консуломъ; они были подвѣшены къ стѣнѣ посредствомъ локона изъ волосъ Маріи-Луизы. Здѣсь же старый диванчикъ, на которомъ императоръ любилъ отдыхать, и надъ нимъ висѣлъ портретъ Маріи-Луизы съ сыномъ, маленькимъ римскимъ королемъ.

Изъ спальни Наполеона дверь выходитъ въ двухсвѣтныи салонъ съ тремя окнами съ каждой стороны и отсюда же стеклянная галерея ведетъ въ садъ. Это единственное помѣщеніе, могущее претендовать на нѣкоторый комфортъ, хотя къ вечеру сидѣть тамъ становится невыносимо, по причинѣ тропическаго солнца, заливающего своими лучами всю комнату.

Въ противоположномъ крылѣ дома—передняя, кабинетъ и спальня (немного просторнѣе): здѣсь жили графъ и графиня Монтолонъ съ ребенкомъ.

По узкой лѣстницѣ поднимаемся наверхъ. Верхній этажъ, родъ чердака, былъ занимаемъ свитой и разбитъ на крошечныя каморки, душные и невообразимо жаркія. Графъ Бертранъ, съ женой и тремя дѣтьми жили въ Гутсгэтѣ (невдалекѣ отъ Лонгвуда).

Спускаюсь и еще разъ обхожу императорскіе покои, чтобы запечатлѣть ихъ въ памяти. Солнце близко къ заката, и прощальные лучи его наполняютъ комнаты оранжево-золотымъ свѣтомъ. Этимъ же свѣтомъ залитъ большой прекрасный бюстъ Наполеона, сдѣланный изъ гипса и увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ.

Выраженіе величаваго спокойствія застыло на гордомъ античномъ лицѣ.

— On dirait l'incendie de Kremlin ¹⁾, —замѣчаетъ смотритель.

— Чтѣ вы говорите?—спрашиваю я.

— J'entends la couleur du couchant; ça produit un effet étrange: on dirait l'empereur devant les flammes de Moscou ²⁾.

Позади меня послышалось что-то. Оборачиваюсь: маленькая фигурка прижалась къ углу, глаза въ слезахъ, и грудь, тощая, вдавленная, дрожитъ отъ судорожнаго рыданія...

Что за непонятное существо этотъ старикъ Лабарръ!

Мы приглашены на чашку чая къ смотрителю.

¹⁾ „Словно кремлевскій пожаръ“.

²⁾ „Я разумѣю цвѣтъ заката; онъ производитъ странный эффектъ: императоръ точно стоитъ передъ пылающей Москвой“.

Домъ его, по сравненію съ резиденціей Наполеона, — настоящій дворецъ. Любезная хозяйка представляетъ мнѣ двухъ дочерей. Разговоръ вертится около Наполеона. Лабарръ уже оправился отъ волненія и принимаетъ живое участіе въ общей болтовнѣ. Какъ и предсказалъ мнѣ Джемонсъ, старичокъ этотъ начинаетъ мнѣ нравиться. Всю жизнь Наполеона онъ знаетъ до мельчайшихъ деталей, и я даю себѣ слово непременно провести съ нимъ вечеръ.

— Не хотите ли увести съ собой что-нибудь на память объ этомъ днѣ? — любезно спрашиваетъ смотритель и дѣлаетъ знакъ женѣ. Последняя киваетъ головой, уходитъ и возвращается съ нѣсколькими бездѣлушками въ рукахъ.

— Вотъ портсигаръ, сплетенный изъ травы, выросшей на могилѣ Наполеона, а вотъ такой же стѣнной футлярикъ для часовъ. Это — для визитныхъ карточекъ. Возьмите себѣ все это на память. Не стѣсняйтесь, у насъ припасена цѣлая куча подобныхъ *сигюитѣ*, на случай пріѣзда иностранцевъ. А вотъ вамъ и рѣдкій фотографическій снимокъ съ картины: „Умирающій Наполеонъ, окруженный свитой“; эта прекрасная картина была написана очевидцемъ и впослѣдствіи увезена въ Англію. Всѣ восторгаются ея художественнымъ выполненіемъ: Наполеонъ безукоризненъ, а выраженіе лица у графини Бертранъ, по общему приговору, безподобно.

Темнѣетъ, и пора собираться въ путь. Комфортабельный экипажъ уже поданъ, и, поблагодаривъ сердечно гостепріимныхъ хозяевъ, мы отправляемся въ Джемстоунъ.

III.

Рабочая лампа привѣтливо освѣщаетъ столъ, заваленный книгами и бумагами. Она освѣщаетъ также пальмовое кресло, на которомъ сидитъ скорбленный старичокъ; на плечѣ его пріютился сѣрый попугай. Противъ него расположился я, весь поглощенный разсказами собесѣдника. Окна открыты настежъ, и въ нихъ смотреть черно-синее небо съ мириадами звѣздъ южнаго полушарія. Издали доносится частый барабанный бой англійскаго патруля, обходящаго городъ.

Бесѣда съ Лабарромъ затянулась за полночь.

О чемъ, о чемъ только не говорилъ онъ: Аячціо, Бриентъ, Тулонъ, Ареола, Пирамиды, Маренго, Аустерлицъ, Йена, Фридляндъ, Ваграмъ, Москва, Лейпцигъ, Эльба, заливъ Жуана, Ватерлоо, —

всѣ эти великіе акты міровой трагедіи воскресали въ моей памяти. И, весь объѣянный впечатлѣніями дня, я жадно слушалъ вдохновеннаго старика, прощая ему его пристрастіе къ великому герою этихъ событій. Да и самое пристрастіе его не было преднамѣреннымъ искаженіемъ фактовъ, фальшивымъ освѣщеніемъ ихъ или произвольнымъ толкованіемъ. Исходя отъ сердца, согрѣтое неподдѣльнымъ жаромъ искреннаго убѣжденія, это пристрастіе звучало для васъ чѣмъ-то плѣнительнымъ: словно влюбленная женщина повѣряла вамъ свою тайну.

Я завелъ рѣчь о послѣднихъ монографіяхъ о Наполеонѣ I.

Лабарръ выслушалъ меня очень внимательно, закурилъ свою гапанскую сигару и, несмотря на меня, заговорилъ:

— Послѣднее время можно назвать эпохой разоблаченій. Современная историческая критика любитъ развѣчивать великія имена; на ея анатомическомъ столѣ самыя славныя дѣянія приписываются мелкимъ, суетнымъ побужденіямъ; высокое честолюбіе изводится къ личному тщеславію, великодушіе къ близорукости, геній къ случайностямъ удачи, метаморфозы любви къ игрѣ темперамента. И вотъ, когда безпощадный анализъ совершилъ свое дѣло, часто не брезгуя пристрастными свидѣтельствами и мемуарами подозрительной достовѣрности,—начинается работа синтеза. Возникаетъ плеяда писателей, полагающихъ свою минутную карьеру въ созданіи сенсационныхъ монографій. На величайшихъ людей пишутся пародіи, историческія репутаціи тонуть въ грязномъ омутѣ квази-разоблаченій. Такія книги часто приобрѣтаютъ громкую извѣстность, доставляя авторамъ ихъ, хотя и временный, но лестный успѣхъ. Иногда эти авторы бываютъ вполне добросовѣстны и очень искренно попадаютъ въ ловушку собственнаго воображенія... Приходилось ли вамъ, когда-нибудь, смотря на небо и вглядываясь въ какое-нибудь облако,—находить въ его случайной формѣ отдаленное сходство съ какимъ-нибудь предметомъ? Вамъ показалось, что оно похоже на лебедя; вы всматриваетесь въ отдѣльные клочки его и находите въ нихъ подобіе лебединой шеи, крыльевъ и т. д. Наконецъ, вы проникаетесь убѣжденіемъ, что облако похоже на лебедя и ни на что иное. Но можетъ случиться, что другой зритель, смотрѣвшій, одновременно, рядомъ съ вами, на то же облако, пришелъ такимъ же путемъ къ убѣденію, что оно имѣетъ форму верблюда. То же и съ упомянутыми авторами: какъ, въ случаѣ облака, предвзятый образъ лебедя, случайно жившій въ вашемъ воображеніи, расположилъ васъ къ этому сравненію, такъ и предвзятое мнѣніе, существующее у автора, руководило имъ, при вышеупомянутомъ

синтезѣ данныхъ исторической критики. Разногласіе въ послѣднемъ случаѣ увеличивается еще и вліяніемъ личныхъ симпатій и антипатій. Отсюда—изумительное разнообразіе взглядовъ и сужденій.

Онъ замолчалъ, погруженный въ задумчивость.

— Знаете чтѣ,—вдругъ сказалъ онъ, оживившись:—я хотѣлъ бы быть живописцемъ, но только настоящимъ живописцемъ, великимъ, гениальнымъ!

— И вы написали бы жизнь Наполеона въ картинахъ, что-нибудь въ родѣ исторической галереи первой имперіи?

— Да, да! вы поняли меня, именно такъ!—подхватилъ Лабаррь, и лицо его вдругъ засіяло, ставъ почти красивымъ.

— Какіе же сюжеты вы бы избрали?

— Сюжеты, спрашиваете вы! сюжеты! Да ихъ такъ много, этихъ сюжетовъ, что жизни не хватило бы на выполнение хотя бы половины ихъ.

— Слушайте!—заговорилъ онъ лихорадочно быстро, видимо увлекаясь этой мыслью:—я набросаю вамъ ихъ нѣсколько, на пробу. Батальные сюжеты пока въ сторону,—есть и другіе, еще не исчерпанные... Слушайте. Весна 14-го года. Имперія умираетъ. Положеніе Наполеона безвыходно; попытка самоубійства не удалась, отреченіе подписано, настаетъ день отъѣзда императора на Эльбу. Дворецъ Фонтенбло весь залитъ солнцемъ. Во дворѣ Бѣлаго Коня старая гвардія построилась сдвоенными рядами. Одного счастливаго баталіона не хватаетъ: онъ подаренъ императору и на пути къ Эльбѣ. Полдень. Наполеонъ простился со свитой и сбѣгаетъ съ лѣстницы Подковы. Барабанный бой привѣтствуетъ его появленіе. Солдаты безмолвны и лица ихъ суровы; никто изъ нихъ не попалъ въ счастливый баталіонъ. Несмѣтные толпы тѣснятся къ забору. Всѣ притаили дыханіе. Барабанный бой стихаетъ вдали. О, какъ прекрасенъ императоръ! „Солдаты моей старой гвардіи,—говоритъ онъ громко и торжественно:—я прощаюсь съ вами. Уже двадцать лѣтъ, какъ я нахожу васъ всегда на пути къ чести и славѣ. Въ эти послѣдніе времена, какъ и въ дни процвѣтанія, вы не переставали служить образцами мужества и вѣрности. Съ такими людьми, какъ вы, наше дѣло не было бы проиграно; но война, затянувшись, вызвала бы внутреннія смуты, и Франція стала бы еще несчастѣе. И вотъ, я пожертвовалъ всѣмъ для родины: я уѣзжаю. Вы же, друзья мои, продолжайте служить Франціи. Ея счастье было моей единственной мечтой; оно всегда останется предметомъ моихъ желаній. Не оплакивайте моей судьбы; если я и рѣшилъ

пережить себя, то для вашей же славы. Я хочу описать великія дѣла, совершенныя съ вами!" Голосъ Наполеона обрывается, но онъ продолжаетъ: „Прощайте,—говоритъ онъ,—прощайте, мои дѣти! Я хотѣлъ бы прижать васъ всѣхъ къ груди... Дайте мнѣ хоть обнять вашу знамя!" Ему подають знамя, ветхое, изорванное знамя великой арміи... Сдержанный ропотъ въ толпѣ. И вдругъ, рыданіе, сплошное рыданіе тысячъ людей. Наполеонъ поднимаетъ голову, слезы струятся по блѣдному и прекрасному лицу его, и твердымъ, звучнымъ голосомъ онъ восклицаетъ: „Прощайте еще разъ, старые товарищи! Пусть этотъ послѣдній поцѣлуй перейдетъ въ ваши сердца!" И, закрывъ лицо обѣими руками, онъ подходитъ къ каретѣ... Великая имперія умерла. И вотъ этотъ-то моментъ, когда императоръ прижимаетъ знамя къ сердцу, я изобразилъ бы въ великолѣпной потрясающей картинѣ. А потомъ, въ pendant къ ней, я написалъ бы другую...

Съ минуту онъ молчалъ, откинувшись въ кресло.

— Мои либретто длинны, но помиритеcь съ этимъ: иначе, какъ объяснить вамъ свою галерею?

— Вы упомянули о другой картинѣ...

— Итакъ, слушайте. Имперія умерла. Людовикъ Бурбонъ—на королевскомъ тронѣ. Императоръ—въ заточеніи на островѣ Эльбѣ. Сынъ его—съ императрицей Маріей-Луизой въ Австріи, въ лагерѣ его союзныхъ враговъ. Письмо за письмомъ летитъ къ ней съ Эльбы, но отвѣта все нѣтъ. Наполеонъ подозрѣваетъ, что они не доходятъ до ея рукъ. О, заблужденіе! Они не доходятъ лишь до ея сердца. Воспоминанія дѣтства воскресаютъ въ ней. Кровь Габсбурговъ начинаетъ говорить. Недавнее гореловко убаюкивается цѣлымъ сонмомъ льстецовъ и царедворцевъ. Французскій налетъ слетѣлъ съ австрійской души. О, лишь бы титулъ герцогини пармской! лишь бы рейхштадтское герцогство для римскаго короля! Вѣнскій конгрессъ собираетъ государей. Праздникъ сплошной, балы, маскарады... Большой раутъ у императрицы австрійской; представленіе живыхъ картинъ. Чтò за блескъ! чтò за великолѣпіе! безчисленныя люстры залиты свѣтомъ, и ярко сіяютъ брилліанты нарядныхъ красавицъ. Цѣлый цвѣтникъ лентъ, орденовъ, эполетъ и раззолоченныхъ кафтановъ. Весело гремитъ музыка, балъ въ разгарѣ. Шолковый занавѣсъ взлетаетъ къ потолку, и одна живая картина смѣняетъ другую... Но вдругъ—веселье оборвано! Чтò за смятеніе въ залѣ! Лица блѣднѣютъ, занавѣсъ падаетъ, музыка смолкаетъ. Ужъ не пожаръ ли въ дворцѣ? Нѣтъ,—но вѣсть, страшная, роковая вѣсть облетѣла залъ и передается изъ устъ въ уста. „Наполеонъ покинулъ

Эльбу, высадились въ заливѣ Жуана и идти въ Парижъ. Сраженій нѣтъ. Всеобщій восторгъ. Его путь усыпаютъ цвѣтами. Имперія воскресла!“ Вотъ вамъ и вторая картина моей галереи.

Лабарръ окончательно разошелся,—одну картину за другой рисовалъ онъ мнѣ. Не буду перечислять ихъ всѣхъ: во-первыхъ, въ моемъ изложеніи онѣ стануть блѣдны и безжизненны, а вторыхъ, я далеко перешагну за рамки этого очерка.

Мы перешли къ поэтамъ, воспѣвавшимъ Наполеона, и я познакомилъ Лабарра съ нѣкоторыми изъ нашихъ отечественныхъ произведеній. Въ особенности понравилось Лабарру знаменитое стихотвореніе Лермонтова: „Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій“... Заключительныя строфы привели его въ восторгъ.

— О, que c'est beau!—воскликнулъ онъ и нѣсколько разъ повторилъ:

Comme il voudra revenir, envahi de tristesse,
Sur cette île brûlée par un soleil lointain,
Où son géôlier fut l'océan aussi invincible,
Aussi grand que lui-même! ¹⁾.

Пора и прощаться; въ четыре часа утра я долженъ вступить на вахту. Лабарръ провожаетъ меня до пристани.

Уже сидя въ шлюпкѣ, уносимой, какъ птица, шестью дюжими молодцами, я оборачиваюсь и вижу на пристани маленькаго, сторбленнаго старика. На мое прощальное привѣтствіе онъ не отвѣчаетъ, хотя и смотритъ въ мою сторону: видимо, ему уже не до меня.

Вотъ и клиперъ нашъ, едва покачиваемый волнами.

— Кто гребетъ?—окликаетъ часовой у флага.

— Офице-е-ръ!—кричитъ рулевой, сидящій за моей спиной.

— Шабашъ!—раздается опять его веселая команда, и шесть весель, взлетая стройно вверху, безшумно исчезаютъ въ шлюпкѣ. Мы у трапа.

Вахтенный начальникъ встрѣчаетъ меня съ улыбкой:

— Вотъ и вы! я уже счелъ васъ нѣтчикомъ ²⁾. Черезъ четверть часа вамъ на вахту; хотѣлъ уже будить подвахтеннаго. Поздненько, поздненько, государь мой! Видно, весело провели

¹⁾ „Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ, подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!“

²⁾ „Нѣтчиками“ называются матросы, не вернувшіеся на корабль послѣ гулянки.

время... Не оправдывайтесь! что это вы умудрились найти на Еленѣ?..

И веселый намекъ срывается съ его устъ.

Еслибъ онъ зналъ, въ чемъ обществѣ я провелъ вечеръ!

IV.

Въ моемъ распоряженіи остается еще одинъ свободный день передъ отплытіемъ.

Куда дѣтъ его? Что еще осмотрѣть? Съ такимъ вопросомъ въ головѣ я брожу по городу, какъ вдругъ, на площади, встрѣчаю стараго знакомаго своего, Джевонса.

— Въ Розмэри были?—спрашиваетъ онъ меня.

— Въ какомъ Розмэри?

— За Планташенъ-гоузомъ, у наслѣднаго принца зулусовъ?

— У какого принца?

— Такъ вы и не знаете, что у насъ, на Еленѣ, живетъ, въ пожизненномъ заточеніи, великій Дини, трофей англо-зулусской кампаніи, подъ знаменемъ котораго племени каффровъ-зулу соединяются въ одну черную армію! Чтобы попасть въ его резиденцію Розмэри, нужно запастись разрѣшеніемъ губернатора Елены. Отправляйтесь къ нему, въ Планташенъ, и пошлите дежурнаго у крыльца спросить для васъ это дозволеніе. Я вамъ дамъ проводника, который, въ случаѣ разрѣшенія, проведетъ васъ въ Розмэри и обратно.

Сказано—сдѣлано, и, въ сопровожденіи крошечнаго смуглаго мальчугана, я отправляюсь въ Планташенъ.

Для сокращенія пути пользуюсь ладдергилльской лѣстницей, о которой уже упомянулъ въ началѣ этого очерка. Лѣстница эта построена изъ желѣза и наклонна подъ угломъ въ 45 градусовъ, что при вышины ея (болѣе полутора тысячъ футъ) дѣлаетъ ее невыносимо крутой. Ступеньки преузкія и, поднимаясь по ней, трудно, на первый разъ, освободиться отъ нѣкотораго страха; въ особенности, когда посмотришь прямо внизъ, съ ея головокружительной высоты.

Взобравшись наверхъ и пройдя чрезъ гарнизонныя казармы, углубляемся въ горы. На этотъ разъ дорога оживленнѣе, и мы довольно скоро попадаемъ въ живописный районъ, именуемый Планташенъ и ведущій къ губернаторскому дому.

Какъ дорога, такъ и окрестная зелень содержатся заботливо, опрятно, и, проходя по широкимъ, прекраснымъ аллеямъ, не-

вольно забываешь, что находишься на островѣ св. Елены, а не въ какомъ-нибудь англійскомъ паркѣ.

Подойдя къ дому, посылаю губернатору свою визитную карточку, объяснивъ дежурному цѣль прихода. Жду минутъ пять, и вижу дежурнаго, сбѣгающаго ко мнѣ съ лѣстницы, съ моею же визитной карточкой въ рукахъ.

„Неужели отказъ!“ — думаю я, но пріятно разувѣряюсь, осмотрѣвъ свою карточку. Рукой губернатора на ней написано:

„Admission. Rosemary, Grey-Wilson“ (имя губернатора).

Запасшись этимъ „пасъ-парту“, покидаемъ Планташенъ и отправляемся въ Розмэри. По извилистой дорогѣ вступаемъ въ рощу гуммиферовъ, этихъ деревьевъ, наклоненныхъ въ одну и ту же сторону дѣйствіемъ южнаго пассата. Это послѣднее обстоятельство сообщаетъ мѣстности унылый видъ.

Солнечный зной неощутимъ здѣсь, будучи умѣряемъ ровнымъ прохладнымъ вѣтромъ. Благодаря этой прохладѣ, совершаемъ нашъ путь почти безъ всякой усталости.

Дорогой разглядываю своего проводника: потомокъ смѣшанной расы, въ третьемъ поколѣніи, онъ напоминаетъ мнѣ креоловъ Реюньона и Мадагаскара; тотъ же смуглый оливковый цвѣтъ лица, прозрачная нѣжность кожи, прекрасные черные глаза, отъѣнные длинными рѣсницами. Пытаюсь заговорить съ нимъ, но разочаровываюсь въ возможности, — такъ исковеркано его англо-ѳіюпское нарѣчіе.

Дорога поднимается въ гору, и пейзажъ опять оживился; опять замѣчается на растительности отраженіе заботливой человѣческой руки. Исчезли однообразные гуммиферы, и теперь экземпляры нашей европейской флоры, прекрасно принявшіеся на этой чуждой почвѣ, при умѣренности температуры, — ласкаютъ глазъ своей густотой, тѣнью и разнообразіемъ. Это Розмэри-Гиллъ, одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Елены.

Бѣлое низкое строеніе, неправильнаго вида, обнесенное заборомъ, показывается сквозь зелень деревьевъ.

— Stop here a little, sir! (подождите минутку здѣсь!) — восклицаетъ мой мальчуганъ и, оставивъ меня, убѣгаетъ по направленію къ дому. Ожиданіе мое, впрочемъ, не долго, и я вижу молодого джентльмена, приближающагося ко мнѣ.

Мы раскланиваемся, и онъ освѣдомляется на англійскомъ языкѣ, кто я и дано ли мнѣ разрѣшеніе.

Показываю ему карточку съ надписью губернатора.

— That's all right! ¹⁾ — восклицаетъ онъ. — Пропу васъ слѣ-

¹⁾ Непереводимое выраженіе англичанъ, означающее: „все въ порядкѣ“.

довать за мной. Я — смотритель и переводчикъ при плѣнномъ принцѣ. Принцъ у себя въ комнатѣ и разговариваетъ со своими приближенными; его жены на дворѣ. Да вотъ и одна изъ нихъ!

Передъ нами — престранное созданіе: высокая, полная негр-танка одѣта въ ситцевое платье; курчавые волосы ея коротко подстрижены, кромѣ одного мѣста на темени, гдѣ они собраны вертикальнымъ шиньономъ, обильно украшеннымъ серебряными булавками и искусственными цвѣтами.

Смотритель обращается къ ней на зулусскомъ нарѣчій; она выслушиваетъ его съ подобострастнымъ видомъ и стремительно убѣгаетъ въ домъ.

Входимъ во дворъ; здѣсь играетъ группа чернокожихъ дѣтей. Прекуръезны ихъ обнаженные фигурки; особенно комиченъ одинъ мальчуганъ, сидящій на землѣ и пожирающій апельсинъ, держа его обѣими ручками. Головка его непомерно велика, по сравненію съ миниатюрнымъ тѣльцемъ. Завидя насъ, онъ не мѣняетъ положенія, и только глаза его, огромные, съ желтыми бѣлками, провожаютъ насъ, рискуя выскочить изъ своихъ орбитъ.

Входимъ въ темную и грязную переднюю. Убийственный запахъ кокосоваго масла бросается въ носъ при входѣ.

— Принцъ уже предупрежденъ; войдемте къ нему черезъ эту дверь.

Кросчатая, низкая комната; по срединѣ круглый столъ, два плетеныхъ кресла, нѣсколько вѣнскихъ стульевъ; въ углу при-слоненное къ стѣнѣ копьѣ, лукъ, колчанъ со стрѣлами и наброшенная на него леопардовая шкура.

Нѣсколько негровъ, изъ которыхъ одинъ поразительно тучный, сидятъ на скамьѣ у двери, одѣтые въ синія блузы, а у окна стоитъ стройная, изящная фигура молодого каффра, одѣтаго изысканно въ лѣтній парусинный костюмъ. Мнѣ еще ничего не сообщили, но я уже угадалъ въ немъ Чернаго Плѣнника.

Отъ всего существа его исходило сознаніе превосходства и власти, что-то царственно-гордое, присущее всѣмъ властелинамъ, большимъ и малымъ, бѣлымъ и чернымъ, на какомъ бы краю свѣта они ни жили.

Не берусь описать вамъ его лица: лица чуждыхъ расъ такъ похожи для насъ одно на другое, до того лишены индивидуальныхъ особенностей, что отдѣльные нюансы ихъ уловимы лишь для привычнаго глаза и не поддаются описанію.

Цвѣтъ лица черно-коричневый, почти абсолютно черный; волосы густы и курчавы, губы толсты и при улыбкѣ обнаруживаютъ зубы ослѣпительной бѣлизны; носъ приплюснутъ, глаза черные,

сверкающіе; мускулистый станъ строенъ, осанка благородна. Таковъ принцъ Дини, подошедшій ко мнѣ съ привѣтливой улыбкой и протянутой рукой.

Смотритель, представляя меня, сообщаетъ принцу, что я—русскій офицеръ. Мы усѣлись, и мнѣ предложили банановъ и вермуту. Принцъ старается быть любезнымъ, но, видимо, его стѣсняетъ незнаніе англійскаго языка; впрочемъ, кое-какія фразы онъ силится произнести, съ глухимъ гортаннымъ акцентомъ.

— Руша бигъ контри? (Россія—большая страна?),—спрашиваетъ онъ меня.

— Бигъ, вери бигъ,—отвѣчаю я и вдругъ вспоминаю, что въ моемъ карманѣ еще до сихъ поръ лежитъ альбомчикъ петербургскихъ видовъ, взятый мной для Лабарра.

Вынимаю его и показываю. Эффектъ полный; принцъ разсматриваетъ его съ необыкновеннымъ любопытствомъ, кивая головой въ отвѣтъ на поясненія переводчика. Время отъ времени онъ издаетъ какія-то присвистыванія, выражающія удивленіе. Онъ дѣлаетъ знакъ сидящимъ на скамьѣ неграмъ, и тѣ, вскочивъ съ мѣста, окружаютъ столъ и, наклонясь надъ альбомомъ, жадно разглядываютъ незнакомыя картинки, присвистывая хорошо тотчасъ, какъ только ихъ повелитель выразитъ этимъ способомъ свое изумленіе.

Тѣмъ временемъ я разспрашиваю смотрителя о судьбѣ плѣннаго принца.

— Не сумѣю сказать вамъ точно,—отвѣтилъ онъ уклончиво:—сколько лѣтъ будетъ продолжаться его изгнаніе. Срокъ этотъ не опредѣленъ; принцъ слишкомъ популяренъ въ Зулу-лэндѣ, и только со времени водворенія его на Еленѣ относительное спокойствіе достигнуто въ странѣ. Бѣдствія же и потери, понесенныя нами въ ужасной войнѣ 79-го года, принудили наше правительство къ болѣе предусмотрительной и твердой политикѣ съ этимъ легко воспламеняемымъ народомъ.

— Кого же поставили королемъ, вмѣсто Дини?

— До сихъ поръ не рѣшено: предполагаютъ облечь этой властью Зибebu, одного изъ тринадцати удѣльныхъ каффрскихъ князьковъ. Впрочемъ, въ англійскомъ обществѣ многіе высказываются противъ Зибebu, находя его вѣроломнымъ и ненадежнымъ; нѣкоторые стоятъ за Ндабуку. Существуетъ даже партія, въ лицѣ, напр., Коленсо, ратующая за плѣннаго Дини, ходатайствуя за его возвращеніе на родину. Но это врядъ ли можетъ осуществиться: повторяю, онъ слишкомъ популяренъ...

— Какъ онъ относится къ своему изгнанію? горюетъ ли онъ?

— Не видно, чтобы очень горевалъ. Онъ склоненъ къ задумчивости, но это въ характерѣ его расы. Правительство приняло всѣ мѣры, чтобы облегчить его участь: при немъ жены, приближенные. Онъ окруженъ возможнымъ комфортомъ; на содержаніе его ассигнована значительная сумма, и онъ часто получаетъ подарки; малѣйшія прихоти его стараются исполнять.

— Скажите, онъ всегда такъ одѣтъ?

— Нѣтъ, изрѣдка; большей частью онъ одѣвается въ свой національный костюмъ, если только можно назвать костюмомъ леопардовую шкуру. Стрѣльба въ цѣль, пѣніе и пляска, — вотъ его развлечения. Мнѣ удалось научить его писать по-англійски; съ виду онъ почти цивилизованъ, мягокъ и добръ, но попробуйте перенести его въ родную обстановку, и онъ сразу обратится въ кровожаднаго и воинственнаго короля.

„Кровожадный король“ уже окончилъ осмотръ альбома и передаетъ его мнѣ. Я прошу разрѣшенія у смотрителя подарить Дини эту вещь. Препятствій не оказывается, и плѣнникъ принимаетъ подарокъ съ очевиднымъ удовольствіемъ. Это же удовольствіе написано и на лицахъ его свиты, исключая, впрочемъ, одного изъ „министровъ“, сохранявшаго, во все время нашего посѣщенія, суровый, озлобленный видъ и выраженіе презрительной надменности.

Между „кровожаднымъ королемъ“ и двумя совѣтниками происходитъ оживленный разговоръ, послѣ котораго на столѣ появляется кабинетный портретъ принца Дини, въ европейскомъ костюмѣ, съромъ цилиндръ и съ любимой кошкой у ногъ.

Принцъ отдаетъ какое-то приказаніе.

— Онъ требуетъ перо и чернила, — переводитъ мнѣ смотритель: — принцъ хочетъ подписать эту карточку. Все это, кажется, для васъ; поздравляю съ портретомъ и любопытнымъ автографомъ. Дѣйствительно, вооружившись перомъ, плѣнникъ начинаетъ медленно и съ напряженнымъ трудомъ выводить какія-то каракули. Окончивъ, наконецъ, эту операцію, онъ вручаетъ мнѣ снимокъ, на которомъ крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ начертано: Dini-Zulu.

При этомъ черный принцъ произноситъ какую-то тираду на такомъ смѣшанномъ нарѣчій, что понять я не въ состояніи ничего, кромѣ отдѣльныхъ словъ: „Руша“ и „Дини“.

— Принцъ говоритъ, — поясняетъ смотритель: — что когда вы будете въ большой странѣ Руша (Россія), то покажите эту карточку всѣмъ и скажите, что Дини-Зулу хотя и въ плѣну, но богатый и могущественный король; что онъ не теряетъ надежды вернуться на родину и увѣряетъ Руша въ своей дружбѣ.

Визитъ оконченъ и, распрощавшись съ Чернымъ Плѣнникомъ, я отправляюсь домой.

Гуляя по пристани, въ ожиданіи вечерней шлюпки, я думаю о странной судьбѣ этого острова, призваннаго исторіей къ столь роковой роли—служить темницей для опасныхъ честолюбцевъ.

При этомъ, что за иронія судьбы! Великаго Наполеона смѣняютъ здѣсь зулусскій князекъ!

И—кто знаетъ? — можетъ быть, и злополучный Дини палъ жертвой какого-нибудь мѣстнаго Талейрана, безвѣстнаго проидохи-жреца, котораго онъ возвысилъ, согрѣлъ на своей груди и облекъ безграничнымъ довѣріемъ. А тотъ, предвидя конечное торжество ничтожнаго короля Зибebu, раскинулъ свою вѣроломную паутину и продалъ своего покровителя бѣлолицому инноплеменнику за тридцать сребрениковъ или боченокъ рома.

И вотъ, Дини захваченъ и томится въ заточеніи на далекомъ островѣ, оплакиваемый влюбленнымъ въ него чернымъ народомъ, для котораго, до сихъ поръ, самое имя Дини-Зулу служить воинственнымъ крикомъ, сигналомъ къ кровопролитному возстанію.

Не спасли его амулеты изъ бегемотовой кости и фамиліи святины бусы, составленныя его предками изъ зубовъ враждебныхъ князей. „Задумчивость въ характерѣ его расы“, выразился его тюремщикъ; можетъ быть и такъ, но кто поручится за то, что происходитъ въ головахъ Чернаго Плѣнника? Не рисуетъ ли ему воображеніе, распаленное изгнаніемъ, плановъ мести, гигантской, ужасной, цѣлаго моря человѣческой крови, долженствующей служить искупленіемъ за измѣну, за горькое томленіе въ далекомъ плѣну?

Вѣдь сказалъ же онъ мнѣ: „Дини-Зулу хотя и въ плѣну, но — богатый и могущественный король!“ И уносятся мысли его далеко за предѣлы синяго океана, туда, гдѣ большія молчаливыя рѣки извиваются среди непроходимыхъ, опутанныхъ лианами, пальмовыхъ лѣсовъ, безмолвіе которыхъ нарушается лишь криками павіановъ и попугаевъ. Вотъ онъ поднимается по нимъ на узкой пирогѣ, въ борьбѣ съ теченіями, водоворотами; видитъ крокодиловъ, грѣющихся на солнцѣ, и грузныхъ гиппопотамовъ, купающихся въ водѣ. Дальше несется онъ, на крыльяхъ памяти, и вступаетъ въ обширныя болота, усѣянныя стадами красныхъ фламинго, необозримыя озера, окаймленныя тамариндовыми рощами, пріютами дикихъ слоновъ. Вотъ и пески показались, и ноги его тонутъ въ ихъ жгучей и вязкой глубинѣ; онъ видитъ днемъ пугливыя стада полосатыхъ зебровъ, а ночью слышитъ замо-

ванія шакаловъ и рычаніе льва. Онъ прислушивается къ этому рычанію съ біеніемъ сердца, и сладкое содроганіе пробѣгаетъ по его тѣлу... Дикій восторгъ овладѣваетъ имъ; онъ у себя. Еще немного пути, и „краали“ ¹⁾ родныхъ племенъ засмѣялись ему на горизонтѣ, въ лучахъ утренняго солнца, восходъ котораго служилъ ему указаніемъ пути. Его встрѣчаютъ съ дикимъ восторгомъ, и черныя демоническія толпы, ударяя въ там-тамы, пляшутъ вокругъ него, разодѣтыя въ праздничныя шкуры леопардовъ. „Къ оружію!“ — кричитъ онъ, потрясая копьемъ, и воинственный вопль дрожитъ въ воздухѣ, передаваясь отъ „краали“ къ „краалю“, отъ племени къ племени, отъ рѣки до рѣки... Онъ весь охваченъ свободой. Онъ идетъ во главѣ могучей черной арміи, готовый умереть за него, за своего Дини, пропавшаго и опять воскресшаго, къ восторгу всѣхъ. И пусть боится бѣлолицыя, пусть трепещетъ вѣроломный Зибебу! Грудь его разрѣжутъ, и изъ дымящагося, трепещущаго сердца его Дини выпьетъ всю кровь до послѣдней капли...

Такъ, можетъ быть, мечтаетъ по ночамъ Черный Плѣнникъ, а на утро одѣвается опять въ парусинный пиджакъ, надѣваетъ на голову сѣрый цилиндръ и, глядя свою любимую кошку, выслушиваетъ наставленія смотрителя, обучающаго его англійской грамматикѣ. .

Расчеты съ берегомъ окончены. Послѣдняя шлюпка отвалила отъ борта.

Вахтенный начальникъ шагаетъ по мостику, то-и-дѣло поглядывая на часы. Группы матросовъ искоса поглядываютъ на него, выжидая команды; боцмана вынули дудки и собираются приложить ихъ къ губамъ. Всеобщее ожиданіе виситъ въ воздухѣ. Сигнальщикъ сообщаетъ офицеру, что на часахъ въ рубѣхъ — девять.

— „Ундеръ-офицеры къ люкамъ!“ — весело и раскатисто восклицаетъ вахтенный начальникъ. Короткіе тревожные свистки разносятся въ воздухѣ.

— „Всѣхъ наверхъ паруса ставить, съ якоря сниматься!“

Всѣ выбѣгаютъ наверхъ. Вахтенный начальникъ уступаетъ мѣсто старшему офицеру, и тотъ начинаетъ распоряженія громкимъ возгласомъ: „Сна-сти на пѣ-лубу-у-у!“

„Авраль“ ²⁾ въ разгарѣ; каждый на своемъ мѣстѣ; кипитъ дружная лихая работа.

Вскорѣ клиперъ украсился парусами. Якорь поднять, и дѣй-

¹⁾ „Селеніа“.

²⁾ „Авраломъ“ называется общая работа на кораблѣ.

ствиемъ переднихъ парусовъ насъ быстро „уваливаетъ подъ вѣтеръ“.

Еще минута, другая, рей стройно выравниваются, курсъ взять и клиперъ понесся, разбивая мощной грудью шипящія волны.

— „На мѣстѣ я-корь!“ — слышится съ бака отдаленный голосъ перваго лейтенанта. — „Подвахтенные внизъ!“ — летитъ откликъ съ мостика.

— На какой изъ Азорскихъ острововъ мы идемъ? — спрашиваетъ механикъ у старшаго штурмана, вступившаго теперь на свой высокій постъ.

— Рано будете знать, скоро состаритесь! — отвѣчаетъ онъ, таинственно подмигивая: — развѣ можно знать за три недѣли, куда насъ загонитъ судьба?

— Но въ вахтенномъ журналѣ написано же, куда мы слѣдуемъ! — допрашиваетъ неугомонный механикъ.

— Идемъ въ Фаяль, — снисходить, наконецъ, штурманъ.

— А Сантъ-Мигуэльская почта! — съ отчаяніемъ восклицаетъ механикъ.

— Александръ Іосифовичъ! — обращается ко мнѣ штурманъ: — отсчитайте мнѣ по хронометру, пока я словлю солнце. Да, встать, присоедините механическій лагъ.

Жизнь вступила въ новый фазисъ; объ этомъ кричитъ чайка, плавно пролетѣвшая надъ нами, и легкое покачиваніе корабля, и шумъ воды, и паруса, надутые вѣтромъ...

А островъ св. Елены? А Isola Maladetta?

Она таетъ вдали, и придется ли увидѣть еще разъ въ жизни ея темный профиль?..

Chi lo sa! — говорятъ итальянцы, — а жизнь морского офицера полна случайностей...

А. Доливо-Довровольскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

У САЙМЫ ВЪ ПОЛДЕНЬ.

Этотъ матово-свѣтлый, жемчужный просторъ
Въ небесахъ и въ зеркальной равнинѣ,
А вдали этотъ черный застывшій узоръ,—
Тамъ, гдѣ лѣсъ отразился въ пучинѣ.

Если воздухъ прозрачный доносить порой
Дѣтскій крикъ иль бубенчики стада,—
Здѣсь и самые звуки звучатъ тишиной,
Не смущая безмолвной отрады.

Такъ остаться бы вѣкъ—и свѣтло, и тепло
Здѣсь на чистомъ натающемъ снѣгѣ.
Злая память и скорбь—все куда-то ушло,
Все расплѣлось въ чарующей нѣгѣ.

II.

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЮБОВЬ.

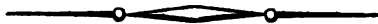
Тебя полюбилъ я, красавица нѣжная,
И въ свѣтло-прозрачный, и въ сумрачный день,
Мнѣ любви и ясные взоры безбрежные,
И думы печальной суровая тѣнь.

Ужели обманъ—эта ласка неожиданная?
Ужели скитальцу измѣнишь и ты?
Но сердце твердить: это пристань желанная
У ногъ безмятежной, святой красоты.

Люби же меня, ты, красавица нѣжная,
И въ свѣтло-прозрачный, и въ сумрачный день,
И пусть эти ясные взоры безбрежные
Все горе былое развѣютъ какъ тѣнь.

ВЛАДИМИРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

11 октября, 1894 года.

НАЧАЛО КОНЦА

Э Т Ю Д Ъ.

I.

Быль полдень,—жаркій, безоблачный, настоящій іюльскій полдень.

Илья Петровичъ Климовъ, сидя на крыльцѣ своего хуторскаго дома, почти не сводилъ глазъ съ большой дороги. Онъ съ минуты на минуту ожидалъ сына: поѣздъ долженъ былъ придти часъ назадъ, а отъ желѣзно-дорожной станціи до хутора—всего только 14 верстъ.

Ильѣ Петровичу давно уже перевалило за шестьдесятъ, и въ послѣдніе годы онъ сильно осунулся, постарѣлъ; но теперь въ его лицѣ, оживленномъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ, было еще столько эвергіи, что на первый взглядъ онъ казался много моложе своихъ лѣтъ.

Около десяти лѣтъ назадъ, когда его большое имѣніе пошло съ молотка, а друзья и пріятели какъ-то вдругъ къ нему охладѣли, Илья Петровичъ навсегда поселился въ этой небольшой усадьбѣ и зажилъ отшельникомъ.

Не привыкнувъ думать о будущемъ, онъ, конечно, не могъ предвидѣть, какъ тяжело ему будетъ переносить въ одиночествѣ старость, которая рано или поздно должна же была наступить.

И старость не заставила себя долго ждать.

Одинъ за другимъ являлись несомнѣнные признаки: уныніе, скука, бессонница, а главное—полнѣйшее ко всему равнодушіе. Напрасно старался онъ увѣрять себя, будто интересуется поле-

вымъ хозяйствомъ, пасѣкой, садомъ или скотнымъ дворомъ, — ничто не радовало, ни къ чему не влекло. Онъ махнулъ на все рукой и только изрѣдка, разъ или два въ мѣсяцъ, не больше, призывалъ приказчика, какъ бы для какихъ-то распоряженій, на самомъ же дѣлѣ для успокоенія совѣсти: онъ еще стыдился своей праздности.

Такъ провелъ Илья Петровичъ года три, все время втайнѣ надѣясь, что не сегодня, завтра, что-то случится; объ немъ со-скучатся, его станутъ просить, къ нему награнуть и т. д. Но время шло, а никто изъ прежнихъ знакомыхъ, повидимому, и не думалъ заглядывать въ его скромный хуторъ.

Между тѣмъ одиночество становилось для него почти нестерпимымъ, и какъ утопающій за соломинку, онъ ухватился за мысль возобновить прежнія знакомства. Въ то же время, уязвленное самолюбіе бывшаго баловня судьбы заставляло его скрывать это желаніе даже отъ себя самого. И онъ скрывалъ, стараясь утѣрить себя, что ему нужно въ городъ по дѣламъ, и долго подыскивалъ какой-нибудь предлогъ для поѣздки. Наконецъ, подходящій предлогъ былъ найденъ.

Подѣзжая къ губернскому городу, Илья Петровичъ невольно волновался и думалъ о предстоявшихъ встрѣчахъ. Увы, встрѣчъ не послѣдовало никакихъ: друзья и собутыльники здоровались съ нимъ какъ-то особенно торопливо, и съ такимъ обиднымъ равнодушіемъ, какъ будто видѣлись только вчера. Ни одного восклицанія, ни одного дружескаго привѣта или упрека за долгое отсутствіе!

Лучше бы они не узнавали его, или еще какъ-нибудь оскорбили; тогда по крайней мѣрѣ онъ могъ бы отплатить имъ сто-рицей, могъ бы выместить на нихъ все, что наболѣло и нави-пѣло у него на душѣ!..

Но придраться было не къ чему, приходилось затаить въ себѣ клокотавшую злобу.

Изъ всѣхъ прежнихъ знакомыхъ только одна предводительша приняла Илью Петровича радушно, ласково пожуривъ за то, что давно не бывалъ, но и она кончила тѣмъ, что хоть и неумышленно, а все-таки приподнесла пилюлю.

Вглядѣвшись пристально въ лицо гостя, старая барыня вдругъ воскликнула:

— Да что съ тобой, батюшка? Давно ли былъ — ковырь-ко-выремъ, а теперь — сущій грибъ!

Къ довершенію всего, — такой ужъ, видно, день несчастливый

выдался,—на улицѣ Илью Петровича разсердилъ еще какой-то оборвышъ.

— Дай, дѣдушка, копѣчку! Да-а-й!—вопилъ мальчуганъ, забѣгая впередъ и кривляясь.

Это ничтожное обстоятельство вывело старика изъ себя: онъ замахнулся даже палкой, но мальчишка ловко увернулся отъ удара.

Илья Петровичъ опомнился и уныло понизилъ головой. Осунувшееся и поблѣднѣвшее лицо его нервно подергивалось.

— „Грибъ“, „дѣдушка“!—неотступно вертѣлось въ головѣ его, а сердце ныло и замирало отъ какой-то глухой, щемящей боли...

Илья Петровичъ понималъ, что онъ жалокъ, даже смѣшонъ, и все-таки, подобно увядающей кокеткѣ, не хотѣлъ примириться со старостью.

Собираясь въ обратный путь, онъ, какъ говорится, рвалъ и металъ. Всю дорогу онъ то-и-дѣло понукалъ кучера, а дома такъ распекалъ своего Семена, что старый слуга на минуту опѣшилъ.

Давно уже не видалъ Семенъ своего барина въ такомъ гнѣвѣ, хоть и помнилъ то время, когда ему частенько-таки приходилось испытывать на самомъ себѣ внушительную тяжесть барской десницы.

Да, было такое время, и однако Семенъ не безъ сожалѣнія вспоминаетъ о немъ.

— Бывало, чуть что, сейчасъ по зубамъ, либо въ ухо,—да зато-жъ и житье было—масляница!

Семенъ никакъ не могъ простить барину его разоренья и въ душѣ глубоко презиралъ его. Нерѣдко, вспоминая о прошломъ, Семенъ мысленно посылалъ по адресу барина „старого дурака“ или еще что-либо въ такомъ родѣ.

Послѣ неудачной поѣздки въ городъ Илья Петровичъ уже окончательно заперся у себя на хуторѣ.

Подавленный сознаниемъ, что онъ никому не нуженъ, онъ совсѣмъ было упалъ духомъ и Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилъ, еслибъ не набрелъ случайно на мысль о сынѣ. Почти не думая о немъ раньше, Илья Петровичъ вдругъ вообразилъ себя нѣжнѣйшимъ изъ отцовъ и безпрестанно вспоминалъ сына.

„Что-то теперь Андрюша?.. Какъ онъ тамъ?“—и проч. Въ то же время старикъ пріободрился: цѣль жизни есть. Года черезъ два-три Андрей будетъ жить на хуторѣ и они вмѣстѣ будутъ хозяйничать. Если же сынъ захочетъ болѣе широкой дѣятельности, то можетъ пустить въ ходъ небольшой капиталъ, оставшійся ему

послѣ матери, и даже собственныя сбереженія Ильи Петровича. Пусть Андрей открываетъ заводъ или фабрику, расширяетъ хозяйство, пусть дѣлаетъ что хочетъ,—Илья Петровичъ не станетъ ему ни въ чемъ препятствовать. Да, все это такъ, но все это еще въ будущемъ, а пока что, онъ чувствуетъ непреодолимое желаніе повидаться съ сыномъ, наговориться съ нимъ обо всемъ.

Илья Петровичъ сталъ настойчиво звать сына къ себѣ, а тотъ, какъ нарочно, все отказывался пріѣхать, ссылаясь на разныя непредвидѣнныя помѣхи. То онъ срѣзался на экзаментъ и долженъ заниматься съ товарищами, то ему непременно нужно ѣхать въ Крымъ, то еще что-нибудь въ такомъ родѣ подвертывалось. И такъ каждое лѣто съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Андрей уѣхалъ въ Петербургъ.

Старикъ, наконецъ, догадался, что со стороны сына это просто небрежность, и что эта небрежность оскорбительна не только для его отцовской любви, но и для его достоинства. Глубоко возмущенный, онъ замолчалъ, пересталъ писать сыну, ограничиваясь только аккуратной посылкой денегъ.

Прошло такимъ образомъ еще нѣсколько времени. Въ тотъ годъ, когда Андрей кончалъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, Илья Петровичъ былъ увѣренъ, что сынъ наконецъ пріѣдетъ. Но и на этотъ разъ ошибся. Оказалось, что, получивъ назначеніе, Андрей спѣшилъ вступить въ новую должность и потому „вынужденъ“ былъ отложить свиданіе съ отцомъ до другого раза.

— Вынужденъ, вынужденъ!—съ горькой усмѣшкой пробормоталъ старикъ, и двѣ слезы медленно скатились по его щекамъ на сѣдые усы...

Рано наступившая осень тянулась въ тотъ годъ для Ильи Петровича невыносимо долго; зима казалась безконечной...

Андрей писалъ рѣдко и всегда только въ немногихъ словахъ. Послѣ каждого письма Илья Петровичъ тяжело вздыхалъ, цѣлый день былъ самъ не свой и даже забывалъ газету, единственное развлеченіе въ его монотонной и до тошноты однообразной жизни.

Дошло мало-по-малу до того, что всѣ получаемые журналы и газеты валялись неразрѣзанными, а Илья Петровичъ не зналъ куда дѣваться отъ скуки.

Семень тоже скучалъ и, отъ нечего дѣлать, старался вслѣдствіе досаждать барину. Вскорѣ онъ до того вошелъ во вкусъ этого развлеченія, что считалъ потеряннымъ тотъ день, когда ему не удавалось вывести барина изъ себя.

Между стариками постепенно разгоралась война съ ежедневными стычками, изъ которыхъ почти всегда слуга выходилъ побѣдителемъ. Да иначе и быть не могло по свойству ихъ темпераментовъ: Илья Петровичъ пылилъ, горячился; Семень, напротивъ, извиль тихо, вкрадчиво, необыкновенно мѣтко направляя свои уколы, и при этомъ очень удачно изображалъ собой напрасно обиженного. И случалось всегда такъ, что послѣ каждой стычки Илья Петровичъ фигурировалъ въ роли палача, а Семень—въ роли жертвы: слуга дулся, слезливо вздыхалъ; баринъ не находилъ себѣ мѣста отъ безпредѣльной тоски.

Илья Петровичъ смутно чувствовалъ, что онъ мельчаетъ, пошлѣетъ, словомъ, совсѣмъ гибнетъ; видѣлъ всю неприглядность своего положенія, но, не находя изъ него выхода, впадалъ въ отчаяніе и съ каждымъ днемъ опускался все ниже.

Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы...

Настала, наконецъ, весна. Потомъ, въ началѣ іюля, отъ Андрея пришло извѣстіе, что онъ взялъ отпускъ и непременно прійдетъ. Илья Петровичъ снова ожилъ, встрепенулся. И тутъ только онъ замѣтилъ окружавшее его запустѣніе: вездѣ была пыль, грязь, копоть. Началась уборка; кругомъ мыли, скребли, чистили. Илья Петровичъ ходилъ по дому возбужденный, радостный. Онъ вдругъ все простилъ сыну, забылъ все непріятное. Передъ его глазами носился только дорогой образъ Адрюши.

„О, теперь ужъ навсегда миновало безцвѣтное, безрадостное существованіе!“ мысленно ликовалъ Илья Петровичъ, и какъ-то совсѣмъ не думалъ о томъ, что вѣдь онъ не знаетъ своего сына.

Онъ помнилъ Андрея мальчикомъ, потомъ юношей-гимназистомъ, ежегодно пріѣзжавшимъ въ усадьбу на лѣто—и только. Теперь же Андрею двадцать-восемь лѣтъ, это уже вполне сложившійся человекъ, о которомъ Илья Петровичъ рѣшительно ничего не знаетъ.

Итакъ, Илья Петровичъ сидѣлъ на крыльцѣ и не спускалъ глазъ съ большой дороги. Отъ сильнаго волненія онъ, однако, не могъ долго оставаться на мѣстѣ и поднялся. Находившійся тутъ же Семень, въ конецъ измученный тѣмъ, что баринъ видимо забылъ о немъ, не утерпѣлъ, чтобы не съехидничать.

— Охота же жариться на солнцепекѣ!—проворчалъ онъ:—можетъ, баричъ еще и раздумалъ... не впервой вѣдь...

Илья Петровичъ вспыхнулъ, хотѣлъ-было ругнуть слугу, но только крикнулъ и, доставъ платокъ, сталъ вытирать свой влажный лобъ.

— Оно, конечно, гость рѣдкій... ужъ именно рѣдкій гость...— продолжалъ Семенъ и еще хотѣлъ что-то прибавить, но какъ разъ въ это время на горѣ показалась ямская тройка, запряженная въ гарантахъ. Спустившись съ горы, шагомъ тройка помчалась по ровной дорогѣ въ карьеръ, быстро подкатила къ крыльцу, а спустя минуту Илья Петровичъ обнималъ сына.

Покуда Андрей умывался и переодевался, Илья Петровичъ велѣлъ приготовить на балконѣ завтракъ, и немного погода оба сидѣли за столомъ.

— А! старые знакомцы, невольные свидѣтели моихъ дѣтскихъ печалей и радостей!—весело воскликнулъ Андрей, взглянувъ на окружавшіе балконъ громадныя клены и липы.

Въ то же время Илью Петровича больно кольнула мысль, что никогда онъ не зналъ, никогда даже не пытался узнать, что это были за радости, что за печали.

За столомъ говорили мало, больше отрывочными фразами. Ильѣ Петровичу ѣсть не хотѣлось, но онъ воздерживался отъ разспросовъ, чтобъ не мѣшать сыну, который ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

Наконецъ, Андрей кончилъ. Онъ, не смѣша, вытеръ салфеткой губы, тщательно расправилъ усы и хотѣлъ-было встать изъ-за стола.

Отецъ жестомъ остановилъ его.

— Ну, теперь рассказывай... рассказывай все: надолго ли ты сюда? Какъ тамъ устроился? И вообще какіе у тебя планы...

— Потомъ, отецъ, потомъ,—перебилъ Андрей,—еще успѣемъ наговориться, а теперь надо хорошенько отдохнуть съ дороги...

— Да, да!.. Правда!—черезъ-чуръ торопливо и дѣланно веселымъ тономъ согласился Илья Петровичъ и въ то же время подумалъ: „И послѣ такой долгой разлуки у него на первомъ планѣ только сонъ и ѣда“!..

И вдругъ онъ почувствовалъ, что его радушное настроеніе исчезло, на душѣ стало холодно и пусто.

На одну минуту онъ низко опустилъ голову, но черезъ мигъ выпрямился и сталъ самъ себя подбодрять.

Вѣдь Андрей и въ самомъ дѣлѣ сильно утомленъ дорогой, а онъ тутъ со своими разспросами. Нѣтъ, онъ рѣшительно одичалъ въ своемъ затворничествѣ. Онъ сдѣлался непомѣрно мнительнъ, придирчивъ, мелочень...

— Надо подтянуться, надо взять себя въ руки,—пробормоталъ онъ вслухъ, когда сынъ вышелъ.

II.

Солнце спряталось за набѣжавшія тучки; въ саду было прохладно.

Илья Петровичъ долго ходилъ по аллеямъ, потомъ по площадке, окружавшей домъ, потомъ снова пошелъ въ садъ. Онъ присѣлъ-было на скамейку, но черезъ минуту опять сталъ ходить по аллеямъ; вздумалъ-было сходить на пасѣку, но тутъ же и передумалъ: лучше побывать тамъ вмѣстѣ съ Андреемъ. Онъ нѣсколько разъ глядѣлъ на часы, и мучительное нетерпѣніе овладѣвало имъ все больше и больше.

Уже вечерѣло, когда Андрей появился, наконецъ, въ саду и подходилъ къ отцу медленной, лѣнливой походкой.

— Ну, что, отдохнулъ?

— Прекрасно выспался... А ты что тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ смотрю на эти сливы и яблони... Это, видишь ли, рѣдкіе сорта...

Андрей разсѣянно глядѣлъ на деревья и почти не слушалъ, какъ отецъ съ увлеченіемъ перечислялъ достоинства разныхъ рѣдкихъ плодовъ.

Осмотрѣвъ пасѣку онъ отказался наотрѣвъ, хотя пройти нужно было всего какихъ-нибудь полверсты.

Обѣдать сѣли поздно, по-петербургски. Но ни въ этотъ день, ни въ слѣдующіе, отецъ, давно отвыкшій отъ такихъ позднихъ обѣдовъ, не подавъ и виду, что ему это непріятно; сынъ, вѣроятно, забывъ его прежнія привычки, не догадывался справляться о теперешнихъ. За обѣдомъ Илья Петровичъ еще разъ попытался вызвать сына на откровенность, но Андрей отвѣчалъ уклончиво и неохотно. Онъ только и сказалъ, что взял отпускъ на два мѣсяца и прогоститъ на хуторѣ до половины сентября.

О самомъ себѣ и о своей службѣ онъ видимо не хотѣлъ говорить, и старикъ рѣшилъ, что надо терпѣливо ждать, покауда сынъ выскажется помимо воли, въ разговорахъ.

Весь остальной вечеръ обоимъ было не по себѣ: они не подходили, о чемъ говорить. Общихъ интересовъ не было, а говорить о чемъ-нибудь постороннемъ было какъ-то неловко, особенно въ первый день.

Къ концу вечера обоюдное напряженіе дошло до того, что и отецъ, и сынъ, точно нивѣсть чему обрадовались, когда стѣнные часы пробили двѣнадцать.

— Однакожь, какъ мы засидѣлись! — поспѣшилъ сказать Илья Петровичъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ поздно, — также поспѣшно согласился Андрей.

И они разошлись по своимъ комнатамъ. Ни тому, ни другому спать не хотѣлось; но улегшись въ постель, каждый ощутилъ такое наслажденіе отдыхомъ и оба съ такимъ облегченіемъ вздохнули, какъ будто цѣлый день провели въ какомъ-нибудь непомѣрно тяжкомъ трудѣ.

На другой день было то же, съ той, впрочемъ, разницей, что въ томительной скукѣ прибавилось еще и недовольство другъ другомъ. Недовольство смутное, неопредѣленное, но къ концу недѣли оно выяснилось. Андрей понималъ, что отецъ чего-то отъ него ждетъ, и съ раздраженіемъ думалъ:

„Вѣроятно, ждетъ разныхъ душевныхъ изліяній!.. Смѣшно, право!..“

Илья Петровичъ наблюдалъ молча и каждый день находилъ въ сынѣ какую-нибудь новую несимпатичную черту. Не нравилась ему и его наружность.

Правда, Андрей красивъ, но въ самодовольной улыбкѣ его красивыхъ губъ, изъ-за которыхъ сверкали бѣлые, вѣрныя зубы, и въ его смѣломъ, почти дерзкомъ взглядѣ, было что-то фальшивое. Несмотря на свѣжій цвѣтъ лица и стройный станъ, Андрей казался старше своихъ лѣтъ. Почему?.. Чтѣ его старить?..

Илья Петровичъ долго ломалъ надъ этимъ голову, пока, наконецъ, подмѣтилъ, что Андрея старить его лѣнивая походка, вѣчное ко всему равнодушіе, а главное — его манера ѣсть.

Онъ ѣлъ много, но не такъ, какъ обыкновенно ѣстъ молодежь, обладающая здоровымъ аппетитомъ, — на такую ѣду весело смотреть, — а какъ-то по-стариковски смаковалъ, старательно прожевывая и медленно запивая небольшими глотками вина. Когда онъ наливалъ вино и подносилъ ко рту рюмку, казалось, все его вниманіе поглощено было заботой о собственномъ пищевареніи. Отвѣдавъ чего-нибудь особенно вкуснаго, онъ какъ-то непріятно жмурился и прищелкивалъ языкомъ. Въ такія минуты Илья Петровичъ, глядя на Андрея, самъ себѣ говорилъ:

„Такъ ѣдятъ только люди въ конецъ развращенные, утратившіе чистоту души и сердца... Такъ ѣдятъ только черствые эгоисты или старые сластолюбцы!..“

И тотчасъ же старикъ мысленно упрекалъ самъ себя за такое рѣзкое сужденіе: „Вѣдь это только внѣшность. Мало ли на свѣтѣ

достойныхъ людей съ несимпатичной и даже отталкивающей наружностью“...

III.

Разъ какъ-то Илья Петровичъ, между прочимъ, въ разговорѣ упомянулъ, что въ голодный годъ и во время эпидеміи ему пришлось израсходовать нѣсколько тысячъ.

— Но вѣдь въ нашемъ уѣздѣ не было ни голода, ни холеры?—удивился Андрей.

— Приходилось посылать въ другія мѣста.

— Гмъ... Зачѣмъ?..

— Какъ же иначе? Всѣ жертвовали, кто что могъ...

Андрей поморщился.

— А запасные общественные капиталы?—началъ онъ послѣ значительной паузы:—а правительственныя ссуды? Развѣ ихъ было недостаточно?

— Ссуды! Капиталы!—воскликнулъ Илья Петровичъ, съ худо скрытымъ раздраженіемъ:—ты забываешь, что бѣда застигла всѣхъ внезапно, врасплохъ...

— И все-таки...

— Запасовъ не было, хлѣбныя магазины были пусты, а тутъ еще кулаки пустили въ ходъ всѣ свои хищническія уловки: куда земство то да сѣ,—составляло списки да проверяло ихъ, кулаки скупили весь хлѣбъ да земству же и продавали его, съ наживой рубль на рубль!..

— И все-таки эта временная помощь не ведетъ ни къ чему!.. мало того...

Илья Петровичъ уже закипѣлъ.

— Ха! — закричалъ онъ, весь побагровѣвъ:—отлично, прекрасно! Хорошо было бы, еслибъ всѣ вотъ этакъ же, какъ ты сейчасъ, разсуждали!..

— А по твоему выходить,—спокойно продолжалъ Андрей:—что ты удивительно много сдѣлалъ твоими пожертвованіями.

— Сдѣлалъ по мѣрѣ возможности!

— Да, сдѣлалъ, но чего: пользы или вреда?

— Вреда?!..

— Разумѣется. Вашими необдуманнѣйшими пожертвованіями вы просто-таки развратили мужика: онъ и всегда былъ лѣнивъ, а теперь и совсѣмъ не хочетъ работать!.. Нашлись, молъ, разъ благодѣтели, авось найдутся и еще...

Илья Петровичъ всталъ. Губы его нервно дрожали, голосъ пресѣкался.

— Вздоръ,—кричалъ онъ:—вздоръ! Ты мужика совсѣмъ не знаешь и говоришь готовыя фразы, выуженныя изъ дрянныхъ газетъ!.. И потомъ я тебѣ повторяю: тогда было не до разсужденій! Понимаешь ли, не до разсужденій!..

— Нѣтъ, не понимаю,—съ ледянымъ спокойствіемъ произнесъ Андрей и тоже всталъ.

— Нѣтъ, не понимаю,—такъ же спокойно произнесъ онъ еще разъ и продолжалъ: — безъ разсужденій вообще ничего не слѣдуетъ дѣлать, а тѣмъ болѣе въ этомъ случаѣ...

— А, не понимаешь! — уже внѣ себя кричалъ старикъ:—зато ты, конечно, хорошо понимаешь, и, вѣрно, давно уже постигъ, что гораздо выгоднѣе и удобнѣе жить по пословицѣ: моя хата съ краю, или—своя рубашка ближе!.. Это ты, какъ видно, отлично понимаешь!..

— Я, по крайней мѣрѣ, откровенно говорю: лучше на все закрыть глаза и заткнуть уши, чѣмъ тѣшить себя безцѣльной и безсмысленной благотворительностью.

— И махнуть на все рукой, лишь бы тебѣ было хорошо!

— Да, и махнуть рукой.

— Тебѣ хорошо, а тамъ—хоть трава не расти!

— Да, да!

— Ты... ты петербургская кабинетная деревяшка!..

— Каковъ есть.

— Благодарю, не ожидалъ!

— Не стоитъ благодарности.

Нѣсколько минутъ они молча стояли одинъ противъ другого и глядѣли другъ другу въ упоръ такъ, что обоимъ стало жутко.

Андрей опомнился первый и, отходя въ сторону, сказалъ:

— Подобные споры ни къ чему, кромѣ обоюднаго раздраженія, не ведутъ; надо бы намъ избѣгать ихъ.

— Да, да... надо избѣгать, — сконфуженно пробормоталъ Илья Петровичъ и поспѣшно, какъ виноватый, вышелъ изъ комнаты.

Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ страшно недоволенъ собой. Надо было во что бы то ни стало выдержать и не горячиться. Не прошло еще двухъ недѣль съ приѣзда Андрея, а онъ уже выдалъ свою неприязнь къ нему. Главное то досадно, что теперь Андрей постоянно будетъ на-сторожѣ, теперь ужъ онъ окончательно уйдетъ въ себя и ничего изъ него не выжмешь...

„А впрочемъ,—думалъ Илья Петровичъ,—чего же еще ждать отъ него? развѣ не достаточно сегодняшняго разговора?“

И старикъ съ глубокой грустью вспомнилъ, какъ еще недавно, думая о сынѣ, онъ глубоко сожалѣлъ о своей бесполезно прожитой жизни, какъ сильно хотѣлось ему тогда сдѣлать что-нибудь хорошее, что-либо такое, что могло бы поднять его въ глазахъ сына. Онъ вспомнилъ также, что и разсылая эти нѣсколько тысячъ, о которыхъ сегодня шла рѣчь, онъ думалъ, что это порадуетъ Андрея. Могъ ли онъ думать, что выйдетъ иначе?..

Правда, онъ совсѣмъ не зналъ сына, не имѣлъ никакого понятія о его міровоззрѣніи, но почему-то воображалъ найти въ немъ чуть не совершенство.

Илья Петровичъ иначе не могъ представить его себѣ, какъ надѣленнымъ всѣми гражданскими доблестями. Онъ привыкъ думать, что Андрей живетъ жизнью широкой, благородной; Андрей отзывчивъ на все хорошее, въ душѣ его неизсякаемый источникъ великодушныхъ порывовъ; словомъ, Андрей живетъ не иначе, какъ во имя идей добра, правды, красоты, во имя всего высокого и прекраснаго...

Такія мечты Илья Петровичъ успѣлъ взлелѣять въ себѣ въ короткій промежутокъ, въ нѣсколько недѣль передъ самымъ пріѣздомъ сына. Какъ уже сказано раньше, онъ тогда забылъ всѣ свои невзгоды и все время находился въ самомъ радужномъ настроеніи. И вотъ теперь, это первое столкновение съ дѣйствительностью просто ошеломило его: онъ ходилъ растерянный, точно пристыженный, или какъ человѣкъ, потерявшій самое дорогое.

Весь тотъ день и Андрей, и Илья Петровичъ, поминутно возвращались къ мысли, что надо избѣгать всякихъ споровъ.

И въ теченіе двухъ недѣль они старательно избѣгали не только споровъ, но даже возраженій.

Стоило одному открыть ротъ, какъ другой, почти не дослушавъ, спѣшилъ во всемъ согласиться. Въ то же время оба чувствовали другъ въ другѣ затаенную вражду и понимали, что струны слишкомъ натянуты, что такое напряженіе не можетъ продолжаться, и не сегодня-завтра ихъ обоюдная вражда, теперь глѣбущая внутри, непременно вырвется яркимъ полымемъ наружу. Оба боялись и предчувствовали, что вотъ-вотъ должно произойти что-то нелѣпое, безобразное. Они стали избѣгать оставаться долго съ глазу на глазъ, а за столомъ, когда сходились по необходимости, разговоръ у нихъ не клеился.

Приходилось хвататься за разныя повседневныя мелочи или говорить о газетныхъ новостяхъ, чтобы хоть какъ-нибудь прерывать безпрестанно наступавшія паузы.

За столомъ Илья Петровичъ только дѣлалъ видъ, будто ѣсть, такъ какъ всякій кусокъ становился у него поперекъ горла. Но зато онъ пилъ больше обыкновеннаго. Ему становилось легче, но не надолго: мучительный стыдъ, что онъ прибѣгаетъ къ такому скверному средству, не давалъ ему забыться и живо отрезвлялъ его.

Наволновавшись за день, Илья Петровичъ томился по ночамъ безсонницей, а если и спалъ, то его мучили болѣзненные сновидѣнія.

Андрей, положимъ, волновался мало и аппетита не утратилъ, но зато онъ страшно скучалъ отъ бездѣлья. Ничѣмъ не занятые часы отъ почты до почты такъ томили его, что онъ даже похудѣлъ.

IV.

Однажды, во время вечерняго чая, когда отецъ и сынъ, потерявъ всякую надежду найти сколько-нибудь подходящій предметъ для разговора, сидѣли молча, со двора послышался стукъ колесъ и звонъ колокольцевъ.

— Земскій докторъ пріѣхалъ, — доложилъ Семенъ.

Минутъ пять спустя вошелъ земскій врачъ.

Это былъ коренастый, средняго роста и среднихъ лѣтъ человекъ, съ большой лохматой головой и плоскимъ широкимъ лицомъ, на которомъ сверкали необыкновенно острые черные глазки.

Илья Петровичъ сильно недолго любилъ доктора за его слишкомъ громкій и рѣзкій хохотъ, за грубые остроты и шутки, а главное за его вранье и вѣчныя жалобы на то, что его яко-бы каторжный трудъ плохо оплачивается.

Носились слухи, будто онъ, въ бытность свою военнымъ врачомъ, замѣшанъ былъ въ какой-то неблаговидной исторіи по рекрутскому набору, вслѣдствіе чего и вышелъ въ отставку.

Онъ только года три служилъ въ этомъ земствѣ, и Андрей раньше не зналъ доктора.

Вскорѣ, впрочемъ, они познакомились и такъ оживленно разговаривали, что Ильѣ Петровичу стало даже завидно.

„Вотъ этотъ крикунъ Андрею ближе, чѣмъ я, — подумалъ старикъ: — вонъ какъ они быстро спѣлись!“

Между тѣмъ „крикунъ“ не замедлилъ сѣсть на своего любимаго коня: онъ злился за то, что, по его мнѣнію, его потревожили напрасно, и горячо бранилъ всѣхъ и все.

— Тоже еще нѣжности! — говорилъ онъ, краснѣя и сердито тараща свои капельные глазки: — тоже нѣжности: брюшной, ви-

дите-ли, тифъ появился!.. Выдумали эти дурацкіе медицинскіе пункты, а того небось не подумаютъ, каково врачу трепаться по этимъ пунктамъ день-деньской въ телѣгѣ!..

Илья Петровичъ много разъ подобныя разсужденія слышалъ и давнымъ-давно къ нимъ привыкъ; но его поражало то, что Андрей, человѣкъ молодой, свѣжій, ничуть не возмущался докторскими рѣчами. Мало того, онъ даже поддакивалъ и сочувственно кивалъ головой.

А докторъ все съ большимъ и большимъ негодованіемъ бранилъ земство и, главнымъ образомъ, „мужичье“, привыкшее, какъ ему казалось, слишкомъ скоро къ докторамъ.

— Со всякимъ пустякомъ, каналы, лѣзутъ!—выкрикивалъ онъ, размахивая руками и шагая взадъ и впередъ по комнатѣ.— Давно ли мужикъ лечился баней да квасомъ, а теперь ему непременно „дѣхтура“ подавай!.. Ногу занозить—и съ той лѣзетъ. Бывало, онъ эту самую ногу облѣпнитъ мокрой глиной да обмотаетъ паклей и предоволенъ, болванъ, а теперь къ доктору прѣтъ!..

— Да, поумнѣлъ нынче мужикъ,—насмѣшливо замѣтилъ Илья Петровичъ:—хитѣрь сталъ, бестія!

— Я же вамъ говорю!—подхватилъ докторъ, не замѣчая ироніи:—именно бестія! И до того набаловались, что, можете себя представить, даже фельдшерамъ, каналы, не вѣрятъ, знать ихъ не хотятъ!..

— И хорошо дѣлаютъ,—уже серьезно перебилъ его Илья Петровичъ:—довольно и того, что врачи находятъ возможнымъ держать такихъ фельдшеровъ, какъ, напримѣръ, въ зыденской больницѣ!..

— А что? Что-жъ тамъ особеннаго?

— Полноте! Кому же не извѣстно, что тамъ фельдшеръ занимается подрядами, хлѣбопашествомъ, торговлей, всѣмъ, чѣмъ хотите, только не больными, для которыхъ его никогда нѣтъ дома, а врачъ навѣдывается изрѣдка только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть серьезно больные...

— А по вашему врачъ долженъ и дневать, и почевать въ больницѣ? Это за такой-то, съ позволенія сказать, грошовый гонораръ!..

— Трудъ дѣйствительно тяжелый и плохо оплачиваемый,—отозвался Андрей.

— Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ,—сказалъ Илья Петровичъ:—не надо было называться.

— Назвался я, какъ и большинство, ради вѣрнаго куска...

— Ради куска, а не по призванію?..

— Какое тамъ призваніе! Призваніе—быть ломовой лошадыю, не звать ни днемъ, ни ночью покоя!

— Отчего же вы не возьмете въ примѣръ одного вашего же пріятеля, который ни за что не оторвется для больного отъ картъ, сколько бы за нимъ ни присылали, и разъ навсегда запретилъ будить его по ночамъ.

— И отлично! Такъ и слѣдуетъ!—обрадовался докторъ.

— Чего ужъ лучше!

— И пусть ихъ, чортъ возьми, корчатся и корежатся сколько угодно: вольно же хворать не во-время!—и докторъ злобно захохоталъ.

Но послѣ этой дикой выходки ему и самому стало неловко. Андрей пристально разсматривалъ ногти на своей рукѣ; Илья Петровичъ нервно барабанилъ по столу пальцами и послѣ довольно длинной паузы язвительно сказалъ:

— Вотъ бы вамъ и оставаться въ полку: солдатъ прежде всего долженъ помнить дисциплину и хворать не во-время не смѣять...

Докторъ терпѣть не могъ разговора о его прежней службѣ, но на этотъ разъ и бровью не моргнулъ.

— Такъ, такъ! — весело согласился онъ:—но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что какъ это я не пошелъ въ земскіе начальники!..

Илья Петровичъ и Андрей засмѣялись.

— И точить меня, и мучить меня: какъ это я прозѣвалъ такой удобный случай! А при введеніи реформы, подъ шумокъ-то, еще и какъ можно было втиснуться! Вѣдь попали же разные канцеляристы да штыкъ-юнкера... Даже попъ одинъ, недолго думая, разстригся да и давай проситься. Я,—говорить,—не корн-столюбецъ и не ради оклада, а токмо для почета и власти да ради красиваго мундира...

И снова всѣ засмѣялись его новымъ выходкамъ. Докторъ продолжалъ:

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ я не начальникъ? Глотка у меня—слава тебѣ, Господи! энергіи да смѣлости—хоть отбавляй!.. А въ случаѣ какого недоразумѣнія, либо тамъ сопротивленія, могу и непосредственное соприкосновеніе надлежащимъ образомъ учинить... Силы на это хватить!

Докторъ сдѣлалъ выразительный жестъ крѣпко сжатымъ кулакомъ и опять захохоталъ.

Вслѣдъ за нимъ закатился громкимъ смѣхомъ и Андрей.

— Такъ какъ это? Какъ? Непосредственное соприкосно-

веніе? — нѣсколько разъ переспрашивалъ онъ доктора, и оба дружно хохотали.

Илья Петровичъ морщился. „Чему, дураки, обрадовались!“ — думалъ онъ съ досадою.

И вдругъ ему стало скучно. Не было ни злости, ни раздраженія, осталась одна только томящая, подавляющая скука. Онъ позвалъ Семена и велѣлъ подавать ужинъ.

Къ концу ужина Андрей и докторъ стали смѣяться почти безъ всякой причины, затѣмъ принялись за пикантные анекдоты, но рассказывали безсвязно, не замѣчая, что перебиваютъ друга друга на срединѣ и потомъ снова начинаютъ.

Глазки доктора умаслились, Андрей сладко жмурился, и оба вмѣстѣ представляли картину самодовольной сытости.

Илья Петровичъ оставилъ ихъ за виномъ и ушелъ къ себѣ. Но присутствіе шумливаго и крикливаго гостя мѣшало ему спать.

А гость, между тѣмъ, не спѣшилъ уѣзжать, и долго еще въ столовой раздавался веселый говоръ и дружный смѣхъ.

V.

Спустя нѣсколько дней докторъ снова заѣхалъ и вскорѣ зачастилъ, заѣзжая раза по два въ недѣлю.

— Не понимаю, какъ онъ тебѣ не надоѣсть! — сказалъ какъ-то Илья Петровичъ, замѣтивъ, что Андрей оживился, увидавъ на дворѣ докторскую телѣжку.

— А что же? По моему, человѣкъ какъ человѣкъ, ни хуже, ни лучше другихъ, — холодно возразилъ Андрей.

— Счастливецъ ты, право, съ твоей вѣчной разсудительностью и хладнокровіемъ! — запальчиво воскликнулъ Илья Петровичъ. Андрей ничего не отвѣтилъ и спокойно пошелъ на встрѣчу входившему доктору.

Скрѣпя сердце, старикъ рѣшилъ не начинать больше объ этомъ разговорѣ. Хорошо было хоть то, что Андрей больше не скучалъ, и, Богъ дастъ, они какъ-нибудь мирно уживутся до конца его отпуска. Наступалъ уже сентябрь, и теперь Илья Петровичъ желалъ только одного: разстаться съ сыномъ мирно. Имъ никогда не сойтись, повидимому, ни въ чемъ, но незачѣмъ имъ быть и врагами. Андрей, по крайней мѣрѣ, хоть изрѣдка будетъ навѣщать, а, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ угомонится и не будетъ бояться жизни на хуторѣ, какъ боится теперь. Онъ еще недавно, всего только нѣсколько дней тому назадъ,

категорически заявилъ, что слѣдовать нынѣшней модѣ „сидиться на землю“ совсѣмъ не намѣренъ. Ну, да мало ли что говорится иной разъ, и, кромѣ того, съ годами мѣняются и вкусы. Главное, чтобы не было между ними вражды, чтобы онъ, Илья Петровичъ, зналъ, что онъ не совсѣмъ одинъ на свѣтѣ, что есть все-таки у него существо близкое, родное, которое нѣтъ-нѣтъ да и вспомнить о немъ.

Такъ думалъ Илья Петровичъ, давая самъ себѣ слово не горячиться въ спорахъ и даже совсѣмъ не спорить, даже не возражать, какъ бы ни были противны ему разговоры доктора съ Андреемъ.

А время, между тѣмъ, шло, приближаясь къ дню Андреева отъѣзда.

VI.

Однажды между Андреемъ и докторомъ зашла рѣчь о женитьбѣ.

— Нынче вѣдь времена тугія, трудныя и въ этомъ отношеніи, — разсуждалъ докторъ: — бывало, знай себѣ ухаживай за чужими женами, а теперь не то, теперь ужъ это большой рискъ...

— А что? Страшно за собственные бока? — насмѣшливо улыбаясь, сказалъ Илья Петровичъ: — нынче вѣдь нѣтъ дуэлей, а такъ, просто...

— Дѣло тутъ не въ бокахъ, а въ томъ, что женщины нынче ужъ очень мудрить стали... Вотъ ты тутъ и возись съ ней, пока не выкуришь!

— Да еще не всегда легко и выкурить, — выѣшался Андрей: — бываютъ такія цѣпки, что прилипнетъ къ тебѣ какъ банный листъ, да и баста, ничѣмъ отъ нея не отдѣлаешься.

— Похоже на то, что ты и самъ претерпѣлъ уже въ этомъ смыслѣ? Удивляюсь, какъ это могло случиться при твоей житейской мудрости!..

Илья Петровичъ сказалъ все это съ такой нехорошей усмѣшкой, что Андрей, ходившій по комнатѣ, вдругъ остановился и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на него пристально.

— Нѣтъ, отецъ, — сказалъ онъ: — я не претерпѣлъ и впередъ, надѣюсь, не попаду въ такое положеніе.

— Еще бы!..

— Да, при помощи моей житейской мудрости, я сумѣю устроиться получше.

— Напримѣръ?

— Да просто женюсь. Но женюсь обдуманно, съ расчетомъ.

— А съ женой-то какъ же? Тоже вѣдь не вдругъ выкуришь, когда надоѣстъ!..

— Тогда я обращаюсь къ тебѣ,—съ злой усмѣшкой сказалъ Андрей:—ты, надѣюсь, не откажешь мнѣ въ добромъ совѣтѣ?

Илья Петровичъ нахмурился.

Что значить эта иронія? Ужъ не намекаеть ли сынъ на то, что онъ, Илья Петровичъ, никогда не былъ хорошимъ семьяниномъ? Недоставало только этого!..

Старикъ рѣшился быть на-сторожѣ и долго не вмѣшивался въ разговоръ. Но когда Андрей сказалъ, между прочимъ, что лучше всего жениться на недалекой, а главное, съ деньгами, онъ не выдержалъ и воскликнулъ:

— Главное, съ деньгами!

— Еще бы!—подхватилъ докторъ:—вамъ что, вы теперь и стотысячную можете поддѣпить! По нынѣшнимъ временамъ, когда женихъ вздорюжалъ, а неvěсты упали въ дѣнѣ, даже я, съ моей, какъ видите, неахтительной фізіей, могъ бы сцапать тысячь десятокъ, да ба!—давно уже опростоволосился и женился на дочери весьма благородныхъ, но очень бѣдныхъ родителей!

Онъ развелъ руками и, скорчивъ комическую гримасу, прибавилъ:

— Да, близокъ локоть, а не укусишь!.. А тутъ еще, какъ нарочно: что годъ, то ребенокъ!.. какъ у какого-нибудь заправскаго Янкеля или Шмуйлы!.. Вѣдь подумайте-ка: супружница-то моя, говоря высокимъ штилемъ, уже шестой залогъ нашей счастливой любви подъ сердцемъ носить!.. А пятеро на-лицо!.. Ха-ха!..

— И всѣ живы?

— Живѣхоньки, Господь съ ними, да еще и ерѣпыши какіе. Чистенькіе да ядренные, что твои жолуди!

— А супруга?

— Ну, она, знаете, того, подгуляла... Отъ этихъ-то ежегодныхъ залоговъ ее какъ-то всю перекосило: лицо—фіга-фігой, а общій видъ напоминаетъ мокрую курицу.

Докторъ вздохнулъ и задумался.

— Да,—немного погода продолжалъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ сожалѣнія:—а въ дѣвицахъ-то она была—кровь съ молокомъ... Но мать она превосходная, и уходъ за дѣтми у нея неподобный!.. Одно вотъ плохентѣрь, что средствами насъ судьба обидѣла. Мало ли на эту ораву нужно!..

Онъ опять вздохнулъ и взялся за шапку.

Илья Петровичъ не пошелъ его провожать, но Андрея дов-

торъ, по своей дурной привычкѣ разговаривать въ прихожей, продержалъ тамъ чуть ли не полчаса.

Когда Андрей вернулся, Илья Петровичъ не могъ выдержать, чтобъ не спросить:

— Неужели ты серьезно думаешь, что въ бракѣ деньги самое важное?

— А ты какъ думаешь?

— Въ моей жизни много было ошибокъ, увлеченій, но по крайней мѣрѣ не было грязи, не было цинизма и подлости...

— Я этого не знаю, а ты самъ себя не судья.

— Никогда бы я не женился изъ-за денегъ!..

— Ты былъ хорошо обеспеченъ, и неизвѣстно, какъ бы ты поступилъ при иной обстановкѣ.

— Никогда, никогда не дошелъ бы я до такой низости!..

— Не знаю, можетъ быть. Но что ты умѣлъ въ свое время хорошо пожить—это фактъ.

— А, такъ ты вотъ о чемъ!—почти задыхаясь отъ подступившей злобы, произнесъ Илья Петровичъ, но тотчасъ же, вспомнивъ недавнюю стычку, закусилъ губу и направился къ выходу. Андрей проводилъ его насмѣшливымъ взглядомъ.

Послѣ этого Илья Петровичъ уже совсѣмъ не разговаривалъ съ Андреемъ, и даже за обѣдомъ и чаемъ между ними постоянно царилъ тягостное молчаніе, нарушать которое они уже даже не пытались. Въ тѣ дни, когда не было доктора, Илья Петровичъ почти не выходилъ изъ своей комнаты, и то сидѣлъ у стола, подперши голову руками, то шагаль изъ угла въ уголъ по цѣлымъ часамъ, глубоко задумавшись и тяжело вздыхая.

А Семенъ все это подмѣчалъ и пользовался каждымъ удобнымъ моментомъ, чтобы подлить на огонь масла.

— Слава Богу, дождались-таки мы дорогого гостя! — ехидничалъ онъ:— радости-то въ домѣ, веселья-то сколько!..

Илья Петровичъ дѣлалъ видъ, будто не слышитъ ничего и не замѣчаетъ Семенова коварства. „Все это мелочи... Мелочи, не стоющія вниманія“, — успокаивалъ онъ самого себя, но въ то же время чувствовалъ, что и подобныя мелочи вливаютъ въ его жизнь свои капли отравы.

Да и, потомъ, чтѣ же въ его жизни не мелочи? Развѣ есть въ его жизни что-либо крупное? Развѣ не мелочи эта скрытая вражда съ сыномъ?.. Развѣ не мелочи эти ежедневныя усилія воздерживаться отъ всякихъ разговоровъ изъ страха вспышекъ?.. И однако же всѣ эти мелочи создаютъ ему крупное горе!.. Да, горе!.. Горе безысходное и ни малѣйшаго проблеска надежды

на что-либо отрадное... А какъ бы ему хотѣлось теперь теплаго родственнаго чувства или даже хоть простой дружбы!..

По ночамъ, ворочаясь съ боку на бокъ, Илья Петровичъ вдыхалъ такъ громко и часто, что даже закаленное холопское сердце стараго Семена слегка ныло отъ жалости.

Сама природа, какъ бы сочувствуя Ильѣ Петровичу, тосковала и ныла: съ перваго сентября небо нахмурилось и постоянно грозило непріятнымъ осеннимъ дождемъ, а ночи стояли темныя, туманныя, глухія...

VII.

— А знаете ли, тутъ есть для васъ подходящая невѣста, — сказалъ какъ-то докторъ Андрею.

— Да?.. Кто же она?

— Дочь одного денежнаго туза, здѣшняго коммерсанта Финогенова. Капиталами ворочаетъ преизрядными, а дочь у него единственная...

— Что же ты, отецъ, не сказалъ мнѣ о ней?

— Я думалъ, что ты разспрашивалъ о дворянахъ.

— Дворяне теперь — фью! — замѣтилъ докторъ и потомъ прибавилъ: по въ тымъ титулѣ, кѣды нѣма въ шкатулѣ!

— Да тутъ дѣло не въ титулѣ, а въ чемъ-то другомъ, — возразилъ Илья Петровичъ: — вѣдь этотъ вашъ коммерсантъ Финогеновъ просто-на-просто расторговавшійся разными нечистыми путями прасолъ.

— Да, это хитрая бестія, — согласился докторъ: — шельма на всѣ руки: онъ и лѣсомъ торгуетъ, и на мельницѣ обвѣшиваетъ да обмѣриваетъ, и деньгами ссужаетъ — за невозможный процентъ, конечно! Теперь ужъ, представьте, до того дошло, что чуть не каждый въ округѣ мужикъ прозакладывалъ ему свою душу.

— Хорошъ будущій тесть! — усмѣхнулся Илья Петровичъ.

— Но нельзя не уважать его за умъ. Чертовски ловокъ, шельмецъ, дьявольски ловокъ! — съ неподдѣльнымъ восхищеніемъ восклицалъ докторъ и началъ по пальцамъ перечислять достоинства „шельмеца“.

— Съ духовенствомъ онъ отлично ладитъ; мѣстная администрація зажата у него въ кулакѣ; въ земствѣ — то свать, то брать; дворяне почти всѣ у него кредитуются... Однимъ словомъ, — ловкачъ!..

— А что-жъ, познакомьте, — сказалъ полушута Андрей: — можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ...

— Впередъ поздравляю съ такимъ тѣстемъ! — перебилъ его Илья Петровичъ.

— Мнѣ до него нѣтъ никакого дѣла.

— Но ты все-таки возьмешь же его деньги, хоть и знаешь, какъ онѣ нажиты!..

— Разумѣется, возьму.

— А общественное мнѣніе?

— Пустыя слова! Гдѣ оно, это общественное мнѣніе? Чѣмъ оно выражается? Пересудами за спиной, или кукишемъ въ карманѣ!.. И потомъ, если оно, это общественное мнѣніе, даже есть, то во всякомъ случаѣ не у васъ тутъ, гдѣ, какъ ты сейчасъ слышалъ, дворяне кредитуются у кулака-хищника...

— И гдѣ чиновники — подхватилъ докторъ — съ довольно солиднымъ положеніемъ и въ генеральскихъ чинахъ открываютъ на паяхъ ссудныя кассы и въ то же время чувствуютъ себя въ высшемъ мѣстномъ обществѣ — какъ дома!..

— Къ сожалѣнію, это печальная правда, — промолвилъ Илья Петровичъ. Андрей продолжалъ:

— И потомъ вотъ еще: кто же можетъ сказать, хоть бы изъ тѣхъ же дворянъ, съ увѣренностью, что его предки-помѣщики приобрѣтали безукоризненными способами?

— Мало-ли чтѣ... Было, да прошло!

— Ну, не совсѣмъ; ты вотъ и теперь живешь на готовые, унаслѣдованные капиталы или земли, чтѣ, разумѣется, одно и то же; а можешь ли ты сказать, какими путями эти земли наживались?

Какъ всѣ очень вспыльчивые люди, Илья Петровичъ былъ плохой спорщикъ. Онъ краснѣлъ отъ охватившаго его гнѣва, волновался и, теряя главную нить спора, крикливо сказалъ:

— Какими бы средствами ни наживались мои предки, да я тутъ не при чемъ!..

— Ну, вотъ и я буду не при чемъ относительно Финогеновскихъ капиталовъ, — насмѣшливо протянулъ Андрей и прибавилъ: — каждому вѣдь хочется лучше сдобнаго пирога, чѣмъ черстваго хлѣба... поживу и я на готовые деньги...

— Вѣрно, вѣрно! — перебилъ докторъ, замѣчая, что споръ грозитъ перейти въ ссору; — но мы, господа, удалились отъ главнаго предмета нашей бесѣды. Итакъ: Финогеновъ хоть сейчасъ отвалить за своей единственной тыщенокъ съ полсотни, а потому вамъ, Андрей Ильичъ, звать не слѣдуетъ, если только вы желаете...

— Получить пятьдесятъ накраденныхъ тысячъ и въ придачу дѣвицу Финогенову! — съ досадой воскликнулъ Илья Петровичъ.

— Зѣвать не слѣдуетъ, — не моргнувъ бровью, продолжалъ докторъ:—ибо сію единственную дочь, того и гляди, подхватятъ совмѣстно съ ея капиталами. Нужды нѣтъ, что, въ своемъ не-удержимомъ стремленіи говорить „по хорошему“, она разсуждаетъ иногда о такихъ удивительныхъ вещахъ, какъ, напримѣръ, — „геометрическія печи“ и „герметическія задачи“ или — „венеціанскія донголы“, а все-таки повторяю: подхватятъ, какъ пить дадутъ, на томъ простомъ основаніи, что полсотни тысячъ вѣдь не бараній рогъ!..

Андрей много смѣялся, а Илья Петровичъ мысленно посылалъ доктора ко всѣмъ чертамъ. Гость, какъ бы угадавъ мысли хозяина, сталъ, наконецъ, прощаться.

Въ прихожей онъ по обыкновенію долго копался, разговаривалъ, и, уже совсѣмъ распростившись и повернувшись къ двери, онъ еще разъ полуобернувшись и прокричалъ:

— А вы все-таки не зѣвайте, и если хотите познакомиться съ дѣвицей, то постарайтесь попасть къ вашему попу на именины: она тамъ безпремѣнно будетъ.

— Безпремѣнно будетъ!—еще разъ подчеркнулъ онъ и, наконецъ, скрылся, стукнувъ дверью со всего размаха.

Илья Петровичъ не слыхалъ этого разговора и очень удивился, когда Андрей, спустя нѣсколько дней, сказалъ, что побѣдетъ къ священнику на именины.

VIII.

Отецъ Павелъ, священникъ села Мальковки, ежегодно праздновалъ свои именины десятаго сентября. Именины эти были торжествомъ, на которое съѣзжались, изъ окрестныхъ деревень и изъ ближайшаго уѣзднаго города, чиновники, духовенство, помѣщики.

Андрей зналъ, что гости обыкновенно начинали собираться къ полудню; но такъ какъ отъ хутора до Мальковки было всего только семь верстъ, то онъ и не спѣшилъ, поджидая доктора, съ которымъ стоворился ѣхать вмѣстѣ.

Къ двѣнадцати часамъ докторъ явился, и оба тотчасъ же уехали.

— Вотъ я васъ познакомлю, а тамъ ужъ ваше дѣло,—говорилъ дорогою докторъ и потомъ, послѣ небольшой паузы, продолжалъ:

— И будь я на вашемъ мѣстѣ, здорово бы приударилъ!.. Было бы изъ-за чего трудиться. У меня, знаете, былъ знакомый

офицеръ, такъ тотъ, ради десяти тысячъ, что продѣлывалъ: невѣста была на лѣвый глазъ слѣпа, а на правое ухо глуха; вотъ онъ, бѣдняга, и перескакивалъ справа налѣво и обратно. Ха-ха!.. Скажете, бывало, ей что-нибудь на лѣвое ухо да и перебѣгаетъ къ правому глазу: какъ, молъ, понравилось сказанное?.. А потомъ опять нужно перебѣгать къ лѣвому уху, затѣмъ опять къ правому глазу и такъ далѣе. Да такъ, бывало, и распинается до седьмого пота. И такъ иной разъ умается, что какъ прибѣжить отъ невѣсты домой, сейчасъ бухъ на койку да часа два и лежитъ пласть пластомъ. А? Каково? Вѣдь это, я вамъ доложу, работа! И всего-то за какихъ-нибудь десять тысяченокъ!.. Ну, вамъ другое дѣло, есть изъ чего... И такъ бы я, кажется, приударилъ теперь...

— Еслибъ не „опростоволосился“ раньше!

— Ужъ и не говорите! И къ чему я, болванъ, спѣшилъ! Кажется, вотъ сейчасъ взялъ бы да самъ себя и высѣкъ!.. Но... Увы, бывое невозвратно! или какъ тамъ еще поется... не помню.

Докторъ задумался и послѣ значительной паузы снова заговорилъ:

— А дѣвица-то, знаете ли, изъ такихъ, что по моему съ ней церемониться не стоитъ...

— Не изъ догадливыхъ? Это и лучше.

— Именно. И я бы, на вашемъ мѣстѣ, не долго думая, такъ-таки и началъ вращать выразительно глазами, затѣмъ пустил бы въ ходъ разныя недомолвки, намеки да сублимы, а тамъ ужъ, извѣстно, бацъ на колѣни или даже на одно колѣно да этакимъ сладостнымъ шопотомъ:

Вянуть розы отъ мороза,
Ваша прелесть—никогда!

Тутъ Андрей и докторъ разразились дружнымъ смѣхомъ, и даже кучеръ какъ-то нерѣшительно хихикнулъ.

— А вы знаете ли того...—началъ докторъ вполголоса и придвигаясь совсѣмъ близко къ Андрею:—въ случаѣ оборудуете дѣло—и меня не забывайте...

„Вотъ онъ куда гнетъ!“—подумалъ Андрей.

— Возьмите меня хоть годовымъ врачомъ...

— Да вѣдь я тутъ жить не буду!

— Ну, хоть къ тестюшкѣ, что-ли, пристройте... Все-жъ-таки моя инициатива... А гонорара я и не прошу больше тысячи. Было бы моимъ дѣтишкамъ на молочишко!..

— Хорошо, хорошо! Тамъ увидимъ...

— Вотъ и отлично! Вотъ и „гуть“, какъ сказалъ, кажется,

Брамбеусъ устами сатаны, нюхавшаго желѣзныя опилки!—весело воскликнулъ докторъ и всю остальную дорогу уже не заговаривалъ. По временамъ онъ только искоса поглядывалъ на Андрея, который все время какъ-то презрительно усмѣхался себѣ въ бороду и упорно молчалъ.

Вскорѣ, впрочемъ, показалась и Мальковка.

Какъ и въ прежніе годы, небольшой домикъ отца Павла принялъ праздничный видъ. На окнахъ висѣли чистенькія кисейныя занавѣсочки, на столахъ красовались вязаныя крючкомъ салфеточки; вездѣ — чисто-на-чисто выскоблено, вымыто; дѣти умыты, гладко причесаны и одѣты въ новенькія, шумящія ситцевыя платья. Все лишнее, какъ, напримѣръ, постели, будничная одежда, никому не нужны въ этотъ день книги и проч., — было свалено въ чуланъ. Тамъ же, въ чуланѣ, стояли бутылки съ наливками, коробки съ печеньями и разными сластями. По всѣмъ комнатамъ, переполненнымъ гостями, раздавался громкій говоръ, всюду слышались веселые возгласы и смѣхъ.

Андрей и докторъ вошли въ домъ какъ разъ въ ту минуту, когда усталая и раскрасѣвшаяся хозяйка суетливо приглашала гостей къ пирогу. Всѣ гурьбой двинулись въ столовую. Только барышни остались въ залѣ: для нихъ тамъ накрытъ былъ отдѣльно небольшой столъ. Дѣвушки держались чинно, даже немного чопорно и почти всѣ одѣты были очень скромно. Среди нихъ выдавалась красивая полная блондинка, въ какомъ-то ярко-голубомъ и необычайно пышномъ нарядѣ, разукрашенномъ множествомъ лентъ и кружевъ.

— Она! — шепнулъ докторъ, указывая Андрею глазами на блондинку.

Андрей пристально вглядѣлся. Ему показалось, что на блондиномъ лицѣ блондинки не свѣтилось ни луча мысли; красивые каріе глаза и самодовольная улыбка выражали только безнадежно-закоснѣлую тупость.

„Предубѣжденіе“, — подумалъ онъ, предполагая, что, можетъ быть, докторъ и привралъ на ее счетъ. Спустя недолго, онъ познакомился съ блондинкой и съ первыхъ же словъ убѣдился, что на этотъ разъ докторъ былъ правъ. Дѣвица Финногенова заявила Андрею, что, увидавъ его, она „манументально“ догадалась, кто онъ, а затѣмъ и пошла, и пошла отчеканивать глупость за глупостью. Говорила она необыкновенно развязно, видимо была очень высокаго мнѣнія о своемъ умѣ, а къ окружающимъ подругамъ относилась снисходительно, съ оттѣнкомъ высокомерія, впрочемъ. Побесѣдовавъ съ полчаса, Андрей нашелъ ее просто не-

возможной, и, чтобъ какъ-нибудь скоротать время, усѣлся за карты.

Заведено было такъ, что никто изъ гостей отца Павла не уѣзжалъ раньше полуночи, послѣ обильнаго ужина. Андрей пытался было нарушить этотъ обычай, но радушные хозяева ни за что не хотѣли отпустить его. Оставалось только покориться. Такъ онъ и сидѣлъ, хотъ и не зналъ, куда дѣваться отъ скуки.

За ужиномъ, когда докторъ, уловивъ удобную минуту, снова шепнулъ: — Ну, что?.. какъ? — Андрей только досадливо передернулъ плечомъ и ни слова не сказалъ. Въ то же время онъ все-таки взглянулъ на сидѣвшую противъ него Финогенову и опять подумалъ: „нѣтъ, она просто невозможна“.

Сильно наскучавшись, онъ не сталъ дожидаться доканчивавшаго пульку доктора и уѣхалъ одинъ. Домой вернулся онъ въ самомъ убійственномъ настроеніи.

IX.

Илья Петровичъ хотъ и не зналъ, съ какой цѣлью Андрей поѣхалъ въ Мальбеку, но легко могло случиться, что тамъ онъ встрѣтитъ этихъ ненавистныхъ Финогеновыхъ, а ужъ „крикунъ“ непременно познакомитъ ихъ. Это предположеніе выводило старика изъ себя и весь день онъ не находилъ себѣ мѣста въ нетерпѣливомъ ожиданіи возвращенія сына.

Андрей вернулся поздней ночью, когда въ домѣ всѣ уже спали, но Илья Петровичъ не спалъ. Онъ слышалъ, какъ Андрей проходилъ мимо его дверей въ свою комнату, и даже привсталъ было съ постели, намѣреваясь остановить его, чтобы выведать отъ него что-нибудь въ разговорѣ; но, изъ боязни уронить себя въ глазахъ Андрея, показаться ему смѣшнымъ, не окликнулъ и, скрѣпя сердце, снова улегся.

На другой день Андрей всталъ позже обыкновеннаго и былъ мраченъ, какъ туча. На вопросы онъ отвѣчалъ сухо, а когда Илья Петровичъ нерѣшительно, но съ худо скрытымъ нетерпѣніемъ, упомянулъ о Финогеновыхъ, онъ вдругъ обозлился и почувствовалъ непреодолимое желаніе помучить отца.

— Самого Финогенова не было, а дочь мнѣ понравилась, — сказалъ Андрей и вскинулъ на старика глаза, въ которыхъ ясно выражалась злая усмѣшка.

Илья Петрович молча и со страхомъ, почти затанувъ дыханіе, ожидалъ, что будетъ дальше.

— Рассказывая о ней, докторъ, по обыкновенію, привралъ для краснаго словца, — продолжалъ Андрей, медленно отчеканивая слово за словомъ: — правда, есть нѣкоторыя шероховатости въ манерѣ и въ разговорѣ, но...

— И ты не шутишь? — воскликнулъ старикъ: — ты хочешь сказать, что на ней можно жениться?

— Именно. И нисколько не шучу. Повторяю: — есть нѣкоторыя шероховатости, но все это пустое... Въ какихъ-нибудь полгода ее можно вышколить, обломать...

— А какъ не удастся?

— Ну, вотъ еще! Какъ не удастся!..

Андрей сказалъ это съ такой увѣренностью и такъ спокойно, что, глядя на него, нельзя было не согласиться, что дѣйствительно онъ сумеетъ обломать и вышколить ея угодно. Старикъ безпокойно двигался на мѣстѣ, Андрей продолжалъ тянуть изъ него жилы.

— Да наконецъ, въ случаѣ чего, она можетъ жить и здѣсь, у своего отца...

— А ты?..

— Я изрѣдка буду пріѣзжать, это еще лучше...

— Лучше? Какая жестокость и въ такіе годы!..

— Разумѣется, лучше: мы не наскучимъ другъ другу... Я помню, какъ покойная мать всегда радовалась твоему пріѣзду, и помню, какъ нетерпѣливо ожидала тебя... а все оттого, что ты былъ гостемъ въ домѣ...

Андрей уставился на отца насмѣшливо прищуренными глазами, отчего Илья Петровичъ побагровѣлъ и гнѣвно вскричалъ:

— Но, наконецъ, подумай же ты и обо мнѣ! Каково мнѣ-то родниться съ Финогеновымъ!..

— Да что у тебя, личные счеты съ нимъ, что-ли?

— У меня! съ нимъ?!.. съ этимъ прохвостомъ?!.. но вѣдь я тутъ жить буду! и мнѣ придется видѣться съ этимъ Финогеновымъ въ качествѣ родственника!.. Нѣтъ, я не согласенъ! женись гдѣ хочешь и даже, пожалуй, на комъ хочешь, только не здѣсь и не на этой!.. Я не хочу, не хочу такой родни!..

— Ха-ха! Мало ли что, а я все-таки женюсь...

— Нѣтъ, ты не женишься!..

— Женюсь...

— Нѣтъ!!

— Женюсь!..

Илья Петровичъ все больше багровѣлъ и задыхался; Андрей былъ страшно блѣденъ. Оба сидѣли неподвижно, но видно было, что обоихъ ихъ душила злоба. Тяжелое молчаніе длилось долго.

Илья Петровичъ всталъ, но замѣтивъ, что сынъ намѣренъ говорить, снова опустился на стулъ.

— Вотъ что я тебѣ, отецъ, скажу,—началъ Андрей еще медленнѣе и еще тише прежняго:—вотъ что я тебѣ скажу: тебѣ никто не мѣшалъ жить, какъ ты хотѣлъ; не мѣшай же и ты мнѣ.

— Я подлецомъ никогда не былъ, а ты намѣреваешься совершить подлость: еще не женившись, рѣшаешь напередъ, что бросишь жену!..

— Ха-ха! Тебя возмущаетъ это, разумѣется, потому, что самъ ты всегда былъ примѣрнымъ мужемъ... и... нѣжнѣйшимъ изъ отцовъ, хотя въ то же время ты какъ-то ухитрился промотать вврядное состояніе.

— А! ты опять объ этомъ! ты смѣешь!..

— Отчего жъ бы мнѣ и не смѣть? Странная родительская претензія на какую-то сыновнюю почтительность за то только, что произвелъ на свѣтъ.

— Себялюбецъ! Черствый эгоистъ!..

— Далъ жизнь и бросилъ на произволъ...

— Неправда, неправда!—хрипя и задыхаясь, кричалъ Илья Петровичъ:—неправда, я давалъ тебѣ образованіе!..

— Да, образованіе! А заглянулъ ли ты когда-нибудь въ мою дѣтскую душу? Попытался ли хоть разъ узнать, что тамъ въ ней творится? Выростая одинъ, я долженъ былъ самъ до всего додумываться, самъ долженъ былъ искать отвѣтовъ на окружающія меня загадки... И я искалъ, дѣлалъ выводы... А ты... училъ ли ты меня бороться съ моими дурными инстинктами?.. Нѣтъ,—тебѣ было не до меня... Ты тогда жилъ и жилъ въ свое полное удовольствіе!..

— Замолчи, негодяй, замолчи!—прохрипѣлъ старикъ.

— Нѣтъ, отецъ, не замолчу. Я долженъ сказать тебѣ еще вотъ что: я ѣхалъ къ тебѣ сюда, влянусь, съ добрыми чувствами, а и не думалъ причинять тебѣ что-нибудь непріятное. Раньше я все уклонялся отъ свиданія съ тобой, потому что все еще чувствовалъ къ тебѣ вражду...

— Вражду! О, Господи!..

— Да. Но въ послѣдніе годы я почувствовалъ потребность примириться съ тобой. Я ѣхалъ сюда въ надеждѣ, что найду въ тебѣ старика, просто и безъ всякихъ претензій доживающаго свой вѣкъ, старика съ широкой терпимостью, старика, помнящаго, что

въ свое время и самъ онъ былъ не безъ грѣха; а оказывается, что ты забылъ, какъ ты самъ умѣлъ и любилъ пожить въ свое полное удовольствіе, ты совсѣмъ забылъ...

— Боже мой, Боже! — хрипло простоналъ старикъ.

— Ну, хорошо, — продолжалъ Андрей: — жилъ, такъ жилъ, но тебѣ этого мало, ты еще хочешь тѣшиться и услаждать свою старость поученіями, благо теперь это въ модѣ... Теперь отъ васъ, старыхъ раскаянныхъ грѣшниковъ, просто отбою нѣтъ... Да мы-то вашей запоздалой добродѣтели не вѣримъ. Нѣтъ, не вѣримъ! Вашими старческими поученіями вы вызываете въ насъ только смѣхъ или негодованіе... Еще бы! отчего же и не быть добродѣтельнымъ, насладившись жизнью до пресыщенія! Въ шестьдесятъ лѣтъ легко быть добродѣтельнымъ и не трудно проходить мимо всякаго соблазна!.. Легко проповѣдовать аскетизмъ и всячески громить пороки!..

— Циникъ, негодяй!..

— Да... Тѣмъ болѣе, что ничего больше не остается... Ха-ха!.. А еще вопросъ, еще неизвѣстно, чтѣ бы вы заплѣли, еслибъ вамъ какимъ-нибудь волшебствомъ возвратили молодость!.. Посмотрѣли бы мы тогда на васъ! Посмотрѣли бы мы, какъ вы, жадно цѣпляясь обѣими руками за жизнь, къ чорту послали бы всѣ эти высшія стремленія къ добру и разные тамъ идеалы, съ которыми теперь, отъ нечего-дѣлать, няньчитесь!.

— Господи, Боже мой! — снова простоналъ Илья Петровичъ, порываясь встать и опять въ безсиліи опускаясь.

— Да, теперь-то тебѣ хорошо читать мораль, забывая въ своей старческой наивности, что отъ твоего запоздалаго покаянія ничуть не легче тѣмъ, кто прежде такъ глубоко страдалъ отъ твоего эгоизма! ты вѣдь гостемъ былъ у себя и не зналъ, чтѣ творилось въ твоемъ собственномъ домѣ... Но зато я... о, я отлично помню, какъ больно сжималось мое маленькое сердце, когда я вглядывался, бывало, въ блѣдное и худое, вѣчно печальное лицо матери... Я много разъ видѣлъ, какъ она, точно тѣнь, бродила по цѣлымъ часамъ по дому, часто даже и по ночамъ... Я видѣлъ, какъ она, въ какой-то неистощимой тоскѣ, ломала руки и не замѣчала слезъ, которыя струились по ея лицу... И тогда же, еще семилѣтнимъ ребенкомъ, не знаю ужъ какъ, я догадался, что она страдаетъ по твоей милости, и тогда же научился относиться къ тебѣ враждебно... Да, я видѣлъ въ тебѣ врага и, помню, очень часто и подолгу задумывался надъ тѣмъ, какъ бы тебѣ отомстить. И какъ страстно жаждалъ я этой

мести!.. Позже, когда мать умерла, я читалъ ея письма къ тебѣ и убѣдился...

— Довольно, довольно!—прошепталъ Илья Петровичъ, откидываясь въ изнеможеніи на спинку кресла. Андрей, пьянѣя отъ собственной жестокости, продолжалъ:

— И послѣ того, какъ ты вогналъ въ чахотку мать, у тебя еще хватаетъ духу...

— Довольно!—еще разъ глухо прошепталъ старикъ. Онъ былъ страшенъ: нижняя челюсть тряслась, глаза помутились, рука судорожно ухватила за воротъ рубахи.

Андрей вдругъ умолкъ, еще больше поблѣднѣлъ и въ сильнѣйшемъ испугѣ подбѣжалъ къ отцу, стараясь помочь ему разорвать воротъ.

Илья Петровичъ съ яростью оттолкнулъ его обѣими руками, съ усиленіемъ поднялся и, указывая дрожащей рукой на дверь, громко сказалъ:

— Вонъ!.. И не смѣй показываться мнѣ на глаза!

Андрей направился-было къ выходу, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, обернулся, постоялъ съ полминуты въ нерѣшимости и быстро подошелъ къ отцу.

— Прощай... Завтра утромъ я уѣзжаю!—сказалъ онъ и протянулъ руку.

Илья Петровичъ жестомъ отстранилъ его, потомъ рванулся съ мѣста и, пошатываясь какъ больной, вышелъ изъ комнаты...

На разсвѣтѣ, услыхавъ стукъ экипажа и звонъ колокольчика, Илья Петровичъ поднялся съ дивана, на которомъ онъ провелъ всю ночь не раздѣваясь, и подошелъ къ окну.

— Оглянется онъ, или нѣтъ?—прошепталъ онъ какъ бы въ бреду и пристально, съ замираніемъ сердца смотрѣлъ въ окно.

Андрей быстро вскочилъ въ тарантасъ, громко крикнулъ: „пошелъ!“ и уѣхалъ, ни разу не оглянувшись назадъ.

Старикъ тяжело вздохнулъ.

Гнѣвъ его давно остылъ, и злая тоска сосала его сердце.

Х.

Все утро Илья Петровичъ бродилъ по дому, не находя себѣ нигдѣ мѣста. Стараясь не думать о только-что случившемся несчастіи, онъ почти безсознательно цѣплялся за разные житей-

скія мелочи, чтобы хоть сколько-нибудь направить свои мысли въ другую сторону. Проходя черезъ столовую, онъ случайно взглянулъ на стѣнные часы и, замѣтивъ, что гири спустились слишкомъ низко, машинально подтянулъ ихъ; въ залѣ онъ мимоходомъ поправилъ на лампѣ абажуръ, потомъ взялъ альбомъ, раскрылъ его, но, не взглянувъ на фотографіи, тотчасъ же захлопнулъ и положилъ на прежнее мѣсто. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ окну, выходившему на улицу, и долго смотрѣлъ на дорогу, на которую еще такъ недавно онъ глядѣлъ въ совершенно иномъ настроеніи... Онъ невольно замѣтилъ, что, какъ бы совершенно разнo его собственному настроенію, тогда былъ ясный жаркій день, а теперь съ утра моросилъ тоскливый осенній дождь, дорога почернѣла отъ грязи, а дома и всѣ постройки, казалось, распухли отъ слезъ... Окружавшія балконъ деревья глядѣли какъ-то хмурo и какъ будто укоризненно качали своими верхушками... Цвѣты поблѣкли, осыпались и въ беспорядкѣ валялись, пригнутые къ землѣ безжалостнымъ осеннимъ вѣтромъ и дождемъ... Казалось, все кругомъ изнываетъ въ тоскѣ, и сердце Ильи Петровича больно сжалось. Онъ безнадежно махнулъ рукой и тяжело опустился на скамейку, стоявшую на балконѣ. Съ низко склоненной головой, сидѣлъ онъ, почти ни о чемъ не думая, съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ. Сколько времени просидѣлъ онъ такъ, онъ и самъ не зналъ, и поднималъ голову только тогда, когда холодный вѣтеръ пронизалъ его насквозь. Не спавши ночь, онъ чувствовалъ себя усталымъ, совершенно разбитымъ и попробовалъ прилечь, но, лежа въ недолго, всталъ; несмотря на усталость, нервы были такъ напряжены, что нечего было и думать о снѣ. Оставаться въ одномъ и томъ же положеніи онъ тоже не могъ и безпрестанно то садился, то вставалъ, то опять садился: упавшіе нервы, вызвавшіе равнодушіе, въ которомъ онъ находился, сидя на балконѣ, теперь опять поднимались, а голова работала усиленно. Неотвязныя мысли о томъ, что не надо было говорить того-то, нужно было умолчать о томъ-то, неутомимо преслѣдовали и страшно терзали его.

Передъ самымъ обѣдомъ къ этой пыткѣ присоединилась еще тревога о томъ, что, вѣроятно, Семену все извѣстно. Старый хитрецъ, вѣроятно, подслушалъ и теперь, конечно, не преминетъ пустить въ ходъ всѣ свои ехидные приемы. И эта тревога была тѣмъ особенно мучительна, что Илья Петровичъ находилъ ее слишкомъ для себя унижительною.

Стоитъ ли заботиться о томъ, что подумаетъ или что скажетъ холуй!

И въ то же время, садясь за столъ, Илья Петровичъ съ тоской ожидалъ, что вотъ сейчасъ этотъ холуй будетъ пылливо и злорадно вглядываться въ его лицо. И чего бы онъ не далъ теперь за то, чтобы вмѣсто Семена ему прислуживалъ кто-нибудь другой!

Когда поданъ былъ супъ, Илья Петровичъ налилъ чуть не полную тарелку, изъ боязни, какъ бы Семенъ не замѣтилъ потерю имъ аппетита.

Проглотивъ кое-какъ супъ, онъ однакоже отказался отъ всего другого, чувствуя, что всякій кусокъ станетъ у него попережъ горла.

Убирая со стола, старый слуга, почему-то, можетъ быть просто случайно, вздохнулъ, но болѣзненно напряженный слухъ барина тотчасъ уловилъ этотъ едва слышимый вздохъ.

Илья Петровичъ вздрогнулъ и стремительно вышелъ, почти выбѣжалъ изъ столовой, одинаково страшась услышать отъ Семена и слова соболѣзнованія, и — насмѣшки. Онъ чувствовалъ, что вырази теперь слуга что-нибудь подобное, и непременно произойдетъ что-то тяжелое, глупое, нелѣпное. Что-нибудь въ родѣ того, что либо онъ приколотитъ слугу, либо перевернетъ вверхъ дномъ весь домъ, либо разрыдается и станетъ биться головой объ стѣну...

Въ три часа начало темнѣть; съ полудня дождь прекратился, но вѣтеръ вылъ и визжалъ, хлопая ставнями, а кругомъ было такъ мрачно и сыро, что, казалось, будто тоска и уныніе повисли въ самомъ воздухѣ.

Пробило четыре. Въ головѣ Ильи Петровича промелькнуло: „пора чай пить“ — и въ тотъ же мигъ онъ самъ надъ собой усмѣхнулся.

...Вотъ она — настоящая старость: чай пить, обѣдать, ужинать... потомъ опять: обѣдать, пить чай, ужинать... и больше ничего! И такъ изо дня въ день безъ малѣйшихъ измѣненій!.. Но какъ же быть? Чѣмъ наполнить жизнь?.. жизнь! Да развѣ это безцѣльное, никому ненужное существованіе можно назвать жизнью?.. И однако живутъ же другіе.. Какъ-нибудь коротаютъ свой вѣкъ, даже трудятся. Да... трудъ... Развѣ и въ самомъ дѣлѣ приняться за топоръ, пилу или соху?.. Но какой же онъ работникъ? Развѣ только для гимнастики или просто поиграть „въ трудъ“, какъ дѣти играютъ „въ войну“... Ахъ, все это не то, не то, все это негодится!.. Но неужели же такъ-таки покорно склонить голову и ждать смерти? А пока еще смерть придетъ, нужно переносить разныя болѣзни, калѣчество... Можетъ быть, придется сдѣлаться беспомощнымъ, разбитымъ паралитикомъ и попасть въ руки Семена,

который всячески станеть надъ нимъ издѣваться... Можетъ быть, будетъ бить по щекамъ или морить голодомъ...

Илья Петровичъ вздрогнулъ и провелъ рукой по лицу, какъ бы стараясь отогнать мучительныя мысли.

— Нѣтъ, ужъ лучше смерть!—тоскливо прошепталъ онъ:— лучше бы ужъ поскорѣй конецъ!..

— Смерть, смерть!—еще прошепталъ онъ и вдругъ вспомнилъ покойную жену.

Ему захотѣлось взглянуть на ея портретъ.

Илья Петровичъ вошелъ въ кабинетъ и плотно притворилъ за собою дверь.

Быстро выдвинувъ ящикъ письменнаго стола, онъ досталъ женинъ портретъ и долго глядѣлъ на него въ тяжеломъ раздумьѣ.

...Вотъ она какъ живая предъ нимъ, съ ея грустнымъ взглядомъ и какой-то жалобно-скорбной, какъ у больного ребенка, улыбкой на устахъ... Жизнь отнеслась къ ней слишкомъ сурово, слишкомъ беспощадно!.. Раннее замужство, скорое охлажденіе мужа, муки ревности и терзанія объ утраченной любви... И все это за одинъ какой-нибудь годъ счастья съ нимъ!.. Съ нимъ, который такъ безжалостно разбилъ въ дребезги всѣ ея надежды и мечты!.. Между ними нерѣдко бывали ссоры, тяжелыя сцены, для него проходившія безслѣдно, а ей причинявшія невыразимыя страданія... Да, для нея это была жизнь полная горя и отчаянія!.. И правъ былъ Андрей, тысячу разъ правъ, говоря, что онъ, Илья Петровичъ, былъ гостемъ въ своемъ собственномъ домѣ и не зналъ, что дѣлалось безъ него. Да, тогда онъ не зналъ или, лучше сказать, не хотѣлъ знать никого и ничего, кромѣ самого себя. Но зато теперь... О, теперь онъ сознаетъ, какъ много виноватъ онъ предъ женой, и что по его милости вынесла бѣдная женщина!.. Вѣчное одиночество, безсонныя ночи, можетъ быть, съ мыслями о самоубійствѣ, и слезы... слезы безъ конца!.. Да, теперь все это ему ясно, но что въ томъ толку: прошлаго не воротить!

Онъ положилъ портретъ на столъ и, порывисто вставъ, началъ ходить съ заложенными за спину руками. Онъ ходилъ, а за нимъ неотступно слѣдовали и его безотрадныя мысли. Вдругъ еще одно воспоминаніе быстро, какъ молнія, мелькнуло въ головѣ его. Однажды жена подслушала, какъ онъ говорилъ пріятелю, что любить и жену, и ребенка, но такую прѣсноту, какъ семейныя радости, больше трехъ дней выносить не можетъ и, въ крайнемъ случаѣ, еслибъ некуда было дѣваться, готовъ для разнообразія

бѣжать хотѣ на Сахалинъ, хотѣ на какой-нибудь Мурманскій берегъ; жена сдѣлала тогда страшную сцену: рыдала, билась въ истерику, потомъ, вся ослабѣвъ, наивно умоляла его отказаться отъ своихъ словъ, а онъ вмѣсто того велѣлъ запрягать лошадей и укатилъ недѣли на двѣ въ городъ!.. Развѣ это не жестокость, не черствый эгоизмъ? Имѣлъ ли онъ хотѣ какое-нибудь право упрекать сына, когда самъ... Что же онъ самъ-то?.. Предъ его умственнымъ взоромъ вдругъ, съ поразительной ясностью, предстали картины его оргій, гдѣ фигурировали его любовницы и разные развратныя женщины...

При этомъ воспоминаніи Илью Петровича бросило въ жаръ. Онъ широко распахнулъ грудь и тяжело дышалъ.

И подумать только, что еще недавно, всего нѣсколько дней назадъ, онъ увѣрялъ сына, что въ его жизни много было увлеченій и ошибокъ, но не было цинизма и грязи! Какъ могъ онъ это говорить? Было бы еще понятно, еслибъ онъ лгалъ умышленно, ради какихъ-нибудь цѣлей; но онъ не лгалъ, онъ просто забылъ всѣ свои бывшіе грѣхи... Забылъ... забылъ всѣ свои пакости, мерзости!.. Ха-ха!.. Еще немного—и онъ готовъ былъ увѣрять въ свою непогрѣшимость!..

Тутъ онъ вспомнилъ о письмахъ жены, когда-то полученныхъ имъ въ разное время.

Онъ снова присѣлъ къ столу, досталъ изъ ящика пачку писемъ, разорвалъ шнурокъ и сталъ читать ихъ. Тогда, во время ихъ полученія, онъ или совсѣмъ не читалъ этихъ писемъ, или же наскоро пробѣгалъ и тотчасъ же забывалъ. Отвѣчать на нихъ не нужно было: онъ разъ навсегда увѣрилъ жену, что писать для него просто каторга, и только изрѣдка посылалъ телеграммы. Теперь, перечитывая письма, онъ просто поражаѣлся своимъ тогдашнимъ безсердечіемъ и жестокостью.

Возможно ли было оставаться равнодушнымъ, читая хотѣ бы вотъ эти строки:

„...Дорогой мой, я знаю, что я тебѣ надоѣла своими безконечными жалобами, упреками, слезами, но, увѣряю тебя, ты больше не услышишь ни одного упрека, ни одного вздоха, не увидишь ни одной слезы. Я буду весела, ласкова, даже вѣжна съ тобой. И сколько я тебѣ поразкажу смѣшныхъ вещей про нашего Андрюшу,—только пріѣзжай! Возвращайся какъ можно скорѣй, если не для меня, то хотѣ для него. О, это чудный, необыкновенный ребенокъ! Какъ онъ выросъ и похорошѣлъ за последнее время! Теперь онъ почему-то часто бываетъ задумчивъ

и по временамъ какъ будто печаленъ. Мнѣ кажется, это онъ по тебѣ соскучился“...

Илья Петровичъ грустно улыбнулся. Онъ вспомнилъ, что въ то время, когда писано было это письмо, Андрюшѣ шелъ уже шестой годъ, и, вѣроятно, тогда онъ начиналъ вдумываться въ положеніе матери, а можетъ быть тогда же начиналъ и ненавидѣть отца.

„...Но и я по тебѣ ужасно соскучилась,—продолжалъ онъ читать;—безъ тебя мнѣ, право, и свѣтъ не милъ. Куда ни посмотрю—всюду такъ пусто и печально, что я съ трудомъ удерживаюсь отъ слезъ. Да, удерживаюсь, потому что знаю—ты слезъ не любишь. И я не плачу, право не плачу, да и не буду плакать, такъ какъ ты, вѣроятно, скоро приѣдешь. Не правда ли, скоро?.. И все-таки тоска гложетъ меня цѣлые дни, а по ночамъ я часто не сплю, и иной разъ мнѣ кажется, будто я уже въ могилѣ—такъ тихо и такъ страшно кругомъ!.. Ахъ, вотъ я опять не выдержала и заныла. Прости, прости, больше не буду, право не буду!..“

Глаза Ильи Петровича наполнились слезами, но страшнымъ усиліемъ онъ подавилъ готовое вырваться изъ груди рыданіе и продолжалъ читать.

Писемъ было много, но въ каждомъ изъ нихъ бѣдная женщина говорила только о мужѣ, о своей тоскѣ по немъ, или о маленькомъ сынѣ, и ни словомъ ни обмолвилась о своей болѣзни, хотя и тогда уже таяла и быстро сгорала, какъ свѣча. Только мѣсяца за два до ея смерти, когда Илья Петровичъ былъ по дѣламъ въ Москвѣ, она написала ему: „Другъ мой, дорогой другъ! У меня кровохарканье, и, кажется, я скоро умру! Я давно уже кашляю и грудь страшно болить, но я не хотѣла тебя тревожить... А теперь, вотъ... Ахъ, спаси меня, спаси! Приѣзжай! при тебѣ я непременно выздоровѣю. О, неужели, неужели я навсегда разстанусь съ тобой и съ Андрюшей! Господи, сжался надо мной!..“

Тутъ Илья Петровичъ не могъ болѣе сдерживаться и зарыдалъ какъ ребенокъ. Онъ плакалъ долго, но слезы не облегчили его. Невыразимая жалость къ покойной женѣ тѣснила ему грудь. Отчетливо, въ мельчайшихъ подробностяхъ, припоминалось ему, какъ онъ засталъ жену въ постели. Она уже не вставала, и на нее было страшно смотрѣть: впалая грудь, лихорадочно блестящіе глаза, запекшіяся губы и яркія пятна на худыхъ щекахъ... Она лежала какъ пластъ, не въ силахъ была уже повернуться на другой бокъ, но все еще хваталась обѣими руками за жизнь.

За нѣсколько часовъ до смерти она говорила:

„Мнѣ, знаешь ли, просто не вѣрится, что я умру... За что бы такая жестокость, такая несправедливость? Что я кому сдѣлала?.. Развѣ я кого обидѣла?.. А главное-то, что Богъ видѣть, какъ я хочу жить и слышать, какъ я горячо молю Его о жизни... О, только бы выздоровѣть!.. Только бы мнѣ поправиться, а ужъ я знаю, что дѣлать! Ни одного часу, ни одной минутки не потрачу я на тоску, на жалобы и слезы. Я всѣмъ, всѣмъ буду довольна!.. Никогда я не стану съ тобой ссориться, да и не за что будетъ... Ты вѣдь никуда больше не уйдешь и все будешь съ нами?.. Да? Ну, вотъ видишь!.. А мнѣ больше ничего и не нужно... И какъ же мы будемъ счастливы! Какъ въ тотъ годъ... Нѣтъ, не такъ, а еще счастливѣй, потому что съ нами будетъ и Андрюша!.. Да, да!.. Нытъ больше не будетъ!.. Я буду любоваться тобой, Андрюшей, солнцемъ, цвѣтами, птицами... Буду пѣть, смѣяться, бѣгать!..“

Она говорила все это быстро, какъ бы боясь, что не успѣетъ высказаться, и когда Илья Петровичъ спросилъ доктора, не вредно ли ей такъ много говорить, тотъ только рукой махнулъ и сказалъ:

— Пусть себѣ поговорить... все равно въ вечеру все будетъ кончено!

И дѣйствительно, вечеромъ ея не стало...

Илья Петровичъ хруснулъ пальцами и, снова взявъ въ руки портретъ, тихо промолвилъ:

— Ты отомщена, моя бѣдная! Я много виноватъ предъ тобой, но и расплата же слишкомъ тяжела!

Въ тотъ же мигъ, съ эгоизмомъ, присущимъ всѣмъ людямъ, онъ подумалъ, что теперь ей лучше, чѣмъ ему, и что во всякомъ случаѣ лучше быть обиженнымъ, чѣмъ самому обижать.

О, еслибъ онъ зналъ раньше, еслибъ могъ только представить себѣ, что такое эти мучительные, беспощадные укоры совѣсти!.. Но что же дѣлать? Чѣмъ заглушить ихъ?.. Чѣмъ, чѣмъ?.. Что надо сдѣлать, чтобы они не терзали его такъ беспощадно?..

И отъ сознанія собственнаго безсилія его сердце снова запыло такъ мучительно, что онъ готовъ былъ кричать и стонать отъ боли, готовъ былъ размозжить себѣ черепъ...

Часы пробили полночь.

Илья Петровичъ всталъ. Съ полминуты стоялъ онъ неподвижно, какъ бы только-что проснувшись, потомъ взявъ свѣчу и медленной, тяжелой поступью отправился въ спальню.

Тамъ, какъ всегда по субботамъ, горѣла лампадка. Онъ загасилъ свѣчу, машинально раздѣлся и легъ въ постель.

XI.

Семенъ зналъ, что баринъ съ баричемъ поссорились, и насколько не удивился, что баринъ не вышелъ ни къ вечернему чаю, ни къ ужину.

Отъ нечего-дѣлать онъ все-таки нѣсколько разъ прикладывалъ ухо къ замку кабинетной двери. Когда Илья Петровичъ перешелъ въ спальню, Семенъ подумалъ, что ужъ не захворалъ ли баринъ, и, подкравшись на цыпочкахъ къ неплотно притворенной двери, заглянулъ въ щель.

Илья Петровичъ лежалъ съ открытыми глазами. Пересохшія губы его были крѣпко сжаты, страшно блѣдное лицо совсѣмъ осунулось и выражало такую скорбь и уныніе, казалось такимъ старчески-безпомощнымъ, что у стараго слуги ёкнуло въ груди. Онъ хотѣлъ-было войти въ спальню и спросить у барина, не нужно ли ему чего; но тотчасъ же передумалъ и предпочелъ пойти въ буфетъ. Тамъ онъ взялъ графинъ съ водкой, налилъ полный стаканъ и выпилъ залпомъ. Живительная влага вскорѣ возымѣла свое дѣйствіе: онъ вдругъ страшно возненавидѣлъ барича и въ то же время ощутилъ необычайный приливъ нѣжности къ барину. Въ приливѣ этой нѣжности онъ даже всхлипнулъ и вытеръ кулакомъ сухіе глаза. Но, подкрѣпившись другимъ стаканомъ, онъ сталъ порицать барина: какъ-таки не умѣть справиться съ непокорнымъ сыномъ! Какъ-таки не усмирить его! Эти господа, право, иной разъ глупѣе малыхъ ребятъ... Ну, чего кажется проще: взялъ да и пригрозилъ лишить наслѣдства. Вѣдь хуторъ-то съ угодьями чего-нибудь да стоитъ!.. А не то проклялъ бы... Ступай, молю, прыгай съ отцовскимъ-то проклятьемъ надъ головой!.. А то гдѣ это видано: нагрубилъ, накрошилъ сколько влѣзло, а самъ прыгъ въ тарантасъ и — фюты!.. И былъ таковъ!.. А папенька и оставайся тутъ какъ знаешь...

Все это мелькало въ закружившейся головѣ Семена, пока онъ ходилъ за подушкой.

Онъ примостился въ коридорѣ рядомъ съ комнатою барина и рѣшился провести ночь не раздвываясь, чтобы въ случаѣ чего быть наготовѣ. Въ приливѣ нѣжности и усердія онъ намѣревался всю ночь чутко прислушиваться, но, разумѣется, какъ только легъ, тотчасъ же и уснулъ такъ крѣпко, что, въ случаѣ надобности, его вѣроятно не удалось бы разбудить и пушечнымъ выстрѣломъ.

XII.

Илья Петровичъ долго не могъ уснуть.

Его и въ постели беспокоили все тѣ же вопросы:—что дѣлать? Чѣмъ заглушить укоры совѣсти? Чѣмъ наполнить жизнь?.. Ужъ не примириться ли съ сыномъ? Не написать ли ему? Нѣтъ, это выше его силъ!.. Да еслибъ даже онъ и пересилилъ себя, это ровно ни къ чему бы не повело. Все равно, коротать остатокъ жизни пришлось бы въ одиночествѣ, а одиночество-то больше всего и страшить его...

Онъ съ отвращеніемъ вспоминалъ, какъ въ послѣднюю зиму постепенно и незамѣтно для самого себя, онъ втягивался въ разныя житейскія дразги въ родѣ безобразныхъ стычекъ съ Семеномъ. И вотъ ему опять предстоитъ то же самое, пройдетъ, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ такого существованія... Лѣтомъ онъ будетъ грѣться на солнышкѣ, кормить цыплятъ, дѣлать наливки; зимой — безцѣльно бродить отъ окна къ окну, тупо глядѣть на занесенный снѣгомъ дворъ, раскладывать пасьянсы, воевать съ Семеномъ... Это уже будетъ начало конца!.. Ну, и что-жъ, пускай!.. Только бы поскорѣй одеревенѣть и не чувствовать вотъ этихъ мучительныхъ раскаяній... А безобразныя картины прошлаго, какъ нарочно, все выдвигаются предъ нимъ. Чтобы какъ-нибудь отвязаться отъ нихъ, Илья Петровичъ открываетъ глаза и старается смотрѣть на огонь; но глаза невольно смыкаются, а въ воображеніи встаютъ давно забытыя сцены и образы. Одно за другимъ выдвигаются веселыя мужскія и женскія лица, а среди нихъ особенно отчетливо выдѣляется красивое лицо Андрея, съ его ярко-красными губами, изъ-за которыхъ сверкаютъ бѣлые крѣпкіе зубы. „Не унывай, — говоритъ ему Андрей, — не унывай: еще немного, и ты забудешь всѣ свои бывлыя прегрѣшенія! Ты даже станешь кичиться своей запоздалой добродѣтелью!“...

Илья Петровичъ старается не глядѣть на Андрея, отворачивается отъ его лица, но это лицо совсѣмъ близко придвигается къ его изголовью и еще съ большимъ злорадствомъ говорить: „не беспокойся, ты живѣхонько забудешь, что въ прошломъ-то у тебя частенько-таки рыльце бывало не только въ пуху, но даже и въ перьяхъ!“...

Илья Петровичъ хотѣлъ бы крѣпко зажмурить глаза и заткнуть уши, но вѣщи его не двигаются, руки какъ бы отяжели, зацѣпились. А насмѣшливое лицо Андрея все ближе и ближе... оно въ упоръ уставилось на Илью Петровича своими холодными,

выми глазами и, криво улыбаясь, продолжает: „если же безжалостная память и напомнитъ тебѣ когда-нибудь объ этихъ давнишнихъ перьяхъ и пухѣ, ты все-таки не смущайся: надо только не признаваться ни себѣ, ни другимъ, что всему виною дрянность твоей собственной натуры, а смѣло валить все на среду, на время, на воспитаніе... Да мало ли чего можно нагородить въ свое оправданье!.. А разъ оправдавшись, ты сбросишь съ себя, какъ старый, изношенный халатъ, всякія угрызения и съ легкимъ сердцемъ забудешь все непріятное, забудешь даже блѣдное лицо загубленной тобою женщины.“... И вотъ, Илья Петровичъ видитъ страшно блѣдное и худое лицо жены.

— О, Боже мой, Боже, какъ мнѣ тяжело!—силится онъ воскликнуть и не можетъ: нѣтъ голоса, въ груди какая-то странная пустота...

А мертвенно блѣдное лицо, съ лихорадочно блестящими глазами и яркими пятнами на щекахъ, улыбается скорбной улыбкой и тихо произноситъ: „Ты вотъ сейчасъ зывалъ къ Богу, но развѣ ты не знаешь, что недостаточно только зывать къ Нему, а нужно еще исполнять волю Его!.. А ты, всегда ли ты исполнял волю Божію?..“

— Пощади!.. Не укоряй!— снова силится закричать Илья Петровичъ, но на него надвигается что-то темное, тяжелое и крѣпко давить ему грудь... Онъ употребляетъ неимоверныя усилія и просыпается весь въ холодномъ поту...

Слабый, дрожащій свѣтъ лампы мягко освѣщаетъ комнату, придавая всѣмъ предметамъ какой-то трогательный видъ. Кругомъ полная тишина и покой, только сердце Илья Петровича, измученное кошмаромъ, страшно колотится въ груди...

Легкій шорохъ за стѣной напоминаетъ дѣйствительность: скоро настанетъ день со всѣми житейскими мелочами. Надо будетъ подчиняться всѣмъ требованіямъ обычной жизни... Надо будетъ ходить, говорить, казаться спокойнымъ, хоть бы сердце разрывалось на части!..

Илья Петровичъ лежитъ навзничъ, съ закинутыми за голову руками, и пристально глядитъ на икону. Съ глубокимъ состраданіемъ къ самому себѣ, съ смертельной тоской на душѣ, онъ думаетъ о томъ, что не сегодня-завтра придутъ болѣзни, дряхлость. Онъ чувствуетъ страшную слабость во всемъ тѣлѣ и ему кажется, что въ немъ уже начинается процессъ тлѣнія, что вотъ-вотъ онъ погрузится въ безконечный мракъ...

Вдругъ трепетный огонекъ лампы замигалъ, затрещалъ и угасъ, пустивъ по комнатамъ легкую струйку чада. Старикъ

вздрогнулъ. Внезапный мракъ напомнилъ ему могилу, а чадная струйка — запахъ ладона.

Мучительный страхъ смерти моментально охватилъ весь его организмъ. Онъ приподнялся на локтѣ и съ замираніемъ сердца прислушивался къ окружающей его гробовой тишинѣ, широко открытыми глазами всматривался въ темноту. Чисто физическій страхъ, съ дрожью въ груди и съ мурашками въ спинѣ, овладѣлъ имъ до того, что онъ почти терялъ сознаніе.

Онъ никогда не былъ особенно вѣрующимъ, вѣрилъ, какъ большинство — про запасъ, на всякій случай; но тутъ вдругъ сорвался съ постели, упалъ на колѣни и, путаясь и сбиваясь, началъ торопливо произносить слова полубытыхъ молитвъ.

Онъ не замѣчалъ, какъ похолодѣли его ноги, и съ крѣпко сжатыми руками на груди, въ какомъ-то изступленіи шепталъ:

„Господи, милостивый!.. аще праведника спасеши, ничто же веліе, аще чистаго помилуеши, ничто же дивно... Но на мѣѣ, Господи, удиви милость Твою!..“

И леденящій ужасъ, болѣе мучительный, чѣмъ, можетъ быть, и самая смерть, овладѣлъ имъ всецѣло...

Когда утренній свѣтъ сталъ пробираться сквозь щели ставень, Илья Петровичъ съ трудомъ поднялся и бросился въ изнеможеніи на кровать. Онъ уже ни о чемъ не думалъ и лежалъ распростертый, какъ трупъ, не имѣя силъ сдѣлать движеніе. А кругомъ жизнь — сѣрая, неприглядная, но все-таки жизнь — вступала въ свои права: гдѣ-то стукнули дверью, залаяла собака, прокриталъ пѣтухъ... Въ коридорѣ раздались тяжелые шаги, и вскорѣ Семенъ загремѣлъ чайной посудой...

Начинался дождливый, мутный день.

Н. СТАХЕВИЧЪ.

ТАМИРЪ

РУССКАЯ ОБЩИНА НА ГРАНИЦАХЪ МОНГОЛІИ.

Во время моихъ странствованій по южнымъ границамъ Забайкалья, въ концѣ 80-хъ годовъ, я заинтересовался вопросомъ, насколько встрѣчающіяся изрѣдка здѣсь русскія крестьянскія общины, удаленныя отъ центра Россіи на 7.000 верстъ, одинокія, затеряанныя среди горъ, окруженныя глухою тайгой или характерными цирковыми (расположенными циркомъ) степными долинами, находясь въ центрѣ бурятскихъ улусовъ и кочевьевъ и прилегая къ безпредѣльнымъ пустынямъ Монголіи—насколько эти русскія общины, предоставленныя во многихъ отношеніяхъ самимъ себѣ въ теченіе около двухъ вѣковъ, сохранили или измѣнили и утратили черты коренной русской народной общины съ ея особенностями, и позаимствовались ли онѣ чѣмъ-нибудь отъ окружающихъ ихъ инородцевъ? Мнѣ удалось ближе изслѣдовать въ этомъ отношеніи одну изъ самыхъ далекихъ и одинокихъ общинъ—Тамиръ. Въ настоящее время, когда снова поднятъ вопросъ „быть или не быть общинѣ?“—результатъ подобнаго изслѣдованія можетъ представить извѣстный интересъ... Это селеніе расположено въ 70 верстахъ на востокъ отъ Кяхты, близъ русско-монгольской границы въ узкой долинѣ быстрой рѣчки Тамира, между двумя высокими и живописными хребтами Яблоновыхъ горъ, и принадлежитъ той же волости, Верхнеудинскаго округа Забайкальской области. Тамирское селеніе и общество образовалось, какъ говоритъ преданіе, по указу Екатерины Великой о надѣленіи землями крестьянъ, по фамиліи Котомановыхъ и Москвитиныхъ. Къ этимъ кореннымъ крестьянамъ переселились и другіе крестьяне съ верховьевъ р. Чикоя, и образовалось селеніе. Оно, съ 1885 года, образовало отдѣльную волость, а до этого

года было приписано къ урлукской волости. Тамирская сельская община состоитъ изъ селенія Тамиръ и находящагося въ полуверстѣ отъ него выселка Угрюмиха, куда выселились и продолжаютъ выселяться тамирскіе крестьяне за недостаткомъ удобной для усадебъ земли въ Тамиръ. Платежныхъ, записныхъ душъ въ тамирской общинѣ 306, изъ нихъ въ Тамиръ 285 и въ Угрюмихѣ 21 душа. Сколько всей земли дано въ надѣлъ ихъ общинѣ, тамирскіе крестьяне и сами не знаютъ; думаютъ, что приблизительно будетъ тысячъ пять десятинъ. Изъ этого числа усадебъ общины занимаютъ пространство до четырехъ верстъ, выгоны или выпуски — до 500 десятинъ, телятники — до 100 десятинъ; пахатной земли, „мякоти“, будетъ 1.300 десятинъ, сѣнокосовъ — до 300 десятинъ. Лѣса же, принадлежащіе тамирской общинѣ, простираются къ югу и къ юго-востоку отъ Тамира на 10 верстъ, а лѣса къ сѣверу и востоку отъ Тамира не принадлежатъ общинѣ и составляютъ казенныя оброчныя статьи. Этими послѣдними тамирцы пользуются наравнѣ съ другими сосѣдними крестьянскими обществами.

I.

Въ Тамирѣ, хотя и не исключительно, существуетъ „захватный“ способъ пользованія землею. Вообще всякій общинникъ имѣетъ полное право гдѣ угодно и сколько угодно разрабатывать себѣ земли изъ-подъ лѣсу. Обыкновенно желающій разрабатывать такую землю испрашиваетъ у общества позволеніе разработать облюбованный имъ участокъ — „чертежъ“ (онъ очерчиваетъ знаками, зарубками, свой участокъ), съ тѣмъ, чтобы въ теченіе 40 лѣтъ, ни у него, ни у его наслѣдниковъ, разработанный чертежъ не отбирался въ общество. По прошествіи 40 лѣтъ, чертежъ поступаетъ въ общество подъ именемъ „чертежной земли“, но надѣлъ бывшему владѣльцу ея обязательно дается изъ этой земли. Позволеніе на 40-лѣтнее владѣніе „чертежами“ дается безпрепятственно всякому общиннику въ формѣ общественнаго приговора. Кто же безъ позволенія общества станетъ разрабатывать свободныя земли, того чертежъ поступаетъ въ общество при первомъ коренномъ передѣлѣ земель. Прежде, когда населенія въ Тамирѣ было меньше, на долю каждаго общинника приходился болѣе значительный участокъ земли, чѣмъ въ настоящее время, когда по передѣлу 1887 года вся пахатная земля, „мякоть“, въ Тамирѣ распределена такимъ образомъ: каждая взрослая, самостоятельная, „старая“ душа (платежная) получила по двѣ и три четверти

десять пахатной земли, а всякая малолѣтняя душа—только по полторы десятины. Надѣлъ земли дается всѣмъ общинникамъ, кромѣ заявившихъ обществу о невозможности обрабатывать надѣлъ за недостаткомъ личныхъ силъ или имущественныхъ средствъ. Усадьбой въ Тамирѣ называется мѣсто, занимаемое дворомъ, огородамъ и гумномъ; усадебная земля находится въ подворномъ и наследственномъ пользованіи, и никакая часть ея не передѣляется, да и прежде не было примѣра передѣла дворовыхъ, усадебныхъ мѣстъ. Вновь вступающимъ членамъ общины усадьбы отводятся по окраинамъ селенія, гдѣ пожелаетъ новый членъ поселиться, изъ близлежащихъ сѣнокосныхъ и даже пахатныхъ земель. Вся усадебная земля каждому общиннику отводится въ одномъ мѣстѣ по полдесятины на душу. Хотя вообще передѣловъ усадебной земли не бываетъ, но весной 1887 г. „уравнивались“ огороды у тамирцевъ такъ, чтобы у каждого члена приходилось по одинаковому пространству огорода на душу.

Вся пахатная земля въ Тамирѣ издавна и понынѣ раздѣляется по качеству почвы на поля трехъ сортовъ. Самыя жирныя, черноземныя пашни относятся къ полямъ перваго сорта или ряда; ко второму сорту—пашни средняго достоинства; старыя же, самыя тощія пашни относятся къ третьему сорту. Кромѣ того, есть еще пашни „моченки“; называются онѣ такъ потому, что весной, до начала посѣва, онѣ вымачиваются посредствомъ канавъ, заведенныхъ изъ р. Тамира. Поливка моченокъ, а также огородовъ существуетъ въ Тамирѣ „испоконъ вѣку“ и производится такимъ образомъ: по срединѣ деревни, по самому дну тамирской долины бѣжитъ рѣка Тамиръ, по обѣимъ берегамъ ея за домами въ гору идутъ огороды, а за селеніемъ, также по берегамъ этой рѣки, расположены моченки. Передъ селеніемъ рѣка запружена и вода поднята настолько высоко, чтобы правой и лѣвой канавами, идущими параллельно съ теченіемъ рѣки, можно было поливать самыя высокіе огороды. Запруда рѣки устроена давно, и крестьяне не помнятъ, какъ она была устроена,—думаютъ, что всѣмъ обществомъ. Огороды тянутся въ одну линію по правому и лѣвому берегу Тамира, и обѣ канавы идутъ по самымъ высокимъ границамъ каждого огорода. Для моченокъ, находящихся ниже селенія, устроена по р. Тамиру особая запруда и проводятся особыя канавы. Общественныхъ, т.-е. устраиваемыхъ всѣмъ обществомъ, канавъ нѣтъ, а каждый проводитъ и обязанъ чистить ту часть канавы, которая протекаетъ мимо его моченки или огорода. Глубина и ширина канавъ различны: гдѣ и купаться можно, а гдѣ не болѣе, какъ по щиколку, гдѣ сажени двѣ ши-

рины, а гдѣ и перешагнуть можно. Каждый общественникъ изъ той части канавы, которая проходитъ мимо его моченки или огорода, проводитъ бороздки сохой или лопатой по всѣмъ направленіямъ своего огорода или моченки и такимъ образомъ орошаетъ ихъ. Поливка моченокъ производится весной, въ концѣ апрѣля и началѣ мая, до посѣва. Огороды поливають все лѣто, пока не соберутъ всѣхъ огородныхъ овощей. Поливка моченокъ производится исключительно мужчинами, поливка огородовъ — почти исключительно бабами. Особенныхъ правилъ или обычаевъ въ пользованіи водой для поливки нѣтъ, а такъ, кто впередъ провелъ воду, тотъ и поливаетъ. Но гдѣ сосѣди живутъ подружнѣе, тамъ поливають по очереди, по теченію канавы, т.-е. впередъ поливають верхніе, „верховскіе“, а потомъ „низовскіе“ сосѣди. Иногда два-три сосѣда поливають заразъ, т.-е. пустивъ сразу изъ пруда много воды въ канаву, разводятъ ее бороздками по своимъ огородамъ, а иногда одинъ пуститъ всю воду къ себѣ; при этомъ нерѣдко выходитъ споръ и ссора, доходить и до драки. Приблизительно, канавы для поливки огородовъ и моченокъ занимаютъ въ длину до шести верстъ. Моченки идутъ подъ посѣвъ яровой пшеницы. Подраздѣленій каждаго поля на части не существуетъ. Поля одно отъ другого отдѣляются межами, идущими со всѣхъ четырехъ сторонъ, форма полей почти всегда квадратная; ширина межъ различна: есть межи, по которымъ можно проѣхать на парѣ лошадей, а по другимъ межамъ едва одному человѣку можно пройти; въ послѣднемъ случаѣ проѣзжаютъ черезъ сосѣднее поле. Особенныхъ выраженій для обозначенія понятія „разграничивать“, кромѣ „межевать“, „проѣхать межу“, — нѣтъ у тамирскихъ крестьянъ.

Вообще пашенная земля въ тамирской общинѣ дѣлится по наличнымъ платежнымъ душамъ; такой дѣлежъ происходилъ весной 1887 года. Крестьяне тогда, перемеривъ все пространство, занимаемое пашнями всѣхъ сортовъ и опредѣливши количество земли въ каждой пащинѣ и затѣмъ во всѣхъ, потомъ высчитавши число всѣхъ наличныхъ платежныхъ душъ, раздѣлили всѣ пашни между наличными душами, при чемъ малолѣтнимъ земля давалась въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ взрослымъ, „старымъ“, душамъ, а старикамъ и вдовамъ было дано, какъ и прежде давали, по одной десятинѣ каждому „на пропитаніе“.

Коренной передѣлъ тамирскихъ земель весной 1887 года произведенъ по приговору крестьянъ срокомъ на 15 лѣтъ, т.-е. по 1902 годъ. До этого передѣла былъ передѣлъ также коренной, во время послѣдней ревизіи, и кромѣ этихъ двухъ коренныхъ

передѣловъ, никакихъ другихъ передѣловъ тамирскіе крестьяне не помнятъ. Подробности о передѣлѣ 1887 года будутъ изложены во второй главѣ.

Обыкновенное въ Россіи названіе „полоса“ для отдѣльных пашенъ въ Тамирѣ не существуетъ, вѣроятно, потому, что здѣсь пашни не тянутся полосами, какъ въ Россіи, а разбросаны въ разныхъ мѣстахъ въ формѣ квадратовъ и рѣже—треугольниковъ. Самыя большія пашни бывають въ 10 десятинъ, самыя маленькія—въ полъ-осьмухи, $\frac{1}{16}$ десятины, и на каждую душу приходится среднимъ числомъ по три поля, всего въ количествѣ 1 и семь восьмыхъ десятинъ на засѣвъ; а такъ какъ большинство дворовъ состоитъ каждый изъ трехъ душъ, то, слѣдовательно, приходится по девяти полей на каждый дворъ, т.-е. ежегодный средній засѣвъ почти въ 6 десятинъ. А есть дворы и въ шесть душъ. Во время послѣдняго передѣла въ 1887 году, вся пахатная земля, за исключеніемъ, разумѣется, „чертежей“, разработанныхъ съ позволенія общества, и если не прошло еще 44 лѣтъ со времени ихъ разработки, шла въ раздѣлъ по наличнымъ душамъ, никакого запаса для подростковъ, будущихъ членовъ общины не оставлялось. Владѣльцы „чертежей“ участвуютъ наравнѣ съ другими членами общины въ передѣлахъ пахатной земли и получаютъ совершенно такой же земельный надѣлъ, какъ и всѣ другіе члены общины.

Какъ уже упомянуто, въ Тамирѣ пустопорожнихъ земель подъ лѣсомъ такъ много, что и опредѣлить количество ихъ невозможно. Каждая изъ падей, окружающихъ Тамирѣ, представляетъ много такихъ мѣстъ, которыя съ успѣхомъ можно превратить въ пашни. Лѣса, покрывающіе пустопорожнія мѣста, состоятъ главнымъ образомъ изъ сосны, березняка и лиственницы. Всѣ члены общины безконтрольно и безусловно производятъ на пустопорожнихъ мѣстахъ порубку лѣса на дома, дрова, изгороди, на приготовленіе кадей, корытъ, туясовъ, бураковъ, столярныхъ вещей; также собираютъ ягоды и охотятся на птицъ и звѣрей, „бѣлкуютъ“. Такихъ случаевъ, чтобы общество нанимало отъ себя людей для разработки пустопорожнихъ мѣстъ подъ пашни, не было въ Тамирѣ. Заповѣдныхъ лѣсовъ нѣтъ. Что касается сѣнокосовъ, или по здѣшнему покосовъ, то до 1887 года покосы передѣлялись ежегодно; но весною 1887 года общество порѣшило оставить послѣдній передѣлъ покосовъ, произведенный въ этомъ году на пять лѣтъ, безъ измѣненія. Передѣлъ покосовъ производится такимъ образомъ. Всѣ сѣнокосные луга дѣлятъ ранней весной, когда еще травы почти нѣтъ, на пай, чтобы на каждую наличную душу прихо-

дилось по одному паю покоса, затѣмъ каждый лугъ отдается столбикимъ душамъ, сколько въ немъ паевъ. Получившіе извѣстный лугъ члены общины выкашиваютъ его, какъ хотятъ; обыкновенно они сообща косятъ сѣно и дѣлятъ его поровну между собою, т.-е. между хозяевами паевъ. При передѣлѣ пай сѣновосные стараются уравнивать: напримѣръ, лугъ удобный, „чистый“, дѣлятъ на десять паевъ; такой же величины лугъ, но менѣе плодородный, дѣлятъ на шесть паевъ. Покосовъ, расчищенныхъ на пустопорожнихъ мѣстахъ собственными трудами отдѣльныхъ крестьянъ, встрѣчается въ Тамирѣ довольно; они въ теченіе 40 лѣтъ остаются въ исключительномъ пользованіи тѣхъ, кто ихъ расчистилъ, а послѣ 40 лѣтъ идутъ въ передѣлъ. Запущенныя поля, „залежи“, идутъ въ Тамирѣ подъ пастбу, — повтому на нихъ сѣновосовъ не бываетъ; общей косьбы покосовъ всѣмъ обществомъ также не бываетъ.

Мѣста для пастбы скота называются въ Тамирѣ выпусками. Выпуски у тамирцевъ, разумѣется, свои собственные, а не наемные, и ихъ, какъ уже упомянуто, всего до 500 десятинъ. На выпускахъ крестьянскій скотъ пасется весну, все лѣто и часть осени, до тѣхъ поръ, пока не уберутъ сѣно и не снимутъ хлѣбъ съ полей, послѣ чего скотъ пасется на сѣновосахъ и пашняхъ. На выпускахъ, ничѣмъ не огороженныхъ, свободно ходитъ скотъ; изгородь же, такъ-называемая „поскотина“, о которой будетъ рѣчь дальше, устроивается только въ мѣстахъ соприкосновенія выпускавъ съ засѣянными пашнями. Для пастбы телятъ, иногда и лошадей, если нужно ихъ имѣть подъ руками, позади огородовъ въ Тамирѣ существуютъ телятники, огороженные изгородью. Каждый домохозяинъ, хотя бы и безземельный, т.-е. не имѣющій надѣла въ пашняхъ, имѣетъ полное право выгонять весь свой скотъ, сколько бы его ни было, на общественное пастбище. Общественнаго пастуха крестьяне нанимаютъ только для пастбы овецъ по здѣшнему „баранъ“; рогатый скотъ и лошади пасутся одни, безъ всякаго надзора. Рыбныхъ ловель или другихъ какихъ-нибудь особенныхъ угодій у тамирскихъ крестьянъ нѣтъ; даже колодцевъ общихъ нѣтъ, у всякаго свой, а самые бѣдные, не имѣющіе и колодца, даромъ берутъ воду изъ сосѣдняго колодца.

II.

Въ тамирской общинѣ земельные передѣлы вызывались тѣмъ обстоятельствомъ, что находящаяся во всеобщемъ пользованіи мірская земля съ теченіемъ времени и съ увеличеніемъ населенія оказывалась распределенной неравномѣрно, какъ по количеству,

такъ и по качеству почвы, на каждую семью. Въ Тамирѣ замѣчено, что въ случаяхъ, когда самъ міръ не установитъ опредѣленнаго срока для передѣла (въ 1887 году міръ, совершивъ передѣлъ, назначилъ его на 15 лѣтъ), о необходимости передѣловъ заявляютъ и настаиваютъ на нихъ преимущественно многосемейные общественники, какъ богатые, такъ и бѣдные, потому собственно, что многосемейные общественники бываютъ почти всегда мало-земельными и хорошо понимаютъ, что отъ передѣла земли они въ убытокъ не останутся, а напротивъ, имъ новый передѣлъ прибавитъ земли, сообразно увеличенію ихъ семей. Заявленія о передѣлѣ по большей части дѣлаются въ мірской избѣ во время сходовъ. Староста, къ которому обращаются на сходѣ съ такими заявленіями, предоставляетъ этотъ вопросъ о передѣлѣ на рѣшеніе міра, и вопросъ тотчасъ же обсуждается на сходѣ. Если же одни члены общины требуютъ передѣла, а другіе не хотятъ и обѣ стороны не придутъ къ соглашенію, то передаютъ этотъ споръ на рѣшеніе волостного суда. Сходъ, собирающійся для разрѣшенія вопроса, быть или не быть передѣлу, состоитъ изъ однихъ домохозяевъ; бобыли и безземельные тамирцы, если и приходятъ тогда на сходъ, то не имѣютъ по этому вопросу права голоса. Допускаются на сходъ съ правомъ голоса и женщины-вдовы, уплачивающія государственные и общественные сборы и не имѣющія еще „замѣны себя“, т.-е. возрастнаго сына 15—16 лѣтъ. Въѣсто отсутствующаго домохозяина на сходъ идетъ взрослый сынъ его, а жены не ходятъ. По важнымъ дѣламъ вообще, и въ томъ числѣ по дѣламъ о передѣлахъ, требуется на сходѣ присутствіе всѣхъ общинниковъ. Для составленія приговора о передѣлѣ необходимо согласіе всѣхъ присутствующихъ на сходѣ. На приговоры большое вліяніе имѣетъ староста; случаи приговоровъ безъ согласія старосты очень рѣдки. Также не малое вліяніе на приговоры оказываютъ, всегда ради своихъ выгодъ, здѣшніе кулаки, міроѣды; послѣдніе имѣютъ въ тамирской общинѣ силу, перевѣсъ, потому что общественники между собою не дружны.

При передѣлѣ 1887 года поступили такъ. Всѣ пашни, хорошо извѣстныя крестьянамъ, они подѣлили на три сорта: лучшія, среднія и худшія. Каждый домохозяинъ самъ распредѣлил по сортамъ принадлежація ему пашни, указывая мѣсто, въ какой пади находится та или другая пашня. Если другому общественнику пашня перваго общественника, записанная во второй, средній, сортъ, казалась лучшей, чѣмъ его подобная же пашня, то онъ принималъ пашню перваго себѣ за первый сортъ, т.-е. за лучшую пашню; такъ же пашню, записанную въ третій сортъ,

принимали за второй сортъ. При этомъ разверстку земли дѣлаъ самъ мѣръ на сходѣ; землю мѣрили веревками; единицею мѣри принималась, какъ всегда, десятина и ея дѣленія. Какъ уже сказано, передѣлъ пашень въ 1887 году произведенъ на 15 лѣтъ, а сѣнокосовъ на 5 лѣтъ. Самый же передѣлъ производили такъ. Выбрали изъ членовъ общины десять человекъ „довѣренныхъ“ и поручили имъ перемерить всѣ пашни. Двое изъ довѣренныхъ записывали результаты измѣреній: двое потому, что одному мало вѣры, и по другой причинѣ: одинъ избирался коренной житель, сибирякъ, „верховской“ (съ верховьевъ Чикоя?), православный, другой—переселившійся, семейскій, „низовскій“, раскольникъ,—сообразно двумъ, борющимся между собою, элементамъ тамирскаго населенія. Остальные 8 довѣренныхъ измѣряли пашню веревками: одинъ держалъ, другіе вытягивали, придерживали, направляли по междѣ, говоря громко, сколько отмѣрилось сажень. Потомъ на сходѣ все записанное повѣрялось такъ: читаютъ, напримѣръ, запись, что у крестьянина Котоманова въ такой-то пади столько-то десятинъ съ $\frac{1}{8}$, а Котомановъ говоритъ: „Нѣтъ, меньше!“ Если споръ происходитъ изъ-за $\frac{1}{8}$ десятины или меньше, то общество соглашается съ хозяиномъ (Котомановымъ), такъ какъ изъ-за такой малости не стоитъ спорить. Въ противномъ случаѣ производилась повѣрка, т.-е. земля Котоманова перемеривалась. Случаи запахиванія чужихъ междъ очень рѣдки въ Тамирѣ, а если кто сдѣлаетъ это, на того жалуются старостѣ. Староста собираетъ сходъ, гдѣ виновника подвергаютъ наказанію; обыкновенно заставляютъ его купить $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ ведра воды, угостить ею обиженнаго и стариковъ, и „остаться при старыхъ межахъ“. Въ Тамирѣ сколько въ каждомъ дворѣ душъ (наличныхъ, платежныхъ), столько принадлежитъ тому двору паевъ пашни и сѣнокоса. „Дворовъ-однодушекъ“, т.-е. имѣющихъ по одной душѣ и, слѣдовательно, по одному паю пашни и покоса, въ общинѣ всего 4—5; преобладающее число дворовъ „троедушекъ“. Въ общинѣ есть запасная земля для отвода только подъ усадьбы новымъ членамъ общины, а до тѣхъ поръ она мѣромъ отдается въ аренду богатымъ крестьянамъ, которые должны за это пополнять недоимку хлѣба въ сельскій магазинъ за „мертвыхъ“ и немогущихъ по бѣдности пополнить за себя хлѣбную недоимку.

III.

Каждый общинникъ, или, какъ здѣсь говорится, „общественникъ“, самъ пасетъ своихъ лошадей, пускаетъ ихъ, спутавши, кормиться по выпуску, по парамъ, а ночью въ ближнихъ лѣсахъ и падахъ. Если лошади произведутъ потраву, то заявляется старостѣ потерпѣвшими. Староста ѣдетъ осмотрѣть потраву, потомъ сходъ налагаетъ наказаніе за потраву: по большей части сходятся на вино; виновные (хозяинъ скота и хозяинъ поскотины) поставить обществу одну четверть ведра и тѣмъ кончаютъ дѣло. Иногда сходъ обязываетъ виновныхъ уплатить потерпѣвшему отъ потравы нѣсколько пудовъ хлѣба. Для овецъ нанимается общественный пастухъ; ему платятъ по 10 коп. и по 2 фунта хлѣба съ головы (съ овцы) и кормятъ по очереди: за 5 головъ день очереди кормить. Лѣсовъ тамирцы не охраняютъ. „Мірская городьба“, поскотина, устроивается кругомъ всего пространства, занимаемаго крестьянскими папнями. Обязанность городить поскотину распределяется по душамъ: по 20 сажень на душу; обязательная высота поскотины 7 жердинъ, пространство между жердинами около полу-аршина, длина жердины 2—3 сажени. Если скотъ прорвется черезъ поскотину, то за потраву отвѣчаютъ пополамъ хозяинъ скота и хозяинъ поскотины, т.-е. членъ общины, на обязанности котораго лежало исправное содержаніе поскотины въ томъ мѣстѣ, гдѣ прорвался скотъ.

Тамирскій хлѣбный магазинъ управляется избираемыми сходомъ по очереди вахтерами изъ общественниковъ. Вахтеры наблюдаютъ за сдачей и выдачей хлѣба, за сушкой и перемѣлкой его. Для охраны магазина общество нанимаетъ за деньги караульнаго; это дешевле возьметъ, того и нанимаютъ.

Тамирская школа не общественная, а основана и содержится на капиталъ, пожертвованный частнымъ лицомъ, крымской помещицей г-жей Тоемаковой. Общество даетъ школѣ лишь дрова, 45 саж. въ годъ, и сторожа. Сторожъ выбирается изъ членовъ общины въ очередь общественной службы на полугодіе. Если очередь придетъ идти сторожемъ человѣку состоятельному, онъ, по соглашенію съ учителемъ, нанимаетъ вмѣсто себя сторожа; бѣдный самъ идетъ.

Общественные мосты, гати и дороги поправляются очередною „недѣлею“: каждая недѣля состоитъ изъ 20 душъ и обязана отработать 20 дней; потомъ работаетъ слѣдующая очередная недѣля. Никогда, понятно, не было случаевъ, чтобы общество

нанимало или покупало у кого-нибудь землю; но отдѣльные члены общины иногда нанимаютъ покосы у сосѣдей бурятъ. Нѣтъ, по словамъ общинниковъ, и никогда не было у нихъ общественныхъ запашекъ, ни работъ по улучшенію земли всѣмъ обществомъ, ни общинной (всѣмъ обществомъ) обработки земли съ дѣлежомъ продуктовъ. Самая идея общественной запашки кажется имъ странной и непонятной.

По мнѣнію общинниковъ, хозяйство частное, крестьянское находится въ Тамирѣ въ хорошемъ положеніи. Вообще почти всѣ члены общины средняго благосостоянія: нѣтъ богачей, „тысячниковъ“, но нѣтъ и такихъ бѣдняковъ, у которыхъ дѣти ходили бы просить милостыню. Полевое хозяйство, „полеводство“, ведется въ Тамирѣ такъ: одинъ годъ на пашнѣ сѣется хлѣбъ (ярица), на слѣдующій годъ эта пашня идетъ подъ паръ, „парится“, на третій годъ на той же пашнѣ снова сѣютъ хлѣбъ, на четвертый она парится и т. д. Сѣютъ преимущественно яровые хлѣба; озимыхъ почти совсѣмъ не сѣютъ,—два-три крестьянина сѣютъ по 1—2 дес. озимаго; подъ посѣвъ овса и пшеницы выбираютъ лучшія пашни. Система полеводства и теперь та же, какая велась издревле въ Тамирѣ: тѣ же орудія, тѣ же приемы; ни усовершенствованій, ни тѣмъ болѣе машинъ хозяйственныхъ, ни у кого изъ крестьянъ нѣтъ.

Въ Тамирѣ мірской помощи бѣднымъ, слабосильнымъ, „упавшимъ“, общинникамъ, ни въ уборкѣ хлѣба или сѣна и вообще ни въ чемъ не бываетъ. А состоятельные люди нерѣдко устраиваютъ себѣ „пѣмочи“. У женщинъ, богатыхъ и бѣдныхъ, бываютъ „супрядки“ и „капустники“. На „пѣмочи“ приглашаютъ наемунѣ сосѣдей и знакомыхъ: „милости просимъ на пѣмочь, серпичкомъ (серпомъ), литовочкой (косой), винца попить!“ Въ день пѣмочей приглашенные крестьяне и крестьянки, верхомъ и въ телѣгахъ парами и тройками съ колокольчиками, нарядные, весело ѣдутъ на назначенное мѣсто работы, гдѣ уже ждетъ ихъ хозяинъ. Съ пѣснями начинается дружная работа; перегоняя другъ друга, одни жнутъ, другіе собираютъ горсти, третьи вяжутъ снопы, четвертые ставятъ суслоны. Въ 11—12 часовъ обѣдъ, изъ чая и пшеничнаго хлѣба; хозяинъ за обѣдомъ угощаетъ всѣхъ виномъ. Послѣ обѣда еще дружнѣе идетъ работа; передъ паузиномъ, часа въ два дня, опять чай и вино, т.-е. кабацкая водка. Но главное угощеніе вечеромъ, послѣ окончанія работы,—ужинъ въ домѣ хозяина. Хозяйка встрѣчаетъ помочанъ на крыльцѣ съ виномъ и наливаетъ уже не рюмками, а чашками, по здѣшнему „стопами“. Затѣмъ помочане садятся за приготовленные столы,

и тутъ передъ каждой перемѣной, а ихъ бываетъ 4—5, угощаютъ виномъ. По окончаніи ужина устроивается вечерка для молодежи; участвуютъ въ ней и семейные. По обычаю хозяинъ помочей не долженъ отказываться идти по зову на помочи къ тѣмъ, кто у него былъ.

IV.

Въ Тамирѣ государственныхъ сборовъ, „податей“, сходить съ души по 3 р. 1 коп., а со всѣхъ 306 душъ 921 р. 6 коп.; мірскихъ сборовъ, „общественныхъ поборовъ“, — также по 3 р. съ души, а всего общественныхъ сборовъ ровно 920 р. Такъ что всѣхъ сборовъ съ души сходить по 6 р., но бываютъ еще непредвидѣнные общественные сборы. Раскладка податей и общественныхъ сборовъ производится ежегодно два раза, въ началѣ года, въ январѣ и февралѣ, и осенью, въ октябрѣ; при чемъ за единицу распредѣленія податей и общественныхъ сборовъ принимается наличная платежная душа, получающая отъ общества земельный надѣлъ. Кто не имѣетъ надѣла: пашни и покоса, или кто отказался отъ него, — тотъ ничего не платитъ. За безземельныхъ подати и общественные сборы платитъ община. Сельскій и церковный старосты освобождаются отъ платежа общественныхъ сборовъ. За умершихъ (сосланныхъ здѣсь не было) платитъ семейство ихъ, если за семействомъ умершихъ остался ихъ надѣлъ, или тотъ членъ общины, къ которому перешелъ надѣлъ умершихъ. Если умершіе „безродные“, т.-е. не имѣютъ наслѣдниковъ, то община, къ которой переходитъ все наслѣдство безродныхъ, принимаетъ на себя и платежъ податей, и общественныхъ сборовъ за нихъ. У членовъ общины, хозяйство которыхъ по какому-нибудь несчастному случаю пришло въ сильный упадокъ и грозитъ обществу несостоятельностью въ исправномъ платежѣ сборовъ, отбирается весь надѣлъ; но зато они освобождаются и отъ уплаты податей и общественныхъ сборовъ, и сверхъ того община даромъ даетъ имъ десятину пашни „на пропитаніе“, такъ же, какъ и вдовамъ, старикамъ и сиротамъ; но особенныхъ участковъ для всѣхъ этихъ людей въ Тамирѣ нѣтъ. Подати и общественные сборы за солдатъ изъ тамирцевъ, во время нахождения ихъ на службѣ, платятъ семейства ихъ, если за семействами остался ихъ надѣлъ; въ противномъ случаѣ, т.-е. если семья откажется взять себѣ надѣлъ солдата и возвратитъ его общинѣ, община платитъ и всѣ сборы за солдата.

Мѣрами къ побужденію своевременнаго взноса податей и

общественныхъ сборовъ бываютъ, прежде всего, задержки въ выдачѣ паспортовъ членамъ общины, намѣревающимся уѣзжать изъ Тамира, впредь до взноса ими всѣхъ причитающихся съ нихъ податей и общественныхъ сборовъ. Но чаще общество на сходѣ грозитъ недоимщику отнятіемъ надѣла, если онъ къ извѣстному сроку не уплатитъ всѣхъ сборовъ. Когда же наступаетъ срокъ отсылать подати въ казначейство, а недоимщикъ все еще не представилъ ихъ, общество вноситъ за него подати изъ общественныхъ суммъ, а потомъ съ него вытребываетъ. Если же и это не помогаетъ, то сходъ отбираетъ надѣлъ у недоимщика и отдаетъ его въ аренду, впредь до выплаты изъ арендной платы причитающейся недоимки. Но кромѣ надѣла, никакого другого имущества, тѣмъ болѣе женинаго, у недоимщика не отбирается и не продается за недоимку. Не разъ бывали случаи въ Тамирѣ, что обществу приходилось платить подати и общественные сборы за недоимщиковъ, которые, прежде чѣмъ общество отберетъ у нихъ надѣлъ, успѣвали сами запродать его и получить впередъ деньги. Въ такихъ случаяхъ сумму недоимки неисправнаго члена общины раскладываютъ на всѣхъ членовъ общины поровну. Тамирскій сельскій староста безъ согласія общества, т.-е. безъ схода, не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ недоимщиковъ.

V.

Выше упоминалось, что въ Тамирѣ существуетъ, между прочимъ, и захватный способъ пользованія землею, путемъ разработки пустопорожныхъ пространствъ всякимъ желающимъ изъ членовъ общины, съ тѣмъ, что разработанный участокъ, „чертежъ“, становится собственностью разработавшаго его въ теченіе 40 лѣтъ, если участокъ разработанъ съ дозволенія общины и впредь до перваго коренного передѣла, если членъ общины разработалъ и пользуется „чертежемъ“ безъ всякаго заявленія о немъ общинѣ. Чертежъ въ предѣлахъ 40 лѣтъ или до коренного передѣла составляетъ почти полную собственность своего хозяина; хозяинъ можетъ продать чертежъ, заложить, отдать въ наслѣдство и т. п. Но передать чертежъ въ собственность постороннему, т.-е. не члену общины, можно только съ согласія общины.

Права членовъ общины на надѣлы впредь до новаго передѣла также обширны: членъ общины можетъ огородить свой надѣлъ, можетъ, какъ ему угодно, обрабатывать надѣлъ, или бросить его безъ всякой обработки, лишь бы исправно уплачи-

валъ подати и общественные сборы; но заложить надѣлъ, продать (собственно отдать въ долгосрочную аренду) и перемѣнить на другой надѣлъ съ еѣмъ-либо общинникъ можетъ лишь съ согласія общества и на срокъ не болѣе двухъ лѣтъ. Такихъ случаевъ, чтобы община навязывала кому-либо изъ своихъ членовъ надѣлъ, въ Тамирѣ не бывало: землю-пашню и такъ всякій охотно возьметъ, — она даетъ доходъ. Унавоживанія земли въ общинѣ не существуетъ. Тамирцы считаютъ навозъ никуда ненужнымъ бременемъ для хозяйства и заваливаютъ имъ „зыбунъ“, т.-е. трясины по улицамъ, или оврагъ, „яръ“, находящійся въ селеніи. Хозяинъ надѣла или чертежа не можетъ, безъ согласія другихъ членовъ семьи, отчуждать своего надѣла и чертежа, а если сдѣлаетъ это, члены его семьи могутъ жаловаться на него міру. Усадьбу крестьянинъ тамирскій можетъ продать своему однообщиннику, даже безъ согласія міра. Если оставшіеся послѣ смерти домохозяина женщины и малолѣтки принимаютъ на себя платежъ податей и сборовъ за домохозяина, то къ нимъ переходитъ и весь земельный надѣлъ его.

Чтобы община оказывала вліяніе на выборъ домохозяина въ семьѣ или удаляла, или перемѣняла нерадиваго хозяина, этого не случалось въ тамирской общинѣ. Точно также не было примѣра вмѣшательства міра въ семейные раздѣлы; они совершаются здѣсь полюбовно, по семейному согласію. Большею частію семейные раздѣлы происходятъ у общинниковъ вслѣдствіе увеличенія семьи, когда старшій сынъ имѣетъ уже свою семью. Очень рѣдко, но бывали случаи, что раздѣлы происходили отъ раздоровъ; въ послѣдніе три года всего семейныхъ раздѣловъ было не болѣе шести или семи.

Отставные и безсрочно отпускные солдаты, а также и солдаты, относительно пользованія землей, приравнены къ вдовамъ и сиротамъ, т.-е. если принимаютъ на себя платежъ податей и сборовъ, то пользуются полнымъ душевымъ надѣломъ въ пашнѣ, покосѣ и пр.; въ противномъ случаѣ имъ дается по десятинаѣ пашни „на пропитаніе“ и они освобождаются отъ платежа податей и сборовъ; пользоваться выпусками для скота и лѣсомъ можетъ совершенно бесплатно самый послѣдній членъ общины, хотя бы онъ не имѣлъ въ Тамирѣ ни пашни, ни покоса, ни даже усадьбы своей и жилъ на квартирѣ. Въ Тамирѣ не было случая, чтобы община-міръ, за упорный неплатежъ членомъ общины податей и общественныхъ сборовъ, совсѣмъ отбирала у него надѣлъ; обыкновенно лишь на срокъ, въ который арендной платой можно пополнить недоимку неисправнаго члена общины. Затѣмъ, по

уплатѣ недоимки, міръ опять отдаетъ надѣлъ прежнему хозяину. Если членъ общины умереть и не оставить наслѣдниковъ, надѣлъ, усадьба и все его имущество переходятъ въ собственность общины; но усадьбы (усадебныя земли) считаются выморочными и переходятъ по смерти домохозяина къ міру, если даже есть наслѣдники, но они имѣютъ свои собственные отдѣльныя усадьбы, или живутъ въ другихъ семьяхъ, напримѣръ зятя, живущіе въ семьяхъ своихъ женъ, отдѣлившіеся и получившіе особую усадьбу и надѣлъ дѣти умершаго домохозяина и пр. Отдѣлившіеся, по семейному раздѣлу, члены семьи берутъ надѣлъ изъ земель прежней семьи, а усадьбу имъ даетъ міръ новую. Приемыши и подкидыши въ Тамирѣ пользуются совершенно одинаковыми со всѣми другими членами общины правами на земельный надѣлъ. Если община принимаетъ къ себѣ новаго члена, то ставитъ ему одно условіе: „плати все (всѣ сборы) наравнѣ съ другими и получай (т.-е. земельн. надѣлъ), какъ они тоже!“ Если членъ общины совсѣмъ уходитъ изъ нея, то надѣлъ его переходитъ даромъ къ міру и отдается міромъ въ аренду, или, какъ здѣсь говорятъ, продается; изъ арендныхъ денегъ выплачиваются подати и общественные сборы за умершаго изъ общины члена. Въ Тамирѣ не мало крестьянъ, кромѣ своего надѣла, имѣютъ еще участки земли, приобретенные ими въ другихъ мѣстахъ, внѣ владѣній общины. Кто изъ членовъ общины не платитъ податей и сборовъ и не получаетъ надѣла, хотя бы и получалъ десятину пашни „на пропитаніе“, тотъ никакого участія и права голоса на сходахъ не имѣетъ и не избирается ни въ какую выборную общественную службу.

Надѣльной землей въ Тамирѣ пользуются только члены общины, но пустопорожнюю землю можетъ безъ какихъ-либо условій пользоваться и всякій, проживающій въ Тамирѣ и не приписанный къ обществу; можетъ онъ и лѣсъ рубить сколько угодно и на что угодно. Ни за пользованіе пустопорожней землей, ни за пользованіе лѣсомъ посторонніе, не приписанные къ общинѣ люди, проживающіе въ Тамирѣ, никакими сборами не облагаются въ пользу общины и не участвуютъ въ отбываніи мірскихъ повинностей.

Тамирская община лѣсными хребтами къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ селенія пользуется сообща съ сосѣднимъ сельскимъ обществомъ. Лѣсу больше чѣмъ достаточно для обоихъ обществъ, поэтому отъ такого совмѣстнаго пользованія никакихъ недоразумѣній между ними не выходитъ.

VI.

По наружному виду издали Тамиръ съ рядомъ своихъ однообразныхъ домиковъ кажется маленькой игрушкой, едва замѣтной между громадными, крутыми, поросшими лѣсомъ и при солнечномъ освѣщеніи прелестными горными хребтами. Вблизи Тамиръ — обыкновенная, унылая, молчаливая сибирская деревня, съ улицей довольно убогихъ съ виду, но весьма опрятныхъ и чистыхъ внутри двухъ-оконныхъ домиковъ съ тесовыми крышами, безъ веселыхъ русскихъ крылечекъ на улицу, съ характернымъ сибирскимъ разгороженнымъ и пустымъ дворомъ.

Лучшее зданіе въ Тамирѣ — школа, большая, прекрасно расположенная и устроенная и хорошо обеспеченная въ матеріальномъ отношеніи упомянутой г-жей Токмаковой. Тамирскіе крестьяне любятъ свою школу и охотно отдаютъ туда своихъ ребятъ обоего пола.

Показывали мнѣ тамирскіе мужики и свои диковинки, „звонкій камень“ и „чудскія могилы“. Въ трехъ верстахъ отъ деревни по дорогѣ въ село Большую Кудару, саженьхъ въ 15 влѣво отъ дороги, находится довольно высокая, сажень въ 5—7, груда наваленныхъ другъ на друга скалъ и большихъ камней, а на вершинѣ ихъ устроенъ бурятскій „обо“, т.-е. буддійскій жертвенникъ, изъ груды палокъ и вѣтвей съ навѣшенными на нихъ яркими лоскутками и воткнутыми деревянными копьями. Это мѣсто и называется у тамирцевъ звонкимъ камнемъ, потому что, по ихъ словамъ, камни эти отъ ударовъ по нимъ звонятъ, какъ церковный колоколъ. Дѣйствительно, эти камни отъ удара по нимъ издаютъ довольно сильный звонъ, похожій на звонъ средней величины колокола, если по краямъ его ударять палкой. По объясненію одного изъ крестьянъ звонъ этихъ камней происходитъ отъ большого содержанія въ нихъ какого-нибудь металла. Камни эти оказались, по опредѣленію не много, впрочемъ, свѣдущаго въ геологіи г. М—ова, слюдянымъ діоритомъ.

„Чудскихъ могилъ“ нѣсколько возлѣ Тамира; одна такая могила находится въ огородѣ у тамирскаго крестьянина на краю деревни и состоитъ изъ сложенной кучи большихъ камней, обнесенныхъ кругомъ грубою и развалившейся почти оградой изъ такихъ же стоймя поставленныхъ камней; могила эта того же типа, что и древнія (киргизскія вѣроятно) могилы, находящіяся на дорогѣ между г. Ново-Селенгинскомъ и памятниками бр. Бестужевыхъ и Торсона, декабристовъ.

Каждый годъ лѣтомъ тамирская молодежь соединяется въ одну или нѣсколько артелей, человекъ по 10—20 въ артели, запасаются бочками и кадами и солью, и ѣдутъ на двухколесныхъ тележкахъ въ Монголію ловить рыбу. Подъѣзжаютъ, по ихъ словамъ, къ какой-нибудь рѣчкѣ за границей и разыскиваютъ ямы, въ которыхъ собирается самая крупная рыба и вся видна съ берега: такъ прозрачны и чисты быстрыя горныя рѣчки. Нашедши такую яму, тамирскіе охотники достаютъ изъ нея баграми и другими способами осетровъ и другую самую крупную рыбу, солятъ ее и укладываютъ въ припасенную посуду, затѣмъ переходятъ къ слѣдующей ямѣ и черезъ 10—15 дней возвращаются домой съ запасомъ рыбы для постовъ, для своего употребленія. Монголы, по словамъ тамирцевъ, встрѣчаютъ ихъ всегда радушно и нисколько не препятствуютъ имъ ловить рыбу, которой сами монголы не употребляютъ. Вообще съ монголами пограничные крестьяне живутъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, чему вѣроятно способствуетъ и то, что забайкальскіе крестьяне не ѣздить въ Монголію для торговли съ кочевниками и для сплавиванія ихъ водкой, какъ это водится у крестьянъ иркутской губ. по отношенію къ бурятамъ. Благодаря отличнымъ официальнымъ отношеніямъ, поддерживаемымъ нашимъ пограничнымъ комиссаромъ въ Кяхтѣ съ монгольскими родовыми начальниками и князьями, добродушные и кроткіе вообще монголы предоставляютъ пограничнымъ русскимъ селеніямъ свободно выкапывать лучшее гуджирное сѣно на своихъ безграничныхъ монгольскихъ степяхъ, пользоваться лѣсомъ съ хребтовъ, пушными звѣрями, рыбой и др. произведеніями, которыми ежегодно и пользуются пограничные крестьяне и казаки въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, на много десятковъ тысячъ рублей въ годъ.

По наружности тамирскіе крестьяне представляютъ собою обыкновенный сибирскій типъ метисовъ, сибиряковъ, или по сибирскому выраженію — „братсковатыхъ“, съ черными волосами, утинымъ носомъ и сжатыми глазами, со всѣми, довольно извѣстными, качествами и свойствами, этому типу принадлежащими, насколько все это можно было замѣтить при моемъ непродолжительномъ знакомствѣ съ тамирскими крестьянами...

Влад. Птицынъ.

ЛѢТНІЙ ЗНОЙ

Блестящъ и жарокъ полдень ясный.
Сажу на пнѣ въ лѣсной тѣни...
Какъ млѣютъ листья въ нѣгѣ страстной!
Какъ томно шепчутся они!

О прошломъ вспомнилъ я далекомъ,
Когда меня іюльскій зной,
Струясь живительнымъ потокомъ,
Своей разнѣживалъ волной.

Я съ каждой мошкой, съ травкой каждой,
Въ тѣ годы юные мои,
Томился общемою жаждой
И наслажденья, и любви.

Сегодня тѣ же мнѣ мгновенья
Даруетъ неба благодать,
И возбужденнаго томленья
Я приступъ чувствую опять.

Пою привѣтъ хвалебный лѣту
И солнца знойному лучу...
Но что рождаетъ пѣсню эту—
Восторгъ или грусть—не различу.

Алексѣй Жемчужниковъ.

6 июля.

ЗАЛОЖНИКЪ

— „The Bondman“, by Hall Caine *).

Окончаніе.

XXVI *).

— Добрые друзья и товарищи! — началъ Адамъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ. — Цѣль моего путешествія достигнута: я шелъ разыскивать того, кто хоть и не сродни мнѣ, но ближе всякаго родного. Богу не угодно было, чтобы въ немъ я нашелъ себѣ опору въ своей старости, въ своемъ безпомощномъ состояніи. Вы видѣли — я нашелъ его; но не онъ мнѣ, а я, старикъ, долженъ служить ему опорой. Чтò это все значить, откуда налетѣлъ на него нежданная, тяжелая невзгода, — я не знаю. Но все равно: видно, такъ ужъ судилъ Господь. Да будетъ же Его святая воля!.. Я дальше не пойду, друзья мои; вы же идите себѣ съ Богомъ, куда шли вмѣстѣ со мною, и — не поминайте меня лихомъ!..

Но добрые люди и слышать объ этомъ не хотѣли. Они рѣшили до поры до времени не покидать своего стараго друга, и тотчасъ же принялись раскидывать свой походный шалашъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, онъ былъ уже готовъ, и, утомленный событіями дня, Адамъ Фэрбрезеръ хотѣлъ уже лечь отдохнуть, какъ вдругъ въ палатку вошелъ молодой исландецъ, объяснившій, что онъ, какъ проводникъ одной дамы изъ Рейкіавика, проситъ у нихъ для нея пріюта.

*) См. выше: ноябрь, 159 стр.

Заслышавъ слово „Рейкјавикъ“, Адамъ поспѣшилъ дать свое согласіе, и не прошло минуты, какъ передъ нимъ уже стояла Гриба,—его дочь!

Въ первую минуту нежданнаго свиданія всѣ чувства уступили мѣсто удивленію; затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ отецъ и дочь приходили въ себя, перебивая другъ друга, едва переводя духъ отъ волненія, они стали обмѣниваться сбивчивымъ и непостоятельнымъ разговоромъ обо всемъ, что ихъ постигло въ разлукѣ.

Какъ ни щемило сердце старика, какъ ни пугала его вся безысходность ихъ положенія,—онъ старался, какъ умѣлъ, ободрить дочь и, по мѣрѣ возможности, успокоить ее.

Ночь они провели тревожно, и, проснувшись чуть свѣтъ, замѣтили, что исландская стража, которая сопровождала арестантовъ, возвратилась въ Рейкјавикъ, вмѣстѣ съ датскими шпионами, которымъ теперь (когда восторжествовала въ Исландіи власть датчанъ) возвратили свободу. На сѣрныхъ же копяхъ надзирать за арестантами остался датскій конвой.

— Дитя мое, не печалься!—заговорилъ старикъ Адамъ, видя, что ночь не согнала тревоги съ лица Грибы. — Пути Господни неисповѣдны, и я твердо вѣрю, что не даромъ Онъ далъ намъ встрѣтиться именно въ эту тяжкую минуту. Твой мужъ осужденъ невинно, и надо только обратить вниманіе высшихъ властей на такую вопіющую несправедливость. Я пойду въ Рейкјавикъ; я дойду до губернатора, до самого Іоргенсона! Если онъ не послушаетъ меня, я и на него найду управу у короля датскаго; если же и король ничѣмъ не поможетъ нашему горю,—я пойду въ Англію, обращусь къ англійскому правительству: вѣдь Михаилъ родился англійскимъ подданнымъ... Скорѣй, дорогая, собирайся же въ путь-дорогу! Не будемъ терять ни минуты!..

Но Гриба только тихо покачивала головой въ отвѣтъ на слова отца и возразила, что ей мѣсто здѣсь, ближе къ мужу. Она рассказала отцу, что Михаилъ усомнился въ ея любви и вѣрности, и что она хочетъ доказать ему, что и въ горѣ, и въ бѣдѣ, она одинаково ему предана.

— Я уже рѣшила, какъ можно здѣсь устроиться, и найду возможность остаться тутъ. Иди, отецъ, одинъ, и да поможетъ тебѣ Богъ!..

Разставшись съ отцомъ, Гриба пошла прямо къ тому мѣсту, гдѣ были раскинуты шалаши близъ строившагося зданія лазарета. Тамъ она явилась къ капитану, которому сказала, что пришла изъ Рейкјавика и предлагаетъ ему свои услуги въ качествѣ больничной сидѣлки.

— Намъ дѣйствительно нужна сидѣлка, — согласился капитанъ: — но мы рассчитывали взять мужчину. Впрочемъ, для этой должности женщина еще болѣе пригодна. Оставайтесь, пожалуй.

И Гриба осталась при больницѣ, счастливая возможностью быть недалеко отъ мужа.

Между тѣмъ Язонъ и Михаилъ, столкнувшись волею судьбы на сѣрныхъ копяхъ, работали изо дня въ день, не подозревая, что они такъ близки другъ отъ друга. Ничего не случилось такого, что открыло бы имъ глаза, что выдало бы ихъ одного другому. Сѣрные копи — иначе говоря, каторжные работы — были единственнымъ учрежденіемъ, которое Юргенсонъ оставилъ неприкосновеннымъ, перемѣнивъ только составъ стражи. Такимъ образомъ исландская стража, знавшая въ лицо и по имени главныхъ арестантовъ, была удалена, а ея мѣсто заняли датчане, благодаря чему совершенно случайно сохранилась тайна настоящаго имени и званія обоихъ братьевъ.

Правда, до Язона дошли слухи объ окончательномъ паденіи исландской республики и ея президента; но ему и въ голову не могло придти, чтобы этотъ любимецъ народа могъ очутиться, какъ простой смертный, въ неволѣ, а тѣмъ болѣе на тѣхъ самыхъ копяхъ, куда судьба забросила его самого.

Михаилъ же, съ своей стороны, хоть и зналъ, что Язонъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, но хорошо помнилъ, что за два дня до своего ареста онъ самъ подписалъ приказъ освободить Язона. Между тѣмъ приказъ почему-то замедлили отправить по назначенію; затѣмъ послѣдовалъ правительственный переворотъ, и о несчастномъ помилованномъ забыли и думать. Язона легко могли бы выдать датскіе шпіоны, арестованные одновременно съ нимъ и знавшіе его въ лицо, потому что сами когда-то приняли его за шпіона; но съ водвореніемъ вновь въ Исландіи датской власти имъ возвратили свободу, и они (какъ намъ уже извѣстно) оставили Кризувикъ одновременно съ исландскою стражей.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько долгихъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ оба брата работали на однѣхъ и тѣхъ же сѣрныхъ копяхъ, почти не встрѣчаясь и не видя другъ друга, тѣмъ болѣе, что они жили въ разныхъ и совершенно отдѣльныхъ домахъ, въ которыхъ приходилось имъ также и работать. Рыжій Язонъ былъ помѣщенъ въ зданіи на берегу моря, а Михаилъ — на противоположномъ концѣ копей — у берега озера.

Въ каждомъ изъ домовъ помѣщалось по двадцати-пяти арестантовъ, которые возвращались туда въ восемь часовъ вечера и выходили въ пять часовъ утра. Духота и грязь въ этихъ небольшихъ и неуютныхъ помѣщеніяхъ были невообразимыя. Стѣны простыя, бревенчатыя, полы глиняные; вмѣсто постелей служили грубыя лавки, подъ которыя каждый ставилъ на ночь двѣ оловянныя плошки, полагавшіяся: одна — для пищи, другая для пищевыхъ объѣдковъ и другихъ отбросовъ. Подъ утро, когда отворялись двери на улицу, въ запертомъ помѣщеніи стоялъ такой ужасный смрадъ отъ сырыхъ и грязныхъ сапогъ, отъ ослизлаго пола и помоевъ, что заключенные рады были выбраться изъ своего вонючаго жилища на чистый воздухъ. Каждому изъ арестантовъ, поочередно, полагалось въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, въ видѣ испытанія, завѣдывать тѣмъ или другимъ изъ этихъ домовъ, т.-е. наблюдать за товарищами, нести на себѣ отвѣтственность за безпорядки и собственноручно чистить полы и стѣны. Михаилу и Язону случилось одновременно завѣдывать арестантскими помѣщеніями и во все это время, наравнѣ съ остальными каторжниками, имъ пришлось (по арестантскимъ законамъ) не снимать съ себя кандаловъ и желѣзнаго обруча съ докучнымъ колокольчикомъ, дребезжавшимъ при малѣйшемъ движеніи.

Михаилъ былъ нѣжнѣе здоровьемъ, раздражительнѣе брата, и потому скоро прослылъ на каторгѣ за недовольнаго, что не могло не возстановить противъ него начальство. Тогда какъ болѣе грубый отъ природы, но болѣе скрытный и выносливый Язонъ былъ на такомъ хорошемъ счету, что съ него даже сняли, въ знакъ награды, кандалы и колокольчикъ. Зато Михаилу день ото дня жилось все хуже и тяжелѣе: въ наказаніе за его строптивый нравъ на него навалили вдвое болѣе работы, оставивъ его дольше положеннаго срока въ отвратительной и тяжелой должности завѣдывающаго арестантскимъ домомъ; а съ наступленіемъ зимы на него взвалили еще и обязанность, отъ которой освободили Язона, — прочищать путь передъ обоими домами.

Непосильный суровый трудъ быстро подтачивалъ его здоровье; онъ замѣтно слабѣлъ; силы его уходили, казалось, не по днямъ, а по часамъ.

XXVII.

Однажды, на зарѣ, когда Михаилъ расчищалъ дорожку передъ домомъ, гдѣ жилъ Язонъ, было особенно снѣжно и холодно. Руки бѣднаго арестанта коченѣли отъ стужи, ноги подкашива-

лись; глаза опухли и покраснѣли, налитые кровью отъ безпрестаннаго нагибанья и отъ рѣзкаго вѣтра; вся его высокая, стройная фигура гнулась подъ бременемъ стыда и недуга. Въ то время, какъ Михаилъ то нагибался, то выпрямлялся, чтобы перевести духъ, понукаемый сторожемъ, изъ дома, въ числѣ другихъ арестантовъ, вышелъ Язонъ и невольно оглянулся на того, кто теперь исполнялъ его работу и, какъ бывало онъ самъ, носилъ кандалы и колокольчикъ.

Есть въ жизни человѣка минуты, въ которыя рѣшается вопросъ всей его жизни. Такая минута настала для обоихъ братьевъ. Одинъ взглядъ на изможденное блѣдное лицо, съ налитыми кровью, усталыми глазами, рѣшилъ участь Язона. Глубокая, неизъяснимая жалость защемила ему сердце и въ душу его проникъ голосъ бѣднаго, больного арестанта. Язонъ остановился и, повинаясь порыву состраданія, проговорилъ, обращаясь къ сторожу:

— Давайте, я поработаю за него! Онъ усталъ, онъ совсѣмъ боленъ: его надо бы положить въ больницу!

— Полно болтать: впередъ! — безстрастно скомандовали его собственные стражи, и онъ пошелъ своей дорогой на ряду съ товарищами.

Въ эту минуту Михаилъ поднялъ голову и посмотрѣлъ вслѣдъ единственному человѣку, который пожалѣлъ его; но тотъ ужъ былъ далеко.

— Ну, чего сталъ? — грубо окликнулъ его сторожъ.

И Михаилъ снова принялся за работу; но на лицѣ его еще долго лежалъ отблескъ внутренней отрады и долго еще застилала его глаза какая-то мутная, влажная пелена.

Весь этотъ день его лицо, какъ живое, стояло передъ Язономъ.

— Кто этотъ арестантъ? — спросилъ онъ своего сосѣда по работѣ.

— Почему я знаю? — неласково отвѣчалъ тотъ; и Язонъ замолчалъ.

— Какъ зовутъ того арестанта, что расчищалъ сугробы? — спросилъ онъ сторожа, во время перерыва.

— № 25, — былъ отвѣтъ.

— Я хочу знать: какъ его имя? — настаивалъ Язонъ.

— А тебѣ что за дѣло? — оборвалъ его сторожъ.

Но неудачный конецъ разспросовъ не помѣшалъ Язону и днемъ, и ночью вспоминать незнакомое ему, блѣдное, красивое лицо, обрамленное отросшими волнистыми бѣлокурыми волосами — лицо, трогавшее его до слезъ своимъ выраженіемъ. Что было въ немъ такого особеннаго, что могло растрогать Язона до глубины

души? Ему казалось, что это лицо уже не сегодня ему дорого и знакомо; что не видѣть этого чужого для него человѣка, не слышать его голоса — для него просто невыносимо!.. И вотъ, самъ усмѣхаясь своей неожиданной причудѣ, браня себя дуракомъ за излишнюю чувствительность, Язонъ рѣшилъ, что перестанетъ думать о блѣдномъ арестантѣ; но безпрестанно ловилъ самъ себя на томъ, что онъ мысленно заглядывается на его изстрадавшееся, красивое лицо и на его стройную, но понурую, какъ у старика, фигуру.

Такъ прошла недѣля, другая.

За это время ни разу не случилось Язону встрѣтиться вновь лицомъ въ лицу съ № 25; но тѣмъ усерднѣе приглядывался и прислушивался онъ ко всему, что вокругъ него творилось. Это даже возбудило подозрѣніе сторожей и вниманіе его товарищей-арестантовъ, которые говорили въ шутку, что „рыжій“ безъ памяти влюбился въ „бѣлобрысаго“, въ эту переодѣтую „барышню“. Разъ-другой Язонъ отвѣтилъ на эти шуточки здоровыми тумаками, и ужъ никто больше не пробовалъ смѣяться, чтобы не испытать еще разъ на себѣ подзатыльниковъ рыжаго богатыря.

Съ мѣсяцъ спустя, начальство вздумало производить чистку въ грязныхъ до-нельзя помѣщеніяхъ обоихъ домовъ. Рѣшено было свалить въ кучу всѣ аловонныя постели арестантовъ и сжечь ихъ на чистомъ воздухѣ. Эта мѣра, однако, возбудила сильное неудовольствіе среди этихъ несчастныхъ, у которыхъ грязны (а слѣдовательно и вредны) были не столько постели, сколько самый полъ, стѣны и оловянныя плошки съ отбросами.

Какъ ни мало видѣли они участія со стороны исландцевъ, но и это еще была благодать въ сравненіи съ тѣмъ, что настало для нихъ съ водвореніемъ тамъ датскаго управленія. Не взирая на возраженія каторжниковъ, начальникъ сѣрныхъ копей приказалъ Язону привести въ исполненіе требуемую чистку. Выборъ его обусловливался столько же благонавіемъ Язона, сколько и его физическою силой: не мѣшало предусмотрѣть возможность сопротивленія со стороны арестантовъ.

Когда очередь дошла до постели Михаила, — значившагося подъ № 25, — тотъ воспротивился начальническому приказанію, говоря, что его постель содержится чисто и сухо.

— Ну, живо, живо! Пошевеливайся! — покрикивалъ сторожъ на Язона.

— Его постель и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ хороша! — замѣтилъ Язонъ.

— Нечего, нечего! Волоки ее вонъ! — былъ грубый отвѣтъ.

— На чемъ же тогда спать, когда и соломы-то не дадутъ намъ подъ голову?—горячился Михаилъ.—Собакамъ и тѣмъ дають на подстилку соломы!

— Ну, это смотря потому, какъ и что: собака собакѣ розны! — возразилъ сторожъ.—Ну, ну! Живѣе!

И Язонъ, у котораго пальцы чесались сдавить горло негодю, послушно выволокъ на воздухъ постель Михаила.

— Жалкій! Малодушный! Трусливая собака! — кричалъ ему въ слѣдъ Михаилъ.

Полымемъ залилъ стыдъ лицо Язона, и онъ ниско наклонилъ голову, чтобъ не выдать своихъ настоящихъ чувствъ, и быстро, не помня себя, работалъ за десятиртыхъ, въ порывѣ обиды и гнѣва. Черезъ полчаса все было готово, и, глядя на яркое, широкое пламя громаднаго костра, поддающагося быстрому уничтоженію, Язонъ, подъ предлогомъ жары, снялъ долой свое толстое верхнее платье. Затѣмъ, улучивъ минуту, когда вѣтеръ погналъ въ его сторону густое облако дыма, онъ шмыгнулъ незамѣченнымъ въ домъ, гдѣ тотчасъ же нашель № 25, и наскоро разостлалъ на немъ свое грубое зимнее платье.

Въ одинъ мигъ онъ былъ уже на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

— Ну, живо, живо: натягивай свой зипунъ и идемъ дальше! —скомандовалъ ему сторожъ; но Язонъ только растерянно оглянулся, будто нища зипуна.

— Эге! Да ты, чего добраго, ужъ не сжегъ ли его, за-одно, на кострѣ?—острилъ сторожъ.

— Пожалуй,—согласился смиренно Язонъ.

— Ахъ, ты, дуракъ, дуракъ! теперь и щеголяй по морозцу-то въ одной куртѣ!

Язонъ только молча склонилъ голову и съ равнодушной улыбкой пошелъ себѣ по морозу въ одной куртѣ.

Начальникъ сѣрныхъ копей былъ человѣкъ, пожалуй, и не дурной, не жестокой; но онъ считалъ себя обязаннымъ повиноваться высшему начальству, которое въ лицѣ Йоргенсона было образцомъ самой безчеловѣчной жестокости. Что же мудренаго, если арестанты безпрестанно имѣли поводъ на что-нибудь да пожаловаться и этими жалобами сильно досаждали своему „капитану“? Впрочемъ, добродушіе, все-таки, хоть отчасти взяло надъ нимъ верхъ, и онъ постановилъ таковой приказъ: если арестантъ ведетъ себя примѣрно и подастъ надежду на исправленіе, ему разрѣшается поселиться за предѣлами арестантскихъ построекъ

и дается возможность самому построить себѣ отдѣльную хижину. Такой арестантъ находится подъ присмотромъ лишь по десяти часамъ въ день, а затѣмъ уже все остальное время свободенъ отъ надзора; за работу же его снабжаютъ съѣстными припасами. Но такое (сравнительно) счастье не многимъ выпадало на долю; поэтому всѣ позавидовали Язону, когда начальникъ объявилъ ему свое благоволеніе и разрѣшилъ строиться отдѣльно.

Язонъ не особенно порадовался своему счастью и какъ-то нѣхотя принялся выкладывать стѣны своего будущаго дома, по близости отъ такой же хижины, построенной какимъ-то старикомъ-пасторомъ, несправедливо сосланнымъ сюда когда-то, по приказанію все того же Йоргенсона.

— А что это тамъ такое? — спросилъ онъ какъ-то разъ своего престарѣлаго сосѣда, указывая на женскую фигуру, нерѣдко мелькавшую вдали, у крыльца больницы. Неужто женщина?

— Да; это наша сидѣлка. Прекрасная женщина: работающая и такой доброй души! Когда со мной сидѣлась оспа (видите, какіе знаки еще остались на лицѣ!), она глазъ надо мной не смыкала.

Появленіе женщины въ кругу каторжниковъ не могло пройти для Язона незамѣченнымъ. Онъ часто видѣлъ вдали очертанія ея силуэта, и ему даже начало казаться, что ея движенія ему отчасти знакомы. Онъ привыкъ видѣть издали ея мелькающую фигуру, и потому былъ пораженъ, когда нѣсколько дней подрядъ она не показывалась на крыльцѣ. Ужъ не больна ли сама? — подумалъ онъ и спросилъ объ этомъ старика-священника.

— Больна ли? Еще бы не больна! Ее, какъ увидали, въ чемъ дѣло, такъ и прогнали изъ больницы. Она должна быть матерью, и ей это поставили въ укоръ, потому что она не хотѣла сказать о себѣ ничего подробно: вдова она, жена или дѣвушка? Одинъ изъ сторожей, котораго она отвергла, изъ мести распустилъ слухъ, что она — нечестная женщина.

— Негодяй!.. — воскликнулъ Язонъ. — Гдѣ же она теперь?

— Вонъ на той фермѣ, въ сторонѣ отъ нашихъ построекъ. Я заходилъ къ ней, и она откровенно повѣдала мнѣ всю правду. Она замужняя женщина и, какъ я справедливо догадывался, изъ высшаго круга. Мужъ ея, по несчастной случайности, попалъ на каторгу, и вотъ она смѣло и самоотверженно рѣшилась поселиться здѣсь, чтобы быть поближе къ нему, своему мужу и другу, — отцу своего ребенка!

— Такъ онъ, значитъ, здѣсь, на копахъ? И, пожалуй, ни-

чего не знаетъ, какъ она больна и какъ ее позорять? Кто онъ? Какъ его имя?

— Имени его она мнѣ не хотѣла сказать (бѣдняжка!), но она знаетъ, что его номеръ 25.

— Я его знаю!—проговорилъ Язонъ; и разговоръ оборвался.

На слѣдующій день онъ явился къ высшему начальству и просилъ разрѣшенія уступить свои льготы, какъ полу-свободнаго арестанта, другому,—№ 25.

— Съ чего ты это взялъ? Да смѣешь ли ты мѣнять распоряженія начальства! Никого, кромѣ тебя, не касаются твои привилегіи, а тѣмъ болѣе номера 25, какъ особенно нерадиваго и непокорнаго.

— Ну, въ такомъ случаѣ дозвоьте мнѣ хоть уступить мою хижину той бѣдной женщинѣ, сидѣлкѣ, которая теперь больна и не имѣетъ своего угла!—настаивалъ Язонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ: этого не полагается! Ступай себѣ на работу!—приказалъ начальникъ, и арестанту оставалось только повиноваться.

„Гм! Чтѣ бы это значило?—думалъ начальникъ, провожая его глазами.—Откуда въ немъ такое участіе къ № 25? Ужъ не задумалъ ли онъ, чего добраго, бѣжать вмѣстѣ съ нимъ? И кто для него эта женщина, о которой онъ такъ заботится?“

Результатомъ участія Язона оказался только усиленный надзоръ за номеромъ 25 и еще болѣе тяжелая, непрерывная работа, которую безжалостно ввалили на него, уже полу-больного.

XXVIII.

Въ воздухѣ запахло весною; поляны и ущелья сбросили съ себя свой холодный бѣлый покровъ, и на его черномъ фонѣ зазеленѣла кое-гдѣ свѣжая зеленая травка, замелькали убогіе свѣрныя цвѣточки. Солнце теплою лаской согрѣло землю и она оживилась. Не оживились только несчастные, для которыхъ безразлично тяжела была ихъ подневольная служба, какъ въ лѣтнюю жару, такъ и въ зимнюю стужу.

Мрачно было на душѣ у Язона; онъ день ото дня становился угрюмѣе и, наконецъ, опять явился къ начальству.

— Прошу васъ, посадите меня подъ арестъ!—проговорилъ онъ.

— Это еще чтѣ значить? Въ чемъ ты провинился?

— Ни въ чемъ, только предупреждаю васъ, я сбѣгу непременно, если вы меня не удержите. Эта „полу-свобода“ не очень-то сладкая штука зимою, когда кругомъ ничего не видишь, кромѣ

сугробовъ; но теперь, когда ужъ кукушки кукують,—когда дороги свободны, а въ воздухѣ пахнетъ тепломъ и весельемъ,—меня такъ и тянетъ на волю!

— Ну, что-жъ! И ступай: кто тебя держитъ! Поболтаешься себѣ безъ толку, поживешь безъ крова, безъ пищи, помыкаешься по бѣлому-свѣту, какъ отверженный, и тогда мы еще успѣемъ накрыть тебя!

— Нѣтъ, меня назадъ не вернете: хватитесь, да ужъ будетъ поздно!—дерзко возразилъ Язонъ, и его дерзость скорѣе всякихъ разсужденій привела къ цѣли. Его лишили сравнительной свободы и приказали водворить на каторгѣ на прежнихъ условіяхъ, общихъ для всѣхъ арестантовъ.

Однако почти мѣсяцъ пробылъ Язонъ снова на копахъ, и ему ни разу еще не удалось увидѣть № 25, такъ какъ начальство предусмотрительно приказало держать этихъ подозрительныхъ людей—Язона и № 25—поодаль одного отъ другого.

Разъ, проходя подъ стражей отъ одной копи къ другой, Язонъ замѣтилъ въ сторонѣ одного изъ каторжниковъ, привязаннаго за правую руку къ желѣзной петлѣ такъ, чтобы лѣвая рука не могла дотянуться до пищи и питья, поставленныхъ на строго расчитанномъ разстояніи. Язонъ мигомъ узналъ блѣдное красивое лицо несчастнаго, котораго подвергали пытѣмъ голодомъ, ужаснѣйшей изъ пытокъ!

Подскочить къ нему и вырвать роковую желѣзную петлю—было, конечно, дѣломъ сверхъестественной силы, но ея хватило у богатыря-Язона, которому гнѣвъ придавъ необычайную мощь. Когда стража очнулась отъ изумленія, № 25 былъ свободенъ и стоялъ на ногахъ, опираясь на своего избавителя. На нихъ набросились, ихъ повели къ начальству, и они молча, угрюмо повиновались.

— Ага! Вы бунтовать? Вы защищать другъ друга? Влюблены, что-ли, что жить другъ безъ друга не можете?—кричалъ начальникъ, вѣя себя отъ злости. Хорошо же! Соединить ихъ кандалы по рукамъ и по ногамъ, и пусть они живутъ неразлучно день за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ! Пусть они опротивѣютъ другъ другу до того, чтобы ихъ горячая любовь закончилась неутолимой ненавистью и злобой!

И съ той минуты Язонъ и Михаилъ, соединенные кандалами по рукамъ и ногамъ, стали неразлучны, какъ были съ ними неразлучны стыдъ и негодованіе, которые легко было прочитать у нихъ на лицѣ. Язона мучила совѣсть за то, что его горячность, его неумѣлое и необдуманное вмѣшательство послужили во вредъ

Михаилу, и онъ работалъ, пилъ, ѣлъ и спалъ, отвернувшись отъ скованнаго съ нимъ товарища, не смѣя поднять на него глаза. Михаилъ же, напротивъ, высоко держалъ голову, и взглядъ его горѣлъ негодованіемъ на безчеловѣчность ихъ общихъ мучителей.

Ни словомъ не перекинулись несчастные, но каждый и безъ словъ зналъ, что чувствуетъ другой. Язонъ зналъ, что Михаилъ не можетъ не чувствовать къ нему отвращенія, а Михаилъ понималъ, что Язона мучитъ стыдъ передъ нимъ. Время, однако, смягчило и сблизило ихъ настолько, что однажды Язонъ попробовалъ заговорить.

— Я не хотѣлъ довести васъ до такой бѣды,—проговорилъ онъ смиренно.

На что № 25 отвѣчалъ, не поворачивая къ нему головы и стараясь подавить въ себѣ приливъ раздраженія:

— Вы хотѣли все сдѣлать къ лучшему.

— Развѣ вамъ не жаль, что все *такъ* случилось?

— Жаль, конечно; но не за себя, а за васъ.

— За меня?—удивился Язонъ, за все это время думавшій только о Михаилѣ.

— Ну, да. Я ни на минуту не испыталъ ничего отраднато въ этой неволѣ, а вы ужъ попробовали жить почти на свободѣ. И я... я причина вашего несчастья!

Угрюмое лицо Язона освѣтилось внутренней радостью.

— О, это пустяки!—проговорилъ онъ.

— Пустяки?!..

— Да: *мнѣ* это все равно, лишь бы *вамъ* не было въ тягость?..

Михаилъ почувствовалъ, что его душить, но уже не гнѣвъ, а слезы.

— Нисколько!..—только и могъ онъ отвѣтить, пристыженный самоотверженіемъ товарища.

— Ну, ну! чего стали?—послышался окрикъ сторожа, и они молча продолжали работать.

Въ тотъ же вечеръ Михаилъ, взглядываясь попристальнѣе въ лицо своего неразлучнаго спутника, спросилъ его:

— Я какъ будто бы видѣлъ васъ гдѣ-то, но гдѣ, не припомню?

Язонъ помнилъ прекрасно бранный окрикъ, которымъ тогда, во время чистки домовъ, обидѣлъ его Михаилъ, но промолчалъ, и Михаилъ продолжалъ свои расспросы:

— Какъ ваше имя?

— Нѣтъ у меня имени, да оно и не нужно: вы бы, пожалуйста, запомнили его и постепенно выяснили бы себѣ: кто я?

— Ну, такъ что же?

— Я не хотѣлъ бы, чтобы вы узнали, за что я сюда сосланъ.

— И потому не скажете, какъ васъ зовутъ?

— Да, не скажу; впрочемъ, мнѣ нечего вамъ говорить, такъ какъ отецъ оставилъ меня съ матерью на произволъ судьбы и даже своего имени не далъ мнѣ въ наслѣдство.

— Но есть же у васъ и мать, и сестры?

— Мать умерла, сестеръ у меня не было совсѣмъ.

— И брата тоже нѣтъ?

— Нѣтъ... то-есть, собственно говоря... Нѣтъ, нѣтъ! Я одинокъ на свѣтѣ. Никто не вспомнить обо мнѣ, не пожалѣть, никому нѣтъ заботы: живъ я, или умеръ!

Онъ хотѣлъ засмѣяться, но голосъ его оборвался, и губы задрожали.

— А ваше имя?—спросилъ онъ.

— Зовите меня... братомъ!—отвѣтилъ Михаилъ.

На слѣдующій день, въ полдень, пока сторожа легли вздремнуть въ сторонѣ отъ солнцепека, арестанты воспользовались случаемъ вздохнуть свободнѣе и, отирая рукавомъ потъ, градомъ лившійся у нихъ съ лица и съ шеи, возобновили прерванную наканунѣ бесѣду. Язонъ было-вспомнилъ о женѣ своего товарища по несчастію и хотѣлъ заговорить о ней, но Михаилъ предупредилъ его.

— Вы говорите, что совершенно одинокъ?—началъ онъ.— Тѣмъ лучше: имѣть привязанности значить только страдать сильнѣе!

— Конечно,—согласился Язонъ.

— Положимъ, вы любите дѣвушку и преданы ей всей душой, всѣмъ сердцемъ, и вдругъ лишились ея навсегда...

— Но съ вами-то этого нѣтъ: ваша жена, сколько мнѣ кажется, жива?

— Такъ что жъ такое? Есть худшая разлучница, нежели смерть!..

— А, понимаю!—перебилъ Язонъ, и нѣжностью, волненіемъ зазвучалъ его тихій голосъ:— между вами сталъ... другой?

— Да.

— И вы... убили его?

— Нѣтъ, но дай ему Богъ никогда не попадаться мнѣ на глаза!

— И вы не знаете, гдѣ онъ теперь?

— Онъ былъ сначала здѣсь, на копяхъ, но былъ помилованъ дня за два до того, какъ меня арестовали.

— Молчать!—раздался грубый окрикъ проснувагоса стража, и бесѣду пришлось отложить до ночи.

— А знаете,—началь Язонъ:—не ожидалъ я право, что мы такъ сойдемся, и что наша судьба можетъ быть такъ похожа: вы—образованный, вы баринъ, я—полудикій, необразованный и грубый человѣкъ. Какъ вамъ, такъ и мнѣ сталъ поперекъ дороги... другой, котораго она предпочла мнѣ. До нея ни одной женщины я не любилъ, ни на одну не обращалъ вниманія. Она была для меня всѣмъ на свѣтѣ! Вся моя радость, весь свѣтъ моей жизни былъ въ ней одной! Но она, все-таки, была женщина, и женщина образованная, гордая. Она польстилась на его богатство, на его положеніе въ свѣтѣ, а я былъ бѣденъ: въ моей любви было все мое счастье, все мое богатство! И онъ отнялъ его у меня... Я не могъ этого снести... Видитъ Богъ, не могъ!

— И вы... вы изъ-за *этого* сюда попали?

— Нѣтъ, я не виновенъ въ томъ, что вы думаете, я даже не видалъ его... ни разу въ жизни! Всѣ его знаютъ, всѣ встречались съ нимъ, я—никогда, какъ ни искалъ его, какъ ни слѣдилъ за нимъ!.. Но мы еще сочтемся: я это твердо знаю, я въ этомъ увѣренъ! Мы еще станемъ съ нимъ лицомъ къ лицу, и это такъ же вѣрно, какъ то, что есть Богъ на небѣ!

Михайлъ взялъ Язона за обѣ руки и крѣпко ихъ пожалъ.

— Братъ мой!—воскликнулъ онъ:—отнынѣ ты мнѣ братъ по душѣ, по мысли, братъ въ радости и въ горѣ, братъ въ помощи и въ силѣ!..

— Молчать!—прикрикнулъ сторожъ, не оставившій ихъ въ покоѣ и на-ночь.

Они умоляли и вскорѣ уснули, удрученные усталостью и впечатлѣніями дня.

Между тѣмъ силы Михаила уходили не по днямъ, а по часамъ, и Язонъ пользовался каждой удобной минутой для того, чтобы незамѣтно помочь ему въ работѣ. Наконецъ, на пятый день послѣ того, какъ ихъ сковали вмѣстѣ, Михаилу стало такъ плохо, что онъ упалъ безъ чувствъ, съ киркою въ рукахъ. Какъ ребенка, поднялъ его на руки богатырь-Язонъ и дерзко отогналъ отъ него сторожей, которые пожаловались высшему начальству. Рѣшено было примѣрно проучить неповоротливыхъ, но какъ? Объ этомъ надо было подумать хорошенько.

Съ нѣкоторыхъ поръ на юпяхъ замѣчалась странная и непонятная перемѣна. Сѣрные источники, находившіеся подъ зем-

лею, повидимому, вовсе изсякли. Прежде на каждомъ шагѣ курился надъ поверхностью земли голубоватый паръ, указывавшій на присутствіе въ вѣтвяхъ ея сѣристой струи; теперь же онъ почти нигдѣ не встрѣчался, но зато поодаль, посреди грядъ небольшихъ холмовъ, слышалось глухое рокотанье и замѣчались даже подземные удары. Это, по мнѣнію капитана, начальника Кризувика, прямо указывало на то, что сѣристые источники, если онѣ вовсе изсякнутъ въ долину (чего упаси Боже!), могутъ оказаться въ изобиліи въ холмистой грядѣ. Но какъ до этого дознаться? Кто рискнетъ своей жизнью ради того, чтобы только получить эту увѣренность? По совѣту со своими подчиненными, начальство пришло къ убѣжденію, что лучше всего приставить къ этой работѣ каторжныхъ, и притомъ такихъ, которые нуждались бы въ острастѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ: ну, кто пошелъ бы добровольно долбить киркою утесы для того, чтобы на него могла вдругъ нахлынуть горячая, смертоносная струя сѣристыхъ газовъ, которымъ откроется свободный доступъ наружу?

Итакъ, рѣшено было послать туда непокорныхъ, которыхъ и пригнали, съ кирками въ рукахъ, на самое опасное мѣсто. Подъ ногами у нихъ была раскаленная почва, подернутая желтовато-бѣловатою потрескавшеюся корой; воздухъ былъ пропитанъ запахомъ сѣристаго газа. Подъ первымъ же слоемъ земли показались явные признаки сѣры: въ глубокихъ трещинахъ почвы замелькали порывистыя струйки голубоватаго огня.

Язонъ отскочилъ назадъ.

— Здѣсь опасно!—закричалъ онъ стражамъ; но тѣ только грубо подгоняли арестантовъ и несчастные принуждены были покориться.

Земля поминутно какъ бы трескалась у нихъ подъ ногами; чаще и опредѣленнѣе пробѣгали глубокія огненные струйки. Оставалось уже всего фута два-три твердой земли.

— Стой! дальше копать невозможно!—снова кричалъ Язонъ.

— Хорошо, Хорошо! Чего по-пусту болтаешь?—опять отвѣчала стража.

— Послушайте: если ужъ такъ необходимо нужно продолжать копать,—пусть намъ освободятъ ноги, чтобы дать возможность отскочить въ сторону, когда прорвется сѣра; иначе мы заживо сгоримъ, задохнемся отъ жару!..

— Молчать, говорятъ вамъ!—перебилъ его сторожъ.

— Нѣтъ, я не замолчу, а лучше вы запомните мои слова. Смерти я не боюсь и знаю хорошо, что смерть моя придетъ еще не скоро, но мой товарищъ боленъ и изнуренъ непосильной работой:

ему спастись немислимо. Попомните же мое слово: пусть только съ нимъ что-нибудь случится, и вамъ не одобровать! По восточкамъ я растерзаю васъ на части!

Съ громкимъ проявляемъ, что было силъ, засунулъ Язонъ свою кирку въ землю, и въ ту же минуту изъ отверстія вырвался столбъ сѣрнистаго горячаго пара съ безобразнымъ, прерывистымъ присвистомъ и рокотаньемъ, съ которымъ слился рѣзкій, нечеловѣческій, ужасный крикъ.

Когда пары нѣсколько разсѣялись, испуганные стражи увидѣли, что „рыжій“ стоитъ живъ и невредимъ на краю отверстія, а рядомъ съ нимъ, почти на рукахъ его, лежитъ безъ чувствъ „бѣлобрысый“, повидимому, ослѣпленный сѣрнистой струей.

Въ одну минуту вернулась къ Язону его богатырская сила: онъ порвалъ связывавшія ихъ веревки, взвалилъ себѣ на плечи товарища и смѣлымъ, неторопливымъ шагомъ пошелъ по направлению прочь отъ копей. Взглядъ его былъ ужасенъ; голосъ грозенъ и глубокъ, какъ у раненаго звѣря.

Сторожа выронили изъ рукъ свои мушкеты и дали ему безпрепятственно уйти.

XXIX.

Было раннее утро и легкій туманъ еще скрывалъ за своей прозрачною дымкой залитый солнцемъ дневной горизонтъ. Дорога шла то внизъ, то въ гору; но Язонъ, мѣрнымъ шагомъ, не останавливаясь, шелъ впередъ, впередъ—по направленію къ солнцу. Вотъ оно уже встало, разогнавъ послѣдніе туманы, и лучи его дружно полились на землю, обдавая ее благотворнымъ тепломъ.

Язонъ все шелъ впередъ, безъ остановки, со своей живой походкой за плечами. Становилось жарко; солнце палило.

Вдругъ больной тихо застоналъ:

— Пить!..

Но по близости не было и признака воды. Язонъ молча шелъ дальше.

Михайлъ снова впалъ въ забытѣе, но не надолго.

— Пить!—простоналъ онъ громче; и въ ту же минуту до Язона донеслись журчащіе звуки воды.

„Источникъ!“ подумалъ онъ и прибавилъ шагу.—Сейчасъ, сейчасъ! Потерпи минутку! Одну, одну минутку!—угovarивалъ онъ больного.

И въ самомъ дѣлѣ: минуту спустя, онъ былъ ужъ на берегу быстрой рѣчки. Она шумѣла и... и курилась!

— Проклятіе! Она горячая!..—воскликнулъ въ отчаяніи Язонъ. Вся эта мѣстность отвержена Богомъ!..

И съ новой энергіей, съ нечеловѣческой силой, онъ удвоилъ шаги, въ надеждѣ скорѣе миновать эту ужасную мѣстность. Особую бодрость придавала ему надежда добратъся до озера, которое синѣло вдали передъ нимъ: онъ зналъ, что тамъ ужъ навѣрное найдетъ чистую, студеную воду.

Бъ счастію для нихъ обоихъ, Михаилъ снова впалъ въ забытіе и не терзалъ своего друга и избавителя просьбою напиться. Сердце Язона дрожало отъ радости при видѣ того, какъ замѣтно приближалась къ нему синяя полоса свѣжей, живительной воды.

Она уже была совсѣмъ, совсѣмъ близко, какъ вдругъ въ воздухѣ дрогнулъ отдаленный звукъ выстрѣла. Язонъ такъ и застылъ на мѣстѣ отъ ужаса. Ясно:—за ними погоня! Спрятаться нѣкуда на голой равнинѣ, гдѣ только изрѣдка встрѣчаются отлогіе бугры, будто давно забытыя могилы на кладбищѣ. Одинъ онъ могъ бы еще убѣжать, но какъ спасти бѣднаго товарища и друга? Не долго предавался горю усталый тѣломъ и душою богатырь. Пристально оглядѣвши въ округѣ, Язонъ замѣтилъ въ сторонѣ какъ бы намекъ на то, что тамъ бугры повыше, и, не теряя ни минуты, пошелъ по тому направленію. Ожиданія его оправдались. Задняя часть самаго высокаго изъ бугровъ была обвалена, но такъ неудобно, что затвердѣвшія отъ времени глыбы земли не могли укрыть напихъ путниковъ. Въ ту же минуту на горизонтѣ Язонъ ясно различилъ быстро-быстро разроставшіяся точки: онъ зналъ,—это погоня! На далекое пространство впередъ сторожамъ было такъ же ясно все видно, какъ и ему. Чтѣ если они ужъ замѣтили его? Въ отчаяніи Язонъ опустилъ голову и вдругъ замѣтилъ между глыбами трещину, въ которую одинъ могъ бы, пожалуй, протиснуться; но вдвоемъ—мыслимо ли это? И, наконецъ, есть ли тамъ пустое пространство, чтобъ спрятаться? Съ рѣшимостью отчаянія, онъ снялъ съ плечъ свою живую ношу и, безжалостно тиская несчастнаго, просунулъ его въ узкую трещину. Слава Богу! Товарищъ въ безопасности: значитъ, тамъ просторно! Живо послѣдовалъ за нимъ Язонъ, и ему нашлось мѣсто на корточкахъ, а гдѣ и ползкомъ, протаявшись вмѣстѣ съ безчувственнымъ другомъ подальше въ темное углубленіе этого страннаго бугра, который, весьма вѣроятно, нѣкогда служилъ азычской могилой, судя по своему внутреннему устройству.

Не успѣлъ богатырь вдохнуть свободнѣе, какъ снова сердце въ немъ замерло. Онъ затаилъ дыханіе: ему почудилось, что рядомъ съ нимъ заговорили.

— Говорю я тебѣ, мы не туда идемъ!— слышалось совершенно ясно:— Ихъ двое, а слѣдъ одинъ!

— Понятно, „рыжій“ несетъ того, больного, на плечахъ.

— Ну, еще что? Столько миль подъ-рядъ?.. Эхъ, ты, умная твоя голова!

— Все равно: вотъ они куда идутъ, а не туда. Говорю тебѣ толкомъ: они идутъ въ Рейкјавикъ, а почему, ты и самъ понимаешь. Всякая собака знаетъ, кто онъ такой: за него грудью встанетъ народъ, только бы ему добратъся въ Рейкјавикъ!..

Голоса удалялись и шаги тоже. Язонъ успокоился совершенно, но не прошло и минуты, какъ въ разсѣлину, чрезъ которую онъ вошелъ, залаяла собака, очевидно, отставшая отъ своихъ хозяевъ. Рыча, уставилась она горѣвшими въ темнотѣ глазами на того, чей духъ узнала чутьемъ, и не трогалась съ мѣста, хотя хозяинъ ея вернулся и громко кликалъ ее:—Эрикъ! Эрикъ!..

Но Эрикъ рычалъ и весь ушелъ въ ущелье, стараясь зубами ухватиться за бѣглеца. Однако и бѣглецъ не потерялся. Онъ сдвинувъ шею разгнѣванному псу и до тѣхъ поръ не выпускалъ изъ рукъ, пока тотъ не пересталъ хрипѣть.

Между тѣмъ хозяинъ Эрика былъ уже близко, такъ близко, что Язонъ снова затаилъ дыханіе и ясно слышалъ:

— Эрикъ! Эрикъ! Куда ты провалился? Голову отдамъ на отсѣченіе, что онъ сейчасъ былъ тутъ!

Эрикъ не отзывался, но, на бѣду, Михаилъ шевельнулся и тихо застоналъ. Холодный потъ выступилъ на лбу Язона. Онъ наклонился къ другу и крѣпко прижался губами къ его губамъ, цѣлуя его, чтобы заглушить, остановить его стenanіе.

— Зигуртъ! Зигуртъ!..— донесся издали чей-то голосъ, и хозяинъ собаки, совсѣмъ близко, какъ будто рядомъ съ Язономъ, откликнулся:

— Иду!.. Иду!.. — И въ самомъ дѣлѣ поспѣшно пошелъ прочь.

Еще минута, и лошадиный топотъ замеръ въ отдаленіи.

Слава Богу! Опасность миновала.

Между тѣмъ Михаилъ приходилъ въ себя; но радость бѣднаго Язона была недолга. Какъ только другъ его почувствовалъ, что онъ ослѣпъ и искалѣченъ; какъ только понялъ онъ, что принужденъ скрываться въ какомъ-то логовищѣ, будто дикій звѣрь; какъ только жажда въ немъ опять проснулась,—онъ возмущенъ, онъ проклиналъ судьбу и упрекалъ Язона въ томъ, что онъ долженъ теперь умирать отъ жажды,—по его милости... Молча, кусая до боли свои дрожащія губы, Язонъ выслушалъ упреки,

которыми осыпалъ его другъ, и слезы душили его. Но вотъ порывъ горя и отчаянія улегся постепенно, и Михаилъ почувствовалъ всю свою несправедливость къ тому, кто былъ ужъ не разъ его вѣрнымъ заступникомъ.

— А далеко ли мы отъ Кризувика? — спросилъ онъ мягче.

— Миль десять, одиннадцать, — былъ отвѣтъ.

— И ты несъ меня все время на плечахъ?

— Ну, да.

Въ полутьмѣ углубленія послышался какой-то странный звукъ, будто сдержанное рыданье, и Язонъ почувствовалъ, что его рука омочена слезами, и что къ ней нѣжно прильнули чьи-то горячія губы. Сердце въ немъ дрогнуло отъ жалости къ товарищу, и онъ поспѣшилъ насколько могъ бодрѣе проговорить:

— Ну, ну, пора и въ путь: живѣ! Обопрись на меня... покрѣпче... вотъ такъ! Прекрасно! Вотъ мы и снова на просторѣ!

Какъ ни бодрились друзья, однако ихъ физическія силы не могли соперничать съ нравственными, и Михаилъ скоро въ этомъ убѣдился.

— Оставь меня, бѣги одинъ! — просилъ онъ Язона. — Я нигда негодный, беспомощный калѣка. Руки и ноги мнѣ больше не служатъ, въ глазахъ — вѣчная тьма... Вѣдь теперь день?

— Нѣтъ, солнечный закатъ.

— Ахъ, да не все ли равно!.. Я ничего... ровно ничего не вижу!.. — жалобно говорилъ несчастный, и, наконецъ, такъ изнемогъ, что долженъ былъ прилечь на землю и отдохнуть на свѣжѣмъ мху.

Язонъ тоже изнемогалъ отъ голода и жажды и нуждался въ отдыхѣ. Но сѣверная бѣлая ночь прошла для нихъ тревожно. Забывшись на часокъ-другой, Михаилъ встрепенулся и окликнулъ друга:

— Какъ странно! — проговорилъ онъ. — Мнѣ снилось, что я нашелъ своего брата, что онъ здѣсь, около меня, и что этотъ братъ... ты!

— Такъ у тебя есть братъ? — съ замираніемъ сердца пролепеталъ Язонъ.

— Да; но я его не знаю: мы никогда съ нимъ не встрѣчались. И вотъ, глядя на тебя, я подумалъ... мнѣ показалось, что ты и есть мой братъ.

— Ну, хорошо, лежи спокойно, милый братъ, не шевелись. Отдохни хорошенько!.. — тихо уговаривалъ его Язонъ.

Но и отдыхъ не помогъ больному. Онъ такъ ослабѣлъ, что

Язону пришлось опять взвалить его себѣ на плечи и нести, нести до самаго города.

— Зачѣмъ же намъ туда? Опять въ неволю?—стонать больной.

— Нѣтъ, мы пойдѣмъ въ судъ: мы все расскажемъ! Законъ не можетъ быть жестокъ:—онъ строгъ, но справедливъ и не безчеловѣченъ! — возражалъ храбро богатырь.

Такъ время шло да шло, и показалось, наконецъ, вдали ущелье, которое вело въ долину Тингвеллира. То было утромъ, на другой день послѣ ихъ бѣгства изъ Кризувика, и яркое солнце заливало долину, шумѣвшую какъ волны; это шумѣлъ народъ, собравшійся на ежегодный праздникъ. И на угрюмомъ, измученномъ лицѣ Язона отразилась глубокая радость.

XXX.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, вернемся на минуту къ Грибѣ.

Она жила на фермѣ съ своимъ малюткой, который невольно покрылъ позоромъ ея доброе имя; но это ее не стѣсняло. Гриба знала, что стоить ей сказать только слово, и этотъ позоръ обратится ей во славу; но она хранила свою тайну, счастливая тѣмъ, что съ ней былъ ребенокъ, и тутъ же, неподалеку, его несчастный отецъ. Она жила скромно, почти скудно, и тратила понемногу тѣ деньги, которыя получила отъ братьевъ за свою землю.

Однажды къ ней зашелъ бывшій священникъ, черезъ котораго она получала иногда вѣсти о мужѣ, и, запинаясь, сообщилъ ей, что съ № 25 случилась бѣда.

Не успѣлъ онъ еще договорить, какъ Гриба, съ ребенкомъ на рукахъ, не помня себя отъ горя, уже летѣла прямо на копъ и въ одну минуту разгласила свою тайну, которую такъ долго скрывала.

— Гдѣ мужъ? Гдѣ мужъ? говорите! — кричала она, еще издали завидя сторожей.

— Какой мужъ? Откуда? — удивлялись тѣ.

— Мой мужъ, № 25! — отвѣчала Гриба, и ее поспѣшили отвести къ начальству.

— А, такъ онъ твой мужъ?—съ достоинствомъ проговорилъ начальникъ.—Я такъ и думалъ!.. Ну, а скажи же, кто такой его пріятель, который съ нимъ ушелъ?

— Какъ ушелъ? Куда?

— Бѣжалъ.

— Такъ вотъ что съ нимъ случилось?.. Ну, слава Богу, слава Богу!.. — со слезами ликовала Гриба.

— Ну, да, бѣжалъ съ тѣмъ, другимъ... съ Язономъ!

Молча, застывъ отъ ужаса, Гриба смотрѣла на него, не понимая и боясь понять.

— Ну, что жъ молчишь? Говори, кто онъ таковъ?

— Онъ... его братъ,—тихо, съ запинкой отвѣчала молодая женщина.— Да, его братъ, который повлялся убить его!

Капитанъ съ недоувѣрчивой улыбкой покачалъ головою:

— Ну, на это что-то не похоже: онъ былъ первый его другъ и заступникъ.

— Нѣтъ, онъ его первѣйшій врагъ,—настаивала Гриба.

— Говорю тебѣ толкомъ: онъ на своихъ плечахъ унесъ его отсюда.

— Это ничего не значить: у него вѣрно былъ злой умыселъ, я это знаю. А, вы мнѣ не вѣрите? Такъ слушайте же: Язонъ сосланъ сюда за то, что покусился на жизнь своего брата, —моего мужа. И если онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ, значитъ онъ опять противъ него замышляетъ... да, да, непременно! О, Господи! Пусть бы онъ лучше оставался здѣсь, чѣмъ идти на вѣрную смерть!.. Господи! Да что же я говорю? Мысли мои мутятся, я ничего не чувствую, не помню. О, не сердитесь на меня, простите, если я что не такъ сказала! Помогите, спасите мнѣ его! Пошлите за нимъ, не теряйте ни минуты! Скорѣе! Ради Бога, скорѣе!

— Все это очень странно!—важно произнесъ начальникъ.— Но, будь покойна, за ними уже послано въ погоню. Впрочемъ, я не смѣю довѣряться тебѣ: пусть лучше рѣшитъ самъ губернаторъ. Права ты или нѣтъ, а все же поѣзжай-ка въ Рейкіавикъ и расскажи ему сама.

И часу не прошло, какъ Гриба, подъ конвоемъ, уже ѣхала съ ребенкомъ на рукахъ по направленію къ долиנѣ Тингвеллира.

Между тѣмъ старикъ Адамъ Фэрбресеръ уже давно жилъ въ Рейкіавикѣ, куда отправился хлопотать за своего любимца и названнаго сына.

Прежде всего онъ пошелъ прямо къ Іоргенсону и потребовалъ, чтобы его, какъ англійскаго подданнаго, судили по англійскимъ законамъ.

— Нѣтъ у насъ здѣсь законовъ, кромѣ датскихъ,—проговорилъ неласково Іоргенсонъ.

— Что жъ такое! Судите его хоть по датскимъ законамъ, но справедливо! Все лучше, чѣмъ произволъ тирана!

— Миѣ, сударь, дѣла нѣтъ до вашихъ угрозъ! Прошу васъ быть со мною почтительнѣе!

— И вы будьте справедливыѣ, а не то я обращусь прямо къ вашему высшему начальству!—пригрозилъ въ свою очередь Адамъ, и дѣйствительно принялся писать прошеніе за прошеніемъ: и къ первому министру въ Копенгагенъ, и датскому рейхстагу, и самому королю. Но время шло, а результатовъ эти прошенія не приносили никакихъ.

Юргенсонъ сидѣлъ по прежнему крѣпко на своемъ мѣстѣ, и если и приходили ему какіе запросы изъ Копенгагена, онъ умѣлъ все представить въ выгодномъ для себя свѣтѣ. Тѣмъ временемъ въ народѣ не забывали Михаила, и Адаму отрадно было слышать со всѣхъ сторонъ похвалы бывшему президенту,—его дорогому дѣтищу и другу. Слышалъ и видѣлъ это Юргенсонъ, и понималъ прекрасно, что народъ такъ же сильно любитъ Михаила, какъ ненавидитъ его,—Юргенсона. Опасенія его еще усилились, когда онъ узналъ, что Язонъ живъ и защищаетъ брата отъ всѣхъ окружающихъ; но онъ надѣялся, что Михаилъ не долго проживетъ въ такихъ ужасныхъ условіяхъ. Когда настало время ежегоднаго торжества въ долинѣ Тингвеллира, Юргенсонъ сталъ готовиться къ нему, какъ обыкновенно. Наконецъ, въ самый тотъ день, онъ собрался въ путь, и недалеко отъ Рейкіавика его нагнали люди, потерявшіе слѣдъ бѣглецовъ, и рассказывали, что они бѣжали съ кризувикскихъ копей. Юргенсонъ, въ ужасѣ, что Михаилъ снова на свободѣ и каждую минуту можетъ вернуться въ Рейкіавикъ, повернулъ обратно въ городъ и сдѣлалъ тамъ строжайшія распоряженія для огражденія его отъ „измѣнника“, какъ онъ называлъ бывшего президента. Затѣмъ, оставивъ своихъ тюльхранителей въ Рейкіавикѣ, онъ снова направился въ долину Тингвеллира.

Народъ давно уже шумѣлъ, разбивая палатки и собирався въ кучки, громко толкуя про свои и правительственныя дѣла, весело привѣтствуя другъ друга. Но не во всей толпѣ, тѣснившейся у „Горы-Закона“, господствовало обычное на этомъ народномъ торжествѣ оживленіе. Кто-то, блѣдный, съ нескрываемымъ волненіемъ повелъ рѣчь о зловѣщихъ предзнаменованіяхъ, замѣченныхъ на югѣ острова: о какомъ-то черномъ дождѣ, о подземныхъ толчкахъ и тому подобныхъ ужасахъ. Его слова подхватили еще двое, трое, видѣвшіе внезапно вырвавшіеся изъ-подъ земли столбы

дыма. Эти вѣсти мигомъ облетѣли толпу, и скоро всѣ заговорили о нихъ, у всѣхъ стало грустно на-сердцѣ. Между тѣмъ приближался установленный часъ для открытія торжества, а главы исландскаго управленія еще не было. Тяжелое и какое-то неловкое чувство производило пустое, незанятое кресло, поставленное для губернатора на возвышенномъ мѣстѣ. Въ народѣ слышался сначала сдержанный, а затѣмъ и громкій ропотъ. Исландцы, въ которыхъ, въ эту торжественную минуту, вновь проснулся весь ихъ народный пылъ, вознегодовали на запозданіе генераль-губернатора: въ немъ они усматривали неуваженіе къ ихъ національнымъ обычаямъ и законамъ, и несомнѣнное желаніе оскорбить ихъ подъ прикрытіемъ своей власти. Но, вотъ, въ рядахъ главныхъ представителей торжественнаго собранія произошло движеніе, и толпа умоляла: съ появленіемъ „верховнаго судьи“, съ мечомъ правосудія въ рукахъ, торжество началось. Нечего давать въ обиду чужому и ради него измѣнять роднымъ тысячелѣтнимъ законамъ!

Одновременно, съ двухъ сторонъ, появились два шествія: одно изъ чиновъ гражданскаго, другое—духовнаго судилища. Во главѣ послѣдняго шелъ старичокъ епископъ Джонъ, рѣчь котораго, по обыкновенію, открыла торжество. Эта рѣчь, или, иначе говоря, молитва, заключилась въ воззваніемъ о помощи къ всемогущему и всемилостивому Творцу вселенной:

— Воззри, Господи, на дѣтей Твоихъ!—молился старикъ:—Помоги намъ, грѣшнымъ и недостойнымъ рабамъ Твоимъ, въ дѣлѣ суда и совѣсти! Просвѣти нашъ разумъ и души наши сіяніемъ истины и правосудія; дай намъ нелицепріятно, незлобиво, безкорыстно творить судъ и расправу! И да падетъ грѣхъ виновнаго на главу его, и да растерзаетъ его, какъ коршунъ негодную падаль!

Едва замолкли слова этого страннаго, древняго воззванія, какъ впередъ выступилъ верховный судья, чтобы принести присягу; за нимъ исполнили этотъ обрядъ и остальные гражданскіе представители народной власти, послѣ чего они приступили къ обнародованію новыхъ законовъ и ихъ отдѣльныхъ статей.

Вдругъ по толпѣ пробѣжалъ шопотъ:

— Губернаторъ! Губернаторъ пріѣхалъ!..

И въ самомъ дѣлѣ, среди разступившейся толпы, нескорымъ, но замѣтно-тревожнымъ шагомъ проходилъ Іоргенсонъ, хмурый, озабоченный, будто вдругъ постарѣвшій.

Чтеніе законовъ не прерывалось ни на минуту, какъ ни въ чемъ не бывало, а Іоргенсонъ, не обращая на это вниманія,

прямо прошелъ на свое мѣсто, откуда вдругъ раздался, вмѣсто привѣтствія народу, его хриплый отъ волненія голосъ:

— Верховный судья! Выслушай меня!

— Теперь не время...—былъ холодный отвѣтъ.

— Когда будетъ время, тогда ужъ будетъ поздно! Слушайте же скорѣе: измѣнникъ и злодѣй, который нѣкогда захватилъ въ свои руки власть надъ Исландіей... бѣжалъ!

— Бѣжалъ!.. Свободенъ!..—послышались голоса, разростаясь въ громкій гулъ.

— Да, онъ на свободѣ! И я обращаюсь къ вамъ, сыны Исландіи, чтобъ вы помогли схватить, обуздать его!..

— У васъ есть своя стража, ей и прикажите: мы вамъ не слуги!—прокричало нѣсколько смѣльчаковъ.

— Мои люди охраняютъ Рейкіавикъ, а на вашемъ островѣ, хоть годъ ходи, не найдешь бѣглеца, если самъ на немъ не родился!

— И слава Богу!..—раздалось потише.

— Ваша обязанность мнѣ помочь! Отложите свое торжество и всѣ идите искать слѣдъ предателя: кто не пойдетъ, тотъ не другъ Даніи!

— Мы не рабы ея! Наша Гора-Закона болѣе тысячи лѣтъ видитъ насъ у ногъ своихъ, и мы не можемъ... мы не хотимъ прервать нашего торжества, какъ торжества всего нашего народа и его духа!—вступился самъ судья.

— Берегитесь, не возмущайте народъ!—грозилъ губернаторъ:—иначе вамъ всѣмъ придется плохо!

— Угрозы насъ не страшатъ, мы поступаемъ по совѣсти!

— Ну, слушайте: кто хочетъ получить двѣ тысячи кронъ?—горячился Йоргенсонъ:—пусть тотъ отыщетъ мнѣ его!

— Исландецъ не продастъ себя за деньги! Онъ поступаетъ всегда и во всемъ, какъ велитъ ему совѣсть!—возразилъ епископъ.

— И стыдно, и грѣшно толкать людей на преступленье!

— Это—преступленье: выслѣдить бѣглаго, дерзкаго каторжника? Да это долгъ совѣсти и всякаго честнаго человѣка! Убить измѣнника—не грѣхъ, и выслѣдить его—заслуга. Я двадцати тысячъ кронъ не пожалѣю для того, кто приведетъ его сюда, къ моимъ ногамъ!..

Голосъ его пресѣкся, и онъ вдругъ дрожащей рукой указалъ впередъ, на что-то, очевидно, сильно поразившее его.

Будто въ отвѣтъ на его вызовъ, прямо къ нему шелъ высокаго роста человѣкъ, съ густой шапкой рыжихъ волосъ, обрамлявшихъ загорѣлое, изможденное лицо съ глубоко-впавшими гла-

замѣ. На рукахъ у него былъ другой, лежавшій безъ движенія, какъ мертвый или тяжело-больной.

Дойдя до Горы-Закона, рыжій наклонился и, среди мертвой тишины всего собранія, бережно сложилъ на землю свою пошу.

XXXI.

Выпрямившись во весь свой богатырскій ростъ, лихорадочно сверкая глазами, Язонъ обратился звонкимъ, твердымъ голосомъ ко всему собранію:

— Вы знаете, кто я, и откуда, и за что вы меня сослали... Вы думали, что я дикій звѣрь, и засадили меня. Но все равно: не о томъ хочу я съ вами говорить. Смотрите (и онъ высоко поднялъ свою судорожно сжатую руку): вотъ человѣкъ, который пострадалъ больше меня. О, вы всѣ, которымъ никто не препятствуетъ утолять свой голодъ, когда вамъ хочется ѣсть, и жажду, когда вамъ хочется пить, вы, спящіе на постеляхъ, и отдыхающіе, когда васъ одолеваетъ усталость, вы и вообразить не можете, чтѣ испыталъ на себѣ этотъ несчастный! Но я все это видѣлъ, все знаю и прямо, въ глаза скажу вашему президенту Михаилу. Укажите мнѣ: гдѣ онъ, который?..

Тяжкое молчанье было ему отвѣтомъ.

— Ну, чтѣ же? Гдѣ онъ: говорите!..—въ нетерпѣніи кричалъ Язонъ.

— А это кто?—дрожащимъ отъ волненія голосомъ рѣшился, наконецъ, перебить его судья и указалъ на распростертаго на землѣ, блѣднаго, какъ смерть, человѣка.

— Это мой другъ, мой братъ,—братъ по несчастію, по нашей тяжелой долѣ!.. Но чтѣ вамъ до того? Говорите скорѣе: гдѣ же вашъ Михаилъ? Ради Бога, ради всего святого на свѣтѣ, скажите: гдѣ онъ?—умолялъ Язонъ.

— Мнѣ ли тебѣ говорить, гдѣ онъ, и кто онъ?—послышался въ отвѣтъ злобно-презрительный голосъ губернатора, и онъ двинулся впередъ къ бѣглецу, будто желая разрѣшить его сомнѣнье...

Но въ ту же минуту (Язонъ не могъ потомъ припомнить, какъ это все случилось) раздался ужасный крикъ, мимо него промелькнула какая-то женщина и съ рыданіемъ бросилась обнимать и цѣловать несчастнаго, который все еще лежалъ на землѣ безъ движенія.

— Мужъ!.. Михаилъ!..—то кричала, то лепетала она, при-

жимая его къ своей груди, покрывая его лицо поцѣлуями, лаская его, какъ ребенка.

Язонъ сразу узналъ Грибу и въ ту же минуту узналъ въ своемъ другѣ и товарищѣ своего врага, которому онъ поклялся мстить, котораго онъ долженъ былъ ненавидѣть, но вмѣсто того любилъ и защищалъ, какъ любимаго и дорогого, единственнаго для него въ мірѣ человѣка! Въ глазахъ у него помутилось, ноги подкашивались, зубы стучали. А въ это время въ ушахъ у несчастнаго звучали жестокія, злорадныя слова старика Йоргенсона:

— Да, да, безумецъ! Полюбуйся на дѣло рукъ своихъ! Вотъ онъ, вотъ твой Михаилъ!..

Въ толпѣ пробѣжалъ ропотъ негодованія, но Язонъ ничего и никого не видѣлъ, кромѣ безчувственнаго тѣла своего врага и брата, кромѣ блѣдной, убитой горемъ женщины,—ею жены!

Глядя на ея отчаяніе, на ея ласки и нѣжное участіе, Язонъ невольно представлялъ себѣ, что эти ласки могли бы принадлежать ему... еслибъ не „онъ“, не... Михаилъ! Онъ отнялъ ее у него, отнялъ и жизнь, и надежду на счастье! И страшная горечь, ненависть къ счастливцу поднялась въ его разбитомъ сердцѣ.

Вспомнилось ему также, какъ онъ жилъ и страдалъ вмѣстѣ съ нимъ, съ этимъ счастливцемъ! Сколько горя и мукъ приняли они вмѣстѣ, сколько отрады доставило ему охранять своего врага и... брата! Сколько труда положилъ онъ на то, чтобы спасти его, Михаила, и для кого же? Для Грибы, для его жены!

И вдругъ онъ припомнилъ, зачѣмъ спѣшилъ сюда, какъ онъ рассчитывалъ спасти друга. Да: спасти!.. Но стоитъ ли теперь его спасать, когда теперь ужъ ясно, что на свободѣ его ожидаютъ любовь и ласки жены? Или совсѣмъ отказаться отъ всѣхъ чувствъ къ нему, забыть, какъ прежде его ненавидѣлъ, и какъ любилъ... теперь? О, Боже! укажи, что справедливо, что важнѣе: любовь или злоба?—которая изъ нихъ дѣйствительно любовь, которая—злоба? Онѣ слились въ одно общее сильное чувство, въ которомъ было все: и ропотъ на судьбу, и состраданіе, горячее желаніе отомстить врагу и вся нѣжность преданной, самоотверженной любви...

Язонъ самъ не могъ разобраться въ этомъ хаосѣ своихъ ощущеній; не понималъ, которое изъ этихъ чувствъ превозмогаетъ надъ другими. Зло и добро, казалось, не уступали другъ другу власти надъ его душою; онъ мучился невыразимо... Но одинъ взглядъ на блѣдную, убитую неожиданнымъ горемъ женщину, на изможденное лицо бѣднаго слѣпца, который, какъ мертвецъ, безъ

движенья, лежалъ у нея на коѣннѣхъ...—и добро побѣдило и въ одинъ мигъ водворилось навсегда въ его душѣ.

Спокойнымъ, просвѣтленнымъ взглядомъ встрѣтилъ онъ подавленный ропотъ толпы, изъ котораго могъ только разобрать, что кто-то спрашивалъ, зачѣмъ онъ принесъ сюда больного?

Язонъ выпрямился и, насколько могъ, твердо и спокойно проговорилъ:

— Мужья и жены! Слушайте вы всѣ, зачѣмъ я здѣсь, и вы увидите, какое безграничное, искреннее состраданье охватить васъ!.. Вамъ ужъ извѣстно, что я незаконный сынъ, или почти-незаконный, такъ какъ отецъ мой бросилъ мою мать и меня для другой женщины, для другого ребенка. Когда мать умирала, я поклялся отомстить за нее отцу, — убить его, какъ онъ убилъ ее. Но я не убилъ, а самъ спасъ его изъ воды: онъ умеръ у меня на рукахъ, до послѣдняго вздоха съ любовью вспоминая своего другого сына. И я поклялся убить его, — моего брата, отнявшаго у меня любовь отца. Но и это мнѣ не удалось: вы меня арестовали и судили, — можетъ быть, несовсѣмъ справедливо. На каторгѣ, въ этомъ земномъ аду, я встрѣтилъ человѣка, котораго полюбилъ всѣми силами души, который сталъ моимъ товарищемъ, другомъ... братомъ! Вы изгнали меня изъ своего общества, какъ дикаго, зловреднаго звѣря; вы лишили меня свободы и отрады быть независимымъ. Онъ же пробудилъ во мнѣ чистыя, отрадные чувства; онъ сдѣлалъ меня... человѣкомъ!..

Его сильный, глубокий голосъ дрожалъ; глаза блестѣли слезами, и среди общей тишины слышно было, какъ тяжело дышали свидѣтели этой необычайной, потрясающей картины. Грива, въ удивленіи, вопросительнымъ и тревожнымъ взоромъ смотрѣла на Язона, который продолжалъ:

— Вотъ онъ, мой другъ и братъ! Я самъ на своихъ плечахъ принесъ его сюда, чтобы... спасти его!

— Арестовать обоихъ! — перебилъ его Горгенсонъ, и стража, не смѣя ослушаться, двинулась впередъ, къ бѣглецамъ.

— Назадъ! — грозно, но твердо скомандовалъ судья: — мы здѣсь всѣ равны; здѣсь Гора-Закона, — мѣсто священное для всѣхъ, въ комъ течетъ исландская кровь! Передъ закономъ, передъ нашимъ обычаемъ, освященнымъ обрядомъ, который соблюдается тысячу лѣтъ подъ-рядъ, всѣ люди равны: всякому разрѣшается говорить свободно, требовать суда и расправы!

— Мнѣ дѣла нѣтъ до вашихъ законовъ! Именемъ короля приказываю вамъ арестовать бѣглецовъ!

— А я именемъ Царя царствующихъ приказываю вамъ не прикасаться къ нимъ!—возразилъ судья.

— Вы пользуетесь тѣмъ, что я беззащитенъ, и выказываете мнѣ неповиновеніе?—продолжалъ оробѣвшій Йоргенсонъ. Что жъ такое, что моя охрана осталась въ городѣ? Я и самъ арестую виновныхъ. Ни съ мѣста! — прогремѣлъ онъ и, вынувъ изъ-за пояса пистолетъ, навелъ его на братьевъ.

Вопль негодованія пронесся въ толпѣ; слышались угрозы. Гриба бросилась къ мужу, защищая его своимъ тѣломъ; но Язонъ стоялъ безстрастно подъ направленнымъ на него оружіемъ.

— Кто тронетъ хоть одинъ волосъ на его головѣ, того я разорву на части!—проговорилъ онъ твердо и холодно.

— Скажи же, однако, зачѣмъ ты пришелъ сюда?—спросилъ судья.

— Зачѣмъ? Вы еще спрашиваете, зачѣмъ!.. Развѣ здѣсь не Гора-Закона? Развѣ не здѣсь можетъ всякій предъ лицомъ священнаго народнаго собранія найти правый судъ и защиту?

— Конечно,—согласился судья.

— Чтѣ сдѣлалъ этотъ несчастный, заслужилъ ли свое наказаніе,—мнѣ все равно. Я къ вамъ обращаюсь, ко всему исландскому народу: спасите, освободите его! Верните ему жизнь и свободу, если не ради него, такъ ради Того, Кто смотритъ на васъ съ небесъ... ради васъ самихъ!

Въ эту минуту слышались глухіе раскаты—но не грома, а какого-то подземнаго гудя.

Народъ прислушался къ нимъ, блѣднѣя.

— Кара Божія—въ Его рукахъ; милосердіе—въ рукахъ человѣческихъ! — продолжалъ Язонъ, и, наклонившись къ Михаилу, поднялъ его на руки и понесъ по направленію къ Горѣ-Закона.

Толпа разступилась передъ нимъ и, какъ одинъ человекъ, вскричала:

— Освободить ихъ! Освободить!

Не обращая вниманія на народъ, восторженно устремившійся вслѣдъ за бѣглецами, Йоргенсонъ смотрѣлъ на толпу съ презрительной и самонадѣянной усмѣшкой, и, указывая на людей кивкомъ головы, обратился къ судьямъ съ замѣчаніемъ:

— Положимъ, относительно Язона они правы: онъ—исландецъ и потому подлежитъ исландскимъ правамъ и законамъ. Но бывшій президентъ, какъ измѣнникъ Даніи,—достоиніе датскихъ законовъ?..

— Такъ ли это?—раздался чей-то робкій голосъ изъ толпы.

— Такъ,—принужденъ былъ согласиться судья.

Полное уныніе овладѣло присутствующими, боготворившими своего главу и президента и ликовавшими при мысли о его спасеніи.

Вдругъ, среди общей тишины, раздался конскій топотъ, и запыхавшійся растерянный всадникъ, еще издали отчаянно махавшій руками, чтобы привлечь на себя вниманіе, подскакалъ ближе, крича, что было мочи:

— Бѣгите! Бѣгите! Горы Скаптаръ запатались!..—На встревоженные разспросы онъ едва успѣвалъ отвѣтить, что и самъ Скаптаръ, эта гигантская ледяная вершина, дрогнула въ своемъ основаніи и грозитъ паденіемъ.

Не успѣли разспросить этого вѣстника несчастія, какъ за нимъ появился другой:

— Море колыхнется! Море изъ нѣдръ своихъ выбрасываетъ острова и камни!..

Едва улеглась пыль, которую онъ поднялъ, ускакавъ обратно, въ Рейкјавикъ,—вслѣдъ за нимъ подоспѣлъ и третій:

— Воды размыли подножіе Геклы! Вокругъ нея гибнетъ вся трава, деревья!.. Потоки кипящей воды мчатся внизъ по холмамъ, заливаютъ поля и дороги, уносятъ съ собой дома и стада, не щадя ничего, не зная себѣ препонъ!..

Ужасъ овладѣлъ толпою и сообщился всему собранію, всѣмъ судьямъ и другимъ представителямъ власти.

Народъ вспомнилъ, что у каждаго дома осталась семья, жена, дѣти, старики-родители, друзья и близкіе... И всѣ разбѣжались по своимъ палаткамъ, наскоро осѣдлали своихъ ословъ и лошадей и безъ памяти, безъ оглядки, бѣжали въ разныя стороны, въ надеждѣ спасти своихъ, въ-время подоспѣть къ нимъ на помощь.

Въ общей суматохѣ и давѣ только двое хладнокровно остались на мѣстѣ. Это были Юргенсонъ и Язонъ, ни на минуту не забывавшіе своихъ личныхъ цѣлей.

Губернаторъ подозвалъ къ себѣ стражу, которая прискакала изъ Рейкјавика съ роковыми вѣстями, и, указывая на Михаила, приказалъ:

— Арестовать обоихъ: и мужчину, и женщину!

Опираясь на Язона, Михаилъ, понемногу пришедшій въ себя, стоялъ молча, ничего не видя изъ окружающей его тревоги; а братъ его, не теряя минуты, позвалъ народъ на помощь. Но шумъ толпы заглушилъ его слова; каждый заботился прежде всего о себѣ, и Язону пришлось одному грудью встрѣтить напоръ

врага—датской стражи. Но гдѣ же одному одолѣть двадцать чело-
вѣкъ, и притомъ не усталыхъ, не изнуренныхъ душевною мукой?

Какъ ни боролся Язонъ, какъ ни изворачивался съ изуми-
тельной быстротой и ловкостью, но не могъ защитить друзей.
Какъ плеть повисла его окровавленная, разбитая, правая рука,
а одной лѣвой не справиться было съ дюжими датчанами, кото-
рые придержали его на мѣстѣ, пока ихъ товарищи, на его гла-
захъ, схватили и увели Михаила съ женою.

Между тѣмъ въ воздухѣ пронесся неудержимый вихрь и по-
сыпалъ будто чернымъ песчанымъ дождемъ, который густою стѣ-
ной закрылъ солнце и погрузилъ все вокругъ въ непроницаемую
темноту.

— Это лава!.. Лава идетъ!.. Огненный дождь!.. Свѣтопре-
ставленіе! — кричали запоздавшіе люди и, какъ безумные, — кто
смѣясь, кто рыдая, — метались то туда, то сюда, ничего не по-
нимая, не соображая.

Юргентъ-Юргенсонъ, не теряя присутствія духа, успѣлъ на
подведенную ему лошадь и, усиленно подгоняя испуганное жи-
вотное мимо Язона, не преминулъ злобно пошутить надъ нимъ:

— Что жъ, голубчикъ? Если это и въ самомъ дѣлѣ конецъ
свѣта, мой вамъ совѣтъ—воспользоваться хорошенько послѣдними
минутами... бѣжать!

Онъ прищипорилъ лошадь и быстро скрылся изъ вида.

Язонъ остался одинъ въ темной, опустѣвшей долиинѣ, надъ
которой висѣлъ черною пеленою густой смядь. Съ юга, на го-
ризонтѣ, ее прорывали широкія струи огня, а за нею разливалось
багровое пламя.

Изверженіе Скаптаръ началось.

XXXII.

Мрачно было на душѣ у Язона; но не отъ окружавшей его
тмы, не отъ бѣдствія, грозившаго народу, а отъ сердечной боли.

Онъ безсознательно шелъ куда-то впередъ, не разбирая до-
роги, и горькаго ропота были полны его думы. Громко рыдая,
взывалъ онъ къ небесамъ, обманувшимъ его ожиданія. Не онъ ли
горячо вѣрилъ въ благость, всемогущество и справедливость Творца?
Не Его ли вѣщія слова обѣщаютъ наступить неправого и спасти
неповиннаго? Не Онъ ли Самъ говорилъ чрезъ святыхъ своихъ,
что неправый и непочитающій Его „истребленъ будетъ“, а
почитающій „возвеселится“?

Язонъ не помнилъ, долго ли бродилъ онъ въ полномъ одиночествѣ, когда очутился, наконецъ, въ такомъ узкомъ ущельѣ, что двоимъ нельзя бы было разойтись на его тропинкѣ, повисшей надъ пропастью. Когда-то здѣсь (какъ онъ припомнилъ) было въ обычаѣ казнить женщинъ-преступницъ, сбрасывая ихъ внизъ со скалы.

Среди унылой тишины этой мѣстности и ужасныхъ картинъ, которыя она вызывала, весьма страннымъ показалось Язону, что его кто-то окликнулъ:

— Добрый человекъ! Укажи мнѣ, пожалуйста, дорогу въ Рейкјавикъ: я охотно дамъ тебѣ за это пять-шесть кронъ!

Оглянувшись, Язонъ узналъ старика-Іоргенсона, и крикъ радости вырвался у него изъ груди. А онъ еще сомнѣвался въ правосудіи Божиѣмъ? Допускалъ, что Богъ можетъ оставить безнаказаннымъ безчеловѣчнаго тирана! Да не Онъ ли Самъ посылаетъ его теперь, чтобы Язонъ своими руками могъ „устребить“ его, какъ негодного, бездушнаго пса?

Онъ рванулся впередъ, полный вновь закипѣвшей злобы, но вдругъ что-то больно сжало ему сердце, и онъ отступилъ назадъ, давая дорогу старику. Іоргенсонъ тоже узналъ его и умолкъ въ испугъ.

— Вотъ дорога въ Рейкјавикъ: все прямо, вдоль стѣны утеса, а затѣмъ направо, въ сторону отъ ущелья, — проговорилъ Язонъ измѣнившимся голосомъ. — Да, это, можетъ быть, малодушіе съ моей стороны, можетъ быть глупая неосторожность, — пусть такъ! Но ты — отецъ моей матери: пусть же самъ Богъ васъ разсудитъ! — Пусть сжалится Онъ надъ нею и проститъ тебѣ! Я не хочу, даже за жизнь брата, обогащать свои руки твоей кровью!.. Проѣзжай себѣ съ Богомъ!..

И низко склонивъ свою сѣдую голову, Іоргенсонъ тихо проѣхалъ мимо внука; и чувство стыда передъ самимъ собою, не смотря на всю его холодность, шевельнулось гдѣ-то въ самой глубинѣ его очерствѣлаго сердца.

Изверженіе, межъ тѣмъ, шло своимъ чередомъ и продолжалось еще въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ: съ іюня вплоть до января слѣдующаго года. За это время со всѣхъ концовъ Исландіи — съ юга и съ юго-востока — стекались въ Рейкјавикъ толпы голодныхъ и бездомныхъ людей. Населеніе его, состоявшее до тѣхъ поръ изъ двухъ тысячъ человекъ, возросло до двадцати и даже болѣе. Какъ они жили и гдѣ ютились, — врядъ ли кто могъ

бы сказать опредѣленно; одно только было хорошо извѣстно, что всѣ дома, всѣ лачуги были биткомъ набиты людьми самыхъ разнообразныхъ возрастовъ и сословій. Лѣтомъ весь этотъ несчастный людъ питался кой-какою рыбой, ловившейся у береговъ, а зимой помиралъ съ голоду, скудно пробавляясь рыбными костями, мхомъ и морской травой. Ихъ крикъ о помощи отозвался въ Европѣ, и со всѣхъ сторонъ по морю заспѣшили къ нимъ суда съ продовольствіемъ: хлѣбомъ, мукой и картофелемъ. На бѣду, эти суда затерло льдами, и пока они добрались до береговъ Исландіи, картофель обратился въ кожаные подошвы, а хлѣбъ и муку пришлось бы рубить киркой, словно каменные глыбы. По счастью, даже на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ на моряхъ почти постоянные льды, гдѣ земля клочечетъ огнемъ, мать-природа еще настолько печется о людяхъ, что не даетъ имъ совершенно погибнуть отъ голода. Перебившись кое-какъ до весны, когда стало теплѣе, чуть-живые, но уже ободренные живительнымъ тепломъ, люди стали расходиться по своимъ домамъ, или, вѣрнѣе, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда были ихъ дома, и которыя были имъ дороги по связаннымъ съ ними воспоминаніямъ.

Въ это тяжелое время лишь очень немногіе вспоминали о существованіи своего бывшего президента Михаила.

Помнили о немъ усердно только Йоргенсонъ, Адамъ Фэрбрезеръ и Гриба. Старикъ-Адамъ, навѣщая своего любимца, который содержался въ домѣ предварительнаго заключенія, но къ которому его все-таки не допускали, не забывалъ хлопотать о немъ и обивалъ пороги у всѣхъ высшихъ властей, стараясь доказать имъ, что обращаться съ бывшимъ президентомъ грубо и небрежно, какъ съ простымъ преступникомъ, несправедливо и незаконно; что тюремныя правила не соблюдаются, а карательныя мѣры преувеличиваются, и т. п. Гриба также, съ своей стороны, дѣлала все возможное: просила за него епископа, носила мужу въ тюрьму пищу и питье, стараясь тщательно скрывать отъ него, кто такъ заботится о немъ. И Михаилъ, дѣйствительно, не подозрѣвалъ, кто его благодѣтель; по всему Рейкьявику ея поведеніе было извѣстно, и весь Рейкьявикъ былъ тронутъ ея самоотверженіемъ.

Видя, что сочувствіе народа на сторонѣ Михаила, Йоргенсонъ не на шутку встревожился и сталъ подумывать о томъ, не слишкомъ ли онъ строго съ нимъ поступаетъ? Надо было подумать и найти такое рѣшеніе этого вопроса, которое удовлетворило бы всѣмъ необходимымъ требованіямъ; и такое рѣшеніе нашлось: Йоргенсонъ объявилъ, что освобождаетъ Михаила

отъ тюремнаго заключенія, но подъ условіемъ, чтобы онъ поселился на уединенномъ островѣ, проливъ между которымъ и Исландіей часто замерзалъ и прекращалъ, такимъ образомъ, всякое сообщеніе съ людьми. Свобода, которую даровалъ губернаторъ заключенному, была, по мнѣнію всѣхъ, любившихъ его, только кажущейся; въ сущности же и самъ Михаилъ сознавалъ, что это самое ловкое средство, чтобы еще болѣе усилить его беззащитность. Однако, ни просьбы его и старика-Адама, ни глухой ропотъ народа не помогли, и бывшій президентъ, слѣпой, искалѣченный, долженъ былъ покориться, отправившись въ далекій путь: островъ Гримсэй лежитъ на арктическомъ поясѣ, на 35 миль отъ твердой земли. Проводить его сошлись всѣ жители Рейкявика.

— Прощайте!—говорилъ онъ имъ.—Прощайте!.. Хотя я и не вижу васъ глазами, по душой чувствую вашу ласку, и знайте, что тѣхъ картинъ, которыя рисуетъ мнѣ сердце, никто и ничто не въ силахъ у меня отнять! Во многомъ, безъ сомнѣнія, я виноватъ передъ вами: простите же вы мнѣ, по-братски, потому что намъ, вѣрно, уже не придется встрѣтиться на этомъ свѣтѣ!..

Въ толпѣ плакали и вздыхали; но тѣхъ, кто больше всѣхъ могъ бы оплакивать Михаила,—жены и его пріемнаго отца,—не было не только здѣсь, но и во всемъ Рейкявикѣ.

XXXIII.

Когда Михаилъ прибылъ на Гримсэй, завѣдующій островомъ, человекъ такой же сухой, какъ и самъ Йоргенсонъ, тотчасъ же заворчалъ на „безполезнаго“ арестанта, который не могъ, по слѣпотѣ своей, работать на него, и поручилъ его мѣстному священнику, Зигфусу Томсону.

Это былъ тотъ самый старикъ, котораго Йоргенсонъ сослалъ сюда двадцать шесть лѣтъ тому назадъ за то, что онъ повѣнчалъ его дочь Рахиль съ богатыремъ Орри. Въ то время онъ былъ еще молодъ и легче сносилъ невзгоды; но подъ старость приунылъ и съ горя сталъ попивать. Сознавая весь ужасъ и позоръ этой привычки, онъ былъ робокъ и слабъ характеромъ, но вся его немногочисленная паства любила и жалѣла бѣднаго старика.

Какъ разъ въ ту минуту, когда Зигфусъ былъ совершенно выбитъ изъ колеи своей мирной жизни тѣмъ, что у него въ домѣ поселили чужого, да еще слѣпотаго человѣка, къ нему пришла

молодая женщина съ ребенкомъ и совершенно растрогала его просьбой приютить ее, бѣдную, беззащитную вдову, за что она обѣщала ему вести хозяйство, заботиться о больномъ и т. п. Добродушный старикъ прослезился, слушая ея грустные слова, и согласился дать ей у себя приютъ, но только съ условіемъ, чтобы не навязывать своихъ услугъ больному, бѣдному слѣпцу и калѣкѣ, который вообще молчаливъ и необщителенъ. Гриба все обѣщала, всему покорилась и твердо, неотступно продолжала дѣло милосердія и любви,—любви, въ которой усомнился Михаилъ.

Шесть мѣсяцевъ жила она подъ одной кровлей съ мужемъ, и за это время, невидимо, незамѣтно для него, окружала его своими заботами и всѣми удобствами, какія только могли быть доступны въ этой уединенной мѣстности. Это не прошло безслѣдно для Михаила.

— Какъ странно!—сказалъ онъ однажды своему добродушному домовладѣльцу:—не знаю отчего, но мнѣ кажется, что этотъ домъ долженъ быть полонъ свѣта.

— Что жъ, пожалуй: и этому виной моя заботливая эконома,—замѣтилъ пасторъ.

— Я часто слышу ея шаги, но голоса не знаю.

— Да; она еще молода, но уже много натерпѣлась гора!

— Бѣдная!—задумчиво проговорилъ слѣпой и умолеъ.

Сердце Грибы такъ и рвалось на встрѣчу мужу; но она удержалась и тихо отошла въ сторону, чтобы не разрыдаться, при звукахъ его растроганнаго голоса.

Такъ минуло еще полгода, и все еще не выдала себя молодая женщина, продолжая окружать мужа своимъ нѣжнымъ попеченіемъ. Однажды какъ-то онъ пожалѣлъ, шутя, что у него нѣтъ подъ рукою скрипки, разсѣять тоску во время зимняго уединенія,—и кто-то, неизвѣстный, прислалъ ему изъ Рейкјавика очень порядочный инструментъ. Заговорили они съ отцомъ-Зигфусомъ о томъ, что хорошо бы имѣть въ церкви хоть маленький органъ,—и мѣсяца два спустя, неизвѣстно кто выслалъ изъ Рейкјавика органъ,—предметъ восторга всего немногочисленнаго населенія острова Гримсѣя. Впервые грубые жители его подтягивали плавнымъ звукамъ церковной музыки; впервые Гриба, за обѣдней, поддавалась душевному волненію, и звучный, ясный голосъ ея разлился подъ низкими сводами бѣднаго храма. Михаилъ, управлявшій органомъ, восторженъ и повернулся лицомъ въ ту сторону, гдѣ стояла его жена.

Вечеромъ того же дня онъ спросилъ отца-Зигфуса:

— А кто это пѣлъ за обѣдней?

— Это моя добрая экономка.

— Вы, кажется, говорили, что она лишилась мужа?

— Да. Бѣдняжка! Она теперь одинока на свѣтѣ, и все ея утѣшеніе—въ ребенкѣ, съ которымъ она не расстаётся.

Такимъ образомъ, Михаилъ услышалъ о существованіи подъ однимъ кровомъ съ нимъ его ребенка.

Прошло еще два года, и малютка настолько подросъ, что удержать его на мѣстѣ уже не было возможности. Да, впрочемъ, и большой нужды въ томъ не было: Михаилъ быстро сошелся съ малюткой и полюбилъ его, цѣлыми часами бесѣдуя обо всемъ, что только занимало свѣтлорусаго красавца-шалуна.

Однажды, когда крошка сидѣлъ у него на колѣняхъ, Михаилъ спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Михаилъ!

— Такъ точно, какъ и меня: значить, ты англичанинъ?

— О, да. А твоего мальчика какъ зовутъ?—въ свою очередь допрашивалъ ребенокъ.

— У меня нѣтъ мальчика,—былъ печальный отвѣтъ.

— О!..—и ребенокъ прижался къ нему, нѣжно обхвативъ его за шею.—Я буду твоимъ мальчикомъ... Хорошо?

— Конечно, дорогой; ты и приласкаешь меня, и споешь мнѣ пѣсенку, и мы всегда, всегда будемъ съ тобой друзьями!

Но малютка не дослушалъ его. Онъ прыгнулъ съ колѣнъ, отбѣжалъ куда-то въ сторону и съ торжествующимъ крикомъ показалъ своему большому другу какой-то камешекъ:

— Смотри! Смотри, какой бѣлый!

— Я не вижу, родной: я слѣпъ!—кратко возразилъ Михаилъ.

— Слепъ? Что это такое?

— Это... это значить имѣть глаза и не видѣть.

— О!..

— Не бѣда, мой голубчикъ: у „тебя“ чистые, ясные глазки, и ты будешь видѣть все за меня, и все мнѣ расскажешь,—какъ свѣтитъ солнышко, какъ синѣтъ далекое небо и какъ оно смотрится въ морскую волну... Вѣдь ты же—мой другъ, ты меня любишь?

— Ну, еще бы!—съ гордостью воскликнулъ мальчикъ и побѣжалъ прочь.

Притаившись за дверь, Гриба съ наслажденіемъ ловила

каждый звукъ бесѣды мужа съ сыномъ, и впервые въ этотъ день поймала въ себѣ ощущение полной, почти беззаботной радости, которая была прежде ея удѣломъ; на лицѣ ея все чаще и чаще стала появляться ясная улыбка. Не разъ убѣждала она сама себя не поддаваться слишкомъ свѣтлымъ надеждамъ; не разъ напоминала себѣ о томъ, что мужъ обидѣлъ ее подозрѣніемъ и постарался забыть; но все было напрасно. Ей вѣрилось, ей хотѣлось вѣрить въ возможность вернуть его любовь: самъ Михаилъ давалъ ей къ тому поводъ. Не разъ слышала она, какъ онъ разспрашивалъ старика о матери своего маленькаго друга.

— Да, она очень тиха и одинока; потому мы и уживаемся съ нею,—отвѣчалъ какъ-то старикъ на разспросы Михаила.— И еще есть между нами общая черта: съ тѣхъ поръ, какъ она лишилась мужа, ей бы хотѣлось никого и ничего не видѣть! Поэтому-то она и поселилась здѣсь, въ уединеніи.

— О, зачѣмъ Богъ не далъ мнѣ счастья быть мужемъ такой женщины, какъ она: кроткой, простодушной и преданной на вѣки, вмѣсто той... той...

„О, Боже! Онъ, кажется, влюбленъ въ меня!“ подумала Гриба, и новый приливъ счастья и вѣжности нахлынулъ ей въ сердце.

Между тѣмъ Адамъ Фэрбрезеръ не оставлялъ своихъ заботъ на пользу своего питомца, и въ одинъ прекрасный день прислалъ фельдшера осмотрѣть глаза бѣднаго слѣпца, съ цѣлью, если возможно, помочь ему.

Гриба стояла передъ мужемъ и держала свѣчу, которая дрожала у нея въ рукѣхъ.

— Осторожнѣй: не обожгите больного! — услышала она чей-то голосъ и собрала послѣднія силы, чтобы сдержать свое волненіе.

— Ну, что же я вамъ скажу?—спокойно началъ фельдшеръ, окончивъ свой внимательный и продолжительный осмотръ:—я не вижу причины, почему бы вамъ не могли возвратить зрѣнія!

— Слава Богу!—благоговѣнно проговорилъ Михаилъ.

— Слава Богу!—повторилъ отъ души пасторъ.

А Гриба бросилась вонъ изъ комнаты, чтобы не выдать себя, и, давъ волю слезамъ радости, только твердила:

— Слава Богу!

Сердце ея радостно билось при мысли, что онъ—дорогой, любимый! — вновь увидитъ ее, увидитъ сына, своего кудряваго крошку-Михаила, свой живой портретъ; и въ то же время жутко ей было подумать, что онъ скажетъ, что сдѣлаетъ, когда увидитъ

ее подлѣ себя? Но это дурное чувство, которое подсказала ей мысль: не лучше ли ей желать, чтобы все шло по-прежнему, чтобы Михаилъ оставался слѣпымъ, но счастливымъ,—это чувство шевельнулось въ ней и замерло, пропало совершенно подъ наплывомъ добрыхъ и самоотверженныхъ стремлений. Она всецѣло отдалась имъ и, успокоенная, стала ожидать возвращенія фельдшера, назначеннаго черезъ мѣсяць...

Все населеніе Гримсэ принимало живѣйшее участіе въ молчаливомъ, блѣдномъ изгнанникѣ и горячо сочувствовало его радостнымъ надеждамъ. Йоргенсонъ, между тѣмъ, изрѣдка давалъ о себѣ знать различными своими распоряженіями, напоминая узнику о томъ, что онъ, все-таки, не совсѣмъ свободенъ: то присылалъ сюда военный бригъ, узнать мимоходомъ о положеніи дѣлъ на островѣ, то какой-то особый флагъ, который приказано было выкидывать на самомъ видномъ мѣстѣ въ знакъ того, что изгнанникъ еще живъ и находится подъ присмотромъ; то, наконецъ (года два спустя), какой-то особенно большой ключъ съ замкомъ, чтобы запираить арестанта на-ночь. Но ужасѣе всего нагрянула бѣда, когда весь островъ раздѣлялъ радость Михаила и его жены: изъ Рейкјавика дали знать старику-пастору, чтобы онъ усилилъ надзоръ за порученнымъ ему арестантомъ и, если окажется необходимость, подготовилъ бы его къ тому, что его во всякое время можетъ постигнуть еще худшая участь.

Михаилъ старался бодриться и ободрять окружающихъ своимъ примѣромъ, но старикъ-пасторъ былъ подавленъ горемъ; что же касается Грибы, то ея отчаяніе далеко превосходило его горе. Ей порой казалось, что нагрянувшая вдругъ бѣда такъ велика, что даже мало вѣроятна; и это отчасти, на время, успокоивало ее. Эта мысль до того вѣдрилась у нея въ головѣ, что она твердо рѣшила пойти на корабль и тамъ, на мѣстѣ, убѣдиться—не ошибка ли это?

Гриба бѣгомъ пустилась къ берегу, чтобы оттуда на лодкѣ добраться до военного брига, но, очутившись на берегу, вдругъ остановилась, вспомнивъ, что не можетъ же она признаться, что Михаилъ ей мужъ, и что, какъ чужая, она своими разспросами только навлечетъ на себя, а главное, на него, подозрѣніе и насмѣшки. Грустно поникнувъ головою, она пошла обратно.

Войдя въ домъ, она сквозь слезы разслышала голосъ своего сына, говорившаго съ кѣмъ-то, но, судя по голосу, не съ Михаиломъ.

— Такъ тебя тоже зовутъ Михаиломъ? Ахъ, ты мой славный мальчикъ!—говорилъ кто-то, и твердый, глубокий звукъ его рѣчи

показался Грибъ знакомымъ. — Какой ты большой, Михаилъ, какой милый, и какъ похожъ... какъ похожъ на него!..

Голосъ глухо оборвался, и Гриба, бросившись впередъ, увидала человѣка высокаго роста, который осторожно спускалъ на полъ ребенка, и, заслыша чьи-то шаги, оглянулся.

Передъ нею стоялъ Язонъ.

XXXIV.

За тѣ два года, которые Михаилъ провелъ на островѣ Гримсѣй, Адамъ Фэрбрезеръ не переставалъ хлопотать о его освобожденіи; но нигдѣ — ни въ Копенгагенѣ, ни въ Лондонѣ — не могъ онъ добиться справедливаго вмѣшательства въ дѣло его любимца и друга. Наконецъ, ему помогло совершенно неожиданное стеченіе обстоятельствъ, а именно: стремленіе Наполеона возбудить противъ Англіи всѣ остальные европейскія державы. Наполеонъ уже считалъ свое дѣло сдѣланнымъ, какъ вдругъ англійскій адмиралъ Нельсонъ настигъ совершенно врасплохъ датскій флотъ и разбилъ его на-голову, забравъ съ собой въ Англію датскія суда и ихъ команду.

Старикъ Адамъ поспѣшилъ явиться къ Нельсону и изложить ему несправедливые поступки датскаго намѣстника относительно Михаила, какъ англійскаго подданнаго. Заслыша, что и теперь еще послано въ Гримсѣй судно датской военной команды, адмиралъ тотчасъ же распорядился послать туда свой военный корабль для поимки этого безпокойнаго сосѣда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы освободить англійскаго подданнаго отъ его незаконнаго самоуправства.

Слухъ объ этомъ, въ свою очередь, дошелъ до Йоргенсона, который, изъ боязни вовлечь свое правительство въ войну, отправилъ въ Гримсѣй цѣлый отрядъ, съ офицеромъ во главѣ, который былъ снабженъ полномочіемъ немедленно казнить заключеннаго, чтобы такимъ образомъ устранить возможный поводъ къ войнѣ съ могучей морской державой. Но молодые датчане не знали дороги въ Гримсѣй, и имъ понадобился проводникъ — коренной исландецъ, который указалъ бы имъ скорѣйшій и удобнѣйшій путь на островъ. Случилось такъ, что датчане, посланные на поиски за проводникомъ, зашли въ таверну, гдѣ они разговорились съ хозяиномъ и разговоромъ о своемъ порученіи обратили на себя особое вниманіе одного изъ завсегдатаевъ, — рослаго рыжеволосаго малаго, который и предложилъ имъ свои услуги въ

качествъ проводника. Нечего и говорить, что это былъ не кто иной, какъ Язонъ, который съ горя велъ за послѣднее время жизнь самую лѣнливую и безпорядочную.

— Наконецъ-то!..—мелькнуло у него въ головѣ, и отъ радости хмель его, какъ рукой сняло. Черезъ день—онъ ужъ былъ на дорогѣ въ Гримсэй.

Но едва успѣлъ военный отрядъ выйти изъ предѣловъ рейкјавіекаго округа, какъ до Юргенсона дошла грозная вѣсть, что англійскій военный бригъ несется къ берегамъ острова, гдѣ жилъ изгнанникъ, и, окончательно растерявшись, самъ отправился за своими посланными вдогонку, чтобы остановить казнь заключеннаго.

Язонъ, однако, подоспѣлъ раньше него.

Его богатырскій ростъ казался меньше, согбеннѣе; лицо,—изможденное и постарѣвшее—было блѣдно и разстроено; одѣтъ онъ былъ небрежно и почти бѣдно; на плечахъ свободно висѣла оленья куртка, на ногахъ болтались обшмыганные кожаные сапоги, сквозь которые сочилась кровь. Весь его растерянный и растерзанный видъ живо напомнилъ Грибѣ тотъ ужасный мигъ, когда она позвала на помощь и его впервые взяли подъ стражу; вспомнились ей разомъ и мгновенной вереницей промелькнули въ ея воображеніи картины всѣхъ ужасовъ, пережитыхъ съ тѣхъ поръ... Она зашаталась и упала бы непременно, еслибъ Язонъ не поддержалъ ее, тихо шепча на ухо, чтобы она не шумѣла, не выдала бы его.

Гриба постаралась быстро оправиться и такъ же тихо спросила:

— Ты зналъ, что я здѣсь?

— Да.

— И пришелъ одинъ?.. Откуда?..

— Изъ Рейкјавіка, гѣшеомъ. Шелъ день и ночь, цѣлыхъ пять дней!

— Но что случилось? Ты что-то скрываешь... Говори все, говори скорѣе!

— Надо спасти ея... Тише!.. Молчи!..

И прерывистымъ голосомъ онъ рассказалъ ей, что куда спѣшить на казнь датскій отрядъ, что не надо терять ни минуты.

Отчаянно, беспомощно рыдая, слушала его Гриба, а онъ, сильный и смѣлый, стоялъ рядомъ съ нею, не спуская съ нея жалостливаго взгляда, какимъ такой человѣкъ можетъ только смотреть на женскія слезы.

„Какъ она любитъ его! Какъ любить!..“ думалъ онъ съ болью въ сердцѣ, и въ немъ еще сильнѣе крѣпла рѣшимость спасти брата.

Стараясь, насколько могъ, ободрить ее улыбкой, онъ началъ тихо уговаривать Грибу не падать духомъ и помочь ему найти средства къ спасенію мужа.

— Да развѣ есть средства?—сомнѣвалась она.

— Есть... Послушай!..—и Язонъ разсказалъ ей, что въ маленькой бухтѣ, подъ прикрытіемъ берегового выступа, спрятана небольшая шотландская лодка, на которой онъ самъ пріѣхалъ, подъ предлогомъ закупки трески. За два часа до разсвѣта, пока еще темно, надо бѣжать.

— Приготовь все, что нужно съ собой для ребенка,—продолжалъ онъ.—Не забудь, что ни словомъ, ни малѣйшимъ движеніемъ нельзя дать никому заподозрить, что мы затѣваемъ.

— Да, да, хорошо!—соглашалась Гриба.—Но, Язонъ, скажи мнѣ чистосердечно: ты меня не выдашь?

— Выдать тебя?! Вотъ еще!—усмѣхнулся онъ.

— Хотя я и живу здѣсь давно,—два года,—но Михаилъ не знаетъ, кто я,—и я боюсь: какъ онъ это приметъ?—говорила Гриба тревожно.

Язонъ вспомнилъ свой разговоръ съ Михаиломъ на колахъ и понялъ его тайну.

— Хорошо,—печально проговорилъ онъ.—Я, кажется, понимаю.

— А ты, Язонъ, гдѣ былъ и что дѣлалъ за все это время?

— Гдѣ былъ? Въ Акюйери, Хусавикѣ, Рейкјавикѣ, въ пустынѣ... вездѣ и—нигдѣ! Что дѣлалъ? Пилъ, игралъ, кутилъ, безобразничалъ... ну, словомъ, все вообще и ничего въ особенности,—и онъ горько разсмѣялся, позабывъ, что самъ же предупреждалъ не шумѣть.

— Язонъ, прости: я была несправедлива къ тебѣ!—въ чистосердечномъ порывѣ воскликнула Гриба:—и я очень, очень об этомъ жалѣю! Но я любила мужа, онъ былъ для меня все на свѣтѣ; другая могла бы полюбить тебя лучше и сильнѣе, чѣмъ я. Можетъ быть, она и теперь гдѣ-нибудь поджидаетъ тебя?

— Да, да, можетъ быть...—какъ-то разсѣянно проговорилъ онъ и усмѣхнулся.—А ты бросила родныхъ и родину свою для того, чтобы не разставаться съ нимъ, чтобы воротать свой вѣкъ въ этой глуши, подъ одною съ нимъ кровлей?

— Его домъ—мой домъ; его семья—моя семья. Гдѣ бы онъ ни былъ, тамъ мое мѣсто!

— И у тебя хватило духу такъ долго жить рядомъ съ нимъ и ожидать, когда можно будетъ открыть ему свою тайну?

— Да еслибы мнѣ пришлось вдвое дольше ждать его, чѣмъ ждалъ Іаковъ Рахиль,—и то я твердо перенесла бы это испытаніе!—горячо возразила она.

Язонъ промолчалъ, но едва затворилась за нею дверь, какъ онъ въ отчаяніи заломилъ руки и глубокимъ вздохомъ вырвалось у него:

— О, Боже мой, Боже мой! Какъ она его любитъ!..

Полчаса спустя, Гриба доложила пастору, что какой-то чужеземецъ желаетъ его видѣть, и онъ приказалъ ввести его.

— Отецъ Зигфусъ,—началъ Язонъ, я часто поминаю васъ добромъ; моя мать много лѣтъ подъ-рядъ говорила мнѣ о васъ съ благодарностью и со слезами: вы благословляли ее подъ вѣнцомъ.

— Вашу мать? Какъ ея имя?

— Рахиль Орри, дочь Іоргенсона.

— Дитя мое!—обрадовался старикъ:—такъ ты—Язонъ, ея сынъ? Дай мнѣ тебя обнять! Дня не проходитъ, чтобы мы не вспоминали о тебѣ. Твой братъ живетъ здѣсь со мною; пойдемъ къ нему... скорѣе!

— Нѣтъ, нѣтъ, постойте! Я къ вамъ пришелъ по порученію... отъ его жены.

— Да; отъ той, что оскорбила и бросила его?

— Какъ? Вы готовы осудить больную, вающуюся... умирающую женщину?

— А! Такъ она умираетъ?

— Да, и прислала просить мужа проститься съ нею. Она увѣрена, что онъ не откажетъ ей въ этомъ утѣшеніи.

— О, конечно! Богъ ей судія... Гдѣ же она?

— Въ Хусавикѣ, и умоляетъ васъ отпустить къ ней мужа... на одинъ день... на одинъ только день!—умоляющимъ голосомъ заключилъ Язонъ, видя замѣшательство старика.

— Но, право, дитя мое, я не знаю, какъ быть: еще на прошлой недѣлѣ я получить предписаніе строго за нимъ смотрѣть и даже... даже приготовить его, на всякій случай, къ смерти. Онъ это знаетъ самъ, и мы всё это знаемъ.

— Но вѣдь онъ вернется; онъ непремѣнно вернется, а вамъ готовъ поклясться. Я самъ буду ему порукой! Оставьте меня здѣсь вмѣсто него, пока онъ не вернется... прошу васъ, умоляю!

— Дитя мое, подумай, что ты говоришь!

— Я ужъ подумалъ и нарочно для того пришелъ сюда!

— Но датскій отрядъ...

— Будьте покойны: никто изъ нихъ не знаетъ въ лицо Михаила и... въ случаѣ чего... я васъ не выдамъ: никто не узнаетъ!

— Дитя мое, дитя! Ты пристыдилъ меня!.. Хорошо, я согласенъ. Пойдемъ къ нему...

— Пойдите! Лучше всего, чтобы вы не знали ничего, и не видали *тогда* никого изъ насъ. Вы доверяете мнѣ? Отъ души?.. Прекрасно. Дайте мнѣ этотъ ключъ и не выходите изъ своей комнаты, пока не услышите утреннйй сигналъ на военномъ бригѣ: я буду ждать васъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ. И знайте: что бы ни было, что бы ни случилось, я сдержу свое слово... и да благословить насъ Богъ!

Въ очагѣ красноватымъ огнемъ догорала охапка сухого хмю. Въ углу, поближе къ нему, сидѣлъ Михаилъ, и видны были въ полутьмѣ тихой комнаты только его блѣдное, грустное лицо и нѣжныя худыя руки, вытянутыя на колѣняхъ. Низко склонилась его свѣтлорусая голова и длинныя пряди все еще густыхъ волосъ лежали по плечамъ. Вдругъ онъ встрепенулся.

— Это вы, отецъ Зигфусъ?

— Нѣтъ, это я... вашъ другъ!

— Чей это голосъ? Кто говоритъ со мною?—волновался Михаилъ.

— Твой братъ.

— Язонъ?!—крикнулъ въ неудержимой радости слѣпой и бросился къ нему, хватаясь за воздухъ руками.

Смѣясь и плача, обнялись братья, и Язонъ первый прервалъ отрадное для обоихъ молчанье.

— Михаилъ, я къ тебѣ съ порученьемъ. Она, то-есть онъ, старикъ Адамъ, зоветъ тебя къ себѣ: — „Михаилъ, дитя мое! умоляетъ онъ передъ смертью: приди, не дай мнѣ умереть, не взглянувъ на тебя!“—Бѣдный старикъ! Онъ шелъ къ тебѣ, но занемогъ въ дорогѣ и теперь лежитъ въ Хусавикѣ, ожидая тебя...

— О, отецъ, отецъ! Господь сохрани его!..—и Михаилъ заплакалъ.—А я-то? Я слабъ, я слѣпъ... меня не выпустятъ отсюда... Бѣдный, бѣдный отецъ!

— Будь покоенъ: я все устроилъ!..—успокаивалъ его Язонъ.

— Но какъ же пасторъ? Что съ нимъ будетъ?

— О, онъ добрый человѣкъ: онъ на все согласенъ.

— Неужели?!—и горячая радость звучала въ возгласѣ Михаила.—Пойдемъ же, скажемъ ему спасибо!

— Нѣтъ, нѣтъ: не надо! Да его и нѣтъ теперь дома... Лучше послушай, я дамъ тебѣ совѣтъ...

— Хоть десять!—пошутилъ счастливецъ.

— Возьми съ собой ту женщину, которая вамъ служить. Она—человѣкъ надежный, и осторожно проведетъ тебя къ лодкѣ.

— Да, она добрая женщина, и голосъ у нея такой нѣжный и мягкій, и поступъ легкая, живая, и такъ похожа... Мнѣ иногда начинается казаться, что подлѣ меня...

— Что жъ тутъ такого? Можетъ быть, твоя мечта и ближе, чѣмъ ты предполагаешь?

— Нѣтъ, нѣтъ! Это немислимо!.. Но гдѣ она теперь, что съ нею?

— Имѣй терпѣнье, и ты скоро... скоро все узнаешь! Тебя къ ней отведутъ... если ты пожелаешь.

— Какъ это: отведутъ? А ты...

— Я здѣсь останусь, за тебя.

— Заложникомъ передъ лицомъ закона? Язонтъ! Чтѣ ты? Опомнись!

— Да, это рѣшено!

— Постой: вѣдь ты еще не знаешь, что можетъ случиться! Я могу опоздать вернуться, а датскіе солдаты могутъ явиться сюда каждый часъ, каждую минуту! Допустимъ, что меня нѣтъ, а они пришли... разстрѣлять меня...

— Я буду здѣсь,—спокойно произнесъ Язонтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я остаюсь!.. Неужели для меня мыслимо будетъ счастье, если я буду знать, что мой братъ, мой вѣрнѣйшій другъ на свѣтѣ, купилъ его своею кровью? Нѣтъ, проживи я еще хоть сто вѣковъ, не будетъ мнѣ безъ него счастья!

Язона ошеломила эта мысль, но онъ нѣсколько ободрился, когда припомнилъ, что братъ не увидитъ на лицѣ его испуга.

— Но ты успѣешь вернуться, непременно успѣешь!.. И, наконецъ, я вѣдь буду здѣсь, я скажу, что ты вернешься...

— А если меня затретъ льдами, какъ это часто бываетъ въ это время года?

— Тѣ же льды могутъ затереть и датскій отрядъ,—возразилъ Язонтъ.—Говорю тебѣ: я остаюсь, иначе ты не можешь выбраться отсюда; таковы ужъ условія отца Зигфуса.

— Хорошо, я согласенъ!—проговорилъ Михаилъ и, пожавъ руку брату, крѣпко его обнялъ.

XXXV.

Только въ полночь заснулъ Язонъ въ ногахъ у кровати брата, и въ четвертомъ часу уже былъ на ногахъ.

Тихая ночь обливала луннымъ сіяньемъ небольшой островокъ, погруженный въ глубокій сонъ подъ зимнимъ пушистымъ покровомъ. Было еще слишкомъ рано, и Язонъ не будилъ никого, прислушиваясь къ ровному дыханію брата. Но, вотъ, небо заволокло, пошелъ снѣгъ... Стемнѣло.

„Пора!“ подумалъ Язонъ и разбудилъ брата и Грибу.

Молодая женщина и плакала, и ликовала при мысли, что скоро ея невинный обманъ, вся ея любовь и преданность стануть извѣстны мужу.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не можетъ оттолкнуть меня,—не правда ли, Язонъ?—Не можетъ онъ не оцѣнить моей горячей любви, моихъ безмолвныхъ страданій?!

Язонъ утѣшалъ, успокаивалъ ее, какъ умѣлъ; но въ то же время не могъ удержаться отъ неотступной мысли:

„Боже мой, Боже мой! Ни разу, ни словомъ не вспомнила она обо мнѣ!..“ и сердце его разрывалось на части.

— Только подумай, родной, какъ неисповѣдимы пути Господни!—говорилъ растроганный Михайлъ, обнимая брата.—Ты, котораго я считалъ своимъ злѣйшимъ врагомъ,—ты, который преслѣдовалъ меня, чтобы убить,—ты готовъ жизнь свою положить за меня!

— Да, да: жизнь—та же лотерея; не такъ ли?—смѣялся Язонъ.

— Передъ Богомъ, какъ пусты, какъ мелочны наши страсти!—задумчиво продолжалъ Михайлъ.—Но Онъ все знаетъ и все приводитъ къ благодатному, Ему одному извѣстному концу!

— Какъ темно!—перебилъ его Язонъ и, взявъ руку Грибы, вложилъ ее въ руку Михаила. Возьми за руку эту добрую женщину и положиись на нее: она будетъ тебѣ вѣрной опорой и другомъ—всегда и во всемъ!

— Развѣ она знаетъ, куда лежитъ мой путь?

— Да, она знаетъ и твою, и свою дорогу,—сказалъ Язонъ и голосъ его дрогнулъ.—Пора, ступайте! На берегу васъ встрѣтятъ два шотландца, которые васъ ожидаютъ... Пойдите, есть у васъ деньги?

— Да,—отвѣчала Гриба.

— Хорошо. Такъ заплатите имъ за провозъ. Прощайте!.. Да смотрите, прикажите имъ грести потише... Прощайте!

— Прощай!

— Прощай!—дрожащимъ голосомъ проговорилъ Михаилъ:— Ну, поцѣлуй меня!..—и братья поцѣловались.

Еще минута, другая... Гриба и Михаилъ, рука съ рукой, исчезли въ ночномъ туманѣ.

Добрый часъ простоялъ Язонъ у порога, прислушиваясь къ тихому всплеску веселья, не теряя ни на минуту изъ вида огонекъ датскаго судна, которое стояло въ противоположной сторонѣ на стражѣ; вокругъ него все было спокойно. Датчане мирно спали, стража не подавала признаковъ тревоги... Но вотъ пробѣжалъ свѣжій вѣтерокъ. Туманъ сталъ рѣдѣть.

„Свѣтаетъ!—подумалъ Язонъ.—Слава Богу,—они спасены!“

Съ облегченнымъ сердцемъ онъ вернулся въ домъ и принялся искать бумаги и пера; но это удалось ему лишь послѣ долгихъ поисковъ. Тогда неумѣлыми, грубыми взмахами, съ большимъ трудомъ, онъ принялся писать:

„Какіе бы слухи обо мнѣ ни дошли до васъ, не бойтесь за меня: мнѣ удалось бѣжать, и я теперь въ вѣрномъ мѣстѣ. Но увидѣться съ вами мнѣ невозможно: я могу попасться. Вы подъѣзжаете теперь къ своему прекрасному острову, но мнѣ мѣсто только здѣсь, въ моей милой Исландіи. Прощайте! Михаилъ, помни: Гриба всегда любила и никогда не переставала любить тебя! Прощайте, дорогіе: мнѣ хорошо, я совершенно счастливъ... Богъ благослови васъ обоихъ!..“

Покончивъ съ письмомъ, Язонъ запечаталъ его и вмѣсто адреса поставилъ простой крестъ; благоговѣнно приложился къ нему и тихо задумался.

„Они ужъ далеко,—разсуждалъ онъ самъ про себя.—Его вѣрно уговорили лечь уснуть... Онъ спитъ тихо, спокойно. Но, проснувшись, онъ узнаетъ, догадается, что его обманули; будетъ сердиться, требовать, чтобы его везли назадъ... но его не послушаютъ, Гриба уже предупредила... Она уговоритъ его, — онъ ей покорится. А тамъ, съ недѣлю спустя, высадившись въ Шотландіи, онъ, можетъ быть, ужъ узнаетъ, кто такая его добрая сидѣлка и... да, пожалуй, отъ радостнаго потрясенія вдругъ прозрѣетъ и... увидитъ ее! Онъ закричитъ, заплачетъ отъ восторга и прижметъ ее къ своей груди... Подуетъ попутный вѣтеръ и они оба понесутся домой,—къ зеленымъ берегамъ своей счастливой родины... О, какъ же тамъ свѣтло, тепло... отраднo!..“

Онъ мысленно залюбовался картиной, которую рисовало ему воображеніе, и вслухъ проговорилъ:

— Боже, благослови ихъ обоихъ!

Между тѣмъ совсѣмъ разсвѣло. Пора было будить старика Зигфуса и возвратить ему ключъ отъ комнаты Миханла. Чтобы набраться силъ для предстоящаго испытанія, Язонъ подошелъ къ столу и залпомъ выпилъ всю водку, которая оставалась въ бутылкѣ; затѣмъ бодро подошелъ къ дверямъ пастора.

— Гдѣ вы тамъ? Поднимайтесь!—прокричалъ онъ, постукавшись.

— Господи помилуй! Чтѣ тутъ за шумъ?—удивился заспанный старикъ.

— Это я, развѣ вы позабыли? Или думали, чего добраго, что я обману васъ, сбѣгу?—смѣялся Язонъ.—Нѣтъ, нѣтъ, шутки въ сторону,—я не таковъ!

— А онъ гдѣ? Уѣхалъ?

— Еще бы! Конечно, уѣхалъ, и не одинъ,—вмѣстѣ съ нею.

— Какъ это: съ нею?..

— А такъ: будто ужъ вамъ не вдомекъ было, что она...

— Ну, ну, чтѣ она? Говори же!

— Его жена,—вотъ чтѣ! — и Язонъ снова покатился со смѣху.

— Вотъ такъ штука!—развелъ руками старикъ.—А когда вернутся?

— Вернутся?! Ха-ха-ха!.. Никогда.

— Господи Боже! Да что жъ это такое?

— А то, что датскій военный отрядъ ужъ вышелъ изъ Рейкявика и сегодня прибудетъ сюда съ приказомъ.

— Сегодня?! Значить, ты... да, да: ты хочешь умереть... за него?

— А хоть бы и такъ? Вамъ чтѣ за дѣло! Еслибъ смерть за мной не пришла, я самъ бы пошелъ къ ней на встрѣчу!

— Упаси Боже! Я не хочу этого видѣть!

— Нѣтъ, извините: вы *захотите* и *увидите*!.. А затѣмъ, вотъ вамъ для нихъ письмо. Адресуйте его просто на судно „Тора“ въ Шотландію, на имя Грибы... Прощайте! Еще глотокъ вина,—вотъ такъ! Я лягу заснуть подольше, покрѣпче; какъ давно не спалъ!

— Богъ поддержи тебя!..

— Да, да: помолись Ему за меня, старикъ! Но Его міръ—не для такихъ язычниковъ и негодяевъ, каковъ я!.. Ну, что жъ, и пусть я негодяй; велика важность! Прощай, старикъ, и будь покоенъ; я сдержу свое слово!.. Прощай, прощай!

И грубый смѣхъ Язона еще громко раздавался въ опустѣломъ

домѣ, за дверью сосѣдней комнаты. Вдругъ онъ рѣзко оборвался... Сердце его разбилось...

На другой день, на разсвѣтѣ, послѣ обычной по закону отсрочки въ двадцать-четыре часа, датчане сошли на берегъ и выстроились въ линію на бѣломъ, чистомъ снѣгу.

Немногочисленное населеніе острова Гримсѣя еще мирно спало; никто изъ тѣхъ, кто зналъ изгнанника въ лицо, не пришелъ его спасти. Одинъ только Зигфусъ зналъ тайну Язона, но малодушіе, боязнь жестокой казни, разстрѣліянія... удержали его.

Твердымъ шагомъ, смѣлый лицомъ вышелъ изъ дому Язонъ; рядомъ съ нимъ шелъ пасторъ. Спокойно сталъ на указанное мѣсто заложникъ и скрестилъ руки за спиною.

Утро было ясное, холодное; но вдругъ солнце яркими лучами прорвало легкія утреннія облака и облило свѣтомъ высокоподнятую голову Язона.

Раздался дружный залпъ... и онъ упалъ, сраженный прямо въ сердце,—въ горячее, самоотверженное сердце, которое еще недавно было полно такого безграничнаго стремленія къ худу и... къ добру!

А. Б—г—.

НАЧАТКИ НОВАГО ДВИЖЕНІЯ

ЛИТЕРАТУРА ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Времена Петра Великаго остались въ исторіи какъ времена могущественнаго переворота. Такъ стали понимать ихъ съ той первой поры, когда сказалась еще юношеская, но уже самостоятельная дѣятельность Петра; такъ поняли эту дѣятельность и сами русскіе люди, которыхъ поражала противоположность новаго порядка со старымъ преданіемъ, и наблюдатели иноземные, которые или бывали очевидцами совершавшихся событій, или понимали ихъ значеніе по новому политическому значенію Россіи, обращавшему на себя всеобщее вниманіе. Что это былъ переворотъ, можно было видѣть уже изъ того, что въ русской внутренней жизни дѣятельность Петра разбила и общество и народъ на два противоположные и враждебные лагеря. Съ той поры и до самаго послѣдняго времени преобразованія Петра вызывали самые противоположные взгляды и чувства: съ одной стороны были практическіе приверженцы и послѣдователи поставленныхъ имъ задачъ и восторженные панегиристы въ литературѣ, съ другой — ожесточенные враги, и на дѣлѣ, гдѣ можно было чѣмъ-нибудь заявить свое противорѣчіе, и въ литературѣ. Что это былъ переворотъ, можно было судить и по внѣшнему политическому положенію Россіи: никогда прежде Россія не вмѣшивалась такъ часто и такою властною рукою въ европейскую политическую жизнь; пріобрѣтеніе прочнаго положенія на Балтійскомъ морѣ, стремле-

ніе занять такое же положеніе на Черномъ морѣ (впослѣдствіи исполненное), побѣда надъ Швеціей и ея знаменитымъ полководцемъ, ясно сказавшееся преобладаніе надъ Польшей, борьба съ Турціей—указывали впереди широкое развитіе политическаго вліянія Россіи, и съ тѣхъ поръ необходимо было считаться съ могущественной имперіей восточной Европы; уже вскорѣ было на Западѣ замѣчено и стремленіе усвоивать западно-европейскую образованность, о чемъ говорили и личныя сношенія Петра съ западно-европейскими учеными, и многочисленные вызовы иностранцевъ, которые, поселившись въ Россіи, между прочимъ свидѣтельствовали такъ или иначе о новой жизни русскаго государства и общества. „Преобразованіе“ Россіи,—хотя только начатое, но веденное со страшной энергіей и уже вскорѣ давшее видимые всѣмъ результаты (на первый разъ во вѣдѣнномъ политическомъ положеніи государства),—это преобразованіе принято было, какъ совершившійся несомнѣнный фактъ.

Внутри самой Россіи дѣятельность Петра, какъ мы сказали, произвела два совершенно противоположныхъ впечатлѣнія и создала два противоположныхъ теченія. Одни, непосредственные соудники, исполнители и ученики, сами увлеченные новымъ движеніемъ, наглядно видѣвшіе поразительный успѣхъ и вмѣстѣ чувствовавшіе низкій уровень старины и невыгоду прежняго застоя, становились восторженными приверженцами новаго порядка, который отождествлялся для нихъ съ его геніальнымъ начинателемъ; они стали въ литературѣ горячими панегиристами новаго порядка,—Петръ являлся создателемъ новой Россіи и, по старому преклоненію передъ личностью царя, прославленіе Петра нерѣдко превышало всякую мѣру. Другіе думали какъ разъ противное: они не хотѣли видѣть тѣхъ наглядныхъ пріобрѣтеній, какія дѣлала Россія въ своемъ государственномъ могуществѣ, и были всего больше и глубоко возмущены тѣмъ нарушеніемъ старины, цѣною котораго пріобрѣтались эти успѣхи. Новая Россія, „созданная“, „обновленная“, „преобразованная“ Петромъ, была для нихъ предметомъ ужаса; люди стараго вѣка, привыкшіе къ прежнему складу московской жизни, негодовали на неуваженіе къ старому обычаю, на прямое оскорбленіе его, и не видѣли добра въ новыхъ затѣяхъ; тѣмъ болѣе приходили въ негодованіе и ужась тѣ приверженцы старины, которые оплакивали „послѣднюю Русь“ еще во времена царя Алексѣя: для нихъ царствованіе Петра было пришествіемъ самого антихриста.

Это двоякое отношеніе ко временамъ и къ дѣятельности Петра можно, въ различной степени и съ разными оттѣнками, прослѣ-

дять въ нашей литературѣ съ тѣхъ поръ и донинѣ. Восхваленія современныхъ Петру панегиристовъ стали послѣ официальнымъ правительственнымъ взглядомъ. Преемники Петра въ первыя десятилѣтія были слишкомъ незначительны, чтобы съ достоинствомъ продолжать его дѣло, но они чувствовали, что ихъ, какое бы ни было, значеніе всецѣло основано на его подвигѣ; императрица Елизавета была дочь Петра Великаго; Екатерина II понимала все значеніе его преобразованій и сама въ полной мѣрѣ продолжала ихъ во внѣшней политикѣ и до извѣстной степени въ распространеніи просвѣщенія; въ литературѣ продолжались похвальные слова, оды и поэмы. Въ концѣ столѣтія предпринятъ былъ громадный трудъ Голикова, посвященный историческому прославленію Петра, и эта традиція перешла въ наше столѣтіе. Новѣйшіе историки—Устряловъ, Соловьевъ, даже Погодинъ—примѣняли уже болѣе или менѣе строгую критику при оцѣнѣ событій, но высоко цѣнили обширное историческое значеніе преобразованія, являвшагося переворотомъ въ національной жизни. Съ другой стороны, въ литературѣ печатной или письменной, явной или тайной, продолжалось и то воззрѣніе, которое при жизни Петра изображало его антихристомъ. Это были не только люди старой вѣры и послѣдователи протопопа Аввакума, но вообще приверженцы старины, оскорбленные въ своихъ глубочайшихъ убѣжденіяхъ: такъ какъ всѣ понятія стараго вѣка вращались въ области религіозной и такъ какъ московская старина представлялась въ этихъ понятіяхъ самымъ подлиннымъ хранителемъ истинной вѣры, то нарушитель ея могъ быть понятъ только въ образѣ антихриста.

Не всѣ доходили до этой крайности, но не только во времена Петра, а также и долго послѣ было много людей, которые осуждали новые порядки, а впослѣдствіи, неизбежно подчиняясь имъ въ практической жизни, чуждались сознательно и бессознательно новыхъ понятій и обычаевъ—между прочимъ потому, что преобразование, по условіямъ „службы“ и по ограниченнымъ размѣрамъ школы, захватило въ кругъ своего непосредственнаго вліянія только высшій классъ. Цѣлыя сословія, какъ духовенство (оставшееся при схоластической школѣ XVII-XVIII вѣка), купечество крупное и мелкое (долго державшееся только старинной грамоты), наконецъ, громадная народная масса были чужды основному содержанію преобразованія: оно касалось ихъ только новыми бытовыми формами, которыя были имъ созданы, и только скудными отголосками новой школы и литературы. Но и въ средѣ образованнаго круга рядомъ съ панегиристами реформы были

люди, осуждавшіе ее какъ слишкомъ крутой переворотъ, испортившій нравы добраго стараго времени: таковъ былъ князь М. М. Щербатовъ, а позднѣе, уже во времена Александра I, Карамзинъ, осуждавшій реформу болѣе опредѣленно и сурово, какъ противонаціональное дѣло. Еще позднѣе, къ полному принципиальному осужденію реформы приходили славянофилы: вся дѣятельность Петра являлась глубокой ошибкой, настоящимъ преступленіемъ противъ русской народности, въ которой реформа нарушила цѣльное истинно-народное развитіе, и которую она заразила „ложною“ цивилизаціею Запада. Позднѣе отголосокъ этихъ отрицаній Петровской реформы множество разъ повторялся въ различныхъ отпрыскахъ литературнаго направленія, которое—очень скромно—заявляло притязанія быть специально и исключительно патріотическимъ и „русскимъ“: самъ Петръ являлся не совсѣмъ русскимъ или даже вовсе не русскимъ, и гораздо лучше была та старина, которую онъ отвергалъ: къ Петру относятся или съ суровыми осужденіями, или съ пренебрежительнымъ сожалѣніемъ ¹⁾). Историки этого рода сознательно или безсознательно прикрашивали московскую старину, забывали условія, въ которыхъ дѣйствовалъ Петръ, и за мелкими, и превратно растолкованными, фактами не видѣли громаднаго общаго явленія; это между прочимъ повторилось и у Костомарова, который въ исторіи Петра за картинами его суровости и народныхъ тягостей не далъ должной оцѣнки ея историческому существу.

Въ самомъ дѣлѣ, рядъ непосредственныхъ фактовъ, взятыхъ даже изъ самыхъ несомнѣнныхъ источниковъ, но безъ вниманія къ условіямъ ихъ возникновенія и къ ихъ матеріальнымъ и нрав-

¹⁾ Примѣровъ очень много. Укажемъ первые встрѣтившіеся. Авторъ статьи раньше нами цитированной, о „Кіевскихъ ученыхъ въ Вѣлкороссіи“, Образцовъ, пишетъ, напр.: „Грустно, но совершенно справедливо, что до сихъ поръ мы не обращали еще серьезнаго вниманія на *свой чисто-русскій* элементъ; сначала руководили нами греки, за ними—латиняне черезъ Кіевъ, и потомъ нѣмцы черезъ Петербургъ, и выходилъ изъ всего этого великій сумбуръ... Не пора ли намъ остановиться на время и пересмотрѣть, что наложено у насъ въ челоукахъ?“ Патріархъ Іоакимъ былъ „ученый народный (1), понимающій, что нужно собственно для его страны“. Петръ Великій вводилъ у насъ нѣмецкое или точнѣе голландское образованіе, „вводилъ голландскую (?) образованность въ цѣлую массу русскаго народа, силится привить ее миліонамъ людей (?) и притомъ такихъ, которые не привыкли къ образованности чужой, несогласной съ ихъ чисто-національными понятіями, не выработанной изъ этихъ же самыхъ понятій“. Петровскіе бояре были люди не русскіе и т. п. Не чуждъ такимъ приѣмамъ и новѣйшій біографъ Дмитрія Ростовскаго: окончательное развитіе западнаго вліянія въ старой Россіи „произошло въ московской нѣмецкой слободѣ, въ *грязную улицу* которой повернулъ великій Петръ“ (Св. Дмитрій Ростовскій. Сиб. 1891, стр. 50); но въ самой Москвѣ улицы были не менѣе грязны.

ственнымъ послѣдствіемъ, можетъ повести историка на совершенно ложную дорогу. Каждый крупный историческій фактъ имѣетъ свое предъидущее и свои результаты и можетъ быть правильно оцѣненъ только въ этой органической связи. Новѣйшее изслѣдованіе уже не обманывается безусловными панегириками прошлаго вѣка, и точно также не должно обманываться ожесточенными нападеніями современныхъ враговъ Петра и новѣйшими обличеніями реформъ съ „чисто русской“ точки зрѣнія. Новѣйшее изслѣдованіе совершенно правильно понимаетъ Петра, какъ созданіе всей предъидущей исторіи русскаго государства, общества и народа. Его личная геніальность есть исключительное явленіе, недоступное историческому вычисленію; но исторія множество разъ объясняла, что появленіе геніальныхъ дѣятелей какъ будто не случайно совпадаетъ съ извѣстными эпохами, когда такой дѣятель совмѣщаетъ въ себѣ все предъидущее содержаніе развитія и открываетъ ему новые пути: это самое было бы совершено и безъ участія геніальной личности, но лишь обычнымъ путемъ медленнаго труда, и внимательство геніальнаго дѣятеля, — который именно является сосредоточеннымъ выраженіемъ эпохи, — только ускоряетъ этотъ процессъ, даетъ ему яркую рельефность, становится для послѣдующаго времени энергическимъ руководителемъ. Ближайшіе современники и односторонніе историки — того или другого направленія, все равно — слишкомъ легко поддаются впечатлѣнію необычайнаго явленія и приписываютъ вліянію единичнаго лица больше, чѣмъ допускала бы вся сложность историческихъ данныхъ. Процессъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго явился Петръ Великій, былъ, какъ можно видѣть уже изъ того, что было приведено нами ранѣе, былъ давнимъ явленіемъ русской жизни: это было стремленіе выбиться изъ заколдованнаго круга стараго содержанія національной жизни. Это содержаніе сложилось среди самаго глухого періода народной судьбы въ тяжелой борьбѣ за національное существованіе противъ наплыва азіатскаго варварства, и въ тѣхъ условіяхъ это содержаніе сослужило свою службу: оно поддержало русскій народъ религіознымъ энтузіазмомъ, сообщило ему чувство превосходства надъ этимъ азіатскимъ варварствомъ, укрѣпило національную силу, наконецъ содѣйствовало и самому политическому объединенію и освобожденію. Но это содержаніе было крайне одностороннее: національная мысль была ограничена очень тѣснымъ горизонтомъ; народное міровоззрѣніе было поглощено средневѣковымъ кругомъ понятій; полное отсутствіе какой-либо школы, крайняя бѣдность образованія грозили тѣми печальными слѣдствіями, какія влечетъ за собою умственный застой, —

когда однако въ народѣ жили и сказывались энергія и дарованія, способныя къ широкому развитію. Въ концѣ концовъ это противорѣчіе не могло не сказаться. И дѣйствительно, съ той самой поры, когда достигнуто было первое освобожденіе отъ азіатскаго ига, въ Москвѣ обнаруживается стремленіе познакомиться съ тѣмъ знаніемъ, которымъ въ то время западная Европа далеко ее превосходила и которое оказывалось необходимымъ. Правда, это знакомство совершалось на первый разъ очень издали, служило только для потребностей государства или даже только для личныхъ надобностей царя (какъ иноземные доктора и т. п.); правда, что для ближайшаго знакомства съ Западомъ съ самаго начала и до конца XVII вѣка (даже и послѣ) вставало едва одолжимое препятствіе въ издавна вкорененномъ церковномъ представленіи о поганствѣ всѣхъ иновѣрцевъ, не исключая и христіанъ другихъ исповѣданій, но въ концѣ концовъ явная необходимость, неизбежное признаніе собственнаго невѣжества, котораго нельзя было скрыть, вынудили дать иноземцамъ доступъ въ московское царство, и они стали все болѣе и болѣе необходимы и многочисленны. Невѣжество не ограничивалось только областью промысла, ремесла, войны, научнаго знанія (напр., „дохтурская наука“), но оказалось, наконецъ, и въ той области, которая одна въ московской Россіи пользовалась почетомъ и въ которой московскіе люди считали однихъ себя владѣющими истиной—въ области „книжнаго почитанія“. Книги священнаго писанія и книги богослужебныя были, наконецъ, перепорчены вѣками невѣжества: для ихъ исправленія начались усиленные хлопоты—и опытъ нельзя было обойтись безъ чужой помощи. Какъ для разныхъ реальныхъ знаній потребовались западные люди, и неизбежно пришлось пустить въ Москву „латину“, „кальвиновъ“ и „люторовъ“, такъ для исправленія книгъ призывались въ Москву греки, „литовскіе люди“ и „черкасы“ (западные и южные русскіе до присоединенія Малороссіи и Кіева). Мы видѣли, до какихъ странныхъ, печальныхъ и жалкихъ вещей доходило дѣло: въ своемъ самоиѣніи московскіе люди считали Москву третьимъ Римомъ и однако не въ состояніи были устроить даже правильнаго текста своихъ книгъ; они стали сомнѣваться въ правильности греческаго и южно-русскаго православія, но не знали даже грамматики и должны были обращаться въ помощи тѣхъ же грековъ и кіевлянъ; исправленіе ошибокъ въ книгахъ произвело расколъ, потому что оно было принято за покушеніе на самую вѣру; въ понятіяхъ обѣихъ сторонъ самое христіанское ученіе упало до отождествленія съ буквою и обрядомъ... Въ концѣ XVII вѣка Москва была переполнена ино-

земцами: это были греки, „литовскіе люди“ и „черкасы“, какъ помощники въ исправленіи и печатаніи книгъ, какъ учителя въ устроенной, наконецъ, кое-какъ школѣ, какъ совѣтники патріарха, какъ учителя царскихъ дѣтей (Симеонъ Полоцкій); дагѣ, нѣмцы разныхъ земель и вѣръ, французы, итальянцы, англичане, голландцы и т. д. въ качествѣ военныхъ людей, купцовъ, промышленниковъ, ремесленниковъ, докторовъ и т. д.; наконецъ, было много поляковъ. Кіевская наука, въ сущности схоластическая и отсталая, становилась все-таки нѣкоторою ступенью къ новѣйшей западной наукѣ; потребность въ новыхъ культурныхъ знаніяхъ и общественныхъ обычаяхъ открыла широкій доступъ польскому вліянію, которое опять было ступенью къ вліяніямъ западно-европейскимъ. Патріархъ Іоакимъ заклиналъ не допускать иноземцевъ, которыхъ не любилъ столько же, какъ протопопъ Аввакумъ, но было уже поздно: иноземное знаніе, искусство, обычай получали уже непреодолимую прелесть для болѣе просвѣщенныхъ людей, и въ правленіе царевны Софьи иностранцы восхваляли князя В. В. Голицына, какъ человѣка широко образованнаго и по-европейски общительнаго; въ средѣ высокихъ и уважаемыхъ духовныхъ лицъ южнаго кіевского образованія было уже глубокое уваженіе къ западной учености (какъ у Димитрія Ростовскаго), и крѣпкое сознаніе пользы путешествій въ чужія страны; ученые люди привыкали уже пользоваться латынью, какъ языкомъ науки и дружеской ученой переписки,—напр., въ письмахъ Димитрія Ростовскаго (къ людямъ равнаго съ нимъ образованія) поражаютъ, рядомъ съ цитатами изъ священнаго писанія, цитаты изъ Виргилія, Ювенала, Марціала, Авзонія и пр., въ его библиотекѣ былъ уже Бэконъ Веруламскій. Наконецъ, въ русскую „письменность“ (потому что эти книги еще не доходили тогда до печати) изъ латинскаго, польскаго, наконецъ нѣмецкаго источника достигаютъ произведенія тогдашней европейской литературы, частію научнаго содержанія, частію всякаго рода повѣсти, героическія или правоучительныя, шуточные рассказы и т. п., и вѣроятно не безъ связи съ этими возбужденіями являются опыты русской повѣсти реально-бытового, слегка шутливаго характера (какъ исторія о Фролѣ Скобѣевѣ), которая своимъ тономъ впервые нарушаетъ церковно-чинный тонъ стариннаго книжничества. Заѣзжій славянинъ Крижаничъ напоминаетъ въ Москвѣ о славянскомъ вопросѣ—уже не съ церковной, а съ національной, племенной точки зрѣнія, указывая не только въ православныхъ сербахъ и болгарахъ, но и въ западно-славянскихъ католикахъ, братьевъ по происхожденію, во главѣ которыхъ, независимо отъ

исповѣданія, должна стать свободная и могущественная Россія; Крижаничъ со своей родины принесъ ненависть къ иноземцамъ и внушалъ ее въ Москвѣ,—но такъ какъ обойтись безъ нихъ можно было лишь при собственномъ просвѣщеніи, и онъ настаивалъ на необходимости ученія. Въ это же время русскій эмигрантъ, Котошихинъ, живя за границей, писалъ книгу о Россіи, и въ его изображеніи русская жизнь, при громадномъ объемѣ матеріальныхъ силъ, является передъ нами съ чертами внутренней порчи, приносимой застоємъ и невѣжествомъ; для позднѣйшаго наблюдателя въ этомъ изображеніи уже очевидна необходимость преобразованія.

Съ конца XV вѣка мы видимъ такимъ образомъ, что постоянно умножаются признаки того, что содержаніе русской жизни нуждается въ притоке образовательныхъ элементовъ, что соответственно этому постоянно возрастаетъ волна этихъ элементовъ, приносимыхъ всевозможными иноземцами Юга и Запада. Къ потребностямъ государства присоединяются, наконецъ, запросы собственной мысли, любознательности и критики. Петръ Великій былъ только завершеніемъ этихъ давнихъ стремленій; по существу, поставленныя имъ задачи и самые пути ихъ исполненія *не были новы*; новой была только та энергія, которую онъ вложилъ въ свое дѣло: въ то время, когда наиболѣе просвѣщенные люди еще недоумѣвали въ выборѣ средствъ помочь ясно сознаваемымъ потребностямъ жизни, когда они стояли въ нерѣшительности на перепутьѣ, не знали, какъ помирить старое съ необходимымъ новымъ, онъ разрубилъ мечомъ запутанный вопросъ, какъ Гордіевъ узелъ... Его рѣшеніе произвело страшный переполохъ, и, какъ мы говорили, историки до сихъ поръ не могутъ разобраться въ оцѣнкѣ фактовъ... Его винили въ жестокомъ деспотизмѣ, но этотъ деспотизмъ былъ унаслѣдованъ отъ предковъ и отъ всей прежней исторіи; его винили въ неуваженіи къ преданію, но въ представителяхъ этого преданія онъ находилъ только противодѣйствіе тѣмъ планамъ, какіе, по его глубокому убѣжденію (въ большой мѣрѣ оправданному послѣдствіями), были необходимы для самаго политическаго бытія Россіи; его винили въ необузданности его нравовъ, въ грубыхъ насмѣшкахъ, напримѣръ, надъ патріаршествомъ, но эта необузданность только выдала наружу результатъ предъидущей грубости нравовъ, и онъ насмѣхался надъ старыми формами быта потому, что въ нихъ не было живого содержанія, что онѣ переставали служить истинному интересу народа... Весь смыслъ дѣла, рѣшеннаго Петромъ Великимъ, состоялъ въ томъ, что русская жизнь въ послѣднее время передъ нимъ стремилась выйти

изъ своего прежняго тѣснаго круга на широкое поприще общечеловѣческаго просвѣщенія, высвободиться изъ исключительныхъ понятій средневѣковаго міровоззрѣнія, выйти на просторъ научнаго знанія: споръ двухъ направленій шелъ давно, въ неясныхъ стремленіяхъ къ чему-то новому и въ упорной защитѣ неподвижнаго преданія, и Петръ рѣшилъ этотъ споръ авторитетомъ гениальной личности, необычайной энергіи, безустаннаго личнаго труда, страшной борьбы. Съ нимъ кончаются наши *средніе вѣка*.

Это окончаніе среднихъ вѣковъ было нѣсколько запоздалое, и вмѣстѣ весьма несходное съ окончаніемъ среднихъ вѣковъ на Западѣ. Въ самомъ широкомъ смыслѣ, конецъ нашего семнадцатаго вѣка и начало восемнадцатаго могли бы отвѣчать концу XIV и началу XV вѣка въ западной Европѣ—эпохѣ Возрожденія, означавшей первую борьбу противъ средневѣковаго мрака и первое возникновеніе свободной науки: характерно было при этомъ то, что въ этой борьбѣ европейская мысль обратилась именно къ старому содержанію античной литературы, философіи и поэзіи. Была однако великая разница въ этомъ русскомъ Возрожденіи противъ западнаго. Средніе вѣка на Западѣ видѣли богатое развитіе національныхъ литературъ, гдѣ содержаніе средневѣковой жизни нашло себѣ выраженіе въ оригинальной поэзіи съ національными мотивами и красками, гдѣ само религиозное чувство среднихъ вѣковъ было передано въ грандіозной поэтической легендѣ, а содержаніе теологическое было совмѣщено въ обширной схоластической литературѣ. Наша средневѣковая письменность до конца питалась только чужими источниками, стараясь повторять ихъ буквально, никогда не возвысившись до самостоятельнаго творчества ни въ богословскомъ ученіи, ни въ поэтической легендѣ; послѣдняя только въ немногихъ случаяхъ возвышалась до этой самостоятельности. На Западѣ, какъ и у насъ, при первомъ введеніи христіанства церковная власть строго преслѣдовала языческій обычай и народную поэзію, какъ языческую; но когда на Западѣ церковная литература шла на латинскомъ языкѣ, языки народные остались орудіемъ поэзіи, и самая латынь церкви была однако языкомъ античной римской литературы, и преданія этой послѣдней никогда окончательно не прерывались въ средневѣковой литературѣ Запаदा, и въ концѣ концовъ были всегда на лицо элементы позднѣйшаго Возрожденія. Интересъ Запада къ античному міру былъ таковъ, что въ эпоху упадка Византіи, уже съ конца XIV вѣка, классическое наслѣдіе Византіи перешло исключительно на Западъ. У насъ было нѣчто совсѣмъ иное. Первая письменность явилась на цер-

ковно-славянскомъ языкѣ уже готовая, изъ южно-славянскихъ книгъ. Раньше никакой письменности не было; новый письменный языкъ былъ языкомъ церкви, и внѣ церковнаго содержанія, но въ его тонѣ, въ книгѣ могли находить мѣсто только исторія и поученіе (не говоря о чисто дѣловой практической письменности). Полное отсутствіе школы сколько-нибудь шаровой, строгое запрещеніе народной пѣсни, объявленной „бѣсовскою“, сдѣлала то, что письменность осталась почти исключительно въ рукахъ церковныхъ людей, и только къ концу нашихъ среднихъ вѣковъ являются попытки записать чисто народную пѣсню: любопытно, что одна изъ самыхъ старыхъ подобныхъ записей сдѣлана была иностранцемъ, англійскимъ бакалавромъ Ричардомъ Джемсомъ, въ началѣ XVII вѣка. Кромѣ этого сохранилось еще только нѣсколько старыхъ записей былинь и „повѣсть о Горѣ-Злочастіи“. Потребность въ какомъ-либо поэтическомъ содержаніи находила свое удовлетвореніе въ заимствованной повѣсти и церковной легендѣ: первая была переводная, вторая подражательная. Такимъ образомъ новая литература, которой предстояло возникнуть послѣ нашего возрожденія, не могла опереться ни на какое установившееся поэтическое преданіе и въ послѣдствіи тѣмъ болѣе открыта была вліяніямъ западно-европейской литературы. Съ другой стороны была разница и въ томъ, что западные средніе вѣка при всемъ господствѣ клерикальнаго міровоззрѣнія представляли всегда оживленную работу мысли, въ результатъ которой обращеніе къ античному міру въ эпоху Возрожденія могло быстро подняться во всеоружіи классической учености, и наука уже вскорѣ могла создать великія открытія XV и XVI вѣка. У насъ наука совсѣмъ отсутствовала, и даже въ то время, когда на Западѣ къ концу XVII столѣтія процвѣтала богатая новая литература и наука гордилась уже великими именами въ разныхъ отрасляхъ знанія, къ намъ достигали только скудные и притомъ уже устарѣвшіе отрывки этой науки, а западная поэтическая литература, въ которой былъ уже Шекспиръ, была совершенно неизвѣстна. Такимъ образомъ и съ этой стороны, когда, со временъ Петра, стали проникать къ намъ произведенія европейской науки, онѣ являлись съ neodолимымъ авторитетомъ: старая письменность не представляла ничего подобнаго, и еслибы новая наука въ томъ или другомъ противорѣчила старому воззрѣнію, ей могъ бы быть противопоставленъ со стороны этого воззрѣнія только обскурантизмъ,—такъ это послѣ и дѣлалось.

Знаніе, которое Петръ стремился ввести въ русскую жизнь,

было, во-первыхъ, то самое, недостатокъ котораго стали чувствовать со временъ Ивана III; это было реальное научное знаніе, какое давно было приобрѣтено въ Европѣ, и недостатокъ котораго у насъ старались восполнить не основаніемъ школы, не развитіемъ собственнаго образованія, а брали съ Запада чисто внѣшнимъ образомъ, такъ сказать, натурой, призывая иноземцевъ и сами оставаясь невѣждами. Извѣстныя образовательныя понятія, какъ, напримѣръ, нѣкоторый интересъ къ наукѣ, стремленіе къ новымъ обычаямъ общественной жизни, начатки вѣротерпимости и т. д., были опять въ той или другой степени знакомы раньше, и наканунѣ реформы почерпались, напримѣръ, изъ польскихъ образцовъ. Всѣ эти элементы образованія заимствовались теперь изъ европейскихъ источниковъ; и эта наука, реальныя знанія, общественныя нравы, были уже созданіемъ новой Европы, давно отвергнувшей средніе вѣка, даже пренебрегавшей ихъ преданіемъ, считая средніе вѣка эпохой варварства. Въ этой Европѣ давно отжила свое время старая церковная схоластика; наука вышла изъ монастырей, стала достояніемъ цѣлаго общества; характеръ ея былъ гораздо болѣе свѣтскій, и въ высшихъ областяхъ знанія даже исключительно свѣтскій, наконецъ нерѣдко прямо враждебный клерикальному міровоззрѣнію и клерикальнымъ притязаніямъ въ самой жизни. И вслѣдствіе вліянія этихъ европейскихъ началъ, съ которыми Петръ многообразнымъ образомъ встрѣчался и дома въ своихъ сношеніяхъ съ иноземцами, и въ своихъ путешествіяхъ въ Европѣ, и вслѣдствіе чисто домашнихъ опытовъ и условій своей дѣятельности, образовательныя стремленія Петра получили тотъ же исключительно свѣтскій характеръ: образованіе и литература, возникшія послѣ реформы, носили съ тѣхъ поръ именно этотъ *свѣтскій* характеръ, въ противоположность церковному характеру старой русской письменности.

Историки, осуждающіе Петра съ упомянутой „чисто русской“ точки зрѣнія, ставятъ ему въ вину это устраненіе старины; славянофильство прямо обвиняло его въ измѣнѣ народности. Не вдаваясь въ опроверженія, довольно сказать, что если русская жизнь не должна была быть вообще осуждена на невѣжество, то другой науки въ то время не было, и не было другого источника, откуда могло бы быть взято научное знаніе, кромѣ источника европейскаго. Ядовитыя замѣчанія, что Петръ вводилъ „голландскую“ образованность, что онъ направлялся въ „грязную улицу“ нѣмецкой слободы и т. п., не попадаютъ въ цѣль потому уже, что совершенно невѣрно передаютъ фактъ. Петръ обращался къ Голландіи потому, что по его мнѣнію тамъ всего лучше можно

было научиться любимому имъ кораблестроенію; но своихъ знаній онъ набирался отовсюду, гдѣ надѣялся найти ихъ: онъ вступалъ въ сношенія и съ французской академіей, и съ нѣмецкими учеными, какъ знаменитый Лейбницъ; своихъ молодыхъ питомцевъ онъ посылалъ учиться и въ Германію, и въ Англію, и въ Венецію, даже въ Испанію; онъ надѣялся найти нужныхъ ему „шрейберовъ“ въ Богеміи; въ своемъ законодательствѣ онъ брался и за шведскіе образцы; въ своихъ политическихъ идеяхъ онъ думалъ, наконецъ, о славянствѣ. Очевидно, что онъ искалъ по всей западной Европѣ источниковъ того образованія, которое считалъ полезнымъ для Россіи: оно принадлежало и по его понятіямъ не какой-нибудь одной странѣ, а всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ, какихъ онъ видѣлъ, и только могъ видѣть, въ Европѣ. Не вполне правильнымъ кажется намъ и довольно распространенное представленіе о наклонности Петра къ протестантству, или о томъ, что у него былъ „утилитарный“ взглядъ на церковь. Дѣло только въ томъ, что у Петра, вслѣдствіе всего его воспитанія и опыта, не развилась та исключительная церковность, которая отличала старыхъ русскихъ людей: у него было личное благочестіе, но вовсе не было фанатизма; онъ не могъ считать лишними религіи тѣхъ иновѣрцевъ, которыхъ онъ видѣлъ такъ много; онъ оказывалъ терпимость даже къ расколу, который іерархія предавала проклятій, — онъ только бралъ съ раскольниковъ двойной окладъ...

Чѣмъ больше историческія изслѣдованія раскрываютъ личность и дѣятельность Петра, тѣмъ больше онъ является чисто русскимъ человѣкомъ. Это — не предатель русской народности, а именно великій ея представитель. Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ измѣниться самый взглядъ на историческое значеніе реформы: это — не произведеніе личнаго произвола деспота, хотя укрѣплявшаго государство, но попиравшаго нравственное достоинство народности; напротивъ, это — созданіе самой народности, искавшей себѣ выхода къ просвѣщенію и къ широкому поприщу исторіи. Какъ мы сказали, личная геніальность не подчиняется исчисленію — она только расширила государственные и образовательные взгляды Петра, увеличила энергію исполненія поставленныхъ задачъ, но не создала самыхъ цѣлей его стремленій: эти цѣли были уже раньше намѣчены исторіей. Дѣйствительно, если Петръ завершалъ предшествующія, еще неясныя и слабыя, стремленія къ западному просвѣщенію, и послѣдующія событія подтвердили жизненность внесенныхъ имъ началъ, государственныхъ и обра-

зовательныхъ, дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ, то подобное явленіе мы наблюдаемъ и на разсмотрѣніи литературы его времени.

Обыкновенное представленіе, что съ Петра начинается новый періодъ русской литературы, гдѣ она старательно или даже „рабски“ перенимала формы литературы западно-европейской, можно принять только съ значительной оговоркой. То воздѣйствіе западно-литературныхъ образцовъ, которое выразилось извѣстными вліяніями преимущественно французскаго псевдо-классицизма, въ дѣйствительности обнаружилось болѣе замѣтно уже только во второй половинѣ XVIII вѣка — новое доказательство того, что Петровская реформа дѣйствовала не какъ внезапный переворотъ, а какъ явленіе органическое: прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, прежде чѣмъ въ русскомъ обществѣ укрѣпились интересы, создавшіе эту литературу. Съ другой стороны литература первой четверти XVIII вѣка, при всей своеобразности многихъ ея явленій, самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ „письменности“ XVII столѣтія: является немало новыхъ понятій, стоявшихъ даже въ рѣзкомъ противорѣчій къ недавней старинѣ, но тѣмъ не менѣе эта новая литература составляетъ очевидное продолженіе прежней. Въ своихъ основныхъ явленіяхъ, составляющихъ черту времени, она вращается на тѣхъ же церковныхъ интересахъ: какъ во второй половинѣ XVII вѣка борьба новыхъ возникавшихъ стремленій и стараго преданія сводилась въ концѣ концовъ къ церковнымъ вопросамъ, даже къ прямой догматикѣ, такъ это было и теперь; вернулся даже старый споръ о пресуществленіи, повторилось и перенесеніе церковныхъ вопросовъ на политическую почву. Единственными литературными силами были все еще тѣ же кіевскіе ученые, а на противоположной сторонѣ книжники стараго вѣка; правда, эти кіевскіе ученые шли теперь уже дальше своихъ предшественниковъ — и по своей учености, и по важности выдвигаемыхъ вопросовъ, но и здѣсь была опять полная непрерывность: тотъ же былъ источникъ ученаго знанія, только онъ естественно расширялся и схоластика подходила, наконецъ, къ самой жизни. Наконецъ, — и это обстоятельство чрезвычайно существенно, — тѣ кіевскіе ученые, которые дѣйствовали въ эпоху реформы, и дѣйствовали въ союзѣ съ нею и ей на помощь, вовсе не были, однако, ея питомцами: это были или старые люди, какъ Стефанъ Яворскій, при реформѣ доживавшій свой вѣкъ, или люди болѣе молодого поколѣнія, какъ Теофанъ Прокоповичъ, которые воспитались внѣ реформы, но подъ тѣми

же вліянїями европейскаго просвѣщенїя, и ставшіе партизанами реформы именно потому, что своими основными чертами она вполне отвѣчала ихъ образу мыслей. Далѣе, какъ упомянутые кїевскіе ученые, дѣйствовавшіе болѣе или менѣе въ духѣ реформы, развились независимо отъ нея, такъ столь же независимо появился и такой оригинальный писатель, какъ Посошковъ, чисто московскій человѣкъ, не имѣвшій никакой правильной школы, многими своими сторонами принадлежавшій московской старинѣ, но зато другими тѣсно связанный съ реформой, съ ея государственными и образовательными стремленіями. Посошковъ былъ уже старый человѣкъ, когда шелъ разгаръ преобразованій, и его идеи, приобритенныя изъ отрывочныхъ знаній самоучки, какимъ онъ былъ, и изъ большого практическаго опыта, передуманнаго здравымъ умомъ,—эти идеи служатъ опять яркимъ доказательствомъ того, что еще раньше, чѣмъ сказались вліянїя самого Петра, зародыши преобразованія были въ умахъ лучшихъ людей, были въ духѣ времени. Дѣйствительно, Петръ находилъ уже готовыхъ послѣдователей и союзниковъ въ людяхъ, воспитавшихся внѣ его вліянїя, какъ кїевляне Яворскій и Теофанъ и москвичъ Посошковъ. Далѣе, оригинальную черту литературы временъ Петра составляетъ обиліе переводныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ науки и практическаго знанія—по математикѣ, навигаціи, географіи, исторіи, политикѣ и пр., но и здѣсь начало положено было раньше: въ концѣ XVII вѣка въ старой „письменности“ уже пробуждается интересъ любознательныхъ людей въ этомъ направленіи и появляются изрѣдка переводы подобныхъ книгъ; въ бібліотекахъ ученыхъ людей (какъ мы видѣли выше у Дмитрія Ростовскаго) бывали уже тѣ книги, которыя потомъ были переведены при Петрѣ,—и Петръ печаталъ эти переводы, тогда какъ раньше печатались только церковныя книги. Собственно поэтической литературы эпоха реформы не произвела, какъ не произвелъ ея и конецъ XVII вѣка: чтобы могли появиться тѣ произведенія, съ какими выступили потомъ Ломоносовъ и Сумароковъ, была еще нужна другая школа литературная и общественная, какой еще не было во времена Петра; нужно было развитіе литературныхъ вкусовъ, которые за это время еще не успѣли распространиться.

Такимъ образомъ литература временъ Петра представляетъ нѣчто въ родѣ литературнаго междоцарствїя: это было пестрое смѣшеніе стараго и новаго, какъ подобное смѣшеніе господствовало и въ самой жизни. Мы сказали, что со временъ Петра образованіе и литература приобрѣли по преимуществу свѣт-

скій характеръ, когда вновь заимствованная наука была свѣтская, когда стали заимствоваться литературныя формы новѣйшаго Запада, когда кромѣ духовенства, составлявшаго въ московской Россіи главную долю книжниковъ, начало усиленно возрастать число образованныхъ людей изъ различныхъ слоевъ свѣтскаго класса; но, какъ увидимъ, элементы этого свѣтскаго образованія шли не только изъ техническихъ школъ, основанныхъ Петромъ Великимъ, не только изъ школъ иностранныхъ, гдѣ обучалось тогда не мало русскихъ молодыхъ людей, но они шли также изъ среды самого образованнаго духовенства.

Когда Петръ былъ еще юношей и занятъ былъ своимъ элементарнымъ ученіемъ, своими военными „потѣхами“ и задумывалъ потѣхи морскія, шла та борьба „греческаго ученія“ и „латинской части“, жертвою которой сталъ несчастный Сильвестръ Медвѣдевъ, котораго замѣшали въ дѣло Шакловитаго. Когда онъ былъ „главоотсѣченъ“, врагамъ его казалось, что „латинская часть“ была совершенно истреблена, но они ошиблись: дѣло было не въ этомъ одномъ врагѣ, на котораго патріархъ Іоакимъ излилъ столько ожесточенныхъ проклятій. „Латинская часть“ представляла собой выраженіе тогдашней потребности образованія, и одна только давала тогда путь къ этому образованію. Этой потребности патріархъ истребить не могъ, и прошло очень немного времени, какъ она сказалась снова и представители кіевскаго образованія становятся во главѣ московской, а вскорѣ и петербургской іерархіи. Вмѣстительство Петра Великаго только помогло этому явленію, которое совершалось по самой логикѣ событий. Петръ давно уже предпочиталъ ученое кіевское духовенство неученому московскому. Преемникъ Іоакима, патріархъ Адріанъ, мало сочувствовалъ нововведеніямъ Петра и, миновавши его, Петръ обратился къ духовнымъ лицамъ кіевской школы. По смерти Адріана, Петръ отклонилъ избраніе новаго патріарха и „мѣстоблюстителемъ“ патріаршаго престола назначилъ кіевлянина Стефана Яворскаго; затѣмъ, правой рукой Петра въ дѣлахъ церковныхъ и въ дѣлахъ образованія сталъ другой кіевлянинъ—Ееофанъ Прокоповичъ.

И тотъ, и другой были совсѣмъ непохожи на старое московское духовенство по своей учености, отъ которой это духовенство бывало обыкновенно совершенно свободно; и если Стефанъ сохранялъ прежнія понятія о правахъ церковной власти, то Ееофанъ и въ этомъ отношеніи не сходилъ съ людьми стараго

вѣка. Во всякомъ случаѣ одно то, что Стефанъ Лворскій могъ стать мѣстооблюстителемъ и какъ бы представлялъ собою факцію патріарха, было вопіющимъ нарушеніемъ той старины, за которую еще такъ недавно ратовалъ Іоакимъ: едва прошло десять лѣтъ со смерти этого ревнителя, какъ во главѣ русской церкви сталъ чуть не еретикъ, „ляшенокъ“, бывавшій въ латинствѣ, несомнѣнно „обливанецъ“, и притомъ имѣвшій тѣ же взгляды на пресущественіе, изъ-за которыхъ недавно погибъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Не менѣе вопіющимъ дѣломъ было самое уничтоженіе патріаршества, того учрежденія, которымъ утверждалась самостоятельность русской церкви въ средѣ другихъ православныхъ церквей, которое отвѣчало политическому значенію государства, въ которомъ и для народной массы указывалось значеніе церковной власти. Для Петра, вслѣдствіе указанной причины, это учрежденіе было только помѣхой; если онъ позволялъ себѣ, хотя бы только въ своемъ ближайшемъ кругу, самыя необузданныя издѣательства надъ нимъ, это показывало уже, какъ мало онъ признавалъ за нимъ внутренняго значенія: и дѣйствительно, уничтоженіе патріаршества обошлось, хотя не безъ раздраженія со стороны его приверженцевъ, но безъ малѣйшаго протеста со стороны духовенства,—какъ будто не нашлось для этого ни характеровъ, ни сознательнаго пониманія своего достоинства.

Кромѣ специальныхъ условій задуманнаго Петромъ преобразованія, самая личная судьба Петра какъ бы указывала разложеніе стараго порядка. Его воспитаніе было заброшено: то обученіе, какое могли дать ему по старымъ обычаямъ, было весьма жалкое (онъ не научился, напр., даже тогдашнему правописанію); оно не въ состояніи было удовлетворить его горячей и безпокойной любознательности и онъ, почти еще мальчикъ, самъ долженъ былъ искать способовъ удовлетворить этой любознательности. По смерти Ѳедора Алексѣевича произошло столкновеніе въ семьѣ: одинъ изъ братьевъ покойнаго царя былъ мало способный, другой былъ въ малолѣтствѣ; царица-вдова, по позднѣйшему указанію приверженца Петра, князя Бориса Куракина, „была править не капабель (capable), ума малаго“; это положеніе вещей весьма естественно дало пищу властолюбію царевны Софіи. Это властолюбіе не было лишено внутренняго основанія: въ дѣйствительности она была въ ту минуту единственнымъ компетентнымъ лицомъ царской семьи, чтобы стать во главѣ правленія; это подтверждаетъ въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ тотъ же приверженецъ Петра. „Правленіе царевны Софіи Алексѣевны, — пишетъ князь Куракинъ, — началось со всякою прилежностію и правосудіемъ всѣмъ

и ко удовольствію народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было. И все государство пришло во время ея правленія, чрезъ семь лѣтъ, въ цвѣтъ великаго богатства. Также умножилась коммерція и всякія ремесла; и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку; также и политеся возставлена была въ великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру польскаго — и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и уборахъ, и въ столахъ. И торжествовала тогда довольность народная“. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что царевна Софья „была великаго ума и великой политикъ“, а любимецъ ея, князь В. В. Голицынъ, вошедшій въ милость „по ея особой инклинаціи и амуру“, „почалъ быть фаворитомъ и первымъ министромъ, былъ своею персоною изрядной и ума великаго и любимъ отъ всѣхъ“ ¹⁾. Старый „Домострой“ не помогъ согласію царской семьи; съ другой стороны обычай дѣлалъ положеніе царевны безвыходнымъ. Этотъ обычай осуждалъ ихъ на безбрачіе, на монастырскую жизнь въ царскихъ палатахъ; женщинѣ сильнаго ума и характера, какова была царевна Софья, оставалось устроить свою судьбу только нарушая обычай и вырываясь на свободу изъ дворцоваго монастыря ²⁾. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ царевна привыкла къ власти, хотѣла обезпечить ее за собой, и отсюда страшное столкновеніе, въ которомъ она погибла. Но это правленіе вводило уже въ значительной степени тѣ новые порядки, которые возмущали приверженцевъ старины: иноземцы не были гонимы, напротивъ, съ ними охотно сближались и привлекали ихъ на службу, и за то патріархъ Іоакимъ даже лишилъ причастія царевну Софью. Еслибы не пришелъ Петръ, русская жизнь во всякомъ случаѣ вступила бы на новую

¹⁾ Архивъ князя О. А. Куракина. Спб. 1890. I, стр. 48—53.

²⁾ Задолго до этихъ событій Котошихинъ писалъ: „Сестры жъ царскіе, или и дщери, царевны, имѣя свои особые жъ покои разные, и живуще яко пустынницы мало зряху людей, и ихъ люди; во всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удовольствие имѣя царственное, не имѣя бо себѣ удовольствия такого, какъ отъ Всемогущаго Бога дано челоуѣкомъ совокуплятися и плодъ творити. А государства своего за князей и за бояръ замужъ выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть холопы и въ челоубитѣхъ своемъ пишутся холопыми, и то поставлено въ вѣчной позоръ, ежели за раба выдать госпожу; а нинѣ государства за королевичей и за князей давати не повелось, для того что не одной вѣри и вѣри своей отиѣнити не учинять, ставять своей вѣрѣ въ поруганіе, да и для того, что нинѣ государства языка и политики не знаютъ, и отъ того бѣ имъ было въ стыдъ“ (гл. I, 25). По сообщенію того же Куракина, и другія дочери царя Алексѣя уже измѣнили этому обычаю: у нихъ были доморощенне „голанты“ — имъ пѣвчихъ („Архивъ“, I, стр. 55).

дорогу. Обыкновенно говорятъ, что правленіе царевны Софьи было наклонно къ католической реформѣ, а преобразованія Петра приняли направленіе протестантское. Патриархъ Іоакимъ изъ вражды къ Софьѣ сблизился съ дворомъ царицы Натальи Кирилловны и Петра—онъ не подозрѣвалъ, что въ царственномъ юношѣ крылось, съ его точки зрѣнія, еще горшее бѣдствіе для обороняемой имъ старины. „Іоакимъ,—говоритъ одинъ историкъ,—требуя гробового молчанія, испугался жизни, которая пробивалась черезъ религіозную сферу; но жизнь нашла другіе пути“. Выѣсто католиковъ Петръ обратился къ протестантамъ; когда онъ по собственному побужденію отправился за границу, „его повлекло въ протестантскія страны, въ Голландію и Англію. Не дали Медвѣдеву и его сторонѣ провести науку изъ Рима, Петръ привелъ ее въ Россію изъ протестантскихъ странъ... Побѣди сторона Софьи—учителей кораблестроенія вызвали бы изъ Венеціи, тогдашней союзницы Россіи. Петръ взялъ просвѣтительныя зерна изъ лучшей почвы, и за это ему честь и слава“¹⁾. Мы замѣчали уже, что на самомъ дѣлѣ, у Петра вовсе не было подобныхъ вѣроисповѣдныхъ соображеній: онъ просто искалъ реального знанія и, учившись самъ корабельному строенію въ Голландіи, посылалъ молодыхъ бояръ въ ученіе также и въ эту Венецію. Его сотрудники въ церковныхъ дѣлахъ были воспитанники католической школы, и не отъ него зависѣло, что одинъ изъ этихъ воспитанниковъ, Теофанъ, вынесъ изъ своей школы тотъ же образъ мыслей, какой былъ у самого Петра. Дѣйствительное положеніе вещей было проще. Ни мнимая католическая партія, ни мнимая протестантская, хотя и стремились къ нѣкоторому усвоенію европейской образованности, не имѣли обѣ достаточно яснаго представленія объ Европѣ. За сто лѣтъ передъ тѣмъ Иванъ Грозный чувствовалъ также нѣчто въ родѣ подобнаго стремленія; онъ понималъ, что была какая-то сила, представляемая европейскимъ просвѣщеніемъ; ему хотѣлось самого себя производить отъ западно-европейскаго корня; онъ собирался жениться на англійской королевѣ, но, по вѣрному замѣчанію одного историка, его представленіе объ Европѣ было совершенно „сумбурное“. И едва ли сомнительно, что такимъ же сумбурнымъ оставалось представленіе объ Европѣ и при московскомъ дворѣ XVII вѣка; косвеннымъ образомъ свидѣлствуютъ объ этомъ отчеты русскихъ людей, бывавшихъ тогда въ заграничныхъ посольствахъ: все имъ было

¹⁾ Бѣловъ, „Московскія смуты въ концѣ XVII вѣка“, въ журн. мин. просв. 1887, февраль, стр. 93—94.

въ диковину, и многихъ явленій европейской общественности и просвѣщенія они видимо совершенно не понимали. Царевна Софья и князь В. В. Голицынъ, безъ сомнѣнія, были уже гораздо образованнѣе старыхъ московскихъ бояръ, но яснаго понятія о западной жизни они также не имѣли: новый обычай, извѣстныя знанія они почерпали изъ ближайшаго источника, который былъ подъ рукою: это былъ источникъ кievско-польскій, на который указывалъ старый воспитатель дѣтей царя Алексѣя, Симеонъ Полоцкій. Теперь подлѣ Москвы было цѣлое поселеніе иноземцевъ: это могъ быть новый источникъ свѣденій объ европейскихъ нравахъ и просвѣщеніи, которымъ и воспользовался, между прочимъ, юный Петръ: тотъ же князь Куракинъ даетъ любопытное извѣстіе, что и въ этомъ случаѣ была инициатива людей старшаго поколѣнія, а именно князя Бориса Голицына, который былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ партизановъ Петра во время раздора съ царевной Софьей и потому „былъ въ кредитъ“ при царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и ея сынѣ. „Былъ человекъ ума великаго, — пишетъ князь Куракинъ, — а особливо остроты, но къ дѣламъ неприлежной, понеже любилъ забавы, а особливо склоненъ былъ къ питію. И оной есть первымъ, которой началъ съ офицерами и купцами иноземцами обходиться. И по той своей склонности къ иноземцамъ оныхъ привелъ въ откровенность ко двору и царское величество склонилъ къ нимъ въ милость“¹⁾). Такимъ образомъ первое сближеніе съ иноземцами привели опять люди старшаго поколѣнія. Петръ рѣшилъ наконецъ вопросъ, самъ отправившись за границу: „окно въ Европу“ вскорѣ было прорублено.

Петръ впервые узналъ Стефана Яворскаго довольно случайно. Въ февралѣ 1700 года умеръ въ Москвѣ знатный бояринъ Шенинъ. Распорядители похоронъ, зная, что Петръ любилъ въ такихъ случаяхъ проповѣдь, и затрудняясь найти проповѣдника въ московскомъ духовенствѣ, пригласили кievскаго игумена Яворскаго, который славился какъ искусный церковный ораторъ. Стефанъ Яворскій лишь незадолго передъ тѣмъ прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ другимъ игуменомъ, Корниловичемъ; кievскій митрополитъ прислалъ ихъ въ Москву какъ „добрыя церкви святѣй благоразуміемъ и благоугожденіемъ служащихъ“. Проповѣдь Стефана очень понравилась Петру, который послѣ этого поручилъ патріарху вы-

¹⁾ Архивъ князя О. А. Куракина, I, стр. 68. Тамъ же онъ замѣчаетъ, что тотъ же князь Голицынъ, во время пребыванія Петра въ Троицкой Лаврѣ, „привелъ въ милость“ генерала Гордона и полковника Лефорта и многихъ другихъ.

звать изъ Кіева еще шесть архимандритовъ или игуменовъ, „въ наукахъ благоискусныхъ, въ проповѣданію слова Божія способныхъ и архіерейскаго сана достойныхъ“, а Стефана онъ предложилъ патріарху тогда же посвятить въ архіереи—не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы. Вскорѣ оказалась свободной митрополичею кафедрѣ въ Рязани, и въ мартѣ рѣшено было поставить игумена Стефана рязанскимъ митрополитомъ. Въ октябрѣ того же года умеръ патріархъ Адріанъ, и тотъ же Стефанъ назначенъ былъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Выборъ сдѣланъ былъ самимъ Петромъ, который, одобряя „вѣло изрядныя предики господина Яворскаго“, очевидно, надѣялся найти въ его учености помощь для своихъ предпріятій и во всякомъ случаѣ былъ увѣренъ, что не встрѣтитъ съ его стороны тѣхъ затрудненій, какія дѣлало ему старое патріаршество.

Самое вступленіе Яворскаго на первое мѣсто въ русской іерархіи съ прежней точки зрѣнія могло показаться великимъ соблазномъ: его ученость была именно латинская, и прошедшее весьма сомнительно. Стефанъ (въ мірѣ Симеонъ) Яворскій былъ шляхтичъ изъ польскаго мѣстечка Яворова; еще въ малолѣтствѣ его семья переселилась въ Украину (близъ Нѣжина); онъ учился въ кievской коллегіи, а потомъ въ іезуитскихъ училищахъ во Львовѣ, Люблинѣ, Вильнѣ и Познани, гдѣ принялъ католичество (съ именемъ Станислава), потомъ, вернувшись въ Кіевъ, принялъ православное монашество съ именемъ Стефана, былъ учителемъ и префектомъ въ кievской коллегіи, наконецъ игуменомъ пустынно-никольскаго монастыря. Отсюда онъ былъ отправленъ въ Москву съ упомянутой рекомендаціей кievскаго митрополита. Такимъ образомъ Стефанъ былъ одно время ренегатомъ; кромѣ того былъ обливанецъ, т.-е. по старому московскому представленію просто некрещенный человѣкъ, какихъ въ Москвѣ бывало перекрещивали, пока восточные патріархи не вразумили, что обливанцевъ перекрещивать не слѣдуетъ. Стефанъ былъ весьма ученый человѣкъ въ томъ чисто схоластическомъ родѣ, какъ могла воспитать его сначала кievская коллегія, а потомъ въ особенности іезуитскія училища, гдѣ схоластика процвѣтала, конечно, еще сильнѣе. Отсюда былъ сполна заимствованъ и характеръ его проповѣдничества, которое такъ понравилось Петру, конечно, по его новостямъ и внѣшней эффектности. Впослѣдствіи, писатель, враждебный Стефану Яворскому, говорилъ: „Что до витійства касается, правда, что имѣлъ Стефанъ удивительный даръ и едва подобные ему въ учителяхъ російскихъ обрѣстись могли. Мнѣ довольно приходилось видѣть, что онъ своими поученіями могъ возбуждать

въ слушателяхъ смѣхъ или слезы, чему много способствовали движенія тѣла, рукъ, помаваніе очей и лица премѣненіе, что природа ему дала“.

Проповѣдь Стефана Яворскаго можетъ служить образцомъ схоластическаго стиля, доведеннаго до крайности. Это былъ тотъ же стиль, какому нѣкогда обучалъ Галятовскій въ „Ключѣ разумѣнія“, но еще усовершенствованный Яворскимъ въ іезуитской школѣ. Эта проповѣдь составлялась по всѣмъ правиламъ схоластической реторики, развивая тему внѣшнимъ образомъ, съ искусственной символикой и аллегоріей, съ игрою словъ, иногда даже оставляя совсѣмъ нетронутымъ само нравственное ученіе. Съ нынѣшней точки зрѣнія эти проповѣди нерѣдко могутъ поразить крайнимъ безвкусіемъ, даже прямой нелѣпостью своихъ схоластическихъ прикрасъ и словонизвитій, но въ свое время для слушателей, не избалованныхъ въ литературномъ отношеніи, онѣ могли казаться интересными и производить впечатлѣніе. Болѣе выгодно выдѣлялись въ этомъ отношеніи тѣ, которыя прямо относились къ современнымъ событіямъ. Въ первые годы своего мѣстоблюстительства Стефанъ былъ ревностнымъ панегиристомъ Петра—вѣроятно, искреннимъ, потому что могъ дѣйствительно понимать великое значеніе его политической и военной дѣятельности и его заботъ о просвѣщеніи, недостатокъ котораго въ Россіи Стефанъ могъ осуждать также, какъ и другіе кіевляне. Петръ съ своей стороны относился къ нему очень милостиво, дѣлалъ ему богатые подарки. Но съ теченіемъ времени отношенія начали измѣняться и, наконецъ, стали весьма враждебными. Дѣло въ томъ, что по всему складу своего образованія и своихъ представленій о церковномъ авторитетѣ, Стефанъ былъ именно приверженцемъ сильнаго церковнаго вліянія въ томъ родѣ, какое нѣкогда принадлежало патриаршеству; его мечтой было, повидимому, стать нѣкогда самому патриархомъ, конечно, не только по имени. Время, однако, шло, Петръ не дѣлалъ его патриархомъ, и, напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше выяснялись для Стефана правительственные взгляды Петра, въ которыхъ церковной власти отводилось только скромное второстепенное положеніе. Должно сказать, что Стефанъ пытался не однажды мирно уклониться отъ грозившей борьбы: съ самаго начала онъ не хотѣлъ принимать рязанской митрополіи; въ 1706 году онъ просилъ разрѣшенія поселиться въ Кіевѣ,—гдѣ онъ надѣялся отдохнуть отъ тревогъ московскаго „Вавилона“,—но Петръ потребовалъ его назадъ. Въ концѣ концовъ Яворскій сталъ все болѣе непріязненно относиться къ мѣрамъ Петра, стѣснявшимъ церковную власть, налагавшимъ небывалыя

прежде тягости на само духовное сословіе. Мы видѣли раньше, что подобныхъ мѣръ не одобрялъ и мирный Димитрій Ростовскій; Стефанъ не одобрялъ ихъ еще болѣе. Мало-по-малу оказалась для него общая почва съ тою старою русскою партіею, которая относилась враждебно къ подобнымъ мѣрамъ Петра съ самаго начала; сама эта партія забыла „латинство“ Стефана, хвалила его благочестіе и стала сочувствовать его консерватизму. Изъ прежняго панегириста Стефанъ становится обличителемъ; схоластическая реторика своими аллегоріями давала ему возможность дѣлать болѣе или менѣе прозрачныя намеки на неодобрительныя дѣянія Петра, а наконецъ онъ рѣшался и на такія указанія, гдѣ намекъ былъ уже совершенно ясенъ. Царь, трудящійся и полагающій душу за Россію, покровитель просвѣщенія, смѣняется въ проповѣдяхъ Яворскаго царемъ — похитителемъ церковныхъ правъ, другомъ лютеранъ, нарушителемъ брачнаго союза. На первое время эти обличенія оставались только на бумагѣ: Стефанъ пишетъ проповѣдь, но въ рукописи дѣлаетъ отмѣтку: „non dictum“ (не было сказано). Таково, напр., было обличеніе Петровскихъ ассамблей въ видѣ изображенія пиршества Валтасара, гдѣ царь и вельможи пили изъ церковныхъ сосудовъ ¹⁾. Но затѣмъ Стефанъ рѣшился говорить открыто. Такова была проповѣдь, сказанная въ мартѣ 1712 года въ Москвѣ. Сенаторы, слышавшіе проповѣдь, пришли въ негодованіе и послали проповѣдь Петру; Стефанъ испугался, послалъ оправдательное письмо, гдѣ объяснялъ доносъ завистью. Петръ понялъ всѣ намеки, отмѣтилъ на поляхъ: „о фискалѣхъ, объ Алексѣѣ“, а тамъ, гдѣ говорилось о мужѣ, бросающемъ жену и живущемъ развратно, написалъ: „первѣе одному, потомъ же со свидѣтели“, желая сказать, что по церковной заповѣди слѣдуетъ обличать грѣшника сначала наединѣ, а потомъ при свидѣтеляхъ, между тѣмъ какъ Стефанъ дѣлалъ прямо публичное обвиненіе. Петръ, однако, не хотѣлъ придать значенія этому дѣлу; но съ тѣхъ поръ Стефанъ остался

¹⁾ Это была проповѣдь, приготовленная на день Іоанна Златоуста, въ ноябрѣ 1708: „Ей, царю Валтасаръ,—писалъ Яворскій,—что творишь? Сосуди твои церковныя, а ты ихъ на пьянство употребляешь. Памятуй же, что тебѣ то не мнится: выпьешь изъ тѣхъ сосудовъ горькій пелень ярости Божіа. Глѣзается на то Богъ, егда кто добра церковныя, Ему данныя, похищаетъ, а еще на зло употребляетъ. Забылся а, что такъ дерзновенно глаголю истину, гдѣ истину не любятъ. Однакожъ, не слушаетъ того царь Валтасаръ: пьютъ нещадно сивать; кто не выпьетъ, штрафъ про здравіе изъ сосудовъ церковныхъ; всѣ доброй мысли, всѣ шумны (пьяны), всѣ веселы. А ту нечаянно явится рука нѣкая, пишущая приговоръ на смерть царевн. Отъ (вотъ) тебѣ церковное добро куда пошло!“

На проповѣди отмѣчено: non dictum.

„въ подозрѣніи“ и не пользовался уже царской милостью. Несмотря на этотъ урокъ, Стефанъ не успокоился. Онъ не рѣшался на открытый разрывъ, который былъ бы слишкомъ опасенъ, но, гдѣ было можно, онъ упорно боролся противъ духа времени косвенными путями. Этотъ духъ времени глубочайшимъ образомъ оскорблялъ его въ разныхъ отношеніяхъ: униженіе церковнаго авторитета обнаруживалось повсюду; надежда на возстановленіе патріаршества все болѣе исчезала; ненавистные ему иноземцы-протестанты пользовались почетомъ; казалось даже, что протестантство грозитъ самой русской церкви. Стефанъ не рѣшился выступить открыто съ своими обвиненіями, но воспользовался случаемъ поднять чужими руками дѣло, гдѣ онъ могъ благовидно высказать накопившееся раздраженіе и задѣть самого любимшаго иноземцевъ Петра. Это было рассказанное не однажды дѣло еретика Тверитинова (въ 1713—1714 годахъ). Это былъ давно жившій въ Москвѣ лекарь, водившійся съ иноземцами нѣмецкой слободы и набравшійся у нихъ протестантскаго религіознаго вольнодумства. Тверитиновъ былъ этимъ давно извѣстенъ, а если дѣло о немъ было поднято только теперь, то это уже указывало на затаенную цѣль: вольнодумство Тверитинова было именно близко къ тому, что терпѣлъ или даже одобрялъ самъ Петръ; еслибы еретики (ихъ было нѣсколько) были осуждены, осужденіе падало бы и на самого царя; еслибы онъ хотѣлъ смягчить ихъ участь, онъ долженъ былъ бы идти на соглашеніе съ церковной властью. Дѣло было начато издалека: въ славяно-латинскихъ школахъ оказался школьникъ, который научился „не знамо отъ кого“ еретичеству; объ этомъ донесено было Стефану, и дѣло началось. На пытѣхъ школьникъ оговорилъ лекаря Тверитинова, цирюльника Ѳому и нѣкоторыхъ другихъ вольнодумцевъ. Не ожидая себѣ добра отъ московскихъ судей, Тверитиновъ сбѣжалъ въ Петербургъ съ жалобой, что митрополитъ гонитъ его напрасно, по ложному извѣсту. Петръ велѣлъ разбирать дѣло въ синодѣ; Стефанъ доносилъ, что въ Москвѣ уже многіе прельщены „на богомерзкое раскольниковство“, но въ синодѣ Тверитиновъ заявлялъ свое православіе, былъ приобщенъ невскимъ архимандритомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ (вѣрнымъ церковнымъ слугою Петра), и царь, отсылая подсудимыхъ въ Москву, поручалъ самому Стефану объявить ихъ публичное оправданіе... Но у Стефана нашлась еще новая улика противъ еретиковъ: въ его руки попали бумаги Тверитинова, и Стефанъ разыскалъ въ нихъ еретическія мысли. Онъ воспользовался этимъ случаемъ и съ бывшими въ Москвѣ архіереями издалъ „увѣщаніе

къ православнымъ“, гдѣ вызывалъ показанія людей, знавшихъ о еретичествѣ Тверитинова, грозя укрывателямъ клятвою собственною и семи вселенскихъ соборовъ. Показанія нашлись, а къ тому же одинъ еретикъ самъ далъ оружіе противъ себя и своихъ товарищей. А именно, цирюльникъ Оома, котораго держали въ оковахъ въ Чудовомъ монастырѣ и насильно водили въ церковь, въ раздраженіи изрубилъ косаремъ образъ св. Алексѣя митрополита. „Погрѣсися весь градъ“, — писалъ потомъ Стефанъ Петру объ этомъ фактѣ иконоборства, подтвердившемъ его прежнія предостереженія. Вскорѣ соборъ московскихъ еретиковъ предалъ еретиковъ анаемѣ и передалъ лекаря Тверитинова и цирюльника Оому на казнь гражданской власти. Дѣло перешло въ петербургскій сенатъ, куда былъ вызванъ и Стефанъ, но здѣсь опять произошла подробность, для него непріятная: Тверитиновъ на сенаторскомъ судѣ показалъ, что самъ митрополитъ распространялъ книги съ лютеранскими догматами. Дѣйствительно, Стефанъ раздавалъ книгу „Богомыслие“, изданную въ Черниговѣ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ, посвященную Стефану и представлявшую переводъ книги лютеранскаго піетиста Гергарда: „*Meditationes saszae*“. Стефану пришлось оправдываться, весьма неловко, что онъ раздавалъ книгу, не читавши ее, и письменно виниться передъ Петромъ въ неопасствѣ и дерзновеніи. Чтобы покарать ересь, пожертвовали цирюльникомъ Оомой, который былъ сожженъ; но значеніе Стефана съ тѣхъ поръ совсѣмъ упало, и чтобы сдѣлать его совершенно безвреднымъ, Петръ въ 1718 году велѣлъ ему жить въ Петербургѣ.

Около того времени, когда шелъ этотъ судъ надъ еретиками, Стефанъ окончилъ свой громадный трудъ, представлявшій изложеніе православной догматики и направленный противъ протестантства. Это былъ знаменитый „Камень Вѣры“, о которомъ приверженцы его говорили, что онъ также нуженъ для пастыря церкви, какъ ружье для солдата. Этотъ огромный трудъ, мало, впрочемъ, самостоятельный, — потому что Яворскій обильно воспользовался католической полемикой противъ протестантства, — не былъ лишенъ и намековъ на современность и, представляя обширное собраніе богословской учености, которая должна была подтверждать заботы митрополита о древнемъ русскомъ благочестіи, былъ вмѣстѣ и довольно яснымъ протестомъ противъ реформъ. Стефанъ желалъ напечатать свое сочиненіе, и Петръ даже разрѣшилъ это, съ тѣмъ только, чтобы смягчена была рѣзкость полемическихъ выводовъ, но изданіе почему-то задержалось; впо-

слѣдствіи оно считалось неудобнымъ, такъ что книга вышла въ свѣтъ уже только по смерти Стефана ¹⁾).

Ожиданія его были разбиты и въ другомъ отношеніи. Сближаясь, изъ вражды къ Петру, со старою русскою партіей, Стефанъ принималъ сторону царевича Алексѣя, говорилъ о немъ въ своихъ проповѣдяхъ съ великимъ сочувствіемъ, какъ о „надеждѣ нашей“; но ему пришлось быть свидѣтелемъ гибели царевича. Онъ безуспѣшно старался оправдать царевича передъ Петромъ; когда царь спросилъ мнѣніе духовенства по его дѣлу, Стефанъ далъ отзывъ о помилованіи царевича, но ему пришлось самому отпѣвать его. Впослѣдствіи онъ такъ упалъ духомъ, что въ проповѣдяхъ говорилъ панегирики Екатеринѣ, о которой прежде думалъ и говорилъ совершенно иначе. Совершенно наперекоръ всѣмъ его понятіямъ принять былъ „Духовный регламентъ“ и учрежденъ святѣйшій синодъ, въ которомъ ему пришлось быть первенствующимъ членомъ.

„Постоянныя неудачи и огорченія,—говоритъ его біографъ, Ф. Терновскій,—раздражали митр. Стефана и сдѣлали его меланхоликомъ. Кажется, его имѣлъ въ виду Теофанъ Прокоповичъ, когда въ одной изъ своихъ проповѣдей обличалъ мизантроповъ, которые любятъ болѣе дождь, чѣмъ хорошую погоду, печальныя извѣстія предпочитаютъ радостнымъ и желали бы всѣхъ людей видѣть хромыми, слѣпыми, горбатыми и т. д. Эта карикатурная характеристика дѣйствительно нѣсколько напоминаетъ печальный образъ унылаго и желчнаго мѣстоблюстителя“.

„Стефанъ Яворскій,—говоритъ тотъ же біографъ,—оставилъ потомству свои проповѣди и „Камень Вѣры“, какъ памятникъ своихъ убѣжденій и своего ораторскаго таланта“. Какъ дѣятель общественный, онъ могъ бы оставить и другое историческое наслѣдіе, но—„не вдругъ можно отыскать такое наслѣдіе. Для русскаго церковнаго законодательства Яворскій прошелъ совершенно безслѣдно, если не считать нѣсколькихъ безплодныхъ и неудачныхъ протестовъ противъ церковныхъ преобразованій. Для распространенія христіанскаго просвѣщенія и духовной науки въ частности Яворскій также сдѣлалъ очень мало. Авторъ „Молотка на Камень вѣры“ не безъ основанія упрекаетъ Яворскаго за то, что онъ не обратилъ вниманія на волю государя, который просилъ его позаботиться о распространеніи христіанства между

¹⁾ „Камень Вѣры, православнымъ церкви святымъ синамъ, на утвержденіе и духовное созиданіе; претыкающимся же о камень, претягиванія и соблазна, на возстаніе и исправленіе“. М. 1728. Кіевское изданіе, 1780; при Анніи Ивановнѣ и Биронѣ книга была запрещена и разрѣшена вновь при Елизаветѣ и издана М. 1749.

инородцами и объ умноженіи духовныхъ школъ. Спасскія школы въ Москвѣ при Яворскомъ находились въ жалкомъ положеніи, но, быть можетъ, мѣстооблуститель не заботился объ ихъ матеріальномъ благосостояніи собственно потому, что это было дѣло монастырскаго приказа, — учрежденія, Стефану антипатичнаго. Дѣятельность Яворскаго въ борьбѣ съ раскольниками также не заслуживаетъ памяти въ потомствѣ; изъ его литературныхъ трудовъ въ этой области, „Знаменія пришествія антихристова“ по своему значенію равны нулю, а „Соборное дѣяніе на Мартина Армянина“ представляетъ величину отрицательную¹⁾. Какъ епархіальный начальникъ, Яворскій также не оставилъ доброй памяти; онъ не былъ другомъ блага духовенства“.

Ученость Стефана Яворскаго была чисто схоластическая. Онъ былъ отличный латинистъ, въ кievской академіи былъ не только магистромъ философіи и совершеннымъ богословомъ (*artium liberalium et philosophiae magister, consummatus theologus*), но за свое искусное стихотворство, конечно латинское, получилъ и титулъ „поэта лавреата“. Дѣйствительно, онъ хорошо зналъ классиковъ, но повидимому гораздо больше влекло его въ средневѣковую и новѣйшую іезуитскую схоластику, изъ которой онъ заимствовалъ манеру своей проповѣди съ ея риторическими эффектами, историческими примѣрами и анекдотами, и фантастическими ссылками на естественную исторію. Вотъ, напр., образчикъ его понатій астрономическихъ: „Седьмъ тысящъ уже лѣтъ 228 исчисляемъ отъ созданія міра, а чрезъ все тое время вси небесны: солнце, луна, звѣзды въ непрестанной пребываютъ службѣ, въ неусыпной стражбѣ, въ незапятномъ теченіи, въ неудержимомъ движеніи, служатъ, работаютъ, не себѣ на пользу, но челоувѣкомъ, вселенную просвѣщаютъ, согрѣваютъ, землю плодоносную тво-

¹⁾ „Знаменія пришествія антихристова“ написаны были по тому поводу, что въ 1700 году книгописецъ Григорій Талицкій, изъ людей стараго вѣка и слѣдовательно противникъ реформы, утверждалъ, что пришли послѣднія времена и въ своихъ „тетрадахъ“, распространенныхъ въ народѣ, объяснялъ, что народился антихристъ въ лицѣ Петра. Талицкій былъ сожженъ медленнымъ огнемъ, а Стефанъ въ обличеніе подобныхъ толковъ написалъ эту книжку, изданную въ 1703. Книжка заимствована изъ сочиненія испанскаго богослова Мальвенды объ антихристѣ и была не весьма удачна. Что касается до „Соборнаго дѣянія на Мартина Армянина“, это была грубая поддѣлка, долженствовавшая представлять памятникъ XII вѣка и направленная противъ раскола. См. о ней въ „Разсужденіи о ересьяхъ и расколахъ“ Руднева, М. 1838, стр. 60—67, и примѣчанія, стр. 20—21. Карамзинъ (т. II, прим. 415) подвергалъ уже сомнѣнію это мнимое „Соборное дѣяніе“. При Петрѣ оно было не однажды издано, но позднѣйшіе историки церкви и обличители раскола предпочитали о немъ умалчивать.

рять и въ самыхъ внутренностяхъ земныхъ злато, серебро, каменіе многоцѣнное и руды различныя дѣйствіемъ своимъ и инфлюенціями содѣлываютъ. Одному только нѣкоему астроному Копернику приснилось, будто солнце, луна (?), звѣзды стоятъ, а земля оборочается противъ священнымъ писаніямъ. Смиются съ него богослови“.

Такимъ образомъ въ общемъ счетѣ дѣятельность Стефана Яворскаго представляетъ двойственность, въ историко-литературномъ отношеніи очень оригинальную и любопытную. По источникамъ своего образованія онъ принадлежалъ цѣликомъ къ той „латинской части“, которая подверглась столь непримиримому гоненію при патріархѣ Іоакимѣ: еслибы ему случилось высказаться раньше и еслибы розыски патріарха достаточно проникали въ Кіевъ, онъ, безъ сомнѣнія, подвергся бы такой же анаѣмѣ, какъ Сильвестръ Медвѣдевъ и его защитникъ, Иннокентій Монастырскій; въ послѣдствіи іерусалимскій патріархъ Досіеѣй укорялъ за латинское мнѣніе о пресуществленіи. Но едва проходитъ десять лѣтъ, и этотъ самый Яворскій, становится во главѣ русской церкви: Петръ даетъ ему это положеніе, надѣясь найти въ немъ союзника въ своихъ преобразованіяхъ, и Стефанъ дѣйствительно оказываетъ ему различныя услуги, въ проповѣдяхъ восхваляетъ реформы и личные труды Петра, объясняетъ ихъ великое значеніе для политической жизни русскаго народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ титуломъ мѣстоблюстителя помогаетъ народу забыть о патріархѣ. Между тѣмъ, чѣмъ дальше шли реформы, тѣмъ больше Стефанъ чувствуетъ ихъ противорѣчіе со всѣми привычными и дорогими ему понятіями о церковномъ авторитетѣ; на этомъ послѣднемъ онъ вполне сходится со старою русскою партіей, — въ концѣ концовъ она видитъ въ немъ своего человѣка, а онъ вмѣстѣ съ нею возлагаетъ надежды на царевича Алексѣя, т. е. на ожидаемое разрушеніе реформы. Послѣ всѣхъ вѣковыхъ пререканій старая Москва и старый Кіевъ оказались солидарными при Стефанѣ. Но, сколько Кіевъ въ прежнее время ни опережалъ Москву, тотъ характеръ образованія и церковныхъ идей, на которомъ они сошлись, характеръ схоластическо-клерикальный, явно отживалъ свое время: Петръ, и вмѣстѣ съ нимъ болѣе просвѣщенные люди или тѣ, которые инстинктивно сочувствовали его руководству, не могъ довольствоваться этой схоластикой и искалъ новой, реальной и жизненной науки, которой старая схоластика не давала. Онъ отказался отъ Яворскаго; въ вопросахъ новаго образованія и въ вопросахъ церков-

наго правленія ему нашлись союзники въ томъ же церковномъ кругу, но совершенно иного направленія ¹⁾).

Таковъ именно былъ Теофанъ Прокоповичъ. Теофанъ (по мірскому имени Елеазаръ) родился въ Кіевѣ въ 1681, былъ сыномъ мелкаго торговца и рано осиротѣлъ; его взялъ на свое попеченіе родной дядя, Теофанъ Прокоповичъ, который былъ намѣстникомъ кіево-братскаго монастыря и ректоромъ академіи, но и этотъ дядя вскорѣ умеръ, и Елеазаръ нашель покровителя

¹⁾ Сочиненія Яворскаго, кромѣ названныхъ выше „Знаменій“ и „Камня Віри“, изданы были уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, а именно: „Проповѣди блаженныя памяти Стефана Яворскаго, преосвященнаго митрополита рязанскаго и муромскаго, бывшаго мѣстооблудителя престола патріаршаго, высокимъ ученіемъ знаменитаго, и ревностію во благочестіи преславнаго“; 3 части. М. 1804—1805 (при первой части, его жизнеописаніе). См. также И. А. Чистовича, „Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго“, въ Христіанскомъ Читаніи, 1867, и отдѣльно, Спб. 1867. Черновія рукописи проповѣдей съ 1691 по 1721 хранятся въ бібліотекѣ святѣйшаго синода, гдѣ между прочимъ пользовался ими г. Морозовъ. Далѣе: „Риторическая рука. Сочиненіе Стефана Яворскаго, переводъ съ латинскаго Феодора Поликарпова“. Изд. Общ. любителей древней письменности. Спб. 1878.

— Біографическія свѣдѣнія: въ „Опытѣ историческаго словаря о русскіихъ писателяхъ“, Новикова, Спб. 1872, въ Словарѣ духовныхъ писателей, митрополита Евгения; въ „Исторіи“ Соловьева (т. XV—XIX), и пр.

— Ю. Самаринъ, „Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники“. М. 1844,—магистерская диссертация, въ которой, по цензурнымъ соображеніямъ того времени („которыя, конечно, мало могутъ быть понятны для временъ послѣдующихъ“, по замѣчанію прот. Иванцова-Платонова), помѣщена была только третья, послѣдняя часть цѣлаго сочиненія; въ первыхъ двухъ частяхъ (тогда недовольныхъ) оба историческія лица были представлены какъ богословы и какъ сановники церкви. Въ цѣломъ составѣ трудъ Самарина явился уже только по смерти автора, въ V томѣ его „Сочиненій“. М. 1880, съ объяснительнымъ введеніемъ прот. Иванцова-Платонова и біографическими подробностями о Самаринѣ за то время.

— Смирновъ, Исторія московской славяно-греко-латинской академіи. М. 1855.

— Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Спб. 1862 (здѣсь между прочимъ о Соборномъ дѣланіи на Мартіана еретика, II, стр. 400—402).

— Ф. Терновскаго, статьи о Стефанѣ Яворскомъ, въ Трудахъ кіевской академіи, 1864 и въ „Древней и Новой Россіи“, 1879, № 8.

— Чистовичъ, „Теофанъ Прокоповичъ и его время“. Спб. 1863 (въ Сборникѣ II отд. академіи, т. IV), обширный трудъ со множествомъ новыхъ архивныхъ данныхъ (здѣсь объ отношеніяхъ къ Стефану Яворскому, о полемикѣ противъ „Камня Віри“, о процессахъ противъ приверженцевъ Стефана).

— Тихонравовъ, Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1870, кн. 9; 1871, книга 2, 6 (подробное изложеніе дѣла Тверитинова).

— П. Морозовъ, „Теофанъ Прокоповичъ какъ писатель“. Спб. 1880 (отношенія Яворскаго къ Теофану), и пр.

въ одномъ кievскомъ гражданинѣ, при помощи котораго онъ могъ продолжать ученіе. Онъ блестящимъ образомъ прошелъ кievскую школу и послѣ того перешелъ въ какую-то (біографическія свѣденія неясны) изъ униатскихъ школъ въ Польшѣ, вступивъ, какъ это бывало необходимо, въ унию, сдѣлавъ учителемъ, принявъ монашество и посланъ былъ провинціаломъ базиліанскаго ордена въ Римъ, гдѣ учился опять въ коллегіи свят. Аѳанасія, которая основана была, въ концѣ XVI вѣка, папою Григоріемъ XIII для грековъ и славянъ съ цѣлью католической пропаганды. Его рѣдкія дарованія и здѣсь обратили на себя вниманіе; начальникъ коллегіи особенно полюбилъ его, приватно съ нимъ занимался, открылъ ему доступъ въ Ватиканскую и другія библіотеки и старался, но безуспѣшно, завлечь его въ іезуитскій орденъ. Елеазаръ (его униатское монашеское имя было теперь Елисей) ревностно изучалъ отцовъ церкви, а также и классиковъ, внимательно осматривалъ древній и новыі Римъ, его священные и свѣтскіе памятники. На возвратномъ пути изъ Рима онъ вслѣдствіе военныхъ тревогъ (велась война за испанское наслѣдство) долженъ былъ идти окольными дорогами, познакомился со многими учеными людьми и былъ дома въ 1702 г. Не ясно опять, гдѣ и какимъ путемъ онъ возвратился къ православію; вѣрно только то, что въ Кіевѣ онъ принятъ былъ въ академію учителемъ поэзіи и постриженъ въ монашество съ именемъ Теофана.

Въ 1706 году онъ перешелъ въ классъ реторики и въ томъ же году онъ въ первый разъ встрѣтился Петру; царь пріѣхалъ въ Кіевъ для основанія Печерской крѣпости, и Теофанъ на другой день говорилъ пріѣздившую проповѣдь, которая понравилась Петру и была едва ли не первымъ образчикомъ живой и блестящей рѣчи, свободной отъ книжной схоластики. Въ 1707 онъ былъ назначенъ префектомъ академіи и преподавателемъ философіи, а кромѣ того преподавалъ ариметику, геометрію и физику, которыхъ до того времени не было въ академической программѣ, но онъ принималъ также живое участіе въ современныхъ событіяхъ и имѣлъ случай оказать тогда услуги правительству, на которыя послѣ ссылался. Послѣ полтавскаго сраженія, когда царь возвращался черезъ Кіевъ, Теофанъ опять сказалъ въ его присутствіи панегирикъ, тогда же напечатанный въ Кіевѣ на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ концѣ того же года онъ говорилъ въ церкви кievо-братскаго монастыря похвальное слово Меншикову и просилъ его покровительства для академіи. Во время турецкаго похода Петръ вызвалъ его къ себѣ, а затѣмъ,

по возвращеніи въ Кіевъ, Теофанъ по царскому желанію назначенъ былъ игуменомъ кіево-братскаго монастыря, ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Въ 1712 Теофанъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Распрія Павла и Петра о игѣ неудобноносимомъ“, которое послужило, кажется, первымъ поводомъ къ столкновенію его съ богословами школы Яворскаго. Ректоръ московской академіи Теофилактъ Лопатинскій, впоследствии архіепископъ тверской, написалъ опроверженіе подъ заглавіемъ: „Иго Господне благо и бремя Его легко“ и пр., гдѣ мнѣнія Теофана изображаются какъ „мудрованія реформатскія, доселѣ въ церкви православной неслыханныя“;—впоследствии Теофанъ жестоко отомстилъ своему богословскому противнику. Въ практической жизни Теофанъ былъ человекъ очень ловкій, умѣлъ льстить вліятельнымъ людямъ и завязывать полезныя связи. Въ Кіевѣ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ, извѣстнымъ княземъ Д. М. Голицынымъ: это былъ одинъ изъ очень образованныхъ людей своего времени; онъ собралъ богатую по тогдашнему библіотеку, и Теофанъ, по его совѣту, перевелъ на русскій языкъ нѣсколько полезныхъ книгъ ¹⁾. Еще въ Кіевѣ Теофанъ сблизился также съ извѣстнымъ малороссійскимъ семействомъ Марковичей; одинъ изъ нихъ, Яковъ, былъ особенно близокъ съ Теофаномъ: вмѣстѣ они много читали, напримѣръ Бэкона, Декарта, одного изъ знаменитѣйшихъ тогда протестантскихъ богослововъ Буддея и пр. Въ 1715 году Петръ вызвалъ Теофана въ Петербургъ,—что могло обѣщать ему епископскій санъ; въ письмахъ къ Марковичу онъ говорилъ, вѣроятно, искренно, что это вовсе его не прельщаетъ. Между прочимъ, онъ писалъ: „Эта почестъ меня также привлекаетъ и прельщаетъ, какъ если бы меня приговорили бросить на съѣденіе дикимъ звѣрямъ... Я люблю дѣло епископства, и хотѣлъ бы быть епископомъ, еслибы, вмѣсто того, не пришлось разыгрывать комедіи: ибо таково это испорченнѣйшее состояніе, если не исправить его божественная премудрость“. Но вслѣдствіе болѣзни Теофанъ могъ прибыть въ Петербургъ только осенью 1716 года: царя въ столицѣ не было, и Теофанъ занимался проповѣдничествомъ—его проповѣди печатались и посылались Петру; вмѣстѣ съ тѣмъ Теофану поручались духовныя дѣла во Псковѣ, Нарвѣ и пр. Петръ возвратился въ Петербургъ

¹⁾ О князѣ Голицынѣ, кромѣ общихъ историческихъ сочиненій, см. Корсакова: „Вопареніе императрицы Анны Іоанновны“. Казань, 1880, и его же: „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка“. Каз. 1891. Его замѣчательная рукописная библіотека („Архангельская“), въ составѣ собранія гр. О. А. Толстого, находится въ Публичной Вибліотекѣ.

только въ октябрѣ 1717 года. Теофанъ неоднократно говоритъ при немъ похвальные слова и проповѣди, и когда около этого времени умеръ митрополитъ псковскій, Петръ въ началѣ 1718 г. назначилъ на его мѣсто Теофана. Въ немъ царь увидѣлъ наконецъ человѣка, который могъ быть вѣрнымъ исполнителемъ его плановъ въ духовныхъ и другихъ дѣлахъ. Проповѣди Теофана въ Петербургѣ еще больше, чѣмъ прежде, были настоящей публицистикой, восхваленіемъ и разъясненіемъ дѣлъ Петра, но уже въ другомъ родѣ, чѣмъ бывали прежде риторическіе панегирики Яворскаго, обыкновенно искусственные и натянутые: Теофанъ, самъ несомнѣнно сочувствовавшій реформѣ, былъ и болѣе искусный ораторъ, и гораздо болѣе образованный, проникательный, нерѣдко ядовитый къ своимъ противникамъ защитникъ Петровскихъ преобразованій. Между назначеніемъ и посвященіемъ на псковскую кафедру Теофанъ произнесъ одну изъ его знаменитѣйшихъ проповѣдей „о власти и чести царской“: какъ дальше скажемъ, это была цѣлая программа, и изъ проповѣди можно видѣть, что уже въ это время Петръ сообщилъ ему свои планы объ устройствѣ духовнаго правленія. Съ этой поры начинается неутомимая и страстная дѣятельность Теофана, съ которою соединяется рѣшительное измѣненіе въ порядкѣ церковнаго управленія и быта, выраженное „Духовнымъ регламентомъ“, окончательной отмѣной патріаршества и учрежденіемъ святѣйшаго синода.

Но какъ ни тѣсно примыкаетъ его дѣятельность къ реформѣ, Теофанъ, какъ мы замѣтили раньше, вовсе не былъ самъ создателемъ этой реформы, не былъ слѣпымъ исполнителемъ чужой авторитетной мысли. Возвратившись къ первымъ годамъ его дѣятельности въ Кіевѣ, мы найдемъ уже въ немъ человѣка новой эпохи, найдемъ питомца схоластической школы, совсѣмъ не похожаго на своихъ учителей, въ которомъ подъ вліяніемъ сильнаго ума и гораздо болѣе широкаго знанія уже совершилась рѣшительная реакція противъ этой схоластики и возникло стремленіе къ болѣе широкому простору для мысли, а затѣмъ и для цѣлой церковной жизни и просвѣщенія. Іезуитская школа въ Римѣ и собственное наблюденіе дали ему богатый опытъ: старій біографъ его рассказываетъ, что въ этой враждебной средѣ онъ ни мало не поколебался и нашелъ только новое оружіе противъ враговъ своей церкви и враговъ науки. Онъ вернулся изъ Рима въ Кіевъ еще юношею 22—23 лѣтъ, но уже съ первыхъ шаговъ на поприщѣ академическаго преподаванія, онъ старается отрѣшиться отъ безплодной схоластической рутины и замѣнить ее живымъ отношеніемъ къ дѣйствительности и призывами

къ истинной наукѣ. Въ своихъ лекціяхъ піитики и реторики Теофанъ рѣзко возстае противъ тѣхъ авторитетовъ, передъ которыми преклонялись тогда ученые люди въ Кіевѣ; тѣ польскія шеолы, которыя казались хранилищемъ самаго высокаго ораторства, были для Теофана только „фабриками испорченнаго краснорѣчія“; теперь и постѣ онъ глумился надъ католическою ученостью и іезуитскимъ благочестіемъ; онъ осмѣивалъ тѣ вычурныя украшенія, натянутыя аллегоріи, вялыя умствованія, придуманные эффе́кты, какими отличалась тогдашняя схоластическая проповѣдь (и напр. проповѣдь Яворскаго), и находилъ, наконецъ, что эти учителя проповѣдуютъ вовсе не ученіе Христово¹⁾.

На обязанности преподавателя піитики лежало, между прочимъ, сочиненіе драматическихъ пьесъ и діалоговъ, которые исполнялись учениками. Поэтому въ 1705 году Прокоповичъ сочинилъ трагедіюкомедію подъ названіемъ: „Владиміръ славяноросійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенній Духомъ Святимъ“. Изображенная здѣсь борьба тмы невѣрія и евангельскаго свѣта имѣла, однако, и ближайшее отношеніе къ современности. Языческіе жрецы временъ Владиміра, обманывающіе народъ, отличаются грубымъ невѣжествомъ, пьянствомъ и обжорствомъ, что указывается и данными имъ именами. Тихонравовъ, подробно разбиравшій эту пьесу, не сомнѣвался, что „нѣкоторыя черты жрецовъ списаны съ натуры, выхвачены изъ быта современнаго Прокоповичу православнаго духовенства; этого не отрицалъ и самъ Теофанъ; мало того — онъ старался даже прямо намекнуть на то въ своей трагедіюкомедіи“. И въ послѣдствіи Теофанъ говорилъ, что „великая часть нашего священства непотребныи суть и таковыхъ именъ или подобій достойни — не по званію своему, но по праву и негодности“.

¹⁾ Онъ говорилъ, напр., въ своемъ кіевскомъ курсѣ богословія: „Они проповѣдуютъ ученіе не Христово, но свое собственное, и, благодаря этому, только люди простые и незнающіе могутъ удивляться ихъ краснорѣчію. Они не заботятся о томъ, что значить въ писаніи то или другое выраженіе, а стараются только какъ-нибудь приладить его къ предмету своей рѣчи. Для того, чтобы начинать свои проповѣди текстами, у нихъ придуманъ особенный пріемъ: берется Писаніе, и рядомъ съ нимъ — огромнѣйшій указатель, извѣстный подъ названіемъ библейскихъ конкорданцій; ученый проповѣдникъ скоро находитъ въ этомъ указателѣ нужное ему слово, и пересматриваетъ длинный рядъ текстовъ, въ которыхъ это слово находится, замѣчая, какой текстъ подходитъ къ предмету его рѣчи, и выбирая подходящіе... При этомъ главное вниманіе обращается не на смыслъ текста, а на то, можно ли и какимъ образомъ извлечь изъ него какое-нибудь удивительное и неожиданное заключеніе, находя таинственный смыслъ въ словахъ и выраженіяхъ самыхъ простыхъ и понятныхъ“.

Новѣйшій біографъ Теофана указываетъ, что подъ далекимъ по-видимому сюжетомъ пьесы скрывается идея, непосредственно принадлежавшая тогдашней современности. „Это—общая идея, которой Теофанъ остался вѣренъ во все продолженіе своей литературно-общественной дѣятельности, и которую онъ передалъ своимъ послѣдователямъ,—идея борьбы новаго порядка съ старымъ, прогресса — съ застоємъ и обскурантизмомъ, причемъ прогрессивною силой, на сторонѣ которой лежатъ всѣ симпатіи автора, является правительство, власть свѣтская, а силой, задерживающей развитіе—духовенство. Другими словами, это—идея борьбы между свѣтскою и духовною властью за просвѣщеніе“¹⁾).

Такъ рано уже въ академическомъ преподаваніи Теофана, а также и въ его трагедокомедіи. сказалось рѣзкое отрицаніе безсодержательной схоластической рутинѣ, отрицаніе стараго невѣжества и ожиданіе найти исходъ изъ этого невѣжества только въ авторитетѣ свѣтской власти, которая казалась тогда, и дѣйствительно была, единственнымъ ручательствомъ новаго движенія. Другіе киевляне академической школы, какъ въ это самое время и Стефанъ Яворскій, были убѣждены, что владѣютъ уже всѣмъ существующимъ просвѣщеніемъ, дальше котораго ничего не нужно: мы видѣли, что въ концѣ концовъ Стефанъ сошелся съ тою партією приверженцевъ старины, которая мечтала именно объ уничтоженіи преобразованій и о возвращеніи къ старому застою. Новый питомецъ киевской академіи, узнавшій ея науку въ самыхъ ея источникахъ, а кромѣ того узнавшій и многое другое, напротивъ, съ самаго начала отвергъ въ этой наукѣ ея отжившую и безплодную рутину и смѣялся надъ нею: самъ одаренный критическимъ умомъ, онъ развилъ его знакомствомъ съ современной научной литературой, между прочимъ, протестантской теологіей. Его мнѣнія часто самымъ рѣшительнымъ образомъ расходились съ привычными понятіями его ученѣйшихъ киевскихъ современниковъ, и безъ сомнѣнія уже скоро возбудили ихъ недо-вѣріе и подозрительность. Его проповѣдническая манера точно также была совершенно непохожа на искусственный, натянутый стиль его предшественниковъ и современниковъ. Его панегирики не были наборомъ риторическихкихъ фразъ, а именно реальнымъ изображеніемъ фактовъ, подборъ которыхъ именно и производилъ впечатлѣніе. Его литературныя сужденія въ курсахъ реторики и богословія, въ письмахъ чрезвычайно любопытны, какъ первый и сильный опытъ критики, до тѣхъ поръ положительно небыва-

¹⁾ Морозовъ, „Теофанъ Прокоповичъ“, стр. 100.

лой ¹⁾. Насколько Теофанъ опережалъ свое время, можно судить по тому, что послѣ него преподаваніе въ кievской академіи опять вернулось на старую колею, и въ церковно-учебной литературѣ труды его снова явились на свѣтъ уже только въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка.

Въ богословіи, какъ въ риторикѣ, піитикѣ и философіи, Теофанъ точно также выходилъ на новый путь. Онъ изучалъ новѣйшіе теологическіе труды, и собственное критическое направленіе сблизило его съ тогдашнею протестантскою теологіею: вмѣсто католическихъ и особливо іезуитскихъ схоластическихъ теологовъ, какъ знаменитый нѣкогда и у насъ іезуитъ Белларминъ и другіе подобные, онъ ссылается въ своемъ богословіи на знаменитыхъ тогда протестантскихъ теологовъ Квенштедта, Пфейфера, Гергарда и пр.; съ упомянутымъ знаменитымъ теологомъ Буддеемъ Теофанъ вступилъ въ переписку. Въ изложеніи богословія онъ старается избѣгать обычныхъ тогда схоластическихъ ухищреній, утонченной терминологіи; его латинскій языкъ отличается, напротивъ, замѣчательною простотою и изяществомъ. Для правильнаго пониманія Священнаго Писанія онъ считаетъ необходимымъ филологическое изученіе подлинныхъ текстовъ, слѣдовательно знаніе еврейскаго и греческаго языковъ; онъ рѣшительно отвергаетъ, какъ безплодные и нелѣпыя, тѣ ухищренныя богословскіе вопросы, какими между прочимъ занимались и у насъ, слѣдуя авторитету Томы Аквината ²⁾; онъ не рѣшался признавать сполна космогоническихъ теорій знаменитаго тогда англійскаго епископа Бёрнета (Burnet, *Sacra telluris theoria*), но не

¹⁾ Курсъ піитики Теофана Прокоповича изданъ былъ уже долго спустя Георгіемъ Конисскимъ, въ 1786, подъ заглавіемъ: „De Arte poetica libri tres, ad usum et institutionem studiosae juventutis Roxolanae dictati Kioviae in orthodoxa Academia Mohyleana anno Domini 1706“. Источники ея указаны были Тихонравовымъ въ разборѣ трагедіи „Владиміръ“, въ Журн. мин. просв. 1879, кн. 5.

Реторика Теофана осталась въ рукописяхъ. Отрывки изъ нея у Н. Петрова: „Видержки изъ рукописной реторики Теофана Пр.“, въ „Трудахъ“ кievской академіи, 1866, т. I, № 4, и: „Изъ исторіи гомилетики въ старой Кievской академіи“, тамъ же, 1866, № 4.

²⁾ Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ „Summa totius theologiae“: Есть ли Богъ причина грѣха? нуждался ли человѣкъ, будучи въ невинномъ состояніи, въ пищу? рождались ли въ то время дѣти только мужского пола? *utrum esset generatio per coitum?* что дѣлалъ Богъ до сотворенія міра? можетъ ли Онъ произвести слѣдствіе безъ основанія или дѣйствіе безъ причины; наконецъ—даже и такіе вопросы, какъ, напр.: *utrum Filius Dei naturam asini, serpentis, columbae debuit ac potuit assumere? utrum Deus loco Christi potuerit suppositare mulierem? si Deus loco Christi suppositasset cucurbitam (тыкву), quomodo illa fuisset concionatura, quomodo miracula editura, quomodo crucifigenda?* и т. п. (Морозовъ, стр. 127—128).

усомнился нисколько признать ученіе Коперника. „Если,—говоритъ онъ въ своемъ богословіи,—ученики Коперника и другіе ученые, защищающіе движеніе земли, могутъ привести въ доказательство своего мнѣнія достовѣрные физическіе и математическіе доводы, то тексты Св. Писанія, въ которыхъ говорится о движеніи солнца, не могутъ служить для нихъ препятствіемъ, ибо эти тексты слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а въ аллегорическомъ смыслѣ“. И здѣсь опять впервые Теофаномъ признано положеніе науки, которое въ тѣ времена считалось великой ересью (мы видѣли выше мнѣніе Яворскаго), да и долго послѣ бывало или отвергаемо на томъ же основаніи, или оставалось полупризнаннымъ.

Въ томъ же богословіи Теофанъ далъ примѣры и другого рода критики. Оспаривая разныя іезуитскія ученія, онъ между прочимъ опровергалъ ихъ указанія на то, что святость католической церкви доказывается большимъ числомъ святыхъ и реликвій. „Это правда,—говоритъ онъ,—реликвій у нихъ даже слишкомъ много; но въ дѣйствительность ихъ пусть вѣритъ кто угодно, только не я... Тѣло первомученика Стефана находится въ Венеціи; но то же самое тѣло есть и въ Римѣ, тѣло Діонисія Ареопагита съ головою — въ Регенсбургѣ, а одна голова — въ Галліи. Голова св. Іоанна Златоуста показывается въ Римѣ въ Ватиканской базиликѣ; но голову того же святого нѣсколько лѣтъ тому назадъ монахи аеонскаго Ватопедскаго монастыря принесли въ Москву, за что и получаютъ донинѣ опредѣленное подаваніе“ и пр. Разбирая знаменитую книгу Діонисія Ареопагита о небесной іерархіи, Теофанъ находилъ, что эта книга вовсе не принадлежитъ Діонисію, а излагаемое въ ней ученіе совершенно баснословно. Впослѣдствіи это служило однимъ изъ обвиненій противъ него.

Отмѣтимъ еще одну черту. Одна глава его богословія посвящена разсмотрѣнію вопроса: должно ли излагать Священное Писаніе на простонародномъ языкѣ и имѣютъ ли право міряне читать священныя книги? Всего больше этотъ вопросъ относился къ католичеству, и Теофанъ возстаетъ противъ католическихъ богослововъ, въ особенности противъ упомянутаго Беллармина, такъ какъ, по словамъ Теофана, „этотъ іезуитъ, какъ Голиаѳъ, возвышается надъ всѣми западными обскурантами“. „Белларминъ увѣряетъ,—говоритъ Теофанъ,—что величіе богослуженія несомнѣнимо съ простонароднымъ языкомъ. Спрашивается: какое же это величіе—читать Св. Писаніе такъ, что его никто не понимаетъ? какое величіе—говорить о священныхъ предметахъ такъ, что простой человѣкъ можетъ подумать, что мы бранимся? Ве-

личіе, скорѣе, требуетъ полного молчанія; потому-то, вѣроятно, католическіе священнослужители (sacerdotes) и перешептываются другъ съ другомъ, а къ народу обращаются съ одними только жемами. Затѣмъ — почему же латинскій языкъ имѣетъ въ себѣ болѣе величія, чѣмъ другіе? развѣ потому, что народъ его не понимаетъ? тогда еще величественнѣе будетъ языкъ турецкій“ и т. д. ¹⁾

Къ тому же кievскому времени относятся одно сочиненіе Теофана, гдѣ онъ хотѣлъ изложить нѣкоторые основные пункты православнаго ученія въ популярной формѣ разговоровъ. Кромѣ того, что любопытна здѣсь самая мысль говорить о подобныхъ вопросахъ внѣ школы и не-школьнымъ, латинскимъ или церковно-славянскимъ, языкомъ, эти разговоры возвращаются опять къ предмету, съ самаго начала и до конца возбуждавшему негодованіе Теофана: если ему было ненавистно схоластическое изувѣрство католическое, то онъ не выносилъ также и невѣжества у православныхъ. „Разговоръ гражданина съ селяниномъ да пѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ“ имѣетъ цѣлью показать преимущество знанія надъ невѣжествомъ и представляетъ многія черты, взятія прямо изъ жизни. Человѣкъ, убѣжденный въ пользѣ знанія, есть гражданинъ; дьячокъ въ ней не совсѣмъ увѣренъ, но подъ конецъ соглашается съ гражданиномъ, а селянинъ упорно убѣжденъ въ бесполезности знанія: „отцы-де наши не умѣли письма, но хлѣбъ довольный ѣли, и хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, нежели нынѣ, когда письменныхъ и латынниковъ помножилось“ ²⁾. Дьячокъ спрашиваетъ наконецъ: неужели же всѣмъ надо быть грамотнымъ? „Чуть ли не всѣмъ, — отвѣчаетъ гражданинъ: — что возбраняетъ всѣмъ грамотѣ учиться или всѣмъ писанія вѣдать?“ Дьячокъ возражалъ, что, по его мнѣнію, писаніямъ учиться нужно только людямъ священнаго и монашескаго чина, и гражданинъ опять опровергаетъ это мнѣніе, которое было ходячимъ въ московской Россіи, было еще вѣрно и въ Петровскія времена, и, нѣсколько видоизмѣнившись, продолжаетъ существовать до сихъ

¹⁾ Морозовъ, стр. 133.

²⁾ Г. Морозовъ приводитъ въ параллель этому стихи изъ первой сатиры Кавтемира, который, какъ скажемъ дальше, не однажды повторялъ мысли Теофана Прокоповича. У Кавтемира Сильванъ (въ которомъ онъ явно хотѣлъ представить грубаго деревенскаго жителя) говоритъ:

„Живали мы вѣкъ сего, не зная латинѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли“.

поръ между людьми, которые находятъ, что для народа и теперь достаточно одной дьячковской школы. Любопытно наконецъ въ другомъ разговорѣ—„тектона, сирѣчь древодѣля, съ купцомъ“,— что когда древодѣль, удивленный познаніями купца (они разсуждали о значеніи храма), спросилъ его, откуда набрался онъ такихъ знаній, купецъ объяснилъ, что онъ долго жилъ за болѣзнію въ нѣмецкихъ городахъ и что тамъ имѣлъ такого мудраго ученаго врача, который кромѣ тѣлесныхъ болѣзней могъ исцѣлять и душевные недуги, и который училъ его божественному писанію. Древодѣль, на своемъ вѣку также выдавшій ученыхъ людей, „которые въ Польшѣ учились“, замѣтилъ, что вѣдь нѣмцы, однако, еретики; купецъ отвѣтилъ на это, что они не еретики, а только ино-вѣрцы, объясняетъ различіе протестантскаго ученія отъ православнаго и доказываетъ, что настоящіе еретики—именно тѣ, которые „учились въ Польшѣ“¹⁾.

Въ то же кievское время Теофанъ писалъ латинскія стихотворенія. Чрезвычайно любопытно, что одно изъ нихъ относится къ извѣстному суду римской инквизиціи надъ Галилеемъ: здѣсь опять впервые высказано было у насъ пониманіе великихъ открытій Галилея и высокое уваженіе къ ихъ научному значенію²⁾.

Таковъ былъ Теофанъ, когда онъ былъ очень далекъ отъ мысли о какомъ-либо широкомъ вліяніи въ церковныхъ дѣлахъ, которое, однако, уже скоро его ожидало. Его назначеніе замедлилось по отсутствію Петра, но потомъ наконецъ состоялось. Съ этихъ поръ его дѣятельность стала дѣйствительно постоянной борьбой и ревностнымъ трудомъ на пользу реформы, которая была ему въ высокой степени сочувственна; но замѣтимъ опять, что это сочувствіе было вполне свободное, развившееся вполне самостоятельно и независимо отъ какихъ-либо внушеній кромѣ работы его собственной мысли задолго до того, когда началась его

¹⁾ Изъ рукописи Публичной Библіотеки, у Морозова, стр. 152—157.

²⁾ Содержаніе стихотворенія слѣдующее:

„Злѣмъ, о нечестивый папа, мучишь ты дѣятельнаго служителя природы? О, жестокой тиранъ! чѣмъ заслужилъ этотъ старецъ такое гоненіе? Папа, ты сумасшедшій! Вѣдь онъ не трогаетъ твоихъ міровъ и не вторгается съ своимъ умисломъ въ твои священныя предѣлы, гдѣ пламенный Стиксъ очищаетъ души усопшихъ, и гдѣ находятся боги и богини твоего изобрѣтенія. Его (Галилея) земля—истинная, а твои—ложная; его звѣзды создалъ Богъ, а твои—обманъ. „Но,—говоритъ папа,—намъ долъ повелѣваетъ заботиться, чтобъ одинаковыя названія (при противоположномъ значеніи) не произвели соблазна въ простомъ народѣ“. О варварская тупость, глубочайшіе подонки слѣпотаго міра! Тебѣ ли судить о свѣтлыхъ мысляхъ Галилея? Тебѣ ли обвинять въ преступленіяхъ проникательность ума, зоркаго, какъ рысь? Должно быть, дрянной кровь видитъ лучше рыси“.

дѣятельность административная. Возвратившись въ Кіевъ послѣ пребыванія за границей, еще юношей, Теофанъ явился уже съ твердо установившимися убѣжденіями. Это былъ рѣшительный врагъ схоластической школы — той самой, въ которой воспитывали его самого и изъ которой вышли представители высшей ученой іерархіи и самъ мѣстооблеститель патріаршаго престола; онъ былъ врагъ католическаго обскурантизма, который такъ тѣсно связанъ былъ съ этой схоластикой и подъ ея крыломъ распространялся въ Россіи, смѣняя старое невѣжество или прямо соединяясь съ нимъ; онъ былъ, напротивъ, исполненъ великаго уваженія къ той новой европейской наукѣ, которая низвергала тогда мрачную схоластику среднихъ вѣковъ, открывала широкій просторъ для человѣческой мысли и стремилась освѣтить само религіозное сознаніе: такъ онъ защищаетъ Коперника, превозноситъ Галилея, видимо сочувствуетъ протестантской теологіи, — когда эта послѣдняя была одинаково предметомъ ужаса для ученыхъ старой школы, во главѣ которой стоялъ Стефанъ Яворскій („Камень Вѣры“ былъ написанъ, когда Теофанъ былъ еще въ Кіевѣ). Понятно, что онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ невѣчеству домашнему, окруженному глубокимъ мракомъ суевѣрія, и настаивалъ на необходимости сколько можно широкой школы. Какъ видимъ, это совершенно совпадало съ тѣмъ, чего искалъ Петръ Великій и чего не нашелъ у Стефана Яворскаго ¹⁾. На этотъ разъ Петръ не ошибся. Кромѣ совершенно сходныхъ понятій о необходимости просвѣщенія, кромѣ одинаковаго отвращенія къ старому невѣчеству и суевѣрію, они сходились и въ самомъ складѣ ума и характера. У Теофана, какъ мы видѣли, общая мысль стремилась тотчасъ къ наглядному выраженію и примѣненію; онъ высказывался реально и рѣзко; въ самыхъ первыхъ опытахъ своей публицистики, какіе мы можемъ видѣть въ его трагедо-комедіи, въ его „Разговорахъ“ и въ самыхъ лекціяхъ по біблїкѣ или богословію, онъ опровергаетъ своихъ противниковъ не только логиче-

¹⁾ Вину этого послѣдняго Терновскій какъ будто приписывалъ самому Петру. Царь думалъ встрѣтить въ Яворскомъ именно такого человѣка, какого ему было нужно, но — „не осматрѣвшись какъ слѣдуетъ въ средѣ западно-европейской образованности, Петръ не могъ опредѣлить ни того, сколько въ блестящемъ проповѣдникѣ было чужого и заимствованнаго, ни того, къ какому лагерю западно-европейской мысли принадлежитъ Стефанъ по своимъ убѣжденіямъ“ (Др. и Новая Россія, 1879, № 8, стр. 307). „Какъ слѣдуетъ“, у насъ и до сихъ поръ не могутъ осматрѣться въ вопросахъ европейской образованности, а предъявлять такое требованіе Петру тѣмъ болѣе странно: Петру по необходимости во многомъ приходилось идти ощупью и наугадъ; въ концѣ концовъ онъ однако попалъ и отвергъ Яворскаго.

скими доказательствами, но и насмѣшкой, доходящей до вѣдраго сарказма. Таковъ онъ остался и послѣ.

Мѣстоблюститель и его партизаны безъ сомнѣнія хорошо знали Теофана и видимо очень встревожились, когда узнали о готовящемся его возвышеніи. Еще раньше, когда Теофанъ написалъ упомянутое сочиненіе объ „Игѣ неудобовосимомъ“, противъ него возсталъ съ обширнымъ опроверженіемъ Теофилактъ Лопатинскій, оданъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ Яворскаго и тогда ректоръ московской академіи. Это было какъ бы продолженіе старинной московской полемики. Теофилактъ напалъ на своего противника съ величайшей нетерпимостью: изложенныя имъ ученія „суть его изобрѣтенія, или паче прежде его отъ Лютера и Кальвина изобрѣтены“; онъ „коварно“ искажаетъ тексты Св. Писанія, покрываетъ божественныя писанія „измышленными толкованіями и хитрыми подводами“, „пестрыми бесѣдами“, и, конечно, имѣеть въ виду распространеніе въ Россіи ереси: „и отсюда явно показуется, яко истое намѣреніе его было въ писемѣ ономъ показати православнымъ читателемъ путь къ лютерству и кальвинству и ко всему реформатству“. Новѣйшій біографъ Теофана замѣчаетъ, что враги вѣрно угадали сущность новаго направленія; но только оно было лютерское и кальвинское не именно въ смыслѣ вѣроученія, а въ смыслѣ общественномъ. Прежніе московскіе начетчики, а также и ученые киевляне были одинаково защитниками духовнаго авторитета, съ тою разницей, что одни стояли за старинную „простѣню ума“, и другіе за схоластическую науку; новое направленіе увѣрилось въ безсиліи и непригодности этихъ „учительныхъ людей“ даже для истиннаго церковнаго образованія, а тѣмъ болѣе для дѣла той свѣтской науки, необходимость которой все болѣе и болѣе чувствовалась. Новое направленіе „выступило съ рѣзкимъ принципіальнымъ отрицаніемъ всякаго авторитета духовенства, какъ исключительно книжнаго и учительнаго сословія, съ проповѣдью свободнаго критическаго отношенія къ наукѣ и къ жизни; на практикѣ это значило совершенно отрицать старую теорію о первенствѣ духовной власти надъ свѣтскою и вообще о первенствѣ духовенства надъ всѣми другими общественными классами. Никакое соглашеніе, никакой компромиссъ между обѣими сторонами не были возможны по самой сущности дѣла“ ¹⁾.

Таковъ былъ смыслъ борьбы. Петръ уже на практикѣ отвергъ этотъ авторитетъ стараго „учительнаго сословія“, устранивъ его

¹⁾ Морозовъ, стр. 168.

прежній могущественный органъ—патріаршество, обходился безъ учительнаго сословія въ своихъ заботахъ о новой школѣ и новыхъ книгахъ, допустилъ тамъ и здѣсь Коперника и „Гуенса“ (Гюйгенса), которые въ ту минуту и еще послѣ приводили въ озлобленіе и отчаяніе людей учительнаго сословія... Когда теперь, въ поддержку этому практическому отрицанію учительной старины въ рукахъ самого царя, грозила явиться еще другая сила въ лицѣ ученаго человѣка изъ среды самого учительнаго сословія, приверженцы старины рѣшили употребить всѣ средства устранить іерархическое возвышеніе Теофана. Ждали только случая.

Въ маѣ 1718, Петръ поручилъ графу Мусину-Пушкину (доброжелателю Теофана) вызвать въ Петербургъ мѣстоблюстителя для поставленія новыхъ архіереевъ, причемъ имѣлось въ виду и поставленіе Теофана. Яворскій не пріѣхалъ самъ, извиняясь болѣзнію, и послалъ вмѣсто себя двухъ архіереевъ, тверского и сарскаго, поручивъ имъ, въ случаѣ предложенія о Теофанѣ, „донести благочестивѣйшему государю, что пречестный отецъ іеромонахъ Ѳ. Прокоповичъ *имать препятіе*, еже самъ на себя наложилъ, къ святому великому архіерейскому сану: *зараженъ ересью кальвинскою*“... Еще заранѣе добыли богословскія лекціи Теофана, извлекли изъ нихъ обвинительные пункты и даже приготовили форму отреченія, по которой Теофанъ, признавъ свои заблужденія, долженъ былъ предать ихъ анаемѣ. Но расчеты оказались невѣрны: царь не придавалъ особаго значенія богословскимъ тонкостямъ, Яворскаго уже не любилъ и не терпѣлъ „папешскаго духа“, да и Теофана одолѣть было не легко. Онъ написалъ возраженіе на обвинительные пункты, „худо противъ грамматики и злобно противъ любви приведенные“, доказалъ, что нѣкоторые изъ обвиненныхъ „артикуловъ“ ложно выдуманы, а другіе составляютъ ученіе православное, и прибавилъ о самомъ Яворскомъ, что онъ зналъ и видѣлъ, что въ Черниговѣ „кромя безчисленныхъ бездѣлицъ, православію противныхъ“, печаталось въ служебникахъ „мудрованіе латинское о пресуществленіи“, и однако не запрещалъ ихъ: „изъ чего ясно видѣть можно, что не по ревности преосвященный на меня повсталъ, но по злобѣ“. Черезъ два дня Теофанъ былъ псевдскимъ епископомъ. Стефанъ былъ опять униженъ, какъ на судѣ надъ Тверитиновымъ: ему пришлось оправдываться передъ царемъ и Теофаномъ, что богословскихъ сочиненій Теофана онъ „не видалъ“, обвинительные пункты подписалъ „не читая“, сваливалъ вину на другихъ (Лопатинскаго и Гедеопа Вишневскаго), которые ввели его въ заблужденіе, навонецъ просилъ у Теофана прощенія и получилъ его

„при взаимномъ лобызаніи“. Въ дѣйствительности, Яворскій самъ пересматривалъ лекціи Теофана, дѣлалъ на нихъ отмѣтки и послѣ очень заботился, чтобы это не обнаружилось ¹⁾).

Съ этихъ поръ начался новый періодъ дѣятельности Теофана. Уже въ первое время послѣ переѣзда въ Петербургъ, Теофанъ говорилъ проповѣди, въ которыхъ являлся ревностнымъ панегиристомъ и объяснителемъ реформы, и уже не въ тонѣ напыщенной схоластики, а съ положительнымъ объясненіемъ реальныхъ фактовъ и самыхъ основаній реформы. Старое „учительное“ сословіе, приписывавшее себѣ исключительный авторитетъ въ руководствѣ цѣлаго народа, оказалось несостоятельнымъ въ этомъ руководствѣ: на практикѣ, какъ мы сказали, Петръ уже обходился безъ этого авторитета; нужно было установить самый принципъ, который бы оправдывалъ это устраненіе. Въ самомъ дѣлѣ, отношенія были все еще неясны. Въ прежнее время духовное сословіе было какъ бы государствомъ въ государствѣ или, другими словами, въ государствѣ были двѣ верховныя власти: все существенное, основное рѣшалось вмѣстѣ царскою волею и благословеніемъ патріарха, и вся умственная и нравственная жизнь общества въ особенности подлежала власти и рѣшенію патріарха. Это положеніе вещей не представляло особенныхъ неудобствъ, когда все міровоззрѣніе, все содержаніе понятій и интересовъ покрывалось церковной точкой зрѣнія для всѣхъ одинаково, — однажды случилось даже, что царь былъ сыномъ патріарха; въ другой разъ патріархъ Никонъ былъ личнымъ, „собиннымъ“ другомъ царя Алексѣя; но уже въ старой московской Россіи, среди полного господства церковныхъ идей, оказалось невозможнымъ это двоевластіе. Границы двухъ властей не были опредѣлены и при тогдашнемъ складѣ понятій едва ли могли быть опредѣлены, и въ результатъ этой неопредѣленности произошелъ въ великому соблазну всего православнаго міра разрывъ между двумя властями, для разрѣшенія котораго потребовалось вмѣшательство вселенскихъ патріарховъ. Виноватъ былъ, конечно, не одинъ необузданный нравъ Никона: патріархъ былъ глубоко убѣжденъ въ первенствѣ своего авторитета, какъ священное должно въ глазахъ каждаго вѣрующаго имѣть первенство надъ мірскимъ. Патріархъ былъ низложенъ, и съ этой минуты въ сущности уже рѣшенъ былъ вопросъ объ относительномъ значеніи двухъ властей. Послѣ Никона значеніе патріарха было уже въ существѣ подорвано; Іоакимъ въ послѣд-

¹⁾ Морозовъ, стр. 190—193.

ний разъ пытался съ церковной ревностью прежнихъ временъ поддержать старый авторитетъ, но было уже поздно. Въ средѣ самого общества поднимались протесты: между прочимъ заявлялось о малой учености этого патріарха, слѣдовательно непригодности его для рѣшенія являвшихся вопросовъ; его побѣда надъ „латинской частью“ была только мнимая, потому что въ сущности только применила въ политической побѣдѣ Петра надъ царевной Софьей; его преемникъ былъ только тѣнью патріарха. Но было множество людей, цѣлая масса приверженцевъ стараго порядка, въ понятіяхъ которыхъ было живо представленіе о первенствѣ церковной власти, объ авторитетѣ „учительнаго“ сословія, и изъ этой среды уже не разъ поднимались фанатическіе протесты противъ всякаго рода мѣропріятій Петра, такъ или иначе умалявшихъ значеніе духовенства, котораго, наконецъ, Петръ вовсе не думалъ спрашиваться... Въ концѣ концовъ вопросъ, однако, былъ очень серьезный: для успокоенія умовъ, для опроверженія протестующихъ фанатиковъ, для вразумленія недоумѣвающихъ нужна была, наконецъ, прямая, открытая постановка цѣлаго вопроса. Это и сдѣлалъ Теофанъ, всего сильнѣе въ проповѣди 1718 года „о власти и чести царской, яко отъ самого Бога въ мірѣ учинена есть, и како почитать царей, и онымъ повиноватися людие должныствуютъ; кто же суть, и коликій имѣютъ грѣхъ противляющіися имъ“.

Эта знаменитая проповѣдь была и богословскимъ объясненіемъ значенія царской власти, и обличеніемъ невѣжественныхъ людей, которые не знаютъ „христіанскаго ученія о властяхъ держащихъ“, не знаютъ, что высочайшая держава „отъ Бога устроена и мечемъ вооружена есть, и противитися оной есть грѣхъ на самого Бога“; она была опроверженіемъ тѣхъ „буесловцевъ“, которые покушаются богословствовать, не зная писанія, и въ примѣръ буесловія приводится папа, исключаящій себя и свой клиръ отъ государственной власти и даже мечтающій, что можетъ отнимать царскіе скипетры. Наконецъ, проповѣдь не обошлась безъ нападеній на ближайшихъ недруговъ и реформы, и самого Теофана. Говоря о папѣ, проповѣдникъ нашелъ нужнымъ „вспомнить нѣчто о нашихъ нѣкихъ мудрецахъ“, и въ ядовитыхъ намекахъ нельзя не узнать Стефана Яворскаго, который въ послѣдніе годы своей жизни былъ настроенъ очень мрачно, когда все больше и больше падали надежды его партіи. „Суть нѣщны (и далъ бы Богъ, дабы не были многіи),—говорилъ Теофанъ,—или тайномъ бѣсомъ льстиміи, или меланхолією помрачаеми, которые такового нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ

грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидать чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно и не богопротивно; наприкладъ: лучше любить день ненастливый, нежели ведро, лучше радуются вѣдомостями скорбными, нежели добрыми; самого счастья не любятъ, и не вѣмъ какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ челоуѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ такомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ еллини древніи нарицали мисантропы, сіестъ челоуѣконенавидцы⁴. Разсказавъ извѣстную исторію о Тимонѣ, Теофанъ спрашивалъ: „Не обрѣтаются ли и нынѣ таковыя?—Аще и не въ таковой мѣрѣ, обаче суть тако злобніи и понурыи“.

Власть есть законъ природы, установленный самимъ Богомъ, и потому всѣ обязаны царской власти одинаковымъ повиновеніемъ. Но есть у многихъ одно „сумнительство“, которое должно исторгнуть; это—мнѣніе, что „не вси весьма людіе симъ должествомъ (повиновеніемъ царской власти) обязаны суть, но нѣкіи *выключаются*, именно же *священство* и *монашество*“. Проповѣдникъ прямо говоритъ, что такое выключеніе есть папешскій духъ, какимъ-то образомъ досягающій до насъ; на самомъ дѣлѣ духовенство есть не болѣе какъ одно изъ сословій: „священство бо иное дѣло (особый родъ труда), иной чинъ есть въ народѣ, а не иное государство“.

Это было категорическое рѣшеніе, оканчивавшее споръ о двоевластїи,—но, какъ замѣчаетъ біографъ ¹⁾, связавшее затѣмъ и самого Теофана: ему приходилось или, оставаясь вѣрнымъ своему убѣжденію, рисковать потерей своего положенія и попасть въ какомъ-нибудь дальнемъ монастырѣ подъ началъ у кого-нибудь изъ своихъ непріятелей, или же, для сохраненія своего положенія, сдѣлаться „угодливымъ царедворцемъ“, безусловно одобрять и защищать всѣ распоряженія власти, даже и такія, которыхъ нельзя было бы защищать челоуѣку строгихъ убѣжденій. Должно сказать, однако, что во времена Петра Теофану, кажется, несравненно менѣе приходилось быть угодливымъ царедворцемъ; чѣмъ именно получить возможность свободно высказать свои собственные взгляды и дать имъ практическую силу. То, что было у него въ мысляхъ еще въ Кіевѣ и что онъ могъ высказывать тогда лишь отчасти и намеками, онъ могъ теперь сказать открыто и въ прямомъ поученіи и, наконецъ, въ законодательномъ актѣ, потому что въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 203—204.

своей основѣ его мысли совершенно сходились съ понятіями и желаніями самого Петра. Онъ сталъ правой рукой царя по церковнымъ дѣламъ, по вопросамъ образованія и распространенія полезныхъ книгъ.

Его дѣятельность въ эти послѣдніе годы правленія Петра Великаго касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ, и по его личной инициативѣ, и по порученіямъ Петра. Онъ принимаетъ первостепенное участіе въ церковномъ законодательствѣ составленіемъ знаменитаго „Духовнаго регламента“; онъ пишетъ отвѣтъ на предложеніе Сорбонны о соединеніи церквей; онъ пишетъ богословскіе трактаты, составляетъ важный политическій документъ—„Уставъ“, опубликованный въ февралѣ 1722 года въ оправданіе суда надъ наслѣдникомъ престола, а затѣмъ „Правду воли монаршей въ опредѣленіи наслѣдника державы своей“; онъ составляетъ предисловіе даже къ морскому уставу, а также предисловія къ различнымъ книгамъ, переведеннымъ съ иностранныхъ языковъ; онъ занимается изслѣдованіями по русской исторіи, какова, напр., его „Родословная роспись“, изданная въ 1717 году; составляетъ первоначальную учебную книгу („Первое ученіе отрокамъ“); пишетъ особое изслѣдованіе о патріаршеской власти (до насъ не дошедшее или не оконченное), „Апостольскую географію“ (географическое указаніе странствованій апостоловъ для проповѣди) и т. д. Любопытно отмѣтить, что въ предисловіи къ морскому уставу, гдѣ онъ изложилъ историческія свѣденія о русскомъ флотѣ, Теофанъ высказалъ уже своеобразный взглядъ, что времена удѣловъ, татарское нашествіе, царствованіе Ивана III, смутное время были вообще только продолжительнымъ періодомъ тяжелой болѣзни русскаго государства, исцѣленіе отъ которой началось во времена царей Михаила и Алексѣя и докончено Петромъ. Наконецъ, Теофанъ продолжалъ говорить проповѣди, гдѣ нерѣдко касался самыхъ жгучихъ вопросовъ времени, и эти проповѣди становились такимъ образомъ больше похожи на публицистическій трактатъ, чѣмъ на церковное поученіе. Во всю эту дѣятельность Теофанъ вложилъ не только свою ученость, свои заботы о просвѣщеніи, но и всю живость и энергію своего характера: если еще въ Кіевѣ онъ не только опровергалъ своихъ противниковъ, но не могъ обойтись безъ насмѣшки, то теперь развилась еще сильнѣе и эта сторона его писательства. Не только проповѣдь, но даже законодательный актъ, какъ „Духовный регламентъ“, нерѣдко впадаютъ въ настоящую сатиру. Этой своей стороной не только церковное поученіе, но даже законодательный актъ становятся достояніемъ исторіи литературы.

Съ этой дѣятельностью Теофана мы еще встрѣтимся далѣе ¹⁾.

Наконецъ, третій чрезвычайно оригинальный писатель Петровскаго времени, труды котораго опять бросаютъ характерный свѣтъ на историческое значеніе реформы, какъ органическаго явленія русской жизни, былъ извѣстный *крестьянинъ* Иванъ Тихоновичъ Посошковъ. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ его біографіи и самыхъ сочиненій: то и другое было не однажды подробно изложено и вошло въ учебники; мы отмѣтимъ только основные факты его историческаго положенія.

Три названные нами писателя, которые являются въ особенности характерными представителями Петровскаго времени и такъ или иначе тѣсно связаны съ реформой, въ сущности не имѣютъ между собою ничего общаго: они принадлежатъ различнымъ поколѣніямъ, совершенно различной школѣ, и хотя каждый въ той или другой степени примыкалъ къ реформѣ, но всѣ образовались независимо отъ нея. Стефанъ Яворскій былъ схоластикъ, „черкасъ“, „латинянинъ“ и „обливанецъ“ старой кievской школы и стараго поколѣнія (род. 1658): Петръ обратился къ нему по прежней памяти о кievской школѣ, нѣкогда столько превышавшей московскую, могъ нѣкоторое время пользоваться его содѣйствіемъ, но подъ конецъ они совершенно разошлись, потому что оказалась слишкомъ большая разность, даже противоположность въ ихъ стремленіяхъ. Но идеи Петра въ полной мѣрѣ раздѣлялъ Теофанъ. Это былъ человѣкъ молодого поколѣнія (род. 1681); онъ былъ даже гораздо моложе самого Петра, но прошелъ школу, совершенно независимую отъ какихъ-либо воздѣйствій реформы, и въ этой школѣ, въ Кіевѣ и за границей, его сильный умъ выработалъ теоретическое мировоззрѣніе и пониманіе дѣйствительной жизни, которыя шли совершенно въ разрѣзъ и съ преданіемъ схоластической школы, и со взглядами представителей этихъ преданій въ церковной іерархіи, и напротивъ совершенно совпадали съ духомъ реформы. Теофанъ оставался самимъ собой, высказывалъ свои давнія глубокія убѣжденія, сохранялъ даже свою манеру, свою любовь къ „книгѣ критикѣ“, когда пи-

¹⁾ Весьма характернымъ фактомъ въ судьбѣ Теофана было, между прочимъ, то, что кромѣ нѣсколькихъ, частію вполнѣ официальныхъ трудовъ, напечатанныхъ въ царствованіе Петра, главная масса сочиненій Теофана издана была уже гораздо позднѣе, особенно въ царствованіе Екатерины II, отчасти въ Россіи, отчасти въ Германіи. Полный обзоръ ихъ читатель найдетъ въ главныхъ трудахъ, посвященныхъ Теофану, какъ: названная выше диссертация Ю. О. Самарина, 1844 („Сочиненія“, т. V, 1880); И. Чистовича, „Теофанъ Прокоповичъ и его время“. Спб. 1868, и книга П. О. Морозова, „Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель“. Спб. 1880; а также же читатель найдетъ и главныя указанія относительно литературы о Прокоповичѣ.

салъ „Духовный регламентъ“, и конечно не было другого человека, который въ то время могъ бы примѣнить идеи Петра въ этой области: доля соизданія реформы принадлежитъ несомнѣнно Теофану. Наконецъ, совершенно иную среду, иной складъ мысли и почти полное отсутствіе школы представляетъ Посошковъ: это былъ опять человекъ стараго поколѣнія (род. около 1652 или 1653 года); одною частью своего характера и содержанія онъ сполна принадлежитъ старой Москвѣ, даже идеямъ „Домостроя“, но имъ расширеннаго и облагоустроеннаго, а другой,—этотъ человекъ, уже старый во время разгара реформы, вполнѣ примыкаетъ къ ея страстнымъ порывистымъ стремленіямъ къ просвѣщенію, къ реальному развитію національныхъ силъ¹⁾.

Среда, изъ которой произошелъ Посошковъ, была вполнѣ народная. Онъ родился крестьяниномъ подмосковнаго дворцоваго села, въ благочестивой семьѣ стараго вѣка и даже державшейся старообрядчества. Понятно, что онъ остался „ученію школьному не искусенъ“, но издавна онъ отличался сильной любознательностью, по старинному читался сначала божественныхъ книгъ, а наконецъ самъ, повидимому съ немалымъ трудомъ, выучился и грамматикѣ, и важность ея оцѣнилъ: „безъ грамматическаго обученія,—писалъ онъ впоследствии,—не токмо пресвитеру, но и простолюдину велики трудно. И раскольниковъ отъ чего умножилось? Точію отъ недознанія въ писаніи; аще бы правописаніе они знали, то не стали бы новонаправныхъ книгъ хулити“; онъ хорошо выучился и ариметикѣ, хотя по старому преданію не одобрялъ астрономіи. Но въ то же время это былъ сильный практическій умъ въ широкомъ смыслѣ этого слова: онъ рано набрался ремесленныхъ и практическихъ знаній, которыя послѣ

¹⁾ Литература о Посошковѣ весьма значительна. Одинъ изъ первыхъ обратилъ на него вниманіе Ломоносовъ, около 1752 года; въ печати имя его впервые названо въ „Опытѣ“ Новикова, 1772; въ 1793 издано было сочиненіе Посошкова „о ратномъ поведеніи“; въ 1815—первая записка Посошкова къ Стефану Яворскому. Затѣмъ въ 1842—1863 „Сочиненія“ его („Книга о скудости и богатствѣ“, „Зеркало“) изданы Погодинымъ. Въ 1873, издано Андреемъ Поповымъ „Завѣщаніе Отеческое“ (по неполному списку, только первая половина). Рядъ изслѣдованій о біографіи и значеніи трудовъ Посошкова принадлежитъ А. Г. Брикнеру (по-русски 1874—1879, и по-нѣмецки: „Iwan Possoschkow. Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peters des Grossen. Leipzig, 1878), Есипову (1861), Царевскому (1883), Ремезову (подробное указаніе литературы о Посошковѣ въ книгѣ: „Матеріалы для исторіи нар. просвѣщенія въ Россіи. Самоучки“. Спб. 1886). Наконецъ въ полномъ составѣ „Завѣщаніе Отеческое“ издано было Е. М. Прилежаевымъ, Спб. 1893, съ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ, гдѣ, между прочимъ, сообщены новыя важныя указанія для біографіи Посошкова.

примѣнялъ на дѣлѣ, затѣвалъ и съ успѣхомъ исполнялъ различные промышленные планы, много странствовалъ по Россіи, много наблюдалъ, сталъ, наконецъ, довольно богатымъ человекомъ, владелъ заводами и приписанными къ нимъ крестьянами, имѣлъ дѣла и бывалъ знакомъ съ разными сильными людьми. Изъ всего этого сложилась чрезвычайно оригинальная личность: умный самоучка, богатый практическимъ опытомъ настолько, что ему доступны были самые вопросы государственные; большой начетчикъ въ церковныхъ книгахъ съ чисто московскимъ стариннымъ мировоззрѣніемъ въ вопросахъ благочестія и нравственности, не терпѣвшій иноземцевъ и иновѣрцевъ, и въ то же время строгій судья всѣхъ жизненныхъ и государственныхъ не порядковъ (унаследованныхъ отъ стараго быта), и ревнитель просвѣщенія (какого этотъ старый бытъ не зналъ и не допускалъ). Главными сочиненіями его были: „Завѣщаніе отеческое къ сыну своему, со правоученіемъ, за подтвержденіемъ божественныхъ писаній“; „Зеркало сирѣчь изъясненіе очевидное и извѣстное, на суетумудріа раскольниковъ“; наконецъ, „Книга о скудости и о богатствѣ, сіе есть изъясненіе, отъ чего приключается напрасная скудость, и отъ чего гобзовитое (обильное) богатство умножается“. Первые два сочиненія дотога проникнуты стариной по своей основной мысли и складу изложенія, что „Завѣщаніе“ не однажды сравнивали съ „Домостроемъ“, какъ его развитіе и новую формацію, а „Зеркало“, какъ мы видѣли раньше, такъ правилось Дмитрію Ростовскому, что, по словамъ его, онъ не писалъ бы своего „Розыска“, еслибы раньше зналъ „Зеркало“. Такова же и религиозно-нравственная основа „Книги о скудости и богатствѣ“, въ которую, дѣйствительно, нѣкоторыя мѣста „Завѣщанія“ вошли цѣликомъ. По замѣчанію новѣйшаго біографа Посошкова, двѣ первые книги даютъ ему право быть причисленнымъ къ „лучшимъ представителямъ старинной русской образованности“. Какъ увидимъ, однако, уже въ этихъ книгахъ было многое, чего эта образованность не думала и въ чемъ Посошковъ являлся человекомъ другого историческаго періода. Его любознательность направлялась не только на божественные предметы, которые у старыхъ книжниковъ одни считались достойнымъ предметомъ изученія, но и на „гражданскія и бытѣйскія книги“, „чтобы обо всемъ знать, что доселѣ бывало“; мы говорили объ его техническихъ званіяхъ, которыя онъ старался обобщить и найти имъ примѣненіе для государственнаго хозяйства, и онъ сознавалъ, что у насъ обыкновенно не знаютъ всей важности такихъ предметовъ потому, что „за моремъ не бывали“; этого послѣд-

ниго старая Русь, какъ извѣстно, боялась какъ огня. Ново было въ Посошковѣ и другое—его „презѣльная горячесть“ къ общественной правдѣ и пользѣ, побудившая его и къ его писаніямъ, которыя считалъ онъ дѣломъ для него не безопаснымъ, потому что, говоря правду, онъ могъ возбудить противъ себя злобу многихъ сильныхъ людей,—какъ это послѣ и случилось. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Посошковъ такъ или иначе касается различныхъ жгучихъ вопросовъ того времени, и его „горячесть“ была именно поддержана тѣмъ могущественнымъ движеніемъ, какое давала русской жизни реформа, — свои проекты, практическіе совѣты, свой собственный опытъ онъ предлагаетъ на усмотрѣніе и службу „великому государю“, увѣренный, конечно, что именно у него онъ можетъ найти вниманіе къ своимъ мыслямъ. Нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ его различныхъ совѣтовъ; довольно отмѣтить нѣсколько предметовъ, на которыхъ онъ останавливается съ особенной заботливостью. Главная мысль, на которой основана книга о скудости и богатствѣ, состоитъ въ томъ, что царственное (государственное) богатство состоитъ не въ царской казнѣ, не въ богатствѣ царскаго „синклита“, который ходитъ въ златотканыхъ одеждахъ, но въ богатствѣ самого народа: „паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, то-есть, о истинной правдѣ; правдѣ отецъ—Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ, и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ—дѣволъ, и неправда не токмо вновь (не) богатитъ, но и древнее богатство отгончеваетъ, и въ нищету приводитъ, и смерть наводитъ“. Но, исходя изъ этой по старинному поучительной мысли, Посошковъ рисуетъ самую реальную картину той неправды, которая распространена была въ русской жизни и искорененіе которой онъ считаетъ и Божьимъ дѣломъ, и государственной необходимостью. При всемъ его благочестіи и, повидимому, церковномъ настроеніи, при всей его враждѣ къ „люторству“ и другимъ иноземнымъ ересямъ, у него нѣтъ тѣни стариннаго московскаго національнаго и религіознаго самолюбія. Представитель стараго вѣка, онъ очень далекъ отъ мысли о совершенствахъ этой старины; онъ объ ней не заблуждается: „ни вѣры своея, какова она есть, ни благочинія духовнаго, ниже естественнаго добронравія, ни гражданства добраго, какъ надлежитъ жить, не разумѣмъ, но живемъ чуть не подобны безсловеснымъ“, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ доношеній Яворскому; онъ скорбитъ о нечѣстствѣ „учительнаго сословія“ и безграмотствѣ народа, и настаиваетъ на необходимости самаго широкаго распространенія

школы. Эти рѣчи его о духовномъ сословіи, о монашествѣ, о необходимости обученія нерѣдко совершенно совпадаютъ съ мыслями Теофана и съ „Духовнымъ регламентомъ“. Его стремленіе служить правдѣ и народной пользѣ шло, очевидно, изъ того же глубоко народнаго историческаго инстинкта, который возбуждалъ преобразованія самого Петра, и, быть можетъ, никто изъ современниковъ не понималъ такъ хорошо и такъ сердечно трудности его дѣла, какъ этотъ разумный крестьянинъ. Онъ понималъ „правдолюбивое сердце“ царя, скорбѣлъ, что „пособниковъ по его желанію не много“, что „великій монархъ трудитъ себя“ почти въ одиночествѣ, что русскіе люди не хотятъ служить общей пользѣ: „онъ на гору еще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ, то како дѣло его споро будетъ?“ „Сеннинъ, — писалъ Посошковъ въ послѣдніе годы жизни Петра и своей собственной жизни, — колико новыхъ статей (т.-е. законовъ) издано, а не много въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолеваетъ“... Поэтому онъ задумалъ свой послѣдній трудъ, „Книгу о скудости и богатствѣ“, возгорѣвши желаніемъ сказать царю откровенное слово о той неправдѣ, какая препятствуетъ успѣху его начинаній, какъ люди, называющіе себя слугами царскаго величества, поступаютъ „вопреки прямому радѣтелю“, и представить „на разсужденіе единого явнаго правдолюбца“ свои мысли о томъ, что сдѣлать, „дабы *вся наша Россія обновилась какъ въ духовности, такъ и въ гражданствѣ*“.

Книга Посошкова была именно знаменательна какъ сочувствіе разумнаго, истинно народнаго человѣка старой Россіи къ предпринятому обновленію.

А. Пыпинъ.

ЯПОНСКІЕ МОТИВЫ

I. — ДАРУМА.

Томимый жаждою ума,
Въ далекій путь, во время дню,
Искать пустился Дарума
На свѣтъ лучшаго закона.
И цѣлый міръ онъ обошелъ,
Онъ исходилъ всѣ страны свѣта;
Но въ ихъ законахъ не нашелъ
Онъ ни единого отвѣта.
И понялъ онъ, что не умомъ
Давно пріять уразумѣнье,
И сталъ искать въ себѣ самомъ
Вопросамъ жизни разрѣшеніе.
И онъ тогда покинулъ свѣтъ
Съ его тревожной суетою,
И пробылъ девять долгихъ лѣтъ
Наединѣ съ самимъ собою.
Онъ духъ строптивый укротилъ,
Отревся отъ ума гордыни,
И въ чистомъ сердцѣ ощутилъ
Приливъ любви и благостыни.
И въ сердцѣ всю онъ прочиталъ
Задачу бытія земного,—
И „*кромя сердца*“,—онъ сказалъ,—
„*Закона нѣтъ другого*“.

II.—КЪ ПОРТРЕТУ ДАРУМЫ

съ его изреченіемъ.

Одинъ съ самимъ собой, въ стѣнахъ монастыря,
 Сидѣлъ онъ девять лѣтъ на мѣстѣ безъ движенія,
 Куда-то въ даль свой взоръ загадочный вперя;
 И ноги отнялись отъ долгаго сидѣнья.
 Но не смутился онъ. Его ужъ озарялъ
 Благословенный свѣтъ великихъ пониманій.
 — „Страданье—радости начало“,—онъ сказалъ,—
 „Оно предвѣденіе отсутствія страданій,
 „И человекъ лишь въ немъ блаженство познаетъ.
 „Пройдетъ все на землѣ! И, поздно или рано,
 „Всю эту суету, весь этотъ жизни гнетъ,
 „И скорбь, и радости, и счастье—все сольетъ
 „Въ покоѣ вѣчности блаженная Нирвана“.

М. Хитрово.

Токио.

ТОРЖЕСТВО МИРОЛЮБІЯ

Весьма интересную картину представляет современное общественное мнѣніе всего культурнаго міра, столь сильно и единодушно выразившееся по поводу кончины императора Александра III. Теперь всѣ превозносятъ миръ, — и правительства, и парламенты, и печать, безъ различія партій и направленій. Во всѣхъ странахъ торжественно признается величайшей заслугою воздержаніе отъ воинственныхъ предпріятій, о которыхъ, однако, всѣ до сихъ поръ хлопотали неустанно подъ предлогомъ обезпеченія государственнаго могущества и достоинства. Титулъ миротворца, справедливо соединяемый съ именемъ усопшаго Государя, повсюду провозглашается теперь наивысшимъ и почетнѣйшимъ выраженіемъ челоувѣческой славы. Грандіознѣйшая всемірная манифестація въ пользу общаго мира завершила собою минувшее царствованіе, какъ краснорѣчивый заключительный итогъ усилій и стремленій, имѣвшихъ, однако, по преимуществу національную окраску.

Проповѣдь недоувѣрія и вражды между народами громко осуждена даже тѣми, для которыхъ она была любимымъ, специальнымъ занятіемъ; идея національной обособленности и нетерпимости отвергнута даже всегдашними ея глашатаями и приверженцами; система національнаго и племеннаго антагонизма, подготавливающая войну путемъ вооруженій и насилій, объявляется нынѣ несостоятельною, безусловно пагубною для народовъ и государствъ. Предъ этимъ великимъ и неожиданнымъ торжествомъ миролюбія вдругъ умолкли воинствующие публицисты, считавшіе до сихъ поръ своею задачею сѣять раздоръ между націями и племенами; прекратились обвиненія миролюбцевъ въ недостаткѣ патріотизма или въ слабости, и наиболѣе усердные поклонники международной „предприним-

чивости" вынуждены были присоединиться къ общему хору хвалителей мира.

Тяжелый ударъ нанесенъ особенно нашимъ узкимъ націоналистамъ,—тѣмъ болѣе тяжелый, что они долго выдавали сами себя за истинныхъ выразителей политическихъ воззрѣній, господствовавшихъ въ минувшее царствованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ преподавъ внушительный урокъ „патріотамъ“, мечтающимъ о военныхъ побѣдахъ и завоеваніяхъ: политика твердаго мира доставила Россіи такое могущественное, общепризнанное, почетное положеніе въ Европѣ и обезпечила русскому правительству такія прочныя заграничныя симпатіи, какихъ мы никогда не приобрѣли бы при помощи самыхъ успѣшныхъ войнъ.

Еще съ начала восьмидесятыхъ годовъ и до послѣдняго времени играло большую роль въ нашей печати мнимо-національное, воинственное направленіе, выражавшееся главнымъ образомъ въ газетныхъ нападкахъ на все иноземное (кромѣ французскаго), въ настойчивыхъ призывахъ къ активной борьбѣ съ различными западно-европейскими державами и къ энергическому вмѣшательству въ чужія дѣла, напр. въ болгарскія, корейскія и иныя, а также въ систематической травлѣ инородныхъ элементовъ населенія внутри государства. Мы видимъ теперь, что это направленіе прямо противоположно тому, плоды котораго привѣтствуются во всемъ мірѣ и вызываютъ чувства признательности даже среди традиціонныхъ нашихъ враговъ. Официальная политика неизмѣнно оставалась политикою миролюбія и сдержанности, и именно эти ея черты давали поводъ нашей лже-патріотической печати высказываться болѣе или менѣе рѣзко противъ дѣятельности министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ циркулярной депешѣ къ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ, отъ 4-го марта 1881 года, выражено было, между прочимъ, слѣдующее: „Нынѣ она (Россія) достигла своего полного развитія. Чувства зависти и недовольства ей одинаково чужды. Ей остается только упрочить свое положеніе, оградить себя извнѣ и развить свои силы, свои богатства, свое благосостояніе. Государь Императоръ посвятитъ свои силы прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и съ вопросами экономическими и социальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ. Внѣшняя политика Его Величества будетъ исполнѣ миролюбивою. На Россіи лежитъ прежде всего забота о самой себѣ; только долгъ защитить честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы“ („Правит. Вѣстн.“,

1881, № 50, отъ 6-го марта). Главныя заботы, какъ видно изъ Высочайшаго манифеста, отъ 29-го апрѣля 1881 года, направлены были „къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений, дарованныхъ Россіи“. Въ рескриптахъ по случаю коронаціи, въ маѣ 1883 года, эти мирныя намѣренія и рѣшенія выражены еще съ большею опредѣленностью. Правительство заявляло, что „обширность государства, многомилліонность его населенія не даютъ мѣста никакимъ завоевательнымъ помысламъ. Мирное развитіе силъ Россіи, преуспѣваніе сыновъ ея на разнообразныхъ поприщахъ гражданской жизни, процвѣтаніе всякаго полезнаго труда составляютъ *исключительно* предметы государственныхъ попеченій и всегда будутъ служить предпочтительными побужденіями миролюбивой политики нашей,—политики, неизмѣнно направленной къ охраненію какъ дружественныхъ, на договорахъ основанныхъ, отношеній къ прочимъ державамъ, такъ и непоколебимаго достоинства имперіи“. Въ рескриптахъ признавалась настоятельная необходимость „заботъ объ облегченіи народныхъ тягостей“, а также важность „искренняго уваженія къ наукѣ и яснаго пониманія ея значенія въ сферѣ государственнаго управленія“.

Этимъ заявленіямъ 1883 года предшествовалъ періодъ сильной тревоги по поводу отношеній между Германією и Россією; угрожающій тонъ нѣмецкой оффиціозной печати находилъ отголосокъ въ вызывающихъ статьяхъ нѣкоторыхъ нашихъ газетъ, особенно „Руси“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и отчасти „Новаго Времени“. Въ Германіи господствовалъ еще безпокойный націонализмъ, въ лицѣ князя Бисмарка; у насъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ извѣстный дипломатъ и славянофилъ, графъ Н. П. Игнатьевъ, а отъ имени русскаго общества и народа громче всѣхъ говорили Катковъ и Аксаковъ. Можно было думать, что миролюбивая программа, олицетворяемая министромъ иностранныхъ дѣлъ, Н. К. Гирсомъ, не раздѣляется другими членами правительства и встрѣчаетъ противодѣйствіе въ наиболѣе вліятельной части общественнаго мнѣнія. Такъ полагали за границей, и убѣжденіе въ неминуемости скорой войны распространилось и врѣпло въ Германіи, какъ и у насъ. Наши патріоты приписывали коварству нѣмецкой дипломатіи всѣ неудачи и разочарованія, испытанныя нами во время турецкой войны и на берлинскомъ конгрессѣ; нѣмецкая пресса, въ свою очередь, обвиняла насъ въ чрезмѣрномъ честолюбіи и въ славянофильскихъ замыслахъ, опасныхъ для Европы.

Въ концѣ 1882 года появилось въ нѣмецкихъ газетахъ сооб-

щеніе объ австро-германскомъ оборонительномъ договорѣ, заключенномъ въ октябрѣ 1879 года и направленномъ противъ Россіи. Впослѣдствіи къ этому союзу присоединилась и Италія, въ видѣ противовѣса возможному франко-русскому сближенію. Мысль о великой европейской войнѣ овладѣла умами, бросая мрачную тѣнь на близкое будущее. „Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, — писали мы въ маѣ 1883 года, — не разъ поднимались у насъ воинственные голоса, пытавшіеся заглушить насущныя нужды и задачи внутренней жизни громкими планами походовъ на сосѣднія страны — на Австрію и Германію. Всѣмъ еще памятна энергическая рѣчь покойнаго генерала Скобелева (въ Парижѣ), отыскавшаго корень зла внѣ насъ самихъ и нашего обширнаго отечества, — въ злополучныхъ нѣмцахъ. Передъ Европою носился уже какъ будто ужасающій кошмаръ истребительной безсмысленной рѣзни между двумя могучими расами — славянскою и германскою. Возможность и даже неизбежность такого столкновенія все болѣе входила въ сознаніе людей, интересующихся политическими дѣлами, — а то, что сознается какъ неизбежное, совершается рано или поздно сознательно подъ вліяніемъ убѣжденія, что таковъ уже приговоръ судьбы или, какъ говорятъ, исторіи... Пророчества, въ родѣ Скобелевскаго, возбуждаютъ опасныя инстинкты, затрудняютъ взаимное довѣріе народовъ и направляютъ умы въ дурную сторону. Толки нашихъ легко воспламеняющихся патріотовъ, готовыхъ щедро проливать чужую кровь, приняты были въ Европѣ какъ нѣчто серьезное, и, быть можетъ, эти славянофильскія угрозы были непосредственною побудительною причиною заключенія новаго тройственнаго союза между Германіею, Австріею и Италіею. Малая причина ведетъ нерѣдко къ крупнымъ послѣдствіямъ, и это, въ сожалѣнію, бываетъ чаще въ дурномъ, чѣмъ въ хорошемъ“.

Національная или „народная политика“, о которой много разсуждали тогда наши газеты, не имѣла ничего общаго съ миролюбіемъ и должна была, понятно, смущать иностранцевъ. Русскія общественныя стремленія покрыты для Запада непроницаемымъ туманомъ, а недостатокъ свѣта даетъ просторъ какимъ угодно догадкамъ и опасеніямъ, поддерживая хроническое безпокойство, которое можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, привести къ дѣйствительному столкновенію. Нѣмцеко-русская воинственная полемика была именно слѣдствіемъ того полумрака, подъ прикрытіемъ котораго могла неожиданно подкрасться къ намъ война, вызванная незнаніемъ русскихъ дѣлъ и заботъ. Графъ Кальноки публично засвидѣтельствовалъ, въ октябрѣ 1883 года, что между

правительствами Австро-Венгрии и России существуют вполне нормальные отношения, но что „этому противорѣчитъ поведеніе русской печати, составляющей (будто бы) единственную причину безпокойства“; австрійскій министръ, напомнивъ о военномъ союзѣ съ Германіею на случай русскаго нападенія, выразилъ при этомъ надежду, что „неоднократно выраженное желаніе высшихъ русскіхъ сферъ о сохраненіи дружественныхъ связей“ съ сосѣдними имперіями „проникнуть и въ русскій народъ“ (т.-е. въ кружки газетныхъ патріотовъ, воевавшихъ съ Западомъ отъ имени русскаго народа). Миротлюбивыя усилія нашей дипломатіи не могли разувѣрить западно-европейскую публику относительно воинственныхъ, честолюбивыхъ стремленій русскаго общества. Свиданіе трехъ императоровъ и ихъ руководящихъ министровъ въ Сверненицахъ, въ началѣ сентября 1884 года, имѣло скорѣе характеръ перемирія, чѣмъ окончательнаго соглашенія; оно положило конецъ тревожнымъ толкамъ о предстоящихъ войнахъ, но не уничтожило опасеній относительно скрытыхъ плановъ, отложенныхъ будто бы на неопредѣленное время.

Вооруженія продолжались и усиливались съ прежнею энергіею, въ погонѣ за идеаломъ всеобщей „боевой готовности“. Наши патріоты отчасти оставили въ покоѣ Германію и принялись за Англію. Передвиженія военныхъ отрядовъ въ Средней Азіи, близъ границъ Афганистана, дали новую пищу газетной проникательности и предпримчивости; извѣстная часть печати обнаружила готовность выступить немедленно въ походъ противъ англичанъ и присоединить Индію къ русскіймъ владѣніямъ. Газеты спорили о Пендѣ, Серахсѣ и Пуль-и-Катунѣ съ такою горячностью, какъ будто дѣло шло о самыхъ дорогихъ и близкихъ интересахъ отечества; въ печати раздавались призывы къ подъему національнаго духа въ области далекихъ невѣдомыхъ степей, и эти угрозы нашли какъ будто подтвержденіе въ неожиданномъ извѣстіи о битвѣ съ афганцами при Купкѣ, близъ Ташкента, 18-го марта 1885 года. Лондонскій кабинетъ обратился къ русскому правительству съ предложеніемъ выразить порицаніе генералу Комарову и отозвать его отъ занимаемой имъ должности, такъ какъ дѣйствія русскихъ войскъ не соответствовали ранѣе заключенному соглашенію, въ силу котораго русскіе и афганскіе форпосты не должны были произвольно мѣнять свои позиціи. Отрицательный отвѣтъ Россіи на представленія Англіи побудилъ Гладстона потребовать у парламента чрезвычайнаго кредита на военныя надобности. Чувство недовѣрія къ обѣщаніямъ и заявленіямъ русскаго правительства выражалось довольно рѣзко

не только въ англійской журналистикѣ, но и въ рѣчахъ самого премьера. Безцѣльная и разорительная война казалась уже близкою и неминуемою; но гроза прошла, благодаря своевременной уступчивости обѣихъ сторонъ.

Въ Европѣ опять повѣяло миромъ. Празднества въ Гапштейнѣ и Кремзирѣ (въ августѣ 1885 года) указывали на фактическое сближеніе между Австро-Венгерією и Россією, при „духовномъ“ участіи Германіи. Возродились какъ будто традиціи тройственного союза, и слава князя Бисмарка ярче, чѣмъ когда-либо, блистала на политическомъ горизонтѣ. Однако мирное настроеніе держалось недолго; оно было внезапно нарушено болгарскимъ переворотомъ 6-го сентября, выдвинувшимъ на сцену новый жгучій вопросъ,—источникъ новыхъ волненій и замѣшательствъ. Послѣ того какъ благополучно окончились словесныя схватки съ нѣмцами и англичанами, настала очередь болгаръ и восточныхъ дѣлъ, и въ этомъ случаѣ безпринципное усердіе нашихъ націоналистовъ превысило самыя смѣлыя ожиданія.

Какъ отнеслась наша патріотическая печать къ событію, упразднившему одно изъ главныхъ дѣлъ обиднаго для насъ берлинскаго конгресса и возстановившему въ этомъ отношеніи силу санъ-стефанскаго договора,—объ этомъ совѣстно и вспомнить въ настоящее время. Газета, основавшая свой успѣхъ на крайнемъ увлеченіи моднымъ славянофильствомъ въ эпоху сербской войны, предлагала теперь обуздать болгаръ при помощи Турціи! Недавніе славянолюбцы, громившіе Европу и особенно Германію за берлинскій трактатъ, заговорили вдругъ объ охранѣ неприкосновенности этого трактата, о совмѣстномъ дѣйствіи и даже союзѣ съ Портою противъ болгаръ и славянства, о пользѣ пребыванія Восточной Румеліи подъ владычествомъ турецкихъ пашей. „Московскія Вѣдомости“ не находили достаточно сильныхъ словъ для выраженія своего негодованія противъ болгарскихъ дѣятелей, низложившихъ Гавріила-пашу въ Филиппополѣ; газета выразилась о Каравеловѣ, что онъ „безмозглый и безшабашный“, а Странскаго назвала „невѣждою и тупицею“. „Современныя Извѣстія“, требовавшія когда-то уничтоженія Турціи безъ остатка, совѣтовали заключить тѣсный союзъ съ султаномъ, не отступая даже отъ ручательства за цѣлость турецкой имперіи, ибо „политика идетъ по образу и подобию коммерціи“. И. С. Аксаковъ въ „Руси“ находилъ полезнымъ „двинуть войска на полуостровъ, при чемъ Россія немедленно заняла бы ворота Босфора и расположилась бы гдѣ-нибудь пониже Буюкъ-дерѣ къ Черному морю, на обѣихъ берегахъ, азіатскомъ и европейскомъ“. Воссоединеніе обѣихъ

Болгарій допускалось „Русью“ только при одномъ условіи, что „хозяевами и распорядителями должны бы быть мы, никто какъ мы“!!.. Переворотъ совершенъ „по личному дерзкому почину болгарскаго князя“, который есть только „поручикъ прусской службѣ“, а потому необходимо русское вмѣшательство. „Чтобы взять крѣпко дѣло въ руки,—говорила „Русь“:—Россія должна занять крѣпкую стратегическую позицію на самомъ Балканскомъ полуостровѣ, и именно на Босфорѣ,—позицію, которая бы тотчасъ дала ей на полуостровѣ господствующее положеніе. Да и не откладывать этого дѣла,—иначе будетъ уже поздно!“ Перспектива кровавой борьбы съ цѣлою Европою не останавливала храбрыхъ патріотовъ. Бездушное политиканство самой дешевой пробы прикрывалось знаменемъ Россіи и ея народнаго духа, а множество лѣнивыхъ умовъ принимало пустыя и звонкія слова за откровенія чисторусскаго національнаго чувства.

Болгарскій кризисъ не привелъ къ войнѣ, несмотря на всѣ старанія нашихъ бывшихъ „славянофиловъ“. Трагикомическій походъ короля Милана въ Болгарію, завершившійся разгромомъ сербскихъ войскъ при Сливницѣ, значительно поправилъ дѣла Болгаріи и возвысилъ личное положеніе князя Александра, придавъ ему ореолъ побѣдителя; но дипломатическій разладъ съ Россією былъ не по силамъ княжества и порождалъ внутреннія и внѣшнія затрудненія, которыя еще болѣе усложнились арестованіемъ болгарскаго князя и увозомъ его за предѣлы страны, 9-го августа 1886 года. Трехдневное господство Цанкова, Каравелова и митрополита Климента вызвало контръ-революцію Стамбулова и торжественное возвращеніе князя Александра въ Софію; еще черезъ три дня принцъ Баттенбергъ, послѣ тщетнаго обращенія къ русскому правительству, отрекся отъ престола и передалъ власть въ руки регентства. Наши патріотическія газеты напутствовали злополучнаго принца обычными рѣзкостями, называя его „проходимцемъ“, и нисколько не стѣсались при этомъ его родствомъ съ царствующею фамилією, въ виду официально объявленной противъ него опалы. Въ этихъ нападкахъ на личность осужденнаго нашей дипломатією болгарскаго князя, ставленника Россіи, было, конечно, меньше смѣлости, чѣмъ холопства. Удаленіе Баттенберга не принесло однако ожидаемыхъ плодовъ. Вмѣсто предположеннаго успокоенія, въ странѣ водворилось нѣчто въ родѣ анархіи. Миссія генерала Каульбарса окончилась полною неудачею и совершенно испортила отношенія между Россією и освобожденнымъ ею болгарскимъ народомъ; повелительный тонъ, принятый этимъ военнымъ дипломатомъ, возбудилъ общее раздра-

женіе и положилъ прочное начало успѣхамъ анти-русской партіи въ Болгаріи. „Повсемѣстное безначаліе“ въ княжествѣ послужило официальнымъ мотивомъ для отправки двухъ броненосцевъ въ Варну, съ цѣлью защиты интересовъ русскихъ подданныхъ; затѣмъ, убѣдившись въ бесполезности своихъ категорическихъ требованій, баронъ Каульбарсъ уѣхалъ вмѣстѣ съ другими русскими агентами, и окончательный формальный разрывъ былъ единственнымъ результатомъ его своеобразной дипломатической миссии. Съ конца 1886 года Россія не имѣла своихъ представителей въ созданномъ ею княжествѣ, очистивъ мѣсто господству иностранныхъ вліяній, преимущественно австрійскаго и британскаго. На этой почвѣ утвердилось владычество Стамбулова, который былъ силенъ только впечатлѣніями, оставленными въ народѣ неудачными дѣйствіями и угрозами черезъ-чуръ усердныхъ посланцевъ миролюбивой державы-освободительницы.

Патріоты вздумали и на этотъ разъ взвалить отвѣтственность на Германію и пытались по мѣрѣ возможности подорвать основы мира между двумя сосѣдними имперіями, но встрѣтили энергическій и своевременный отпоръ со стороны нашего дипломатическаго вѣдомства. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано было сообщеніе, отъ 3-го декабря 1886 года, объ истинныхъ цѣляхъ нашей внѣшней политики и о дѣйствительномъ ея характерѣ по отношенію къ болгарскимъ дѣламъ. Въ нѣкоторыхъ газетныхъ статьяхъ, — сказано было въ этомъ сообщеніи, — „русской публикѣ внушается, что затрудненіями, препятствующими удовлетворительному разрѣшенію болгарскаго вопроса, мы обязаны преимущественно негласному воздѣйствію Германіи, которая поэтому выставляется опаснымъ врагомъ Россіи, злоумышляющимъ противъ ея достоинства и безопасности. Нельзя не пожалѣть о подобныхъ неосновательныхъ увлеченіяхъ. Съ Германіею, какъ съ своимъ непосредственнымъ сосѣдомъ, Россія связана многочисленными жизненными интересами, благодаря которымъ отношенія между обѣими державами издавна упрочились и уже неоднократно выдерживали испытанія. Такія отношенія одинаково важны для благосостоянія обоихъ государствъ, что одинаково сознается ихъ правительствами, и нельзя не пожелать продленія этихъ отношеній на долгіе годы. Будучи твердо намѣрено по прежнему относиться съ должнымъ вниманіемъ къ собственно германскимъ интересамъ, императорское правительство имѣетъ полное основаніе быть увѣреннымъ, что и Германія, съ своей стороны, будетъ продолжать воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій, могущихъ затронуть какъ достоинство Россіи, такъ и интересы, создавшіеся

вслѣдствіе историческихъ отношеній къ нашимъ восточнымъ единовѣрцамъ, и что вліяніе ея будетъ направлено лишь къ поддержанію всеобщаго мира, въ которомъ нуждается Европа и который составляетъ равнымъ образомъ предметъ живѣйшихъ желаній русскаго царя и его народа. Чѣмъ сложнее и щекотливѣе политическія обстоятельства, тѣмъ болѣе осмотрительности и хладнокровія требуется при ихъ оцѣнѣ, и слѣдовательно, тѣмъ менѣе можно оправдать опрометчивость и заносчивость сужденій, высказываемыхъ органами печати, голосъ которой далеко не лишенъ значенія въ международныхъ отношеніяхъ“.

Наиболѣе вліятельная изъ „патріотическихъ“ газетъ, отличавшаяся особенною заносчивостью сужденій, относительно западно-европейскихъ державъ, не сочла нужнымъ помѣстить на своихъ столбцахъ приведенное оффиціальное сообщеніе, и этотъ молчаливый протестъ „Московскихъ Вѣдомостей“ не остался незамѣченнымъ за границей. Иностранная пресса имѣла полное основаніе заключить, что стремленія такъ называемой національной партіи далеко не раздѣляются въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Мысль о военной оккупациі Болгаріи была въ самомъ началѣ признана несвоевременною. Въ циркулярной депешѣ, разосланной министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, было разъяснено, что въ болгарскихъ дѣлахъ мы руководствуемся лишь интересами законности и соображеніями о благѣ самихъ болгаръ. По словамъ этого циркуляра, „вызывая всѣхъ своихъ агентовъ, Императорское правительство вовсе не намѣрено нарушать связи, соединяющія Болгарію съ Россією. Прибѣгая къ этой мѣрѣ, оно хотѣло только заявить, что оно отказывается признать законность настоящаго порядка вещей, при которомъ ничтожное меньшинство, захватившее власть, считаетъ себя въ правѣ, по своему личному благоусмотрѣнію, распоряжаться судьбою болгарскаго народа и обращать его въ орудіе революціонныхъ страстей, губительно дѣйствующихъ на общественную нравственность“. Въ случаѣ продленія настоящаго порядка вещей, созданнаго опаснымъ филиппопольскимъ переворотомъ, „Болгарія не только должна подвергнуться новымъ невзгодамъ, но она не преминетъ обратиться въ очагъ анархіи и революціонныхъ страстей, которыя будутъ служить постоянною угрозою миру и спокойствію на Востоку“. Считаая своимъ долгомъ заботиться о сохраненіи этого спокойствія и оставаясь на почвѣ трактата, Императорское правительство намѣрено по прежнему направлять свои усилія къ прекращенію тяготящаго надъ Болгарією гнета и къ восстановленію въ странѣ этой законнаго порядка, который могъ бы слу-

жить надежнымъ залогомъ ея будущаго преуспѣянія и оправданіемъ тѣхъ тяжелыхъ жертвъ, которыя понесла Россія. Будучи совершенно чуждо какимъ бы то ни было своекорыстнымъ замысловъ, Императорское правительство не намѣрено извѣщать согласія ни на какую комбинацію, которая, подъ личиною законности, служила бы лишь къ упроченію ненормальныхъ условій, въ которыя нынѣ поставлена Болгарія". Такимъ образомъ дипломатія стояла на точкѣ зрѣнія неизмѣннаго *status quo* и высказывалась заранѣе противъ всякаго компромисса на почвѣ совершившагося факта воссоединенія княжества съ Восточною Румелією. А такъ какъ этотъ совершившійся фактъ былъ въ высшей степени популяренъ среди болгарскаго населенія и не могъ уже быть взятъ обратно, то противоѣдѣствіе ему со стороны дипломатіи по неволѣ оставалось чисто пассивнымъ, отрицательнымъ. Просьбы болгарскихъ правителей о назначеніи подходящаго кандидата на вакантный княжескій престолъ послѣдовательно и твердо отклонялись, хотя одна изъ поставленныхъ регентами кандидатуръ—принца Вальдемара датскаго—должна была бы заслужить одобреніе Россіи. Чтобы покончить съ кризисомъ, представители болгарскаго народа, въ іюлѣ 1887 года, выбрали княземъ принца Фердинанда Кобургскаго, состоявшаго въ австрійской военной службѣ. Въ дипломатической нотѣ нашего правительства, отъ 29 іюля, указано было на незаконность избранія этого принца и прибытія его въ Болгарію, при чемъ выражена была надежда, что великія державы „не потерпятъ такого явнаго нарушенія берлинскаго трактата". Великія державы однако не только допустили водвореніе принца въ Софію, но весьма недвусмысленно оказывали ему сочувствіе и поддержку. Съ того времени принцъ Фердинандъ былъ для нашихъ газетъ только „самозванцемъ" и „лже-княземъ", чѣмъ не мѣшало ему впрочемъ крѣпко держаться развѣ занятаго положенія и основать болгарскую династію съ значительными шансами на успѣхъ. Событія показали, что непреклонное „*non possumus*" не всегда приводитъ къ желательнымъ послѣдствіямъ въ политикѣ. Враждебный, вызывающій тонъ нашей печати относительно Болгаріи служилъ какъ бы оправданіемъ для господства Стамбулова и его системы, поддерживая за границей недовѣріе къ нашему миролюбію и возстановляя противъ насъ общественное мнѣніе Запада.

Самымъ тяжелымъ годомъ для Европы въ политическомъ отношеніи былъ несомнѣнно 1887-ой годъ. Воинственная горячка, исходившая отъ берлинской оффиціозной прессы, періодически распространяла панику и держала народы и правительства въ

крайне напряженномъ состояніи, подъ тягостнымъ страхомъ кровавой катастрофы. Князь Бисмаркъ прибѣгалъ къ обычнымъ запугивающимъ приѣмамъ, чтобы побудить парламентъ къ уступчивости или заставить избирателей подавать голоса въ пользу правительства на парламентскихъ выборахъ. Играя миромъ и войною, при помощи своихъ офиціозовъ, онъ искусственно создавалъ настроеніе, которое въ каждую данную минуту могло разрѣшиться колоссальнѣйшимъ кровопролитіемъ; онъ предсказывалъ, что въ будущей борьбѣ съ Франціею придется „saigner à blanc“, довести взаимное истощеніе до полного безкровія, и этими ужасами онъ оправдывалъ необходимость непрерывныхъ, прогрессивно возрастающихъ вооруженій. Три раза въ теченіе 1887 года возникла дѣйствительная опасность франко-германской войны: въ январѣ и февралѣ, во время нѣмецкой газетной кампаніи противъ французовъ изъ-за отклоненія военнаго септенната имперскимъ сеймомъ; въ апрѣлѣ, по поводу захвата французскаго комиссара Шнебеле германскими властями, и наконецъ, въ сентябрѣ, по случаю стрѣльбы нѣмецкой пограничной стражи въ охотившихся французовъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ, а двое ранены. Два раза предпринимался въ Берлинѣ офиціозный газетный походъ противъ Россіи: въ іюлѣ—противъ русскихъ финансовъ, и въ концѣ года—противъ русскихъ вооруженій, угрожающихъ будто бы безопасности Австро-Венгріи. Два раза обсуждались въ Германіи значительныя военныя реформы, съ цѣлью довести вооруженныя силы имперіи до послѣдней степени напряженія,—въ началѣ года „септеннатъ“, въ концѣ—преобразование ландвера и ландштурма. Вслѣдъ за германской имперіею должны были увеличивать свои военныя средства и другія державы, не только первоклассныя, но и второстепенныя: чрезвычайныя военныя кредиты были послѣдовательно утверждены парламентами Франціи, Австро-Венгріи, Румыніи и Бельгіи. Въ нѣмецкой офиціозной печати все чаще упоминалось о возможности войны на два фронта, такъ какъ франко-русское сближеніе естественно вытекало изъ обстоятельствъ, раздѣлившихъ Европу на два враждебныхъ лагеря. Наша дипломатія давала понять, что Россія сохранить свободу дѣйствій на случай европейской войны и не допустить новаго разгрома Франціи, въ виду интересовъ политическаго равновѣсія. Князь Бисмаркъ заранѣе принялъ свои мѣры, заручившись формальнымъ союзомъ съ Австро-Венгріею и Италіею, и теперь онъ окончательно организовалъ эту новую тройственную лигу, на началахъ взаимной помощи и охраны территорій участвующихъ государствъ, въ случаѣ вовлеченія кого-либо

изъ союзниковъ въ войну. Въ февралѣ 1888 года былъ официально обнародованъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ подлинный текстъ австро-германскаго союзнаго договора, чтобы повліять извѣстнымъ образомъ на Россію или, вѣрнѣе, на русскихъ націоналистовъ.

Если война все-таки не вспыхнула между Германіею и Франціею ни въ 1887 г., ни въ послѣдующіе годы, вопреки всѣмъ угрозамъ и лихорадочнымъ военнымъ приготовленіямъ Берлина, то этимъ народы обязаны прежде всего замѣчательной сдержанности французскаго правительства, его самообладанію и спокойствію въ самые трудные, критическіе моменты. Симвизпшсея министры французской республики, наравнѣ съ представителями общественнаго мнѣнія и печати, терпѣливо заглушали въ себѣ порывы оскорбленнаго національнаго чувства, при чемъ должны были еще выдерживать упорную борьбу съ агитаціею, выразителемъ которой былъ генераль Буланже. Русской дипломатіи не приходилось прямо заступаться за Францію, для защиты ея отъ германскихъ посягательствъ, какъ это было въ 1875 году; но пассивная, выжидательная политика Россіи оказывала несомнѣнное давленіе на предприимчивость нѣмецкой военной партіи и значительно способствовала сохраненію мира въ Европѣ. Наши „патріоты“ были крайне недовольны этою политикою и выражали свое недовольство даже въ самостоятельныхъ фактическихъ предпріятіяхъ, въ родѣ экспедиціи „вольнаго казака“ Ашинова, въ концѣ 1888 года, а когда эта нелѣпая затѣя привела къ печальной развязкѣ—къ бомбардировкѣ французско-африканскаго полуразрушеннаго форта Сагалло, гдѣ самовольно водворились ашиновцы, то патріотическія газеты серьезно готовы были изъ-за этого поссорить насъ съ Франціею. Не прекращались также упреки и обвиненія по адресу министерства иностранныхъ дѣлъ за его чрезмѣрное будто бы миролюбіе, и въ отвѣтъ на эти упреки министръ Н. К. Гирсъ, въ день своего пятидесятилѣтняго юбилея, 13 октября 1888 года, счелъ долгомъ напомнить, что онъ является только „исполнителемъ, вѣрнымъ исполнителемъ предначертаній Его Императорскаго Величества, и такова была, есть и будетъ всегда его роль“.

Рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ международныхъ дѣлъ было удаленіе князя Бисмарка отъ власти, въ мартѣ 1890 года. Съ его отставкою замѣтно измѣняется общая политическая атмосфера Европы; исчезаетъ или существенно смягчается прежняя напряженность международныхъ отношеній; секретные союзы, офиціозные громы въ сосѣдей и предвѣщанія неминуемыхъ войнъ перестаютъ непрерывно волновать обществен-

ное мнѣніе Германіи и другихъ культурныхъ государствъ. Преемникъ Бисмарка, генералъ Каприви, заявлялъ откровенно, что при немъ политика сдѣлается скучною и не дастъ того разнообразія сильныхъ впечатлѣній, въ какому привыкла нѣмецкая публика при старомъ канцлерѣ. Но то, что скучно для газетныхъ патріотовъ, — мирное развитіе, безъ потрясеній и тревогъ, — составляетъ великое благо для народовъ. Вильгельмъ II произносилъ еще иногда воинственные речи, и требованія новыхъ кредитовъ на увеличеніе арміи повторялись періодически; но, отдавая дань традиціямъ прусскаго милитаризма, германское правительство дѣйствовало вполне миролюбиво и обнаруживало даже желаніе сблизиться съ Франціею, какъ это видно было, напримѣръ, во время засѣданій международной конференціи по рабочему вопросу въ Берлинѣ. Попытки сближенія были не всегда удачны, тѣмъ болѣе что вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи былъ рѣшительно устраненъ изъ круга возможныхъ компромиссовъ; военные маневры близь Страсбурга и Метца наглядно убѣждали французовъ, что объ уступкахъ Германіи на этой почвѣ не можетъ быть и рѣчи. Новая группировка державъ была уже намѣчена фактически съ половины семидесятыхъ годовъ; она выразилась торжественно въ посѣщеніи Кронштадта французскою военною эскадрою подъ начальствомъ адмирала Жервѣ, въ 1891 году, и закрѣпилась еще болѣе краснорѣчиво отвѣтнымъ визитомъ русскихъ броненосцевъ и сопровождавшими его празднествами въ Тулонѣ и Парижѣ, два года спустя. Франко-русскія манифестаціи, которыя въ другое время приняты были бы Германіею за вызовъ и могли бы привести къ опаснымъ послѣдствіямъ, превратились въ новую гарантію внѣшняго мира, несмотря на воинственные намеки и комментаріи французскихъ и нашихъ шовинистовъ. Союзъ между Франціею и Россіею, хотя и не формальный, явился естественнымъ противовѣсомъ тройственной лигѣ мира; онъ получилъ значеніе постоянного и могущественнаго фактора европейской политики, тогда какъ прежде онъ проявлялся лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ русскаго дипломатическаго вмѣшательства въ пользу французской націи, угрожаемой нѣмцами притязаніями и придирками. Франко-русское сближеніе сдѣлалось публичнымъ и официальнымъ уже послѣ того какъ миновала дѣйствительная опасность германскаго нападенія на Францію. Нападеніе грозило французамъ въ 1875 году и было отклонено отъ нихъ своевременнымъ заступничествомъ императора Александра II и его канцлера, князя Горчакова; война едва не разгорѣлась также въ 1887 году, но тогда она имѣла бы уже характеръ войны на два фронта, и это обстоятельство удерживало

нѣмецкую военную партію отъ рѣшительнаго шага. Съ отставкою Бисмарка призракъ франко-германской войны удался въ туманную даль и только рѣдко, по недоразумѣнію, пугалъ воображеніе нѣкоторыхъ публицистовъ. Кронштадтскія и тулонскія празднества были заключительнымъ эпизодомъ международныхъ отношеній, установившихся послѣ нѣмецкихъ побѣдъ надъ Франціею въ 1870—1871 годахъ.

Еще въ царствованіе императора Александра II Россія уже соблюдала миръ въ Европѣ въ теченіе 22-хъ лѣтъ и нѣсколько разъ удерживала другія великія державы отъ военныхъ предпріятій, и если она была вовлечена потомъ въ турецкую войну, то противъ воли дипломатіи, подъ вліяніемъ такъ называемаго національнаго или славянофильскаго возбужденія. Война была разорительна и безплодна потому, что начата была безъ заранѣе обдуманнаго плана и безъ сознательной, точно опредѣленной цѣли; она ведена была какъ бы на половину и могла привести только къ половинчатымъ, неяснымъ результатамъ, которые были еще болѣе урѣзаны вслѣдствіе непорядковъ военно-бюрократической организаціи и обычнаго выбора исполнителей въ зависимости отъ ихъ ранга, а не отъ ихъ способностей и подготовки. Лучшимъ западно-европейскимъ дипломатамъ былъ противопоставленъ на берлинскомъ конгрессѣ бывшій шефъ жандармовъ, графъ Шуваловъ, изучившій англійскую свѣтскую жизнь въ Лондонѣ, гдѣ онъ занималъ постъ русскаго посла. Общественное мнѣніе не имѣло права голоса, и оттого громадныя жертвы пропали напрасно, безъ пользы для Россіи. Не только восточный вопросъ не былъ разрѣшенъ, но и судьба балканскихъ народностей не была устроена надлежащимъ образомъ, такъ что потребовалось вмѣшательство иностранной дипломатіи для удовлетворенія интересовъ союзныхъ съ нами государствъ, Сербіи и Румыніи,—не говоря уже о Греціи. Ошибки, хищенія и разные недочеты, раскрытые войною, отчасти разсѣяли туманъ, напущенный мнимо-патріотическими похвальбами, и какъ нельзя яснѣе подтвердили основательность миролюбиваго настроенія предшествовавшей эпохи. Въ сущности официальная Россія оставалась миролюбивою и во время навязанной ей войны, и послѣ нея, считая долгомъ прежде всего доказывать безкорыстіе, т.-е. практическую безцѣльность предпринятой тяжелой кампаніи противъ Турціи. Свѣжій опытъ этой кампаніи оставилъ явственный слѣдъ на всей внѣшней политикѣ послѣдующаго царствованія, сдѣлавъ миролюбіе надолго обязательнымъ принципомъ нашей дипломатіи по отношенію къ Европѣ.

Послѣднія мирныя манифестаціи по случаю кончины импера-

тора Александра III имѣють болѣе общій и глубокий смыслъ, чѣмъ можно было бы думать съ перваго взгляда. Чувства признательности со стороны французовъ достаточно объясняются неоднократнымъ избавленіемъ ихъ отъ наступательныхъ дѣйствій Германіи и обезпеченіемъ безопасности и политической роли Франціи на будущее время, благодаря рѣшимости Россіи твердо держаться молчаливаго соглашенія и союза съ французскою республикою. Союзъ выгоденъ несомнѣнно для обѣихъ сторонъ, и онъ могъ бы быть основанъ на разумномъ пониманіи реальныхъ интересовъ, помимо всякихъ выспихъ соображеній о благѣ человечества. Но не этотъ союзъ и не забота о политическомъ равновѣсіи вызываютъ общее сочувствіе въ Европѣ; дѣло идетъ о чемъ-то другомъ, болѣе важномъ, — объ отрицаніи войны, какъ способа международной дѣятельности государствъ и какъ формы проявленія или достиженія политическаго могущества. Россія въ минувшее царствованіе имѣла случай воевать по меньшей мѣрѣ три раза, — сначала съ Германіею изъ-за предполагаемой національной вражды, потомъ съ Англіею изъ-за средне-азиатскихъ дѣлъ, и наконецъ съ Австро-Венгріею изъ-за Болгаріи. Великая заслуга правительства заключалась въ томъ, что оно не слушалось узкихъ націоналистовъ и упорно отказывалось идти по той дорогѣ, на которую толкали его патріоты. Можно сказать, что и западныя державы воздерживались отъ кровопролитія, и что имъ также принадлежитъ нѣкоторая доля заслуги въ сохраненіи внѣшняго мира; но зато вооруженія продолжались повсюду, какъ на Западѣ, такъ и у насъ, и стоили народамъ хорошей разорительной войны; къ счастью, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ росло и крѣпло сознаніе ненужности и невозможности войнъ при современныхъ условіяхъ культурной жизни. Это сознаніе сильно и ярко выразилось въ манифестаціяхъ послѣдняго времени; всѣ видятъ и чувствуютъ, что война не входитъ и не можетъ уже входить въ политическіе расчеты правительствъ, что она не служитъ уже элементомъ международной практики и что обычные разговоры о будущихъ кровавыхъ битвахъ въ Европѣ суть отголоски недавняго прошлаго, не имѣющіе почвы въ настоящемъ. Желанія и интересы народовъ господствуютъ на Западѣ и надъ внѣшней политикою правительствъ; честолюбивые политическіе замыслы и комбинаціи встрѣчаютъ тамъ неодолимую преграду въ организованномъ общественномъ мнѣніи, въ широкомъ публичномъ контролѣ и во всеразглашающей печати. Средства на содержаніе миллионныхъ армій назначаются парламентами не иначе, какъ для цѣлей обороны, и ни одинъ государственный человѣкъ, не исключая и Бисмарка, не могъ бы выступить съ за-

щитою наступательныхъ войнъ въ настоящее время. Огромныя европейскія арміи если и существуютъ теперь, то не для нападенія на сосѣднія страны, а для того, чтобы отражать и предупреждать нападенія сосѣдей, которые въ свою очередь думаютъ только объ оборонѣ; а такъ какъ никто не хочетъ и не можетъ брать на себя роль нападающаго, то постоянныя и всеобщія вооруженія теряютъ свой смыслъ и поддерживаются только призраками минныхъ опасностей и угрозъ. Бисмаркъ былъ послѣднимъ государственнымъ человѣкомъ, для котораго война была дѣйствительнымъ орудіемъ политики; онъ еще могъ успѣшно бороться съ парламентомъ и вліять на общественное настроеніе, чтобы осуществить воинственные планы; но и онъ въ послѣдствіи долженъ былъ довольствоваться чисто оборонительными соображеніями, болѣе или менѣе правдоподобными. Въ культурной Европѣ война дѣлается мало-по-малу какимъ-то традиционнымъ страшилищемъ, отъ котораго всѣ отрешиваются, и которое обходится чрезвычайно дорого народамъ. Возрастающая сила демократіи не позволяетъ правительствамъ употреблять военное могущество по своему усмотрѣнію; внѣшняя политика измѣнила свой характеръ и изъ кабинетной и династической стала народною, доступною общему обсужденію и по необходимости миролюбивою. Единственная страна, которой на Западѣ приписывалась до сихъ поръ способность отдаваться военной предприимчивости, вопреки насущнымъ потребностямъ и интересамъ народа, — Россія. Русскіе полки, которые въ каждую данную минуту могутъ быть двинуты куда угодно по свободному рѣшенію власти, представляли величайшее пугало въ глазахъ западно-европейскихъ націй и служили весьма удобнымъ аргументомъ для сторонниковъ и защитниковъ милитаризма въ Европѣ. Вотъ почему сознательное воздержаніе Россіи отъ военныхъ предпріятій должно было ставиться въ особенную заслугу ея правительству, а сохраненіе европейскаго мира и политическаго равновѣсія, при полной возможности нарушить миръ во всякое время, признано главнѣйшимъ подвигомъ минувшаго царствованія. Поэтому же послѣднія всеобщія манифестаціи въ пользу мира обращаются спеціально въ Россіи и связываются съ именемъ усопшаго Государя.

По понятіямъ иностранцевъ, русская національная партія, неустанно вызывавшая на борьбу „гнилой“ Западъ и грозившая ему нашимъ казачествомъ, имѣла нѣкоторую связь съ идеями и стремленіями высшихъ правительственныхъ сферъ, ибо въ противномъ случаѣ она не располагала бы правомъ такого свободного и авторитетнаго выраженія своихъ мыслей въ печати. Счи-

талось, что мнѣнія, дозволенныя цензурою, одобряются или раздѣляются властью, и это недоразумѣніе заставляло западно-европейскихъ публицистовъ и политическихъ дѣятелей внимательно прислушиваться къ шумнымъ и рѣзкимъ голосамъ нашихъ бумажныхъ „патріотовъ“. Трудно, впрочемъ, винить наши газеты за пристрастіе къ энергической внѣшней политикѣ: печать, лишенная возможности высказываться свободно по внутреннимъ вопросамъ, всегда невольно увлекается соблазнительнымъ просторомъ въ полемикѣ съ чужими правительствами, министрами и даже цѣлыми націями. Въ международныхъ дѣлахъ можно было безпрепятственно поднимать тонъ, говорить смѣло и властно, удовлетворяя такимъ образомъ потребность независимаго публичнаго слова, имѣвшую слишкомъ слабое примѣненіе въ болѣе близкой области внутреннихъ заботъ. Дѣйствительное положеніе нашей печати остается неяснымъ для многихъ иностранцевъ, и потому противорѣчіе между официальной политикою и требованіями предполагаемой національной партіи объяснялось серьезными мотивами, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не существовало. Газеты смѣло нападали на иностранныя правительства потому, что не могли касаться многого въ сферѣ даже мелкихъ отечественныхъ дѣлъ и порядковъ; избытокъ энергіи, направленной на международную политику, оправдывался обязательнымъ молчаніемъ или обязательною неискренностью относительно общественной и административной жизни собственной страны. Насколько у насъ фиктивны и поддѣльны увлеченія внѣшними дѣлами при подобныхъ условіяхъ, можно судить по той легкости, съ какою вдругъ воинственность уступила теперь мѣсто превознесенію идеи мира; наши патріоты по профессіи съ особенною горячностью восхваляютъ нынѣ именно миролюбіе, противъ котораго прежде возставали, и они дѣлаютъ все это съ такимъ видомъ, какъ будто именно ихъ „самобытные“ взгляды торжествуютъ и привѣтствуются въ цѣлой Европѣ.

Идеи мира и правды внутри государства встрѣчали наиболѣе упорныхъ враговъ также среди представителей того лжепатріотическаго направленія, которое создавало и поддерживало взаимную неприязнь между сословіями и племенами, подрывало уваженіе къ закону проповѣдью произвола и насилія, требовало угнетенія народнаго большинства ради интересовъ немногихъ лицъ и кружковъ, старалось увѣковѣчить невежество крестьянской массы и систематически вносило смуту и раздоръ въ понятія образованнаго русскаго общества. Предпріимчивые „ашиновцы“ потерпѣли фіаско во внѣшней политикѣ; но они далеко

еще не сложили оружія въ дѣлахъ внутреннихъ: они продолжаютъ сѣять вражду между различными элементами населенія, возводятъ въ принципъ беззаконіе подъ флагомъ твердости и усердія и отстаиваютъ безгласность всякихъ хищеній и безчинствъ, подъ прикрытіемъ лицемѣрныхъ патріотическихъ фразъ. Правда изгонялась и преслѣдовалась этими самозванными охранителями; для нихъ тьма и ложь были неразлучны съ основами общественнаго порядка. Замалчивая или отрицая важнѣйшія нужды и бѣдствія нашей собственной народной жизни, они искусственно отвлекали отъ нихъ вниманіе публики злобными нападеніями на финляндцевъ, нѣмцевъ, поляковъ и разныхъ инородцевъ, входящихъ въ составъ російской имперіи, и это разжиганіе бессмысленной злобы они выдавали за патріотизмъ, соответствующій будто бы національнымъ чувствамъ великаго христіанскаго народа. Надобно не вѣрить въ будущность нашего отечества, чтобы не надѣяться на конецъ печальнымъ подвигамъ этихъ рыцарей тьмы и фальши, а также и на то, что господство мира и правды водворится и въ области внутренняго общественнаго развитія, съ воцареніемъ молодого, полнаго свѣжихъ силъ и энергіи Государи, столь ясно высказавшаго Свою непремѣнную волю положить въ основаніе Своей высокой дѣятельности искренній миръ и нелицемѣрную правду.

Великія задачи предстоятъ новому царствованію. Искусственно поддерживаемое недоувѣріе къ передовымъ умственнымъ силамъ общества, надобно думать, совсѣмъ исчезнетъ; независимое общественное мнѣніе заслужитъ себѣ надлежащій просторъ, для того, чтобы свѣтъ публичности проникалъ въ ходъ государственной машины и предупреждалъ недостатки и злоупотребленія исполнителей. Чрезмѣрно сложная бюрократическая система управления также нуждается въ упрощеніи и освѣженіи. Твердая власть окажется совмѣстной съ уваженіемъ къ закону... Необходимо дать массѣ народной достаточное количество школъ, ибо при низкомъ уровнѣ образованія народъ не можетъ успѣшно занимать равноправное мѣсто между первыми культурными націями въ мірѣ и соперничать съ ними. Одностороннее покровительство крупной промышленности и привилегированному землевладѣнію, быть можетъ, легко уступить мѣсто заботамъ объ улучшеніи матеріальнаго быта народной массы, такъ какъ и финансовыя, и экономическія успѣхи зависятъ, въ концѣ концовъ, отъ состоятельности большинства плательщиковъ податей, а широкая терпимость послужитъ руководящимъ началомъ въ отношеніяхъ къ различнымъ народностямъ,

населяющимъ территорію Россіи. Такая политика будетъ истинно-національною и доставитъ дѣйствительное удовлетвореніе тѣмъ чувствамъ и потребностямъ, которыя присущи русскому обществу и народу; тогда и для „темнаго“ народа откроется путь отъ тьмы къ свѣту и правдѣ, и новое царствованіе впишетъ новыя свѣтлыя страницы въ исторію нашего народнаго и государственнаго развитія, доставивъ новое торжество миролюбію повсюду, какъ внутри, такъ и извнѣ...

Z.

ПРАВСТВЕННЫЯ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВА.

Годъ или полтора тому назадъ, извѣстный писатель, академикъ и бывшій министръ, Жюль-Симонъ, напечаталъ въ газетахъ статью объ угрожающихъ обществу опасностяхъ со стороны социализма. „Главная бѣда, — писалъ онъ, — въ томъ, что нравственныя основы общества до крайности ослабли: религія въ упадкѣ, семья распадается, собственность грозитъ потерять все свое значеніе, такъ какъ доходность капитала постоянно и быстро уменьшается, — еще недавно она равнялась 4%, а теперь едва достигаетъ 3%¹⁾. Жаль, конечно, тѣхъ, которымъ приходится получать только три процента съ ихъ капиталовъ, но еще болѣе жалко положеніе религіи въ тѣхъ буржуазно-консервативныхъ сферахъ, гдѣ ея судьбу такъ тѣсно связываютъ съ величиною ренты. Впрочемъ Ж.-Симонъ не сказалъ ничего особеннаго; онъ только выразилъ господствующій тамъ образъ мыслей, — выразилъ даже менѣе цинично, чѣмъ другіе. Сопоставляя упадокъ религіи съ упадкомъ доходности капиталовъ, онъ только тономъ своимъ даетъ понять, что для него важнѣе, — а другіе прямо высказываютъ, что религія могла бы быть хорошимъ средствомъ для охраненія имущественныхъ интересовъ зажиточныхъ людей. По поводу одной парламентской рѣчи та же консервативная печать была полна горькими сѣтованіями на неблагоуміе анти-клерикальной политики. „Прежде религіозныя упо-

¹⁾ Цитирую по памяти, но за вѣрную передачу смысла и тона ручаюсь. Статья напечатана въ „Figaro“ осенью 1893 г.

ванія небесныхъ блаженствъ замѣняли для народа обладаніе земнымъ благосостояніемъ и мирили бѣдняковъ со всѣми лишеніями. Но теперь, послѣ того какъ Гамбетта, Жюль-Ферри и ихъ преемники сдѣлали все, чтобы отнять у народа вѣру, — этотъ превосходный суррогатъ (!) житейскихъ удовольствій, — естественно явилось у обездоленнаго большинства стремленіе завладѣть матеріальными благами посредствомъ социальна-экономическаго переворота". Подобное извращенное и постыдное понятіе о религіи и нравственныхъ основахъ, позволяющее видѣть въ нихъ не болѣе какъ орудіе для охраненія извѣстнаго внѣшняго порядка, выгоднаго для однихъ и невыгоднаго для другихъ, господствуетъ не въ одной Франціи. Ради достоинства самихъ этихъ принциповъ и въ интересахъ общественнаго сознанія въ высшей степени важно разъяснить вопросъ: что такое на самомъ дѣлѣ нравственныя основы общества; въ какомъ смыслѣ и при какихъ условіяхъ значеніе такихъ основъ можетъ принадлежать вообще религіи, семейству, собственности?

I.

Когда ищутъ для человѣческаго общества нравственныхъ основъ, то уже тѣмъ самымъ показываютъ, что общественность, сама по себѣ, не есть высшее и безусловное опредѣленіе человѣка. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы человѣкъ опредѣлялся, по существу своему, только какъ животное общественное (*ζωον πολιτικον*) и больше ничего, — то этимъ крайне суживалось бы *содержаніе* въ понятіи „человѣкъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширялся бы *объемъ* этого понятія: въ человѣчество пришлось бы включить нѣкоторыхъ животныхъ, напр. муравьевъ, для которыхъ общественность, какъ такая, составляетъ существенный признакъ ничуть не менѣе, чѣмъ для человѣка. „Гнѣзда муравьевъ, — говоритъ самый основательный изслѣдователь ихъ жизни, сэръ Джонъ Лэббокъ, — не простыя собранія независимыхъ особей, ниже временныя сообщества, какъ стаи перелетныхъ птицъ, но организованныя общежитія, трудящіяся съ величайшимъ согласіемъ ради общаго блага“¹⁾. Эти общежитія заключаютъ въ себѣ иногда такое многочисленное населеніе, что, по замѣчанію того же натуралиста, изъ че-

¹⁾ „Муравьи, пчелы и осы. Наблюденія надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ“, сэръ-Джона Лэббока, перев. съ 5-го изд. Д. В. Аверкіева. Спб. 1884, стр. 92.

ловѣческихъ городовъ, можетъ быть, только Лондонъ и Пекинъ могутъ сравниться съ ними ¹⁾. Гораздо болѣе важны три внутреннія свойства муравьиного общежитія: сложная общественная организація, затѣмъ опредѣленное различіе въ степеняхъ этой организаціи между отдѣльными общежитіями, — различіе совершенно аналогичное постепенному развитію формъ человеческой культуры отъ охотничьяго до земледѣльческаго быта, что показываетъ, что муравьиная общественность произошла не какимъ-нибудь случайнымъ и исключительнымъ образомъ, а развилась по нѣкоторымъ общимъ социологическимъ законамъ, — и наконецъ, замѣчательна чрезвычайная крѣпость и устойчивость социальной связи, удивительная практическая солидарность между всѣми членами муравьиного гражданства, когда дѣло касается общаго блага.

Относительно перваго пункта, — если характеристичный признакъ цивилизаціи есть раздѣленіе труда, то невозможно отрицать существованія муравьиной цивилизаціи. Раздѣленіе труда проведено здѣсь крайне рѣзко. Есть воины весьма храбрые, вооруженные непомѣрно развитыми клещеобразными челюстями, которыми они ловко схватываютъ и отрываютъ вражьи головы, но, впрочемъ, неспособны ни къ чему другому; есть рабочіе, отличающіеся трудолюбіемъ и искусствомъ; есть господа съ противоположными качествами, доходящими до того, что они уже не умѣютъ сами ни кормиться, ни ходить, а могутъ лишь пользоваться чужими услугами; есть, наконецъ, рабы (которыхъ не нужно смѣшивать съ рабочими) ²⁾, — они добываются завоеваніемъ и принадлежатъ къ другимъ видамъ муравьевъ, что не мѣшаетъ ихъ полной преданности своимъ господамъ. Высокая степень муравьиной цивилизаціи, помимо такого раздѣленія труда, доказывается еще обиліемъ домашнихъ животныхъ (т.-е. прирученныхъ насѣкомыхъ изъ другихъ зоологическихъ семействъ). „По правдѣ можно сказать, — замѣчаетъ Лёббокъ, — что наши англійскіе муравьи обладаютъ большимъ разнообразіемъ домашнихъ животныхъ, чѣмъ мы сами“ ³⁾. Нѣкоторые изъ этихъ домашнихъ насѣкомыхъ, старательно воспитываемыхъ муравьями, служатъ для питанія (таковы въ особенности медоточивыя *тли* (aphidae), которыхъ Линней называетъ муравьиными коровами — *aphis formi-*

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Рабочіе муравьи (какъ и рабочія пчелы) не представляютъ, какъ извѣстно, особой породы, а происходятъ отъ общей матки, но только остаются недоразвитыми (въ половомъ отношеніи).

³⁾ Тамъ же, стр. 78.

сагим васса); другія исполняютъ нѣкоторыя необходимыя общественныя работы, напр. служатъ мусорщиками ¹⁾; третьи, по мнѣнію Лёббока, держатся только для забавы ²⁾,—въ родѣ нашихъ мопсовъ или канареекъ. Энтомологъ Андре представилъ списокъ 584 видовъ насѣкомыхъ, которыя обычно встрѣчаются въ сообществѣ муравьевъ ³⁾.

Въ настоящее время для многихъ обширныхъ и населенныхъ муравьиныхъ общежитій главнымъ средствомъ существованія служатъ собираемые ими обильные запасы растительныхъ продуктовъ; толпы рабочихъ муравьевъ систематически и искусно перерѣзаютъ травяные стебли и черенки листьевъ—какъ бы *жнутъ* ихъ; но это подобіе земледѣлія не есть ни единственный, ни первоначальный у нихъ способъ существованія. „Мы найдемъ,—говоритъ Лёббокъ,—у различныхъ видовъ муравьевъ различныя условія жизни, любопытно соотвѣтствующія раннимъ стадіямъ челоуѣческаго прогресса. Напримѣръ, нѣкоторые виды, какъ *Formica fusca*, живутъ преимущественно добытымъ на охотѣ; хотя они и питаются отчасти медвянистымъ сокомъ тлей, но они еще не приручили этихъ насѣкомыхъ. Эти муравьи, вѣроятно, сохраняютъ обычай, нѣкогда общій для всѣхъ муравьевъ. Они похожи на низшія расы людей, которыя существуютъ главнѣйше охотой. Подобно имъ, они бродятъ по лѣсамъ и пустынямъ, живутъ сравнительно небольшими общежитіями, и у нихъ мало развиты инстинкты совокупнаго дѣйствія. Они охотятся въ одиночку, и ихъ битвы — поединки, какъ у Гомеровскихъ героевъ. Такіе виды, какъ *Lassius flavus*, явно представляютъ высшій типъ общественной жизни; они являютъ болѣе искусства въ зодчествѣ; можно буквально сказать, что они приручили извѣстные виды тлей и могутъ быть сравнены съ пастушескою стадіей челоуѣческаго прогресса,—съ племенами, которыя живутъ продуктами своихъ стадъ и табуновъ. Ихъ общежитія гораздо многочисленнѣе; они дѣйствуютъ съ большимъ согласіемъ; ихъ сраженія уже не простыя поединки, но они знаютъ, какъ дѣйствовать въ совокупности. Я расположенъ отважиться на предположеніе, что они постепенно истребятъ чисто-охотничьи виды, точно такъ, какъ дикари исчезаютъ передъ болѣе развитыми племенами. Наконецъ, земледѣльческіе народы могутъ быть сравнены съ муравьями-жнецами. Вотъ, кажется, три главные типа, представ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 74.

²⁾ Тамъ же, стр. 76.

³⁾ Тамъ же, стр. 78.

ляющіе любопытную аналогію съ тремя великими фазами — охотничьей, пастушеской и земледѣльческой стадіями — въ исторіи человѣческаго развитія“ ¹⁾).

Кромѣ сложности социальнаго строя и постепенности культурнаго развитія, муравьиныя общежитія отличаются еще, какъ выше замѣчено, чрезвычайною крѣпостью общественной связи. Нашъ авторъ неоднократно свидѣтельствуетъ о „высочайшемъ согласіи, царствующемъ между принадлежащими въ одному и тому же обществу“ ²⁾. Это согласіе обусловливается *исключительно* общимъ благомъ. На основаніи не однихъ только наблюденій, но и многочисленныхъ экспериментовъ, Лэббокъ доказываетъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда отдѣльный муравей принимаетъ что-нибудь полезное для всего общежитія, но превышающее его собственныя силы, напримѣръ перетащить въ муравейникъ мертвую муху, или жука, на которыхъ онъ натынулся, онъ всегда зоветъ и находитъ товарищей, которые ему помогаютъ; напротивъ, когда отдѣльный муравей упадетъ въ какое-нибудь бѣдствіе, касающееся только его одного, то это не вызываетъ обыкновенно никакого сочувствія и никакой помощи ему не оказывается; терпѣливый естествоиспытатель множество разъ приводилъ въ безчувственное состояніе отдѣльныхъ муравьевъ посредствомъ хлороформа или водки: сограждане или не обращали на несчастныхъ никакого вниманія, или выбрасывали ихъ вонъ, какъ падалъ. Но нѣжное участіе въ личному горю не связано ни съ какою общественною функціей и, слѣдовательно, не входитъ въ понятіе общественности, какъ такой; зато чувство гражданскаго долга и преданность общему порядку такъ велики у муравьевъ, что никогда никакихъ ссоръ и уوبيщъ у нихъ не происходитъ; вооруженныя ихъ силы предназначаются только для внѣшнихъ войнъ, и въ тѣхъ самыхъ высоко-развитыхъ общежитіяхъ, которыя обладаютъ даже особымъ классомъ мусорщиковъ и особою породой домашнихъ шутовъ, — ни одинъ наблюдатель не могъ замѣтить никакихъ признаковъ организованной полиціи или жандармеріи.

II.

Общественность для разсмотрѣнныхъ животныхъ есть признакъ, по крайней мѣрѣ, столь же существенный, какъ для чело-

¹⁾ Тамъ же, стр. 89—90.

²⁾ Тамъ же, стр. 117 и др.

вѣка. И если, однако, мы не хотимъ признать ихъ равенства съ собою, если мы несогласны каждому изъ безчисленныхъ муравьевъ, копошащихся въ нашихъ лѣсахъ, сейчасъ же предоставить всѣ права человѣка и гражданина, то, значить, есть у человѣка другой существенный признакъ, независимый отъ общественности, а напротивъ обуславливающий собою отличительный характеръ *человѣческаго общества*. Этотъ признакъ состоитъ въ томъ, что каждый человѣкъ, какъ таковой, есть нравственное существо, или лицо, имѣющее—независимо отъ своей общественной полезности—безусловное достоинство и безусловное право на существованіе и на свободное развитіе своихъ положительныхъ силъ. Отсюда прямо слѣдуетъ, что *никакой человѣкъ, ни при какихъ условіяхъ и ни по какой причинѣ не можетъ разсматриваться только какъ средство* для какихъ бы то ни было постороннихъ цѣлей,—онъ не можетъ быть только средствомъ, или *орудіемъ, ни для блага другого лица*, ни для блага *цѣлаго класса*, ни, наконецъ, для такъ называемаго *общаго блага*, т.-е. блага большинства другихъ людей. Это „общее благо“, или „общая польза“, имѣетъ право не на человѣка, какъ лицо, а на его дѣятельность, или трудъ, въ той мѣрѣ, въ какой этотъ трудъ, служа на пользу общества, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ трудящемуся достойное существованіе. Право лица, какъ такого, основанное на присущемъ ему и неотъемлемомъ отъ него *человѣческомъ достоинствѣ*, на формальной безконечности разума во всякомъ *человѣкѣ*, на томъ, что каждое лицо есть нѣчто особенное и незамѣнимое и, слѣдовательно, должно быть самоцѣлью, а не средствомъ или орудіемъ только,—это право лица по существу своему *безусловно*, тогда какъ права общества на лицо, напротивъ, *обуславлены* признаніемъ личнаго права. Такимъ образомъ, общество можетъ обязывать лицо къ чему бы то ни было лишь черезъ актъ его собственной воли, — иначе это будетъ не обязательствомъ лица, а лишь употребленіемъ вещи.

Человѣческое достоинство cadaго лица, или его свойство быть нравственнымъ существомъ, вовсе не зависитъ ни отъ его природныхъ качествъ, ни отъ его полезности: этими качествами и этою полезностью можетъ опредѣляться внѣшнее положеніе *человѣка въ обществѣ*, относительная оцѣнка его другими лицами, но никакъ не его собственное значеніе и *человѣческія права*. Многія животныя по природѣ добродѣтельнѣе многихъ людей. Супружеская добродѣтель голубей и аистовъ, материнская любовь куръ, вѣрность ланей, вѣрность и преданность собакъ, доброта тюленей и дельфиновъ, трудолюбіе и гражданская доблесть пчелъ

и муравьевъ и т. д.—всѣ эти отличныя качества, украшающія нашихъ меньшихъ братьевъ, далеко не составляютъ преобладающихъ свойствъ человѣческаго большинства. Отчего же никому еще не приходило въ голову отнять у самаго дрянного изъ людей его человѣческія права съ тѣмъ, чтобы передать ихъ самому превосходному животному въ награду за его добродѣтель? Что касается до полезности, то не только одна здоровая лошадь полезна множеству больныхъ нищихъ, но и неодушевленные предметы, напримѣръ печатный станокъ или паровой котель, несомнѣнно принесли общему историческому прогрессу гораздо больше пользы, чѣмъ цѣлые народы дикіе или варварскіе. Однако, еслибы (per impossibile) Гутенбергу и Уатту пришлось для этихъ великихъ изобрѣтеній пожертвовать хотя бы только однимъ дикаремъ или варваромъ, ихъ дѣло подлежало бы осужденію, какъ безнравственное, противное человѣческому достоинству.

Общее благо, или общая польза, чтобы имѣть значеніе нравственнаго принципа, должны быть въ полномъ смыслѣ общими, т.-е. относиться не къ многимъ только или большинству, а *во всемъ безъ исключенія*. То, что есть дѣйствительно благо всѣхъ, тѣмъ самымъ есть и благо каждаго,—никто отсюда не исключенъ, и слѣдовательно, служа *такому* общественному благу, какъ цѣль, каждое лицо *не* становится черезъ это только средствомъ или орудіемъ чего-то внѣшняго и чуждаго; истинное общество, признающее безусловное право каждаго лица, не есть для него отрицательная граница, а положительное восполненіе; служа ему съ самоотверженіемъ, лицо не теряетъ, а *осуществляетъ* свое безусловное достоинство и значеніе; ибо, отдѣльно взятое, оно обладаетъ безусловностью или безконечностью только въ *возможности*, которая становится дѣйствительностью лишь черезъ внутреннее соединеніе каждаго со всѣми.

Принципъ человѣческаго достоинства, или безусловное значеніе каждаго лица, въ силу котораго общество опредѣляется какъ внутреннее свободное единство всѣхъ,—вотъ *единственная* нравственная основа общества ¹⁾. Многихъ нравственныхъ основъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, быть не можетъ, какъ не можетъ быть многихъ верховныхъ благъ или многихъ нравственностей. Легко доказать, что вообще религія, семья, собственность не могутъ имѣть сами по себѣ значенія нравственныхъ основъ въ собственномъ смыслѣ. То, что само по себѣ можетъ быть и не быть

¹⁾ Это положеніе формально доказывается въ основной части нравственной философіи; эта часть получила, благодаря Канту, такой же характеръ строгой науки въ своей сферѣ, какой въ другой области принадлежитъ чистой механикѣ.

нравственнымъ, очевидно, должно получить отъ другого то или это опредѣленіе, а никакъ не можетъ самостоятельно служить чему-нибудь нравственною основою, т.-е. сообщать другимъ такой характеръ, котораго оно само, можетъ быть, не имѣть. Но несомнѣнно, что религія можетъ быть и не быть нравственною. Какимъ же образомъ такія религіи, какъ, напримѣръ, культы Молоха или Астарты (которыхъ переживанія или аналогіи можно кое-гдѣ встрѣтить и до сихъ поръ)—какимъ образомъ могутъ онѣ служить для чего-нибудь нравственною основою, когда ихъ собственное существо есть прямая противоположность всякой нравственности? Поэтому, когда намъ указываютъ на религію вообще, какъ на нравственную основу общества, то нужно еще посмотреть, имѣетъ ли сама эта религія нравственную основу, согласна ли она съ нравственнымъ принципомъ; слѣдовательно, послѣднимъ основаніемъ и критеріемъ остается именно этотъ принципъ.

Нельзя также отрицать того, что семья не только въ единичныхъ своихъ образчикахъ, но и въ общемъ строѣ можетъ быть и не быть нравственною. Такъ семья древней Греціи—не тѣ особы героическія семьи, гдѣ жена убивала своего мужа и умерщвлялась своимъ сыномъ, или гдѣ сынъ убивалъ отца и женился на матери,—обыкновенная нормальная семья образованнаго афинянина, требовавшая, какъ необходимаго дополненія, учрежденія гетеръ,—не имѣла нравственнаго характера; не имѣла его крѣпкая по своему семья арабовъ (до ислама), гдѣ новорожденные дѣвочки, если ихъ было больше одной или двухъ, закапывались живыми въ землю; нельзя признать нравственною также очень крѣпкую семью римлянъ, гдѣ глава дома имѣлъ право жизни и смерти надъ женою и дѣтьми. Такимъ образомъ, и семья, не имѣя присущаго ей нравственнаго характера, должна получить нравственную основу для себя, прежде чѣмъ сообщить ее чему-нибудь другому.

Что касается до собственности, то признать ее, саму по себѣ, нравственною основой общества есть не только логическая, но для меня, напримѣръ (какъ, полагаю, и для другихъ моихъ сверстниковъ) еще и психологическая невозможность: первое пробужденіе сознательной жизни и мысли произошло во мнѣ подъ громъ разрушенія собственности въ двухъ ея коренныхъ историческихъ формахъ—рабства и крѣпостного права; это разрушеніе, и въ Америкѣ, и въ Россіи, требовалось и совершилось *во имя общественной нравственности*. Мнимая неприкосновенность была блистательно опровергнута фактомъ столь удачнаго прикосновенія. Очевидно, собственность есть нѣчто, нуждающееся въ оправданіи, требующее

нравственной основы и опоры *для себя*, а никакъ не заключающее ее въ себѣ.

Всякое историческое учрежденіе—религіозное или гражданское—есть фактъ смѣшаннаго характера. Но нравственной основой несомнѣнно можетъ быть лишь чистый принципъ, а не смѣшанный фактъ. Принципъ, утверждающій въ безусловной формѣ то, что *должно* быть, есть нѣчто по существу своему неприкосновенное; его можно не принимать и не исполнять, но это вредить не ему, а только непринимающему и неисполняющему. Положенія, гласящія: ты долженъ уважать человѣческое достоинство въ каждомъ; ты не долженъ дѣлать никакое лицо средствомъ или орудіемъ, — эти положенія не зависятъ ни отъ какого факта, никакого факта не утверждаютъ, а потому никакимъ фактомъ и не могутъ быть затронуты.

Принципъ безусловнаго права человѣческой личности ни отъ кого и ни отъ чего не зависитъ, но лишь въ зависимости отъ него—общества и учрежденія получаютъ нравственный характеръ. Мы знаемъ въ древнемъ и новомъ язычествѣ великія культурно-національныя тѣла, съ чрезвычайно крѣпкою семьей, религіей, собственностью, но при всемъ томъ нравственной основы и нравственнаго характера они не имѣли и не имѣютъ; въ лучшемъ случаѣ они уподобляются общежитію мудрыхъ насѣкомыхъ.

III.

Нѣкоторое смутное и извращенное сознаніе того, въ чемъ состоитъ сущность нравственности и истинная основа человѣческаго общества, существуетъ и тамъ, гдѣ нравственный принципъ, по-видимому, не имѣетъ никакого примѣненія. Такъ, въ восточныхъ деспотіяхъ настоящимъ человѣкомъ, т.-е. лицомъ, справедливо признается только тотъ, кто имѣетъ безусловное право, но такое достоинство несправедливо приписывается только одному. Превращенное въ исключительную и вѣнчимъ образомъ опредѣленную привилегію, человѣческое достоинство и право теряютъ свой безусловный, нравственный характеръ, и единственный носитель ихъ перестаетъ быть лицомъ; не имѣя возможности, какъ реальное, конкретное существо быть чистымъ принципомъ, онъ становится идоломъ. Отъ отдѣльнаго человѣка нравственный принципъ требуетъ, чтобы онъ уважалъ человѣческое достоинство какъ такое, т.-е. въ другихъ такъ же, какъ въ себѣ. Только относясь къ другимъ, какъ къ лицамъ, индивидуальный человѣкъ и самъ опредѣляется

какъ лицо. Но восточный властитель въ древности не находилъ въ своемъ мірѣ никакого полноправнаго лица, а только безправныя вещи; поэтому, за невозможностью имѣть къ кому-либо нравственныя личныя отношенія, онъ неизбежно самъ терялъ нравственный личный характеръ, становился вещью—самою важною вещью, священной, божественною, поклоняемою—однимъ словомъ, фетишемъ или идоломъ.

Въ гражданскихъ обществахъ классическаго міра полнота правъ стала привилегіей не одного, а нѣкоторыхъ (въ аристократіяхъ) и многихъ (въ демократіяхъ). Это расширение было очень важно, такъ какъ оно, хотя и въ узкихъ границахъ, дѣлало возможнымъ самостоятельное нравственное взаимодействіе индивидуальностей, а слѣдовательно и личное самосознаніе; оно реализировало, по крайней мѣрѣ для данной группы, идею равноправности или справедливости ¹⁾. Но нравственный принципъ по существу своему универсаленъ, такъ какъ онъ требуетъ признанія безусловнаго внутренняго достоинства за человѣкомъ какъ таковымъ, слѣдовательно безъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій. Между тѣмъ античное общество, и родовая дружина спартіатовъ, и аѳинскій демосъ, и оригинальное соединеніе обѣихъ формъ—*senatus populusque romanus*—допускали истинное значеніе человѣка лишь въ границахъ своего гражданского союза, а потому они не были обществами, основанными на нравственномъ началѣ, а развѣ только предварительными и приблизительными моделями такого общества.

Однако строй древней жизни имѣетъ для насъ не одинъ историческій интересъ: въ сущности мы его еще не пережили. Вспомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, что именно въ античномъ мірѣ ограничивало нравственный принципъ и мѣшало его истинной реализаціи. Было три разряда людей, которые не признавались какъ носители какихъ-нибудь правъ и какъ предметы какихъ-нибудь обязанностей, которые, слѣдовательно, ни въ какой мѣрѣ не были цѣлью дѣятельности, совсѣмъ не входили въ представленіе общаго блага, а разсматривались только какъ матеріальныя орудія, или же какъ матеріальныя препятствія для этого блага. Именно это были: 1) *врачи*, т.-е. первоначально всѣ чужеземцы ²⁾; затѣмъ

¹⁾ Напротивъ, въ восточныхъ деспотіяхъ ни о какой равной *равности* не могло быть рѣчи, а было только отрицательное *равенство* всѣхъ въ общемъ безправіи. Но равное распредѣленіе *несправедливости* не дѣлаетъ ее справедливою. Понатіе равенства само по себѣ есть только математическое, а не этическое.

²⁾ Гостепріимство къ мирнымъ чужеземцамъ есть явленіе хотя очень древнее, однако врядъ ли первоначальное. Въ Греціи его установителемъ почитался Зевсъ,

2) *рабы*, и наконецъ, 3) *преступники*. Узаконенное отношеніе къ этимъ тремъ категоріямъ людей при всѣхъ частныхъ различіяхъ было въ существѣ одно и то же, такъ какъ было одинаково безнравственно. Нѣтъ надобности представлять въ преувеличенно-ужасномъ видѣ институтъ рабства, замѣнившій, какъ извѣстно, простое избиеніе плѣнныхъ; рабы пользовались обезпеченными средствами существованія, и вообще съ ними обращались недурно, но это было, хотя и нерѣдкою, случайностью, а не обязанностью и, слѣдовательно, не имѣло нравственнаго значенія; они цѣнились за свою полезность, но это не имѣетъ ничего общаго съ признаніемъ за ними человѣческаго достоинства. Въ отличіе отъ этихъ полезныхъ вещей, которыя слѣдуетъ беречь изъ благоразумія, внѣшніе и внутренніе враги, какъ *вещи* заведомо *вредныя*, подлежали безпощадному истребленію. Отноительно непріятеля на войнѣ эта безпощадность могла еще ограничиваться уваженіемъ къ силѣ и страхомъ возмездія, но относительно беззащитныхъ преступниковъ, дѣйствительныхъ или даже мнимыхъ, жестокость не знала предѣловъ: въ образованныхъ Аѳинахъ для обвиненныхъ по обыкновеннымъ уголовнымъ преступленіямъ пытка была первымъ дѣломъ послѣ взятія подъ стражу, раньше всякаго слѣдствія.

Всѣ эти явленія—война, рабство, казни—были нормальны для древняго міра въ томъ смыслѣ, что они логически вытекали изъ принятаго всѣми міросозерцанія, опредѣлялись общимъ состояніемъ сознанія. Если значеніе человѣка какъ самостоятельнаго лица, если полнота его достоинства и правъ обуславливались исключительно принадлежностью къ извѣстному гражданскому союзу, то отсюда естественное слѣдствіе, что люди, къ этому союзу не принадлежащіе, чуждые и враждебные ему, или же хотя принадлежащіе къ нему, но нарушающіе его законъ и угрожающіе общей безопасности, тѣмъ самымъ лишены человѣ-

—представитель только *третьяго* поколѣнія боговъ. (послѣ Хроноса и Ураноса). Прежде чѣмъ быть гостемъ въ смыслѣ безкорыстно дружескаго посѣтителя, чужеземецъ былъ гостемъ въ смыслѣ купца, а еще прежде онъ понимался только въ смыслѣ латинскаго *hostis* (врагъ). Впрочемъ въ еще болѣе древнее время, о которомъ однако сохранились классическія преданія, хорошій гость встрѣчался съ еще болѣею радостью, чѣмъ въ позднѣйшія гостеприимныя времена, но лишь въ качествѣ лакомаго жаркого на семейномъ пиршествѣ. Помимо такихъ крайностей, господствующее отношеніе къ чужеземцамъ въ первоначальномъ обществѣ было безъ сомнѣнія подобно тому, что постоянно наблюдалъ сэръ Джонъ Лэббокъ въ муравейникѣ, когда туда заходилъ пришлецъ хотя бы того же вида, но изъ другого общества: потаскавъ его довольно долго за усики и измучивъ до полусмерти, его или приканчивали, или изгоняли вонъ.

ческаго достоинства и правъ, и относительно ихъ все позволено. Но вотъ это состояніе античнаго сознанія измѣняется. Развитіе этической мысли сначала у софистовъ и Сократа, потомъ у греко-римскихъ стоиковъ, работы римскихъ юристовъ, самый характеръ римскаго государства, многообъемлющаго и международнаго, — все это понемногу разрушило старыя границы и утвердило въ сознаніи нравственный принципъ во всей его неограниченности и универсальности. Между тѣмъ съ другой, съ восточной стороны религіозно-нравственная проповѣдь пророковъ израильскихъ вырабатывала живой идеаль безусловнаго человѣческаго достоинства. И въ то время, какъ одинъ римлянинъ въ театрѣ вѣчнаго города, чтобы выразить высшую степень личнаго достоинства, вмѣсто прежняго *civis romanus* (римскій гражданинъ), провозгласилъ устами актера новое слово: — *Ното сум* (я человѣкъ)! — другой римлянинъ, въ отдаленной восточной провинціи и на сценѣ болѣе трагической, дополнилъ это заявленіе новаго принципа простымъ указаніемъ на его дѣйствительное личное воплощеніе: — *Ессе homo* (се человѣкъ)!

Внутренній переворотъ, происшедшій въ человѣчествѣ изъ взаимодѣйствія мировыхъ событій въ Палестинѣ съ греко-римскими теоріями, долженъ былъ, казалось, положить начало совершенно новому порядку вещей. Ожидалось даже полное обновленіе физическаго міра, но вмѣсто того и социальнo-нравственный міръ язычества остается доселѣ безъ коренныхъ и окончательныхъ измѣненій. Мы не будемъ по этому поводу удивляться и сѣтовать, если только представимъ себѣ задачу нравственнаго перерожденія человѣчества во всемъ ея объемѣ. Что эта задача можетъ быть разрѣшена не внезапною катастрофой, а только постепеннымъ процессомъ — это ясно по существу дѣла и предудказано въ самомъ евангеліи ¹⁾. Процессъ такого перерожденія не совершился, но совершается, а для того, чтобы признать его медленнымъ или скорымъ, у насъ нѣтъ опредѣленнаго и достовѣрнаго мѣрила. Гораздо полезнѣе, — такъ какъ это есть не постороннее, а наше собственное дѣло, — дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что и какъ уже сдѣлано, что и какъ предстоитъ сдѣлать въ извѣстныхъ опредѣленныхъ отношеніяхъ.

¹⁾ Въ притчахъ о закваскѣ, о пшеницѣ и плевелахъ, о вербѣ горчичномъ и т. д.

IV.

Съ тѣхъ поръ какъ люди разныхъ народностей и общественныхъ классовъ соединились духовно въ поклоненіи чуждому имъ Галилеянину, котораго какъ преступника казнили во имя національных и кастовыхъ интересовъ, — внутренне невозможными сдѣлались международныя войны, сословныя преимущества и притѣсненія и жестокия казни преступниковъ. Пусть этой внутренней невозможности понадобилось осьмнадцать вѣковъ, чтобы хотя отчасти выйти наружу, и пусть это обнаруженіе становится замѣтно какъ разъ въ то время, когда его первая двигательная причина, вѣрованія — слабѣютъ и повидимому исчезаютъ на поверхности сознания — все-таки эта невозможность внутренне проникаетъ душу человѣчества и все болѣе и болѣе обнаруживается въ его жизни. Каковы бы ни были мысли отдѣльныхъ людей, но, какъ собирательное цѣлое, передовое человѣчество достигло той нравственной зрѣлости, того состоянія сознания и чувства, которыя начинаютъ дѣлать для него невозможнымъ то, что было естественно для древняго міра. Да и для отдѣльныхъ людей, не отказавшихся отъ разума, имѣетъ свою обязательную силу, если не въ формѣ религіозной вѣры, то въ формѣ отвлеченнаго сознания, тотъ нравственный принципъ, который не допускаетъ узаконенія коллективныхъ преступленій. Самый фактъ внѣшняго сближенія, знакомства и связи между собою отдаленнѣйшихъ частей человѣчества въ значительной степени упраздняетъ взаимныя преграды и отчужденіе, неизбѣжныя въ узкомъ античномъ мірѣ, для котораго Гибралтарскій проливъ былъ геркулесовыми столпами, а по Днѣпру или Дону жили люди съ песьей головой.

Международныя войны еще не упразднены, но общее отношеніе къ нимъ, особенно за послѣднее время, поразительно измѣнилось. Если судить по тѣмъ небывалымъ всеобщимъ прославленіямъ, которыя заслужила мирная внѣшняя политика покойнаго Государа, то слѣдуетъ думать, что люди, которые теперь рѣшились бы вызвать европейскую войну, будутъ погребены подъ тяжестью всемірныхъ проклятій. Рабство въ собственномъ смыслѣ упразднено безусловно и окончательно, также упразднены и другія грубыя формы личной зависимости, продержавшіяся до прошлаго, а въ иныхъ мѣстахъ и до половины нынѣшняго столѣтія, — осталось только косвенное рабство экономическое, но и оно есть вопросъ, поставленный на очередь. Наконецъ, отношеніе

въ преступникамъ съ прошлаго вѣка явно измѣняется въ смыслъ нравственнаго христіанскаго принципа.

И вотъ этотъ-то, хотя поздній, но отнынѣ быстрый и рѣшительный прогрессъ по пути, предназначенному девятнадцать вѣковъ тому назадъ, вызываетъ опасенія за нравственныя основы общества. На самомъ же дѣлѣ ложное понятіе объ этихъ основахъ есть главное препятствіе, которое задерживаетъ коренной нравственный переворотъ въ общественномъ сознаніи и жизни. Религія, семья, собственность сами по себѣ, то-есть однимъ фактическимъ своимъ существованіемъ, не могутъ быть, какъ мы видѣли, нравственными основами общества, и задача не въ томъ, чтобы поддерживать эти учрежденія во что бы то ни стало въ ихъ statu quo, а въ томъ, чтобы дать имъ истинную нравственную основу, чтобы они всецѣло прониклись единымъ истиннымъ нравственнымъ началомъ.

Это начало по существу своему универсально, одно для всѣхъ. Религія, какъ такая, можетъ быть и не быть универсальной, и всѣ древнія религіи были именно узко-національными. Но христіанство, какъ воплощеніе абсолютнаго нравственнаго идеала, такъ же универсально, какъ и самъ нравственный принципъ; таковымъ оно и явилось исперва; но историческія учрежденія, связанныя съ нимъ въ теченіе вѣковъ, универсальными не остались, и тѣмъ самымъ потеряли свой нравственный характеръ. И пока каждый утверждаетъ свою религію, сначала въ ея конфессіональной особенностяхъ, а потомъ уже какъ вселенское христіанство,—онъ тѣмъ самымъ лишаетъ ее не только здравой логики, но и нравственной основы и дѣлаетъ ее препятствіемъ для духовнаго перерожденія человѣчества. Универсальность выражается не только въ отсутствіи внѣшнихъ, національныхъ, конфессіональныхъ и другихъ преградъ, но также, и еще болѣе, въ отсутствіи преградъ внутреннихъ; чтобы быть истинно универсальною, религія не должна отдѣляться отъ умственного просвѣщенія, отъ науки, отъ общественнаго и политическаго прогресса. Религія, которая боялась бы всего этого, очевидно даже не вѣритъ въ собственные свои силы, она внутренне проникнута невѣріемъ, и при ея притязаніи быть нравственною основой общества ей недостаетъ самаго элементарнаго нравственнаго условія—искренности.

Положительное значеніе *семьи*, въ силу котораго она можетъ стать въ извѣстномъ смыслѣ нравственною основой общества, состоитъ въ слѣдующемъ. Осуществить дѣйствительно, въ реальной, повседневной жизни, свое нравственное отношеніе ко *всѣмъ*—для отдѣльнаго человѣка физически невозможно. При самомъ искреннемъ признаніи безусловныхъ требованій нравственнаго принципа,

человѣкъ не можетъ реально примѣнять этихъ требованій ко всѣмъ по той простой причинѣ, что эти всѣ для него реально не существуютъ. Онъ не можетъ *на дѣлѣ* доказать свое уваженіе къ человѣческому достоинству въ лицѣ тѣхъ миллионѣвъ людей, о которыхъ онъ не имѣетъ понятія; онъ не можетъ ставить ихъ положительною цѣлью своей дѣятельности. Между тѣмъ, безъ полной реализаціи нравственнаго начала въ личныхъ отношеніяхъ, оно остается отвлеченнымъ принципомъ, просвѣщающимъ сознаніе, но не перерождающимъ жизнь человѣка. Выходъ изъ этого противорѣчія состоитъ въ томъ, чтобы полная реализація нравственныхъ отношеній совершилась для каждаго человѣка въ известной тѣсной средѣ, дѣйствительно и постоянно его окружающей. Такова именно семья, вѣрная своему назначенію; здѣсь дѣйствительно каждый есть цѣль для всѣхъ, за каждымъ дѣйствительно признается безусловное значеніе; каждый есть нѣчто незамѣнимое. Съ этой точки зрѣнія семья является элементарною, образцовою и образовательною ячейкою всемірнаго братства или человѣческаго общества, каковымъ оно должно быть. Но чтобы сохранять такое значеніе, семья, очевидно, не должна превращаться въ сферу удовлетвореннаго взаимнаго эгоизма, а для каждаго ея члена долженъ быть съ этой первой ступени всегда открытъ дальнѣйшій восходящій путь возможнаго для него осуществленія нравственнаго начала въ мірѣ. Семья есть или завершеніе эгоизма, или зачатокъ всемірнаго единенія. Охранять ее въ первомъ смыслѣ не значитъ охранять „нравственную основу“ общества.

Собственность сама по себѣ вообще не имѣетъ нравственнаго значенія. Никто не обязанъ быть богатымъ, а также никто не обязанъ обогащать другихъ. Равенство всѣхъ имуществъ такъ же невозможно и ненужно, какъ одинаковая окраска или густота волосъ. Есть, однако, условіе, при которомъ имущественное положеніе лица становится нравственнымъ вопросомъ. Когда человѣкъ не можетъ поддерживать своего существованія, или когда для поддержанія своего существованія онъ долженъ тратить столько силъ и столько времени, что у него не остается ихъ достаточно для заботъ о своемъ человѣческомъ, умственномъ и нравственномъ совершенствованіи — такое положеніе прямо противно человѣческому достоинству; здѣсь человѣкъ перестаетъ быть цѣлью для себя и другихъ, становится только матеріальнымъ орудіемъ экономическаго производства наравнѣ съ бездушными машинами. Но такъ какъ нравственный принципъ безусловно требуетъ, чтобы мы во всѣхъ и каждомъ уважали человѣческое достоинство, на всѣхъ и каждаго смотрѣли какъ на цѣль, а не какъ на средство

только, то, слѣдовательно, общество, желающее имѣть нравственную основу, не можетъ быть равнодушно къ такому положенію кого-либо изъ своихъ членовъ. Его прямая обязанность обезпечить всѣмъ и каждому нѣкоторый мінімумъ благосостоянія, именно то, что необходимо для поддержанія достойнаго человѣческаго существованія. Какъ это сдѣлать—это уже вопросъ не нравственности, а экономической политики. Во всякомъ случаѣ это должно, — а потому и можетъ быть сдѣлано.

Если наша религія вернется къ завѣтамъ своего Основателя и станетъ не по имени только, а дѣйствительно всечеловѣческою, если семья яснѣе пойметъ себя какъ образчикъ и зародышъ всемірнаго братства, если экономическій строй будетъ рѣшительно подчиненъ главной задачѣ: обезпечить всѣмъ и каждому достойное человѣческое существованіе, — тогда социальный кризисъ навѣрное утратитъ свое роковое значеніе для современнаго общества. И когда единое истинное нравственное начало будетъ принято къ исполненію во всѣхъ вопросахъ общественной жизни, тогда невзачѣмъ будетъ безсильнымъ усиленіемъ охранять мнимыя нравственныя основы общества.

Владиміръ Соловьевъ.

ИСПОЛНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ НА 1893 годъ.

По отчету объ исполненіи государственной росписи за 1893 годъ, какъ это, впрочемъ, было видно изъ предварительныхъ кассовыхъ свѣдѣній, нашъ государственный бюджетъ по обыкновеннымъ доходамъ превысилъ милліардъ, а по обыкновеннымъ расходамъ недалекъ отъ милліарда. Въ общемъ, исполненіе государственной росписи 1893 г., сравнительно съ смѣтными предположеніями, представляется по отчету государственнаго контроля въ такомъ видѣ:

	Было исчислено по росписи:	Оказалось по ея исполненію:
<i>Обыкновенныхъ</i> доходовъ (прямыхъ и оборотныхъ)	961.222.143	1.045.685.472
<i>Обыкновенныхъ</i> расходовъ (прямыхъ и оборотныхъ).	947.690.385	946.955.017
Избытокъ доходовъ.	13.531.153	98.730.455
а съ присоединеніемъ къ доходамъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежняго времени въ суммѣ		9.183.299
Избытокъ доходовъ надъ расходами равняется.		107.913.754
<i>Чрезвычайныхъ</i> поступленій	79.236.242	174.374.762
а съ 10.542.891 р. остатковъ прежнихъ лѣтъ		184.917.653
Чрезвычайныхъ расходовъ.	92.768.000	113.580.835
Избытокъ поступленій.		71.336.818

Вообще по исполненію росписи превышеніе поступленія надъ расходами составляетъ 179.250.572 рубля.

Таковъ общій выводъ по такому расчету, при которомъ поступленія и расходы въ золотой и серебряной валютахъ перечислены въ кредитные рубли по курсу, назначенному въ росписи, т.-е. по 1 р. 70 к. за золотой рубль и по 1 р. 19 к. за серебряный. Но такъ какъ такой курсъ оказался слишкомъ далекъ отъ дѣйствительности, то государственный контроль, вводя при исчисленіи оборотовъ, производившихся въ металлической валютѣ, курсъ, близкій къ современному биржевому (1 р. 50 к. за золотой рубль, а рубль серебряный уравнивая съ кредитнымъ), подводитъ по исполненію росписи нѣсколько иной итогъ. По этому расчету сумма обыкновенныхъ доходовъ, вмѣстѣ съ остатками отъ заключенныхъ смѣтъ, равняется 1.034.996.077 р., а обыкновенныхъ расходовъ 932.120.517 р., при чемъ избытокъ доходовъ составляетъ 102.875.560 рублей, менѣе противъ цифры, выведенной выше (107.913.754 р.) слишкомъ на 5 мил. рублей.

Такое же перечисленіе сдѣлано и по чрезвычайному бюджету, въ которомъ получается, въ круглыхъ цифрахъ, поступленій около 176½ м. р. и расходовъ около 112 м. р., что даетъ превышеніе поступленій надъ расходами на 64½ м. р., менѣе исчисленнаго по курсу, принятому для росписи почти на 7 милл. рублей.

Въ печати, впрочемъ, постоянно указывалось на нѣкоторую неточность бюджетныхъ балансовъ, происходившую отъ несоотвѣтствія принимаемаго въ росписи курса металлическихъ рублей съ дѣйствительнымъ, такъ какъ курсъ росписей въ послѣдніе годы оказывался выше биржевого, и балансъ склонялся постоянно въ пользу актива, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ. Этотъ излишекъ за 1893 годъ составилъ около 12 м. р., т.-е. одинъ процентъ всѣхъ государственныхъ поступленій. Такіе расчеты могли быть только приблизительны: исчисленія государственнаго контроля вполне точны. Замѣтимъ кстати, что приведенная нами *поправка* относится къ числу тѣхъ многочисленныхъ за послѣдніе годы дополненій и улучшеній въ редакціи отчета государственнаго контроля, которыя дѣлаютъ данныя этого отчета и многостороннѣе, и точнѣе.

Отчетъ государственнаго контроля не остановился на этомъ расчетѣ: онъ приводитъ еще третій, оставаясь при томъ на курсѣ, близкомъ къ биржевому. Въ печати постоянно указывалось на недостаточно послѣдовательное распредѣленіе доходныхъ и особенно расходныхъ статей по бюджетамъ *обыкновенному* съ одной стороны, и *чрезвычайному* — съ другой. Такъ и мы неоднократно обращали вниманіе на неправильное отнесеніе къ чрезвычайнымъ такихъ расходовъ,

какъ перевооруженіе, сооруженіе и ремонтъ портовъ и т. п.—расходы, составляющихъ постоянную, обыденную государственную потребность, которые поэтому должны удовлетворяться на счетъ обыкновенныхъ средствъ государственнаго казначейства. Нужно не упускать изъ вида, что мѣркой болѣе или менѣе удачнаго исполненія росписи того или другого года служить балансъ обыкновеннаго бюджета. Произвольное перенесеніе доходной или расходной статьи изъ одного бюджета въ другой можетъ сдѣлать самый балансъ выведеннымъ искусственно. Поэтому регуляція росписи въ этомъ отношеніи была весьма великою; она и произведена въ этомъ году. Высочайше утвержденнымъ, 4 іюня, мнѣніемъ государственнаго совѣта, между прочимъ постановлено: всѣ расходы на перевооруженіе, заготовленіе специальныхъ резервовъ продовольствія и устройства портовъ, а также на строительные расходы по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, кромѣ расходовъ на сооруженіе новыхъ линій, включать въ обыкновенный бюджетъ, равнымъ образомъ переносить въ него поступления въ счетъ военнаго вознагражденія.

Указанныя измѣненія должны быть внесены въ роспись начиная съ 1895 года, но государственный контроль, въ объяснительной къ отчету запискѣ, прикинулъ ихъ къ оборотамъ 1893 года. Получившійся выводъ всего лучше свидѣтельствуетъ о значеніи указанной государственнымъ совѣтомъ классификаціи. Согласно ей, обыкновенные доходы 1893 г., съ остатками отъ заключенныхъ смѣтъ, по дѣйствительному курсу металлическихъ поступленій, составляютъ около 1.037½ милл. рублей, а расходъ—987 м. р., такъ что превышеніе доходами расходовъ равняется 50½ м. р., менѣе цифры, выведенной выше (около 103 м. р.), слишкомъ на половину. При соответствующемъ увеличеніи избытка по чрезвычайному бюджету, по которому поступленій исчислено 173 м. р., а расходовъ всего лишь 57 м. р. (вмѣсто 112 м. р.), избытокъ поступления оказывается не 64½ м. р., а 116 м. р. Но такъ какъ почти всѣ чрезвычайныя поступления—не что иное, какъ суммы, полученныя путемъ займовъ, то болѣе или менѣе остатокъ отъ нихъ не имѣетъ значенія: займомъ болѣе или менѣе суммъ онъ могъ бы быть доведенъ до какого угодно размѣра.

Въ этой, скромно помѣщенной въ выноскѣ объяснительной записки, версія отчетнаго баланса, онъ значительно ослабляетъ характеръ, придаваемый ему редакціей отчета, по которой избытокъ обыкновенныхъ доходовъ доведенъ до 109 милл. рублей. Но и въ этой версії исполненіе государственной росписи 1893 г., какъ это будетъ объяснено дальше, не можетъ не считаться весьма благопріятнымъ, такъ какъ излишкомъ доходовъ обыкновенной росписи съ избыткомъ покрываются

большіе чрезвычайные расходы, въ томъ числѣ значительныя затраты на огромное сооруженіе сибирской желѣзной дороги.

Но какая бы редакція баланса ни была принята, неоспоримъ быстрый ростъ государственныхъ обыкновенныхъ доходовъ, цифра которыхъ за 20 лѣтъ назадъ, въ 1873 г., едва превышала полмилліарда (538 м. р.), а въ 1893 г. уже перешла во второй милліардъ, т.-е. въ теченіе 20 лѣтъ удвоилась, что, въ среднемъ, представляетъ ежегодное повышеніе на 5 процентовъ. Такое увеличеніе не соотвѣтствовало ни приросту населенія, едва ли превышающему $1\frac{1}{2}\%$ въ годъ, ни развитію народнаго благосостоянія, которое за эти 20 лѣтъ едва ли замѣтно повысилось. Если указаннымъ факторамъ и принадлежитъ доля въ ростѣ доходовъ, то болѣе чѣмъ скромная. Значительное вліяніе на этотъ ростъ оказало несомнѣнно расширеніе области государственнаго хозяйства: приобрѣтеніе въ казну или постройка казною желѣзныхъ дорогъ, включеніе въ общую государственную роспись оборотовъ выкупной операціи и т. п. Но господствующею причиной роста доходовъ должно быть признано постоянное возвышеніе существовавшихъ налоговъ, какъ нѣкоторыхъ прямыхъ, такъ и всѣхъ косвенныхъ, а равно и установленіе новыхъ.

За исключеніемъ выкупныхъ платежей, съ переложеніемъ металлическихъ поступленій по курсу 1 р. 50 к. кр. за золотой рубль, доходовъ поступило въ 1884 году 706 милл. р., а въ 1893 году 983 милл. р. „Доходы за десять лѣтъ—говорится въ объяснительной къ отчету запискѣ ¹⁾—возросли на 277 милл. р., на 39% своей первоначальной величины. Наиболѣе видную роль (на $74\frac{1}{2}$ м. р.) въ этомъ ростѣ играетъ доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, составлявшій въ 1884 году менѣе 11 мил. р., а нынѣ достигшій 85 м. р. Этотъ приростъ доходовъ поглощается, однако, сполна эксплуатаціонными расходами (около 46 м. р.) по желѣзнымъ дорогамъ, не состоявшимъ въ 1884 году въ казенномъ управленіи, а также срочными платежами по облигаціоннымъ капиталамъ этихъ дорогъ и по правительственнымъ облигаціямъ, выпущеннымъ при выкупѣ ихъ, замѣнѣ акцій частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ (около 35 м. р.). Второе мѣсто въ указанномъ ростѣ государственныхъ доходовъ занимаетъ таможенный доходъ, доставившій излишекъ въ $47\frac{1}{2}$ м. р., *благодаря введенію въ дѣйствіе съ 1-ю іюля 1891 года новаго покровительственнаго та-*

¹⁾ „Объяснительная записка къ отчету госуд. контроля за 1893 годъ“, стр. 18 и 14.

рифа ¹⁾). Остальные косвенные налоги (питейный, табачный, сахарный, нефтяной и спичечный) дали превышеніе противъ 1884 г. въ общей совокупности 69 м. р.; въ томъ числѣ 23 м. р. *всмыслѣніе установленія двухъ новыхъ акцизовъ* (нефтяного и спичечнаго), а 46 м. р. — *всмыслѣніе возвышенія размѣра трехъ старыхъ существовавшихъ налоговъ*. Далѣе, 19 м. р. превышенія доставили сборы съ торговли промысловъ и столько же пошлны (главнымъ образомъ гербовныя) ²⁾; 17 м. р. прироста дали казенныя имущества и капиталы, кромѣ желѣзныхъ дорогъ (главнымъ образомъ лѣсной доходъ); 13 м. р. излишка образовались отъ правительственныхъ регалій (главнымъ образомъ по почтовому и телеграфному доходу) и столько же по сбору съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, впервые включенному въ отчетъ 1885 г.³⁾

Такимъ образомъ, приращеніе доходовъ лишь на 30 м. р. съ небольшимъ можетъ быть признано результатомъ правильнаго экономического развитія. Остальное ихъ увеличеніе, на 240 м. р., не что иное, какъ слѣдствіе интенсивнаго воздѣйствія министерства финансовъ на не особенно блестящія, или, вѣрнѣе, особенно неблестящія платежныя силы населенія. Если принять увеличеніе дохода, т.-е. увеличеніе податей, въ десять лѣтъ постепеннымъ и равномернымъ, то въ теченіе этого періода населенію пришлось уплатить въ казну противъ окладовъ 1884 года болѣе на миллиардъ двѣсти миллионovъ рублей. Если же принять во вниманіе, что при увеличеніи косвенныхъ налоговъ, въ томъ числѣ и таможенныхъ пошлннъ, въ казну попадаетъ только часть того, что уплачивается населеніемъ, то сумма переплатъ населеніемъ была гораздо значительнѣе. Въ виду сказаннаго, вступленіе нашего доходнаго бюджета во второй миллиардъ, съ точки зрѣнія плательщиковъ налоговъ, можетъ и не представляться въ радужномъ свѣтѣ.

Сравнительно съ обыкновенными доходами предшествовавшаго

¹⁾ Зѣ объяснит. запискѣ къ этимъ словамъ сдѣлана выноска: „Въ 1884 г. процентное отношеніе таможенныхъ пошлннъ, поступившихъ *въ золотой валютѣ*, къ общей стоимости провезенныхъ по европ. границѣ товаровъ *въ кредитной валютѣ*, составило лишь 13⁰/₁₀₀, а въ 1893 году 21⁰/₁₀₀“. Это значитъ, что за товаръ стоимостью въ 100 р. кред. уплачивалось сперва 13 р., а въ 1893 году 21 р. золот., т.-е., съ переводомъ на кредитныя, сперва 19¹/₂ р., потомъ 31¹/₂ р. Изъ этого видно, что пошлнна по тарифу 1891 г. приблизительно увеличилась на 3/5 (12/19¹/₂) или, что тоже, на 6/10. Между тѣмъ таможенный доходъ, равнявшійся въ 1884 году 100 м. р., въ 1893 г. доставилъ 147¹/₂ м. р., т.-е. увеличился менѣе нежели на половину, менѣе чѣмъ на 5/10. Слѣдовательно, привозъ товаровъ въ 1893 г. былъ противъ 1884 г. меньше, а увеличеніе дохода является исключительно результатомъ сильно повышеннаго таможеннаго тарифа.

²⁾ Эти налоги также повышены. Сверхъ того въ 1885 г. введенъ новый налогъ: сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

1892 года, доходы 1893 года по цифрѣ отчета болѣе на $75\frac{1}{2}$ м. р. Нѣкоторая часть этого излишка фиктивна: золотыя поступления 1892 г. перечислялись въ кредитныя въ 1892 году по 1 р. 60 коп., а въ 1893 г. по 1 р. 70 коп. Этихъ поступленийъ въ 1893 году было 99 м. р. слишкомъ, что, считая по 10 к. разницы съ рубля, составляетъ около 10 м. р.; такимъ образомъ, дѣйствительное повышение доходнаго бюджета 1893 г., противъ бюджета 1892 года, должно быть опредѣлено въ $65\frac{1}{2}$ м. р. Превышеніе все-таки весьма значительное, почти вдвое превышающее сумму, на какую возросли въ 1893 году обыкновенные расходы.

Наибольшее увеличеніе оказалось по таможенному доходу, который въ отчетѣ за 1892 годъ значится въ цифрѣ $130\frac{1}{2}$ м. р., а въ отчетѣ за 1893 г. въ цифрѣ 166 м. р., болѣе на $35\frac{1}{2}$ м. р. Если же металлическія поступления 1893 г. привести къ курсу росписи предшествовавшаго года ¹⁾, то избытокъ составитъ $27\frac{1}{2}$ м. р. Это превышеніе объясняется усиленіемъ привоза иностранныхъ товаровъ по европейской границѣ, достигшаго въ 1893 году 422 м. рублей, цифры далеко превосходящей привозъ любого года послѣдняго десятилѣтія. Столь значительный привозъ зависѣлъ отъ общаго оживленія нашей торговли и промышленности въ 1893 году, въ связи съ обильнымъ урожаемъ. Сверхъ того, въ этомъ отношеніи, по объясненію государственнаго контроля, оказали вліяніе съ одной стороны пониженіе таможенныхъ пошлинъ для произведеній Франціи, по заключенной съ нею 5-го іюня 1893 г. торговой конвенціи, съ другой — наплывъ товаровъ изъ Германіи въ теченіе мая, іюня и іюля, передъ временнымъ введеніемъ повышеннаго тарифа на германскіе товары. Наконецъ, увеличенію привоза содѣйствовало усиленіе спроса на заграничные предметы желѣзнодорожнаго строительства вслѣдствіе сооруженія новыхъ линій. Очевидно, несмотря на доведенный чуть не до запретительнаго нашъ таможенный тарифъ, наши заводы не въ состояніи удовлетворять потребностямъ страны: съ металловъ и металлическихъ издѣлій пошлины замѣтно увеличились въ 1893 году: съ машинъ и аппаратовъ ихъ поступило слишкомъ 5 м. р. золотомъ, въ полтора раза болѣе двухъ предшествовавшихъ лѣтъ; съ желѣза и стали — 4.700.000 р., вдвое противъ прежняго; съ металлическихъ издѣлій — слишкомъ 3 м. р. зол., также въ полтора раза, и настолько же больше ($2\frac{1}{2}$ м. р.) съ чугуна; настолько же (до 2 м. р.) увеличились пошлины съ мѣди, алюминія, никеля и пр. мет. На миллионъ рублей зол. возросли пошлины съ чая, и наконецъ 1.898.000 р. получено пошлины отъ ввезеннаго изъ-за границы сахара. Сумма эта

¹⁾ 1 р. 60 к. за золотой рубль.

составляетъ собственно не пошлину съ привезеннаго сахара, а за-
ченную въ таможенный доходъ часть прибыли, которую получила
казна отъ известной сахарной операціи: приобрѣтенія сахара за гра-
ницей, съ пониженіемъ установленныхъ на сахаръ таможенныхъ по-
шлинъ, въ противодѣйствіе слишкомъ высокимъ цѣнамъ, до которыхъ
былъ поднять сахаръ нашими сахарозаводчиками. Многія обстоятель-
ства этой знаменательной въ нашей таможенной хроникѣ операціи,
подробно разобранной въ одной изъ книгъ „Вѣстника Европы“ ¹⁾,
такъ и остались неразъясненными для общества (гдѣ былъ купленъ
сахаръ, по какой цѣнѣ? и пр.), а разъясненіе это дало бы несомнѣнно
ключъ къ уразумѣнію махинацій нашей сахарной промышленности
съ ея пресловутымъ синдикатомъ.

Говоря о таможенныхъ доходахъ, государственный контроль ука-
зываетъ еще на одну особенность, относительно денежныхъ знаковъ,
которыми уплачивались таможенные пошлины въ послѣдніе годы.
Таможенные пошлины, какъ известно, должны уплачиваться или золо-
томъ, или знаками, равносильными золоту. Въ періодъ 1890—1892 гг.
уплачивалось 30 м. р. съ небольшимъ непосредственно золотомъ; 15—
20 м. р. металлическими билетами и облигаціями, вышедшими въ ти-
ражъ, и купонами отъ нихъ, и около 30 м. р. билетами иностранныхъ
правительствъ. Въ 1893 году, быть можетъ, въ видѣ репрессалій за
отказъ котировать наши бумаги въ германскомъ банкѣ, мы объявили,
что билеты германскаго банка станемъ принимать, при платежѣ та-
моженныхъ пошлинъ, не за 308, а за 302 рубля золотомъ за тысячу
марокъ. Но наши сосѣди—народъ находчивый: они спорить не стали;
они тотчасъ же обмѣняли *al pari* свои бумажки на золото и его намъ
вручили. Въ 1893 году поступило 61 м. р. золотомъ и всего лишь
58 тысячъ билетами иностранныхъ правительствъ. Одни, т.-е. мы,
оказались сыты, но и овцы, повидимому, остались цѣлы. Это не часто
является результатомъ международныхъ столкновений.

Выше было указано ненормальное и не совсѣмъ понятное явленіе,
—такъ называемый курсъ кредитнаго рубля. На немъ никогда не лиш-
нее подробно остановиться. Насколько это явленіе ненормально, видно
между прочимъ изъ распоряженія министерства финансовъ о курсѣ,
по которому принимаются въ уплату таможенныхъ пошлинъ разные
денежные знаки. Пошлины, какъ известно, должны уплачиваться зо-
лотомъ, т.-е. золотой монетой, или цѣнными бумаги въ золотой ва-
лютѣ. При этомъ, однако, мелкія доплаты можно производить кредит-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, мартъ 1894 г.: „Сахарная операція казны въ 1893 г.“

ными билетами и русскою серебряною монетою; она у насъ двухъ видовъ: низкопробная, разнѣнная—двугривенные, пятиалтынныя, гривенники,—и полнопробная, такъ называемая банковая: рубли, полтинники, четвертаки. По курсу, указанному для платежа таможенныхъ пошлинъ, кредитные рубли принимаются за 70 коп. золотомъ; курсъ разнѣнной серебряной монеты приравненъ къ курсу кредитныхъ рублей, а для банковской опредѣленъ въ 50 к. зол. за рубль. Такимъ образомъ, низкопробный двугривенный стоитъ 14 коп. золотыхъ, а полнопробный четвертакъ—всего $12\frac{1}{2}$ такихъ же копѣекъ.

Повторяемъ, курсъ нашего кредитнаго рубля—явленіе непонятное, или, по крайней мѣрѣ, трудно объяснимое логически. Въ предѣлахъ имперіи, внѣ какого-либо прикосновенія съ такъ называемой *заграничной*, кредитный рубль есть рубль, сохраняющій постоянную стоимость, несмотря на измѣненіе его курса при заграничныхъ сдѣлкахъ. Въ короткій относительно періодъ времени курсъ рубля переживалъ разительныя перипетіи: въ іюлѣ 1887 года кредитный рубль стоилъ 55 к. золот. (1 р. $81\frac{1}{2}$ к. кред. за зол. рубль); въ сентябрѣ 1890 года онъ стоилъ 79 коп. зол. (1 р. $26\frac{1}{2}$ к. кред. за зол. рубль); въ настоящее время кредитный рубль стоитъ $66\frac{1}{4}$ к. зол. (1 р. 48 к. кред. за зол. рубль). Несмотря, однако, на эти крайнія метаморфозы рубля, обыкновенный обыватель оставался къ нимъ совершенно равнодушенъ и по большей части даже не вѣдалъ о нихъ: то же количество рублей получалъ чиновникъ въ жалованье, ту же плату рабочій, тотъ же гонораръ литераторъ; даже домовладыльцы довольствовались обычными надбавками на квартиры, не прибѣгая къ экстреннымъ по случаю паденія или повышенія курса кредитнаго рубля. Вліяніе измѣненія курса замѣчалось лишь въ томъ, что при его пониженіи дороже становились сардины и швейцарскій сыръ, покупаемый по особенно торжественнымъ случаямъ, но и эти продукты не дешевѣли съ улучшеніемъ курса. (О голландскомъ полотнѣ, французскомъ бархатѣ или сукнѣ обыкновенные обыватели давно позабыли, благодаря не только курсу, но нашему таможенному тарифу.) Словомъ, во внутреннемъ обиходѣ нашей жизни курсъ рубля не оказывалъ вліянія, или если и оказывалъ, косвенно отражаясь на этомъ обиходѣ, то незамѣтно. Иначе отражался онъ на тѣхъ, кто имѣлъ заграничныя сношенія, но отражался такъ странно, что это лучше всего свидѣтельствовало о крайней аномаліи самого явленія. Русскіе, привыкшіе проводить лѣтніе мѣсяцы на заграничныхъ „курортахъ“, въ 1887 году печально опускали голову и даже вовсе отказывались отъ поѣздки, но въ то же время ликовалъ хлѣбный или лѣсной торговецъ, ведущій заграничныя коммерческія операціи. Въ 1890 году положеніе измѣнилось: путешественникъ

находилъ возможнымъ провести въ курортѣ лишній мѣсяцъ, а хлѣбные и лѣсные торговцы вопили о разореніи и даже требовали казенной субсидіи *по поводу возвышенія курса кредитнаго рубля.*

На чемъ же основывается заграничный курсъ рубля и чѣмъ опредѣляется уровень этого курса? Долговымъ обязательствомъ чело-вѣка, долги котораго превышаютъ состояніе, устанавливается курсъ пропорціональный имуществу должника, со скидкой, соразмѣрной трудности реализовать имущество. Курсъ (цѣна) акціи опредѣляется взглядомъ на доходность представляемаго ею предпріятія; курсъ процентной бумаги—размѣромъ процента и отношеніемъ его къ такъ называемому *денежному рынку*, т.-е. возможностью въ данное время получать на капиталъ, тѣмъ или другимъ путемъ, съ большимъ или меньшимъ рискомъ, большій или меньшій процентъ. Кредитные билеты не подходятъ ни подъ одинъ изъ упомянутыхъ видовъ цѣнностей: наше государственное казначейство никѣмъ не заподозривалось въ несостоятельности; кредитные билеты процентовъ не приносятъ и ничего общаго съ акціями не имѣютъ. Ихъ особенность та, что они неразмѣнны (размѣнную серебряную монету или мѣдную мы отождествляемъ съ кредитными рублями), въ отличіе отъ билетовъ англійскаго, французскаго или германскаго банка, за билеты которыхъ, по предъявленіи, тотчасъ выдается равная сумма. Разумѣется, безсрочныя обязательства, которыя нельзя реализовать по предъявленію, должны терять часть своей цѣны,—но вопросъ остается: какую часть?

Повидимому, отношеніе къ кредитнымъ билетамъ всего лучше могло бы опредѣлиться сравненіемъ съ отношеніемъ къ обязательствамъ должника вполне состоятельнаго, но прекратившаго платежи, съ тѣмъ однако, что обязательства эти безпрепятственно принимаются въ счетъ уплатъ, причитающихся самому должнику. А уплатъ этихъ не мало: если подъ должникомъ разумѣть государственное казначейство, то въ государственныхъ доходахъ въ послѣдніе пять лѣтъ оказалось значительное превышеніе надъ расходами: слѣдовательно, государственному казначейству приходится получать больше, нежели уплачивать. Если подъ должникомъ въ отношеніи къ иностранцамъ разумѣть Россію вообще, то и тамъ переводъ платежей—на нашей сторонѣ: вывозъ нашихъ товаровъ въ теченіе десяти-лѣтъ превосходитъ привозъ. Если къ привозу присоединить нерегистрованную доплату—издержки русскихъ, проживающихъ за границей безъ оплачиваемыхъ тамъ занятій, плату иностранцамъ, работающимъ въ Россіи, контрабандный привозъ иностранныхъ товаровъ и пр.,—все-таки размѣръ причитающихся отъ насъ заграничныхъ уплатъ не превзойдетъ стоимости отпущенныхъ нами товаровъ, за которые

иностранцы уплачиваютъ намъ нашими же кредитными рублями,—ничѣмъ другимъ они и уплатить не могутъ. Единственный ходячій видъ денегъ въ Россіи—кредитный рубль. Если расчеты русскихъ торговцевъ съ иностранными и производятся на золото, то золото для русскаго является не деньгами, а товаромъ: имъ оно или будетъ куплено какъ товаръ, для заграничнаго расчета; или, по полученіи, тотчасъ же продано на кредитные рубли, такъ какъ золотыя деньги были бы въ его рукахъ мертвымъ капиталомъ. При указанной равноцѣнности оборотовъ, сдѣлки весьма удобно могутъ совершаться, и дѣйствительно совершаются, на кредитную валюту; кредитующійся несомнѣнно кое-чѣмъ платится: покупающій что-либо въ кредитъ, особенно безпроцентный, платитъ за товаръ нѣсколько дороже; затѣмъ, когда кредиторъ соглашается, вмѣсто уплаты долга наличностью, получать уплату товаромъ, онъ снова требуетъ уступки въ цѣнѣ его. Все это въ порядкѣ вещей, но такія переплаты должника могутъ простирались до нѣсколькихъ процентовъ, а не доходить до трети (какъ въ настоящее время) обязательства и даже почти до половины его, какъ было въ 1887 году. Въ 1856 г. нашъ кредитный рубль стоилъ 98¹/₄ коп. зол.; въ 1863 году—около 95 коп. зол.; даже въ 1874 году—87 коп. золотомъ ¹⁾. Такимъ образомъ, низкій курсъ нашего кредитнаго рубля вовсе не лежитъ въ присущихъ ему условіяхъ, а несомнѣнно вызывается посторонними факторами. Факторы эти—спекуляція цѣною русскаго кредитнаго рубля на заграничныхъ биржахъ, преимущественно берлинской, основанная на явной или маскированной стачкѣ.

Паденіе цѣны кредитнаго рубля совершилось разомъ въ 1864 г.: средняя цѣна его за 1863 годъ была еще 95 к. мет.; въ 1864 году она спустилась до 83¹/₂ к. мет. На этомъ уровнѣ, по временамъ немного опускаясь и поднимаясь вновь, она оставалась до восточной войны, но въ 1878 году средняя цѣна за кредитный рубль оказывается уже въ 67¹/₂ коп. мет., т.-е. лишь немногимъ выше теперешней.

Попытка въ началѣ шестидесятыхъ годовъ возстановить размѣнъ по постепенно возвышаемой цѣнѣ кредитнаго рубля оказалась неудачей: золото ушло изъ государственнаго банка ²⁾, не оказавъ вліянія на цѣну рубля.

¹⁾ Статистика государственныхъ финансовъ Россіи въ 1862—1884 годахъ, разработанная старшимъ редакторомъ Центрального Статистическаго Комитета И. Кауфманомъ. Изданіе Центр. Стат. Комитета, Спб. 1886 года.

²⁾ У насъ золото—что вода на горѣ: его можно удержать только крѣпкою плотной: стоитъ открыть размѣнъ или продажу золота по какой угодно цѣнѣ, и оно уйдетъ, а затѣмъ кредитный рубль упадетъ еще ниже. Потому-то государственный

Противодѣйствіемъ спекуляціи его цѣною явилось съ 1877 года введеніе золотой таможенной пошлины, т.-е. взиманіе ея въ опредѣленномъ количествѣ не кредитныхъ, а золотыхъ рублей, но и это не подѣйствовало: курсъ кредитнаго рубля въ 1887 году понизился до 67½ коп. мет., а въ 1877 г.—до 63¼ к. зол.

Въ восьмидесятыхъ годахъ явилось стремленіе постепенно возстановить курсъ кредитнаго рубля въ уровнѣ металлическаго. Но въ 1887 г., при министрѣ И. А. Вышнеградскомъ, эта мысль была оставлена, по крайней мѣрѣ во всеподданнѣйшихъ отчетахъ о росписяхъ объ этомъ не упоминалось. Мысль эта не возникала и позднѣе—и не безъ основанія. Если бы какой-либо мѣрой могла быть восстановлена цѣнность кредитнаго рубля въ непродолжительный срокъ, то это, при нынѣ существующей разницѣ въ цѣнности кредитнаго и золотого рубля, несомнѣнно отозвалось бы глубокимъ потрясеніемъ на всемъ экономическомъ строѣ страны и внесло бы безчисленныя затрудненія какъ въ торговлю, такъ и въ долговыя заграничныя сношенія наши.

Низкая цѣна нашего рубля—одна бѣда; но едва ли не бѣднѣе—по крайней мѣрѣ въ данное время—неустойчивость этой цѣны, постоянное ея измѣненіе по неувловимому, похожему на капризъ, настроенію иностранныхъ биржъ, находящемуся несомнѣнно въ связи съ спекуляціей.

Мы сравнили какъ-то курсъ кредитнаго рубля съ насосомъ, поршень котораго движется вверхъ и внизъ, но вода, благодаря остроумному устройству клапановъ, движется только въ одну сторону. Клапаны устроивали не мы, и рукоятка насоса не въ нашихъ рукахъ. Въ устраненіе спекуляціи кредитными рублями на иностранныхъ

банкъ и держать у себя большіе запасы золота (сверхъ такъ называемаго разнѣннаго фонда), при чемъ мы читаемъ въ отчетахъ послѣднихъ лѣтъ о свободной наличности суммъ государственнаго казначейства (какъ напримѣръ въ отчетѣ за 1893 годъ) наличность 239½ м. р., изъ коихъ *избытокъ золота* на 203¼ м. р. и *недостатокъ въ кредитныхъ знакахъ* на 75 м. р. Золото въ обращеніе, на расходы, пущено быть не можетъ; слѣдовательно, недостатокъ кредитныхъ рублей приходилось пополнять новымъ ихъ выпускомъ *подъ обезпеченіе золотомъ рубль за рубль*. Но, во-первыхъ, обезпеченные билеты ничѣмъ не отличены, сверхъ разнѣннаго фонда, отъ необезпеченныхъ; во-вторыхъ, обезпеченіе *неразнѣнными* билетами, хотя бы и золотыми, но *неприкосновеннымъ* фондомъ, въ сущности никакого обезпеченія не представляетъ, при какой бы обстановкѣ ни совершалось перенесеніе этого обезпечивающаго золотого запаса изъ одного, общаго помѣщенія въ другое, специальное, —и потому выгоднаго вліянія на курсъ кредитнаго рубля имѣть не можетъ. Да и едва ли есть надобность въ такомъ особомъ обезпеченіи. Если же она есть, то по видимому было бы удобнѣе, въ видахъ поддержанія курса, эти временные кредитные билеты выпускать въ особой формѣ на опредѣленное время, съ условіемъ, по истеченіи его обмѣна, по заранѣе опредѣленному курсу, на золото или *al pari* на кредитные билеты.

биржахъ, какъ извѣстно, въ послѣднее время были приняты нѣкоторыя мѣры: обложеніе пересылаемыхъ за границу кредитныхъ рублей чѣмъ-то въ родѣ пошлины; оказано и непосредственное вліяніе министерства финансовъ на дѣйствія въ этомъ отношеніи нашихъ частныхъ банковъ. Это несомнѣнно были полумѣры, сущность которыхъ не совсѣмъ понималась публикой. Но такъ какъ онѣ шли противъ биржъ и банковъ, а отъ тѣхъ ничего кромѣ зла, по общему убѣжденію, происходить не можетъ, то мѣры были встрѣчены общимъ сочувствіемъ. Онѣ, повидимому дѣйствительно, если не устранили спекуляцію, то затруднили ее. По крайней мѣрѣ, въ 1-му ноября нов. ст. берлинская биржа встревожилась по недостатку кредитныхъ билетовъ для ликвидаціи сдѣлокъ съ ними, заключенныхъ на указанный срокъ. Въ газетныхъ извѣстіяхъ берлинская биржа взмолилась будто бы къ нашему министерству финансовъ, а оно сжалилось надъ нею и отправило ей около 3 милл. рублей (по выгодной для насъ цѣнѣ), что по толкованію газетъ, спасло многихъ биржевиковъ отъ безчестія.

Вся эта исторія, какъ она рассказана газетами, не совсѣмъ вразумительна. Дѣло шло, очевидно, объ игрѣ на курсъ русскаго рубля къ данному сроку. Такая игра обыкновенно разрѣшается не дѣйствительной покупкой цѣнной бумаги, послужившей предметомъ условной сдѣлки, а уплатой проигравшимъ, продавцомъ или покупателемъ, разницы между условленной цѣной и биржевой въ данный день. Возможность разсчитаться безъ наличности, если расчетъ сдѣланъ добросовѣстно, устраняла всякое безчестіе, даже игрецкое. Отсутствіе на биржѣ кредитныхъ билетовъ могло лишь вести къ повышенію цѣны ихъ, а слѣдовательно къ большимъ потерямъ тѣхъ, кто игралъ на пониженіе. Но еслибы даже и явилось безчестіе, — тѣмъ лучше: невыгодный примѣръ всего вѣрнѣе содѣйствовалъ бы цѣлямъ министерства, которое само же приняло указанныя выше мѣры. Очевидно, что не минутный порывъ великодушія, а болѣе вѣскія соображенія побудили министерство финансовъ снизить въ сферу биржевыхъ сдѣлокъ и тѣмъ парализовать свое собственное распоряженіе. Для насъ это служить новымъ подтвержденіемъ ненормальности такъ называемаго курса нашего кредитнаго рубля и указываетъ на настоятельную необходимость устранить этотъ курсъ или установить новую, не мѣняющуюся въ цѣнѣ, денежную единицу.

Изъ доходовъ, увеличеніе которыхъ въ 1893 г., противъ предшествующихъ лѣтъ, имѣетъ экономическое значеніе, главными являются окладные сборы поступленія налоговъ поземельнаго, съ недвижимыхъ

имущества и податей, поступленіе выкупныхъ платежей и нѣкоторые другіе.

Налоговъ поземельнаго, съ недвижимыхъ имущества и податей поступило въ 1893 году около 47 м. р., болѣе на 5 м. р. противъ 1891 года, и на $3\frac{1}{2}$ м. р. болѣе 1892 года. Увеличеніе до 1 м. р. объясняется повышеніемъ размѣра налоговъ (съ городскихъ недвижимыхъ имущества, кибиточнаго сбора съ калмыковъ), но главнымъ образомъ это увеличеніе составляетъ результатъ прекраснаго урожая 1893 года, превысившаго, по исчисленіямъ центрального статистическаго комитета, на 20% даже урожай 1888 года, лучшій въ ряду послѣдняго десятилѣтія. По той же причинѣ оказалось болѣе успешнымъ также поступленіе выкупныхъ платежей, которыхъ въ 1893 году получено 99 милл. р., болѣе полученнаго въ 1892 году на 22 милл. руб.

Поступленіе окладныхъ сборовъ можетъ, впрочемъ, считаться удовлетворительнымъ только сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Недоимокъ по нимъ къ 1893 году числилось 131 м. р.; оклада на 1893 годъ причислено 150 м. р.; поступило въ теченіе отчетнаго года $151\frac{1}{2}$ м. р., такъ что недоимки къ 1864 году осталось $129\frac{1}{2}$ м. р., менѣе всего на $1\frac{1}{2}$ м. р. Въ частности, по выкупнымъ платежамъ недоимка къ 1894 году возросла на 6 м. р.; къ 1893 году ея числилось около 84 м. р.; къ 1894 году ея стало 90 м. р., при чемъ все увеличеніе ея не только цѣликомъ, но съ излишкомъ ($6\frac{1}{2}$ м. р.) оказалось по выкупнымъ платежамъ съ государственныхъ крестьянъ. Сумма недоимокъ по выкупнымъ платежамъ въ 19 губерніяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая предшествовавшихъ лѣтъ, за 1893 годъ не измѣнилась и осталась въ цифрѣ 79 м. р., въ полтора слишкомъ раза превышающей годовой оклада. По нѣкоторымъ изъ этихъ губерній (бессарабской, херсонской, курской) недоимки уменьшились, но по другимъ, наиболѣе бѣдствующимъ, (оренбургской, казанской, самарской, нижегородской, сибирской, пензенской) онѣ еще возросли и достигаютъ двойного, тройного и даже четверного (по оренбургской губерніи) годового оклада.

Эти данныя о поступленіи окладныхъ сборовъ не совсѣмъ совпадаютъ съ удостовѣреніемъ всеподданнѣйшаго отчета о росписи на 1894 годъ въ томъ, что *благосостояніе Россіи крѣпнеть и мощными шагами движется по пути развитія*, — не совпадаетъ по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ слоевъ населенія, на которые и упадаютъ преимущественно перечисленные окладные сборы, — независимо, разумѣется, отъ другихъ общихъ налоговъ. Слѣдуетъ еще вспомнить, что надъ этими слоями, особенно по мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ неурожая 1891 и 1892 г., тяготеетъ еще огромный продоволь-

ственный долгъ, цифра котораго по отчету за 1893 годъ показана въ суммѣ 182¹/₂ миллионъ рублей.

Значительно, на 23%, сравнительно съ средней цифрой предшествовавшаго пятилѣтія, увеличился доходъ отъ казенныхъ лѣсовъ, достигшій въ 1893 году 21¹/₂ м. р. Но это нельзя приписать развитію казеннаго лѣсного хозяйства и нашей заграничной торговли лѣсомъ, составляющимъ одинъ изъ главныхъ предметовъ нашего отпуща. Лѣса вывезено въ 1893 году всего на 40¹/₂ м. р., между тѣмъ въ предшествующее трехлѣтіе его отпущено въ средней цифрѣ на 49 м. р. въ годъ. Увеличеніе дохода объясняется лишь повышеніемъ казенной лѣсной таксы, что оказалось возможнымъ вслѣдствіе оскудѣнія частныхъ лѣсовъ.

Обыкновенныхъ расходовъ произведено въ 1893 году на 947 м. р., болѣе предшествовавшаго года на 37 м. р. Впрочемъ, при уравниеніи курса расходовъ, произведенныхъ въ металлической валютѣ (на сумму 74 м. р. зол.), превышеніе составляетъ менѣе 30 м. р. Главное увеличеніе (на 9 м. р. слишкомъ) по слѣдствію министерства финансовъ на разные предметы, въ томъ числѣ на приобрѣтеніе въ казну и переустройство Николаевского дворца 1.400.000 р.; на расходы по казенной продажѣ вина 737.000 р. (признаемся, не совсѣмъ понятный расходъ, такъ какъ казенная продажа вина должна открыться лишь въ будущемъ, 1895, году); по участію на выставкѣ въ Чикаго 428.000 р., и пр. По министерству путей сообщенія расходы увеличились на 8 м. р., главнымъ образомъ вслѣдствіе перехода нѣсколькихъ дорогъ въ казну. Наконецъ, по системѣ государственнаго кредита, по официально фигурирующимъ въ отчетахъ цифрамъ, расходы увеличились на 10 м. р. слишкомъ: въ 1892 г. расходовъ значится 256.825.000 р., а въ 1893 году—266.903.000 р.; но по счету государственнаго контроля, основанному по всей вѣроятности на уравниеніи курса кредитныхъ рублей, превышеніе составляетъ 4.807.000 р. и объясняется платежомъ процентовъ по вновь заключеннымъ въ 1892 и 1893 г. займамъ (внутреннему 4¹/₂ процентному и консолидированному желѣзнодорожному, 2-го выпуска).

Изъ отдѣльныхъ расходовъ можно остановиться на расходѣ на пенсіи. Въ 1885 году расходъ этотъ составлялъ 25 м. р.; въ 1893 году онъ достигъ 30 м. р., т.-е. за восемь лѣтъ увеличился на 5 м. р., что составляетъ въ среднемъ ежегодное увеличеніе на 625.000. Намъ приходилось уже говорить о пенсіяхъ, какъ объ одномъ изъ настоятельныхъ вопросовъ нашего бюджета, не разъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ подвергавшагося *пересмотру* въ назначаемыхъ для этого ком-

миссіяхъ, но до сихъ поръ не доведеннаго ни до какого результата. На комиссію возлагалось разрѣшеніе неразрѣшимой задачи: съ одной стороны, увеличить размѣръ пенсій, которыя теперь въ низшихъ степеняхъ не превышаютъ нѣсколькихъ десятковъ рублей, съ другой—найти средство устранить постоянный, устрашающій административныя сферы, ростъ пенсіонныхъ расходовъ. За невозможностью согласить несогласимое, былъ какъ бы найденъ палліативъ: образованіе въ разныхъ вѣдомствахъ эмеритальныхъ кассъ, которыя, не вовлекая будто бы казну въ расходы, въ то же время пополняютъ нищенскіе оклады казенной пенсіи, если они не назначаются особымъ порядкомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ порядка *en règle*. Минималъ неотвѣтственность казны за состояніе эмеритальныхъ кассъ всего лучше опровергается требованіемъ самой состоятельной (благодаря щедротамъ казны) эмеритальной кассы военного вѣдомства: она требуетъ отъ казны или капитала въ 80 м. р., или ежегодной субсидіи въ 3 м. р. слишкомъ. Дѣло это остается пока нерѣшеннымъ. Грозящая несостоятельность кассъ—это одна невыгодная сторона. Другая—это ихъ исключительность. Эмеритальныя кассы, въ дополненіе казенныхъ пенсій, существуютъ лишь въ немногихъ вѣдомствахъ. Но остальнымъ приходится довольствоваться рѣшительно недостаточными казенными пенсіями.

Ограничиваясь теперь указаніемъ на пенсіонный вопросъ, какъ требующій разсмотрѣнія въ ближайшемъ будущемъ, мы еще возвратимся къ нему при обзорѣ оборотовъ эмеритальныхъ капиталовъ за 1893 годъ.

Переходимъ къ *чрезвычайному бюджету*: чрезвычайныхъ поступленій, какъ показано раньше, было около 174½ м. р., но изъ нихъ только немногія суммы имѣютъ характеръ дѣйствительныхъ доходовъ, а именно: а) военное вознагражденіе съ Турціи; его поступило 2.148.654 р. зол., которые, въ перечисленіи на кредитные рубли по 1 р. 70 к. кр. за золотой рубль, составляютъ 3.536.335 р.; это поступленіе нѣсколько болѣе годового назначенія вслѣдствіе прежнихъ недоимокъ; затѣмъ за Турціей еще остается долга около 181½ м. р. золотомъ, т.-е. сумма, которая можетъ быть уплачена только въ теченіе 90 лѣтъ; б) военного вознагражденія съ Хивы 300.000 р. кред.; изъ нихъ 150.000 просроченнаго взноса за 1892 годъ; остается за Хивой долга 955.769 р., которые, по 150.000 р. въ годъ, могутъ быть уплачены въ теченіе семи лѣтъ; оба эти поступленія, какъ уже замѣчено, согласно мнѣнію государственнаго совѣта, перенесены изъ чрезвычайнаго бюджета, хотя они и могли бы по источнику считаться чрезвычайнымъ доходомъ, особенно долгъ съ Турціи, разсроченный слишкомъ на 100 лѣтъ,

правильное поступленіе котораго подвергнуто многимъ случайностямъ; в) вклады въ государственный банкъ на вѣчное храненіе, 1.776.027 р.; хотя эти вклады и имѣютъ характеръ *кредитныхъ операций*, т.-е. займовъ, но, въ виду ихъ періодическаго поступленія въ незначительномъ относительно размѣрѣ, они могутъ быть причислены къ доходамъ точно такъ же, какъ и г) поступления отъ желѣзныхъ дорогъ въ возвратъ позаймствованій изъ государственнаго казначейства (577.486 р.). Наконецъ, есть еще рубрика д) спеціальныя капиталы, обращаемыя въ общія средства государственнаго казначейства. Ежегодное въ послѣднее время внесеніе въ доходную роспись подобныхъ суммъ составляетъ результатъ изысканій государственнымъ контролемъ остатковъ разныхъ спеціальныхъ и партикулярныхъ суммъ, имѣвшихся въ былое время, а также остатковъ строительныхъ капиталовъ и кассовыхъ средствъ желѣзныхъ дорогъ, перешедшихъ въ вѣденіе казны. Такихъ суммъ по исполненію росписи 1893 г. поступило 5.486.419 рублей.

По указаннымъ рубрикамъ поступило доходовъ $11\frac{1}{2}$ м. р. съ небольшимъ. Остальные 162 м. р. чрезвычайныхъ поступленій составляютъ суммы, полученныя путемъ займовъ ($96\frac{1}{2}$ м. р. отъ реализаціи $4\frac{1}{2}\%$ внутреннего займа выпуска 1893 г., и $65\frac{1}{2}$ м. р. отъ реализаціи остальной части облигацій 3% золотого займа выпуска 1891 года).

Сверхъ того, къ чрезвычайнымъ доходамъ причисляется $10\frac{1}{2}$ м. р. остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежняго времени, что увеличиваетъ сумму дѣйствительнаго чрезвычайнаго дохода до 21 милл. руб.

Изъ $113\frac{1}{2}$ м. р. чрезвычайныхъ расходовъ только небольшая часть относится къ разряду кредитныхъ операций, а именно 13 м. р. съ небольшимъ, обращенныя на доплату по конверсіи 6% золотой ренты. Остальные $100\frac{1}{2}$ м. р. составляютъ дѣйствительный расходъ: около $61\frac{1}{2}$ м. р. на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ; 36 м. р. на расходы по перевооруженію; 1 м. р. на заготовленіе спеціальныхъ резервовъ продовольствія и 2 м. р. на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкой сибирской желѣзной дороги.

При сопоставленіи этого расхода съ итогомъ дѣйствительныхъ чрезвычайныхъ доходовъ (21 м. р.), около $79\frac{1}{2}$ м. р. оказываются непокрытыми и должны быть отнесены на счетъ избытка доходовъ по обыкновенному бюджету.

Такимъ образомъ, общій результатъ исполненія государственной росписи 1893 года выражается избыткомъ доходовъ по обыкновенному бюджету въ 108 милл. р. и недобору ихъ по чрезвычайному въ $79\frac{1}{2}$ м., а въ итогѣ сводится къ *превышенію доходовъ на $28\frac{1}{2}$ милл. руб.*

Если принять во вниманіе, что въ сумму расходовъ вошло $33\frac{1}{2}$ м. р. на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, въ томъ числѣ 30 м. р. на сибирскую желѣзную дорогу—и это независимо отъ $18\frac{1}{2}$ м. р. ремонтныхъ и дополнительныхъ желѣзнодорожныхъ сооружений,—то общее исполненіе росписи могло быть признано удовлетворительнымъ. Но при этомъ не должно забывать, какъ мы замѣтили выше, что этотъ результатъ, точно также какъ и благопріятный результатъ исполненія государственныхъ росписей предшествовавшихъ лѣтъ, къ сожалѣнію, является слѣдствіемъ не экономическаго развитія страны и усиленія ея платежныхъ средствъ, а крайнимъ напряженіемъ платежныхъ силъ народа. Не отрицая значительныхъ улучшеній за послѣднее время въ порядкахъ государственнаго хозяйства (напр., желѣзнодорожнаго, государственнаго банка, лѣснаго и др.), нельзя упускать изъ вида постояннаго, непрерывнаго въ теченіе семи лѣтъ, начиная съ 1887 года, повышенія существующихъ налоговъ и введенія новыхъ, то по цѣлому ряду повинностей, то по отдѣльнымъ ихъ видамъ.

Если необходимость устраненія хроническихъ дефицитовъ, притупляющая нашимъ бюджетамъ до 1887 года, и вызывала неизбежность напряженія народныхъ платежныхъ силъ, то нынѣ, когда бюджетъ приведенъ въ порядокъ, есть полная возможность не только понизить или отменить наиболѣе тяжелые для населенія налоги (напр., питейный, таможенный, гербовый съ его непомерными штрафами и крайне стѣснительными порядками, и т. п.), но и приступить къ полному пересмотру нашей финансовой системы. Затѣмъ не было бы излишне *осветжить*, какъ говорится въ канцеляріяхъ, въ памяти сданныя въ архивъ заботы о сокращеніи государственныхъ расходовъ,—а лишніе расходы за 12 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ эти заботы оставлены, сверхъ прежнихъ, накопились не мало, особенно по бюрократіи. Въ примѣръ можетъ быть указано *желѣзнодорожное вѣданіе*, на почвѣ котораго возникли безчисленные бюрократическіе органы: управляющіе, руководящіе, регулирующие, наблюдающіе, контрольные, съ громаждающимъ персоналомъ—во всѣхъ. То же—и по нѣкоторымъ другимъ *вѣданіямъ*. Съ накопившимся за двѣнадцать лѣтъ матеріаломъ въ этомъ отношеніи пора бы сосчитаться и осмотрѣться.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1894.

Бракосочетаніе Государя Императора.— Милостивый манифестъ 14 ноября.— Положеніе дѣлъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ.— Главнѣйшія мѣры прошлаго царствованія.— Русскій народъ и русское общество въ настоящее время, на рубежѣ двухъ эпохъ.

14-го ноября, Высочайшій манифестъ оповѣстилъ Россію о совершившемся въ этотъ день бракосочетаніи Государя Императора съ Великою Княжною Александрою Теодоровною. „Посреди глубокой скорби, коею преисполнены сердца Наше и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, — таковы подлинныя слова манифеста, — да будетъ день сей свѣтлымъ вѣстникомъ упованій народныхъ на продолженіе къ Намъ милости Божіей въ наступившее новое царствованіе. Помышляя о судьбахъ его, сочли Мы за благо не отдалять совершеніе сердечнаго желанія Нашего, священнаго къ Намъ завѣта въ Бозѣ Почившаго Родителя и радостныхъ ожиданій всего народа, — да укрѣпленъ будетъ таинствомъ Святой Церкви благословенный Родителями Нашими брачный союзъ Нашъ. Всѣ вѣрные подданные Наши соединятся съ Нами въ молитвѣ, да ниспошлетъ Господь благословеніе союзу Нашему и даруетъ Намъ, во благо Россіи, то же безмятежное счастье, коимъ благословенъ былъ въ Домѣ Своемъ Незабвенный Нашъ Родитель, къ навиданію и утѣшенію всего народа“.

Въ тотъ же день состоялся Милостивый манифестъ, которымъ Государь Императоръ, „слѣдуя завѣтамъ Вѣнценосныхъ Предковъ“, даруетъ различнымъ группамъ лицъ разнаго рода облегченія и льготы.

Первая категорія льготъ вызвана „современнымъ неблагопріятнымъ положеніемъ земледѣлія, дающаго средства къ существованію болѣе части населенія имперіи“, и обнимаетъ собою: 1) уменьшеніе процентовъ по ссудамъ изъ государственнаго дворянскаго земельного банка, съ 4¹/₂ до 4% въ годъ; 2) уменьшеніе годовыхъ платежей

заемщиковъ особаго отдѣла того же банка (т.-е. бывшихъ заемщиковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита); 3) облегченіе, для тѣхъ же заемщиковъ, досрочнаго погашенія долга; 4) пониженіе на одинъ рубль процентовъ по ссудамъ изъ крестьянскаго поземельнаго банка; 5) увеличеніе средствъ крестьянскаго банка, причисленіемъ къ нимъ извѣстной части ежегодно поступающихъ выкупныхъ платежей; 6) сложеніе со счетовъ долговъ въ казну и общій по имперіи продовольственный капиталъ по продовольственнымъ ссудамъ: образовавшихся до 1866 г.—сполна, образовавшихся послѣ 1866 г.—въ половинѣ, а также половины долговъ по ссудамъ, выданнымъ, вслѣдствіе неурожаевъ 1891 и 1892 г., изъ капиталовъ губернскихъ, казачьихъ и общественныхъ. Наиболѣе обремененнымъ частямъ населенія можетъ быть предоставлено еще добавочное облегченіе продовольственнаго долга, по соглашенію министра финансовъ съ подлежащими министерствами. Менѣе общее значеніе имѣютъ тѣ пункты перваго отдѣла манифеста, которые предоставляютъ различныя льготы арендаторамъ казенныхъ, кабинетскихъ, государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній и оброчныхъ статей. Весьма близки къ нимъ, по своему характеру, многія постановленія, вошедшія въ составъ втораго отдѣла манифеста (сложеніе недоимокъ и разнаго рода долговъ или взысканій съ переселенцевъ, съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и горнозаводскихъ людей, съ инородцевъ, съ мастеровыхъ и рабочихъ на казенныхъ и кабинетскихъ горныхъ заводахъ и т. п.).

Другими пунктами втораго отдѣла: 1) прощаются пени и штрафы по окладнымъ сборамъ, крѣпостнымъ пошлинамъ, гербовому сбору и налогу на наслѣдства; 2) слагаются со счетовъ недоимки по сборамъ за право торговли и промысловъ, а также по неокладнымъ сборамъ и пошлинамъ, въ размѣрѣ пятидесяти рублей на каждаго недоимщика; 3) оставляются безъ взысканія разныя переборы пенсій и пособій, а также числящіяся къ 1 января 1894 г. въ недоимкѣ за дворянствомъ разныхъ губерній суммы по содержанію пансіонеровъ въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія и невнесенная по 1 іюня 1894 г. плата за ученье, за слушаніе лекцій и т. п.

Третій отдѣлъ манифеста касается разныхъ казенныхъ по службѣ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ. Четвертый отдѣлъ начинается слѣдующими знаменательными словами: „обращая взоры Наши на несчастныхъ и страждущихъ, хотя бы и по собственной ихъ винѣ, и *поставляя правосудіе основою народнаго благоденствія*, Мы почитаемъ право миловать и щадить драгоцѣннѣйшимъ отъ Бога намъ ниспосланнымъ удѣломъ“. Безусловно освобождаются отъ преслѣдованія и отвѣтственности всѣ подлежащіе, по закону, наказанію

не соединенному съ ограниченіемъ правъ состоянія (за исключеніемъ совершившихъ кражу, мошенничество, присвоеніе или растрату чужого имущества, ростовщичество, издомство или лихоимство, а также лицъ, подлежащихъ, за оскорбленіе чести, преслѣдованію въ порядкѣ частнаго обвиненія); та же льгота распространяется на виновныхъ въ составленіи подложнаго на жительство вида или въ прожительство съ такимъ видомъ. Виновнымъ въ другихъ, болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, даруется смягченіе наказаній, болѣею частью на одну треть. Примѣненіе льготы къ ссыльно-каторжнымъ и ссыльно-поселенцамъ предоставляется министру внутреннихъ дѣлъ и генералъ-губернаторамъ иркутскому и приамурскому, по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ. Всѣ вышеприведенныя правила примѣняются и къ государственнымъ преступникамъ, при чемъ о тѣхъ изъ нихъ, которые, по свойству ихъ вины или раскаяніемъ и добрымъ поведеніемъ, заслуживаютъ большаго смягченія, можетъ быть представленъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, особый всеподданный докладъ. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено повергать на Высочайшее усмотрѣніе участь лицъ, которыя, за преступленія государственныя, отбываютъ наказанія, наложенныя на нихъ въ административномъ порядкѣ, если они, по свойству вины или проявленному раскаянію, заслуживаютъ снисхожденія, а равно освобождать отъ воспрещенія жительства въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ тѣхъ изъ подвергшихся этому ограниченію, возвращеніе которыхъ туда совмѣстимо съ требованіями общественнаго порядка и спокойствія. Министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшено представлять Государю Императору ходатайства тѣхъ самовольно оставившихъ отечество, которые, удалившись вслѣдствіе совершенныхъ ими государственныхъ преступленій, не изобличаются въ злодѣяніяхъ, наказуемыхъ по ст. 241 улож. о наказ. (т.-е. въ злоумышленіи противъ особы или власти Государя) и пожелаютъ возвратиться на родину и вѣрностью престолу и отечеству искупить свою вину. Предаются забвенію дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 246—248 улож. о наказ. (оскорбленіе Величества), если они по 14-ое ноября оставались безгласными; обвиняемые въ преступленіяхъ этого рода или отбывающіе за нихъ наказаніе освобождаются отъ всякой отвѣтственности, съ возвращеніемъ утраченныхъ правъ состоянія (кромя правъ на имущество).

Изъ числа льготъ, перечисленныхъ нами, особенное вниманіе обращаютъ на себя тѣ, которыя относятся къ заемщикамъ поземельныхъ банковъ дворянскаго и крестьянскаго, какъ по своей новизнѣ — въ моментъ изданія послѣдняго милостиваго манифеста, 15-го мая 1883 г., дворянскій банкъ еще не существовалъ, а крестьянскій

только-что открывалъ свою дѣятельность, — такъ и по своей важности. Изъ официальныхъ данныхъ, напечатанныхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ одновременно съ манифестомъ, видно, что *въ настоящую минуту* пониженіе процентовъ, платимыхъ заемщиками дворянскаго банка, не потребуетъ никакихъ пожертвованій со стороны казны и государства, благодаря особому капиталу, образовавшемуся вслѣдствіе выигрышнаго займа 1889 г.; но такіа пожертвованія сдѣлаются, конечно, неизбѣжными, какъ только общая совокупность ссудъ увеличится, приблизительно, на 40 милліоновъ рублей. Что касается до облегченій, дарованныхъ заемщикамъ особаго отдѣла дворянскаго банка, то они *теперь же* нарушаютъ „соотвѣтствіе между поступленіями и обязательствами банка“ и потребуютъ „восполненія изъ государственныхъ средствъ“, въ размѣрѣ 848 тыс. руб. въ годъ, въ теченіе $48\frac{1}{2}$ лѣтъ, или единовременно— $18\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Платежи заемщиковъ крестьянскаго банка, послѣ пониженія ихъ въ силу манифеста, будутъ равняться платежамъ самого банка по лежащимъ на немъ обязательствамъ, такъ что прямого ущерба банкъ не понесетъ; но льгота, данная заемщикамъ, все-таки будетъ сопряжена съ немаловажнымъ пожертвованіемъ изъ общегосударственныхъ средствъ, такъ какъ убытки банка, происходящіе отъ неисправности заемщиковъ, покрывались до сихъ поръ именно изъ разницы между платежами заемщиковъ и банка, а теперь для пополненія ихъ нужно будетъ прискаты другой источникъ. Итакъ, льготы, дарованныя заемщикамъ поземельныхъ банковъ, должны имѣть послѣдствіемъ обремененіе казны, т.-е. плательщиковъ податей. Нельзя не замѣтить, однако, что значеніе этого факта далеко не одинаково по отношенію къ обоимъ банкамъ. Льгота, дарованная заемщикамъ крестьянскаго банка, находитъ для себя твердое основаніе уже въ томъ обстоятельстве, что она только уравниваетъ платежи заемщиковъ съ платежами банка. За потери, понесенныя банкомъ, исправные плательщики, очевидно, отвѣчать не должны, тѣмъ болѣе, что причина потерь коренится, отчасти, въ ошибкахъ самого банка: въ допущеніи покупокъ по слишкомъ высокимъ цѣнамъ, въ требованіи крупныхъ доплатъ и т. п. Далѣе, огромное большинство заемщиковъ крестьянскаго банка—люди бѣдные, живущіе изо дня въ день, исключительно трудомъ рукъ своихъ; облегченіе ихъ платежей—мѣра совершенно однородная съ пониженіемъ податнаго бремени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гарантія болѣе ихъ исправности, т.-е. меньшихъ потерь для банка. Заемщики крестьянскаго банка и послѣ льготы, дарованной имъ манифестомъ, будутъ платить $4\frac{1}{2}\%$ росту, а не 4% , какъ заемщики дворянскаго банка, принадлежащіе, притомъ, къ сравнительно обезпеченному и достаточному классу. Наконецъ, убы-

токъ отъ пониженія платежей крестьянскому банку представляется, пока, гадательнымъ, не подлежащимъ точному опредѣленію; убытокъ отъ пониженія общихъ платежей дворянскому банку наступить лишь въ будущемъ—но убытокъ отъ пониженія платежей по особому отдѣлу дворянскаго банка дастъ себя чувствовать немедленно и выразится въ весьма крупной цифрѣ.

„Снисхожденіе Высочайшей власти по отношенію къ наибольшей массѣ плательщиковъ казенныхъ сборовъ, — читаемъ мы въ той же статьѣ „Правительственнаго Вѣстника“, —направляемо было до сего времени обычно на облегченіе тяжести податныхъ недоимокъ, весьма часто накаплиющихся не по нерадѣнію плательщиковъ, а вслѣдствіе невзгодъ и оскудѣнія хозяйства. Но послѣдовательно допущенное въ недавнее время облегченіе податного бремени, посредствомъ отмѣны подушной подати и пониженія выкупныхъ платежей, а также предоставленная нынѣ мѣстнымъ начальствамъ возможность по закону входить въ разборъ причинъ накопленія недоимокъ и, въ случаѣ надобности, разсрочивать таковыя на весьма долгіе сроки, сдѣлали повинности не столь обременительными, а уплату недоимокъ облегчили уже въ предѣлахъ возможнаго и справедливаго. Поэтому, Его Императорскому Величеству благоугодно было, взявъ дарованія податныхъ льготъ, направить мысль Свою на облегченіе главнѣйшихъ тѣхъ изъ вѣрныхъ Своихъ подданныхъ, кои обременены долгами за пособія, розданныя имъ въ неурожайные годы заимообразно, на продовольствіе и обѣмненіе полей“. Признавая вполнѣ громадную важность этого облегченія, выражающагося, по словамъ официальной газеты, цифрою въ 57 миллионѣвъ рублей (независимо отъ дальнѣйшихъ частныхъ льготъ, зависящихъ отъ соглашенія министровъ), мы не можемъ не замѣтить, однако, что оно лишь въ очень незначительной степени коснется тѣхъ губерній, которыя не пострадали отъ неурожая въ 1891 и 1892 г.—а между тѣмъ и въ этихъ губерніяхъ нужда, мѣстами, очень велика и податныя недоимки тяжелымъ бременемъ лежатъ на населеніи. Разсрочка недоимокъ, на какихъ бы условіяхъ она ни производилась, все же не равносильна ихъ сложенію.

Смягченіе наказаній манифестъ, большею частью, ставитъ въ зависимость только отъ ихъ тяжести и свойства, заранѣе опредѣляя, притомъ, самые размѣры смягченія. Исключеніе допущено, какъ мы видѣли, для ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ; примѣненіе къ нимъ манифеста предоставлено усмотрѣнію министра или генералъ-губернатора. Говоря, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, о милостивомъ манифестѣ 15 мая 1883 г. ¹⁾, мы имѣли уже случай ука-

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1883 г.

затѣ, что разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ съ большою пользою могло бы быть возложено не на одно лицо, а на коллегію, съ участіемъ представителей судебной власти... Еще болѣе важную роль играетъ усмотрѣніе администраціи по отношенію къ лицамъ, отбывающимъ, за государственныя преступленія, наказаніе, наложенное на нихъ въ административномъ порядкѣ: по отношенію къ нимъ право на смягченіе не установлено вовсе и не опредѣлена минимальная мѣра смягченія. Возможно, вслѣдствіе этого, такое совпаденіе обстоятельствъ: лицо, заключенное въ тюрьму, за государственное преступленіе, *по судебному приговору*, воспользуется, на общемъ основаніи, смягченіемъ, которое манифестъ даруетъ всѣмъ присужденнымъ къ тюремному заключенію—а лицо, на тотъ же срокъ и за однородное преступленіе заключенное въ тюрьму *по распоряженію администраціи*, останется внѣ дѣйствія манифеста.

Царствованіе императора Александра III-го, такъ неожиданно закончившееся 20-го октября, еще не сдѣлалось и не скоро сдѣлается достояніемъ исторіи. Миновало, однако, первое впечатлѣніе, подъ гнетомъ котораго находилась, мѣсяцъ тому назадъ, вся Россія, и которое позволяло ей видѣть въ Усопшемъ только безвременно почившаго человѣка; наступило время если не для оцѣнки, то для общаго обзора важнѣйшихъ мѣръ, ознаменовавшихъ минувшее четырнадцатилѣтіе, и для сравненія Россіи, какою она была въ моментъ кончины Александра II-го, съ Россіей, которую мы видимъ передъ собою наканунѣ 1895 года.

О послѣднихъ годахъ царствованія Александра II-го, какъ и о многихъ другихъ недавнихъ историческихъ моментахъ и историческихъ дѣятеляхъ, сложилась, на нашихъ глазахъ, цѣлая легенда. Трудно повѣрить, чтобы о времени столь близкомъ, столь хорошо памятномъ громадному большинству нашихъ современниковъ, столь ярко отразившемся въ цѣлой массѣ всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, могли образоваться представленія, прямо противорѣчащія дѣйствительности. Невѣроятное, однако, оказывается несомнѣннымъ; наиболѣе ходячее мнѣніе является, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе фальшивымъ. Фраза объ „отсутствіи правительства“, произнесенная лѣтъ десять тому назадъ съ цѣлью доказать необходимость его „возвращенія“, повторялась такъ часто, съ такою увѣренностью, на столько различныхъ ладахъ, что получила для многихъ значеніе аксіомы. Вошло въ привычку утверждать, что Россія конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, отданная на жертву „нестроенію и самоуправству“, зависима извнѣ, быстро шедшая къ распаденію внутри, стояла на

краю гибели, а государственная власть, „усвоившая себѣ западныя доктрины и преклонившаяся передъ западною культурой“, ступала и потеряла вѣру сама въ себя. Передъ судомъ потомства, быть можетъ весьма близкаго, не устоятъ—мы въ томъ глубоко убѣждены—ни одно изъ этихъ положеній, основанныхъ отчасти на тенденціозномъ, намѣренномъ, отчасти на бессознательномъ, наивномъ извращеніи истины. Легко будетъ доказать, путемъ простой исторической справки, что правительство императора Александра II-го, въ продолженіе всей эпохи его мнимаго бездѣйствія и безвластія, ни на минуту не переставало заявлять о своемъ „присутствіи“, и заявлять весьма осязательно, не оставляя безъ суроваго отпора ни одной попытки, направленной или хотя бы только казавшейся направленною противъ цѣлости государства или неприкосновенности государственнаго строя. Легко будетъ доказать, что затрудненія, съ которыми правительству того времени приходилось бороться, обуславливались не уступчивостію или нерѣшительностію его, не „преклоненіемъ“ передъ западною культурой, а отчасти внѣшними усложненіями, отчасти незаконченностію реформъ, отчасти, наконецъ, разрушительными стремленіями небольшой группы, преслѣдуемой съ величайшею строгостію, но не поддававшейся сразу уничтоженію именно вслѣдствіе малочисленности и неуловимости ея членовъ. Увѣренію, что инородцы—*все* инородцы—были полновластными хозяевами занятыхъ ими окраинъ, достаточно будетъ противопоставить документальную исторію царства польскаго и западнаго края, начиная съ возстанія 1863 г. Увѣренію, что государственная власть *все болѣе и болѣе* поступалась тогда своими правами, достаточно будетъ противопоставить рядъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ 1878 и 1879 г. и заключившихся чрезвычайными полномочіями сначала генералъ-губернаторовъ, потомъ верховной распорядительной комиссіи. Сквозь массу выдумокъ, нагроможденныхъ одна на другую, и теперь, впрочемъ, ясно виднѣются главныя черты положенія дѣлъ, существовавшаго наканунѣ 1-го марта 1881 г. *Избытокъ* репрессіи, а отнюдь не ея *недостатокъ*—логически привелъ къ вопросу о томъ, завершена ли великая преобразовательная работа, предпринятая въ концѣ пятидесятихъ годовъ, ослабѣвшая въ половинѣ слѣдующаго десятилѣтія, загложшая въ началѣ семидесятихъ годовъ? Этотъ вопросъ былъ разрушенъ въ ту эпоху отрицательно. Признано было необходимымъ возобновить прерванное дѣло—возобновить его въ двухъ направленіяхъ, съ цѣлью поднять благосостояніе народа и самостоятельность общества. Отмена соянаго налога была только первымъ шагомъ, за которымъ должно было послѣдовать дальнѣйшее облегченіе крестьянской массы; пересмотръ постановленій о печати долженъ былъ идти

рука объ руку съ пріисканіемъ другихъ формъ „общественнаго содѣйствія“. Сенаторскія ревизіи, до тѣхъ поръ служившія только средствомъ раскрытія частныхъ злоупотребленій, были возведены въ первый разъ на степень *изслѣдованія* существующихъ условій, предлагающаго путь къ ихъ улучшенію. Таково было наслѣдство, полученное новымъ государемъ и сохранившее большую цѣнность, несмотря на неизбежный *contre-coup* катастрофы 1-го марта.

Первый періодъ царствованія императора Александра III былъ во многихъ отношеніяхъ непосредственнымъ продолженіемъ предшествовавшей эпохи. Изъ двухъ теченій, ею созданныхъ, въ особенности поспѣшавшему тому, которое сосредоточивалось въ области финансовой и экономической. Пониженіе выкупныхъ платежей (1882), отмена подушной подати (1882), налогъ на наслѣдства (1882) и на процентныя бумаги (1885), повышеніе промысловаго обложенія (1884), учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка и фабричной инспекціи (1882), ограниченіе фабричной работы малолѣтнихъ (1882) и ночной работы подростковъ и женщинъ (1885), устройство тѣхъ категорій сельскихъ обывателей (чиншевиковъ, вольныхъ людей и др.), поземельный бытъ которыхъ оставался еще необезпеченнымъ (1882 и позже), совокупность мѣръ, направленныхъ къ облегченію для крестьянъ арендованія казенныхъ земель (1881, 1884)—все это было прямымъ исполненіемъ программы, начертанной въ 1880 г., и не случайно, конечно, главнымъ исполнителемъ ея явился министр, именно въ 1880 г. призванный изъ міра науки въ сферу высшаго государственнаго управленія. Послѣднія волны могучаго теченія достигаютъ берега много лѣтъ спустя (законъ 3-го іюня 1886 г. о фабричной работѣ, законъ 13-го іюля 1889 г. о переселеніяхъ)—но тѣмъ дальше отъ источника, тѣмъ слабѣе волна, тѣмъ больше количество постороннихъ примѣсей... Не сразу исчезло и другое теченіе, завѣщанное послѣднимъ годомъ царствованія Александра II-го: непосредственно связаны съ нимъ двукратный призывъ свѣдущихъ людей (1881), учрежденіе такъ называемой казановской комиссіи (1881), узаконеніе школъ грамоты (1882), учрежденіе комиссій для составленія уложеній уголовнаго и гражданскаго (1881 и 1882), новыя льготы раскольникамъ (законъ 3-го мая 1883 г.).

Одновременно съ осуществленіемъ нѣкоторыхъ изъ числа задачъ, стоявшихъ на очереди въ моментъ водаренія новаго государя, ставятся и быстро выдвигаются на первый планъ другія цѣли, идущія въ разрѣвъ не только съ эпохой „диктатуры сердца“, но и съ „эпохой великихъ реформъ“. Прежде всего, какъ это всегда бываетъ, перемена настроенія отражается на печати. Вмѣсто облегченій, проектированныхъ въ 1880 г., она подвергается, въ силу *временныхъ*

правиль 1882 г. (дѣйствующихъ, однако, и по настоящую минуту). Новымъ, весьма существеннымъ ограниченіемъ, влекущимъ за собою не только прекращеніе многихъ изданій („Голось“, „Страна“, „Отечественныя Записки“), но и служеніе области, доступной для всѣхъ остальныхъ. Временными (ни въ чемъ до сихъ поръ не измѣненными) правилами о публичныхъ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія (5-го января 1884 г.) создается новая категорія книгъ и изданій, *отчасти* запрещенныхъ. Положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ, также имѣющее временный характеръ и также слишкомъ десять лѣтъ остающееся въ полной силѣ, распространяется, на практикѣ, далеко за предѣлы той сферы, которая имѣлась въ виду при его изданіи. Въ 1883 г. законъ о дворянскихъ выморочныхъ имуществахъ и рѣчь, обращенная къ волостнымъ старшинамъ, открываютъ собою длинный рядъ мѣръ, направленныхъ къ расширенію дворянскихъ правъ и преимуществъ. „Свѣдущіе люди“, приглашенные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (лѣтомъ 1882 г. перешедшимъ въ руки графа Д. А. Толстого) въ составъ кахановской комиссіи, стоятъ за преобразованіе мѣстнаго управленія въ духѣ сословности и соединенія властей; въ томъ же смыслѣ высказываются нѣкоторые дворянскія собранія; кахановская комиссія, большинство которой не поддавалось новымъ вѣяніямъ, сходитъ со сцены (май 1885 г.), и продолженіе неоконченной ею работы возлагается на министерство внутреннихъ дѣлъ. Въмѣсто проектированнаго Н. Х. Бунге государственнаго поземельнаго банка, общаго для всѣхъ сословій, учреждается, въ то же время (апрѣль 1885), государственный *дворянскій* земельный банкъ, открывающій, на льготныхъ основаніяхъ, долгосрочный кредитъ для однихъ только дворянъ-землевладѣльцевъ. Принципъ опеки надъ крестьянами находитъ для себя первое выраженіе въ законѣ 18-го марта 1886 г. о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ; въ положеніи о наймѣ сельскихъ рабочихъ (12-го іюня того же года) къ этому принципу присоединяется усиленное попеченіе объ интересахъ землевладѣльцевъ. Оба начала осуществляются исполнѣ въ узаконеніяхъ 12-го іюля 1889 г., отмѣняющихъ одну изъ основъ судебной реформы 1864 г. — раздѣленіе властей административной и судебной — и одно изъ главныхъ учреждений, ею созданныхъ — выборный мировой судъ. Новымъ земскимъ положеніемъ (12-го іюня 1890) сословное земство ставится въ зависимость отъ администраціи; новымъ городовымъ положеніемъ (11-го іюля 1892) та же зависимость распространяется и на городскія думы и управы. рядомъ послѣдующихъ узаконеній уменьшается, съ одной стороны, кругъ дѣйствій и самостоятельность органовъ самоуправления (законъ 8-го іюня 1893 г. о земскихъ оцѣнкахъ, больничный уставъ 10-го

іюня того же года, законъ 6-го іюня 1894 г. о страховомъ комитетѣ), съ другой—самостоятельность крестьянской общины (законъ 8-го іюня 1893 г. о передѣлахъ), и на ближайшую очередь ставятся законопроекты, направленные къ тѣмъ же цѣлямъ (напр. продовольственный уставъ, законъ о составѣ сельскихъ сходовъ).

Преобразованія, связанныя съ новымъ устройствомъ мѣстнаго суда и управленія, далеко не единственные, коснувшіяся судебныхъ уставовъ 1864 г. Принципъ несмѣняемости судей поколебленъ закономъ 20-го мая 1885 г. Ограниченіе судебной гласности предоставлено, закономъ 12-го февраля 1887 г., усмотрѣнію судебной администраціи. Закономъ 7-го іюля 1889 г. значительно суженъ кругъ дѣйствій суда присяжныхъ, въ пользу одной изъ наименѣе удачныхъ формъ суда—суда съ сословными представителями. Еще раньше обратное движеніе совершается въ области народнаго просвѣщенія; университетскій уставъ 1863 г.—первый изъ крупныхъ законодательныхъ актовъ предъидущаго царствованія—уступаетъ мѣсто противоположному порядку (23-го августа 1884 г.). Хотя многія изъ числа мѣръ, принятыхъ въ дополненіе и развитіе новаго университетскаго устава, берутся назадъ или обращаются въ мертвую букву, но въ положеніи университетовъ происходитъ, тѣмъ не менѣе, коренная перемѣна, обусловливаемая отрицаніемъ университетскаго самоуправленія. Не воплотившимися, но весьма знаменательными представляются министерскіе циркуляры (1887 г.), имѣвшіе въ виду затруднить доступъ въ среднюю школу. Правилами 13-го іюня 1884 г., вновь организуемыми церковно-приходскую школу, только-что узаконенная школа грамотности отдается всецѣло въ вѣденіе духовенства. Льготы по образованію при отбываніи воинской повинности уменьшены закономъ 10-го февраля 1886 г.; въ настоящее время проектировано новое ихъ ограниченіе.

Финансовая политика, со второй половины восьмидесятыхъ годовъ, разрываетъ связь съ стремленіями предшествовавшаго періода. Мысль о подоходномъ налогѣ откладывается въ сторону; новые налоги упадаютъ преимущественно на предметы первой необходимости; возникаетъ мысль о возстановленіи соляного акциза; протекціонизмъ находитъ крайнее выраженіе въ тарифѣ 1891 г., и нѣкоторый поворотъ въ другую сторону становится замѣтнымъ только въ самое послѣднее время (квартирный налогъ, торговый договоръ съ Германіей). Конверсія не приноситъ съ собою никакого облегченія податнаго бремени для массы народа. Крестьянскій поземельный банкъ все болѣе и болѣе уклоняется отъ своей первоначальной задачи. Фабричная инспекція теряетъ свою первоначальную энергію, дѣятельность ея—свою первоначальную гласность. Усиленнымъ вниманіемъ поль-

зуются, кромѣ фабрикантовъ, болѣе крупныя землевладѣльцы, въ особенности землевладѣльцы-дворяне, въ интересѣ которыхъ пересматривается едва вошедшій въ силу уставъ дворянскаго банка и заключается новый заемъ съ выигрышами (1889). Въ желѣзнодорожной политикѣ новую эру отерываетъ общій желѣзнодорожный уставъ 1885 г.—прямой результатъ работъ такъ-называемой барановской комиссіи, учрежденной еще въ царствованіе Александра II-го. Параллельно съ переходомъ многихъ желѣзныхъ дорогъ въ руки казны, другія желѣзнодорожныя линіи переходятъ, наоборотъ, изъ рукъ казны въ руки частныхъ обществъ. Во всякомъ случаѣ, однако, въ области желѣзнодорожнаго хозяйства совершилась большая перемена къ лучшему. Полезными представляются, безспорно, и мѣры противъ совмѣстительства (1884), и законы объ акціонерныхъ и городскихъ банкахъ (1883), усилившіе правительственный контроль надъ банковымъ дѣломъ; необходимо только помнить, что они состоялись въ то самое время, когда произведены всѣ прогрессивныя финансовыя реформы первыхъ годовъ минувшаго царствованія. Тогдашнему финансовому управленію принадлежитъ и заслуга учрежденія податной инспекціи, во многомъ, съ тѣхъ поръ, отклоненной отъ своего первоначальнаго назначенія, но задуманной совершенно правильно и необходимой какъ орудіе дальнѣйшихъ преобразованій... Безспорно цѣнными приобрѣтеніями являются, наконецъ, законъ о лѣсоохраненіи (1888), законъ о промышленныхъ училищахъ (1888), законъ объ узаконеніи и усыновленіи (1891), законъ о ростовщичествѣ (1893), законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ (1894).

Длинный рядъ мѣръ, относящихся къ нашимъ „инородцамъ“ и „иновѣрцамъ“, начинается съ *временныхъ* (въ извѣстномъ намъ уже, весьма условномъ смыслѣ этого слова) правилъ 3 мая 1882 года о евреяхъ. Вмѣстѣ съ послѣдующими узаконеніями и распоряженіями, они могутъ быть сформулированы такъ: сосредоточеніе евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ внутри черты осѣдлости — устраненіе ихъ отъ приобрѣтенія и арендованія поземельной собственности и вообще отъ всякихъ занятій, кромѣ промышленныхъ и торговыхъ — фактическое закрытіе передъ ними государственной службы и адвокатуры — затрудненіе для нихъ доступа къ образованію. Въ остзейскихъ губерніяхъ восстановлено, прежде всего, не дѣйствовавшее при Александрѣ II-мъ правило о смѣшанныхъ бракахъ; въ связи съ непрочными обращеніями къ православію, это влечетъ за собою массу дѣлъ объ отпаденіи въ лютеранство или такъ-называемыхъ пасторскихъ процессовъ. Не обошлось безъ обращенія къ суду и введеніе русскаго языка въ управленіе и въ школу, коснувшееся, въ послѣднее время, и (дерптскаго) юрьевскаго университета. Введеніе въ остзей-

скомъ краѣ новыхъ полицейскихъ, административныхъ и судебныхъ учреждений (1888 и 1889) составляетъ несомнѣнную перемѣну къ лучшему; уцѣлѣла, однако, вотчинная полиція, судъ присяжныхъ замѣненъ судомъ короннымъ, туземные языки, вопреки закону 1880 г., сохранили нѣкоторое мѣсто только въ судахъ крестьянскихъ. Въ западномъ краѣ и губерніяхъ привислянскихъ обрусеніе менѣе замѣтно лишь потому, что оно было начато здѣсь еще при императорѣ Александрѣ II-мъ; стѣсненіе народнаго языка, закрытіе католическихъ монастырей и костеловъ, включеніе въ число православныхъ по имени католиковъ на самомъ дѣлѣ—все это не имѣло здѣсь характера новизны. На дальнемъ востоцѣ—за Волгой, въ Сибири—формальная принадлежность къ православной церкви, идущая рука объ руку съ внутреннею преданностью язычеству или магометанству, приводитъ къ послѣдствіямъ аналогичнымъ съ тѣми, какія мы видимъ на Западѣ между католиками и лютеранами. Внутри Россіи принимаются строгія мѣры противъ пашковцевъ и штундистовъ. Въ Финляндіи, наконецъ, распространеніе правъ сейма (дарованіе ему законодательной инициативы, въ 1886 г.) уступаетъ мѣсто ихъ ограниченію (манифестъ 1890 г. о финляндской почтѣ и другія аналогичныя мѣры).

Систематическіе оптимисты, которыхъ такъ много въ нашей печати—и въ особенности много именно теперь,—затрудняются найти достаточно красокъ для изображенія блестящаго состоянія, достигнутаго Россіей въ минувшее царствованіе. Черные очки, сквозь которые они смотрятъ на конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ, уступаютъ мѣсто ярко-розовымъ, какъ только они переходятъ къ ближайшему прошлому и настоящему. Прежде всего обыкновенно указываютъ на финансы, четырнадцать лѣтъ тому назадъ до крайности разстроенные, теперь вполне упорядоченные и уравновѣшенные; подчеркивается громадный ростъ государственныхъ доходовъ, экономія въ расходахъ, исчезновеніе дефицитовъ. Въ основаніи этихъ указаній лежатъ, отчасти, безспорные факты—но едва ли они имѣютъ то значеніе, которое имъ приписывается. Положеніе финансовъ можно разсматривать съ двоякой точки зрѣнія—государственного и народнаго хозяйства. Первое можетъ считаться удовлетворительнымъ, когда доходы поступаютъ исправно и расходы не превышаютъ доходовъ; второе процвѣтаетъ только тогда, когда налоги уплачиваются изъ избытковъ народнаго богатства, когда экономическое благосостояніе массы обезпечено отъ внезапныхъ невзгодъ и способно выдержать, не разрушаясь, цѣлый рядъ болѣе или менѣе тяжелыхъ испытаній. То ли мы видимъ у насъ въ настоящее время? Одного неурожайнаго года было достаточно, чтобы привести наиболѣе

плодородныя области Россіи на край гибели. Пережить неурожай 1891 г. населеніе центральныхъ губерній, несмотря на крупную государственную и частную помощь, могло только цѣною полного хозяйственнаго разоренія. Острая болѣзнь застигла его ослабѣвшимъ и изнуреннымъ, вслѣдствіе долгаго хроническаго недомоганія. Если голодный годъ оставилъ его почти ни съ чѣмъ, то именно потому, что у него и передъ тѣмъ было очень мало. Недоимки, и раньше достигавшія весьма значительныхъ размѣровъ, увеличились до колоссальныхъ цифръ. Что же значить, въ сравненіи съ этимъ, равновѣсіе между доходомъ и расходомъ, или даже перевѣсъ перваго надъ послѣднимъ?.. Неустойчивость крестьянскаго хозяйства, неурожаями 1891 и 1892 г. обнаруженная ничуть не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ неурожаями 1879 и 1880 г., ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что пересмотръ нашей податной системы, предпринятый въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, но не доведенный до конца, требуетъ безотлагательнаго продолженія. Крестьянскій вопросъ, въ экономическомъ смыслѣ этого слова, напрашивается на очередь съ такой же неотразимой силой, какъ и въ моментъ включенія его въ программу сенаторскихъ ревизій 1880—81 г. Малоземелью не помогли ни переселенія, въ тѣхъ микроскопическихъ размѣрахъ, въ какихъ они допускались до сихъ поръ, ни покупки при содѣйствіи крестьянскаго банка, связанныя доплатами, парализованныя быстрымъ повышеніемъ цѣнъ на землю и все меньше и меньше, въ послѣднее время, доступныя именно для тѣхъ, кто всего больше нуждается въ землѣ. Арендованіе земли, по прежнему не регулированное закономъ, является, сплошь и рядомъ, не столько подспорьемъ для крестьянъ, сколько источникомъ новыхъ затрудненій. Мірскіе сборы растутъ и тяготѣютъ по прежнему надъ одними крестьянами, хотя значительная ихъ часть идетъ на покрытіе расходовъ общегосударственнаго свойства. Дополнительнымъ бременемъ ложится на крестьянъ протекціонизмъ, поднимая цѣну покупаемыхъ ими товаровъ. А между тѣмъ потребности народа растутъ, и росли бы, при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, еще быстрѣе, поднимая этимъ самымъ умственный его уровень. Крестьянину нужно и болѣе удобное и здоровое жилье, и лучшее освѣщеніе, и книга для него самого или для его грамотныхъ дѣтей. Въ послѣднемъ выводѣ благосостояніе массы можно скорѣе считать понизившимся, чѣмъ повысившимся — и это положеніе чувствуется ею съ каждымъ годомъ все сознательнѣе и живѣе.

Только послѣднее десятилѣтіе — продолжаютъ наши оптимисты — дало Россіи истинно народную школу, въ которой она давно нуждалась, которой давно желала: школу церковно-приходскаго типа. Не вдаваясь, на этотъ разъ, въ сравненіе между церков-

ной и земской или вообще свѣтской школой, замѣтимъ только одно: образованіе и даже грамотность все еще распространены въ народѣ до крайности слабо, затраты казны на этотъ предметъ не увеличились, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, почти. вовсе. Чѣмъ угрожаетъ умственная отсталость массъ — это показали съ ужасающею ясностью всенародныя бѣдствія 1891 и 1892 г. Неурожай обнаружилъ неумѣныя массы приспособляться къ измѣняющимся условіямъ, обнаружилъ ея хозяйственную косность, зависящую, конечно, не отъ одного умственного мрака, но значительно имъ увеличиваемую; холерные безпорядки раскрыли всю глубину легковѣрія и предрасудковъ, поддерживаемыхъ, вдобавокъ, давнишнею сословною рознью. Передъ такими уроками должно было бы, повидимому, исчезнуть всякое сомнѣніе въ необходимости общей и дружной борьбы противъ стариннаго врага — народнаго невѣжества. Починъ борьбы по праву принадлежалъ государству — но для дальнѣйшаго ея веденія требовалось участіе всѣхъ наличныхъ силъ, общественныхъ и частныхъ, съ сохраненіемъ за ними той *самостоятельности*, которая составляетъ лучший залогъ успѣха. Послѣ печальныхъ событій 1892 г. прошло болѣе двухъ лѣтъ — и все остается въ прежнемъ положеніи. Для министерства народнаго просвѣщенія народная школа по прежнему принадлежитъ къ числу тѣхъ *minima*, о которыхъ *non curat graecor*. Ходатайства земскихъ собраній о разрѣшеніи земству открывать школы грамоты и завѣдывать ими на томъ же основаніи, какъ и земскими школами, остаются безъ удовлетворенія и даже, если мы не ошибаемся, безъ отвѣта. Число школъ растетъ, но иногда больше на бумагѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Существуетъ ли въ правительственныхъ сферахъ мысль о подготовкѣ къ введенію всеобщаго обученія — съ достовѣрностью сказать нельзя. Какъ бы то ни было, умственная бѣдность народа такъ же велика, такъ и матеріальныя его нужды.

Когда, въ 1880 г., поставленъ былъ на очередь вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія, со всѣхъ сторонъ слышались голоса въ пользу устройства такой мелкой территоріальной единицы, которая, соединяя въ себѣ всѣ сословія, могла бы служить самой удобной почвой для осуществленія всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію народнаго благосостоянія. Идутъ ли эти мѣры сверху или снизу, отъ высшаго правительства или отъ самого населенія, отъ администраціи или отъ земства — къ желанной цѣли онѣ могутъ привести только тогда, когда встрѣчаютъ на мѣстѣ постоянную, живую, гибкую организацію, способную отнестись къ нимъ не механически, а какъ къ своему собственному дѣлу, близкому и дорогому. Что крестьянская волость такой организаціей служить не можетъ, что во-

лостной сходъ—учрежденіе мертворожденное, а волостное правленіе — не что иное, какъ присутственное мѣсто, со всѣми слабыми сторонами бюрократіи, но безъ ея достоинствъ, — это было довольно ясно и пятнадцать лѣтъ тому назадъ; теперь, послѣ опыта голодныхъ годовъ, въ этомъ едва ли можетъ оставаться хотя бы малѣйшее сомнѣніе. Попеченіе о продовольствіи населенія, охраненіе его здоровья, призрѣніе бѣдныхъ, предупрежденіе пожаровъ, улучшеніе путей сообщенія — все это и многое другое требуетъ общихъ усилій, общихъ затратъ, отъ которыхъ не оставался бы въ сторонѣ ни одинъ житель, ни одинъ владѣлецъ данной мѣстности. Отсутствие всесловной волости (употребляемъ это выраженіе, какъ наиболѣе привычное и понятное) ведетъ къ тому, что для борьбы съ бѣдой—съ эпидеміей или эпизоотіей, съ неурожаемъ—нужно каждый разъ все создавать вновь, страшно много теряя, при этомъ, и времени, и силъ. Напрасно было бы думать, что *самоуправленіе*, въ этой области, можетъ быть замѣнено *управленіемъ*, что попечителемъ о населеніи можетъ явиться должностное лицо, назначенное извнѣ и держащее въ своей власти значительную часть уѣзда. Такое лицо слишкомъ далеко отъ каждой отдѣльной деревни, слишкомъ мало знакомо съ каждой отдѣльной группой деревенскихъ жителей; чѣмъ шире его административно-судебныя полномочія, тѣмъ меньше у него остается мѣста для заботы о нуждахъ населенія. Въ его распоряженіи, притомъ, нѣтъ и не можетъ быть тѣхъ средствъ, личныхъ и матеріальныхъ, которыя способна доставить самоуправляющаяся и самооблагающаяся всесловная волость. Задача, давно выдвинутая жизнью, остается, такимъ образомъ, неразрѣшенной, и положеніе крестьянства, съ точки зрѣнія организаціи, оставляетъ желать столь же многого, какъ и со стороны матеріальной обеспеченности и умственного развитія.

Всего ярче обособленность сельскихъ обывателей отъ остальныхъ сословій выражается въ томъ спеціальному подчиненіи ихъ администраціи, которое создано узаконеніями 12 іюля 1889 г. Менѣе, чѣмъ когда-либо со времени отмѣны крѣпостного права, можетъ быть рѣчь теперь о гражданской равноправности всѣхъ классовъ населенія. Одинъ изъ нихъ, самый многочисленный, поставленъ въ совершенно исключительныя условія и взятъ подъ опеку, многими признаваемую все еще недостаточною; мы еще недавно имѣли случай говорить о новыхъ ограниченіяхъ, проектируемыхъ по отношенію къ сельскому сходу... Самымъ рѣзкимъ признакомъ различія между массой населенія и привилегированнымъ меньшинствомъ служатъ тѣлесныя наказанія, налагаемыя по приговорамъ волостныхъ судовъ. Они существовали и прежде, но тогда отвѣтственность за нихъ лежала все-

цѣло на крестьянскомъ сословномъ судѣ, дѣйствовавшемъ безапелляционно и почти безконтрольно; теперь исполненіе ихъ (а практически — и самое ихъ назначеніе) зависитъ отъ должностныхъ лицъ, входящихъ въ составъ общаго управленія. Быть можетъ, это и уменьшило число случаевъ тѣлеснаго наказанія — но значеніе его измѣнилось далеко не къ лучшему... Поколебалось, въ то же самое время, и положеніе, принадлежавшее крестьянамъ въ земскихъ учрежденіяхъ: уменьшилось, и абсолютно, и относительно, число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, и, что еще важнѣе, они сдѣлались ставленниками администраціи, дѣйствующими, вдобавокъ, на глазахъ своихъ ближайшихъ начальниковъ.

Созданіе „властной руки“ надъ крестьянами не обошлось и не могло обойтись безъ цѣлаго ряда нововведеній, отражающихся на положеніи всѣхъ сословій. Не однихъ только крестьянъ касается соединеніе властей судебной и административной, изъятіе громадной массы судебныхъ дѣлъ изъ чисто судебной сферы, возведеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, *de facto*, на степень второго министерства юстиціи, раздробленіе кассационныхъ функцій между нѣсколькими десятками административныхъ учреждений (губернскихъ присутствій), почти ничѣмъ не связанныхъ съ верховнымъ кассационнымъ судомъ — прав. сенатомъ. Введеніе сословнаго начала въ земскія учрежденія сопровождалось, съ другой стороны, такими перемѣнами въ ихъ компетенціи, въ ихъ отношеніяхъ къ администраціи, которыя дѣлаютъ ихъ тѣнью стараго земства. Можно быть того или другого мнѣнія о прежнемъ земствѣ, можно подводить тотъ или другой балансъ его активу и пассиву — но едва ли можно отрицать, что оно обладало инициативой, открывало новые пути, на которые, вслѣдъ за нимъ, вступала и администрація, и заботилось преимущественно о массѣ населенія: вспомнимъ земскую медицину, земскую школу, земскія мѣры къ подъему земледѣлія и кустарной промышленности, земскія системы оцѣнки поземельной собственности. Сохранятся ли эти черты въ дѣятельности преобразованнаго, сословнаго земства, если оно останется зависимымъ отъ администраціи и будетъ терять одну функцію за другою — въ этомъ позволительно сомнѣваться. Свобода дѣйствій — необходимое условіе предпримчивости; уравниловка составныхъ элементовъ, устраняющая преобладаніе одного надъ всѣми другими — необходимое условіе предпримчивости, направленной на *общую* пользу... Въ преобразованныя городскія учрежденія *сословное* начало не введено, но они отданы всецѣло въ руки немногочисленнаго *класса*; недостатки этой системы обнаружались уже съ большою ясностью, особенно въ столицахъ...

Выдвинутое на первый планъ въ земствѣ, надѣленное значитель-

ными правами въ области мѣстнаго управленія, одаренное дешевымъ кредитомъ, довольно ли дворянство — и какъ оно воспользовалось своимъ новымъ положеніемъ? На первый вопросъ можно отвѣчать только отрицательно. Изъ дворянскихъ сферъ постоянно слышатся жалобы и просьбы — жалобы на упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ, на дороговизну рабочихъ рукъ, на недисциплинированность рабочихъ, просьбы о новыхъ льготахъ для однихъ, о новыхъ мѣрахъ строгости по отношенію къ другимъ. Второй вопросъ разрѣшается простою справкой съ ходатайствами дворянскихъ собраній. Въ 1889 г. восстановлена была прежняя редакція ст. 163 зак. о сост., исчезнувшая было въ изданіи 1876 г.: дворянскимъ собраніямъ вновь предоставлено было право ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ не только о нуждахъ дворянства и о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій, но и объ устраненіи неудобствъ въ мѣстномъ управленіи, *хотя бы они и происходили отъ общаго какого-либо постановленія*. Несмотря на это, дворянскія ходатайства, за весьма рѣдкими исключеніями, оставались и остаются заменутыми въ тѣсный кругъ спеціально-дворянскихъ интересовъ, часто не имѣющихъ ничего общаго съ интересами всего народа или даже прямо имъ противоположныхъ (напр. ходатайства объ отмѣнѣ для дворянъ налога на наслѣдства, о нераспространеніи на дворянскія имѣнія закона о лѣсоохраненіи). Дворянство, какъ сословіе, очевидно не хочетъ или не можетъ взять на себя передовую роль въ движеніи русскаго общества. Какъ землевладѣльческій классъ, оно и послѣ залогомъ массы имѣній въ дворянскомъ земельномъ банкѣ, и послѣ выигрышнаго займа 1889 г. продолжаетъ чувствовать себя стѣсненнымъ въ веденіи хозяйства и необезпеченнымъ противъ новыхъ потерь, т.-е. противъ дальнѣйшаго уменьшенія дворянскаго землевладѣнія. Для предупрежденія этихъ потерь составляются проекты срочно-заповѣдныхъ имѣній, несовмѣстные съ указаніями нашей исторіи и съ лучшими традиціями самого дворянства, да едва ли и осуществимые на практикѣ.

Перейдемъ отъ сословія къ обществу, т.-е. къ той части народа, которая привыкла слѣдить за событіями и судить о нихъ, на основаніи болѣе или менѣе вѣрныхъ понятій о прошедшемъ и болѣе или менѣе ясныхъ представленій о будущемъ. Сравнительно недавно начавъ жить сколько-нибудь самостоятельную жизнь, русское общество столь же недавно приступило къ выработкѣ въ самомъ себѣ основныхъ условій правильнаго развитія, немислимыхъ при господствѣ крѣпостного права: уваженія къ законности и уваженія къ человѣку. Подвинулась ли эта работа за послѣднее время? Едва ли. Разрѣшеніе законодательныхъ вопросовъ *есть* законодательнаго порядка, многочисленныя отступленія отъ дѣйствую-

щихъ постановленій, распространеніе и обостреніе дискреціонной власти, въ разныхъ ея видахъ и формахъ, широко практикуемы административныя взысканія, начиная съ денежнаго штрафа и кратковременнаго ареста до ссылки въ Сибирь (даже за общія преступленія, напр. за ростовщичество) и непредусмотрѣнныхъ никакими правилами тѣлесныхъ наказаній — все это не могло укрѣпить въ нашемъ обществѣ *уваженіе къ закону*, какъ къ непоколебимой, для всѣхъ одинаково обязательной нормѣ государственной и частной жизни. Уваженіе къ личности подрывалось съ одной стороны воскресающими взглядами на крестьянъ, какъ на низшій родъ людей, съ другой — возрастающею нетерпимостью ко всему инородному и иновѣрному. Національное самосознаніе превращалось у многихъ въ національное самомнѣніе и самовосхваленіе. Стремленіе къ внѣшнему единообразію развивалось въ ущербъ внутреннему сближенію. Весьма можетъ быть, что между поверхностью общества, рѣзко бросающейся въ глаза, и его глубиной, менѣе доступною для изслѣдованія, существуетъ, въ этомъ отношеніи, значительное различіе; весьма можетъ быть, что намѣченные нами явленія вовсе не такъ распространены и не такъ интенсивны, какъ кажется съ перваго взгляда. Безошибочно судить объ этомъ можно будетъ только тогда, когда различные отбѣнки общественнаго мнѣнія получатъ болѣшій просторъ, когда право высказываться вполнѣ до конца перестанетъ быть монополіей немногихъ. Большимъ шагомъ впередъ, съ этой точки зрѣнія, было бы даже простое восстановленіе закона 6-го апрѣля 1865 г., т.-е. отмѣна „временныхъ“ правилъ 1882 г. и другихъ новеллъ, еще раньше парализовавшихъ дѣйствіе основнаго законодательства о печати. Само собою разумѣется, что голосъ печати, болѣе или менѣе свободный — только одна изъ формъ общественнаго содѣйствія, необходимаго для прочнаго успѣха преобразовательной работы. А такой работы предстоитъ, очевидно, очень много: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ, предпринятомъ министерствомъ юстиціи, о пересмотрѣ положеній 1861 г., предпринятомъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о приближающемся къ концу составленіи новаго уголовнаго уложенія, о быстро подвигающейся впередъ подготовкѣ новаго гражданскаго уложенія. Для всѣхъ этихъ трудовъ, затрагивающихъ самые насущные интересы русскаго народа, недостаточно одной технической разработки, недостаточно обычнаго прохожденія по іерархической лѣстницѣ инстанцій. Говоря, въ предъидущемъ обзорѣ о пересмотрѣ положеній 19 февраля, мы имѣли случай замѣтить, что содѣйствіе общества, признававшееся — и оказавшееся — существенно важнымъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ, тѣмъ менѣе можетъ считаться излишнимъ теперь, послѣ того какъ Россія вы-

росла изъ старыхъ бюрократическихъ рамокъ. Относительно способовъ содѣйствія мы можемъ только повторить сказанное нами тринадцать лѣтъ тому назадъ, въ самомъ началѣ прошлаго царствованія, когда производился опросъ земскихъ собраній по вопросу о мѣстномъ управленіи. „Дѣйствуя отдѣльно другъ отъ друга,—говорили мы въ апрѣльскомъ обзорѣніи 1881 г.,—земскія собранія могутъ или придти къ одностороннимъ заключеніямъ, непроеизводитительно повторивъ нѣсколько десятковъ разъ одну и ту же работу, или впасть въ разнорѣчіе между собою, обуславливаемое преимущественно невозможностью взаимной повѣрки взглядовъ и взаимнаго ихъ соглашенія. Можно сказать утвердительно, что мнѣніе, высказанное отдѣльнымъ земскимъ собраніемъ, не есть его окончательное мнѣніе, что оно существенно измѣнилось бы при соприкосновеніи съ другими, въ свою очередь существенно повліявъ на нихъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что совѣщаніе съ земствомъ должно быть облечено въ другую форму, болѣе удобную и простую, которая допускала бы свободный обмѣнъ мыслей и замѣняла бы массу безконечно разнообразныхъ заключеній мнѣніями большинства и меньшинства, основанными на всестороннемъ обсужденіи предмета... Преобразовательная работа, совершенная съ участіемъ общества, представляетъ еще одно преимущество—прочности, устойчивости. Параллельно съ потребностью въ реформахъ растетъ потребность въ гарантіяхъ для лицъ и для учрежденій. Гарантія—это увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, необходимая въ общественной жизни не меньше, чѣмъ въ частной; это залогъ правильнаго, безповоротнаго развитія, это ручательство въ томъ, что обществу не придется, какъ Сизифу, постоянно повторять одну ту же работу, и какъ Танталу—никогда не пользоваться ея плодами“...

Если модный оптимизмъ построенъ на самыхъ шаткихъ основахъ, если въ положеніи русскаго народа и всѣхъ отдѣльныхъ группъ, его составляющихъ, многое требуетъ коренныхъ и безотлагательныхъ измѣненій, то это еще не значитъ, чтобы будущее Россіи представлялось мрачнымъ или безнадежнымъ. Говоря словами поэта,—„въ ея груди бѣжитъ потокъ живыхъ и чистыхъ, еще нѣмыхъ народныхъ силъ: такъ подъ корой Сибири льдистой золотоносныхъ много жилъ“... Эти силы легко могутъ быть призваны къ жизни нашимъ молодымъ Государемъ, въ короткое время видѣвшимъ уже столько доказательствъ народной любви и народнаго довѣрія...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1894 г.

Разсужденія и выводы иностранцевъ о русской политикѣ.—Похвалы нашему миролюбію.—Преимущества свободы дѣйствій передъ системою союзовъ.—Циркулярная нота нашего министра иностранныхъ дѣлъ.—Новыя идеи старшихъ славянофиловъ.—Соображенія В. И. Ламанскаго о вѣнскихъ дѣлахъ.—Старыя газетныя патріоты и ихъ софизмы.

Въ Европѣ давно не проявлялось такого живого интереса и вниманія къ Россіи, какъ въ послѣднее время; заграничныя газеты наполнены разсужденіями о русской политикѣ и русскихъ дѣлахъ, и преобладающій тонъ этихъ разсужденій—доброжелательный, сочувственный. Весь образованный міръ слѣдилъ за тѣмъ, что происходило на небольшомъ пунктѣ южнаго берега Крыма, и по мѣрѣ приближенія роковой развязки, въ политическихъ сферахъ и въ печати Запада все болѣе вступали въ свои права простыя человѣческія чувства, которыя въ обыкновенное время подчиняются условнымъ формамъ дипломатіи и внушеніямъ холоднаго разсчета. Среди заботъ о вѣнскомъ могуществѣ, о такой или иной группировкѣ великихъ державъ, о шансахъ мира и войны, всѣ вспоминаютъ вдругъ, что и въ могущественномъ правителѣ прежде всего и выше всего цѣнится человѣкъ, независимо отъ вопросовъ національнаго и политическаго интереса. Специалисты по международной политикѣ—и тѣ въ подобные моменты начинаютъ проще смотрѣть на отношенія и дѣйствія правительствъ; они невольно убѣждаются, что подъ суровою вѣнскою бѣею обыкновенное человѣческое сердце, и что кромѣ мотивовъ честолюбія можетъ существовать и сильное стремленіе къ правдѣ, и искреннее желаніе мира...

Европа отдала полную справедливость двумъ основнымъ качествамъ нашей дипломатіи въ минувшее царствованіе—правдивости и миролюбію. Въ странѣ, гдѣ подозрительное недовѣріе къ Россіи было однимъ изъ принциповъ вѣнскій политики, руководящіе государственные дѣятели публично отрекаются отъ своихъ традиціонныхъ предположеній и признаютъ безусловную честность и добросовѣстность намѣреній петербургскаго кабинета за истекшія тринадцать лѣтъ. Нынѣшній англійскій премьеръ, графъ Розбери, сошелся въ этомъ отношеніи съ бывшимъ и, вѣроятно, еще будущимъ премьеромъ, маркизомъ Сольсбери; оба они отзываются о русской дипломатіи въ

такомъ тонѣ, какого мы не привыкли встрѣчать въ заявленіяхъ иностранныхъ и особенно британскихъ министровъ. Несомнѣнно, что Россія очень много выиграла въ международномъ авторитетѣ и вліяніи съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ состава тройственного союза и ограничилась пассивною, выжидательною ролью. Многимъ прежде казалось, что соглашеніе съ Германією и Австро-Венгрією необходимо для обезпеченія нашего вліянія въ обще-европейскихъ дѣлахъ, и что важнѣйшіе вопросы политики рѣшались бы безъ нашего участія и въ ущербъ нашимъ законнымъ интересамъ, еслибы мы уклонились отъ союза съ другими первенствующими державами и именно съ Германією. Это убѣжденіе господствовало у насъ при императорѣ Александрѣ II и лежало въ основѣ дипломатической дѣятельности князя Горчакова. Вѣра въ „европейскій концертъ“ была однимъ изъ догматовъ нашей дипломатіи и не разъ вовлекала насъ въ ненужныя предпріятія и обязательства; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы выступали самостоятельно, какъ, напримѣръ, въ послѣдней турецкой войнѣ, считалось все-таки необходимымъ заручиться предварительнымъ согласіемъ сосѣднихъ имперій и дѣйствовать какъ бы по уполномочію Европы, вслѣдствіе чего результаты нашихъ усилій и жертвъ заранее отдавались на усмотрѣніе иностранныхъ кабинетовъ. Та же система продолжалась и въ началѣ прошлаго царствованія, до второй половины восьмидесятыхъ годовъ; между прочимъ, она поставила насъ въ ложное положеніе относительно Греціи, побудивъ насъ участвовать въ военно-морской демонстраціи противъ грековъ въ спорѣ ихъ съ Турцією. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ умѣли пользоваться Россією для достиженія цѣлей прямо ей враждебныхъ, подъ прикрытіемъ общихъ европейскихъ интересовъ. Неудобства такой практики были слишкомъ ясны для насъ послѣ берлинскаго конгресса, и освобожденіе отъ обременительнаго тройственного союза было логическимъ послѣдствіемъ испытанныхъ нами неудачъ и разочарованій. Старыя традиціи были, однако, настолько сильны, что у насъ долго не рѣшались измѣнить имъ даже послѣ того, какъ стало извѣстно существованіе направленной противъ насъ секретной сдѣлки между двумя нашими союзниками, Германією и Австро-Венгрією. Наконецъ, необходимый шагъ былъ сдѣланъ; мы перестали участвовать въ международной комбинаціи, которая никакой выгоды намъ не приносила и только впутывала насъ безъ надобности въ чужія дѣла. Опытъ оправдался блестящимъ образомъ, сверхъ всякихъ ожиданій. Свобода дѣйствій или, вѣрнѣе, бездѣйствія возвысила политическое значеніе Россіи въ Европѣ, по весьма понятнымъ причинамъ. Пока мы были связаны извѣстными соглашениями, политика нашего правительства по внѣшнимъ вопросамъ была опредѣлена заранее и зависѣла во многомъ

отъ желаній и совѣтовъ союзныхъ державъ; она поэтому не возбуждала особеннаго интереса за границей и не давала повода къ заискиваніямъ, сомнѣніямъ и догадкамъ. Оставшись одинокою, Россія сдѣлалась для иностранцевъ неопредѣленною, неизвѣстною величиною; нельзя было знать и предвидѣть, въ какомъ направленіи она будетъ дѣйствовать, и эта неясность ея намѣреній и рѣшеній озабочивала однихъ и привлекала другихъ, окружая ее мало-по-малу атмосферой ухаживанія и лести. Одиночество усилило обаяніе могущества Россіи, какъ самостоятельной, независимой силы, и этотъ неожиданный результатъ отреченія отъ системы союзовъ былъ дѣйствительно важнымъ и цѣннымъ приобрѣтеніемъ прошлаго царствованія. Сближеніе съ Франціею имѣло уже чисто-фактическій характеръ и не сопровождалось никакими формальными договорами и обязательствами, что было было бы ошибкою — въ другую сторону; оно вытекало изъ сознанія солидарности интересовъ и будетъ держаться только до тѣхъ поръ, пока это сознаніе сохранить почву въ общемъ политическомъ положеніи Европы. Россія употребила достигнутую свободу дѣйствій для сохраненія мира и въ этомъ смыслѣ приняла на себя весьма опредѣленную роль, которая должна была постепенно разсѣять существовавшія опасенія. Твердое миролюбіе нашей политики признано было повсюду за границей, и наибольшую важность въ этомъ отношеніи представляетъ для насъ общественное мнѣніе Англіи, авторитетными выразителями котораго являются лорды Розбери и Сольсбери.

Понятно, что такое крупное событіе, какъ перемѣна царствованія въ Россіи, должно было вызвать всевозможные слухи и толки въ западно-европейской печати. Повсюду съ нетерпѣніемъ ожидались первыя официальные заявленія, по которымъ можно было бы хотя отчасти судить о будущемъ. Высочайшій манифестъ о восшествіи на престолъ произвелъ въ Европѣ самое благопріятное впечатлѣніе, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ единодушные отзывы иностранныхъ газетъ. Ясно выраженная рѣшимость воцарившагося Государя — „всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ вѣроподданныхъ“ — не допускала сомнѣній относительно общаго характера предстоящей дѣятельности русскаго правительства. Краснорѣчивыя выраженія особеннаго сочувствія французской націи къ Россіи также не остались безъ отвѣта, и франко-русская дружба получила достаточно убѣдительное официальное подтвержденіе. Международная политика остается тою же самою, какою была въ послѣдніе годы императора Александра III, и наше министерство иностранныхъ дѣлъ категорически заявило объ этомъ въ циркулярной нотѣ къ представителямъ Россіи при ино-

странныхъ дворахъ, отъ 28-го октября текущаго года. Приводимъ текстъ этой ноты въ русскомъ переводѣ, со словъ „Правительственнаго Вѣстника“:

„Нашъ Августѣйшій Государь, унаслѣдовавъ Верховную Власть, возложенную на Него неисповѣдимыми путями Божественнаго Провидѣнія, одушевленъ твердою рѣшимостью всецѣло пріять на Себя и высокую задачу, которую предначерталъ Себѣ незабвенный возлюбленный Родитель Его, Императоръ Александръ III.

„Его Величество посвятить всѣ Свой заботы развитію внутренняго благосостоянія Россіи и ни въ чемъ не уклонится отъ исполнѣ миролюбивой, твердой и прямодушной политики, столь мощно содѣйствовавшей всеобщему успокоенію.

„Россія пребудетъ неизмѣнно вѣрною своимъ преданіямъ. Она направитъ свои старанія къ поддержанію дружественныхъ отношеній со всѣми державами и будетъ, по прежнему, усматривать въ уваженіи права и законнаго порядка наилучшій залогъ безопасности государствъ.

„Въ началѣ славнаго Царствованія, сдѣлавшагося нынѣ достоинствомъ исторіи, предначѣненные цѣли сводились къ осуществленію идеала Россіи мощной и преуспѣвающей для ея собственнаго блага, а не въ ущербъ другимъ. Нынѣ, на зарѣ новаго Царствованія, мы съ неизмѣнною искренностью объявляемъ, что будемъ слѣдовать тѣмъ же началамъ, призывая Благословеніе Всевышняго на плодотворное и непреложное ихъ примѣненіе въ теченіе долгихъ лѣтъ.

„Благоволите поставить въ извѣстность правительство, при которомъ вы аккредитованы, о вышеизложенныхъ намѣреніяхъ Его Величества Государя Императора, прочитавъ настоящую депешу г. министру иностранныхъ дѣлъ“.

Политическая программа новаго царствованія сообщена Европѣ тѣмъ самымъ министромъ, которому пришлось быть истолкователемъ и исполнителемъ мирныхъ намѣреній Россіи во все продолженіе царствованія императора Александра III; циркулярная нота, подобная нынѣшней, была подписана и разослана тѣмъ же статсъ-секретаремъ Гирсомъ въ мартѣ 1881 года. Разница между обоими документами заключается между прочимъ въ тонѣ и характерѣ заявленій, касающихся миролюбія: въ началѣ минувшаго царствованія допускалась еще мысль о томъ, что возможны внѣшнія затрудненія и замѣшательства, въ которыхъ Россія будетъ вынуждена принять участіе, а теперь не упоминается уже о такихъ предположеніяхъ. „На Россіи лежитъ прежде всего забота о самой себѣ,—сказано было въ нотѣ 4 марта 1881 года:—только долгъ защитить честь свою или безопасность мо-

жеть отвлечь ее отъ внутренней работы". Въ новѣйшей дипломатической нотѣ нѣтъ даже указанія на возможность такой обязательной защиты чести и безопасности отечества, и этотъ пропускъ дѣлаетъ впечатлѣніе миролюбія болѣе цѣльнымъ и полнымъ. Когда дипломаты говорятъ о защитѣ чести и безопасности, то всегда принято опасаться грозы; столкновенія и кровопролитія всегда неразрывно связаны съ необходимостью для участниковъ защищать свою честь, которую каждый понимаетъ по своему. Тринадцать лѣтъ тому назадъ были еще обстоятельства, давашія поводъ къ опасеніямъ войны; теперь, значить, такихъ обстоятельствъ не существуетъ, и этимъ характеризуется политическое значеніе пережитого нами періода времени, съ начала восьмидесятыхъ годовъ. Серьезная перемѣна произошла не только въ обстановкѣ и направленіи фактическихъ событій, но и въ общественныхъ понятіяхъ, въ способѣ пониманія текущихъ задачъ политики. Тринадцать лѣтъ тому назадъ были еще свѣжи у насъ славянофильскія увлеченія, а теперь лучшіе представители нашего бывшаго славянофильства отказываются отъ прежней мечтательности и проповѣдуютъ весьма здравыя и разумныя идеи. Такъ, проф. В. И. Ламанскій въ недавней своей рѣчи, произнесенной въ чрезвычайномъ собраніи славянскаго общества (10 ноября), говоритъ о необходимости бросить заботу о чужихъ дѣлахъ и приняться за устройство и направление нашихъ собственныхъ домашнихъ дѣлъ, достаточно обширныхъ и запущенныхъ; а когда мы въ свое время постоянно высказывали эти самыя замѣчанія, то тѣ же славянофильскіе ораторы и публицисты обвиняли насъ въ недостаткѣ патріотизма, въ отрицаніи великой исторической миссіи Россіи и въ безплодномъ либеральномъ доктринерствѣ. Указывать на забытыя нужды и потребности собственнаго народа было тогда либеральною, а потому нехорошею доктриною, по мнѣнію нашихъ славянофиловъ. В. И. Ламанскій еще восторгался тогда великими преимуществами Россіи передъ западною Европою и не успѣлъ или не желалъ приглядѣться къ дѣйствительнымъ условіямъ нашей жизни, не принималъ въ расчетъ ни бѣдственнаго положенія многихъ милліоновъ русскихъ крестьянъ, ни скудости нашихъ образовательныхъ средствъ; теперь же онъ готовъ признать, что былъ на ложномъ пути и напрасно, значить, не соглашался съ либералами. Даже франко-русское сближеніе онъ цѣнитъ главнымъ образомъ потому, что видитъ въ немъ признакъ рѣшительнаго поворота во внѣшней политикѣ, въ смыслѣ отказа отъ охраны интересовъ чужихъ государствъ и правительствъ; слѣдовательно, и франко-русская дружба есть для г. Ламанскаго исключительно мирный фактъ, не имѣющій ничего общаго съ какими-либо наступательными планами относительно Германіи.

„Сближеніе Россіи съ Франціей,—говорить В. И. Ламанскій,—составляетъ эпоху въ русской политикѣ. Оно знаменуетъ рѣшимость Россіи навсегда покинуть политику донкихотскихъ рыцарскихъ авантюръ или походовъ на защиту иностранныхъ дворовъ и династій. Берлинскій трактатъ и разныя послѣдующія событія за Дунаемъ и Савою до настоящей минуты доказываютъ намъ,—какъ ни прекрасны и благородны были наши порывы 1875—77 годовъ,—что тогдашнія наши увлеченія, *quoque pars parva (?) fui*, страдали значительною долею мечтательности и сентиментализма.

„Какъ сентиментализмъ есть ложное направленіе или своего рода извращеніе чувства, равнодушнаго къ горю близкому и направленнаго къ горю далекому и мало знакомому, такъ мечтательность есть извращеніе вниманія и мысли, когда они отъ объектовъ, доступныхъ представленію и пониманію, обращаются къ предметамъ неяснымъ и непознаваемымъ.

„Наши дѣды и отцы вслѣдъ за нашимъ дворомъ приходили въ ужасъ и проливали слезы о бѣдной королевѣ Луизѣ, о бѣдныхъ императорѣ австрійскомъ и королѣ прусскомъ и разныхъ другихъ королеванныхъ владѣтеляхъ, терпѣвшихъ обиды и пораженія отъ надменнаго корсиканца, и ходили проливать свою кровь въ 1805, 1806, 1813 гг. для освобожденія народовъ отъ ига Наполеона.

„Въ этомъ, конечно, было много благороднаго увлеченія, но оно было мечтательно и сентиментально, ибо наши старики забывали, что положеніе милліоновъ русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ женъ, невѣстъ и дочерей, было въ то время гораздо тягостнѣе и достойнѣе слезъ, чѣмъ положеніе иностранныхъ государей и ихъ подданныхъ послѣ Аустерлица, Іены и Ауэрштедта. И не въ сто ли разъ лучше бѣ было, еслибъ мы всѣ эти заботы и филантропическія попеченія и хотя бы часть громадныхъ денегъ, употребленныхъ на эти войны, положили въ первыхъ годахъ нашего столѣтія на освобожденіе крестьянъ, на народное образованіе и на улучшеніе нашихъ путей сообщенія.

„То же самое надо сказать и про наши увлеченія славянскія конца 70-хъ годовъ.

„Мы близко и непосредственно не знали ни положенія болгаръ, ни ихъ нравовъ и стремленій, ни прежней ихъ исторіи, ни географическихъ условій ихъ страны. Мы начали войну за освобожденіе болгаръ, не подумавъ, въ какое разореніе приведетъ она милліоны недавно освобожденнаго русскаго народа. Наконецъ, мы забывали, что кромѣ четырехъ милліоновъ болгаръ есть еще слишкомъ три милліона не-свободныхъ русскихъ, гораздо болѣе намъ близкихъ.

„Не стыжусь публично покаяться — въ то время я не такъ ду-

малъ—война за освобожденіе Болгаріи была съ нашей стороны такимъ же благороднымъ, донкихотскимъ подвигомъ мечтательности и сентиментализма, какъ и всѣ прежнія наши войны за спасеніе алтарей и троновъ, за спокойствіе и усиленіе власти Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ“...

Мы сдѣлали эту длинную цитату для того, чтобы показать, какъ далеко ушли наши отрезвленные славянофилы въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Объ историческомъ призваніи Россіи по отношенію къ другимъ народамъ и государствамъ нѣтъ уже и рѣчи; на первый планъ выступаютъ вопросы внутренней жизни, которыми обыкновенно занимались только „либеральные доктринеры“. Вмѣсто освобожденія и устройства малоизвѣстныхъ намъ славянскихъ племенъ слѣдовало, по мнѣнію г. Ламанскаго, позаботиться о правильномъ веденіи и устройствѣ нашего собственнаго народнаго и государственнаго хозяйства, объ улучшеніи быта нашего крестьянства и о распространеніи образованія въ народѣ,—т.-е. слѣдовало дѣлать именно то, что настойчиво и къ сожалѣнію безуспѣшно предлагали либералы.

Прежде принято было приписывать либераламъ одностороннее желаніе подражать Западу и перенести на русскую почву заграничныя политическія формы, безъ вниманія къ отечественнымъ условіямъ быта; дѣло же представлялось въ такомъ видѣ, какъ будто свобода публичнаго слова, болѣе широкое участіе общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ, господство законности и права, терпимость, облегченіе народныхъ тягостей и т. п., составляютъ лишь иностранныя выдумки, непригодныя для русскаго народа. Съ такимъ же основаніемъ можно было бы утверждать, что привычка видѣть и оцѣнивать происходящее, чувствовать неудобство случайныхъ ударовъ судьбы и желать избѣжанія ихъ, занесена къ намъ тлетворными ученіями Запада. Наши обскуранты не останавливались предъ подобными выводами и готовы были доказывать, что самая способность мыслить и разсуждать есть зловерное заграничное изобрѣтеніе, не подходящее для нашей самобытности. Недавно еще какой-то патріотъ изъ „Гражданина“ серьезно допрашивалъ „Русскія Вѣдомости“, не сочувствуютъ ли онѣ преступнымъ идеямъ „правового порядка“, о которомъ не рѣшаются будто бы говорить прямо; очевидно, этотъ патріотъ и не подозреваетъ, что „правовой порядокъ“ есть не болѣе, какъ признаніе принципа твердой законности съ устраненіемъ произвола, и что этотъ принципъ уже выраженъ точно и ясно не въ „либеральныхъ“ газетахъ, а въ основныхъ законахъ російской имперіи. Мы видимъ изъ рѣчи проф. Ламанскаго, что просвѣщенные славянофилы не усматриваютъ ничего

спеціально иноземнаго въ обычныхъ требованіяхъ либерализма и безусловно одобряютъ сущность ихъ, независимо отъ споровъ о политическихъ формахъ; они конечно знаютъ, что все необходимое для гарантіи законности нашлось бы и въ нашей собственной исторіи, еслибы вопросъ о томъ поставленъ былъ на очередь, и въ этомъ отношеніи наши либералы никогда не настаивали именно на заимствованіи съ Запада.

Почтенный В. И. Ламанскій, впрочемъ, не могъ совсѣмъ избѣгнуть противорѣчій и недоразумѣній, которыя сами, по себѣ довольно поучительны. Онъ находитъ, что въ царствованіе Александра II нѣмецкій элементъ пользовался особеннымъ вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ, и въ подтвержденіе этого онъ ссылается на судьбу извѣстной книги Юрія Самарина о нашихъ окраинахъ: книга была запрещена въ Россіи и могла появиться только за границей, подобно многимъ другимъ сочиненіямъ, осужденнымъ оставаться у насъ въ рукописи вслѣдствіе независимыхъ отъ авторовъ обстоятельствъ. Вмѣсто того, чтобы изъ этого факта дѣлать заключеніе объ одностороннемъ преобладаніи у насъ нѣмецкаго элемента въ прежнее время, не правильнѣе ли было бы заключить, что вредно было чрезмѣрное отсутствіе свободы печати и стѣсненіе права критиковать существующіе порядки, каковы бы они ни были? Что дѣло было не въ нѣмцахъ и не въ ихъ особой враждѣ къ идеямъ Самарина, это видно уже изъ того, что книга безпрепятственно могла появиться у нѣмцевъ, въ Германіи, благодаря нѣмецкой свободѣ печати. Г. Ламанскій замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи, что наши образованные люди — „смирные люди всѣхъ сословій и состояній“ — „не меньше князя Бисмарка до отставки, никого не боятся, кромѣ Бога“. Это, разумѣется, совершенно невѣрно, ибо даже Самаринъ, несмотря на свои связи, долженъ былъ, кромѣ Бога, бояться цензуры; точно такъ же Ив. Аксаковъ не могъ избѣгнуть принудительнаго удаленія изъ Москвы на жительство въ деревню, да и большинство обыкновенныхъ обывателей обязано было бояться также не одного только Бога, но и усмотрѣній и распоряженій мѣстнаго начальства. Бисмаркъ дѣйствительно не имѣлъ причины бояться кого бы то ни было, и самая отставка его произошла отъ того, что онъ не поколебался говорить и дѣйствовать по личному убѣжденію даже тогда, когда рисковалъ возбудить гнѣвъ Вильгельма II и лишиться канцлерскаго поста. Нѣмцы могутъ не бояться никого, пока не нарушили положительныхъ законовъ; но наши „смирные люди“ не находятся въ такомъ положеніи, и г. Ламанскій напрасно примѣняетъ къ нимъ изреченіе князя Бисмарка.

Коснувшись болгарскаго вопроса, проф. Ламанскій высказываетъ оригинальное и ничѣмъ не оправдаваемое мнѣніе, изъ котораго дѣ-

лаетъ затѣмъ прямо противорѣчащій ему практическій выводъ: „Чѣмъ больше и ближе я знакомлюсь со всею прежнею исторіею болгаръ и съ географіею ихъ территоріи,—говоритъ онъ,—тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что страна эта, какъ и многія другія, не имѣетъ въ себѣ нужныхъ условій на совершенно самостоятельное и независимое политическое бытіе. Болгарія можетъ быть только автономна и свободна во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Вполнѣ самостоятельнымъ, такъ сказать, политически самодержавнымъ государствомъ никогда ее не сдѣлаютъ ни наши и никакія другія силы въ мірѣ. Поэтому я позволилъ бы себѣ подать благой совѣтъ прекратить разъ навсегда всѣ толки о какомъ-то примиреніи и предоставить Австро-Венгріи продолжать хозяйничать, благо ей и болгарамъ это нравится, въ этомъ княжествѣ. Это могло бы быть только полезно и Россіи, и болгарамъ—для отрезвленія“. Другими словами, такъ какъ Болгарія счумѣла разрѣшить собственными средствами восточно-румелийскій вопросъ, побѣдить сербскія войска, устроить себѣ надежную династію изъ знаменитаго и вліятельнаго въ Европѣ владѣтельнаго дома Кобурговъ, держаться самостоятельно относительно покровительствующихъ державъ и въ то же время приобрести сочувствіе и поддержку Турціи,—то изъ всего этого вытекаетъ будто бы невозможность для Болгаріи достигнуть независимаго политическаго существованія, котораго она фактически почти уже достигла. Безпристрастные наблюдатели, напротивъ, все болѣе убѣждаются, что болгарамъ въ гораздо большей степени присущи качества, необходимыя для самостоятельной государственной жизни, чѣмъ, напримѣръ, сербамъ, права которыхъ на независимость не подвергаются г. Ламанскимъ сомнѣнію. Но если считать, что болгары неспособны устроить самостоятельное государство и будутъ всегда нуждаться въ иностранной опецѣ, то почему же Россія должна отречься отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Болгаріи и предоставить роль обязательныхъ опекуновъ австрійцамъ? Съ точки зрѣнія г. Ламанскаго слѣдовало бы думать, что, наоборотъ, Россія непремѣнно должна занять свое естественное мѣсто державы-покровительницы относительно созданнаго ею княжества, которое будто бы безъ покровителей обойтись не можетъ. Нечего и говорить, что г. Ламанскій глубоко заблуждается въ данномъ случаѣ: Болгарія фактически уже теперь болѣе самостоятельна, чѣмъ сербское королевство, и нѣтъ рѣшительно никакихъ признаковъ, которые подтверждали бы голословное утвержденіе почтеннаго славянофильскаго оратора.

Отрицательныя сужденія проф. Ламанскаго о заступничествѣ Россіи за сербовъ и болгаръ и о послѣдовавшей затѣмъ войнѣ съ Турціею не могли быть оставлены безъ отвѣта газетными патриотами. принимавшими въ свое время усердное участіе въ возбужденіи воин-

ственныхъ порывовъ подѣ предлогомъ сочувствія къ балканскимъ народамъ. Одна изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ газетъ, съ свойственно ей откровенностью, объясняетъ, что всѣ принесенныя нами кровавыя и финансовыя жертвы искупаются тѣмъ подъемомъ національнаго духа, который обезпечилъ газетѣ прочный успѣхъ въ читающей публикѣ и позволилъ топтать въ грязь важнѣйшія реформы шестидесятихъ годовъ, начиная съ крестьянской. Общественное движеніе, сопутствовавшее турецкой войнѣ съ ея интендантскими и прочими порядками, намѣтило будто бы „новые горизонты и новые пути для всей нашей политики послѣдующаго времени, въ особенности въ области международныхъ отношеній. И мы прибавимъ здѣсь же, — говорить далѣе газета, — что этотъ результатъ покрываетъ наши военные протори и убытки, наши временныя неудачи и разочарованія и во время войны, и во время берлинскаго конгресса. Оглядываясь назадъ, сравнивая, что было до подъема широкой волны русскаго общественнаго движенія съ тѣмъ, что явилось слѣдствіемъ его, надо не каяться, а благодарить Бога, за то, что хотя бы и цѣною временныхъ бѣдствій и затрудненій Россія вышла на просторный путь самобытнаго политическаго и общественнаго развитія, не преграждаемый ни уродливыми или односторонними увлеченіями общества, ни тѣми устарѣвшими, однакоже, и въ концѣ семидесятихъ годовъ не потерявшими еще силы политическими традиціями, о которыхъ такъ прекрасно говорилъ въ своей рѣчи г. Ламанскій“.

По увѣренію „этой газеты“, въ половинѣ семидесятихъ годовъ „у русскихъ людей пробудилось страстное желаніе „домой“. Славянский вопросъ, случайно тогда возникшій, указалъ путь „домой“ черезъ славянофильство, потому что наше славянофильство всегда было гораздо больше русскимъ, чѣмъ общеславянскимъ теченіемъ. И русское общество, дѣйствительно, вернулось этимъ путемъ *домой*, заплативши, правда, крупную дань въ видѣ громаднхъ жертвъ войны, но развѣ эта дань недостаточно оплачена и возмѣщена Россіи всѣмъ послѣдующимъ? Вѣдь оно вернулось домой уже не такимъ безпомощнымъ и растеряннымъ, какимъ было въ періодъ блужданій: напротивъ, оно вернулось возмужавшимъ, просвѣтленнымъ и достаточно умудреннымъ. За одно это можно дорого заплатить“.

Откуда общество вернулось „домой“ и гдѣ и въ чемъ нашло оно свое удовлетвореніе „послѣ очаровательныхъ, но утомительныхъ блужданій по всевозможнымъ воздушнымъ замкамъ“, — остается загадкою. Насколько можно понять газету, десятки тысячъ русскихъ людей погибли и болѣе милліарда рублей потрачено было только для того, чтобы безпардонные и растерянные патріоты имѣли поводъ болтать о національномъ подъемѣ и радоваться какому-то новымъ

горизонтамъ, открывшимся для ихъ „просвѣтленныхъ“ умовъ въ „патріотическихъ“ газетахъ. За достиженіе такого великолѣпнаго результата было бы слишкомъ дорого и преступно отдать хотя бы одну человѣческую жизнь, а эти газеты благодарятъ Бога, что пролиты ради этого цѣлые потоки русской крови. До такихъ абсурдовъ не доходили еще, кажется, органы нашей патріотической печати. Подобныя оправданія войны только еще разъ доказываютъ, какой сумбуръ господствовалъ и господствуетъ въ понятіяхъ людей, выдающихъ себя за глашатаевъ патріотизма.

Какъ бы то ни было, за миролюбіе стоятъ у насъ теперь и славянофилы, и брацавшіе оружіемъ цѣлыхъ тринадцать лѣтъ патріоты, точно такъ же, какъ и самые предприимчивые публицисты и политическіе дѣятели въ другихъ государствахъ. Общее положеніе дѣлъ въ Европѣ предвѣщаетъ прочный миръ, и подъ знаменемъ мира приближается начало новаго года. Нѣтъ основаній опасаться, что будущее опровергнетъ эту увѣренность въ спокойномъ ходѣ развитія народовъ, — если только не произойдетъ одной изъ тѣхъ случайностей, которыя иногда уничтожаютъ самыя справедливыя ожиданія и надежды... На дальнемъ Востокѣ послѣднія и весьма рѣшительныя побѣды Японіи въ ея борьбѣ съ Китаемъ предвѣщаютъ однако такой переворотъ, послѣдствія котораго трудно въ настоящее время предвидѣть и разсчитать.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1894 г.

- Изъ эпохи великихъ реформъ (Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.— Университетская автономія.— Земство.— Цензурная реформа.— Новый судъ.— Военская реформа и пр.). Историческія справки. Гр. Джаншіева. 5-е дополненное изданіе. М. 1894.
- А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ. Историко-біографическія справки. Гр. Джаншіева. М. 1894.

Мы уже не разъ указывали на трудъ г. Джаншіева, посвященный „эпохѣ великихъ реформъ“, и нѣтъ надобности говорить объ его содержаніи,—но чрезвычайно любопытенъ рѣдкій въ нашей литературѣ *успѣхъ* этой книги, доходящей въ короткое время до пятаго изданія; любопытно и то, что рядомъ съ этимъ постоянно разрастался и самый объемъ сочиненія: въ первомъ изданіи это была небольшая книга, теперь это—большой томъ (сверхъ 700 стр.), чуть не втрое больше перваго изданія; разрастаніе книги, повидимому, только способствовало ея успѣху въ средѣ читателей. Свой первый очеркъ авторъ обогащалъ все новыми подробностями, или прибавлялъ къ нему новые эпизоды изъ той же эпохи реформъ, и книга привлекала все больше читателей.

Интересъ къ „эпохѣ великихъ реформъ“, очевидно, не случайный: онъ выдаетъ глубоко скрывавшееся настроеніе вѣроятно весьма значительной части нашего общества и наводитъ на чрезвычайно важный историческій и общественный вопросъ,—вопросъ о судьбѣ „великихъ реформъ“.

Извѣстно, что эти реформы частію при самомъ совершеніи ихъ, какъ освобожденіе крестьянъ, частію вскорѣ послѣ этого совершенія, какъ реформа судебная и цензурная, подверглись ограниченіямъ, которыя стѣснили ихъ значеніе и государственное, и нравственное. Исторія ихъ выполненія, теперь уже нѣсколько раскрытая, объясняетъ,—какъ и слѣдовало ожидать,—что это ограниченіе произошло именно потому, что реформѣ съ самаго начала пришлось бо-

ротъся съ консервативными, даже прямо реакціонными элементами общества и самой правительственной сферы: съ одной стороны, реформа, какъ освобожденіе крестьянъ, затрогивала матеріальные рабоче-владѣльческіе интересы, и являлось стремленіе ограничить ее для обезпеченія этихъ интересовъ; съ другой, она, — какъ, напр., реформа судебная и цензурная, — приводила въ тревогу старые бюрократическіе взгляды и порядки, съ точки зрѣнія которыхъ открытый судъ, несмѣняемость судей, адвокатура и особливо судъ присяжныхъ были только вольнодумствомъ и поощреніемъ либерализма, не имѣющаго мѣста въ строѣ нашей жизни. Извѣстно также, что въ послѣдствіи это стремленіе подорвать реформы приняло, наконецъ, самыя широкіе размѣры: публицистика Каткова и его школы, дѣйствовавшая не безъ успѣха еще до вчерашняго дня, старалась представить эпоху реформъ какъ рядъ ошибокъ. Эти реформы будто бы противорѣчили нашему государственному строю; онѣ будто бы ограничивали авторитетъ правительственной власти; судебныя учрежденія изображались какъ государство въ государствѣ, судъ присяжныхъ — какъ „судъ улицы“; даже высшія правительственныя учрежденія, какъ сенатъ и самый государственный совѣтъ, когда они дѣйствовали на основаніи закона, созданнаго реформой, и такимъ образомъ къ ней примыкали, и когда ихъ рѣшенія были не въ угоду реакціонной публицистикѣ, подвергались рѣзкимъ нападеніямъ, — тѣмъ болѣе страннымъ, что та же самая публицистика настаивала на необходимости „твердой власти“; но къ этой власти принадлежали, однако, и названныя учрежденія. Выходило такъ, что тѣ самыя, кто настаивалъ на „твердой власти“, подрывали уваженіе къ ея органамъ... Это произошло имъ, потому что главной тенденціей ихъ была вражда къ „эпохѣ реформъ“... Если съ такимъ положеніемъ вещей сопоставить, между прочимъ, особенный успѣхъ книги, о которой мы говоримъ, то оказывается, что „эпоха реформъ“ возбуждаетъ живѣйшій интересъ въ русскомъ обществѣ, что были напрасны всѣ усилія реакціонной печати увѣрить общество, что „великія реформы“ были только зловредной ошибкой. На дѣлѣ, всѣ эти усилія не могли истребить въ обществѣ глубокаго убѣжденія, или хотя бы инстинкта, что въ реформахъ 1850—60 годовъ напротивъ совершалось — въ сущности, было только начато — спасительное обновленіе русской жизни, безъ котораго ей по истинѣ могло грозить опасное нравственное разложеніе. Надо удивляться въ самомъ дѣлѣ, какъ могло быть такъ скоро забыто то „до-реформенное“ положеніе русской жизни, продолженіе котораго становилось небезопаснымъ не только въ общественномъ, но даже въ самомъ политическомъ отношеніи. Крѣпостное право, становившееся наконецъ полной деморализаціей; старый судъ, продажность котораго

входила въ поговорку еще съ до-петровскихъ временъ; тѣлесныя наказанія, дѣлавшія управленіе милліонами крестьянъ, управленіе войскомъ, судъ, администрацію настоящей бойней; приниженное состояніе литературы и науки, и при этомъ полное отсутствіе гласности, очень выгодное для всякихъ хищниковъ и самоуправцевъ, и т. д., — таковы были черты того времени, которое новѣйшіе реакціонеры изображали какъ „доброе старое время“ и какъ истинно *національный* порядокъ вещей. Лучшіе люди второй четверти столѣтія, — и люди „сороковыхъ годовъ“, къ которымъ нѣкогда принадлежали и позднѣйшіе реакціонеры, — ясно чувствовали эти бѣдствія русской жизни, а потрясенія Крымской войны раскрыли глаза и большой массѣ общества, и самой власти. Необходимость реформы стала очевидностью: стало всѣмъ понятно, что самыя неудачи войны, при всѣхъ подвигахъ личнаго героизма, происходили изъ общаго „порядка вещей“, который подрывалъ, наконецъ, матеріальную и политическую силу самого государства. Трудно себѣ представить, какъ могъ бы сохраняться этотъ прежній порядокъ послѣ того историческаго осужденія, какимъ была Крымская война; реформы, задуманныя тотчасъ послѣ нея и исполненныя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, были именно подъемомъ національныхъ силъ, и заявленіе ихъ (хотя все-таки нѣсколько нерѣшительное) сдѣлало то, что понесенныя передъ тѣмъ пораженія были тотчасъ забыты и уныніе смѣнилось необычайнымъ радостнымъ возбужденіемъ, какому немного примѣровъ можно найти въ нашей исторіи. Ожиданія общества были справедливы: преобразованія, хотя далеко не полныя, стали великимъ событіемъ, и несмотря на всѣ позднѣйшія старанія ограничить, даже совсѣмъ уничтожить ихъ значеніе, онѣ сохраняютъ его, и исторія не измѣнитъ о нихъ своего рѣшенія. Дальнѣйшее *здоровое* развитіе русскаго общества и самого государства возможно только на этомъ пути.

Особенный успѣхъ книги г. Джаншіева объясняется какъ самымъ предметомъ ея, такъ въ частности и личнымъ отношеніемъ автора къ событіямъ знаменательнаго времени. Авторъ говоритъ объ эпохѣ реформъ съ горячими сочувствіями къ идеямъ, которыя лежали въ ихъ основаніи, подробно рассказываетъ исторію ихъ совершенія, и съ негодованіемъ говоритъ объ упомянутыхъ позднѣйшихъ нападахъ реакціи на „великую эпоху“. Въ послѣднихъ изданіяхъ своей книги, г. Джаншіевъ прибавляетъ біографіи отходящихъ въ исторію дѣятелей „эпохи реформъ“.

Точка зрѣнія, съ которой авторъ смотритъ на позднѣйшую судьбу „великихъ реформъ“, высказана имъ очень ярко въ предварительной статьѣ: „Наканунѣ пересмотра Судебныхъ Уставовъ и новеллъ“, слу-

жащей вѣсто предисловія къ настоящему изданію. Авторъ рисуетъ картину современной св. Софіи.

„Когда по кривымъ, грязнымъ закоулкамъ Стамбула приближается вы къ храму Софіи-Премудрости, васъ невольно охватываетъ чувство удивленія и досады. Вамъ бросаются прежде всего въ глаза четыре тощихъ минарета, несоизмѣримыхъ ни съ объемомъ, ни съ общимъ характеромъ зданія и прильпившихся къ нему нестати и неестественно, что называется съ боку-припека. Затѣмъ вы напрасно ищите самый остовъ великой Софіи: онъ весь исчезъ подъ грудю неуклюжихъ мазанокъ, пристроекъ и придѣловъ, набросанныхъ варварскимъ усердіемъ мусульманскаго благочестія. Нужно возвести очи „горѣ“, къ классически-правильному очертанію дивнаго купола, легко и величаво обнявшаго указанную разнохарактерную грудю, чтобы увидѣть слабый отблескъ первоначальнаго цѣльнаго плана, увидѣть лучъ той глубокой мысли и свѣтлаго идеала, которые носились предъ очами творца этого храма и которыхъ не могло загасить со-всѣмъ даже наивно-дикое изуверство ислама. Только проникнувъ внутрь храма вы впервые поддаетесь очарованію его дивной гармоніи. Но и тутъ вы на каждомъ шагѣ наталкиваетесь на послѣдующія кошунственные ломки, пестрыя передѣлки, приспособленія храма къ новому назначенію, оскорбляющія не только религіозное, но эстетическое чувство... Но народно-культурный инстинктъ, не могущій мириться съ профанаціею святыни, сложилъ въ утѣшеніе себѣ легенду о неизбѣжности восстановленія храма въ его первоначальной красотѣ и величіи. У одной изъ задѣланныхъ нишъ храма благочестивый драгоманъ-грекъ шепчетъ вамъ на ухо: сюда удался священникъ съ дарами, не кончивъ литургіи, когда Магометъ-Завоеватель верхомъ всходилъ на амвонъ,—но священникъ ждетъ съ дарами, и онъ вернется для окончанія литургіи, когда храмъ будетъ возвращенъ его первоначальному назначенію...

„Судьба храма св. Софіи и приведенная легенда пришли мнѣ на память,—продолжаетъ авторъ,—когда объявлено было въ газетахъ объ учрежденіи особой комиссіи для пересмотра нашего законодательства, дѣйствующаго въ новомъ судѣ... Необходимость приведенія въ порядокъ запущеннаго храма правосудія признается нынѣ всѣми, необходимость пересмотра безчисленныхъ новеллъ, сынавшихся какъ изъ рога изобилія чуть не со дня открытія новыхъ судовъ¹⁾ и облѣпившихъ со всѣхъ сторонъ стройное монументальное зданіе Судебныхъ Уставовъ, бьетъ въ глаза всѣмъ, даже завзятымъ

¹⁾ „Первая новелла, — замѣчаетъ авторъ, — объ измѣненіи подсудности дѣлъ о печати, обязанная происхожденіемъ П. А. Валуеву, была издана 12 декабря 1866 г.; всѣхъ же новеллъ насчитываютъ до 700, т.-е. почти по двѣ на каждый мѣсяцъ“.

практикамъ, равнодушнымъ къ вопросамъ объ архитектурикѣ, стилѣ и вообще теоретическомъ руководящемъ началѣ. Итакъ, мы напомнимъ очень крупнаго событія: пересмотра Судебныхъ Уставовъ и новеллъ. Что онъ принесетъ съ собою? Дѣйствительный ли коренной ремонтъ „благолѣпнаго храма“, согласный съ планомъ первыхъ храмоздателей, или только наружную подчистку для устраненія бьющей въ глаза пестроты, замазку трещинъ и щелей и единообразную окраску въ одинъ цвѣтъ стараго остова зданія и новыхъ пристроекъ? Кто знаетъ?“

Авторъ, когда писалъ это предисловіе (въ іюлѣ 1894), не былъ расположенъ оптимистически смотрѣть на эту дилемму. Онъ проводитъ современные, начала шестидесятыхъ годовъ, отзывы публицистовъ (даже Каткова) и ученыхъ юристовъ, исполненные идеалистическихъ ожиданій отъ готовившейся реформы и глубоко справедливые по существу, напоминаетъ слова изъ послѣдней лекціи ветерана правовѣденія Миттермайера, и заключаетъ: „...Опытъ жизни и наука учатъ: либо раціональное творчество и непреклонность логики, „которой одной дана, по выраженію Салтыкова, роковая сила совершать чудеса“, либо палліативные кунштюки, безыдейное топтанье на одномъ мѣстѣ при кажущемся движеніи впередъ. Одно изъ двухъ“...

Книга г. Джаншиева объ А. М. Унковскомъ представляетъ весьма обстоятельную біографію этого замѣчательнаго человѣка (ум. въ декабрѣ 1893) особенно за то время, когда Унковскій принималъ живое и характерное участіе въ работахъ по крестьянской реформѣ. Біографъ сообщаетъ много любопытнѣйшихъ подробностей объ его дѣятельности за это время въ Твери, гдѣ онъ былъ тогда губернскимъ предводителемъ дворянства, и въ Петербургѣ; въ приложенияхъ помѣщены извлеченія изъ статей Унковскаго, изъ того же времени, по вопросамъ о судебной реформѣ и о подходящемъ налогѣ.

— Н. Лихачевъ. Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Спб. 1894.

Въ послѣднее время наши археологи были чрезвычайно заинтересованы вопросомъ о томъ, сохранилась ли богатая бібліотека царя Ивана Грознаго, о которой въ высшей степени любопытныя свѣденія сообщаютъ нѣкоторые показанія XVI вѣка. Эти показанія были давно извѣстны, но ближайшимъ поводомъ, обновившимъ этотъ вопросъ, былъ пріѣздъ въ Москву, въ 1891 году, профессора страсбургскаго университета Тремера, который желалъ выяснитъ исторію ру-

кописи Гомеровскихъ гимновъ, открытой нѣкогда въ Москвѣ профессоромъ московскаго университета Маттеи, а главное, желалъ удостовѣриться въ своемъ убѣжденіи, что сохранилась еще упомянутая бібліотека Грознаго, основаніемъ которой было будто бы множество книгъ (до 800 рукописей еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ), вывезенныхъ изъ Рима царевной Софьей Палеологъ при Иванѣ III.

Упомянутое извѣстіе XVI вѣка заключается въ хроникѣ рижскаго бургомистра Ніенштедта (умершаго въ глубокой старости въ 1622 году): этотъ бургомистръ лично зналъ пастора Веттерманна, который самъ видѣлъ царскую бібліотеку: Иванъ Грозный очень уважалъ ученаго пастора и велѣлъ показать ему бібліотеку, хранившуюся подлѣ его покоевъ въ двухъ каменныхъ сводахъ, какъ драгоценное сокровище; царь велѣлъ для этого разломать каменные своды, которые не открывались сто лѣтъ. Затѣмъ, второе извѣстіе о той же бібліотекѣ открылъ, въ 1822, профессоръ дерптскаго университета Дабеловъ, который, собирая матеріалы для исторіи остзейскаго края, нашелъ между прочимъ старинный списокъ юридическихъ и другихъ книгъ, находившихся въ бібліотекѣ московскаго царя. Этотъ документъ, писанный на платтдейчѣ, составленъ былъ кѣмъ-то, кто между прочимъ долженъ былъ переводить нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, и самое замѣчательное въ этомъ списокѣ было то, что кромѣ извѣстныхъ греческихъ и латинскихъ писателей, какъ Аристофанъ, Пиндаръ, Полибій, Цицеронъ, Светоній, Ульпіанъ и пр., здѣсь названо было нѣсколько греческихъ писателей, нынѣ совсѣмъ утраченныхъ.

Таковы были два показанія. Мнѣнія ученыхъ раздѣлились. Извѣстный бібліографъ XVIII вѣка, академикъ Бакмейстеръ, находилъ показаніе хроники Ніенштедта не заслуживающимъ никакого вниманія, но Карамзинъ принималъ извѣстіе Ніенштедта какъ достовѣрное. Но несравненно любопытнѣе было открытіе Дабелова: какъ ни было оно необычайно, оно нашло вѣру у многихъ изъ нашихъ ученыхъ и тѣмъ болѣе становилось важнымъ произвести, если возможно, разысканія о томъ, не сохранилась ли дѣйствительно эта древняя бібліотека. Страсбургскій профессоръ также вѣровалъ въ существованіе бібліотеки; онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ въ поискахъ, которые однако остались безуспѣшны; заинтересованы были и русскіе ученые и наконецъ, какъ извѣстно, предприняты были раскопки въ московскомъ Кремлѣ, которыя ведутся и до сихъ поръ подѣ руководствомъ лучшаго знатока старой Москвы, извѣстнаго археолога И. Е. Забѣлина.

Безъ сомнѣнія, вопросъ о бібліотекѣ Ивана Грознаго становился въ высокой степени интереснымъ, еслибы упомянутыя показанія

XVI вѣка были достовѣрны; еслибы возможно было разыскать эту бібліотеку, въ ней могли найтись многія затерянные произведенія классической древности. Чтобы выяснитъ вопросъ, нужно было собрать всѣ имѣющіяся свѣденія о царской бібліотекѣ, а затѣмъ предпринять и археологическія раскопки. И. Е. Забѣлинъ не совсѣмъ вѣрилъ существованію замурованной бібліотеки Грознаго, но подземные поиски въ Кремлѣ во всякомъ случаѣ могли повести къ какимъ-либо находкамъ, хотя бы въ родѣ тѣхъ, какія сдѣланы были при заложеніи фундамента для памятника Александра II; какъ извѣстно, раскопки г. Забѣлина дѣйствительно открыли въ Кремлѣ неизвѣстныя прежде подземныя галереи и помѣщенія. Но сводовъ съ бібліотекой пока не нашлось. Съ другой стороны нужно было по существующимъ даннымъ выяснитъ общій вопросъ о царскомъ архивѣ и бібліотекѣ XVI вѣка, и эту задачу взялъ на себя г. Лихачевъ. Онъ внимательно пересмотрѣлъ прежнюю литературу по этому предмету и новѣйшую, которая возбуждена была поисками страсбургскаго профессора, и дополнилъ эти свѣденія собственными разысканіями. Онъ собралъ по этому вопросу много книжныхъ и архивныхъ данныхъ, но по настоящему вопросу пришелъ къ отрицательному выводу. Извѣстіе хроника Ніенштедта онъ находитъ неяснымъ и запутаннымъ, а документъ Дабелова, впоследствии исчезнувшій безслѣдно, представляется ему крайне сомнительнымъ или просто поддѣлкой.

„Мы просмотрѣли извѣстія о бібліотекѣ московскихъ государей какъ отечественныя, такъ и иностранныя. Критическое отношеніе къ этимъ показаніямъ выяснило всю тщету надеждъ найти скрытыя въ нѣдрахъ земли книжныя сокровища. Изъ свидѣтельствъ русскихъ писателей о Максимѣ Грекѣ въ особенности мы узнаемъ, что въ личной бібліотекѣ великихъ князей московскихъ дѣйствительно были греческія рукописи, но все заставляетъ думать, что количество ихъ не было значительнымъ. Эта бібліотека, такъ или иначе, была утрачена еще при жизни царя Ивана Грознаго ¹⁾. Достовѣрное и довольно точное по обстановкѣ показаніе пастора Веттермана болѣе чѣмъ глухо говоритъ о содержаніи видѣнныхъ имъ книгъ. То немногое, что было показано Веттерману, можетъ быть отождествлено съ латинскими книгами, упомянутыми въ „описи царскаго архива“. Каталогъ книгъ бібліотеки царя Ивана IV, сообщенный профессоромъ Дабеловымъ и дающій такія, повидимому, драгоценныя свѣденія, долженъ быть признанъ подложнымъ и всецѣло отвергнутъ, какъ недостойная фальсификація“.

¹⁾ Были, напримѣръ, пожары въ 1547 и 1571 г.; впоследствии еще пожаръ въ 1626 г.

Послѣдняя, большая, часть книги г. Лихачева заключаетъ списокъ посольскихъ дѣяковъ и подъячихъ посольскаго приказа до 1613 года, составленный по документамъ печатнымъ и архивнымъ; въ приложеніяхъ помѣщено собраніе документовъ изъ дѣлъ посольскаго приказа. —Т.

Въ теченіе ноября поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авенариусъ, В. П.—Отроческіе годы Пушкина. Біографич. повѣсть. Съ рис. Спб. 94. Стр. 231. Ц. 1 р. 25 к.

Бажановъ, В.—Сельско-хозяйственная организація вятскаго земства. М. 94. Стр. 80.

Баскинъ, В. С.—Русскіе композиторы. П. И. Чайковскій. Съ портр. Спб. 95. Стр. 202. Ц. 75 к.

Блэкслий, Т. Г.—Переѣнные электрическіе токи. Руководство для студентовъ и техноиковъ. Перев. съ франц., свѣрен. съ англ. подл., п. р. В. К. Лебединскаго. Съ 55 рис. Спб. 94. Стр. 224. Ц. 1 р. 60 к.

Быковъ, А.—Вильгельмъ Оранскій. Борьба Нидерландовъ за независимость. М. 94. Стр. 144. Ц. 20 к.

Вальтеръ-Скоттъ. —Иллюстрированные романы: Айвено, полный переводъ. Изд. 2-е. Спб. 94. Стр. 480. Ц. 1 р. 50 к.

Васильчиковъ, А. А.—Семейство Разумовскихъ. Т. V: Приложение къ біографіи кн. А. К. Разумовскаго. Изд. А. Брикнера. Спб. 94. Стр. 398.

Велецкій, П. П.—О мѣстныхъ органахъ сельско-хозяйственнаго управленія. Полт. 94. Стр. 32 in-fol.

Водовозова, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Спб. 1894. Стр. IV + 207. Съ десятью рисунками. Ц. 40 к.

Вятринскій, Ч.—Ив. Серг. Тургеневъ. М. 94. Стр. 127.

Гамовъ, И.—Очерки далекой Сибири. Гомель, 94. Стр. 117. Ц. 35 к.

Грушевскій, М.—Барское староство. Историч. очерки. XV-XVIII в. Кіевъ, 94. Стр. 404. Ц. 2 р. 25 к.

Данри, капит.—Въ чистомъ полѣ. Военн. ром.—фантазія, въ 2-хъ часъ ахъ. Ч. II: Подъ громомъ битвъ. М. 94. Стр. 127 in-32.

Жирковъ, И. О., изд.—№ 16: Пріемышъ, Н. Лухманова. М. 94. Стр. 94. Ц. 3 к.

—— Избранныя русскія сказки. Кн. I-III. Для маленькихъ дѣтей, для младшаго возраста, для средняго. М. 94. Ц. по 20 к.

Златовратскій, Н. Н.—Новые рассказы. М. 95. Стр. 221. Ц. 1 р.

Иларіоновъ, Н. С.—Очеркъ отношеній обычнаго права къ законодательствамъ. Харьк. 94. Стр. 22.

Карпезъ, Н.—Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб. 1895. Стр. 300. Ц. 1 р. 25 к.

Коломбъ, Ж.—Дѣдушкина внучка. Съ франц. М. Гранстремъ. Съ 89 рис. и виньетками художн. Мари. Спб. 94. Стр. 253.

Крыловъ, И. А.—Васни. Изд. Спб. Комит. грамотности, въ 4-хъ книжкахъ. Съ рис. Спб. 94. Ц. 34 к.

Кръстевъ, д-ръ К.—Етюды и критикн. Издава' централната книжарница на Т. Ф. Чипевъ. Софія, 94. Стр. 279. Ц. 3 лева.

Булаковский, П. — Иллиризмъ. Исслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Варш. 94. Стр. 411, съ прим. и прилож.

Буматинъ, О. А., над. — Для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. Сборникъ пьесъ. Спб. 94. Стр. 331.

Кутницкій, В. Н. — Языкъ и слогу комедіи „Горе отъ ума“ къ столѣтію дня рожденія А. С. Грибоедова. 4-го января 1795 г. — 4-го января 1895 г. Кіевъ, 1894. Стр. 49.

Максименко, Н. — Источники уголовныхъ законовъ литовскаго Статута. Кіевъ, 94. Стр. 184. Ц. 1 р. 40 к.

Маминъ-Сибирякъ. — Золото. Романъ. М. 95. Стр. 419. Ц. 1 р. 50 к.

Нефедовъ, Ф. Д. — Сочиненія. Т. II. М. 95. Стр. 448. Ц. 1 р. 50 к.

Орловъ, Н. А. — Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 г. Спб. 94. Стр. 135. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, А. Н. — Среди природы. Изд. 3-е. Спб. 94. Стр. 218. Ц. 1 р. 25 к.

Пель, А. В. — Вліяніе спермина на обменъ веществъ, при аутоинтоксикаціяхъ вообще и при мочекисловъ діатезѣ въ особенности. Спб. 94. Стр. 29, брошюра.

Сенкевичъ, Г. — Пойдемъ за Нимъ! Перев. съ польск. В. М. Лаврова. М. 95. Стр. 56. Ц. 4 к.

Сидоровъ, В. — Америка, путевыя замѣтки и впечатлѣнія. Спб. 95. Стр. 423. Ц. 1 р. 25 к.

Скворцовъ, Ир. П., проф. — Основные вопросы лечебной гігіены. Отд. I. Лечение климатическое. Харьк. 95. Стр. 170. Ц. 1 р. 50 к.

Соколовъ, А. — Очеркъ методики и дидактики учебной географіи. Спб. 94. Стр. 172. Ц. 1 р. 50 к.

С. Р. — Странникъ Григорій Саввичъ Сковорода. Біографическій очеркъ. Харьковъ, 1894. Стр. 32 (Изд. Харьковскаго Общества для распространенія въ народѣ грамотности).

Стаховичъ, Н. П. — Повѣсти и разсказы. Спб. 94. Стр. 269. Ц. 1 р.

Степовичъ, А. — Къ 100-лѣтію рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника „словенской взаимности“. Кіевъ, 94. Стр. 26.

Толстой, гр. А. К. — Полное собраніе стихотвореній (Полное собраніе сочиненій, т. I-II). Спб. 1895. XVI и 367; 331 стр. Ц. 3 р.

Топоровъ, В. В. — Отчетъ херсонской городской лабораторіи за 1893 г. Херс. 94. Стр. 33.

Трефоловъ, Л. Н. — Стихотворенія (1864—1893 г.). М. 94. Стр. 416. Ц. 2 р.

Филипповъ, М. М. — М. Д. Скобелевъ, его жизнь и военная дѣятельность. Жизнь замѣчательныхъ людей, біографич. бібліотека Ф. Павленкова. Съ порт. Скобелева. Спб. 94. Стр. 96. Ц. 25 к.

Щепанскій, Ф. В., изд. — Царствованіе Имп. Александра III Царя-Миротворца. Спб. 94. Стр. 32. Ц. 20 к.

Юрковъ, М. — Мои письма (1893—94 гг.). М. 95. Стр. 253. Ц. 50 к.

Ясонтовъ, И., горн. инж. — Милліоны и милліарды. Спб. 94. Стр. 23.

Les fabricants — exportateurs du royaume de Hongrie. Budapest, 94. Стр. 160 (высылается gratis, 1 фр. за пересылку).

Pellissier, Georges. Nouveaux essais de littérature contemporaine. Paris, 1895. Стр. 382. Ц. 3 фр. 50 сант.

— Врачъ въ домѣ. Популярная медич. библіотека Н. Лейненберга. № 1: Спутникъ малокровныхъ, д-ра П. Бергера. Перев. съ нѣм. Од. 95. Стр. 44. Ц. 30 к. № 2: Болѣзни желудка и кишекъ, д-ра О. Зонтагъ. Перев. съ нѣм. Од. 95. Стр. 48. Ц. 30 к.

— Казанская справочная книга на 1894 г. Каз. 94. Стр. 96 и 84. Ц. 50 к.

— Кончина Императора Александра III. Спб. 94. Стр. 14.

— Настольный Энциклопедическій Словарь, изд. товарищ. А. Гранатъ и К°. Вып. 90 и 94 (Райскія смоквы — Реформатская церковь; Ртищевъ — Саліась). М. 94. Ц. по 40 к.

— Необходимость практическаго примѣненія нѣкоторыхъ научныхъ данныхъ къ педагогикѣ, или о томъ, какъ можно и должно воспитывать дѣтей. Посвящ. XIX-му вѣку. Одна изъ матерей — въ отвѣтъ на книгу Нордау „Вырожденіе“. М. 95. Стр. 117. Ц. 55 к.

— Отчетъ о дѣятельности попечительства Имп. Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій на воспит. и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство. 1893—94 г. Спб. 94. Стр. 135.

— Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ, томск. губ. Отчетъ за 1893 г. Барн. 94. Стр. 114.

— Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета за 1893 годъ. Составленъ секретаремъ Общества А. І. Степовичемъ. Кіевъ, 1894. Стр. 37.

— Русское Литературное Общество за 1886—94 г. Спб. 94. Стр. 48.

— Труды V сѣзда Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова въ Спб. Т. I. Спб. 94. Стр. 712.

ЗАМѢТКА.

НЕКУЛЬТУРНОСТЬ И КАПИТАЛИЗМЪ.

— П. Струве. Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894. Стр. X и 291.

Сущность этой книги выражена, повидимому, весьма ясно въ заключительной фразѣ автора: „признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму“. Правда, г. Струве доказываетъ въ своихъ „замѣткахъ“, что не только намѣренія и рѣшенія отдѣльныхъ лицъ, но и стремленія и идеи цѣлаго общества не могутъ имѣть никакого вліянія на ходъ экономической жизни, и что „капитализмъ“ развивается и долженъ восторжествовать у насъ неизбежно, помимо нашей воли; слѣдовательно, нѣтъ даже надобности заявлять о желаніи обратиться за выучкою къ капитализму, ибо послѣдній самъ „научить“ насъ чему слѣдуетъ, не дожидаясь нашего согласія. Можетъ также возникнуть сомнѣніе, какой капитализмъ противопоставляется авторомъ „нашей некультурности“ — западно-европейскій ли, выросшій на почвѣ высокой умственной и общественной культуры, или нашъ доморощенный, олицетворяемый „чумазымъ“. Если рѣчь идетъ о первомъ, то не совсѣмъ понятно отождествленіе его съ культурою вообще;—для избавленія отъ своей некультурности было бы несравненно разумнѣе обращаться къ самымъ источникамъ промышленно-техническихъ успѣховъ Запада, къ наукѣ и цивилизаціи передовыхъ народовъ, чѣмъ идти на выучку къ одной изъ вѣтшихъ преходящихъ формъ матеріальнаго прогресса—капитализму. Если же авторъ имѣлъ въ виду нашъ русскій капитализмъ, едва тронутый культурою и выражающійся прежде всего въ грубомъ кулачествѣ, то совѣтъ подчиниться ему и ждать отъ него поученія является ужъ совершенно неправдоподобнымъ. Эти недоумѣнія не разясняются содержаніемъ книги г. Струве.

Авторъ поставилъ себѣ задачей разобрать и опровергнуть теоретическія воззрѣнія, лежація въ основѣ нашего народничества; для этого онъ въ первой главѣ приводитъ краткія выдержки изъ сочиненій и статей нѣкоторыхъ публицистовъ, выбранныхъ какъ будто на удачу, и даетъ имъ въ нѣсколькихъ словахъ болѣе или менѣе

категорическую оцѣнку ¹⁾. Г. Струве начинаетъ съ того, что превозноситъ значеніе и важность народничества „въ исторіи русской общественной мысли“ и называетъ его „замѣчательнѣйшимъ общественно-литературнымъ явленіемъ русской жизни во второй половинѣ XIX вѣка“; и вслѣдъ затѣмъ оказывается, что теоретики и представители этого „замѣчательнѣйшаго“ движенія, занимающаго „очень крупное мѣсто“ въ нашей новѣйшей исторіи и заслуживающаго имѣть въ будущемъ своего Тэна, говорили большею частью вздоръ, и все это движеніе сводится къ ряду логическихъ ошибокъ, несообразностей и самообольщеній, недостойныхъ серьезнаго разбора даже со стороны г. Струве. Авторъ различаетъ двѣ группы или фракціи народниковъ — западническую и (ново-?) славянофильскую; первая обнаружила „вполнѣ свободное отношеніе къ Европѣ, а равно и къ Россіи“, а вторая, въ лицѣ Юзова, показала, „какіе плачевные плоды можетъ принести слишкомъ свободное отношеніе къ западной жизни и западной наукѣ“. Принципиальное различіе между обѣими фракціями едва-ли выясняется этою тавтологією, и въ дѣйствительности группировка, указываемая авторомъ, вовсе не существовала, какъ видно отчасти изъ цитатъ, приводимыхъ самимъ г. Струве. Относительно предполагаемой славянофильской группы авторъ сомнѣвается, „можно ли вообще говорить о какой-либо теоріи

¹⁾ Отмѣтимъ кстати болѣе чѣмъ странную выходку противъ „инородцевъ“ въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Богатства“ (№ 10), по поводу „придирчивости“ г. Струве къ нѣкоторымъ выраженіямъ цитируемыхъ авторовъ. Г. Струве, будто бы, „инородцевъ“, и ему не подобаетъ учить русскихъ писателей русскому языку. „А между тѣмъ, — говоритъ далѣе г. Н. Михайловскій, — у насъ къ инкрустациі вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ въ цитатахъ изъ русскихъ писателей чаще всего прибѣгаютъ „шестующую по всѣмъ языкамъ инородцу“. Эти мнимыя притязанія „инородцевъ“, задѣвающихъ г. Михайловскаго своею критикою, кажутся ему неумѣстными, надобными и скучными. До сихъ поръ мы думали, что разыскивать „инородцевъ“ въ литературѣ и примѣнивать національно-племенные вопросы къ литературнымъ спорамъ свойственно лишь извѣстной части „патріотической“ печати; оказывается, однако, что въ этомъ отношеніи даже такой прогрессистъ, какъ г. Михайловскій, не брезгаетъ полемическими приемами, составляющими специальность худшихъ элементовъ нашей журналистики. Насколько намъ извѣстно, г. Струве — такой же „инородецъ“, какъ и многіе другіе русскіе люди съ нѣмецкими фамиліями. Мы не говоримъ уже о неаппетитности самой мысли о томъ, что писатели съ не-русскими фамиліями, какъ Даль или Я. Гротъ, не могутъ быть лучшими знатоками русскаго языка, чѣмъ люди чисто-русскіе по имени, но „беззаботные“ насчетъ россійской грамотности; да и самъ академикъ Востоковъ, несомнѣнный знатокъ русскаго языка, родился съ инородческимъ именемъ — Остенъ, въ переводѣ съ нѣмецкаго — Востоковъ. Какъ бы ни были мало основательны „вопросительные и восклицательные знаки“ г. Струве, но дѣлаемый по этому поводу г. Михайловскимъ розыскъ объ „инородцахъ“ еще менѣе основателенъ, и раскрываетъ лишь крайне печальную и несимпатичную черту нашихъ литературныхъ нравовъ, или, лучше сказать, отсутствіе всякихъ нравовъ.

у ея представителей"; а между тѣмъ къ этой группѣ причисленъ первый и наиболѣе послѣдовательный теоретикъ новѣйшаго народничества, создавшій изъ него цѣлую доктрину и посвятившій разработкѣ ея нѣсколько специальныхъ трактатовъ, — Каблицъ-Юзовъ. Авторъ считаетъ почему-то излишнимъ останавливаться на этомъ наиболѣе типичномъ проповѣдникѣ народническихъ идей, который впервые пустилъ въ ходъ многое изъ того, что позднѣе налагалось въ литературѣ подъ именемъ народничества. По словамъ г. Струве, народники-западники, въ отличіе отъ нео-славянофиловъ, опираются на опредѣленное ученіе о роли личности въ исторіи; но именно Каблицъ, причисляемый къ славянофиламъ, основывалъ всю свою теорію на отрицаніи обще-обязательныхъ историческихъ законовъ и на признаніи первенствующаго значенія личности въ историческомъ процессѣ. Читателямъ хорошо извѣстно, какъ мы относимся къ идеямъ Юзова; но разбирать народническія теоріи, не касаясь его „Основъ народничества“, было бы странно. Подробнѣе всего авторъ, — какъ и слѣдовало ожидать, — обсуждаетъ воззрѣнія г-на В. В., о которыхъ онъ отзывался довольно рѣзко. Въ результатѣ остается все-таки неизвѣстнымъ, почему столь слабое логически и даже вздорное по существу направленіе представляется „замѣчательнѣйшимъ“, имѣющимъ великую историческую важность, и должно въ будущемъ заинтересовать „специалистовъ по части исторіи идей“. Г. Струве не замѣчаетъ этого внутреннего противорѣчія въ своей оцѣнкѣ народничества. Собственная его критика грѣшитъ какою-то двойственностью: въ томъ, что въ ней основательно, — очень мало новаго; — ему приходится часто отъ себя повторять высказанное болѣе обстоятельно другими, такъ какъ онъ вообще игнорируетъ то, что писалось уже о народничествѣ и его представителяхъ въ нашей литературѣ. Новыя же теоретическія возраженія, принадлежащія самому г. Струве, попадаютъ гораздо дальше цѣли и должны быть признаны по меньшей мѣрѣ рискованными.

Въ своихъ „критическихъ замѣткахъ“ авторъ мимоходомъ рѣшаетъ самые сложные и трудные вопросы социологіи, философіи, исторіи и политической экономіи, причемъ впадаетъ нерѣдко въ удивительныя недоразумѣнія. Онъ смѣшиваетъ практическія, прикладныя науки съ теоретическими, отвлеченными, и серьезно думаетъ, что научные законы явленій не позволяютъ человѣку вліять на эти явленія, измѣнять ихъ ходъ сообразно своимъ цѣлямъ и желаніямъ; онъ полагаетъ, что „субъективный идеализмъ“, стремящійся преобразовать обстановку жизни, несовмѣстимъ съ естественнымъ ходомъ вещей, опредѣляемымъ наукою, — такъ что, напр., постройка паровыхъ машинъ, громоотводовъ и телеграфовъ есть уже отступленіе

отъ естественныхъ законовъ, касающихся пара и электричества. Чтобы опровергнуть идеи народниковъ о самобытномъ экономическомъ развитіи Россіи, г. Струве отрицаетъ самую возможность уклоненія какого-либо народа отъ дѣйствія общихъ историческихъ законовъ, установленныхъ будто бы нѣкоторыми нѣмецкими экономистами, съ Маресомъ во главѣ. Автору кажется окончательно рѣшеннымъ въ наукѣ, что философско-историческая теорія Маркса есть не только теорія, объясняющая факты, но обязательная формула, которой должны неминуемо подчиняться всѣ страны и народы, каковы бы ни были различія ихъ естественныхъ и національныхъ условій. Указаніе на эти особые фактическія условія народно-хозяйственной жизни Россіи всегда лежало въ основѣ разсужденій о возможномъ у насъ самостоятельномъ поземельномъ строѣ, отличномъ отъ западно-европейскаго, объ отсутствіи у насъ почвы для господства крупной промышленности, о возможности сохранить общину и т. п.; а г. Струве забываетъ объ этихъ особыхъ условіяхъ и прямо отрицаетъ ихъ значеніе, не вдаваясь въ ихъ анализъ, въ виду существованія непреложныхъ и общеобязательныхъ законовъ исторической „эволюціи“. Съ этой точки зрѣнія можно было бы доказывать невозможность бросанія тѣлъ вверхъ или летанія птицъ въ воздухѣ, съ тѣхъ поръ какъ наука выяснила общій законъ паденія тѣлъ. Самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ оговаривается мимоходомъ, что естественныя различія играютъ важную роль въ экономической исторіи народовъ. Въ эпоху желѣзныхъ дорогъ, говоритъ онъ, „экономическое развитіе отдѣльныхъ странъ начинаетъ опредѣляться—поскольку дѣло идетъ о матеріальныхъ факторахъ въ узкомъ смыслѣ слова—главнымъ образомъ естественными условіями климата и почвы. Ими на первомъ мѣстѣ обусловливается международное раздѣленіе труда въ области земледѣлія, а также обрабатывающей промышленности (конечно, поскольку для послѣдней могутъ имѣть значеніе указанныя условія) (стр. 106). Почему же указаніе на особые географическія и этнографическія условія Россіи не можетъ играть роли въ вопросѣ о шансахъ торжества у насъ крупной промышленности или о возможныхъ судьбахъ земельной общины? „Субъективный идеализмъ“ опирается въ этихъ случаяхъ на извѣстныя объективныя данныя и вовсе не устраняется простою ссылкой на минувшую общую формулу, возведенную въ законъ нѣсколькими учеными гегельянцами.

Далѣе, для той же цѣли—опроверженія народничества, г. Струве объявляетъ безусловно истинною модную нынѣ теорію „историко-экономическаго матеріализма“, построенную на радѣ туманныхъ фикцій и произвольныхъ софизмовъ. Исторія человѣчества опредѣ-

ляется будто бы исключительно экономическими факторами и процессами, а отдѣльныя личности могутъ быть „брошены со счетовъ“, какъ „соціологически ничтожныя величины“. Такъ рѣшила соціологія, по мнѣнію г. Струве, ибо такъ рѣшили Марксъ и Энгельсъ, Риль и Зиммель. Что названныя имена олицетворяютъ собою „соціологию“—съ присоединеніемъ еще развѣ Гумпловича, одного изъ самыхъ поверхностныхъ искателей мнимо-научныхъ законовъ,—въ этомъ ни на минуту не сомнѣвается нашъ авторъ. Въмѣсто доказательствъ, г. Струве считаетъ достаточнымъ привести длинныя и сбивчивыя цитаты изъ сочиненій своихъ двухъ-трехъ избранныхъ нѣмецкихъ философовъ. Каковы эти доказательства, можно видѣть изъ слѣдующаго образчика, взятаго нами на удачу: „Игнорированіе личности въ соціологіи, или, вѣрнѣе, ея устраненіе изъ соціологіи, есть въ сущности только частный случай стремленія къ научному познанію, къ мышленію согласно принципу тождества. Этотъ принципъ, необходимое условіе всякаго опытнаго (въ философскомъ смыслѣ слова) познанія требуетъ уравниенія между причиной и слѣдствіемъ. Индивидуальность существуетъ не только въ мірѣ духовномъ, но также и въ мірѣ физическомъ. Если человѣческій духъ, исходя изъ единства *логическаго* сознанія, ищетъ такого же единства во внѣшнемъ мірѣ, единства *нелогическаго опытнаго*, то къ соціальному процессу онъ не можетъ и не долженъ относиться иначе. Личности въ смыслѣ индивидуальностей безконечно разнообразны. Теорія познанія имѣетъ дѣло съ трансцендентальнымъ, общечеловѣческимъ сознаніемъ; психологія интересуется индивидуальнымъ сознаніемъ, лишь поскольку въ немъ проявляются общіе законы психическихъ процессовъ; поэтому для нея патологическіе случаи представляютъ высокій интересъ не сами по себѣ, а какъ средство для познанія нормальнаго порядка явленій. Въ пользу устраненія изъ соціологіи личности въ смыслѣ индивидуальности, не подлежащей дальнѣйшему объясненію (?), не допускающей никакого уравниенія (?), говоритъ самый фактъ соціальнаго происхожденія трансцендентальнаго (логическаго) и нравственнаго сознанія. Трансцендентальное сознаніе есть то общечеловѣческое сознаніе, для котораго обязательны логическіе принципы, и которое всего лучше убѣждаетъ насъ въ реальномъ существованіи внѣшняго міра. Люди въ духовномъ отношеніи, быть можетъ, гораздо менѣе индивидуальны, чѣмъ въ тѣлесномъ. Понятіе субстанціальной, самостоятельной души, превращая отдѣльныя индивидуальныя сознанія въ психическіе атомы и изолируя ихъ другъ отъ друга такъ же, какъ изолированы тѣлесные носители этихъ сознаній, не даетъ намъ проникнуть въ про-

цессы коллективнаго, социальнаго творчества" и т. д. и т. д. (стр. 33—34 и др.).

Эта жалкая метафизическая фразеологія, которую можно прямо назвать тарабарщиной, безповоротно рѣшаетъ для г. Струве вопросъ о роли личности въ исторіи. Мы не говоримъ уже о явномъ смѣшеніи различныхъ понятій въ выводахъ автора: изъ того, что социологія имѣетъ въ виду цѣлыя социальныя группы, а не отдѣльныя личности, дѣлается заключеніе о дѣйствительномъ ничтожествѣ индивидуальнаго почина и участія въ судьбахъ человѣческихъ обществъ, — какъ будто предметы и вопросы, не входящіе въ кругъ изслѣдованій какой-нибудь науки, обрекаются этимъ самымъ на ничтожество. Если социологія „игнорируетъ личность“, то очень много занимается личностью философія исторіи и еще болѣе — фактическая исторія народовъ и государствъ; послѣдняя, понимаемая даже въ широкомъ научномъ смыслѣ, какъ исторія культурно-общественная, политическая и умственная, есть до сихъ поръ почти сплошная исторія выдающихся личностей. Другой человѣческой исторіи пока еще не существуетъ, и ни Риль съ Зиммелемъ, ни Лоріа съ Гумпловичемъ не создадутъ ее. Отрицать значеніе личности въ исторіи, переполненной личностями, — значитъ играть словами и понятіями, безъ цѣли и смысла. Г. Струве смѣшиваетъ также, съ одной стороны, социологію съ философіею исторіи, а съ другой — экономическую исторію съ исторіею вообще, безъ малѣйшаго къ тому основанія (если не считать основаніемъ простую ссылку на авторитетъ отдѣльныхъ личностей, отрицаемыхъ въ теоріи и возводимыхъ на степень непогрѣшимыхъ пророковъ и вершителей человѣческихъ судебъ на практикѣ).

Преклоненіе г. Струве предъ каждымъ словомъ Энгельса и Маркса доходитъ до смѣшного, хотя Энгельсъ и Марксъ суть несомнѣнныя личности, которыя могутъ быть „сброшены со счетовъ, какъ социологически ничтожныя величины“. Мы уже не разъ указывали на эту странную черту нашихъ отрицателей индивидуализма — ихъ наклонность къ слѣпому подчиненію отдѣльнымъ лицамъ, какъ бы для нагляднаго доказательства нелѣпости своей общей квази-философской теоріи. Какъ г. Николай — онъ не знаетъ другого авторитета, кромѣ Маркса, такъ и г. Струве клянется авторитетными личностями въ своемъ отрицаніи личностей вообще. Эти своеобразные теоретики напоминаютъ того философа, который, рассказывая по комматѣ, отрицалъ движеніе. Замѣчательна еще другая черта у нашихъ поклонниковъ и истолкователей Маркса: каждый изъ нихъ увѣренъ, что онъ одинъ правильно понимаетъ знаменитое „ученіе“ и что никто другой не уловилъ истиннаго его смысла и духа. Г. Струве смѣло утверждаетъ, что публицисты, намъ

болѣе писавшіе у насъ о Марксѣ, совершенно не поняли его, что они или „плохо усвоили себѣ духъ того писателя, къ которому такъ часто обращались“, или же „недостаточно знакомы съ его литературною дѣятельностью въ ея цѣломъ“ (стр. 44—45 и др.). Даже г. Николай — онъ, считаемый у насъ непосредственнымъ ученикомъ и вѣрнымъ послѣдователемъ Маркса, понялъ его не такъ, какъ слѣдуетъ, — если вѣрить г-ну Струве. У насъ существуетъ всего нѣсколько „марксистовъ“ въ литературѣ, и они горячо упрекаютъ другъ друга въ непониманіи Маркса. Не доказываетъ ли это, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ научнымъ споромъ, а съ мелочнымъ литературнымъ сектантствомъ, вращающимся около отдѣльныхъ словъ учителя?

Начиная съ третьей главы „критическихъ замѣтокъ“, г. Струве покидаетъ сомнительную область философско-соціологическихъ обобщеній и переходитъ къ экономическимъ вопросамъ — къ „характеристикѣ историческаго развитія хозяйственнаго быта“ и къ объясненію „прогресса экономическаго и прогресса социальнаго“. Эти двѣ главы (стр. 73—166), свидѣтельствующія о большой начитанности автора въ нѣмецкой экономической литературѣ, касаются главнымъ образомъ западно-европейской хозяйственной жизни, хотя въ нихъ попутно высказываются сужденія и о русскихъ экономическихъ дѣлахъ, и о нашихъ народникахъ. Затѣмъ, въ коротенькой пятой главѣ опять идетъ рѣчь о „народничествѣ, какъ экономическомъ воззрѣніи“, послѣ чего авторъ обращается, наконецъ, къ настоящему предмету своей книги — къ „вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ (стр. 178—288). Послѣдняя, наиболѣе обширная глава составляетъ самую интересную и наилучше обработанную часть книги, но не даетъ все-таки матеріала для разрѣшенія поставленной задачи, ибо общія замѣчанія о культурной важности „капитализма“, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, имѣютъ очень мало связи съ вопросомъ о судьбахъ и значеніи нашего руссійскаго доморожденного капитализма, истинная природа котораго почему-то совершенно игнорируется авторомъ. По мнѣнію г. Струве, „теорія Маркса имѣетъ огромное значеніе для пониманія экономическаго развитія Россіи“ (стр. 181); она дополняется и подтверждается національно-промышленною доктриною Листа, и формула, данная этими писателями, „есть формула экономическаго развитія Россіи“ (стр. 211). Какимъ же однако образомъ Марксъ и Листъ, не занимавшіеся вовсе специальнымъ изученіемъ условій русскаго народнаго хозяйства и не имѣвшіе даже въ виду Россіи въ своихъ выводахъ, могли дать формулу хозяйственнаго развитія Россіи? На это нѣтъ отвѣта въ книгѣ г. Струве, или, вѣрнѣе сказать, предполагаемый имъ отвѣтъ основанъ на логической ошибкѣ. Послѣдовательный ходъ экономической жизни данной страны опредѣляется не теоретическими,

априорными разсужденіями, не прецедентами и примѣрами другихъ государствъ, а совокупностью обстоятельствъ и условій, которыя надо изучить и анализировать; и только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти обстоятельства и условія по существу однородны въ различныхъ странахъ, можно говорить о примѣнимости извѣстныхъ общихъ формулъ или объ убѣдительности чужихъ примѣровъ и прецедентовъ. Такъ, экономическія особенности Англіи, какъ морской державы, вызываютъ соображенія, которыя непримѣнимы въ государству континентальному; традиціонное политическое владычество англійской аристократіи порождаетъ или поддерживаетъ поземельный строй, не существующій или даже немыслимый въ Россіи. Общія формулы бывають иногда весьма соблазнительны, такъ что становится понятнымъ желаніе забыть о фактическихъ и естественныхъ различіяхъ, не допускающихъ подобныхъ обобщеній; но формула, въ которую увѣровалъ г. Струве, не симпатична ему самому, и онъ предлагаетъ ее лишь изъ уваженія къ объективной и безстрастной наукѣ. Онъ упустилъ только изъ виду, что дѣло идетъ не о теоретическихъ истинахъ, а о чисто практическихъ вопросахъ и задачахъ народнаго хозяйства.

Быть можетъ, смыслъ книги г. Струве былъ бы болѣе ясенъ, еслибы въ ней были хоть вкратцѣ затронуты „фактическія условія существованія и развитія нашего крупнаго капиталистическаго производства“; но, какъ это ни странно, авторъ сначала окончательно рѣшилъ вопросъ о будущности нашего капитализма, а затѣмъ только общаетъ заняться разсмотрѣніемъ указанныхъ фактическихъ условій въ слѣдующемъ выпускѣ своихъ „замѣтокъ“ (стр. 274). Правильнѣе было бы, конечно, поступить наоборотъ—прежде разсмотрѣть фактическія условія существованія и развитія нашей крупной промышленности, а затѣмъ уже обсудить шансы ея успѣха и господства въ будущемъ. Въ заключеніе нельзя не сказать, что книга г. Струве заслуживаетъ вниманія по интересу обсуждаемыхъ въ ней вопросовъ и по множеству собранныхъ въ ней (особенно въ послѣдней, VI главѣ) литературныхъ и фактическихъ свѣденій.—Л. С.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gaston Deschamps. La Vie et les Livres. Paris 1894. Стр. 348.

Новая книга Гастона Дешана состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ очерковъ по текущимъ вопросамъ литературы и жизни, при освѣщеніи которыхъ авторъ идетъ противъ общаго положенія современной французской критики. Гастонъ Дешанъ, извѣстный французскій литературный обозрѣватель „Temps“, является представителемъ примирительнаго элемента въ парижской журналистикѣ. Онъ раздѣляетъ распространенное въ новѣйшей французской критикѣ осужденіе крайностей натурализма, но исходитъ при этомъ изъ особыхъ мотивовъ. Реакція противъ пессимистическихъ романистовъ и поэтовъ натуралистическаго направленія совершается теперь во Франціи—да и не въ одной только Франціи—во имя высшаго идеализма. Въ натурализмѣ, какъ литературной школѣ, осуждается не рѣзкая и правдивая критика жизни, а безпринципность этой критики, отсутствіе нравственныхъ и духовныхъ идеаловъ, во имя которыхъ можно было бы судить жизнь и людей. Крайности научнаго метода привели писателей-натуралистовъ къ индифферентизму; отсутствіе любви и состраданія къ людямъ превратило художественное творчество въ составленіе холодныхъ протоколовъ и лишило его той глубокой гуманной подкладки, которая составляетъ залогъ долговѣчности въ искусствѣ. Это вызвало реакцію и повело къ увлеченію теоріями любви и всепрощенія, къ идеализаціи душевныхъ страданій. Критика же прониклась стремленіемъ расширить безстрастное изученіе литературныхъ явленій психологическими и философическими обобщеніями и изучать отношенія жизни и литературы. Гастонъ Дешанъ принадлежитъ къ числу критиковъ, для которыхъ вопросъ объ отношеніи литературы къ изображаемой ею жизни стоитъ на первомъ планѣ. Онъ самъ заявляетъ объ этомъ въ предисловіи, говоря, что задался цѣлью уловить въ литературныхъ вопросахъ дня отраженія общественной жизни, духовные и нравственные идеалы современниковъ.

Освѣщая текущую литературу анализомъ современнаго общества и его потребностей, Гастонъ Дешанъ приходитъ къ литературнымъ взглядамъ, выдѣляющимъ его изъ общей массы современныхъ кри-

тиковъ. Онъ — противникъ пессимизма въ искусствѣ не потому, что проникся вліяніемъ идеалистическихъ настроеній, вѣрой въ искупающую силу любви, въ высшія начала жизни и т. п.; его примиряетъ съ жизнью довольство существующимъ, искреннее сочувствіе міросозерпанію массъ, ограничивающихся непосредственными задачами минуты. Въ обсужденіи вопросовъ французской литературы онъ руководится соображеніями иногда слишкомъ далекими отъ истинныхъ задачъ художественнаго творчества и тѣмъ самымъ представляетъ любопытный образчикъ публицистической критики, продолжающей существовать на ряду съ эстетической и философской.

Это практическое направленіе видно изъ перваго же этюда книги: „La guerre de 1870 et la littérature“. Извѣстно, что война 1870 года вызвала цѣлую литературу, среди которой одностороннее восхваленіе французскихъ доблестей занимаетъ очень значительное мѣсто. Но эту патріотическую литературу, съ Эрманнымъ-Шатріаномъ, Деруадомъ и др. во главѣ, Дешанъ оставляетъ въ сторонѣ, какъ нѣчто естественное и само собой разумѣющееся. Его волнуетъ существованіе нѣсколькихъ талантливыхъ рассказовъ и повѣстей, не применившихъ къ шовинизму патріотической литературы. Довольный внутренней жизнью Франціи, не допуская возможности пятенъ на національномъ характерѣ французовъ, Дешанъ считаетъ изображеніе оборотныхъ сторонъ военной эпопеи семидесятаго года клеветой, не достойной „великаго народа“. Гражданское негодованіе критика направлено на знаменитые „Soirées de Médan“, послужившіе въ свое время литературнымъ манифестомъ натуралистической школы. Онъ вспомнилъ о нихъ по поводу недавно вышедшей нѣмецкой книги Кошвица: „Die französische Novellistik und Romanlitteratur über den Krieg von 1870—1871“. Самолюбіе французскаго критика сильно задѣто тѣмъ, что французскіе же художники дали матеріалъ нѣмецкому историку литературы для разсужденій и выводовъ о деморализаціи французской арміи и французскаго народа. Перечисляя безотрадныя картины въ рассказахъ Мопассана, Поля Алексиса, Сеара и др., Дешанъ горестно восклицаетъ: „гдѣ наши Кернеры, наши Рюкеры, наши Арндты и Шпильгагены?“ Патріотическая точка зрѣнія Дешана очень характерна. Она доказываетъ, какъ непрочно литературныя вліянія на вѣчно смѣняющіеся вкусы и настроенія общества. Натурализмъ, достигшій апогея развитія и уступившій уже мѣсто болѣе широкимъ и прогрессивнымъ формуламъ искусства, могъ, казалось бы, быть увѣреннымъ въ одной несомнѣнной побѣдѣ: послѣ мощныхъ, полныхъ жизни и страсти картинъ дѣйствительности въ романахъ Золя, Мопассана и др., возвратъ къ сентиментальному изображенію выдуманныхъ добродѣтелей кажется немислимымъ. Отъ

реализма и натурализма Флобера, Золя и Гонкуровъ можно перейти къ идеализму и символизму французскихъ романтиковъ и поэтовъ послѣдняго времени, но никакъ не къ сентиментализму и романтическимъ переживаниямъ. А между тѣмъ книга Дешана, столь извѣстнаго и популярнаго журнальнаго критика, показываетъ, что существуетъ еще во Франціи значительная часть публики и печати, которая не переросла натурализмъ, а еще не доросла до него. Дешанъ возмущается изображеніемъ темныхъ сторонъ жизни;—зачѣмъ показывать раны постороннимъ зрителямъ, когда гораздо полезнѣе и пріятнѣе для національнаго чувства рисовать храбрость, преданность родинѣ и т. п. добродѣтели французскихъ солдатъ и восхвалять вообще добродѣтели великаго народа? Какъ странно, что во Франціи „fin de siècle“, извѣрившейся во все и дѣлающей неимоверныя усилія, чтобы обрѣсти вѣру и идеалы хотя бы только въ области эстетики, существуютъ еще столь наивные оптимисты, какъ Гастонъ Дешанъ!

Въ статьѣ о Гюи-де-Мопассанѣ слышится, среди прочувствованныхъ похвалъ вдохновенной любви романиста къ вѣчной „умиротворяющей природѣ“, тоже сокрушеніе о пессимистическомъ настроеніи его творчества. Дешанъ причисляетъ себя къ тѣмъ убѣжденнымъ спиритуалистамъ, которые, по его словамъ, „чувствуютъ меланхолію, только когда ихъ къ этому побуждаетъ мода или плохое пищевареніе“. А такъ какъ мода на меланхолію и пессимизмъ прошла въ настоящую минуту, то жизнерадостному критику остается только не понимать настроеній автора „Une vie“ съ его тоской среди непримиримыхъ контрастовъ жизни.

Болѣе понятны и близки автору „La Vie et les Livres“ нѣкоторые изъ новѣйшихъ литературныхъ теченій, о которыхъ онъ говоритъ въ „La vieille Chanson“ и „Ce que dit la Russie“. Старая пѣсня, которая снова слышится во Франціи,—это призывъ къ долгу, къ дѣятельности, къ вѣрѣ, раздающійся въ многочисленныхъ книгахъ и брошюрахъ новѣйшихъ моралистовъ. Дешанъ привѣтствуетъ освобожденіе французскаго общества отъ пагубнаго вліянія „искусства“. Нѣкоторымъ изъ самыхъ прекрасныхъ поэтовъ Франціи, Готье съ его магически звучнымъ стихомъ, Леконтю-де-Лилю, пѣвцу вѣчныхъ песковъ и безконечныхъ горизонтовъ, Дешанъ приписываетъ растлѣвающее вліяніе на современную душу. „Эпикурейская религія искусства“ идетъ въ разрѣзъ съ практическими идеалами критика, и онъ видитъ спасителей общества въ пасторѣ Вагнерѣ, извѣстномъ авторѣ „La Jeunesse“, Морисѣ Блонделѣ, авторѣ „Action“, Жюль Паё, написавшемъ „L'Education de la volonté“, и т. д. Заслуга ихъ заключается, по мнѣнію критика, въ томъ, что они протестуютъ про-

тивъ умственного аристократизма, утвердившагося въ обществѣ. Не избранные пророки и цѣнители „рѣдкихъ“ и „таинственныхъ“ эстетическихъ настроеній являются для этихъ новыхъ проповѣдниковъ нравственности центромъ духовной жизни общества, а вся масса „среднихъ“ людей, съ ихъ „обыкновенными“, некрасивыми, но большими печалями. Облегчить ихъ жизнь проповѣдью идеаловъ живой и плодотворной дѣятельности—такова задача писателей, разбираемыхъ Дешаномъ. Въ ея пользѣ никто не сомнѣвается, но почему эта старая пѣсня, отвѣчающая потребностямъ лишь одной части общества, должна мѣшкать новымъ, нарождающимся формамъ искусства,—на это мы не находимъ отвѣта въ книгѣ Дешана.

Для русскихъ читателей могъ бы представлять интересъ маленький этюдъ: „Ce que dit la Russie“. Изъ безпорядочнаго и отрывочнаго перечня отдѣльныхъ именъ русскихъ поэтовъ и писателей, иностранецъ едва ли вынесетъ хотя бы самое смутное представленіе о русской литературѣ; намъ же интересно услышать изъ устъ француза, что русскіе, будто бы, преподали Франціи урокъ „нравственной энергіи, жажды дѣла, предпримчивости, дисциплины, непреклоннаго стремленія къ намѣченной цѣли“ и т. д. Чтò бы сказалъ французскій критикъ, прочтя хотя бы „Обломова“ и узнавъ, что „обломовщина“ считается у насъ одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ русскаго человѣка?

II.

L. Bernardini. La Littérature scandinave. Paris 1894. Стр. 282.

Французское общество, всегда отличавшееся своимъ индифферентизмомъ къ идейной жизни другихъ странъ, стало за послѣдніе годы сильно прислушиваться къ „новымъ словамъ“, раздающимся съ сѣвера, изъ Россіи и Скандинавіи, съ ближайшаго востока, изъ Германіи. Привыкнувъ быть очагомъ всѣхъ новыхъ движеній въ области литературы и искусства, Франція въ свою очередь испытываетъ на себѣ вліяніе чуждыхъ литературъ, и новѣйшее поколѣніе французскихъ художниковъ носитъ отпечатокъ несомнѣннаго вліянія Толстого, Ибсена, Ницше.

Слѣдствіемъ этого новаго въ исторіи французской литературы близкаго общенія съ писателями другихъ странъ является во Франціи все возрастающее количество книгъ по вопросамъ иностранной литературы. Книга Мельхіора де-Вогюэ о русскомъ романѣ была одной изъ первыхъ критическихъ книгъ, знакомящихъ французскую публику съ современностью, отраженной совершенно отлично отъ

французскаго пониманія жизни и искусства. Съ тѣхъ поръ душевная и умственная жизнь другихъ европейскихъ націй привилась къ французской литературѣ, и у нѣкоторыхъ французскихъ критиковъ мы даже находимъ жалобы на то, что для того, чтобы быть понятнымъ и оцѣненнымъ во Франціи, нужно родиться на берегахъ Невы или у норвежскихъ фіордовъ.

Книга Бернардини о скандинавской литературѣ отвѣчаетъ этой проснувшейся во Франціи любознательности относительно другихъ странъ. Она знакомитъ съ жизнью, людьми и писателями сѣвера и даетъ скорѣе общее понятіе о складѣ національной жизни скандинавскихъ государствъ, чѣмъ основательный анализъ разнообразныхъ элементовъ, составляющихъ скандинавскую литературу. Для болѣе близкаго ознакомленія съ условіями, создавшими внезапный расцвѣтъ скандинавской литературы, интересующіеся читатели обратятся, конечно, съ большою пользою къ лекціямъ Георга Брандеса, играющаго двойную роль — распространителя западно-европейскихъ идей въ Скандинавіи и истолкователя скандинавскаго генія предъ западно-европейскою публикой. Бернардини не идетъ по его стопамъ и не проникаетъ въ источники современной скандинавской культуры; книга его — результатъ поѣздки по Скандинавіи и рисуетъ лишь нынѣшнюю Скандинавію со всѣмъ, что поражаетъ иностранца въ отдѣльныхъ государствахъ полуострова. Въ этихъ бѣглыхъ картинахъ есть много интереснаго, и особенности сѣверной жизни, также какъ оригинальный характеръ ея литературнаго творчества, рельефно выступаютъ въ изображеніи француза, отмѣчающаго главнымъ образомъ то, что непохоже на Францію и на французскую жизнь.

Первая часть книги Бернардини посвящена описанію страны и ея обитателей. Для европейскихъ читателей, не привыкшихъ дѣлать различіе между отдѣльными племенами, населяющими небольшой полуостровъ, интересно прослѣдить въ книгѣ Бернардини то рѣзкое различіе впечатлѣній, которое производятъ на путешественника Данія, Швеція и Норвегія. На короткомъ протяженіи отъ одного изъ этихъ маленькихъ государствъ до другого мѣняются вполнѣ внѣшній строй жизни, культура и національный характеръ. Копенгагенъ производитъ впечатлѣніе нѣмецкаго города, живущаго умственной жизнью Германіи и даже нѣмецкимъ книжнымъ рынкомъ; датскія женщины напоминаютъ автору нѣмокъ своей склонностью къ тихимъ радостямъ семейнаго очага и своимъ индифферентизмомъ къ общественной жизни. Въ столицѣ Швеціи весь характеръ жизни мѣняется: французскій путешественникъ чувствуетъ себя совершенно какъ дома, въ книжныхъ магазинахъ онъ видитъ преобладаніе французскихъ книгъ, въ гостиныхъ разговорахъ на парижскія „злобы дня“.

Жизнь течетъ среди частыхъ увеселеній, широкая общительность представляетъ рѣзкій контрастъ съ замкнутостью семейной жизни въ Даніи. И среди живого, веселаго и беззаботнаго общества Стокгольма, напоминающаго автору родной Парижъ своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ завтрашнему дню, наклонностью къ *blague*, французскій наблюдатель пораженъ самобытностью шведской женщины. Свобода, предоставляемая ей шведскими правами, не отвѣчаетъ его французскимъ понятіямъ объ идеалъ молодой дѣвушки. Онъ отмѣчаетъ характерный фактъ независимости молодыхъ дѣвушекъ, играющихъ главную роль въ обществѣ, выступающихъ съ самоувѣренностью и опредѣленностью взглядовъ полноправныхъ членовъ общества; въ противоположность имъ, замужнія женщины занимаютъ второстепенное положеніе и живутъ больше внутренней семейной жизнью. Для француза, привыкшаго къ тому, что дѣвушки торопятся выходить замужъ, чтобы достигнуть свободы, постановка женскаго вопроса въ Швеціи кажется ненормальной, и въ его обрисовкѣ типа „эманципированной“ скандинавской женщины чувствуется предпочтеніе „святого невѣденія“ французской дѣвушки, вступающей въ жизнь съ понятіями, которыя ей прививаются воспитаніемъ въ монастыряхъ и пансіонахъ. Въ Норвегіи струя интенсивной національной жизни охватываетъ путешественника, но среди ея проявленій чувствуется опять чужеземное вліяніе: Норвегія близка по духу Англіи и ея пуританизму; „армія спасенія“ нашла могучій оплотъ у сѣверныхъ обитателей Скандинавіи, и господство англійскаго языка въ приморскихъ городахъ Норвегіи, пуританскій характеръ ея опрятныхъ маленькихъ городковъ, говорятъ на каждомъ шагѣ объ общности происхожденія двухъ націй.

„Скандинавская литература вошла въ обще-европейскую только со вчерашняго дня“... Этими словами Бернардини начинаетъ литературную часть своей книги, оставляя такимъ образомъ въ сторонѣ тотъ долгій подготовительный періодъ скандинавской литературы, который выработалъ ея самобытность. Для западной Европы скандинавская литература начинается съ Брандеса въ Даніи, съ Ридберга и Стриндберга въ Швеціи, съ Бьернсена и Ибсена въ Норвегіи; изъ ихъ предшественниковъ авторъ останавливается лишь на одиночныхъ именахъ, какъ Исаія Тегнеръ и Бельманъ, шведскій Беранже. Весь періодъ романтизма—Эленшлегеръ съ его культомъ національных традицій въ поэзіи, Андерсенъ, его ближайшій и наиболѣе талантливый преемникъ, и многіе другіе—не входятъ въ книгу Бернардини. Онъ останавливается преимущественно на именахъ, которыя изъ числа скандинавскихъ успѣли сдѣлаться обще-европейскими,

благодаря многочисленнымъ переводамъ ихъ произведеній и оцѣнкѣ, которую они нашли у европейскихъ критиковъ.

Въ своемъ разборѣ скандинавской литературы послѣднихъ десятилѣтій Бернардини устанавливаетъ связь между господствующими въ современной скандинавской литературѣ идеями и французскимъ реализмомъ школы Флобера. „Норвежская драма и современный французскій романъ,—говоритъ онъ,—ведетъ свое начало отъ французскаго натурализма, основаннаго въ свою очередь на англійской наукѣ и на Дарвинѣ, ученіе котораго отразилось на всемъ интеллектуальномъ творествѣ Европы“. Исторически это положеніе французскаго критика подтверждается тѣмъ несомнѣннымъ широкимъ влияніемъ, которое имѣли теоріи Тэна въ Скандинавіи. Могучій толчокъ, разбудившій реакціонную Данію въ началѣ семидесятыхъ годовъ и положившій начало нынѣшнему блестящему расцвѣту литературныхъ силъ, пошелъ отъ Георга Брандеса. Молодой датскій критикъ только-что вернулся тогда изъ Парижа, гдѣ состоялъ въ личныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Тэномъ и Ренаномъ и проникнулся культомъ французскихъ идеаловъ. Онъ началъ въ копенгагенскомъ университетѣ рядъ лекцій, въ которыхъ превозносилъ духовное превосходство побѣжденнаго Пруссіей народа. Эти лекціи вызвали цѣлую новую литературу, и непосредственные послѣдователи Брандеса применили очень близко къ французскому реализму въ художественномъ творествѣ, точно такъ же, какъ къ принципамъ исторической критики Тэна. Таковы датскіе романисты Якобсенъ, Германъ, Бангъ и др. Но въ Швеціи и Норвегіи начатое Брандесомъ умственное движеніе приняло настолько своеобразный характеръ, что связь съ французскимъ реализмомъ исчезла подъ преобладающимъ національнымъ элементомъ; вышедшее изъ позитивизма и реализма движеніе перешло въ напоминающее намъ шестидесятые годы публицистическое творчество Бьернсона и Стриндберга и превратилось въ нѣчто гораздо болѣе сложное и глубокое въ драмахъ Ибсена.

Изъ всѣхъ скандинавскихъ писателей французскому уму ближе всего Брандесъ съ его тяготѣніемъ къ Тэпу и французскому реализму. Ему Бернардини посвящаетъ очень пространный очеркъ, выдвигающій его заслуги главнымъ образомъ какъ проповѣдника французскаго творчества. Изъ другихъ отдѣльныхъ очерковъ книги заслуживаетъ наибольшаго вниманія разборъ произведеній Стриндберга и очеркъ его жизни. Оригинальная фигура этого смѣлаго отрицателя невольно влечетъ къ себѣ вниманіе, и его рѣзкіе парадоксы вызываютъ у большинства критиковъ негодующее осужденіе. Бернардини не впадаетъ ни въ одну изъ двухъ крайностей. Отмѣчая односто-

ронность и пристрастность нападокъ Стриндберга на женщинъ, онъ показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какое глубокое пониманіе жизни и какая жажда правды и справедливости кроется въ его талантливыхъ романахъ, драмахъ и повѣстяхъ, бросающихъ вызовъ обществу, застывшему въ вѣковыхъ традиціяхъ. Въ страницахъ, посвященныхъ разбору драмъ Ибсена, Бернардини не прибавляетъ ничего новаго къ тому, что о нихъ сказано авторитетными французскими критиками.

III.

George Pellissier. Nouveaux essais de littérature contemporaine. Paris, 1895.
Стр. 382.

Новый томикъ этюдовъ Пелиссье посвященъ преимущественно романистамъ, уже составившимъ или составляющимъ себѣ имя во Франціи; такъ, на ряду съ послѣдними романами Золя, Бурже, критикъ вдается въ подробный разборъ произведеній Поля Эрве, Абеля Эрмана, Марселя Прево.

Самый извѣстный изъ этихъ новѣйшихъ романистовъ — Марсель Прево, бытописатель парижскихъ нравовъ новѣйшаго времени. Прево заслуживаетъ вниманія тѣмъ, что онъ создалъ или, вѣрнѣе, открылъ въ парижскомъ обществѣ новый типъ, называемый имъ: „demi-vierge“, типъ молодыхъ свѣтскихъ дѣвушекъ, пресыщенныхъ жизнью съ самыхъ юныхъ лѣтъ, лишенныхъ всякихъ идеальныхъ стремленій, всякихъ иллюзій, и гонящихся за ощущеніями, не уступающихъ утонченнымъ парижскимъ вивѣрамъ въ пониманіи жизни и не останавливающихся ни предъ какими принципиальными соображеніями въ своей жадѣ бурныхъ ощущеній. Описывая этотъ новый типъ — продуктъ общественной и литературной безпринципности, господствующей теперь во Франціи, — Прево выступаетъ не безпристрастнымъ историкомъ наблюдаемыхъ имъ нравовъ, а моралистомъ, проповѣдующимъ возвратъ къ прежней системѣ женскаго воспитанія, когда дѣвушекъ „учили не жизни, а долгу“. Эта проповѣдническая точка зрѣнія портитъ въ значительной степени художественность разсказовъ Прево. Рисуемая имъ картины нравовъ утрачиваютъ характеръ наблюденій надъ дѣйствительностью и дѣлаются тенденціозными; для большей поучительности, романистъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на самыхъ темныхъ сторонахъ своего предмета, входя въ мельчайшія подробности описываемыхъ имъ порочныхъ наклонностей своихъ героинь. Характеръ этихъ описаній не отличается отъ обычнаго тона французскихъ беллетристовъ ультра-

натуралистической школы, и не предупрежденный о нравственных дѣлахъ М. Прево читатель сочтетъ автора „Les Demi-Vierges“ за то, что онъ и есть на самомъ дѣлѣ, т.-е. талантливаго и наблюдательнаго сотрудника „Gil Blas“, хроникера „du vice aimable“, въ родѣ Катутла Мендеса, пишущаго съ дѣлю позабавить публику и уловить въ бѣгломъ очеркѣ характерныя черты современности. Нравственная же проповѣдь Прево является какой-то маской, и Пелиссье справедливо замѣчаетъ, что, для моралиста, Прево слишкомъ занятъ эстетической стороной осуждаемыхъ имъ нравовъ и слишкомъ детальнымъ освѣщеніемъ менѣе всего поучительныхъ сторонъ жизни. Кромѣ того, Марселю Прево, выступающему въ роли моралиста, недостаетъ нравственнаго идеала, во имя котораго онъ имѣлъ бы право судить и осуждать изучаемый имъ типъ свѣтской дѣвушки; онъ противопоставляетъ ей обычный типъ институтки, „une vie blanche“, какъ выражается Пелиссье, и не подозреваетъ о существованіи типа нормальной женщины съ здравымъ пониманіемъ жизни и безъ „жуирскихъ“ наклонностей.

Другой изъ молодыхъ романистовъ, разбираемыхъ Пелиссье, Поль Эрвѣ, извѣстенъ главнымъ образомъ своимъ романомъ „Flirt“, герои котораго близко напоминаютъ героевъ Прево; это та же среда скупающихъ отъ пресыщенія и бездѣлья людей, у которыхъ страсти и чувства замѣняются любопытствомъ, жадной новизны, кокетствомъ. Пелиссье разбираетъ другой изъ романовъ Эрвѣ, „Peints par eux-mêmes“, и обвиняетъ автора въ слишкомъ большой солидарности съ описываемой имъ средой. По своему языку, щеголяющему „рѣдкими“ оборотами, по своему предпочтенію отгѣнковъ настроенія цѣльнымъ чувствамъ, Эрвѣ является такимъ же искателемъ новыхъ артистическихъ сочетаній, изысканности настроеній, какъ его герои, жаждущіе неизвѣданныхъ ощущеній и избѣгающіе сильныхъ, неэстетическихъ страстей.

На ряду съ этими бытописателями „новыхъ людей конца вѣка“, Рони (Rosny), авторъ „Bilatéral“, „Termite“ etc., является человекомъ другого поколѣнія. Пелиссье характеризуетъ его какъ представителя „нео-реализма“, отличнаго отъ протоколизма натуралистической школы, но вносящаго въ художественное творчество научныя и философскіе приемы. Рони принадлежитъ къ тому начальному періоду современнаго французскаго символизма, когда поэты и романисты стремились къ синтезу искусства и науки. Стремленіе это видоизмѣнилось съ тѣхъ поръ, и только книга Шарля Мориса: „Littérature de tout à l'heure“, является памятникомъ исходной поры современныхъ поэтовъ-символистовъ съ ихъ теоріей искусства, объединяющей науку и эстетику. Въ области романа Рони одинъ изъ не-

многихъ послѣдователей этой формулы. Его произведенія полны мистицизма, фантастическихъ видѣній тайнъ бытія, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ описаніи жизни онъ сохраняетъ всѣ приемы реалистической школы, увеличивая точность жизненныхъ деталей подавляющимъ научнымъ элементомъ своего творчества. Пелиссье справедливо нападаетъ на энциклопедичность знаній, обнаруживаемыхъ Рони; его романы полны цѣлыми лекціями по космографіи и геологіи, испещрены техническими терминами, нарушающими художественность стиля. Но, съ другой стороны, научная подготовка принесла громадную пользу романисту, расширивъ его пониманіе отношеній человека къ вѣчнымъ законамъ бытія и придавъ философскую окраску его творчеству.

Въ книгѣ Пелиссье обращаютъ на себя вниманіе еще два этюда о литературной критикѣ: одинъ о—Тэнѣ, другой—объ Анатолѣ Франсѣ. Въ этюдѣ о Тэнѣ, излагая все значеніе историческаго метода, Пелиссье категорически заявляетъ, что „методъ Тэна съ строгостями своихъ классификацій отжилъ свое время“, а въ другомъ очеркѣ объ А. Франсѣ онъ восхваляетъ критика-поэта за субъективный импрессионистскій колоритъ его критики. Это мнѣніе столь умѣреннаго писателя, какъ Пелиссье, очень характерно. Оно доказываетъ, что во Франціи все болѣе и болѣе укореняется сознаніе отличія художественной критики отъ исторіи литературы, и усваивается представленіе о критикѣ какъ о художникѣ, который такъ же отражаетъ въ своемъ творчествѣ свою индивидуальность, какъ поэтъ или романистъ. Литературныя и художественныя произведенія, которыя онъ разбираетъ, такъ же отражаются въ его душѣ, какъ жизнь въ душѣ художника, и служатъ ему лишь матеріаломъ для извѣстныхъ настроеній, выражающихся въ его творчествѣ. Критикъ-художникъ вытѣсняется въ современной литературѣ критика-историка, и въ книгѣ Пелиссье можно видѣть одинъ изъ многихъ признаковъ этой новѣйшей „эволюціи литературныхъ жанровъ“. — З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

ПРОФЕССОРЪ ПРОТОІЕРЕЙ А. М. ИВАНЦОВЪ-ПЛАТОНОВЪ.

Трудно опредѣлить въ немногихъ словахъ значеніе скончавшагося 12-го ноября профессора протоіерея Александра Михайловича Иванцова-Платонова. Онъ обладалъ натурою разнообразно-одаренною и былъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Чтобы начать съ главнаго,—это былъ человѣкъ необыкновенно впечатлительный къ нравственнымъ мотивамъ, съ большимъ чувствомъ собственного достоинства соединявшій рѣдкую внимательность къ чужимъ потребностямъ и нуждамъ. Затѣмъ онъ отличался такою живою сердечною религіозностью, какая далеко не всегда встрѣчается у людей его положенія—ученыхъ представителей столичнаго духовенства. Къ евангельской исторіи у него было внутреннее личное отношеніе. Въ московскомъ обществѣ онъ приобрѣлъ особую извѣстность тою жизненною простотою и выразительностью, съ какою онъ читалъ „двѣнадцать евангелій“ въ великій четвергъ. Искренняя вѣра при извѣстной степени духовнаго развитія исключаетъ фанатизмъ, который есть или признакъ духовной незрѣлости, или же — „проказа лицемѣрія“. Кто, какъ покойный о. Иванцовъ, внутренне вѣритъ въ христіанское ученіе, для того оно уже не можетъ превратиться въ какія-нибудь виѣшнія требованія, которыя можно навязывать и поддерживать насильно, дѣлая изъ религіи любви предлогъ или оправданіе всякой злобы. Личная мягкость характера и добродушіе въ соединеніи съ твердостью убѣжденій и глубокою религіозностью естественно производили у покойнаго А. М. Иванцова ту истинную терпимость, которая позволяетъ, не поступаясь ничуть безусловною правотою своею вѣры, признавать относительныя права чужого мнѣнія. Примыкая отчасти къ славянофильскому кружку, А. М. сохранялъ самостоятельность религіозной мысли. Изъ оригинальныхъ его идей общаго характера приведу двѣ, которыя заслуживаютъ особаго вниманія. Основную ошибку славянофиловъ онъ видѣлъ въ томъ, что они высокое призваніе Россіи считали какъ бы какою-то неотъемлемою роковою привилегіею нашего народа, что, по справедливому мнѣнію А. М., было несогласно ни съ христіанствомъ, ни съ нравственнымъ принципомъ вообще. Другая идея, которую покойный неоднократно развивалъ въ разговорахъ съ друзьями, состояла въ томъ, что несомнѣнно присущій церкви атри-

буť *святости* („во едину святую, соборную и апостольскую церковь“) не есть то же, что *непогрѣшимость*: какъ отдѣльные святые люди, такъ и церковь, состоящая изъ людей, можетъ погрѣшать, разумѣется, „грѣхами не къ смерти“, не теряя отъ этого своей святости... Покойный былъ настоящимъ ученымъ. Его главное сочиненіе: „Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ“, остановившееся, къ сожалѣнію, на первомъ томѣ (изслѣдованіе источниковъ), заслужило въ высшей степени похвального критическаго разбора со стороны знаменитаго Гарнака (читающаго по-русски). Замѣчателенъ также его церковно-историческій этюдъ: „Религіозныя движенія христ. Востока въ IV и V вѣкахъ“. Дѣятельность профессора церковной исторіи въ московскомъ университетѣ (съ 1872 г.), законоучителя и настоятеля церкви въ александровскомъ военномъ училищѣ и разныя другія практическія обязанности не позволяли покойному посвятить все свое время ученымъ трудамъ и сдѣлать для церковно-исторической науки все то, чего можно было ожидать отъ его живого таланта, самостоятельнаго ума и обширной учености. Упрекать его впрочемъ за это не приходится, такъ какъ служеніе наукѣ уступало у него не какимъ-нибудь низшимъ интересамъ, а еще болѣе высокому, чѣмъ наука, интересу нравственно-педагогическому. Достойная оцѣнка человѣка опредѣляется окончательно не тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, а тѣмъ, какой былъ преобладающій характеръ его воли. Чистая воля добра была несомнѣнно преобладающимъ побужденіемъ въ жизни и дѣятельности А. М. Иванцова... Все проходить, одна любовь остается. Вѣчная память почившему служителю Любви!

Владиміръ Соловьевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1894 г.

Петербургъ въ первой половинѣ ноября.—Рѣчь проф. В. И. Ламанскаго въ славянскомъ обществѣ.—Манифестъ 25-го октября по дѣламъ финляндскимъ.—Дѣло „Владимира“ въ Одессѣ и приказы слѣб. градоначальника.—Оффиціозная газета.—Замѣчательное опредѣленіе сената.—А. Г. Рубинштейнъ и Ф. Н. Корольевъ †.

Первая половина истекшаго мѣсяца была для Петербурга періодомъ непрерывнаго возбужденія—сначала печальнаго, по поводу прибытія тѣла покойнаго Государа, прощанья съ нимъ въ Петропавловскомъ соборѣ и погребенія его, потомъ радостнаго, по поводу бракосочетанія Государа Императора. И въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, громадное стеченіе народа въ торжественные дни ознаменовалось полнѣйшимъ порядкомъ, для поддержанія котораго полиціи не пришлось употреблять никакихъ чрезвычайныхъ усилій. Особенно замѣчательно самообладаніе толпы было 14-го ноября, когда, при возвращеніи Высочихъ Новобрачныхъ изъ Зимняго дворца, сняты были шпалеры войскъ, и народъ стоялъ непосредственно лицомъ къ лицу съ царскимъ поѣздомъ...

Отъ воспоминаній о прошломъ, преобладавшихъ въ первые дни послѣ прискорбной вѣсти, общественная мысль неизбежно должна была перейти къ предположеніямъ о будущемъ. Давно уже не носилось въ воздухѣ такого множества слуховъ, противорѣчивыхъ, часто фантастичныхъ, построенныхъ на самыхъ шаткихъ основахъ. Комментировались, на разные лады, самыя простыя слова; въ выраженіяхъ сердечнаго чувства отыскивались указанія на обдуманную программу. Упускалось изъ виду, что перемѣны, если имъ суждено бываетъ наступить,—не совершаются немедленно. Если въ 1881 г. составъ высшаго управленія обновился сравнительно скоро, то это объясняется исключительными обстоятельствами того времени. Не сразу, точно также, принимаются и тѣ общія мѣры, въ которыхъ впервые отражается духъ новой эпохи. Догадки, такимъ образомъ, должны быть признаны по меньшей мѣрѣ преждевременными—а по своему значенію онѣ не болѣе какъ *ria desideria*, возникающія обыкновенно сами собою въ каждый критическій моментъ народной жизни. Чрезвычайно удачное выраженіе эти пожеланія нашли въ параллели, проведенной „Русскими Вѣдомостями“ между послѣдними и первыми годами XIX-го вѣка („Дней Александровыхъ счастливое начало“). Болѣе

опредѣленную форму имъ дала рѣчь В. И. Ламанскаго, произнесенная въ славянскомъ благотворительномъ обществѣ. Къ нашей общественной жизни имѣетъ отношеніе одно заключеніе этой рѣчи. „Да поднимется въ царствованіе молодого Государя, — воскликнулъ почтенный профессоръ:—матеріальное благосостояніе милліоновъ крестьянскаго сословія—главной основы могущества и богатства русскаго государства, какъ введеніемъ наибольшей равномѣрности въ нашей податной системѣ, такъ и облегченіями посредствомъ крестьянскихъ банковъ приобрѣтать сельскимъ общинамъ предназначаемыя къ продажѣ за неуплату долга заложенные въ дворянскомъ банкѣ имѣнія. Да приметь, наконецъ, государство на свой счетъ содержаніе старыхъ и заведеніе новыхъ народныхъ школъ, дабы нынѣ расходующаяся на народныя школы суммы земство могло употребить на дороги и прочія нужды. Пожелаемъ, чтобы всякій благой личный починъ частныхъ людей или цѣлыхъ обществъ встрѣчалъ все менѣе преградъ, воздвигаемыхъ канцелярскимъ порядкомъ, нерѣдко убивающимъ частную энергію и только поселяющимъ гибельное взаимное недовѣріе между государствомъ и обществомъ; чтобы русская печать становилась все болѣе и болѣе искреннимъ выразителемъ чувствъ и мыслей русскаго общества, дабы лести не смѣшивалась съ преданностью, а честное, искреннее указаніе недостатковъ не принималось за злонамѣренность. Да широко развиваются въ нашемъ отечествѣ земледѣліе, промышленность и торговля, да процвѣтають искусства и науки, и да распространяется въ немъ просвѣщеніе въ духѣ христіанской свободы и терпимости ко всѣмъ иноученіямъ, такъ какъ свѣтъ Христовъ не боится лжи и вѣра христіанская, основанная на личной человѣческой свободѣ и Божественной благодати, не терпитъ и не допускаетъ принужденія“.

Въ этихъ словахъ нѣтъ и намека на какія-либо сословныя привилегіи, за которыя высказывались иногда нѣкоторые изъ единомышленниковъ В. И. Ламанскаго—напр. И. С. Аксаковъ, въ послѣдніе годы своей дѣятельности. Въ нихъ нѣтъ ничего, что могло бы быть истолковано въ смыслѣ поддержки или усиленія дворянскихъ привилегій; напротивъ, изъ указанія на приобрѣтеніе *сельскими общинами* имѣній, продаваемыхъ за неуплату долга *дворянскому банку*, слѣдуетъ заключить, что оратора не страшитъ мысль объ уменьшеніи дворянскаго землевладѣнія. Къ пожеланію расцвѣта для промышленности не прибавлено мольбы о покровительствѣ, еще недавно нечуждой эпигонамъ славянофильства. Нѣтъ, наконецъ, ни слова объ излюбленной ими церковно-приходской школѣ; государству, призываемому къ содержанію старыхъ и заведенію новыхъ народныхъ школъ, предназначается, очевидно, и руководство обученіемъ народа... Вопли

согласнымъ съ лучшими славянофильскими преданіями, помершими, но не совсѣмъ загложшими въ славянофильской печати восьмидесятихъ годовъ, является апофеозъ „терпимости ко всѣмъ иноученіямъ“, идущій параллельно съ протестомъ противъ „принужденія“ въ дѣлахъ вѣры. Вполнѣ согласно съ ними и отношеніе оратора къ печати. То, чего онъ отъ нея ожидаетъ, зависитъ не отъ нея одной; необходимою предпосылкой *искренности* является *свобода*. Только она можетъ вытѣснить „лесть“, столь глубоко, въ послѣднее время, пустившую корни на русской почвѣ. Похвала утратила свое достоинство—а слѣдовательно и свою силу—именно потому, что слишкомъ была ограничена возможность критики... На ряду съ свободой рѣчи ораторъ совершенно правильно ставитъ свободу почина, личнаго и общественнаго. Чтобы не терять почвы подъ ногами, мысль должна переходить въ дѣло, оставаясь въ законныхъ рамкахъ, но не встрѣчая ни произвольныхъ задержекъ, ни предвзятыхъ подозрѣній. Заслугу г. Ламанскаго мы видимъ именно въ томъ, что онъ однимъ изъ первыхъ взглянулъ впередъ и, намѣтивъ нѣсколько ближайшихъ цѣлей, показалъ, этимъ самымъ, недостаточность и бесплодность ретроспективныхъ восторговъ.

Въ дѣятельности почившаго Государя проф. Ламанскій отмѣчаетъ четыре великія историческія заслуги: возобновленіе Севастополя и черноморскаго флота—устраненіе привилегій, которыми пользовался до тѣхъ поръ нѣмецкій элементъ въ Россіи—обезпеченіе мира для Россіи и для всей Европы—сближеніе съ Франціей, знаменующее собою рѣшимость навсегда покинуть политику сентиментализма и „донкихотскихъ рыцарскихъ авантуръ“. Рядомъ съ этой оцѣнкой поставимъ двѣ небольшія цитаты изъ газетныхъ статей, появившихся почти одновременно съ рѣчью г. Ламанскаго. „Два великіе человека,—читаемъ мы въ одной изъ нихъ,—положили начало христіанскому государству: Константинъ и Карлъ Великій. Но исторія задумала созданіе одного и исказила созданіе другого. Нашему времени суждено было увидѣть третьяго Государя, объясняющаго міру идею двухъ первыхъ“. „Обыкновенно принято говорить,—гласитъ другая статья,—о трехъ періодахъ русской исторіи: кievскомъ, московскомъ и петербургскомъ. Съ Александра III начинается новый періодъ ея—*русскій*“... Это простое сопоставленіе разъясняетъ какъ нельзя лучше все значеніе упрека, дѣлаемаго г. Ламанскимъ русской печати, все значеніе блага, обладанія которымъ онъ ей желаетъ...

Кто не оставался равнодушенъ къ кризису, наступившему, лѣтъ пять тому назадъ, въ отношеніяхъ между Россіей и Финляндіей, тотъ не могъ не ожидать съ нетерпѣніемъ вѣсти о первомъ словѣ

новаго Государя, обращенномъ къ великому княжеству. Свойство этого нетерпѣвѣя, конечно, было различно, смотря по настроенію ожидающихъ. Носились слухи, что всемилостивѣйшаго манифеста, какимъ ознаменовывалось до сихъ поръ воцареніе каждаго монарха—манифеста, подтверждающаго права и преимущества Финляндіи,—на этотъ разъ не будетъ издано вовсе, или онъ будетъ изданъ въ иной чѣмъ прежде, болѣе опредѣленной формѣ, съ оговоркой о соблюденіи основныхъ финляндскихъ законовъ *лишь настолько, насколько оно не противорѣчитъ общегосударственнымъ интересамъ и благу Россіи*. Опасенія однихъ, надежды другихъ не оправдались. 25 октября (6 ноября) подписанъ Государемъ Императоромъ (въ Ливадіи, куда ѣздилъ министръ статсъ-секретарь по дѣламъ великаго княжества) манифестъ, буквально сходный съ такимъ же манифестомъ (2-го марта 1881) императора Александра III-го, съ тѣмъ только единственнымъ различіемъ, что въ послѣднемъ титулъ Государя прописанъ такъ: „Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь польскій, Великій Князь финляндскій и проч., и проч., и проч.“, а въ первомъ нѣтъ словъ: „царь польскій“. Для московской газеты, уже давно, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, старающейся подорвать основы самостоятельности Финляндіи, этотъ пропускъ послужилъ однимъ изъ исходныхъ пунктовъ усиленной агитаціи. Напрасно финляндская печать объясняетъ его простымъ недосмотромъ: московскіе ревнители не хотятъ ей вѣрить, указывая на „странное совпаденіе его съ обычными стремленіями финляндскихъ политикановъ при всякомъ случаѣ подчеркивать государственную обособленность Финляндіи“. Трудно понять, какимъ образомъ пропускъ одного изъ наименованій Государя можетъ быть разсматриваемъ какъ способъ особенно отгнѣнить другое. Объ этомъ можно было бы говорить развѣ въ такомъ случаѣ, еслибы изъ всего титула удержана была только одна часть: *великій князь финляндскій*; но если передъ тѣмъ Государь наименованъ императоромъ и самодержцемъ всероссійскимъ, а послѣ помѣщена формула: „и проч., и проч., и проч.“, обнимающая собою *весь* титулъ Государя, то прибавленіе словъ: „царь польскій“ ничего, очевидно, въ значеніи манифеста не измѣнило бы. Прибѣгать къ мелочнымъ уловкамъ и пріемамъ для болѣе рельефнаго выраженія „обособленности“ Финляндіи финляндскимъ дѣятелямъ не нужно было уже потому, что въ текстѣ манифеста вездѣ идетъ рѣчь *только* о великомъ княжествѣ финляндскомъ, о его религіи, основныхъ законахъ, правахъ и преимуществахъ. Исключительное положеніе, занимаемое Финляндіей въ ряду другихъ владѣній императора всероссійскаго, обрисовывается, такимъ образомъ, съ достаточною ясностью и вовсе не требуетъ искусственнаго освѣщенія.

Прежде, чѣмъ перейти къ другимъ замѣчаніямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ по поводу Высочайшаго *манифеста*, приведемъ буквально весь русскій текстъ его: „Объявляемъ чрезъ сіе: что произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить *религію*, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословіе сего Великаго Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика *по установленіямъ этого края донинѣ пользовались*, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“. Подчеркнуты, выше, тѣ слова, которыя, по мнѣнію московской газеты, неправильно переведены на языки шведскій и финскій или на одинъ изъ нихъ (тексты шведскій и финскій всегда появляются одновременно съ русскимъ). Не зная этихъ языковъ и не имѣя времени для наведенія справокъ, мы допустимъ, что всѣ указанія московской газеты на неточность перевода совершенно правильны, и будемъ возражать ей, отправляясь отъ однѣхъ и тѣхъ же фактическихъ данныхъ. Замѣтимъ, прежде всего, что такъ какъ манифестъ 25 октября 1894 г. составляетъ буквально повтореніе манифеста 2 марта 1881 г., то необходимо было бы привести въ ясность, есть ли какая-нибудь разница между переводами того и другого. Если разницы нѣтъ, то сами собою теряютъ всякое значеніе всѣ злобные комментаріи „Московскихъ Вѣдомостей“; тождествомъ манифестовъ объясняется вполнѣ и тождество переводовъ. Во всякомъ случаѣ отступленія отъ русскаго текста не такъ велики, чтобы стоило изъ-за нихъ бить тревогу. Несущественность одного изъ нихъ признаетъ сама московская газета. Перевести слово: *религія* словами: *религія страны* — не значить даже впасть въ ошибку, потому что религія, о которой говорится въ манифестѣ, очевидно, есть именно религія страны, религія финляндцевъ... Слово: *манифестъ* — таковъ второй обвинительный пунктъ — переведено по-шведски словомъ *Försäkran*, по-фински — словомъ *Vasutus*, т.-е. *удостовереніе, монаршая присяга*. Но вѣдь манифестъ заключаетъ въ себѣ именно утвержденіе и *удостовереніе* религіи, основныхъ законовъ, правъ и преимуществъ Финляндіи: почему же нельзя примѣнить къ нему терминъ, означающій *удостовереніе*? Потому, говорятъ намъ, что *Försäkran* или *Vasutus* — обычное названіе конституціонной присяги шведскихъ королей, примѣняемое финляндцами только къ манифесту о воцареніи императора, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ слово *манифестъ* переводится по-шведски *Manifest*, по-фински — *Julistuskirja*. Но развѣ отъ того или другого наименованія зависитъ характеръ государственнаго акта? Развѣ, опре-

дѣлая, со временемъ, значеніе манифеста 25 октября, будутъ обращать вниманіе на его заголовокъ, а не на его содержаніе — да еще, вдобавокъ, на заголовокъ его не въ той редакціи, которая непосредственно скрѣплена Высочайшею подписью?... Третій пунктъ газетной кляузы, наиболѣе важный въ глазахъ ея составителей, заключается въ томъ, что слова манифеста: *по установленіямъ этого края донынѣ пользовались* — переданы и по-шведски, и по-фински такъ: *по конституціи этой страны донынѣ пользовались* (hittills enligt detta lands författning åtnjutit; tähän asti ovat fümän maan Perussäännön mukaan nauttineet). Извращеніе текста московская газета видитъ, во-первыхъ, въ замѣнѣ слова *край* словомъ *страна*, во-вторыхъ — въ замѣнѣ слова *установленія* словомъ *конституція*. Оказывается, однако, что хотя слово författning и употребляется иногда какъ синонимъ конституціи, но на шведскомъ языкѣ имѣть право гражданства и слово Konstitution. Еслибы финляндцы хотѣли во что бы то ни стало напомнить объ особенностяхъ своего государственнаго устройства, они могли бы употребить, слѣдовательно, терминъ гораздо болѣе характеристичный, чѣмъ författning. Что касается до шведскаго land и финскаго maa, то они, какъ видно изъ объясненій самой московской газеты, означаютъ не только *страну*, но и *землю* — а ужъ между *землей* и *краемъ* никакъ нельзя усмотрѣть того различія, какое московская газета, съ большой натяжкой, видитъ между *краемъ* и *страной* ¹⁾. Весь этотъ споръ о словахъ теряетъ, впрочемъ, всякую важность, если обратиться къ самому существу манифеста. Достаточно прочесть его русскій текстъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ невѣрномъ переводѣ не предстояло ни малѣйшей надобности. Въ самомъ дѣлѣ, манифестъ *утверждаетъ* и *удостоверяетъ* не только религію, права и преимущества финляндскихъ сословій и всего вообще финляндскаго населенія, но и *основные законы* великаго княжества — а подъ этимъ именемъ нельзя разумѣть ничего иного, кромѣ постановленій, опредѣляющихъ устройство и дѣятельность финляндскаго сейма, отношеніе его къ центральной власти, правомѣрное положеніе финляндскихъ гражданъ. Допустимъ, что фразы, переводъ которой оспаривается „Московскими Вѣдомостями“, въ манифестѣ не было бы вовсе: смыслъ его отъ этого нисколько бы не измѣнился, потому что все существенное сказано уже раньше, все отстаиваемое и цѣнимое финляндцами уже „удостоверено и утверждено“. Даже изъ числа публицистовъ Страстного бульвара едва ли кто-нибудь рѣшится увѣрять, что *основные законы*,

¹⁾ Напомнимъ, мимоходомъ, что извѣстная пѣснь гётевской Миньоны: „Kennst Du das Land“, въ русскомъ переводѣ начинается словами: „ты знаешь край“.

о которыхъ говорится въ манифестѣ—*русскіе* основные законы, стоящіе во главѣ I-го тома нашего свода, а *права и преимущества* финляндцевъ — именно тѣ и только тѣ, которыми пользуются русскіе подданные. Какъ ни называть основные законы — *författningar, författning* или даже (*horribile dictum!*) *Konstitution*, — сущность ихъ во всякомъ случаѣ останется та же. Подтасовка словъ, въ которой московская газета обвиняетъ финляндскихъ государственныхъ дѣятелей, была бы, по извѣстному французскому изреченію, болѣе чѣмъ преступленіемъ — она была бы *ошибкой*, какъ всякій безцѣльный и ненужный ходъ на политической шахматной доскѣ. Вопросъ о точности перевода финляндскихъ государственныхъ актовъ возникаетъ уже не въ первый разъ; онъ былъ поднятъ съ большимъ шумомъ, тою же московской газетой, по поводу рескрипта 28 февраля 1891 г. ¹⁾ Не трудно было предвидѣть, что то же самое повторится при первомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ — и уже это одно устраиваетъ всякую мысль о *намеренной* невѣрности перевода.

До чего доходитъ придирчивость нашихъ газетныхъ „добровольцевъ“, когда они начинаютъ выкрикивать свое „*saveant consules*“ относительно Финляндіи—это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1892 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, обязывающее министра статсъ-секретаря Финляндіи, „*предварительно всеподданнѣйшаго доклада проектовъ новыхъ законовъ великаго княжества*, а также предложений финляндскому сейму, запрашивать заключенія министровъ имперіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ касается интересовъ имперіи и ихъ вѣдомства“. По мнѣнію московской газеты, министръ статсъ-секретарь, генералъ Денъ — „чистокровный финляндецъ по происхожденію“ ²⁾ — долженъ былъ, за силою этого Высочайшаго повелѣнія, сообщить проектъ манифеста на предварительное заключеніе русскихъ министровъ, особенно въ виду того, что еще въ 1892 г. учреждено особое совѣщаніе, изъ русскихъ и финляндскихъ государственныхъ дѣятелей, для опредѣленія объема и значенія финляндскихъ основныхъ законовъ. Это мнѣніе опровергается именно тѣмъ, въ чемъ оно ищетъ для себя точки опоры. Манифестъ, *слово въ слово* списанный съ *прежняго* образца, не могъ, очевидно, быть разсматриваемъ какъ *проектъ новаго закона* и не подходилъ, слѣдовательно, подъ дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 1892 г. Да и въ какому министру его слѣдовало препроводить на заключеніе? Какого „вѣдомства“ онъ специально касался? Конечно, государственное

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 4 „Вѣстн. Европы“ за 1891 г.

²⁾ Отъ вниманія московской газеты не ускользнуло даже и то, что генерала Дена, въ его поѣздѣ въ Ливадію, сопровождалъ—о, ужась!—финляндскій чиновникъ Брунтъ.

устройство великаго княжества—вопросъ не безразличный для имперіи; но охранять *общіе* ея интересы не призванъ ни одинъ министръ въ отдѣльности, а о государственномъ совѣтѣ или комитетѣ министровъ въ Высочайшемъ повелѣніи 1892 г. не говорится ни слова. Совершенно ясно, такимъ образомъ, что генералъ Денъ ни въ чемъ не нарушилъ установленнаго порядка. Что касается до совѣщанія, то на его разсмотрѣніе переданъ вопросъ не о томъ, *существуютъ* ли въ Финляндіи *основные законы*, а только о томъ, какъ понимать ихъ *объемъ и значеніе*. Незачѣмъ ждать окончанія этой работы, чтобы утвердить и удостовѣрить *фактъ*, не подлежащій никакому сомнѣнію и спору. Тяжелы, судя по всему, были дни, пережитые Финляндіей до получения на мѣстѣ манифеста 25-го октября; за что же было обречать ее на цѣлыя недѣли, мѣсяцы, годы томительной неизвѣстности? Сколько накопилось бы за это время недовѣрія и горечи, сколько мрачныхъ тѣней легло бы на взаимныя отношенія между народами, въ сущности исполненными доброжелательства другъ къ другу! Сожалѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“, что упущенъ удобный случай сокрушить финляндскую гордыню, раздѣляются, мы въ томъ убѣждены, сравнительно немногими—и изъ числа этихъ немногихъ большинство готово уже отпасть отъ модной доктрины, какъ только она перестанетъ быть модною.

Въ общемъ настроеніи минувшаго мѣсяца попытка возбудить подозрѣнія противъ финляндцевъ прозвучала рѣзко фальшивой нотой—къ сожалѣнію, далеко не единственной. Въ то самое время, когда правосудіе провозглашается „основой народнаго благоденствія“ (манифестъ 14-го ноября), когда выражается надежда на господство „правды и закона“ (рѣчь, обращенная къ прав. сенату), въ печати слышится безцеремонное восхваленіе административныхъ каръ. Обсуждая только-что окончившееся дѣло о гибели парохода „Владимиръ“—окончившееся, какъ извѣстно, осужденіемъ обоихъ преданныхъ суду капитановъ, Кріуна и Пеше,—„Гражданинъ“ сожалеетъ, что свободными отъ наказанія остались наиболѣе виновные: высшіе распорядители „Русскаго общества пароходства и торговли“. Противъ этого мы не сказали бы ни слова, еслибы газета отъ сожалѣнія перешла къ вопросу о томъ, существуетъ ли легальная возможность привлечь къ отвѣтственности директоровъ общества, небрежность и нераспорядительность которыхъ привела къ столь ужаснымъ результатамъ, и если существуетъ, то какъ воспользоваться ею, а если не существуетъ—то какъ пополнить явный пробѣлъ закона. „Гражданинъ“ поступаетъ иначе. „У насъ въ Петербургѣ, — говоритъ онъ, — былъ на дняхъ случай весьма поучительный для г. Полушкина (директора-

распорядителя Русскаго общества пароходства и торговли). Кучеръ наемнаго экипажа оказался неисправенъ. Градоначальникъ очень чувствительно наказалъ этого кучера... и его хозяевъ. И это чрезвычайно *мѣтко*: не бери первую попавшуюся дрянъ, а неся извѣстную общественную службу, отвѣчай и за выбранныхъ тобою исполнителей". Другими словами, напрасно г. Полушкинъ не былъ подвергнутъ взысканію по усмотрѣнію администраціи. Что же это за распоряженіе г. петербургскаго градоначальника, которое такъ восхитило газету кн. Мещерскаго? Нанятый отъ содержателей каретнаго извоза, купцовъ Жуковыхъ, крестьянинъ Лазаревъ, назначенный придворно-конюшенной частью для ѣзды къ принцессѣ Баденской, въ ожиданіи выхода Ея Высочества изъ одного дома, напился у подъѣзда пьянъ настолько, что обратно ѣхать не могъ, и вмѣсто него на козлы экипажа былъ посаженъ другой кучеръ. Въ виду этого градоначальникъ призналъ нужнымъ кучера Лазарева арестовать на двѣ недѣли, изъ которыхъ одну на хлѣбѣ и водѣ въ карцерѣ, и воспретить ему жительство въ столицѣ въ теченіе трехъ лѣтъ; хозяевъ же его, извозо-промышленниковъ Жуковыхъ, давшихъ такого кучера для ѣзды съ иностранными принцами, оштрафовать на 300 руб. Вслѣдъ за этимъ приказомъ послѣдовало еще два, изъ которыхъ первымъ легковой извозчикъ Хромовъ, наѣхавшій въ нетрезвомъ видѣ на другой экипажъ и опрокинувшій сѣдоковъ, подвергается семидневному аресту въ *темномъ* карцерѣ, а вторымъ—каретный извозчикъ Ефимовъ, зацѣпившій, съ порожней каретой, за тумбу, при чемъ самъ Ефимовъ и сидѣвшій рядомъ съ нимъ лакей упали на мостовую и получили ушибы,—присуждается къ аресту на три недѣли. Итакъ, въ полицейско-карательной области мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ институтовъ, совершенно незнакомыхъ нашему общему законодательству: содержаніе въ *темномъ* карцерѣ, содержаніе на хлѣбѣ и на водѣ, *уголовную* отвѣтственность хозяина за рабочаго. Примѣненіе этихъ и другихъ взысканій ничѣмъ не регулировано; ни изъ чего не видно, чтобы соблюдалось даже самое элементарное условіе всякой кары—исцѣлѣваніе виновности и выслушаніе обвиняемаго. Извозчикъ, наѣхавшій на тумбу, присуждается къ болѣе продолжительному лишенію свободы, чѣмъ извозчикъ, наѣхавшій на экипажъ съ сѣдоками, хотя о послѣднемъ и сказано, въ приказѣ, что онъ ѣхалъ очень быстро и былъ въ нетрезвомъ видѣ, а о первомъ не сказано ни того, ни другого. Административная кара обострится до запрещенія извозчику пребыванія въ столицѣ въ теченіе трехъ лѣтъ—запрещенія, равносильнаго, силою и рядомъ, совершенному разоренію крестьянина. Карательныя мѣры принимаются, наконецъ, противъ лицъ, прикосновенность которыхъ къ дѣлу ничѣмъ не доказана. Уголовная отвѣтственность немислима безъ

симъ, хотя бы отрицательной, т.-е. безъ дѣянiя или упущенiя, соединяющаго въ себѣ существенные признаки проступка. Такимъ упущенiемъ, со стороны извозпромышленника, наемъ неумѣлаго или пьянствующаго извозчика можетъ считаться развѣ тогда, когда нанимателю должны были или по меньшей мѣрѣ могли быть извѣстны недостатки нанимаемаго. Имѣлось ли это условiе на лицо при наймѣ Жуковыми Лазарева—мы не знаемъ; но о немъ не упомянуто въ приказѣ—и потому мы въ правѣ заключить, что оно не было приведено въ ясность. Примѣромъ, достойнымъ подражанiя, приказъ по дѣлу Лазарева можетъ, затѣмъ, казаться только „Гражданину“... Предположимъ, что Русское общество пароходства, ни въ самый моментъ приглашенiя капитана Крiуна, ни впослѣдствiи, не имѣло ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ способности его къ управленiю кораблемъ, доказанной прежнею его морскою службою; кому пришло бы тогда въ голову утверждать, что за нераспорядительность и неумѣлость, выказанную г. Крiуномъ при крушенiи парохода, должны отвѣчать, съ уголовномъ порядкомъ, директора общества? Не ясно ли, что мысль объ отвѣтственности ихъ возникла только въ виду приписываемыхъ имъ крупныхъ и грубыхъ упущенiй (напр. неисправности шлюпокъ и спасательныхъ аппаратовъ, найма неопытныхъ шкиперовъ и нигуда негодныхъ матросовъ)? Установить наличность этихъ упущенiй и опредѣлить ихъ настоящее значенiе можетъ только судъ; представить это администрацiи значило бы предпочесть поспѣшность разбора его обстоятельности и рисковать самыми серьезными ошибками, какъ въ сторону излишней строгости, такъ и въ сторону излишней снисходительности. Читая о тѣхъ или другихъ административныхъ карательныхъ мѣрахъ, не мы одни задаемъ себѣ вопросъ, почему и для чего подобные проступки изъемяются изъ обычной юрисдикцiи, изъ дѣйствiя общихъ процессуальныхъ гарантiй? Неужели общественный порядокъ или общественное спокойствiе оказались бы въ опасности, еслибы дѣла о неосторожности извозчиковъ, грубости дворниковъ, непослушанiи лавочниковъ, разбирались мировымъ судьей, изъ вѣденiя котораго не изъяты проступки гораздо болѣе важные (кража, мошенничество, укрывательство краденаго)? Возвращенiе къ общему порядку было бы вполне согласно даже съ положенiемъ о чрезвычайной и усиленной охранѣ, на которомъ, въ большинствѣ случаевъ, зиждется административно-карательная власть. Не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что при составленiи и изданiи этого положенiя никто не думалъ о примѣненiи его къ обыкновеннымъ провинностямъ извозчиковъ и дворниковъ. Весьма характеристично, въ нашихъ глазахъ, что противъ судебно-полицейской расправы высказываются... даже „Московскiя Вѣдомости“! Вотъ ихъ подлинныя слова

(№ 160): „Главнымъ огражденіемъ городского порядка и благоустройства въ столицахъ служить въ настоящее время право взысканій въ административномъ порядкѣ, предоставленное начальникамъ мѣстной полиціи *положеніемъ объ усиленной охранѣ*. Вполнѣ признавая его полезность какъ цѣлесообразной мѣры въ случаяхъ исключительныхъ и крайнихъ, не поддающихся воздѣйствію обыкновенной юстиціи, мы думаемъ, что все же постоянное существованіе этого права въ нынѣшнемъ его видѣ *не можетъ быть признано нормальнымъ и необходимымъ*: въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ оно вполнѣ могло бы быть замѣнено простымъ, краткимъ и скорымъ полицейскимъ судомъ безо всякаго ущерба для порядка и благочинія“. Само собою разумѣется, что ни въ какомъ особомъ „полицейскомъ судѣ“ нѣтъ надобности, разъ что у насъ есть въ столицахъ мировой судъ, „простой, краткій и скорый“; но хорошо уже и то, что ненормальность нынѣшняго положенія вещей сознается даже обычными защитниками „усмотрѣнія“.

Въ „Новомъ Времени“ (№ 6725) появилась недавно интересная корреспонденція о положеніи „Варшавскаго Дневника“. „Варшавская публика, — говоритъ корреспондентъ, — разсуждаетъ такимъ образомъ: газета пользуется правительственной субсидіей, имѣетъ обязательныхъ подписчиковъ, получаетъ значительную прибыль отъ казенныхъ объявленій; почему же при такихъ данныхъ редакторы не заботятся объ улучшеніи изданія, и почему „Варшавскій Дневникъ“ блещетъ своею бессодержательностью, не имѣя ни сотрудниковъ, ни корреспондентовъ и довольствуясь запоздалыми перепечатками изъ польскихъ газетъ? Отвѣтъ очень ясный и простой: ни одинъ редакторъ-издатель не имѣетъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ; онъ можетъ быть каждую минуту приглашенъ къ передачѣ своихъ обязанностей другому лицу; естественно, что при такомъ условіи ни одинъ редакторъ не рѣшается вкладывать своихъ прибылей на улучшеніе изданія и сокращаетъ расходы до крайнихъ предѣловъ. Съ другой стороны, положеніе редактора „Варшавскаго Дневника“ въ цензурномъ отношеніи представляется довольно своеобразнымъ. Редакторъ избирается и назначается главнымъ начальникомъ края, слѣдовательно — является лицомъ, пользующимся полнымъ довѣріемъ высшей администраціи; тѣмъ не менѣе, надъ нимъ ставится цензоръ изъ чиновниковъ генераль-губернаторской канцеляріи; послѣдній, конечно, стѣсненъ своимъ служебнымъ положеніемъ; отсюда излишняя мнительность и нерѣшительность при просмотрѣ матеріала, подлежащаго оглашенію. Предмѣстникъ г. Крестовскаго (нынѣшняго редактора „Варшавскаго Дневника“), профессоръ П. А. Кулаковскій, махнулъ

рукой на отдѣлы хроники и внутреннихъ сообщеній, отводя столбцы газеты для извѣстій изъ славянскихъ земель; для небольшой группы читателей такое одностороннее направленіе „Дневника“, быть можетъ, и представляло нѣкоторый интересъ, но большинство подписчиковъ, конечно, были неудовлетворены этимъ колоритомъ мѣстной газеты. Нынѣшній редакторъ ударился въ другую крайность; онъ остановился на вопросахъ военного свойства, но такую постановку дѣла тоже никому не угодилъ“. Чтобы поправить дѣло, корреспондентъ предлагаетъ раздѣлить газету на два отдѣла, официальный и неофициальный, послѣ чего она уже не считалась бы, во всемъ своемъ объемѣ, органомъ генералъ-губернатора; затѣмъ слѣдовало бы освободить ее отъ цензуры или, по меньшей мѣрѣ, подчинить неофициальный ея отдѣлъ цензурѣ общей, наравнѣ съ другими провинціальными газетами, а редактору назначить опредѣленное содержаніе, съ добавочнымъ процентнымъ вознагражденіемъ, которое побуждало бы его заботиться объ улучшеніи газеты. Намъ кажется, что всѣ эти палліативныя мѣры не приведутъ еще къ желанной цѣли: при организациі, предлагаемой корреспондентомъ, „Варшавскій Дневникъ“ все-таки останется газетой офиціозной—а офиціознымъ газетамъ у насъ въ Россіи рѣшительно не везетъ. Рядомъ съ *официальной* русской газетой, разъ что она признается необходимой, въ царствѣ польскомъ могла бы пустить корни только *частная* русская газета, еслибы она нашла достаточную добровольную поддержку въ мѣстномъ русскомъ обществѣ.

Въ общемъ собраніи кассационныхъ департаментовъ прав. сената состоялось недавно опредѣленіе столь же замѣчательное по своему предмету, какъ и по своей мотивировкѣ. На приговоръ одного изъ мировыхъ судей царства польскаго былъ присланъ по почтѣ отзывъ, подписанный апелляторомъ по-польски безъ перевода подписи, требуемаго ст. 261 уст. гражд. судопр. (распространяющейсѣ, по разъясненію сената, и на дѣла уголовныя). Мировой съѣздъ, вслѣдствіе этого, оставилъ отзывъ *безъ разсмотрѣнія*. Прав. сенатъ нашелъ постановленіе съѣзда совершенно произвольнымъ и несогласнымъ съ задачей суда, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ „ясная сама по себѣ и сдѣланная латинскими буквами подпись не могла возбуждать въ судьяхъ никакого сомнѣнія въ ея значеніи“. Въ видахъ предупрежденія въ будущемъ подобныхъ, неоправдываемыхъ закономъ рѣшеній, судебныхъ установленій, „для сохраненія своего достоинства“, обязаны, въ случаяхъ несоблюденія просителями правила ст. 261 уст. гр. суд., принимать мѣры къ исправленію, тѣмъ или другимъ способомъ, этого недостатка. Такъ, при принятіи прошенія лично отъ

просителя, оно можетъ быть тотчасъ же исправлено, сдѣланіемъ перевода подписи; при полученіи съ почты, прошеніе можетъ быть отсылаемо къ просителю для исправленія, съ объясненіемъ причинъ его непринятія и съ назначеніемъ срока для новой его подачи. Такимъ же образомъ можетъ быть поступаемо и при обнаруженіи во второй инстанціи несоблюденія просителемъ означеннаго выше правила. Во избѣжаніе излишней переписки и напраснаго промедленія времени, судъ можетъ поступить и иначе: онъ въ правѣ пригласить присяжнаго переводчика или другое, знающее данный языкъ лицо, для перевода подписи на русскій языкъ, и тѣмъ исправить неумышленное, по большей части, и во всякомъ случаѣ не могущее имѣть существеннаго для дѣла значенія упущеніе просителя. Избраніе того или другого способа дѣйствій прав. сенатъ предоставляетъ „благоразумному и добросовѣстному отношенію судей къ лежащимъ на нихъ обязанностямъ“. Это опредѣленіе сената—настоящій образецъ правосудія и чрезвычайно цѣнный урокъ въ великомъ искусствѣ разсматривать процессуальныя формы не какъ цѣли, а какъ средства, не какъ ловушки или камни преткновенія для тяжущихся и подсудимыхъ, а какъ пособія и точки опоры въ исканіи и раскрытіи истины. Увеличивается его цѣнность еще и тѣмъ, что оно предназначено въ особенности для окраинъ государства, которыя привлечь къ себѣ можно всего лучше подобнымъ отношеніемъ къ нимъ.

Въ лицѣ А. Г. Рубинштейна, скончавшагося въ Петербургѣ 8-го ноября и погребеннаго въ Александро-Невской Лаврѣ, Россія и весь музыкальный міръ понесли такую же невознаградимую потерю, какъ годъ тому назадъ—въ лицѣ Чайковскаго. Къ воспоминанію о послѣднемъ не примѣшивалось, по крайней мѣрѣ, горькаго чувства вины передъ усопшимъ. Вторая, большая часть его дѣятельности была непрерывнымъ рядомъ блестящихъ удачъ: со всѣхъ сторонъ дѣлалось все, чтобы способствовать его успѣху и его славѣ. Нельзя сказать того же самаго о Рубинштейнѣ. „Наша театральная дирекція,—читаемъ мы въ одномъ изъ его некрологовъ,—относилась къ нему съ тѣмъ же несправедливымъ, пристрастнымъ нерасположеніемъ, какъ и къ другимъ русскимъ композиторамъ, за исключеніемъ Чайковскаго. Несмотря на блестящій успѣхъ *Демона*, оперы его упорно не возобновлялись. Мало того: точно въ насмѣшку, вмѣсто *Ферморса* Рубинштейна ставили *Лалла-Рукъ*—мизерную оперу французскаго композитора Давида, написанную на тотъ же сюжетъ“. Напомнимъ еще о *Кутисъ Калашниковѣ*, котораго, по словамъ одного изъ біографовъ Рубинштейна (В. С. Баскина: „Русскіе Композиторы“, вып. I, М. 1886), „постигла

странная судьба: послѣ второго представленія, несмотря на громадный успѣхъ оперы и исполнителей и на полные сборы, которые она дала оба раза, *Калашниковъ* былъ снятъ съ репертуара "... Объ исполнительскомъ гениі Рубинштейна, о его заслугахъ по основанію „Русскаго музыкальнаго общества“ и с.-петербургской консерваторіи, о его неисчерпаемой добротѣ и замѣчательномъ безкорыстіи, мы говорить не станемъ: все это слишкомъ хорошо извѣстно и памятно. Погребеніе Рубинштейна, по отзыву очевидцевъ, отличалось большимъ порядкомъ, но ему недоставало торжественности и величавости. Позади траурной колесницы,—читаемъ мы въ „Недѣлѣ“,—двигался „дѣльный рядъ во-зовъ съ вѣнками, наваленными одинъ на другой ужасно некрасиво... Я помню похороны Достоевскаго, Тургенева—чудныя, полныя торжественной поэзіи похороны. Вѣнки тогда не сваливались въ кучу, а неслись какъ знамена, впереди депутацій, и это было и трогательно, и красиво. И депутаціи имѣли смыслъ и какое-нибудь занятіе въ процессіи. Рыдало гѣніе народа въ перемежку съ хорами пѣвчихъ, какъ плачь земли, плачь жизни, провожающій великаго человѣка въ могилу. Все это давало *настроеніе*, теплоту и трогало душу. Теперь, безъ вѣнковъ, безъ музыки, похороны холодны и прозаичны до крайности; они превратились въ казенный обрядъ, безъ малѣйшей художественной черты. Не умѣемъ мы жить, не умѣемъ умирать. Мы боимся живого чувства, проблеска искренности и оригинальности. Бѣдный Рубинштейнъ! Онъ, царь музыки, величайшій изъ музыкантовъ, не удостоенъ былъ утѣшенія сойти въ могилу провожаемый музыкой"... Распорядители похоронъ могли, конечно, изящнѣе расположить вѣнки на колесницѣ или колесницахъ; но едва ли отъ нихъ зависѣло устраненіе остальныхъ аномалій, указанныхъ „Недѣлей“. Ношеніе вѣнковъ во время похоронъ запрещено, напримѣръ, именно со времени похоронъ Тургенева...

Почти въ одно время съ Рубинштейномъ умеръ Ф. Н. Королевъ, писатель и дѣятель по сельско-хозяйственной technikѣ. Его труды на этомъ поприщѣ намъ мало извѣстны, и мы не упомянули бы здѣсь о его смерти, еслибы не прочли въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ письма, посвященнаго его памяти одною изъ слушательницъ курсовъ при московской второй гимназіи. Оказывается, что эти курсы, болѣе извѣстные подъ именемъ „лубянскихъ“ ¹⁾ и просуществовавшіе, съ величайшей пользой, почти двадцать лѣтъ, до самаго закрытія, въ 1886 г., всѣхъ вообще высшихъ женскихъ курсовъ, были основаны, въ 1869 г., при самомъ живомъ и дѣятельномъ участіи Ф. Н. Коро-

¹⁾ Лубянскіе курсы были для Москвы тѣмъ же въ области точныхъ наукъ, чѣмъ въ области наукъ гуманитарныхъ—курсы проф. В. И. Герье.

лева, бывшаго тогда директоромъ второй гимназіи и назначеннаго, со стороны министерства народнаго просвѣщенія, завѣдывающимъ курсами. „Онъ приглашалъ преподавателей,—пишетъ его бывшая слушательница,—онъ завѣдывалъ приѣмомъ слушательницъ, онъ же долженъ былъ изыскивать и средства для покрытія платы преподавателямъ и на всѣ прочіе расходы. Однимъ словомъ, онъ въ одно и то же время былъ и завѣдующій, и надзиратель, и казначей, и попечитель и т. д., и какъ охотно исполнялъ онъ все это! Кто изъ слушательницъ не помнитъ его въ промежутки между лекціями, вѣчно готоваго служить своими совѣтами и разъясненіями!“ Назначенный на другое мѣсто, онъ не оставилъ курсовъ, пока не озаботился о ихъ дальнѣйшемъ существованіи. „Онъ собралъ всѣхъ слушательницъ въ зданіе гимназіи, изложилъ передъ ними положеніе дѣла и посовѣтовалъ не ограничивать своихъ отношеній къ курсамъ однимъ хожденіемъ на лекціи, а *самимъ взяться и за ихъ веденіе*, не рассчитывая ни на какую постороннюю помощь. Онъ ободрялъ неопытную аудиторию, смущенную своей внезапной безпомощностью. Онъ училъ, указывалъ путь, какъ нетрудно самимъ слушательницамъ создать изъ своей среды управленіе дѣлами курсовъ“, и самъ составилъ полный планъ ихъ устройства, который и былъ приведенъ въ исполненіе... Чѣмъ меньше извѣстны заслуги Ф. Н. Королева на этомъ поприщѣ, тѣмъ больше мы считали себя обязанными способствовать распространенію благодарной памяти о нихъ въ слишкомъ легко и скоро забывающемъ русскомъ обществѣ...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

1. Съ 1 мая по 21 октября Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 11 засѣданій, въ коихъ разсмотрѣно было 229 дѣлъ. Въ этихъ засѣданіяхъ назначены были:

1. Срочныя ссуды; одному писателю и одной писательницѣ по 200 р., одному писателю 150 р., одному писателю 120 р., одному писателю и одной писательницѣ по 100 р.

2. Безсрочныя ссуды: одному писателю 600 р., одному писателю 500 р., одному писателю 300 р., одному писателю 200 р., одному писателю 150 р. и пяти писателямъ по 100 р.

3. Продолжительныя пособія: по 25 руб. въ мѣсяцъ на полгода вдовѣ одного покойнаго ученаго; по 15 р. въ мѣсяцъ на 2 года сестрѣ одного покойнаго писателя (ей же единовр. пос. въ 100 р. и 50 р.); на одинъ годъ вдовѣ одного покойнаго писателя (ей же единовр. пос. въ 42 р. 98 к. и 15 р.) и сестрѣ одного покойнаго писателя (ей же единовр. пос. въ 75 р. и 50 р.) и еще вдовѣ одного покойнаго писателя на одинъ годъ по 10 р. въ мѣсяцъ.

4. Единовременныя пособія: одно въ 300 р. одному писателю, два въ 200 р. одному писателю и вдовѣ одного пок. писателя; одно въ 150 р. одному писателю; восемь въ 100 р. тремъ пис., одной писательницѣ, сестрамъ двухъ пок. писателей и вдовамъ двухъ пок. писателей; три въ 75 р. одному писателю и двумъ писательницамъ; одно въ 56 р. одной писательницѣ; двадцать одно въ 50 р. десяти писателямъ, пяти писательницамъ, вдовамъ трехъ пок. писателей и одного пок. ученаго и сестрамъ двухъ пок. писателей; одно въ 42 р. 98 к. вдовѣ одного пок. писателя; одно въ 40 р. вдовѣ одного пок. писателя; четыре въ 30 р. двумъ писателямъ (одному пис. два раза по 30 р.) и вдовѣ одного пок. писателя; десять въ 25 р. четыремъ писателямъ, тремъ писательницамъ, женѣ одного писателя и вдовамъ двухъ пок. писателей; три въ 15 р. двумъ писателямъ и вдовѣ одного пок. писателя.

5. Плата за обученіе: одна въ 150 р. за сына одного пок. писателя; три въ 100 р. за двухъ дочерей одного пок. писателя и за дочь одного писателя; три въ 50 р. за дочерей двухъ писателей и за дочь одного пок. писателя; одна въ 32 р. 50 к. за внучку одного пок. писателя; пять въ 30 р. за сына одного писателя и за четырехъ сыновей двухъ пок. писателей, и еще одна въ 30 р. (причемъ половина спеціальнаго пожертвованія) за сына одного покойнаго писателя. Кромѣ того, назначены два пособія по 200 р. въ годъ впередъ до окончанія курса въ уч. заведеніяхъ дочерямъ двухъ покойныхъ писателей, и дочь одного писателя помѣщена на безплат-

ную вакансію въ гимназію Гедда и, наконецъ, назначены 4 стипендіи Литерат. Фонда въ 125 р. каждая четыремъ студентамъ Спб. Университета.

6. Выдано два пособія по 100 р. на погребеніе одного писателя и вдовы одного пок. писателя, и одно въ 50 р. на погребеніе матери одного пок. писателя.

7. Кромѣ того, отказано было въ 45-ти случаяхъ: въ 24 случаяхъ въ пособіяхъ, въ 16-ти—въ ссудахъ и въ 5-ти случаяхъ—въ прочихъ просьбахъ и одна просьба оставлена безъ послѣдствій.

8. По разнымъ дѣламъ было совершено три ходатайства, кромѣ восьми случаевъ сношеній съ редакціями повременныхъ изданій по вопросу объ уплатѣ гонорара восьми писателямъ.

9. Далѣе, М. Н. Стоюнина открыла въ своей гимназіи 3-ю бесплатную вакансію имени Н. А. Вышнеградскаго для пансіонерокъ Лит. Фонда, и такую же вакансію имени Н. А. Вышнеградскаго учредила М. М. Бобринцева-Пушкина на Высшихъ Женскихъ Курсахъ новыхъ языковъ. Кромѣ того, Новгородское Земство взяло на себя расходы по содержанію въ больницѣ одного писателя; и, наконецъ, типографія Скороходова напечатала безвозмездно отчетъ Лит. Фонда за 1893 года, а типографія Стасюлевича печатала бланки.

Къ 1-му января капиталовъ общества было:

Неприкосновеннаго	20.785 р. — к.
Именныхъ	249.561 „ 54 „
Ссуднаго въ долгахъ . 2.151 р. 60 к.	3.000 „ — „
„ остаткѣ . 848 „ 40 „	5.138 „ 89 „
Переходныхъ сумм	

Итого . . . . . 278.485 р. 43 к.

А за вычетомъ перерасхода расходнаго

капитала . . . . . 1.047 р. 74 к.

Дѣйствительныя средства общества были 277.437 „ 69 „

Съ 1-го января по 21-е октября поступило въ капиталы:

Неприкосновенный . . . . . 100 р. — к.

Именные . . . . . 9.150 „ 05 „

Расходный . . . . . 14.392 „ 19³/₄ „

Ссудный . . . . . 1.525 „ — „

На счетъ переходящихъ

суммъ . . . . . 2.732 „ 44 „ 27.899 р. 68³/₄ к.

За то же время выдано изъ капиталовъ:

Именныхъ . . . . . 774 р. — к.

Расходнаго . . . . . 20.481 „ 48 „

Ссуднаго . . . . . 2.105 „ — „

Со счета переходящихъ

суммъ . . . . . 5.208 „ 43 „ 28.549 р. 91 к.

Засимъ остается къ 21-му октября:

Неприкосновеннаго капи-

тала . . . . . 20.885 р. — к.

Именныхъ капиталовъ . 257.937 „ 59 „

Ссуднаго . . . . . 268 „ 40 „

Переходныхъ суммъ . . . 2.662 „ 90 „ 281.753 р. 89 к.

А за вычетомъ перерасхода расходнаго капитала	7.137 р. 02 ¹ / ₄ к.
Остается	274.616 р. 86 ³ / ₄ к.
А вмѣстѣ съ состоящими въ долгахъ по срочнымъ ссудамъ	2.731 р. 60 к.
Всѣ средства Общества составляютъ	277.348 р. 46 к.

Итакъ, если вести счетъ по капиталамъ непривосновенному, именнымъ, расходному и ссудному, то перерасходъ расходнаго капитала на 21-е октября будетъ въ 7.137 р. 02¹/₄ к., а всѣ средства Общества, за вычетомъ непринадлежащихъ ему переходящихъ суммъ, составятъ *двести семьдесятъ четыре тысячи шестьсотъ восемьдесятъ пять* рублей 56³/₄ коп.

Но въ дѣйствительности средства Общества нѣсколько иныя, а именно:

Въ процентныхъ бумагахъ	279.325 р. — к.
На текущихъ счетахъ и въ кассѣ	6.193 „ 94 „
Въ долгахъ по ссудамъ	2.731 „ 60 „
А за вычетомъ переходящихъ суммъ	2.662 „ 90 „
	285.587 „ 64 „

т.-е. почти на одиннадцать тысячъ болѣе чѣмъ по счету капиталовъ Общества.

Такое разнорѣчіе происходитъ отъ того, что въ теченіе девяти мѣсяцевъ нынѣшняго года вышло въ тиражъ, конвертировано и продано принадлежавшихъ Обществу 5% и 5¹/₂% бумагъ на сумму около 157.000, вмѣсто которыхъ приобретено покупкою 4¹/₂% бумагъ почти на 51.000 и получено по конверсіи 4% на 116.000 рублей, а всего 4% и 4¹/₂% бумагъ на 167.000 р.

Отсюда можетъ казаться, что средства Общества возросли; въ дѣйствительности же, въ виду пониженія доходности процентныхъ бумагъ, средства наши уменьшились; изъ-за одной конверсіи Восточныхъ Займовъ и билетовъ Государственнаго Банка Общество потеряло болѣе 700 руб. дохода въ годъ; быть можетъ, эта потеря и будетъ возмѣщена обществу—Комитетъ не безъ надежды на успѣхъ приступилъ къ соотвѣтственному ходатайству. Но пониженіе доходовъ отъ усиленныхъ тиражей пяти и пяти съ половиною процентныхъ бумагъ во всякомъ случаѣ невознаградимо.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1894 году.

Въ 1894-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

экз.		экз.		экз.	
1.	Херсонск. . 265	23.	Тверская . . 69	45.	Псковская . 42
2.	Клевская. . 240	24.	Обл. В. Дон. 68	46.	Минская. . 42
3.	Харьковск.. 179	25.	Лифляндск. 65	47.	Бутанская . 42
4.	Тавричesk.. 168	26.	Нижегород. 63	48.	Витебская . 42
5.	Екатериносл. 151	27.	Примор. об. 63	49.	Ярославская 41
6.	Тифлисская. 144	28.	Рязанская . 62	50.	Уфимская . 40
7.	Саратовск. . 119	29.	Новгородск. 62	51.	Сырѣ-Д. об. 40
8.	Полтавская. 118	30.	Московская . 59	52.	Забайк. об. 35
9.	Варшавск. . 113	31.	Иркутская . 59	53.	Астраханск. 35
10.	Черниговск. 94	32.	Гродненская . 54	54.	Ковенская . 34
11.	Тамбовская. 92	33.	Могилевск.. 54	55.	Оренбургск. 34
12.	Бессарабск. 89	34.	Вятская . . 52	56.	Пензенская. 32
13.	Орловская. . 89	35.	Самарская . 51	57.	Закасп. об. 31
14.	Курская . . 88	36.	Сибирская . 50	58.	Акмол. об. 30
15.	Волынская . 86	37.	Томская . . 50	59.	Вологодская 28
16.	Воронежск.. 77	38.	Костромская . 49	60.	Ломжинская. 28
17.	Подольская. 75	39.	Кубанск. об. 48	61.	Амурск. об. 26
18.	Пермская . . 75	40.	Виленская . 47	62.	Архангельск. 26
19.	Владимірск. 73	41.	Бакинская . 45	63.	Люблинская . 26
20.	Тульская . . 73	42.	Казанская . 45	64.	Тобольская. 26
21.	С.-Петербур. . 69	43.	Терская об. 45	65.	Енисейская . 25
22.	Смоленская. 69	44.	Калужская . 44	66.	Эстляндская 24

67. Пюцкая .	22	78. Семирѣч. об.	16	89. С.-Михельск.	4
68. Радомская .	21	79. Карсская об.	15	90. Бѣлецкая .	3
69. Сувальская .	19	80. Дагест. обл.	14	91. Тургайск. об.	2
70. Эриванская .	19	81. Петроковск.	14	92. Абобьернеборг.	2
71. Курляндск.	19	82. Съдлецкая .	13	93. Вазаская .	1
72. Самарь. об.	18	83. Ферганская .	13	94. Тавастгусск.	1
73. Нюландская	17	84. Калишская .	12	95. Улеаборгск.	1
74. Ставропол. .	17	85. Черном. окр.	9		
75. Елисаветпол.	17	86. Выборгская.	8		4.823
76. Олонецкая .	16	87. Якутск. об.	8		
77. Семинал. об.	16	88. Уральск. об.	7		

II. Въ С.-Петербургѣ 1.324

III. Въ Москвѣ 521

IV. За границей 166

Всего: экз. 6.834

А. Хомиковскій

Управл. конторою журнала.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

въ 1894 году.

Аксакова, О. П., сообщ.—Изъ переписки И. С. Тургенева съ семейю Аксаковыхъ (январь, 329; февраль, 469).

Альбицкий, П. М.—Жизнь и медицина (май, 196).

Анухтинъ, А.—Посмертное стихотворение (апрель, 798).

Арсеньевъ, К. К.—Е. И. Утинъ, некрол. (сентябрь, 432).

Б., Лидія. — Стихотворение (июнь, 709).

Баратынский, Е. А.—Два неизданныхъ стихотворения (мартъ, 437).

Б—г—, А. — Дни испытаній, Поля Маргарита (мартъ, 243; апрель, 684; май, 216; июнь, 648).—Неизданный романъ, Эд. Фильпотса (июнь, 759). Въ чадѣ любви, съ нѣм. (іюль, 199; августъ, 648).—Заложникъ, съ англ. (сентябрь, 192; октябрь, 696; ноябрь, 159; декабрь, 686).

Б., М.—Изъ командировки на эпидемію въ 1892 г. (августъ, 698).

Безродная, Юл.—Съ улицы, разск. (май, 255).

Бирюковичъ, В.—По поводу питейной монополіи (апрель, 800).—Упованія и сомнѣнія (июнь, 791).

Бл.—Ехселиоръ, стих. (июнь, 790).

Благовѣщенскій, Н. — Крестьянское населеніе земской Россіи (августъ, 828).

Боборыкинъ, П. Д.—Перевалъ (январь, 45; февраль, 539; мартъ, 5; апрель, 508; май, 44; июнь, 458).

Брикеръ, А.—Императрица Екатерина I (январь, 121; февраль, 615).

Будичъ, П. Н.—Былъ ли В. И. Григоровичъ въ Римѣ въ 1840—41 гг.? (августъ, 895).

Бунинъ, Н.—Стих. изъ Адама Асыка (июнь, 645).

Весселовскій, Юрій.—Пѣснь Вардана Мамиконяна, изъ Патканяна (февраль, 706).

Волконскій, кн. С. М.—Старый медальонъ, разск. (декабрь, 561).

Волконскій, кн. Ал. М.—Отъ новаго Маргелана до границы Бухары (іюль, 98).

Гербановскій, М.—Изъ польскихъ поэтовъ (январь, 289).—Безъ крова, изъ М. Ковопницкой, съ польск. (мартъ, 340).

Герье, В. М. — Ипполитъ Тэнъ въ исторіи якобинцевъ (сентябрь, 142; октябрь, 525; ноябрь, 117; декабрь, 525).

Головачевъ, Д. М.—Переселенцы въ 1893 г. (май, 347).

Голубевъ, П.—Подать и недоимка (окт., 796).

Горбовъ, Н.—По поводу засѣданія московскаго губернскаго земскаго собранія 10 іюня (авг., 854).

Дмитріева, В.—Весеннія иллюзіи (іл., 36; авг., 528; сент., 93; окт., 618; ноябр., 5).

Долво-Добровольскій, А.—На островахъ св. Елены (дек. 603).

Дружковъ-Соколинскій, кн. Д.—De profundis (январь, 382).

Евнатъевскій, С.—Гекторъ, разсказъ (мартъ, 145).

Жемчужниковъ, А. М.—Письмо къ молодому другу о ничтожности (январь, 42).—Глухая ночь (мартъ, 203).—Мечты (іюнь, 617).—Лѣтній зной (дек., 685).

Ивантъевъ, П.—За уральскимъ бобромъ. Путешествіе въ страну вогуловъ (іюнь, 538).

Каренинъ, Влад.—Жоржъ-Зандъ и ея біографы (май, 155).

Карѣвъ, П. И.—Экономическій матеріализмъ въ исторіи (іл., 5; авг., 583; сент., 249).

Ковалевскій, Макс.—Кондорсъ (мартъ, 99; апр., 469).

Колтоновскій, А.—Изъ Ковопницкой, съ польск., стих. (іл., 139).

Коростовецъ, И.—Театръ и музыка въ Китаѣ (іюнь, 594).

Кочубинскій, А. А.—Графъ Сперанскій и университетскій уставъ 1835 года (апр., 655; май, 5).

Мартенсъ, Ф. Ф.—Россія и Англія въ началѣ XIX-го столѣтія (окт., 653; нояб., 186).

Мартовъ, Вл.—Стихотворенія: I. Современный Фаустъ. II. Моей незнакомкѣ (май, 250).—I. Предъ грозой. II. Опять. III. Гдѣ? (окт. 739).

Михайлова Ф. Н.—Изъ Армана Сильвестра, I—II (февр., 725).—Изъ „Odes et Ballades“, В. Гюго, I—III (мартъ,

365).—Изъ Теофіля Готье, I—V (май, 191).—Варианціи на „Carnaval de Venise“, Т. Готье (авг., 806).—Изъ Х. М. де-ЭрEDIA. Средневѣковые сонеты. Изъ венгерскихъ поэтовъ (окт., 790).

О.—Обороты и операціи казны въ 1892 г., по отчету государственнаго контроля (январь, 315).—Государственная роспись на 1894 г. (февр., 829).—Сахарная операція казны въ 1892 г. (мартъ, 368).—По исполненію государственной росписи на 1893 г. (май, 383).—Исполненіе государственной росписи на 1893 г. (дек., 818).

П.—Объясненіе: Былъ ли В. И. Григоровичъ въ Римѣ въ 1840—41 гг.? (окт., 873).

Петровскій, А.—Хитровъ-рынокъ и его обитатели (іюнь, 579).

Птицынъ, В.—Тамиръ, русская община на границахъ Монголіи (дек., 669).

Пыпинъ, А. Н.—Новая эпоха, изъ исторіи средневѣковой русской литературы (январь, 246).—Н. С. Тихонравовъ, некрол. (январь, 446). Древнее просвѣщеніе (февр., 750).—Легенды и апокрифы въ древней русской письменности (мартъ, 291).—Древняя повѣсть (апр., 738).—Вопросы древнерусской письменности (іюнь, 712; іл., 343).—Н. М. Ядринцевъ, некрол. (іл., 445).—Итоги стараго московскаго царства (авг., 760).—Исправленіе книгъ и начало раскола (сент., 278).—Послѣднія времена московской Россіи (окт., 741; нояб. 273).—Начатки новаго движенія: литература временъ Петра В. (дек., 732).

Р.—Петербургское городское общественное управленіе по „Гражданину“ (авг., 851).

Радловъ, Э. Л.—Новая книга объ эстетикѣ (апр., 881).

Саккетти, Л.—Задачи эстетики въ общихъ чертахъ (февр., 730).

С-кій, П.—По поводу квартирнаго налога (нояб., 866).

С., Л.—Некультурность и капитализмъ (дек., 875).

Сланская, Е.—По визитамъ (мартъ, 204).

Слонимскій, Л. З.—Соціальный вопросъ и ученые юристы (январь, 303).—Новые споры объ общинѣ (мартъ, 343).—Экономическія недоразумѣнія (іюнь, 772; іл., 369).—Поземельныя задачи (авг., 810; сент., 328).—Хозяйственные вопросы (нояб., 326).

Соловьевъ, Вл. С.—Съ новымъ годомъ, стих. (январь, 5).—Первый шагъ къ положительной эстетикѣ (январь, 294).—Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ (февр., 906).—Францискъ Рачкій, некр. (мартъ, 416).—Ф. М. Дмитріевъ, некр. (мартъ, 453).—Споръ о справедливости (апр., 785).—Буддійское настроеніе въ поэзіи (май, 329; іюнь, 687).—Конецъ спора (іл., 286).—I. Монрепо. II. Сайма въ бурю, стих. (нояб., 224).—Нравственная философія, какъ самостоятельная наука (нояб., 345).—I. У Саймы въ полдень. II. Последняя любовь (дек., 629).—Нравственные основы общества (дек., 802).—А. М. Ивановъ—Платоновъ, некр. (дек., 893).

Спасовичъ, В. Д.—Дружба Шиллера и Гёте (февр., 672; мартъ, 166; апр., 611).

Стаховичъ, Нат.—Начало конца, этюдъ (дек., 631).

Струве, П.—Нѣмцы въ Австріи и крестьянство (февр., 796).

Сѣверовъ, Н.—Какъ женился дядя Мартынъ, рассказъ (іюнь, 619).

Тверской, П. А.—Моя жизнь въ Америкѣ (январь, 6).—Рабочій вопросъ въ С.-Ам. Штатахъ (окт., 570; нояб., 41).

Тихомировъ, Влад.—Синтануръ (авг., 461).

Тихомировъ, Н. С.—И. С. Тургеневъ въ московскомъ университетѣ (февр., 708).

Толстой, гр. А. К.—Неизданное стихотвореніе (май, 154).

Трубецкой, кн. С.—Противорѣчія нашей культуры (авг. 510).

Тулубъ, П.—Море, стих. (іюнь, 453).

Фаминицынъ, С. А.—Ближайшія задачи біологіи (май, 132).

Хитрово, М. А.—Японскіе мотивы: I. Дарума. II. Къ портрету Дарумы (дек., 781).

Ц—въ, Д.—Леночка (сент. 5; окт., 480).

Черевковъ, В.—Изъ новѣйшей исторіи Японіи (нояб., 227; дек., 477).

Ш—ва, А.—Картинки съ натуры. Изъ памятной книжки дѣтскаго врача (январь, 149).

Шенрокъ, В. И.—Н. В. Гоголь (іл., 146; авг., 611; сент., 55; окт., 453).

Э. А.—Потребители воды, Г. Мюрге, съ франц. (январь, 209; февр., 547).

Энгельгардтъ, Н. А.—Березовый сокъ, стих. (февр., 795).

Яковенко, В.—Съ книгами по армаркамъ (сент., 401).

Янжулъ, Ек. Н.—Вліяніе грамотности на производительность труда въ Америкѣ (нояб., 451).

Янжулъ, Н. И.—Американская ежедневная пресса, ея обычай и нравы (февр., 500).

Яр., Р.—Всеобщее голосованіе и русины въ Австріи (апр., 853).

Ю., Ю.—По поводу паспортнаго устава (авг., 859).

З.—Торжество миролюбія (дек., 783).

Хроника.

I. Внутреннее Обзорѣніе. — Характеристика минувшаго года. — Законопроектъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и объ ограниченіи досрочнаго выкупа. — Главные аргументы противъ неотчуждаемости; желательныя ея предѣлы. — Ст. 166 Положенія о выкупѣ. — Порядокъ пересмотра постановленій о порядкѣ пользованія и распоряженія надѣлами. — Неизрѣченное событіе (Январь, 365). — Министерство юстиціи при Н. А. Манассеинѣ. Рѣчь новаго управляющаго министерствомъ юстиціи. — Элементы судебный и судебно-административный въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по закону 12-го іюля 1889 г. — Административныя распоряженія въ Одессѣ (С.-Петербургъ и Англія) (Февраль, 847). — Земство и продовольственное дѣло. — Продовольственныя ссуды или безвозвратныя пособія? — Замѣчанія губернской администраціи на земскія смѣты и раскладки. — Можно ли считать земскія учрежденія „низшими“, подчиненными органами административной власти? — Приближеніе конца таможенной войны (Мартъ, 386). — Законопроектъ о срочнозаповѣдныхъ имѣніяхъ. — Размѣръ срочнозаповѣдныхъ имѣній, порядокъ наследованія въ нихъ, обязанности владѣльцевъ, предѣлы задолженности имѣній. — Законъ 7-го февраля объ отсрочкѣ и разсрочкѣ недоимокъ. — Отношеніе губернскаго земства къ уѣздамъ. — Необычайное самоотверженіе (Апрѣль, 823). — Помолвка Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича. — Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. — Протесты губернаторовъ на постановленія земскихъ собраній. — Что можетъ считаться явнымъ нарушеніемъ интересовъ мѣстнаго населенія? — Новыя законы объ училищныхъ совѣтахъ и о фабричной инспекціи. — Учрежденіе комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части (Май, 361). — Кончина Е. И. В. вел. княгини Елѣтерины Михайловны. — Административно-карательная власть земскихъ начальниковъ, въ связи съ законностью ихъ требованій и распоряженій. — Принадлежитъ ли земскимъ начальникамъ право издавать

„мѣстные указы“? — Порядокъ отбыванія окончательныхъ постановленій земскаго начальника. — Дисциплинарная власть его надъ должностными лицами крестьянскаго управленія (Іюнь, 809). — Отчетъ обер-прокурора св. синода за 1890 и 1891 г. — Ретроспективный взглядъ на проектъ реформы церковнаго суда. — Вліяніе закона 3-го мая 1883 г. на настроеніе раскольниковъ и положеніе раскола. — Причины устойчивости раскола. — Расколъ и школа. — Предполагаемыя мѣры противъ сектантства. — Борьба съ католическою пропагандой. — Два отрадныхъ извѣстія. — Рѣчь министра юстиціи при открытіи комиссіи по пересмотру узаконеній о судебной части. — Возстановленіе инспекторской части гражданскаго вѣдомства (Іюль, 388). — Крестьянское населеніе земской Россіи. Н. Благовѣщенскаго (Августъ, 828). — Бракосочетаніе Е. И. В. вел. кн. Ксеніи Александровны. — Гласность процесса у насъ и во Франціи. — Судъ присяжныхъ и французскій законъ объ анархистахъ. — Присяга присяжныхъ заседателей. — Дальѣйшее распространеніе новыхъ судебно-административныхъ порядковъ. — Нѣчто о законности. — Сельскіе рабочіе. — Льготы по образованію при отбываніи воинской повинности (Сентябрь, 348). — Задача „отдѣла мѣстныхъ учреждений“ въ комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. — Различныя способы объединенія „мѣстной юстиціи“ и разграниченія вѣдомствъ министерства юстиціи и министерства внутреннихъ дѣлъ. — Совмѣстима ли должность земскаго начальника съ другими званіями? — Земскіе начальники и крестьянское хозяйство. — Новый законъ о надзорѣ за страховыми учрежденіями (Октябрь, 818). — Волѣнъ Государя Императора. — Пересмотръ положеній 19 февраля 1861 г. — Нижніи губернскія совѣщанія, въ сравненіи съ прежними губернскими комитетами. — Составъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. — Избраніе или назначеніе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія. — Новый уставъ лечебныхъ заведеній. — Земство и губернскіе сельско-хозяйственные комитеты. — Земскій на-

чальникъ и предводитель дворянства родомъ изъ (Ноябрь, 378).—Вракоосочетаніе Государя Императора.—Милостивый манифестъ 14 ноября.—Положеніе дѣлъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ.—Главнѣйшія мѣры прошлаго царствованія.—Русскій народъ и русское общество въ настоящее время на рубежѣ двухъ эпохъ (Декабрь, 835).

II. Иностранное Обозрѣніе.—Главнѣйшія событія истекшаго года.—Франко-русское сближеніе.—Внутреннія дѣла во Франціи и борьба съ динамитчиками.—Политическія перемѣны въ Германіи, Австріи, Англіи, Италіи, Сербіи и Болгаріи (Январь, 405).—Новыя политическія перемѣны въ Сербіи.—Недостатокъ свѣдѣній о балканскихъ дѣлахъ въ нашей печати.—Сербія и Болгарія.—Примиреніе Вильгельма II съ княземъ Бисмаркомъ.—Положеніе дѣлъ въ Германіи и Италіи (Февраль, 864).—Экономическій миръ съ Германіею.—Отношеніе къ русско-германскому торговому трактату у немцевъ и у насъ.—Разногласія и перемѣны въ отенкахъ нашей печати.—Подъемъ и упадокъ промышленнаго патриотизма.—Два мнѣнія о причинахъ вооруженій въ Европѣ (Мартъ, 402).—Гладстонъ, его жизнь и дѣятельность.—Новый англійскій премьеръ.—Аристократія и демократическія идеи.—Смерть Кошута (Апрѣль, 842).—Причины бездѣльных вооруженій.—Двойственность въ международной политикѣ.—Борьба изъ-за военныхъ расходовъ въ разныхъ странахъ.—Положеніе того же вопроса въ Германіи и Италіи.—Сессія германскаго имперскаго сейма (Май, 399).—Внутренняя политика во Франціи.—Казиміръ Перье, его предшественники и вѣроятные преемники.—Причины недолговѣчности министерствъ.—Международный конгрессъ горнорабочихъ въ Берлинѣ.—Проектъ Жюля Гедэ во французской палатѣ.—Новое министерство Дюпи и его программа.—Государственные перевороты въ Сербіи.—Паденіе Стамбулова и успѣхи принца Фердинанда (Іюнь, 827).—Убіиство Карно.—Жизнь и дѣятельность покойнаго президента.—Президентскіе выборы въ Версали.—Казиміръ Перье.—Борьба съ анархистами и динамитчиками (Іюль, 411).—Внутренняя политика во Франціи.—Правительственные проекты и парламентская оппозиція.—Недоразумѣнія по поводу новаго закона объ анархистахъ.—Замѣчанія и выводы „Московскихъ Вѣдомостей“.—Болгарскія дѣла и русскіе корреспонденты (Августъ, 866).—Современные международные вопросы.—Недавнія событія и перемѣны въ Сербіи.—Политиче-

скія дѣла Болгаріи.—Стамбуловскій режимъ и его послѣдствія.—Болгарское общественное мнѣніе.—Школьное дѣло и печать въ княжествѣ.—Вопросъ о русско-болгарскомъ сближеніи.—Странныя требованія нѣкоторыхъ газетъ.—Японско-китайская война и ея значеніе (Сентябрь, 367).—Японскія побѣды и ихъ значеніе.—Самобитныя черты китайскаго могущества.—Военные опыты для европейцевъ.—Политическія особенности Японіи.—Западно-европейскія дѣла: смерть графа Парижскаго, рѣчи князя Бисмарка (Октябрь, 839).—Отставка графа Каприви и ея значеніе.—Новый германскій канцлеръ.—Бельгійская избирательная реформа и ея результаты.—Письмо въ редакцію изъ Вѣлграда о сербскихъ дѣлахъ (Ноябрь, 400).—Разсужденія и выводы иностранцевъ о русской политикѣ.—Похвалы нашему миролюбію.—Преимущества свободы дѣйствій передъ системою союзовъ.—Циркулярная нота нашего министра иностранныхъ дѣлъ.—Новыя идеи старыхъ славянофиловъ.—Соображенія В. И. Ламанскаго о внѣшнихъ дѣлахъ.—Старые газетные патріоты и ихъ софизмы (Декабрь, 854).

III. Литературное Обозрѣніе.—В. Короленко, въ годичный годъ.—И. П. Срезневскаго, Матеріалы для словаря древнерусскаго языка. Т. I.—В. Н. Перетцъ, Современная русская народная пѣсня.—А. Шаховъ, Очерки литературнаго движенія въ первой половинѣ XIX в.—А. В.—Новыя книги и брошюры. (Январь, 418).—Этюды и характеристика, Алексѣя Веселовскаго.—Изученіе античнаго міра, проф. О. Г. Мищенко.—Исторія канонизація русскихъ святыхъ, В. Васильева.—Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія с.-з. края, П. В. Шейна.—А. В.—Новыя книги и брошюры. (Февраль, 876).—Замѣтки о современной литературѣ, 1856—1862 гг. Изд. М. Н. Чернышевскаго.—Бездѣльный трудъ, „недѣланіе“ или „дѣло“. В. А. Коженикова.—„Землеустройство“, кн. 1, п. р. Д. Н. Анучина.—Травинныя степи сѣвернаго полушарія, А. Н. Краснова. Изв. изд. общ. люб. естествознанія, вып. 1.—А. В.—Пособіе къ практическому изученію французскаго языка, состав. М. Вобрицева-Пушкина.—Р.—Новыя книги и брошюры. (Мартъ, 419).—Письма и бумаги Петра В., т. III.—Пѣсни русскаго народа, собраны въ губ. Архангельской и Олонецкой.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Варукова, кн. VIII.—А. В.—Вырожденіе, М. Нордау.—Т.—Восточные мотивы, стих. В. Величко.—Второй сборникъ стихотвореній В. Величко.—К. А.—

Новыя книги и брошюры (*Апрѣль*, 858). —Русскія былинны старыя и новой записи, п. р. Н. Тихонравова и В. Миллера.—Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. IV.—Сочиненія Петра Хельцицкаго, Ю. Анненкова.—Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи, вып. 1. П. Ферлюдина.—А. В.—Новыя книги и брошюры (*Май*, 410). — Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ.—По бѣлу сѣту, Гр. Де-Волланъ, ч. I.—Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1881 г., А. Слезинскаго.—П. В. Постниковъ, монографія Е. Шмура.—Т.—Новыя книги и брошюры (*Юнь*, 841). Семеновъ, Крестьянскіе рассказы. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого.—„Историческое Обзорѣніе“.—Собраніе сочиненій М. С. Куторги, томъ первый.—Т.—Новыя книги и брошюры (*Юль*, 423).—И. А. Саловъ. Суета мірская. Очерки и рассказы.—Македонско-славянской сборникъ, съ прилож. словаря. Составилъ П. Драгановъ. Вып. I.—Русская поэзія. Издается п. р. С. А. Венгера. Вып. IV.—Т.—Русскіе символисты. Вып. I. Валерій Брюсовъ и А. Л. Миропольскій.—Вл. С.—Новыя книги и брошюры (*Августъ*, 880).—Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ шести томахъ.—Д. И. Писаревъ, его жизнь и литературная дѣятельность, Евг. Соловьева.—Т.—Празднованіе Имп. Казанскимъ университетомъ столѣтней годовщины для рожденія Н. И. Лобачевского.—А. В.—Путешествіе на Востокъ Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, 1890—1891. Авторъ-издатель кн. Ѳ. Ѳ. Ухтомскій. Части 1—3.—Вл. С. Новыя книги и брошюры (*Сентябрь*, 382).—Переселенцы и новыя мѣста, путевныя замѣтки, Дѣдова.—Материалы для полнаго собранія сочиненій Фонвизина, Н. С. Тихонравова.—С. М. Соловьевъ, его жизнь и учено-литературная дѣятельность, П. В. Безобразова.—Т.—Славянское Обзорѣніе. Сборникъ статей по славяновѣденію, п. р. И. С. Пальмова.—Что дѣлають дворяне и что имъ слѣдовало бы дѣлать?—Л. С.—Новыя книги и брошюры (*Октябрь*, 851).—Собраніе сочиненій В. В. Стасова, три тома, и рисунки къ нему.—Н. Майковъ, Историко-литературныя очерки.—В. И. Семеновъ, Забытый путь изъ Европы въ Сибирь.—Стихотворенія А. Н. Плещеева, 2-е изд.—Т.—А. П. Федорова, Данте Алигieri: Обновленная жизнь: Вожественная Комедія—Адъ, Чистилище и Рай.—А. С.—Новыя книги и брошюры (*Ноябрь*, 415).—Изъ эпохи великихъ реформъ, Гр. Джаншьева.—А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ, его же.—Библиотека и архивъ московскихъ государей въ XVI ст., Н. Лахачева.—Т.—

Новыя книги и брошюры (*Декабрь* 865).

IV.—Новости иностранной литературы.—I. Le Tolstoisme, par F. Schröder.—Л. С.—II. Le théâtre d'hier, par H. Parigot.—III. Villiers de L'Isle Adam, par Pontavice de Heysey.—3. B. (*Январь*, 434).—I. P. Sabatier, Vie de St. François d'Assise.—II. F. Brunetière, Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française.—3. B. (*Февраль*, 894).—I. J. Milsand, Littérature anglaise et philosophie.—II. J. Weisse, A propos du théâtre.—III. Fr. v. Reber, Geschichte der Malerei.—3. B. (*Мартъ*, 139).—I. H. Amic, George-Sand. Mes souvenirs.—II. J. F. Brunetière, L'évolution de la poésie lyrique en France au XIX a.—III. P. Loti, Oeuvres complètes, t. I.—3. B. (*Апрѣль*, 891).—I. G. Brandes, Menschen und Werke. Essays.—II. J. Lemaitre. Myrrha, Vierge et Martyre.—III. P. Gille. La Bataille littéraire. Cinquième série.—3. B. (*Май*, 426).—I. H. Taine, Derniers essais de critique et d'histoire.—II. Em. Faguet, Seizième siècle.—III. René Doumic, Ecrivains d'aujourd'hui.—3. B. (*Юнь*, 859).—I. Larroumet, Nouvelles études de littérature.—II. Filon, Merimée et ses amis.—3. B. (*Юль*, 433).—I. A. de Lamartine. Philosophie et Littérature.—II. H. Beyle (Stendhal). Lucien Leuwen. Oeuvre posthume etc.—3. B. (*Августъ*, 900).—I. Ginisty. L'Année Littéraire.—II. Journal des Goncourt. Tome 7-me.—3. B. (*Сентябрь*, 419).—I. Weiss, Le drame historique et le drame passionnel.—II. Annie Besant. Autobiography.—3. B. (*Октябрь*, 875).—I. R. Kipling, The Jungle Book.—II. St. Brooke, Tennyson, his art and relation to modern life.—3. B. (*Ноябрь*, 131).—I. G. Deschamps, La Vie et les Livres.—II. L. Bernardini, La littérature Scandinave.—III. G. Pellissier, Nouveaux essais de littérature contemporaine.—3. B. (*Декабрь*, 883).

V. Изъ Общественной Хроникѣ.—Свобода личности и гражданская свобода.—Общество „разумно-разслоенное“ и общество не сознающее своего разслоенія.—Что такое „старый историческій типъ“?—Сюрпризы, встрѣчающіеся иногда въ нашей печати (*Январь*, 455).—Церковно-приходскія школы въ ю.-в. краѣ.—Дѣти штундистовъ въ начальной школѣ.—Ультра-націонализмъ, волостныя школы въ остзейскомъ краѣ и финляндскій сеймъ.—† А. М. Унковскій и Гайдебуровъ (*Февраль*, 917).—75-лѣтіе слб. университета.—Четверть вѣка тому назадъ и теперь.—Новое нападеніе на литературный

фондъ.—Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ (*Мартъ, 455*).—Заключительное слово къ полемикѣ о свободахъ.—Проектъ новой организаціи городского общественного призрѣнія въ Москвѣ.—Сравненіе его съ проектомъ, составленнымъ въ комиссіи ст.-секретаря К. К. Грота.—Еще о литературномъ фондѣ.—Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на спб. высшихъ женскихъ курсахъ (*Апрѣль, 903*).—„Состояніе журналистовъ“, какъ объектъ современнаго проектированія.—Возможна ли и желательна ли его организація?—Отчетъ общества вспоможенія студентамъ с.-петербургскаго университета.—Юбилей А. М. Скабичевскаго и рѣчь В. Д. Спасовича.—Открытіе памятника имп. Александру II въ Гельсингфорсѣ (*Май, 438*).—Исторія одной школы и одного школьнаго района.—Школа-мать и школы-дочери, какъ нормальный типъ развитія школьнаго дѣла.—Независимость суда и „парти“.—Официальность, какъ синонимъ объективности и безпристрастія.—Еще объ одной профессорской рѣчи.—Юбилей П. Н. Обнинскаго (*Іюнь, 873*).—Новыя правила объ офицерскихъ дуэляхъ.—Существуетъ ли какое-либо различіе между этими дуэлями и всѣми другими?—Предѣлы вѣдомства офицерскаго суда.—Громкія уголовныя дѣла и отношеніе къ нимъ ежедневной печати.—По поводу письма г. Тихомирова редактору журнала (*Іюль, 449*).—Дѣло сельскаго народнаго образованія 30 лѣтъ тому назадъ и сегодня.—Школы министерства государственныхъ имуществъ и церковно-приходскія того времени, ихъ численность и качество.—Пригѣръ полтавской губерніи.—Школьная статистика московскаго земства; образцовое изслѣдованіе двухъ ея уѣздовъ, и практическіе его результаты.—Н. П. Колупановъ и Н. М. Астиревъ †. (*Августъ, 912*).—Наступилъ ли „добрый часъ“ общей, дружной работы всѣхъ видовъ начальной школы?—Еще объ офицерскихъ дуэляхъ.—Процессъ Ваготурова.—Городское самоуправленіе въ пермской губерніи.—Литературный фондъ.—Журналы и газеты. (*Сентябрь, 437*).—„Балтійствующая злобная сила“, „последній оплотъ польщизны“ и финляндскія праздничныя рѣчи, какъ объектъ усердія не по разуму.—Молная эпидемія.—Процессъ Горшеніна.—Еще два слова о судебной гласности.—Погребеніе Е. И. Утина и надгробное слово В. Д. Спасовича (*Октябрь, 889*).—Высочайшіе манифесты 20 и 21 октября о кончинѣ Государя Императора Александра III, о вступленіи на престолъ Государя Императора Николая Александровича, и о св. миропомазаніи Е. И. В.

Государяни Великой Княгини Александры Теодоровны.—Положеніе о женскомъ медицинскомъ институтѣ въ г. Петербургѣ.—Пожертвованіе И. М. Сибирякова.—Вопросъ о платѣ за леченіе и за ученіе.—Раскольническій бракъ и двоеженство. (*Ноябрь, 461*).—Петербургъ въ первой половинѣ ноября.—Рѣчь проф. В. И. Ламанскаго въ славянскомъ обществѣ.—Манифестъ 26-го октября по дѣламъ финляндскимъ.—Дѣло „Владимира“ въ Одессѣ и приказы спб. градоначальника.—Официозная газета.—Замѣчательное опредѣленіе сената.—А. Г. Рубинштейнъ и Ф. Н. Корольевъ †. (*Декабрь, 895*).

VI. Библиографическій Листовъ.—Начала политической экономіи, А. А. Исаева.—Общинное владѣніе въ Россіи, Ап. А. Карелина.—Восьмичасовой рабочий день, С. Веббе и Х. Ковса.—Исторія одного маленькаго человѣка, М. Гранстремъ.—Два героя по Фалькенборгсу.—Столѣтіе открытія, по Шотту и др., Э. Гранстремъ (*Январь*).—Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, К. Д. Ушинскаго, 8-е изд.—Сочиненія В. Д. Спасовича, т. V и VI.—Пятьдесятъ лѣтъ въ Австраліи, Г. Паркса.—Второй сборникъ стихотвореній В. Л. Величко.—Стальная блоха, Н. С. Лѣскова (*Февраль*).—Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, въ трехъ томахъ.—Крушеніе монархіи во Франціи, Н. Л. Любимова.—Крестьянское землепользованіе и хозяйствѣ въ тобольской и томской губерніяхъ (*Мартъ*).—Сборникъ правовѣденія и общественныхъ знаній, т. II.—Святая Земля и Библія, д-ра Гейки, вып. 12.—По блгу свѣту, д-ра А. В. Елисѣева.—Исторія новой философіи, Фалькенберга, перев. п. р. А. И. Введенскаго.—Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. XI (*Апрѣль*).—Исторія и теорія статистики, Л. В. Федоровича.—Е. Дюрингъ, Цѣнность жизни, перев. Ю. Антоновскаго.—Собраніе сочиненій В. В. Стасова, т. I и II.—Сельско-хозяйственная статистика Европ. Россіи, А. Фортунатова.—Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность, П. Георгіевскаго.—Замѣтки объ общественномъ призрѣніи.—Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, вып. 22 (*Май*).—Основы государственнаго хозяйства, Л. В. Ходскаго.—Перковъ и государство въ Женевѣ XVI в. Р. Виппера.—Государственное хозяйство Швеціи, Эд. Берендтса.—Военныя дѣйствія въ ц. польскомъ въ 1863 г., О. Гескета.—Материалы для изученія эконом. быта госуд. крестьянъ, вып. XXI.—Исторія русской словесности, А. И. Невзалева, ч. II (*Іюнь*).—Промышленныя кри-

зися въ современной Англіи, ихъ причини и вліяніе на народную жизнь. М. И. Туганъ-Барановскаго.—Указъ и законъ. Н. М. Коркунова.—Государственное хозяйство Швеціи. Эдуарда Берендтса (Іюль).—Стратегія въ эпоху Наполеона I и въ наше время. Капитана Мартінова.—Баронъ М. Таубе. Исторія зарожденія современнаго международнаго права. Средніе вѣка. Т. I.—Настольный Энциклопедическій словарь. Т. VI (Муромъ-Побѣдоносцевъ). Изданіе А. Граната и К°, бывшее—А. Гарбеля и К°.—Русское государственное право. Т. I. проф. Н. О. Куплевскаго (Августъ).—Бесѣды съ дѣтьми о природѣ, Арабеллы Бёрлей—Исторія германскаго народа, К. Лампрехта, т. I, ч. 1 и 2.—Рѣчь государственнаго обвинителя въ уголовномъ судѣ, А. Левенстима.—Законъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ, состав. М. П. Шафиръ (Сентябрь).—Рыболовство и законодательство, В. И. Вешнякова.—Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. 8-е изд. Н. С. Таганцева.—Изъ эпохи великихъ реформъ, 5-е изданіе Гр. Джаншіева.—Унковскій, А. М., и освобожденіе крестьянъ, его же.

—Настольный энциклопедическій словарь, вып. 79 и 80 (Октябрь).—Финляндія въ XIX столѣтіи, и. р. З. Топелиуса.—Къ вопросу о будущемъ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, В. Палаузова.—Сборникъ правовѣденія и обществ. знаній, т. III.—Краткое изложеніе политической экономіи, А. Карелина.—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, Д. Мореза.—Собраніе повѣстей и разсказовъ О. Стули.—Сочиненія А. Луговаго, три тома (Ноябрь).—Л. Сазоновъ, Ростовщичество-кулачество.—Е. Водовозова, Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ.—Витковскій, За океанъ.—Ж. Коломбъ, Дѣдушкина внучка.—К. Покровский, Путеводитель по небу.—В. Бакинъ, Русскіе композиторы: П. И. Чайковский (Декабрь).

VII. Навѣщенія.—Отъ Главной Физической Обсерваторіи. (Январь, 467).—Отъ Спб. Комитета Грамотности (Мартъ, 467; май, 452; авг. 922; окт. 905).—Отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Іюнь, 888; дек. 910).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

НОВЯБРЬ — ДЕКАВРЬ 1894.

Книга одинадцатая. — Ноябрь.

	СТР.
Весеннія иллюзиі.—Повѣсть.—XXVI-XXIX.—Окончаніе.—В. ДМИТРИЕВОЙ	5
Равочій вопросъ въ Сѣверо-Американскихъ Соед.-Штатахъ.—XI-XIV.—Окончаніе.—П. А. ТВЕРСКОГО	41
Исполить Тѣнь въ исторіи яковинцевъ.—III.—В. И. ГЕРБЕ	117
Заложникъ.—The Bondman, by Hall Caine.—XXII-XXV.—А. В-Г	159
Россия и Англія въ началѣ XIX-го столѣтія.—IV.—Ө. Ө. МАРТЕНСА	186
Стихотворенія.—Монрено.—Сайма въ вурѣ.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	224
Изъ новѣйшей исторіи Японіи.—1854-1894 г.—I-VIII.—В. ЧЕРЕВКОВА	237
Послѣднія времена московской Россіи.—II. Сильвестръ Мехвѣдѣвъ и латинская часть. ПАТРИАРХЪ Іоакимъ. Св. ДИМИТРІЙ РОСТОВСКІЙ.—А. Н. ПЫПИНА	278
Стихотворенія.—I-II.—Л. МЕДВѢДЕВА	324
Хозяйственные вопросы.—I-II.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	326
Нравственная философія, какъ самостоятельная наука.—I-V.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	345
Хроника.—По поводу квартирнаго налога.—П. С.—КІЙ	366
Внутренніе Овозрѣнія.—Болѣзнъ Государя Императора.—Пересмотръ положеній 19 февраля 1861 г.—Нынѣшнія губернскія собѣщанія, въ сравненіи съ прежними губернскими комитетами.—Составъ сельскихъ и волостныхъ сходствъ.—Избраніе или назначеніе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія.—Новый уставъ лечебныхъ заведеній.—Земство и губернскіе селско-хозяйственные комитеты.—Земскій начальникъ и предводитель дворянства рго домо шва	378
Иностранное Овозрѣніе.—Отставка графа Каприви и ея значеніе.—Новый германскій канцлеръ.—Бельгійская избирательная реформа и ея результаты.—Письмо въ редакцію изъ Бѣлграда о сербскихъ дѣлахъ	400
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Собраніе сочиненій В. В. Стасова, три тома, и рисунки къ нему.—Н. Майковъ, Историко-литературные очерки.—В. И. Семеновъ, Забытый путь изъ Европы въ Сибирь.—Стихотворенія А. Н. Плещеева, 2-е изд.—Т.—А. П. Федорова, Данте Алигьери: Обновленная жизнь; Божественная Комедія —Адъ, Чистилище и Рай.—А. С.—Новыя книги и брошюры	415
Новости Иностранной Литературы — I. R. Kipling, The Jungle Book.—II. St. Brooke, Tennyson, his art and relation to modern life.—3. В.	434
Замѣтка.—Вліяніе грамотности на производительность труда въ Америкѣ.—По официальнымъ документамъ.—ЕК. Н. ЯНЖУЛЬ	451
Изъ Общественной Хроникѣ.—Высочайшіе манифесты 20 и 21 октября о кончинѣ Государя Императора Александра III, о вступленіи на престолъ Государя Императора Николая Александровича, и о св. миропомазаніи Е. И. В. Государини Великой Княгини Александры Феодоровны.—Положеніе о женскомъ медицинскомъ институтѣ въ г. Петербургѣ.—Пожертвованіе И. М. Сибирякова.—Вопросъ о платѣ за леченіе и за ученіе.—Раскольничій бракъ и двоеженство	461
Библиографическій Листокъ.—Финляндія въ XIX столѣтіи, п. р. З. Топелиуса.—Къ вопросу о будущемъ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, В. Палаузова.—Сборникъ правовѣденія и обществ. знаній, т. III.—Краткое изложеніе политической экономіи, А. Карелина.—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, Д. Морева.—Собраніе повѣстей и разсказовъ Ө. Стулли.—Сочиненія А. Лугового, три тома.	
Объявленія.—I-XVI стр.	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

	стр.
Изъ новѣйшей исторіи Японіи. — 1854-1894 г. — IX-XVII. — Окончаніе. — В. ЧЕРВКОВА	477
Исполнѣть Тѣнь въ исторіи яковинцевъ. — IV. — Окончаніе. — В. И. ГЕРЬЕ.	525
Старый медальонъ. — Разсказъ. — КН. С. М. ВОЛКОНСКАГО	561
На островѣ св. Елены. — Изъ кругосвѣтнаго плаванія. — А. ДОЛОВО-ДОВО-ВОЛЬСКАГО	608
Стихотворенія. — I. У Сайми въ полдень. — II. Последняя любовь. — ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	629
Начало конца. — Этюдъ. — Н. СТАХЕВИЧЪ	631
Тамиръ. — Русская община на границахъ Монголіи. — В. ШТИЦЫНА	669
Стихотворенія. — Лѣтній зной. — А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.	685
Заложникъ. — The Bondman, by Hall Caine. — XXVI-XXXV. — Окончаніе. — А. В-Г.	686
Начатки новаго движенія. — Литература времени Петра Великаго. — А. Н. ПЫПИНА	732
Японскіе мотивы. — I. Дарума. — II. Къ портрету Дарумы. — Стих. М. А. ХИТ-РОВО	781
Торжество миролюбія. — Z.	783
Нравственныя основы общества. — ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	803
Хроника. — Исполненіе государственной росписи на 1898 годъ. — О.	818
Внутреннее Овозрожденіе. — Бракосочетаніе Государя Императора. — Милостивый манифестъ 14 ноября. — Положеніе дѣлъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ. — Главнѣйшія жѣры прошлаго царствованія. — Русский народъ и русское общество въ настоящее время, на рубежѣ двухъ эпохъ.	835
Иностранное Овозрожденіе. — Разсужденія и выводы иностранцевъ о русской политикѣ. — Похвалы нашему миролюбію. — Преимущества свободы дѣйствій передъ системою союзовъ. — Циркулярная нота нашего министра иностранныхъ дѣлъ. — Новыя идеи старыхъ славянофиловъ. — Соображенія В. И. Ламанскаго о внѣшнихъ дѣлахъ. — Старые газетные патріоты и ихъ софизмы	854
Литературное Овозрожденіе. — Изъ эпохи великихъ реформъ, Гр. Джаншиева. — А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ, его же. — Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI ст., Н. Лихачева. — Т. — Новыя книги и брошюры	865
Замѣтка. — Некультурность и капитализмъ. — Л. С.	875
Новости Иностранной Литературы. — I. Gaston Deschamps, La Vie et les Livres. — II. L. Bernardini, La littérature Scandinave. — III. G. Pellissier, Nouveaux essais de littérature contemporaine. — З. В.	883
Некрологъ. — Профессоръ прот. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. — ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	893
Изъ Общественной Хроники. — Петербургъ въ первой половинѣ ноября. — Рѣчь проф. В. И. Ламанскаго въ славянскомъ обществѣ. — Манифестъ 25-го октября по финляндскимъ дѣламъ. — Дѣло „Владимира“ въ Одессѣ и приказъ спб. градоначальника. — Оффиціозная газета. — Замѣчательное опредѣленіе сената. — А. Г. Рубинштейнъ и Ф. Н. Корольевъ †	896
Извѣщенія. — Отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.	910
Материалы журнальной статистики. — „Вѣстникъ Европы“ въ 1894 г.	913
Алфавитный указатель авторовъ и статей „В. Е.“ за 1894 г.	915
Библиографическій Листовъ. — Г. Сазоновъ, Ростовщичество-кулачество. — Е. Водовозова, Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. — В. Витковскій, За океанъ. — Ж. Коломбъ, Дѣдушкина внука. — К. Покровскій, Путеводитель по небу. — В. Васеньевъ, Русскіе композиторы: П. И. Чайковскій.	
Оглавленія. — I-XVI стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Г. П. Сазоновъ, Ростовичевство-художество. Наблюдения и изслѣдованія. Сиб., 1894. Стр. VI и 221. Ц. 1 р. 30 к.

Факты, собранные въ этой книгѣ, бросаютъ ярый свѣтъ на экономическую роль того средняго общественнаго класса, который считается призваниемъ установить новыя формы хозяйственнаго быта въ русской деревнѣ. Канталисты, выходящіе изъ крестьянства, обыкновенно очень легко создаютъ себѣ господствующее положеніе и безъ большого труда увеличиваютъ свои доходы, благодаря бѣдности и безграмотству окрестнаго сельскаго населенія, а также обычной безхозяйственности и безденежью многихъ дворянъ-землевлѣдцевъ. Хищническое отношеніе къ землѣ и къ рабочимъ составляетъ характерную черту всѣхъ промышленниковъ, господствующихъ надъ крестьянствомъ. Въ очеркахъ г. Сазонова весьма живо изображены способы дѣйствія новыхъ хозяевъ нашей деревни и печальные результаты ихъ хозяйничанья для нашего земледѣлія и для большинства сельскихъ обывателей. Въ своихъ описаніяхъ авторъ держался весьма разумнаго правила — «налагать факты безусловно точно, обозначалъ не только мѣстности, но и имена и званія дѣйствующихъ лицъ», такъ какъ въ противномъ случаѣ сообщенія свѣденій казались бы мало вѣроятными. Содержаніе книги распадается на три отдѣла — о кулачествѣ въ артеляхъ, о сельскихъ ростовщикахъ и о пореформенномъ крѣпостничествѣ. Книга интересна и поучительна, но производитъ вообще тяжелое впечатлѣніе.

Е. Н. Водовозова. Какъ люди на выдохѣ свѣта жизни. Англичанки. Сиб., 1894. Стр. IV и 207. Ц. 40 к.

Извѣстное сочиненіе г-жи Водовозовой о «жизни европейскихъ народовъ» настолько обширно по объему, что далеко не всѣ могутъ пользоваться имъ, и потому мыслъ объ изданіи отдѣльныхъ общедоступныхъ книжекъ на ту же тему заслуживаетъ полнаго сочувствія и успѣха. Вышедшая нынѣ книжка посвящена описанію жизни и быта англичанъ; въ текстѣ помѣщено десять рисунковъ. За такую книжку, почти въ 14 печатныхъ листовъ, съ иллюстраціями, названая по истинѣ дешевая цѣна—40 коп., что несомнѣнно должно способствовать успѣшному распространенію полезныхъ очерковъ г-жи Водовозовой въ нашей читающей публикѣ.

В. Витковский. За океанъ. Путевныя записки. Сиб., 1894. Стр. VIII и 558.

Путевныя очерки г. Витковского весьма существенно отличаются отъ обычныхъ сочиненій подобнаго рода: это не простыя, мимолетныя впечатлѣнія обыкновеннаго туриста, руководствующагося Бедекеромъ, а сознательныя наблюденія свѣдущаго и умнаго путешественника, поставленнаго въ возможность видѣть и слышать много такого, что недоступно было бы зауряднымъ посетителямъ чуждыхъ странъ. Этотъ характеръ книги объясняется отчасти тѣмъ, что авторъ имѣлъ спеціальныя научныя цѣли и пользовался указаніями и услугами заграничныхъ ученыхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Отправившись чрезъ Германію и Голландію въ

Англію и затѣвъ въ Сѣверную Америку, г. Витковский желалъ лично ознакомиться съ состояніемъ астрономіи и геодезіи въ упомянутыхъ странахъ и повидаться тамъ съ выдающимися представителями этихъ наукъ; о собранныхъ спеціальныхъ свѣденіяхъ онъ сдѣлалъ сообщенія въ нашихъ ученыхъ обществахъ, а путевныя записки велъ для себя и рѣшился издать ихъ только черезъ два года, «по настояніимъ друзей». На этотъ разъ «друзья» были безусловно правы: записки въ самомъ дѣлѣ не лишены своего рода занимательности не только для астрономовъ и геодезистовъ, но и для тѣхъ, кто интересуется физическою географіей и жизнью обитателей посѣщенныхъ авторомъ странъ. Книга снабжена множествомъ рисунковъ и иллюстрацій.

Ж. Коломба. Дѣдушкина вичка. Съ французскаго М. Граистремъ. Съ 89 рисунками и выписками художника А. Мари. Сиб., 1894. Стр. 253.

Исторія маленькой дѣвочки, попавшей въ руки уличныхъ акробатовъ и спасенной отъ нихъ «дѣдушкой Карломъ», рассказана очень мило и назидательно въ сочиненіи Коломбы, и французская академія вполне справедливо одобрила эту книгу для дѣтскаго чтенія. Русскій переводъ предложенъ маленькимъ читателямъ въ замѣчательно изящномъ изданіи, съ массою художественныхъ украшеній и рисунковъ.

Цѣтководитель по исл. К. Покровскаго. Москва, 1894. Стр. VII и 195. Ц. 2 р.

Сочиненіе г. Покровскаго имѣетъ цѣлью удовлетворить естественную любознательность образованныхъ людей, интересующихся явленіями и картинами звѣзднаго неба, и имѣетъ съ тѣмъ даны указанія любителямъ, какъ и что можно наблюдать самостоятельно невооруженнымъ глазомъ и телескопомъ. По словамъ автора, для наблюденія небесныхъ свѣтовъ нѣтъ нужды въ сложныхъ и малодоступныхъ инструментахъ; «небольшой сравнительно обыкновенной любительской трубы совершенно достаточно, чтобы получить высокое эстетическое наслажденіе». Въ книгѣ приложено пять звѣздныхъ картъ, восемь таблицъ для справокъ, а также два указателя—русскій и латинскій.

В. С. Васильевъ. Русскіе композиторы. П. И. Чайковский (Очеркъ его дѣятельности). Съ портретомъ композитора. Сиб., 1895. Стр. 202.

Авторъ хорошо извѣстенъ читающей публикѣ, какъ музыкальный критикъ, и его новая книжка отличается таинки же достоинствами, какъ и прежніе его этюды—о Сбровѣ, Мусоргскомъ и Рубинштейнѣ. Четвертый выпускъ задунайной авторомъ серии монографій, посвященныхъ обзору дѣятельности отечественныхъ композиторовъ, заключаетъ въ себѣ весьма интересныя свѣденія о Чайковскомъ и его музыкальныхъ произведеніяхъ. Г. Васильевъ пишетъ легко и внимательно, не утруждая читателя техническими подробностями и спеціальными терминами, которыми обыкновенно пострѣтъ разсужденія специалистовъ по музыкальной критикѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ въ 1895 г.

(Тридцатый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Взѣдъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересылкою . . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границу, въ госуд. почтов. союзн . . .	10 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полгодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ 1-го декабря открыта подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1896 г.

Ближайше нагазаны, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербурѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ** и **ОБЪЯВЛЕНІЯ**.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ включать въ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожителства и съ названіемъ ближайшаго къ тому почтоваго учрежденія, гдѣ (№) *допускается* вылача журналъ, если нѣтъ такого учрежденія, — самозъ мѣстожителствъ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, перешедші въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно обязательству отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на получение журнала выписываются Конторой только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовые марканы.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

